UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324495 1

LR
M 93463
Mordovtsev, Daniil Lukich ...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ, Кн. 43-48

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov ... pt. 43-48

Кн. 43.

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ

РОМАНЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАВОЕВАНІЯ КАВКАЗА ГЕН. ЕРМОЛОВЫМЪ.

163CV

494375
7.7.49

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
кн. 43-48

Mordovtsev, Daniil Lukich
... Полное собраніе историческ
романовъ ... Кн. 43-48.
494375
(Polnoe Sobranie istoricheskikh
romanov ... pt. 43-48)
7.7.49

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа ген. Ермоловымъ.

I. Женскіе локоны.

Въ половинѣ декабря 1819 года, раннимъ утромъ, горною тропой, въ сторонѣ отъ небольшой крѣпостцы Чирахъ, въ восточномъ Дагестанѣ, осторожно пробирались два всадника, задрапированные бурками.

Вѣтеръ глухо стоналъ въ вершинахъ оголенныхъ отъ листьевъ столѣтнихъ чинаръ, заглушая тихій гортанный говоръ неизвѣстныхъ всадниковъ, которые зорко смотрѣли по сторонамъ изъ-подъ бѣлыхъ папахъ своими хищными восточными глазами. Влѣво отъ нихъ, между стволами чинаръ, мелькала иногда острая игла минарета. Впереди, сквозь клубившійся утренній туманъ, сверкали снѣжныя вершины хребта, чуть-чуть позлащаемыя первыми лучами восходящаго солнца. Гонимые южнымъ вѣтромъ, со снѣжнаго хребта срывались розовые клочья облаковъ и неслись на сѣверъ. Миновавъ благополучно укрѣпленіе, мимо котораго неизвѣстные всадники пробирались, повидимому, тайно, они не замѣтили, что за ними наблюдаютъ. Вправо, съ полугоры, поросшей лѣсомъ, изъ-за густыхъ кустовъ кизиля и орѣшника, на нихъ подозрительно смотрѣли четыре пары глазъ.

— Тише, братцы, не ворохнись,—шопотомъ проговорилъ одинъ изъ наблюдавшихъ,—это, кажись, кумухи.

— Да кумухи и есть, дядя,—подтвердилъ другой шопотъ,—сурхаевцы.

— Самъ вижу; да я ихъ и въ лицо знаю, я ихъ въ самомъ Кумухѣ видалъ неоднова: это, сказать бы, любимѣйшіе нукеры самого злодѣя нашего, Сурхай-хана. Куда бы имъ такую рань? Отъ Кумуха-то сюды верстъ, поди, сорокъ будетъ.

— Какъ не быть, будетъ: ночью, стало быть, выѣхали.

— Дѣло не ладно, братцы; надо ихъ перехватить.

Всѣ четверо наблюдавшихъ за всадниками стали осторожно спускаться къ тропѣ. Но ихъ выдали камни, обрушившіеся изъ-подъ ногъ. Всадники встрепенулись, и тотчасъ же въ рукахъ ихъ блеснули пистолеты.

— Стой!—закричалъ передній изъ наблюдавшихъ.

Но не успѣлъ онъ повторить окрика, какъ разомъ раздались два выстрѣла.

— А, вы такъ-то! На-же вамъ!—Послѣдовалъ третій выстрѣлъ—уже со стороны окликавшихъ, и пуля влѣпилась прямо въ ухо лошади второго всадника. Лошадь поднялась было на дыбы и тотчасъ же грохнулась на землю.

— Держи ихъ! Лови злодѣевъ.

Но первый всадникъ ускакалъ подобно вихрю, а второй бился въ стременахъ, освобождаясь изъ-подъ упавшей лошади.

— Держи, держи!—Но освободившійся изъ-подъ лошади горецъ прыгнулъ въ сторону, подобно раненой ланн, и моментально исчезъ въ пропасти, зіявшей влѣво отъ лѣсной тропы.

— Ахъ ты, дьяволъ!—невольно воскликнулъ одинъ изъ побѣдителей, ударивъ объ полы руками.—Да онъ тамъ, поди, въ дребезги расшибся.

— Небось, не расшибется: они, что кошки—живучи аспиды; а тамъ его, шайтана, и собаки не пымаютъ,—пояснилъ другой изъ побѣдителей.

Побѣдители, это были четыре солдатика, посланные на зарѣ изъ Чирахскаго укрѣпленія въ лѣсъ за валежникомъ для варки каши.Они-то случайно и замѣтили таинственныхъ всадниковъ.

— Бѣдная лошадка!—сказалъ одинъ изъ солдатиковъ, нагибаясь надъ мертвымъ конемъ. — Угодилъ прямо въ ухо; а бить я цѣлилъ въ его, подлеца, а лошадка взмахнула головой, оно и тово.

Убитый конь былъ прекрасной породы, изъ Карабага. На немъ было богатое сѣдло съ расшитымъ шелками и золотомъ чепракомъ, а уздечка наборнаго серебра подъ чернью.

— Да и сѣдло же, братцы, богатое: хоть бы подъ самого Ермолова, Алексѣй Петровича,—удивлялись солдатики.

— А уздечка-то! А чумбуръ! А стремена! Одно слово

— А что у его въ сумахъ?

— Да поди, чуреки, а то и овесъ.

Солдатики говорили о переметныхъ сумахъ, перекинутыхъ черезъ крупъ лошади. Сумки были ярко-полосатыя, украшенныя не то шолковою вязью, не то стихомъ изъ корана.

Побѣдители сняли съ мертвой лошади уздечку и сѣдло, а потомъ отвязали переметныя сумы. Открывъ одну изъ нихъ, они нашли въ ней не чуреки и не овесъ, а небольшую изящную шкатулку съ тонкой рѣзьбой и инкрустаціями. Окована она была серебромъ тонкой чеканки.

— Э! Да какая, братцы, важная укладочка,—дивились побѣдители,—тутъ, поди, деньги.

— Да она заперта, а ключа нѣтъ: съ собой, дьяволъ, унесъ.

— Нѣтъ, — замѣтилъ старый солдатъ, котораго называли «дядей»,—я вотъ эдакую жъ шкатунку однова добылъ въ аулѣ Ашти, такъ я знаю, какъ она отмыкается. Дай-ка шкатунку сюда.

Ему подали. Онъ повернулъ ее, и въ нижней доскѣ, у одного края, оказалось нѣчто въ родѣ серебрянаго клапана съ пуговкой. «Дядя» тронулъ пуговку, клапанъ сдвинулся съ мѣста, и въ отверстіи подъ нимъ оказался маленькій серебряный ключикъ, которымъ «дядя» и отперъ шкатулку.

— Вотъ и вся недолга,—съ напускной холодностью сказалъ онъ.—Посмотримъ, что въ ей.

Шкатулка открылась. То, что въ ней находилось, прикрыто было зеленой тафтой. «Дядя» поднялъ тафту, и всѣхъ поразило удивленіемъ содержимое шкатулки. Въ ней на шелковой, тоже зеленаго цвѣта, подкладкѣ были рядомъ уложены небольшіе серебряные ящички вродѣ табакерокъ, очень тонкой и изящной работы. Всѣхъ ящичковъ было около десяти. У иныхъ въ серебряныя подъ чернью крышечки вкраплены были крупныя зерна бирюзы, а одна осыпана жемчугомъ.

— Табакерки!—вырвалось у одного изъ солдатиковъ.

«Дядя» осторожно взялъ одинъ изъ ящичковъ и открылъ.—«Волосы»! изумился онъ.

Дѣйствительно, въ изящномъ ящичкѣ лежалъ локонъ чер-

ныхъ блестящихъ волосъ, повидимому, изъ женской косы, свернутый колечкомъ.

— И впрямь волосы!—съ неменьшимъ изумленіемъ согласились прочіе солдатики.—Къ чему бы оно?

— Не трошь, дядя: можетъ оно заколдовано. А загляни въ другую.

«Дядя» открылъ другую коробочку. И тамъ волосы—прядь шелковистыхъ, золотистаго цвѣта, волосъ, изящно перевитая голубой ленточкой.

— Что за песъ!—не вытерпѣлъ даже дошлый, всезнающій «дядя».—Все волосы.

— Да рыженьки, ишь шельма!—не вытерпѣлъ и молодой солдатикъ.

Еще открыли коробочку, ту, что съ бирюзой. И тамъ локонъ, черный, блестящій, перевитый мелкою ниткой бирюзы, точно змѣйка.

Изумленіе побѣдителей дошло до крайней степени. Открыли, наконецъ, самую изящную коробочку, что съ жемчугами. И въ ней локонъ, только сѣдой, серебристый, перевитый ниткою мелкихъ, серебристыхъ же жемчужинъ.

— Ахъ ты старая чертовка!—невольно выругался «дядя».—И она туда же.

Всѣ разсмѣялись. Но, тѣмъ не менѣе, изумленію ихъ не было конца. «Вотъ загвоздка»! «Да, поди, раскуси».

Перебрали всѣ коробочки, и тамъ все локоны. «Хорошъ, чай». «Вотъ те и чуреки! Вотъ те и овесъ»! «А кто жъ его, аспида, зналъ».

— Надо показать начальству,—рѣшилъ «дядя»,—можетъ, оно и тово...

— Знамо, они грамотные. А что въ другой сумѣ, дядя? Неужто и тамъ волосы?

Развязали и другую суму. Тамъ оказались, дѣйствительно, чуреки, каленыя яйца, жареное просо и вяленая баранина съ нѣсколькими головками чесноку.

— Вотъ это намъ на-руку!—обрадовались побѣдители.—Есть чѣмъ червячка заморить.

— И то правда,—согласился «дядя»,—это наша военная контрибуцыя.

Побѣдители тутъ же усѣлись, раздѣлили поровну добычу и, перекрестившись на востокъ, стали трапезовать.

Солнце, между тѣмъ, уже выплыло изъ-за снѣжныхъ вершинъ хребта, и клубившіеся въ ущельяхъ и въ глубокихъ низинахъ туманы стали таять въ воздухѣ; но южный вѣтеръ продолжалъ стонать въ оголенныхъ верхушкахъ столѣтнихъ чинаръ и гнать разрозненныя облака на сѣверъ.

— Да и знатно же калены яйца,—похваливалъ «дядя», уминая яйцо за яйцомъ,—до самого желтка прокалены. Хотя бы самому отцу-командеру, и то бы всласть.

— Это Ермолову-то, дядя?

— Знамо, батюшкѣ Лексѣй Петровичу. Ужъ и грозенъ же!

— Да гдѣ-то онъ теперь и кого громитъ?

— Да слышно, пошелъ на акушинцевъ да мехтулинцевъ; достанется, поди, акушамъ, да и весь Дагестанъ теперь, слышь, дрожмя дрожитъ.

— А Мадатовъ, князь, съ имъ?

— Сказывали, бытто съ имъ: тоже ерой, хоша и изъ татаръ.

— Неужто изъ татаръ, дядя?

— Изъ татаръ, точно, изъ Карабага, а крещенъ, кажись, по нашей вѣрѣ.

Побѣдители, наконецъ, позавтракали; встали, перекрестились, спрятали въ кусты свои трофеи и принялись снова собирать валежникъ.

— Безпремѣнно Сурхай-ханъ что-нибудь недоброе задумалъ,—заговорилъ «дядя», какъ бы отвѣчая на собственную мысль,—къ чему бы ему посылать своихъ пукеровъ воровскимъ манеромъ, да ишшо съ этими волосами, прости Господи.

— А може, дядя, кому въ подарокъ,—замѣтилъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Въ подарокъ! Да на кой песъ кому нужны бабьи волосы?

— Да еще старушечьи, — засмѣялся другой солдатикъ, — только коробочки опоганили.

— А, можетъ у ихъ такой законъ?

— Законъ! Да къ чему оно? Срамъ одинъ!

Наконецъ, валежникъ былъ набранъ, и четыре огромныхъ вязанки снесены на тропу, гдѣ продолжала лежать мертвая лошадь.

— Что жъ ей тутъ валяться?—замѣтилъ кто-то.—Спихнемъ ее съ кручи, не мѣшала бъ.

— Спихнемъ? Какой прыткій! — проворчалъ «дядя». — чтобъ шкура даромъ пропала: шкура всегда пригодится.

— И вправду, дядя,—согласились другіе,—шкура нашему брату находка: подметки ль подметать, ремней ли нарѣзать, на все шкура годится.

Снявъ шкуру съ убитой лошади и столкнувъ ее въ пропасть, побѣдители навьючили себя вязанками сушника и военными трофеями и двинулись къ укрѣпленію. Скоро показались сѣрыя стѣны небольшого редута Чирахъ, скромная мечеть съ высокимъ минаретомъ и скромныя сакли аула, надъ которыми вился голубой дымокъ, разгоняемый вѣтромъ. Въ утреннемъ воздухѣ, гдѣ-то высоко, перекликались орлы, а надъ минаретомъ кружили вороны и каркали, словно бы передъ дождемъ.

Скоро показалась казарма, низенькое, продолговатое зданіе пелазгійской кладки, съ узенькими оконцами. Солдатики, увидавъ нашихъ побѣдителей, впереди которыхъ шелъ общій казарменный мэнторъ «дядя», кромѣ вязанки сушника, завѣшанный переметными сумами, высыпали имъ навстрѣчу, сгорая любопытствомъ.

— Эй, дядя Назарычъ! Что у тебя за сумы такія?—послышались голоса.—Али побираться ходили въ кусочки?

— А шкуру гдѣ добыли, братцы? Дохлую лошадь, что ли, нашли?

— А въ сумахъ, что, дядя?

— Военная контрибуцыя,—пробурчалъ себѣ въ усы «дядя», лукаво посматривая изъ-подъ сѣдыхъ бровей, такихъ густыхъ и нависшихъ, что солдатики утверждали, будто у дяди Назарыча въ бровяхъ иволги гнѣзда вьютъ.

— Военная контрибуцыя! — замѣтилъ одинъ вертлявый фельдфебель.—Эхъ ты, деревенщина! Не контрибуція, а воинскій трахвей.

— Ты самъ трахвей,—пробурчалъ «дядя» и, сбросивъ съ себя вязанку около дверей казармы, прошелъ съ переметными сумами прямо въ редутъ

II. Таинственный плѣнникъ.

Редутъ Чирахъ находился въ Кюринскомъ ханствѣ, у аула Чирахъ, при горной рѣчкѣ Чирахчай, въ юго-восточной части Дагестана, и состоялъ изъ небольшого каменнаго квадрата, обнесеннаго очень высокимъ брустверомъ, который обезпечивалъ защитниковъ редута отъ нечаяннаго нападенія непріятеля. Но такъ какъ помѣщеніе въ редутѣ было очень недостаточно для двухъ ротъ тенгинскаго полка, составлявшихъ гарнизонъ Чирахъ, то магазинъ и казарма выстроены были внѣ редута, и часть нижнихъ чиновъ, не вмѣщавшаяся ни въ редутѣ, ни въ казармѣ, расквартирована была въ самомъ аулѣ, у мирныхъ горцевъ.

Начальникомъ этого редута былъ штабсъ-капитанъ Овечкинъ. Небольшого роста, плечистый, съ сильнымъ загаромъ худого продолговатаго лица и съ добрыми стального цвѣта глазами, офицеръ этотъ прошелъ суровую школу службы на Кавказѣ, притомъ въ самой дикой его части и среди самаго необузданнаго народа, какимъ населенъ былъ мрачный Дагестанъ. Вся жизнь Овечкина проходила въ битвахъ то съ акушинцами, то съ казикумухами, то съ мехтулинцами, и отъ шашекъ и пуль каждаго изъ этихъ племенъ онъ имѣлъ почтенные сувениры, то рубцы отъ сабельныхъ ударовъ, то слѣды огнестрѣльныхъ ранъ. Война стала его стихіей, такъ человѣкъ способенъ сжиться съ неизбѣжнымъ рокомъ! Если онъ иногда и вспоминалъ о Россіи, о томъ, что тамъ, далеко-далеко на сѣверѣ, за снѣжными хребтами, стоялъ бѣленькій домикъ, въ которомъ протекло его невинное дѣтство, то это казалось ему теперь смутною, далекою картиною изъ другого міра.

— Ты что, Назаровъ?—спросилъ онъ, увидавъ дядю Назарыча, который вошелъ въ офицерскую комнату редута и вытянулся у порога, держа подъ мышкой переметныя сумы.

Овечкинъ, вмѣстѣ съ другими офицерами редута, сидѣлъ въ это время за чаемъ. Густой дымъ отъ трубокъ носился клубами по комнатѣ.

— Я къ вашему благородію,—отвѣчалъ «дядя».

— Что жъ это у тебя подъ мышкой?

— Вонискій трахвей, ваше благородіе.

— Какой трахвей?—улыбнулся Овечкинъ, который умѣлъ шутить съ солдатами, за что тѣ очень его любили.

— Контрибуцыя, ваше благородіе,—пояснилъ «дядя».

Офицеры разсмѣялись.—Да ты разскажи толкомъ, въ чемъ дѣло?—спросилъ Овечкинъ.—Какая контрибуція?

— Ходили мы этта, ваше благородіе, въ лѣсъ по сушникъ для варки каши,—началъ «дядя».—Не успѣли мы набрать и по полберемку, коли видимъ: пролѣсью крадутся татары, двое ихъ, верхомъ; вѣстимо, крадутся межъ гущиной, лѣсною тропочкой. А мы и притулились за кустами, глядимъ, что дальше будетъ. Вижу, кумухи, да и обличье знакомое у обоихъ: нукеры Сурхай-хана. Я ихъ неоднова видалъ въ Кумухѣ, запримѣтилъ. Только какъ они сблизились къ намъ, мы къ нимъ.—Стой!—кричу я. А они, какъ увидали насъ, да за пистолеты: пафъ! пафъ! Да въ оторопяхъ-то и промахнулись. А я, ваше благородіе, приложился, ну, и вышелъ грѣхъ: замѣсто татарской башки да угодилъ,—виноватъ, ваше благородіе!—прямо въ ухо коню, потому онъ въ это самое время головкой взмахнулъ. Со всѣхъ четырехъ ногъ, ваше благородіе, свалился бѣдный копекъ. Мы къ нему. А татаринъ-то, что свалился вмѣстѣ съ конемъ, прыгъ, словно кошка, и сгинулъ проклятый въ пропасти, а може и въ дрызгъ разбился тамъ: не видать за кручей. А другой идолъ птицей улетѣлъ. Мы къ коню, да вотъ, ваше благородіе, и сняли съ конька вотъ эту самую контрибуцыю. А къ чему оно, не знаю.

И «дядя» подалъ Овечкину переметныя сумы. Овечкинъ положилъ ихъ на столъ и развязалъ ту изъ нихъ, въ которой находилась шкатулка.

— Что это?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Шкатунка, ваше благородіе.

— А что въ ней? Да она заперта.

— Да тутъ есть секретецъ, ваше благородіе.—И Назаровъ показалъ, какъ отпереть шкатулку.

Офицеры съ любопытствомъ обступили загадочную шкатулку.

— Да какая изящная, какая тонкая работа! Это очень дорогая шкатулка.

— И какъ красиво прикрыта! Что это? Все табакерки?

— И бирюза, и жемчугъ, и серебро. Ай да контрибуція! Ай да трахвей!—смѣялись офицеры.—Молодецъ нашъ «дядя»!

Овечкинъ открылъ ту именно коробочку, крышка которой унизана была жемчугомъ.

— Это что такое, господа? Волосы? Женскій локонъ, да еще сѣдой?—въ изумленіи воскликнулъ Овечкинъ.—Посмотри, Щербина, глядите, господа.

Тотъ, котораго назвали Щербиной, былъ молоденькій прапорщикъ, съ черненькими, едва пробившимися, усиками и съ живыми черными глазами.

— Да, локонъ,—сказалъ онъ,—а жаль, что сѣдой. Но какъ изящно перевитъ жемчугомъ.

— Интересно, кому его презентовала сѣдая красавица,—замѣтилъ одинъ офицеръ, высокій, загорѣлый блондинъ.

Коробочка съ сѣдымъ локономъ переходила изъ рукъ въ руки.

— Это талисманъ,—замѣтилъ Щербина,—навѣрное талисманъ; черкесы очень суевѣрны.

— Неужели же и въ другихъ коробочкахъ тоже локоны?—сказалъ Овечкинъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—подтвердилъ Назаровъ.

— Что за чортъ! Странная военная добыча, женскіе локоны.

Открыли коробочку съ вкрапленными въ ея крышку яркими зернами бирюзы.

— О! Здѣсь чорный локонъ, прелестный! Чудо, что за изящная прядь!

— Да, этотъ локончикъ можно носить въ медальонѣ на груди,—сказалъ Щербина.

Долго коробочки съ локонами ходили по рукамъ; но все-таки никто не зналъ, какое ихъ назначеніе и куда, къ кому эти изящные вещественные знаки препровождались.

— А въ другой сумѣ ничего не было, Назаровъ?—спросилъ Овечкинъ.

— Съѣстное было, ваше благородіе.

— Какое съѣстное?

— Знамо, ваше благородіе, татарское: чуреки, пшено, яйца калены, чеснокъ.

— Такъ вы эти трахвеи съѣли?—улыбнулся Щербина.

— Такъ точно, ваше благородіе, покорыстовались: дюже ужъ проголодамши были.

— Такъ ты говоришь, что то были нукеры Сурхай-хана?—спросилъ Овечкинъ.

— Сурхаевскіе, это точно, ваше благородіе: я ихъ тотчасъ опознялъ.

— А куда, какъ ты полагаешь, направлялись они?

— Да надо полагать, ваше благородіе, либо къ Кубѣ, либо къ Бакѣ, въ ту сторону.

— И у другого ты замѣтилъ переметныя сумы?

— Точно такъ, ваше благородіе, и у того были переметки.

— Ничего не понимаю!—развелъ руками Овечкинъ.—Хоть убей меня. А это, безъ сомнѣнія, что-нибудь важное.

— Непремѣнно,—согласился и Щербина.—Вѣроятно, Ермоловъ и Мадатовъ такъ прижали тамъ акушинцевъ да кумуховъ, что Сурхай-ханъ проситъ помощи у другихъ хановъ, а локоны это, должно думать, какіе-нибудь символическіе знаки, высшая степень довѣрія къ союзнику: вотъ-де тебѣ локоны изъ моего гарема.

— Очень, очень правдоподобно. А между тѣмъ, мы, сторонкой, разузнаемъ объ этомъ у здѣшнихъ татаръ: не знаютъ ли они, что означаетъ у нихъ посылка женскихъ локоновъ; вѣроятно, имъ извѣстенъ этотъ дипломатическій пріемъ. Во всякомъ случаѣ, надо будетъ донести объ этомъ главнокомандующему. А пока,—обратился Овечкинъ къ Назарову,—можешь итти; спасибо тебѣ за усердную службу и скажи мое спасибо товарищамъ, которые съ тобою были.

— Рады стараться, ваше благородіе! — отчеканилъ «дядя» и, повернувшись на каблукахъ, молодецки вышелъ изъ комнаты.

Офицеры продолжали разсматривать коробочки съ таинственными локонами, пили чай и курили. Такъ прошло съ полчаса. Вдругъ въ комнату входитъ среднихъ лѣтъ мужчина въ легонькомъ полушубкѣ на заячьемъ мѣху и въ высокихъ сапогахъ.

— А, почтеннѣйшій эскулапъ!—привѣтствовалъ вошедшаго Щербина.—Гдѣ пропадалъ?

— Въ походѣ былъ, — отвѣчалъ пришедшій, вѣшая на гвоздь шапку и снимая съ себя полушубчикъ.

— Противъ зайчиковъ ходилъ?

— Противъ зайчиковъ, а притащилъ краснаго звѣря, на славу!

— Ой, ли? Какого?

— Подожди, дай прежде чаю, а потомъ разскажу: умаялся съ краснымъ звѣремъ, ногу ему перевязывалъ.

— Какъ ногу! Кому? Медвѣдю? Волку?

— Да отстань, давай скорѣй чаю.—Щербина подалъ ему стаканъ.—А это что у васъ за шкатулка такая?—спросилъ пришедшій, замѣтивъ на столѣ добычу дяди Назарыча.

— «Трахвей»,—засмѣялся Щербина. — «Контрибуцыя».

— Да что вы всѣ помѣшались на этомъ! Тамъ дядя Назарычъ напустилъ на себя важность, говоритъ какими-то загадками, о какихъ-то бабьихъ волосахъ, о «трахвеяхъ», о «контрибуцыи». А тутъ и вы тоже,—ворчалъ пришедшій, прихлебывая чай.

— Послѣ узнаешь, — отвѣчалъ Щербина, подмигивая товарищамъ,—а теперь разсказывай о своемъ красномъ звѣрѣ.

— Да что разсказывать! Сами его увидите. Иду я, знаете, по берегу Чирахчая, высматриваю зайчиковъ, вдругъ слышу: впереди выстрѣлы на превысоченной кручѣ, за лѣсомъ. Я туда. И вижу вдругъ, какъ что-то черное сорвалось съ кручи. Подбѣгаю, татаринъ въ буркѣ, да какой, я вамъ скажу, красавецъ! Я къ нему, лежитъ, сцѣпивши зубы, глаза горятъ, какъ у волка, а въ рукахъ кинжалъ, вотъ такъ и бросится, какъ тигръ. Я ему кричу: постой, кунакъ; я докторъ, я, можетъ, пригожусь тебѣ, если ты раненъ. Да положилъ это на землю, въ сторонку, ружье и кинжалъ: не бойся-де, я безоружный, и подхожу къ нему. Вижу, кинжалъ у него выпалъ изъ руки, и самъ онъ сбрендилъ, въ обморокѣ. Я ощупываю его, нога сломана, да еще какъ! Ну, думаю, лежи себѣ тутъ, не уйдешь; а самъ сюда, за людьми да за носилками. Живой рукой все смастерилъ, и онъ теперь лежитъ тамъ у меня въ казармѣ, а нога въ лубкахъ.

— Кто-жъ онъ, докторъ?—спросилъ Овечкинъ.

— Не говоритъ, каналья, а Назаровъ утверждаетъ, что это нукеръ Сурхай-хана, что онъ подъ нимъ коня убилъ и взялъ его «трахвей и контрибуцыю». Ну, плесни, юнецъ, еще мокренькаго,—пододвинулъ онъ пустой стаканъ къ Щербинѣ.

— Такъ надо взглянуть на твоего краснаго звѣря,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Успѣете; дайте мнѣ хоть горло промочить, а звѣрь отъ насъ не уйдетъ.

— Ладно; можетъ быть, отъ него мы и узнаемъ что-нибудь о локонахъ,—сказалъ Щербина, пододвигая стаканъ къ доктору.

— Да какіе это, чортъ возьми, локоны, о которыхъ вы всѣ болтаете!—комично воскликнулъ послѣдній.—То бабьи волосы, да «трахбей», на которыхъ помѣшался Назарка, то локоны, на которыхъ вы всѣ помѣшались.

— На, любуйся, — пододвинулъ къ нему Щербина таинственную шкатулку.

Докторъ открылъ ее.—Что за чортъ! Все табакерки, да какія ахтительныя! А гдѣ-жъ локоны?

— Открой и увидишь.

Докторъ взялъ ту, что съ жемчугами. — Просто роскошь! Одно изящество. Да это, канальство, царскій подарокъ! Ба-ба-ба!.. Да тутъ сѣдой локонъ, и весь въ жемчугахъ. Ну, не завидую такому презенту. А, впрочемъ, я зналъ одну сѣдую красавицу, просто альпійская роза. А! Вотъ и черненькій локончикъ, заглядѣнье! Это отъ какой-нибудь Зюлейки, а то и отъ самой гуріи черноокой, и пахнетъ, канальство, розовымъ вареньемъ.

Докторъ открывалъ коробочки, и все восхищался.—А, съ бирюзами, премило, чортъ возьми! А вотъ и рыженькій локончикъ, да какъ, шельмовство! кокетливо перевитъ голубенькой ленточкой, такъ бы и расцѣловалъ.

— Ну, будетъ тебѣ, эскулапъ! — перебилъ его болтавню Щербина.—Веди насъ къ твоему красному звѣрю.

— Subito, subito, puer, — отвѣчалъ докторъ, закрывая шкатулку и внимательно ее разсматривая.—Что-жъ сія штука означаетъ? Къ чему она и для кого?

— Вотъ и мы тоже спрашиваемъ, къ чему и для кого?—сказалъ Овечкинъ. — Не объяснитъ ли намъ этого твой плѣнникъ?

— Да, если только захочетъ, упрямая бестія! — отвѣчалъ докторъ.

— Такъ идемте къ нему, господа, — сказалъ Овечкинъ, взявъ подъ мышку таинственную шкатулку.

И они всѣ вышли.

III. Гонецъ изъ штабъ-квартиры.

Плѣнникъ лежалъ на буркѣ, подложивъ подъ голову бѣлую свою папаху.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Черная мягкая бородка красиво оттѣняла его продолговатое лицо съ крупнымъ, по художественно очерченнымъ носомъ и широкимъ какимъ-то упрямымъ лбомъ. Этотъ характеръ красиваго лба, эту упрямую волю, такъ сказать, подчеркивали его глаза, черные, съ фосфорическимъ блескомъ. Курчавая голова была кругла, какъ точеный изъ слоповой кости шаръ. На немъ была красивая черкеска изъ верблюжьей шерсти и зеленыя шальвары, опущенныя въ голенища мягкихъ ичиговъ изъ желтаго сафьяна съ золотымъ тисненіемъ. На задкахъ ичиговъ блестѣли серебряныя шпоры. Ни кинжала, ни другого оружія при немъ уже не было. Докторъ отобралъ у него все опасное, могущее быть смертельнымъ въ его рукахъ. Фосфорическіе глаза его сверкнули подъ сдвинутыми бровями, когда онъ увидѣлъ входившихъ къ нему офицеровъ. Онъ приподнялся на правомъ локтѣ (у него была переломлена лѣвая нога).

— Здравствуй, князь,—ласково сказалъ Овечкинъ, приближаясь къ плѣннику вмѣстѣ съ докторомъ.

Овечкинъ имѣлъ полное право примѣнить къ плѣннику слово: «князь», потому что по всему замѣтно было, что это былъ не простой горецъ и ужъ никакъ не нукеръ, а по всей вѣроятности, одинъ изъ знатныхъ узденей. На привѣтствіе Овечкина лицевые мускулы нервно дрогнули у плѣнника, но онъ не отвѣчалъ на привѣтствіе. Глаза его гордо и смѣло смотрѣли на пришедшихъ, напоминая собою немигающіе глаза орла.

— Ты-бъ ему далъ подушку,—тихо сказалъ Овечкинъ доктору,—а то ему неловко такъ лежать.

— Давалъ, не беретъ,—отвѣчалъ докторъ,—такъ и швырнулъ ее отъ себя.

— Можетъ быть, онъ не понимаетъ по-русски, оттого и не отвѣчалъ на твое привѣтствіе,—замѣтилъ Щербина Овечкину.

— Можетъ быть: въ такомъ случаѣ я попробую заговорить съ нимъ на его языкѣ.

И Овечкинъ заговорилъ по-черкесски: — «Князь! Мы пришли къ тебѣ не съ злыми намѣреніями и не изъ простого любо-

пытства; мы пришли изъ сочувствія къ твоему несчастію. Русскіе великодушны и никогда не обижаютъ безоружнаго, даже врага своего. Русскіе вѣдаются съ противниками въ честномъ бою, а право плѣнника уважаютъ по человѣчеству. Можетъ быть, наши солдаты приняли тебя за врага по недоразумѣнію; а ты, быть можетъ, купакъ русскимъ. Скажи намъ, кто ты?

— Я человѣкъ,—гордо отвѣчалъ плѣнникъ.

— Я это вижу,—сказалъ Овечкинъ,—но каждый человѣкъ носитъ имя и имѣетъ какое-либо званіе. Скажи же, кто ты?

— Я сказалъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— Человѣкъ-то человѣкъ, — тихо замѣтилъ Щербина по-русски,—только чортомъ, братъ, смотришь.

— А красивъ, разбойникъ, очень красивъ, — также тихо сказалъ Мальковъ, высокій, загорѣлый блондинъ.

— Такъ ты, князь, не хочешь открыть, кто ты?—снова заговорилъ Овечкинъ.

— Я сказалъ,—былъ тотъ же отвѣтъ.

— Значитъ, ты скрываешь свое имя,—продолжалъ Овечкинъ,—изъ этого я заключаю, что ты не купакъ. А не объяснишь ли ты намъ, что означаетъ это?—спросилъ онъ, открывая шкатулку съ локонами.

— Ты самъ видишь,—отвѣчалъ упрямецъ.

— Но для чего это? Что означаютъ эти локоны, и отъ кого и кому они предназначались?

Упрямецъ молчалъ и угрюмо посматривалъ на офицеровъ.

— Я полагаю, что онъ теперь ничего не скажетъ,—замѣтилъ докторъ,—да притомъ у него жаръ, лихорадочное состояніе. Я ему пропишу успокоительнаго питья, пусть онъ заснетъ.

И докторъ, приблизившись къ плѣнному, довѣрчиво положилъ руку на его горячій лобъ. Черкесъ не отстранился отъ руки доктора.—Да, жаръ,—какъ бы про себя проговорилъ послѣдній, и сталъ щупать пульсъ у своего страннаго паціента.

— Вотъ что, купакъ,—заговорилъ онъ весело по-татарски, порядочно коверкая слова,—у тебя маленькій жарокъ, твой башка горитъ и нутра горитъ; а я тебѣ дамъ успокоительный вода, питье такое, и ты бай-бай, о, о! А за ножка свой не бойся, купакъ, она у тебя живо заживай, и ты опять на лошадкѣ садилъ, и проклятымъ гяурамъ-урусамъ опять кисимъ башка, да, купакъ? Кисимъ?

Чуть замѣтная улыбка прозмѣилась по губамъ плѣнника, и прекрасные глаза его радостно сверкнули.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, уйдемте,—сказалъ Овечкинъ.— До свиданья, князь; желаю вамъ скорѣе выздоровѣть.

— Прощай, кунакъ,—со свойственнымъ ему добродушіемъ проговорилъ докторъ.—Я сейчасъ принесу тебѣ аквэ дистиллятэ, кумъ... кумъ... да ужъ я самъ знаю, какого «кума» подпустить, а пока, ля илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!.. Вѣрно, кунакъ?

И всѣ вышли, оставивъ плѣнника одного въ лазаретной палатѣ.

— Такъ эти проклятые локоны и остались неразгаданными,—проворчалъ Овечкинъ, возвращаясь вмѣстѣ съ прочими офицерами въ редутъ.

— Зачѣмъ проклятые. Они очень милепькіе, — замѣтилъ Щербина.—Впрочемъ, не тужите, господинъ штабсъ-капитанъ: я сегодня же вечеромъ разгадаю эту загадку.

— Какимъ это образомъ, господинъ прапорщикъ?

— Ну, извините, господинъ штабсъ-капитанъ: это мой секретъ, но только не служебный.

— Да и какъ ему не разгадать загадку локоновъ!—коварно замѣтилъ Мальковъ, показавъ глазами на аулъ, живописно лѣпившійся на склонѣ горы.

— Почему же?—спросилъ Овечкинъ.

— Да у него, у самаго сердца въ медальонѣ хранится такой же черненькій локончикъ,—загадочно отвѣчалъ Мальковъ.—Недаромъ онъ все лѣто мечталъ и изучалъ по ночамъ звѣзды вонъ тамъ, позади аула, подъ кизилевымъ кустомъ.

— Ого!—улыбнулся Овечкинъ.—Но со здѣшними красавицами не безопасно любезничать: онѣ всѣ немножко Тамары: за одну ночь наслажденій можно очутиться въ волпахъ Чирахчая съ красною мѣткой на груди.

— Не безпокойтесь, господинъ штабсъ-капитанъ, со мной этого не случится,—отшутился Щербина.

— У него талисманъ на груди,—пояснилъ Мальковъ.

При входѣ въ редутъ, имъ встрѣтился дядя Назарычъ. Овечкинъ остановилъ его.

— Такъ ты, Назаровъ, говоришь, что видѣлъ прежде нашего плѣнника?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—отвѣчалъ Назарычъ, становясь на вытяжку,—въ Кумухѣ видалъ, значитъ, съ Сурхай-ханомъ.

— И ты думаешь, что это его нукеръ?

— Думается, ваше благородіе: все онъ съ Сурхаемъ.

— Ну, а мнѣ кажется, что онъ будетъ повыше простого нукера.

— Не могу знать, ваше благородіе.

Черезъ нѣсколько часовъ въ редутъ прискакалъ гонецъ изъ походнаго штаба. Это былъ донской казакъ, привезшій пакетъ отъ князя Мадатова. Его ввели прямо въ офицерскую комнату.

— Ты съ чѣмъ, кавалеръ?—спросилъ Овечкинъ, замѣтивъ георгія на шинели у гонца.

— Съ лятучкой *), ваше благородіе,—отвѣчалъ казакъ, вынимая небольшую записку изъ-за подкладки своего кивера съ краснымъ верхомъ.

— Откуда и отъ кого?

— Изъ штабъ-квартеры, ваше благородіе.

— А гдѣ теперь штабъ-квартира?

— Въ Лавашахъ, ваше благородіе, недалечко отъ Акуши.

Овечкинъ вскрылъ пакетъ. Тамъ писалось, что «по полученнымъ секретно свѣдѣніямъ, 19-го сего декабря, отъ Шихъ-Алихана кубинскаго и дербентскаго, а также отъ Адиль-хана, умція карахайтагскаго, и отъ Сурхай-хана казикумухскаго, отправляются черезъ Кубу къ персидскому двору тайно два посланца изъ аула Кумухъ съ письмами къ шаху и къ Аббасъ-Мирзѣ, коимъ они везутъ отъ оныхъ хановъ и умція два ящика съ локонами волосъ ихъ женъ и рукавами ихъ платьевъ; въ разсужденіи же того, что, по пути слѣдованія къ городу Кубѣ, оные посланцы неминуемо должны будутъ переправляться гдѣ-либо чрезъ рѣки Чирахчай и Курахчай, того ради, по личному приказанію его превосходительства, господина главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта Алексѣя Петровича Ермолова, имѣете, ваше благородіе, съ полученіемъ сего, немедленно и неукоснительно устроить изъ ввѣреннаго вамъ отряда непрерывную цѣпь по всему протяженію рѣкъ Чирахчая и Курахчая, и оныхъ ханскихъ посланцевъ, всеконечно, поймавъ и арестовавъ, подъ на-

*) «Лятучка», «летучка»—такъ казаки называютъ всякій пакетъ, бумагу, денешу, приказъ и пр.

дежнымъ конвоемъ въ штабъ-квартиру препроводить неотлагательно».

Товарищи Овечкина не могли не замѣтить по выраженію его лица, какое сильное впечатлѣніе произвело на него то, что онъ читалъ. Руки его дрожали. На полученной имъ бумагѣ рукою самого Ермолова наверху было приписано: «государственной важности», и потому не удивительно было придти въ волненіе.

— Которое сегодня число? — какъ бы очнувшись, спросилъ онъ.

— Восемнадцатое,—отвѣчало нѣсколько голосовъ разомъ.

— А ты когда выѣхалъ изъ штабъ-квартиры?—спросилъ Овечкинъ казака.

— Сегодня ночью, ваше благородіе, послѣ первыхъ пѣтуховъ.

— А пакетъ когда тебѣ передали въ руки?

— Тады же, ночью, ваше благородіе.

— Чтожъ ты такъ долго ѣхалъ?

— Мнѣ велѣно было, ваше благородіе, сдѣлать крюку верстъ сорокъ, чтобъ не попасть въ руки этой сволочи-татаръ: послѣ того, какъ мы имъ дали чосу, они словно тараканы всюду расползлись.

Овечкинъ соображалъ: «посланцы съ проклятыми локонами и съ какими-то рукавами платьевъ отправляются 19-го декабря, а сегодня 18-ое. Какъ же такъ, когда одного изъ нихъ мы уже сегодня, 18-го, нечаянно поймали съ этими дьявольскими локонами? А у другого, что ускакалъ, вѣроятно, были рукава отъ женскихъ платьевъ? Что за чепуха! На кой чортъ шаху эти бабьи рукава, да и волосы тоже? Чортъ знаетъ, что такое! Значитъ, Ермолова обманули лазутчики: донесли, что посланцы отправляются 19-го, а они ужъ на зарѣ 18-го были у Чирахчая. Ясно, что Ермолова обманули, или гонцовъ нарочно поторопили... Но хорошо, что мы хоть одного поймали, локоны таки у насъ! Жаль, что бабьи рукава ускакали».

И Овечкинъ нѣсколько успокоился; онъ даже улыбнулся.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Щербина, замѣтивъ, что ихъ командиръ какъ будто немножко повеселѣлъ.

— Послѣ,—односложно отвѣчалъ Овечкинъ.

— Tàce, jàce sub fornàce, — покосился на Щербину съ комической важностью докторъ.

— Что жъ это значитъ, латинская стряпуха?—спросилъ, улыбаясь, Щербина.

— А это на языкѣ Горація и Цицерона значитъ: молчи, сиди подъ печкой.

— Совершенно вѣрно,—согласился Овечкинъ.—Такъ ты говоришь, кавалеръ,—обратился онъ къ казаку,—что непріятель разбитъ? Кого же именно вы побили?

— Сурхай-хана, ваше благородіе, да Шихъ-Али-хана изъ Дербента, да Адиля-хана съ акушинцами да мехтулинцами,— отвѣчалъ бойко казакъ,—досталось и кумухамъ.

— А какъ было дѣло?—спросилъ Овечкинъ.

— Дѣло было, ваше благородіе, горячее. Наша сотня состояла при отрядѣ князя Мадатова, когда мы заняли ихній аулъ Губденъ. А тады, ваше благородіе, какъ только генералъ Ермоловъ, Лексѣй Петровичъ, выступилъ изъ Тарковъ, значитъ, съ главными силами, мы съ княземъ Мадатовымъ да съ двумя батальонами троицкаго и севастопольскаго полковъ да съ линейцами при четырехъ орудіяхъ двинулись къ аулу Шоры, чтобы, значитъ, занять высоты. А о н ъ-то, ваше благородіе, непріятель, значитъ, насѣдаетъ на насъ да алалахаетъ по-собачьи; только съ насъ нечево ему взять: мы это заразъ на «уру», а о н ъ, какъ бѣлка, въ розтычь. Только, ваше благородіе, помучились мы съ антилеріей: трое денъ орудія въ гору подымали. А ихніе проводники, изъ мирныхъ, значитъ, чтобы попужать насъ, хвалились, какъ они когда-то на этихъ на самыхъ горахъ страшенную армію самого шаха Надира вдрызгъ разбили. А мы имъ на это: вашъ-де шахъ Надиръ намъ не указъ. А тутъ, глядимъ, съ утра вчера и самъ генералъ Ермоловъ подоспѣлъ. Виноватъ, ваше благородіе, запамятовалъ: это было не вчерась, а третьеводни, точно. Ну-съ, и сошлись мы, значитъ, лицомъ къ лицу съ ихними главными силами: намъ съ горы ихъ видно, а имъ насъ. Это мы вотъ такъ-то стоимъ, а они вонъ тамъ, на кручахъ, видимо ихъ невидимо! Прошелъ эдакъ день, и они стоятъ, и мы стоимъ. Наступила ночь. А попѣ, знаете, ваше благородіе, ночи ясныя, мѣсячныя, намъ это и на руку. И вотъ его превосходительство, господинъ генералъ Ермоловъ, Лексѣй Петровичъ, прибегъ къ такому афронту. Мы, ваше благородіе, донцы и ли-

нейцы съ княземъ Мадатовымъ да семь батальоновъ пѣхоты съ артилеріей, стояли позади главной линіи: значитъ, ваше благородіе, ему, непріятелю-то, пасъ и не видно было. Ну-съ, какъ только наступила это ночь, мы тихонько перебрались черезъ рѣчку и обошли его съ праваго фланга. Не успѣлъ онъ, ваше благородіе, проснуться, какъ мы—ну жарить его изъ артилеріи. Что тутъ было, ваше благородіе!

Казакъ, видимо, увлекся, замѣтивъ, что его слушаютъ съ большимъ интересомъ. Онъ размахивалъ руками, становился въ позицію, жестикулировалъ, невольно чувствуя, что въ его сердцѣ больше жару, чѣмъ словъ въ его небогатомъ лексиконѣ. Для него гораздо было легче дѣйствовать шашкой, пикой, конемъ, чѣмъ говорить.

— Ну, что же было?—подстрекалъ его Овечкинъ.

— А вотъ что было, ваше благородіе: какъ наши пушечки рявкнули это впродоль ихней лавы, они какъ прыснутъ въ розтычь, какъ заалалакаютъ, а мы поворотили орудія да въ тылъ имъ, въ тылъ! А тутъ наши ширванцы да куринцы съ вашими троицкими молодцами какъ выскочутъ изъ засады, да на кручи, а они подъ этой самой кручей улепетываютъ отъ насъ, такъ вѣрите ли, ваше благородіе, мы стрѣляли въ нихъ, словно въ стадо барановъ, хоша и не цѣлься, все равно пуля въ мясо угодитъ. И что было этого тѣлу-трупу наворочено, и сказать нельзя, ваше благородіе, ну, чистая бойня!

— Ну, и что же? Побѣда была полная? — спросилъ докторъ.—Въ лоскъ, значитъ?

— Въ лоскъ какъ есть, ваше благородіе.

— Ну, спасибо, кавалеръ, за твой молодецкій разсказъ,—сказалъ Овечкинъ,—а теперь поди отдохни, тебя хорошо накормятъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!—отчеканилъ казакъ.

— А ты, голубчикъ,—обратился Овечкинъ къ Щербинѣ,—прикажи дать ему хор-рро-шій стаканъ ерофеичу, да чтобъ и за конемъ его наши молодцы посмотрѣли, а самому кавалеру надо отдохнуть, шутка ли, столько продрать горами!

— На то и казаки, ваше благородіе, чтобъ съ лятучками по горамъ рыскать,—молодцовато замѣтилъ допецъ и принялъ позу статуи.

— Правда, правда,—согласился Овечкинъ.—А пока ты и конь твой отдыхаете, мы изготовимъ донесеніе въ штабъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Щербина и казакъ вышли; но первый тотчасъ же воротился.

— Ты что же?—спросилъ Овечкинъ.

— Да я приказалъ денщику, чтобъ онъ и ерофсичемъ угостилъ гармила *), и лукулловскимъ обѣдомъ,—отвѣчалъ Щербина,—да и намъ несутъ обѣдать, мы и такъ очень запоздали. Да, признаюсь, меня любопытство разбираетъ, что за бумагу получилъ ты изъ штаба, которая такъ тебя взволновала?

— А развѣ замѣтно было?—спросилъ Овечкинъ.

— Еще бы! Даже очень замѣтно.

— Ну, такъ на-те, читайте: все о тѣхъ же локонахъ.—И Овечкинъ бросилъ на столъ полученный имъ изъ штаба приказъ.

IV. Прерванное любовное свиданіе.

— А, каково! «Государственной важности!»—воскликнулъ Щербина, прочитавъ бумагу и разводя руками.—Это бабьи локоны и рукава платьевъ «государственной важности»!

— А что жъ это за рукава?—спросилъ Мальковъ.

— Не знаю, не понимаю,—отвѣчалъ Овечкинъ,—какой-нибудь символъ по ихъ понятіямъ.

— Ну, локоны-то у насъ,—замѣтилъ докторъ,—а рукава-то тю-тю.

— Вѣроятно, что съ рукавами ускользнулъ тотъ.

— Конечно. Значитъ, мой паціентъ не простая птица, а дѣйствительно красный звѣрь.

— Все-таки мы половину дѣла сдѣлали, — сказалъ Овечкинъ,—у насъ въ рукахъ и локоны, и гонецъ.

— Но какъ начальство въ числахъ спуталось?—недоумѣвалъ Щербина.—Велятъ ловить звѣря 19-го, а ужъ 18-го чуть свѣтъ пролетѣлъ мимо.

— Ясно, что или лазутчиковъ обманули, или тѣ, кто посылалъ гонцовъ, догадываясь, что Ермоловъ знаетъ о ихъ планѣ, сообщили лазутчикамъ фальшивыя вѣсти о днѣ отправленія посланцевъ,—рѣшилъ Овечкинъ.—Надо все это и отписать начальству.

---

*) «Гармилами» и «Гаврилычами» солдаты называютъ донскихъ казаковъ

— А отъ вашего краснаго звѣря мы, конечно, ничего не добьемся,—сказалъ Щербина, глядя на доктора.

— Всеконечно. Да и на кой намъ лядь добиваться? Звѣрь у насъ, локоны у насъ, а что тамъ женскіе рукава улизнули, такъ начхать на нихъ: начальство и не локонамъ доберется до рукавовъ.

— Но вотъ вопросъ,—сказалъ Овечкинъ, останавливаясь среди комнаты, по которой онъ шагалъ въ задумчивости,—теперь ли, вмѣстѣ съ донесеніемъ, отсылать въ штабъ шкатулку съ локонами подъ надежнымъ конвоемъ, или же дожидаться, пока нашъ плѣнникъ поправится настолько, чтобъ и его можно было отправить въ штабъ-квартиру? Предписаніе требуетъ и того, и другого.

— Такъ мы отпишемъ въ штабъ, что локоны и одного посланца мы перехватили, что самъ посланецъ раненъ: какъ-де прикажетъ поступить начальство въ семъ неожиданномъ казусѣ?—сказалъ Щербина.

— Оптиме, пуэръ, — согласился докторъ. — А, впрочемъ, поздненько уже, господа; пора и вечернимъ чайкомъ побаловаться. Эй! — крикнулъ онъ въ дверь. — Господа денщики! Ставьте скорѣй самоваръ. И на этотъ разъ, христолюбивое воинство, въ виду одержанной нами двойной побѣды: тамъ—надъ Шихъ-Ахи-ханомъ, Адиль-ханомъ и Сурхай-ханомъ, а здѣсь—надъ бабьими волосами, мы должны пить чай съ ромомъ во славу русскаго оружія. Вене?

— Вене,—сказалъ Щербина,—нашъ эскуланъ человѣкъ очень изобрѣтательный.

— А ты, puer, какъ бы думалъ? Впрочемъ, мнѣ надо навѣстить моего паціента; надѣюсь, сонъ подкрѣпилъ его, и, быть можетъ, онъ будетъ теперь откровеннѣе.

Скоро докторъ воротился и объявилъ, что его паціентъ подаетъ надежду на скорое выздоровленіе, и что теченіе воспалительнаго процесса въ сломанной ногѣ вполнѣ нормально.

— Удивительный этотъ народецъ горцы, — сказалъ докторъ,—живучи, какъ кошки. Сколько я ихъ, раненыхъ, перелѣчилъ, и всегда удачно: все присыхаетъ, какъ на собакѣ. Кровь у каналій доброкачественная. Только и насмѣшилъ меня этотъ мой новый паціентъ. Зачѣмъ, говоритъ, вы живете въ нашихъ горахъ? Аллахъ, говоритъ, далъ намъ горы, а вамъ равнины.

Вѣдь мы, говоритъ, не отнимаемъ у васъ вашихъ равнинъ; зачѣмъ же вы отнимаете отъ насъ горы? А солнца, говоритъ, и вамъ, и намъ достаточно. А зачѣмъ, я говорю, вы нападаете на наши станицы, отгоняете нашъ скотъ, захватываете плѣнныхъ? А вы, говоритъ, уйдите отъ насъ, тогда мы не будемъ этого дѣлать. Вотъ, поди, и толкуй съ нимъ. А Ермолова называетъ «сардаръ Ермулу» и, повидимому, очень интересуется имъ; даже спрашивалъ: есть ли у нашего падишаха еще такой большой сардаръ. Хоть прудъ, говорю, пруди такими. Такъ задумался.

Всѣ разсмѣялись.

Скоро чай былъ отпитъ, офицеры, отдавъ нужныя приказанія по редуту, разошлись на покой.

Ночь. Полная луна серебритъ снѣжныя вершины горъ, бросая черную тѣнь по глубокимъ балкамъ, оврагамъ и подножіямъ скалъ. Тихо. Слышенъ только неумолчный говоръ быстрыхъ водъ горнаго Чирахчая.

Кто-то, закутанный въ бурку, приближается къ выходу изъ редута.

— Кто идетъ?—окликаетъ часовой, перегораживая проходящему путь ружьемъ.

— Свой,—отвѣчаютъ.

— Пропускъ-пароль.

— «Ермоловъ».

Ружье отстраняется, и тѣнь въ буркѣ проходитъ въ тяжелыя ворота, вонъ изъ редута. Вышедшій, спустившись позади редута въ оврагъ, тихо пошелъ оврагомъ, держась тѣневой стороны. Пройдя довольно значительное пространство, бурка стала подниматься по отлогому скату оврага, поросшаго орѣшникомъ и кизиломъ, по направленію къ крайнимъ саклямъ аула. Поднявшись почти до вершины ската, бурка остановилась и стала во что-то всматриваться. Вдругъ между двухъ кустовъ кизиля, черезъ освѣщенную луною полосу, промелькнула какая-то легкая тѣнь.

— Моя Магуль, моя дѣвочка!—прошептала бурка.

Легкая тѣнь прильнула и слилась съ другою тѣнью, тѣнью бурки.

— Ты меня ждала, мое дитя?

— Да, мой милый, мой русскій.

— Ты озябла, птичка, иди же въ мою бурку.

И тѣнь бурки поглотила другую, легкую тѣнь.

— Такъ-иди же ко мнѣ на руки, моя крошка.

— О, мой русскій, мой милый!

Тѣнь опустилась подъ кизилевымъ кустомъ; это была уже одна тѣнь, а не двѣ.

— Ты озябла, дѣтка моя, дрожишь вся.

— Нѣтъ... я... рада, рада, мой... русскій.

— Нѣтъ, у тебя ручки, какъ ледъ; я слышу, какъ твои холодные пальчики обнимаютъ мою шею. О, моя радость! Ты любишь меня, любишь своего русскаго?

— О, да, да! Любіу!

— Любіу! Милая! До сихъ поръ не имѣешь выговаривать. Ну, скажи: люблю.

— Любі-у, любіу.

— О, мое сокровище! Говори именно такъ: люби-у! Какъ восхитительно произносятъ это твои розовыя, дѣтскія губки!

— Люби-у, люби-у, мой русскій, мой милый.

— А еще какъ? Ну, какъ еще, моя птичка?

— Вася, мой Вася, русскій Вася.

— О, да я въ состояніи себя совсѣмъ заласкать. Какая ты худенькая, нѣженькая, маленькая!

— Нѣтъ, я большая, мнѣ че... че... четырь...

— Четырнадцать лѣтъ. О, какая большая, старуха! Да ты своей наивностью сведешь меня съ ума.

— Сума? Какой сума, Вася?

На этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта: нечѣмъ было отвѣчать; и съ той, и съ другой стороны губы были заняты.

— Такъ ты любишь меня, моя ласточка?

— Лас-точка? Какой ласточка?

— Птичка милая, Магуль моя! Такъ ты любишь меня?

— Любіу; мой Вася, мой русскій.

— А помнишь, когда ты весной въ первый разъ пришла на свиданіе со мной, когда пѣлъ соловей?

— Да и теперь весна, и теперь мнѣ жарко отъ твоихъ губъ; а тебѣ, милый русскій?

Но онъ не отвѣчалъ. Онъ къ чему-то прислушивался и приглядывался.

— Что, мой Вася? — испуганно спросила она.

— Постой... Что это тамъ?

Дѣйствительно, съ горъ, по всѣмъ сторонамъ, тихо сползало что-то, точно это удлинялись тѣни отъ скалъ и утесовъ. Иногда слышалось паденіе камня или глухой стукъ копытъ. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ перебѣгали какія-то тѣни, быстро поглощаемыя тѣнью отъ горъ и отъ лѣсу.

Щербина вскочилъ; это былъ онъ съ юной черкешенкой.

— Это нападеніе, — глухо прошепталъ онъ.

— О, мой милый, мой русскій, — съ ужасомъ обвилась вокругъ него дѣвушка. — Аллахъ! Аллахъ! Бѣги, мой милый, бѣги.

— Прощай, мое сокровище, моя жизнь! Бѣги и ты домой.— И, крѣпко сжавъ въ объятіяхъ трепещущую Магуль, Щербина неслышно скользнулъ въ оврагъ и скрылся въ тѣни.

Когда онъ добѣжалъ до редута, то въ него уже нельзя было войти. Съ другой стороны, и казармы, повидимому, взяты были приступомъ, и слышно было, что тамъ уже происходитъ рѣзня. При свѣтѣ луны, Щербина видѣлъ массы надвигавшагося непріятеля. Изъ казармъ неслись неистовые крики ворвавшихся туда горцевъ и стоны убиваемыхъ съ просонокъ русскихъ. Спасенія не было ниоткуда. Между тѣмъ, Щербина замѣтилъ, что одна сторона казармъ, огражденная рвомъ, не была занята непріятелемъ, и солдаты, пользуясь рѣзней въ темныхъ камерахъ казармъ, стали выбрасываться въ ровъ, а другіе бѣжали изъ аула на защиту казармъ. Видя, что защита тѣхъ, которые застигнуты были въ казармахъ и, безъ сомнѣнія, вырѣзаны уже до одного, невозможна, и сознавая безполезность бороться открыто противъ подавляющихъ массъ непріятеля, Щербина моментально сообразилъ: съ горстью оставшихся въ живыхъ запереться въ мечети, стоявшей у самаго редута, и, защищаясь до послѣдняго издыханія, дорого продать свою жизнь.

— Братцы, товарищи! — закричалъ онъ. — За мною въ мечеть!

Этотъ возгласъ привлекъ на него нѣсколько вражескихъ пуль, но онѣ, просвиставъ мимо, расплюснулись о каменныя стѣны мечети.

— За мной, въ мечеть! — не переставалъ кричать Щербина.

— Въ мечеть, братцы, въ мечеть! — отвѣчали солдаты.

И человѣкъ около пятидесяти, вмѣстѣ со Щербиной, засѣли в мечети.

Между тѣмъ, въ казармахъ наступила сравнительная ти-

шина: некого было больше рѣзать. Вскорѣ тамъ послышались удары огнива о кремень. Вылетавшія изъ кремня искры на мгновеніе освѣщали страшную картину. Въ дверяхъ, въ окнахъ, на окровавленныхъ подоконникахъ, на нарахъ, на полу, въ ужасающемъ безпорядкѣ, лежали трупы, подплывая своею собственною и товарищей своихъ кровью.

Но вотъ огонь вырубленъ, и зажженные ночники освѣтили еще болѣе ужасающую картину: съ одной стороны обезображенныя, окровавленныя тѣла побѣжденныхъ, съ другой — возбужденныя, наэлектризованныя фанатизмомъ лица побѣдителей-убійцъ, и надъ всѣмъ этимъ лихорадочный гортанный говоръ кровожаднаго торжества. Въ этотъ моментъ, при свѣтѣ ночниковъ, они замѣтили дверь, въ которую, за темнотою, еще никто не проникалъ. Это была лазаретная палата. Они бросились туда и остановились въ изумленіи. Приподнявшись на койкѣ и дико блуждая глазами, полулежалъ нашъ плѣнникъ съ переломленной и увязанной лубками ногой.

— Бейбулатъ! — вскричалъ одинъ изъ нихъ.—Ты ли это?

— Абдулъ-Керимъ!—не то радостно, не то испуганно проговорилъ плѣнникъ. — Какъ вы сюда попали?

— Мы попали сюда побѣдителями по волѣ Аллаха, — отвѣчали вошедшіе (говорили, конечно, по-татарски).

— Какъ! Вы взяли это осиное гнѣздо?—изумленно вскричалъ плѣнникъ. — А я ничего не слыхалъ: мнѣ проклятый гяуръ далъ соннаго питья.

— А какъ ты сюда попалъ?

— Я сломалъ себѣ ногу, и меня гяуры взяли.

— А локоны женъ?

— У нихъ.

V. Штурмъ мечети.

Наступило утро, ясное, теплое, словно весеннее. Солнце, показавшееся изъ-за розоваго облачка, обдавало яркимъ свѣтомъ и стѣны редута, и сѣрую мечеть съ высокимъ минаретомъ, и каменныя взлобья горъ, зловѣще отражаясь на блестящемъ вооруженіи толпы горцевъ, тысячъ до шести, обложившей редутъ и мечеть Чираха. Одни изъ нихъ тащили къ редуту осадныя лѣстницы, другіе разрушали мосты, перекинутые черезъ Чирахчай, чтобъ осажденные ниоткуда не могли получить помощи.

На возвышеніи, господствующемъ надъ окрестностями Чираха, окруженный блестящею свитою изъ узденей, возсѣдалъ на караковомъ конѣ сѣдобородый красавецъ въ малиновой, опушенной соболемъ, черкескѣ и въ высокой сѣрой папахѣ изъ дорогихъ шкурокъ горныхъ барашковъ. Онъ, видимо, отдавалъ приказанія, показывая нагайкой то на редутъ и на мечеть, то на рвы, окружающіе укрѣпленіе.

— Это самъ Сурхай-ханъ, — сказалъ Овечкинъ, смотря изъ-за бруствера и указывая офицерамъ на сѣдобородаго красавца.

— А какъ же казакъ сказалъ, что Ермоловъ не далѣе какъ третьяго дня разбилъ его?—спросилъ Мальковъ.

— Что жъ, онъ ушелъ и вновь собралъ остатки своей сволочи.

Вдругъ на верхней площадкѣ минарета, на площадкѣ, откуда муэззинъ призываетъ обыкновенно правовѣрныхъ на молитву, показался Щербина.

— Съ добрымъ утромъ!—крикнулъ онъ, увидавъ за брустверомъ редута Овечкина и другихъ товарищей.

— Вася! Ты ли это?—радостно откликнулся Овечкинъ.—А мы ужъ думали, что ты еще ночью погибъ.

— Нѣтъ, Богъ спасъ; я только теперь такой же начальникъ, какъ и ты.

— Какимъ образомъ?

— Да у меня теперь своя крѣпость, мечеть, и свой гарнизонъ.

— А сколько у тебя тамъ народу

— Сорокъ девять молодцовъ.

— А тѣ, бѣдные, всѣ погибли въ казармахъ?

— Должно быть, всѣ: вѣчная имъ память!

Въ этотъ моментъ мимо его головы пропищало нѣсколько пуль.

— Уходи, Вася!—закричалъ Овечкинъ.—Тебя замѣтили.

Щербина, крикнувъ товарищамъ «до свиданья!» спустился въ мечеть.

Сурхай-ханъ, повидимому, замѣтилъ эти переговоры и отдалъ какое-то приказаніе. Нѣсколько узденей отдѣлились отъ него и понеслись къ тѣмъ изъ осаждающихъ, что спускали лѣстницы въ крѣпостные рвы.

Вскорѣ можно было догадаться, что Сурхай-ханъ приказалъ

взять штурмомъ мечеть. Побросавъ лѣстницы и обнаживъ кинжалы и шашки, горцы кинулись къ мечети, думая стремительностью одолѣть всѣ препятствія, хотя бы это стоило многихъ жизней.

— Алла-га! Алла-гу!—кричали они дикими голосами, размахивая въ воздухѣ шашками.

Но залпъ изъ пятидесяти винтовокъ, глядѣвшихъ изъ амбразуръ мечети, разомъ уложилъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ. Остальные дрогнули и попятились назадъ.

— Братцы, голубчики!—говорилъ между тѣмъ Щербина своимъ храбрымъ товарищамъ.—Ради Господа Бога бейте врага на выборъ, цѣльтесь вѣрнѣе, хладнокровнѣе, безъ прицѣла не стрѣляйте.

— Ради стараться!—въ одинъ голосъ отвѣчали солдатики.

— Спасибо, друзья мои. Вѣдь вы знаете, что у насъ свинцу немного: если разстрѣляемъ весь свинецъ, то мы пропали; а пока у насъ есть порохъ и пули, мы неуязвимы.

Пока нападающіе торопливо подбирали своихъ убитыхъ и раненыхъ, а солдаты въ мечети вновь заряжали ружья, Щербина осторожно выглянулъ въ окно. При видѣ того, на чемъ остановился его взоръ, сердце его затрепетало. Вдали, на плоской земляной кровлѣ крайней сакли аула, онъ увидѣлъ знакомую стройную женскую фигуру подъ бѣлою чадрою. Она глядѣла сюда, на редутъ и на мечеть. Это была его Магуль, его обожаемая дѣвочка. А давно ли онъ ласкалъ ее, цѣловалъ ея прелестные глазки? Давно ли она застѣнчиво шептала ему, обвивая его шею холодными ручками: «милый мой, русскій, я тебя любіу!» А теперь? Смерти онъ не боялся. Онъ, этотъ юный, искренній энтузіастъ, воспитанный на боевыхъ традиціяхъ отца и дѣда, видѣвшій призваніе человѣка только въ области этихъ традицій, понимавшій только воинскую честь и славу, онъ всю цѣль и смыслъ жизни видѣлъ только въ «геройскомъ» концѣ, когда надъ нимъ, сраженнымъ пулею или ядромъ, ударомъ шашки или кинжала, будутъ стоять огорченные товарищи и съ гордымъ удивленіемъ будутъ повторять: «онъ умеръ истиннымъ героемъ», а старикъ-отецъ, при извѣстіи о его геройской смерти, заглушая стоны души объ ужасной потерѣ любимаго сына, съ гордостью скажетъ: «мой Вася прославилъ наше имя!» Такъ ему ли, фанатически мечтавшему о «такомъ» концѣ, ему ли было бояться

смерти, ему ли сожалѣть о молодой жизни. Но теперь, при видѣ этой бѣлой чадры, окутывавшей дорогую для него дѣтскую головку, при видѣ этого нѣмого свидѣтеля самыхъ блаженныхъ, самыхъ святыхъ мгновеній его жизни, теперь ему стало жаль этой жизни. Жаль до рыданія, до стоновъ. Но это же чувство, въ порывѣ безумнаго экстаза, вызвало въ немъ еще болѣе безумное чувство, страстное желаніе геройски умереть «для нея», «у нея» на глазахъ, именно только для нея, чтобъ она знала, кто ее любилъ и кого она любила и кого въ немъ потеряла. Это временное безуміе заставило его забыть старика-отца, товарищей, свою славу. Теперь его слава только въ ея глазахъ, въ ея оцѣнкѣ.

Пока эти—не мысли, а безумныя, лихорадочныя ощущенія, словно молніи, пронизывали его, если можно такъ выразиться, сорвавшееся съ петель сознаніе, солдаты вновь зарядили ружья и залпами отвѣчали на дерзкія попытки осаждавшихъ штурмовать мечеть.

— Братцы! — сказалъ Щербина, мгновенно приходя въ себя.—Не стрѣляйте всѣ разомъ, это опасно; пока вы, разомъ разрядивъ выстрѣлами ружья, станете вновь ихъ заряжать, въ этотъ моментъ непріятель, не встрѣчаемый огнемъ, можетъ лавой нагрянуть на насъ и задавить. А вы стрѣляйте черезъ ружье: пока одинъ десятокъ цѣлится въ голову врагу, другой десятокъ долженъ заряжать свои ружья. Поняли, братцы?

— Поняли, ваше благородіе,—дружно отвѣчали герои мечети.

И чередовавшіеся залпы снова вырвали по нѣсколько жертвъ изъ сплошныхъ рядовъ непріятеля. Горцы бросались, какъ остервенѣлые; уже убито было нѣсколько защитниковъ мечети, но остальные продолжали наповалъ поражать свои намѣченныя жертвы. Сурхай-ханъ, видимо, приходилъ въ неистовство. Онъ съѣхалъ съ возвышенія и отдалъ какія-то новыя приказанія, показывая на дверь мечети. Тогда горцы раздѣлились на двѣ массы и со страшнымъ крикомъ ринулись, одна часть къ окнамъ и амбразурамъ мечети, другая къ ея дверямъ. Притащили осадныя лѣстницы и ими стали садить въ дверь, подъ тактъ дикихъ завываній раскачивая лѣстницы. Глухо стучали эти удары, но дверь не подавалась.

Сознавая, однако, что рано ли, поздно ли деревянная дверь

не выдержитъ сосредоточенныхъ ударовъ, Щербина раздѣлилъ горсть оставшихся въ живыхъ защитниковъ мечети, ибо навалившіеся массою горцы уже въ упоръ стрѣляли въ окна и лѣзли въ амбразуры мечети, и, оставивъ часть изъ нихъ защищать окна и амбразуры, остальной кучкѣ велѣлъ взобраться по узенькой лѣстницѣ на верхнюю внутреннюю площадку минарета въ засаду, а самъ выскочилъ на наружную площадку, на площадку муэззина, чтобы яснѣе видѣть, что происходило внизу, у дверей мечети и подъ окнами. Взоръ его невольно остановился на далекой знакомой саклѣ, на плоской кровлѣ которой продолжала стоять въ нѣмой позѣ отчаянія дѣвушка, закутанная бѣлою чадрой. Болѣзненный стонъ вырвался изъ его груди, и онъ схватился рукою за сердце. Но, взглянувъ по направленію къ редуту, онъ громкимъ, хотя охрипшимъ, голосомъ закричалъ:

— Товарищи! Герои! Милые! Что вы дѣлаете?

— Идемъ тебя выручать, васъ спасать,—отвѣчалъ Овечкинъ.

Оказалось, что засѣвшіе въ редутѣ, видя неминуемую гибель защитниковъ мечети, рѣшились на отчаянную, совершенно безумную вылазку, въ виду подавляющаго большинства осаждающихъ.

— Безумные, что вы дѣлаете! — снова закричалъ Щербина.—Вы насъ не спасете, васъ задавятъ, уничтожатъ всѣхъ! Берегите людей для охраны крѣпости, они нужнѣе насъ отечеству. Я обрекъ себя на смерть, но умру недаромъ! Не станетъ у насъ свинцу, мы своимъ паденіемъ, этимъ самымъ минаретомъ задавимъ непріятеля. Братцы, друзья мои, возвращайтесь въ редутъ! Прощайте, прощайте!

— Прощай, моя жизнь, мой свѣтъ, мое солнце!—прошепталъ онъ, глянувъ на кровлю далекой сакли съ неподвижною на ней статуей плачущей Кассандры...

Овечкинъ послѣдовалъ патріотическому совѣту Щербины и увелъ свою ничтожную горсть защитниковъ крѣпости обратно въ редутъ, успѣвъ только крикнуть безстрашному герою минарета:

— Да спасетъ тебя Богъ, и да покроется твое имя вѣчной славой!

Дверь между тѣмъ продолжали выбивать, а пальба въ окна

и амбразуры мечети, а равно изъ оконъ и амбразуръ, въ отвѣтъ на первую, не прекращалась.

Видя все болѣе и болѣе слабѣвшій огонь защитниковъ мечети, Сурхай-ханъ еще энергичнѣе ободрялъ нападавшихъ. Вдругъ до слуха Щербины донесся какъ бы знакомый голосъ. Онъ выглянулъ въ амбразуру и увидѣлъ, что рядомъ съ Сурхай-ханомъ несли на буркѣ полулежавшаго узденя въ бѣлой папахѣ. Онъ энергично размахивалъ въ воздухѣ шашкой и что-то кричалъ, вѣроятно, ободряя нападавшихъ.

— Бейбулатъ! Бейбулатъ!—раздавались въ отвѣтъ ему привѣтственные клики.

Щербина узналъ въ немъ своего недавняго плѣнника съ переломленной ногой.

— Такъ это знаменитый Бейбулатъ, про отчаянные подвиги котораго молва ходитъ по всему Дагестану и по всей Чечнѣ,—подумалъ Щербина.

Вдругъ что-то съ трескомъ грохнуло, и дикіе радостные крики ворвались въ мечеть. Это упала послѣдняя въ нее преграда—дверь. Въ одно мгновеніе Щербина очутился у этой упавшей двери, въ которую уже хлынули нападавшіе, и отчаянными ударами саблей направо и налѣво проложилъ себѣ путь къ узкой лѣстницѣ, ведшей на минаретъ.

Въ мечети началась рѣзня. Ворвавшійся и разсвирѣпѣвшій непріятель бросился въ кинжалы. Солдаты геройски отбивались штыками, но, задавленные массою, пали всѣ до единаго на тѣла своихъ, убитыхъ ими, побѣдителей.

Покончивъ съ мечетью, казикумухцы бросились къ лѣстницѣ, ведущей на минаретъ. Но ихъ тамъ поджидала смерть.

— Цѣльтесь, братцы, въ головы,—шепталъ Щербина своимъ молодцамъ, засѣвшимъ на верхней внутренней площадкѣ минарета, слыша что непріятель взбирается уже по лѣстницѣ съ какимъ-то воемъ торжества.

Скоро показалась одна папаха.

— Господи, благослови!—И моментально грянулъ выстрѣлъ.

— Первой!—съ облегченіемъ прошепталъ выстрѣлившій.

Папаха свалилась внизъ. Подъ лѣстницей вой усилился.

— Теперь я, братцы! Микола угодникъ, помоги.

Снова показалась внизу рука съ кинжаломъ, но головы не видно было.

— Выходи, любезный! Что кинжаломъ-то балуешь?

За кинжаломъ показалась бѣлая папаха.

— Не стрѣляй, Рудой! Это онъ дуритъ, папаху на шашкѣ подымаетъ, чтобъ обмануть.

Папаха исчезла. За нею показалось лицо, и моментально опять послѣдовалъ выстрѣлъ.

— Другой!

Вой внизу превратился въ сплошной ревъ. Но скоро можно было догадаться, что казикумухцы отказались отъ штурма лѣстницы. Слышно было, что они оставили мечеть, и шумный говоръ, доносившійся извнѣ, заставлялъ предполагать, что казикумухцы совѣщаются, что имъ предпринять дальше.

— Ушли, несолоно хлебавши,—замѣтилъ одинъ изъ засѣвшихъ въ минаретѣ.

— Скатертью дорога,—сказалъ другой.

Щербина поднялся на площадку муэззина, чтобъ увидѣть, что дѣлаютъ осаждающіе, или прислушаться къ ихъ совѣщаніямъ. Онъ немного понималъ ихъ языкъ. Къ ужасу своему, изъ нѣсколькихъ схваченныхъ имъ налету словъ онъ понялъ, что осаждающіе порѣшили подрыть минаретъ и совсѣмъ опрокинуть, чтобъ подъ развалинами его похоронить засѣвшихъ тамъ героевъ. Онъ взглянулъ на кровлю знакомой сакли. Бѣлая чадра, какъ маякъ мимолетно мелькнувшаго счастья, попрежнему виднѣлась вдали, колеблемая тихимъ южнымъ вѣтеркомъ. Слезы душили его; но, сойдя къ товарищамъ, онъ ничего не сказалъ имъ о томъ, что самъ сейчасъ узналъ.

VI. «За три бурдюка воды—столько жизней!»

Наступила ночь, такая же лунная, свѣтлая, какъ и предыдущая. Отъ стѣнъ редута и отъ мечети съ минаретомъ тянулись черныя тѣни, какъ ножемъ отрѣзанныя отъ свѣтлой, озаренной луною, земли. Гдѣ-то въ крѣпости мигалъ красноватый огонекъ. Такіе же огоньки, то затухая, то слабо вспыхивая, виднѣлись по склонамъ, облегавшимъ укрѣпленіе: то притухали костры въ безпорядочно разбросанномъ лагерѣ казикумухцевъ. Осаждающіе спали завернувшись въ бурки, бросая отъ себя неподвижныя или двигающіяся тѣни. Слышно было фырканье лошадей да крики ночной птицы въ горахъ. Чирахчай, сверкая на лунномъ

свѣтѣ растопленнымъ серебромъ, съ ропотомъ бился и журчалъ по каменистому ложу.

Лунный свѣтъ длинными полосами льется въ выбитыя окна мечети и казармы, то освѣщая блѣдное лицо мертвеца, то скользя по застывшей лужѣ крови. По лунной полосѣ пробѣжитъ иногда что-то черненькое и скроется въ тѣни. Это крысы, питающіяся мертвыми тѣлами. Съ полу лунный свѣтъ перебирается на нары, и тамъ тѣ же картины ужаса: то мертвая рука, застывшая на ружейномъ прикладѣ, то бѣлый лобъ, изъ-подъ котораго смотрятъ на мѣсяцъ остекленѣвшіе глаза, смотрятъ и не мигаютъ.

Въ богатомъ шатрѣ Сурхай-хана свѣтится слабый огонекъ. Ханъ не спитъ. Онъ доволенъ нынѣшнимъ днемъ: большая половина непріятеля уничтожена. Это отплата сардаръ-Ермулу за Акушу, а Чираху за Бейбулата да за локоны женъ. Минаретъ уже значительно подкопанъ и завтра непремѣнно рухнетъ. А тамъ и редуту не сдобровать.

Что же дѣлалось въ это время на минаретѣ и въ редутѣ? На минаретѣ тоже не спали. Ничтожная горсточка защитниковъ его расположилась на полу внутренней площадки въ абсолютной темнотѣ, которая невыразимо угнетала каждаго, пережившаго ужасную прошлую ночь и еще болѣе ужасный день. Казалось, ихъ окутывалъ могильный мракъ. Чтобы отогнать отъ себя этотъ ужасъ могилы, кто-нибудь изъ нихъ отъ времени до времени вынималъ огниво и кремень и сталью «кресала» ударялъ по кремню, чтобъ извлечь изъ послѣдняго нѣсколько искорокъ.

— Вотъ такъ хоть свои руки увидишь,—говоритъ вырубающій огонь.

— А намъ и обличье твое видно, а то въ этакой темени мы и другъ дружку забудемъ въ лицо,—говорятъ другіе.

— Такъ-то такъ, братцы, а внизу ишшо хуже.

— Зато они, по крайности, ѣсть-пить не хотятъ, а у насъ со вчерашняго вечера маковой росинки во рту не было.

— Ни синь порху! А пить, братцы, какъ хочется, все нутро горитъ.

— Не мудрено: вторыя сутки хоть бы каплю, промочить душу.

— Да, ребятушки, пришло помирать.

Щербина, пользуясь покровомъ ночи, сидѣлъ въ это время наверху, на площадкѣ муэззина. Казалось онъ любовался про-

лестной, фантастической южной ночью. Луна серебрила далекія вершины снѣжныхъ горъ. Отовсюду тянулись черныя таинственныя тѣни, выдавая еще болѣе яркость луннаго свѣта. Кое-гдѣ слабо мерцали звѣзды, утрачивая свою яркость подъ лучами луннаго сіянія.

Въ знакомой саклѣ мерцалъ огонекъ, и, казалось, тамъ двигались какія-то тѣни.

И она не спитъ, бѣдное дитя!

И вспоминается ему дѣтство, родной домъ на берегу Днѣпра, заглохшій садъ съ высокими пирамидальными тополями и роща съ грачевыми гнѣздами. Какъ памятенъ весенній крикъ этой птицы, какъ памятны ночные хоры лягушекъ въ пруду! А ночные хоры деревенской «улицы», а эти дивныя украинскія мелодіи, что звучатъ отъ зари до зари? Сколько жизни, поэзіи разлито въ воздухѣ, сколько любви и счастья! Нѣтъ больше возврата въ этотъ потерянный рай. А тамъ—Петербургъ, ученье въ корпусѣ, мечты о боевой жизни, о боевой славѣ... Вотъ она, боевая слава!

Звенитъ колокольчикъ подъ дугою, печетъ южное солнце безбрежныхъ степей; однообразно кругомъ, а на душѣ радостная тревога. Скоро, скоро и кубанскія степи! А ямщикъ лѣниво выводитъ, помахивая на лошадей:

Ой да-й попила моя буйная голо-вушка,
Пила ль она по-о-о-гу-ля-а-а-ла...

А вотъ и степи кубанскія, нѣтъ имъ конца краю... Что-то бѣлое, бѣлое встаетъ далеко на горизонтѣ, точно облако. «Что это тамъ такое бѣлое? «Эльборусъ». Эльборусъ! Боже»!..

А вотъ и самъ Кавказъ, таинственный, чарующій и страшный, источникъ боевыхъ тревогъ, боевой славы. Среди этихъ великановъ, покрытыхъ снѣговыми шапками, въ этихъ грозныхъ ущельяхъ, межъ неприступными скалами и ужасающими стремнинами гнѣздятся тѣ, которые даютъ боевую славу, а чаще славную смерть... Что жъ! Того и искалъ. Бурный Терекъ, подавляющее ущелье Дарьяла, недосягаемый Казбекъ, высоты Гудаура, съ которыхъ созерцаешь, кажется, всѣ красоты и ужасы вселенной, шумная Арагва, Мцхетъ, мутная Кура, Тифлисъ и... Чирахъ, вотъ этотъ самый Чирахъ.

— Неужели могила?.. Нѣтъ, тутъ и рай былъ!

И онъ снова глянулъ по направленію къ знакомой саклѣ.

— Началось въ маѣ, кончится въ декабрѣ.

Съ холодомъ безнадежности въ сердцѣ онъ оглянулся на редутъ. Тамъ все еще мигалъ одинокій огонекъ.

— Что-то они думаютъ? Что-то тамъ?

А тамъ также почти никто не спалъ. Тамъ не было безнадежности, тамъ царила бодрость, мужественная увѣренность, что не пропадутъ, что вотъ-вотъ явится Мадатовъ, а то и самъ Ермоловъ. Но что тревожило гарнизонъ редута, это недостатокъ воды.

— Братцы! Кто охочъ со мной по воду?—говорилъ дядя Назарычъ.—Смертушки на пойло тянетъ.

— Я-я-я съ тобой, дядя,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ладно! Такъ бери, ребятушки, по бурдюку, и ай-да со мной по воду.

— Важно! Татары, поди, во всю посовую завертку храпятъ.

И смѣльчаки, захвативъ по бурдюку, незамѣтно вышли изъ редута. До Чирахчая было около двухсотъ шаговъ, но это разстояніе надо было дѣлать ползкомъ, да и то такъ, что при всякомъ движеніи непріятельскаго часового приходилось лежать ничкомъ и изображать изъ себя мертвыя тѣла. Смѣльчакамъ благопріятствовали длинныя тѣни, отбрасываемыя отъ себя мечетью и минаретомъ, а еще ниже—казармами. Добравшись до задней стѣны казармъ, они остановились на минуту передохнуть. Непостижимая тайная сила подмывала ихъ заглянуть въ выщербленныя окна казармы, могилы ихъ несчастныхъ товарищей. Съ противоположной стороны въ окна лился лунный свѣтъ, освѣщая ужасающую картину недавней ночной рѣзни. Лучи полнаго мѣсяца играли такъ весело то на ружейномъ стволѣ, то на обнаженномъ тесакѣ. Но свѣтъ этотъ казался зловѣщимъ, какимъ-то могильнымъ, когда падалъ на мертвое лицо, на затылокъ мертвеца, или отражался въ бѣлкахъ широко раскрытыхъ мертвыхъ глазъ.

— Голубчикъ ты мой! Ишь, глядитъ,—набожно прошепталъ Назарычъ.

— Кто, дядя, глядитъ?

— Лодыжкинъ, царство ему небесное. вѣчный покой!

— Мы ихъ, дядя, похоронимъ.

— Похоронимъ, коли живы будемъ.

И смѣльчали поползли дальше. Вотъ покатый каменистый берегъ, а вотъ и Чирахчай говорливо бѣжитъ по каменному ложу.

Солдатики жадно припали къ водѣ, прямо пересохшими ртами, лежа на животахъ.

— Господи благослови! Пей съ осторожкой, ребята.

— На кой, дядя, съ осторожкой? Не пили весь день, надо пить про запасъ.

Напились и бурдюки наполнили. Надо ползти обратно. Но теперь, съ тяжелыми бурдюками, было труднѣе подниматься въ гору. До казармъ они дотащились благополучно, хотя потъ съ нихъ лилъ ручьемъ. Надо было немного передохнуть, и они усѣлись въ тѣни. Внутри казармы какъ будто что-то шевелилось. Что бы это могло быть? Не очнулся ли какой-нибудь покойникъ?

Назаровъ приподнялся и заглянулъ въ окно. Что это? Какой-то звѣрь глодалъ руку у одного изъ мертвецовъ. Волосы встали дыбомъ на головѣ у стараго солдата. Онъ хотѣлъ закричать на звѣря, но во-время опомнился. Все же надо отогнать проклятаго хищника. Солдатъ нагнулся, поднялъ камень и швырнулъ въ звѣря. Животное вздрогнуло и быстро выскочило въ окно.

— Ты что, дядя?—спросили товарищи.

— Какой-то звѣрь грызъ мертвеца.

— Не собака?

— Нѣтъ, на собаку не похоже.

— Ну, это шакалъ: они тутъ бродятъ по ночамъ.

Передохнувъ, смѣльчаки поползли дальше. И мимо мечети съ минаретомъ они пробрались благополучно. Но дальше предстояло самое опасное мѣсто. Отъ мечети до бруствера лежало пространство, ярко освѣщенное луной. Его нужно было пробѣжать съ тяжелою ношею на плечахъ и съ ружьемъ въ рукѣ. Перекрестившись на востокъ, смѣльчаки побѣжали гуськомъ. Вдругъ послѣдовалъ выстрѣлъ, [illegible] котораго прокатилось въ сонныхъ горахъ. За первымъ раздался второй, третій, и [illegible] непріятельскій лагерь въ одно мгновеніе былъ на ногахъ. Раздались нестройные крики, учащенные выстрѣлы.

— Лѣстницы, лѣстницы, братцы!—слышался съ бруствера голосъ Овечкина.

Казикумухцы бѣжали къ крѣпости, стрѣляя на-ходу. За ними несся Сурхай-ханъ, окруженный узденями. Онъ думалъ, что рус-

скіе сдѣлали вылазку, чтобъ спасти засѣвшихъ на минаретѣ. Вся шеститысячная толпа металась и кричала, ничего не понимая, и, казалось, потеряла голову. Только ближайшіе къ редуту знали, въ чемъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, предполагали, что это убѣгаютъ въ крѣпость тѣ, которые были заперты въ минаретѣ. Они усердно стрѣляли по бѣжавшимъ и взбиравшимся, при помощи спущенныхъ лѣстницъ, на брустверъ смѣльчакамъ-водоносамъ. Пули, однако, сдѣлали свое дѣло. Нѣсколько смѣльчаковъ вмѣстѣ съ бурдюками свалились въ ровъ, и тамъ были дорѣзаны кинжалами казикумухцевъ.

Только дядя Назарычъ и два его питомца, молодые солдатики, благополучно взобрались на брустверъ.

— За три бурдюка воды столько жизней!—горестно махнулъ рукою Овечкинъ.

VII. Заживо погребенные.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, казикумухцы съ новымъ ожесточеніемъ продолжали подкапываться подъ основаніе минарета. Заключеннымъ въ этой иглоподобной башнѣ нечего было и думать о помощи со стороны товарищей, оставшихся въ редутѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ. Дѣло въ томъ, что хотя минаретъ и отстоялъ отъ редута на разстояніи пушечнаго и даже ружейнаго выстрѣла, однако, казикумухцы, подрывавшіеся подъ минаретъ, были защищены отъ выстрѣловъ съ редута этимъ самымъ минаретомъ. Непріятель подкапывался подъ ту именно сторону его основанія, которой съ редута не было видно. Съ своей стороны, и заключенные въ минаретѣ не могли вредить непріятельскимъ саперамъ выстрѣлами съ верхней, наружной площадки минарета, потому что карнизъ этой площадки такъ выдавался наружу, что закрывалъ собою подрывавшихся подъ минаретъ казикумухцевъ, и потому пули съ этой площадки не могли достигать до нихъ. Оставалось [illegible] неминуемой смерти: все равно, еслибъ даже минаретъ не былъ опрокинутъ, то запертые въ немъ герои должны были погибнуть голодною смертью и отъ недостатка воды. Сурхай-ханъ, повидимому, на это и разсчитывалъ. Щербина это очень хорошо понималъ. Онъ покорился роковой неизбѣжности, хотя и протестовалъ въ душѣ, протестовалъ не противъ неизбѣжности конца, а противъ того, что неизбѣжно должно было слу-

читься, на что онъ шелъ прямо со школьной скамьи, что это неизбѣжное слишкомъ скоро наступило, застало его врасплохъ. Но онъ и тутъ бы не протестовалъ, еслибъ этотъ конецъ захватилъ его въ борьбѣ, съ саблею или съ пистолетомъ въ рукахъ; тогда это были бы взаимные торги на жизнь или на смерть. А тутъ нѣтъ! Онъ просто обреченъ на смерть, безъ борьбы, безъ сопротивленія. Его просто заперли, какъ у нихъ въ Малороссіи запираютъ въ сажалку годовалыхъ кабановъ, чтобъ убить ихъ. Ожиданіе такого конца не могло не терзать его гордаго сердца. «Заперли и завалили камнями!» Остается только ждать, когда соблаговолятъ задавить. Для него это невыносимо! Онъ долженъ умереть въ борьбѣ, какъ онъ того и ждалъ.

— Братцы,—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ по заключенію.—Знаете, что они хотятъ съ нами сдѣлать?

— Должно полагать, ваше благородіе, думаютъ изморомъ взять,—отвѣчалъ Рудой, съ застарѣлымъ шрамомъ на лицѣ.

— Нѣтъ! Хуже того: они подрываются подъ минаретъ и хотятъ, чтобъ насъ просто камни задавили; а мы должны ждать, когда упадетъ минаретъ.

— Не бывать этому!—вскричали нѣкоторые.

— Не бывать!—повторили другіе.

— Такъ пробьемтесь же, братцы! Идите за мной съ Богомъ!

И онъ съ саблею наголо побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. За нимъ его товарищи. Вотъ и дверь. Щербина стучитъ въ нее саблей; солдаты колотятъ прикладами. Но дверь не подается, она заложена снаружи грудою камней.

— Отворите!—кричитъ Щербина по-татарски.

— Что, бачка, сдаетесь?— Казанскимъ сиротамъ заговорили?—отвѣчалъ насмѣшливо за дверью голосъ по-русски, но съ татарскимъ акцентомъ. — Кушать захатэлъ? Халатъ надэть хочешь?

— Нѣтъ, мы не сдаемся! Мы идемъ на васъ съ оружіемъ!— со злобой закричалъ Щербина.—Отворите, сволочь!

За дверью послышался злорадный хохотъ.

— Отвори самъ, баринъ: я тэбэ медовый сыта дамъ пить съ калачомъ,—отвѣчалъ тотъ же голосъ.

— Трусы! — негодовалъ Щербина. — Горсти русскихъ бойтесь.

— Нѣтъ, баринъ, мы не баимся: насъ, у! много!

— Свиное ухо!—кричали солдаты.—Перебѣжчикъ, измѣнникъ!

— Я не измѣнникъ, я не русскамъ богамъ присигалъ, а своимъ богамъ, Алла. Я самъ изъ Казанъ.

Все было безполезно. Злоба душила несчастныхъ узниковъ. Съ отчаяніемъ безсилія имъ пришлось возвратиться назадъ, въ тюрьму.

Щербина вышелъ на площадку муэззина. Въ груди его не хватало воздуху. Его душило сознаніе безвыходнаго положенія и невозможность борьбы. Онъ глянулъ на аулъ, на знакомую саклю. На кровлѣ ея никого не было.

— Гдѣ же она? Въ саклѣ? Не выходила еще? Не глядѣла сюда?

Онъ посмотрѣлъ на противоположную сторону, на редутъ. Изъ-за бруствера показалось задумчивое лицо Овечкина. Глаза ихъ встрѣтились.

— Много нашихъ убито ночью?—спросилъ Щербина.

— Изъ десяти смѣльчаковъ семь полегли,—отвѣчалъ Овечкинъ.

— За водой ходили?

— За водой.

— А много принесли?

— Три бараньихъ бурдюка... Все же хоть что-нибудь: выдаю по малой порціи... А у васъ, бѣдныхъ...

Щербина махнулъ рукой.—Хоть бы ужъ скорѣй!

— Не говори, дружокъ: можетъ быть, откуда-нибудь еще и придетъ помощь,—сказалъ Овечкинъ.

— Откуда же? Ни Ермоловъ, ни Мадатовъ ничего не знаютъ.

— А изъ Зейхура, тамъ капитанъ Агѣевъ, а то, можетъ, изъ Кюрага: тамъ у барона Вреде людей немало, и пѣхота, и татарская конница.

— Да вѣдь ни Агѣевъ, ни Вреде не знаютъ, что мы здѣсь заперты.

— Можетъ, случайно до нихъ дойдутъ слухи.

— Поздно... Я ужъ слышу, какъ минаретъ вздрагиваетъ: вѣроятно, скоро грохнетъ.

Овечкинъ молча перекрестился.

— Напиши моему отцу и матери,—продолжалъ Щербина,—напиши, что я...

Онъ не могъ продолжать, ему перехватило горло. Овечкина кто-то позвалъ изъ-за бруствера, и онъ скрылся. Щербина постоялъ нѣсколько минутъ, поглядѣлъ на саклю...

— А ея все нѣтъ... Что съ нею?

Онъ еще постоялъ, смотря на безпорядочно разброшенный лагерь непріятеля и прислушиваясь, какъ внизу, подъ минаретомъ, шла усиленная работа. Слышны были удары желѣза о камень, говоръ, смѣхъ. Щербина вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ. Постоявъ задумчиво нѣсколько минутъ, онъ присѣлъ на полъ площадки, упираясь спиною въ стѣну минарета, развернулъ книжку, перекрестился и сталъ медленно писать.

«Дорогіе папа и мама! Я пишу вамъ, можетъ быть, за нѣсколько минутъ до смерти. Помолитесь обо мнѣ и не очень убивайтесь. Я исполнилъ свой долгъ и твои, дорогой папа, наставленія: я умру достойной тебя смертью. Наше укрѣпленіе окружено громадными силами непріятеля: судя по глазомѣру, мы осаждены пяти или шеститысячныхъ отрядомъ горцевъ-казикумуховъ, подъ предводительствомъ самого Сурхай-хана. Они напали на насъ врасплохъ, почью, и вырѣзали болѣе восьмидесяти нижнихъ чиновъ, спавшихъ въ казармахъ, внѣ укрѣпленія, ибо нашъ редутъ тѣсенъ, и казармы выстроены отдѣльно. Мнѣ съ пятьюдесятью нижними чинами удалось запереться въ мечети. Мы стойко держались въ своемъ жалкомъ укрѣпленіи, поражая враговъ изъ оконъ и амбразуръ. Непріятель лишился не одного десятка своихъ отчаянныхъ головъ; но, въ концѣ концовъ, мы были задавлены массою враговъ. Они ворвались въ мечеть и перерѣзали весь мой маленькій отрядъ, а я съ шестью только молодцами успѣлъ запереться въ минаретѣ. Непріятель бросился было за нами и сюда, но, потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ нашихъ выстрѣловъ и не надѣясь взять насъ силою, рѣшился на ужасную мѣру. Злодѣи вотъ уже другой день подкапываются подъ минаретъ, чтобъ обрушить его и задавить насъ подъ развалинами. Вторыя сутки мы лишены пищи и питья. Не такъ голодъ, какъ жажда: она пожираетъ мои внутренности. Изъ редута же намъ не могутъ подать помощи, слишкомъ ужъ слабъ его гарнизонъ. Мой начальникъ и другъ, штабсъ-капитанъ Овечкинъ, желая спасти меня, сдѣлалъ было вчера вылазку, но я закричалъ ему, чтобъ онъ этого не дѣлалъ: жизнь его людей нужнѣе для отече-

ства, чѣмъ моя одинокая жизнь. Не такъ ли, мой дорогой, незабвенный папа? Я знаю, ты одобришь мое рѣшеніе, хоть бѣдная мамочка и не утѣшится отъ этого. Прощайте, мои дорогіе. На томъ свѣтѣ я надѣюсь обнять ваши священныя для меня тѣни. Вашъ сынъ Вася. Эту книжку, послѣ моей смерти, найдутъ на мнѣ, и добрый Овечкинъ перешлетъ ее вамъ».

Перечитавъ написанное, юноша снова перекрестился, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ стояли слова «дорогіе папа и мама», закрылъ книжку и, спрятавъ ее въ карманъ, всталъ на ноги. Глаза его опять обратились къ знакомой саклѣ. Нѣтъ и нѣтъ. Что же съ нею? Изъ-за бруствера редута снова выглянулъ Овечкинъ, а за нимъ и Мальковъ.

— Послушай, — сказалъ Щербина, обращаясь къ Овечкину,—я сейчасъ вотъ въ своей записной книжкѣ написалъ прощальное письмо къ отцу и къ матери. Когда меня не станетъ...

— Перестань,—остановилъ его Овечкинъ.

— Нѣтъ, ради Бога, выслушай,—настаивалъ Щербина,—когда минаретъ задавитъ насъ, ты вели откопать наши тѣла и возьми у меня изъ кармана мою записную книжку... отошли ее къ отцу.

У него опять перехватило горло; но онъ пересилилъ себя и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

— И ты самъ напиши ему... скажи, что я... не унизилъ его имени... что я...

— Да перестань же, Вася!—съ силой крикнулъ Овечкинъ.— Можетъ быть, и насъ сегодня же не станетъ: ты знаешь, à la guerre... Да, скажи на милость, какъ ты ночью очутился внѣ редута?

— Я ходилъ на свиданье,—откровенно сказалъ юноша.

— Вѣдь я говорилъ, что такъ,—замѣтилъ Мальковъ,—я еще лѣтомъ догадывался объ этомъ.

— Съ кѣмъ же ты видѣлся?—спросилъ Овечкинъ.

— Съ дѣвушкой изъ аула... Но имени я не скажу вамъ: оно для меня священно.

— Я и не спрашиваю,—успокоилъ его другъ.

Нѣсколько пуль, пущенныхъ изъ-за минарета къ вершинѣ бруствера, едва не задѣли Овечкина. Но пуля, вылетѣвшая изъ-за бруствера, сдѣлала свое дѣло: одинъ изъ кази-кумухцевъ

упалъ навзничь съ пробитымъ черепомъ. Это Назаровъ мстилъ за погибшихъ товарищей-водоносовъ.

— Ай, да дядя!—послышался возгласъ.

— А онъ не высовывай свою башку, — проворчалъ дядя, продувая ружье.

Подъ минаретомъ послышались угрозы и проклятія по адресу защитниковъ редута. Но удары о камни, раздавшіеся тамъ, доказывали, что работа подкопа продолжается. Щербина слышалъ все это, и ему казалось, что это заколачиваютъ крышку его гроба. Онъ снова сталъ смотрѣть по направленію къ аулу. На кровлѣ знакомой сакли все никто не показывался.

— Хоть бы издали еще разъ взглянуть на нее передъ смертью.

— Вася!—услыхалъ онъ голосъ съ бруствера. Щербина посмотрѣлъ туда.

— Еще не поздно,—продолжалъ Овечкинъ.

— Что не поздно?—безучастно спросилъ Щербина.

— Попробовать вылазку, выручить тебя оттуда. Мы не можемъ хладнокровно смотрѣть, какъ тебѣ и твоимъ товарищамъ на нашихъ глазахъ роютъ могилу: нашъ долгъ все испробовать.

Щербина чувствовалъ, что рѣшимость его покидаетъ. Двухдневный голодъ, жажда, мучительно пожиравшая его внутренности, конечное истощеніе и упадокъ силъ, а впереди... быть можетъ... Онъ глянулъ на небо, на горы, на синюю даль... Тамъ, за горами, далеко-далеко его родные тополи, милый Днѣпръ... Жизнь такъ прекрасна; сколько ея могло еще быть впереди! Онъ видитъ вольный полетъ орла, слышитъ говоръ природы, журчанье Чирахчая по каменистому ложу. А внизу все роются и стучатъ о камни.

Онъ вдругъ почувствовалъ какъ бы головокруженіе... что-то качнулось... минаретъ дрогнулъ. Внизу послышались дикіе крики.

Съ редута увидѣли, какъ минаретъ дрогнулъ, покачнулся... еще дрогнулъ въ воздухѣ, переломился на двое... и съ грохотомъ ься масса камней обрушилась, пославъ въ сотрясенный воздухъ облако пыли. Минарета не существовало болѣе.

VIII. Штурмъ редута.

Наступилъ третій день осады Чираха. На мѣстѣ минарета высилась безобразная груда сѣрыхъ камней. На вершинѣ этого безобразнаго холма торчалъ, свалившись на бокъ, минаретный шпицъ съ поверженнымъ полумѣсяцемъ. Онъ побѣдилъ! Тутъ же сиротливо стояла мечеть съ выбитыми окнами и окровавленными подоконниками. Съ редута видно было, что въ непріятельскомъ станѣ господствовало крайнее оживленіе и бѣготня. Казикумухцы готовились къ чему-то рѣшительному. Можно было даже видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ надѣвали на себя кольчуги. Выносились впередъ лѣстницы.

— Къ штурму готовятся,—сказалъ Овечкинъ, обходя вмѣстѣ съ Мальковымъ свое укрѣпленіе и распредѣляя по мѣстамъ свой немногочисленный гарнизонъ.

— Ихъ подзадориваетъ паденіе минарета,—замѣтилъ Мальковъ.

— Но съ редутомъ и съ бруствером имъ не такъ-то легко будетъ справиться; и картечи эта сволочь не вынесетъ.

— Кто ее выноситъ!

— А наши солдатики выносятъ: они всегда лѣзутъ въ рукопашную со своимъ штыкомъ, ужасно любятъ штыкъ.

— Да, недаромъ и Суворовъ-старикъ говаривалъ: «пуля—дура, штыкъ—молодецъ».

Утро стояло пасмурное. Надъ горами клубились снѣжныя облака; но благодѣтельный снѣгъ не спускался на редутъ, а его тамъ такъ страстно ждали: хоть бы снѣгомъ немного залить, пылавшія огнемъ отъ жажды, внутренности! Воды въ редутѣ давно уже не было, и храбрыхъ его защитниковъ видимая смерть страшила менѣе, чѣмъ мученія жажды.

— Утро намъ благопріятствуетъ, — замѣтилъ Овечкинъ, наблюдая движеніе въ лагерѣ казикумухцевъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Мальковъ.

— Солнца нѣтъ, не будетъ мѣшать цѣлиться.

Въ редутѣ не ошиблись насчетъ намѣреній непріятеля. Сурхай-ханъ повелъ на штурмъ свою нестройную ватагу. Толпы казикумухцевъ съ дикимъ воемъ и алалаканьемъ двинулись къ укрѣпленію. Въ сомкнутыхъ рядахъ ихъ виднѣлось до полусотни лѣстницъ, которыя они тащили для штурма бруствера. Прибли-

зившись менѣе, чѣмъ на выстрѣлъ, они стремительно бросились на укрѣпленіе, надѣясь взять крѣпость дружнымъ натискомъ, какъ они взяли казармы и мечеть, тѣмъ болѣе, что въ редутѣ не видно было никакихъ признаковъ обороны. Они ничего не видѣли что дѣлалось въ средней амбразурѣ крѣпости.

А въ этой амбразурѣ, укрывшись за орудіемъ, стоялъ Овечкинъ съ чуть дымящимся фитилемъ и зорко наблюдалъ за приближеніемъ врага. Взявъ фитиль въ лѣвую руку, онъ перекрестился.

— Господи, благослови!—глухо проговорилъ онъ.

Взвился дымокъ, орудіе грохнуло, и картечь кучею сыпнуло въ лицо непріятелю. Страшные крики и вопли огласили воздухъ. Въ рядахъ казикумухцевъ стонали и корчились въ предсмертныхъ судорогахъ десятки жертвъ.

— Это вамъ за минаретъ! — послышались возбужденные голоса.

— Орудіе нумеръ второй—пли!

Снова грохотъ, и стоны падающихъ.

— Это имъ за мечеть!

— Орудіе нумеръ третій—пли!

Непріятель дрогнулъ. Передніе, давя умирающихъ и спотыкаясь о трупы, бросились вразсыпную. Сурхай-ханъ, поднявшись на стремена, съ лицомъ, искаженнымъ злобою, стрѣлялъ въ бѣгущихъ или, настигая другого уходившаго, безпощадно рубилъ саблею. На носилкахъ, устроенныхъ изъ жердей и покрытыхъ буркою, вынесли впередъ Бейбулата.

— Алла! Алла! — кричалъ онъ, размахивая въ воздухѣ шашкою.

Бѣглецы стали приходить въ себя и останавливались.

— Алла-га! Алла-гу! — взывалъ Бейбулатъ, указывая на глубокій ровъ, окружавшій редутъ

Нѣсколько оправившіеся казикумухцы кинулись къ оставленнымъ было въ суматохѣ лѣстницамъ и стали ихъ подбирать.

— На брустверъ, братцы!—командовалъ дядя Назарычъ.— Не дадимъ имъ, проклятымъ, засѣсть во рву.

— На брустверъ!—повторили возбужденные голоса.

— Береги людей, Назаровъ,—закричалъ Овечкинъ.

— Поберегу, ваше благородіе,—былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ казикумухцы, поражаемые съ бруствера мѣт-

кими пулями, все-таки лѣзли въ ровъ, спуская туда лѣстницы. Другіе посылали отвѣтныя пули въ головы показывавшихся на брустверѣ удальцовъ, отплачивая тѣмъ за своихъ убитыхъ. Не одинъ уже изъ храбрыхъ защитниковъ редута свалился съ бруствера назадъ, кто съ пробитымъ черепомъ, кто съ простр'ѣленною грудью. «Добейте, братцы!» Слышались стоны несчастныхъ, около которыхъ, засучивъ рукава выше локтей, въ бѣломъ окровавленномъ передникѣ работалъ докторъ. Страшное ожесточеніе росло съ обѣихъ сторонъ. Непріятель все прибывалъ, а ряды отчаянныхъ защитниковъ рѣдѣли все болѣе. Но они не унывали, а только молили Бога послать имъ воды, хоть дождевую каплю.

— Богородица, нагони на насъ тучку, окропи святою водой!

— Хоть бы каплю росы съ неба...

— А вы, ребятушки, берите въ ротъ по щепоткѣ пороху, онъ слюну пущаетъ,—наставлялъ ихъ дядя Назарычъ.

Сурхай-ханъ, который оставался въ нѣкоторомъ отдаленіи, приблизился къ крѣпости и сталъ махать въ воздухѣ бѣлою чадрою, вздѣтою на конецъ сабли. Уздени поскакали ко рву, отдавая какія-то приказанія. Перестрѣлка мгновенно смолкла. Осажденные тоже замолчали.

— Сдайтесь, русскіе! — громко сказалъ Сурхай-ханъ. — Я пощажу вашу жизнь.

— Жизнь наша принадлежитъ Богу и великому государю!— отвѣчалъ Овечкинъ.—Мы ее тебѣ не дадимъ.

— Отдайте локоны женъ!—настаивалъ ханъ.

— Приди и возьми,—былъ отвѣтъ.

Сурхай махнулъ саблей, и снова началась стрѣльба, еще болѣе ожесточенная.

— Доктора! Доктора сюда! — кричалъ Мальковъ, выбѣгая изъ амбразуры.

Докторская помощь требовалась для самого Овечкина: непріятельская пуля простр'ѣлила ему навылетъ ногу; но онъ не покидалъ команды.

— Скройте, голубчики, отъ солдатъ, что я раненъ,—говорилъ онъ находившимся около него.

Явился докторъ, измученный, весь забрызганный кровью.

— Много убитыхъ?—спросилъ Овечкинъ, видя разстроенное лицо доктора.

— Много, дружокъ, охъ, какъ много! Офицеры убиты.

Овечкинъ перекрестился.

— Я еще цѣлъ,—сказалъ Мальковъ, наводя орудіе.

Но въ этотъ моментъ и онъ упалъ, пораженный пулею.

— Голубчикъ мой!—простоналъ Овечкинъ, увидѣвъ упавшаго товарища.

Между тѣмъ, на валу оставалось уже немного защитниковъ: одни были убиты, другіе ранены.

— Братцы!—сказалъ Назаровъ товарищамъ. — Оставайтесь которые на валу, супротивъ ихнихъ лѣстницъ, не давайте только имъ взбираться.

— Да зарядовъ, дядя, нехватка,—отвѣчали нѣкоторые.

— А штыкъ на что? А прикладъ? Такъ и сади по бритой башкѣ... А другіе которые идите за мной.

— Зачѣмъ? Куда?

— А вонъ тамъ добрый чинаровый брусъ: мы его притащимъ, да съ валу прямо на головы ему.

— Ладно, дядя, идемъ.

Съ большимъ трудомъ удалось измученнымъ героямъ втащить на брустверъ огромный чинаровый брусъ, толщиною въ обхватъ.

— Въ которомъ, братцы, мѣстѣ о н ъ засѣлъ гуще во рву? спрашивалъ Назаровъ тѣхъ, которые, высматривая изъ-за бруствера, наблюдали за врагомъ, засѣвшимъ во рву.

— Здѣсь, дядя, вотъ какъ разъ тутъ.

— Тутъ ихъ словно этого самаго муравья насыпано, такъ свиньей и претъ.

— Ладно! Мы сго.

Брусъ установленъ какъ разъ противъ того мѣста во рву, гдѣ всего гуще засѣлъ непріятель.

— Навались, ребятушки: разъ, два, три! Ухнемъ!

— Уу-ухъ!—Гигантское бревно скатилось въ ровъ, ломая непріятельскія лѣстницы, и задавило массу враговъ. Снизу послышались стоны и проклятія.

— А! Не любишь? Такъ съѣшь же!—сказалъ Назаровъ, въ изнеможеніи присаживаясь, чтобъ передохнуть.

Но въ это самое время между солдатами прошла печальная вѣсть, что раненъ любимый начальникъ. Какъ проникла сюда эта роковая вѣсть, никто не зналъ. Всѣ растерянно переглядывались. Назаровъ перекрестился.

— Братцы!—сказалъ онъ.—Всѣ вы передъ штурмой надѣли чистыя рубахи?

— Всѣ надѣли,—угрюмо отвѣчали солдатики.

— То-то же... Вѣдь мы къ Богу идемъ, скоро стать должны передъ Имъ Самимъ, такъ кажинный изъ насъ долженъ быть въ чистой рубахѣ, какъ передъ причастіемъ... А только, братцы, трахвыми въ руки не даваться, слышите?

— Слышимъ... Знамо дѣло... какъ Господь...

— У насъ есть штыки, приклады...

— Приклады!—сердито возразилъ тотъ вертлявый фельдфебель, котораго Назарычъ обозвалъ «воинскимъ трахвеемъ»...— Много ты сдѣлаешь своимъ прикладомъ, когда на тебя на одного ихъ, чертей, человѣкъ двадцать наляжетъ.

Назаровъ строго поглядѣлъ на него.

— Эхъ ты, трахвей!—презрительно сплюнулъ онъ черною отъ пороха слюной.

Остальные солдатики, видимо, переминались, растерянно поглядывая другъ на друга. Измученныя лица ихъ, закоптѣвшія отъ порохового дыму и осунувшіяся, какъ у тяжко больныхъ; ихъ покраснѣвшія отъ безсонныхъ ночей глаза, все говорило, что они переживали тягостныя минуты. Это была агонія истомленнаго, обезсиленнаго мужества, мужества, повидимому, уже безцѣльнаго и безполезнаго. Слышались подавленные вздохи, хрустѣніе безнадежно сжимаемыхъ пальцевъ... А внизу, за брустверомъ, волною перекатывался рокотъ торжествующаго непріятеля.

Въ этотъ моментъ изъ амбразуры орудія нумеръ первый показался раненый Овечкинъ, съ блѣднымъ отъ потери крови лицомъ.

Его несли на носилкахъ. Не слыша болѣе выстрѣловъ съ брусвера, онъ желалъ лично посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и велѣлъ нести себя туда.

— Что, товарищи?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ, видя на лицахъ подчиненныхъ нерѣшительность и уныніе.—Что не отражаете врага?

Солдатики переминались, робко переглядываясь между собою.—Патроновъ недохватка, ваше благородіе,—отвѣчалъ фельдфебель, прозванный «трахвеемъ».

— Мочи нашей нѣтъ... не въ моготу,—послышались робкіе голоса.

— Черти!—проворчалъ дядя Назарычъ.—Трусы!

Овечкинъ, словно отъ удара хлыстомъ приподнялся на носилкахъ.

— Товарищи!—заговорилъ онъ на мгновеніе окрѣпшимъ голосомъ, и, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, голосъ его крѣпчалъ.—Я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны, не одинъ разъ водилъ васъ впередъ и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же, при концѣ моей жизни, увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну! Ужъ если вы рѣшились опозорить имя русское, то прежде пристрѣлите меня и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете дѣлать того, что должно: убейте начальника, когда не хотите бить враговъ...

Голосъ его оборвался какъ бы съ плачемъ. Взглянувъ на Назарова, онъ увидѣлъ, что у посѣдѣлаго въ бояхъ храбраго фельдфебеля по морщинистымъ загорѣлымъ щекамъ текли слезы.

— Уррра!—хрипло, сквозь слезы, закричалъ старый фельдфебель, потрясая въ воздухѣ штыкомъ.

— Уррра! Уррра!...—подхватили товарищи и бросились на валъ.

Снова возобновилась перестрѣлка, послѣднее отчаянное усиліе погибавшей горсти защитниковъ своей святыни и своей жизни. Заряды береглись какъ драгоцѣнность, послѣдніе заряды! и потому каждая вылетавшая изъ ружья пуля должна была нести вѣрную смерть врагу, рвавшемуся на брустверъ.

Нѣтъ больше зарядовъ! Въ этотъ самый моментъ по брустверу пронесся зловѣщій шопотъ:—«Начальникъ умираетъ... начальникъ умеръ»... Всѣ бросились къ главной амбразурѣ. На платформѣ, недалеко отъ орудія, опрокинувшись навзничь, лежалъ Овечкинъ. Жизнь, казалось, оставила его. Надъ нимъ на колѣняхъ стоялъ докторъ. Солдатики сняли фуражки и набожно крестились, сосредоточенно глядя въ помертвѣвшее лицо своего вождя.

— Теперь, братцы, остается только сдаться, шабашъ!—вдругъ сказалъ вертлявый фельдфебель.

Умиравшій моментально открылъ глаза и приподнялся на носилкахъ.

— Связать его!—слабѣющею рукою указалъ онъ на труса.

Назарычъ первый бросился крутить руки позорному товарищу.

— Я застрѣлю того, кто первымъ упомянетъ о сдачѣ,—сказалъ Овечкинъ, глядя, какъ вязали «трахвея». — А теперь, братцы, поднимите меня и поднесите къ орудію.

Его осторожно подняли и поднесли. Непріятель, не слыша выстрѣловъ, массами устремился на укрѣпленіе. Овечкинъ слабою рукою взялъ фитиль, приложилъ къ затравкѣ, и орудіе грохнуло. Но въ то же мгновеніе десятки пуль ворвались въ амбразуру и поразили героя. Овечкинъ скатился съ платформы вмѣстѣ съ носилками.

IX. Любовь выручила.

Непріятель уже взбирался по лѣстницамъ на верхъ бруствера. Около десятка оставшихся въ живыхъ и не раненыхъ защитниковъ редута еще продолжали отчаянно, штыками и ружейными прикладами, сбрасывать въ ровъ наиболѣе дерзкихъ изъ осаждавшихъ... Какъ вдругъ произошло что-то необычайное...

Раздался пронзительный сигналъ. Осаждающіе, казалось, дрогнули и на мгновеніе точно застыли. Между ними началась необыкновенная суматоха. Всѣ бросались назадъ, кто къ лошадямъ, кто къ палаткамъ. Бывшіе во рву спѣшили выбраться изъ него, взбиравшіеся по лѣстницамъ на брустверъ стремглавъ бросились назадъ, въ ровъ, и тоже цѣпляясь другъ за друга, карабкались наверхъ и стремительно бѣжали къ своимъ лошадямъ. Ясно было, что это начиналось бѣгство. Но отъ чего? Отъ кого?

— Братцы! Ребятушки!—со слезами на глазахъ сказалъ Назарычъ, кладя на край бруствера ружье и набожно крестясь.— Молитесь Богу! Крѣпость спасена.

Онъ упалъ на колѣни и молитвенно сложилъ руки.

— Отче нашъ, иже который... Я не умѣю молиться... Богородица!.. Микола милосливый... Петры и Павла... Фрола и Лавра... Отче нашъ, иже который... снеси на небеси и на землѣ... хлѣбъ нашъ насущій!—бормоталъ онъ, и слезы текли у него по щекамъ, какъ бы сглаживая собою глубокія морщины мужественнаго загорѣлаго лица.

Всѣ молились, какъ дѣти, бормоча безсмысленно слова: «Флора и Лавра», «Иванъ Предотеча» и т. п.

Между тѣмъ непріятель продолжалъ торопливо сниматься съ мѣстъ и уходилъ въ горы по направленію къ Хозреку и къ Кумуху. Охваченные, повидимому, паникою, казикумухцы побросали во рву всѣ свои осадныя лѣстницы. Покончивъ молитву, Назаровъ взошелъ на вершину бруствера и сталъ глядѣть вдаль. Ему не долго пришлось всматриваться въ очертанія горъ и ихъ причудливые спуски. Тамъ выглянувшее изъ-за тучъ солнце отражалось на стали штыковъ, то были русскіе штыки. Отрядъ пѣхоты спускался съ горъ, предшествуемый небольшимъ эскадрономъ конницы.

— Наши, ребятушки, наши!—радостно говорилъ дядя Назарычъ, прикрывая ладонью глаза.—Теперь, братцы, за водой! Берите бурдюки, нонече намъ о н ъ не помѣшаетъ: и сами напьемся, и нашихъ раненыхъ напоимъ.

Куда дѣвались усталость, отчаяніе! Казалось, и жажда уже не такъ мучила, не такъ болѣли всѣ члены отъ постоянной натуги: ожилъ духъ, оживилъ собою и тѣло. Цѣлыхъ во всемъ редутѣ, изъ двухъ полныхъ ротъ, осталось только восемь человѣкъ, въ томъ числѣ казакъ изъ штабъ-квартиры съ «летучкой», и всѣ они, захвативъ бурдюки, отправились за водой къ Чирахъ-чаю. Но имъ ужъ не нужно было спускаться для этого съ отвѣса бруствера, а вышли прямо воротами. Казакъ велъ за собою лошадь, которая успѣла за эти три дня сильно похудѣть, потому что и она трое сутокъ не пила. Несчастный меринокъ радостно заржалъ, едва издали увидалъ струи журчащей по камнямъ рѣчки. Проходя мимо мечети и казармъ, наполненныхъ трупами товарищей, солдатики набожно крестились.

— Теперь ихъ съ честью похоронимъ, голубчиковъ,—говорилъ Назарычъ,—христолюбивые воины, которые...

Всѣ торопились къ водѣ. Даже груды камней отъ минарета, похоронившаго ихъ товарищей и добраго молоденькаго офицера, не задержали ихъ около себя.

— Нонѣ же начнемъ откапывать,—какъ бы про себя проговорилъ Назарычъ.

— А меня, поди, ждутъ въ штабѣ,—только теперь вспомнилъ казакъ о своей миссіи,—думаютъ, чай, что меня убили или въ полонъ забрали татары

Между тѣмъ отрядъ, который шелъ на выручку Чираха, приближался къ укрѣпленію. Впереди отряда ѣхали два всадника, а по сторонамъ пѣхоты—небольшіе взводы татарской милиціонной конницы. По всему видно было, что впереди отряда генералъ; но кто? Зато лицо, ѣхавшее съ нимъ рядомъ на прекрасномъ конѣ, вызвало у всѣхъ недоумѣніе. Что это? Ребенокъ, мальчикъ, или дѣвочка? По росту это ребенокъ. Но на головѣ женская чадра и на ногахъ женскія шальвары, сбивали съ толку. Кто бы это и зачѣмъ?.. Развѣ дочка самого генерала? Ближе и ближе. Нѣтъ, это татарка, молоденькая черкешенка. Что за притча? И рядомъ съ генераломъ, впереди отряда!

Да, это была совсѣмъ молоденькая черкешенка. Но зачѣмъ? Кто она? Возвратившіеся съ водой солдатики, сдавъ принесенныя имъ сокровища на руки тѣмъ раненымъ, которые въ состояніи были двигаться, подъ предводительствомъ доктора (всѣ офицеры были убиты или тяжко ранены), вышли изъ редута и выстроились въ линію у самыхъ воротъ.

— Здравствуйте, молодцы!—сказалъ, подъѣзжая къ нимъ, генералъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—отвѣчали храбрые защитники редута.

— Неужели, господинъ докторъ, васъ всего столько осталось?—съ удивленіемъ спросилъ генералъ.

— Столько, ваше превосходительство, всего восемь человѣкъ.

— А остальные?

— Или убиты, или тяжко ранены.

— А штабсъ-капитанъ Овечкинъ?

— Тяжело раненъ, ваше превосходительство. Впрочемъ, мнѣ удалось привести его въ чувство.

— Боже, какое несчастіе!

Пока генералъ разспрашивалъ, а докторъ отвѣчалъ, сидѣвшая на конѣ рядомъ съ генераломъ таинственная черкешенка все болѣе и болѣе блѣднѣла. Прелестное личико ея выражало глубокое страданіе. Хотя оно было полузакрыто чадрой, но и по однимъ чернымъ, глубокимъ глазамъ ея можно было судить о томъ, что происходило у нея въ душѣ. Всѣ смотрѣли на нее съ невольнымъ состраданіемъ.

— Вотъ ваша юная, великодушная спасительница,—сказалъ

генералъ, обращаясь къ дѣвочкѣ,—не будь ея, я не былъ бы теперь здѣсь.

Докторъ подошелъ къ ней и почтительно поцѣловалъ ея холодную, какъ ледъ, ручку.

— Богъ наградитъ васъ, юное, великодушное существо,—съ чувствомъ сказалъ онъ.

Дѣвушка вспыхнула и закрылась чадрой.

— А теперь ведите меня въ редутъ,—сказалъ генералъ, слѣзая съ лошади.—Иди со мной и ты, милая Магуль,—сказалъ онъ, подавая руку юной черкешенкѣ,—ты здѣсь самая дорогая гостья.

Дѣвушка сошла съ коня и робко послѣдовала за генераломъ. Они вошли въ редутъ, и дѣвушка, при видѣ представившагося ей зрѣлища, чуть не упала отъ ужаса, и только подоспѣвшій ей на помощь докторъ удержалъ ее. Редутъ былъ весь залитъ кровью. Въ углубленіи, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ, положены были рядомъ убитые. Лицъ ихъ не было видно, потому что головы были прикрыты ихъ же шинелями, и только виднѣлись ноги и ряды сапогъ со стоптанными и окровавленными подошвами. Болѣе шестидесяти человѣкъ раненыхъ были размѣщены въ другой сторонѣ маленькаго дворика: то въ лежку—тяжело раненые, то сидя—съ наскоро перевязанными ранами.

Генералъ поздоровался съ ними.

— Выздоравливайте, братцы,—сказалъ онъ,—государь не забудетъ вашихъ заслугъ. Теперь вы въ безопасности: эта мужественная дѣвушка избѣстила меня, прибѣжавъ въ Кюрахъ съ опасностью собственной жизни, что вашъ редутъ обложенъ вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, и я поспѣшилъ къ вамъ. Молитесь за нее.

Но та, о которой шла рѣчь, ничего не слыхала. Блѣдная трепещущая, она искала кого-то широко раскрытыми глазами. За воротами редута, между тѣмъ, шли объятія спасенныхъ со спасителями, разсказы объ ужасныхъ дняхъ осады, о смерти товарищей. Генералъ съ докторомъ и юною черкешенкою вошли въ офицерское помѣщеніе. Овечкинъ и Мальковъ лежали на своихъ койкахъ, перевязанные и забинтованные.

— Здравствуйте, неустрашимые носители славы русскаго оружія!—сказалъ генералъ, подходя къ койкамъ.

Приблизившись къ Овечкину, онъ нагнулся и поцѣловалъ его

въ горячій лобъ, перевязанный наискось бинтомъ. Затѣмъ онъ поцѣловалъ Малькова.

— Пока въ русскомъ войскѣ будутъ жить подобные вамъ герои,—продолжалъ онъ,—вся вселенная не въ состояніи будетъ побѣдить насъ! Изъ двухъ полныхъ ротъ только восемь человѣкъ уцѣлѣло, и вы все-таки отстояли редутъ.

Видя, что оба раненые офицера въ недоумѣніи смотрятъ на юную черкешенку, стоявшую съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ на застывшемъ мраморномъ личикѣ, съ глазами, полными ужаса, генералъ взялъ ее за руку и подвелъ къ койкамъ.

— Вотъ ваша великодушная спасительница, — сказалъ онъ.—Прелестное дитя, она пѣшкомъ прибѣжала ко мнѣ въ Кюрахъ, чтобъ извѣстить объ угрожавшей вамъ неминуемой гибели. И я поспѣшилъ къ вамъ, все-таки, кажется, во время.

— О, да, ваше превосходительство, слабымъ голосомъ отвѣчалъ Овечкинъ,—непріятель уже взбирался на брустверъ, когда...

Онъ остановился и застоналъ. Докторъ подбѣжалъ къ нему.

— Тебѣ нельзя говорить,—сказалъ онъ.

— Да, да!—поспѣшилъ генералъ.—Я виноватъ.

— У него лихорадка, ваше превосходительство,—объяснилъ докторъ.

— Да, да, я уйду распорядиться уборкой тѣлъ и подачею нужной помощи раненымъ,—заторопился генералъ,—со мною полковой врачъ. А ты, милое дитя, останься пока здѣсь, отдохни, успокойся,—закончилъ онъ, нѣжно положивъ руку на плечо дѣвушки.—Твоя заслуга государемъ не будетъ оставлена безъ награды.

Когда генералъ вышелъ, докторъ подошелъ къ стоявшей неподвижно дѣвушкѣ и снова поцѣловалъ ея холодную и дрожащую ручку.

— Милое дитя!—нѣжно сказалъ онъ.—Успокойся, отдохни, сядь вотъ здѣсь и скажи, какъ тебя зовутъ, а?

— Магуль,—чуть слышно прошептала юная черкешенка.

— Ты изъ нашего аула, изъ Чираха?

— Чирахъ,—былъ слабый отвѣтъ.

Пересыпая русскую рѣчь татарскою, докторъ съ трудомъ узналъ все, что ему было нужно. Оказалось, что у нея въ аулѣ Чирахъ живетъ мать и маленькій братишка; что отца ея, мирнаго горца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ убили казикумухцы во время

набѣга на мирный Чирахъ; что, видя, какъ теперь эти же казикумухцы осадили редутъ Чирахъ, она, желая отомстить имъ и спасти русскихъ, своихъ кунаковъ, тихонько отъ матери пробралась въ укрѣпленіе Кюрахъ, зная, что тамъ стоитъ русскій гарнизонъ, и извѣстила ихъ объ осадѣ Чираха Сурхай-ханомъ. Разсказавъ все это съ большимъ волненіемъ, она хотѣла, повидимому, о чемъ-то спросить, но не рѣшалась, а только боязливо поглядывала то на дверь, то въ окно. Видя ея тревогу и догадываясь объ ея источникѣ, Мальковъ, который былъ раненъ не такъ тяжело, какъ Овечкинъ, знакомъ подозвалъ къ себѣ доктора и велѣлъ ему нагнуться къ себѣ.

— Ради Бога, — прошепталъ онъ на ухо доктору, — не говори ей, что нашъ бѣдный Щербина погибъ такъ ужасно: я догадываюсь, что эта прелестная дѣвочка любитъ его и была имъ любима, и для него одного она рѣшилась на свой геройскій поступокъ. Извѣстіе о его смерти убьетъ это бѣдное дитя. Пусть она узнаетъ обо всемъ послѣ. Отправь ее теперь же къ матери, которая, вѣроятно, не знаетъ что и думать о своей дѣвочкѣ и, можетъ быть, горько оплакиваетъ ее.

Сдѣлавъ юной черкешенкѣ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, докторъ заговорилъ объ ея матери, что она теперь должна очень безпокоиться, ничего не зная о судьбѣ своей дочери, и что для успокоенія ея надо тотчасъ же воротиться домой.

— А тебя наши проводятъ до самой твоей сакли, — заключилъ онъ.

Дѣвушка согласилась и тотчасъ же встала. Тогда Овечкинъ протянулъ къ ней руки.

— Милое дитя, — сказалъ онъ, — подойди ко мнѣ.

Она подошла, робко опустивъ глаза. Овечкинъ взялъ ея руки и поднесъ къ губамъ.

— Я ничѣмъ не могу отблагодарить тебя, благородная дѣвушка, за твой великодушный поступокъ, — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, — но тебя достойно наградятъ Богъ и государь. Иди же теперь къ своей мамѣ. Если Богъ сохранитъ мнѣ жизнь, то я еще надѣюсь увидѣть тебя, — заговорилъ онъ, мѣшая русскія слова съ татарскими и держа въ рукахъ ея маленькую ручку.

— Подойди и ко мнѣ, милая дѣвушка, — сказалъ въ свою очередь Мальковъ.

Черкешенка подошла, и молодой офицеръ долго и горячо цѣловалъ ея руки, но ничего не сказалъ. Когда она отошла, руки ея были влажны отъ слезъ: этими слезами было оплакано такъ безжалостно похищенное счастье прелестной дочери горъ и счастье ея возлюбленнаго, объ ужасной кончинѣ котораго она еще ничего не знала. Она вышла вмѣстѣ съ докторомъ На дворѣ ихъ встрѣтилъ генералъ.

— Вы куда, докторъ? — спросилъ онъ.

— Пора возвратить юную героиню ея матери, ваше превосходительство, — отвѣчалъ докторъ, — та, конечно, безпокоится о своей дочери.

— Да, да! — согласился генералъ. Это юная Іоанна д'Аркъ Чираха, вторая дагестанская Дурова «дѣвица-кавалеристъ». Я такъ и донесу объ ея подвигѣ государю императору. А теперь пускай отправляется домой. Эй, Арасланъ! — обратился онъ къ стоявшему невдалекѣ начальнику прибывшаго съ нимъ въ Чирахъ небольшого отряда татарской конницы: — Вели подвести сюда мою «Гурію».

Къ нему тотчасъ же подвели красавца-коня, бѣлоснѣжную кобылицу «Гурію», на которой юная черкешенка прибыла съ генераломъ въ Чирахъ.

— Это твоя лошадь, милая Магуль, — сказалъ онъ черкешенкѣ: — я дарю ее тебѣ на память о твоемъ геройскомъ подвигѣ и съ тѣмъ, что, если въ другой разъ тебѣ случится извѣщать меня объ угрожающей Чираху опасности, то чтобы ты явилась ко мнѣ въ Кюрахъ не пѣшкомъ, а верхомъ на «Гуріи». Садись же на конь и ты, Арасланъ, проводи дѣвушку до самаго дома и клапяйся отъ меня ея матери. Скажи ей, что я самъ къ ней заѣду.

И, поцѣловавъ юную черкешенку въ лобъ, онъ не успѣлъ подать ей руку, какъ она была уже на сѣдлѣ.

Скоро она и Арасланъ выѣхали изъ редута. Уѣзжая, Магуль все кого-то искала печальными глазами.

X. Выдала себя—«бѣдная дѣвочка»!

Прибывшій на спасеніе Чираха генералъ — былъ генералъ-майоръ баронъ Вреде, недавно поставленный Ермоловымъ во главѣ управленія Кубинскою провинціею. Во время осады Чираха Сурхай-ханомъ баронъ Вреде находился въ Кюрахѣ или Кюры, небольшомъ укрѣпленіи, стоявшемъ на берегу быстраго Курахъ-чая, верстахъ въ 40-ка или 50-ти отъ Чираха. Туда-то и явилась юная, безстрашная черкешенка, пройдя это разстояніе пѣшкомъ, среди горъ и ущелій, поросшихъ въ иныхъ мѣстахъ непроходимыми лѣсами. На подобный подвигъ способна только любовь, любовь пламеннаго существа, выросшаго подъ жгучимъ солнцемъ Дагестана.

Когда къ Вреде привели это дикое, прелестное созданіе, совсѣмъ ребенка, измученнаго и голоднаго, со слѣдами царапинъ на рукахъ и на нѣжномъ личикѣ, онъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы она, это хрупкое, юное созданіе, робкое, какъ лань, и неустрашимое до геройства, могла совершить такой необыкновенный подвигъ. Но онъ повѣрилъ, когда узналъ, что ею руководила жажда мести за смерть отца: месть—это религія всякаго горца. Въ данномъ же случаѣ геройство исходило изъ болѣе нѣжнаго чувства, о которомъ баронъ Вреде и не догадывался.

Онъ тотчасъ же приказалъ своему ординарцу, старому бородинскому герою, накормить и напоить юную героиню, которой едва исполнилось четырнадцать лѣтъ, а самъ, отправивъ гонца въ укрѣпленіе Зіахуръ, или Зейхуръ, въ пятидесяти верстахъ отъ Кюраха, къ капитану севастопольскаго полка Агѣеву съ приказомъ немедленно выступить къ Чираху, сталъ готовиться къ походу. Взявъ съ собою сто человѣкъ пѣхоты и небольшой отрядъ татарской конницы съ бекомъ Арасланомъ во главѣ и посадивъ отдохнувшую и подкрѣпившуюся пищей Магуль на тонконогую «Гурію», онъ выступилъ въ тотъ же день, и поспѣлъ, какъ мы видѣли, какъ разъ во-время. Замедли онъ часомъ, даже нѣсколькими минутами, и Чирахъ былъ бы уже въ рукахъ Сурхай-хана, а его немногочисленные защитники... кто знаетъ, что было бы съ ними.

Когда Магуль проѣзжала къ своему аулу въ сопровожденіи бекъ-Араслана, уборка тѣлъ уже началась, а въ сторонѣ, на возвышеніи, копали обширную и глубокую «братскую могилу».

Къ этой могилѣ сносили убитыхъ изъ казармъ, изъ мечети и изъ редута. Въ то же время стали осторожно разрывать груду камней и щебня, образовавшуюся отъ рухнувшаго минарета. Здѣсь, подъ развалинами минарета, прежде всего отрытъ былъ трупъ Щербины. Мертвый юноша лежалъ навзничь, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу. Лицо его, казалось, не было даже тронуто рукою смерти. Оно было только блѣдно и нѣсколько похудѣло, но ни одной царапинки, ни одного слѣда ушиба ни на лбу, ни на щекахъ. Повидимому, при паденіи минарета, лицо молодого человѣка и голова его очутились подъ защитою разрушеннаго купола, выпуклость котораго и прикрыла собою голову несчастнаго юноши отъ камней. Ноги же его и позвоночный хребетъ оказались переломленными. Его бережно уложили на носилки и отнесли въ сторону. Докторъ, присутствовавшій при этомъ, разстегнулъ на мертвомъ чекмень и изъ бокового кармана вынулъ небольшую записную книжку съ вытѣсненными на ней золотомъ: «Notes». Это была та книжка, въ которую онъ за нѣсколько часовъ до смерти вписалъ письмо, посмертное письмо, къ отцу и матери, и которую онъ завѣщалъ Овечкину переслать къ нему на родину, какъ привѣтъ изъ-за могилы.

— Горько будетъ родителямъ получить такое наслѣдство отъ сына,—грустно сказалъ докторъ, смахивая набѣжавшую на рѣсницы слезу.

Онъ разстегнулъ у мертваго рубашку и увидѣлъ на груди его небольшой образокъ въ серебряной оправѣ. Открывъ нижнюю металлическую пластинку, онъ увидѣлъ тамъ небольшой локончикъ волосъ, черныхъ и блестящихъ, какъ волосы Магуль.

— Да, это ея локончикъ,—покачалъ печально головою докторъ,—пусть онъ съ нимъ и ляжетъ въ могилу... Это его неотъемлемое достояніе.

Въ это время подошелъ баронъ Вреде съ офицеромъ своего стряда.

— Такъ это Щербина?—спросилъ Вреде, глядя на спокойное лицо юноши.

— Щербина, ваше превосходительство,—отвѣчалъ докторъ, застегивая на мертвомъ чекмень.

— Геройская смерть, геройская смерть!—задумчиво проговорилъ генералъ.

— Такъ это то, что было минаретомъ, груда камней!—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

Изъ-подъ этой груды стали вытаскивать другія тѣла. Они были страшно изуродованы.

— А сколько ихъ засѣло въ минаретѣ?—спросилъ Бредо.

— Всего шесть человѣкъ.

— Шесть человѣкъ! Славная смерть!

— Но и мучительная, ваше превосходительство,—замѣтилъ офицеръ,—они трое сутокъ оставались безъ пищи и безъ воды.

— Да и въ редутѣ воды добыли цѣною семи храбрецовъ, и то самую малость: этой воды хватило всего на одинъ день, а потомъ для утоленія жажды глотали порохъ,—пояснилъ докторъ.

Во рву редута и около него, а равно около мечети, валялось множество неубранныхъ тѣлъ казикумухцевъ. Ихъ тоже стаскивали въ одно мѣсто, къ сторонкѣ.

— Копай, братцы, глыбче, глыбче!—слышалось оттуда, гдѣ копали братскую могилу.—Вонъ ихъ, покойничковъ, сколько!

— Глыбче вонъ и заступъ не беретъ: вона земля кака, камень на камнѣ.

— Шутка ли! Двѣ роты покойничковъ-то.

— Эка двѣ роты! А мы хоранивали и по двѣ дивизіи.

— Это гдѣ-жь такъ больно много?

— А подъ Бородинымъ.

— А ты тамъ нешто былъ?

— А во, видишь?

— Это Ягорій-то, вижу.

— Ну, такъ и знай: я тамъ сво нашелъ.

— Двѣ дивизіи. Господи! Спаси и помилуй.

— А всего-то до ста тысячъ полегло.

— Это нашихъ однихъ?

— Нѣтъ, съ ихними... Глыбче, глыбче, ребятушки, а то здѣсь по ночамъ шакалка бродитъ, откопаетъ.

Вотъ и тѣла всѣ снесены, и яма готова. Лежатъ рядышкомъ, спятъ, отдыхаютъ послѣ трудовой жизни, только не дома, а на чужбинѣ, подъ чужимъ небомъ. А дома ждутъ, и долго будутъ ждать. Въ сторонкѣ лежатъ и офицеры убитые, имъ и послѣ смерти особое мѣсто. Лежитъ Щербина. Подходитъ и генералъ со своими офицерами.

— Какъ, ваше превосходительство, прикажете, отдѣльную могилу рыть для офицеровъ?—спрашиваетъ ординарецъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Они всѣ братски защищали честь родины, пусть по-братски и покоятся всѣ вмѣстѣ: «братская могила».

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Кто же помолится о нихъ? У насъ нѣтъ священника.

— Всѣ помолимся, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ докторъ.—А вмѣсто литіи я прочту что-нибудь изъ евангелія.

— Хорошо, господинъ докторъ.

Весь отрядъ, и начальникъ, и нижніе чины, обнаживъ головы, окружаютъ сплошнымъ кольцомъ площадь, на которой положены мертвыя тѣла рядышкомъ, плечо къ плечу, пога къ погѣ, точно въ строю. Лица у всѣхъ сосредоточенныя.

— А мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ,—какъ бы про себя замѣчаетъ генералъ.

— Да, ваше превосходительство, насъ здѣсь съ небольшимъ сто человѣкъ, а ихъ (докторъ указалъ на мертвыхъ) около двухсотъ.

— Мертвыхъ и вообще больше, чѣмъ живыхъ,—съ горькой улыбкой замѣтилъ генералъ.

Докторъ досталъ изъ кармана маленькую черную книжку въ кожаномъ переплетѣ. То было евангеліе, которое всегда было съ нимъ.

— Прикажете, ваше превосходительство?

— Пожалуйста, господинъ докторъ.

Докторъ перекрестился и развернулъ евангеліе. Всѣ перекрестились за нимъ.

Докторъ перевернулъ нѣсколько страницъ и сталъ читать:

«Аминь, аминь глаголю вамъ, яко, слушаяй словесе моего и вѣруяй пославшему мя, имать животъ вѣчный, и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Яко же бо Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имати въ себѣ. И область даде ему и судъ творити, яко Сынъ человѣчъ есть. Не дивитеся сему, яко грядетъ часъ, въ онь же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ: сотворшіи

благая—въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая—въ воскресеніе суда».

Это тихое, монотонное чтеніе подъ открытымъ небомъ, такимъ голубымъ и спокойнымъ, въ виду длинной шеренги мертвецовъ, для которыхъ уже закрыто было навѣки это голубое небо, чтеніе о смерти и о надеждѣ на будущую жизнь производило глубокое впечатлѣніе на людей, которымъ смерть постоянно глядѣла въ глаза. Солдатики угрюмо слушали чтеніе. Они не все понимали, что читалось, но тѣмъ глубже западало въ смущенную душу это что-то не вполнѣ понятное, таинственное, говорившее о смерти, о смерти тѣхъ, которые еще такъ недавно были полны жизни, энергіи и надеждъ. А между тѣмъ тутъ же, подъ это тихое, монотонное чтеніе, слышался немолчный говоръ мертвой природы, говоръ Чирахъ-чая, который неустанно бѣжитъ по своему каменистому ложу и будетъ бѣжать вѣчно вѣчно... По голубому небу, словно клочья разметаннаго бѣло снѣжнаго пуху, проносились иногда прозрачныя облачка, бросая бѣглую тѣнь на мертвыя, обращенныя къ этому небу, лица и придавая этимъ спокойнымъ лицамъ то подобіе неразгаданной улыбки, то выраженіе угрюмой думы. По наклоненному лицу доктора текли слезы.

— Съ Богомъ, ребята, начинайте,—проговорилъ генералъ, какъ бы очнувшись отъ глубокой задумчивости.

Очнулись и солдатики.

— Начинайте съ фланговыхъ, съ обоихъ фланговъ,—пояснилъ генералъ.

— Мертвые фланги!—горько улыбнулся докторъ.

Солдатики принялись за фланговыхъ.

— Безъ гробу, безъ савану, безъ попа, безъ ладону,—качалъ головою солдатъ съ Георгіемъ, что получилъ подъ Бородинымъ.

Нѣсколько солдатъ спустились въ яму, чтобъ принимать и укладывать товарищей.

— Головами къ восходу, братцы,—пояснялъ старый солдатъ.

Надъ тѣломъ Щербины стоялъ на колѣняхъ дядя Назарычъ и мѣднымъ гребешочкомъ приглаживалъ густые волосы покойника. Долго тянулась эта ужасная укладка тѣла на тѣло. Послѣдними уложили офицеровъ, наверхъ. Когда укладывали Щербину, позади генерала и офицеровъ послышался тихій стонъ. Всѣ

оглянулись. На землѣ, съ укутаннымъ прозрачною чадрою личикомъ, лежала юная черкешенка Матуль. Она была безъ чувствъ.

— Бѣдная дѣвочка!—нагнулся къ ней Вреде.—Какъ она сюда попала?

XI. Ермоловъ и Грибоѣдовъ.

Ермоловъ, разгромивъ близъ аула Акуши войска Шихъ-Алихана кубинскаго и дербентскаго, Адиль-хана казикумухскаго, съ союзниками изъ центральнаго Дагестана, вручилъ командованіе находившимися тамъ русскими отрядами князю Мадатову и другимъ генераламъ, и съ небольшимъ конвоемъ и свитою возвратился въ главную свою резиденцію, въ Тифлисъ. Въ составѣ его свиты находился и Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, безсмертный авторъ комедіи «Горе отъ ума».

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ представляетъ собою одного изъ замѣчательнѣйшихъ и популярнѣйшихъ военныхъ дѣятелей всей первой половины нынѣшняго столѣтія. Онъ родился въ Москвѣ, въ 1777 году. Отецъ его былъ небогатый, «стодушный помѣщикъ», служившій по гражданской части, а мать—урожденная Давыдова, родная тетка знаменитаго поэта-партизана. Отъ матери, очень умной и энергичной женщины, будущій герой 12-го года и покоритель Дагестана, по выраженію современниковъ, унаслѣдовалъ ту остроту ума и язвительную рѣзкость въ словѣ и въ обращеніи, особенно съ высшими, тотъ бичующій языкъ, которымъ онъ громко пятналъ всякую высокопоставленную бездарность, наглость и высокомѣріе, и который создалъ ему массу сильныхъ враговъ, отравлявшихъ всю его жизнь до могилы. Воспитываясь затѣмъ въ Москвѣ, въ университетскомъ пансіонѣ, Ермоловъ съ юныхъ лѣтъ отличался необыкновенною наблюдательностью, и, видя вездѣ проявленія безсмысленной гордости высшихъ и раболѣпія низшихъ, онъ рано выучился презирать и первыхъ, и послѣднихъ. Узнавъ ближе высшее московское общество, въ которое онъ имѣлъ доступъ по своему родству со знатью, онъ смолоду уже язвилъ это общество—общество «той отставной столицы, столицы за штатомъ, столицы не у дѣлъ», язвилъ не хуже Грибоѣдова въ его безсмертной комедіи.

— Москва,—говаривалъ Ермоловъ,—это село отставныхъ всякаго рода придворныхъ; она гостепріимна, какъ гостепріименъ

дикарь, и обжорлива хуже дикаря. Обѣдамъ ся нѣтъ конца, званымъ и незваным. На этихъ обѣдахъ она—настоящая старуха-сплетница; она все бранитъ, и дворъ, и правительство. Петербургъ для ея ненавистенъ, потому что она ему, какъ выскочкѣ, завидуетъ, а сама за своими зваными обѣдами соблюдаетъ чинопочитаніе болѣе, чѣмъ въ австрійскихъ войскахъ. Въ ней шампанское подаютъ только до извѣстнаго ранга: у одного вельможи не у дѣлъ угощаютъ шампанскимъ только превосходительныхъ; у другого, болѣе щедраго и богатаго, этой чести удостаиваются чины высокоблагородные и даже ассесорскіе. А мелюзга и не обижается этимъ, въ нее холопство вѣлось до мозга костей: мелюзга смотритъ на искрящіеся бокалы и скромно ожидаетъ не шампанскаго, а производства въ чинъ, съ которымъ соединено право на... подачку шампанскаго.

Эту удачно схваченную черту правовъ того времени отмѣтилъ и Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Эрзерумъ» (1829 г.), въ Тифлисѣ, за обѣдомъ у одного гастронома.

«Г. С.—говоритъ Пушкинъ—извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлисскаго гастронома!»

— Москва,—говаривалъ впослѣдствіи Ермоловъ, — не годится въ главнокомандующіе: она перепутаетъ всякое приказаніе. Я никогда не спрашиваю, что говорятъ въ городѣ, а что врутъ въ городѣ. Зато московскія басни правдивѣе петербургской правды, какъ Вальтеръ-Скоттъ, въ своихъ романахъ, рисуетъ лучше средніе вѣка, чѣмъ многіе историки.

Съ ѣдкимъ умомъ, со способностью оживлять общество, съ рѣдкою находчивостью и непринужденною любезностью, Ермоловъ вездѣ былъ и любимымъ гостемъ, и... опаснымъ.

— Très-caustique, mais charmant, — говорили про него дамы, которымъ онъ больше нравился, чѣмъ мужчинамъ.

И не удивительно: необыкновенно высокаго роста и стройный, съ цѣлою гривою волосъ, онъ былъ необыкновенно красивъ. Мужественная красота его, съ этою гривою волнистыхъ волосъ, напоминала что-то львиное. Въ гнѣвѣ глаза его выражали что-то страшное, непреклонное.

— Горы дрожатъ отъ гнѣва сардаръ-Ермулу, а взоръ его молніи подобенъ,—говорили о немъ горцы, а матери именемъ его пугали дѣтей.

Война 12-го года сдѣлала его народнымъ героемъ. Солдаты его обожали, а для молодыхъ офицеровъ онъ былъ кумиромъ. Кутузовъ необыкновенно цѣнилъ боевыя способности молодого генерала. «Однажды—разсказываетъ историкъ — окруженный своимъ штабомъ, Кутузовъ смотрѣлъ съ высоты на отступленіе французовъ. Глядя на Ермолова, какъ гнѣвъ небесный, мчавшагося за непріятелемъ на своемъ боевомъ конѣ, фельдмаршалъ не безъ удовольствія указалъ на него окружающимъ.—Еще этому орлу я не даю полета,—проговорилъ онъ. Старикъ нѣсколько разъ повторялъ потомъ: Il vise au commandement des armées».

Или вотъ еще черта. Подъ Бородинымъ, когда, казалось, для русскихъ все ужъ было потеряно, когда французамъ оставалось взять только редутъ Раевскаго, чтобъ нанести послѣдній ударъ защитникамъ Россіи, и когда весь штабъ Кутузова въ смущеніи ожидалъ, что же, наконецъ, будетъ, а Ермоловъ, которому старый фельдмаршалъ еще «не давалъ полета», стоялъ въ сторонѣ хмурый и молчаливо-грозный, въ этотъ страшный моментъ Кутузовъ обратился именно къ Ермолову.

— Голубчикъ,—сказалъ,—посмотри, нельзя ли тамъ, что сдѣлать, чтобъ ободрить войско.

Молча, хмурый попрежнему, Ермоловъ сѣлъ на коня и поскакалъ туда, гдѣ въ безпорядкѣ, въ облакахъ дыма и пыли, двигались разстроенные полки, разомкнутыя колонны, безпорядочно мчавшіеся куда-то эскадроны и подбитыя баттареи. У самаго редута Раевскаго онъ увидѣлъ признаки полнаго разгрома: все бѣжало съ кургана, падало, сыпалась внизъ, а вдогонку имъ дождемъ сыпалась картечь французовъ, которые уже кишѣли, эти огненные муравьи, по всему кургану. Все казалось потерянымъ. Барклай-де-Толли, спѣшенный, покрытый пылью и кровью, съ саблею въ одной рукѣ и какою-то тряпкою, обрывкомъ знамени въ другой, самъ карабкался на курганъ навстрѣчу своимъ падающимъ и умирающимъ солдатамъ и самъ, повидимому, искалъ смерти. Онъ безсвязно кричалъ что-то и махалъ саблей. Тутъ же черезъ курганъ и трупы упавшихъ бѣшено неслась лошадь Кутайсова, вся въ крови и съ кровавымъ сѣдломъ, а самого Кутайсова уже не было.

Ермоловъ спокойнымъ, но рѣзкимъ и твердымъ крикомъ заворотилъ двѣ убѣгавшія конныя роты и приказалъ ближайшей, еще не подбитой, баттареѣ открыть огонь по редуту, повелъ эти роты прямо на курганъ. Къ нему примкнули другіе, ободренные его неустрашимостью, и «цѣлою толпою въ образѣ колонны» ринулись на непріятельскія батареи. Наступила ужасающая рѣзня, людей кололи, какъ барановъ... Редутъ былъ отбитъ русскими; но Ермолова вынесли изъ огня на ружьяхъ, черезъ которыя перекинутъ былъ плащъ: то были—носилки изъ ружей, а на носилкахъ... Ермоловъ!

При всемъ томъ, однако, враги и завистники, а въ особенности тѣ изъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыхъ Ермоловъ бичевалъ своимъ сарказмомъ, направляли дѣла такъ, что о подвигахъ его, гремѣвшихъ на всю Европу, русскія реляціи всегда хранили гробовое молчаніе: отличались всѣ бездарности, а Ермоловъ оставался въ тѣни. Но въ русскомъ народѣ онъ еще ярче блисталъ изъ этой тѣни: онъ былъ его герой.

Какъ ни старались завистники затереть эту личность, но въ тяжкія минуты неизбѣжно вспоминали о Ермоловѣ. Такъ, въ 1815 году, когда Россія была истощена войнами и арміи ея были изнурены до крайности, даже такой человѣконенавистникъ, какъ Аракчеевъ, не могъ не вспомнить о Ермоловѣ.

— Армія наша,—говорилъ онъ императору Александру Павловичу,—изнуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ. Я могу указать вашему величеству на двухъ генераловъ, которые могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и не лишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызается со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость вполнѣ бы впослѣдствіи его оправдали.

«Нѣкоторые,—говоритъ академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ»,—видѣли въ поступкахъ Ермолова неесте-

ственность характера, хитрость, затаенную мысль и желаніе Алексѣя Петровича передать свое имя потомству. Правда, для пріобрѣтенія популярности въ войскѣ и между народомъ, случалось, что онъ кривилъ душою, совѣтовалъ, напримѣръ, защищать Москву и не отдавать ея непріятелю безъ боя, тогда какъ самъ хорошо видѣлъ, что драться подъ стѣнами ея нѣтъ никакой возможности; правда, онъ во многихъ случаяхъ поступалъ съ обманцемъ, какъ выражался великій князь Константинъ Павловичъ, но всѣ эти недостатки и, такъ сказать, темныя стороны характера съ излишкомъ выкупались его увлекательнымъ даромъ слова, гигантскою памятью, замѣчательнымъ безкорыстіемъ, рѣшимостью, смѣлостью, находчивостью и неутомимою дѣятельностью».

Ермоловъ популярничалъ — это правда. «Но, — замѣчаетъ тотъ же историкъ,—никто изъ упрекающихъ Ермолова въ искательствѣ популярности не откажется, конечно, стать на его мѣсто, однако, многіе ли достигнутъ того, до чего достигъ Ермоловъ. Одного желанія въ этомъ случаѣ не достаточно; трудно ввести въ заблужденіе и одного человѣка, а замаскировать свои поступки или представить свои дѣйствія въ выгодномъ свѣтѣ передъ цѣлымъ обществомъ, сословіемъ или народомъ еще труднѣе. Чтобы подняться высоко въ глазахъ народа, необходимы поступки и дѣйствія, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ».

А развѣ раньше Ермолова не популярничалъ Суворовъ. Развѣ не популярничалъ генералъ Скобелевъ? Въ такомъ ужасномъ, чудовищномъ и, можно даже сказать, противоестественномъ явленіи, какъ война, неизбѣжны и дѣянія соотвѣтственныя. Чѣмъ возбудить массы до потери сознанія опасности, даже неминуемой смерти, какъ не внушеніемъ этой массѣ увѣренности въ своей непобѣдимости? «Съ такимъ-то мы непобѣдимы; этотъ водитъ насъ только къ побѣдамъ», вотъ что говорятъ солдаты о такихъ полководцахъ, какъ Суворовъ, Ермоловъ, Скобелевъ, Наполеонъ. Они неотразимо дѣйствуютъ на массы, какъ «гипнотическое внушеніе», какъ боевая музыка, какъ барабанный бой, какъ дружное «ура»! Развѣ это было не гипнотическое внушеніе, когда, во время итальянскаго похода, Суворовъ, замѣтилъ упадокъ духа въ войскѣ, велѣлъ рыть себѣ могилу и говорилъ солдатамъ: «закопайте меня, дѣтки»! А развѣ «пирамиды» и «сорокъ вѣковъ», глядящіе на войско Наполеона въ

Египтѣ, не внушеніе? Къ такимъ внушеніямъ прибѣгалъ и Ермоловъ.

Но, какъ бы то ни было, несмотря на самыя блестящія, самыя яркія проявленія военныхъ доблестей и военнаго генія Ермолова во все продолженіе отечественной войны, его затерли такіѣ, которые, завидуя ему и упрекая его въ томъ, что онъ популярничалъ, сами неспособны были, въ силу своей бездарности, достигнуть именно популярности. Его вездѣ обходили, и въ реляціяхъ, и въ наградахъ, и въ назначеніяхъ. Болѣзненное, первое самолюбіе Ермолова не выдержало! «Мнѣ преграждены всѣ пути»,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей изъ-за границы, по окончаніи отечественной войны.—«Я хотѣлъ просить увольненія въ Россію, никого не отпускаютъ. Итакъ, съ охлажденіемъ къ службѣ, съ погасшимъ усердіемъ и отвращеніемъ къ ремеслу моему, долженъ я служить. Тяну до окончанія войны, съ сожалѣніемъ о теряемыхъ трудахъ моихъ. Война кончена, а я не сижу ни минуты! Я умѣлъ постигнуть ничтожность цѣли, достигаемой людьми ремесла нашего. Исчезло предубѣжденіе, что одно только состояніе военное насыщать можетъ честолюбіе человѣка. Военное состояніе терпитъ каждаго человѣка; но надобно быть или верховныхъ дарованій, чтобы наслаждаться преимуществами онаго, или, бывши обыкновеннымъ человѣкомъ, въ степени моей, бѣжать неразлучныхъ съ нимъ непріятностей. Я себя чувствую, знаю и клялся всѣмъ, что свято, не служить болѣе. Хочу жить, не быть игралищемъ происковъ, подлости и самопроизвольства, не зависѣть отъ случайностей. Мнѣ близко уже къ сорока годамъ, ничѣмъ не одолженъ, исполнилъ обязанности, излишне балованъ не былъ, не испортился. Служить не хочу и заставить меня нѣтъ власти... Поцѣлуй сыновей и научи ихъ мерзить военной службой для ихъ счастія»...

И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1815 года, сдавъ свой корпусъ въ Познани Паскевичу, будущему покорителю Эривани, Ермоловъ удалился въ деревню, въ свое родное гнѣздо. Но онъ не сдержалъ своего слова: онъ напрасно «клялся всѣмъ, что свято, не служить болѣе». Менѣе чѣмъ черезъ полгода, когда въ апрѣлѣ 1816 года императоръ Александръ Павловичъ вызвалъ его изъ деревни, чтобъ назначить главнокомандующимъ на Кавказѣ, Ермоловъ съ восторгомъ принялъ это назначеніе.

— Наконецъ, я достигъ своей цѣли!—говорилъ онъ интимному другу.—Теперь для меня—обширное поле!

Менѣе всѣхъ при жизни пользовался популярностью Грибоѣдовъ. Его «Горе отъ ума» дало ему неувядаемую славу тогда, когда онъ былъ уже въ могилѣ... Вотъ какъ его характеризуетъ Пушкинъ, знавшій Грибоѣдова лично. «Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г.,—говоритъ онъ въ «Путешествіи въ Эрзерумъ». — Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерской ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ»...

Таковъ былъ дипломатическій помощникъ Ермолова на Кавказѣ.

XII. Нюсины рѣсницы.

— Нюся, милая, подойди ко мнѣ на минутку,—говорилъ Ермоловъ маленькой дѣвочкѣ, лѣтъ восьми или девяти, стоявшей у столика, около котораго сидѣлъ Грибоѣдовъ, и показывавшей ему какую-то книжку.

— Не хочу,—капризно отвѣчала дѣвочка.

— Отчего же, милая Нюся?—спросилъ Ермоловъ, стараясь не улыбаться.

— Вы меня все дразните.

— Нѣтъ, теперь не буду; ты ужъ большая и сегодня именинница. Ты что показываешь Александру Сергѣевичу?

— Мою географію.

— Покажи-ка и мнѣ.

Дѣвочка подошла и подала книгу. Ермоловъ сдѣлалъ со-

всѣмъ серьезное лицо, любуясь дѣвочкой и машинально перелистывая книгу.

— Et bien, mademoiselle Nussia, avez-vous apprise vorte géographie?—спросилъ онъ серьезно.

— Oui, monsieur le général, je l'ai apprise hier au soir,—также серьезно отвѣчала дѣвочка.

— А въ какой части свѣта мы теперь находимся?—скрывая улыбку, спросилъ Ермоловъ.

Дѣвочка задумалась и вопросительно посмотрѣла на Грибоѣдова, съ которымъ, повидимому, она была въ дружескихъ отношеніяхъ. Тотъ загадочно улыбался.

— Въ какой же, Нюся, въ Европѣ или въ Азіи?—продолжалъ допрашивать Ермоловъ.

— Въ Азіи,—нерѣшительно отвѣчала дѣвочка.

Ермоловъ засмѣялся.

— Что жъ, Нюся права,—вступился за дѣвочку Грибоѣдовъ,—пока вы не уничтожите этихъ Сурхай-хановъ, Алихановъ, Адиль-хановъ и ихъ ханствъ; пока вы не покорите Чечни, Дагестана, Кабарды и Абхазіи, до тѣхъ поръ все это будетъ Азія.

— Правда, согласился Ермоловъ.—Такъ ты, Нюся, значитъ азіатка,—насмѣшливо взглянулъ онъ на дѣвочку.

Та вспыхнула. Большіе, черные, необыкновеннаго блеска глаза ея сверкнули.

— Дикарка?—продолжалъ дразнить Алексѣй Петровичъ.

— Я не дикарка!—Глаза дѣвочки положительно искрились.

— Ухъ, какіе глаза, точно лезгинскіе кинжалы,—подзадорилъ Ермоловъ.

— А отъ вашихъ глазъ молоко скисается,—отрѣзала дѣвочка.

— Какъ молоко скисается?—расхохотался Ермоловъ.

— Да, такъ говорятъ грузины,—обидчиво проговорила дѣвочка.

— Что жъ, милая Нюся, и во время грозы молоко скисается: значитъ, взоръ Алексѣй Петровича подобенъ молніи,—сказала, подходя къ нимъ, молодая дама.

— Благодарю за комплиментъ,—поклонился Ермоловъ,—вы меня выручили, а то я чувствовалъ себя совершенно побѣжденнымъ вашею дочкой.

Дѣвочка подошла къ этой дамѣ и вызывающе смотрѣла на Ермолова.

— Знаете, Саломэ Ивановна, что я вамъ скажу,—обратился послѣдній къ дамѣ, съ улыбкою глядя на дѣвочку.

— А что, Алексѣй Петровичъ?—улыбнулась дама, догадываясь о какой-нибудь новой шуткѣ Ермолова.

— Взгляните попристальнѣе въ глаза вашей дочери.

— Ну, что же?—Она взяла дѣвочку за подбородокъ, подняла ея прелестное личико, съ любовью посмотрѣла ей въ глаза и поцѣловала ихъ.

— Да у нея не рѣсницы,—ехидно замѣтилъ Ермоловъ,—взгляните лучше.

— А что же у нея, по вашему?

— Развѣ вы не видите что? Вмѣсто рѣсницъ—кусты!

— Какъ кусты?—засмѣялась дама.

— Да, кусты, цѣлые кусты, въ три ряда.

— Да, такихъ прелестныхъ рѣсницъ я отроду не видывалъ,—серьезно замѣтилъ Грибоѣдовъ, любуясь волненіемъ дѣвочки.

— Что вы, Александръ Сергѣевичъ,—съ ехидствомъ продолжалъ Ермоловъ.—Я вамъ говорю, что это не рѣсницы, а кусты. Вотъ, посмотрите, весной въ нихъ иволги будутъ гнѣзда вить.

Дѣвочка не выдержала насмѣшекъ и убѣжала изъ комнаты. Шутливый разговоръ этотъ происходилъ въ Тифлисѣ, въ домѣ Александра Герсевановича Чавчавадзе. Дама, принявшая участіе въ разговорѣ, Саломэ Ивановна, была жена Чавчавадзе, урожденная княжна Орбеліани. Прелестная дѣвочка Нюся, которую нарочно дразнилъ Ермоловъ, была ихъ дочь Нина. Сегодня, 14 января 1820 г., Ниночка была именинница, а потому Ермоловъ и Грибоѣдовъ обѣдали въ этотъ день у Чавчавадзе. Это былъ дѣйствительно очаровательный ребенокъ, съ такою нѣжною и въ то же время пламенною красотою, какую способны создавать только природа и солнце жаркаго юга. Въ платьецѣ блѣдно-оранжеваго цвѣта, съ пунцовой ленточкой на смуглой шейкѣ, съ цѣлымъ лѣсомъ вьющихся локоновъ цвѣта воронова крыла и съ чудными продолговатыми глазами, лившими мягкій, чарующій свѣтъ изъ-подъ рѣсницъ необыкновенной длины и густоты, дѣвочка невольно очаровывала всякаго.

— Не выдержала канонады, за брустверъ укрылась,—засмѣялся Ермоловъ, когда Ниночка убѣж

— И какъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, не надоѣстъ возиться съ дѣвчуркой?—улыбнулась г-жа Чавчавадзе.

— Ахъ, Саломэ Ивановна, я ужасно люблю дразнить ее. Что за огонь дѣвочка! Очарованіе.

— Но вы ее избалуете; она ужъ и теперь грубитъ вамъ.

— Пусть, я этого именно и хочу: это выработаетъ въ ней характеръ, самостоятельность... Меня маленькаго тоже дразнили, да и большого также, даже теперь дразнятъ,—улыбнулся Ермоловъ и сверкнулъ глазами.—А все не задразнили до идіотства, напротивъ, только зубы мнѣ навострили. Я тоже всѣмъ грубилъ и грублю, какъ ваша Нюся. Однажды, когда я еще командовалъ только ротой и когда Аракчеевъ замѣтилъ мнѣ, что лошади моей роты худы, я при всѣхъ отвѣчалъ ему: къ сожалѣнію, ваше сіятельство, участь наша часто зависитъ отъ скотовъ.

— Однако! И онъ не съѣлъ васъ? — спросила г-жа Чавчавадзе.

— Какъ видите, добрѣйшая Саломэ Ивановна.

Въ это время въ гостиную вошли еще двое. Одинъ—высокій красивый офицеръ грузинскаго типа, въ драгунскомъ мундирѣ и съ полковничьими эполетами на плечахъ; другой—статскій, сухой, съ близорукими глазами и въ золотыхъ очкахъ. Первый изъ нихъ былъ хозяинъ дома, Чавчавадзе, а второй—правитель канцеляріи Ермолова, Могилевскій.

— Что такъ поздно?—спросилъ Ермоловъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Петербургскую почту разбирали, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ Чавчавадзе.—А при видѣ петербургской почты я всегда переношусь мысленно въ горы къ царевичу Парнаозу, а потомъ въ пажескій корпусъ.

— Да,—улыбнулся Ермоловъ, давая хозяину мѣсто около себя на диванѣ,—еслибъ васъ тогда съ царевичемъ не поймали въ горахъ, вы бы и до сихъ поръ тамъ мыкались съ другимъ бродягой, царевичемъ Александромъ, и питались бы сухими чуреками.

Дѣло въ томъ, что Чавчавадзе, родившійся въ Петербургѣ, гдѣ воспріемницей его при крещеніи была сама императрица Екатерина II, получивъ тамъ прекрасное воспитаніе и воротив-

шись въ Тифлисъ, шестнадцатилѣтнимъ мальчишкой бѣжалъ въ горы къ грузинскому царевичу Парнаозу. Это сказалась въ немъ душа горца, жажда свободной боевой жизни среди неприступныхъ скалъ въ обществѣ орловъ и хищныхъ звѣрей. Но, къ счастью его или къ несчастью, какъ ему тогда казалось, оба фантазера, и царевичъ Парнаозъ, и юный крестникъ Екатерины, мечтавшій о славѣ былыхъ витязей горъ, были схвачены и отвезены въ Петербургъ, гдѣ юный бѣглецъ и былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ камеръ-пажемъ.

— Что, есть экстренное что-нибудь изъ Петербурга?—спросилъ Ермоловъ Могилевскаго, который разговаривалъ съ Грибоѣдовымъ.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, экстреннаго ничего нѣтъ,—отвѣчалъ Могилевскій.—Одобрено ваше представленіе о чирахскихъ герояхъ.

— Что же?—полюбопытствовалъ Ермоловъ.

— Штабсъ-капитанъ Овечкинъ произведенъ въ капитаны и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

— А чирахская Іоанна д'Аркъ?

— Ей пожалована золотая медаль съ изображеніемъ государя на георгіевской лентѣ, кромѣ того, пожизненная пенсія ей и ея семейству; братишку ея—взять на казенный коштъ въ тифлисское военное училище, а ей самой также дать образованіе и выдать замужъ...

— Конечно, не насильно, а кого дѣвочка полюбитъ,—замѣтилъ съ улыбкой Ермоловъ, взглянувъ на хозяйку.

— А что это за дѣвочка, Алексѣй Петровичъ?—полюбопытствовала Саломэ Ивановна.

— О, это цѣлый романъ, сударыня. Въ декабрѣ, когда я былъ въ Дагестанѣ и усмирялъ банды акушинцевъ, мехтулинцевъ, казикумуховъ и другую горскую сволочь, Сурхай-ханъ напалъ съ шеститысячною толпою на редутъ Чирахъ, гдѣ находилось всего двѣ роты подъ начальствомъ храбраго Овечкина. Напавъ ночью, врасплохъ, горцы успѣли вырѣзать почти весь гарнизонъ, не помѣщавшійся въ редутѣ, а въ наружныхъ казармахъ и мечети, подрыли и обрушили минаретъ, въ которомъ засѣло нѣсколько удальцовъ съ прапорщикомъ Щербиной, и погребли ихъ подъ развалинами минарета. Погибъ и этотъ юный Щербина. Въ это-то то критическое для редута время, когда горсть защитниковъ его,

три дня не видавшая капли воды, почти вся была перебита, а остальные, видя своего начальника Овечкина плавающаго въ крови, съ слабыми признаками жизни, рѣшили уже сдаться, въ этотъ самый моментъ является къ редуту, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, наша юная Іоанна д'Аркъ, а съ нею отрядъ барона Вреде.

— Кто же она, Алексѣй Петровичъ?—съ пылающими щеками и со слезами восторга на глазахъ спросила г-жа Чавчавадзе.

— Прелестная четырнадцатилѣтняя черкешенка изъ сосѣдняго аула.

— Какъ же она все это сдѣлала и откуда она взяла барона Вреде?

— Пѣшкомъ, тихонько отъ матери,—отецъ ея былъ убитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ негодяемъ изъ сосѣдняго племени,—эта дѣвочка, видя неминуемую гибель нашего редута, отправилась въ крѣпость Кюрахъ, верстъ за сорокъ, черезъ лѣса, горы и горные ручьи по такимъ дебрямъ, гдѣ ее могли растерзать хищные звѣри, и явилась къ барону Вреде съ извѣстіемъ, что редутъ Чирахъ погибаетъ.

— Что же подвинуло эту милую дѣвочку на такой геройскій подвигъ?

— Барону Вреде она объяснила, что сдѣлала это изъ преданности къ русскимъ и изъ чувства мести за смерть ея отца, погибшаго отъ руки казикумухцевъ.

— А мнѣ докторъ того редута, Чуровъ, писалъ частнымъ образомъ, что въ геройствѣ этой дѣвочки главный двигатель—тайная любовь,—сказалъ Могилевскій, протирая платкомъ очки и щуря глаза.

— Такъ тутъ, дѣйствительно, цѣлый романъ,—съ возрастающимъ любопытствомъ замѣтила хозяйка.—Въ чемъ же суть романа?

— Предполагаютъ, и очень вѣроятно, что она любила этого погибшаго офицера, что задавленъ минаретомъ, Щербину. Какъ выяснилось впослѣдствіи, Щербина, въ ночь передъ нападеніемъ Сурхай-хана на редутъ, тихонько вышелъ изъ укрѣпленія, что подтвердилъ и часовой, стоявшій въ тѣ часы на караулѣ у воротъ редута. Полагаютъ, что онъ выходилъ на тайное свиданіе съ этой дѣвочкой, и когда сдѣлалась тревога, онъ не попалъ уже въ редутъ.

— А! Это для меня новость,—перебилъ Мотилевскаго Ермоловъ.

— Да, ваше высокопревосходительство,—продолжалъ Мотилевскій.—Это я недавно узналъ изъ письма Чурова. Какъ оказывается, несчастный влюбленный юноша, услыхавъ выстрѣлы и найдя редутъ запертымъ, бросился съ прочими, успѣвшими спастись изъ казармъ, гдѣ уже шла рѣзня, въ мечеть; а когда и мечеть была взята и всѣ въ ней были вырѣзаны, онъ съ шестью только уцѣлѣвшими забрался на минаретъ, отчаянно тамъ защищался и тѣмъ принудилъ осаждавшихъ подкопать и обрушить минаретъ...

— Боже, какіе ужасы!—невольно воскликнула г-жа Чавчавадзе.—Виновата, я васъ перебила,—извинилась она.

— Такъ вотъ эта-то юная черкешенка, увидавъ, что редутъ и ея милый—въ опасности, и бросилась въ укрѣпленіе Кюрахъ за помощью. Есть еще и другіе намеки на то, что она любила Щербину и ради него совершила свой геройскій подвигъ.

— О, когда женщина любитъ, она, не задумаясь, пожертвуетъ жизнью за любимаго человѣка,—какъ бы про себя проговорила г-жа Чавчавадзе.

Мужъ съ улыбкой погрозилъ ей пальцемъ.

— Pardon,—спохватилась она.

— Какіе же это намеки?—спросилъ Грибоѣдовъ, все время упорно молчавшій и какъ бы думавшій о чемъ-то другомъ.

— Намеки, Александръ Сергѣевичъ?—глянулъ на него Мотилевскій.—Да вотъ: о свиданіяхъ Щербины съ юной черкешенкой не разъ намекалъ товарищамъ другъ его, офицеръ Мальковъ; потомъ, на груди у мертваго Щербины нашли образокъ съ небольшимъ локончикомъ волосъ, несомнѣнно этой черкешенки: не славянскіе волосы; наконецъ, когда хоронили вмѣстѣ съ прочими Щербину, черкешенка эта незамѣтно подкралась къ могилѣ, и едва подняли тѣло Щербины, вдругъ услышали стонъ: огляпулись, это она упала безъ чувствъ.

— Бѣдная дѣвочка!—вздохнула хозяйка.

Въ это время въ гостиную вошла пожилая дама, ведя за руку упирающуюся Нину. Дѣвочка, однако, смотрѣла вызывающимъ взглядомъ изъ-подъ насупленныхъ бровей. При входѣ дамы всѣ встали. То была мать г-жи Чавчавадзе, княгиня Орбеліани.

— Полюбуйтесь на этого Бейбулата,—сказала княгиня, выдвигая дѣвочку впередъ.

— Что такое, мама?—спросила г-жа Чавчавадзе.—Опять что-нибудь напроказила?

— Вообразите, что надѣлала разбойница: застаю ее въ спальнѣ передъ зеркаломъ; смотрю, у нея въ рукахъ ножницы, и она что-то дѣлаетъ ими около глазъ... Думаю, еще выколетъ себѣ глазки. И вдругъ, о, Боже, оказалось, что она себѣ всѣ рѣсницы выстригла! Что ты, говорю, надѣлала, несчастная!— А это, говоритъ, чтобъ не смѣялись надо мной, будто у меня не рѣсницы, а кусты, и что весной, говоритъ, у меня въ рѣсницахъ иволги будутъ гнѣзда вить!

Ермоловъ не выдержалъ. Онъ бросился къ ужасной дѣвочкѣ и поднялъ ее на воздухъ.

— Ахъ ты, моя радость! Чаровница ты эдакая! Да ты просто геніальная дѣвочка, прелесть моя!—шумно говорилъ онъ, поднимая проказницу все выше и выше.

Всѣхъ поразила выходка разбойницы-дѣвочки.

— Да это новый Самсонъ: сама свою силу, свою красоту остригла,—продолжалъ Ермоловъ.—Ты учишь священную исторію?—спросилъ онъ проказницу.

— Учу,—отвѣчала та бойко.

— А знаешь Самсона, богатыря, что льву пасть разодралъ?

— Знаю, и объ лисьихъ хвостахъ съ зажженной соломой знаю.

— А помнишь, когда у него, у сонпаго, одна коварная барышня, вотъ такая, какъ ты...

— Я не такая! — обидѣлась дѣвочка. — Та была нехорошая, злая.

— Ну, ладно,—согласился Ермоловъ,—но когда та злая барышня обрѣзала у Самсона волосы, онъ потерялъ свою силу. И ты теперь обстригла у себя свою силу-красоту...

— Кушать подано!—возгласилъ лакей, отворяя дверь въ столовую.

XIII. Ермолову не спится.

— Да, да, и я точно Нюся... Самъ обстригъ было себѣ рѣсницы съ досады, когда, бросивъ свой корпусъ въ объятія Паскевича, какъ сурокъ, зарылся въ деревнѣ... Нюся, настоящая Нюся!

Такъ говорилъ въ этотъ вечеръ самъ съ собою Ермоловъ, задумчиво шагая по кабинету. Онъ чувствовалъ какое-то волненіе, и ему не спалось. Его безпокоили тревожныя вѣсти изъ Имеретіи.

— Да, Нюся съ обрѣзанными рѣсницами... Но теперь рѣсницы мои вновь отросли, да еще и гуще... Сколько работы было въ эти три года! и, надѣюсь, работы не безславной... Никто изъ моихъ предмѣстниковъ не сдѣлалъ того, что я сдѣлалъ въ три года...

Онъ подошелъ къ окну. На дворѣ былъ безпросвѣтный мракъ и порывисто шумѣлъ вѣтеръ.

— Ахъ, Нюся, Нюся! — И Ермоловъ задумчиво улыбнулся. — Надо завтра же послать въ Чирахъ за этой героинейчеркешенкой.

Онъ отошелъ отъ окна, и глаза его остановились на обширной стѣнной картѣ Кавказа и Закавказья.

— Вотъ мое царство... бурное, непокорное... Но я его успокою желѣзомъ и кровью... Сколько крови! И у Бородина, и тутъ. Брюннъ, Аустерлицъ, Фридландъ, Смоленскъ, Бородино, Березина... Все это проносилось передъ нимъ, залитое кровью, освѣщаемое заревомъ пожаровъ. Глаза его упали на маленькій кружокъ... Владикавказъ!

— Владѣй Кавказомъ съ помощью желѣза и крови.

Отъ Владикавказа воспоминаніе перенесло его въ дебри самаго хребта, когда онъ первый разъ проѣзжалъ грозными тѣснинами Дарьяла. Казалось, что эти обступившіе его великаны-скалы хотятъ сдвинуться и задавить его. Нѣтъ, онъ пробьется сквозь нихъ, какъ пробился тамъ, далеко на сѣверѣ... А вотъ и самъ великій Наполеонъ: Наполеономъ ему представился Казбекъ, такой же холодный, спокойный, недосягаемый. Съ высотъ Гудаура передъ его очарованными очами открылся новый міръ: казалось, цѣлыя царства лежали у него подъ ногами... Да, цѣлыя царства, Грузія, Имеретія, Мингрелія, Абхазія, Дагестанъ...

И вспомнились ему тамъ слова евангелія: «и возведъ его діаволъ на гору высоку зѣло, показа ему вся царствія вселенныя въ часѣ временнѣ, и рече ему діаволъ: тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ, яко мнѣ предана есть, и ему же аще хощу—дамъ ю»...

— Vade retro, vade retro!—какъ бы отгоняя отъ себя видѣніе, очнулся Ермоловъ.

Глаза его остановились на висѣвшей на стѣнѣ, рядомъ съ картою, богатѣйшей саблѣ Измаилъ-шаха. Это былъ драгоцѣнный подарокъ Фетхъ-Али-шаха, повелителя Персіи, къ которому онъ, два года назадъ, являлся чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ императора. И живо, со всѣми подробностями, вспомнилось ему это торжественное посольство, пріемъ шаха, вся волшебная обстановка... На возвышеніи, устланномъ шалевыми коврами, высится роскошный тронъ, на подножіи котораго изображенъ покоящійся левъ. На тронѣ — поразительное, рѣжущее глазъ, сіяніе. Это самъ шахъ въ древней коронѣ своихъ родоначальниковъ. Она вся изъ драгоцѣнныхъ камней, а спереди — удивительное по богатству алмазное перо. Отъ плечъ этого истукана въ коронѣ идутъ нарукавники до самыхъ локтей, осыпанные рубинами, сафирами, яхонтами и алмазами, искрящіеся разноцвѣтными огнями, свѣтъ которыхъ сливается съ ослѣпительнымъ блескомъ «горы свѣта» («кохъ-и-норъ») и затѣмъ въ тысячахъ отраженій разсыпается по поверхности «моря свѣта» (дерья-и-норъ), стоимость котораго еще въ Голкондѣ, безъ отдѣлки, равнялась шести милліонамъ рублей! А накладной воротникъ, а поясъ, кинжалъ? Все это подавляетъ богатствомъ алмазовъ и брилліантовъ!

— Истуканъ, идолъ, залитый алмазами, сущій идолъ.

Позади идола, по правую сторону отъ трона четырнадцать сыновей шаха, а рядомъ съ ними сановникъ съ блюдомъ, покрытымъ золотою парчей, а на блюдѣ малая корона. По лѣвую сторону трона четыре «гулямъ-пишхидметсъ», тѣлохранители шаха, съ его регаліями: щитъ, сабля, скипетръ и государственная печать.

По сторонамъ — вельможи и высшіе чины государства, и тутъ же четверо «пасакчибаши», палачи съ топорами подъ золотою насѣчкою и съ рукоятками, осыпанными драгоцѣнными камнями.

— Это, чтобъ головы рубить. О, Персія! Тебѣ посвящаю я

ненависть мою и, отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое! *)

Алексѣй Петровичъ снова началъ ходить по кабинету, думая движеніемъ побороть овладѣвшее имъ волненіе, и мысли его снова воротились къ картинѣ пріема его шахомъ. Ермоловъ, сопровождаемый Аллахъ-Яръ-ханомъ, зятемъ Фетхъ-Али-шаха, и двумя совѣтниками, приближается къ трону.

— Чрезвычайный и полномочный россійско-императорскій посолъ желаетъ имѣть счастіе представиться средоточію вселенной и убѣжищу міра! — громогласно возглашаетъ Аллахъ-Яръ-ханъ.

— «Средоточіе вселенной!» «Убѣжище міра!» Какая пошлая фанфаронада! Это онъ-то, идолъ въ алмазахъ!

Ермоловъ презрительно и горько усмѣхается. Но тамъ, передъ идоломъ въ алмазахъ, онъ долженъ былъ показывать глубочайшее почтеніе.

— Хошъ-гельди (добро пожаловать), — возглашаетъ идолъ въ алмазахъ.

Ермоловъ приближается къ трону и говоритъ рѣчь. Затѣмъ беретъ съ блюда грамоту императора и вручаетъ ее шаху. Идетъ представленіе всѣхъ лицъ посольской свиты. Ермоловъ представляетъ штабсъ-капитана Коцебу и говоритъ, что этотъ офицеръ совершилъ недавно кругосвѣтное путешествіе, видѣлъ весь шаръ земной и порывался желаніемъ видѣть Персію и «средоточіе міра», «убѣжище вселенной».

— Теперь онъ, конечно, в с е видѣлъ, — съ самодовольствомъ дикаря изрекаетъ идолъ въ алмазахъ.

Эту жалкую комическую картину въ памяти Ермолова смѣнила другая картина, грозная, страшная и величественная. Подъ Бородинымъ сошлись на смертный бой двѣ величайшія арміи въ мірѣ. На высотѣ багратіоновыхъ флешей, присѣвъ на дышло зарядного ящика, окруженный блестящею боевою свитою, Кутузовъ направляетъ зрительную трубу туда, вдаль гдѣ на высотѣ Шевардинскаго редута чуть замѣтно виднѣлась одинокая маленькая человѣческая фигурка въ характерной, всему міру знакомой, трехъугольной шляпѣ, со скрещенными на груди руками... Вотъ оно — настоящее «средоточіе вселенной»... И Ер-

*) Подлинныя слова Ермолова въ его «Запискѣ».

моловъ невольно шепталъ памятный ему юношескій стихъ Пушкина:

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна.
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной тихихъ водъ сливался небосклонъ;
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой».

— А теперь? Да, теперь ужъ не выплыветъ тебѣ на помощь утлый челнъ; развѣ явится послѣдній корабль, чтобъ перевезти твои останки на родину.

И жалость къ великому «губителю» прокралась въ сердце Алексѣя Петровича.

— Мы всѣ «губители», только маленькіе. — И онъ грустно махнулъ рукой.

Мрачная картина уступила мѣсто комической. Шахъ, при входѣ въ палатку съ царскими подарками, невольно останавливается въ изумленіи. Онъ не ожидалъ такого поразительнаго богатства, такой роскоши, такого блеску. Вотъ онъ у зеркала громадныхъ размѣровъ. Словно въ остолбенѣніи, остановился онъ предъ нимъ. И не удивительно: никогда еще въ жизни онъ не видѣлъ себя разомъ всего въ зеркалѣ; ни одно стекло не отражало его въ себѣ цѣликомъ, съ его искрящимися алмазами, съ его рубинами и удивительными брилліантами Голконды. Онъ, казалось, онѣмѣлъ. Словно ребенокъ, стоялъ онъ передъ волшебнымъ зрѣлищемъ. Наконецъ, къ нему возвратился даръ слова.

— Мнѣ было несравненно легче, — говоритъ онъ, — пріобрѣсти милліоны, чѣмъ этотъ подарокъ русскаго вѣнценосца, и я не промѣняю его ни на какія сокровища въ мірѣ.

И долго еще, и неподвижно всматривается онъ въ себя и въ обливающіе его алмазы и брилліанты, въ безчисленныхъ сіяніяхъ отражающіеся въ глубинѣ волшебнаго трюмо. Всѣ присут-

ствующіе сановники молчатъ и никто не осмѣливается нарушить его самосозерцанія. Но вотъ, какъ бы очнувшись, онъ хочетъ, кажется, обратиться къ другимъ вещамъ, однако, какая-то невѣдомая сила снова приковываетъ его къ мѣсту... Проходитъ еще нѣсколько минутъ... Наконецъ, превозмогая себя, онъ дѣлаетъ легкое движеніе въ сторону... Еще мигъ, еще одинъ только взглядъ на зеркальную поверхность, и очарованіе исчезло...

Фетхъ-Али-шахъ подходитъ къ парчамъ и мѣхамъ.

— Мѣха сомнительнаго цвѣта, — говоритъ онъ,—слишкомъ темны.

— Но ихъ выбиралъ самъ государь, — поясняетъ Ермоловъ.

Сомнѣніе шаха разсѣялось.

— Значитъ, къ нимъ касалась рука императора? — И онъ кладетъ руку на одинъ изъ мѣховъ, какъ бы въ залогъ того, что такъ дорогъ ему союзъ съ императоромъ.

Все это припомнилось теперь Ермолову въ безсонную ночь, подъ жалобный вой вѣтра за окномъ и подъ протяжные оклики часовыхъ: «слу-ша-ай»!

— А каковы безсонныя почи тамъ, на пустынномъ островѣ, среди безпредѣльнаго океана?

И его снова обступили тѣни прошлаго, картины кровавыхъ битвъ, зарево пожаровъ... Чтобъ избавиться отъ этого кошмара, онъ присѣлъ къ столу и пододвинулъ къ себѣ папку съ донесеніями изъ Имеретіи. Перелистывая ихъ, онъ остановился на одной бумагѣ.

— Новый царь Имеретіи, князь Иванъ Абашидзе... А давно ли погибъ на чужбинѣ безвѣстнымъ скитальцемъ послѣдній царь Имеретіи, Соломонъ II? Такъ теперь избираютъ новаго царя, Абашидзе... Посмотримъ! Видно, не все еще истреблено это крамольное сѣмя... Но я вамъ не Ртищевъ! Я и съ Наполеономъ умѣлъ бороться.

Ермоловъ отложилъ въ сторону эту бумагу.

— Это еще что? — остановился онъ на другомъ донесеніи. — Мало имъ царя изъ рода Абашидзе: у нихъ отыскался царевичъ Вахтангъ, незаконный сынъ умершаго царя Давида, и этого прочатъ въ цари. Да, видно, что въ Имеретіи нѣтъ теперь хорошаго кота: мыши не только подъ лавкой скребутся, но и на лавку, и на столъ забрались... Такъ я же васъ!

XIV. Грибоѣдовъ—«Чацкій», Варя—«Софья».

Грибоѣдовъ, воротившись отъ Чавчавадзе, также не могъ долго заснуть. Онъ думалъ о предстоящемъ отъѣздѣ въ Тавризъ, въ Персію, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ нашей миссіи, а въ Тифлисъ пріѣзжалъ по дѣламъ службы, по вызову Ермолова, съ которымъ онъ познакомился въ 1818 году и горячо полюбилъ его.

— Что за славный человѣкъ!—говорилъ онъ о Ермоловѣ.— Мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совѣршенно по русски: на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи. Притомъ, тьма краснорѣчія!

Ермоловъ съ своей стороны очень любилъ и уважалъ Грибоѣдова, необыкновенныя способности котораго, громадная начитанность и превосходное знаніе иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ и персидскаго, просто изумляли Алексѣя Петровича. Кромѣ того, онъ глубоко цѣнилъ въ немъ его неподкупную честность, непоколебимую твердость воли, при всей его видимой мягкости, и отсутствіе всякой податливости передъ сильными міра въ защиту праваго дѣла, качества, которыми въ равной мѣрѣ отличался и самъ Ермоловъ.

Эти симпатичныя черты характера Грибоѣдова признавалъ въ немъ и Бестужевъ-Марлинскій.

«Кровь сердца всегда говорила у него на лицѣ, — вспоминалъ онъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ въ пріятельскомъ кругу.— Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ, никогда! Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновской суровостью, даже дерзостью».

Придя въ свою комнату (Грибоѣдовъ въ Тифлисѣ останавливался во дворцѣ, въ которомъ жилъ Ермоловъ), Александръ Сергѣевичъ, облачившись въ персидскій халатъ и усѣвшись у письменнаго стола, долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Нюся своими дѣтскими выходками, этимъ отчаяннымъ протестомъ противъ Ермолова и противъ своихъ собственныхъ рѣшицъ, наконецъ, своимъ собственнымъ милымъ личикомъ вызвала передъ нимъ другой милый образъ, который, увы! такъ много далъ ему страданій, но все еще несовсѣмъ потускнѣлъ въ его оскорбленномъ сердцѣ, въ его «оскорбленномъ чувствѣ»...

Этотъ милый образъ, обманувшій самыя дорогія, самыя чистыя его иллюзіи, заставилъ его, въ лицѣ Чацкаго, воскликнуть:

Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

И онъ ищетъ этотъ «уголокъ» въ горахъ и дебряхъ Кавказа, среди чеченскихъ пуль, въ дикой Персіи, въ глухомъ и варварскомъ Тавризѣ.

— А я такъ любилъ эту фальшивую Варю, эту куклу... Слѣпецъ! Я думалъ въ ней найти награду всѣхъ моихъ трудовъ, моей тоски, моихъ страданій... Изъ подъ вражескихъ пуль я къ ней спѣшилъ въ Москву, я не ѣхалъ, я летѣлъ, весь дрожа отъ ожиданія встрѣчи... «Такъ близко счастье», думалъ я... И вдругъ! Тотъ, на кого она меня промѣняла, въ объятіяхъ у горничной!.. Такъ вотъ кого она избрала, кому предпочла меня! И зачѣмъ меня надеждой завлекла, зачѣмъ прямо не сказала, что все прошедшее она обратила въ смѣхъ, что даже память обо мнѣ для нея постыла? Вѣдь ни время, ни пространство, ни развлеченія, ни даже смерть, глядѣвшая мнѣ въ глаза, ничто не охладило моихъ чувствъ. Я ими жилъ, я ими дышалъ и, какъ святыню, лелѣялъ образъ Вари... фальшивое, низкое существо! Ну, разлюбила, въ чувствахъ человѣкъ неволенъ: такъ скажи тотчасъ же, какъ только я пріѣхалъ, что чувства ея измѣнились, что я сталъ ей противенъ... Я покорился бъ моему несчастью, я снова похоронилъ бы себя здѣсь или гдѣ нибудь далеко на чужбинѣ, я уѣхалъ бы странствовать, чтобъ размыкать мое горе по горамъ, по степному ковылю Азіи, по бурнымъ волнамъ океана. Нѣтъ, она только фальшивила, и ради кого же? Ради этого лакея-чиновника!

Онъ ближе придвинулся къ столу и изъ одного ящика вынулъ тетрадь синей бумаги. На тетради было крупно написано: «Горе отъ ума». Онъ раскрылъ тетрадь и сталъ просматривать ее своими близорукими глазами.

— Въ этой тетради я переложу драму моего сердца въ злую, безпощадную комедію... Первыя два дѣйствія почти уже готовы и Пушкину они очень понравились.

— Да это то, что я еще въ Москвѣ набросалъ подъ первымъ впечатлѣніемъ... Назову ее вмѣсто Вари—Софьей... Да,

премудрая дѣвица... А его окрещу Молчалинымъ... Я говорю ей, указывая на него тотчасъ послѣ того, какъ горничная вырвалась изъ его чиновничьихъ объятій:

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьѣ зрѣломъ:
Себя крушить—и для чего?
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей...

— Да, высокій, благородный идеалъ!.. Хороша моя идеальная Варя... Тамъ, бывало, въ темномъ уголкѣ, на балконѣ... А эти звѣзды, что изучали вмѣстѣ... Капелла, Андромеда... Она же и была Андромедой, а я — Персеемъ, я спасалъ ее отъ Медузы, отъ этой московской свахи и сплетницы... Ахъ, только, кажется, у такихъ невинныхъ ангелочковъ, какъ Ниночка, и нѣтъ пока фальши, двуличія, а чуть выросла изъ коротенькаго платьеца, и пошла охота за дичью, за поклонниками.

Онъ придвинулъ ближе тетрадь, снялъ очки и сталъ писать. Перо быстро заходило по бумагѣ. Вотъ онъ откинулся на спинку кресла, грустные глаза его улыбаются. Онъ доволенъ своимъ творчествомъ: конецъ второго дѣйствія комедіи вполнѣ удался. Горничная Вари, за которою ухаживаетъ Варинъ возлюбленный, говоритъ:

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ.
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

— Да, горничная честнѣе своей барышни, она любитъ только своего буфетчика: она чище той, которая когда-то была моимъ идеаломъ... Ну, за третье дѣйствіе.

И онъ снова склоняется къ тетради, и снова перо его чуть съ замѣтнымъ скрипомъ скользитъ по бумагѣ, а вѣтеръ все шумитъ за окномъ. Онъ прислушивается.

— Люблю писать подъ шумъ вѣтра: кажется, я къ нему прислушиваюсь, а въ сущности, къ процессу моихъ мыслей.

Кто-то постучался въ дверь.

— Entrez, — машинально откликнулся Грибоѣдовъ, зная впередъ, что это Ермоловъ.

Вошелъ, дѣйствительно, Алексѣй Петровичъ.

— Вы что жъ это по французски, батенька?—спросилъ онъ.

— Да такъ, по привычкѣ: въ Тавризѣ отвыкнешь отъ русскаго языка, то по персидски приходится болтать, то по французски. А вы, вѣроятно, все работали?

— Нѣтъ, бредилъ: не спится что-то. Вы пишете? А, вижу: «Горе отъ ума».

— Да извожу понемногу бумагу, только не казенную.

Ермоловъ взялъ отдѣльно лежавшій листокъ, потомъ, присѣвъ къ столу, быстро пробѣжалъ его глазами.

— Какая прелесть, что за сила! — воскликнулъ онъ. — И это тоже пойдетъ въ «Горе отъ ума»?

— Да, и, вѣроятно, въ заключеніе комедіи.

— Великолѣпно! И особенно обращеніе Чацкаго къ Фамусову:

А вы, сударь, отецъ, вы страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! Отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
. . . . . .
Гдѣ былъ? Куда меня забросила судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ! Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ.
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

— Восхитительно!

— А я все недоволенъ,—раздумчиво сказалъ Грибоѣдовъ.— Много разъ порывался бросить въ огонь, а потомъ жаль стапетъ: все же удовлетворяешься, тѣшишь свое одиночество, шурша бумагою, не казенною.

— Помилуйте, голубчикъ! — воскликнулъ Ермоловъ.—Что вы, Нюся, что ли? Хотите себѣ рѣсницы остричь?

Грибоѣдовъ любовно улыбнулся, вспомнивъ Ниночку.

А та, о которой говорили, спала себѣ сномъ невинности, въ то время, когда бабушка, княгиня Орбеліани, въ спальнѣ у которой находилась кроватка Нины, усердно молилась на сонъ грядущій.

Помолившись, княгиня подошла къ кроваткѣ, чтобъ перекрестить внучку. Дѣвочка спала, разметавшись въ своей кроваткѣ, и, видимо, спала безпокойно. Одѣяльце ея было сбито къ ножкамъ. Бабушка осторожно поправила его. Вдругъ дѣвочка открыла глаза и испуганно поднялась.

— Ахъ, баба!.. Какъ я рада!

— Чему рада, птичка моя?

— Что это сонъ?

— Какой сонъ, мое солнышко?

— Я, баба, видѣла во снѣ, что иволги вьютъ гнѣздо у меня на рѣсницахъ.

— Ахъ, это все Ермоловъ! И какъ не стыдно человѣку, облеченному довѣріемъ государя, дразнить ребенка? Вотъ я ему ужо! А ты спи, мое солнышко. Господь съ тобой.

XV. Нюся сердится на Ермолова.

На утро у Ермолова былъ докладъ и совѣщаніе по дѣламъ Имеретіи.

Докладывалъ правитель канцеляріи, Могилевскій, лучшій знатокъ положенія дѣлъ въ тогдашнихъ кавказскихъ и закавказскихъ областяхъ, работавшій со всѣми предмѣстниками Ермолова, начиная отъ князя Циціанова и графа Гудовича, и кончая Тормасовымъ и Ртищевымъ. При докладѣ находились также Грибоѣдовъ и князь Чавчавадзе.

Передъ Ермоловымъ раскрыта была складная карта Имеретіи, къ которой онъ часто нагибался, отыскивая тѣ или другія мѣстности, упоминавшіяся при докладѣ. Передъ Грибоѣдовымъ лежалъ бѣлый листъ бумаги, по которому онъ, слушая докладъ, машинально водилъ карандашемъ. Князь Чавчавадзе тоже внимательно слушалъ, поглаживая рукою эфесъ своей сабли.

— Все возстаніе группируется главнымъ образомъ около князя Ивана Абашидзе, — говорилъ Могилевскій. — Вообще

фамилія князей Абашидзе играла боевую роль и во время возстанія Имеретіи при послѣднемъ царѣ Соломонѣ II; но когда большая часть этихъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ и знаменитый коноводъ ихъ, красавецъ и исполинъ Димитрій Абашидзе, пали въ послѣднихъ стычкахъ съ нашими войсками, а царь Соломонъ, скитаясь на чужбинѣ, въ предѣлахъ Турціи, скончался въ самой крайней бѣдности, то теперь душою возстанія является Иванъ Абашидзе.

— Царь Соломонъ II умеръ, помнится, въ 1815 году?— замѣтилъ Ермоловъ.

— Да, 7-го января 1815 года, въ городѣ Трапезундѣ,—отвѣчалъ докладчикъ,—изъ семьи же самого Соломона въ Имеретіи теперь осталась царевна Дареджана, вдова царевича Давида, да ея десятилѣтній внучекъ, сынъ Ивана Абашидзе, да еще царевичъ Вахтангъ, незаконный сынъ царевича Давида. Осталась еще одна прямая отрасль царя Соломона: это другая царевна Дареджана, дѣвушка; но она послѣ несчастія, постигшаго ея отца, добровольно удалилась въ монастырь. Я зналъ ее: это было дивное созданіе.

— Красавица?—спросилъ Ермоловъ.

— Да, ничего подобнаго я въ жизни не видалъ,—вздохнулъ Могилевскій.—Это было, дѣйствительно, жемчужина Востока, первая его красавица.

— А княжна Геоухеръ?—замѣтилъ Чавчавадзе.

— Это дочь бывшаго карабагскаго хана Ибрагима? Да... но куда же ей до царевны Дареджаны! Геоухеръ и прежде охотно дарила свои прелести своимъ поклонникамъ, и теперь продолжаетъ дарить ихъ всякому. Вспомните, какъ старый мужъ ея, Джафаръ-Кули-ханъ, засталъ ее въ своемъ гаремномъ саду съ своимъ секретаремъ, Мирзою-Али. Вѣдь изъ-за нея застрѣлилъ онъ его, какъ собаку. А Дареджана—это чистое созданіе.

И Могилевскій съ грустью вспомнилъ, какъ, во время переговоровъ съ Соломономъ въ замкѣ Вардъ-цихе, Дареджана, какъ свѣтлое видѣніе, явилась къ нему, чтобъ просить за отца, и съ тѣхъ поръ ея милый образъ не выходилъ изъ его памяти, всецѣло поглощенной канцелярскими бумагами.

И Грибоѣдовъ съ болью въ сердцѣ вспомнилъ свою Варю... «Свою»! она теперь не его; она, можетъ быть, теперь въ объ-

ятіяхъ у Молчалина... И рука его машинально чертила на бѣломъ листѣ: «Варя-Софья», «холопъ Молчалинъ»...

— Объ этой красавицѣ Геоухеръ мнѣ и князь Мадатовъ говорилъ,—сказалъ Ермоловъ.—Она чуть не послужила источниковъ нашего столкновенія съ Персіей. Когда еще былъ живъ отецъ, Ибрагимъ-ханъ, Баба-ханъ, нынѣ Фехтъ-Али-шахъ, желая пріобрѣсти въ Ибрагимѣ-ханѣ могущественнаго союзника, просилъ у него дочерей, Геоухеръ и юную Лейлу, въ замужество за своихъ сыновей, и только благодаря энергіи Лисаневича этотъ casus belli былъ устраненъ.

— Да,—подтвердилъ Могилевскій,—Лисаневичъ напалъ на лѣтній станъ Ибрагимъ-хана, желая арестовать его: но завязалось дѣло, и пули нашихъ егерей положили на мѣстѣ самого хана и его юную дочку Лейлу съ сыномъ Искандеромъ.

— А въ этой красавицѣ Геоухеръ, оставшейся богатѣйшею вдовой послѣ Джафаръ-Кули-хана, всѣ персидскіе владѣтели предлагаютъ руку и сердце, и всѣ карабагскіе поэты посвящаютъ ей восторженныя оды,—проговорилъ Чавчавадзе.—Вотъ что значитъ красота!

— И деньги,—улыбнулся Могилевскій.—Такъ теперь, ваше высокопревосходительство,—продолжалъ онъ свой докладъ,—кромѣ князя Ивана Абашидзе и царевича Вахтанга—этотъ, впрочемъ, ничтожество! самыми вредными для насъ людьми въ Имеретіи, какъ вамъ извѣстно, остаются два митрополита: Досиѳей Кутатели и Евфимій Генатели; а кромѣ этихъ еще князь Сехнія Цулукидзе, мдиванъ-бекъ князь Давидъ Микеладзе, князь Николай Пинези Абашидзе и князь Бежанъ Церетели.

Ермоловъ всталъ и порывисто началъ ходить по кабинету. Густые волосы его, лежавшіе въ безпорядкѣ, представляли теперь подобіе львиной гривы, а изъ-подъ насупившихся бровей глаза смотрѣли сердито.

— Люди въ массѣ, вездѣ овцы, панургово стадо, — заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово.—Куда ведетъ ихъ передовой баранъ или козелъ, туда они и идутъ, въ воду ли, въ огонь ли. Мы знаемъ, что панурговы овцы всѣ бросились въ море за передовымъ козломъ. Такимъ козломъ и мнѣ не разъ приходилось бывать. Такъ, подъ Бородинымъ, когда самый нашъ стойкій пунктъ, редутъ Раевскаго, уже окончательно погибалъ, Кутузовъ послалъ меня, самъ, повидимому, не вѣря въ успѣхъ, и

только говорилъ мнѣ: «голубчикъ! посмотри, пельзя ли тамъ что сдѣлать»? Я увидѣлъ отчаянное бѣгство нашихъ... и сталъ передъ ними козломъ... «Братцы, говорю, за мной»! И редутъ былъ спасенъ. Вотъ что значитъ козелъ у стада.

Онъ подошелъ къ столу и оперся рукой о карту.

— Мы приберемъ къ рукамъ этихъ имеретинскихъ козловъ во что бы то ни стало,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Возьмемъ живыми или мертвыми!

— Только не митрополитовъ,—замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Почему?—удивился Ермоловъ.

— Высокія духовныя особы... Народъ за нихъ больше горой стоитъ, чѣмъ за князей.

— Что же! Когда ихъ не станетъ, то не за кого будетъ и пароду стоять.

— Оно такъ; но только умерщвлять ихъ не совѣтую: къ нимъ и наши солдатики подходятъ подъ благословеніе... А поколебать у солдата вѣру въ святость церкви...

— Правда, правда, Александръ Сергѣевичъ,—согласился Ермоловъ.—Спасибо за совѣтъ, я погорячился.

— Не стоитъ,—скромно сказалъ Грибоѣдовъ,—а если, паче чаянія, и будетъ убитъ кто изъ митрополитовъ, то тѣла ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ оставлять не только въ Имеретіи, но даже и въ Грузіи... Тогда народъ канонизируетъ ихъ въ мученики.

— И съ этимъ я вполнѣ согласенъ,—сказалъ Ермоловъ.

— Тѣла ихъ мы отправимъ въ Моздокъ, — замѣтилъ съ своей стороны Могилевскій.

— Но тамъ еще остаются два старыхъ козла, которые очень опытны въ интригахъ, два Церетели: князь Зурабъ и князь Кайхосро,—продолжалъ ходить по кабинету Ермоловъ,—изъ прежнихъ обстоятельствъ Имеретіи, съ которыми я познакомился по дѣламъ, я вынесъ убѣжденіе, что стараго Зураба справедливо называли «Мефистофелемъ Имеретіи», да и князь Кайхосро подъ пару будетъ «Зибелю».

— А чинъ «Фауста» я бы пожаловалъ Ванькѣ Абашидзе,—продолжалъ сравненіе Грибоѣдовъ.—Это сущій мудрецъ, судя по тому, что говорилъ мнѣ о немъ полковникъ Пузыревскій.

— А кто же у нихъ «Гретхенъ»?—улыбнулся Ермоловъ.

— «Гретхенъ» у нихъ—самъ Мингрелін владыка, свѣтлѣй-

шій князь Леванъ Дадіанъ, который женатъ на дочери князя Зураба или, скорѣе, дочка князя Зураба жената на Дадіанѣ, который находится подъ башмакомъ у жены и пуще розги боится своего тестя,—говорилъ Могилевскій,—я ихъ всѣхъ знаю, какъ свою канцелярію, и Левана Дадіана по праву назову плаксивою «Гретхенъ»: онъ всего боится, а въ то же время блудливъ, какъ кошка.

— Но я увѣренъ, что вслѣдъ за Имеретіей мятежъ вспыхнетъ и въ Мингреліи, и въ Гуріи, и въ Абхазіи,—сказалъ Ермоловъ, подходя къ картѣ и разсматривая ее.

— Не мудрено, хотя сами владѣльцы этихъ странъ и не отважились бы на такую дерзость,—отвѣчалъ Могилевскій,—но они безсильны передъ своими полуазіатами-подданными и князьями. Да вотъ примѣръ.

Могилевскій досталъ изъ портфеля бумагу и сталъ пробѣгать ее глазами.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Ртищевѣ, въ Абхазіи возникли волненія, и трапезундскій сераскиръ заявилъ претензіи Турціи на Мингрелію и Гурію, Леванъ Дадіанъ прислалъ такую слезницу Ртищеву: «скорѣе подставлю обнаженную выю мою обнаженному мечу,—читалъ докладчикъ,—но уже не выйду изъ рабства обожаемаго и августѣйшаго государя императора. Нѣсколько разъ присягалъ я ангелоподобному россійскому императору, и какъ нарушу обѣщаніе и клятву мою? Лучше бы было мнѣ не родиться, нежели слышать объ этомъ. Если бы даже султанъ наполнилъ домъ мой множествомъ разнообразной славы, возложилъ на меня вѣнецъ и облекъ въ порфиру, то и тогда немыслимо, чтобъ я вышелъ изъ подданства счастливѣйшему и непорочному россійскому престолу»... А, между тѣмъ, намъ очень много было тогда хлопотъ съ этой самой Мингреліей. То же самое будетъ и теперь, какъ съ нею, такъ и съ Гуріей, а въ особенности съ Абхазіей.

— Посмотримъ,—сказалъ Ермоловъ,—мы поторопимся принять энергическія мѣры; а прежде всего выловимъ коноводовъ.

— Пока снѣга лежатъ въ горахъ,—подсказалъ Чавчавадзе.

— Да, да,—подтвердилъ и Могилевскій,—мятежники очень любятъ цвѣты и зелень.

— Я на себѣ это испыталъ, когда еще мальчишкой скры-

гался въ горахъ съ царевичемъ Парнаозомъ,—улыбнулся Чавчавадзе.

— Какіе цвѣты и какую зелень?—удивился Ермоловъ.

— Да изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, когда лежатъ снѣга, и деревья обнажены отъ листьевъ, тогда очень трудно укрываться въ горахъ; а когда растаютъ снѣга, вырастетъ трава въ ростъ человѣка, и деревья покроются густымъ листомъ, тогда и самому есть гдѣ прятаться, и семью свою можно хоронить отъ преслѣдованія въ любомъ ущельѣ.

И Чавчавадзе вспомнилъ, какъ они съ царевичемъ Парнаозомъ и его свитой дрогли, бывало, въ горахъ, перебѣгая отъ аула къ аулу, лишь бы убѣжать отъ русскихъ.

— Понимаю,—сказалъ Алексѣй Петровичъ,—такъ мы лишимъ ихъ удовольствія видѣть цвѣты и зелень, по крайней мѣрѣ, въ Имеретіи; а въ Сибири пусть любуются.

— И я думаю,—замѣтилъ съ своей стороны Грибоѣдовъ,—что намъ надо особенно поспѣшить съ этимъ дѣломъ, пока у насъ руки свободны. Я серьезно опасаюсь, что намъ скоро придется имѣть дѣло съ Персіей. Мнѣ это изъ Тавриза виднѣй. Этотъ каналья Аббасъ-мирза видимо желаетъ опять забрать Карабагъ и другія ханства, завоеванныя нашимъ оружіемъ, въ чемъ ему помогаетъ и сестрица красавицы Геоухеръ.

— Какъ!—удивился Ермоловъ. — Какая сестрица? Вѣдь Лейла была убита вмѣстѣ съ отцомъ, Ибрагимъ-ханомъ.

— Да, но, кромѣ Геоухеръ и Лейлы, у Ибрагимъ-хана была еще одна дочь, старше этихъ, и она замужемъ за самимъ шахомъ. Она—старшая супруга повелителя Ирана.

— Я положительно этого не зналъ,—сказалъ Ермоловъ, останавливаясь передъ Грибоѣдовымъ, — впрочемъ, у него столько женъ, что онъ самъ ихъ не всѣхъ въ лицо знаетъ: разберись-ка въ стадѣ изъ 300—500 коровъ, а у него въ гаремѣ цѣлый табунъ этихъ карабагскихъ и иныхъ кобылицъ.

— Но вѣдь сестра Геоухеръ—старшая кобылица, виноватъ! старшая супруга шаха,—улыбнулся Грибоѣдовъ.

— Значитъ, онъ самъ женатъ на старшей дочери покойнаго Ибрагимъ-хана карабагскаго, а на младшихъ его дочеряхъ, на Геоухеръ и на Лейлѣ, собирался женить своихъ сыновей. Вотъ родство! Свою старшую родную сестру онѣ должны были бы называть «мамашей».

— Да, но вѣдь и нашъ общій другъ, шахъ-задэ Аббасъ мирза, женатъ на сестрицѣ извѣстнаго вамъ Аллахъ-Яръ-хана, а самъ Аллахъ-Яръ-ханъ женатъ на сестрѣ Аббасъ-мирзы.

— Чортъ знаетъ что такое!—невольно разсмѣялся Ермоловъ.—И самъ чортъ ногу сломитъ въ персидскихъ родословныхъ.

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ Грибоѣдовъ,—такъ вотъ эта старшая кобылица изъ табуна его величества шаха, какъ вы изволили выразиться, и присылала въ прошломъ году въ Карабагъ, въ Шушу, къ братцу своему и братцу красавицы Геоухеръ, къ Мехти-Кули-хану, свою статсъ-даму съ большими подарками.

— Помню, помню!—сказалъ Ермоловъ.—Теперь вспомнилъ. Такъ это я ей привозилъ отъ государя императора и отъ императрицы, а равно отъ императрицы-матери, такую массу драгоцѣннѣйшихъ подарковъ: отъ государя—парчей, бархатовъ, соболей, горностаевъ; а отъ императрицъ—бриллианты, алмазы, сафиры, рубины, бриллiантовыя перья, да всего и не припомню... Это все ей!

— Ей,—кивнулъ головою Грибоѣдовъ.

Ермоловъ, что-то вспомнивъ, быстро открылъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола и досталъ оттуда какую-то бумагу.

— Боже! Да вѣдь это е я литературное произведеніе!—со смѣхомъ говорилъ онъ, ударяя пальцемъ по бумагѣ.—Это шедевръ восточнаго краснорѣчія, роскошь! Это ея отвѣтное письмо на любезную къ ней грамоту государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Слушайте!—И Ермоловъ началъ читать:

«Пока цѣна (замѣтьте, «цѣна», это восхитительно!), пока цѣна и свѣжесть госпожъ, скрывающихся въ разныхъ мѣстахъ цвѣтника розъ (это, конечно, «скрывающихся» въ гаремѣ), усугубляется благоуханіемъ весны, а почки розъ—запахомъ животворящаго вѣтерка Мессіи склоняются къ поламъ Маріи, кустарника розъ, край завѣсы веселія и почка кустарника розъ счастія благополучной госпожи, уединенной палаты великой державы, финиковаго дерева величія, плода сада высоты, полной луны совершенства и сіянія неба благополучія, счастливой коробки перла государства, благополучнаго созвѣздія звѣзды знанія, Маріи, колыбели величія, высокосановной сестрицы, да

будутъ предохранены отъ всякой нечистоты горестей и вреда злойнаго вихря печалей».

— Что за чепуха!—невольно вырвалось у Грибоѣдова.—И отъ такихъ идіотовъ зависитъ жизнь милліоновъ.

— А вы слушайте дальше,—остановилъ его Ермоловъ:—я нарочно снялъ копію съ этой прелести... Воображаю, какъ хохотали государь и обѣ императрицы! И эдакое чучело смѣетъ называть государыню «сестрицей». Но слушайте дальше:

«При сплетеніи пучка розъ, да откроется пріязненному уму, что дышащій амброзіею запахъ виноградника постоянства и мускусное благоуханіе сада дружбы, т. е. счастливое дружескос посланіе, означающее соединеніе, счастливымъ полученіемъ распространило благоуханіе въ бесѣдѣ сердца и пріятнымъ содержаніемъ вящше возрадовало душу. Оно дышало дружбою и отъ начала до конца было преисполнено остроумія; цвѣтникъ его выраженій былъ украшенъ розами единодушія и согласія, а розы содержанія очищены отъ пыли непріязни. Залоги твердой пріязни отражаются въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и зеркало сердца постоянныхъ друзей рукою дружбы очистилось отъ всякой вражды; вложенныя въ него мысли доставили славу, благополучіе и веселіе, и изреченія дружбы, которою оно дышало, возродили неописанную радость. Мы обязаны благодарить Аллаха, покровителя дружбы, за то, что онъ связалъ обѣ высокія державы тою пріязнью, что мы можемъ развлекаться дружескою перепистоянія хотя устраняетъ возможность взаимнаго соединенія» скою, и соединилъ оба знаменитыя государства тѣмъ согласіемъ, котораго нить всегда въ рукахъ нашихъ. Хотя любимое лицо свиданія, повидимому, и скрыто за занавѣсью, но она не препятствуетъ проявленію искренности сердецъ; дальность же разстоянія хотя устраняетъ возможность взаимнаго соединенія» (еще этого недоставало! да такую бабу, какъ ты, и на порогъ во дворецъ стыдно было бы пустить,—проговорилъ Ермоловъ).

— А теперь слушайте конецъ:

«Но, стремясь по пути дружбы, мы не знаемъ препонъ. Есть надежда, что основаніе этого соединенія прочно, и что способы къ нашему сближенію будутъ постоянно увеличиваться. Такъ какъ высокостепенный...

— Точно коммерціи совѣтникъ, «высокостепенный»,—пробурчалъ про себя Грибоѣдовъ.

...Высокостепенный,—продолжалъ Ермоловъ, — «высокостепенный», основаніе князей и избранный между вельможами христіанства, могущественный главнокомандующій и чрезвычайный посолъ той вѣчной державы, храбрый генералъ-лейтенантъ Ермоловъ, по врученіи императорской грамоты, возвращался отъ благополучнаго двора великаго государя, то оказалось нужнымъ начертать это дружеское посланіе. Правила дружбы требуютъ, чтобы единодушіе вящше украшалось разноцвѣтными розами переписки, а радость пріязненнаго сердца усугублялась пріятельскими порученіями. Впрочемъ, да будутъ дни искренности вѣчны» *).

— Уфъ!—всею грудью вздохнулъ Ермоловъ.

— Да отъ этого «билье-ду» можно задохнуться,—подтвердилъ Грибоѣдовъ.—и воображаю, какъ шахъ и сама бегюмъ-ханумъ гордились этимъ посланіемъ. Перлъ краснорѣчія! Сочиненіе какого-нибудь придворнаго писаки изъ армяшекъ-духанщиковъ или какого-нибудь брадобрея.

— Однако, господа,—сказалъ Ермоловъ, пряча бумагу въ столъ,—мы увлеклись литературнымъ шедевромъ сестрицы Геоухеръ, а надо кончать дѣла.

— Конецъ уже нами намѣченъ,—хладнокровно проговорилъ Могилевскій,—переловить козловъ и выслать въ Моздокъ... до цвѣтовъ и до зелени...

— Такъ!—согласился Ермоловъ.—А я составлю горяченькую прокламацію къ имеретинскому народу. Благодарю васъ, господа. А что ваша Нюся?—съ улыбкой обратился онъ къ Чавчавадзе.

— Сердится на васъ,—улыбнулся тотъ,—теперь, говоритъ, я къ нему больше не буду выходить: буду играть только съ Грибоѣдовымъ: онъ добрый.

— Ха-ха-ха! Расцѣлуйте же отъ меня плутовку. Что за прелесть-дѣвочка!

XVI. Бабушка и внученъ.

— Милая баба, ты давно обѣщала мнѣ разсказать исторію про моего покойнаго дѣдушку, про царя Соломона II, послѣдняго царя Имеретіи, и про его наслѣдника престола, про царевича

*) Письмо это—историческій документъ.

Константина, и про мою тетю, твою тезку, царевну Дареджану. Разскажи теперь, милая баба, какъ ты прежде разсказывала мнѣ сказки про «Барсову шкуру», про царицу Тамару. Теперь я сказокъ ужъ не хочу, баба, теперь я большой.

— Что же мнѣ разсказать тебѣ, мой золотой? Это такая печальная исторія.

— Милая баба, я хочу знать ее: вѣдь и я царскаго рода. А когда выросту совсѣмъ, тогда добуду себѣ престолъ Имеретіи.

— Ахъ, золотой мой! Прошло то время, когда мы владѣли царствомъ: налетѣли черные вороны изъ-за горъ, изъ снѣжнаго царства, и унесли нашу царскую корону.

— Такъ вотъ объ этомъ, баба, и разскажи. Мнѣ играть не хочется, я ужъ большой.

— Хорошо, золотой мой, слушай. Въ тотъ годъ, когда ты родился, ровно десять лѣтъ назадъ, несчастная Имеретія въ послѣдній разъ видѣла своего царя.

— Это былъ дѣдушка, царь Соломонъ?

— Да, золотой мой. Онъ спокойно и мирно правилъ своимъ царствомъ, народъ боготворилъ его, и Имеретія была самою счастливою страною подъ солнцемъ. Счастливая тогда была и я, всѣми любимая и почитаемая, какъ родная сестра царя. Ахъ, что это было за время! Я тогда была еще молоденькою дѣвушкой, а міръ Божій былъ такъ прекрасенъ. Счастливо мы жили въ своемъ кутаисскомъ дворцѣ, окруженные преданными князьями и родственниками: Абашидзе, Леонидзе, Церетели, всѣхъ и не перечесть. Лѣтомъ, когда въ Кутаисѣ было жарко, мы переѣзжали въ горы и въ лѣса или въ замокъ Вардъ-цихе, или въ Сазано. Тамъ всѣ охотились на фазановъ, на дикихъ кабановъ, на медвѣдей, а по вечерамъ играла зурна, плясали лезгинку. Потомъ я вышла замужъ.

— За кого, баба?

— За твоего дѣдушку, что давно убитъ въ сраженіи съ русскими, убитъ какъ разъ въ годъ твоего рожденія... Это былъ первый красавецъ и первый герой Имеретіи, князь Дмитрій Абашидзе. Ты его, мой золотой, не помнишь: отъѣзжая въ битву, онъ благословилъ тебя соннаго въ твоей колыбелькѣ. Съ той поры и я его не видала.

— Я это знаю, баба: ты мнѣ объ этомъ часто разсказывала.

А что же дѣдушка, царь Соломонъ, и дядя, царевичъ Константинъ, и тетя, царевна Дареджана?

— Въ тотъ годъ, мой дружокъ, когда для Имеретіи наступили несчастныя времена, Дареджана съ матерью, царицею Маріей, и съ младшими братьями: Давидомъ и Иракліемъ, да съ дочерью карабагскаго хана Ибрагима, съ Геоухеръ, прожили весну за горами, въ Кабардѣ, гдѣ царица Марія лѣчилась въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ. Тогда тебя не было еще на свѣтѣ. Это было въ 1806 году. Въ этомъ году русскій сардаръ, князь Циціани, былъ убитъ при осадѣ крѣпости Баку, и голову его бакинскій ханъ, Гуссейнъ-Кули, отправилъ въ подарокъ персидскому шаху. Съ тѣхъ поръ и начались наши несчастія. Русскіе заняли Кутаисъ, и мы всѣ должны были бѣжать въ горы: братъ мой, царь Соломонъ, съ наслѣдникомъ и ближайшими князьями заперся въ замкѣ Вардъ-цихе, куда изъ Кисловодска проѣхала и царица Марія съ Дареджаною; меня же мужъ мой, а твой дѣдушка, перевезъ въ свое имѣніе, въ Сазано, а потомъ въ Дирби. Помнишь Дирби?

— Какъ же, баба: еще мы тамъ со старымъ Маміею достали въ скалахъ молодыхъ орлятъ, и орлица выдрала когтями одинъ глазъ у нашего нукера Пинедзе, который по веревкѣ спускался къ орлиному гнѣзду.

— Тамъ-то, въ Дирби, русскіе и схватили обманомъ царя Соломона.

— Ну? И онъ не бѣжалъ?

— Бѣжалъ, только послѣ.

— А отчего же онъ, баба, не защищался въ Вардъ-цихе?

— Его обманомъ выманили оттуда русскіе.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! Какой же онъ простакъ. Ну, меня они не выманятъ, я ихъ перехитрю... Ну, какъ же бѣжалъ дѣдушка?

— Онъ бѣжалъ ужъ изъ Тифлиса. Изъ Дирби его подъ крѣпкимъ карауломъ перевезли въ Тифлисъ, и тамъ заключили въ одинъ домъ, а вокругъ дома поставили стражу. А нашъ вѣрный Маміа...

— Тотъ самый, что мнѣ въ Дирби досталъ молодыхъ орлятъ?

— Онъ самый, мой мальчикъ. Онъ-то и помогъ дѣдушкѣ бѣжать.

— Ай да Маміа, ай да старикашка! Молодецъ! Я его за это расцѣлую. Ну, баба, какъ же онъ это сдѣлалъ?

— Онъ притворился передъ русскими, что онъ ихъ любитъ, и просилъ взять его въ полицейскіе, въ Тифлисѣ. Его и взяли...

— Вотъ дураки русскіе! Ахъ, какіе дураки! Ну?

— Маміа и подговорилъ нукера-водоноса, изъ меретинъ же, который носилъ воду въ домъ, гдѣ заключенъ былъ дѣдушка, подговорилъ пронести дѣдушкѣ простое нукерское платье. Онъ и пронесъ его въ большомъ водоносномъ кувшинѣ. Дѣдушка переодѣлся нукеромъ, и когда стемнѣло, вышелъ съ кувшиномъ, будто бы за водой. Часовые пропустили его, а на улицѣ уже ждалъ Маміа, который и провелъ его къ тому мѣсту за городомъ, гдѣ дѣдушку ожидали князья съ лошадьми.

— Молодецъ дѣдушка, да и Маміа молодчина! Ну, баба?

— Дѣдушка съ князьями и ускакалъ къ туркамъ, въ Ахалцихъ. Въ это время твой родной дѣдушка, а мой мужъ, князь Дмитрій Абашидзе, и всѣ другіе братья Абашидзе, а также князья Церетели, собрали вновь ополченіе, а царь Соломонъ явился въ Имеретію съ турками. Тогда завязалась послѣдняя отчаянная борьба съ русскими. Первая схватка была около аула Сакира: много тамъ наши положили русскихъ, но пали тамъ же и сыновья князя Кайхосро Абашидзе, пали героями. Болѣе мѣсяца держался потомъ въ горахъ мой мужъ со своимъ ополченіемъ; но и онъ погибъ около крѣпости Ухери, да вселится его душа въ обители праведныхъ! Съ того дня я уже не знала радости въ жизни, закатилось мое солнышко ясное, и стало темно въ душѣ моей...

— А дѣдушка-царь?

— Дѣдушка-царь былъ разбитъ русскими въ Хапійскомъ ущельѣ, и съ той поры Имеретія не видала болѣе своего царя: онъ кончилъ печальную жизнь въ Турціи, когда тебѣ было уже пять лѣтъ.

— Я это помню, баба. А бабушка-царица?

— Ее и дѣтей тогда же увезли въ Россію, и гдѣ они теперь, одинъ Богъ знаетъ.

— А тетя Дареджана, баба?

— Тетю Дареджану тоже взяли; но такъ какъ она дала обѣщаніе Богородицѣ и св. Нинѣ, когда еще дѣдушка, царь Соломонъ, находился въ Тифлисѣ, въ заточеніи, дала обѣщаніе

посвятить себя Богу, если отецъ ея спасется отъ Россіи и отъ Сибири, то вотъ, когда дѣдушка ушелъ изъ Тифлиса, она и поступила въ монастырь св. Нины. Тамъ она и оплакиваетъ теперь погибель нашего царства и несчастную судьбу нашего царскаго рода.

— Ну, баба, она не будетъ оплакивать, когда я выросту: я тогда задамъ русскимъ.

— О, мой милый, золотой мальчикъ!

Бесѣда эта велась между бабушкою, сестрою царя Соломона, царевною Дареджаной, вдовою убитаго въ 1810 году князя Дмитрія Абашидзе и матерью князя Ивана Абашидзе, и между ея внукомъ, десятилѣтнимъ Кайхосро, сыномъ этого князя Ивана. Они сидѣли въ угловой комнатѣ стариннаго дома князей Абашидзе, въ Кутаисѣ; царевна Дареджана за работой, вышивала золотомъ головной уборъ, а маленькій Кайхосро на скамеечкѣ, у ея ногъ, игралъ крошечнымъ кинжаломъ. Бабушка была сильная брюнетка съ черными, задумчивыми глазами и съ сильной просѣдью въ черныхъ волосахъ. Рѣзкія морщины не могли лишить меланхолической миловидности ея все еще красиваго лица. Внучекъ же ея былъ весь красота, яркая, огненная и подвижная, какъ живое серебро. Это было вечеромъ 4 марта 1820 года. И бабушка, и внучекъ поджидали: она—своего сына, онъ—своего отца. Кругомъ было такъ тихо, что слышно было даже журчаніе воды въ Рионѣ, который протекалъ почти подъ окнами дома Абашидзе. Прислуги въ домѣ не было: она вся находилась въ нукерской за ужиномъ.

— Какъ долго не ѣдетъ отецъ,—сказалъ мальчикъ, вкладывая кинжалъ въ ножны.

— У него теперь много дѣла, золотой мой,—отозвалась бабушка,—у него теперь на плечахъ вся Имеретія, онъ одинъ за нее долженъ думать.

Въ это время, подъ окномъ что-то хрустнуло. Маленькій Кайхосро подошелъ къ окну. Свѣтъ отъ канделябръ, падавшій за окно, отражался на чемъ-то блестящемъ, трехгранномъ. То былъ штыкъ.

— Баба, за окномъ штыкъ,—испуганно сказалъ мальчикъ.

Онъ побѣжалъ къ другому окну.

— И здѣсь штыкъ, баба!

Въ это мгновеніе, звякая шпорами и оружіемъ, въ комнату вошелъ офицеръ. Въ дверяхъ виднѣлись солдаты съ ружьями.

— Ваше сіятельство, княгиня Абашидзе! — торжественно по почтительно проговорилъ офицеръ.—По указу его императорскаго величества, прошу васъ тотчасъ же слѣдовать за мною.

Княгиня выпрямилась.

— Куда, господинъ офицеръ, я должна слѣдовать за вами?—гордо спросила она.

— Куда, законъ въ моемъ лицѣ укажетъ вамъ, — былъ отвѣтъ офицера.

— Но если я не пойду?

— Извините, княгиня: вы должны.

— Но это насиліе, господинъ русскій офицеръ.

— Законъ—не насиліе, княгиня: мы всѣ должны ему повиноваться.

— Но я въ своемъ домѣ. Развѣ я преступница? Что я сдѣлала?

— Это не мое дѣло, княгиня; я исполняю только приказаніе свыше.

— Кто же это у васъ «свыше»? Ермоловъ? Но есть выше его—государь и Богъ.

— Повторяю вамъ, княгиня, это не мое дѣло: государь и разсудитъ насъ.

Маленькій Кайхосро все это время стоялъ, сверкающими глазами поглядывая то на бабушку, то на офицера. Рука его дрожала, держась за рукоятку кинжала.

— О, Боже!—простонала княгиня.

Вдругъ кинжалъ блеснулъ въ рукахъ мальчика, и онъ бросился на офицера.

— Вотъ тебѣ!—Кинжалъ скользнулъ по перевязи сабли, но тѣла не задѣлъ.

— Ахъ ты, волчонокъ!—бросились на него солдаты, и выбили кинжалъ изъ дѣтскихъ ручекъ.—Змѣенышъ!

— Не смѣйте его трогать, — крикнула княгиня, отстраняя солдатъ,—онъ царскаго рода!

— Пустите его, ребята,—сказалъ офицеръ, скорѣе любуясь

ребенкомъ, чѣмъ сердясь на него.—весь въ папашу и въ бабушку, каковъ!

Юный защитникъ Имеретіи дрожалъ отъ злости, глаза его горѣли. Это былъ прехорошенькій звѣренокъ.

— Отдайте мой кинжалъ!—приступалъ онъ къ солдатамъ.

— Нѣтъ, барчукъ, нельзя,—улыбался солдатъ съ сѣдыми бакенбардами,—это тебѣ не игрушка.

— Княгиня, медлить нельзя, предупреждаю, а иначе я употреблю насиліе, — сказалъ офицеръ, подавая Дареджанѣ башлыкъ и бурку, взятые имъ у одного изъ солдатъ.—Укройтесь этимъ и идите со мной. А княжича возьмите на руки,—обратился онъ къ солдатамъ,—закутайте и его буркой.

— Не хочу! Я самъ пойду съ бабушкой,—сердито проворчалъ маленькій Кайхосро.

Дареджана перекрестилась, взяла со стула дѣтскую бурку и папаху, надѣла ихъ на внучка, перекрестила и поцѣловала его. Потомъ сама задрапировалась буркой и папахой.

— Идемъ, мой золотой,—сказала она и, кинувъ въ послѣдній разъ взглядъ на комнату и на образа, послѣдовала за офицеромъ, держа за руку своего внучка.

XVII. Царевна-монашенка.

Въ тотъ вечеръ, когда въ Кутаисѣ происходили аресты лицъ, опредѣленныхъ Ермоловымъ для высылки изъ Имеретіи въ Россію, въ томъ числѣ двухъ митрополитовъ, Кутатели и Генатели, и царевны Дареджаны, матери князя Ивана Абашидзе,—въ эти самые часы другая царевна Дареджана, дочь покойнаго царя Соломона II, въ своей одинокой кельѣ, въ монастырѣ святой Нины, читала «Житія святыхъ». Молодая черничка, царевнѣ Дареджанѣ было 27 лѣтъ, остановилась на житіи преподобнаго Пафнутія египетскаго, котораго по ночамъ искушалъ образъ прекрасной грѣшницы, вырванной имъ изъ бездны порока и помѣщенной въ обитель благочестивой Альбины. Пафнутія приводило въ отчаяніе то обстоятельство, что, когда онъ спасалъ отъ порока прелестную грѣшницу и уводилъ ее изъ Александріи въ пустыню, въ монастырь Альбины, чары ея красоты не дѣйство-

бали на него, онъ былъ къ нимъ равнодушенъ; мало того, красота ея казалось ему чѣмъ-то отвратительнымъ, гнуснымъ. Но теперь, когда онъ уже не видѣлъ ея, плѣнительный образъ красавицы, этотъ призракъ каждую ночь являлся къ нему въ самыхъ обольстительныхъ видѣніяхъ и неотразимо искушалъ его. Пафнутій молился горячо, страстно, чтобъ отогнать чары красавицы, отогнать мучившее его прелестное видѣніе; но молитва была безсильна.

Дареджану поразило слѣдующее мѣсто молитвы Пафнутія: «Боже мой! Если я и пошелъ за нею такъ далеко въ среду язычниковъ, такъ это только Тебя ради, а не для себя. Справедливо ли отвѣчать мнѣ и страдать за то, что я сдѣлалъ Тебя ради! Защити меня, о, Іисусе сладчайшій! Спаситель мой, спаси меня! Не допусти, чтобы призракъ совершилъ то, чего не могла совершить плоть. Я восторжествовалъ тогда надъ плотью; не допусти же, чтобы меня сразила тѣнь. Знаю, что въ настоящее время я подвергаюсь большимъ опасностямъ, чѣмъ тѣ, которыя когда-либо угрожали мнѣ. Чувствую и сознаю, что «мечта сильнѣе дѣйствительности». Да и какъ бы это могло быть иначе, когда мечта сама по себѣ есть наивысшая дѣйствительность? Она— душа вещей»...

Не м е ч т а л и погубила и ее, Дареджану? Не мечта ли водила всей ея жизнью, отняла у нея личное счастье и взамѣнъ всего дала эту молчаливую могилу съ одиноко-теплящеюся лампадой? Ее, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, посѣтили эти мечты и увели съ собою. Тамъ, далеко, въ Кисловодскѣ, подъ сѣнью Крестовой горы, тринадцать лѣтъ тому назадъ, явилась ей во снѣ эта всемогущая мечта въ образѣ ангела, обнимавшаго ее и навѣвавшаго на душу райскія видѣнія, когда сама она видѣла себя Тамарою; потомъ, въ образѣ демона, въ образѣ такомъ обольстительномъ, неотразимомъ, что она сама упала въ его объятія... И это были объятія не демона, а князя Симеона Церетели, который съ дѣтства носилъ ее на рукахъ, и котораго она, до этого рокового сна, называла своею «бородатою няней». А теперь развѣ не эта же всесильная мечта развертываетъ передъ нею скорбный свитокъ ея жизни? Она, беззаботная четырнадцатилѣтняя дѣвочка, вмѣстѣ съ матерью, братьями-мальчиками и милою Геоухеръ, наслаждается привольною жизнью въ окрестностяхъ Нарзана... И вдругъ, эта мечта, этотъ сонъ, этотъ

ангелъ-демонъ, мечта побѣдила дѣйствительность: тотъ, кто съ этой минуты замѣнилъ ей все на свѣтѣ, мать, отца, братьевъ, Имеретію, когда онъ послъ ее на рукахъ и обнималъ, прижималъ къ себѣ, былъ для нея только доброю ласковою, «бородатою няней». А едва онъ обнялъ ее въ мечтаніи, во снѣ, онъ сталъ ей дороже жизни. Между сотнями людей ея глаза искали только его, среди сотенъ голосовъ она различала только его голосъ, какъ чарующую мелодію. При возвращеніи изъ Кисловодска въ Имеретію, онъ сопровождалъ ихъ, онъ—воплощеніе ея мечты, ея сна. Его вниманіе къ хорошенькой Геоухеръ, ея пріятельницѣ, дочери карабагскаго хана, съ той поры стало терзать ревностью ея душу. Этотъ переѣздъ черезъ горы, эти красные цвѣты, съ опасностью жизни сорванные русскимъ офицеромъ на неприступной скалѣ и поднесенные ей и Геоухеръ, и тутъ же, и вездѣ о н ъ, воплощеніе ея мечты. А тамъ, на охотѣ, въ окрестностяхъ ихъ замка Вардъ-цихе, когда онъ спасъ ей жизнь отъ ужаснаго медвѣдя, и когда она своею чадрою вытирала его окровавленный лобъ и шептала: «мой спаситель, мой милый!..»

Потомъ тамъ же, въ замкѣ Вардъ-цихе, когда Могилевскій именемъ Тормасова требовалъ, чтобы несчастный отецъ ея, царь Соломонъ, возвратился въ Кутаисъ и отдалъ себя въ руки русскихъ властей, и когда тотъ, кто сталъ ей дороже жизни, вызвался тайно пробраться въ Россію: въ Петербургъ, къ самому государю, и у него испросить милость ея бѣдному отцу; когда, наконецъ, Соломонъ за эту услугу обѣщалъ ему величайшую награду, о, тогда о н ъ глянулъ на нее, на Дареджану, и она поняла, какой награды онъ ждетъ.

Но ея отца скоро обманомъ взяли и увезли въ Тифлисъ. Тогда только, пораженная ужасомъ и отчаяніемъ, она поклялась Богородицѣ и св. Нинѣ посвятить себя Богу, если отецъ ея будетъ спасенъ... И онъ былъ спасенъ, онъ ушелъ изъ Тифлиса, а она молится въ своей живой могилѣ, молится дни и ночи. А кого спасла ея молитва? Отца? Но онъ давно окончилъ печальную жизнь скитальцемъ на чужбинѣ, лишенный престола, царства, родины, потерявшій жену, дѣтей и доброе имя... Спасла ли ея молитва мать, братьевъ? Нѣтъ! Они томятся гдѣ-то въ невѣдомой неволѣ, а, быть можетъ, ихъ уже нѣтъ и на свѣтѣ. А тотъ, котораго она любила больше жизни и котораго принесла въ

жертву своей родинѣ, что она дала ему, отнявъ у него все? Она дала ему смерть, «геройскую», говорятъ. О, какія обидныя слова: «геройская» и «смерть»! Геройское уничтоженіе, пища хищнымъ звѣрямъ и птицамъ въ глубинѣ Ханійскаго ущелья.

И вотъ изъ глубины этого ущелья онъ приходитъ къ ней каждую ночь, какъ къ Пафнутію приходила вырванная имъ изъ бездны порока грѣшница. Мало ночей! Милый образъ является ей и днемъ, въ первыхъ лучахъ восходящаго и въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, въ легкихъ облачкахъ, проносящихся по лучезарному небу, въ дымѣ кадильницъ, когда она стоитъ на молитвѣ въ храмѣ Божьемъ. Милое имя его шепчутъ за окномъ ея кельи листья чинары, колеблемые вѣтеркомъ, и нѣжные нрисы и азаліи, цвѣтущіе подъ монастырскою стѣной. Дорогое имя шепчутъ ея собственныя уста вмѣсто молитвы. Въ поминовеніи усопшихъ его имя первымъ вылетаетъ изъ ея сердца.

Мечта могущественнѣе дѣйствительности, мертвецъ сильнѣе живого! Живого она отослала его отъ себя въ тотъ памятный вечеръ, когда онъ привезъ извѣстіе о бѣгствѣ ея отца изъ Тифлиса, и когда она дала ему свой первый и послѣдній поцѣлуй; а мертвеца, его образъ, его тѣнь, свою мечту, она не въ силахъ отослать, прогнать отъ себя. Напротивъ! Она зоветъ его, она живетъ этой мечтой, она страдаетъ ею, горитъ на медленномъ огнѣ. Въ этой кельѣ, за молитвой, на колѣняхъ— она забываетъ, гдѣ она, что съ нею. Она не въ кельѣ, не въ монастырѣ, нѣтъ! Она въ кутаисскомъ саду своего отца, подъ чинарой, а рядомъ съ нею онъ, ея мечта, нѣкогда счастье, теперь, пытка всей ея жизни. Она открываетъ передъ нимъ свое сердце, повѣряетъ ему повѣсть своей любви и... отсылаетъ его на смерть, цѣлуя въ первый и послѣдній разъ. А зачѣмъ отсылаетъ на смерть? Затѣмъ, что она дала обѣтъ посвятить себя Богу, чтобъ спасти отца, Имеретію. А спасла ли? Кого спасла? Богъ не принялъ ея жертвы. Да и нужна ли она Богу? Нѣтъ, ея жертва никого не спасла. Напротивъ, она погубила того, кто для нея былъ дороже всего на свѣтѣ. Отъ нея, послѣ ея признанія, онъ съ растерзанной душой, прямо изъ кутаисскаго сада ея отца пошелъ искать смерти и нашелъ ее въ Ханійскомъ ущельѣ. И съ той поры его тѣнь не отходитъ отъ нея. Какъ часто она молилась объ успокоеніи его души, сколько панихидъ отслужилъ мона-

стырь по въ Богѣ почивающемъ благочестивомъ царѣ Соломонѣ и на брани убіенномъ князѣ Симеонѣ, а все душа его не успокоилась, все прилетаетъ она безплотными крыльями къ ней въ келью, къ ея изголовью...

Нѣтъ, никого не спасла она своей жертвой. И кто остался въ живыхъ изо всего ея царскаго рода? Только она, царевна-инокиня Дареджана, да другая Дареджана, мать князя Ивана Абашидзе и бабушка маленькаго Кайхосро. Что-то они? Вспоминаютъ ли они о ней, объ инокинѣ Дареджанѣ? А гдѣ теперь Геоухеръ? Помнитъ ли ее въ своемъ Карабагѣ? Вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь кельи. Дареджана вздрогнула и перекрестилась. Кому бы быть въ такую позднюю пору? Не выходецъ ли изъ могилы, о которомъ она постоянно думала?

— Господь Іисусъ Христосъ и св. Нина да помилуютъ насъ!—произнесъ за дверью незнакомый мужской голосъ.

— Аминь!—отвѣчала Дареджана, отодвигая отъ себя книгу «житій».

Въ келью вошелъ старикъ.

— Маміа! Вѣрный Маміа!—и радостно, и испуганно проговорила Дареджана.

— Я, царевна, вашъ вѣрный пукеръ,—отвѣчалъ старикъ, цѣлуя край монашеской рясы царевны.

— Что тебѣ, добрый Маміа? Что привело тебя сюда въ такой поздній часъ?

— Мое сердце, царевна. У насъ въ Кутаисѣ новыя бѣды.

— Что такое? Не всѣ ли наши бѣды уже исчерпаны?

— Не всѣ, царевна: врагъ изобрѣтателенъ. Сейчасъ, въ этотъ вечеръ, по приказанію Ермолова, арестованы царевна Дареджана, ея внучекъ княжичъ Кайхосро, митрополиты Кутатели и Генатели, князь Сехнія Цулукидзе и мдавапъ-бекъ Микеладзе.

— За что же!—всплеснула руками Дареджана.

— Ни за что, царевна... Митрополитъ Кутатели едва ли живъ теперь; онъ защищался, и его солдаты изувѣчили на смерть. Князь Сехнія тоже весь израненъ. Всѣ они на гауптвахтѣ... Вотъ и я поспѣшилъ къ тебѣ, царевна. Спасайся, надежда Имеретіи! Спасайся, пока тебя не арестовали.

— Но какъ?—растерялась Дареджана.

— Я отвезу тебя къ князю Ивану.

— Но гдѣ онъ?

— Это мой секретъ, царевна. А тебѣ я привезу бурку, башлыкъ и хорошее оружіе. Ты сейчасъ же поѣдешь со мной на молодой Змѣйкѣ, отъ твоего любимаго Барса. Не забыла?

— Не забыла,—грустно отвѣчала Дареджана.

— Собирайся же тотчасъ, а не то шакалы могутъ того и гляди нагрянуть сюда. Змѣйка ждетъ тебя у воротъ монастыря.

Въ Дареджанѣ, несмотря на десятилѣтнее добровольное монастырское заточеніе, проснулась «дѣва горъ». Ея пылкую душу разомъ охватила жажда свободы, горныхъ высей, горнаго воздуха. Къ чему послужила ей и Имеретіи ея безполезная жертва? Зачѣмъ томилась она въ мрачной кельѣ? А тамъ, за стѣнами этой кельи, ее ожидала жизнь, почти прежняя жизнь, воля, движеніе, просторъ. Тамъ ожидала ее борьба! Она посѣтитъ Ханійское ущелье... Можетъ быть, тамъ она найдетъ е г о кости: тамъ онъ отдалъ ей свой послѣдній вздохъ... Какъ горная орлица, она не можетъ дольше оставаться въ своей клѣткѣ. Мало того, въ этой клѣткѣ ее ждетъ неволя: ее отсюда увезутъ въ ненавистную страну вѣчныхъ снѣговъ, далеко отъ ея роднаго солнца.

«Надежда Имеретіи!» такъ ее назвалъ Маміа. И она эту надежду похоронила въ стѣнахъ монастыря. Она еще молода. Но правда ли это? Правда ли? Въ ней разомъ сказалась женщина.

— Я очень постарѣла, Маміа?—робко спросила она, несмотря на рѣшительный моментъ ея жизни.

— О, нѣтъ, царевна! Ты такая же молоденькая, какъ была и въ Кисловодскѣ, помнишь?

Ей ли забыть Кисловодскъ и свой сонъ Тамары! Черезъ нѣсколько минутъ отъ монастырскихъ воротъ удалялись два всадника въ буркахъ, и старый привратникъ долго прислушивался къ гулкому топоту по камнямъ восьми конскихъ копытъ.

XVIII. Монашенка-джигитъ.

Князь Иванъ Абашидзе и царевичъ Вахтангъ, на поимкѣ которыхъ особенно настаивалъ Ермоловъ, удачно ускользнули отъ ареста. Съ большою свитою изъ князей и дворянъ они засѣли въ знаменитомъ Ханійскомъ ущельѣ, по дорогѣ къ Ахалциху, въ ущельѣ, гдѣ ровно десять лѣтъ тому назадъ, Соломонъ II, послѣдній царь Имеретіи, потерялъ послѣднюю битву, а вмѣстѣ съ нею престолъ и царство, и навсегда покинулъ на-

лѣніе своихъ предковъ. Изъ этого грознаго ущелья Абашидзе и Бахтангъ разослали свои воззванія. Въ этомъ же ущельѣ, при троекратномъ залпѣ изъ винтовокъ и пистолетовъ, царевичъ Вахтангъ былъ провозглашенъ царемъ Имеретіи.

Сюда же вѣрный памяти Соломона и его дому старый нукеръ Маміа привезъ и монахиню-джигита, царевну Дареджану. Появленіе дѣвушки-монахини среди отчаянныхъ головорѣзовъ произвело необычайный эффектъ.

— О! Она явилась ангеломъ-хранителемъ Имеретіи!—говорили нѣкоторые изъ нихъ.

— Это наша царица Тамара!—возглашали другіе.

Но Дареджану неотступно преслѣдовала одна мысль. Она увидѣла себя въ томъ роковомъ мѣстѣ, гдѣ изъ-за нея погибъ тотъ, кого она любила. Здѣсь онъ въ послѣднія минуты думалъ о ней. Здѣсь онъ, какъ обѣщалъ въ кутаисскомъ саду ея отца, «возвратилъ смерти поцѣлуй», данный ему Дареджаной. Гдѣ именно тотъ священный клочокъ земли, на которомъ онъ палъ? Тамъ, вблизи, должны быть его кости. Отдохнувъ немного съ дороги и подкрѣпившись пищей, она стала разспрашивать о послѣдней битвѣ, потерянной ея отцомъ. Кто изъ участвовавшихъ въ ней здѣсь на-лицо? Кто былъ въ этотъ роковой день въ самомъ пылу битвы?

— Я.—отвѣчалъ князь Иванъ Абашидзе.—Вонъ тамъ, въ томъ самомъ узкомъ горлѣ ущелья, мы залегли, ожидая русскихъ. Вонъ за тѣмъ камнемъ, что нависъ надъ тропою и надъ ущельемъ, первымъ залегъ, въ головѣ гигантской змѣи изъ имеретинъ, нашъ герой, князь Симеонъ Церетели...

Дареджана вздрогнула и поблѣднѣла.

— Князь Симеонъ?

— Онъ вмѣстѣ съ другими погибъ въ пропасти.

— И не найденъ?

— Гдѣ же искать его царевна!

Но она найдетъ его: должны же остаться въ пропасти хоть кости... черепъ... хоть нѣсколько волосъ, тронутыхъ серебромъ сѣдины... Она узнаетъ ихъ... Сердце подскажетъ ей, что это его кости.

Когда вслѣдъ затѣмъ свѣже-испеченный царь Вахтангъ и горсть его подданныхъ стали совѣщаться о томъ, куда имъ направиться изъ ущелья, чтобъ пополнить свое жалкое ополченіе и итти потомъ на Кутаисъ, Дареджана незамѣтно удалилась отъ нихъ и пошла вдоль ущелья. Она надѣялась найти гдѣ-нибудь возможно удобный спускъ въ пропасть. Долго она шла, припоминая, когда была здѣсь въ послѣдній разъ. Это было десять лѣтъ тому назадъ. Какая она была тогда молоденькая! Всего семнадцати-восемнадцати лѣтъ. Тогда была здѣсь вся ея семья: отецъ, мать, братья Константинъ, Давидъ и Ираклій. Были въ сборѣ митрополиты, князья, все имеретинское войско. Тогда-то Симоновичъ и Могилевскій поклялись на крестѣ и евангеліи, что не арестуютъ ея отца, и нарушили клятву... Но вотъ она нашла и спускъ въ пропасть. Въ глубинѣ прыгалъ по камнямъ горный ручей. Кой-гдѣ въ углубленіяхъ бѣлѣли клочки снѣга. Въ вершинахъ оголенныхъ деревьевъ шумѣлъ вѣтеръ..

— Десять лѣтъ спитъ онъ подъ шумъ этого вѣтра... Какъ здѣсь уныло, унылѣе, чѣмъ на кладбищѣ.

Она на днѣ пропасти. Надъ нею мрачныя скалы. Она двинулась ложбиною пропасти, вдоль ручья, къ тому мѣсту куда могъ свалиться со стремнины убитый князь Симеонъ. Кое-гдѣ попадались клочки перегнившаго платья, бѣлыя кости, обмытыя и отполированныя весенними водами. Чьи эти кости? Защитниковъ ея отца — все имеретинскія кости. А его кости гдѣ? Онѣ должны быть дальше... Все чаще и чаще попадаются эти жалкіе останки имеретинъ. Попадаются и черепа... Какіе страшные! Съ оскаленными зубами...

Дареджана идетъ дальше. Вотъ то мѣсто, гдѣ о н ъ долженъ былъ упасть... А вотъ и черепъ, бѣлый, гладкій... Черныя глазныя орбиты, точно пещеры... Громадный лобъ... А зубы, какіе ужасные зубы!.. И здѣсь былъ его ротъ, его уста, которыя она цѣловала... Она содрогнулась... отъ отвращенія, отъ ужаса... Зачѣмъ она искала этотъ отвратительный костякъ? Зачѣмъ не оставила въ душѣ тотъ свѣтлый образъ, который она лелѣяла десять лѣтъ?.. Теперь его вытѣснитъ этотъ ужасный костякъ

со страшными ямами вмѣсто глазъ, съ отвратительными зубами.

— Ахъ, зачѣмъ я это сдѣлала? Зачѣмъ!

Дареджана съ ужасомъ отвернулась и торопливо пошла назадъ, стараясь не глядѣть на страшныя кости. Когда она, по прежней тропѣ, поднялась наверхъ, ее встрѣтилъ Маміа.

— А я искалъ тебя, царевна, — сказалъ онъ. — Я боялся, какъ бы ты не сорвалась съ кручи.

— Нѣтъ, Маміа, я осторожно спускалась по тропѣ, — отвѣчала смущенная дѣвушка.

— Туда, въ пропасть?

— Да, Маміа.

— Зачѣмъ, милая царевна?

— Я хотѣла видѣть кости тѣхъ, которые защищали моего отца и погибли здѣсь.

— Но ихъ костей тамъ нѣтъ, царевна: тогда же, какъ только русскіе похоронили своихъ убитыхъ и ушли отсюда, мы тотчасъ же подобрали тѣла нашихъ витязей, и я самъ вынесъ отсюда, изъ пропасти, тѣло героя Имеретіи, князя Симеона Церетели.

Дѣвушка вздохнула свободно. Такъ это не его отвратительный черепъ она видѣла тамъ? Слава Богу!

— Гдѣ же похоронили князя Симеона?—спросила она.

— Въ Табакинскомъ монастырѣ, царевна.

— Чьи же черепа, Маміа, я видѣла въ пропасти?

— Это мы бросили туда убитыхъ турецкихъ сарбазовъ, которые первыми бросились бѣжать при появленіи русскихъ: мы ихъ и побросали тамъ, какъ собакъ: это, должно быть, ихъ кости ты и видѣла.

— Какъ же мнѣ князь Иванъ сказалъ сегодня, что тѣло князя Симеона не было найдено?

— Это онъ сказалъ потому, царевна, что когда былъ убитъ князь Симеонъ, то самъ князь Иванъ, раненый въ плечо штыкомъ, находился безъ памяти и висѣлъ на утесѣ. Мы его сняли съ утеса, отвезли въ аулъ Хани и тамъ спрятали его въ саклѣ одного преданнаго имеретина. А тѣло князя Симеона мы тайно отъ русскихъ перевезли въ Табакинскій монастырь и тамъ по-

хоронили у лѣваго придѣла. Объ этомъ знали очень немногіе, не зналъ и князь Абашидзе: да ему за дѣлами и не до того было, царевна.

Когда они подошли къ группѣ расположившихся въ ущельѣ князей, совѣщаніе ихъ, повидимому, приходило къ концу. Князь Иванъ Абашидзе стоялъ въ кругу совѣта и говорилъ, размахивая руками. Царевичъ же Вахтангъ, уже съ часъ бывшій царемъ Имеретіи, сидѣлъ въ кругу, поджавъ ноги, и что-то диктовалъ одному князю, который, положивъ бумагу къ себѣ на колѣни, писалъ подъ диктовку царя.

Всѣ примолкли. По щекамъ Дареджаны текли слезы. Вахтангъ читалъ:

— Я, Вахтангъ Первый, Божіею милостію царь Имеретіи, Лечгума, Рачи, Шаропани и иныхъ, — посылаю по братски поклонъ вамъ, всѣ лечгумскіе, рачинскіе, шаропанскіе, мухурлинскіе и другіе. О нашемъ же обстоятельствѣ скажу вамъ, что побѣда — наша. Повѣрьте, что ниже Кутаиса ни одного русскаго не оставили, всѣхъ истребили.

«Какъ же это такъ? — подумала про себя Дареджана. — Что онъ пишетъ? Развѣ это правда?»

Но въ это время со стороны тропы, ведущей къ Кутаису, прискакалъ гонецъ-лазутчикъ съ вѣстями.

— Что, Георгій? — спросилъ Абашидзе запыхавшагося гонца.

— Я отъ князей Зураба и Кайхосро Церетели, — отвѣчалъ послѣдній. — Они велѣли мнѣ тайно извѣстить васъ, что изъ Кутаиса скоро выступятъ донскіе казаки со своимъ атаманомъ, генераломъ Власовымъ, и чтобы вы остерегались нечаяннаго нападенія.

XIX. «Прижималъ къ сердцу».

Не дожидаясь прибытія атамана Власова съ донскими казаками, имеретины оставили Ханійское ущелье и поспѣшно удалились въ Гурію. Князь Иванъ Абашидзе давно былъ друженъ

съ дядею владѣтеля Гуріи, ничтожнаго Мамін Гуріели, княземъ Кайхосро Гуріели, который презиралъ своего владѣтельнаго племянника и называлъ его «русскою шваброю» за то, что, при своемъ умственномъ и нравственномъ ничтожествѣ, онъ постоянно трепеталъ за себя, и русскіе пользовались имъ, какъ «метлою»: брали отъ его подданныхъ ополченія, провіантъ и фуражъ и держали его въ обозѣ, какъ «владѣтеля-чучело». Такъ отзывался о своемъ владѣтельномъ племянничкѣ князь Кайхосро Гуріели, джигитъ и головорѣзъ стараго типа.

— Но этою «шваброю» мы очищаемъ Гурію отъ разбойниковъ, подобныхъ дядѣ этой «швабры», князю Кайхосро Гуріели, — возражалъ на это полковникъ Пузыревскій, «правитель» Имеретіи.

Князь Кайхосро Гуріели находился на охотѣ въ своихъ лѣсахъ, когда сопутствовавшіе ему нукеры доложили, что по дорогѣ къ ихъ замку Шемокмети они замѣтили приближающійся имеретинскій отрядъ, а во главѣ его они узнали фигуру князя Ивана Абашидзе рядомъ съ какою-то дѣвочкою...

— Съ дѣвочкою! — удивился Гуріели. — Князь Иванъ, мой кунакъ, а кто же эта дѣвочка?

И онъ, окруженный своею свитою, двинулся навстрѣчу гостямъ. Впереди имеретинскаго отряда онъ, дѣйствительно, узналъ своего кунака, князя Ивана Абашидзе, а рядомъ съ нимъ царевича Вахтанга. Но кто же эта дѣвочка верхомъ на такомъ прекрасномъ конѣ?..

Отрядъ приближался. Горя нетерпѣніемъ узнать, кто эта таинственная дѣвочка, старый джигитъ поскакалъ впередъ, посылая воздушный поцѣлуй своимъ гостямъ.

— А! Кунакъ, князь Иванъ, здравствуй! Добро пожаловать, царевичъ! — кричалъ онъ издали.

Друзья обнялись, не слѣзая съ лошадей, хотя кони ихъ тотчасъ же стали грызться: какъ кавалеры, и притомъ военные, жеребцы ихъ разомъ повздорили изъ-за прекрасной дамы, «Змѣйки», бывшей подъ Дареджаной. Но расходившихся кавалеровъ тотчасъ же усмирили нагайками.

— Святая Нина, кого я вижу? Царевна Дареджана! — въ

изумленіи воскликнулъ старый джигитъ. — Какими судьбами? А монастырь?

— Я его покинула, князь, — отвѣчала дѣвушка.

— Она ушла отъ ермоловскаго капкана, — пояснилъ князь Абашидзе. — А въ этотъ проклятый капканъ попала моя бѣдная мать, мой сынокъ Кайхосро, митрополиты Кутатели и Генатели...

— Какъ! Это все Ермоловъ неистовствуетъ?

Ему объяснили все, что дѣлается въ Имеретіи, и онъ пришелъ въ страшное негодованіе.

— Бѣдная царевна! — обратился Гуріели къ Дареджанѣ.— Я помню тебя еще дѣвочкой, когда вы съ царицей Маріей и съ хорошенькой дочерью Ибрагимъ-хана карабагскаго отправлялись за горы, въ Пятигорскъ и къ Нарзану... Но ты мало измѣнилась, милая царевна: тѣ же прелестные глазки... Прости меня старика, но я говорю правду... Помню еще тебя на охотѣ, близъ замка Вардъ-цихе, съ твоимъ покойнымъ отцомъ, съ царемъ Соломономъ, да будетъ имя его во вѣки славно! Еще тогда медвѣдь чуть не растерзалъ князя Симеона Церетели.

Дареджанѣ припомнился страшный черепъ въ Хапійскомъ ущельѣ. «Нѣтъ, это не онъ».

— Какъ же теперь? — обратился Гуріели къ Абашидзе и къ царевичу Вахтангу.

— Вотъ, видишь наше ополченіе? — отвѣчалъ Абашидзе, указывая на свой отрядъ. — Ожидаемъ еще, да ты намъ поможешь...

— Конечно, я твой кунакъ.

— И мы тогда выбросимъ русскую «швабру» за порогъ Гуріи: пусть подметаетъ соръ въ солдатскихъ казармахъ.

— Пусть подметаетъ, ха-ха-ха! А теперь ко мнѣ въ замокъ, дорогіе гости. А для тебя, красавица, есть у меня и женихъ,— подмигнулъ Гуріели Дареджанѣ.

Дѣвушка потупилась и тихо гладила шею своей Змѣйки.

— Кто же такой?—спросилъ Абашидзе, любуясь смущеніемъ Дареджаны.

— Князь Георгій Дадіанъ, братъ владѣтеля Мингреліи, Левана Дадіана.

— Да вѣдь онъ измѣнникъ: онъ служитъ въ Петербургѣ поручикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Былъ тамъ, а теперь здѣсь въ отпуску и хочетъ ссадить съ престола своего братца-бабу.

— Вотъ какъ!—орадовался Абашидзе.

— Да вы его сейчасъ увидите,—добавилъ Гуріели.

— Какъ! Развѣ онъ у тебя?

— Да, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на охоту... Слышите за рѣчкой рожки? Это у него трубятъ... Я его позову.

И Гуріели сталъ трубить въ рогъ, подавая сигналъ своему гостю. Изъ-за рѣчки Шемокмети затрубилъ отвѣтный рожокъ. Звукъ этого рожка страннымъ образомъ проникъ въ сердце Дареджаны, и она почувствовала, что покраснѣла до корней волосъ. «Что со мной?» волновалась она и ей снова припомнился страшный черепъ въ Ханійскомъ ущельѣ. Но она отогнала это тяжелое воспоминаніе, и мысль ея перепеслась въ монастырскую келью, гдѣ въ безсонныя ночи, мечась въ жару по постели, она призывала къ себѣ невидимый призракъ и изнывала въ сладкой и мучительной истомѣ. Нѣчто подобное, смѣшанное съ тревогой, она ощутила и теперь. Она не догадывалась, что созрѣвавшее въ ней въ теченіе болѣе десяти лѣтъ желаніе отвѣтной любви, при одномъ словѣ «женихъ», разомъ и всесильно заговорило и подобно каплѣ, переполнившей чашу, переполнило разомъ ея сердце.

«Господи! Да вѣдь я его даже не видѣла!»—колотилось у нея на душѣ. Она не слышала, о чемъ вокругъ нея говорили, и машинально слѣдовала съ отрядомъ къ берегу рѣчки, за которой на высокой, почти неприступной горѣ стоялъ замокъ Шемокмети, разбойничье гнѣздо князя Кайхосро Гуріели. Вдругъ плескъ воды и фырканье лошади заставили ее очнуться. Она взглянула впередъ и чуть не вскрикнула отъ изумленія. Черезъ рѣчку переѣзжалъ всадникъ, до чрезвычайности поразившій ее своимъ страннымъ костюмомъ: Дареджанѣ показалось, что онъ, начиная отъ пояса до самыхъ колѣнъ, голый! Ей бросилось въ глаза это голое тѣло, и она не могла опомниться: какъ! на головѣ бѣлая русская офицерская фуражка, дальше какая-то куртка съ свѣтлыми пуговицами, а ниже—голое тѣло, голыя ноги, голыя ляжки вплоть до самыхъ сапогъ. Что жъ это такое? Мужчина, наполовину голый... Длиннополые чекмени имеретинъ, грузинъ и другихъ горцевъ совсѣмъ закрываютъ ноги, а тутъ...

Дареджана совсѣмъ смутилась... Переѣзжавшій черезъ рѣчку

на прекрасномъ конѣ всадникъ былъ самъ князь Георгій Дадіанъ, и вдругъ, полуголый! Но царевнѣ только такъ показалось: поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, князь Дадіанъ, былъ просто въ бѣлыхъ лосиновыхъ штанахъ, плотно обхватывавшихъ его ноги, которыя и казались голыми. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на представившуюся ему картину. Проведя дѣтство въ Петербургѣ, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ поступивъ въ Преображенскій полкъ, онъ много лѣтъ не былъ въ своей родной Гуріи и теперь только знакомился съ нею. Общество, которое онъ теперь увидѣлъ, было совсѣмъ ему незнакомо. И, въ довершеніе всего, среди этого вооруженнаго общества горскихъ князей—дѣвушка-амазонка, да не такая амазонка, какихъ онъ привыкъ видѣть въ Петербургѣ, на Каменномъ, Крестовскомъ и Елагиномъ островахъ во время катаній, въ черныхъ цилиндрахъ, въ черныхъ платьяхъ съ длинными шлейфами, сидящихъ чопорно на дамскихъ сѣдлахъ: тутъ барышня верхомъ, словно джигитъ; съ бѣлой папахой на головѣ, въ черкескѣ, вооруженная кинжаломъ и пистолетами. При видѣ такой барышни и онъ смутился. Князь Кайхосро Гуріели, видя его смущеніе, поспѣшилъ на выручку.

— Поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а теперь князь Георгій Дадіанъ, мой молодой кунакъ... А это—мои же кунаки: царевичъ Вахтангъ имеретинскій, князь Абашидзе, царевна Имеретіи Дареджана,—говорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ почередно.—Князья и дворяне Имеретіи.

Тутъ только Дареджана разсмотрѣла вновь прибывшаго. Это былъ красивый мужчина лѣтъ за тридцать, съ черными курчавыми волосами и съ бритымъ подбородкомъ. Отъ висковъ у него спускались полукругами впередъ, вдоль розовыхъ смуглыхъ щекъ, небольшія бакенбарды. Черные глаза смотрѣли мягко изъподъ тонкихъ бровей. Со свойственной женщинамъ проницательностью Дареджана не могла не уловить, что бросаемые на нее голоногимъ, какъ ей казалось, красавцемъ взгляды были очень выразительны и нѣжны, и ея сердце забило тревогу... Давно она ничего подобнаго не испытывала... И она украдкой глядѣла на полное жизни лицо голоногаго красавца. Подъѣхали и нукеры этого красавца.

— Теперь ко мнѣ въ замокъ, дорогіе гости,—сказалъ князь Гуріели,—а охоту отложимъ до другого разу.

Всѣ стали переправляться черезъ Шемокмети. Какъ и всѣ

горныя рѣчки, Шемокмети, хотя и не была глубока, но очень быстра. Въ бродъ ее могли переходить, да и то не вездѣ, только лошади и буйволы; но человѣка она могла свалить съ ногъ и увлечь. Какъ свѣтскій кавалеръ, привыкшій въ Петербургѣ къ обхожденію съ дамами, князь Дадіанъ предложилъ свои услуги Дареджанѣ. Они рядомъ стали спускаться въ рѣчку. Но на серединѣ брода Змѣйка заупрямилась подъ Дареджаной и не хотѣла идти. Дѣвушка дала ей шпоры. Молодое животное заупрямилось еще болѣе и намѣревалось повернуть назадъ. Дадіанъ хотѣлъ схватить подъ уздцы капризнаго конька, какъ Дареджана, второпяхъ, сильно затянула мундштукъ. Нѣжное животное не выдержало и взвилось на дыбы. Одинъ моментъ, и Змѣйка могла опрокинуться навзничь и раздавить собой или изуродовать свою всадницу, но ловкій кавалеристъ, Дадіанъ, въ одно мгновеніе обхватилъ правой рукой дѣвушку за талію и, словно перышко, перенесъ ее на холку своего вымуштрованнаго коня.

Дареджана вскрикнула, очутившись въ объятіяхъ своего спасителя, а Змѣйка бросилась назадъ. Ее скоро, впрочемъ, поймали пукеры со старымъ Маміа во главѣ, которому она легко далась въ руки, какъ своему воспитателю, Дареджана же была уже на томъ берегу Шемокмети и стояла рядомъ съ Дадіаномъ, смущенная и еще болѣе прекрасная въ смущеніи.

— Простите меня, ваше высочество!—говорилъ между тѣмъ Дадіанъ.—Я слишкомъ грубо, слишкомъ деспотически перенесъ васъ на своего коня; но вы были въ такой опасности, ваша лошадь могла опрокинуться... А это такъ опасно... У насъ въ полку, подъ Краснымъ селомъ, въ лагеряхъ, былъ подобный случай съ офицеромъ, кончившійся роковымъ образомъ.

— Нѣтъ, князь, я вамъ очень благодарна,—смущенно говорила Дареджана.—Я сама виновата, я слишкомъ затянула мундштукъ. Я не знаю, что это со мною сдѣлалось... я съ дѣтства привыкла обращаться съ лошадьми, и вдругъ...

— Ваше высочество устали въ дорогѣ, были взволнованы, а лошадь невыхоженная, молодая.

— Нѣтъ, князь, я отвыкла... я засидѣлась въ монастырѣ, въ четырехъ стѣнахъ...

— Ваше высочество въ монастырѣ! Какимъ это образомъ?

— О, это грустная исторія, исторія моей дорогой Имеретіи... Я было заживо похоронила себя...

И она только теперь почувствовала весь ужасъ того, что съ нею было... «Заживо похоронена»... А жизнь такъ хороша... Вотъ и теперь ея сердце бьется, какъ никогда не билось.

Всѣ окружили ихъ, поздравляли, Абашидзе благодарилъ Дадіана за свою родственницу. Привели и преступницу Змѣйку. Она все еще храпѣла; но Дареджана стала ее нѣжно гладить... Такъ странно сердце человѣческое! Не заупрямься Змѣйка, Дареджанѣ не быть бы въ объятіяхъ мужчины...

— Моя милая трусишка! — ласкала Дареджана свою Змѣйку.—Воды, глупенькая, испугалась... Хорошо, я тебѣ дамъ сахару.

— Нѣтъ, царевна,—ворчалъ старый Маміа,—я ее, негодную, заставлю сто разъ перейти черезъ эту рѣчку... Она осрамила мою сѣдую голову, негодница.

— Ну, полно, полно, добрый Маміа, прости ее,—ласково говорила царевна, трепля «негодницу».

Между тѣмъ, въ душѣ она мучилась неразрѣшимымъ вопросомъ: когда князь Дадіанъ выхватилъ ее изъ сѣдла и перенесъ на холку своей лошади, просто онъ держалъ ее за талію, или же прижималъ къ себѣ? Ей казалось, что прижималъ... да, прижималъ, прижималъ!.. А когда спускалъ на землю, то совсѣмъ сжалъ... Сердце ея затрепетало отъ счастья.

XX. Веретено и шерсть.

Фиктивный царь Имеретіи, царевичъ Вахтангъ, его первый министръ, князь Иванъ Абашидзе, царевна Дареджана, князь Георгій Дадіанъ и ихъ приверженцы уже нѣсколько недѣль находились въ гостяхъ у князя Кайхосро Гуріели, въ его замкѣ Шемокмети, разсылая зажигательныя прокламаціи и эмисаровъ по Гуріи, Имеретіи и Мингреліи, призывая населеніе этихъ странъ къ возстанію и изгнанію русскихъ.

Дареджана чувствовала, что въ душѣ ея совершился переломъ. Все прошлое ея какъ-то потускнѣло, задернулось, словно дымкой. Она сразу поняла, что вновь полюбила. Она не могла уже скрыть это отъ себя. Она была уже не та четырнадцатилѣтняя дѣвочка, которая въ Кисловодскѣ видѣла себя во снѣ

Тамарой въ объятіяхъ то ангела, то демона, а въ сущности, въ объятіяхъ князя Церетели. Тогда она даже сознавала, что любитъ, и, глупая дѣвочка, плакала отъ стыда и счастья. Потомъ она окончательно поняла, что любитъ и много лѣтъ жила этимъ чувствомъ. Кромѣ того, кого она полюбила дѣвочкой, для нея не существовало другого мужчины. Даже тогда, когда тотъ, кого она любила, былъ убитъ, она продолжала любить его въ уединеніи монастырской кельи. Только памятью о немъ она и жила. И вдругъ, эта встрѣча, этотъ переѣздъ черезъ рѣчку въ объятіяхъ незнакомаго мужчины, нѣсколько ласковыхъ словъ, нѣсколько нѣжныхъ взглядовъ, и все прежнее потускнѣло, поблѣднѣло. Бурнымъ потокомъ ее охватило настоящее, и унесло, поглотило ее всю. Развѣ тогда она истинно любила свою «бородатую няню». Не продолжала ли она тогда любить по дѣтской привычкѣ, какъ любятъ няню, мать, отца, братьевъ? Нѣтъ, она любила его истинной любовью. Его близость заставляла ее трепетать и горѣть въ огнѣ, чего она не испытывала отъ близости отца, братьевъ. Но теперь она любитъ иначе, не такъ, совсѣмъ не такъ. Она полюбила вторично, нѣтъ и нѣтъ! Только теперь она полюбила въ первый разъ. Теперь она отъ *него* не пошла бы въ монастырь, ни за что не пошла бы, никогда! Теперь она постоянно хочетъ его видѣть, жаждетъ его ласкъ, объятій, поцѣлуевъ... А Имеретія?.. Она стояла на верху замковой стѣны и смотрѣла на разстилавшіяся внизу и вдали чудныя картины, на темную зелень лѣса, на далекія горы, на голубое небо. Весна уже вступила въ свои права. Слышалось журчанье горныхъ ручьевъ, пѣніе птицъ; въ воздухѣ разливался ароматъ свѣжей зелени, цвѣтовъ, согрѣтой солнцемъ влажной земли.

Дареджана прислушалась. Кто-то по внутреннимъ ступенямъ замковой стѣны поднимался наверхъ. Сердце у дѣвушки, казалось, остановилось. Неужели это онъ? Да, это былъ онъ. На стѣну входилъ князь Георгій Дадіанъ.

— Ваше высочество! Простите, если я помѣшалъ вамъ.

— Нѣтъ, князь.

— Вы любуетесь видомъ?

— Да... Здѣсь такъ хорошо... А въ Петербургѣ лучше?— спросила она неожиданно.

— Если бы было лучше, я бы тамъ остался,—былъ отвѣтъ.

— И вы не скучаете здѣсь, въ горахъ?

— Я здѣсь родился... Ваше высочество!—голосъ его дрогнулъ.

— Къ чему высочество!

— Царевна... Дареджана!—Онъ взялъ ея руку. Руку не отняли.—«Дареджана!»...

Послышались снова шаги на ступеняхъ. Дареджана отняла руку. Показался князь Кайхосро Гурієли.

— А! Голубки... простите, помѣшалъ.

Дареджана вспыхнула.

— Ба! Это посолъ отъ «русской швабры»,—сказалъ пришедшій, указывая внизъ.—Онъ подъѣзжаетъ къ замку. Надо идти.

И князь Кайхосро направился внизъ. За нимъ послѣдовала и Дареджана, у которой сердце било тревогу... «Какъ не вовремя!»...

Во дворъ замка въѣхалъ всадникъ, привязалъ къ столбу лошадь и пошелъ къ крыльцу, на которомъ появился владѣлецъ замка.

— Ты что, Тарієль? — спросилъ онъ прибывшаго. — Изъ Озургетъ?

— Изъ Озургетъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ прибывшій.— Отъ его свѣтлости владѣтеля Гуріи съ письмомъ.—И посолъ подалъ письмо князю Кайхосро.

На крыльцо вышли Дареджана, князь Иванъ Абашидзе, царевичъ Вахтангъ и князь Георгій Дадіанъ.

— А! Каково!—воскликнулъ князь Кайхосро, пробѣжавъ письмо.—Ермоловъ черезъ «швабру» требуетъ, чтобъ я явился въ Кутаисъ. Какова дерзость! Это, чтобъ и меня засадить въ клѣтку вмѣстѣ съ другими. Нѣтъ, пускай онъ самъ явится ко мнѣ въ Шемокмети. Я ему не нукеръ дался, не «швабра». Онъ думаетъ, что вольнаго орла можно также прикликать, какъ курицу: «цыпъ-цыпъ-цыпъ»! Нѣтъ, ты приди и возьми орла въ его гнѣздѣ.

Онъ метался по крыльцу въ страшномъ негодованіи и снова перечитывалъ возмутившее его письмо.

— Явиться! Хоть бы сказалъ—пріѣхалъ, а то явиться! Пусть является къ нему «швабра», за которую я не дамъ и горсти кишмишу: ему горсть желудей цѣна! Вѣрно, этотъ Ер-

моловъ не бывалъ въ нашихъ горахъ: пусть побываетъ, тогда узнаетъ, что значитъ ловить орловъ, когда они выше горъ летаютъ.

Онъ остановился и передалъ письмо Абашидзе.—На прочти.

Посолъ князя Маміи Гуріели стоялъ у крыльца и улыбался. Онъ хорошо зналъ горячій характеръ князя Кайхосро. Ему извѣстно было также, кого онъ называлъ «русской шваброй», и самъ оправдывалъ это названіе. По его мнѣнію, князь Маміа не князь, а курица. Развѣ прежде такъ жили въ Гуріи? Теперь даже набѣговъ нельзя дѣлать: всѣ гурійцы, какъ и имеретины, въ бабъ выродились. Только въ Абхазіи еще и остались настоящіе джигиты.

— Будетъ отвѣтъ отъ вашего сіятельства?—спросилъ Таріель, лукаво улыбаясь.

— Будетъ! Эй, Марико!—крикнулъ князь одной женщинѣ, проходившей черезъ дворъ замка.—Принеси сюда поскорѣй старое негодное веретено да клочокъ грязной кудели.

— Да отъ паршивой бы овцы,—лукаво добавилъ князь Абашидзе.

И Вахтангъ, и князь Дадіанъ разсмѣялись.

— И отъ моего братца Левана клочокъ бы шерстки,—сказалъ послѣдній,—онъ опаршивилъ собою всю Мингрелію хуже вашей «швабры».

Дареджана съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она не знала, что между братьями Дадіанами существовала еще болѣе непримиримая вражда, чѣмъ между Кайхосро и Маміей Гуріели. Князь Георгій Дадіанъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ и получившій образованіе въ пажескомъ корпусѣ (въ какой мѣрѣ ничтожно было образованіе въ корпусѣ, онъ этого не понималъ), а потомъ прослужившій нѣсколько лѣтъ въ гвардіи, считалъ себя выше своего вѣка и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своего брата Левана, владѣтеля Гуріи, не постигшаго даже пажеской премудрости. Еще будучи въ корпусѣ и кичась тѣмъ, что онъ владѣтельная особа, князь Георгій терпѣлъ жесточайшія насмѣшки отъ товарищей-аристократиковъ, которые сравнивали его права на владѣтельный титулъ съ правами татаръ, выкрикивающихъ на улицахъ Петербурга: «халаты! халаты!» и имѣющихъ такія же права на престолъ царства казанскаго, какія имѣлъ онъ на престолъ Гуріи. Въ гвардіи же эти насмѣшки, только въ болѣе за-

маскированной степени, пошли еще дальше и не разъ кончались дуэлью. Положеніе его въ полку стало, наконецъ, до того невыносимымъ, что онъ возненавидѣлъ все русское и рѣшился во что бы то ни стало доказать своимъ противникамъ, что онъ, дѣйствительно владѣтельная особа и можетъ объявить войну Россіи. Онъ усиленно сталъ добиваться отпуска для поправленія будто бы здоровья, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы столкнуть съ дороги брата Левана, человѣка ничтожнаго и раболѣпствовавшаго передъ русскими, и объявить себя царемъ Мингреліи. Явившись на родину, онъ хотѣлъ устранить брата съ своего пути убійствомъ; но это ему не удалось, и онъ вступилъ въ союзъ съ княземъ Кайхосро Гуріели, такимъ же, какъ и самъ онъ, честолюбцемъ и отчаяннымъ джигитомъ. Они надѣялись, что, въ союзѣ со всѣми недовольными элементами Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи и заручившись покровительствомъ Турціи, они возвратятъ прежнюю независимость этимъ странамъ

— И тогда я покажу петербургскимъ хлыщамъ, что такое «халаты! халаты!»—мечталъ князь Георгій, надѣвая для охоты лосинныя штаны, принадлежность русской гвардіи, въ знакъ презрѣнія къ этой части русскаго туалета, въ сущности же ко всему русскому.—«Tu l'as voulu, George Dandin!»—повторялъ онъ про себя фразу, которою его иногда преслѣдовали въ полку, замѣняя его фамилію Gouriely—фамиліею Dandin.

Веретено и клокъ черной овечьей шерсти были принесены.

— На, Таріель,—сказалъ князь Кайхосро посланцу владѣтеля Гуріи,—отвези это веретено и эту шерсть твоему господину, бабѣ Маміи, и скажи, что я велю ему этимъ веретеномъ выпрясти изъ этой шерсти веревку для Ермолова, чтобъ было его на чемъ повѣсить, когда онъ явится въ Гурію.

— Но этой шерсти мало для Ермолова, онъ оборветъ такую веревку,—ехидно замѣтилъ князь Абашидзе.

— Эй, Бусквадзе!—крикнулъ князь Кайхосро стоявшему неподалеко джигиту съ огненной бородой.—Привяжи Таріелю въ горока кудь грязной шерсти; да побольше.

Огненная борода пошла исполнить приказаніе, а Таріель стоялъ и лукаво улыбался, вертя въ рукахъ веретено.

— А теперь ступай въ пукерскую,—сказалъ ему владѣлецъ замка,—тамъ тебя накормятъ и напоятъ. Эй вы!—крикнулъ онъ нукерамъ.—Накормите и напоите хорошенько Таріеля.

Веретено и шерсть возымѣли свое дѣйствіе.

Рано утромъ 13-го апрѣля лазутчики князя Кайхосро Гуріели донесли ему, что къ замку приближаются русскіе подъ предводительствомъ самого «правителя» Имеретіи, полковника Пузыревскаго. Князь созвалъ военный совѣтъ. Кромѣ царевича Вахтанга, князя Ивана Абашидзе, князя Георгія Дадіана и царевны Дареджаны, на совѣтъ были призваны почетные князья и джигиты, въ томъ числѣ краснобородый Бусквадзе.

— Я уже обдумалъ, какъ намъ дѣйствовать, дорогіе союзники,—сказалъ владѣлецъ замка.—Мы должны лишить враговъ ихъ головы. Мы побѣдимъ ихъ хитростью. Мы покажемъ видъ, что отдаемся имъ безъ сопротивленія. Я оставлю ворота замка открытыми, а на башню поставлю храбраго Бусквадзе съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ и съ саблею на шеѣ въ знакъ полной покорности: «пусть рубятъ саблей покорную голову». Мы всѣ, всѣ до единой души, оставимъ замокъ и укроемся въ окрестностяхъ. А храбрый Бусквадзе пусть одинъ встрѣтитъ «правителя» Имеретіи: и пусть онъ притворится нѣмымъ. Слышишь, Бусквадзе?

— Слышу, князь,—отвѣчала огненная борода.

— Когда тебя будутъ спрашивать, гдѣ же мы? Отчего пустъ замокъ? Ты мычи, какъ корова, и показывай на свою шею; рѣжь-де, но я ничего не знаю; а замокъ-де вашъ. Онъ плюнетъ и уйдетъ; а вы втроемъ забѣгите впередъ, перехватите его въ лѣсу, на тропинкѣ, и застрѣлите, какъ собаку. Я его знаю: онъ гордый и ужъ разъ пять являлся такъ ко мнѣ въ замокъ самъ-пять, а отрядъ свой оставлялъ за рѣчкой.

Коварный азіатъ слишкомъ хорошо зналъ рыцарскій характеръ полковника Пузыревскаго и на этомъ основалъ планъ его гибели. Приблизившись съ своимъ отрядомъ къ замку и наведя на него зрительную трубу, Пузыревскій къ удивленію замѣтилъ, что на башнѣ развивается бѣлый флагъ, а ворота замка раскрыты настежь.

— Что за оказія!—воскликнулъ онъ.—Замокъ открытъ и выставленъ знакъ покорности.

— Да, господинъ полковникъ, но азіаты, быть можетъ, хитрятъ,—замѣтилъ адъютантъ Пузыревскаго.—Не скрыта ли у нихъ гдѣ-нибудь засада? Позвольте мнѣ лучше произвести рекогносцировку.

— Извольте, съ азіатами осторожность вещь не лишняя.

Произведите рекогносцировку вмѣстѣ съ майоромъ Михинымъ. Взявъ съ собой по нѣскольку нижнихъ чиновъ, адъютантъ Сурковъ и майоръ Михинъ отправились на поиски. Раздѣлившись на двѣ партіи, они тщательно изслѣдовали весь окрестный лѣсъ и гору; но ничего подозрительнаго не нашли. Сойдясь потомъ около воротъ замка, они увидѣли, что на башнѣ продолжаетъ стоять какой-то рыжій субъектъ съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ и съ саблею на шеѣ.

— Что за чортъ? Вотъ исторія!

— Войдемъ въ ворота. Дворъ пустой, точно все вымерло въ немъ.—Они начали звать, никто не откликался. Тихо, какъ въ могилѣ. Они снова кричатъ. На этотъ разъ съ башни послышалось какое-то мычанье.

— Да это заколдованный замокъ, чортъ возьми!

Солдаты стали вездѣ шарить, ничего нѣтъ. «Хоть шаромъ, братцы, покати». А съ башни продолжалось мычанье.

— Посмотримъ, какой это дьячокъ тамъ мычитъ,—сказалъ Михинъ.

Изслѣдовали лѣстницу, никого нѣтъ. Поднялись выше, на верхъ башни. Тамъ торчитъ все тотъ же человѣкъ съ огненной бородой и саблею на шеѣ. Рожа смиренная, а глаза разбойничьи.

— Ты что, шайтанъ, тутъ торчишь?—спрашиваютъ.

Мычитъ и на горло рукой показываетъ: «рѣжь-де... кесимъ башка».

— Гдѣ князь Кайхосро, чучело?

Мычитъ и руками куда-то вдаль показываетъ.

Такъ ничего и не добились. Плюнули и ушли. Пузыревскій продолжалъ наблюдать въ зрительную трубу и видѣлъ, какъ Михинъ и Сурковъ показались на башнѣ, какъ они размахивали руками, и какъ непостижимая фигура съ бѣлымъ флагомъ показывала себѣ на горло. Воротились, наконецъ, и Михинъ, и Сурковъ. Докладъ ихъ, однако, ничего не выяснилъ.

— Что за комедія? Поѣду самъ,—рѣшилъ Пузыревскій.—Тутъ что-нибудь да кроется; а между тѣмъ надо здѣсь принять предосторожности, и я надѣюсь на вашу распорядительность,—сказалъ онъ Михину.

Взявъ съ собой только Суркова да двухъ казаковъ, Пузыревскій поѣхалъ въ замокъ. Опять кругомъ тишина, ничего подозрительнаго. Въ замкѣ тоже пустота.

Пузыревскій взошелъ на башню. Рыжее чучело стояло уже на колѣняхъ и ладонью рѣзало себѣ горло.

— Говори, негодяй, что это значитъ?—прикрикнулъ Пузыревскій и въ отвѣтъ получилъ то же мычаніе.

Онъ плюнулъ и спустился съ башни. За нимъ послѣдовалъ и Сурковъ. Но едва они сошли на дворъ замка, какъ мнимый нѣмой съ огненною бородой, коварный исполнитель замысловъ своего господина, Бусквадзе, бросивъ бѣлый флагъ, тайнымъ ходомъ выбрался изъ замка и присоединился къ двумъ другимъ джигитамъ-гурійцамъ, поджидавшимъ его въ лѣсу, недалеко отъ дорожки, спускавшейся отъ замка. По этой дорожкѣ долженъ былъ проѣзжать Пузыревскій. Едва онъ показался, какъ два прятавшихся въ лѣсу негодяя выступили впередъ, а Бусквадзе спрятался за камень.

— Гдѣ Кайхосро Гуріели?—спросилъ Пузыревскій, увидавъ джигитовъ.—Зачѣмъ онъ держитъ у себя измѣнника Ивана Абашидзе?

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ раздались разомъ три выстрѣла, и Пузыревскій свалился съ лошади. Какъ звѣри, бросились убійцы на остальныхъ: одного казака тутъ же зарѣзали кинжалами, а Суркова и другого казака, вмѣстѣ съ тѣломъ Пузыревскаго, при помощи откуда-то выскочившихъ гурійцевъ моментально увели въ лѣсъ.

XXI. Жестокое возмездіе.

Гнусное убійство Пузыревскаго поразило Ермолова. Смерть такого опытнаго и беззавѣтно-храбраго офицера была большою потерею для Кавказа. По этому поводу Ермоловъ писалъ 44-му егерскому полку, начальникомъ котораго былъ Пузыревскій: «Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ великаго государя отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлыхъ измѣнниковъ; вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ мстить за гнусное убійство достойнаго начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Кайхосро Гуріели,—не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ, ни одного живого не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ. Требую, храбрые товарищи, дружественнаго поведенія съ

жителями мирными, кроткими, вѣрноподанными императора, приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ».

Чтобы наказать примѣрно виновныхъ и подавить въ самомъ основаніи мятежъ, охватившій разомъ Имеретію, Гурію и Мингрелію, Ермоловъ отправилъ туда своего начальника штаба, генерала Вельяминова, который во главѣ трехтысячнаго отряда и подступилъ къ замку Шемокмети 25 апрѣля.

Царевна Дареджана первая замѣтила признаки приближенія непріятеля. Она въ это время находилась на замковой башнѣ, ожидая прибытія изъ аула Гведиса князя Георгія Дадіана, откуда онъ долженъ былъ привести свой отрядъ вмѣстѣ съ отрядомъ князя Давида Гуріели. Дареджана давно мучилась ожиданіемъ своего возлюбленнаго, которому обѣщала дать рѣшительное слово по его возвращеніи. Къ этому времени она вышила богатое знамя ярко-кроваваго цвѣта, съ серебрянымъ крестомъ въ терновомъ вѣнкѣ, эмблема страданій Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, и съ этимъ знаменемъ ожидала на башнѣ появленія своего героя. Увидѣвъ издали движеніе русскихъ отрядовъ, она приняла ихъ за ополченіе князя Дадіана. Но ее смутило то, что ожидаемое ополченіе показалось совсѣмъ съ противоположной стороны. Скоро она поняла, въ чемъ дѣло, и ее охватилъ ужасъ. Взволнованная и блѣдная, она сбѣжала съ башни и встрѣтилась съ княземъ Абашидзе.

— Ты куда летишь, газель?—весело спросилъ онъ свою кузину.—Развѣ приближается ужъ?

— Кто приближается?—недоумѣвала испуганная дѣвушка.

— А тотъ, за которымъ ты всѣ глаза просмотрѣла: лосиные штаны; мы ихъ сегодня ждемъ.

— Ахъ, Боже! Русскіе идутъ!—сказала Дареджана, съ силой хватая за руку своего кузена.

— Что ты? Гдѣ?

— Съ башни видно... Я тамъ была... Поди, посмотри самъ.

Они взбѣжали на башню. Не оставалось никакого сомнѣнія, что то были русскіе. Но зато, съ противоположной стороны, подходило къ замку ополченіе князя Георгія Дадіана. Дареджана ожила духомъ: при немъ она и смерти не испугается. Въ замкѣ забили тревогу. Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться имеретины, гурійцы, мингрельцы. Князь Кайхосро Гуріели, князь Абашидзе и мнимый царь Вахтангъ торопливо отдавали прика-

ванія, указывали мѣста по горѣ и по лѣсу: гдѣ должны залечь защитники замка, гдѣ дѣлать-завалы, откуда поражать непріятеля. Замокъ и гора, на которой онъ высился, закишѣли народомъ, словно исполинскій муравейникъ. Дареджана стояла на башнѣ и восторженно махала кровавымъ знаменемъ молодцоватому красавцу, въѣзжавшему въ боковыя ворота замка. То былъ ея Георгій.

— О, мой Георгій, мой побѣдоносецъ!—шептала она, прижимая рукою бущевавшее сердце.

Она ждала его на башнѣ, но онъ не шелъ, онъ отдавалъ приказанія своему отряду. Дареджана не вынесла ожиданія и побѣжала внизъ. На лѣстницѣ она столкнулась съ тѣмъ, кого ожидала. Дѣвушка забыла все, всю женскую лицемѣрную чопорность, и упала въ объятія своего героя, помня только одно, что сейчасъ можетъ разлучить ихъ смерть.

— Я твоя, твоя, мой милый,—шептала она, холодными руками обхватывая его воловью шею.

— Дареджана, ангелъ мой, правда ли?

— Правда, правда! И смерть не разлучитъ насъ...

— Князь Георгій! — раздался вдругъ голосъ князя Кайхосро.—Гдѣ ты?

— Проклятіе!—прошипѣлъ князь Георгій и бросился внизъ.

Дареджана, шатаясь точно пьяная, опять поднялась на башню. Она вся горѣла; сердце, казалось, готово было разорваться отъ счастья. Долго клокотавшая въ душѣ и насильно сдерживая страсть женщины знойнаго юга вырвалась наружу и, казалось, помутила ея разсудокъ. Она ничего не видѣла, она только чувствовала его поцѣлуй и его сильныя руки, которыя точно тисками сжимали ее.. сейчасъ, сію минуту. Она опомнилась только тогда, когда услыхала внизу, подъ стѣнами замка, голосъ Дадіана.

— Они втаскиваютъ орудія на Плѣшивую скалу! — кричалъ онъ.—Помѣшаемъ шайтанамъ! Безъ орудій они ничего съ нами не сдѣлаютъ.

Дѣйствительно, Дареджана увидѣла, что къ верхушкѣ плоской скалы, отстоявшей на пушечный выстрѣлъ отъ замка влѣво и прозванной Плѣшивою, русскіе слились поднять одно за другимъ два орудія. Видно было, что солдаты употребляли неимовѣрныя усилія, чтобы втащить на себѣ на гору такія страшныя

тяжести. Вельяминовъ понялъ, что замокъ, стоявшій на отвѣсной почти горѣ, сплошь покрытой густымъ и высокимъ лѣсомъ, не можетъ быть обстрѣливаемъ артиллеріею; но изучивъ хорошо характеръ горцевъ, онъ зналъ, что звуки орудійныхъ выстрѣловъ для нихъ страшнѣе небеснаго грома, и потому рѣшилъ во что бы то ни стало поставить хоть двѣ пушки на небольшую, свободную отъ лѣса, площадку на Плѣшивой скалѣ, и оттуда громить стѣны замка. Голосъ Дадіана гремѣлъ, какъ пистолетные залпы.

— Впередъ! Сбить шайтановъ, опрокинуть пушки

Отчаянные джигиты, прыгая, какъ дикія козы, карабкались на опасную скалу, сцѣплялись съ солдатами, тащившими орудія, хватаясь за нихъ голыми руками... Имъ рубили руки, прокалывали штыками, сбрасывали со скалы...

— О-о-о! Г-ого!—слышались отчаянные крики.

— Разъ первой! Разъ другой! У-ухнемъ, ухнемъ!—доносились звуки русской «Дубинушки».

Дареджана, держась за высокое древко своего кроваваго знамени, казалось, окаменѣла на мѣстѣ. Ея сверкающіе глаза, вся ея душа была тамъ, гдѣ о н ъ... А онъ, сверкая обнаженной саблей, перебѣгалъ отъ одной группы къ другой, крича и проклиная кого-то.

— Проклятіе! Не доглядѣли, прозѣвали!

Холодъ начиналъ проникать въ душу Дареджаны. Она видѣла, какъ князь Георгій побѣжалъ къ скалистой площадкѣ, изъ-за которой такъ отчаянно дрались гурійцы. За нимъ стремительно бросились туда же князь Гуріели и князь Абашидзе. Но къ ужасу своему она замѣчала, что площадка переходитъ въ руки русскихъ, а гурійцы, поражемые пулями и штыками, срывались съ нея и падали въ пропасть. И вдругъ она увидѣла, какъ вылетѣлъ оттуда бѣлый дымокъ, другой, и воздухъ дрогнулъ отъ первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ. Солнце выглянуло изъ-за тучи и освѣтило другую картину. Внизу, подъ горою, засверкали штыки и, словно колосья ржи, колебаемые вѣтромъ, задвигались между деревьями. Русскіе поднимались къ замку тремя колоннами. Ясно, они шли на штурмъ. Гурійцы и имеретины сплошною массою усѣяли вершину горы и открыли жаркій огонь по колоннамъ.

Ужасъ! Многіе русскіе падали отъ мѣткихъ выстрѣловъ, но

другіе, какъ бы не замѣчая упавшихъ, переступая черезъ нихъ, поднимались все выше и выше. А скалистая площадка продолжала гремѣть и осыпать картечью защитниковъ замка.

«Боже! Что будетъ?»—холодѣла Дареджана.

А штурмующіе поднимались все выше и выше и, что всего ужаснѣе, безъ выстрѣла, безъ криковъ «ура», а молча, какъ-то сосредоточенно и озлобленно. Вдругъ по знаку какого-то плотнаго офицера (то былъ майоръ Михинъ, ведшій коллонны на штурмъ), разомъ грянуло «ура», да такое рѣшительное, что защитники замка какъ-то дрогнули и испуганно заметались; всѣ они знали, что нѣтъ ничего ужаснѣе русскаго штыка. Паника разомъ овладѣла всѣми и толпы гурійцевъ и имеретинъ точно таяли на глазахъ у Дареджаны.

— Бѣгутъ, въ лѣсъ бѣгутъ!

Штурмующіе—уже на горѣ, подъ самыми стѣнами замка.

— Молодцы, ребята! Спасибо! — слышитъ Дареджана возгласъ плотнаго офицера.

— Рады стараться, вашескородіе! — гремятъ радостные, возбужденные отклики.

— Сейчасъ орудія подадутъ; отдохните, братцы.

Дареджана больше не слушаетъ. Она хватаетъ свое кровавое знамя и спускается въ замокъ. Что съ ней, она не знаетъ; она чувствуетъ только какую-то боль не то въ сердцѣ, не то въ головѣ.

— Все потеряно, все!

На дворѣ замка къ ней подбѣгаетъ князь Дадіанъ и старый Маміа. Послѣдній торопливо ведетъ осѣдланную Змѣйку.

— Садись, царевна, надо уѣзжать,—угрюмо говоритъ вѣрный нукеръ.

— Куда?—подавленно спрашиваетъ Дареджана.

— Ко мнѣ въ Мингрелію,—первпо объясняетъ князь Георгій,—подлые гурійцы струсили, разбѣжались.

— А гдѣ князь Кайхосро и князь Иванъ?

— И они уѣхали, и Вахтангъ съ ними.

— Скорѣй, скорѣй, царевна,—торопилъ Маміа.

За стѣнами замка послышался грохотъ орудій. Это поднятая на гору пушка громила стѣны укрѣпленія князя Кайхосро. И Дареджана, и князь Дадіанъ, и вѣрный Маміа быстро выѣхали изъ замка задними воротами. Не ожидала несчастная царевна

Имеретіи, что все такъ скоро кончится, въ тотъ самый день, когда она... ну, да что объ этомъ?.. Когда солдаты ворвались, наконецъ, въ замокъ, онъ былъ пустъ. Не успѣли убѣжать только пять турійцевъ, которыхъ тутъ же и прокололи штыками. Въ это время къ майору Михину подвели связаннаго гурійца съ огненной бородой.

— А, нѣмой знаменосецъ!—воскликнулъ Михинъ. — Такъ это ты застрѣлилъ полковника Пузыревскаго

— Я!—дерзко отвѣчалъ Бусквадзе.

— А, ты? Хорошо, теперь заговоришь... Заговоришь у меня еще не такъ.

И Михинъ приказалъ собрать на дворѣ замка всѣхъ егерей 44-го полка, командира котораго, полковника Пузыревскаго, застрѣлилъ вотъ этотъ самый краснобородый Бусквадзе. Всѣмъ егерямъ Михинъ велѣлъ вырѣзать въ лѣсу по хорошему пруту. Собрались егеря на дворъ и выстроились въ два ряда, рядъ противъ ряда. У каждаго въ рукахъ былъ прутъ, у кого изъ лозняка, у кого изъ таволги. Солдаты знали, что имъ предстоитъ страшное дѣло, прогнать убійцу сквозь строй. Но они помнили приказъ Ермолова...

Бусквадзе, съ завязанными назадъ руками, поставили у начала двухъ рядовъ егерей, лицомъ къ образовавшемуся между рядами проходу. По знаку Михина, забилъ барабанъ.

— Подлый убійца, впередъ!—скомандовалъ Михинъ.—Тихимъ шагомъ маршъ!

Бусквадзе пошелъ по рядамъ гордо, презрительно поглядывая на солдатъ. Съ каждымъ шагомъ, съ лѣвой шеренги его поражалъ ударъ по спинѣ. Чья-то гибкая таволга сильно доняла его. Онъ сглянулся и злобно плюнулъ въ лицо тому, кто особенно больно ударилъ его. Тогда всѣ солдаты обозлились, и удары посыпались жестокіе. Но Бусквадзе продолжалъ итти гордо, ровно, словно на смотру. Такъ онъ прошелъ весь рядъ, принявъ двѣсти ударовъ. Онъ повернулъ назадъ. Теперь его били стоявшіе въ другомъ ряду. И эти двѣсти ударовъ онъ вынесъ стойко, хотя бешметъ его отъ ударовъ превратился на плечахъ въ клочья, и оголенная спина представляла кровавую массу. Но уже на третьемъ своемъ смертномъ рейсѣ онъ сталъ спотыкаться. Голова его упала на грудь, папаха свалилась... Ноги его двигались машинально... Не кончивъ третьяго рейса, онъ упалъ.

— Поднять на тачку!—скомандовалъ Михинъ.

Подкатили тачку и положили на него умирающаго. Тачку повезли по рядамъ. Удары наносятся уже окровавленными розгами. Въ предсмертныхъ корчахъ истязуемый свалился съ тачки...

— Добить лежачаго!—махнулъ рукою Михинъ.

Его добили и на обезображенный трупъ его подбросили кровавыя орудія истязанія, прутья.

— Вы помните, братцы, приказъ Ермолова?—спросилъ Михинъ, когда кончилась ужасная экзекуція.

— Такъ точно, вашескородіе!—послышались голоса.

— Помните: «не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ»... Поняли?

— Точно такъ, вашескородіе!

— Только церковь не трогайте.

— Рады стараться!

И началось отвратительное разрушеніе и истребленіе всего: замка, домовъ, самыхъ стѣнъ ихъ, виноградниковъ, посѣвовъ...

XXII. Пушкинъ на Машукѣ.

Боковымъ склономъ Машука отъ лѣсистой опушки спускался къ Пятигорску молодой офицеръ. Онъ иногда останавливался и обводилъ взоромъ и ближайшія, и отдаленныя окрестности. Далеко, далеко, у самаго края неба стояли продолговатой цѣпью причудливыя облака, совсѣмъ бѣлыя. Но сколько бы вы на нихъ ни смотрѣли, они не измѣняли ни положенія, ни формы. То были снѣжныя вершины безконечной цѣпи кавказскихъ горъ. Правѣе, какъ бы подпирая собою небо, стоялъ снѣжный, съ раздвоенною вершиною, великанъ. Онъ казался недосягаемымъ и, повидимому, принадлежалъ больше области неба, чѣмъ земли. То былъ снѣжный Эльборусъ.

Офицеръ долго глядѣлъ на него. Солнце, далеко перевалившее за полнеба, казалось, освѣщало затылокъ исполинской горы, бросая тѣни на лицевую ея сторону. Отъ горы отдѣлился бѣлый дымокъ, точно горсть брошеннаго снѣга, и поплылъ на сѣверъ. То было облачко, отдѣлившееся отъ Эльборуса, «тучка», отдыхавшая «на груди великана»...

Ближе, вправо отъ Машука, заслоняя собою горизонтъ и

западный край неба, высился остроконечный Бештау съ голою вершиной, окруженный пятью меньшими великанами и опушенный у подножія гигантскимъ лѣсомъ, который издали казался кудрявымъ кустарникомъ. Лѣвѣе тянулась холмистая возвышенность, далеко, почти у горизонта, упиравшаяся въ самый снѣжный хребтеъ. Ближе, у самаго Пятигорска, извиваясь между гористыхъ береговъ, сверкалъ стальными струями быстрый и шумный Подкумокъ. Еще ближе, у подножія горы, дымились легкимъ паромъ и журчали минеральные ключи, стекая внизъ по разнымъ направленіямъ, словно жидкая лава, оставляя по себѣ на камняхъ красноватыя и бѣлыя окраски.

Постоявъ немного въ созерцательномъ раздумьѣ, офицеръ сталъ спускаться ниже.

Внизу, на полугорѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ бесѣдка, называвшаяся прежде «Эоловой арфой», сидѣлъ на камнѣ какой-то мужчина въ красной русской рубахѣ и поярковой шляпѣ и что-то писалъ у себя на колѣняхъ.

«Пишетъ,—улыбнулся офицеръ,—я зналъ, что это будетъ: недаромъ онъ хандрилъ и придирался ко мнѣ, все доказывалъ, что пора поэзіи, какъ и любви, для него прошла».

Онъ скоро подошелъ къ красной рубахѣ. Тотъ спряталъ тетрадку за пазуху.

— Жаль, Александръ, что ты сегодня полѣнился взобраться на Машукъ,—сказалъ офицеръ.

— А что?—спросила красная рубаха.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, съ выразительными чертами лица, нѣсколько арабскаго типа, и съ блестящими глазами. Курчавая голова еще болѣе обличала въ немъ темпераментъ юга.

— Оттуда очень красиво было видѣть, какъ вдали за степями, туда къ Тереку или къ Моздоку, въ темныхъ тучахъ сверкала молнія,—отвѣчалъ офицеръ.

— Здѣсь красивѣе,—отвѣчала красная рубаха, указывая на Эльборусъ и на снѣжную цѣпь горъ.

— Да, красиво, чертовски красиво! Въ Россіи этого не увидишь. Ты, я видѣлъ, писалъ?—небрежно спросилъ офицеръ, усаживаясь на камень и, бросая на землю свою бѣлую фуражку.

— Да, отъ скуки придѣлалъ конецъ «Руслану и Людмилѣ»... Не пишется что-то, баста! Старѣюсь...

— Это въ двадцать-то лѣтъ!

— Что-жъ! Зато я началъ жить съ одиннадцати.

— Прочти-ка, что написалъ.

— Не стоитъ... Впрочемъ, я тутъ отдаю должную дань твоей дружбѣ, милый Николай, — сказала красная рубаха съ живостью.—Вотъ!—И онъ вынулъ и развернулъ тетрадку.—Это эпилогъ къ «Руслану»... я тутъ говорю, какъ я пѣлъ преданья темной старины, забывая обиды слѣпого счастья и глупцовъ и не подозрѣвая, какъ собирались надо мной туча, туча грозы незримой...

— По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, имъ видимо овладѣвало святое вдохновеніе,—и онъ сталъ декламировать:

«— Я погибалъ... Святой хранитель первоначальныхъ бурныхъ дней, о дружба, пѣжный утѣшитель болѣзненной души моей! Ты умолила непогоду, ты сердцу возвратила миръ, ты сохранила мнѣ свободу—кипящей младости кумиръ! Забытый свѣтомъ и молвою, далече отъ брегозъ Невы, теперь я вижу предъ собою Кавказа гордыя главы»...

— Прелесть, прелесть!—невольно прошепталъ офицеръ.

Красная рубаха, не обращая на это вниманія, продолжала:

«— Надъ ихъ вершинами крутыми, на скатѣ каменныхъ стремнинъ, питаясь чувствами нѣмыми и чудной прелестью картинъ природы дикой и угрюмой, душа, какъ прежде, каждый часъ полна томительною думой, но огнь поэзіи погасъ»...

— Опять!—не вытерпѣлъ офицеръ.—Заладилъ: погасъ, погасъ!.. Ну, прости, перебилъ...

— Ничего!—И красная рубаха хотѣла закрыть тетрадку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ, дочитай!—упрашивалъ офицеръ.

— Хорошо... Вотъ:

Ищу напрасно впечатлѣній.
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

— Не правда, не правда!—съ жаромъ воскликнулъ офицеръ.—А это развѣ не пѣснопѣніе?

— Вымученное, выдавленное изъ мозга, не изъ сердца.

— Повторяю: неправда!—настаивалъ офицеръ.

— Нѣтъ, милый Николай, въ душѣ чувствуется, что не тотъ ужъ я... Нѣтъ былыхъ восторговъ, не грѣетъ душу вдохновеніе... Развѣ то было прежде, хоть бы пять-шесть лѣтъ назадъ?

— Это когда ты былъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ?

— Да, именно... Никогда не забуду я того дня, когда я передъ старикомъ Державинымъ читалъ въ лицеѣ, на публичномъ экзаменѣ, свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ»... Державинъ былъ ужъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его, гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ, очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, какъ убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли...

Красная рубаха замолчала. Молчалъ и офицеръ, какъ бы вслушиваясь въ продолженіе сказаннаго.

— Милая Магуль!—послышался дѣтскій голосокъ. — Пойдемъ вонъ туда, тамъ много цвѣтовъ.

Это говорила дѣвочка лѣтъ около десяти, хорошо одѣтая, другой юной особѣ, тоже почти дѣвочкѣ, въ городскомъ нарядѣ: на головѣ бѣлая низенькая барашковая шапочка съ бѣлою чадрою, откинутою за плечи; малиновая чоха, плотно обхватывавшая ея грудь и тонкую стройную талью; блѣдно-желтыя шальварцы, красивыми складками спадавшія почти до маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ красивые сапожки изъ зеленаго сафьяна.

Дѣвочки шли отъ Елизаветинскаго источника, а за ними дама, по типу грузинка, сопровождаемая двумя офицерами.

— Да это тамъ наверху Раевскій и Пушкинъ,—тихо сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Который Пушкинъ?—встрепенулась дама.

— Вотъ тотъ, въ красной рубахѣ.

— Такъ это поэтъ Пушкинъ?

— Онъ самый, Саломэ Ивановна.

— А вы съ нимъ знакомы?

— Да, княгиня: здѣсь познакомился, на водахъ.

— Такъ, пожалуйста, познакомьте и меня съ нимъ, представьте его мнѣ.

Увидавъ, что незнакомая дама направляется въ ихъ сторону, Раевскій и Пушкинъ встали. Послѣдній поверхъ красной рубахи накинулъ на себя темный широкій плащъ въ видѣ альмавивы.

Офицеры, сопровождавшіе даму, издали привѣтствовали Раевскаго и Пушкина. Послѣдній хотѣлъ было удалиться; но было уже поздно.

— Николай Николаевичъ! Александръ Сергѣевичъ!—проговорилъ старшій изъ офицеровъ, сопровождавшихъ даму.—Позвольте представить васъ княгинѣ Саломэ Ивановнѣ Чавчавадзе.

— Раевскій... Пушкинъ,—поклонились тѣ.

Княгиня подала имъ руку и особенно сочувственно пожала руку молодому поэту.

— Я очень рада... Я въ Петербургѣ встрѣчалась съ вашимъ батюшкой, героемъ 12-го года,—сказала она Раевскому.—А о васъ я такъ много слышала отъ вашего друга, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, и,—она нѣсколько замялась,—очень восхищалась вашей дивной поэзіей.

Пушкинъ довольно угрюмо поклонился, чувствуя себя неловко въ красной рубахѣ передъ свѣтской молоденькой дамой.

— А вы, княгиня, давно видѣли Грибоѣдова? — спросилъ онъ, желая прервать свою неловкость.

— Въ послѣдній разъ онъ былъ у насъ 14-го января, на именинахъ моей дочери Ниночки.

— Ахъ, мама, мама! Посмотри, какіе хорошенькіе щенсы!—радостно подбѣжала дѣвочка. Это и была Ниночка.

— Рекомендую, дочь моя Нина, закадычный другъ Грибоѣдова и на ножахъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

И Пушкинъ, и Раевскій залюбовались дѣвочкой.

— Такъ на ножахъ съ Ермоловымъ? — съ улыбкой спросилъ Пушкинъ, не спуская восхищеннаго взора съ прелестнаго

личика и восхитительныхъ глазъ дѣвочки. — Изъ-за чего, княжна, вы съ нимъ на ножахъ?

— Ахъ, не говори, мама! — поторопилась дѣвочка, стараясь закрыть ротъ матери рукой.

— Изъ-за рѣсницъ, — смѣялась княгиня, — Алексѣй Петровичъ все ее дразнитъ.

— Гадкая мамка! — И дѣвочка убѣжала къ своей пріятельницѣ Магуль, которая стояла въ отдаленіи и глазами юной дикарки осматривала незнакомцевъ.

— Что за очаровательный ребенокъ! — воскликнулъ Пушкинъ, глядя вслѣдъ убѣгавшей дѣвочкѣ. — Такъ изъ-за рѣсницъ на ножахъ съ Ермоловымъ? — улыбнулся онъ.

— Изъ-за рѣсницъ... Алексѣй Петровичъ сказалъ ей, что у нея не рѣсницы, а кусты; и что весной у нея въ рѣсницахъ иволги будутъ вить гнѣзда.

— Я узнаю Ермолова! — засмѣялся Раевскій.

— А она, дурочка, взяла да и обстригла ножницами свои роскошныя рѣсницы, — докончила княгиня.

Всѣ разсмѣялись и еще съ большимъ восхищеніемъ стали поглядывать на шалунью.

— Да вѣдь у нея рѣсницы послѣ стрижки еще гуще выростутъ, — замѣтилъ Раевскій.

— Подите жъ съ глупою! — пожала плечами княгиня.

— А кто та съ нею, черкешенка? — спросилъ Пушкинъ, давно подмѣтившій окомъ художника оригинальную красоту юной Магуль.

— О! Это дикарочка-героиня, — тихо сказала княгиня.

— Она наша спасительница, — сказалъ Овечкинъ. Это онъ и Мальковъ сопровождали княгиню Чавчавадзе: для возстановленія здоровья послѣ ранъ, полученныхъ ими при защитѣ поста Чирахъ, Ермоловъ отправилъ ихъ въ Пятигорскъ и въ Желѣзноводскъ на цѣлебныя минеральныя воды.

— Такъ это та юная героиня, о которой такъ много говорили зимой въ Петербургѣ въ высшихъ сферахъ, особенно военныхъ, по поводу донесенія Ермолова о вашей защитѣ чирахскаго укрѣпленія? — спросилъ Раевскій, обращаясь къ Овечкину и Малькову.

— Она самая,—отвѣчали оба офицера.

— Объ этомъ дѣлѣ и газеты много говорили, — прибавилъ Пушкинъ.

— Да, не соверши она своего необычайнаго подвига, не поспѣши она, — пѣшкомъ, въ суровую зиму, — почти за 40 верстъ къ крѣпости Курахъ и не извѣсти о нашемъ отчаянномъ положеніи барона Вреде, мы непремѣнно погибли бы: дикія полчища Сурхай-хана уже проникали за брустверъ, когда впереди спасительнаго отряда мы увидѣли барона Вреде рядомъ съ этою отчаянною дѣвочкой, вѣдь ей только четырнадцать лѣтъ! — восторженно проговорилъ Овечкинъ, глядя, какъ прелестная дикарка и юная княжна усердно рвали цвѣты по склону возвышенія.

— Я вижу у нея и медаль на груди, — замѣтилъ Пушкинъ.

— Да, на георгіевской лентѣ, — пояснилъ Мальковъ.

— Что же она теперь? — спросилъ Раевскій княгиню.

— Она теперь у насъ въ Тифлисѣ, — отвѣчала Саломэ Ивановна.—По высочайшему повелѣнію, ей, кромѣ медали, пожалованы пенсія и вмѣстѣ съ матерью и братишкой, — отецъ ея былъ убитъ раньше,—ихъ переселили въ Тифлисъ, чтобъ укрыть отъ мести Сурхай-хана и дать дѣвочкѣ и мальчику приличное воспитаніе. Мы ее и взяли къ себѣ, учимъ ее понемногу, и онѣ съ моей Ниночкой теперь большія пріятельницы.

— И мы съ нею большіе друзья, — сказали разомъ Овечкинъ и Мальковъ.

— Но какое присутствіе духа въ такой дѣвочкѣ и какая находчивость! — удивился Пушкинъ.

— Да, Александръ Сергѣевичъ,—съ грустной улыбкой тихо проговорила княгиня, — тутъ замѣшанъ сердечный романъ... Бѣдная дѣвочка любила одного офицера, Щербину, съ которымъ она, въ ночь нападенія Сурхай-хана, имѣла тайное свиданіе недалеко отъ своего аула, и, узнавъ на другой день, что Щербина не попалъ въ редутъ, а заперся съ пятью нижними чинами въ минаретѣ, гдѣ неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, она и рѣшилась на свой отчаянный подвигъ... Только бѣдняжка не спасла своего милаго...

— Какъ княгиня?—почти съ испугомъ спросилъ Пушкинъ.

— Да... Это грустная исторія... Когда она явилась со спасительной помощью, отъ минарета, подкопаннаго злодѣями, оста-

лись одпѣ развалины, и подъ этими развалинами былъ похороненъ ея милый, — закончила княгиня.

XXIII. Пушкинъ, Магуль и Нюся—будущая жена Грибоѣдова.

Пушкинъ и Раевскій были глубоко тронуты печальною судьбой юной черкешенки. Страстно впечатлительный и увлекающійся, Пушкинъ особенно заинтересовался романической героиней и просилъ княгиню познакомить его съ ней; но Саломэ Ивановна отозвалась, что Магуль очень дика и робка, что она еще не привыкла къ обществу, и притомъ это прелестное дитя горъ стѣсняется еще и тѣмъ, что плохо говоритъ по-русски... — Впрочемъ,—добавила княгиня,—юная черкешенка, нѣсколько освоившись съ незнакомыми мужчинами, безъ сомнѣнія, станетъ менѣе дика. А если она такъ васъ интересуетъ, то пожалуйте сегодня ко мнѣ обѣдать запросто, — сказала она въ заключеніе.

Пушкинъ горячо благодарилъ за приглашеніе, но извинился, что «въ такомъ мальчишескомъ нарядѣ» онъ не посмѣетъ явиться въ порядочный домъ, и просилъ дозволенія отлучиться домой, чтобъ переодѣться. Ему позволили.

— Наша дикарочка, кажется не догадывается, что мы знаемъ исторію ея сердца,—пояснила княгиня.—Мы, для нея, объясняемъ ея сердечный порывъ и ея подвигъ тѣмъ, что она, по обычаямъ родовой мести, господствующимъ среди горцевъ, мстила казикумухцамъ Сурхай-хана за смерть своего отца, погибшаго отъ руки казикумухца, и она этимъ удовлетворяется. Но она продолжаетъ, повидимому, оплакивать свою любовь, хотя и объясняетъ это грустными будто бы воспоминаніями объ отцѣ, котораго она, впрочемъ, лишилась очень давно и едва ли можетъ такъ горячо тосковать о немъ. Что она до сихъ поръ любитъ бѣднаго Щербину, мы заключаемъ отчасти вотъ изъ чего. Моей мамѣ, княгинѣ Орбеліани, очень хочется обратить ее въ христіанство; дѣвочка охотно слушаетъ исторію о жизни, о чудесахъ, о смерти и воскресеніи Христа. Но особенно овладѣло ея умомъ наше увѣреніе въ томъ, что христіане послѣ смерти, въ другой, лучшей жизни, соединяются съ тѣми, кого любили на землѣ. Значитъ, — спросила она маму послѣ этого, — если я сдѣлаюсь христіанкой и умру, то на томъ свѣтѣ соединюсь съ тѣми, кого любила?—Да,—говоритъ

матушка. — Такъ и отца своего увижу? — спрашиваетъ. — Да, — говоритъ мама. — Но вѣдь онъ не христіанинъ, — говоритъ Магуль, — какъ же я его тамъ увижу? — А мама ей на это: — Наша церковь, — говоритъ, — молится не только за невѣрныхъ, но даже за враговъ своихъ; она молится и за твоего отца и особенно будетъ молиться, когда ты сдѣлаешься христіанкой! — Это ее, видимо, обрадовало и ободрило; но въ то же время вызвало на ужасно наивный вопросъ, выдавшій ее съ головой! — Хорошо, — говоритъ, — если тотъ, кто меня здѣсь любилъ, будетъ ждать меня тамъ, а я долго не приду туда, не умру, такъ онъ можетъ полюбить тамъ другую? Понимаете?

И Пушкинъ и Раевскій расхохотались.

— Женская ревность, — весело сказалъ Пушкинъ. — Каково! Даже за гробомъ не смѣй полюбить другую. Это уже чисто восточная ревность.

— Однако, господа, давно пора обѣдать, и потому, не угодно ли пожаловать ко мнѣ? — сказала княгиня, направляясь съ горы къ жилью. — Дѣвочки, пора домой! — позвала она свою Нину и Магуль.

Тѣ прибѣжали съ букетами цвѣтовъ. Магуль стояла, опустивъ глаза. На груди ея блестѣла золотая медаль на георгіевской лентѣ.

— А вотъ и моя пріемная дочка, милая Магуль, — сказала княгиня, обращаясь къ Раевскому и Пушкину.

Тѣ поклонились, съ любопытствомъ разсматривая хорошенькую черкешенку.

— Пойдемъ впередъ, Гуля, и сейчасъ же поставимъ цвѣты въ воду, — сказала Нина, увлекая свою пріятельницу.

— Какъ? А намъ и по цвѣточку не дадите, нехорошія барышни? — протестовалъ Овечкинъ.

— Къ мужчинамъ цвѣты нейдутъ,—отрѣзала Нина.

— Вотъ тебѣ разъ! Такъ намъ дастъ Магуль, она добрѣе. Да, милая Магуль? — спросилъ Овечкинъ.

Черкешенка подошла и съ улыбкой подала по прису Овечкину и Малькову.

— А намъ, добрая Магуль? — улыбнулся Пушкинъ.

Черкешенка подняла на него глаза и протянула къ

руку съ цвѣткомъ. Пушкинъ, принимая цвѣтокъ, почтительно поцѣловалъ у дѣвушки руку. Матуль вся зардѣлась, но подала цвѣтокъ и Раевскому.

— А вотъ и моя резиденція, — сказала княгиня, указывая зонтикомъ на небольшой одноэтажный домикъ съ зелеными ставнями и небольшимъ цвѣтникомъ.

Пушкинъ приподнялъ шляпу.

— Такъ, съ вашего позволенія, княгиня, я сбѣгаю домой, чтобы одѣться по-европейски, и сейчасъ же явлюсь къ вамъ,— сказалъ онъ, раскланиваясь.

Придя къ себѣ на квартиру, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Раевскимъ, генераломъ Раевскимъ, героемъ 12-го года, съ сыномъ его Николаемъ и двумя младшими дочерьми, Маріею и Софьею, Пушкинъ прошелъ въ свою комнату и велѣлъ своему старому дядькѣ Никитѣ дать ему переодѣться, а самъ, наливъ изъ графина воды въ стаканъ, положилъ въ него цвѣтокъ ириса, полученный отъ черкешенки. Потомъ онъ вынулъ изъ-за пазухи тетрадку и подъ только что набросаннымъ на горѣ эпилогомъ къ «Руслану и Людмилѣ» написалъ: 29 іюня 1820 г. Кавказъ *).

Не болѣе какъ черезъ четверть часа онъ уже выходилъ изъ дому и на крыльцѣ встрѣтился съ генераломъ и его дѣвочками.

— Ба! Ба! Уже во фракѣ и съ присомъ въ петлицѣ, куда это, служитель музъ и Аполлона? — весело спросилъ Раевскій.

— Извините, я спѣшу... Мы съ Николаемъ Николаевичемъ приглашены княгинею Чавчавадзе на обѣдъ, — отвѣчалъ Пушкинъ.

— Что жъ? Отлично! Она бабенка славная... Смотри только, не влюбись, — засмѣялся генералъ.

— Съ этой стороны не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, — отшутился молодой поэтъ.—Но тамъ есть другой предметъ, болѣе опасный.

— Кто же? Кто такая эта сирена?

— Героиня-черкешенка съ георгіевскимъ отличіемъ на груди.

---

*) Эта дата значится на всѣхъ изданіяхъ знаменитой первой поэмы будущаго творца «Онѣгина».

— Вотъ какъ! Кто же она?

— Это Магуль, та красавица, которая своимъ геройскимъ подвигомъ спасла редутъ Чирахъ.

— Слышалъ, слышалъ о ней еще въ Петербургѣ и читалъ въ газетахъ. Что жъ она здѣсь?

— Она у княгини.

— Ну, я не видалъ еще этой спрены: вѣдь княгиня недавно пріѣхала.

— Прощайте, спѣшу. — И, раскланявшись, Пушкинъ поспѣшилъ къ квартирѣ княгини Чавчавадзе.

Пока хозяйка распоряжалась въ столовой съ обѣдомъ, а Ниночка и Магуль возились съ своими букетами въ другой комнатѣ, Раевскій и Пушкинъ разговорились съ Овечкинымъ и Мальковымъ о нападеніи Сурхай-хана на Чирахъ и о защитѣ ими своего поста.

— Сурхай-ханъ потому напалъ на насъ съ такимъ ожесточеніемъ, что мы случайно открыли его тайну, — сказалъ Овечкинъ на разспросы Пушкина и Раевскаго.

— Какую тайну? — спросилъ послѣдній.

— Дѣло въ томъ, — отвѣчалъ Овечкинъ, — что мы случайно захватили одного горца, у котораго нашли шкатулку съ женскими локонами.

— Съ женскими локонами! — удивился Пушкинъ. — Это что за романическая исторія?

— Видите ли: у этого горца мы нашли въ переметной сумѣ шкатулку дорогой, изящной работы съ рѣзьбой, окованную серебромъ, а въ шкатулкѣ этой—нѣсколько серебряныхъ маленькихъ ящичковъ, въ родѣ табакерокъ, тоже очень изящной отдѣлки. И вообразите, въ каждомъ изъ этихъ ящичковъ мы нашли женскіе локоны, то перевитые ленточками, то бирюзою, а одинъ сѣдой — въ брильянтахъ. Мы просто стали втупикъ отъ нашего открытія. Ну, будь одинъ локонъ, подумали бы, что это сувениръ отъ возлюбленной. А то около десятка локоновъ, да еще, вдобавокъ, сѣдой! Мы стали допрашивать горца, котораго поймали съ этими локонами; молчитъ, бестія, хоть убей!

— И между локонами были хорошенькіе? Не воняли бараньимъ саломъ и шашлыкомъ? — засмѣялся Пушкинъ.

— Нѣтъ, Александръ Сергѣевичъ, пречистенькіе, презящ-

ные локончики, только немножко розовымъ масломъ пахли, — отвѣчалъ Мальковъ.

— Исторія! — покачалъ головой Раевскій. — И чѣмъ же все объяснилось?

— А вотъ чѣмъ: это мы уже послѣ узнали. Намъ князь Мадатовъ объяснилъ: онъ, какъ уроженецъ Карабага, знаетъ всѣ восточные обычаи, — отвѣчалъ Овечкинъ. — Дѣло въ томъ, что Сурхай-ханъ и другіе сосѣдніе ханы, находящіеся подъ нашимъ покровительствомъ и недовольные тѣмъ, что мы не дали имъ воли грабить, сговорились отдаться подъ покровительство Персіи и для этого отправили къ Фетхъ-Али-шаху и къ его наслѣднику, шахъ-задэ Аббасъ-Мирзѣ, двухъ посланцевъ съ локонами своихъ женъ и съ рукавами отъ ихъ платьевъ. Это былъ залогъ того, что они отдаются подъ власть шаха, если посылаютъ ему даже локоны своихъ женъ и части ихъ женскаго туалета...

— Жаль, что не шальвары ихъ, — засмѣялся Пушкинъ.

— Да, — улыбнулся Овечкинъ. — Ну-съ, такъ вотъ, одного-то изъ этихъ посланцовъ, что везъ съ собой локоны, мы и поймали, а другой, съ рукавами, ускакалъ. Онъ-то, вѣроятно, и объявилъ Сурхай-хану, что тайна его открыта, и вотъ онъ въ бѣшенствѣ обрушился на насъ, чтобъ выручить предательскіе локоны, а нашъ несчастный редутъ сравнять съ землей.

— И васъ выручила эта маленькая дикарочка? — спросилъ Раевскій.

— Да, но сама чуть не поплатилась жизнью за свое геройство. Когда стали хоронить убитыхъ въ общей братской могилѣ, никто не замѣтилъ, что Магуль стояла недалеко, позади офицеровъ, и только когда стали опускать въ могилу бѣднаго Щербину, то услышали чей-то тихій стонъ и крикъ: оглянулись, это она, бѣдненькая, лежала безъ чувствъ. У нея сдѣлалась первная горячка, и она нѣсколько недѣль находилась между жизнью и смертью. Нашъ добрѣйшій докторъ, Чуровъ Петръ Ивановичъ, не отходилъ отъ нея, такъ что даже насъ совсѣмъ забросилъ; а мы оба съ Мальковымъ лежали пластомъ отъ жестокихъ ранъ, такъ ему все ни почемъ:—у васъ, — говоритъ, — ранено только тѣло, а у нея душу пронзили насквозь... Такъ привязался къ ней! Ну, и отходилъ.

— Нѣтъ, представьте себѣ, — заговорилъ Мальковъ, — каковъ чудакъ! Сидитъ это у ея изголовья, а она спитъ. И вдругъ услышитъ, что на дворѣ закаркаютъ вороны, онъ, какъ сумасшедшій, вылетаетъ изъ сакли, бѣжитъ на крышу и страшно грозитъ кулаками раскричавшимся воронамъ и галкамъ, но грозитъ молча, чтобъ не разбудить свою паціентку. Издали можно было подумать, что это бѣсноватый грозитъ кулаками небу.

— Ахъ, какой милый! — не выдержалъ Пушкинъ.

— За то и она его полюбила, — добавилъ Овечкинъ, — когда, по приказанію Ермолова, увозили ее изъ Чираха въ Тифлисъ, она навзрыдъ плакала и обнимала своего «Петра Ивановича», такъ и повисла у него на шеѣ.

Въ гостинную вошла хозяйка.

— Извините, господа, проморила васъ голодомъ, — сказала она, — но здѣсь не Петербургъ и не Тифлисъ, хозяйство у меня не блистательное. Пожалуйте въ столовую.

Въ столовой уже находились и Нина, и Магуль. Овечкинъ подошелъ къ черкешенкѣ.

— Ну, что, мой другъ и мой товарищъ по оружію, весело тебѣ? — спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Веселе — сверкнувъ глазами и бѣлыми, какъ кипень, зубками, отвѣчала Магуль.

— А гдѣ веселѣй, здѣсь или въ Тифлисѣ, или въ Чирахѣ?

— И здѣсь веселѣй, и въ Тифлисѣ веселѣй, и въ Чирахъ веселѣй, — отвѣчала она.

Пушкинъ не сводилъ съ нея глазъ: и наружность, и судьба юной черкешенки вполнѣ гармонировали съ его поэтической душой. Увидѣвъ у него въ петлицѣ свой пригсъ, она улыбнулась.

За обѣдомъ Пушкинъ замѣтилъ, что Нина все посматриваетъ на него, и потому заговорилъ съ ней.

— Вы любите лазить по горамъ? — спросилъ онъ.

— Очень люблю, — отвѣчала дѣвочка.

— Такъ хотите, мы завтра на Бештау взберемся?

— Хорошо... И Магуль съ нами?

— Конечно, если только это ей понравится.

— О, очень! Она лазитъ какъ коза. — И Нина расхохоталась.

— Вы чему это смѣетесь? — спросилъ Пушкинъ.

— Да какъ же? Вы поэтъ, и хотите лазить по горамъ.

— Отчего же мнѣ не лазить?—въ свою очередь разсмѣялся Пушкинъ.

— Да всѣ поэты старые такіе, а вы молодой,—отвѣчала Нина, посматривая на мать.

— Какъ всѣ поэты старые? — спросила княгиня.

— А какъ же, мама! Вонъ Державинъ такой старенькій, и въ колпакѣ, точно нашъ поваръ, смѣшной такой, и Ломоносовъ старый: помнишь ихъ портреты?

— А вашъ другъ Грибоѣдовъ? Онъ молодой, — возразилъ Пушкинъ.

— Да онъ не поэтъ, а только переводчикъ при Мазаровичѣ, — отрѣзала Нюся.

Пушкинъ не посмѣлъ возражать противъ такого авторитета и съ улыбкой любовался прелестными разгорѣвшимися глазами дѣвочки.

— Что вы улыбаетесь? — вдругъ выпалила она. — На мои рѣсницы смотрите?

— Нѣтъ, такъ, вообще, — уклонился Александръ Сергѣевичъ, боясь расхохотаться.

— То-то, а я думала, что и вы, какъ Ермоловъ.

— А что Ермоловъ? — кусая губы, спросилъ Пушкинъ.

— Онъ... насмѣшникъ, и я его не люблю.

— Я думаю, это его очень огорчаетъ. А знаете, — лукаво добавилъ Александръ Сергѣевичъ,—если бъ вы не были такая большая, я бы васъ сейчасъ расцѣловалъ.

Дѣвочка засмѣялась.

— А я бы не далась, — весело сказала она, видимо польщенная тѣмъ, что ее назвали большой. — Такъ завтра мы полѣземъ на Бештау?

— Непремѣнно!

Пушкинъ, наконецъ, завоевалъ сердце маленькой грузинки.

XXIV. По дорогѣ въ Кисловодскъ.

Предложенному Пушкинымъ восхожденію на Бештау на другой день не суждено было осуществиться. Княгиня Чавчавадзе справедливо опасалась, что для ея маленькой Нюси такое восхожденіе будетъ и не по силамъ, и не безопасно, хотя она

и Магуль свободно взбирались на вершину Машуки, которая гораздо ниже Бештуа и болѣе полога. Да и Пушкинъ не настаивалъ на своей затѣѣ, тѣмъ болѣе, что они съ Раевскимъ уже поднимались на пятиглаваго великана и пѣшкомъ, и на лошадяхъ. Притомъ же съ самаго ранняго утра около верхушки Бештау, нѣсколько ниже ея шпица, зацѣпилось небольшое облачко, какъ это часто наблюдается въ горахъ Кавказа, и слѣдовательно до вершины горы приходилось бы пересѣчь это облачко, то есть попасть въ полосу тумана и сырости; а съ верхушки горы все равно нельзя уже было бы видѣть сквозь облачную пелену ни ближайшихъ окрестностей, ни далекихъ панорамъ. Между тѣмъ все остальное небо было чисто и прозрачно, такъ что до самаго хребта, на югъ, на горизонтѣ не замѣчалось ни одного облачка, и снѣжная цѣпь, а въ особенности Эльборусъ, блистали во всей красѣ своими вѣчными алмазами.

Поэтому рѣшено было съ утра же отправиться въ Кисловодскъ, чтобъ погулять тамъ въ горахъ и потомъ выкупаться въ живительномъ Нарзанѣ. Генералъ Раевскій отпускалъ для этой увеселительной прогулки и своихъ дочекъ, Машу и Соню, вмѣстѣ съ миссъ Маттенъ. Прекрасный полъ, княгиня Чавчавадзе, Нина и Раевскія съ своею миссъ, долженъ былъ ѣхать въ экипажѣ, а Пушкинъ съ молодымъ Раевскимъ и съ прелестною Магуль отправлялись верхами. Магуль непремѣнно хотѣла ѣхать на своей бѣлоснѣжной «Гуріи», которую подарилъ ей баронъ Вреде за геройскій подвигъ. Для безопасности отъ нечаянныхъ нападеній со стороны горцевъ, генералъ Раевскій снарядилъ конвой изъ двѣнадцати линейныхъ казаковъ, хорошо вооруженныхъ. Кавалькада двинулась при изъявленіи шумнаго восторга со стороны Нины, Маши и Сони. Магуль же была нѣсколько грустна и даже заплакана. Она только что простилась съ Овечкинымъ и Мальковымъ, которые, окончивъ курсъ лѣченія на водахъ, отправились въ ея родной аулъ Чирахъ, чтобъ принять участіе въ экспедиціи князя Мадатова противъ Сурхай-хана и вѣроломныхъ казикумухцевъ. Прощаясь съ ними, черкешенка вспомнила свою родную саклю, свою первую любовь, свои тайныя свиданія и скромный крестъ на могилѣ того, котораго она такъ нѣжно любила и такъ трагически лишилась. Овечкинъ понялъ ея чувства и сказалъ, что, прибывъ въ Чирахъ, онъ возложитъ вѣнокъ отъ ея имени на крестъ «своего

лучшаго друга, геройскою смертью павшаго, Щербины». Магуль, Пушкинъ и Раевскій ѣхали впереди, оба кавалера по сторонамъ юной черкешенки. За ними слѣдовала длинная линейка съ дамами, запряженная четверкою хорошихъ кабардинскихъ коней. Конвойные держались по бокамъ на каждую сторону по шести казаковъ, зорко осматривавшихъ окрестности, всякую балку, пригорки, кустарники, и отъ времени до времени размѣнивались вопросами съ пикетами, на извѣстномъ разстояніи сторожившими путь около своихъ соломенныхъ шалашей.

Отъ самаго Пятигорска дорога все понижалась, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Подкумка. Эльборусъ и снѣжная цѣпь скоро скрылись за ближайшими горами, между которыми извивался капризный Подкумокъ, словно змѣя, сверкая чешуею бѣловатой влаги. Шумъ отъ его быстрыхъ водъ дѣлался все слышнѣе и слышнѣе. Утро было восхитительное. Желтосизыя сивороики и зеленые щуры крикливо гонялись за изумрудными жучками, бабочками и незлобивыми кавказскими пчелами, которыя не жалятъ. Выше ихъ, распластавъ въ воздухѣ крылья, почти неподвижно, стояли надъ долиной хищные копчики, зорко высматривая добычу. Еще выше, спиральными кругами, поднимались къ небу орлы. Долина Подкумка съуживалась, и горы съ обѣихъ сторонъ подвигались ближе и ближе.

— Какая прелесть эта узкая долина! — восхищался Пушкинъ, обращаясь къ княгинѣ Чавчавадзе. — Ничего подобнаго я не видалъ въ жизни.

— Бѣдный! — улыбнулась княгиня. — Значитъ, вы еще ничего не видали, если васъ восхищаетъ эта карикатура Кавказа. Посмотрѣли бы вы на ущелье Дарьяла, на виды съ высотъ Гудаура, на всю Грузію. А дикій и грозный Дагестанъ! Вотъ Магуль могла бы вамъ поразсказать, что она видѣла. Да, Гуля?

— Да, мама, — скромно улыбнулась дѣвушка.

— Что жъ я видѣлъ? — засмѣялся Пушкинъ, — Мойку, Фонтанку да величественныя горы Парголова! А вмѣсто Дарьяльскаго ущелья, — Лештуковъ переулокъ.

— А величественныя горы Царскаго Села, которыя ты воспѣвалъ? — улыбнулся Раевскій.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;

Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной...

— Перестань! — засмѣялся Александръ Сергѣевичъ, затыкая уши. — И это здѣсь-то вспоминать царскосельскіе водопады? Пощади мой слухъ!

У одного пикета, два казака въ однѣхъ рубахахъ тащили по Подкумку бредень и, увидавъ въ кавалькадѣ офицера, быстро бросили бредень и приложили руки къ вискамъ.

— Что, молодцы, рыбу ловите? — весело спросилъ Раевскій.

— Пеструшку, ваше благородіе, — почтительно отвѣчали казаки, стыдливо поглядывая на свои голыя ноги.

— Какую пеструшку?

— Форель, — подсказалъ Пушкинъ, — ее такъ и мой Никита называетъ.

— А! Счастливаго успѣха, — сказалъ Раевскій и поскакалъ за экипажемъ.

За Ессентуками дорога переходила на правый крутой берегъ Подкумка. Здѣсь кавалькада остановилась, чтобъ напоить лошадей. Дѣвочки соскочили съ линейки и побѣжали рвать цвѣты. По ту сторону Подкумка, на дорогѣ, показались два всадника-горца. Несмотря на знойный день, они были въ буркахъ, изъ-за которыхъ блестѣли кинжалы поперекъ живота, а за спинами торчали винтовки въ косматыхъ чехлахъ. Увидавъ ихъ, дѣвочки бросились къ экипажу.

— Черкесы! Черкесы! — испуганно кричали обѣ Раевскія.

— Не бойтесь, барышни, это мирные, — успокоилъ ихъ возница.

Черкесы проѣхали молча, недружелюбно поглядывая на незваныхъ гостей. Кавалькада двинулась дальше по такому крутому и узкому обрыву, что, казалось, экипажъ ѣхалъ по карнизу, подъ которымъ, въ глубинѣ, бурлилъ и прыгалъ по камнямъ Подкумокъ. Конвойные ѣхали впереди и позади линейки по три въ рядъ.

— Милая Магуль, можетъ быть, ты устала? — спросила княгиня у ѣхавшей впереди черкешенки. — Ты бы присѣла къ намъ.

— Нѣтъ, мама, я не устала, — отвѣчала дѣвушка и, осторожно миновавъ конвойныхъ, стрѣлою понеслась впередъ.

— Ахъ, разбойница! — не вытерпѣлъ Пушкинъ. — Надо ее догнать.—И онъ полетѣлъ вслѣдъ за нею. Раевскій послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, имъ не догнать ея, — сказала княгиня.

— Ахъ, мама! Отчего я не верхомъ? — воскликнула Нина. — И я бы поскакала за Гулей.

— Ну, дѣточка, ты еще мала,—отвѣчала мать.

— А въ Тифлисѣ же я катаюсь верхомъ.

— То въ Тифлисѣ, это совсѣмъ не то.

Въ это время Магуль, Пушкинъ и Раевскій показались обратно.

— Не догнали, — сказалъ Пушкинъ, — сама воротилась: тамъ какая-то арба ѣдетъ.

Скрипъ арбы, дѣйствительно, слышался издали. Неподмазанная ось и колеса словно плакали.

— И что они не подмазываютъ? — сказалъ Пушкинъ, прислушиваясь къ поющему скрипу арбы. — Эта музыка всю душу вытянетъ.

— Чтобъ знали, значитъ, что честный татаринъ ѣдетъ, не крадется, — пояснилъ возница.

— А когда за камнемъ съ винтовкой сидитъ, такъ не скрипитъ, — засмѣялся Пушкинъ.

Показалась арба. Увидавъ приближающуюся кавалькаду, старый горецъ въ войлочной шляпѣ торопливо сталъ стегать воловъ хворостиной, чтобъ дать дорогу русскимъ, и волы стремительно бросились въ сторону, въ гору, словно козы, рискуя опрокинуть арбу. Въ арбѣ сидѣлъ и подпрыгивалъ отъ толчковъ хорошенькій мальчикъ, сверкая черными глазенками, точно волченокъ.

— Какой миленькій мальчикъ! — воскликнула Ниночка.

— А выростетъ большой, такъ, поди, рѣзать станетъ нашего брата, — ухмыльнулся возница.

Долина Подкумка, поворачивая вправо, стала расширяться. Лѣвобережныя сѣрыя скалы, поднявшіяся амфитеатромъ, отходили все правѣе и правѣе, образуя крутые обрывы съ чернѣвшими надъ ними пещерами. Дорога все болѣе и болѣе восходила на косогоръ.

— Вонъ и Кольцо-гора,—сказалъ Пушкинъ.

— Гдѣ? Гдѣ? — заволновалась Нипочка и обѣ дѣвочки Раевскія.

Далеко вправо, у вершины выступа одной скалы, виднѣлось круглое, какъ гигантское кольцо, отверстіе, сквозь которое свѣтилось бирюзовое небо. Пушкинъ указалъ на эту причудливую игру природы. — Отсюда это кольцо кажется небольшимъ,—сказалъ онъ,—но я въѣзжалъ въ него на конѣ съ противоположной стороны скалы, подъемъ отлогій, и все-таки не могъ достать вершины кольца, его свода, какъ ни поднимался на стременахъ.

— Тамъ, на стѣнахъ, мы начертали свои имена,—пояснилъ Раевскій.

— Да, мы уподобились великому Наполеону, который начерталъ свое имя на вершинѣ пирамиды Хеопса,—улыбнулся Пушкинъ.—Оттуда онъ воскликнулъ къ своимъ воинамъ: Soldats! Quarante siècles vous contemplent du haut de ces pyramides!

— Ну, оттуда солдаты-бъ его и не услышали, слишкомъ высоко,—замѣтилъ Раевскій.—А вонъ и Эльборусъ.

— Гдѣ? Гдѣ? Покажите!—опять заволновались дѣвочки.

Имъ показали. Громадный стогъ поразительно бѣлаго снѣга, казалось, подымался къ небу изъ-за ближайшихъ къ нему зеленыхъ горъ и подавлялъ воображеніе какою-то своею отчужденностью: это было, дѣйствительно, нѣчто не отъ міра сего, далекое, недоступное, вѣчно молчаливое и грозное.

— Его снѣговое величество сегодня милостиво показывается народу, не драпируется въ свою обычную порфиру,—сказалъ Пушкинъ, почтительно снимая шляпу,—vive le roi des montagnes!

— Да,—задумчиво промолвилъ Раевскій,—подумать, что отъ сотворенія міра ничья человѣческая нога не касалась этой царственной вершины, удивительно!

— А, можетъ быть, черкесы и всходили туда,—замѣтилъ Пушкинъ.

— Едва ли,—сказала княгиня,—у всѣхъ горскихъ народовъ существуетъ повѣрье, что ни на Эльборусъ. ни на Казбекъ, ни на Араратъ Аллахъ не дозволяетъ всходить человѣку; всякій дерзкій погибнетъ тамъ въ снѣжныхъ пропастяхъ.

— Но русскіе не побоятся Аллаха, взойдутъ, — замѣтилъ Пушкинъ.

Кавалькада поднималась все выше и выше. И слѣва высокіе хребты горъ, покрытыхъ зеленью съ сѣрѣющими по ребрамъ ихъ скалами, стали отходить все дальше на юго-западъ, къ предѣламъ Абхазіи. Ближе—Елизаветина гора въ видѣ гигантскаго удлиненнаго скирда; дальше—Сѣдло-гора съ сѣрыми обрывами полукругомъ и темнѣющими на ихъ ребрахъ пещерами.

— А вонъ и Кисловодскъ,—указалъ кнутовищемъ возничій на углубленіе подъ обрывомъ Крестовой горы, съ группами зелени.

— Здѣсь конецъ цивилизаціи,—пояснилъ Пушкинъ, — а дальше держи ухо востро.

XXV. «Кавказскій плѣнникъ».

Спустившись съ горы и переѣхавъ въ бродъ неглубокую, но быструю горную рѣчку, которую русскіе окрестили именемъ Ольховки, наши путешественники остановились на мыскѣ, образуемомъ сліяніемъ этой рѣчки съ другою, такою же бурливою, Березовкою.

Оставивъ на минутку дамъ привести себя въ порядокъ послѣ трехчасового путешествія и заказавъ духанщику Наркизову изготовить для общества шашлыкъ изъ карачаевскаго барашка и уху изъ форелей, Пушкинъ и Раевскій отправились къ Нарзану, чтобъ напиться освѣжительной влаги, а потомъ искупаться въ купальномъ бассейнѣ этого источника. Освѣженные купаньемъ, они воротились къ дамамъ и предложили, пока будутъ готовить уху и шашлыкъ, взобраться на Крестовую гору. Дѣвочки приняли это предложеніе съ восторгомъ. Рѣшено было подниматься на гору съ фаса, по крутому, почти отвѣсному скату, а не боковымъ лѣвымъ обходомъ. Однако, княгиня Чавчавадзе и миссъ Маттенъ выразили протестъ, говоря, что ни онѣ, ни ихъ дѣвочки не могутъ взойти на такую крутизну, и что лучше подняться на гору въ обходъ.

— Нѣтъ, мама, я пойду прямо,—возразила Ниночка.—эта гора ниже нашего Сіона, я взойду.

— И я съ Ниной,—приняла ея сторону Магуль.

— Браво, браво, mesdames! Мы будемъ вашими кавалерами!—подержилъ ихъ Раевскій.

Сколько ни спорила княгиня съ упрямой Нюсей, та поставила на своемъ, и путешественники раздѣлились на двѣ партіи: Пушкинъ, Раевскій, Нюся и Магуль направились къ отвѣсному ходу, а остальные въ обходъ. Какъ ни трудно было восхожденіе, но Нюся и Магуль, словно двѣ козочки, быстро добрались до того мѣста горы, гдѣ, почти у самой вершины, она образуетъ каменный выступъ въ родѣ карниза. Магуль, будучи выше ростомъ, чѣмъ ея маленькая пріятельница, и выросши среди скалъ Дагестана, въ одно мгновеніе очутилась на карнизѣ. Весело засмѣявшись, она перегнулась съ выступа, подала руку Нюсѣ и втащила ее къ себѣ. Нюся радостно захлопала въ ладоши, когда увидѣла, что Пушкинъ и Ревскій, оба красные и запыхавшіеся, взобрались только до половины горы, постоянно останавливаясь, чтобъ перевести духъ. Но на карнизъ они все-таки не могли взобраться прямо и должны были пройти нѣсколько лѣвѣе, у пещеры, съ находившимся на ней образомъ, чтобы подняться наверхъ.

— Какая панорама, роскошь!—воскликнулъ Пушкинъ, глубоко вбирая въ себя горный воздухъ.

Панорама была, дѣйствительно, прелестная. Внизу подъ ногами, въ глубокой долинѣ, среди высокихъ чинаръ, липъ, тополей и платановъ, сверкалъ и пѣнился горный ручей. Вправо, небольшая крѣпость съ ея сѣрыми стѣпами и башнями. Далѣе тянулись и исчезали въ горахъ глубокія ущелья съ нависшими на нихъ, то голыми, то поросшими кудрявою зеленью скалами. Позади—цѣлый амфитеатръ горъ, заслонившихъ собою далекій небосклонъ.

— Ну, милая Магуль, прочти, что на крестѣ написано,— говорила между тѣмъ Ниночка, стоя съ своей пріятельницей передъ громаднымъ каменнымъ крестомъ, къ которому прибита была желѣзная доска съ надписью.—Ну, читай

— Я не умѣю,—отвѣчала Магуль.

— Неправда! Я тебя научила читать... Ну!

— Кре-кре-сту тво-твоему по-покло-няемся. А-аминь.

— Молодецъ! А сколько тутъ нацарапано именъ! Это тѣ,

которые взбирались сюда. А! Вотъ и по-грузински что-то вырѣзано.

И Нина перевела по-русски то, что было вырѣзано по-грузински.

— «Царевна Дареджана, дочь Соломона II-го, царя Имеретіи; тысяча восемьсотъ шесть». А! Это царевна Дареджана, та, что постриглась было въ монахини...

Подошли Пушкинъ и Раевскій.

— Что это вы читаете, милая княжна? — спросилъ послѣдній.

— Вотъ надпись царевны Дареджаны,—отвѣчала Нина.— А рядомъ съ нею другая «княжна Геоухеръ, дочь Ибрагимъ-хана карабагскаго».

— Что это тутъ вамъ читаетъ мой маленькій джигитъ?— спросила княгиня, вмѣстѣ съ миссъ Маттенъ и сестренками Раевскаго подходя къ кресту съ другой стороны.

— Ахъ, мама, я нашла тутъ подписи царевны Дареджаны Соломоновны и принцессы Геоухеръ изъ Карабага,—отвѣчала Нина.

— Кто онѣ такія, эта Дареджана и Геоухеръ, княгиня?— спросилъ Пушкинъ.

— О, это длинная и романическая исторія,—отвѣчала княгиня.—Царевна Дареджана, дочь Соломона II-го, послѣдняго царя Имеретіи, необыкновенная красавица. Когда въ 1810 году, ея отца лишили престола за вѣроломство и измѣну, и онъ бѣжалъ въ Турцію, эта самая Дареджана, которой было тогда лѣтъ семнадцать-восемнадцать, съ горя удалилась въ монастырь св. Нины. А въ нынѣшнемъ году, когда ея родственникъ, князь Иванъ Абашидзе, взбунтовался противъ русскихъ и поднялъ на ноги почти всѣхъ князей Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, Дареджана тайно бѣжала изъ монастыря и вступила въ ополченіе своего кузена, князя Абашидзе. Но когда русскія войска разбили бунтовщиковъ и разрушили замокъ Шемокмети князя Кайхосро Гуріели, гдѣ повстанцы защищались очень храбро, царевна Дареджана вмѣстѣ съ прочими бѣжала въ Турцію.

— Бѣдненькая... если только она хорошенькая,—улыбнулся задумчиво Пушкинъ.

— Говорю вамъ: красавица!—добавила княгиня.

— А эта, какъ ее? Карабагская?

— Геоухеръ? Это дочь знаменитаго Ибрагимъ-хана, бывшаго владѣтеля Карабага. Ихъ судьба также замѣчательна. Ибрагимъ-ханъ находился подъ покровительствомъ Россіи, какъ и Сурхай-ханъ казикумухскій и другіе ханы. Но когда былъ измѣннически убитъ князь Циціановъ, всѣ эти ханы вздумали было отложиться отъ Россіи и передаться подъ покровительство Персіи. Дочь Ибрагима, Геоухеръ, тогда четырнадцатилѣтняя красавица и пріятельница царевны Дареджаны, гостила въ семействѣ царя Соломона и, вмѣстѣ съ царицею Маріею и Дареджаной, находилась здѣсь, въ Кисловодскѣ. Тогда-то онѣ и вырѣзали здѣсь свои имена. Когда Геоухеръ воротилась къ отцу въ Шушу, измѣна его была открыта, и онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ своею младшею дочерью Лейлою и сыномъ Искандеромъ.

— А эта красавица жива?—спросилъ Пушкинъ.

— Да. Геоухеръ, какъ и ея погибшую сестренку Лейлу, шахъ хотѣлъ взять въ жены своимъ сыновьямъ, но когда погибъ самъ Ибрагимъ-ханъ и на престолъ Карабага вступилъ сынъ его Мехти-Кули-ханъ, то онъ и отдалъ свою сестру, вотъ эту самую красавицу Геоухеръ, въ замужество дряхлому старику и богачу Джафаръ-Кули-хану. А извѣстно, что когда мужъ очень старъ, а жена молоденькая и притомъ красавица, то всегда дѣло кончается романомъ... Но романъ ея кончился трагически для ея возлюбленнаго: нукеры стараго мужа просто застрѣлили его.

— А красавица?—спросилъ Пушкинъ.

— Красавица сначала овдовѣла, а потомъ вышла замужъ за идіота съ милліонами.

Когда вскорѣ потомъ наши путешественники сошли съ Крестовой горы и воротились къ своей стоянкѣ, то шашлыкъ и уха были уже готовы. Духанщикъ Наркизовъ разостлалъ на травѣ коверъ, досталъ въ казенной гостиницѣ приличную посуду и выставилъ нѣсколько бутылокъ кахетинскаго вина.

Съ веселымъ смѣхомъ всѣ расположились на коврѣ и усердно принялись за уху.

— Хлѣбъ да соль, ваши благородія,—сказалъ, подходя къ трепезующимъ, старый казакъ на деревяшкѣ и съ Георгіемъ.

— Спасибо, кавалеръ,—отвѣчалъ Раевскій.—Ты что же, любезный?

— Да вотъ спросить ваши благородія, хороши ли мои пострушки, что вы кушаете?

— А это развѣ твоя форель?—спросилъ Пушкинъ.

— Моя, ваша милость, я самъ наловилъ.

— А за что ты получилъ Георгія?

— Вотъ за эту самую деревяшку,—бойко отвѣчалъ казакъ, выставляя впередъ деревянную ногу.

— Значитъ, былъ въ горячемъ дѣлѣ?

— Бывалъ не разъ да и черкесскаго хлѣба соли непробовалъ.

— Какъ?

— Въ полону побывалъ, ваша милость.

— А! Это интересно,—засуетился Пушкинъ. — Разскажи, сдѣлай милость, какъ тамъ все у нихъ,—сказалъ онъ, подавая инвалиду стаканъ вина.—Садись, кавалеръ, и разскажи.

— Длинная исторія, баринъ,—отвѣчалъ инвалидъ, выпивъ вино и возвращая стаканъ.

— Ничего, тѣмъ лучше: мы послушаемъ,—сказалъ Раевскій.

— Ну, инъ такъ и быть,—сказалъ старикъ и усѣлся на ближній камень.

— Давно это было,—началъ онъ,—такъ давно, что васъ никого еще и на свѣтѣ не было: тогда только что начали селиться по Кубани запорожцы. Раньше того, на Кубани же, выше Урупа, осѣлась и наша станица. Житье было привольное, да только безъ винтовки, съ позволенія сказать, и до вѣтру нельзя было выйти. Такъ, по ночамъ, по берегу Кубани мы держали чати, сказать бы, бекеты (пикеты), чтобъ онъ, татаринъ, невзначай не нагрянулъ съ того берега. Такъ вотъ, наши благородія, сижу я такъ-то ночью, моя черга была, сказать бы: мой чередъ: сижу я такъ-то въ секретѣ, поглядываю на рѣку; а ночь сказать бы, была темнѣй темнаго; ничего не видно, только слышно, какъ вода въ рѣкѣ съ камышами шепчется. И вдругъ это, ваши благородія,что-то пролетѣло въ воздухѣ, словно птица, да мнѣ прямо на шею. Не успѣлъ я вскочить, оно и поволокло меня, да прямо въ Кубань: это меня, значитъ, словно овцу, арканомъ захлеснули и поволокли, и крикнуть не успѣлъ. Диви только, какъ я не захлебнулся въ водѣ! Слышу, ужъ я на томъ берегу, и мнѣ ротъ кляпомъ забиваютъ... Забили, диви только, какъ я не задохся. Связали меня, перекинули на спину лошади, словно суму переметную, и поскакали въ горы, къ ихнему аулу. Пріѣхали, свѣтать начинало. Обступили меня старики, бабы и дѣти: урусъ! урусъ! кричатъ, а иныя, старухи больше, и въ глаза

плюютъ. А тамъ и кандалы на ноги. И сталъ я, ваши благородія, пастухомъ у ихъ, за овцами доглядать приставили. А парень я въ ту пору былъ молодой, видный, русы кудри золотомъ отливали, да поклева не въ томъ рѣчь... Пасу это я овецъ, сижу на камнѣ, плету изъ прутьевъ плетешки для старыхъ татарокъ, а самъ все рвусь думою на родину. Живу тамъ мѣсяцъ, другой, привыкать сталъ и ко мнѣ попривыкли. Больше да больше, и бормотать по ихнему малость научился и все больше отъ ребятишекъ: имъ я саночки изъ прутиковъ плелъ. На ночь, бывало, загоню овецъ въ кошъ, дадуть мнѣ чурекъ да овечьяго сыру, поужинаю я, помолюсь, да около овецъ въ кошѣ, подъ каменнымъ навѣсомъ, и ночую вмѣстѣ съ собаками. А собаки такія, что звѣря за версту чуютъ. Днемъ опять съ овцами въ горы, плету свои плетешки да мурлычу нашу станичную пѣсню:

Ужъ вы, горы мои,
Горы кавказскія!
Вы позвольте, горы,
Дли васъ постояти:
Намъ не годъ годовати—
Одну ночь ночевати,
Свинецъ-порохъ получати.

Разсказчикъ помолчалъ немного, грустно покачивая головой; потомъ досталъ изъ кармана своего чекменя трубочку, набилъ ее табакомъ, взялъ голыми руками изъ костра тлѣющій уголекъ и, раскуривая трубочку, продолжалъ:

— Эта пѣсня, ваши благородія, и выручила меня. Не разъ я, играючи ее, плакалъ, все о родной сторонѣ вспоминалъ, да потомъ и замѣтилъ, что не одинъ я подъ эту самую пѣсню плачу. Запримѣтилъ я, что приходила меня слушать одна молоденькая татарочка, черкешенка, сказать бы: сидитъ это невдалекѣ на камушкѣ, шьетъ что-либо, слушаетъ меня, да нѣтъ, нѣтъ и утретъ слезы рукавомъ. И повѣряте ли, ваши благородія, этими слезами своими она мнѣ все сердце исполосовала. Дальше, больше, стала она подходить ко мнѣ, то чурекъ свѣжій принесетъ, то кусочекъ овечьяго сыру. Заговаривать стала, утѣшать по своему. И полюбилась она мнѣ пуще сестры родной.

— А хороша была?—спросилъ Пушкинъ, глубоко заинтересованный разсказомъ.

— Ужъ такъ-то хороша, ваша милость, что и сказать не умѣю,—вздохнулъ разсказчикъ.—Дальше больше, и полюбились

мы... Знамо дѣло молодое... Ее же, какъ я узналъ, сулили продать въ чужой аулъ замужъ за нелюба. Коротали мы съ нею такъ-то не одну ночку въ моемъ кошѣ... А все, ваши блогородія, сказать правду, все тянудо меня на родимую сторонку: нѣтъ-нѣтъ, да и засосетъ мнѣ сердце, а тогда и ласкамъ ея не радъ я былъ. Замѣтила она это, утѣшала меня, пуще прежняго голубила, да ничто не помогало. Она, бывало, въ слезы, я тоже молодъ былъ, слезъ глотать не выучился. Не перенесла она моихъ слезъ: знамо, дѣло женское, мужскія слезы имъ пуще ножа востраго... Женское дѣло жалостливо, не то что наше. И говоритъ мнѣ эдакъ: «домой хочешь»? Хочу, говорю: уйдемъ вмѣстѣ со мною въ Расею. «Нѣтъ—говоритъ—не бывать этому: родилась въ горахъ и умру въ горахъ; а станутъ продавать въ чужой аулъ, въ Кубани утоплюсь»... Жаль мнѣ ее было, признаться, во какъ жаль, а себя пуще того.—Если,—говорю,—не хочешь со мной уйти, такъ выведи меня къ Кубани, потому я здѣшнихъ мѣстовъ не знаю. Заплакала она, и я съ нею заплакалъ, молодъ былъ, слезливъ. Обнялись мы и плачемъ... Много дней мы такъ-то плакали... Не стерпѣла она мужскихъ слезъ... Одново ночью, когда весь ауль выбрался на поиски, въ набѣгъ, сказать бы, и дома остались старики да бабы съ дѣтьми, приходитъ она, Зюльма, ко мнѣ, приноситъ съ собою пилу и кинжалъ, говоритъ: «Прощай, мой соколъ, распусти свои крылья и лети домой». И стала она сама распиливать на мнѣ кандалы, а сама плачетъ, плачетъ, слезы такъ и капаютъ мнѣ на босыя ноги... Плачу и я, цѣлую ея головку...

— Что ты, моя радость?—тихо спросила княгиня, видя, что Ниночка ея, уткнувшись въ колѣни матери, тихо всхлипываетъ.—Что ты, моя крошка?

— Мнѣ жаль ее, мама,—всхлипывая, проговорила дѣвочка.

— Кого, дѣточка?

— Зюльму, мама.

Всѣ были глубоко тронуты и разсказомъ инвалида, и слезами дѣвочки.

— Что же, наконецъ, старина?—спросилъ Пушкинъ, когда всѣ немного успокоились.

— Да тѣмъ, ваше благородіе, дѣло и кончилось,—отвѣчалъ старикъ.—Вывела она меня до Кубани, простилась со мной, и вотъ я теперь здѣсь, а что съ ней, Богу извѣстно.

Разсказъ этотъ и послужилъ темою для знаменитой поэмы Пушкина—«Кавказскій плѣнникъ»; только подъ вліяніемъ Байрона поэтъ украсилъ его слишкомъ яркими цвѣтами романтизма *).

Уже ночью наши путешественники возвратились въ Пятигорскъ.

XXVI. Передъ грозой.

Отъ подножія Машуки перенесемся въ глубь суроваго Дагестана, къ укрѣпленію Чирахъ, съ котораго началось наше повѣствованіе.

Раннимъ утромъ, изъ воротъ редута вышелъ знакомый намъ капитанъ Овечкинъ, а съ нимъ высокій красивый генералъ восточнаго типа, но не грузинскаго, а татарскаго, представителей котораго можно видѣть въ Карабагѣ и по склонамъ горъ, и въ долинахъ Малаго Кавказа. Черные добрые глаза генерала смотрѣли задумчиво и какъ-то апатично, точно все имъ видѣнное, и это чудное утро, и безоблачное бирюзовое небо, и эти красивые и грозные изломы горъ, и сѣрыя сакли аула, лѣпившагося по скалистому взгорью, точно все это давно имъ приглядѣлось, и не красота природы занимала душу этого задумчиваго человѣка. Это былъ князь Мадатовъ, Валерьянъ Григорьевичъ, правая боевая рука Ермолова. У Овечкина въ рукахъ былъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, съ розами, лилеями, азаліями, а также и незабудками, которыхъ нѣжная скромность особенно выигрывала въ обществѣ пышныхъ розъ и азалій.

— Да, правъ Алексѣй Петровичъ, — говорилъ тихо Мадатовъ, подходя къ грудамъ камней разрушеннаго минарета,— желѣзо и кровь создаютъ царства, подобно тому какъ въ мукахъ рождается человѣчество.

Они остановились передъ безобразной грудой камней, подъ которые прятались ящерицы, заслышавъ шумъ шаговъ.

— Такъ здѣсь погибъ Щербина?—спросилъ Мадатовъ.

— Здѣсь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Овечкинъ, вздохнувъ.

— Бѣдный юноша! Но онъ легъ прочнымъ камнемъ въ ос-

*) Въ дѣтствѣ, въ 40-хъ годахъ, я зналъ одного донского войскового старшину, который разсказывалъ мнѣ объ этомъ пребываніи Пушкина въ Кисловодскѣ.

нову владычества Россіи въ грозномъ Дагестанѣ. А что та дѣвушка?

— Магуль? Я оставилъ ее въ Пятигорскѣ у княгини Чавчавадзе. Это вѣнокъ отъ ея имени.

— Такъ она помнитъ его? Скорбитъ?

— Скорбитъ молча, удивительная дѣвочка!

Они взглянули на слѣды разрушенія въ мечети, въ казармахъ, и направились къ «братской могилѣ».

— Да, желѣзомъ и кровью создаются царства,—какъ бы про себя проговорилъ Мадатовъ.—Желѣзомъ и кровью мы возстановили порядокъ въ Грузіи, Имеретіи, въ Гуріи и Мингреліи. Желѣзомъ и кровью очистилась отъ измѣны моя родина, Карабагъ, и преступная кровь Ибрагимъ-хана карабагскаго, равно невинная кровь прекраснаго ребенка Лейлы и ея брата Искандера послужили цементомъ для скрѣпленія Карабага съ Россіей,—говорилъ онъ, глядя на горы, обступившія со всѣхъ сторонъ Чирахъ.

Овечкинъ молчалъ, повидимому занятый созерцаніемъ своего вѣнка; но мысль его была далеко. Мадатовъ вынулъ изъ кармана небольшой листъ бумаги.

— Алексѣй Петровичъ пишетъ, чтобъ мы избѣгали горъ,—сказалъ онъ, пробѣгая глазами бумагу.—Tâchez de tenir la plaine ou vous serez invincible, mais quittez au plutot le pays montagneux de Koumoukh, d'où il ne woys sera pas facile de sortir en présence des kasikoumoukhs... Но какъ тутъ выйти изъ горъ, когда кругомъ горы? А?

— Ничего, ваше сіятельство, мы и въ горахъ съ ними справимся,—отвѣчалъ Овечкинъ, глядя на горы.

— Еще Ермоловъ пишетъ мнѣ: Je n'ai qu'une chose à vous recommander, cher Madarow, c'est de prendre garde aux Sourkhaj-khan et Kasikoumouks et q'ils ne vous arrivent avere de trop grandes forces. Le moindre mouvement rétrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort à nos affaires... Вы понимаете?

— Къ сожалѣнію, ваше сіятельство, я плохо понимаю по-французски,—отвѣчалъ Овечкинъ сконфуженно.

— Видите ли, Алексѣй Петровичъ пишетъ, чтобы мы вообще были осторожны съ Сурхай-ханомъ и его казикумухцами, и не допустили бы ихъ напасть на насъ съ большими силами; что ма-

лѣйшее отступленіе съ нашей стороны увеличитъ ихъ дерзость и нанесетъ намъ большой вредъ.

— О, этого не будетъ,—горячо возразилъ Овечкинъ, — мы имъ заплатимъ за Чирахъ! Мои раны до тѣхъ поръ будутъ ныть, пока я не обмою ихъ вражеской кровью.

Они подошли къ «братской могилѣ», которая успѣла уже порости зеленою травою. Издали они замѣтили на крестѣ птичку, которая радостно чирикала, а при ихъ приближеніи улетѣла. Овечкинъ преклонилъ колѣни предъ могильной насыпью, а Мадатовъ, склонивъ голову, глубоко задумался. Потомъ Овечкинъ повѣсилъ вѣнокъ на перекладину креста и перекрестился.

— Это отъ Магуль,—тихо сказалъ онъ.

— Да,—какъ бы размышляя самъ съ собой, проговорилъ Мадатовъ,—эта дѣвочка сама не знаетъ цѣны своего подвига, не вызови ее любовь къ Щербинѣ на геройскій, хотя чисто дѣтскій подвигъ по сердечнымъ побужденіямъ и не продержись Щербина два дня въ минаретѣ, редутъ погибъ бы. А это было бы сигналомъ къ возстанію во всемъ Дагестанѣ. Еще бы! «взята русская крѣпость!»—этотъ кличъ огласилъ бы въ первый разъ горы и долы.

— Какое, ваше сіятельство, два дня! Двухъ часовъ довольно было бы, чтобъ задавить редутъ численностью,—сказалъ Овечкинъ.—А они всѣ устремились на минаретъ. Магуль видѣла это съ кровли своей сакли...

— А гдѣ ея сакля?—спросилъ Мадатовъ.

— Вонъ вправо, въ концѣ аула, надъ обрывомъ, гдѣ кустъ боярышника. Дѣвочка видѣла, что въ минаретѣ засѣлъ Щербина, и поспѣшила въ Курахъ, гдѣ и оповѣстила барона Вреде объ опасности.

— Да,—задумчиво проговорилъ Мадатовъ:—любовь великая сила.

— Да, ваше сіятельство, любовь могущественнѣе даже желѣза и крови,—неожиданно сказалъ кто-то сзади.

И Мадатовъ, и Овечкинъ оглянулись: передъ ними стоялъ и добродушно улыбался докторъ, Петръ Ивановичъ Чуровъ, держа въ рукахъ черненькую, въ кожаномъ переплетѣ книжку: то было евангеліе «моя рецептура», какъ выражался чудакъ.

— А! Это вы, докторъ?—улыбнулся Мадатовъ.

— Да, князь; вотъ эта книжка,—онъ щелкнулъ пальцемъ по кожаному переплету,—сильнѣе пушекъ.

— Такъ ли?—улыбнулся Мадатовъ.

— Да-съ, ваше сіятельство, такъ-съ!—горячо проговорилъ Петръ Ивановичъ,—Христосъ побѣдилъ весь міръ не пушками-съ, а вотъ этою книжкой, любовью-съ!

— Такъ-то такъ, господинъ докторъ,—серьезно проговорилъ Мадатовъ,—но онъ былъ Богъ, а мы, простые смертные, безъ желѣза и крови, то есть безъ пушки, не обойдемся... Подите-ка съ этой книжкой на Сурхай-хана.

— И пойду... съ любовью... Вонъ любовь маленькой Магуль спасла Чирахъ.

— Правда, правда,—согласился Мадатовъ.

— А ты, бѣдненькая, не бойся, они сейчасъ уйдутъ,—вдругъ проговорилъ докторъ, слѣдя за кѣмъ-то глазами.

Мадатовъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него, недоумѣвая, съ кѣмъ онъ говоритъ.

— Да вотъ, ваше сіятельство, мы пугаемъ ее,—проговорилъ докторъ, продолжая оглядываться.

— Кого?—спросилъ Мадатовъ.

— Да вонъ гилу: птичка летаетъ маленькая, гила, и плачетъ... у нея тутъ дѣтки.

И докторъ, подойдя къ могильному кресту, нагнулся къ травѣ, поросшей у подножія креста.

— Ишь, дурачки, какъ ротики разѣваютъ, думаютъ: мама... Ну, ну, сейчасъ уйдемъ, она васъ накормитъ,—говорилъ онъ, отходя отъ креста.—Вотъ она, любовь-то... гнѣздышко свила на могилѣ нашихъ братьевъ, и слышутъ они изъ могилы, какъ любовь поетъ надъ ними.

Овечкинъ махнулъ рукой.—Чудакъ, вѣчный ребенокъ! Съ птичками возится...

Со стороны Чирахъ-чая доносился смѣшанный гулъ, людской говоръ, ржаніе лошадей и шумъ разгулявшагося послѣ дождей Чирахъ-чая, по берегу котораго кой-гдѣ дымились костры. Куда ни хваталъ глазъ, вездѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, виднѣлись лошади, стоявшія въ козлахъ ружья, группы татаръ и русскихъ солдатъ. Это былъ отрядъ князя Мадатова, состоявшій изъ 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шекинскихъ, 400 ширванскихъ и 800 кюринскихъ, подъ начальствомъ Асланъ-хана, и изъ нѣ-

скольких ротъ апшеронскаго и курипскаго полковъ. Мадатовъ велѣ ихъ для наказанія вѣроломнаго Сурхай-хана и его союзниковъ, посылавшихъ въ Персію, къ Фетхъ-Али-шаху и Аббасъ-Мирзѣ, локоны своихъ женъ и рукава ихъ платьевъ.

Смѣшно было видѣть и слышать, какъ солдатики объяснялись съ своими азіатскими союзниками.

— Халала-малала-балала! Дай табачку, кунакъ!—болталъ одинъ, дѣлая руками непередаваемые жесты.

— Якши-хошъ-гелды, Сухай-сыпъ собачій сынъ! — объяснялся другой.

— Гокъ-чокъ, чигирики-чокъ-чигири, комарики мухи комары!—заливался третій.

И татары въ свою очередь смѣялись, сами не зная чему.

Едва Мадатовъ, Овечкинъ и докторъ Чуровъ отошли отъ братской могилы, какъ къ нимъ приблизился со стороны горъ небольшой отрядъ татарской милиціи, впереди котораго ѣхали русскій офицеръ и татарскій. Это были майоръ Мартыненко и майоръ Хассанъ-ага, братъ Асланъ-хана кюринскаго, которыхъ Мадатовъ посылалъ на рекогносцировку. Оба они, спѣшившись и бросивъ поводья своихъ лошадей въ руки ближайшихъ всадниковъ, подошли къ Мадатову.

— Ну, что, товарищи?—спросилъ ихъ послѣдній.—Выслѣдили волка?

— Выслѣдили, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Мартыненко, загорѣлый брюнетъ съ длиннымъ, сухимъ носомъ.—Самъ Сурхай-ханъ укрывается съ своими узденями въ аулѣ Гулули, верстахъ въ четырехъ отъ аула Хозрекъ, охраняемаго его авангардомъ. Добытые нами языки увѣряютъ, что въ авангардѣ у Сурхая не менѣе шести тысячъ сабель, и лѣвое крыло его укрѣплено завалами вдоль горы, которая господствуетъ надъ проходомъ къ Хозреку.

— А проходъ этотъ?—спросилъ Мадатовъ.

— Узокъ и труденъ, ваше сіятельство, тѣснина ужаснѣйшая: съ обозомъ намъ будетъ неспособно протѣсняться по ущелью.

— Непріятель его обстрѣливаетъ?—снова спросилъ Мадатовъ.

— Обстрѣливаетъ съ высотъ по всей линіи.

— А съ которой стороны?

— Съ правой, гдѣ у него завалы впереди Хозрека.

Замѣтивъ, что Хассанъ-ага, плечистый, а въ талью перетянутый въ рюмочку, горбоносый джигитъ, улыбается въ бороду, Мадатовъ заговорилъ съ нимъ по-татарски.

— А что скажетъ почтенный ага?—спросилъ онъ.

— Пророкъ сказалъ: когда левъ нападаетъ на стадо барановъ, тогда будетъ кормъ и льву, и хищнымъ птицамъ,—иносказательно отвѣчалъ Хассанъ-ага.

— И ага надѣется, что кормъ этотъ будетъ въ изобиліи?

— Пророкъ сказалъ: кто укралъ горсть рису, тотъ боится и рисовой соломы,—былъ отвѣтъ.

— Я знаю, ага имѣетъ львиное сердце и крылья орла,—сказалъ Мадатовъ.

— Прикажи мнѣ, князь, взять завалы по пути къ Хозреку, и я возьму ихъ: тогда некому будетъ обстрѣливать тебя съ высотъ, когда ты будешь двигаться ущельемъ,—пояснилъ Хассанъ-ага.

— Хорошо, Хассанъ-ага,—сказалъ Мадатовъ,—исполни то, что ты обѣщаешь, и великій государь, во владѣніяхъ котораго никогда не заходитъ солнце, прочтетъ твое имя въ числѣ первыхъ героевъ въ донесеніи сардаръ Ермулу.

Глаза азіата блеснули радостью.

— Самъ великій государь прочтетъ мое имя?—спросилъ онъ.

— Да, онъ лично читаетъ имена героевъ,—отвѣчалъ Мадатовъ.

Выступленіе назначено было на другой день.

XXVIII. Гроза разразилась.

Это было кровавое дѣло.

Главныя силы, пѣхота и артиллерія, въ числѣ 14-ти орудій, и часть татарской конницы, двинулись вдоль ущелья, въ сѣверномъ направленіи, къ Хозреку. Храбрый Хассанъ-ага съ своею конницей пошелъ правымъ горнымъ хребтомъ, прикрываясь скалами и преодолѣвая страшныя препятствія. Въ его восточномъ пылкомъ воображеніи рисовалось, какъ далеко, гдѣ-то тамъ на сѣверѣ, за горами, какой-то непостижимый для его азіатскаго ума «великій государь», владѣтель страны, гдѣ «никогда не заходитъ солнце», будетъ лично читать его, Хассанъ-аги, имя въ

числѣ героевъ, подобныхъ Автандилу и Тариелю, героямъ «Барсовой шкуры», съ содержаніемъ которой онъ познакомился въ Грузіи. Онъ уже видѣлъ передъ собою картину боя героя Тариеля, какъ тотъ врѣзался въ самую густую толпу враговъ, «словно коршунъ въ стаю голубей», какъ отъ его дамасской сабли «выростали на землѣ цѣлые холмы копей и людей побитыхъ», какъ иной изъ нихъ «словно раздавленный червь, извивался въ своей крови», а другой, «распластанный надвое, съѣсился, словно двѣ переметныя сумы, по бокамъ своего коня». Ему уже чудится, какъ три сказочныя красавицы Востока, арабская царевна Тинатина и царевна Грузіи Тамара, и Нестанъ-Дареджана, оспариваютъ одна у другой любовь героя и побѣдителя Сурхай-хана, доблестнаго Хассанъ-аги, имя котораго будетъ читать самъ «великій государь»... Старшій братъ Хассанъ-аги, Аслапъ-ханъ кюринскій, повелъ свою конницу лѣвою нагорною стороною ущелья съ тѣмъ, чтобъ, обойдя аулъ Гулули, гдѣ скрывался самъ Сурхай-ханъ, отрѣзать ему отступленіе къ своей столицѣ, къ Казикумуху.

Утро было ясное, солнечное. Зной дагестанскаго солнца умѣрялся прохладнымъ вѣткомъ, вѣявшимъ съ горъ вдоль ущельевъ. Солдаты шли весело, легко, несмотря на трудности горнаго пути. Ихъ воодушевляла мысль отомстить за товарищей, погибшихъ подъ Чирахомъ отъ вѣроломныхъ казикумухцевъ. «Дядя Назарычъ», украшенный уже вторымъ Георгіемъ, изъподъ нависшихъ сѣдыхъ бровей бросалъ иногда украдкой пытливый взглядъ на того разжалованнаго фельдфебеля, котораго онъ самъ же прозвалъ «воинскимъ трахвеемъ» и который, въ минуту крайней опасности, предложилъ было сдать Чирахъ Сурхай-хану, за что и былъ связанъ по приказанію раненаго Свечкина. Съ тѣхъ поръ этотъ несчастный «трахвей», видя отчужденіе товарищей, впалъ въ глубокое отчаяніе. Однажды онъ покусился было наложить на себя руки, но Назарычъ, давно наблюдавшій за нимъ, вынулъ несчастнаго изъ петли и, однако, никому объ этомъ не сказалъ. Онъ видѣлъ муки товарища, его нравственныя пытки, и старое сердце его исполнилось жалостью къ молодому, нѣкогда бойкому и сметливому, но слишкомъ честолюбивому однополчанину. Но теперь Назаровъ понялъ, что въ душѣ Лободы, такъ звали разжалованнаго фельдфебеля, происходитъ что-то новое. Лицо его отражало какую-то рѣшимость,

а въ глазахъ вспыхивалъ огонекъ. Онъ шелъ бодро, какъ бы совсѣмъ не чувствуя усталости.

— Порѣшилъ,—бормоталъ про себя Назаровъ, поглядывая на него,—либо панъ, либо пропалъ.

Лобода дѣйствительно «порѣшилъ» въ душѣ. Онъ вспомнилъ поговорку своихъ дѣдовъ-запорожцевъ: «або добути, або дома не бути», и постоянно повторялъ се, видя впереди либо бѣлый крестъ на груди, либо деревянный крестъ на могильной насыпи. А жить такъ, съ позорнымъ пятномъ на памяти, не стоитъ!

Ночью, на привалѣ, какъ разъ передъ самымъ боемъ, Назаровъ замѣтилъ, что Лобода, укрывшись за ближайшею скалой, долго и горячо молился.

— Кается,—проговорилъ про себя Назаровъ, вынимая изъ ранца пару чистыхъ рубахъ, которыя онъ передъ походомъ самъ тщательно вымылъ въ Чирахъ-чаѣ, высушилъ и выгладилъ съ помощью сапожной колодки.

Увидавъ, что Лобода кончилъ молиться и возвращается къ своему мѣсту, Назаровъ подошелъ къ нему и ласково заговорилъ:

— Есть у тебя, Илюша, чистая рубаха?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дядя Назарычъ,—смущенно отвѣчалъ Лобода.

— На вотъ возьми мою: у меня двѣ,—сказалъ Назаровъ, подавая рубаху.

— Зачѣмъ, дядя?

— Такъ надо: скоро, можетъ, къ Богу пойдемъ.

— Я готовъ,—тихо проговорилъ Лобода.

— Ладно, Илюша: каждый долженъ быть готовъ. Къ причастью и то чистую рубаху надѣваютъ, а тутъ, може, къ самому Богу потребуютъ, въ пресвѣтлый рай: такъ какъ же въ грязной-то рубахѣ?

Лобода взялъ рубаху и поблагодарилъ. Въ голосѣ его дрожали слезы умиленія.

Едва на востокѣ забрезжилось, Мартыненко, переговоривъ съ Хассанъ-агою, который съ своею конницей долженъ былъ обойти лѣвый флангъ непріятеля, повелъ своихъ апшеронцевъ прямо на завалы, за которыми засѣли казикумухцы. Солдаты шли ровно, точно на маневрѣ.

— На выстрѣлы не отвѣчать, а выбить злодѣевъ штыками,—прошелъ по рядамъ приказъ Мартыненка.

За завалами—мертвая тишина. Слышно только, какъ дружно топаютъ по камнямъ ноги наступающаго отряда, а надъ нимъ, въ утреннемъ воздухѣ, раздается жалобный писк хищнаго копчика. Вдругъ изъ-за ближайшаго завала взвилось зеленое знамя, и вслѣдъ затѣмъ моментально гряпулъ ружейный залпъ. Ряды наступающихъ дрогнули. Нѣсколько человѣкъ, сраженныхъ пулями, упали.

— На уру, братцы! — раздался голосъ Мартыненка. — Въ штыки!

— Урра!—прогремѣло по рядамъ, и со штыками наперевѣсъ апшеронцы стремительно бросились на завалы.

Послѣдовалъ вторичный залпъ. Знамя наступающихъ, словно подкошенное упало. Но въ то же мгновеніе къ упавшему знамени бросился Лобода и поднялъ его.

— За мною, братцы—глухо прокричалъ онъ, бросаясь впередъ.—Не выдайте знамя.

— Плюша, голубчикъ—восторженно проговорилъ старикъ Назаровъ, поспѣшая за знаменемъ.—Братцы, выручайте полковую честь!

И началась штыковая работа, самая ужасная работа русскаго солдата. Привыкшій съ дѣтства работать вилами и цѣпомъ, русскій солдатъ страшенъ со штыкомъ въ рукахъ: словно въ снопы ржи и ячменя, онъ погружаетъ свой штыкъ въ грудь непріятеля и часто перебрасываетъ его черезъ голову. Тутъ ударъ его постоянно вѣренъ, штыкъ не даетъ промаху. Недаромъ одинъ изъ величайшихъ жрецовъ желѣза и крови, Суворовъ, говаривалъ обыкновенно: «пуля дура, штыкъ молодецъ». Штыковая работа Суворова была извѣстна всему міру. Скоро завалы наполнились трупами и умирающими. Что успѣло спастись отъ штыка, бѣжало къ Хозреку. Но бѣгущихъ перехватила конница Хассанъ-аги, и началось крошенье бѣглецовъ кривыми саблями. Раненыхъ и упавшихъ топтали кони. Хассанъ-ага, воображавшій себя разомъ и Автандиломъ, и Тарiеломъ, неистово гикалъ и рубилъ направо и налѣво. Въ ослѣпленіи дикой страсти, обезумѣвшій отъ крови и успѣха, онъ былъ страшенъ.

Солнце медленно выкатывалось изъ-за горъ и постепенно отражалось то на примятой травѣ и камняхъ, обрызганныхъ и залитыхъ кровью, то на лицахъ мертвыхъ и раненыхъ, то, наконецъ, на окровавленныхъ, кое-какъ обтертыхъ травою штыкахъ

спѣшившаго къ Хозреку побѣдоноснаго отряда. Только небольшая часть его осталась у завалов подобрать мертвыхъ и раненыхъ товарищей.

Когда Мартыненко и Хассанъ-ага приблизились съ своими отрядами къ Хозреку, то увидѣли, что главныя силы Мадатова уже стояли противъ передовыхъ укрѣпленій мрачнаго аула на разстояніи выстрѣла. Они тотчасъ же доложили о разгромѣ завалов и о полномъ пораженіи лѣваго фланга казикумухцевъ.

— Вотъ кровь враговъ великаго государя,—сказалъ, сверкая бѣлыми зубами, Хассанъ-ага и показалъ свою окровавленную саблю.

— Хвала храброму—проговорилъ Мадатовъ.—А это чья кровь?—спросилъ онъ, указывая на чепракъ сѣдла подъ Мартыненкомъ, залитый кровью.

— Пустяки, ваше сіятельство, это моя кровь,—отвѣчалъ Мартыненко,—царапина отъ пули...

— Но сколько крови! Господинъ докторъ!

Но Петръ Ивановичъ былъ уже тутъ съ своимъ мѣшечкомъ для бинтовъ и корпіи и съ необходимыми инструментами.

— Сойдите съ коня, господинъ майоръ, — говорилъ онъ, теребя Мартыненка за окровавленный рукавъ, — этимъ шутить нельзя-съ.

Мартыненко неохотно повиновался.

— Ахъ, какъ все это не по-христіански,—говорилъ какъ бы про себя докторъ, отводя раненаго въ сторону.—Поднявшій мечъ мечемъ и погибнетъ.

— Да вы попъ что ли?—улыбнулся Мартыненко.

— Ахъ, хотѣлъ бы быть попомъ, врачевать души, а вотъ на поди! Врачуй раны-съ...

Въ это время открылась канонада по Хозреку изо всѣхъ четырнадцати орудій.

Вслѣдъ за первыми залпами Мадатовъ съ пистолетомъ въ одной рукѣ и саблею наголо въ другой показался передъ позиціями.

— Ура!—крикнулъ онъ.—На штурмъ за погибшихъ товарищей! Ура!

— Урра!—пронеслось по всѣмъ тремъ колоннамъ, и пѣхота ринулась на штурмъ.

(Кп. 44)

Мадатовъ впереди всѣхъ. Назаровъ на бѣгу указалъ на него своему «другу Илюшѣ»...

— Князь? Что вы? Поберегите себя!—закричалъ, подбѣгая къ нему, командиръ апшеронцевъ, подполковникъ Сагиновъ.

— Если я тутъ не буду, то кто же возьметъ Хозрекъ?—сверкнулъ на него своими карабагскими глазами отчаянный Мадатовъ.

— Мы возьмемъ!—въ одинъ голосъ прокричали Сагиновъ и майоръ Ванъ-Галенъ, опережая его.

Они бросились на валъ, но оба тотчасъ же свалились, пораженные пулями.

Солдаты за ними. Они ринулись въ проломъ, пробитый артиллеріей, и снова началась штыковая работа. Штыками выбивали врага изъ каждаго закрытія, изъ каждой засады, изъ-за изгородей и стѣнъ, и, спотыкаясь объ умирающихъ и раненыхъ, гнали несчастныхъ до самой мечети. Здѣсь толпы преслѣдуемыхъ засѣли въ мечети и въ башнѣ. Сопротивленіе было отчаянное. Но ничто не помогло. Всѣ были переколоты штыками и добиты прикладами, а бросившіе оружіе—взяты въ плѣнъ.

Весь Хозрекъ былъ заваленъ трупами.

Но на этомъ не остановилось кровавое дѣло. Надо было взять живымъ или мертвымъ его виновника.

— Кто видѣлъ злодѣя Сурхай-хана?—спросилъ Мадатовъ окружающихъ.

— Съ горстью нукеровъ онъ ускакалъ по направленію къ Казикумуху,—вытирая о валявшуюся на землѣ бѣлую папаху свою окровавленную саблю, отвѣчалъ черный отъ порохового дыма Овечкинъ.

— За нимъ погнался Гассанъ-ага съ нашимъ «гаврилычемъ» и его станичниками,—пояснилъ Мальковъ.

Среди нестройнаго гула понемногу затихавшей битвы, среди криковъ и стоновъ раненыхъ, снова раздались въ разныхъ мѣстахъ возгласы:—«Ура! Ура! Ура»!

Торжествующіе побѣдители увидѣли на вершинѣ главной башни свое старое знамя.

— Это дядя Назарычъ орудуетъ!—радостно кричали солдатики.—Онъ знаетъ свое дѣло

— И съ нимъ нашъ «трахвей»... Молодецъ Илюша! Ура!

Мадатовъ весело сверкнулъ своими восточными глазами.

— Старина знаетъ свое дѣло... бородинецъ...

Участь Хозрека рѣшила судьбу и Казикумуха. Онъ сдался безъ боя. Въ день сдачи Казикумуха,—говоритъ почтенный историкъ эпопеи «желѣза и крови»,—съ 10-ти часовъ утра были отперты двери большой мечети, среди которой былъ положенъ на барабанѣ коранъ, надъ которымъ развѣвалось знамя батальона апшеронскаго полка. Асланъ-ханъ вошелъ въ мечеть въ сопровожденіи многочисленной свиты; старшины всѣхъ магаловъ поочередно подходили къ корану, клали правую руку на книгу и присягали на подданство русскому императору и на повиновеніе Асланъ-хану. Рота апшеронскаго полка была у знамени; прочія русскія войска стояли подъ ружьемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ города. По окончаніи обряда, Асланъ-ханъ явился на стѣнѣ въ красной одеждѣ, которою отличаются ханы въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, и 2 пушечныхъ выстрѣла, далеко отдавшіеся въ горахъ, вмѣстѣ съ кликами народа, привѣтствовали новаго владѣтеля. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Всѣхъ радовало благополучное окончаніе похода.

— Ну, и баранина, братцы!—говорилъ апшеронецъ, сидя у костра и обгладывая кость отъ шашлыка.

— Скусно? А?—улыбался дядя Назарычъ.

— Такъ, дядя, скусно, что за такой бараниной хошь завтра опять въ походъ.

— Оно точно, — подтвердилъ третій солдатикъ, — коли знаешь, что впереди хорошая жратва, такъ и драться сподручнѣе.

— А въ Миретіи, когда мы царя Соломона ловили, у! голодно было.

— А забыли, какъ въ Чирахѣ безъ воды сидѣли?

— Гдѣ забыть! Зато теперь хошь желѣзо на брюхѣ куй.

Ужасы войны на время забыты.

XXVIII. Гуляютъ.

Послѣ взятія Мадатовымъ Хозрека и Казикумуха прошло шесть лѣтъ.

Въ эти шесть лѣтъ много пришлось поработать Ермолову и

его сподвижникамъ, и много событій пронеслось надъ Кавказомъ, событій, которыя окончательно снесли въ историческій архивъ многое, что держалось тамъ на подгнившихъ корняхъ старины, и которыя совершенно измѣнили физіономію этого симпатичнаго, поэтическаго края, этой драгоцѣнной жемчужины русскаго царства. За это время Ермоловъ окончательно успѣлъ уничтожить ханскую власть въ Ширвани и въ Карабагѣ. Могущественные владѣтели ихъ, Мустафа-ханъ ширванскій и Мехти-Кули-ханъ карабагскій, чуя надвигающуюся съ сѣвера тучу «сдвинутыя брови сардаръ-Ермулу», покинувъ ханскіе дворцы и захвативъ свои гаремы и сокровища, награбленныя съ народа, бѣжали въ Персію. Много хлопотъ задала Ермолову и его боевымъ сподвижникамъ свободолюбивая Абхазія, эта родина горныхъ орловъ, которыхъ напрасно силились засадить въ клѣтки. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ продолжала литься русская и азіатская кровь, уничтожались и тамъ орлиныя гнѣзда—аулы, возводились новыя укрѣпленія, вырубались лѣса, чтобъ негдѣ было укрываться хищнымъ орламъ и ихъ обездоленнымъ орлятамъ. Какъ изъ земли выросли крѣпости Бурная, Грозная, Неотступный Станъ, Злобный Окопъ... Чего стоили одни названія!.. Воинственная Кабарда, въ свою очередь, почувствовала надъ собою тяжелую руку грознаго «сардаръ-Ермулу»: отряды его тѣснили хищныхъ орловъ въ верховьяхъ Кубани, въ горахъ, у подножій Казбека и Эльборуса. Имеретія и Мингрелія, накормивъ трупами своихъ джигитовъ и узденей хищную птицу и голоднаго звѣря, съ глухимъ ропотомъ оглядывались на невозвратное прошлое и молчали, поминая за упокой послѣдняго царя Соломона II-го и безвѣстно пропавшую дочь его, героиню и красавицу, царевну Дареджану...

Такъ «дѣлалась исторія» въ эти шесть лѣтъ... А люди за эти шесть лѣтъ — одни росли, другіе старились, третьи умирали своею или насильственной смертью. У Ермолова въ его львиной гривѣ пробивалась сѣдина, а брови все чаще и чаще хмурились. Ниночка Чавчавадзе, у которой давно отросли обрѣзанныя ею прелестныя рѣсницы, изъ хорошенькой дѣвочки превратилась въ почти взрослую очаровательную дѣвушку-подростка. Грибоѣдовъ, наѣзжая по дѣламъ въ Тифлисъ изъ Персіи и доканчивая свое «Горе отъ ума», чаще и чаще заглядывался на этого милаго подростка и втихомолку скорбѣлъ, зачѣмъ онъ старъ для

нея... Юная героиня и спасительница чирахскаго редута и его храбрыхъ защитниковъ, хорошенькая Магуль, не разлучавшаяся съ Ниной Чавчавадзе, почти правильно уже говоритъ по-русски и, часто вспоминая о своей первой любви, о Щербинѣ, погибшемъ подъ развалинами минарета въ Чирахѣ, уже не говоритъ, какъ говорила прежде Щербинѣ: «любіу», а произноситъ этотъ самый популярный въ мірѣ глаголъ тоже почти правильно, только относя его дѣйствіе почти поровну и къ погибшему Щербинѣ, и еще къ кому-то живому, любовь къ которому она не довѣряетъ даже Ниночкѣ и котораго имя съ глаголомъ «люблю» она чаще все повторяетъ въ постели, когда ей не спится...

Пушкинъ за эти шесть лѣтъ успѣлъ написать свои знаменитыя поэмы: «Кавказскій плѣнникъ», «Братья разбойники», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», часть «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», «Бориса Годунова» и много чудныхъ стихотвореній, отчасти прославившихъ его имя, отчасти же послужившихъ поводомъ къ ссылкѣ его въ Михайловское... Но и въ ссылкѣ онъ нерѣдко вспоминалъ о хорошенькой черкешенкѣ Магуль, о храбромъ Овечкинѣ, о поэтической поѣздкѣ изъ Пятигорска въ Кисловодскъ и о кисловодской ухѣ изъ «пеструшекъ» словоохотливаго «кавказскаго плѣнника». Добродѣтельный докторъ, Петръ Ивановичъ Чуровъ за эти шесть лѣтъ окончательно возненавидѣлъ всякое убійство, въ какомъ бы видѣ оно не проявлялось, убійство ли людей на войнѣ, или убійство животныхъ и птицъ на охотѣ; онъ совсѣмъ даже отказался отъ мясной и рыбной пищи, говоря, что его претитъ «пожирать трупы»; а за то, что когда-то онъ любилъ охотиться на «невинныхъ зайчиковъ» и на «незлобивыхъ дикихъ козочекъ», онъ называлъ теперь себя подлецомъ, убійцей и Навуходоносоромъ. За все это его и преслѣдовалъ постоянно Мальковъ, говоря, напр.: «а какъ же, Петръ Ивановичъ, если вы во снѣ нечаянно блоху задавите? И это будетъ подлость и убійство? А когда васъ кусаетъ комаръ, вы его не убьете?»—«И не убью! Потому, онъ высасываетъ изъ меня негодную кровь, ту, что я самъ когда-то высосалъ изъ труповъ»,—сердито отвѣчалъ Петръ Ивановичъ. У «дяди Назарыча» за это время брови стали еще гуще и сѣдѣе.—«У него въ бровяхъ ужъ и зайцы водятся»,—говорили объ немъ солда-

тики; зато бывшій «трахвей» и франтъ Лобода, послѣ дѣла подъ Хозрекомъ, души не чаетъ въ Назарычѣ.

За шесть лѣтъ состарилась и Персія, особенно же повелитель ея, Фехтъ-Али-шахъ: въ размягченномъ отъ гаремнаго пресыщенія мозгу его засѣла мысль, что наслѣдникъ его престола, шахъ-задэ Аббасъ-Мирза, призванъ пророкомъ сокрушить «сардаръ-Ермулу» и отнять у Россіи не только Тифлисъ, Карабагъ и Дагестанъ, но и весь Кавказъ. Самъ Абасъ-Мирза тѣмъ болѣе былъ въ этомъ увѣренъ, что о печальныхъ событіяхъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года до Персіи дошли такія извращенныя вѣсти, будто Россія совсѣмъ пропадаетъ и что ей, за внутренними волненіями, не только некогда думать о Кавказѣ, но что едва ли она удержитъ за собою Москву и Петербургъ, если Аббасъ-Мирза нагрянетъ на нее съ своими сарбазами «храбростію подобными львамъ пустыни». Забравъ себѣ въ голову, что онъ—новый Александръ Македонскій, Аббасъ-Мирза началъ наступительныя дѣйствія. Между тѣмъ событія 14-го декабря 1825 года набросили тѣнь и на Ермолова, и на всю кавказскую армію. Въ Петербургѣ явилось ошибочное подозрѣніе, не пріютились ли декабристы подъ крыломъ Ермолова? И вотъ на Кавказъ командируется генералъ-адъютантъ Паскевичъ какъ бы въ помощь Ермолову, но, въ сущности, вывѣдать о немъ все, а если нужно, то и замѣстить его. На первое же время, «дабы облегчить» Ермолову управленіе обширнымъ краемъ, ему рекомендуютъ поручить Паскевичу командованіе войсками, отправляемыми противъ Персіи. Ермоловъ очень хорошо видитъ закулисную сторону этихъ деликатныхъ распоряженій, и принимаетъ Паскевича не очень любезно.

«Меня—доносилъ тотчасъ же Паскевичъ въ Петербургъ—пригласили въ большую комнату, кабинетъ его (Ермолова), посрединѣ котораго стоялъ большой столъ въ видѣ стойки. На одной сторонѣ за столомъ сидѣлъ генералъ Ермоловъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ линейной казачьей шапкѣ. Напротивъ его генералы и другія лица, которыя, обыкновенно, собирались къ нему для разговоровъ и сужденій. Прихожу я, второе лицо по немъ. Онъ говоритъ: «а, здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ», и никто не уступаетъ мнѣ мѣста, и даже нѣтъ для меня стула. Полагая, что это дѣлается съ умысломъ, для моего униженія, я взялъ въ отдаленіи стулъ, принесъ его самъ (самъ!—какой под-

вить!), поставилъ противъ Ермолова и сѣлъ. Смотрю на посѣтителей: одни въ сюртукахъ, безъ шпагъ, другіе безъ эполетъ и, наконецъ, одинъ молодой человѣкъ въ венгеркѣ (скандалъ!). Всѣ вновь входящіе привѣтствуются одинаково со мною (какое оскорбленіе!—но какъ же было иначе ихъ привѣтствовать?). «А, здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Какъ вы поживаете? Здравствуйте, Петръ Ивановичъ» и т. д. Всѣ потомъ садятся, такъ что прапорщикъ не уступаетъ мѣста генералу. Приходитъ генералъ Вельяминовъ, командующій войсками за Кавказомъ, и ему нѣтъ стула, и ему мѣста никто не даетъ. И онъ отъ стыда (будто?) самъ принесъ стулъ и сѣлъ возлѣ меня. Я спрашиваю его: кто это Иванъ Кузьмичъ?—«Это поручикъ» такой-то.—А этотъ въ венгеркѣ?—«Это прапорщикъ» такой-то. Для меня это показалось очень странно».

Между тѣмъ, хитрый Ермоловъ, принимая такимъ образомъ петербургскаго гостя, дѣлалъ свое дѣло. Желая доказать, что его молодцы, въ родѣ Мадатова, и безъ Паскевича умѣютъ управляться съ новымъ Александромъ Македонскимъ, который ѣлъ шашлыкъ голыми руками и обходился безъ носового платка, хотя весь былъ въ золотѣ и брилліантахъ, Ермоловъ приказалъ Мадатову проучить «сволочь» новаго македонскаго героя; Паскевича же задержалъ на нѣсколько дней въ Тифлисѣ: «посмотри-де, мы и безъ тебя напомнимъ потомкамъ Ксеркса и Дарія не только Марѳонъ, но и Гаугамеллу и Арбеллу». Дѣйствительно, пока Паскевичъ сидѣлъ въ Тифлисѣ и негодовалъ, что ему прапорщики не подаютъ стульевъ, Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ настигъ десятитысячный персидскій корпусъ подъ начальствомъ принца Мамебъ-Мурзы и, въ качествѣ его дядьки, Эмира-ханъ-сардара, отличнѣйшаго изъ персидскихъ полководцевъ, и въ нѣсколько часовъ разбилъ его на-голову при Шамхорѣ, положивъ на мѣстѣ болѣе 1.500 человѣкъ убитыми, въ числѣ которыхъ нашли и Эмира-ханъ-сардара, гордость Персіи. Въ этой битвѣ принимали участіе и наши чирахскіе знакомцы, герой Овечкинъ, его другъ Мальковъ, «дядя Назарычъ», Лобода и другіе чирахцы, перехватившіе когда-то пословъ Сурхай-хана съ «женскими локонами». Это блистательное дѣло навело такой ужасъ на персидскія войска, что они въ тотъ же день бѣжали изъ Елисаветполя, начальникомъ котораго былъ Назаръ-Али-ханъ. Взбѣшенный Аббасъ-Мирза всю злобу свою об-

рушилъ на этого несчастнаго хана: онъ велѣлъ надѣть на него женское платье, посадить на осла лицомъ къ хвосту, обмазать бороду кислымъ молокомъ, и въ такомъ видѣ водить по всему лагерю. Въ довершеніе всего, злополучнаго хана удушили.

Утромъ 4-го сентября 1826 года отрядъ Мадатова вступилъ въ покинутый персіянами Елисаветполь, при радостныхъ крикахъ христіанскаго населенія, преимущественно армянъ, которыхъ немилосердно грабили сарбазы Аббасъ-Мирзы.—«Народъ, предшествуемый духовенствомъ въ полномъ облаченіи,—говоритъ очевидецъ—встрѣтилъ Мадатова, какъ избавителя, со слезами благодарности и съ кликами радости. Колонны стали въ должномъ порядкѣ, и духовенство служило благодарственный молебенъ за посланіе русскихъ для избавленія отъ врага; жители подносили войскамъ хлѣбъ-соль, плоды, и даже обнимали колѣни предводителя. Всѣ ожило въ мрачномъ передъ тѣмъ Елисаветполѣ, и въ роскошныхъ садахъ раздались пѣсни»...

— Кгочагъ Мадатовъ! (молодецъ Мадатовъ) — какъ эхо, разносилось по городу и его садамъ.

Послѣ кровавой работы, Мадатовъ позволилъ своимъ «товарищамъ» (что сказалъ бы на это Паскевичъ?) солдатикамъ и «гаврилычамъ» (казакамъ) отдохнуть и «погулять». Всѣ елисаветпольцы, и богатые, и бѣдные, наперерывъ старались угощать «кгочаговъ русскихъ»: со всѣхъ сторонъ тащили въ лагерь, кто молодого барашка, курицу, кто яйца, молоко, сыръ, виноградъ, яблоки, груши и полные бурдюки, изъ бычачьей и овечьей шкуры, мѣстнаго вина. Среди садовъ и огородовъ запылали къ вечеру костры, на которыхъ жарились шашлыки, чихиртмы, хохъ-и-били, пеклись въ золѣ, и началось угощеніе, превратившееся въ пиръ-горой. Явились зурны и прочіе музыкальные инструменты далеко не музыкальнаго восточнаго репертуара. Пошли объятія и поцѣлуи, раздавались крики «ура», «кгочагъ русъ», «айда»!.. Солдатики и «гаврилычи» разошлись во всю: кто завывалъ на зурнѣ, кто дудилъ на тулумбасѣ; кто игралъ на гребнѣ съ бумажками, а кто на своихъ собственныхъ губахъ... Дикій ритмъ музыки требовалъ и дикихъ тѣлодвиженій. Первымъ пустился въ плясъ тотъ «гаврилычъ», который пріѣзжалъ въ Чирахъ съ «лятучкой» изъ штаба. За неимѣніемъ бабъ среди солдатъ, «гаврилычъ» изобразилъ изъ себя разбит-

ную бабенку и, взявшись въ боки, отхватывалъ, лицедѣйствовалъ и приговаривалъ бабьимъ фальцетомъ:

Передъ мальчиками
Пройду пальчиками;
Передъ старыми людьми...
Пройду бѣлыми грудьми...

И онъ руками пластически изображалъ «бѣлыя груди», что приводило его товарищей и угощавшихъ ихъ армянъ въ бѣшеный восторгъ.

— Аа! А-ахъ!—заливался толстый армянинъ.—Съ бэлами грудьми! Аа! Оо!—И онъ хватался за животъ, точно его душили колики. А «гаврилычъ», перемѣнивъ позу и тактъ, и семеня на мѣстѣ ногами, сыпалъ:

Сыпь, сыпь камушки,
Не боюсь я мамушки;
Боюсь мужа-дурака—
Наколотитъ мнѣ бока...

Общее воодушевленіе охватило всѣхъ. Отъ сосѣдняго костра, у котораго засѣдалъ и угощался «дядя Назарычъ» съ своими однокашниками, отдѣлился одинъ сухопарый солдатикъ со вздернутымъ носомъ и, подсыпаясь мелкимъ бѣсомъ къ бабѣ, къ «гаврилычу», зачастилъ говоркомъ:

Дуня моя ягода,
Люби меня два-года,
А я тебя три-года,—
А какая выгода!

Онъ то подходилъ къ «бабѣ», то отступалъ отъ нея; а «баба» съ своей стороны дразнила «кавалера» соотвѣтственными тѣлодвиженіями...

— А ты бедрами-то, бедрами играй больше!—подсказывала публика.—Такъ, такъ, чтобъ судорога свела «кавалера».

Не утерпѣли и кубанцы. Отъ ихъ костра отпрыгнулъ рыжій линеецъ въ папахѣ на бекрень и затопалъ ногами, ударяя въ ладони и приговаривая:

Картошки цвѣтутъ,
Апшеронцы иутъ;
А у насъ всево рони—
Што кубанцы одни...

А затѣмъ, подскачивъ къ «гаврилычу», изображавшему собою «бабу»-Дуню, кубанецъ снова завертѣлся, а потомъ съ гикомъ докончилъ свой бѣшеный танецъ кривляньями подъ такъ новой пѣсни:

Дуня—или на горѣ,
Дуня—или подъ горой,
Разсыпалася,
Расточилася.—
Пошла Дуня за водой—
Намочилася...

Все населеніе Елисаветполя высыпало смотрѣть на это безумное веселье, мужчины, женщины, дѣти. Огни костровъ отражались красными пятнами на оживленныхъ лицахъ зрителей, на ихъ цвѣтной одеждѣ. А надъ ними и за ними—чудная ночь, озаряемая полной луной. На время забыты всѣ ужасы войны.

XXIX. «Всѣ яти и запятыя на мѣстѣ»...

Черезъ шесть дней, въ Елисаветполь прибылъ и Паскевичъ. Когда до Тифлиса дошла вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной Мадатовымъ подъ Шамхоромъ, Паскевичъ поторопился выѣхать къ войску. Подозрительный и самолюбивый, онъ боялся, что «этотъ карабагскій татаринъ», какъ онъ въ душѣ называлъ Мадатова, успѣетъ захватить всѣ побѣдные лавры и не оставитъ на его долю даже лавроваго листочка.

— Ужъ мнѣ эти ермоловцы!—говорилъ онъ самъ себѣ.— Или ножку подставятъ, или подведутъ... Такъ и смотрятъ фармазонами: ни одинъ поручишка даже не подалъ мнѣ стула!

Посылая его къ арміи, Ермоловъ отправилъ съ нимъ и генерала Вельяминова, который, состоя при Алексѣѣ Петровичѣ въ теченіе десяти лѣтъ, въ качествѣ начальника корпуснаго штаба, очень хорошо зналъ и мѣстныя обстоятельства, и врага, съ которымъ предстояло дѣло. И Вельяминовъ, и Мадатовъ были драгоцѣннѣйшею находкою для новичка-Паскевича, но, ревнивый и мелочный, онъ ихъ-то и не любилъ, а болѣе всего, боялся... «Ермоловцы»!..

Съ прибытіемъ Паскевича въ Елисаветполь, силы елисаветпольскаго отряда достигли десяти тысячъ штыковъ и сабель при 24-хъ орудіяхъ. Едва Паскевичъ принялъ начальство надъ от-

рядомъ и вмѣстѣ съ Мадатовымъ взошелъ на крѣпостныя стѣны, чтобъ познакомиться съ расположеніемъ города и его окрестностей, какъ увидалъ кучку казаковъ, которые стремительно мчались къ городу по карабагской дорогѣ. Мадатовъ навелъ зрительную трубу на скачущихъ.

— Я узнаю, — сказалъ онъ Вельяминову, — это, кажется, «гаврилычъ» съ односумами?

— Какой Гаврилычъ? — подозрительно спросилъ Паскевичъ.—И кто эти односумы?

—Это, ваше превосходительство, тутъ у насъ есть казакъ донской, котораго всѣ иначе не называютъ, какъ «гаврилычемъ», очень способный малый, послать ли куда въ самое трудное мѣсто съ «лятучкой», скрасть ли барана, или непріятельскій секретъ, проползти ли подъ носомъ у персидскаго часового, все это «гаврилычъ» продѣлаетъ такъ, что комаръ носу не подточитъ...

«Комаръ носу не подточитъ»—это выраженіе, въ разговорѣ съ начальствомъ, не понравилось щепетильному петербургскому генералу.

— «Гаврилычъ», навѣрно, съ вѣстями,—заключилъ Мадатовъ, не замѣчая гримасы Паскевича.

То былъ, дѣйствительно, «гаврилычъ», который ровно недѣлю назадъ отхватывалъ передъ елисаветпольцами: «передъ мальчиками пройду пальчиками», а сегодня чуть свѣтъ, съ своими односумами-станичниками, успѣлъ уже вынюхать движеніе непріятеля.

— Свиньемъ валитъ, ваше благородіе,—докладываетъ онъ Овечкину, спрыгивая съ своего товарища «Васьки», это его вѣрный конекъ, который въ засадахъ умѣлъ притворяться мертвымъ.—«Васька! Не дышать, лежи дохлымъ»!—и «Васька» не дышалъ, а «гаврилычъ» клалъ на «васькино» брюхо винтовку, прицѣливался, и персидскій «секретъ» падалъ мертвымъ.

«Свиньемъ валитъ»—это было любимое выраженіе «гаврилыча»: значитъ, «видимо-невидимо» непріятеля. Донесеніе «гаврилыча» подтвердилось: Аббасъ-Мирза двигался къ Елисаветполю. Съ нимъ шло 15.000 регулярной пѣхоты, 20.000 кавалеріи и иррегулярной пѣхоты, 25 орудій, множество «зимбурановъ» (фалькопетовъ на верблюдахъ, любимое орудіе персіянъ), да на дорогѣ къ нимъ присоединились до 300 человѣкъ карабагской

конницы, 200 шекинцевъ, 200 гинжинцевъ и до 100 джаро-бѣлоканцевъ. Паскевичъ, не надѣясь на свой малочисленный отрядъ, рѣшился защищаться въ городѣ. Ему казалось, что ермоловскія войска ни къ чему не годятся. «Нельзя представить себѣ, до какой степени они мало выучены,—доносилъ онъ наканунѣ битвы.—Боже сохрани съ такими войсками быть первый разъ въ дѣлѣ; многія изъ нихъ не умѣютъ построить каре или колонну, а это все, что я отъ нихъ требую. Я примѣчаю даже, сами начальники находятъ это не нужнымъ. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится, они къ этому не привыкли; но я заставлю ихъ дѣлать по своему».

Когда онъ сказалъ, что намѣренъ защищаться въ городѣ, Мадатовъ не выдержалъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! — горячо заговорилъ онъ.—Мои солдаты не привыкли прятаться за стѣнами крѣпостей; не непріятель ихъ ищетъ, а они его.

— Ваши солдаты! — презрительно отвѣчалъ Паскевичъ.— Да они въ ногу ходить не умѣютъ, съ ружьями обращаются, какъ съ вилами на гумнѣ.

Фронтовикъ до мозгла костей, привыкшій видѣть войска больше на парадахъ, на Царицыномъ лугу. Паскевичъ не понималъ солдата иначе, какъ въ колоннѣ, въ каре, въ струнѣ; а ермоловскіе солдатики, часто оборванные въ переходахъ по горамъ и лѣсамъ, съ обувью, изъѣденною острыми камнями, дрались, какъ львы, и побѣждали больше въ рукопашную, штыковой работой. Гдѣ-жъ тутъ было до правильныхъ, въ струну, колоннъ, до геометрическихъ каре.

— Да, ваше превосходительство, точно!—горячился Мадатовъ.—Штыками они работаютъ, какъ вилами на гумнѣ, зато и враговъ, какъ снопы, перекидываютъ штыками черезъ голову.

Флегматичный Вельяминовъ молча улыбался, слушая эти препирательства...

— А вы какъ думаете?—обратился къ нему Паскевичъ, слѣдя за выраженіемъ его лица.

— Я думаю, князь правъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Вельяминовъ спокойно:—лучше умирать въ полѣ, на вольномъ воздухѣ, чѣмъ въ душныхъ стѣнахъ города.

«Умирать»—это слово рѣзнуло Паскевича по сердцу. За тѣмъ ли онъ скакалъ изъ Петербурга? Что, если въ самомъ дѣлѣ

смерть вмѣсто славы побѣдителя? Войска не выдержаны; начальники ихъ, ермоловцы, рады утопить его въ ложкѣ воды... А непріятель сильнѣе почти вчетверо... И перебѣжчики изъ войска Аббасъ-Мирзы, армяне, и казаки, выслѣживавшіе непріятеля, говорятъ одно и то же: «видимо-невидимо ихъ... тысячъ сорокъ будетъ»... Онъ самъ допрашивалъ «гаврилыча»...— Свиньемъ валитъ, ваше—ство,—одно твердитъ этотъ каналья.

— А побьемъ мы ихъ?—лукаво улыбался Мадатовъ, глядя въ глаза шустрому казачишкѣ.

— Какъ не побить, ваше—ство? Въ дрызгъ! Не впервой!— бойко отвѣчалъ «гаврилычъ», вытягиваясь такъ, точно изъ него жилы тянули; тутъ ужъ не «передъ мальчиками пройду пальчиками».

Паскевича опять покоробило это панибратство съ простымъ казакомъ... «Вдрызгъ! Какое словечко»!..

При всемъ томъ, мучительныя минуты переживалъ онъ. Мадатовъ и Вельяминовъ настаиваютъ на наступленіи. Имъ видпѣе здѣсь, они больше знаютъ. Но если придется погибать, то и они погибнутъ, скорѣе даже чѣмъ онъ:—они должны быть въ дѣлѣ, подъ ядрами; а онъ... онъ военачальникъ, онъ дальше отъ ядеръ... Но позоръ пораженія не на нихъ ляжетъ, а на него— всей тяжестью... До него они побѣждали, явился онъ, и... На душѣ было очень смутно... Что онъ напишетъ въ Питеръ?

«Нѣтъ, отступать невозможно!.. «Прятаться за стѣнами»— какое слово сказалъ этотъ татаринъ—«прятаться»!..

Онъ рѣшился: на утро выступленіе.

— Теперь надо составить планъ движенія, диспозицію,— сказалъ онъ, водя карандашемъ по картѣ, изображавшей путь въ Куракъ-чаю.

— У насъ порядокъ движенія уже назначенъ, — сказалъ Мадатовъ.

— Уже?—удивился Паскевичъ не безъ скрытой иронiи.— «Безъ меня все рѣшили»,—досадливо подумалъ онъ.

— Конечно, въ проектѣ,—пояснилъ Вельяминовъ,—распредѣленіе частей.

— Вотъ, ваше превосходительство. — И Мадатовъ развернулъ передъ Паскевичемъ схему движенія войска.—Изволите видѣть: въ первой линіи, на правомъ флангѣ—батальонъ 41-го егерскаго полка, въ двѣ колонны, по вашимъ указаніямъ («по

вашимъ»—онъ подчеркнулъ своимъ нѣсколько гортаннымъ голосомъ); въ центрѣ — 12 батарейныхъ орудій; на лѣвомъ флангѣ—батальонъ ширванскаго полка, тоже въ двѣ колонны; фланги первой линіи прикрываетъ кавалерія: правый—два казачьихъ полка, а лѣвый—грузинская милиція; во второй линіи на правомъ флангѣ—батальонъ 7-го карабинернаго полка въ двѣ колонны, и это—ваша мысль.

«Ваши указанія», «ваша мысль»,—видимо льстили самолюбію Паскевича.

— Прекрасно, — согласился онъ, водя карандашемъ по схемѣ.—А дальше?

— Дальше—двѣ роты карабинернаго полка, построенныя въ каре.

— Отлично! Я люблю каре; въ каре русскій солдатъ неуязвимъ,—все болѣе и болѣе поддавался самолюбивый генералъ.

— Это опять вашъ урокъ, — лукаво подсказалъ Вельяминовъ.

— Да, да, я очень радъ,—говорилъ окончательно побѣжденный петербургскій генералъ.—А это?

— Это два орудія въ разстояніи ста сажень отъ праваго фланга второй линіи, — продолжалъ Мадатовъ. — На лѣвомъ флангѣ второй линіи, вотъ здѣсь, батальонъ грузинскаго гренадерскаго полка; здѣсь противъ интерваловъ первыхъ двухъ линій—нижегородскій драгунскій полкъ подивизіонно, а за нимъ уже резервъ въ три колонны изъ шести ротъ херсонскаго гренадерскаго полка при шести орудіяхъ.

— Кажется, схема вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ воинской азбуки,—задумчиво говорилъ Паскевичъ.—Надѣюсь, мы не нарушили боевой орфографіи,—улыбнулся онъ.

— Ни на іоту, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Мадатовъ,—всѣ я т и и запятыя на мѣстѣ.

— А восклицательные знаки придется ужъ Аббасъ-Мирзѣ ставить,—флегматически замѣтилъ Вельяминовъ.

Отпуская Мадатова и Вельяминова, Паскевичъ сказалъ:

— Такъ въ семь часовъ.

XXX. «Съ сѣдла на землю».

Утро тихое, теплое; на небѣ ни облачка. Кругомъ, куда ни глянетъ глазъ, разстилается степь. На ней ни деревца, ни кустика. Только въ небольшой ложбинкѣ, въ верховьѣ одного оврага, пересѣкающаго эту степь вкось, виднѣется на землѣ какая-то неподвижная масса. Судя по тому, что надъ этимъ темнымъ пятномъ, въ синевѣ яснаго неба, плаваютъ два орла, можно предположить, что пятно это ни что иное, какъ павшая лошадь или верблюдъ. Это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что вблизи этого пятна нѣтъ-нѣтъ да и опустится на землю воронъ, за нимъ другой, третій: ясно, что они чуютъ падаль. Однако, побродивъ около таинственнаго пятна, вороны какъ бы испуганно снимаются съ земли и улетаютъ. Дѣйствительно, въ ложбинкѣ лежитъ лошадь. Ноги ея и голова откинуты. Нѣтъ сомнѣнія, что это брошенная кѣмъ-то дохлая лошадь. Но что это какъ будто шевелится около нея? Да, шевелится. Это, кажется, человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ.

— Васька плутъ, нишкни,—слышится шопотъ.

Впереди, по направленію къ Куракъ-чаю, слышится какой-то гулъ, изъ котораго иногда выдѣляются нелѣпые выклики, только не человѣческіе.

— Слышь, Васька, это верблюды кричатъ,—продолжается тотъ же шопотъ.—Ты у меня, братъ, умница, верблюдовъ не боишься; а вонъ у Треньки меренокъ, тотъ, дуракъ, боится.

Впереди гулъ все явственнѣе и явственнѣе, и кой-гдѣ пыль клубится къ небу.

— Идутъ, черти... А вонъ ужъ головы верблюдовъ показываются... Пора намъ на утекъ... Ну, Вася, ползи въ буерачокъ, айда!

Умный конь, немножко поднявшись на переднія ноги и слѣдуя за ползущимъ передъ нимъ всадникомъ, пополз къ оврагу, словно собака. Въ оврагѣ и всадникъ, и конь встали на ноги.

Это Гаврилычъ съ своимъ Васькой былъ въ «секретѣ». Еще до свѣту, послѣ бесѣды съ Паскевичемъ, Мадатовъ выслалъ впередъ для развѣдокъ отряды татарской милиціи и казаковъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и неизбѣжный «Гаврилычъ». Болѣе опытный и болѣе ловкій, чѣмъ всѣ его остальные однопол-

чане, онъ оставилъ ихъ назади и по дну знакомаго ему степного оврага незамѣтно покрался со своимъ умнымъ «Васькой» почти до самаго Куракъ-чая, за которымъ расположено было войско Аббасъ-Мирзы. Теперь онъ ясно видѣлъ, что персіяне перешли въ бродъ мелководный Куракъ-чай и двигаются прямо на русское войско, которое, по разсчету «Гаврилыча», должно быть уже около Зазалъ-Арха.

— Вонъ солнышко-то гдѣ,—оглянулся онъ на солнце, которое порядочно припекало, хотя время стояло около половины сентября.

Скоро онъ выбрался изъ оврага и понесся стрѣлой.

— Ну, Вася, не выдай, цѣлу торбу овса дамъ ужо.

Поджарый, но бодрый конекъ летѣлъ такъ, что вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ «Гаврилыча», хоть было совсѣмъ тихо.—А вонъ и наши односумы.

Изъ-за небольшого возвышенія показалось нѣсколько казаковъ. «Гаврилычъ» поровнялся съ ними.

— Ну, что, пострѣлъ, вездѣ поспѣлъ?—окликнули его.

— Идеть, братцы, свиньемъ валить,—отвѣчалъ «Гаврилычъ» наскаку, поправляя киверъ.

— А много ихъ чертей?

— Видимо-невидимо... какъ саранча... и верблюды.

— Значитъ, «передъ мальчиками пройдемъ пальчиками»,— засмѣялся кто-то, — будетъ потѣха.

Когда «гаврилычъ» прискакалъ къ войску, оно уже, дѣйствительно, достигло ровнаго возвышенія Зазалъ-Арха и располагалось въ боевой порядокъ. Прибыли и татарскіе развѣдчики. Изъ всѣхъ донесеній выяснилось, что Аббасъ-Мирза рѣшился аттаковать русскихъ. Часамъ къ 10-ти массы, нестройныя и, повидимому, безчисленныя, все болѣе и болѣе стали заслонять собою южную половину горизонта. Видны были развѣвающіяся въ воздухѣ знамена, ясно выдѣлялись на горизонтѣ змѣеобразныя шеи и силуэты верблюдовъ. Въ тихомъ воздухѣ отдавался глухой гулъ барабановъ. Мадатовъ, на котораго Паскевичъ возложилъ приведеніе обѣихъ линій въ боевой порядокъ и установку орудій на выгодныхъ позиціяхъ, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ отдавалъ приказанія. Металическій, нѣсколько гортанный голосъ его звучалъ силой и увѣренностью, но въ то же время въ немъ слышалась ласка: «голубчикъ», «дружокъ»,

«душа моя», мѣшались съ прямыми приказаніями. И на загорѣломъ красивомъ лицѣ его свѣтилась ласковость.

— Стой, братцы, смирно, — звучалъ по рядамъ его голосъ, столь знакомый солдатамъ еще съ Чечни и Дагестана, — подпускай ближе персіянина, ему труднѣе будетъ уходить.

— Ишь загнулъ — тихо шепнулъ «дядя Назарычъ» Илюшѣ Лободѣ, теперь своему закадычному другу, — я м у труднѣй будетъ улепетывать... Ловко загнулъ!

А Мадатовъ носился уже на флангахъ, около казаковъ

— Держитесь, атаманы-молодцы, крѣпче, — говорилъ онъ казакамъ, — продержитесь часъ, о н ъ самъ подастся... А тогда е г о въ хвостъ да загривокъ.

— Ради стараться, ваше—ство!—отвѣчали казаки. — Не впервой.

Паскевичъ, окруженный свитою, стоя на небольшомъ возвышеніи за фронтомъ, молча смотрѣлъ въ зрительную трубу, наблюдая за движеніемъ персіянъ. Онъ видѣлъ, какъ, казавшаяся съ перваго взгляда нестройною, масса ихъ стала все болѣе и болѣе раздвигаться вправо и влѣво, образуя громадную дугу въ видѣ полумѣсяца. Въ центрѣ полумѣсяца онъ насчиталъ до двадцати орудій, на которыхъ неровными бликами играло солнце. Концы полумѣсяца замыкались конницею, пестрѣвшею всѣми яркими цвѣтами. За всей этой громадной дугой, отъ одного ея конца до другого, выставлялись длинныя изогнутыя шеи верблюдовъ, которые поводили своими безобразными головами вправо и влѣво. Видъ ихъ въ боевомъ полѣ представлялъ что-то страшное, дикое, невиданное въ европейскомъ войскѣ.

— Точно слоны Ганнибала, — мелькнуло въ умѣ Паскевича. — Окажусь ли я только Сципіономъ, или Павломъ Эмиліемъ?

Холодомъ повѣяло на него отъ этого историческаго воспоминанія. Онъ очнулся и провелъ трубой по всей персидской позиціи отъ одного ея фланга до другого. Неувѣренность и страхъ заползали ему въ душу... «А если подведутъ? — если меня ждетъ судьба Павла Эмилія при Каннахъ»? Оглядываясь, онъ увидѣлъ, что его ничтожное войско очутилось какъ бы въ изогнутомъ дугою страшномъ кольцѣ удава! Персидскіе фланги

очутились ужъ въ тылу нашихъ резервовъ... «Мы въ кольцѣ удава»!...

Онъ глянулъ на свои позиціи и почувствовалъ, что волосы у него на головѣ зашевелились отъ ужаса... Ему показалось, что пѣхота его точно испарилась на половину...

— Гдѣ моя пѣхота? — спросилъ онъ ближайшаго адъютанта. — Я вижу только горсть...

— Часть пѣхоты залегла въ оврагахъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ адъютантъ изъ петербургскихъ.

Паскевичъ вздохнулъ свободнѣе. — «Не отступить ли, пока еще есть время? Не лучше ли, принять битву подъ стѣнами города, все же будетъ защита съ тылу... «Прятаться», — скажетъ татаринъ... Это не значитъ «прятаться», подражая Фабію Кунктатору... Они, кажется, выжидаютъ... Да, выжидаютъ, ни съ мѣста дальше. Насъ ждутъ»?..

Такія мысли бродили въ его головѣ, когда, расположивъ все къ битвѣ, къ нему подъѣхали Мадатовъ и Вельяминовъ доложить объ этомъ.

— Все готово, ваше превосходительство, — сказалъ Мадатовъ. — Прикажете двинуть батальоны?

— А увѣрены ли вы въ побѣдѣ? — сердито спросилъ Паскевичъ.

— За тѣмъ пришли,—уклончиво отвѣчалъ Вельяминовъ.— Не отступать же...

— Мы прятаться не привыкли,—горячо сказалъ Мадатовъ.

«Опять прятаться» — рѣзнуло по сердцу самолюбиваго генерала. — Ну!—И онъ махнулъ рукой.

Мадатовъ и Вельяминовъ поскакали къ позиціямъ, и батальоны двинулись. Непріятельская армія, повидимому, не ожидала этого безумнаго движенія. Какъ? Эта горсть людей лѣзетъ въ самую пасть удава! Русскіе, словно мыши, сами идутъ въ ловушку!.. Такъ понялъ это безумное движеніе и Паскевичъ, когда снова обозрѣлъ позиціи... «Лѣзутъ въ самое полулуніе, въ жерло вулкана»!..

— Остановить ихъ! — крикнулъ онъ адъютанту. — Они взбѣсились!

Адъютанты поскакали. Вотъ они у шагающихъ стройно колоннъ.

— Приказано остановить! Остановить... ни съ мѣста!

Недоумѣвающія колонны какъ-то дрогнули и остановились.

— Скачи, узнай, въ чемъ дѣло? — хриплымъ отъ раздраженія голосомъ крикнулъ Мадатовъ Вельяминову.

Вельяминовъ поскакалъ. Онъ нашелъ Паскевича за фронтомъ, уже не на конѣ. Генералъ сидѣлъ на барабанѣ въ тяжеломъ раздумьѣ. Ему представлялся весь ужасъ пораженія... «Зачѣмъ я повѣрилъ ермоловцамъ»!..

Въ этотъ самый моментъ, со стороны непріятеля загрохотали пушки. Паскевичъ вздрогнулъ и поднялъ голову, которая была опущена на руку. Онъ увидѣлъ Вельяминова, и лицо его исказилось злобой.

— Мѣсто русскаго генерала подъ ядрами!—сурово отчеканилъ онъ.

Вельяминовъ повернулъ лошадь и ускакалъ буквально подъ ядра. Осыпанный градомъ ядеръ, которыя уже вырвали нѣсколько коней изъ его конвойной команды, онъ выскочилъ на курганъ передъ фронтомъ, соскочилъ съ коня и спокойно легъ на подостланную бурку... По колоннамъ пронесся ропотъ удивленія и ужаса... «Да онъ мишенью себя сдѣлалъ! Господи Боже»!

— Онъ насъ собой закрываетъ, — сердито проворчалъ «дядя Назарычъ», готовый броситься впередъ и цѣловать ноги своего генерала.

Это увидѣлъ Мадатовъ. Въ немъ закипѣла азіатская кровь, и онъ, весь красный, подскакалъ къ Вельяминову.

— Ты что дѣлаешь? — крикнулъ онъ. — Что съ тобой?

— Я исполняю приказаніе: находиться подъ ядрами, — съ невозмутимой флегмой отвѣчалъ тотъ.

— Проклятіе! — И Мадатовъ поскакалъ къ Паскевичу.

Онъ засталъ его все въ той же позѣ, какъ бы застывшимъ на барабанѣ, со склоненной на руку головой, въ глубокой задумчивости, точно онъ не слыхалъ грохота непріятельскихъ орудій и силился разрѣшить мучительный вопросъ, «Канны или Тразименo»?.. Или, быть можетъ, онъ рѣшилъ въ умѣ: «не я ихъ посылалъ, сами пошли: пусть спасаютъ себя и меня... Я

умываю руки, что бы ни случилось... Tu l'as voulu, George Dandin»...

— Помилуйте!—раздался надъ нимъ лошадиный топотъ и голосъ «этого татарина». — Мы теряемъ дорогое время, моментъ теряемъ!—кричалъ Мадатовъ,—еще минута, и эта золотоголовая сволочь опомнится и шапками насъ закидаетъ.

Въ этотъ же моментъ подскакали графъ Симоничъ, командиръ грузинскаго гренадерскаго полка, и подполковникъ Грековъ — ширванскаго.

— Ваше превосходительство! — лихорадочно-торопливо говорилъ Симоничъ. — Наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться, они только нападаютъ.

Услыхавъ голосъ «не татарина», Паскевичъ поднялъ голову и глядѣлъ, точно пробуждаясь отъ сна.

— А увѣрены ли вы въ побѣдѣ? — опять спросилъ онъ.

— Увѣренъ! И вотъ мой товарищъ, Грековъ, какъ и я, мы головами отвѣчаемъ за успѣхъ.

— Ну, такъ съ Богомъ! — И Паскевичъ выпрямился...

Радостный и возбужденный, скакалъ Мадатовъ къ стоявшимъ подъ ядрами колоннамъ.

— Отдавай приказанія! — издали крикнулъ онъ Вельяминову.

Послѣдній моментально былъ на сѣдлѣ, куда и флегма дѣвалась...

— Слава Богу, — шепталъ «дядя Назарычъ», — теперь въ штыковую!

— Пошли Левковича съ его дивизіономъ въ аттаку, проломитъ центръ непріятеля, — говорилъ между тѣмъ Вельяминовъ Мадатову. — Батальонамъ Овечкина и Юдина, съ двумя орудіями, вели бѣглымъ шагомъ слѣдовать за драгунами Левковича, и когда непріятельская кавалерія съ фланговъ понесется окружать драгунъ, ей въ хвостъ ударитъ картечью, и въ штыки! Казаковъ пошли прикрывать фланги колоннъ Овечкина и Юдина. А когда вся эта персидская сволочь пустится на утекъ, казакамъ будетъ близко насѣсть на нихъ.

— Начать канонаду! — скомандовалъ Мадатовъ, поворачивая коня къ орудіямъ и отступая отъ пушечныхъ жерлъ. — Наводи, гдѣ гуще.

Едва послѣдовалъ первый залпъ, какъ Мадатовъ былъ уже около батальоновъ Овечкина и Юдина.

— Батальоны впередъ, въ штыки! — скомандовалъ онъ.

— Братцы! — крикнулъ Овечкинъ передъ фронтомъ. — Долой ранцы! Легче будетъ колоть!

— Ура! — прогремѣли колонны, сбрасывая на землю ранцы.

— И кивера, братцы, долой, — въ свою очередь крикнулъ «дядя Назарычъ», — еще свободнѣе будетъ капусту рубить, такъ было и подъ Бородинымъ.

— Браво, старина! — привѣтствовалъ Овечкинъ предложеніе Назарыча. — Спасибо, Назаровъ!

Съ саблями на-голо и съ криками «ура» бросились впередъ Овечкинъ, Юдинъ, Грековъ и графъ Симоничъ. За ними ринулись ихъ колонны. Грековъ палъ первымъ, его сразила картечь; палъ и графъ Симоничъ, тяжело раненый. Зато тѣмъ безпощаднѣе была штыковая работа озлобленныхъ солдатъ. Аббасъ-Мирза не ожидалъ такой стремительности и такой силы отъ ничтожной горсти. Персидскій историкъ говоритъ, что «его высочество, подобравъ за поясъ полы своего кафтана, собственноручно сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушки и силою ихъ губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ»! Но и это помраченіе всего свѣта не выручило его. Онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. «Въ самый разгаръ боя, — говоритъ тотъ же персидскій историкъ, — замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана: когда принцъ, воодушевляя ратниковъ, предался размышленію о средствахъ къ спасенію (т. е. къ бѣгству), лошадь его высочества внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокую яму (т.-е. въ оврагъ, гдѣ прежде «въ секретѣ» лежалъ Гаврилычъ съ своимъ «васькой»), отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю (т.-е. по просту, упалъ). Прислуга не могла замѣтить такого непріятнаго казуса и, не видя своего повелителя, исполнилась невыразимаго смущенія, вообразивъ, что его высочество, подобный Александру Македонскому и славный дѣяніями знаменитаго государя Дара (Дарія), погибъ. Слѣдствіемъ всего этого было всеобщее разстройство: свита принца разсѣялась въ разныя стороны, сарбазы же поспѣшили

отретироваться съ той возвышенности, которая походила на средоточіе невыразимаго кровопролитія»...

Пораженіе персіянъ было полное.

XXXI. Въ волнахъ Куры.

Подъ вечеръ того дня, когда Аббасъ-Мирза потерпѣлъ пораженіе подъ Елисаветполемъ, въ Тифлисѣ, въ небольшомъ саду при домѣ князя Чавчавадзе, подъ гранатовымъ деревомъ сидѣли Нина Чавчавадзе и ея пріятельница Магуль, которую теперь уже звали христіанскимъ именемъ—Ольга. Проповѣдь княгини Чавчавадзе, матери Нины, о томъ, что христіане на томъ свѣтѣ, въ загробной жизни, соединяются съ тѣми, кого они любили на землѣ, не могла не подѣйствовать на пылкое воображеніе черкешенки, у которой въ сердцѣ все еще не заглохла первая любовь, любовь къ тому, кто погибъ такъ трагически и, притомъ, отчасти по ея винѣ, и которая, кромѣ того, такъ страстно желала свидѣться съ отцомъ за гробомъ: — она приняла христіанство. Воспріемникомъ ея при крещеніи былъ Грибоѣдовъ, а крестною матерью, княгиня Чавчавадзе. Но перемѣна религіи не принесла ей желаемаго утѣшенія. Сначала новая обстановка, въ которую она попала послѣ своего уединеннаго горнаго аула, кипучая жизнь среди большого города, новые люди, относившіеся къ ней съ любовью и нескрываемымъ восхищеніемъ, лестное отличіе, которымъ почтили ее не только высшія власти въ Тифлисѣ, но и самъ невѣдомый для нея таинственный «бѣлый падишахъ», все это сначала ошеломило юную дикарку, и все, что съ нею совершалось, казалось ей чуднымъ сномъ, одною изъ тѣхъ восточныхъ сказокъ, которыя когда-то съ пламеннымъ краснорѣчіемъ горца разсказывалъ ей отецъ. Ее носили на рукахъ; кормили ее такими яствами, о которыхъ она въ горахъ и понятія не имѣла; Ниночка привязалась къ ней страстно; съ ней ласково и любовно говорилъ самъ Ермоловъ; ее баловалъ Грибоѣдовъ, котораго она называла: «папа», а онъ ее—«моя дочка Оля». Ей казалось, что она попала въ какую-то очаровательную страну.

Но потомъ, мало по малу, очарованіе начало исчезать, яркія краски, въ которыя окрашивалось все, тускнѣть. Начала ли

посѣщать ее тоска по роднымъ горамъ, по этимъ бѣднымъ, сѣрымъ саклямъ родного аула, гдѣ она беззаботно провела свое дѣтство среди подругъ-дикарокъ, среди знакомыхъ и дорогихъ душѣ мелодій; тосковала ли она о томъ, кто далъ ей первые восторги любви и безвременно погибъ съ ея послѣднимъ поцѣлуемъ на устахъ, этого никто не зналъ. Или, быть можетъ, она почувствовала раздвоеніе въ душѣ, послѣ того, какъ отреклась отъ вѣры своихъ отцовъ и отдала себя новой вѣрѣ, сущности которой она не могла постигнуть. Всего скорѣе, что эта не сознаваемая ею, а только чувствуемая оторванность отъ чего-то, это перенесеніе свѣжаго горнаго деревца въ новую почву, эта тоска молодого орленка по своимъ горамъ, по своемъ гнѣздѣ, все это, безъ сомнѣнія, точило ея душу. Она чаще и чаще стала о чемъ-то задумываться. По цѣлымъ часамъ сидѣла она иногда, грустно глядя на синѣвшіяся верхушки далекихъ горъ, за которыми лежалъ гдѣ-то ея родной аулъ. Нина стала замѣчать, что съ ея любимицей происходитъ что-то непонятное, что личико ея все болѣе худѣетъ; но на вопросы, что съ тобою, милая Оля?.. Магуль или ничего не отвѣчала, или грустно улыбалась, говоря: «Ничего, милая Ниночка». Правда, она нѣсколько оживлялась, галопируя на своемъ конѣ въ окрестностяхъ Тифлиса вмѣстѣ съ Ниною и нукеромъ-джигитомъ, а иногда и въ сопровожденіи Грибоѣдова, который былъ отличнымъ наѣзникомъ; но все же что-то было въ поведеніи непонятнымъ. Сегодня она казалась особенно грустною. Нина молча наблюдала за нею, чертя зонтикомъ по песку.

— Нѣтъ, милая Оля, что ни говори, а ты о чемъ-то тоскуешь, — сказала она, взявъ ее за руку. Хотя Нинѣ едва ли исполнилось 14 лѣтъ, но она относилась къ Магуль тономъ старшей сестры къ младшей.

— Можетъ быть, о своихъ родныхъ горахъ? — продолжала Нина, нѣжно гладя руку пріятельницы. — Но вѣдь и кругомъ насъ все горы. А какъ хорошо шумитъ Кура! Слышишь? А какая тамъ у васъ рѣка, гдѣ ты родилась?

— У насъ Чирахъ-чай, — отвѣчала Магуль, и глаза ея какъ будто нѣсколько оживились.

— А большая? Больше Куры?

— Нѣтъ, меньше, только не такая мутная.

— Такъ ты о своемъ аулѣ скучаешь? — продолжала до-

прашивать Нина. — Или, можетъ быть, ты все тоскуешь по немъ? — таинственно прибавила она. — Бѣдная Оля! Я бы, кажется, умерла съ горя, еслибъ тотъ, кого я люблю, погибъ такъ, какъ твой...

— А ты развѣ любишь кого нибудь? — съ живостью и тревогой спросила черкешенка.

— Люблю, — почти шопотомъ отвѣчала Нина.

— Кого, милая Ниночка?

Но въ это время въ саду послышался голосъ Грибоѣдова. Обѣ дѣвушки встрепенулись.

— Ты что это, Давидъ, пѣлъ сегодня утромъ? — спрашивалъ кого-то Грибоѣдовъ.

— Армянскую пѣсню пѣлъ, барынъ, — отвѣчалъ голосъ съ армянскимъ акцентомъ.

— И хорошая пѣсня, Давидъ?

— У! Какая хорошая, барынъ! Такой у васъ и въ Россыи нэтъ.

— Ой ли? А какъ ея слова?

— Слава, барынъ? И слава очень хороши, объ одной красавица, у! какая красавица! Слюшай, барынъ: по-русски слова не такъ хороши, какъ по-армянски... Вотъ слюшай:

Въ саду роза—на што мэнэ?
Лючче тэбэ—на што мэнэ?
Выхады, сонца,—слюшай мэнэ—
Лючче тэбэ—на што мэнэ!
Губи точно сахрумъ слядкумъ,
Талья—точно чинарисъ-кхе!
Кускомъ кускомъ обляки думъ!
Съ писмомъ иду запечатаномъ—
Отъ лубовницамъ...

— Харашо, барынъ?

— Очень хорошо, Давидъ, просто прелесть! А что жъ это значитъ: «кускомъ-кускомъ облаки думъ»?

— А эта, барынъ, значитъ: онъ, любовникъ, все думалъ о своя лубовница: такимъ кускомъ-кускомъ думи въ галава лубовника, какъ облаки, много думи на головѣ!

— Понимаю, Давидъ: это очень поэтическое сравненіе. А зачѣмъ же онъ идетъ отъ любовницы съ запечатаннымъ письмомъ? Зачѣмъ она дала ему запечатанное письмо?

— А какъ же, барынъ? Штобъ нихто не читалъ письмо, сама лубовница запечатала

— И сама отдала ему въ руки? Зачѣмъ же печатать?

Давидъ, видимо, былъ озадаченъ. «Не знаю, барынъ... такой пѣсня»...

Давидъ былъ добродушный и простоватый малый изъ кутаисскихъ армянъ, и служилъ конюхомъ у Чавчавадзе. Лошадей онъ очень любилъ и ухаживалъ за ними самымъ добросовѣстнымъ образомъ, держалъ ихъ необыкновенно чисто, разговаривалъ съ ними, какъ съ существами, равными съ нимъ по развитію, и вообще холилъ ихъ. За его добросовѣстность и честность, къ нему всѣ относились ласково, и наивная простоватость его была предметомъ всеобщаго надъ нимъ подшучиванья. Но онъ не обижался этимъ, полагая, что когда съ нимъ шутятъ, значитъ, оказываютъ ему вниманіе. Особенно Грибоѣдова забавляла его простоватость, и Давидъ всѣмъ говорилъ, «барынъ въ очкахъ его очень лубитъ».

— Такъ «кускомъ-кускомъ облаки думъ»? — спросилъ Александръ Сергѣевичъ снова. — Такъ и клубятся любовныя думы?

— Клубяцца барынъ, такой пѣсня.

Грибоѣдовъ замѣтилъ дѣвушекъ, которыя шли къ нему навстрѣчу.

— А я къ вамъ, — сказалъ онъ, здороваясь. — Сегодня такой пріятный вечеръ, не жаркій, что отлично можно было бы покататься за городомъ. Я и Давиду говорилъ объ этомъ, и онъ одобряетъ мое рѣшеніе... Я не зналъ, что онъ не только отличный конюхъ, но и поэтъ. Сейчасъ продекламировалъ мнѣ великолѣпный романсъ въ вольномъ переводѣ.

— Мы слышали, — улыбнулась Нина,—поэтично: талья—точно чинара, а губы — сладкій сахаръ.

— А «облака думъ»?.. кускомъ-кускомъ, это очень образно,—шутилъ Александръ Сергѣевичъ.—А что моя дочка?—обратился онъ къ Магуль. — Она что-то блѣдненькая.

Черкешенка, дѣйствительно, была блѣднѣе обыкновеннаго. Она замѣтила, какъ при появленіи Грибоѣдова лицо Нины выразило что-то такое, чего она прежде не замѣчала на немъ, потому, быть можетъ, что не наблюдала. А теперь она что-то уловила на лицѣ своей подруги. Уловила она что-то и въ глазахъ

своего крестнаго отца, въ близорукомъ взорѣ, брошенномъ имъ на Нину. Она поняла это своимъ женскимъ чутьемъ, и сердце ея мучительно сжалось. Она вспомнила, что такимъ взоромъ смотрѣлъ на нее когда-то тотъ, кто погибъ подъ развалинами минарета въ Чирахѣ... «Къ нему бы, къ нему бы скорѣй», — болѣзненно шевельнулось у нея въ душѣ, и она до боли сжала свои руки.

— Да, наша Оля что-то скучаетъ, — сказалъ Нина. — Или она тоскуетъ по своимъ горамъ, или ужъ я не знаю что...

И Грибоѣдовъ подумалъ, что едва ли не напрасно этотъ нѣжный цвѣтокъ вырвали изъ родной почвы. Но какъ поправить разъ сдѣланную ошибку? Ему необыкновенно жаль стало этого милаго существа.

— Бѣдная моя дочка,—нѣжно сказалъ онъ, глядя на нее,— грустишь по горамъ?

— Нѣтъ... не знаю, папа, — тихо отвѣчала она.

— Такъ поѣдемъ кататься, это тебя развлечетъ, ты же такъ любишь верховую ѣзду, — проговорилъ Грибоѣдовъ, взявъ дѣвушку за руку; но въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что все это безполезно, потому что давно сталъ замѣчать, какъ непонятная душевная болѣзнь подтачивала это бѣдное, нѣжное созданіе.

Можетъ быть, еслибъ она сама могла анализировать свои душевныя муки, или хоть бы съумѣла выразить ихъ словами, ей было бы легче; но родныя горы не научили ее разбираться въ своихъ чувствахъ, они непосредственно ложились ей на душу, и она, какъ въ бреду горячки, могла только метаться, какъ мечется больной ребенокъ.

Если даже развитые люди чувствуютъ иногда надъ собою такой гнетъ тоски, что не знаютъ, какъ спастись отъ самихъ себя, отъ своихъ думъ, то насколько тяжелѣе должно чувствовать себя безпомощное дитя природы, оторванное отъ своей почвы, отъ своей религіи, и притомъ съ такими требованіями сердца, которыхъ она и не смѣла обнаружить и не съумѣла бы выразить словами?

Грибоѣдовъ понималъ только часть того, что чувствовала дѣвушка, оторванность отъ почвы; но объ остальномъ онъ не могъ и догадываться.

— Такъ ѣдемъ кататься, милая дочка? — повторилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Ѣдемъ, — тихо отвѣчала Магуль.

Черезъ полчаса всѣ трое были уже за городомъ, галопируя по берегу бурной и мутной Куры. Вечерѣло. Солнце уже опускалось къ горамъ, и тѣни всадниковъ, бросаемыя на кремнистую дорогу, все болѣе и болѣе удлинялись.

— Мнѣ бы слѣдовало не здѣсь быть теперь, — заговорилъ Грибоѣдовъ, — а я вотъ съ дѣвочками катаюсь.

— А гдѣ же?—спросила Нина.

— При войскѣ, у стремени своего воинственнаго родственника Паскевича: можетъ быть, онъ теперь мѣряется силами съ Аббасъ-Мирзою, а я вотъ тутъ разыгрываю изъ себя дамскаго кавалера.

— Но вѣдь вы не могли ѣхать съ Паскевичемъ; вы были больны, — возразила Нина.

— Да, но теперь я здоровъ... Впрочемъ, развѣ мало убилъ я времени, когда безобразничалъ въ Литвѣ!

— Вы безобразничали? — удивилась Нина.

— Да еще какъ! Когда васъ и не было на свѣтѣ, а нашъ полкъ стоялъ въ Литвѣ, чего я не продѣлалъ отъ скуки, молодечества, изъ озорства! Вспомнить стыдно. Я не говорю ужъ о тѣхъ пакостяхъ, которыя мы, молодые офицеры, творили съ евреями — и въ бочки съ дегтемъ окунали ихъ, а потомъ валяли въ пуху и перьяхъ, и къ вербамъ подвѣшивали, говоря, что «на вербахъ груши». Мы безобразничали и съ поляками. Прослышимъ, бывало, что у такого-то пана балъ, мы и являемся верхомъ среди танцующихъ, иногда на лошадяхъ въѣзжали во второй этажъ... А что я дѣлалъ въ костелѣ! Вы знаете, что я порядочно играю на фортепіано. Вотъ, бывало, и стану играть на органѣ, во время мессы, вмѣсто органиста; всѣ усердно молятся, месса такая торжественная, органъ подъ моими пальцами дышетъ молитвенно, величаво; молящіеся плачутъ, ударяютъ себя въ грудь... И вдругъ въ самую торжественную минуту я начинаю играть «Комаринскую»! Вообще я глупо и безобразно провелъ молодость. Потомъ эта глупая дуэль...

— А вы и на дуэли дрались? — заинтересовалась Нина.— съ кѣмъ?

— Съ Якубовичемъ, вотъ и слѣды дуэли.

И Грибоѣдовъ показалъ руку съ однимъ сведеннымъ пальцемъ.

— Такъ что, — продолжалъ онъ, — не выпроводи меня родные сюда, на Кавказъ, я, быть можетъ, продолжалъ бы и до сихъ поръ вести безобразную жизнь.

— А страшно на дуэли? — спросила Нина.

— Конечно, страшно, хоть фанфаронство и заставляетъ показывать видъ, что ничего не боишься. Впрочемъ, отъ страха, отъ трусости можно себя отчасти отучить, и я до нѣкоторой степени на Кавказѣ отучилъ себя.

— Какъ же это, Александръ Сергѣевичъ,—поинтересовалась Нина.—Я бы тоже хотѣла отучить себя отъ трусости. А то я летучихъ мышей боюсь.

— Напрасно: онѣ такія хорошенькія,—улыбнулся Грибоѣдовъ.—А къ пулямъ и ядрамъ я таки пріучилъ себя. Признаюсь, мнѣ стыдно было дрожать передъ ядрами, то есть передъ возможностью смерти; я въ первой же битвѣ сталъ въ то мѣсто, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мною число выстрѣловъ, потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Послѣ этого я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я сначала чувству страха, оно бы усилилось, утвердилось во мнѣ: тогда я былъ бы мученикомъ своего собственнаго воображенія.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они совсѣмъ забыли о Магуль. Бѣдная дѣвушка видѣла это, какъ видѣла тоже и прежде.—«Я чужая всѣмъ, чужая, никому не нужна... А тотъ, кто любилъ меня, — ушелъ навѣки». Она вспомнила послѣднюю лунную ночь, когда онъ приходилъ къ ней на свиданье. Что это была за ночь! Какія были ласки, какое блаженство!.. И ей мучительно захотѣлось его видѣть... «На томъ свѣтѣ... Гдѣ же этотъ другой свѣтъ?..» И что же онъ самъ ни разу не пришелъ къ ней? Только во снѣ онъ иногда и ласкалъ ее; а теперь и во снѣ давно не приходитъ. «На томъ свѣтѣ»... Но какъ перейти на тотъ свѣтъ? Ждать смерти? Но ждать такъ тяжело, такъ долго... Вонъ они разговариваютъ, имъ весело, и они не думаютъ о ней... Зачѣмъ ждать? Развѣ сразу перейти на тотъ свѣтъ?.. «Тамъ такъ свѣтло, такъ радостно»,—говоритъ Саломэ Ивановна, ея

крестная мать. — Только страшно, страшно! А ждать еще страшнѣй...

Топотъ коней отдается такъ гулко въ вечернемъ воздухѣ. На горы и на бурную Куру тѣни ложатся все гуще и гуще. Магуль посмотрѣла на горы, задернутыя дымкою сумерекъ. Тамъ ея родной аулъ. Она, кажется, видитъ эти сѣрыя сакли, плоскія кровли и себя на одной изъ кровель. Рядомъ съ редутомъ возвышается мечеть и минаретъ. Теперь отъ минарета остались только груды камней. Но тогда минаретъ былъ цѣлъ, и его такъ ярко освѣщала лун.. А это послѣднее свиданіе... Зачѣмъ послѣднее, когда она можетъ увидѣть е г о сейчасъ, вотъ только прыжокъ въ бурную Куру—и она с ъ н и м ъ!

— Да, это тогда, когда я остригла себѣ рѣснипы?—послышался ей голосъ Нины.

— Да,—отвѣчалъ голосъ Грибоѣдова.

— Такъ зачѣмъ же меня дразнилъ Ермоловъ?

— Онъ не дразнилъ, а только шутилъ съ вами, какъ съ ребенкомъ... Онъ любовался вашими рѣсницами, вѣдь онѣ у васъ восхитительны...

Магуль вздрогнула, и сильнымъ ударомъ хлыста подняла на дыбы свою лошадь. Непривычное къ ударамъ животное, закусивъ удила, бѣшено бросилось впередъ. Магуль не удерживала. Хотѣла ли она забыться въ безумной скачкѣ, задушивши въ себѣ волновавшія ее чувства, или ею руководило какое-либо иное побужденіе, но только она не видѣла или не хотѣла видѣть, какъ бѣшеное животное неслось прямо къ обрыву, подъ которымъ бурлили мутныя волны Куры...

— Магуль! Магуль!—донесся до нея испуганный голосъ Грибоѣдова.

Но было уже поздно. Обезумѣвшее животное ринулось прямо въ Куру съ высоты нѣсколькихъ саженъ. И лошадь, и дѣвушка исчезли подъ водой.

XXXII. Увольненіе Ермолова.

Побѣда, одержанная Паскевичемъ подъ Еласаветполемъ и одержанная притомъ противъ его воли, единственно лишь вслѣдствіе настояній Мадатова и Вельяминова, эта неожиданная для петроградскаго генерала побѣда имѣла такія послѣдствія, ка-

кихъ никто не ожидалъ. Она погубила Ермолова и погубила навсегда.

— Удалось кошкѣ спрыгнуть съ печки, и она вообразила себя львомъ,—говорилъ Мадатовъ при первомъ свиданіи съ Ермоловымъ.

— Да,—улыбнулся Ермоловъ,—но безъ твоей помощи эта хитрая кошка и съ печки не сумѣла бы спрыгнуть.

— Я что!—скромно возразилъ Мадатовъ.—Тутъ все сдѣлали наши несравненные солдатики, эти «дяди Назарычи» да «гаврилычи».

Между тѣмъ, кошка уже «блудила» въ Петроградѣ при помощи своихъ ядовитыхъ доносовъ и при содѣйствіи прибывшихъ изъ Петрограда матушкиныхъ сынковъ и разныхъ «братцевъ», лакомыхъ до готовыхъ лавровъ.

Съ конфиденціальнымъ письмомъ такого «братца» явился однажды утромъ въ главный штабъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ и прямо пошелъ въ кабинетъ начальника этого штаба, Ивана Ивановича Дибича. Поздоровались.

— Что новенькаго?—спросилъ Дибичъ.

— Да вотъ пріѣхалъ благодарить васъ за брата, котораго вы столь любезно рекомендовали Ермолову, — отвѣчалъ Бенкендорфъ, лукаво улыбаясь.

Дибичъ зналъ эту улыбку.—А что?—спросилъ онъ.

— Да то, почтенный Иванъ Ивановичъ, что нашъ «великій человѣкъ» надѣлаетъ Россіи великихъ хлопотъ,—отвѣчалъ Бенкендорфъ, разумѣя Ермолова подъ ироническою кличкой «великаго человѣка», и вынулъ изъ своего портфельчика пакетъ.— Это братъ мнѣ пишетъ, и я, прежде чѣмъ доложу обо всемъ выше, счелъ долгомъ поставить объ этомъ въ извѣстность васъ, какъ начальника главнаго штаба. Вамъ извѣстно, что Паскевичъ, послѣ пораженія Аббасъ-Мирзы подъ Елисаветполемъ, намѣревался двинуться въ глубь Персіи, но Ермоловъ не пустилъ его далѣе, изъ опасенія увидѣть подобные лавры не на своей прекрасной юпитерской головѣ, и отложилъ походъ до весны или до лѣта. Но—пишетъ братъ—«мысль открыть кампанію лѣтомъ обезкураживаетъ всѣхъ, и упадокъ духа начинаетъ уже смѣнять ту пылкость, которая одушевляла прекрасныя войска, горѣвшія нетерпѣніемъ оправдать надежды государя. Самые усердные приверженцы Ермолова въ недоумѣніи;

порядочные офицеры громко ропщутъ на него, тѣмъ болѣе, что не видятъ конца непріятностямъ, въ которыя ставитъ ихъ несогласіе между двумя начальниками; солдаты жалуются на недостатокъ во всемъ, между тѣмъ они могли бы итти впередъ. О, мой милый братъ,—пишетъ онъ дальше,—такъ дѣло не можетъ итти и не пойдетъ,—я вамъ это предсказываю. Съ императоромъ здѣсь дурно поступили, и меня всякій день выводитъ изъ себя это сплетеніе глупости и особенности хитрости, похищающихъ у государя одну изъ прекрасныхъ страницъ, которая могла бы украсить исторію подвиговъ государства. Всему этому нѣтъ имени и обо всемъ получаешь настоящее, истинное понятіе, только видя собственными глазами, что здѣсь дѣлается. Прежде всего, находящіеся здѣсь не имѣютъ понятія о веденіи войны, что они и доказали, а Ермоловъ боится, чтобы кто-нибудь не прославился помимо его иниціативы. Все, что здѣсь происходитъ, дѣлаетъ меня больнымъ, такъ какъ я вижу, что здѣсь все устроено такъ, чтобы ничего не дѣлать и обманывать императора насколько то возможно. Усердіе истинно-преданныхъ государю людей будетъ, наконецъ, парализовано; всѣ прибыли сюда одушевленные самымъ воинственнымъ духомъ, но всякій видитъ теперь, что, будучи далеко не желаннымъ, дѣлается предметомъ зависти наговоровъ тому, который долженъ всѣми управлять».

— «Это фитляръ, jongleur, — продолжалъ читать Бенкендорфъ, видя угрюмое молчаніе Дибича,—фигляръ, распустившій всю административную машину и допустившій множество злоупотребленій исключительно вслѣдствіе своего характера. Ермолову нужны только свои созданія, слѣпые поклонники воображаемаго имъ въ себѣ таланта и распространители его славы. Такая фальшь продолжалась до той рѣшительной минуты, пока не наступило время осуществленія идей, и тогда этотъ «великій человѣкъ», который жаждалъ только поклонниковъ, очутился въ глазахъ свѣта въ состояніи человѣка, близкаго къ могилѣ»...

— Но онъ далеко не смотритъ въ могилу,—какъ бы про себя замѣтилъ Дибичъ.—Извините, я слушаю.

«Ce grand homme—продолжалъ Бенкендорфъ — ne quittera la partie que quand on le mettra décidément à la porte, пока его не вышвырнулъ за дверь, какъ онъ того заслуживаетъ. Это, какъ кажется, человѣкъ безъ всякаго чувства, жаждущій

одной власти, какою бы цѣною она ни досталась, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ все, чтобы потерять ее, какъ въ административномъ, такъ и въ военно-политическомъ отношеніяхъ, ибо никогда тегеранскій дводъ не согласится имѣть съ нимъ дѣло. Ермоловъ убилъ во всѣхъ патріотическій порывъ, и я васъ прошу подумать и принять къ свѣдѣнію, что мы не совершимъ ничего выдающагося, пока здѣсь Ермоловъ, пока ему будетъ предоставлено все дѣло или пока его не свяжутъ по рукамъ. Я говорю вамъ не отъ себя только одного, но высказываю чувства всѣхъ, кто только преданъ императору, желаетъ ему блага и хочетъ служить ему. Тѣ, которые набили себѣ карманъ, думаютъ только о томъ, чтобъ имъ сохранили Ермолова, сдѣлавшагося для нихъ государемъ и отечествомъ. Погода стоитъ здѣсь превосходная, на персидскихъ горахъ нѣтъ ни капли снѣга, а еслибъ даже онъ и былъ, развѣ не нашлось бы русскихъ рукъ, чтобъ его расчистить, это просто скандалъ, и время начинать бой».

— Что вы на это скажете, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ?—спросилъ Бенкендорфъ, кончивъ читать.

Дибичъ молча пододвинулъ къ себѣ пачку бумагъ и вынулъ изъ нея одинъ исписанный листъ.

— А вотъ что мнѣ пишетъ о Ермоловѣ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ,—сказалъ онъ, слегка щелкая пальцемъ по бумагѣ:—«Ce qui fait jusl'a présent marcher cette administration, c'est la confiance que l'on porte à la parole et à la justice du général Ermoloff, et la crainte que l'on en a; malgré cela on pourrait le taxer quelquefois de faiblesse plutôt que de trop grande sévétiré. Je crois que dans cette occasion il fallait plus d'exemples de punitions qu'il nen a donnés»

— Какъ согласить эти разнорѣчія и какъ доложить государю одну оцѣнку Ермолова, не доложивъ другой?—говорилъ Дибичъ, кончивъ читать и глядя на своего собесѣдника.—А государь долженъ знать истину.

— Конечно,—согласился Бенкендорфъ

— Мало того,—добавилъ Дибичъ, — есть основаніе подозрѣвать, что Ермолова дразнятъ, какъ быка, краснымъ флагомъ торреадора, доброжелатели Паскевича, и этотъ послѣдній думаетъ совсѣмъ убрать съ арены свирѣпаго быка

— Очень можетъ быть; но вспомните, что пишетъ мой братъ,—возразилъ Бенкендорфъ.

— Согласенъ; но, по словамъ князя Долгорукова, свирѣпый быкъ оказывается менѣе свирѣпымъ, чѣмъ нападающій на него торреадоръ. Князь Долгоруковъ пишетъ, между прочимъ: «генералъ Ермоловъ, которымъ я былъ вначалѣ дурно принятъ (попятно, не соглядатай ли?), но который постепенно перемѣнилъ свое мнѣніе, далъ мнѣ довольно щекотливое порученіе, доказывающее, однако жъ, его довѣріе ко мнѣ... Оно заключалось въ томъ, чтобы я отправился къ генералу Паскевичу и постарался водворить между ними согласіе, которое казалось совершенно потеряннымъ. Я выступилъ съ полкомъ казаковъ полковника Шамшева и двумя орудіями, которыя должны были усилить отрядъ Паскевича. Я провелъ тамъ три недѣли, въ продолженіе которыхъ всѣ мои старанія были употреблены на то, чтобы возстановить дружескія отношенія между двумя генералами, но довѣріе было уже потеряно, и всѣ мои попытки и заботы были почти что безплодны».

— Да, — сказалъ Бенкендорфъ, выслушавъ эту часть письма, — Ермоловъ и Паскевичъ скорѣе напоминаютъ собою двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ

— И вы полагаете, что ихъ обоихъ слѣдуетъ оттуда рогатиной?—спросилъ быстро Дибичъ.

Хитрый шефъ жандармовъ сразу проникъ въ душу начальника главнаго штаба. «А, голубчикъ! Ты самъ хочешь быть этой рогатиной»,—сразу сообразилъ онъ.

Кончилось тѣмъ, что Бенкендорфъ перехитрилъ Дибича: послѣдняго отправили въ Тифлисъ не въ качествѣ рогатины, а въ замаскированной роли главнаго «ока свыше». Будучи уже въ Тифлисѣ, Дибичъ получилъ письмо императора, въ которомъ говорилось: признаюсь вамъ, что я очень радъ de vous savoir sur les yieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues. Я надѣюсь, что вы не допустите закрыть себѣ глаза этому человѣку, для котораго ложь есть добродѣтель, когда она ему полезна, и который дурачитъ помощниковъ, коихъ ему даютъ... Приказомъ завтрашняго числа я назначаю Паскевича на мѣсто Ермолова со всѣми его правами. Да благословитъ Господъ этотъ важный шагъ и да дастъ намъ всѣмъ силы и разумъ. По полученіи этого письма, вы сообщите мнѣ

всѣ возможныя подробности о томъ, какъ все обойдется; только безъ шума, скандала и насилія. Я положительно запрещаю всякое оскорбленіе и дѣлаю васъ въ этомъ отвѣтственнымъ; пусть все совершится avec dignité et dans la stricte sègle du service».

Ермоловъ былъ уволенъ. Наканунѣ отъѣзда изъ Тифлиса, онъ зашелъ къ Чавчавадзе проститься съ Саломэ Ивановной и съ Ниночкой. Изъ передней онъ услышалъ звуки знакомой мелодіи. Нина и Грибоѣдовъ играли въ четыре руки любимую Ермоловымъ пьесу Огинскаго.

Алексѣй Петровичъ былъ спокоенъ, но грустенъ.

— Вамъ много повредилъ Пушкинъ,—сказалъ, между прочимъ, Грибоѣдовъ.

— Чѣмъ?—удивился Ермоловъ

— А тѣмъ, что вашу славную дѣятельность воспѣлъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»... Этого никогда не простятъ вамъ ни Дибичи, ни Паскевичи, ни Бенкендорфы,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— Я сейчасъ только декламировала это мѣсто Александру Сергѣевичу, — замѣтила Нина. — Какъ это восхитительно.—И она съ чувствомъ прочла наизусть·

Но се—Востокъ подъемлетъ вой...
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ, идетъ Ермоловъ...
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы...

У Ермолова на глазахъ блеснѣли слезы... «Нюся! Милое, доброе дитя! Дайте поцѣловать ваши глазки и чудныя рѣсницы, которыя вы когда-то безбожно остригли»...—И Ермоловъ поцѣловалъ свою любимицу.

XXXIII Плетневъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь—на Стрѣлкѣ..

На балконѣ дачи Петра Александровича Плетнева на Крестовскомъ островѣ, яснымъ вечеромъ, сидѣли въ качалкахъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ. Балконъ выходилъ на Неву, по которой то тамъ то здѣсь скользили ялики съ катающимися или спѣшившими на Елагинъ, на аристократическую и дипломатическую тогда Стрѣлку, на pointe. По Крестовскому мосту также гремѣли экипажи аристократіи, стучали копыта лошадей подъ всадниками и амазонками. Это было въ концѣ мая 1828 года.

Передъ Плетневымъ лежала раскрытая тетрадь, которую онъ читалъ вслухъ. Пушкинъ нервно теребилъ правую бакенбарду, а авторъ «Горя отъ ума» угрюмо молчалъ.

— Но я нахожу это очень слабымъ,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ, оставляя въ покоѣ бакенбарду.

— Только не бездарнымъ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, милѣйшій Плетневъ, ты даже въ Булгаринѣ находишь поэзію,—улыбнулся Пушкинъ.

— И Булгаринъ не бездаренъ, — мягко возражалъ Плетневъ,—только муза его...

— Не Аполлону сродни, а Бенкендорфу!—засмѣялся авторъ «Онѣгина».

Грибоѣдовъ всталъ съ качалки, подошелъ къ столу, на которомъ лежала тетрадь, взялъ ее и сталъ перелистывать.

— Но Гоголь былъ, не забудьте, мальчишкой, когда онъ это писалъ,—пояснилъ Плетневъ, принимая тетрадь, молча поданную ему Грибоѣдовымъ. — Этотъ юноша положительно даровитъ,—продолжалъ онъ,—какая богатая фантазія, какія краски! Ну, вотъ хоть бы это мѣсто, послушайте.

И Плетневъ сталъ читать медленно, нѣвуче:

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля!
Аѳины, къ вамъ въ жару чудесныхъ трепетаній

Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса...
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ...

— Это что такое?—оборвалъ чтеца Пушкинъ.—«Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ»! Да это безграмотно, нелѣпо! Можетъ быть, по-хохлацки это и хорошо «переселять въ немъ рѣзцомъ» да зачѣмъ же русскую грамматику оскорблять! Она все же дама.

— Положимъ, это неловкая строфа, — согласился Плетневъ,—но вотъ дальше, тутъ много поэзіи.—И Плетневъ продолжалъ:

И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса;
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дальнемъ мірѣ слово,
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ...

— Валитъ,—покачалъ головою Пушкинъ;—«весна катитъ зиму валитъ»... Ну, ну, продолжай.

Плетневъ продолжалъ:

Стихи Софокловы порывисто звучатъ,
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія... Не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша при черныхъ глазъ тѣхъ встрѣчѣ...
Какъ жарки тѣ уста, какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя, какъ ночь, тѣ кудри, какъ-нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь...

— Помилуй!—вскочилъ Пушкинъ: — «Какъ-нибудь волнуясь».. Да отъ эдакой поэзіи можно «какъ-нибудь» и съ ума спятить... Что это за поэма? Да и самое названіе ея дико звучитъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ», чуть, чуть не Кюхельбекеръ. И со стихомъ онъ не умѣетъ справиться, да еще разводить эту

старинную патоку, идиллію... Ей-Богу, не время. Еслибъ жива была «Бѣдная Лиза», то у нея теперь коса была бы сѣдой.

— Да,—согласился и Грибоѣдовъ,—вся эта поэма отзывается заднимъ числомъ, если можно такъ выразиться, слащавымъ романтизмомъ.

— Кислятиной съ патокой,—подтвердилъ Пушкинъ. — А вѣдь у самого этого хохлика, у этого Гоголя, прорва юмору: онъ такъ и брызжетъ этими своими хохлацкими жартами. Онъ, кажется, боготворитъ тебя,—обратился Пушкинъ къ Плетневу,—скажи ему, чтобъ онъ бросилъ поэзію, она не пристала къ его длинному носу, и пусть онъ покажетъ намъ своихъ хохловъ, хоть бы вотъ тѣхъ пріятелей, что поссорились изъ-за «гусака».

— Это Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ?—улыбнулся Плетневъ.—Но я боюсь давать ему совѣты: онъ ужасно самолюбивъ и, вдобавокъ, скрытенъ.

— Ну, а объ его «Ганцѣ Кюхельгартенѣ» я одно могу сказать,—засмѣялся Пушкинъ:

И Кюхельгартенно, и тошно.

Засмѣялся и Плетневъ. Рѣчь шла о первомъ литературномъ произведеніи будущаго автора «Мертвыхъ душъ», о «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». Эта поэма написана Гоголемъ въ 1827 году, когда автору не было еще 19-ти лѣтъ. Въ 1829 году она была напечатана подъ псевдонимомъ В. Алова. Извѣстно, что вскорѣ по отпечатаніи этой книги Гоголь вполнѣ убѣдился въ томъ, какъ неудачно выступилъ онъ на литературное поприще, и потому поспѣшилъ собрать по возможности всѣ экземпляры несчастной идиліи, и самъ ее сжегъ. Книга эта уже сорокъ лѣтъ назадъ считалась библіографической рѣдкостью, и потому пишущій эти строки, не имѣя возможности пріобрѣсти такое рѣдкое произведеніе геніальнаго друга Пушкина, списалъ его съ экземпляра, уранившагося въ библіотекѣ Крашенинникова, бывшей Смирдина.

— А вотъ и самъ онъ легокъ на поминѣ,—тихо сказалъ Пушкинъ, указывая на молодого человѣка, медленно приближавшагося къ дачѣ Плетнева.

Петръ Александровичъ поспѣшилъ спрятать въ столъ объемистую рукопись «Ганца Кюхельгартена».

— Такъ ужъ, ты пожалуйста, не обижай моего хохлика,—

сказалъ онъ Пушкину,—вѣдь ты словомъ можешь зарѣзать человѣка.

— Да я что? Я его даже очень люблю; онъ мастеръ разсказывать про глупости потомковъ Мазепы,—отвѣчалъ Пушкинъ.

На балконѣ скоро показался Гоголь. Это былъ еще совсѣмъ юноша. Ему только что минуло двадцать лѣтъ. Наружность его была самая ординарная, а необыкновенно длинный носъ совсѣмъ, повидимому, не гармонировалъ съ выраженіемъ умныхъ, какъ бы плутоватыхъ глазъ, ни со щеголеватою внѣшностью. Плетневъ подошелъ къ нему и ласково протянулъ руку. Пришедшій поздоровался съ Пушкинымъ и съ Грибоѣдовымъ, съ послѣднимъ болѣе церемонно.

— Ну, что подѣлываетъ вашъ пасѣчникъ, Рудой Панько?—весело спросилъ Пушкинъ.

— Да теперь, вѣроятно, рои новые ловитъ; теперь пчелѣ самая пора роиться,—отвѣчалъ пришедшій.

— А онъ грамотный у васъ?

— Немножко грамотный, писать умѣетъ.

— Вотъ бы вы, Николай Васильевичъ, посовѣтовали ему записать свои разсказы.

— Попробую,—нехотя отвѣчалъ Гоголь.—А знаете, Петръ Александровичъ, кого я встрѣтилъ?—обратился онъ къ Плетневу.

— А кого?

— Булгарина; онъ шелъ съ какимъ-то важнымъ генераломъ и такъ ласково заглядывалъ ему въ глаза, что сейчасъ напомнилъ мнѣ нашего цыгана.

— Какого цыгана?—спросилъ Пушкинъ, догадываясь, что у Гоголя на умѣ какая-нибудь жарта.

— Цыгана спросили: «цыгане, якой ты виры»?—А якой вамъ треба?

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ всѣхъ.

— А читали, какъ онъ меня отдѣлалъ въ «Сѣверной Пчелѣ»?—спросилъ Пушкинъ.

— Читалъ... Такъ отдѣлалъ, какъ тотъ литвинъ москаля,—коварно улыбнулся Гоголь.

— Какой литвинъ?—удивился Пушкинъ.

— Да литвинъ разсказывалъ какъ онъ отдѣлалъ москаля:

подрались они: «енъ, говоритъ литвинъ, меня обухомъ, а я яво лапцемъ, лапцемъ!.. Та що жъ бы вы думали? Мене повезли, якъ пана, а енъ побѣжавъ, якъ собака»..

Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на комическій разсказъ юнаго хохла; а между тѣмъ самъ разсказчикъ хоть бы улыбнулся; лицо его выражало какую-то затаенную, невысказанную мысль.

— Удивляюсь, какъ онъ не задохнется въ этой атмосферѣ лжи и доноса,—сказалъ, помолчавъ, Пушкинъ.

— Это Булгаринъ?—спросилъ Плетневъ.

— Да... Неужели его самого не тошнитъ отъ собственной мерзости?

— Втянулся, какъ тотъ «дядько» въ «смолу», въ деготь,— какъ бы про себя замѣтилъ Гоголь.

— Какой «дядько»?—спросилъ Пушкинъ.

— Да тотъ, что слушалъ проповѣдь у ксендза: не упивайтеся, говоритъ ксендзъ, виномъ, а то на томъ свѣтѣ будете пить смолу (деготь). А одинъ дядько слушалъ, слушалъ, да прямо изъ костела въ дегтярню: а дайте, говоритъ, мнѣ квартку смолы.— Дали ему. Выпилъ одну!—Погано, говоритъ, але жь не дуже.— Выпилъ другую, разсмаковалъ, и говоритъ: що гирко, то гирко; що погано, то погано, а все жъ нема чого журитися: якъ втягнеться человѣкъ, то й се буде пити.—Вотъ такъ и Булгаринъ.

— Втянулся, значитъ, — засмѣялся Пушкинъ: — именно втянулся.

Онъ глянулъ на Гоголя, а у того хоть бы мускулъ на лицѣ дрогнулъ.

«Странный человѣкъ»,—подумалъ онъ:—«что-то въ немъ сидитъ, а что именно, не пойму»...

— А я думалъ, что пойдете на Стрѣлку любоваться закатомъ солнца въ морѣ,—сказалъ Гоголь, обращаясь къ Плетневу.

— То есть въ лужу, вы хотите сказать?—улыбнулся Пушкинъ, сверкнувъ своими арапскими глазами.

— Для насъ, не видавшихъ настоящаго моря, и лужа море,—отвѣчалъ Гоголь.—Я говорю собствено о себѣ. А вы его видѣли, и съ какою поэтическою грустью прощались съ нимъ...

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной.
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Все лицо Гоголя преобразилось, когда онъ декламировалъ это; голосъ его слегка дрожалъ.

— А въ самомъ дѣлѣ пойдемте, — торопливо заговорилъ Пушкинъ.—Да, я не забуду этого моря, хоть и бродилъ по берегамъ его изгнанникомъ...

— Какъ Овидій,—прибавилъ Плетневъ и тоже продекламировалъ съ пафосомъ:

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ...

— А какой это былъ «завѣтный умыселъ»? — спросилъ онъ, глядя въ глаза поэту.

Пушкинъ отвернулся и взялъ шляпу.

— Идемъ!—отрывисто сказалъ онъ.

Всѣ вышли и направились къ Елагинскому мосту. Грибоѣдовъ упорно молчалъ.

— Ты что такой пасмурный, Александръ Сергѣевичъ?—обратился къ нему Пушкинъ.—Точно сожалѣешь, что тебя назначили посланникомъ въ Персію.

— Я не сожалѣю, но не могу и не думать о томъ, что ждетъ меня тамъ,—тихо отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— Что же можетъ ждать тебя тамъ?—спросилъ Пушкинъ.

— Vous ne connaissez pas ces gens là,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ по-французски (они проходили въ это время мимо коннаго жандарма, стоявшаго при входѣ на мостъ).

— Et bien! pourquoi?—спросилъ Пушкинъ.

— Oh! vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux *).

— Съ русскими?

— Сначала сами съ собой, а потомъ и съ русскими.

— По почему же? Для развлеченія, ради восточныхъ игръ?

— Нѣтъ: теперешній шахъ, Фетхъ-Али, старъ и, вѣроятно, скоро умретъ, а его именемъ теперь заправляетъ Персіею его любимый сынъ, Аббасъ-Мирза, котораго ненавидятъ другіе братья; а ихъ у него восемьдесятъ...

— Восемьдесятъ? Да принцессъ-сестрицъ, вѣроятно, столько же!—засмѣялся Пушкинъ.—Вотъ благословенная семейка, пол-

*) Подлинныя слова Грибоѣдова (см. Пушкина: «Путешествіе въ Эрзерумъ»).

тораста штукъ. Понятно, что братцы начнутъ рѣзать милыхъ сестрицъ, а сестрицы и ихъ мужья любезныхъ братцевъ. Но причемъ же тутъ русскіе и ихъ посланникъ?

— Какъ причемъ? Теперь я отправляюсь аккредитованнымъ лицомъ къ Фетхъ-Али шаху; а умри шахъ, чью сторону я долженъ буду держать?

— Сторону наслѣдника.

— Но наслѣдника нѣтъ.

— А Аббасъ-Мирза?

— Онъ не наслѣдникъ: его права оспариваетъ другой братъ, у котораго сильная партія.

— Да, положеніе посланника затруднительно, — замѣтилъ Плетневъ.

— А я бы послалъ туда Булгарина.—какъ бы про себя проговорилъ Гоголь.

— Булгарина!—засмѣялся Пушкинъ.—Для чего же это?

— Да онъ бы всѣхъ тамъ предалъ, а самъ изъ воды сухъ вышелъ и всѣмъ угодилъ.

— Правда,—согласился Пушкинъ,—онъ бы всѣхъ предалъ. А все-таки я бы съ удовольствіемъ поѣхалъ въ Персію: нѣтъ ничего волшебнѣе востока.

Солнце уже почти касалось горизонта, когда наши собесѣдники достигли Стрѣлки. Море было такое тихое и гладкое. Вдали, на горизонтѣ, неясно вырисовывались силуэты кораблей. Съ глухой, гнетущей душу, болью глядѣлъ Грибоѣдовъ на заходящее солнце. Точно онъ предчувствовалъ, что ему никогда уже больше не придется стоять на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ теперь созерцалъ давно знакомую картину...

XXXIV. «Чертовкинъ хвостъ».

Хотя Грибоѣдовъ отчасти и вѣрилъ въ предчувствія, отдавая дань своему вѣку, но были и реальныя причины, вслѣдствіе которыхъ онъ смотрѣлъ на предстоявшую ему серьезную дипломатическую миссію, какъ на задачу весьма трудную, а въ худшемъ случаѣ, и рискованную. Находясь, въ теченіе почти десяти лѣтъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ персіянами въ качествѣ агента по дипломатическимъ дѣламъ и подолгу проживая въ Тавризѣ, онъ хорошо изучилъ этихъ выродившихся потомковъ

Кировъ и Камбизовъ, для которыхъ предательство было добродѣтелью, а мстительность—нравственнымъ закономъ. Притомъ, съ недавняго времени, у него въ Персіи явились и личные враги, очень могущественные.

Послѣ удаленія съ Кавказа Ермолова, этого новаго Цинцинната, и послѣ передачи отъ него власти въ руки Паскевича, Грибоѣдовъ, какъ родственникъ послѣдняго, не удалился вмѣстѣ съ Ермоловымъ отъ дѣлъ, а остался при новомъ начальникѣ края. Грибоѣдовъ догадывался, что многіе изъ бывшихъ сослуживцевъ Ермолова, а въ томъ числѣ знаменитый партизанъ 12-го года, поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, видѣли въ этомъ поступкѣ автора «Горя отъ ума» по меньшей мѣрѣ поступокъ перебѣжчика, и это не могло не грызть его душу. Его коробили также и презрительные отзывы о Булгаринѣ Пушкина и Гоголя, которымъ не вполнѣ было извѣстно, что Грибоѣдовъ давно находился со знаменитымъ Ѳаддеемъ если не въ дружескихъ, то вполнѣ пріятельскихъ отношеніяхъ. Оттого на злые сарказмы Гоголя и Пушкина насчетъ его пріятеля онъ долженъ былъ отвѣчать угрюмымъ молчаніемъ. Но все это, впрочемъ, было не такъ важно, какъ то, что будетъ сейчасъ объяснено.

Оставшись при Паскевичѣ и затѣмъ простившись съ Тифлисомъ и своей тайной страстью, княжной Нипой, Грибоѣдовъ весь отдался военному дѣлу, въ качествѣ опытнаго совѣтника при своемъ новомъ начальникѣ и родственникѣ: вмѣстѣ съ Паскевичемъ онъ совершилъ всю персидскую кампанію, и, какъ лицо, хорошо изучившее персидскій языкъ, лично знавшее почти всѣхъ сановниковъ шаха и пользовавшееся расположеніемъ Аббасъ-Мирзы, Грибоѣдовъ помогъ Паскевичу заключить съ Персіею выгодный миръ при Туркманчаѣ. Этимъ-то миромъ онъ и нажилъ себѣ смертельныхъ враговъ при дворѣ шаха, въ особенности въ лицѣ его перваго министра и зятя, Аллахъ-Яръ-хана. Ханъ не могъ простить, что Грибоѣдовъ его «перехитрилъ», какъ ему казалось, а въ сущности, авторъ «Горя отъ ума» побѣдилъ, во время переговоровъ о мирѣ, азіатскаго дипломата своей неотразимой діалектикой

— Аллахъ-Яръ-ханъ уменъ, какъ ворона, а Грибоѣдовъ, какъ лисица,—этого обиднаго отзыва Аббасъ-Мирзы никогда не могъ простить Аллахъ-Яръ-ханъ ни Аббасъ-Мирзѣ, ни тѣмъ менѣе Грибоѣдову.

Цѣня заслуги послѣдняго въ дѣлѣ заключенія съ Персіей туркманчайскаго договора, Паскевичъ отправилъ Александра Сергѣевича въ Петроградѣ для поднесенія этого договора государю, который очень ласково принялъ искуснаго дипломата, перехитрившаго «ворону» Аллахъ-Яръ-хана, пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, медаль и Анну, а въ карманъ 4 тысячи червонцевъ, въ которыхъ авторъ «Горя отъ ума» особенно нуждался, занимая у Булгарина рублей по сту и по двѣсти.

— Да, тамъ моя могила,—какъ бы про себя проговорилъ онъ, глядя, какъ солнце опускалось за Лахтой, бросая послѣдніе лучи на посѣтителей poinť'a.

— Вздоръ!—весело проговорилъ Пушкинъ. — Посмотри, я еще пріѣду туда къ тебѣ въ гости, чтобъ по дорогѣ взглянуть на моихъ старыхъ пріятельницъ.

— На какихъ пріятельницъ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— На Нюсю Чавчавадзе и на черкесскую Іоанну Д'аркъ.

— Да развѣ ты зналъ ихъ?—удивился Грибоѣдовъ, и близорукіе глаза его какъ-то особенно блеснули изъ-за очковъ.

— Какъ же! Еще въ 20-мъ году я съ ними дурачился въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ и ѣлъ съ ними уху изъ «пеструшекъ» недалеко отъ Нарзана. Воображаю, какъ выросла и похорошѣла Нюся: теперь за нею можно будетъ и пріударить.

Послѣднія слова Пушкина покоробили Грибоѣдова; но Пушкинъ этого не замѣтилъ.

— Да, она выросла,—нехотя сказалъ Грибоѣдовъ.

— А хорошенькая черкешенка съ медалью за храбрость?

— Магуль? Она, бѣдненькая,утонула въ Курѣ.

— Какъ? При какихъ обстоятельствахъ.

— При очень странныхъ обстоятельствахъ: я подозрѣваю, что она утопилась отъ тоски по своимъ горамъ.

— Бѣдненькая дикарка!—съ искреннимъ сожалѣніемъ произнесъ Пушкинъ.

— Это какая черкешенка? О комъ вы говорите?—спросилъ Плетневъ, разговаривавшій съ Гоголемъ.

— О, это очень грустный романъ, цѣлая исторія, болѣе, пожалуй, трогательная, чѣмъ исторія Геро и Леандра, — сказалъ Грибоѣдовъ.—Лѣтъ восемь назадъ объ этомъ писано было и въ газетахъ. Дѣло въ томъ, что на небольшой нашъ военный постъ въ Дагестанѣ, на редутъ Чирахъ, напали горцы подъ предводи-

тельствомъ Сурхай-хана казикумухскаго. Скопище горцевъ было громадное. На несчастье, въ самую ночь нападенія одинъ молодой русскій офицеръ, по фамиліи Щербина, вышелъ изъ редута на свиданіе съ юной черкешенкой изъ тамошняго аула. Черкешенка эта и была Магуль, о которой сейчасъ спрашивалъ меня Александръ Сергѣевичъ, видѣвшій ее въ Пятигорскѣ. Когда сдѣлалась тревога, Щербина не успѣлъ попасть въ редутъ, осажденный горцами, а съ нѣсколькими солдатами засѣлъ на минаретѣ, стоявшемъ, вмѣстѣ съ мечетью, внѣ редута. Въ ночь горцы успѣли вырѣзать часть гарнизона, помѣщавшагося въ казармѣ, а равно изрубили и тѣхъ, которые защищались въ мечети, но минарета не могли взять. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, Магуль, видѣвшая съ кровли своей сакли, что ея возлюбленный неизбѣжно погибнетъ, если ему не будетъ подана помощь, тайно пробралась до сосѣдняго поста, пѣшкомъ, по горамъ и страшнымъ дебрямъ, верстъ за сорокъ, а дѣвочкѣ было всего четырнадцать лѣтъ!.. Тамъ она сказала русскому командиру о безнадежномъ положеніи поста Чирахъ. Русскіе, захвативъ съ собою эту дѣвочку-вѣстовщика, поскакали на выручку товарищей; но было уже поздно, собственно для Щербины и его пятерыхъ товарищей, засѣвшихъ на минаретѣ: горцы подкопали его, и онъ рухнулъ, задавивъ Щербину съ товарищами. Редутъ же успѣли спасти, благодаря отчаянной храбрости капитана Овечкина. Хотя потомъ юную героиню и наградили по-царски и переселили съ матерью въ Тифлисъ, гдѣ она и крестилась; но ея возлюбленнаго уже не могли возвратить ей. Въ новой обстановкѣ она начала тосковать, и это привело ее къ трагическому концу: бурная Кура поглотила ее на моихъ глазахъ.

— Какъ!—воскликнулъ Пушкинъ.—И ты не спасъ ея?

Грибоѣдовъ горько улыбнулся.—Я думаю, ее никто не могъ спасти,—сказалъ онъ.—Мы втроемъ, я, княжна Нина и Магуль, катались вечеромъ около Тифлиса, недалеко отъ Куры. Вдругъ Магуль бѣшено понеслась на своемъ скакунѣ прямо къ рѣкѣ, и не успѣлъ я крикнуть, какъ лошадь и ея всадница стремглавъ полетѣли съ высокой кручи въ рѣку, гдѣ и разбились до смерти... Это былъ ужасный вечеръ! И уже на другой день нашли обезображенное тѣло бѣдной дѣвушки далеко ниже по теченію Куры. На что ужъ Ермоловъ не особенно чувствителенъ и видалъ на

своемъ вѣку тысячи смертей, но и онъ заплакалъ, когда несчастную жертву нашихъ ошибокъ привезли въ Тифлисъ.

— Какихъ ошибокъ?—спросилъ Пушкинъ.

— Да развѣ не ошибка, что мы оторвали ее отъ родныхъ горъ?.. А, впрочемъ, кто ее знаетъ? Мнѣ княжна Нина говорила, что несчастная дѣвушка надѣялась на томъ свѣтѣ соединиться съ отцомъ и своимъ возлюбленнымъ.

— Да, это могло совмѣститься въ пылкомъ воображеніи дикарки,—замѣтилъ Плетневъ.

Солнце уже давно спряталось гдѣ-то тамъ за Лахтою, послалъ на безоблачное небо свою палевую окраску. Ласточки и стрижи продолжали рѣять въ воздухѣ, и стукъ экипажей по шоссе и по Крестовскому мосту дѣлался все глуше и глуше. Праздная публика спѣшила въ городъ и на сосѣднія дачи, и Стрѣлка все болѣе и болѣе пустѣла.

— И вотъ такъ-то каждый день!—досадливо проговорилъ Пушкинъ.

— Что такое?—спросилъ Плетневъ.

— Да скучища смертная! За границу не пускаютъ, точно я тамъ всю Европу взбунтую противъ Россіи; а Петроградъ, особенно весной, противнѣе самой послѣдней Чухломы! Чудакъ ты, Александръ Сергѣевичъ, — обратился авторъ «Руслана и Людмилы» къ Грибоѣдову,—не хочешь ѣхать въ Персію; да я бы хоть на Чукотскій носъ или на Бабъ-эль-Мандебскій берегъ съ радостью поѣхалъ... Какъ бы то ни было, я не посмотрю на своего гувернера, пріѣду къ тебѣ въ Тегеранъ.

— Какой гувернеръ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Да Бенкендорфъ... За мной такъ въ лицеѣ не смотрѣли гувернеры, какъ этотъ дядька... Да ну его! Уѣду безъ спросу, и вся недолга. Подумайте только! Съ 20-го года никуда носу не показывалъ, Кавказа еще не видѣлъ.

— А въ Пятигорскѣ?—спросилъ Гоголь.—Вѣдь вы тамъ были.

— Да развѣ Пятигорскъ Кавказъ? Развѣ вотъ эта чухонская лужа (Пушкинъ показалъ на заливъ) море? Вотъ въ Крыму такъ море.

Гоголь засмѣялся.

— Вы что, Николай Васильевичъ?—спросилъ его Пушкинъ.

— Да чумака вспомнилъ и море.

— А что?

— Да привезъ чумакъ въ Одессу пшеницу продавать и погналъ воловъ къ морю, чтобъ напоить. Смотритъ, волы не пьютъ Что съ ними сталось?.. думаетъ: дай-ка я самъ напьюсь.—Вошелъ въ море по колѣни, чоботы предварительно скинулъ, нагнулся, перекрестился и воду перекрестилъ, чтобъ съ водою нечистый не вскочилъ въ ротъ, да какъ глотнулъ, послѣ соленой тарани, глотокъ во весь ротъ, и остолбенѣлъ...—Эге! говоритъ. Бисове море: онъ чому у тебе воды богато, тебе и волы не пьютъ.

— Мудрое заключеніе,—улыбнулся Пушкинъ,—а если бы волы пили изъ моря, то и воды въ немъ стало бы меньше. Этотъ мудрый чумакъ разсуждаетъ совершенно какъ мой дядька. Совершенно та же логика: оттого Пушкинъ и не взбунтовалъ Европы, что его туда не пускаютъ.

Вставъ со скамьи, наши собесѣдники оставили Стрѣлку и направились къ мосту, гдѣ Грибоѣдова и Пушкина ожидалъ городской яликъ. У моста они повстрѣчали какого-то незнакомца въ восточномъ одѣяніи. Грибоѣдовъ, по своей близорукости, не обратилъ на него вниманія.

— Александръ Сергѣевичъ! — окликнулъ его незнакомецъ.—Вы не узнаете меня?

Грибоѣдовъ остановился.—«Ба! Князь Ростомъ!—съ удивленіемъ воскликнулъ онъ.—Какъ? Какими судьбами? Откуда?»

— Изъ Тавриза, Александръ Сергѣевичъ, изъ Тегерана, изъ Тифлиса, — отвѣчалъ тотъ, показывая бѣлые зубы. — Поклонъ вамъ отъ всего Кавказа, отъ Тифлиса, отъ княгини Чавчавадзе, отъ княжны Нины и даже отъ самого Давида и его лошадей. Всѣ поздравляютъ васъ съ монаршими милостями и съ высокимъ назначеніемъ.

— Но какъ вы сюда попали?—удивился Грибоѣдовъ.

— Посломъ и полномочнымъ министромъ,—продолжалъ показывать бѣлые зубы восточный человѣкъ.

— Отъ кого посломъ?

— Отъ вашихъ друзей и доброжелателей: отъ княгини Саломэ Ивановны Чавчавадзе, отъ генеральши Прасковьи Николаевны Ахвердовой и отъ княжны Нины Александровны съ письмомъ, — бойко отвѣчалъ князь Ростомъ. собственно, Ростомъ-бекъ.

Онъ такъ произнесъ «съ писмомъ» (безъ мягкаго знака), что Грибоѣдовъ невольно улыбнулся. Ему вспомнился конюхъ Давидъ, который пѣлъ: «Въ саду роза на што мэнэ? Съ писмомъ иду запечатанномъ отъ лубовницамъ».

— Но какъ же вы меня нашли здѣсь?—спросилъ онъ.

— Я зашелъ къ вамъ, и вашъ Александръ сказалъ мнѣ, гдѣ искать васъ. Я вотъ и нашелъ.

Они подошли къ ялику. Грибоѣдовъ и Пушкинъ стали прощаться съ Плетневымъ и Гоголемъ.

— А не хотите ли ко мнѣ, покушать простокваши?—проговорилъ Плетневъ.—Не простокваша, а нектаръ.

— Нѣтъ ужъ, благодарю, мнѣ некогда,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— А вы, служитель Аполлона?—обратился Плетневъ къ Пушкину.

— Такой вечеръ, и простокваша служителю Аполлона!—отшутился поэтъ.—Мнѣ хочется на яликѣ покататься, а простоквашу я найду и въ деревнѣ.

Они простились. Садясь въ яликъ, Грибоѣдовъ пригласилъ и Ростомъ-бека.

— Дорогой разскажите мнѣ все, — прибавилъ онъ. — Изъ Тегерана да прямо на Стрѣлку, чудеса!

— А со Стрѣлки да въ Тегеранъ, развѣ это не чудеса?—улыбнулся Пушкинъ.

Грибоѣдовъ согласился. Яликъ отчалилъ, и друзья замахали въ воздухѣ платками. Грибоѣдовъ представилъ Пушкину Ростомъ-бека.

— Вы говорите, князь, что у васъ письмо есть ко мнѣ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Вотъ письмо,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ, вынимая изъ-за пазухи бешмета пакетъ и подавая его.

— Извини, братъ Александръ Сергѣевичъ,—сказалъ Грибоѣдовъ и вскрылъ пакетъ.—Это отъ княгини и отъ княжны.

По мѣрѣ чтенія, лицо его выражало то удивленіе, то недовѣріе, выражавшееся пожатіемъ плечъ. Ростомъ-бекъ украдкой наблюдалъ за нимъ, показывая видъ, что любуется островами и причудливыми дачами по берегамъ Невки.

— Я отчасти знаю содержаніе письма,—сказалъ онъ, когда

Грибоѣдовъ, повидимому, кончилъ чтеніе. — Княгиня Саломэ Ивановна мнѣ все разсказала.

— Она меня предостерегаетъ отъ англичанъ, отъ ихъ миссіи въ Тавризѣ,—сказалъ Грибоѣдовъ, складывая письмо.—Я самъ могъ этого ожидать: они не могутъ простить мнѣ выгодъ туркманчайскаго трактата. Но что они мнѣ могутъ сдѣлать? Подставлять ножку? Но я буду двигаться осторожно и обходить ихъ ножку.

Ростомъ-бекъ засмѣялся.

— Зачѣмъ ножку, когда у нихъ есть хвостъ? Вы слыхали разсказъ про бѣднаго грузина и про чертову жену?—спросилъ онъ.—Не слыхали?

— Какой разсказъ?—взглянулъ на него Грибоѣдовъ, повидимому, думая о чемъ-то другомъ.

— А вотъ какой. Однажды чертова жена со своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ, спряталась, значитъ. И вдругъ они увидѣли идущаго по направленію къ нимъ бѣднаго грузина, съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли спрятавшіеся въ кустахъ черти, грузинъ споткнулся объ лежавшій на большой дорогѣ камень и упалъ; а когда приподнялся, то съ сердцемъ произнесъ: «будь ты, чертъ, проклятъ»! Слова эти были услышаны чертенкомъ, что сидѣлъ въ кустахъ съ матерью, и онъ, обратясь къ чертовкѣ, сказалъ: «какъ люди несправедливы! Они бранятъ насъ тамъ, гдѣ и нѣтъ насъ; мы такъ далеко отъ камня, а все же виноваты».— Тсъ! Молчи!—тихо отвѣчала чертовка-мать:—хоть мы и далеко, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ».

— Чисто восточное остроуміе,—улыбнулся Пушкинъ,—а только хохлацкія жарты, которыя разказываетъ носатый Гоголь, гораздо пикантнѣе: въ нихъ больше соли.

Грибоѣдовъ согласился.—Что жъ, любезный князь, вы надѣетесь ловить за хвостъ англійскихъ чертей?—спросилъ онъ Ростомъ-бека.

— Да, оттого я и прошу васъ позволить мнѣ состоять при вашемъ посольствѣ,—отвѣчалъ послѣдній.—Я долго терся около ихъ миссій и въ Тавризѣ, и въ Тегеранѣ, и они мнѣ довѣряютъ.

— Объ этомъ мнѣ пишетъ и княгиня Саломэ Ивановна,— сказалъ Грибоѣдовъ.

— Какъ же вы ихъ будете ловить за хвостъ? — спросилъ Пушкинъ.

— Я буду заранѣе узнавать объ ихъ проискахъ; меня же въ Персіи, при дворѣ Фетхъ-Али-шаха и Аббасъ-Мирзы, всѣ знаютъ: мой дядя Манучехръ-ханъ—правитель Испагани.

— Такъ вы затѣмъ и пріѣхали сюда, чтобъ поступить ко мнѣ въ свиту?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Да, за этимъ и послала меня къ вамъ княжна Нина Александровна.

— Какъ? Неужели княжна?—удивился и обрадовался авторъ «Горе отъ ума».

— Именно она: княжна поторопила меня къ вамъ, чтобъ вы не заручились здѣсь другими служащими. Она сказала мнѣ: поѣзжайте съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Персію; вы, князь Ростомъ, вѣрный человѣкъ и побережете его тамъ; а онъ, говоритъ, такой разсѣянный и довѣрчивый.

Эти слова упали прямо на сердце Грибоѣдову. «Значитъ, моя Нюсенька думаетъ обо мнѣ, жалѣетъ меня, боится за меня»?—съ радостной тревогой думалъ онъ.—«А еслибъ и ее съ собой захватить въ Персію, мою маленькую посланницу? Только любитъ ли она меня? Умѣетъ ли любить не по-дѣтски? Вѣдь ей только пятнадцать лѣтъ, совсѣмъ ребенокъ»... И въ сердцѣ у него, казалось, расцвѣтали розы.

Яликъ быстро скользилъ по зеркальной поверхности Большой Невки, въ которой отражались зеленые берега и опрокинутыя въ воду веселыя дачи. Палевая сѣверная ночь окрашивала окружающіе предметы какими-то нѣжными полутѣнями. Грибоѣдову припомнились темныя южныя ночи, ночи въ Тифлисѣ, Тавризѣ, особенно въ Тифлисѣ, когда на темномъ небѣ такъ ярко горѣли звѣзды, а онъ чувствовалъ около себя присутствіе милыхъ дѣвушекъ—ихъ робкій шопотъ... «Бѣдная Магуль»!.. Гдѣ-то на Каменномъ островѣ защелкалъ соловей.

Ростомъ-бекъ продолжалъ украдкой наблюдать за Грибоѣдовымъ. Пушкинъ замѣтилъ это, и ему показался подозрительнымъ этотъ восточный человѣкъ.

«Впрочемъ, всѣ они такіе»,—подумалъ онъ.—Рабство пріучило ихъ смотрѣть въ глаза господину, какъ смотритъ собака, все наблюдаетъ».

Грибоѣдовъ и Ростомъ-бекъ молчали подъ обаяніемъ чаръ палевой ночи. Молчалъ и Пушкинъ.

«Все же онъ проситъ, чтобъ его взяли въ предатели»,—думалъ онъ, наблюдая восточный профиль Ростома.—«Англичане ему довѣряютъ, а онъ ихъ будетъ предавать... Подлая эта должность посланника!»

— Такъ за хвостъ будемъ ловить англичанъ?—какъ бы очнулся Грибоѣдовъ.

— За хвостъ, Александръ Сергѣевичъ,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.—Мы и Аллахъ-Яръ-хана поймаемъ. А знаете, гдѣ теперь тѣ женскіе локоны, которые солдаты капитана Овечкина перехватили вмѣстѣ съ Бейбулатомъ подъ Чирахомъ и за которые Сурхай-ханъ чуть не разгромилъ Чирахъ и разгромилъ бы, еслибъ бѣдная Магуль не спасла русскихъ?

— А, это тѣ локоны, о которыхъ мнѣ Овечкинъ разсказывалъ въ Пятигорскѣ?—спросилъ Пушкинъ.

— Да,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.—Но вѣдь они вмѣстѣ со шкатулкой и коробочками хранятся въ канцеляріи главнокомандующаго, и Паскевичъ хотѣлъ прислать ихъ сюда въ Эрмитажъ или въ Румянцевскій музей, какъ историческіе раритеты.

— Поздно!—махнулъ рукой Ростомъ-бекъ.—Прелестные локоны хранятся теперь въ гаремѣ Аббасъ-Мирзы.

— Какъ!—изумился Грибоѣдовъ.—Зачѣмъ они очутились тамъ?

— Ихъ кто-то выкралъ изъ канцеляріи Паскевича и продалъ Аббасъ-Мирзѣ.

— Но зачѣмъ они ему? Не понимаю!—удивился Грибоѣдовъ.

— А я понимаю, — многозначительно замѣтилъ Ростомъ-бекъ.—Локоны женъ для Аббасъ-Мирзы важнѣе вашего туркманчайскаго трактата. Писаная бумага, по мусульманскимъ вѣрованіямъ,—пустяки: ею можно закурить наргиле; а локоны женъ бывшихъ владѣтелей Казикумуха, Акуши и Кубы, это документъ на владѣніе всѣмъ Дагестаномъ. Могилевскій теперь самъ на себѣ локоны рветъ, что у него изъ-подъ носу украли такое сокровище, а персіане ликуютъ: «вотъ имъ и Туркманчай»!—говорятъ они, да еще прибавляютъ:—«А ихъ «слѣпой»,

«слѣпымъ» они называютъ васъ за близорукость, и въ четыре глаза не усмотрѣлъ»...

— Ахъ, дурье!—невольно вырвалось у Пушкина.

— Нѣтъ, не дурье,—возразилъ Ростомъ-бекъ.—Съ этими локонами Аббасъ-Мирза посылаетъ въ Дагестанъ своего «векиля» съ зеленымъ знаменемъ, и еще неизвѣстно, усидитъ ли Асланъ-ханъ на престолѣ, когда акушинцы и казикумухцы увидятъ зеленое знамя и локоны женъ. Они боялись только Ермолова и Мадатова, а теперь говорятъ: «сардаръ-Ермулу нѣтъ, а новый сардаръ песку наѣстся». Когда, вотъ теперь, я уѣзжалъ изъ Тавриза въ Тифлисъ, мнѣ знакомый евнухъ Аббасъ-Мирзы говорилъ, что жены ихъ гарема наготовили цѣлыя сотни женскихъ шальваръ и чадръ для посылки въ Дагестанъ и въ Абхазію.

— Зачѣмъ туда понадобились женскія панталонцы?—засмѣялся Пушкинъ.

— А! Это жестокая обида для тѣхъ, которые въ Дагестанѣ и въ Абхазіи покорились русскимъ: значитъ, они бабы, и имъ въ подарокъ посылаются чадры и панталонцы женскія: они этого не снесутъ.

— Курьезныя воззванія къ патріотизму посредствомъ женскихъ панталонъ!—замѣтилъ Пушкинъ.

— Да, но эти воззванія сильно дѣйствуютъ на фанатизмъ восточнаго человѣка,—задумчиво проговорилъ Грибоѣдовъ,—съ ними придется считаться.

Скоро яликъ присталъ къ сходцамъ недалеко отъ дворцовой набережной.

— До свиданія въ Персіи!—крикнулъ Пушкинъ, садясь на извозчика.—Завтра утромъ ѣду въ Михайловское.

— До свиданія—отвѣчалъ Грибоѣдовъ и въ сопровожденіи Ростомъ-бека тихо пошелъ вдоль набережной. Думы его не были здѣсь, а тамъ, гдѣ не бываетъ палевыхъ ночей.

XXXV. Грибоѣдовъ и Нина.

Не раньше іюля Грибоѣдовъ могъ очутиться, гдѣ не бываетъ палевыхъ ночей.

Радостно, одни искренно, а другіе съ затаенной завистью, встрѣтили его въ Тифлисѣ. Поздравленіямъ и пожеланіямъ не

было конца. Всѣ наперерывъ старались угощать его обѣдами, раутами, вечерами. Слово «полномочный министръ» окружало его скромную фигуру ореоломъ.

Но самый искренній, самый сердечный пріемъ онъ нашелъ въ семействѣ Чавчавадзе и Ахвердовой, у которой, какъ у «второй мамы», воспитывалась княжна Нина. Маленькая Нюся за послѣдніе мѣсяцы, что ея не видѣлъ Грибоѣдовъ, казалось, еще выросла; но прелестные глаза ея, отѣненные чудными «историческими рѣсницами», какъ ихъ назвалъ еще Ермоловъ, смотрѣли какъ будто съ затаенной грустью. Грибоѣдовъ замѣтилъ это и не зналъ, чему приписать. Съ самаго ранняго дѣтства онъ зналъ эту милую дѣвочку. Пятилѣтнимъ и шестилѣтнимъ ребенкомъ она прыгала у него на колѣняхъ. Первыми своими знаніями въ ариѳметикѣ, географіи и грамматикѣ она хвасталась передъ нимъ. Съ нимъ она разучивала первыя ноты на фортепіано; съ нимъ училась и верхомъ ѣздить. Къ нему она была довѣрчива, какъ ни къ кому. Когда, выведенная изъ терпѣнія шутками Ермолова, она остригла свои прелестныя рѣсницы и когда Грибоѣдовъ выразилъ сожалѣніе, что она испортила лучшее украшеніе своего личика, она дала ему слово «никогда, никогда не дѣлать такой глупости». Подростая и развиваясь физически и умственно, Нина еще больше сдружалась съ своей «старой гувернанткой», какъ она иногда въ шутку называла Грибоѣдова. Даже горячая дружба съ Магуль не уменьшила ея привязанности къ «старой гувернанткѣ».

И вдругъ, эта грустная задумчивость. Чему приписать ее? Этотъ вопросъ мучилъ Грибоѣдова. Не имѣя никакого права ревновать къ кому-либо своего маленькаго друга, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ что-то вродѣ ревности. Но къ кому? Къ чему? Онъ терялся въ догадкахъ. За время его отсутствія она могла полюбить кого-нибудь, и этотъ новый періодъ въ ея жизни отражался въ ея задумчивомъ взорѣ. Но какое ему дѣло, если она и полюбила кого-нибудь? Не можетъ же онъ, полномочный министръ и посолъ своего императора, претендовать на любовь пятнадцатилѣтней дѣвочки? Пусть любитъ того, кто ей подъ пару... Но отчего же при этомъ мудромъ рѣшеніи сердце его сжимается болью и самая жизнь его какъ-то тускнѣетъ?

Они теперь сидѣли вдвоемъ въ саду. Нина задумчиво молчала.

— Ну, что Давидъ? — спросилъ Александръ Сергѣевичъ, зная, что добродушный конюхъ всегда смѣшилъ ее.

— Онъ на меня все дуется,—улыбнулась Нина.

— За что?

— За то, что я не ѣзжу кататься: говоритъ, лошади отъ этого становятся «дурами».

— «Дурами!» Отчего жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, не катаетесь?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Скучно.

— Отчего же вы, Нина Александровна, прежде не скучали?—голосъ Грибоѣдова немножко дрогнулъ.

— Тогда Магуль была со мной... съ вами... А теперь не съ кѣмъ...

— Да развѣ у васъ нѣтъ кавалеровъ?

— Есть... много... да я ихъ не люблю. Они...—Дѣвушка остановилась.—Они... глупые такіе...

— Но есть, напротивъ, и умные... я знаю...

— Нѣтъ... они все смотрятъ на меня какими-то глупыми глазами...

Грибоѣдовъ радостно разсмѣялся. Онъ понялъ, какіе это у кавалеровъ «глупые глаза»...—«Милая дѣвочка!» — заколотилось у него въ сердцѣ.

— Такъ господа кавалеры смотрятъ на васъ «глупыми глазами»?—весело заговорилъ онъ.

— Да... Они думаютъ, вѣрно, что я все еще глупая дѣвочка,—говорила Нина недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ, этого они не думаютъ...

— Такъ зачѣмъ же они говорятъ все о глупостяхъ? Думаютъ, что со мной ни о чемъ нельзя серьезно говорить... точно я все еще обрѣзываю себѣ рѣсницы.

И дѣвушка весело разсмѣялась. Ея примѣру послѣдовалъ и Грибоѣдовъ. На душѣ его стало вдругъ свѣтло.

— Какими же «глупыми глазами» смотрятъ на васъ господа кавалеры?—спросилъ онъ, съ улыбкой глядя на свою юную собесѣдницу.

— А вотъ какими!—И Нина до того ребячески-комично изобразила на своемъ лицѣ, какъ господа кавалеры дѣлаютъ ей глазки, что Грибоѣдовъ не могъ удержаться отъ самаго искренняго смѣха.

— Браво, браво, m-lle Нина!—продолжалъ онъ смѣяться.— Такъ изъ-за этихъ «глупыхъ глазъ» вы и не катались ни съ кѣмъ?

— Да... Скучно съ ними.

— И этимъ вы возсатновили противъ себя милѣйшаго Давида? Такъ вотъ что,—сказалъ, все болѣе и болѣе оживляясь, Грибоѣдовъ,—чтобъ утѣшить Давида и чтобъ лошади не были «дурами», не вспомнить ли намъ старину и не поѣхать ли намъ сейчасъ кататься? Вечеръ отличный...

— Съ удовольствіемъ... Съ вами я всегда рада,—согласилась Нина.

Она вскочила и весело побѣжала къ конюшнѣ, гдѣ Давидъ чуть ли не въ десятый разъ чистилъ и гладилъ своихъ любимцевъ-коней, серьезно разговаривая съ ними и журя за шалости.

— Вотъ я тебѣ завтра овесъ не дамъ,—бранилъ онъ за что-то коня Нины.

— Давидъ, Давидъ!—услышалъ онъ веселый голосъ своей госпожи.

— Что, баришна?—сурово отвѣчалъ Давидъ, продолжая дуться на Нину.

— Сѣдлай лошадей, мы сейчасъ поѣдемъ съ Александромъ Сергѣевичемъ кататься.

— Давно би пора, баришна,—обрадовался Давидъ,—а то я думалъ, что ты въ монастиръ собрался уходить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сѣдлай скорѣй.

— Чичасъ, чичасъ, баришна... Я живымъ рукамъ.

Нина побѣжала надѣть амазонку, напѣвая вполголоса: «губи точна сахрумъ слядкумъ, талья точна чинарисъ-хе... Кускомъ-кускомъ обляки думъ»... И она весело разсмѣялась.

Черезъ полчаса Грибоѣдовъ и Нина были уже за городомъ. Дѣвушка казалась теперь необыкновенно оживленною. Глядя на цѣпь горъ, громады которыхъ, особенно величественныя при закатѣ солнца, грозно высились вдоль всего сѣвернаго горизонта, она заговорила:

— И какъ намъ, грузинамъ и всѣмъ горцамъ, не любить нашихъ родныхъ горъ? Посмотрите, что за прелесть!—говорила она, указывая хлыстомъ на вершины горнаго кряжа.—Какъ я понимаю то чувство, съ которымъ шли на смерть защитники этихъ дикихъ, но прекрасныхъ горъ! И какъ умѣли вы превос-

ходно выразить это чувство ихъ въ стихотвореніи—«Хищники на Чегемѣ»...

Въ дѣвушкѣ, разгоряченной ѣздою и, быть можетъ, инымъ, невполнѣ сознаннымъ ею чувствомъ, заговорила кровь грузинки, и она восторженно стала декламировать:

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ:
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ—
Нашъ залегъ отважный полкъ...

— Не правда ли?.. Сколько поэзіи въ этой суровой жизни, въ этой дикости!—говорила Нина прерывающимся голосомъ.

Она была прекрасна въ своемъ увлеченіи. Какъ она выросла въ глазахъ Грибоѣдова! Онъ не узнавалъ въ ней своей маленькой Нюси и, какъ очарованный, глядѣлъ на нее, боясь, что и его глаза въ эту минуту «глупые»... А Нина продолжала:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева,
Тѣ же льдистыя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита.

— Развѣ они, которыхъ вы такъ жестоко преслѣдовали въ этихъ горахъ, не правы, говоря вашими же словами:

Наши камни, наши кручи!
Русь! Зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? Вонъ подъ тучей
Двухвершинный и могучій
Рѣжется изъ облаковъ—
Надъ главой твоихъ полковъ...

— Это Эльборусъ двухвершинный, онъ ихъ, а теперь онъ нашъ, нашимъ и останется... Такъ-то, мой «старый гувернеръ»!

Грибоѣдовъ онѣмѣлъ отъ изумленія и восторга. Его собственные стихи, которымъ онъ не придавалъ большого значенія, стихи, вылившіеся у него изъ души во время его первой военной экспедиціи въ Кабарду, въ устахъ Нины получали глубокопоэтическій смыслъ. Онъ самъ такъ думалъ, такъ чувствовалъ тогда, въ душѣ

протестуя противъ насилій и обвиняя Ермолова за его неизмѣнный, жестокій девизъ: «желѣзомъ и кровью»...

— Въ вашихъ устахъ, Нина Александровна, я не узнаю своего стихотворенія,—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Что жъ, я дурно читаю? Съ акцентомъ?—спросила дѣвушка не менѣе взволнованно.

— О, нѣтъ! Чудо какъ хорошо, восхитительно!

— Да вѣдь вы же научили меня на Пушкинѣ читать такъ, мой строгій гувернеръ,—улыбнулась Нина.—А гдѣ-то онъ, мой любимый поэтъ?

— Мы послѣдній разъ видѣлись съ нимъ на дачѣ у Плетнева и потомъ гуляли на Елагиномъ острову вмѣстѣ съ Гоголемъ.

— А кто этотъ Гоголь?—спросила Нина.

— Начинающій поэтъ, но не изъ блестящихъ; зато онъ безподобно разсказываетъ хохлацкія жарты — большой комикъ. Впрочемъ, Пушкина вы, быть можетъ, увидите скоро.

— Какъ! Неужели?—обрадовалась Нина.

— Да, онъ обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ въ Персію.

— А я его помню,—задумчиво сказала дѣвушка,—хотя я въ Пятигорскѣ была совсѣмъ маленькая, но его помню, такой веселый.

— И онъ о васъ спрашивалъ, помнитъ васъ, и о Магуль спрашивалъ.

— Бѣдная Магуль!.. А вонъ и то мѣсто, гдѣ она погибла.

Впереди ихъ высилась отвѣсная круча, съ которой ринулась въ Куру несчастная спасительница Чираха. Трагическая смерть ея такъ и осталась для всѣхъ загадкой, но каждый годъ, 13-го сентября, въ день ея смерти и въ день побѣды русскихъ надъ Аббасъ-Мирзою подъ Елисаветполемъ, въ Тифлисѣ служили панихиду по рабѣ божіей Ольгѣ, какъ назвали Магуль при крещеніи, а въ Чирахѣ въ этотъ день офицеры редута всегда возлагали вѣнокъ на могилу Щербины отъ имени той же Магуль.

— Недавно, 11-го іюля, въ день ея именинъ, я посѣщала ея могилу,—грустно сказала Нина.—Маленькій кипарисъ, который мы съ мамой посадили надъ ней, такъ хорошо растетъ.

Расположеніе духа дѣвушки быстро измѣнилось. Она опять

стала молчалива. Грибоѣдовъ замѣтилъ это, потому что хорошо изучилъ свою любимицу.

— Что съ вами, милая дѣвочка,—спросилъ онъ, стараясь при сгущающихся сумеркахъ разглядѣть выраженіе ея лица.— Вы вспомнили о Магуль?

— Да... нѣтъ... такъ вообще грустно...

— Отчего же, добрая дѣвочка.

— Ахъ, какая я дѣвочка!—съ видимымъ раздраженіемъ въ голосѣ произнесла она.—Развѣ я вѣкъ останусь для васъ дѣвочкой?

— Извините, m-lle Нина,—съ удивленіемъ сказалъ Грибоѣдовъ,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вы были для меня дѣвочкой: вспомните, вамъ только пятнадцать лѣтъ, а мнѣ ужъ тридцать четвертый; я бы могъ быть вашимъ отцомъ.

— Не въ годахъ дѣло,—съ прежнимъ недовольствомъ отвѣчала дѣвушка,—человѣку тяжело можетъ быть и въ пятнадцать, и въ пятьдесятъ лѣтъ.

— Правда... И вамъ тяжело? Простите...

— Мнѣ грустно,—тихо отвѣчала Нина.

— О чемъ же, мой дружокъ?

— Вотъ я вспомнила Магуль: ея давно ужъ нѣтъ; а скоро и васъ не будетъ,—какъ бы про себя прошептала дѣвушка.

Сердце дрогнуло у ея спутника... «Что это? Ребенокъ говоритъ или пробуждающаяся женщина?»

— Но вѣдь въ Персіи я останусь вашимъ другомъ, а вы— самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ моей жизни,—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Мы будемъ переписываться съ вами; по крайней мѣрѣ, я часто буду писать вамъ. Согласны? Я буду счастливъ получать отъ васъ иногда вѣсточку, какъ вы живете, что интересуетъ васъ, вспоминаете ли иногда обо мнѣ?

Нина молчала. Сумерки, между тѣмъ, такъ сгустились, что Грибоѣдовъ не могъ видѣть ея лица.

— Что вы мнѣ на это скажете, мой маленькій другъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.—Не хотите со мной переписываться?

— Не хочу!—тономъ капризнаго ребенка отвѣчала Нина.— Вы сами хорошо знаете, что хотите утѣшить меня куклой. Но я не ребенокъ, чтобы играть въ куклы. Что вамъ за охота переписываться съ глупой дѣвочкой, вамъ, полномочному министру и послу? На васъ лежатъ государственныя обязанности...

Что вамъ до моихъ писемъ? Да и о чемъ я буду вамъ писать? О моихъ школьныхъ занятіяхъ, о Давидѣ?

— А вашъ внутренній міръ? Развѣ вы не захотите посвятить меня въ то, что будетъ вамъ дорого, чѣмъ будетъ интересоваться ваша мысль, питаться ваше воображеніе?

— Мой внутренній міръ? Въ немъ пусто, какъ въ головѣ Давида,—съ горькой ироніей проговорила дѣвушка.

— Не клевещите на себя, мой другъ,—ласково остановилъ ее Грибоѣдовъ.—Развѣ вы замѣтили, чтобъ я скучалъ когда-либо съ вами, тяготился вашей бесѣдой, вашимъ обществомъ?

— Да, вы всегда были добры ко мнѣ, даже тогда, когда я играла еще въ куклы и обрѣзывала себѣ рѣсницы... Я и теперь осталась для васъ та же Нюся, глупая дѣвочка. А между тѣмъ я... вы ничего не понимаете!.. Я...

Она не договорила и, поднявъ въ карьеръ свою лошадь, полетѣла какъ стрѣла. Тщетно Грибоѣдовъ старался догнать ее.

— Нина Александровна! Нина! Ecoutez! J'ai quelque chose...

— Вотъ мы и дома!.. Здравствуй, Давидъ! Видишь, моя лошадь вовсе не «дура»,—донеслись до него слова Нины.

— Вотъ онѣ, женщины... А вѣдь еще совсѣмъ ребенокъ,—пробормоталъ онъ про себя.—Поди, посчитайся съ ней: самаго опытнаго дипломата оставитъ въ дуракахъ... Ну!

XXXVI. «Кускомъ-кускомъ облаки думъ»..

Ночь послѣ этого катанья, ночь на 17-ое іюля 1828 года, Грибоѣдовъ провелъ въ мучительной борьбѣ.

«To be or not to be?»—невольно онъ задавалъ себѣ вопросъ «Гамлета», котораго не далѣе какъ сегодня читалъ утромъ. Онъ теперь окончательно убѣдился, что безъ этой «маленькой дѣвочки», какъ онъ въ душѣ продолжалъ называть Нину, жизнь для него и весь міръ будетъ пустыней. Что ему почести и слава! И какъ безъ нея пуститься ему въ этотъ океанъ новой жизни? Какъ оставить ее? Какъ жить вдали отъ нея?.. Ясно, что въ ней уже заговорили инстинкты женщины; въ пятнадцать лѣтъ она, южное растеніе, созрѣла для любви... Ребенокъ и женщина съ пламеннымъ темпераментомъ Востока... Что если эти проснувшіеся въ ней инстинкты женщины бросятъ ее въ объятія

кавалера съ «глупыми глазами»?.. А это будетъ, непремѣнно будетъ: природа сильнѣе разсудка... Вонъ его Софья бросилась же въ объятія Молчалина, лакейскіе глаза котораго глупѣе глазъ всѣхъ кавказскихъ кавалеровъ... А если она на его признаніе засмѣется ему въ глаза, скажетъ: «какой вы смѣшной, мой старенькій гувернеръ!»...

Голова его горѣла. Сафьяновая подушка, на которой онъ привыкъ спать въ знойномъ Тавризѣ, казалась раскаленною. Онъ слышалъ, какъ часы періодически отбивали пройденное стрѣлками пространство, какъ пропѣли первые и вторые пѣтухи, какъ у крыльца его дома смѣнялись часовые; а сонъ все не шелъ къ нему. А если она его любитъ, привыкла къ нему съ дѣтства? Да, она любитъ безспорно, привязана къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому... Она скучаетъ съ молодыми людьми, удаляется отъ нихъ. А если она удаляется отъ нихъ по женскому инстинкту, чувствуя, что не застрахована отъ увлеченія? Вѣдь тутъ до увлеченія, до любви—одинъ шагъ: простой случай, какое-нибудь неловкое, невольное соприкосновеніе въ танцахъ... Вѣдь чувство—огонь: достаточно одной искры... А отъ него она не удаляется, какъ не удаляется отъ бабушки, отъ Давида: съ нимъ она безопасна отъ этой искры, отъ пожара... Не ѣздила же она безъ него кататься съ офицерами, которые дѣлаютъ ей «глупые глаза». Значитъ, боится, не довѣряетъ ни себѣ, ни имъ, боится невольнаго увлеченія. А его не боится: онъ не кавалеръ, онъ старикъ, «старый гувернеръ».

А если въ самомъ дѣлѣ она его любитъ, его именно, потому только, что ни съ кѣмъ другимъ не столкнула ея судьба? Если она поэтому готова теперь раздѣлить съ нимъ жизнь? Но что онъ можетъ предоставить ей, особенно тамъ, въ дикомъ царствѣ льва и солнца? Какое общество онъ найдетъ тамъ для нея, для молоденькой дѣвочки, безъ удовольствій, безъ развлеченій молодости? Если она тамъ, наскучивъ его обществомъ, пожалѣетъ о кавалерахъ съ «глупыми глазами», о танцахъ, объ увеселеніяхъ большого города? Жизнь вдвоемъ, жизнь съ глазу на глазъ пріѣстся, а молодость и горячая кровь будутъ предъявлять свои права, требовать разнообразія, новыхъ ощущеній.

Она сказала, что будетъ скучать безъ него. Правда, будетъ скучать: она привыкла къ нему. Но вѣдь и т а, которую онъ превратилъ въ «Софью Павловну Фамусову», скучала по немъ,

по «Чацкомъ», а потомъ скоро утѣшилась съ «Молчалинымъ», отъ скуки, потому только, что «Молчалинъ» былъ близко подъ рукой, въ ихъ же домѣ...

— А я забытъ,—невольно проговорилъ онъ вслухъ,—забытъ для «Молчалина»...

Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

— Такъ, можетъ, и тутъ будетъ.

Мысли его приняли другой оборотъ. Онъ перенесся въ далекое прошлое. Вспомнилъ о своемъ первомъ горячемъ чувствѣ, о той, которую онъ теперь безпощадно казнилъ въ «Горѣ отъ ума» въ лицѣ Софьи Павловны Фамусовой. Потомъ воспоминаніе перенесло его къ знакомству съ Ермоловымъ, къ эпизоду дуэли съ Якубовичемъ, къ его походамъ противъ горцевъ, и ему слышался милый голосъ съ мелодіею его собственныхъ стиховъ:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева,
Тѣ же льдистыя громады...

Подъ эту мелодію милаго голоса онъ заснулъ. Проснувшись довольно поздно, Грибоѣдовъ вспомнилъ, что обѣщалъ обѣдать сегодня у Прасковьи Николаевны Ахвердовой, «второй мамы» Нины. И Нина тоже обѣдаетъ тамъ. Вспомнивъ вчерашнюю вечернюю прогулку съ любимой дѣвушкой, а потомъ свои ночныя тревоги и грезы, теперь, при блескѣ яркаго солнца, онъ сразу отрезвился, что это были несбыточныя иллюзіи мечты, вызванныя распущенностью воображенія. Что онъ за юноша въ тридцать четыре года? Какой онъ женихъ для пятнадцатилѣтней дѣвочки! Мало ему одного урока, московскаго? Недаромъ, въ заключеніе своей выстраданной пьесы, онъ кровью своего сердца написалъ:

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Здѣсь, среди горъ, въ глубинѣ Персіи, гдѣ никто его не видѣлъ, онъ нашелъ уголокъ для оскорбленнаго чувства, нашелъ могилу для обманутаго сердца... И вдругъ! Оно опять распустилось, чтобъ принять въ себя новое оскорбленіе... Нѣтъ и нѣтъ! Надо въ руки взять и сердце, и воображеніе. Развѣ онъ не онъ былъ, когда еще недавно писалъ: «Прости, отечество!»

Не наслажденье—жизни цѣль,
Не утѣшенье—наша жизнь,—
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.
Премудрость!вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь...

А онъ вчера вдругъ повѣрилъ. Глупецъ! Неси ярмо чужихъ законовъ, въ Тегеранѣ испытаешь, каково это ярмо... Въ могилу и сердце, и воображеніе; и свободу въ могилу. Отвагу, дружбу, честь, любовь и собственную вѣру, все въ могилу!.. Онъ растаялъ отъ мелодіи женскаго голоса, потерялъ голову, взглянувъ въ хорошенькіе дѣтскіе глазки. А еще «мужъ ума и совѣта», лицо, поставленное на высокій отвѣтственный постъ! И не устоялъ передъ личикомъ миловидной дѣвочки, которая еще сто разъ полюбитъ за «глупые глаза» и сто разъ разлюбитъ... Но какъ тяжело отказаться отъ всего этого... какъ больно разбивать собственныя иллюзіи! А надо, надо... Хуже будетъ... За обѣдомъ всѣ замѣтили мрачное расположеніе его духа, и хозяйка, Ахвердова, и Саломэ Ивановна, и Нина; въ особенности Нина.

И она сидѣла, какъ убитая. Подъ роскошными рѣсницами ея блестѣло что-то въ родѣ слезъ.

— Вы чѣмъ-то разстроены, Александръ Сергѣевичъ?—замѣтила Прасковья Николаевна.—Дѣла озабочиваютъ?

— Да, Прасковья Николаевна, пора собираться въ дорогу, въ далекую, далекую дорогу.—отвѣчалъ Грибоѣдовъ, ни на кого не глядя.

— Но вамъ эта дорога такъ знакома: сколько разъ вы по ней ѣздили!—заговорила мать Нины.

— Нѣтъ, добрѣйшая Саломэ Ивановна, я говорю не о дорогѣ въ Тегеранъ, а о другой...

— О какой же еще?

— О той, по которой мы проходимъ только разъ въ жизни, но уже не возвращаемся.

— Что вы, что вы? Богъ съ вами! Вы еще молодой человѣкъ, и что задумали!

— Молодой человѣкъ!—съ горькой ироніей проговорилъ Грибоѣдовъ.

— А какъ же! Мужчина и въ сорокъ лѣтъ все еще молодой человѣкъ,—горячо заговорила Прасковья Николаевна.—Мужчина никогда не старъ, былъ бы здоровъ. Вонъ Алексѣю Петровичу Ермолову было за пятьдесятъ, а какой орелъ, какая красота! Да за него любая пятнадцатилѣтняя дѣвушка пошла бы съ радостью.

— Можетъ быть... но эти.. я чувствую, что не воротиться мнѣ оттуда...

Нечаянно онъ взглянулъ на Нину, которая сидѣла противъ него. Глаза ея были полны слезъ, а розовыя губки сжались, какъ у ребенка, готоваго разрыдаться. У него какъ будто оборвалось сердце: ему стало невыразимо жаль этого добраго, прелестнаго ребенка! Это о немъ ея слезы, это онъ напугалъ бѣдное дитя...

— Что вы? Какія мрачныя мысли! Господь съ вами! Выкиньте все это изъ головы,—говорила, между тѣмъ, мать Нины.

Но Грибоѣдовъ уже не могъ оторвать глазъ отъ милаго личика.

— Право, добрая Саломэ Ивановна, я самъ не знаю, — оправдывался онъ,—предчувствіе, можетъ быть.

— Полно, полно! Съ чего это предчувствіе? Дурно спали, говорите, вотъ и все

Нѣтъ, неужели онъ ошибается? Въ глазахъ Нины такое глубокое чувство, столько мольбы, обращенной къ нему, что сердце его разомъ порвало всѣ путы сомнѣнія, все благоразуміе, всю боязнь за будущее... Она любитъ его въ этотъ моментъ—она вся его, вся!.. А будущее?.. да будь что будетъ!.. Хоть часъ блаженства, хоть минуту забвенія... А тамъ, и Стиксъ, и Флегетонъ, и челнъ Харона, пускай... все равно! Нина замѣтила особое выраженіе его глазъ и... поняла. Она потупилась. Щеки дѣвушки покрылись румянцемъ... Встали изъ-за стола. Саломэ Ивановна и хозяйка на минуту вышли чѣмъ-то распорядиться. Нина

стояла у окна и глядѣла на далекія горы. Грибоѣдовъ подошелъ къ ней и тихо взялъ ее за руку.

— Nina, venez avec moi,—также тихо сказалъ онъ,—j'ai quelque chose à vous dire.

Дѣвушка повиновалась; только сердце ея такъ билось, что она не могла выговорить ни слова, а молча послѣдовала за нимъ. Она ждала, она предчувствовала что-то... Руки ея похолодѣли. Они перешли черезъ дворъ, не говоря ни слова: молча вошли въ дворъ дома Чавчавадзе, молча прошли мимо Давида, который стоялъ у крыльца, и вошли въ домъ.

— Нина, простите,—заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Я... я виноватъ.

— Чѣмъ?—чуть слышно спросила дѣвушка, не поднимая глазъ.

— Я... я сегодня за обѣдомъ смотрѣлъ на васъ... «глупыми глазами».

Нина вспыхнула и еще болѣе потупилась. Онъ чувствовалъ какъ рука ея, холодная какъ мраморъ, дрожала.

— Нина... простите, я люблю васъ... давно люблю. Я не могу жить безъ васъ,—говорилъ онъ, задыхаясь, — Ниночка

Нина вдругъ заплакала.

— Боже, я обидѣлъ васъ? Простите! Господи, что я надѣлалъ?—шепталъ онъ растерянно.—Что же это? Господи!

— И я... я люблю васъ... давно,—прошептала дѣвушка, еще больше расплакалась.

— Ниночка, Нюсенька! Божество мое! Неужели это правда!—безумно лепеталъ «мужъ ума и совѣта» и безумно цѣловалъ холодныя ручки дѣвушки.—Любишь? Ты любишь меня! Повтори, о, повтори!

— Люблю, люблю давно,—шептала Нина.

Она плакала и смѣялась, смѣялась отъ стыда, отъ счастья...

Онъ нагнулся къ ней и ихъ губы слились...

Дальше ни шагу, господинъ романистъ! Дальше священная тайна двоихъ, видѣть которую третьему—святотатство. Пусть тотъ, кто совершилъ это священное таинство, самъ и посвятитъ въ него, насколько возможно, того, кого самъ признаетъ достойнымъ ввести во святая святыхъ своего я. Грибоѣдовъ, увы! признанъ такимъ «достойнымъ» знаменитаго Ѳаддея Венедикто-

вича Булгарина, родоначальника многихъ позднѣйшихъ Ѳаддеевъ.

«17-го іюля—писалъ онъ ему—я обѣдалъ у моей старой пріятельницы Ахвердовой. За обѣдомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе, все на нее глядѣлъ; задумался, сердце забилось. Не знаю, безпокойства ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную. Выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепіано. Вышло не то. Домъ ея матери возлѣ; мы туда и уклонилась, вышли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось; я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее... Потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, Прасковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой. Насъ благословили... Я повисъ у нея на губахъ во всю ночь и весь день... Отправили курьера къ ея отцу въ Эриванъ съ письмомъ отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ»... *.)

— Ну, что ваше предчувствіе, Александръ Сергѣевичъ?— съ улыбкой освѣдомилась на другой день Ахвердова, увидѣвъ «дѣвчонку» на колѣняхъ у «мужа ума и совѣста».

— Какъ видите,—улыбнулся Грибоѣдовъ, весь сіяющій, возбужденный,—какъ рукой сняла все это маленькая чародѣйка!

— Вижу, и вы возвратились къ 1817-му году? — лукаво спросила «вторая мама».

— Какъ къ 1817-му году?—удивился Грибоѣдовъ.

— Да когда она еще пятилѣтней куклой не слазила съ вашихъ колѣнъ.

— Ахъ, да! Правда.—И всѣ разсмѣялись.

Доложили о приходѣ капитана Овечкина, съ депешами изъ дѣйствующей арміи, отъ Паскевича.

Входитъ.

— А! Герой Чираха и Елисаветполя! — привѣтствуетъ его Грибоѣдовъ.—Очень радъ видѣть.

— Съ царской милостью, Александръ Сергѣевичъ!—поздравляетъ его Овечкинъ

— О! Лучше поздравьте меня съ высшею милостью, милостью

*) «Русская Старина» 1883, кн. VI, 660.

неба,—радостно проговорилъ Грибоѣдовъ,—небо послало мнѣ великую радость въ лицѣ моей невѣсты.—И онъ указалъ на зардѣвшуюся Нину, стоявшую уже рядомъ со своей «второй мамой».

— Отъ души поздравляю! — И Овечкинъ поклонился дамамъ.—Я не забуду, какъ вы были добры къ моей спасительницѣ, бѣдной Магуль.

Давидъ, увидавъ на двор;ѣ свою барышню и Грибоѣдова. тоже поздравилъ ихъ.

— Только ти, баришна, тэпэръ возми мэнэ съ собой,—сказалъ онъ.

— Хорошо, Давидъ, возьмемъ,—улыбнулась Нина.

— А у меня теперь, Давидъ, «кускомъ, кускомъ облаки думъ, съ писмомъ иду распечатанномъ отъ нэвэста».—весело разсмѣялся Александръ Сергѣевичъ.

Давидъ только рукой махнулъ

XXXVII. Счастье—не надолго.

Свадьба Грибоѣдова отпразднована была 22-го августа. Торжественное вѣнчаніе совершено въ Сіонскомъ соборѣ. Въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, съ длинною прозрачною фатою, съ живыми цвѣтами fleurs d'orange, невѣста была необыкновенно хороша; но дѣтское личико ея казалось задумчивымъ и печальнымъ.

— Что съ тобой, Нинушка?—шепнула ей Прасковья Николаевна.

— Я вспомнила, мама, о бѣдной Магуль,—отвѣтила Нина,—она не дожила до моего счастья.

Выйдя изъ собора, она глянула на волнистую цѣпь горъ, заслонявшую отъ нея сѣверъ, родину ея Александра: она уже ревновала его къ этому сѣверу, къ прошлому ея избранника... Онъ уже жилъ, думалъ, мечталъ, можетъ быть, даже любилъ, когда ея еще не было на свѣтѣ... Но теперь онъ все забудетъ, забудетъ этотъ сѣверъ: ея боги будутъ его богами.

И у Грибоѣдова было смутно на душѣ.

«Еслибъ я былъ грекомъ или римляниномъ, я бы боялся, что боги позавидуютъ моему счастію»,—думалъ онъ, глядя на чудную головку Нины:—«не въ мѣру наградило меня это счастье, даже страшно дѣлается». Почему-то припомнился ему весенній

вечеръ въ Петербургѣ, на Елагинской Стрѣлкѣ, вмѣстѣ съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Гоголемъ... Палевая ночь, и этотъ Ростомъ-бекъ... Вотъ и онъ вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ собора, сверкая на солнцѣ серебромъ своего грузинскаго вооруженія. Съ нимъ и пріятель его, Дадашъ-бекъ.

«Бѣдный Ермоловъ! Одинъ онъ всѣми покинутъ... Напишу ему изъ Тегерана».

Торжественный выѣздъ въ Тегеранъ назначенъ былъ на 9-ое сентября. Весь Тифлисъ высыпалъ на проводы молодого посла съ юной посланницей, почти ребенкомъ. Да и было на что посмотрѣть. Это былъ положительно царскій поѣздъ. Болѣе ста лошадей и муловъ было занято подъ походную поклажу: дорогіе подарки шаху и его приближеннымъ, дорожная палатка для ночлега и роздыховъ въ пути; домашнія вещи, столовая посуда и серебро, кухонныя принадлежности, бурдюки съ винами, все это размѣщено было то на арбахъ, то на спинахъ вьючныхъ муловъ. Тутъ же слѣдовали посольская свита и почетный конвой. Въ свитѣ находились: первый секретарь посольства—молодой Мальцевъ, второй секретарь—Аделунгъ, драгоманъ—князь Соломонъ Меликовъ, докторъ Мальмбергъ, штабсъ-капитанъ Шахъ-Назаровъ, канцелярист князь Кобуловъ, грузинскіе князья—Ростомъ-бекъ и его пріятель Дадашъ-бекъ, камердинеръ Грибоѣдова, Александръ Дмитріевъ, поваръ Яковъ Захаровъ, лейбъ-конюхъ юной посланницы—Давидъ съ блестящимъ кинжаломъ на самомъ брюхѣ, перетянутомъ блестящимъ же поясомъ съ серебромъ подъ чернью. Онъ не разлучался съ своими лошадьми и думалъ, что весь Тифлисъ только на него и на его коней и смотритъ. Изъ-подъ навѣса одной изъ арбъ выглядывала няня посланницы и двѣ хорошенькія горничныя.

Саломэ Ивановна провожала дочь до Эривани, гдѣ находился ея мужъ, отецъ юной посланницы. «Вторая мама» ея, провожая свою «дѣвочку-сановницу», порядкомъ всплакнула. Сановница тоже усердно сморкалась, какъ простая смертная.

— Хорошій бакшишъ заработаемъ, когда удачно подложимъ хвостъ чертовки на его дорогѣ,—тихо проговорилъ по-грузински Ростомъ-бекъ, оглядываясь на исчезавшій вдали Тифлисъ.

— Подведемъ, только бы помогъ твой дядя,—также тихо отвѣчалъ на это Дадашъ-бекъ.

— Дядя-то поможетъ, да и Аллахъ-Ярханъ еще чуетъ оскомину на зубахъ все отъ него же, отъ слѣпого съ четырьмя глазами. А съ нею какъ?

— О, ею и самъ старый шахъ не побрезгуетъ, хоть у него и нѣтъ уже зубовъ.

— Пхе! Да она мягкая и сладкая, какъ рахатъ-лукумъ: ее и безъ зубовъ можно...

— Она, дурочка, сама и подсунула меня ему и въ Петербургъ меня къ нему посылала съ письмомъ... Я ей тогда наплелъ о чертовкиномъ хвостѣ, она и повѣрила, да сама теперь на этомъ хвостѣ и спотыкнется.

У юной посланницы глазки давно были сухи, и она, сидя съ матерью въ одномъ экипажѣ, весело болтала, любовалась постоянно открывавшимися дорожными видами и часто подзывала къ себѣ мужа, ѣхавшаго верхомъ, чтобъ сказать ему какой-нибудь занимающій ее пустякъ.

— Знаешь, мама, кто больше всѣхъ удивится, что я посланница?—говорила она, хитро посматривая на мать.

— А кто, моя милая посланница?—улыбалась Саломэ Ивановна.

— Ермоловъ! Алексѣй Петровичъ! Онъ все дразнилъ меня, что я выйду замужъ за Бейбулата.

— За какого Бейбулата?

— А за того, котораго поймали подъ Чирахомъ, гдѣ жила прежде бѣдненькая Магуль: онъ везъ въ Персію локоны женъ Сурхай-хана и другихъ акушинцевъ, а его и схватили подъ Чирахомъ.

— Помню, помню, это головорѣзъ такой, говорятъ.

— Да, но онъ бѣжалъ, а Ермоловъ и др[illegible]илъ меня имъ.

— А ты, глупенькая, сердилась, какъ и тогда, за рѣсницы.

— Знаешь, мама,—таинственно проговорила юная посланница,—за что полюбилъ меня Александръ?

— За глупость, вѣрно

— Ахъ, нѣтъ! Но угадала... За рѣсницы! Онъ самъ мнѣ вчера признался.

— Значитъ, я права: онъ полюбилъ тебя за глупость.

— Ну, ужъ, мама!

— Я шучу: онъ полюбилъ тебя за твою дѣтскую невинность и чистоту.

— А знаешь, мамочка, кто такая эта Софья Павловна Фамусова въ «Горѣ отъ ума»?

— Не знаю. А кто?

— Это была въ Москвѣ такая барышня, въ которую Александръ былъ прежде влюбленъ. Онъ мнѣ во всемъ признался Только ее не звали Софьей, онъ перемѣнилъ ея имя нарочно. Такъ вотъ, мамочка, когда Александръ былъ молоденькій, онъ и полюбилъ эту барышню: ей было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, и они поклялись быть вѣрными до гроба. Потомъ Александръ долженъ былъ уѣхать куда-то далеко, на войну что ли, на нѣсколько лѣтъ. Онъ вѣдь такой благородный, un heros comme Bayard, онъ остался ей вѣренъ, а она ему измѣнила и полюбила какого-то чиновника. Вотъ дура! Промѣнять благороднаго Александра, на кого же? На лакея, на льстеца, который, фуй! ухаживалъ за горничной! Александръ, какъ узналъ это, бросилъ все и уѣхалъ на Кавказъ. Онъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ — «немножко Чацкій».

— О чемъ это такъ щебечетъ моя птичка? — съ любовью спросилъ Грибоѣдовъ, подъѣзжая къ ихъ экипажу.

— Разные свои секреты повѣряетъ мнѣ, — отвѣчала, смѣясь, Саломэ Ивановна.

— А! Секреты отъ мужа!

— Что жъ! Матери можно довѣрить все, что даже для мужа должно быть неизвѣстно.

— То-то, плутовка, а мнѣ не все говоритъ, — улыбнулся Грибоѣдовъ

— Не правда, все, все, все! — запротестовала юная посланница.

Я не стану дальше описывать ихъ путешествіе. Скажу только, что они ѣхали черезъ Коды, Шулаверы и Гергеры. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по распоряженію Паскевича, ихъ ожидали блестящія встрѣчи. Передъ ними парадировали войска, гремѣла музыка. Особенно торжественно встрѣчали ихъ въ Гергерахъ и въ Эривани.

— О, насъ точно царей встрѣчаютъ! — говорила Нина, когда въ Гергерахъ показался ея отецъ, князь Чавчавадзе, съ

почетнымъ отрядомъ, прибывшій въ эту крѣпость для оказанія воинскихъ почестей русскому послу и полномочному министру.

— Склоняю оружіе передъ моей козочкой-посланницей,— сказалъ князь, цѣлуя свою дочку.

— О, папа! Это точно сказка изъ «Тысячи и одной ночи»!— восхищалась Нина. — Я никогда не забуду Гергеръ.

— Я не заслужилъ такой встрѣчи, — скромно замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Въ вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ посла государя императора, — отвѣчалъ отецъ Нины.

Но самая величественная встрѣча была въ Эчміадзинѣ. Грибоѣдову показалось, что онъ въ Москвѣ, что это не его встрѣчаютъ, а Иверскую съ крестнымъ ходомъ. Навстрѣчу вышелъ весь монастырь. Въ воздухѣ вѣяли хоругви, надъ толпами клира высились кресты, искрились на солнцѣ драгоцѣнныя ризы иконъ, раздавалось пѣніе гимновъ; воздухъ наполнился куреніями кадильницъ.

— Господи! Даже страшно становится, мама, — шептала Нина, увидѣвъ все это.

— Молись, моя дорогая, — отвѣчала ей мать.

Въ монастырѣ Грибоѣдову и Нинѣ отвели лучшіе покои. Утомленный всею сутолокою встрѣчъ, громомъ музыки, пѣніемъ гимновъ, возгласами толпы, Александръ Сергѣевичъ рано удалился въ отведенные ему покои, чтобъ собраться съ мыслями, отдохнуть и написать нѣкоторыя письма

Написавъ коротенькое дѣловое письмо Булгарину, своему фактотуму въ Петербургѣ, онъ невольно задумался... Какъ все это не похоже на то, что было еще такъ недавно! Какъ высоко поднялось его колесо, колесо фортуны!.. А Ермоловъ? Точно его и не было... А что его самого ждетъ впереди? Что ожидаетъ то милое, невинное созданіе, которое связало съ нимъ свою судьбу?..

— Пусть тамъ поболтаетъ на прощанье съ папой и съ мамой, дорогое дитя, — проговорилъ онъ про себя и принялся за письмо къ одной старой пріятельницѣ.

Въ это время къ нему влетѣла Нина.

— Вообрази, Александръ, какой гадкій папа, — говорила она, смѣясь, — ты, говоритъ, козочка, поменьше тамъ въ Персіи стрѣляй глазками, а то, говоритъ, тебя у слѣпого мужа подъ

носомъ украдутъ для шахскаго гарема. Каковъ папка! Я ему за это уши надрала. А ты кому пишешь? — спросила она, заглядывая въ глаза мужу.

— Писалъ Булгарину, — отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ, — а теперь хочу писать m-me Миклашевичъ.

— Женщинѣ... Вотъ ты какой! А кто она? молоденькая... хорошенькая? — спросила Нина.

— И молоденькая, и хорошенькая.

Нина надула губки.

— Не правда, ты дразнишь меня.

— Какъ Ермоловъ?

— Еще хуже

— Но, надѣюсь, ты теперь не обрѣжешь себѣ рѣснипъ?

— Обрѣжу! Гдѣ ножницы?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, моя крошка: m-me Миклашевичъ—старушка; она пріятельница моей матери.

— Ну, хорошо, пиши; не буду тебѣ мѣшать. Я читаю «Prairie» Купера.

Нина взяла книгу и усѣлась недалеко отъ мужа. Онъ началъ писать. Нина украдкой поглядывала на него изъ-за книги. Такъ прошло минутъ десять-двадцать. Ей скоро надоѣло чтеніе.

— Скоро кончишь? — спросила она.

— Я только что началъ, — отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ, откладывая перо.

— А ну, что ты пишешь ей?—сказала Нина, наклоняясь надъ письмомъ мужа. — Можно прочесть?

— Можно, секретовъ нѣтъ.

— А! «Другъ мой Варвара Семеновна!»—Это старушка-то другъ? Ну, хорошо. Жена моя (читала Нина), по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза (неправда!), мѣшаетъ писать (вотъ ужъ неправда!) знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ (неправда, неправда, неправда!). Не пеняйте же на долгое молчаніе, милый другъ (милый! Ну ужъ): видите, женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, — сто десять лошадей и муловъ, — ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется (еще бы! милый мой!) всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ со счастливымъ прибытіемъ

туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое помышленіе о васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью».

Нина бросилась цѣловать мужа.

— Все? Кончилъ?

— Нѣтъ еще, мой ангелъ,—отвѣчалъ онъ, гладя ея головку.

Нина усѣлась ему на колѣни и положила голову на его плечо.

— Какъ все это случилось? — тихо, радостно говорила она. — Гдѣ я, что и съ кѣмъ?.. Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда!

Онъ нѣжно, восторженно прижалъ ее къ себѣ... «О, мое счастье!»—шепчетъ онъ. Она освободилась изъ его объятій, порывисто дыша.

— Докончивай... Я буду читать... А то я съ ума сойду...

Вздохнувъ полной грудью, Александръ Сергѣевичъ снова сталъ писать.

«Какъ все это случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда!»

«Слышите! (писалъ онъ). — Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему, доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, все далѣе отъ успокоенія души и разсудка? А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило, какъ ни утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транера и Куперову «Praigie», мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо — другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ»...

Нина, положивъ книгу, снова подошла къ Александру Сергѣевичу.

— О, какое большое посланіе! — сказала она, заглядывая ему черезъ плечо. — А мнѣ никогда не писалъ.

— Не приходилось, мой ангелъ, — отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ.

— Скоро кончишь?

— Скоро, дружочекъ.

Нина опустилась на коверъ и положила голову на колѣни мужа.

— Я тебѣ не мѣшаю? — спросила она.

— Нѣтъ, моя крошка: мнѣ такъ пріятно чувствовать твою головку.

Онъ погладилъ ее.

— Ну, пиши, а я буду мечтать.

Перо опять заходило по бумагѣ. Грибоѣдовъ писалъ: «Вотъ, послѣ тревожнаго дня, удалился теперь въ свой гаремъ: тутъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ. Разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить. Вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Murillo — вотъ она»... *)

Александръ Сергѣевичъ положилъ перо и нагнулся. Нина не шевелилась. Онъ прислушался. Тихое, ровное дыханіе изобличало, что Нина спала. Александръ Сергѣевичъ осторожно приподнялъ ея голову, другою рукой обхватилъ станъ спящей, осторожно приподнялъ съ ковра и, какъ малаго ребенка, тихо понесъ въ сосѣднюю комнату, въ спальню. Нина продолжала спать. И только когда онъ опустилъ ее на подушки, Нина открыла глаза и охватила его шею руками.

— Ты мой! — прошептала она и притянула его къ себѣ, чтобъ поцѣловать. — Мой?

— Твой, твой! — тихо прошепталъ онъ, цѣлуя ее.

— Я спать хочу... А ты?

— Я сейчасъ къ тебѣ, мое сокровище.

---

*) Это письмо напечатано въ «Русской Старинѣ». 1883 г., кн. VI, 660—662.

XXXVIII. Предательство.

Вотъ уже скоро четыре мѣсяца, какъ Грибоѣдовъ находится въ Тегеранѣ. Посольство его было принято шахомъ необыкновенно, гораздо торжественнѣе, чѣмъ когда-то посольство Ермолова.

— Вы мой эминъ, — сказалъ на аудіенціи Фетхъ-Али-шахъ Александру Сергѣевичу, — вы мой визирь, и всѣ мои визири— ваши слуги.

Грибоѣдову пожалованъ былъ орденъ Льва и Солнца I-ой степени. Александръ Сергѣевичъ мечталъ уже скоро увидѣться съ Ниной, которая оставалась въ Тавризѣ подъ покровительствомъ Амбургера, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, и очень скучала по мужѣ. Но судьба распорядилась иначе. Дня за два до отъѣзда Грибоѣдова въ Тавризъ, въ концѣ января 1829 года, вечеромъ, въ домъ Манучехръ-хана вошли два персіянина. Манучехръ-ханъ въ молодости былъ взятъ персіанами въ плѣнъ во время ихъ нападенія на Грузію и отведенъ ко двору шаха, какъ хорошенькій мальчикъ. Тамъ его обратили въ мусульманство, и молоденькій Арчилъ, какъ онъ назывался въ Грузіи, скоро обратилъ на себя вниманіе шаха, который, видя его способности, быстро потащилъ ловкаго Арчила вверхъ по іерархической лѣстницѣ. Въ концѣ концовъ, онъ сдѣлалъ его правителемъ Испагани, и Арчилъ Манучехръ-ханъ сталъ однимъ изъ видныхъ сановниковъ Ирана. Борода его давно была выкрашена въ огненный цвѣтъ, и онъ рѣдко вспоминалъ о Грузіи и Имеретіи. Когда-то его интересовала трагическая судьба послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II, «царя безъ царства», какъ его называли, и его красавицы-дочери, царевны Дареджаны, удалившейся въ монастырь и потомъ бѣжавшей въ Турцію съ своимъ родственникомъ, княземъ Абашидзе; но скоро онъ и ихъ забылъ. Въ послѣднее время Россія и Грузія представлялись ему въ образѣ то Ермолова, то Паскевича, а теперь въ образѣ «слѣпого съ четырьмя глазами», т. е. Грибоѣдова, и онъ всѣхъ ихъ ненавидѣлъ.

Пришедшіе къ нему вечеромъ два персіанина были введены въ его «эндерунъ», во внутренніе покои. Онъ, видимо, ожидалъ ихъ. Это оказались не персіане, а грузины изъ свиты Грибо-

ѣдова: Ростомъ-бекъ и Дадашъ-бекъ. По знаку Мануечехръ-хана, стоявшій у дверей арапченокъ принесъ всѣмъ тремъ по закуренному наргиле и удалился, затворивъ за собою дверь.

— Ну, какъ дѣла, Рустемъ? — спросилъ Мануечехръ-ханъ, поглаживая свою крашеную бороду и дымя кальяномъ.

— Дѣла хорошо налажены, дядя — отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.

— Наладить хорошо, а кончить еще лучше, — проговорилъ хозяинъ.

— И конецъ будетъ хорошій: чертовка ужъ подсунула свой хвостъ, — загадочно сказалъ Ростомъ-бекъ.

— Изъ куста? — улыбнулся Мануечехръ-ханъ.

— Изъ самаго эндеруна средоточія вселенной и убѣжища мира, — сказалъ Дадашъ-бекъ.

— О! Аллахъ-керимъ, Аллахъ-акбаръ! — набожно проговорилъ Мануечехръ-ханъ.

— Нѣтъ, дядя, свой хвостъ чертовка протянула изъ самаго Петербурга, съ Елагина острова, чрезъ всю Россію и Грузію, и только кончикъ хвоста спрятала въ эндерунѣ средоточія вселенной, — пояснилъ Ростомъ-бекъ, — я еще въ Петербургѣ помѣшалъ пальцемъ въ головѣ слѣпого съ четырьмя глазами, а перцу ему на сердце насыпала его теперешняя жена; не помоги она, не былъ бы я здѣсь.

Дадашъ-бекъ былъ не разговорчивъ: онъ молча улыбался, усиленно затягиваясь кальяномъ, вода въ которомъ булькала, не переставая. Онъ, видимо любовался ловкостью своего товарища.

— Ловко, ловко, — процѣдилъ сквозь зубы Мануечехръ-ханъ. — Ну, какъ же работаетъ чертовкинъ хвостъ.

— А вотъ какъ работаетъ, дядя, — отвѣчалъ Ростомъ-бекъ, — чертовка такъ нащекотала хвостомъ сердце ходжи-Мирзы-Якуба, что онъ завтра же пойдетъ просить слѣпого съ четырьмя глазами, чтобъ онъ взялъ его въ Эривань.

— Какъ? Самъ ходжа-Мирза-Якубъ! — съ изумленіемъ воскликнулъ Мануечехръ-ханъ, переставая курить.

— Да, самъ ходжа-Мирза-Якубъ, — хихикнулъ Дадашъ-бекъ.

— Да это все равно, что отнять жену у средоточія вселенной! — говорилъ Мануечехръ-ханъ.—Вы шутите?

Онъ, видимо, не могъ прійти въ себя отъ этого извѣстія.

— А все-таки онъ завтра явится къ слѣпому, — спокойно продолжалъ Ростомъ-бекъ.

— Но его величество, средоточіе вселенной и убѣжище мира, не отпуститъ Якуба, — говорилъ Манучехръ-ханъ. — Скорѣе онъ объявитъ войну Россіи.

— Нѣтъ, дядя, — попрежнему спокойно возразилъ Ростомъ-бекъ, — по туркманчайскому трактату, слѣпой имѣетъ право взять съ собою въ Россію Якуба. Помнишь статью трактата о плѣнныхъ?

— Правда, правда, — согласился Манучехръ-ханъ, — да такъ хитро и самъ чортъ не придумалъ бы: только баба на это и способна. А ты, племянничекъ, и бабу-чертовку перехитрилъ.

Дадашъ-бекъ самодовольно улыбнулся: онъ гордился своимъ другомъ.—«Да, Ростомъ—голова... у—у!»—пробормоталъ онъ.

— Такъ ты, значитъ, на его же трактатѣ его и поймалъ, племянничекъ? Ловко, ловко,—качалъ головой Манучехръ-ханъ.— Въ Туркманчаѣ онъ вырылъ яму для Ирана, а теперь самъ въ нее попадетъ... Ловко, ой, какъ ловко!

— Зато ему бѣлый царь далъ хорошій бакшишъ: и червонцы, и крестъ на шею, и посольство,—замѣтилъ Ростомъ-бекъ.

Дадашъ-бекъ, покуривая наргиле, продолжалъ хитро улыбаться.

— Да это еще не все,—таинственно замѣтилъ онъ.

— А что еще?—спросилъ Манучехръ-ханъ, теребя свою огненную бороду.

— Пусть онъ разскажетъ,—хитро покосился на своего друга Дадашъ-бекъ.

— Вотъ еще что, дядя,—медленно проговорилъ Ростомъ-бекъ,—ты знаешь, когда слѣпой съ четырьмя глазами перехитрилъ Аллахъ-Яръ-хана въ Туркманчаѣ, его высочество, шахъ-задэ Аббасъ-Мирза сказалъ: «Аллахъ-Яръ-ханъ уменъ, какъ ворона, а Грибоѣдовъ — какъ лисица». Этого Аллахъ-Яръ-ханъ не можетъ простить слѣпому. А мы съ Дадашъ-бекомъ вотъ что построили: у Дадашъ-бека есть знакомый евнухъ въ гаремѣ Аллахъ-Яръ-хана, и черезъ этого евнуха Дадашъ-бекъ подговорилъ двухъ любовницъ изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана

тоже уйти, подобно Мирзѣ-Якубу, къ слѣпому, чтобъ онъ и ихъ взялъ съ собою.

— Что вы! Что вы?—замахалъ руками Манучехръ-ханъ, переставъ тянуть наргиле.—Да какъ это можно? По какому праву?

— По тому же туркманчайскому трактату,—спокойно отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.—Эти жены Аллахъ-Яръ-хана, и самыя любимыя—тоже изъ плѣнныхъ, которыхъ Грибоѣдовъ имѣетъ право возвратить въ Россію.

— Ну, и бѣсъ же ты, племянничекъ, вотъ такъ бѣсъ!—Манучехръ-ханъ не находилъ словъ отъ удивленія.—Да за это Аллахъ-Яръ-ханъ живьемъ съѣстъ Грибоѣда, непремѣнно съѣстъ

— Особенно когда узнаетъ, что одна изъ этихъ женъ... тово,—подхихикнулъ Дадашъ-бекъ.

— Что тово?—полюбопытствовалъ Манучехръ-ханъ.

— Брюхата отъ Аллахъ-Яръ-хана,—снова хихикнулъ Дадашъ-бекъ.

Манучехръ-ханъ отъ изумленія не усидѣлъ даже на мѣстѣ. Онъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Какъ же такъ?—заговорилъ онъ.—Если она беременна, то, значитъ, носитъ въ себѣ плодъ Аллаха-Яръ-хана; а этотъ плодъ—будущій подданный его величества шаха, средоточія вселенной. Какъ же его-то подвести подъ туркманчайскій трактатъ? Вѣдь этотъ плодъ—тоже что принцъ крови, потому что главная жена у Аллахъ-Яръ-хана дочь самого шаха.

— Это значитъ: коли яблоня русская, то и яблочко отъ нея русское,—коварно замѣтилъ Ростомъ-бекъ.—Пока яблочко не упало съ дерева, его и хотятъ увести вмѣстѣ съ яблонькой.

— Ну, этому не бывать!—порѣшилъ Манучехръ-ханъ.

— Знаю,—согласился Ростомъ-бекъ,—но черезъ это слѣпой скорѣе свалится въ яму.

— Вижу, вижу, — качалъ головой Манучехръ-ханъ. — Вы прямо приготовили ему неизбѣжную гибель, неизбѣжную: съ одной стороны, его величество шахъ ни за милліоны не выпуститъ изъ своего гарема Якуба, евнуха, который огласитъ въ Россіи всѣ тайны сераля. Развѣ же это можно? Якубъ! Да изъза него объявятъ войну Россіи, это оскорбленіе всему Ирану... Тайны сераля... ай-ай, какое это великое дѣло! А съ другой стороны, эта беременная женщина: она носитъ въ себѣ плодъ

отъ самого зятя средоточія вселенной... Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не только слѣпой, этотъ Грибоѣдъ, но онъ—безумный: у него Аллахъ не только въ головѣ пальцемъ помѣшалъ, но онъ эту голову отдалъ на съѣденіе псамъ! Ну, племянничекъ, удружилъ ты не только инглизамъ, но и всему Ирану. И какъ ты это надоумилъ его вмѣшаться въ эти страшныя дѣла?

— Меня инглизъ вразумилъ,—скромно отвѣчалъ Ростомъ-бекъ,—онъ еще въ Тавризѣ, когда слѣпой былъ въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ этотъ планъ, когда узналъ о назначеніи посломъ слѣпого.

— Такъ за свою же выдумку тебѣ инглизъ и бакшишъ обѣщалъ?—удивлялся Манучехръ-ханъ.

— Да,-безъ меня и Дадашъ-бека самъ инглизъ ничего бы не подѣлалъ.

— И то правда: да и я безъ васъ не сварилъ бы этой чихиртмы,—согласился Манучехръ-ханъ.

Онъ хлопнулъ въ ладоши. На этотъ призывъ явился прежній арапченокъ, которому Манучехръ-ханъ и приказалъ подать кофе для гостей.

— Меня безпокоитъ одно,—сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія,—о бабахъ говорить нечего, особенно о беременной; ее Аллахъ-Яръ-ханъ не отдастъ слѣпому. Но Якуба, по трактату даже самъ его величество шахъ не можетъ удержать. Не объявитъ же онъ изъ-за него войны: мы къ ней не готовы, да и давно ли эти проклятые урусы отняли Карабахъ и Эривань! А тутъ, пожалуй, изъ-за Якуба они и до Тегерана доберутся. Англичане насъ не спасутъ; они только могутъ дать намъ денегъ на войну, да и то недаромъ. А у насъ войска мало. Я ужъ говорилъ объ этомъ и съ его высочествомъ шахъ-задэ, и съ Аллахъ-Яръ-ханомъ: они такъ же думаютъ. Ба! — ударилъ онъ себя по головѣ.—Аллахъ-керимъ! Онъ хорошую мысль посадилъ мнѣ сейчасъ въ голову.

— Какую, дядя?—полюбопытствовалъ Ростомъ-бекъ.

— Вотъ какую: Якубъ-Мирза состоитъ казначеемъ въ гаремѣ его величества; черезъ руки Якуба проходятъ большія суммы на надобности сераля. Мы обвинимъ его въ томъ, что онъ обворовалъ казну, и потому хочетъ бѣжать въ Россію.

— Отличная мысль!—обрадовался Ростомъ-бекъ.

— Да, больше чѣмъ отличная, — улыбнулся Манучехръ-

ханъ,—вѣдь я же, какъ главный кади Тегерана, и долженъ буду допросить Якуба, произвести слѣдствіе.

Арапченокъ принесъ кофе и поставилъ передъ собесѣдниками.

— Но вотъ что, дядя,—сказалъ Ростомъ-бекъ, соображая что-то,—Якуба обвинятъ въ томъ, что онъ растратилъ деньги его величества шаха. Хорошо. Ну, а если у него на всѣ расходы есть оправдательные документы?

При этихъ словахъ, Дадашъ-бекъ сдѣлалъ испуганно-серьезное лицо, какъ бы говоря: «вотъ такъ загвоздка»! А Манучехръ-ханъ сердито отодвинулъ отъ себя миніатюрную чашечку съ ароматнымъ кофе.

— Расписки? Счеты?—спросилъ онъ, глядя на Ростомъ-бека.

— Да. Онъ, я думаю, человѣкъ аккуратный, осторожный,—отвѣчалъ послѣдній.

— Правда, онъ хитеръ и понатерся таки, служа давно въ эндерунѣ его величества, средоточія вселенной. Ну, а если его счеты и всѣ документы разомъ пропадутъ.

— Какъ пропадутъ? — спросилъ было Ростомъ-бекъ.—Да, понимаю,—улыбнулся онъ потомъ,—всѣ ферраши (полицейскіе) Тегерана въ твоемъ вѣдѣніи... Да, возможно, что и пропадутъ.

— Навѣрное пропадутъ,—подтвердилъ Манучехръ-ханъ.

Лицо Дадашъ-бека просіяло. Глаза его, казалось, говорили: «ну, и ловко же мы придумали».

Скоро Ростомъ-бекъ и Дадашъ-бекъ простились съ Манучехръ-ханомъ. На базарѣ они вошли въ одинъ домъ, гдѣ помѣщалась «кафана» вмѣстѣ съ цырюльней брадобрѣя, а оттуда черезъ нѣсколько минутъ вышли уже въ грузинскомъ костюмѣ. Съ базара они прямо прошли въ домъ русскаго посольства.

XXXIX. У Манучехръ-хана.

На другой день вечеромъ, когда Грибоѣдовъ занимался въ своемъ кабинетѣ, къ нему вошелъ Ростомъ-бекъ.

— Что скажете, князь?—спросилъ Александръ Серѣевичъ.

— Васъ желаетъ видѣть главный евнухъ шаха,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.

— По какому дѣлу?

— Не объясняетъ: я, говоритъ, желаю лично видѣть господина посланника.

— Не понимаю, и притомъ вечеромъ является. Что ему до меня?

— Секретное, говоритъ, дѣло.

Грибоѣдовъ вышелъ. Въ пріемной онъ увидѣлъ богато одѣтаго персіянина, по типу чистокровнаго армянина.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Я, господинъ посолъ, главный евнухъ въ эндерунѣ его величества шаха... Меня зовутъ Ходжа-Мирза-Якубъ. Я пришелъ просить вашего покровительства, господинъ посолъ.

— Въ чемъ я могу помочь вамъ?

— Я, господинъ посолъ, русскій подданный изъ Эривани. Болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ я былъ взятъ персіянами въ плѣнъ и, извините, господинъ посолъ, былъ подвергнутъ гнусной операціи.

— Понимаю,—прервалъ его Грибоѣдовъ.

— Потомъ, господинъ посолъ,—продолжалъ Якубъ,—меня оставили при гаремѣ его величества шаха, а впослѣдствіи возвели въ должность главнаго евнуха сераля. Теперь, господинъ посолъ, я желаю возвратиться на родину, въ предѣлы Россіи, на что и имѣю неоспоримое право по 13-й статьѣ туркманчайскаго трактата. Вотъ почему я и прибѣгаю къ покровительству вашего превосходительства: защитите меня отъ насилія, дайте мнѣ убѣжище въ посольскомъ домѣ.

Выслушавъ просьбу, Грибоѣдовъ немного помолчалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Но только почему вы явились ко мнѣ ночью искать убѣжища? Такой способъ искать убѣжища приличенъ только ворамъ; а вы—лицо всѣмъ извѣстное и прибѣгаете ко мнѣ на законномъ основаніи. Ночью я васъ не приму. Я долженъ дѣйствовать гласно, и потому приходите ко мнѣ завтра утромъ.

Онъ позвонилъ. На зовъ явился Ростомъ-бекъ.

— Прикажите, князь, нашимъ феррашамъ отвести Мирзу-Якуба во дворецъ его величества шаха,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ, указывая на просителя.—Прощайте.

Утромъ на другой день, Ходжа-Мирза-Якубъ снова явился въ пріемную Грибоѣдова.

— Я удивляюсь,—сказалъ ему Александръ Сергѣевичъ,—

зачѣмъ вы хотите оставить Персію. Здѣсь, въ Тегеранѣ, вы—значительная особа: вы занимаете второе мѣсто въ эндерунѣ шаха. На что вы разсчитываете въ Россіи?

— Я ни на что не разсчитываю, господинъ посолъ,—отвѣчалъ Мирза-Якубъ, — но Россія — моя родина. Я пятнадцать лѣтъ какъ не видалъ Эривани: мнѣ хочется умереть на родной сторонѣ. Притомъ же здѣсь я не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ: сегодня я второе лицо въ эндерунѣ его величества, средоточія вселенной, а завтра—моя голова на колу.

Грибоѣдовъ долженъ былъ съ этимъ согласиться.

— Надо оформить это дѣло законнымъ порядкомъ, — сказалъ онъ.—А ваше имущество?

— Оно уже упаковано въ переметныя сумы, только остается послать за нимъ,—отвѣчалъ Мирза-Якубъ.

— А вы сами не пойдете за нимъ?

— Я боюсь, ваше превосходительство, что меня теперь тамъ арестуютъ.

— Хорошо, я пошлю за нимъ своихъ людей.

Грибоѣдовъ позвонилъ, и на зовъ снова явился Ростомъ-бекъ.

— Гдѣ Дадашъ-бекъ?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Онъ сейчасъ только отлучился по дѣламъ, а вамъ что угодно будетъ приказать?

— Да вотъ надо послать кого-нибудь съ феррашами во дворъ шаха за имуществомъ Мирзы-Якуба.

— Если позволите, я это сдѣлаю, — предложилъ Ростомъ-бекъ.

— Хорошо. Такъ сейчасъ же попросите Мальцева или Аделунга изготовить отъ моего имени меморандумъ въ визиріатъ его величества шаха о томъ, что, на основаніи 13-й статьи туркманчайскаго трактата, я беру подъ свое покровительство Ходжу-Мирзу-Якуба, какъ бывшаго подданнаго государя императора и потомъ персидскаго плѣнника, для возвращенія его въ Россію, согласно изъявленному имъ желанію.

— Слушаю-съ,—поклонился Ростомъ-бекъ.

— А вы идите въ мою канцелярію и ожидайте дальнѣйшихъ распоряженій,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ Мирзѣ-Якубу, и удалился въ свой рабочій кабинетъ.

Между тѣмъ, пока въ канцеляріи изготовляли меморандумъ

въ визиріатъ, Дадашъ-бекъ, извѣщенный обо всемъ Ростомъ-бекомъ, немедленно вышелъ изъ посольскаю дома, торопливо прошелъ на базаръ въ знакомую уже намъ «кафану» съ цырюльнею, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда хорошо загримированнымъ персіяниномъ съ выкрашенною въ огненный цвѣтъ бородою.

Скоро онъ былъ уже въ эндерунѣ Манучехръ-хана.

— Ну, что?—спросилъ послѣдній.

— Лисица попалась въ капканъ,—отвѣчалъ Дадашъ-бекъ, хитро улыбаясь.—Якубъ уже у слѣпого въ канцеляріи, а Ростомъ-бекъ дожидается бумаги, чтобъ съ нею и феррашами итти за имуществомъ Якуба.

— Да будетъ благословенъ пророкъ!—радостно проговорилъ Мануchехръ-ханъ.—У моихъ феррашей и руки длиннѣе, и ноги быстрѣе, чѣмъ у псовъ слѣпого.

— Такъ бумажки Якуба пропадутъ?—улыбнулся Дадашъ-бекъ.

— Пропадутъ. Я сейчасъ къ его величеству, средоточію вселенной и убѣжищу мира,—заторопился Мануchехръ-ханъ.—А, каково! Гяуры хотятъ плевать въ бороду пророку. Аллахъ-акбаръ! Аллахъ-керимъ! Брать евнуха изъ гарема его величества: да это безбожнѣе, чѣмъ выкрасть изъ гарема главную богиню, жену средоточія вселенной!

Онъ громко захлопалъ въ ладоши. Арапченокъ, какъ изъ земли, выросъ передъ нимъ.

— Коня сейчасъ! Да чтобъ ферраши были готовы со мной!—приказалъ Мануchехръ-ханъ.

Арапченокъ исчезъ. Дадашъ-бекъ сталъ прощаться.

— Наше дѣло сдѣлано, — сказалъ онъ.—А ужъ теперь—дѣло чертовки.

— А слѣпого она повѣситъ на своемъ хвостѣ,—весело проговорилъ Мануchехръ-ханъ, провожая до дверей Дадашъ-бека.

Фетхъ-Али-шахъ пришелъ въ страшное неистовство, когда Аллахъ-Яръ-ханъ и Мануchехръ-ханъ доложили ему о бѣгствѣ его главнаго евнуха и объ укрывательствѣ его въ русскомъ посольствѣ.

— Какъ? Взять у меня моего главнаго «ходжу»! Да это, кляпусь бородой пророка! все равно, что меня самого, тѣнь Аллаха на землѣ, меня, царя царей, средоточіе вселенной и

убѣжище мира, меня и всѣхъ моихъ женъ вывести голыми на базаръ!—бѣсновался Фетхъ-Али-шахъ.—Сейчасъ же воткнуть голову сбѣжавшей отъ меня собаки на колъ передъ моими окнами.

— Но, ваше величество, — робко возразилъ Аллахъ-Яръ-ханъ,—Грибоѣдовъ принялъ подъ свое покровительство собаку вашего всемогущества на основаніи проклятаго туркманчайскаго трактата. Не я ли рвалъ съ горя и досады свою бороду, когда утверждали этотъ унизительный для Ирана трактатъ, а меня тогда не послушалъ его высочество шахъ-задэ, и еще обозвалъ меня вороной.

— Такъ я разорву этотъ трактатъ,—бѣсновался шахъ,—на колъ и сбѣжавшую собаку, и трактатъ съ нимъ на колъ.

— Ваше величество! — робко заговорилъ Мануchехръ-ханъ.—Твое слово—слово Аллаха, да продлитъ онъ твою жизнь безъ конца! Что ты сказалъ, то сказалъ Аллахъ... Вотъ моя голова: завтра же не будетъ ни сбѣжавшей собаки, ни проклятаго туркманчайскаго трактата, ни того слѣпого, который его написалъ... Вотъ моя голова!

Лицо шаха нѣсколько прояснилось.

— А войны не будетъ?—спросилъ онъ.

— Не будетъ,—отвѣчалъ Мануchехръ-ханъ,—твои священные глаза не видали и твои священныя уши не слыхали... А это ужъ мое дѣло.

Въ это время вошелъ къ шаху одинъ изъ принцевъ крови и начальникъ шахскихъ тѣлохранителей, шахъ-задэ Зилли-султанъ.

— Что, мой вѣрный щитъ и моя острая сабля?—ласково обратился къ нему Фетхъ-Али-шахъ.

— Я сейчасъ изъ визиріата, ваше величество,—отвѣчалъ пришедшій.—Вотъ меморандумъ русскаго посланника: онъ извѣщаетъ высокій визиріатъ, что, на основаніи 13-й статьи туркманчайскаго трактата, онъ принялъ подъ свое покровительство явившагося къ нему «ходжу» изъ гарема средоточія вселенной и убѣжища мира, презрѣннаго пса Мирзу-Якуба.

Глаза стараго шаха опять вспыхнули гнѣвомъ, и онъ глянулъ на Мануchехръ-хана.

— Я сейчасъ призову этого презрѣннаго пса къ допросу,—

сказалъ послѣдній. — Онъ обворовалъ казну его величества, царя царей...

— Какъ? Обворовалъ мою казну!—вскочилъ Фетхъ-Али-шахъ.

— Успокойтесь, ваше величество, казна цѣла до послѣдняго тумана,—проговорилъ Мануччехръ-ханъ, — но все-таки сбѣжавшій песъ—воръ, и потому онъ скрылся въ русскомъ посольствѣ.

— Если казна цѣла, то чѣмъ ты докажешь, что сбѣжавшій песъ обворовалъ ее?—спросилъ Аллахъ-Яръ-ханъ.

— Докажу тѣмъ, чего у него нѣтъ, — загадочно отвѣчалъ Мануччехръ-ханъ.

— Чѣмъ же это?

— Вотъ чѣмъ: козла заперли въ кладовую, гдѣ былъ кочанъ капусты; приходятъ потомъ въ кладовую, тамъ только козелъ, а капусты нѣтъ... Чѣмъ докажетъ козелъ, что не онъ съѣлъ капусту?

Фетхъ-Али-шахъ весело разсмѣялся.

— А капуста-то вотъ гдѣ, — улыбнулся Мануччехръ-ханъ, вынимая изъ-за пазухи какія-то бумаги.

— Это что такое?—спросилъ шахъ.

— Счета, ваше величество, которыми могъ бы оправдаться сбѣжавшій козелъ, что не онъ поѣлъ капусту, что капуста цѣла.

— Гдѣ-жъ ты ихъ взялъ?—снова спросилъ шахъ.

— Мнѣ ихъ Аллахъ послалъ, ваше величество.

— Ну, я вижу, что Аллахъ послалъ тебѣ и умную голову,— окончательно развеселился повелитель Ирана.

Прямо изъ дворца, Мануччехръ-ханъ поѣхалъ на посольскій дворъ. Грибоѣдовъ встрѣтилъ его прилично сану правителя Испагани и верховнаго кади Тегерана.

— Я отъ его величества, средоточія вселенной, къ вашему превосходительству,—сказалъ Мануччехръ-ханъ.

— Что угодно его величеству? — спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Изъ эндеруна средоточія вселенной бѣжалъ главный «ходжа» шаховскаго гарема подъ вашу защиту: оказалось, что Мирза-Якубъ—воръ, и потому бѣжалъ отъ казни.

— Какъ воръ?—удивился Грибоѣдовъ.

— Да, воръ. Онъ остался долженъ государственной казнѣ нѣсколько тысячъ тумановъ, взятыхъ имъ у казнохранителя Зу-

рабъ-хана. Его слѣдуетъ допросить при свидѣтеляхъ, и потому именемъ его величества Фетхъ-Али-шаха, средоточія вселенной и убѣжища мира, я прошу ваше превосходительство прислать его ко мнѣ для снятія допроса,—официально проговорилъ хитрый армянинъ, превратившійся давно въ персидскаго сановника.

— Очень хорошо, я пришлю его къ вамъ,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ, провожая до дверей посланца шаха.

Тотчасъ по уходѣ Манучехръ-хана, Александръ Сергѣевичъ приказалъ Мальцеву, первому секретарю посольства, и князю Шахъ-Назарову, драгоману миссіи, вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ отправиться къ Манучехръ-хану. Когда они явились къ нему, то въ передней комнатѣ увидѣли цѣлую толпу шахскихъ «ходжей»-евнуховъ, присланныхъ изъ дворца для обличенія Мирзы-Якуба въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ.

— Воръ! Собака! Перебѣжчикъ! Гяуръ! — такими возгласами всѣ «ходжи» шаха встрѣтили своего бывшаго товарища, угрожая кулаками, а иные плевали на него, выражая этимъ глубочайшее презрѣніе.

Мальцевъ и Шахъ-Назаровъ поспѣшили провести Мирзу-Якуба дальше, въ эндерунъ Манучехръ-хана, который ожидалъ ихъ вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго суда «шаро».

— Ты, Мирза-Якубъ, «ходжа» его величества, царя царей, средоточія вселенной и убѣжища мира, Фетхъ-Али-шаха, равнаго царямъ Дарію и Александру Македонскому, обвиняешься въ томъ, что растратилъ довѣренныя тебѣ главнымъ казнохранителемъ его величества, Зурабъ-ханомъ, суммы въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ тумановъ, и, чтобъ скрыть свое гнусное преступленіе, бѣжалъ тайно въ домъ русскаго посольства,—проговорилъ Манучехръ-ханъ, когда Мальцевъ и князь Шахъ-Назаровъ заняли свои мѣста.

— Я ничего не растратилъ, — твердо отвѣчалъ Мирза-Якубъ,—я законно исполнялъ всѣ заказы по гарему его величества, на что и получалъ деньги у Зурабъ-хана.

— А чѣмъ ты это докажешь?—спросилъ Манучехръ-ханъ.

— Счетами и расписками, которыя хранятся у меня.

— Покажи ихъ: пусть наши глаза видятъ твое оправданіе.

— Счеты и расписки находятся въ одной изъ моихъ переметныхъ сумъ, которыя я беру съ собою въ Эривань.

— Твои переметныя сумы вонъ гдѣ,—указалъ Манучехръ-

ханъ на два пестрыхъ восточныхъ тюка, стоявшіе у порога.— Достань оттуда твои оправданія.

Мирза-Якубъ выразилъ удивленіе, какъ попали его тюки въ Манучехръ-хану.

— Я приказалъ доставить ихъ сюда изъ дворца, чтобъ слуги и рабы не расхитили твоего добра,—спокойно отвѣчалъ кади Тегерана.—Возьми оттуда свои оправданія и представь ихъ предъ праведныя очи твоихъ судей.

Мирза-Якубъ раскрылъ одинъ тюкъ; но среди разнаго платья, коробокъ, платковъ, поясовъ, оружія пакета съ бумагами не оказалось. Онъ бросился къ другому тюку, и тамъ тоже.

— Меня обокрали!—испуганно проговорилъ онъ.—Выкрали всѣ бумаги!

— Выкрали то, чего не было,—презрительно пожалъ плечами Манучехръ-ханъ.

— Нѣтъ, не говорите этого, ваше высокостепенство,—проговорилъ князь Шахъ-Назаровъ,—съ нимъ поступлено не по закону. Его имущество до суда слѣдовало запечатать при немъ или при депутатѣ со стороны миссіи. Этого дѣла такъ нельзя оставить. Мы должны обо всемъ доложить нашему посланнику, и потому прерываемъ незаконный допросъ.

И Шахъ-Назаровъ всталъ. Всталъ и Мальцевъ.

— Мы уводимъ съ собой незаконно обвиняемаго,—сказалъ послѣдній,—и требуемъ сейчасъ запечатать тюки вашею и нашею печатями.

Тюки были запечатаны.

XL. Катастрофа.

Когда Грибоѣдовъ, отправивъ Мальцева и князя Шахъ-Назарова къ Манучехръ-хану, сталъ заниматься въ своемъ кабинетѣ, къ нему вошелъ Дадашъ-бекъ и, подойдя къ письменному столу, таинственно проговорилъ:

— Какія-то двѣ дамы хотятъ видѣть ваше превосходительство.

— Дамы? Въ Тегеранѣ дамы!—удивленно вскинулъ глаза на вошедшаго бека Александръ Сергѣевичъ.

— Да, ваше превосходительство, только это не женщины,— развелъ руками Дадашъ-бекъ.

— Какъ не женщины?—разсмѣялся Грибоѣдовъ.

— Не бабы, ваше превосходительство, не простыя бабы: съ евнухомъ и рабомъ пришли,—докладывалъ Дадашъ-бекъ.

— Чего-жъ имъ нужно отъ меня?

— Не говорятъ... по секрету пришли... лично говорить хотятъ.

— Любопытно... Въ Тегеранѣ дамы!

Грибоѣдову пришла въ голову совсѣмъ несообразная мысль: ужъ не Нина ли, соскучившись по немъ въ Тавризѣ, инкогнито пріѣхала въ Тегеранъ, сюрпризомъ? Не можетъ быть!.. А если?..

Онъ быстро вышелъ въ пріемную. Тамъ онъ увидѣлъ двѣ закутанныя женскія фигуры, судя по богатому одѣянію, не простыя бабы, а дѣйствительно «дамы». Лица ихъ были совершенно закрыты чадрами, и только въ узкія прорѣзи покрывалъ виднѣлись глаза. Глаза одной незнакомки, какъ показалось Александру Сергѣевичу, были голубые, а у другой—блестящіе черные.

— Что вамъ угодно, бегюмъ?—вѣжливо спросилъ онъ по-персидски, обращаясь къ голубоглазой.

— Простите, господинъ посолъ, мы пришли искать вашего покровительства,—отвѣчала та по-русски.

— Съ кѣмъ же я имѣю честь говорить?—по-русски спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Мы изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана, русскія плѣнницы, и намъ сказали, что вы возвращаете на родину тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые этого пожелаютъ.

— Совершенно вѣрно, сударыня: я уполномоченъ на это трактатомъ,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ.—Когда же васъ взяли въ плѣнъ, и гдѣ вы родились?

— Я родилась въ Тифлисѣ, въ нѣмецкой колоніи; мой отецъ—Іоганнъ Беккеръ... Въ Тифлисѣ его всѣ знаютъ. Меня десятилѣтней дѣвочкой похитили цыгане и продали въ гаремъ Аллахъ-Яръ-хана. Я тамъ и выросла... Я такъ тосковала по родителямъ!

Она заплакала. Заплакала и другая незнакомка.

— Успокойтесь, сударыни, успокойтесь, пожалуйста,—утѣшалъ ихъ Александръ Сергѣевичъ.—Я все сдѣлаю, что могу: законъ на нашей сторонѣ, и вы будете освобождены изъ плѣна. А вы говорите по-русски?—обратился онъ къ другой женщинѣ.

— Говорю немного,—отвѣчала та съ восточнымъ акцентомъ.

— Вы откуда же родомъ, и когда взяты въ плѣнъ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Я изъ Эривани... Меня взяли въ плѣнъ въ послѣднюю войну и подарили въ гаремъ Аллахъ-Яръ-хану.

— Такъ я васъ принимаю подъ свою защиту, подъ высокую руку моего государя императора, — сказалъ, наконецъ, Александръ Сергѣевичъ.—Вы можете свободно снять съ лицъ покрывала, васъ теперь никто не посмѣетъ оскорбить... А ты,— обратился онъ къ безмолвно стоявшему у дверей евнуху-арапу по-персидски,—ступай и скажи твоему господину, Аллахъ-Яръ-хану, что эти обѣ бегюмъ остаются у меня.

— Онъ меня казнитъ, господинъ, — отвѣчалъ евнухъ, — возьми и меня съ собой.

— Да развѣ и ты плѣнный?

— Да, господинъ: я былъ слугою у господина Катрана, отца моей бегюмъ.

Обѣ женщины сняли, между тѣмъ, покрывала: красота и молодость ихъ поразила Грибоѣдова. Тифлисская нѣмочка, съ льняными волосами и необычайной бѣлизной нѣжнаго личика, представляла собою то, что принято называть неземнымъ созданіемъ. Она казалась почти совсѣмъ ребенкомъ, готовымъ играть въ куклы, а между тѣмъ была уже женой старато Аллахъ-Яръ-хана. У эриванской же армяночки была жгучая южная красота съ пламеннымъ темпераментомъ, горѣвшимъ въ ея черныхъ глазахъ. Глядя на этихъ двухъ красавицъ, не похожихъ одна на другую, какъ день и ночь, Грибоѣдовъ долженъ былъ согласиться, что Аллахъ-Яръ-ханъ, хотя и грубый дикарь, но человѣкъ не безъ вкуса.

Между тѣмъ, въ эти самые часы, когда Грибоѣдовъ принималъ у себя красавицъ изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана, на базарѣ уже изъ устъ въ уста передавалась вѣсть, что русскіе насильно взяли изъ гарема шахскаго зятя двухъ его любимыхъ женъ и хотятъ обращать ихъ снова въ свою вѣру, несмотря на то, что онѣ приняли вѣру Магомета. Базаръ заволновался. Многіе бросились къ жилищу «муджтехида» Мирзы-Месиха, главнаго духовнаго лица всего Ирана, и требовали именемъ пророка возвращенія плѣнницъ. Какъ бы по сигналу, къ дому «муджтехида» явились и «ахунды», представители духовенства: они

громко заявляли, что русскіе попираютъ мусульманскую вѣру и оскорбляютъ правовѣрныхъ; что бывшій главный шахскій «ходжа», Мирза-Якубъ, публично ругаетъ вѣру пророка. «Ахунды» кричали къ толпившемуся на базарѣ народу:

— На завтра запирайте лавки и собирайтесь въ мечети! Тамъ услышите наше слово.

Весь день чернь находилась въ возбужденномъ состояніи, и то тамъ, то сямъ собирались кучки народа и возбужденно говорили, что надо доказать «собакамъ-гяурамъ», какъ опасно оскорблять обычаи и вѣру поклонниковъ пророка. Съ своей стороны, ахунды подогрѣвали слѣпой фанатизмъ толпы, бросая въ народъ зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ полицейскіе ферраши, догадываясь, что не только Манучехръ-ханъ, но даже всемогущій Аллахъ-Яръ-ханъ и самъ повелитель правовѣрныхъ, средоточіе вселенной и убѣжище мира, на ихъ сторонѣ, вовсе не думали разгонять скопищъ, а, напротивъ, поддакивали ахундамъ.

— Въ чужой домъ забрались собаки и кусаютъ хозяина, его женъ и дѣтей,—говорили ахунды.

— А собакамъ собачья и смерть!—отвѣчали на это правовѣрные.

— Ля-иллахъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ,—заключали свою проповѣдь ахунды.

А Грибоѣдовъ ничего этого не зналъ. Онъ помнилъ только, что на его сторонѣ законъ и право трактатовъ. Онъ приказалъ отвести помѣщеніе для прекрасныхъ плѣнницъ въ посольскомъ же домѣ, приставилъ къ нимъ для услугъ прибывшаго съ ними сзнуха-арапа, послалъ имъ въ свое время и обѣдъ, и ужинъ, а самъ на другой день, 30-го января, намѣревался отправиться во дворецъ и къ Аллахъ-Яру-хану для объясненій, какъ по дѣлу хорошенькихъ плѣнницъ, такъ и по дѣлу Мирзы-Якуба.

— Ну, заварили «чихиртму», — коварно посмѣивался Ростомъ-бекъ, встрѣтившись вечеромъ съ Дадашъ-бекомъ въ пустой пріемной посланника.

— И «чихиртму» и «ча-хохъ-били»,—подмигнулъ послѣдній,—расхлебаютъ ли собаки?

— Да, а намъ надо завтра чуть-свѣтъ улизнуть отсюда къ дядѣ, а то въ свалкѣ и мы пропадемъ.

— Не пропадемъ! Манучехръ-ханъ не дастъ.

— А отъ него прямо въ Тавризъ, къ молодой женушкѣ слѣпого.

— И къ инглизу за бакшишемъ.

— Само собой... Вотъ бы ночью пробраться къ красавицамъ Аллахъ-Яръ-хана.

— Нельзя: черномазая собака ихъ зорко стережетъ.

— Кажется, онъ въ обѣихъ влюбленъ, какъ котъ.

— Оттого и бѣжалъ съ ними... Да мышки-то не по зубамъ ему...—Ростомъ-бекъ цинично разсмѣялся.

Вечеромъ, оставшись одинъ, Грибоѣдовъ долго ходилъ по кабинету. Онъ думалъ о своей Нинѣ, вспоминалъ, какъ привязался къ ней, когда она была еще ребенкомъ... Эти рѣсницы, обрѣзанныя на зло Ермолову... «Смѣшная, восхитительная дѣвочка»!.. Вспомнилъ и свою службу съ Ермоловымъ... «Желѣзомъ и кровью»... «Нѣтъ, не однимъ желѣзомъ и кровью побѣждаются народы, а чѣмъ-то другимъ»... Вспомнилось ему и послѣднее свиданье съ Плетневымъ и Гоголемъ на Стрѣлкѣ Елагина острова.

— Скоро опять увижу свою Нюсеньку... А все Ростомъ-бекъ: не привези онъ тогда отъ нея письма въ Петербургъ, я, быть можетъ, такъ и не догадался бы объ ея любви... Ахъ, Нюся, Нюся! Сколько счастья можетъ дать одно такое милое существо! А что она? Ребенокъ еще, совсѣмъ ребенокъ...

Ему пріятно было думать, что, быть можетъ, Пушкинъ и въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ къ нему въ гости. Ему и Нюся будетъ рада, она такъ любитъ его стихи. Только ужъ бѣдной Магуль онъ не увидитъ... Давно нѣтъ никакихъ вѣстей отъ Паскевича... И кто могъ выкрасть эти «локоны женъ»?... Эта пропажа привела въ ярость Паскевича...

— Но какъ ему далеко до Ермолова! И при всемъ томъ Ермоловъ такъ и остался просто Ермоловымъ и притомъ опальнымъ, а этотъ «графъ Паскевичъ-Эриванскій»... Все такъ на свѣтѣ: Чацкій забытъ, а оцѣненъ Молчалинъ...

Онъ вспомнилъ о своихъ мрачныхъ предчувствіяхъ при отъѣздѣ изъ Петербурга въ Персію.

— Все вздоръ, эти предчувствія... Было одиночество нравственное, мракъ въ душѣ, потому что не было въ ней своего солнышка; а взошло тамъ солнышко—Нюся, и мракъ разсѣялся. И я скоро опять увижу свое солнышко...

Съ мыслью о Нинѣ онъ и уснулъ почти уже подъ утро. Долго ли спалъ онъ, или нѣтъ, но его разбудилъ какой-то шумъ, не то отдаленный гулъ. Въ ту же минуту къ нему вошелъ его камердинеръ.

— Ты что, Александръ?—спросилъ Грибоѣдовъ.—Что это тамъ за шумъ?

— Что-то неладно, баринъ,—отвѣчалъ встревоженный камердинеръ.—Въ городѣ, кажись, бунтъ.

Александръ Сергѣевичъ велѣлъ сейчасъ давать ему одѣваться. Руки камердинера дрожали.

— Ты что же испугался?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да къ нашему дому ужъ подступаютъ.

Въ эту минуту торопливо вошли Мальцевъ и Аделунгъ. Лица ихъ выражали испугъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ Грибоѣдовъ, взявъ пистолеты и подвѣшивая черезъ плечо саблю.

— Чернь взбунтовалась... Требуютъ выдачи Мирзы-Якуба и женщинъ,—отвѣчалъ заикаясь Мальцевъ.

— Уже камнями бросаютъ въ часовыхъ,—добавилъ Аделунгъ.

— Такъ надо дать знать Манучехръ-хану и въ визиріатъ.

— Мы было послали Ростомъ-бека и Дадашъ-бека, такъ ихъ приняли въ камни... Слышите крики, голоса...

Теперь явственно можно было различить голоса Ростомъ-бека и Дадашъ-бека.

— Пропустите, правовѣрные!—отчаянно кричалъ первый.—Я племянникъ Манучехръ-хана.

— Го-го-го! Ты племянникъ самого шайтана!—отвѣчали ему дикимъ ревомъ.

Грибоѣдовъ съ саблею наголо выбѣжалъ къ воротамъ, которыя защищала горсть казаковъ. Вся площадь передъ посольскимъ домомъ залита была бѣснующимся народомъ. Неистовые крики слились въ какой-то дикій гулъ. Изъ толпы уже летѣли камни.

Когда показался Грибоѣдовъ, крики нѣсколько стихли. — Именемъ его величества шаха требую, чтобы вы разошлись,—сказалъ онъ.—Толпа опять заревѣла, и посыпались камни. Въ

воздухѣ уже сверкали ножи.—Разойдитесь, а то велю стрѣлять!—крикнулъ Александръ Сергѣевичъ.

Камни полетѣли съ удвоенною силой. Одинъ угодилъ въ близъ стоявшаго съ ужасомъ на лицѣ Ростомъ-бека, который взвылъ отъ боли. Одинъ казакъ упалъ, пораженный булыжникомъ въ голову.

— Выдай намъ жену Аллахъ-Яръ-хана!—отчетливо прорѣзъ чей-то голосъ.

— Мы ихъ не тронемъ: онѣ правовѣрныя!—кричали другіе.

— Подавай сюда собаку Якуба!

Градъ камней усилился. Снова подшибленный камнемъ, Ростомъ-бекъ упалъ, плача фальцетомъ, точно женщина. Одинъ камень ранилъ въ руку Грибоѣдова, другіе поражали казаковъ.

— А, негодяи! — простоналъ Александръ Сергѣевичъ.— Стрѣляй, ребята!.. Разъ-два-три-пли!

Послѣдовалъ залпъ. Нѣкоторые въ толпѣ попадали; но это довело ярость толпы до послѣдней степени: она стѣной двинулась на осажденныхъ, не боясь вторичнаго залпа.

— Во дворъ, ребята!—крикнулъ Грибоѣдовъ.—Запирай ворота!

Ворота были моментально заперты желѣзнымъ засовомъ. Камни посыпались въ ворота. Грибоѣдовъ ждалъ, что вотъ-вотъ появятся шахскіе сарбазы, чтобъ разогнать бушующую чернь; но помощь ни откуда не приходила.

— Отдай намъ женъ Аллахъ-Яръ-хана!—неслись вопли съ площади,—выпусти женщинъ!.. Клянемся Аллахомъ и его пророкомъ, мы не тронемъ женъ зятя нашего шаха.

— Выдай собаку Якуба!—кричали другіе.

Грибоѣдовъ видѣлъ, слышалъ, что ярость черни возрастала. Иные уже взобрались на кровлю посольскаго дома и ломали ее. Спасенія не было. Александръ Сергѣевичъ бросился къ бѣглянкамъ, женамъ Аллаха-Яръ-хана, которыя въ ужасѣ жались одна къ другой. У двери ихъ комнаты стоялъ евнухъ-арабъ съ обнаженнымъ кинжаломъ. Огромные бѣлки его глазъ налились кровью. Онъ готовился умереть за своихъ прекрасныхъ бегюмъ, за своихъ любимицъ.

— Не бойтесь,—сказалъ имъ Грибоѣдовъ;—васъ не тронутъ пальцемъ... Вы—жены Аллахъ-Яръ-хана... Надо пока покориться необходимости: вы должны теперь воротиться въ гаремъ,

а потомъ, когда все успокоится, я потребую вашей свободы, самъ шахъ отдастъ мнѣ васъ... А теперь я проведу васъ другимъ выходомъ... Идите же со мною... Помните, что васъ не посмѣютъ тронуть.

Онъ вышелъ, уводя за руки бѣглянокъ. Евнухъ-арапъ послѣдовалъ за ними, не выпуская изъ рукъ обнаженнаго кинжала. Скоро бѣглянки и евнухъ вышли боковымъ выходомъ, который тотчасъ же былъ запертъ. Толпа узнала ихъ. Послышались крики торжества.—«Аллахъ-керимъ! Аллахъ-акбаръ!»— Бѣглянокъ почтительно обступили. Евнухъ свирѣпо глядѣлъ на толпу, показывая кинжалъ.

— Пропустите бегюмъ!—рычалъ онъ.—Пропустите алмазы его ясности Аллахъ-Яръ-хана! Не подходите!

Бѣглянки скоро затерлись въ толпѣ, которая передъ ними почтительно разступалась. Но около посольскаго дома, у главныхъ воротъ, чернь бѣсновалась все съ большею силой. Крыша дома была уже вся почти разобрана. Камни сыпались внутрь двора.

— Якуба собаку! Якуба собаку!—ревѣла толпа

Грибоѣдовъ уже никого не видѣлъ изъ посольства, ни Мальцева, ни Аделунга, ни Шахъ-Назарова, ни предателей, Ростома и Дадашъ-бека: всѣ куда-то попрятались. Остались только казаки, человѣкъ двадцать съ небольшимъ, да и тѣ почти всѣ раненые. У него самого ломила кость ушибленной руки.

— Якуба-собаку!.. Якуба собаку!.. — ревѣла между тѣмъ толпа, осыпая дворъ каменьями.

Грибоѣдовъ приказалъ отыскать Мирзу-Якуба и вывести боковымъ ходомъ. Якубъ надѣялся, что и его пощадятъ, какъ пощадили женъ Аллахъ-Яръ-хана. Онъ вышелъ. Но едва его замѣтили, какъ ревъ еще болѣе усилился.

— Вотъ онъ! Вотъ собака! Вотъ измѣнникъ!

Въ одно мгновеніе несчастный былъ смятъ толпою. Черезъ нѣсколько минутъ отъ него осталась на площади безформенная масса.

Между тѣмъ потолокъ посольскаго дома уже горѣлъ. Многіе изъ бунтовщиковъ съ опасностью сломать себѣ шею успѣли спрыгнуть съ потолка во дворъ. Ворота тотчасъ были отворены, и толпа неудержимою волной залила оба двора.

Грибоѣдовъ, окруженный горстью казаковъ, все еще защищался.

Бунтовщики отыскали гдѣ-то спрятавшихся Ростомъ-бека и Дадашъ-бека и за волосы вытащили ихъ на середину двора.

— Я племянникъ Манучехръ-хана!—отчаянно взывалъ Ростомъ.

— Шайтановъ племянникъ!.. Грузинскій шакъ!—кричали его мучители, топча ногами.

— Господи! Святая Нина! Это намъ за наше предательство,—стоналъ Дадашъ-бекъ.

Дѣло съ казаками пошло въ рукопашную. Въ ходъ пустили кинжалы.

— А вотъ онъ, четвероглазый!—бросился на Грибоѣдова содержатель «кафана» и цырульни.

Александръ Сергѣевичъ отразилъ кинжалъ ударомъ сабли.

— Ля-иллахъ-илляга, Мухамедъ расуль Аллахъ!—крикнулъ кто-то сзади и всадилъ русскому послу кинжалъ въ правый бокъ.

— Великъ пророкъ!—въ свою очередь крикнулъ кафеджи-цырульникъ и поразилъ Грибоѣдова, уже падавшаго, въ животъ.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, Зилли-султанъ явился на мѣсто катастрофы съ своими сарбазами, онъ уже не могъ найти не только Грибоѣдова, но и его трупа. На дворѣ валялись такія же безформенныя массы, какую представлялъ изъ себя трупъ, растерзаннаго на площади Мирзы-Якуба.

Въ числѣ этихъ кровавыхъ массъ Зилли-султанъ не могъ найти русскаго посланника и полномочнаго министра россійскаго императора при высокомъ дворѣ его величества, Фетхъ-Али-Шаха, царя царей и пр., всѣ тѣла были изувѣчены до неузнаваемости.

XLI. Эпилогъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ исполнилъ обѣщаніе, данное Грибоѣдову на Стрѣлкѣ Елагина острова, гдѣ они въ концѣ мая 1828 года гуляли вмѣстѣ съ Плетневымъ и Гоголемъ: онъ поѣхалъ въ Персію, въ гости къ автору «Горя отъ ума», и встрѣтился съ нимъ на дорогѣ. Но что это была за встрѣча!

Въ своемъ «Путешествіи въ Эрзерумъ», проѣзжая по землямъ древней Арменіи, чтобъ попасть въ лагерь Паскевича, сражавшагося съ турками около Карса, Пушкинъ записалъ:

«Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я объяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.

«— Откуда вы?—спросилъ я ихъ.

«— Изъ Тегерана.

«— Что вы везете?

«— Грибоѣда.

«Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Такова была встрѣча двухъ великихъ поэтовъ. И это было какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ юная посланница Нина, увидавъ своего отца, князя Чавчавадзе, который во главѣ отряда съ музыкой выѣхалъ встрѣтить и привѣтствовать зятя-посланника, въ дѣтскомъ восторгѣ воскликнула: «О, папа! Насъ встрѣчаютъ съ царскими почестями... Это точно сказка изъ «Тысячи одной ночи»... Я никогда не забуду Гергеръ»!..

«Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова!»—говоритъ далѣе Пушкинъ.—«Я разстался съ нимъ въ прошломъ году въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: «Vous ne connaissez pas ces gens là; vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux». Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской

черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею».

А Нина? Отъ нея долго скрывали ужасную смерть ея мужа. Тѣло его она похоронила въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, на высокой скалѣ съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности и на далекія горы, родину бѣдной Магуль. На памятникѣ Грибоѣдова до сихъ поръ читаются трогательныя слова Нины: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Женскіе локоны	1
II.	Таинственный плѣнникъ	7
III.	Гонецъ изъ штабъ-квартиры	13
IV.	Прерванное свиданіе	20
V.	Штурмъ мечети	25
VI.	«За три бурдюка воды—столько жизней!»	31
VII.	Заживо погребенные	36
VIII.	Штурмъ редута	42
IX.	Любовь выручила	48
X.	Выдала себя—«бѣдная дѣвочка»!	55
XI.	Ермоловъ и Грибоѣдовъ	60
XII.	Нюсины рѣсницы	66
XIII.	Ермолову не спится	74
XIV.	Грибоѣдовъ—«Чацкій», Варя—«Софья»	79
XV.	Нюся сердится на Ермолова	83
XVI.	Бабушка и внучекъ	91
XVII.	Царевна-монашенка	97
XVIII.	Монашенка-джигитъ	102
XIX.	«Прижималъ къ сердцу»	106
XX.	Веретено и шерсть	112
XXI.	Жестокое возмездіе	119
XXII.	Пушкинъ на Машукѣ	125
XXIII.	Пушкинъ, Магуль и Нюся—будущая жена Грибоѣдова	132
XXIV.	По дорогѣ въ Кисловодскъ	138
XXV.	«Кавказскій плѣнникъ»	144
XXVI.	Передъ грозой	151
XXVII.	Гроза разразилась	156
XXVIII.	Гуляютъ	162
XXIX.	«Всѣ яти и занятыя на мѣстѣ»	169
XXX.	«Съ сѣдла на землю»	174
XXXI.	Въ волнахъ Куры	181
XXXII.	Увольненіе Ермолова	188
XXXIII.	Плетневъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь—на Стрѣлкѣ	194
XXXIV.	«Чертовкинъ хвостъ»	200
XXXV.	Грибоѣдовъ и Нина	210
XXXVI.	«Кускомъ-кускомъ облаки думъ»	217
XXXVII.	Счастье — не надолго	224
XXXVIII.	Предательство	232
XXXIX.	У Мануечехъ-хана	237
XL.	Катастрофа	244
XLI.	Эпилогъ	252

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 44.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ. АРХИМАНДРИТЪ
ГЕТМАНЪ. КАВКАЗСКІЙ ГЕРОЙ И ДР.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ.

I. Вечеръ субботній.

Тихая, теплая весенняя ночь спускается надъ Уманью. Что-то чарующее носится въ вечернемъ воздухѣ, въ звукахъ, въ тѣняхъ, въ неясныхъ очертаніяхъ, въ таинственной дали горизонта. Откуда-то, изъ этой таинственной дали, несется мелодія весенней жизни природы, волны звуковъ, цѣлое море мелодій. Въ темнѣющемъ небѣ одна за другой зажигаются звѣзды, все больше и больше ихъ, все ярче и ярче становится ихъ таинственный блескъ.

И среди этой чарующей мелодіи звуковъ весенней природы, какъ бы волшебное дополненіе ея, начинаетъ звучать хоръ свѣжихъ, какъ весна, молодыхъ женскихъ голосовъ:

Идетъ весна, идетъ красна,
Съ-подъ крышъ вода каплетъ,
Молодому казачеиькѣ
Запорожье пахнетъ...

Какъ бы въ отвѣтъ этому хору, съ другой стороны доносится одинокій женскій голосъ:

Ой и было лѣто, да минулося,
А я молоденька лѣта не зазнала!
Меня моя матушка гулять не пускала—
Да въ подклѣтки запирала,
Тремя замочками замыкала...

По мѣрѣ того, какъ на небѣ зажигались звѣзды, въ городѣ во многихъ домахъ все чаще и чаще загорались огоньки. Въ иныхъ окнахъ ярко свѣтились цѣлыя группы огней.

И не удивительно. Сегодня вечеръ пятницы. Еврейское населеніе Умани справляетъ наступленіе субботняго дня.

Войдемъ въ этотъ большой домъ, котораго главная, просторная комната ярко горитъ огнями. Длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, весь уставленъ тарелками и блюдами съ праздничными яствами. Въ радужныхъ граняхъ хрусталя отражается серебро кубковъ и стопъ. Въ двухъ старинныхъ, ярко вычищенныхъ серебряныхъ седьмисвѣщникахъ только что зажжены свѣчи рукою хозяйки дома. Глава дома, почтенный Исаакъ Когенъ, находился въ это время въ синагогѣ, и едва онъ вошелъ въ приготовленную для трапезы комнату, какъ тотчасъ же началось торжественное пѣніе субботнихъ гимновъ и славословіе «Мужественной жены», которые радостно и хоромъ подхватили голоса всей собравшейся семьи Исаака Когена.

Но радостнѣе и лучезарнѣе всѣхъ было хорошенькое личико юной Рахили любимѣйшей дочери Исаака. Во всемъ ея существѣ, казалось, отражалась сама весна, расцвѣтъ природы съ ея чарующимъ обаяніемъ. Это былъ типъ самой чистой еврейской красоты, пронесенный чрезъ всѣ тысячелѣтія исторической жизни удивительнаго народа, типъ, сохранившійся во всей своей чистотѣ отъ библейскихъ временъ и носившій на себѣ слѣды творчества жаркаго солнца Палестины, Египта и Испаніи—солнца поэтической Кордовы, Севильи и Гранады. Это солнце жгучаго Востока отражалось и въ лучистыхъ глазахъ Рахили, и въ румянцѣ ея смуглыхъ щечекъ, и въ черномъ, какъ южная ночь, шелкѣ ея роскошныхъ волосъ. По всему видно было, что она только что вышла изъ отроческаго возраста, но тѣмъ очаровательнѣе была ея сверкающая огнемъ красота, что дѣвушка совсѣмъ не сознавала этого.

Между тѣмъ Исаакъ, какъ глава дома, благословилъ трапезу, и всѣ усѣлись за столъ. Исааку было далеко за шестьдесять лѣтъ, но онъ казался очень бодрымъ и подвижнымъ, а огромная бѣлая борода необыкновенно красила характерныя, но кроткія черты его лица съ высокимъ обнаженнымъ лбомъ и такими же, какъ у дочери, лучистыми, совсѣмъ молодыми глазами. Онъ сѣлъ во главѣ трапезнаго стола, а рядомъ съ нимъ помѣстилась старая Лія, мать прелестной Рахили, хоро-

шенькаго подростка, юркой какъ вьюнъ Сарки и трехъ рослыхъ молодцовъ, изъ которыхъ старшій, по имени Самсонъ, своей богатырской фигурой вполнѣ напоминалъ страшнаго побѣдителя филистимлянъ.

Но едва началось трапезованье и всѣ члены семьи Когена углубились въ свое дѣло, какъ съ улицы снова раздалась и какъ бы таяла въ вечернемъ воздухѣ грустная мелодія, и чей-то женскій голосъ отчетливо выговаривалъ, какъ «пахалъ милый ярицу, а теперь пашетъ у толоци, а она выплакала карія очи за четыре ночи»...

— Отчего у насъ, у евреевъ, нѣтъ такихъ хорошихъ пѣсенъ?—прислушиваясь къ этому пѣнію, заговорила Рахиль.

— Это хлопы поютъ свои «веснянки»,—замѣтила Сара.

— Я знаю, что «веснянки», а отчего у насъ нѣтъ ни «веснянокъ», ни «русальныхъ», ни купальскихъ»? — настаивала Рахиль.

— Но это языческія пѣсни, а мы не язычники, — строго замѣтилъ Самсонъ, молчавшій до того времени. — А у насъ есть свои — священные гимны.

— Ну, и у хлоповъ есть священные гимны, которые поются въ церкви; но отчего у насъ, у евреевъ, нѣтъ своихъ «веснянокъ»? Отчего мы не поемъ на улицѣ?—твердила свое Рахиль.

— Оттого, что мы живемъ въ странѣ изгнанія. Развѣ ты забыла, что написано въ нашихъ книгахъ о плѣненіи вавилонскомъ?

— А что? Тамъ ничего о «веснянкахъ» не сказано.

— Глупая ты дѣвочка! Тамъ сказано: на рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли мы и плакали, а вѣтеръ стоналъ въ гусляхъ, что принесли мы изъ отчизны съ собою и въ печали своей повѣсили на деревьяхъ. И пришли къ намъ властители наши изъ Вавилона и сказали: «возьмите ваши гусли въ руки ваши, играйте и пойте». И мы отвѣчали имъ: «Какъ же мы будемъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія, когда языкъ нашъ изсохъ отъ великой горести и сердца наши въ состояніи только взывать: о Сіонъ, Сіонъ!» Но властители сказали: «Снимите съ деревьевъ ваши гусли, играйте и пойте». Тогда пророки Израиля обратились къ своимъ и спросили: «Кто изъ насъ увѣренъ, что претерпитъ муки, но не станетъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія?»

И когда на утро пришли къ нимъ властители и сказали: «Снимите гусли съ деревьевъ, играйте и пойте», пророки Израиля протянули къ нимъ окровавленныя руки свои и воскликнули: «О, какъ же мы можемъ снять ихъ, когда надвое разсѣчены руки наши и пальцевъ нѣтъ на нихъ!» И рѣки вавилонскія громко шумѣли отъ великаго изумленія, и вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ, ибо пророки Израиля надвое разсѣкли руки свои, чтобъ никто не принудилъ ихъ къ игрѣ и пѣнію въ странѣ изгнанія.

Съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ слушали всѣ слова Самсона. На длинныхъ рѣсницахъ Рахили сверкали слезы. У стараго Исаака кроткіе глаза горѣли огнемъ гордаго сознанія величія своего народа. Даже безпокойная Сара сидѣла неподвижно съ широко-раскрытыми глазами.

— А вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ,— молитвенно шептала старая Лія.—Господи, Боже Израилевъ!

— Страна изгнанія, — задумчиво, какъ бы сама съ собой, тихо говорила Рахиль, — а я такъ люблю эту страну изгнанія, эту милую Украину, ея пѣсни, эти высокія вербы у воды... Я вѣдь и родилась въ странѣ изгнанія.

Не то представлялось умственному взору Исаака: онъ, казалось, видѣлъ эти далекія рѣки Вавилона и на берегахъ ихъ народъ свой въ плѣненіи... «На рѣкахъ вавилонскихъ, тамъ мы сидѣли и плакали»... А развѣ мало пришлось плакать народу Божьему? И на берегахъ Нила онъ плакалъ еще больше, еще ранѣе этого... А на берегахъ мутнаго Тибра сколько выплакано еврейскихъ слезъ! А на берегахъ Мансанареса и Гвадалквивира; на берегахъ Днѣпра, Тясьмина и Роси!

А между тѣмъ, за окномъ, на улицѣ, глухо гудѣлъ бубенъ, и хоръ мужскихъ голосовъ съ подголосками выкрикивалъ пѣсню о томъ, какъ мелетъ «млинъ» не колесомъ—листомъ, а молодецъ выкликаетъ милую не голосомъ—свистомъ, и зоветъ ее затирать слѣды, гдѣ они стояли: тамъ ихъ слѣды остались...

Вдругъ пѣніе разомъ оборвалось, и съ улицы послышался одинъ чей-то громкій голосъ:

— Слушайте, панове парубоцство! Послѣзавтра будутъ казнить гайдамаковъ, такъ приходите на площадь смотрѣть.

— Придемъ, непремѣнно придемъ — откликнулись голоса. — А много ихъ?

— Пять человѣкъ. И вы, дѣвчаточки, приходите.

— Придемъ, — отозвались женскіе голоса.

— А можетъ, котораго молодца и выберете себѣ въ женихи, спасете отъ висѣлицы.

— О! Дѣвчата наши до такого торгу и нѣши прилетятъ,— раздался чей-то насмѣшливый голосъ.

— Что жъ! И прилетимъ, и выберемъ себѣ по жениху, чтобъ вамъ, сякимъ-такимъ немазаннымъ, не доставаться,—задорно отвѣчалъ женскій голосъ.

— У, краля! Помеломъ съ сажей мазаная!

— А все-таки до висѣлицы не допущу казака.

— Что это, тату, она говоритъ?—съ изумленіемъ спросила Рахиль, все время прислушивавшаяся къ голосамъ на улицѣ.— Развѣ она можетъ спасти осужденнаго разбойника отъ казни?

— Можетъ,—отвѣчалъ Исаакъ, — такой здѣсь обычай: если дѣвушка захочетъ не допустить гайдамака до казни, то она въ правѣ это сдѣлать.

— Какъ, татуня! И я могу то же сдѣлать?

— И ты можешь, только должна потомъ выйти за него замужъ, за того, котораго ты изберешь.

— Э! Такъ я этого не хочу.

— То-то же: спасти отъ казни злодѣя не всякая дѣвушка рѣшится.

— Такъ ихъ послѣзавтра казнить будутъ?

— Да; я слышалъ это сегодня отъ губернатора.

— Это такъ страшно!

— А еще страшнѣе злодѣйства, которыя они, эти гайдамаки, совершаютъ,—замѣтилъ младшій сынъ Исаака, худой и горбоносый Моше.

II. Страшныя вѣсти.

Повѣствованіе, завязка котораго слабо очерчена въ первой главѣ, относится къ первымъ годамъ второй половины прошлаго столѣтія.

Минуло сто лѣтъ съ того грустнаго момента, когда совершилось роковое столкновеніе Украины и Польши изъ-за при-

знанія человѣческихъ и политическихъ правъ первой. Много было пролито крови и съ той, и съ другой стороны: таковъ удѣлъ всякой борьбы. На той и другой сторонѣ было изъ-за чего бороться и проливать кровь, то боролись два враждебные элемента, двѣ враждующія стихіи. А оказывается, что въ этой братоубійственной борьбѣ болѣе всего пострадалъ третій элементъ, посторонній, непричастный этой борьбѣ. Жестокій историческій фатумъ, этотъ безжалостный и безсмысленный, классическій «слѣпой рокъ», какъ ужасный смерчъ или циклонъ, Богъ-вѣсть откуда налетѣвшій, бросилъ этотъ третій, мирный элементъ между молотомъ и наковальней, и этотъ несчастный элементъ былъ безчеловѣчно раздавленъ, сокрушенъ въ дребезги, какъ хрупкое стекло подъ тяжкимъ молотомъ.

Этотъ третій, мирный элементъ—евреи польской Украины. Войны Хмельницкаго были для нихъ этимъ ужаснымъ молотомъ. Много лѣтъ дикій религіозный и національный фанатизмъ купался въ крови избраннаго народа. А за что? За чьи вины?

Эти мысли неотступно преслѣдовали стараго Исаака, когда онъ, по окончаніи вечерней трапезы, удалился въ свою комнату и тщетно старался заснуть. Передъ нимъ, какъ въ зеркалѣ, картина за картиной проносилось все прошлое іудейскаго народа. Вѣсть о казни разбойниковъ тревожно отозвалась въ его сердцѣ, напомнивъ прежнія бѣдствія іудеевъ. За что? За чьи вины?

— Доколѣ ты разить будешь, мечъ божій!—невольно вырвался изъ его груди стонъ пророка Іереміи.—Доколѣ не успокоишься? Войди въ ножны свои, мечъ карающій!

«А за что? и долго ли?»—вновь вставали въ душѣ его жгучіе вопросы.

А между тѣмъ за окномъ, на улицѣ и на площади, ключомъ била молодая жизнь. Чей-то голосъ отчетливо выводилъ подъ удары бубна о томъ, какъ «милая» обѣщаетъ «милому» выйти «подъ зеленую грушу» и вынести милому «тютюну-пашушу»...

— Да, моя дѣвочка права: у насъ нѣтъ ни «веснянокъ», ни «русальныхъ», ни «купальскихъ» пѣсенъ. Намъ не до пѣсенъ. За то у насъ есть «Рыданія Іереміи» — это народныя рыданія, народный плачъ. Это наши «веснянки».—Но, Іегова! и у насъ были когда-то свои пѣсни, когда Ты давалъ намъ

ежедневный поводъ славословить Тебя въ тимпанахъ и гусляхъ, когда дѣвы іерусалимскія, какъ и вотъ эти украинки, веселились на стогнахъ священнаго города и пѣли. А теперь только вѣтеръ стонетъ и плачетъ, перебирая струны гуслей нашихъ. Весь міръ для насъ страна изгнанія; весь шаръ земной наше кладбище, и только кладбище... О, Адонай Господь! я не ропщу ни на свою долю, ни на участь моей семьи. Ты далъ намъ и довольство, и счастье, у меня все есть, благодаря труду моему и дѣтей моихъ. Но тамъ, кругомъ, по этимъ селамъ, тамъ только бѣдность и презрѣніе отъ людей.—Такъ говорилъ самъ съ собою старый Исаакъ.

Онъ всталъ и отворилъ окно, выходившее въ палисадникъ. Полная луна глядѣла изъ-за деревьевъ, отбрасывая отъ нихъ черныя, точно ножомъ отрѣзанныя отъ бѣлыхъ стѣнъ, тѣни. Гдѣ-то близко, въ кустахъ, заливался соловей. Издали все еще доносилось иногда одинокое пѣніе.

Онъ уснулъ только къ утру. Субботній день прошелъ тихо и радостно въ семьѣ Когена! Но слѣдующая ночь, ночь на воскресенье принесла съ собой страшныя вѣсти.

Когену опять плохо спалось. Казалось, въ комнатѣ недоставало воздуху, и Коген растворилъ окно.

— Какой душный вечеръ! — полною грудью вздохнулъ Исаакъ. Съ улицы по обыкновенію доносилось пѣніе украинской молодежи.—И когда спитъ эта молодежь?—невольно думалось ему.—Кажется, всю ночь готова пѣть. А такъ, можетъ быть, и наша молодежь пѣла когда-то въ Іерусалимѣ, на высотахъ Сіона... А сдается, кто-то ѣдетъ.

Онъ высунулся въ окно и сталъ прислушиваться.

— Да, ѣдетъ. А кому бы такъ поздно?

Стукъ колесъ умолкъ у самыхъ воротъ дома Когена. Послышалось фырканье лошади.

— Что это... будто бы наша лошадь? Неужели Ефраимъ вернулся такъ скоро? Вонъ и въ щеколду кто-то звенитъ, никто какъ Ефраимъ.

Исаакъ торопливо накинулъ на себя халатъ и пошелъ къ калиткѣ.

— И Голіаѳъ не лаетъ, значитъ, своего узналъ,—бормоталъ онъ, подходя къ калиткѣ.

Дѣйствительно, огромный песъ уткнулся мордой въ калитку и привѣтливо махалъ косматымъ хвостомъ.

— Это ты, Ефраимъ, сынъ мой?—спросилъ Исаакъ съ тревогой въ голосѣ.

— Я, батюшка,—былъ отвѣтъ.

— Что такъ не во-время?

— Послѣ разскажу, батюшка, въ хатѣ.

Ворота, освобожденныя отъ замка и засова, отворились. Ефраимъ въѣхалъ во дворъ. Огромный Голіаѳъ то бросался къ мордѣ лошади цѣловаться съ пріятелемъ Гнѣдкомъ, то кидался на Ефраима.

— А гдѣ же наймитъ? Гдѣ Хома?—снова спросилъ Исаакъ.

— Послѣ, батюшка, въ хатѣ.—былъ короткій отвѣтъ.

Скоро на дворъ вышелъ и Самсонъ, старшій сынъ Исаака и братъ Ефраима.

— Что такъ рано, братъ? А гдѣ наймитъ?—спросилъ богатырь.

— Послѣ, послѣ... здѣсь неловко,—все тотъ же отвѣтъ.

Братья общими усиліями распрягли лошадь, вдвинули крытую бричку подъ навѣсъ, отвели лошадь въ стойло, заперли на замокъ ворота и вошли въ домъ.

— Ну, сынъ мой, разсказывай, что случилось,—торопливо зажигая свѣчу и безпокойно глядя въ глаза сыну, спрашивалъ Исаакъ.

— Садитесь, батюшка, и выслушайте, что я разскажу,—говорилъ пріѣхавшій, отирая платкомъ пыль съ своего смуглаго красиваго лица.

Это былъ молодой человѣкъ съ курчавою, нѣсколько раздвоенною русою бородой и мягкимъ выраженіемъ кроткихъ, какъ у отца, глазъ.

— Уши мои вмѣстѣ съ сердцемъ ждутъ, сынъ мой, что повѣдаютъ уста твои,—говорилъ Исаакъ, не отводя тревожныхъ взоровъ отъ сына.—Мои глаза читаютъ въ твоихъ глазахъ.

— Все у тебя цѣло?—спросилъ Самсонъ.

— Все цѣло, благодареніе Предвѣчному.

— Ну, сынъ мой,—торопилъ старикъ.

— Сейчасъ, батюшка. Вчера я благополучно собралъ всѣ долги, что оставались за разнымъ паньствомъ, и думалъ проѣхать въ Бѣлую-Церковь, какъ мнѣ сказали хлопы, что се-

годня на Юрья, въ Лебединскомъ монастырѣ престольный праздникъ, «великое свято», какъ они сказали, и что туда наѣдетъ много купцовъ, и будетъ ярмарка. Я подумалъ, не навернется ли какое выгодное дѣло на ярмаркѣ, и поѣхалъ туда, а я былъ близко отъ Лебедина.

— Такъ, сынъ мой, выгоднаго дѣла никогда не надо упускать,—вставилъ свое слово Исаакъ.—Ну, и что жъ?

— Ну, я и поѣхалъ. Пріѣзжаю, народу, ой-ой! Видимо-невидимо. Въ монастырѣ идетъ служба, колокола звонятъ, слышно церковное пѣніе. Хома и просится: «пусти, пане, въ церковь помолиться, сегодня, говоритъ, у насъ великое свято, святого Юрка».—Ну, говорю, сходи, да скорѣе вертайся. — Ушелъ Хома. И вижу я, что около монастыря стоитъ много возовъ, увязанныхъ цыновками и кожами. Пойду, думаю, посмотрю, что за товаръ въ возахъ: може, думаю, дѣло навернется.

— Такъ, такъ, дѣло прежде всего,—не утерпѣлъ старый дѣлецъ.

— Подхожу къ возамъ. Спрашиваю хлоповъ-погонщиковъ: съ чѣмъ возы?—Съ крамомъ, говорятъ, съ добрымъ товаромъ изъ Запорожья.—А съ какимъ именно?—Съ доброю таранью, говорятъ.—А покажите, говорю.—Стали они развязывать возы, Господи Боже! Я такъ и ахнулъ. Какая тамъ тарань! Все ножи, полны возы ножей!

— Ножей! Какихъ ножей? — встрепенулись разомъ и Исаакъ, и старшій сынъ его.

— Ножей, желѣзныхъ, да все огромные такіе, такъ и блестятъ на солнцѣ.—Какая же, я говорю, это тарань?—Желѣзная тарань,—отвѣчаютъ хлопы, а сами, ай-вей! Какъ скверно усмѣхаются.—Зачѣмъ вамъ, спрашиваю, эти ножи?—А это, говорятъ, гостинецъ.

— О, Адонай Господь!—всплеснулъ руками Исаакъ.

— Что! Что такое!—съ испугомъ спросила старая Лія, неслышно вошедшая въ комнату.

Всѣ обернулись на ея испуганныя возгласъ. Ефраимъ почтительно поздоровался съ матерью.

— Страшныя вѣсти привезъ Ефраимъ,—пугливымъ шопотомъ проговорилъ старый Исаакъ,—о, какія страшныя! Затѣвается что-то вродѣ Хмельницины.

— О, Господи!—всплеснула руками Лія.

Мужчины угрюмо молчали. Исаакъ—весь блѣдный, а Самсонъ—багровый отъ злобы или иного чувства.

«Неужели воскресаютъ опять времена Хмельницкаго!—думалъ Исаакъ.—Когда же ты перестанешь разить насъ, мечъ божій! Когда!»

— А много ихъ тамъ?—спросилъ вдругъ старикъ Когенъ.

— Кого, отецъ?

— Да этой сволочи, хлоповъ.

— Трудно сказать; но толпа большая.

— А пушки ты видѣлъ у нихъ?—спросилъ Самсонъ.

— Нѣтъ, пушекъ не было.

— Ну, такъ имъ не съ чѣмъ будетъ брать наши крѣпости и замки. Безъ пушекъ—это будетъ стадо барановъ. Наши казаки ихъ тотчасъ же разгромятъ. Эта сволочь, вѣроятно, тѣ же гайдамаки, что каждое лѣто ловятъ наши казаки. Вонъ и завтра будутъ казнить пятерыхъ.

— Будутъ казнить?

— Да. Вѣдь каждое лѣто казнятъ.

Между тѣмъ «улица» не унималась. Мимо дома Когена въ это время проходили «дивчата» и задорно пѣли о томъ, что имъ нечего «козы бояться», «богачамъ поступаться»; что у тѣхъ богачокъ—по сорока сорочокъ, а у нихъ по одной, да и тѣ чистенькія и т. д.

— И когда только эти проклятые хлопы спятъ!—невольно вырвалось у Самсона.

III. Гайдамакъ на колу.

На другой день, съ ранняго утра, вся Умань была на ногахъ. Толпы народа спѣшили къ ратушѣ, на площадь, гдѣ должна была совершиться казнь надъ гайдамаками.

На площади уже выстроилась сотня уманскихъ казаковъ подъ начальствомъ сотника Гонты. Всѣ были въ желтыхъ жупанахъ, барвы или цвѣта герба ихъ «дѣдича» Потоцкаго. Кунтуши и шаровары на казакахъ были голубые. На головахъ—желтые «еломы» съ черною барашковою опушкой и ременные черные поясы. На поясахъ, на такихъ же ремневыхъ перевязяхъ, «шабатуры» или продолговатые картузики для патроновъ и кремней, а также изогнутый рогъ для пороху, обтя-

нутый кожею и оправленный въ красную мѣдь. За поясомъ, кромѣ того, длинный ножъ и ложка; черезъ плечо—ружье на погонѣ; у сѣдла—пара пистолетовъ, а третій—на шнурѣ за поясомъ; въ рукѣ—пика и нагайка. Только у Гонты висѣла сбоку длинная сабля, чего не полагалось простымъ казакамъ. Всѣ кони подъ сотней были вороной масти.

Гонта, смуглый брюнетъ съ длинными усами, смотрѣлъ задумчиво. Не первый разъ приходилось ему провожать на тотъ свѣтъ буйныхъ сыновъ вольнаго казачества.

Одну сторону площади, ту, которая примыкала къ городской тюрьмѣ, занимали украинскія красавицы, уманскія дѣвушки, всѣ одѣтыя по праздничному, съ цвѣтами на головахъ и съ вплетенными въ косы разноцвѣтными лентами. У каждой на шеѣ бусы и коралы. Эта сторона площади представляла собою яркій цвѣтникъ, такъ были ярки и пестры наряды уманскихъ красавицъ. Ихъ роль была почетная въ предстоявшей ужасной церемоніи, и юныя красавицы понимали всю серьезность своей роли. Отъ каждой изъ нихъ зависѣло спасти жизнь осужденнаго на казнь: выборъ ихъ равносиленъ былъ акту помилованія.

Обычай этотъ введенъ былъ въ Умани Младановичемъ. Желая ослабить силу гайдамацкихъ набѣговъ на польскую Украину и въ то же время способствовать увеличенію прироста населенія во ввѣренной ему Потоцкимъ области, онъ поступалъ такъ. Каждое лѣто и въ особенности весной изъ запорожскихъ степей и луговъ, которые назывались Запорожскими Вольностями, на польскую Украину и преимущественно на богатую Уманьщину налетали шайки гайдамаковъ, противъ которыхъ обыкновенно высылались войска изъ Умани и другихъ пограничныхъ крѣпостей Рѣчи Посполитой. Попавшихся въ плѣнъ молодцовъ польскія власти большею частью посылали на висѣлицу, а еще охотнѣе подвергали болѣе ужасной казни, сажали на «палю», то есть, на колъ. Но Младановичъ ввелъ такую систему: передъ тѣмъ какъ вести плѣнныхъ молодцовъ на висѣлицу или на колъ, ихъ показывали уманскимъ дѣвушкамъ-украинкамъ. Если которая-либо изъ этихъ красавицъ останавливала свой выборъ на какомъ-либо изъ осужденныхъ на казнь гайдамаковъ и изъявляла согласіе выйти за него замужъ, то такой избранникъ сердца красавицы тотчасъ же освобождался

отъ оковъ и принималъ присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой. Тогда эту парочку вѣнчали, а въ приданое за красавицей давали участокъ земли въ Уманьщинѣ, скотъ на обзаведеніе, сѣмена для посѣвовъ, лѣсъ на постройку хаты и на первыя нужды извѣстную сумму денегъ.

Такимъ образомъ за десять лѣтъ губернаторства Младановича уманская волость получила приросту на тысячу семействъ, и все изъ бывшихъ головорѣзовъ.

Теперь то же должно было совершиться со вновь осужденными на казнь, которыхъ на этотъ разъ было очень немного, всего пять человѣкъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ послѣднею конною высылкою изъ Умани.

Кого-то выберутъ красавицы и кого посадятъ на колъ? Которая изъ дѣвушекъ, еще вчера вечеромъ распѣвавшая съ подругами свои «веснянки», рѣшится отдать руку и сердце головорѣзу?

Такіе вопросы тѣснились въ головахъ или срывались съ устъ зрителей, обступившихъ площадь, гдѣ должны были совершиться казни.

А орудія казни зловѣще смотрѣли на толпу, не внушая ей, впрочемъ, спасительнаго ужаса, который воображали вселить въ умы толпы подлежащія власти. Вонъ стоитъ рядомъ до десятка висѣлицъ и нѣсколько «паль», торчащихъ къ небу, точно гигантскіе, заостренные для рисованья карандаши, съ приставленными къ нимъ лѣстницами. На этихъ «паляхъ», на кольяхъ, чернѣютъ даже слѣды запекшейся крови отъ недавнихъ казней. Но толпа смотритъ на всѣ эти ужасы почти равнодушно, а скорѣе съ любопытствомъ: ей слишкомъ приглядѣлись подобныя зрѣлища и давно потеряли для нея внушительную силу. Толпѣ даже интересно видѣть, какъ будетъ корчиться на колу какой-нибудь молодецъ, а то, можетъ, еще и «люльки» попроситъ у своихъ палачей, чтобъ въ послѣдній разъ въ жизни, сидя на колу, хорошенько затянуться тютюномъ. Вѣдь и такіе случаи бывали съ запорожцами.

Наконецъ, послышался глухой гулъ барабана и рѣзкое, зловѣщее звяканье кандаловъ.

— Ведутъ! Ведутъ!—прошелъ говоръ по площади.

Изъ того угла площади, гдѣ стояли уманскія дѣвушки, показалась процессія. Впереди шелъ священникъ съ крестомъ

и евангеліемъ. За нимъ стучалъ барабанщикъ. За барабанщикомъ выступали осужденные, въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ. По бокамъ конвоировалъ ихъ небольшой отрядъ «улитокъ» или «лизней» (liznie) родъ сторожевой городской пѣхоты. Съ ними же шли и палачи.

Гайдамаки выступали смѣло, даже дерзко. Это все былъ рослый, красивый народъ. Они смѣло глядѣли въ глаза толпѣ. Только одинъ, самый юный и стройный, съ едва пробившимися усами, шелъ какъ-то грустно, не поднимая глазъ.

Осужденныхъ остановили противъ дѣвушекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, застыдившись и покраснѣвъ, закрыли лица рукавами.

— Да и соромно жъ, сестрички! — прошептала одна изъ нихъ.

— А я заразъ заплачу, сестрица,—прошептала другая,—такъ жаль того молоденькаго.

Къ дѣвушкамъ подъѣхалъ Гонта.

— Кто изъ васъ, дивчаточки, хочетъ спасти христіанскую душу?—ласково обратился онъ къ дѣвушкамъ.

Всѣ молчали, прячась одна за другую и закрываясь рукавами. Гонта ждалъ. Ждали и осужденные.

— Кто хочетъ спасти христіанскую душу?—повторилъ свой вопросъ Гонта.

Опять молчаніе и робкое стыдливое перешептываніе. Священникъ тяжело вздохнулъ. По лицамъ нѣкоторыхъ осужденныхъ прошла мрачная тѣнь. Неужели конецъ всему? Неужели въ послѣдній разъ они видятъ это голубое небо?..

Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ плакали. Слышны были тихіе всхлипыванья. Святая женская слабость боролась со страхомъ неизвѣстнаго.

— О, Сарочка! Какъ мнѣ жаль того, молоденькаго!—шептала хорошенькая Рахиль, сжимая руку своей младшей сестренки.—Зачѣмъ я не могу спасти его!

Она смахнула слезы, повисшія на ея прекрасныхъ, длинныхъ рѣсницахъ.

— Въ послѣдній разъ, кто хочетъ спасти христіанскую душу?—возвысилъ голосъ Гонта.

— Я!—робко отозвалась молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, утирая слезы.

Она немного выступила впередъ. Слезы такъ и душили ее.

— Богъ да благословитъ тебя, доброе дитя,—съ чувствомъ сказалъ священникъ, подходя къ дѣвушкѣ и осѣняя крестомъ ея хорошенькую головку, всю убранную цвѣтами.—Который тебѣ годъ?

— Пятнадцатый,—былъ робкій, чуть слышный отвѣтъ.

— Кого жъ ты, дитя, выбираешь?—ласково спросилъ батюшка.

Дѣвушка вся зардѣлась и закрыла личико руками. Слезы такъ и капали сквозь пальцы.

— Кого же? Скажи, дочь моя,—настаивалъ священникъ.

— Вонъ его,—чуть слышно прошептала плачущая, не отнимая рукъ отъ лица.

— Котораго, дитя?

— Его...—Больше ни звука, только слезы полились еще пуще.

— Молоденькаго? Да? Того молоденькаго?

— Эге...

Толпа жадно всматривалась и вслушивалась въ то, что передъ нею происходило.

— Вотъ умница!—радостно шепнула Рахиль своей сестренкѣ.

Священникъ взялъ тихонько подъ локоть плачущую дѣвушку и подвелъ къ младшему изъ осужденныхъ.

— Тебя, сынъ мой, сія чистая отроковица избрала предметомъ христіанскаго милосердія,—обратился батюшка къ послѣднему.—Хощешь ли ты взять сію отроковицу себѣ въ жены? Отвѣщай предъ животворящимъ крестомъ Господа Бога и предъ святымъ Его евангеліемъ. Хощеши ли?

— Хочу,—былъ глухой отвѣтъ.

— И присягнешь на крестѣ и евангеліи быть впредь добрымъ христіаниномъ?

— Присягну.

— И покаешься во всѣхъ прегрѣшеніяхъ твоихъ?

— Каюсь,—былъ отвѣтъ.

— Снять кандалы съ кающагося злодѣя!—сказалъ Гонта, обращаясь къ шалачамъ.

Двѣ темныя фигуры съ капюшонами на головахъ приблизились къ покаявшемуся гайдамаку и быстро расковали на немъ

ручные и ножные кандалы. Раскованный выпрямился и дохнулъ полной грудью.

— Перекрестись трикраты, сынъ мой, — сказалъ священникъ.

Гайдамакъ перекрестился.

— Цѣлуй крестъ и евангеліе.

И это требованіе священника было исполнено. Тогда батюшка, отнявъ правую руку отъ лица дѣвушки, уже не плакавшей, а только стыдливо закрывавшейся, вложилъ ея трепещущую руку въ жесткую ладонь гайдамака.

— Какъ твое имя?—спросилъ батюшка послѣдняго.—Какъ зовутъ тебя?

— Опанасомъ,—былъ отвѣтъ.

— Рабъ Божій Аѳанасій, — повторилъ про себя священникъ.—А тебя, дочь моя? Какъ зовутъ?

— Галя...

— Галя? Галина, яснота, яспость,—бормоталъ батюшка, любуясь смущеніемъ дѣвушка.—Галя-яспость, во-истину ясная и чистая отроковица... Ну, Боже, благослови: обручается раба божія Галина рабу божію Аѳанасію... Богъ благословитъ васъ, дѣтки. Цѣлуйте крестъ.

— И я хочу,—вдругъ послышался среди дѣвушекъ несмѣлый голосъ.

— И я...

Всѣ взоры обратились къ толпѣ дѣвушекъ.

— Ого! — послышался сдержанный, но злорадный смѣхъ между уманскими шарубками.—И этимъ захотѣлось... Оттакои!

— Кто еще?—спросилъ Гонта, обращаясь къ дѣвушкамъ.

Опять всѣ смолкли, точно воды въ ротъ набрали, и прятались одна за другую, закрываясь рукавами.

— Кто же еще изъ васъ?—подошелъ къ нимъ священникъ.—Выходите.

Никто не трогался съ мѣста.

— Вотъ она, батюшка, Докія,—показала одна изъ дѣвушекъ на свою сосѣдку, закрывшуюся рукавомъ.

— Ты, дочь моя?—спросилъ батюшка.

— Вона, батюшка,—повторила та же предательница,—и Горпина съ нею, съ Докійкою.

Батюшка обратился къ первой изъ нихъ, къ той, которую назвали Докіей.

— Ты, Евдокія, тоже хочешь спасти христіанскую душу?

— Хочу,—отвѣчала Докійка уже смѣлѣе.

— Котораго же изъ нихъ?

— Вотъ того... кучеряваго!—и она указала на плечистаго молодца уже съ сильною просѣдью въ усахъ и въ кудрявой головѣ.

— Ни, я того хочу!—выступила вдругъ та, которую звали Горшиной.

— Овва!—послышался возгласъ среди парубковъ.—Дви на одного.

Въ толпѣ раздался смѣхъ—«Оттакои ловись!» На двоихъ женись!»

Священникъ посмотрѣлъ на эту вторую претендентку. Это была рослая и красивая украинка со множествомъ коралловъ и дукачей на шеѣ.

— Нѣтъ, дочь моя,—сказалъ батюшка,—Евдокія раньше тебя изъявила желаніе оказать христіанское милосердіе сему трѣшнику (онъ указалъ на кудряваго гайдамака); а ты, если желаешь, выбери себѣ другого.

— Такъ я жъ не хочу другого!—обидчиво отозвалась Горшина, отступая въ толпу подружекъ.

Послѣдовалъ взрывъ смѣха среди парубковъ.

— Коли мое не въ ладъ, то я съ своимъ назадъ,—ехидно замѣтилъ кто-то.—Ишь захотѣла баба чужую куделю прясть.

За первыми пошлись и другія охотницы до замужества, такъ что еще два гайдамака были обручены съ уманскими красавицами. Съ нихъ сняли кандалы и поставили въ сторонѣ, каждаго съ своей невѣстой. Остался одинъ, никѣмъ не выбранный. Это былъ приземистый, плечистый богатырь лѣтъ пятидесяти съ багровымъ застарѣлымъ шрамомъ на лѣвой щекѣ отъ польской или турецкой сабли. Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на церемонію обрученія уманскихъ красавицъ съ гайдамаками. Сѣдые усы его двумя жгутами спадали на могучую грудь. Изъ-подъ конусообразной смушковой съ краснымъ верхомъ шапки спускался на разрубленную щеку такой же сѣдой чубъ-«оселедецъ».

— Кто желаетъ спасти послѣдняго изъ осужденныхъ?— обратился Гонта къ дѣвушкамъ.

Изъ среды ихъ выступила полногрудая съ типомъ вакханки красавица, вся въ монистахъ и серебряныхъ дукачахъ, которые при малѣйшемъ движеніи ея звенѣли словно наборная сбруя на лошади.

— Танцюрка... танцюрка!—прошелъ шепотъ по площади.

Это была гулящая, извѣстная на всю Умань гетера, дерзкая на языкъ и лучшая въ цѣломъ городѣ танцорка.

— Я!—сказала она, вызывающе смотря на толпу своими красивыми, нахальными глазами и прямо подошла къ осужденному.

Тотъ смѣрилъ ее удивленными глазами съ головы, украшенной цѣлой копной яркихъ лiоновъ, до ногъ, обутыхъ въ красные черевички съ мѣдными подковами, и отступилъ.

— Геть!—сурово сказалъ онъ.—Одчепись! Я бѣжалъ въ Запорожье отъ одной такой вѣдьмы, а тутъ навязывается другая! Геть: одчепись! Скорѣй на палю, чѣмъ съ тобою!

Неожиданность и тонъ, съ которымъ все это было сказано, ошеломили красавицу. Площадь дрогнула отъ хохота. Но уманская вакханка быстро овладѣла собой.

— Такъ чертъ же съ тобой, собачій сынъ!—крикнула она, вся попатровѣвъ.—Пропадай же ты на палѣ! Нехай твое падло вороны клюютъ!

И она быстро затерлась въ толпѣ, преслѣдуемая насмѣшками.

Понятно, что послѣ этого ни одна дѣвушка не рѣшилась къ нему подойти, и участь осужденнаго была рѣшена. Гонта взглянулъ на дѣвушекъ, тѣ стояли, потупившись. Онъ взглянулъ на осужденнаго.

— На палю!—глухо проговорилъ онъ, обращаясь къ палачамъ.

Черныя фигуры приблизились къ осужденному.

— Погодите, дѣти мои,—отстранилъ ихъ рукою священникъ, протягивая къ осужденному крестъ,—онъ пока еще мой.

Палачи отошли въ сторону.

— Сынъ мой!—кротко обратился священникъ къ осужденному.—Ты христіанинъ?

— Христіанинъ, батюшка,—такъ же кротко отвѣчалъ осужденный.

— Вѣруешь въ Бога, сынъ мой?

— Вѣрую... Я не ляхъ и не татаринъ.

— Прими же, сынъ мой, послѣднее напутствіе святой православной церкви: покайся во грѣхахъ твоихъ, и милосердый Богъ приметъ кающагося. Онъ самъ сказалъ: «пріидите ко Мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и Азъ упокою вы»...

Осужденный наклонилъ голову.

— Гришенъ, батюшка: у середу и въ пьятницю скоромне ивъ,—тихо сказалъ онъ.

— А убійства и грабежи, сынъ мой?—спросилъ батюшка.

— Не гришенъ: я ризавъ только ляхивъ та татаръ, та деколи жида на верби повисишь-було. Се не грихъ...

— Грѣхъ, сынъ мой, великій грѣхъ!

Священникъ, накрывъ наклоненную голову осужденнаго епитрахилью, сталъ шепотомъ читать молитвы. Осужденный набожно крестился, звеня кандалами.

Молитвы кончены. Священникъ осѣнилъ осужденнаго крестомъ и далъ приложиться къ Распятію.

— Теперь онъ вашъ и Боговъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ палачамъ.

Черныя фигуры снова приблизились.

— Раскуйте его,—приказалъ Гонта.

Осужденнаго расковали.

— Свяжите и поднимите на палю,—снова приказалъ Гонта.

Палачи съ веревками подошли къ осужденному.

— Геть!—грозно отстранилъ онъ ихъ рукою.—Я не собака, щобъ мене вьязать! Я самъ пиду на палю.

Гонта зналъ, что запорожецъ исполнитъ слово, и приказалъ палачамъ отойти.

Осужденный низко поклонился народу.

— Простить мене, люде добри!—смиренно сказалъ онъ.— Я за васъ умираю.

— Богъ проститъ, Богъ проститъ! — пронелъ ропотъ по толпѣ.

Осужденный глянулъ на висѣлицы, на колья, торчавшіе къ голубому небу, на это глубокое, голубое небо и ровными шагами

направился къ одному изъ кольевъ, самому высокому. Подойдя къ нему, онъ не спѣша (да и къ чему было спѣшить!) поднялся по приставленной къ колу лѣстницѣ, достигъ верхней перекладины ея, остановился и повернулся лицомъ къ народу. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, а многіе съ ужасомъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Тысячи глазъ впились въ выраженіе его мужественнаго лица.

— Прощайте, люде добри!—сказалъ запорожецъ, обозрѣвая съ высоты всю площадь.—Дивиться, якъ запорожецъ Харько Розбій-Глекъ сидае на коня.

И онъ опустился на остріе ужаснаго кола, точно садился въ кресло. Женщины испустили крикъ ужаса. «Мати Божа»!..

— Ого-го-го! Коню мій, коню!—глухо простоналъ, пересиливая страшную боль, ужасный человѣкъ и ногой оттолкнулъ лѣстницу, послѣднюю точку опоры, которая еще могла нѣсколько поддерживать тяжесть его тѣла, теперь всецѣло налегавшаго на остріе кола.

Замѣтно было, какъ тѣло казнимаго опускалось все ниже: въ него входилъ ужасный колъ. Но лицо страшнаго человѣка не выражало страданій, ни одинъ мускулъ не выдалъ его.

— Но-но, коню! Но до дому!—говорилъ страшный человѣкъ, мужественно пересиливая нечеловѣческія муки.

Потомъ онъ не спѣша полѣзъ въ карманъ своихъ широкихъ желтыхъ шароваръ, досталъ оттуда кисетъ съ табакомъ, «люльку» и «кресало съ огнивомъ», набилъ трубку тютюномъ, досталъ кусочекъ труту, вырубилъ огня и закурилъ трубку.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Одинъ изъ прощенныхъ уже гайдамаковъ, тотъ именно кудрявый богатырь, на котораго претендовали разомъ двѣ невѣсты, Докійка и Горпина, пораженный мужествомъ своего товарища, добровольно и безстрашно взошедшаго на колъ и еще запалившаго на немъ «люльку», и стыдясь своего малодушія, вдругъ бросилъ свою невѣсту и стремительно кинулся къ другому колу.

— Соромъ! Соромъ, панове товариство!—кричалъ онъ, взбираясь по лѣстницѣ.—На пали, панове! Не дамо своей воли проклятымъ ляхамъ! На пали!

За нимъ бросились и остальные помилованные.

— Разъ родила мати, разъ и умирати!—кричали они, минуя висѣлицы и спѣша къ кольямъ.

— Добре! Добре, хлопци!—кричалъ въ свою очередь Харько Розбій-Глекъ, сидя на колу и поправляя на головѣ свою высокую конусообразную шапку.—Не давайтесь проклятымъ лях-хамъ!

Но палачи и «лизни» схватили ихъ и послѣ отчаянныхъ усилій перевязали.

IV. Нежданная встрѣча.

Утро слѣдующаго дня было, казалось, еще лучше, чѣмъ наканунѣ. Солнце только что выкатилось изъ-за блѣдно розовой полоски далекаго продолговатаго облачка, превращая въ сверкающіе брилліанты каждую росинку и на листѣ свѣже-распустившагося граба, и въ чашечкѣ каждаго цвѣтка, и на стебляхъ молодой травы, искрапленной весенними цвѣтами.

Это чудное утро застало Исаака Когена и его сына Ефраима въ дорогѣ. Легкая дорожная бричка, запряженная парою сытыхъ степныхъ коней, медленно двигалась роскошнымъ лугомъ по тракту на Бердичевъ и Полоннос.

Несмотря на то, что на душѣ стараго Исаака было смутно, онъ не могъ не поддаться чарующей прелести этого утра. Ласковая природа, казалось, сама говорила ему: «Смотри, какъ тихо и мирно на мосмъ вѣчномъ лонѣ. Каждый листикъ на деревѣ, каждая травка чувствуютъ всю благость жизни, дарованной имъ Творцомъ всего этого необъятнаго, прекраснаго міра. Зачѣмъ вы, люди, отравляете прелесть бытія вѣчными заботами?»

А жизнь, радостная, беззаботная, такъ и била ключомъ повсюду, куда только могъ досягнуть умиленный, грустный взоръ Исаака. Камыши и зеленая осока у невидимой глазу рѣчки, казалось, любовно шептались между собою. Съ радостнымъ крикомъ, свистя въ воздухѣ крыльями, пропосились надъ долиной дикія утки. Утренній воздухъ прорѣзывали мелодическіе голоса болотныхъ куличковъ. Медленно расхаживали по зеленымъ зарослямъ длинноногіе и бѣлогрудые аисты, какъ бы сознательно наслаждаясь благодатнымъ утромъ, такимъ утромъ, которое, быть можетъ, напоминало имъ другое утро, тамъ далеко, на берегахъ Ганга, гдѣ у нихъ, какъ и здѣсь, въ

томъ небольшомъ поселкѣ, имѣлось свое, давно насиженное гнѣздо.

— И это гнѣздо на берегахъ Ганга, какъ и на берегу Тыкича, никто не разоряетъ,—грустно шевельнулось въ душѣ Исаака.—А у народа Божьяго, у Израиля...

Онъ молча махнулъ рукой и вновь отдался природѣ.

Надъ травою и надъ кудрявыми кустами красной таволги, словно брошенные въ воздухъ бѣлые и ярко-желтые лепестки, перепархивали мотыльки, наслаждаясь краткими моментами жизни. Отъ времени до времени слышались въ травѣ крики коростеля-дергача, а въ другой сторонѣ выбивалъ свою весеннюю пѣсню перепелъ. И тутъ же, покрывая все собою, доносился съ ближняго болота задорный, чисто демократическій хоръ лягушекъ, безъ которыхъ весна теряла бы все свое очарованіе, всю поэзію возрождающейся природы.

Все это глубоко трогало смущенную душу стараго Когена. Задумчивые глаза его вдругъ остановились на одной точкѣ въ воздухѣ. Тамъ, расправивъ крылья, какъ бы нервно трепеталъ пернатый хищникъ—ястребъ. Онъ видимо сторожилъ добычу.

— Гайдамакъ... гайдамакъ,—мелькнуло въ умѣ Когена.

И вся эта роскошь природы, весь этотъ живой говоръ травы, лѣса, воздуха, эта чудная зелень, обдаваемая теплыми лучами весенняго солнца, все это разомъ подернулось тѣнями.

Ястребъ сторожитъ беззаботно наслаждающуюся жизнью невинную пташку, а эта невинная пташка зорко слѣдитъ за беззаботно порхающею пестрою бабочкой. Вонъ цапля острымъ клювомъ проколола и подняла на воздухъ сейчасъ только весело и задорно квакавшую въ болотѣ лягушку.

— Вездѣ свои гайдамаки, сторожащіе добычу, дѣтей Израиля,—шевельнулось въ душѣ Когена.

Отъ созерцанія природы мысли его перешли къ предмету ихъ поѣздки.

— Только бы застать его въ Полоцкомъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою, между тѣмъ какъ Ефраимъ видимо дремалъ, пригрѣтый солнцемъ,—только бы застать дома. Онъ святой мужъ. Можетъ быть, онъ и поможетъ общей бѣдѣ, а можетъ, и самое бѣдствіе отвратитъ. Въ немъ великая сила. Вѣдь онъ же своимъ пророческимъ предвидѣніемъ спасъ отъ разоренія

городъ Немировъ, когда въ Подолію ворвались несмѣтныя полчища татаръ и шли прямо на Немировъ: онъ своею молитвою отвратилъ ихъ отъ города. Какъ знать!.. Молитва святого мужа— это великая сила. Развѣ не молитвою къ Предвѣчному Іисусъ Навинъ остановилъ ходъ солнца, когда сказалъ: «Стой, солнце, въ Гибеонѣ!» А развѣ не молитва святого мужа разверзла хляби морскія, когда Моисей простеръ руки надъ Чермнымъ моремъ и оно разступилось передъ народомъ израильскимъ?

Навстрѣчу ѣхала телѣга, нагруженная хворостомъ, а сверху хвороста сидѣлъ хлопъ и лѣниво тянулъ о томъ, какъ «въ полѣ могила съ вѣтромъ говорила»...

О чемъ разговаривала могила съ вѣтромъ, онъ не досказалъ, а громко икнулъ и такъ же лѣниво проговорилъ:

— У! Та-й добри-жъ колеса у жидивъ!.. Отъ якъ бы мени таки колеса!

И онъ снова затянулъ все о томъ же, какъ «въ полѣ могила съ вѣтромъ говорила»...

— Вотъ и онъ поетъ,—подумалъ старый Когенъ.—А отчего жъ мнѣ не приходилось видѣть, чтобъ еврей вотъ такъ же ѣхалъ и пѣлъ?.. Моя маленькая Рахиль права, что у насъ нѣтъ пѣсенъ... Вотъ и иволга поетъ, и овсянка поетъ, а еврей не поетъ... Нѣтъ для еврея и весны.

— А живъ ли еще тотъ гайдамакъ?—какъ бы очнувшись, вдругъ заговорилъ Ефраимъ.

— Какой гайдамакъ?—съ удивленіемъ спросилъ Исаакъ, еще не вполнѣ приходя въ себя отъ своихъ думъ.

— Да тотъ, что на колъ посаженъ.

— А! Тотъ? А что?

— Да я вечеромъ ходилъ на площадь, такъ онъ еще былъ живъ.

— Не удивительно: ужа проткни вилами, такъ онъ все будетъ извиваться; то же и гайдамакъ—сущій ужака.

Онъ помолчалъ. Солнце уже сильно припекало.

— Такъ ты говоришь, что изъ Лебедина хлопы собирались итти къ Черкасамъ?—вдругъ спросилъ Исаакъ.

— Да, отецъ: такъ мнѣ сказывалъ Хома.

— Такъ, можетъ, они пойдутъ и дальше, къ Бердичеву, а Умань оставятъ въ сторонѣ.

— Можетъ быть, дай-то Богъ.

— Да... Но чѣмъ же Бердичевъ хуже Умани? Тамъ тоже наши братья,—грустно покачалъ головой старый Когенъ.

Въ сторонѣ, изъ-за зелени, блеснула полоска воды. Это маленькая рѣчка извивалась змѣйкою среди камышей и темнозеленаго ситника, незамѣтно исчезая въ кустахъ верболоза. Тамъ же одиноко стояла развѣсистая ива.

— Не пора ли покормить лошадей, батюшка?—сказалъ Ефраимъ.—Уже далеко за полдень, кони притомились, да и печетъ сильно; кстати же тутъ и вода.

— И то правда, пора покормить,—отозвался отецъ.

Они свернули съ дороги прямо къ рѣчкѣ и остановились въ тѣни ивы. Ефраимъ, привыкшій къ частымъ поѣздкамъ по торговымъ дѣламъ своего дома, тотчасъ же отпрегъ лошадей и задалъ имъ овса, который онѣ, впрочемъ, не охотно ѣли, съ жадностью посматривая на пробѣгавшую у самыхъ корней ивы рѣчку: упарившихся на солнцѣ умныхъ животныхъ такъ манила къ себѣ журчавшая у корней ивы прозрачная вода.

— Ну, раньше чѣмъ вы не остынете, я вамъ не дамъ пить,— съ улыбкой сказалъ имъ Ефраимъ.—Вы какъ дѣти готовы накинуться на холодную воду, а тамъ васъ, запаленныхъ, и продавай за полцѣны.

Умныя животныя поняли своего господина и лѣниво стали жевать сухой овесъ.

— Ужъ и оводы надоѣдливые,—говорилъ Ефраимъ, сгоняя оводовъ со спинъ лошадей.

— Да, и тутъ гайдамаки, чтобы поживиться чужой кровью,—какъ бы про-себя замѣтилъ старый Когенъ, разстилая коверъ подъ тѣнью ивы и усаживаясь на немъ.—Вездѣ гайдамаки.

Между тѣмъ Ефраимъ вынулъ изъ брички небольшой дорожный мѣшокъ и, садясь рядомъ съ отцомъ, разостлалъ на коврѣ чистое полотенце.

— Теперь пора и намъ пообѣдать,—говорилъ онъ, вынимая изъ мѣшка сдобныя круглыя лепешки съ запеченными въ нихъ яйцами, пару копченой жирной тарани и жареную курицу. Ефраимъ почерпнулъ воды изъ рѣчки, и оба умыли руки.

— Буди благословенъ и т. д.,—проговорилъ затѣмъ Исаакъ и взялъ лепешку. То же сдѣлалъ и Ефраимъ.

— А умно придумали хлопы вотъ эти самыя круглыя ле-

пешки съ яйцами—говорилъ онъ, разламывая лепешку и вынимая запеченное въ ней яйцо.—Ахъ, какъ умно! И называютъ ихъ «бурсаками». И точно бурсаки: когда ихъ поповичи отправляются въ Кіевъ, чтобъ учиться въ бурсѣ, то матери и снабжаютъ ихъ на дорогу вотъ этими бурсаками: въ нихъ разомъ и хлѣбъ, и готовое яйцо, которое въ лепешкахъ и не разбивается дорогой.

— Люблю я вотъ такъ трапезовать въ дорогѣ, гдѣ-нибудь у ручья, либо у рѣчки, или у степной криницы,—продолжалъ онъ. — Гораздо это пріятнѣе, чѣмъ въ душной хатѣ или въ корчмѣ. Тутъ и травка, и водица, и пташки поютъ, лошади пофыркиваютъ. А еще лучше подъ вечеръ: разложимъ бывало съ Хомой огонекъ у ручья, поставимъ треногъ, повѣсимъ котелокъ съ пшеномъ, да маслица туда или соленаго леща, вотъ и кулишъ готовъ. Только, бывало, Хома все жалѣлъ, что мы свиного сала не ѣдимъ: «вотъ-бы, говоритъ, паночку Храиме, натовкти добраго сала, та въ кулишъ, что за кулишъ бувъ бы!» А жаль Хому: добрый былъ хлопецъ, честный, работящій. Сидимъ бывало съ нимъ у огонька, ѣдимъ кулишъ, лошади тоже ѣдятъ овесъ, пофыркиваютъ, а онъ разсказываетъ мнѣ свои хлопскія сказки, либо про запорожцевъ, про ихъ набѣги на Крымъ... А надъ нами темное-темное небо, и въ немъ звѣздочки мигаютъ.

Съ грустной улыбкой слушалъ старый Когенъ наивную болтовню своего сына. И самъ онъ немало пострaнствовалъ по Украинѣ, по Волыни и Подоліи, часто проводилъ ночи у огонька, въ полѣ, или отдыхалъ вотъ около такой же, какъ эта, рѣчонки... Не мало пережито и передумано.

— Да, жаль Хому,—какъ бы про-себя продолжалъ Ефраимъ, колотя таранью о стволъ ивы, чтобъ легче содрать съ нея кожу.—Теперь его честныя руки, можетъ быть, ужъ и кровью обрызганы.

— А все по хлопской глупости,—съ своей стороны замѣтилъ Исаакъ, принимая изъ рукъ сына очищенную тарань.

— По глупости, по слѣпотѣ своей; а другіе злодѣи, изъ запорожцевъ, тѣ просто идутъ для грабежа, какъ и тотъ, котораго вчера на колъ посадили.

— А живучъ, проклятый. Рахиль видѣла, какъ онъ самъ сѣлъ на колъ, и хоть бы крикнулъ, хоть бы поморщился.

— А достань фляжку съ виномъ,—сказалъ Исаакъ,—эту жирную тарань надо запить вентряномъ.

Ефраимъ досталъ изъ брички фляжку въ плетенкѣ и серебряную чарку и подалъ отцу. Исаакъ сталъ разглядывать съ любовью старинную чарку.

— О! Дорогая дорогая эта вещица!—говорилъ онъ задумчиво. — Многое видѣла она на своемъ вѣку... Сколько устъ прикасалось къ ней! Видѣла она и Кордову, и Севилью, и Гранаду. Въ Испаніи еще пили изъ нея хересъ и малагу наши предки. И вотъ она странствуетъ въ нашемъ родѣ, какъ странствуетъ самъ израильскій народъ... Вѣчная чарочка... серебряный Агасѳеръ... Можетъ быть, и пирамиды египетскія видѣла она, и мутный Нилъ, и воду рѣкъ вавилонскихъ, быть можетъ, пили изъ нея наши предки воду пополамъ съ кровавыми слезами...

— Да, отецъ, она, несомнѣнно, египетской работы, — подтвердилъ Ефраимъ,—на ней изображены два сфинкса и ибисъ, а тотъ цвѣтокъ вродѣ водяной лиліи, это непремѣнно цвѣтокъ лотоса.

— Правда; это говоритъ и великій нашъ праведникъ,—замѣтилъ Исаакъ.

— Это дядя Іаковъ-Іосифъ?

— Да, великій братъ мой, нынѣ пророкъ во Израилѣ.

Въ это время съ отлогаго возвышенія, на которое поднималась дорога, ведущая къ Бердичеву и Полонному, спускалась какая-то фура. Наши путешественники замѣтили ее.

— Кто-то ѣдетъ,—сказалъ Исаакъ, щуря глаза.

— Да. И это еврейская балагула, — замѣтилъ Ефраимъ, у котораго зрѣніе было острѣе отцовскаго, — и еврей сидитъ на облучкѣ.

— Можетъ быть, онъ везетъ какого-нибудь бѣднаго шляхтича.

— Нѣтъ, отецъ, и изъ балагулы, я вижу, выглядываетъ еврей.

— Тѣмъ лучше, нашъ братъ.

Балагула приближалась. Скоро можно было Ефраиму различить и черты сидѣвшаго въ балагулѣ

— Боже! Вотъ неожиданность!—радостно воскликнулъ онъ,

— Что такое, сынъ мой? Какая неожиданность?

— Да это, кажется, самъ дядя Іаковъ-Іосифъ... Онъ! Онъ!

— Господи!—не то радостно, не то испуганно воскликнулъ старый Когенъ.—Это перстъ Божій.

И оба, и отецъ и сынъ, торопливо пошли навстрѣчу запыленной балагулѣ.

V. Апостолъ хасидизма.

Это былъ, дѣйствительно, Іаковъ-Іосифъ, апостолъ хасидизма, начало которому положилъ знаменитый въ исторіи новѣйшаго еврейства Бештъ изъ Меджибожа, учитель не менѣе знаменитаго Бера изъ Межирича.

Іаковъ-Іосифъ приходился двоюроднымъ братомъ нашему знакомому Исааку Когену изъ Умани и происходилъ изъ того же рода Когеновъ.

Іаковъ-Іосифъ Когенъ, — какъ разсказываетъ одинъ изъ его біографовъ, — былъ однимъ изъ важнѣйшихъ учениковъ и ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Бешта. Онъ познакомился съ основателемъ хасидизма и увѣровалъ въ него еще раньше, чѣмъ проповѣдникъ Беръ. Это было около 1747 года. Іаковъ-Іосифъ былъ тогда раввиномъ въ Шаргородѣ, въ Подоліи. Трогательная молитва Бешта произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ долго колебался размышлялъ, но, наконецъ, рѣшилъ пристать къ Бешту. Онъ тайкомъ поѣхалъ къ нему въ Меджибожъ и пробылъ у него до тѣхъ поръ, пока Бештъ не «поднялъ его» на высоту своей мудрости.

Но вскорѣ тайная приверженность раввина къ хасидскому ученію была обнаружена, и Іаковъ-Іосифъ заявилъ открыто о своей «ереси». Тогда поднялись противъ него многіе представители общины, пошли въ городѣ раздоры, интриги и распри, кончившіяся тѣмъ, что раввина «выгнали изъ города въ самый канунъ субботняго дня».

Послѣ этого изгнанія онъ былъ раввиномъ въ городѣ Рашковѣ и затѣмъ въ Немировѣ. Здѣсь слава его росла съ каждымъ годомъ, привлекая къ нему массы слушателей. Въ глазахъ своихъ послѣдователей онъ стяжалъ славу истиннаго пророка и святого мужа: онъ-то, по преданію, силою молитвы отклонилъ отъ Немирова нашествіе татарской орды. О немъ въ Немировѣ сохранилось такое преданіе: «Каждый день онъ за-

нимался ученіемъ, облаченный въ «талесъ» и «тефилинъ». Передъ кушаньемъ онъ читалъ лекцію изъ Талмуда въ нѣсколько страницъ, и даже во время кушанья, между однимъ блюдомъ и другимъ, съ устъ его не сходили слова ученія. Онъ вставалъ всегда въ полночь, и лѣтомъ и зимою, даже въ дни праздничные, и все сидѣлъ надъ своими фоліантами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершалъ и благотворительныя дѣла: выкупалъ плѣнныхъ и раздавалъ много милостыни. Самъ же жилъ въ нуждѣ на свой скудный заработокъ. Его ученіе, равно какъ его молитва, сопровождалось необыкновенною восторженностью и священымъ трепетомъ, часто приводившими его въ изнеможеніе».

Это былъ религіозный, глубоко убѣжденный энтузіастъ, а такія личности двигаютъ горами: народныя толпы слѣдуютъ за ними слѣпо, какъ желѣзо за магнитомъ.

«Послѣ смерти Бешта,—разсказываетъ тотъ же біографъ,—когда центръ тяжести хасидизма былъ перенесенъ изъ Подоліи въ Волынь (гдѣ находилась резиденція Бера—Межиричъ), Іаковъ-Іосифъ также перекочевалъ туда и очутился раввиномъ въ волынскомъ мѣстечкѣ Полонномъ, въ которомъ уже оставался до конца своей жизни. Здѣсь онъ съ большей еще энергіей занимался пропагандою хасидскаго ученія. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, уже въ то время, когда его имя было окружено ореоломъ величія и святости, какъ имя лучшаго ученика основателя хасидизма и апостола его ученія».

Съ этимъ-то «апостоломъ-хасидизма» и встрѣтились теперь наши уманскіе знакомые — Когены. Балагула Іакова-Іосифа свернула въ сторону и остановилась рядомъ съ бричкой Когеновъ.

Изъ балагулы вылѣзъ поддерживаемый племянникомъ, Ефраимомъ Когеномъ, худенькій, нервный и подвижной старичокъ съ длинною, бѣлою апостольскою бородой. Лицо его, необыкновенно пріятное, общимъ типомъ напоминало лицо Исаака Когена — характерный типъ, пережившій тысячелѣтія и сохранившій свою чистоту, типъ, не погибшій ни въ волнахъ всемірнаго потопа, ни въ пучинахъ Чернаго моря, не утонувшій даже въ кровавыхъ рѣкахъ инквизиціи и безчисленныхъ, во всѣ тысячелѣтія и во всѣхъ странахъ повторявшихся безчеловѣчныхъ погромахъ; но въ глазахъ прибывшаго было что-то неуловимое, то, о чемъ приходится сказать, что оно «не отъ

міра сего». Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ просто, даже бѣдно; но у всякаго, кто съ нимъ встрѣчался и чей взоръ останавливался на лицѣ этого бѣдно одѣтаго старика, — у всякаго такого рука невольно поднималась къ головѣ, чтобъ почтительно обнажить ее. «Долой шапку!» вотъ что чувствовалъ внутри себя всякій, встрѣтившійся со взглядомъ этого бѣдно одѣтаго старика.

Послѣ первыхъ привѣтствій вновь прибывшаго съ почетомъ усадили на коверъ подъ тѣнью ивы.

— Вы куда ѣдете?—спросилъ Іаковъ-Іосифъ. — По торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, дорогой братъ,—отвѣчалъ Исаакъ Когенъ,—дѣло, по которому мы собрались въ путь, важнѣе всѣхъ торговыхъ дѣлъ всего израильскаго народа.

— Что же такое?—съ большимъ вниманіемъ спросилъ раввинъ.—По дѣлу нашей религіи?

— Да, и по дѣлу религіи,—отвѣчалъ Когенъ,—мы ѣхали собственно къ тебѣ, дорогой братъ, но Всеблагій предупредилъ насъ: Онъ самого тебя послалъ къ намъ навстрѣчу.

— Но я ѣду въ Немировъ,—возразилъ Іаковъ-Іосифъ.

— Все равно; но ты встрѣтилъ насъ, въ этомъ я вижу перстъ Всеблагого, Того, чей перстъ водилъ народъ израильскій по пустынѣ и привелъ въ землю обѣтованную.

— Ну, говори дальше: мои уши открыты и пронесутъ въ мой мозгъ и въ мое сердце то, что ты скажешь во имя Всеблагого.

— Затѣвается страшное дѣло для Израиля,—сказалъ Исаакъ,—топоръ лежитъ у дерева, чтобы срубить его.

— Какой топоръ? Тотъ топоръ, о которомъ ты говоришь, вотъ уже много тысячелѣтій лежитъ у дерева, а дерево все растетъ и зеленѣетъ, и будетъ расти и зеленѣть, пока не придетъ Тотъ, Который обѣщалъ придти.

— Ну, дорогой братъ, ты ученѣе и мудрѣе меня,—какъ бы извинился Исаакъ,—пусть заржавѣетъ тотъ топоръ подъ деревомъ и дерево пусть зеленѣетъ во вѣки. Но на насъ приготовлены ножи... Вотъ мой сынъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

Раввинъ слушалъ разсказъ молча. Лицо его выдавало внутреннее волненіе; но глаза смотрѣли куда-то вдаль, точно онъ читалъ тамъ что-то и прочитанное взвѣшивалъ въ своемъ умѣ.

Потомъ опъ сидѣлъ молча, какъ и прежде. Молчали и всѣ. Слышно было только, какъ лошади жевали овесъ и иногда фыркали, а за рѣчкой, въ травѣ, выбивалъ свою пѣсню перепелъ, да возница-еврей, привезшій Іакова-Іосифа, набожно вздыхалъ иногда.

— А что же хлопы съ ихъ (да будутъ они прокляты) ножами?—прервалъ молчаніе Исаакъ.

Раввинъ какъ бы очнулся отъ задумчивости и взглянулъ на вопрошающаго. Глаза его горѣли вдохновеніемъ.

— Хлопы и ихъ ножи?—спросилъ опъ.—Такъ слушайте, имѣющіе уши. Это мнѣ разсказалъ передъ смертью мой великій учитель, блаженной памяти Бештъ, да будетъ благословенна эта память вовѣки! То, что онъ разсказалъ мнѣ, не записано въ нашихъ священныхъ книгахъ, но записано въ сердцахъ только достойныхъ потомковъ вождя народа израильскаго.

. . . . . ,

— Вспомните, что мы, избранный народъ, всегда были народомъ гонимымъ; но, помните, мы никогда не были рабами; духъ нашъ, духъ израильскаго народа никогда не былъ порабощенъ. Никогда никѣмъ! Помните это! Фараоны, возложивъ на насъ тяжкія работы, поработивъ надолго наше тѣло, никогда не были въ силахъ поработить нашъ духъ. Насъ не поработили ни богатства ихъ, ни боги—боги, всегда порабощающіе менѣе сильныхъ духомъ. Духомъ мы оказались сильнѣе фараоновъ и ихъ боговъ. Ведомые своимъ духомъ, своимъ Богомъ, мы покинули землю египетскую, а тѣ сильные, которые нѣсколько столѣтій питались нашимъ тѣломъ, а потомъ вздумали остановить насъ, поработить нашъ духъ,—погибли въ пучинѣ моря. Потомъ насъ плѣнили халдеи, всемогущіе властители Вавилона, и поселили насъ на рѣкахъ своихъ; но и они не поработили нашего духа; мы только плакали на рѣкахъ вавилонскихъ, но не играли на гусляхъ и не пѣли, какъ они намъ повелѣвали; мы разсѣкли надвое наши руки, чтобы не играть на гусляхъ нашихъ и не пѣть въ странѣ плѣненія. Мы возвратились изъ страны изгнанія непорабощенными. Мы побѣдили своихъ побѣдителей: они исчезли съ лица земли, мы остались. Скоро новая, болѣе страшная туча нависла надъ нашею страной. Надъ Іудеею разразились громы съ высотъ Капитолія, изъ рукъ Юпитера капитолійскаго. На стѣнахъ нашего священнаго

города появились золотые орлы римскихъ легіоновъ. Римскіе орлы клевали наше тѣло; но духъ іудея они не могли заклевать. Гдѣ же теперь этотъ древній Римъ?.. Мы одни уцѣлѣли, хотя и разсѣялись по лицу земли, унося съ собою нашъ духъ, нашего Бога...

— Проходили годы, столѣтія... Насъ, разнесенныхъ вихремъ временъ по лицу земли, какъ вѣтеръ осени разноситъ опавшіе листья, насъ стали вездѣ преслѣдовать. Насъ, какъ прокаженныхъ, запирали въ отдѣльныхъ кварталахъ въ ихъ городахъ, насъ травили собаками, насъ лишали всяческихъ правъ, божескихъ и человѣческихъ; наше имя сдѣлали поношеніемъ между людьми; насъ жгли на кострахъ... Но мы уцѣлѣли; мы прошли невредимыми черезъ костры инквизиціи, какъ раньше того прошли черезъ Чермное море и черезъ безводную пустыню. Нашъ духъ и тамъ остался непорабощеннымъ. Насъ изгнали отовсюду...

Онъ остановился и какимъ-то яснымъ, умиленнымъ взоромъ обвелъ вокругъ себя.

— О, милыя, родныя поля! Родныя для народа, потерявшаго родину!—восторженно, съ плачемъ въ голосѣ воскликнулъ онъ.—Солнце, пригрѣвшее насъ сирыхъ, изгнанныхъ отовсюду!

Онъ молитвенно поднялъ глаза и руки къ небу.

— Великодушная страна, пріютившая изгнанниковъ!

Тяжело дыша, онъ протянулъ Когену руку, и ясная, какая-то младенческая улыбка отразилась на всемъ его лицѣ и въ особенности въ глазахъ.

— Да, братъ, намъ не привыкать къ гоненіямъ,—сказалъ онъ, — пережили худшія, переживемъ и это. Прежде противъ насъ шли цари и полководцы, и то мы устояли; а теперь — только хлопы. А придетъ время, и хлопы поумнѣютъ. Ну, а какъ здоровье доброй Ліп?

— Спасибо, дорогой братъ, — отвѣчалъ Исаакъ,—но все не то, что было: лѣта берутъ свое.

— А хорошенькая Рахиль не дождалась еще жениха?

— Ну, она еще молода, пусть попрыгаетъ.

— А востроглазая Сарка?

— Это настоящій козленокъ, все собирается въ Іерусалимъ, а дальше Немирова не была.

— А Самсонъ, Моше?

— Молодны, все дѣловой народъ... А вотъ мы заслушались тебя и угостить забыли. Подавай-ка, Ефраимъ, сюда всю нашу страву.

Энтузіаста-раввина стали угощать «бурсаками» и жареной курицей. Старый Когенъ нѣсколько повеселѣлъ.

— Ну, съ этой сволочью, съ хлопами, и конфедераты справятся, — замѣтилъ старый Когенъ.

— А надворные казаки? У насъ ихъ достаточно,—добавилъ Ефраимъ.—Одинъ Гонта чего стоитъ! Онъ отлично умѣетъ сажать на колъ гайдамаковъ: вонъ у насъ въ Умани и теперь одинъ изъ нихъ куритъ трубку на колу.

— Какъ куритъ трубку на колу?—удивился раввинъ.

— Дѣйствительно,—пояснилъ Исаакъ,—сидя на колу, этотъ злодѣй самъ закурилъ трубку и до самой ночи былъ живъ на этомъ колу.

— О, Господи!—всплеснулъ руками раввинъ.—Что за народъ! И отчего Всеблагому не направить этотъ народъ на доброе! Но я вѣрю, что придетъ и это время, хотя не скоро: часто тьма упорнѣе свѣта, и зло нерѣдко царствуетъ надъ добромъ.

Когда немного спалъ жаръ, наши путешественники всѣ вмѣстѣ направились къ Умани.

VI. Подъ Грековымъ лѣсомъ.

Въ Умани между тѣмъ случилось нѣчто, сначала не обратившее на себя ничьего вниманія, но впослѣдствіи разрѣшившееся роковыми событіями.

День былъ воскресный. Хорошенькая Рахиль, старшая дочь Исаака Когена, которая собиралась наканунѣ, въ субботу, итти съ своей пріятельницей Миріамъ къ Грекову лѣсу гулять и собирать ранніе полевые цвѣты, не успѣла этого сдѣлать въ свое время, потому что, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ прочими обитателями Умани ходила смотрѣть на казнь гайдамаковъ, и отложила эту прогулку на другой день. Она рѣшилась на это тѣмъ охотнѣе, что дома у нихъ, съ неожиданнымъ пріѣздомъ ея брата Ефраима, почему-то стало особенно скучно и однообразно. Всѣ были чѣмъ-то озабочены, иногда многозначительно переглядывались между собой, но ни ей, Рахили, ни младшей ея сестренкѣ Сарѣ ничего не говорили. Мало того, и отецъ, и Еф-

раимъ, на другой день, рано утромъ, уѣхали въ Полонное къ дядѣ ея, раввину Іакову-Іосифу. Мать, старая Лія, почему-то все охала, вздыхала и молилась. Повидимому, что-то случилось или должно было случиться, и притомъ что-то нехорошее. Вѣроятно, Ефраимъ привезъ какія-нибудь дурныя вѣсти: или какой нибудь должникъ не уплатилъ денегъ, или же умеръ, а послѣ него ничего не осталось. Но подобныя семейныя огорченія юная еврейка не особенно принимала къ сердцу: жизнь еще не научила ее цѣнить то, что цѣнили старшіе, и потому она довольно равнодушно относилась къ накопленію ея родителями богатствъ.

— Все деньги да деньги на умѣ, — думала она, — какъ имъ это не надоѣстъ! Вѣдь и такъ у отца много денегъ, мы въ Уманп, пожалуй, богаче всѣхъ евреевъ... Нѣтъ, лучше идти за цвѣтами въ Грековъ лѣсъ: возьму свою Миру да Сарку — и отправимся... Ахъ, счастливыя украинскія дѣвушки, эти «дивчата»: имъ можно и гулять хоть цѣлыя ночи напролетъ, и пѣть, сколько голосу хватитъ, и танцовать съ парубками. А мы, бѣдныя еврейскія дѣвушки, должны сидѣть дома и ждать, когда присватается какой-нибудь... «парубокъ!» «парубокъ»-еврей! смѣшно даже сказать: у насъ и парубковъ нѣтъ, а все какіе-то длиннополые раввины, вродѣ нашего Самсона... Только и рѣчи, что про Тору да про Талмудъ... Скучно! Мнѣ хочется прыгать, смѣяться, а онъ про Тору! Да итти намъ нельзя одинъмъ дѣвушкамъ... Какая скука быть еврейской дѣвушкой! Надо хоть Моше пригласить съ собой.

И Рахиль пошла отыскивать брата. На дворѣ она увидѣла Сару, которая продѣлывала разныя штуки съ Голіаѳомъ. Громадный, добродушный песъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, а на носу у него лежалъ кусочекъ хлѣба. Собака сидѣла не шевелясь, боясь уронить драгоцѣнный кусокъ. Глаза ея заискивающе смотрѣли на плутоватое личико Сары.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро! — говорила юная шалунья и остановилась на минуту.

Голіаѳъ терпѣливо ждалъ, боясь даже хвостомъ шевельнуть.

— Есть!—вдругъ сказала Сара, и добродушный песъ, тряхнувъ головой, такъ что кусочекъ хлѣба свалился съ его носа, ловко подхватилъ его налету и мгновенно проглотилъ, радостно облизываясь и ожидая новой подачки.

Сара положила ему на носъ другой кусочекъ и погрозила пальцемъ.

— Смирно сидѣть!

Песъ не шевелился, весь превратившись въ ожиданіе и въ слухъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, живете, зѣло, земля, иже, и, како, люди, — продолжала свой алфавитъ веселая плутовка, нарочно пропустивъ букву «есть», а глупый Голіаѳъ все ждалъ именно этой буквы, чтобъ схватить щекотившій его собачье обоняніе лакомый кусочекъ.

— Мыслете, нашъ, онъ, покой, рцы, слово, твердо,—продолжала шалунья.

— Сарка! Ты что его мучишь? — закричала ей Рахиль.

— Я не мучу, я учу его азбукѣ, — отозвалась шалунья.— Ну, слушай, Голіаѳъ, да смотри! не пропусти главнаго: азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть!

Голіаѳъ мотнулъ головой, и кусочекъ хлѣба опять очутился въ его искусной пасти. Песъ такъ обрадовался, что на этотъ разъ не пропустилъ главнаго т. е. слова «есть», что заметался, запрыгалъ и облапилъ свою шалунью-учительницу.

— Ой, ой! Пошелъ, Голіаѳъ, ты меня повалишь!—отбивалась отъ ласкъ собаки шалунья.

— Перестань, Сарка! — подошла къ ней Рахиль.—Гдѣ Моше?

— Онъ въ лавкѣ,—отвѣчала Сара, отбиваясь отъ собаки.

— А мама?

— И мама въ лавкѣ.

— Все въ лавкѣ да въ лавкѣ! Знаешь, Сарочка, пойдемъ, отпросимъ его у мамы и пойдемъ въ Грековъ лѣсъ цвѣты рвать.

— Ахъ, какъ весело!—захлопала въ ладоши Сара.—Вотъ такъ умница, Рахилечка! Непремѣнно пойдемъ

— И Миру возьмемъ съ собой.

— И Миру, и Голіаѳа! Голіаѳъ! Пойдемъ съ нами гулять въ Грековъ лѣсъ, будемъ цвѣты рвать, на травѣ валяться, а ты себѣ зайчика поймаешь, — болтала Сара.

Сестры отправились къ лавкѣ, которая находилась тутъ же при домѣ, но въ особой пристройкѣ, и выходила на улицу. Го-

ліаоъ, довольный успѣхами въ изученіи азбуки, весело слѣдовалъ за ними.

Старая Лія сидѣла за прилавкомъ и вязала шерстяной шарфъ для мужа. Моше же у входныхъ дверей читалъ какую-то еврейскую книжку.

— Мама, отпусти съ нами Моше,—сказала Рахиль, входя въ лавку.

— Куда это вы собрались? — спросила Лія, не отрываясь отъ работы.

— Въ Грековъ лѣсъ, мама, за цвѣтами.

— А я тебѣ, мама, грибовъ соберу,—съ своей стороны добавила Сара.

— Мухоморовъ,—улыбнулась Лія,—ты ужъ разъ чуть не угостила меня мухоморами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я теперь знаю, — оправдывалась Сара.

— Мнѣ надо прогуляться, мама, а то у меня что-то голова болитъ,—добавила Рахиль.—Мы и Миру возьмемъ съ собой.

— И Голіаоа, — пояснила Сара.

Старая Лія очень любила своихъ «дѣвочекъ», и потому намекъ Рахили на головную боль сразу покорилъ сердце матери.

— Только не оставайтесь тамъ до вечера,—предупредила она,—а то коровы будутъ итти съ поля, какъ бы не забодала какая шальная, да и хлопы могутъ обидѣть.

— А Голіаоъ на что?—храбро возразила Сара.—Онъ задастъ этимъ разбойникамъ-филистимлянамъ.

— А вотъ и Мира!—радостно сказала Рахиль. — Легка на поминѣ.

Къ лавкѣ подошла высокая, стройная дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Волосы ея были нѣжно-золотистаго цвѣта, и цвѣтъ лица, матово-блѣдный, особенно бросался въ глаза тѣмъ, что у пришедшей были черныя брови и прекрасные черные глаза съ густыми и черными рѣсницами.

При видѣ ея, точно свѣтъ какой отразился на спокойномъ дотолѣ лицѣ молодого еврея. Моше всталъ и отошелъ въ тѣнь, но глаза его выразили не то радость, не то тревогу.

— Мира, — сказала Рахиль; — мы сейчасъ идемъ въ Грековъ лѣсъ. — Ты съ нами?

— А кто идетъ?—спросила Миріамъ, скользнувъ взоромъ по лицу Моше.

— Я, Сара и Моше,—отвѣчала Рахиль.

— И Голіаѳъ съ нами,—добавила Сара, — ужъ онъ всю азбуку выучилъ.

— Хорошо, я очень рада,—согласилась Миріамъ,—только я сбѣгаю домой, скажу мамѣ, что иду съ вами.

Сара запрыгала отъ радости, а за ней Голіаѳъ сталъ носиться какъ бѣшеный. Миріамъ ушла.

Въ это время отъ того мѣста, гдѣ находилась «гѣльда»-ратуша и городская площадь, послышалось воронье карканье, и цѣлая стая птицъ съ крикомъ закружилась въ воздухѣ. Старая Лія съ испугомъ поглядѣла туда.

— О, Господи—вздохнула она. — Помилуй насъ.

— Что это, Моше?—спросила Сара.

— Эти птицы, должно быть, клевали тѣло гайдамака на колу, а ихъ, вѣроятно, кто-нибудь спугнулъ,—отвѣчалъ молодой еврей. — Разбойникъ только вчера къ вечеру издохъ.

— Это ужасно!—вздрогнула Рахиль.—Я никогда больше не пойду смотрѣть на такія страсти.

— А какъ онъ вырубалъ огонь своимъ кресаломъ, брръ!—сказала Сара.—А теперь, вѣрно, и трубка его вывалилась изо рта.

— Ахъ, Сарочка, не говори такого страшнаго,—остановила ее мать.

— Вонъ опять опускаются вороны, — указала пальцемъ Сара.

— Да перестань ты, глупая! — останавливала ее мать.

— Что-жъ, мама, кости ужъ не страшны,—оправдывалась Сара.—И отчего это мертвое тѣло страшно?—продолжала она разсуждать.—Вонъ въ мясной лавкѣ тоже мертвое тѣло овцы или коровы, а мнѣ не страшно на нихъ глядѣть: отчего же мертвый человѣкъ такой страшный?

— Оттого, что ты глупая дѣвчонка,—отрѣзалъ Моше.

— Ну, самъ-то умный!

Скоро явилась и Миріамъ, и маленькое общество двинулось въ путь.

— Смотрите же, дѣти, не запаздывайте,—наказывала имъ старая Лія, — вонъ ужъ солнышко не очень высоко.

Молодая компанія отправилась по звенигородской дорогѣ. Впереди бѣжалъ Голіаѳъ, гоняясь за вылетавшими изъ травы овсянками да золотистыми синичками и неистово лая на нихъ.

— А вонъ и сорокопудецъ кричитъ на деревѣ,—указала Сара на одно дерево, — должно быть, у него тамъ гнѣздо. А знаешь, Мира, почему этихъ рябенькихъ птичекъ зовутъ сорокопудами?—спросила она Миріамъ.

— Да, вѣроятно, потому, что въ нихъ по сорока пудъ вѣсу,—улыбнулась Миріамъ.

— А откуда ты это узнала?—удивилась Сара.

— Да такъ: не даромъ же ихъ называютъ сорокопудами.

— Э! Значитъ, ты не знаешь: а я знаю,—торжествовала Сара.—Хочешь, я разскажу тебѣ?

— Ну-ну, разскажи.

— А вотъ слушай. Когда Богъ сотворилъ міръ, птицъ, звѣрей, деревья и человѣка, Адама и Еву, одна маленькая рябенькая птичка и сѣла на вершину, на самую тоненькую вершинку, одного высокаго дерева; вершинка и согнулась подъ этою птичкой. А другія птицы, большія, сидѣли ниже, на толстыхъ вѣткахъ, которыя не гнулись. Ева какъ увидѣла, что подъ маленькой птичкой согнулась вершина высокаго дерева, и говоритъ Адаму: «смотри, должно быть въ той маленькой птичкѣ пудовъ сорокъ будетъ: вонъ большія птицы ни одна не погнула дерева, а только подъ этою рябенькой птичкой согнулось такое высокое дерево! Съ тѣхъ поръ ее и назвали сорокопудикомъ.

Всѣ засмѣялись надъ такимъ филологическимъ объясненіемъ.

— Откуда же ты это узнала, милая Сарочка?—спросила Миріамъ, желая замять ссору брата и сестры.

— Это мнѣ разсказалъ нашъ бывшій наймитъ Хома,—отвѣчала Сара.—Онъ мнѣ много хорошаго разсказывалъ, очень много! Жаль только, что онъ теперь не у насъ ужъ: его совсѣмъ разсчитали.

— За что?—спросила Миріамъ.—Развѣ онъ былъ нехорошій?

— Нѣтъ, онъ былъ очень хорошій, только онъ почему-то не могъ у насъ остаться.

Ни Сара, ни Рахиль не знали, что ихъ общій любимецъ, веселый и добродушный наймитъ Хома, пошелъ въ гайдамаки:

отъ нихъ это скрыли старшіе, чтобы заранѣе не пугать дѣвушекъ и чтобы тревожныя вѣсти о гайдамакахъ не распространились по городу. Моше зналъ все, но молчалъ, такъ велѣли старшіе.

— Вонъ опять кричитъ сорокопудикъ, — остановилась подъ другимъ деревомъ Сара.

— Такъ развѣ Ева и Адамъ говорили по-хохлацки?—спросилъ ее Моше, желая подразнить.

— Зачѣмъ по-хохлацки?—удивилась Сара.

— А какъ же? Сорокопудъ—это хохлацкое слово, хлопское. А знаешь, какъ его зовутъ по-нѣмецки?—спросилъ Моше.

— Не знаю. А какъ?

— Гайдамакъ,—улыбнулся Моше.

— Ну вотъ! смѣйся! Точно я дурочка. Такого слова вовсе нѣтъ по-нѣмецки.

— Право же, Сарочка,—настаивалъ братъ.—Эта птичка по-нѣмецки называется Neuntödter, девятіубійца, вотъ какъ страшно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Право же такъ; и еще называютъ его Würger, тоже значитъ убійца, разбойникъ.

— Вотъ странно,—замѣтила Миріамъ,—такая маленькая птичка, и такое у нея страшное имя.

— Да эта птичка вѣдь ужасно злая; вообразите, иволга тоже зла: она бьетъ и оттоняетъ отъ своего гнѣзда большихъ птицъ, сорокъ, воронъ, даже хищныхъ кобчиковъ и ястребовъ, а сорокопудикъ и иволгу побиваетъ, хоть почти вдвое меньше ея, и бьетъ даже ястреба, который передъ сорокопудикомъ великанъ. Вотъ почему онъ гайдамакъ.

Рахиль, между тѣмъ, усердно рвала цвѣты.

— Ахъ, какіе лиѣники, какіе колокольчики! — восторгалась она.

Миріамъ побѣжала къ ней и также стала рвать цвѣты.

Они были уже въ лѣсу, у опушки Грекова лѣса. Все кругомъ пестрѣло цвѣтами. Зелень была чудная, еще непожженная солнцемъ, непримятая никѣмъ. Надъ нею цѣлыми роями жужжали пчелы, носились бабочки.

Южная весна была въ полномъ развитіи. Все цвѣло и благоухало. И кто бы могъ предвидѣть, что не далѣе какъ черезъ мѣ-

сяцъ или недѣль черезъ пять эта зелень вся будетъ залита кровью, завалена трупами, потоптана окровавленными конскими копытами!.. Кто могъ теперь думать, что именно это мѣсто будетъ ареною страшныхъ злодѣяній, что весь этотъ лѣсъ и это поле въ теченіе нѣсколькихъ дней будутъ оглашаться криками безпощадно убиваемыхъ, стонами умирающихъ, проклятіями убійцъ!

Вдругъ невдалекѣ послышался отчаянный дѣтскій крикъ.

— Что это? Кто кричитъ?—испуганно переглянулись дѣвушки.

Крикъ повторился еще съ большей силой. Голіаѳъ стремительно, съ лаемъ, бросился къ тому мѣсту, откуда неслись крики. Моше побѣжалъ за нимъ.

— Моше! Моше! Оо! Не уходи отъ насъ!—кричали дѣвушки.

VII. Слѣпой нобзарь.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался голосъ молодого еврея.

— Не бойтесь! Идите сюда, это «старци», слѣпой нищій и мальчикъ-мѣхопоша.

Голіаѳъ продолжалъ лаять, не смотря на то, что Моше останавливалъ его.

— Идите же! Имъ надо помочь!—кричалъ молодой еврей.

Первая пошла на зовъ, хотя робко, Миріамъ. За нею послѣдовали Рахиль и Сара.

Вскорѣ подлѣ одного широколиственнаго осокоря онѣ увидѣли слѣпого нищаго съ бандурой, какіе ходятъ по ярмаркамъ и базарамъ и поютъ духовные стихи или невольницкія думы, а около него, на травѣ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати и громко плакалъ, по временамъ повышая голосъ: ой-о-ой! ой-о-ой!—Около мальчика сидѣлъ Моше и разсматривалъ его ногу.

— Что такое случилось? — спросила Рахиль, осторожно приближаясь.

— Охъ, панночка ласкава,—проговорилъ смиренно слѣпецъ, черезъ плечо котораго крестообразно перевѣшены были сумки

для подаяній, а въ рукѣ былъ длинный посохъ-«костуръ».— Хлопчика моего гадюка укусила.

Всѣ подошли ближе.

— Почему жъ ты знаешь, что его гадюка укусила?—спросила Рахиль.

— Ахъ, папночка ласкава, хлопчикъ видѣлъ, какъ она уползла потомъ подъ корни осокоря,—отвѣчалъ нищій.

Мальчикъ, между тѣмъ, продолжалъ стонать и плакать. Моше возился около него.

— Подожди, дурачекъ, не кричи: я помогу тебѣ, вылечу.

И молодой еврей достанъ изъ кармана перочинный ножичекъ. Но едва онъ раскрылъ его, какъ мальчикъ завозился и закричалъ.

— Ой-ой! Я боюсь! Винъ ризать хоче...

— Держи его,—сказалъ Моше Рахили,—я сдѣлаю ему то же, что сдѣлалъ мнѣ тогда Хома, когда меня укусила въ руку гадюка въ степи.

Рахиль и Міріамъ стали держать плачущаго мальчика, а Моше, нѣсколько разрѣзавъ ножомъ укушенное гадюкою мѣсто, припалъ къ нему ртомъ и сталъ высасывать изъ него змѣиный ядъ и кровь. Онъ нѣсколько разъ высасывалъ и выплевывалъ. Голіаѳъ, хотя злобно косился на слѣпца и иногда рычалъ, однако, былъ заинтересованъ операціей и съ недоумѣніемъ посматривалъ то на плачущаго мальчика, то на своего господина: зачѣмъ же онъ его кусаетъ, точно нашъ братъ, собака? Я бы-де не такъ тяпнулъ этого оборвыша.

А слѣпецъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ и вздыхалъ:—«О, Господи! Господи!».

Наконецъ, Моше кончилъ операцію и перевязалъ раненую ногу платкомъ. Мальчикъ нѣсколько успокоился и глядѣлъ на всѣхъ удивленными глазами.

— А ну, встань,—сказалъ ему Моше.

Тотъ повиновался, но едва вступилъ на больную ногу, какъ опять закричалъ и упалъ на траву.

— Ой, болитъ, болитъ! Ой, мама, мама!—плакалъ мѣхоноша.

— Господи! Мати Божа! Что жъ я, невидющій, буду дѣлать?—сокрушался слѣпецъ.—Помирать придется тутъ.

— А куда вы идете?—спросилъ Моше.

— Въ Умань, паночку ласкавый.

— Такъ мы доведемъ.

— А хлопчика? Оно, мабуть, итти не можетъ.

— Такъ я его донесу.

— О, паночку, паночку! Какіе жъ вы добрые!—умилялся слѣпецъ.—Я вѣчно за васъ буду Бога молить.

— А за хлопчика ты не безпокойся, — успокоивалъ его Моше, — моя матушка отлично умѣетъ лѣчить отъ гадючаго укуса; она и меня вылѣчила.

Между тѣмъ, солнце уже значительно склонилось къ закату. Пора была и въ городъ возвращаться.

— Ну, дѣти, часъ до хаты,—сказалъ Моше сестрамъ и Міріамъ.—И цвѣтовъ нарвали да и хлопчика нашли: это будетъ мой цвѣтокъ. Ну, хлопче, давай я тебя понесу, какъ ляльку.

И онъ бережно поднялъ своего паціента.

— Держись руками за шею, крѣпче.

Мальчуганъ повиновался, стараясь не плакать.

— Вотъ собачьему сыну счастье! — качалъ головою слѣпецъ.—Паны его на ручкахъ носятъ... А, подумаешь, до чего мы, старцы, дожили—у пановъ на рукахъ.

Слова эти однако, сопровождались такою значительною улыбкой, что если бъ кто поймалъ ее, то очень очень задумался бы надъ ея значеніемъ. Самъ онъ, хотя и прикрытый лохмотьями и обвѣшанный нищенскими торбинками, казался далеко не старымъ и, на первый взглядъ, довольно бодрымъ, а длинные съ рѣзкой просѣдью усы придавали ему мужественное выраженіе.

— А ты, дѣдъ, держись за мое плечо,—сказалъ Моше: — вотъ я и буду твоимъ поводатыремъ.

— О, Господи До чего оно дошло,—умилялся слѣпецъ:— паны у старцевъ поводатырями стали.

Они направились къ городу. Впереди шли дѣвушки, а за ними остальная группа въ сопровожденіи Голіаѳа, который уже не гонялся за птичками, а шелъ солидно, держась поближе къ Моше и недовѣрчиво иногда косясь на слѣпца.

— А откуда вы идете?—спросилъ Моше.

— Изъ-за Тыкича, паночку,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— Изъ Звенигородки?

— Нѣтъ, поближе тутъ, съ одного хуторка.

— А что слышно тамъ у васъ?

— Про что, паночку?

— Про гайдамаковъ ничего не слыхать?

— Э! Да гдѣ тамъ, паночку, гайдамаки! Недавно вашъ панъ Гонта такого имъ прочухана задалъ, такого чосу, что не скоро опомнятся, вражьи дѣти.

— Да, правда,—подтвердилъ Моше,—одного изъ нихъ у насъ въ субботу на колъ посадили.

— Посадили-таки? — спросилъ слѣпецъ какимъ то страннымъ голосомъ.

— Посадили.

— А кого, паночку? Какъ звали его?

— Чудно такъ: Розбій-Глекъ.

— Розбій-Глекъ?—Слѣпецъ чуть замѣтно дрогнулъ.—Ну, и какъ же посадили его на колъ?

— Самъ сѣлъ.

— Самъ! Ахъ, Господи!

— Да еще и трубку на колу закурилъ.

— Молодецъ, Харько, молодецъ!—точно противъ воли вырвалось у слѣпца.

— А ты его развѣ зналъ?—удивился Моше.

— Нѣтъ, паночку,—спохватился слѣпецъ,—слыхалъ, люди говорили.. Страшный былъ розбишака...

Оба помолчали. Моше чувствовалъ, что лежавшая на его плечѣ рука слѣпца дрожала.

— А что, паночку,—снова заговорилъ послѣдній,—только одного этого гайдамаку поймали?

— Нѣтъ, пятерыхъ.

— Пятерыхъ... А что же съ остальными сдѣлали? Повѣсили?

— Нѣтъ, ихъ выбрали себѣ въ мужья уманскія дѣвчаты.

— И они согласились?

— Еще бы не согласиться! Висѣлица, колъ, или брачная постель: есть изъ чего выбирать.

— А Розбій-Глека развѣ ни одна дивчина не выбрала?

— Выбрала одна, да онъ самъ не захотѣлъ.

Снова помолчали. Вотъ сейчасъ и городъ.

— Може, паночку, вы утомились?—заговорилъ опять нищій слѣпецъ.—Дайте я понесу хлопьятко: у меня руки здоровыя, только очи Богъ отнялъ.

— Я не усталъ,—отвѣчалъ молодой еврей.

— Ну, какъ не устать, паночку! Дайте я понесу, а то соромъ будетъ по городу итти: панъ несетъ на рукахъ хлопца, собачьяго сына. жебрака,—настаивалъ слѣпецъ.

Моше, наконецъ, уступилъ. Но когда онъ передалъ мальчика на руки слѣпцу, случилось нѣчто неожиданное.

Голіаѳъ, остановившійся вмѣстѣ съ прочими, почему-то взглянулъ въ лицо слѣпцу и съ страшной злобой бросился на него, уцѣпившись зубами въ лохмотья нищаго. Умная собака, чутьемъ подозрѣвавшая что-то неладное въ поведеніи слѣпца, теперь увидѣла, что мнимый слѣпецъ вовсе не слѣпой: Голіаѳъ поймалъ обманъ въ осмысленномъ, лукавомъ взорѣ, который бросилъ на собаку, вѣроятно, ошибкой, въ минутной забывчивости, мнимый слѣпецъ, принимая изъ рукъ Моше къ себѣ на руки своего поводатыря. Этотъ моментъ уловила умная собака и съ яростью бросилась на обманщика. Слѣпецъ догадался, что нечаянно выдалъ себя; но онъ сразу сообразилъ, что собака не выдастъ его, она не умѣетъ говорить. Съ трудомъ могли оттащить Голіаѳа отъ его жертвы. Но истиннаго смысла сцены никто не могъ понять:—тайна слѣпца осталась тайной, только не для Голіаѳа...

Сильною рукою слѣпецъ взялъ мальчика, словно перышко, и загадочно улыбнулся.

— Ишь, бражій песъ!—сказалъ онъ.—Думаетъ, что я отнималъ у васъ хлопьятко силой, ну, и накинулся на меня, какъ на злодія.

Они продолжали путь тѣмъ же порядкомъ и вошли въ городъ, когда уже стемнѣло.

— Какъ же намъ быть теперь съ хлопчикомъ?—снова заговорилъ слѣпецъ.—И кто меня доведетъ до Игната?

— До какого Игната?—спросилъ молодой Когенъ.

— До Игната Богатаго, онъ меня знаетъ и пуститъ къ себѣ на ночь,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— А! Да Игната Богатаго всѣ въ городѣ знаютъ,—сказалъ Моше,—онъ у насъ давно войтомъ.

— Вотъ къ нему-то мнѣ и надо бы.

— Ну, до войта и я доведу тебя, онъ не далеко отъ насъ.

— Спасибо, паночку ласкавый. А какъ же съ хлопчикомъ-то?

— Хлопчикъ у насъ переночуетъ: матушка полѣчитъ его.

— А за это пускай дѣдушка споетъ намъ свои думы,—неожиданно вмѣшалась въ разговоръ Сара,—мама очень любитъ «невольницкій плачъ», да и мы всѣ любимъ.

— Добро, добро, милая паняночка,—улыбнулся слѣпецъ.— По голосочку слышу, хоть и не вижу, что оно, дивча-паняночка, еще совсѣмъ молоденькое.

— Ну! Ужъ мнѣ тринадцатый годъ! — протестовала юная дѣвица.

— Охъ, лишечко! Ужъ тринадцатый! — разсмѣялся слѣпецъ.—Почти совсѣмъ большая панночка.

Скоро всѣ очутились около лавки Когеновъ. Старая Лія сидѣла на крылечкѣ, а около нея нѣсколько сосѣдокъ съ дѣтьми: день былъ воскресный, и всѣ наслаждались теплымъ весеннимъ вечеромъ.

Увидѣвъ приближающихся дѣтей, а съ ними слѣпого нищаго съ ребенкомъ на рукахъ, Лія сначала даже испугалась, не случилось ли чего съ ея «дѣвочками». Но Сара весело подбѣжала къ ней.

— Ахъ, мама! — защебетала она. — Онъ (она указала на слѣпца) обѣщалъ намъ спѣть «невольницкій плачъ».

— Да гдѣ вы его взяли?—удивилась старая Лія.—А что съ его хлопчикомъ?

— Его гадюка укусила въ ногу, а Моше немножко помогъ ему и обѣщалъ, что ты вылѣчишь хлопчика, и дѣдушка споетъ намъ казацкія думы.

Слѣпецъ низко поклонился и опустилъ своего мѣхоношу на землю, у крыльца.

— Будьте здоровы, люди добрые!—сказалъ онъ.—Съ праздничкомъ, съ святою недѣлею.

— Дай и вамъ, Боже, щобъ усе було гоже,—отвѣчали бабы-сосѣдки.

Лія была очень сердобольная женщина, и тотчасъ же, по просьбѣ дѣтей, которыхъ она обожала, приняла сердечное участіе въ укушенномъ мальчикѣ. Она велѣла Рахили принести изъ кухни теплой воды, съ помощью кухарки тутъ же, на крыльцѣ, при свѣтѣ огарка, обмыла раненую ногу, достала въ лавкѣ какую-то цѣлебную мазь, лекарственныя свойства ко-

торой извѣстны были ей одной, намазала на чистую тряпочку, приложила къ ранѣ и тщательно забинтовала ногу.

— Завтра же, хлопчику, ты и ходить будешь,—сказала она.—А есть у тебя мать?

— Нѣтъ, пани ласкава, онъ круглый сиротка,—отвѣчалъ за мальчика слѣпецъ.

— Онъ, мама, у насъ ночуетъ,—вмѣшалась Сара,—а дѣдушку Моше отведетъ къ войту.

— Хорошо, дѣточки, хорошо,—согласилась добрая Лія.

— А теперь дѣдушка пускай споетъ намъ «невольницкій плачъ»,—не унималась юная любительница казацкихъ думъ.

— Добро, добро, хорошая панночка, спою, — улыбнулся слѣпецъ:—только не мѣшало бы горло промочить.

— Чѣмъ?—наивно спросила Сара.

— Чѣмъ, панночка ласкава? Да водицею изъ той криницы, что стоитъ у васъ въ пляшкѣ на полици.

— А! Водкою,—догадалась Сара.—Принести, мама?

— Принеси, принеси, дѣточка.

Сара моментально скрылась въ лавкѣ, и черезъ минуту водка была принесена. Юная «панночка» сама налила довольно объемистый стаканъ и сама подала слѣпцу. Тотъ выпилъ и крякнулъ.

— У! Да и добра же оковита, отъ добра! Ну, теперь я и заплачу съ моею бандурою.

VIII. Невольницкій плачъ.

Слѣпецъ досталъ свою бандуру, которая висѣла у него за плечами вмѣстѣ съ нищенскими «торбинками», опустился на землю, поджавъ ноги по-турецки, и сталъ настраивать свой нехитрый инструментъ. То онъ натягивалъ колышки со струнами, то опускалъ, перебирая пальцами по струнамъ и прислушиваясь къ ихъ меланхолическому «ладу».

Всѣ обступили его. Даже Голіаѳъ, сидя на заднихъ ногахъ и откинувъ въ сторону косматый хвостъ съ впившимися въ него репьями, не сводилъ глазъ съ бандуры, точно изъ нея долженъ былъ выскочить заяцъ.

Бандура налажена. Пальцы слѣпого артиста осторожно стали перебирать струны, тогда какъ пальцы другой руки то при-

жимали, то отпускали «лады», едва замѣтно скользя по нимъ. Выходила грустная-грустная мелодія, дававшая чувствовать, что гдѣ-то въ душѣ уже накипаютъ невыплаканныя слезы.

Послышался глубокій вздохъ, вздохъ наболѣвшаго сердца Но это былъ не вздохъ, а предголосокъ, похожій на тихій стонъ... За стономъ послышались слова, тихія, словно шопотъ молитвы: пѣлось о томъ, какъ на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, въ полону турецкомъ, на турецкой галерѣ, бѣдные невольники въ три ряда посажены, да по два и по-трое другъ къ дружкѣ прикованы, а руки имъ сыромятными ремнями за спинами скручены...

Глухая бандура слѣпца говорила все внятнѣе и жалостливѣе, а тихій шопотъ молитвы все болѣе и болѣе переходилъ въ сдержанный плачъ, въ задушаемое рыданіе. Слышалось, какъ въ груди пѣвца все болѣе и болѣе накипали слезы, вотъ-вотъ онѣ выльются со стономъ, съ задавленной болью...

Кругомъ все замерло въ глубокомъ молчаніи. Всѣ, казалось, ждали взрыва этихъ стоновъ, этихъ задушаемыхъ рыданій...

Но голосъ пѣвца смолкъ, оборвался, и только струны подъ бѣглыми пальцами продолжали плакать, какъ бы готовясь къ взрыву, къ крику истерзанной души.

Всѣ ждутъ продолженія, словъ, новыхъ жалобъ; но пѣвецъ молчитъ—слезы, казалось, сдавили ему горло. А живыя струны все плачутъ, тихо, безмолвно плачутъ.

И вдругъ странный слѣпецъ вскидываетъ голову, пальцы быстрѣе заходили по струнамъ, бандура глухо застонала, и вмѣстѣ съ этимъ стономъ застонали слова «невольницкаго плача»: въ этомъ плачѣ пѣлось, какъ въ Свѣтлое воскресенье не сизые орлы заклекотали, а бѣдные безсчастные невольники въ тяжкой неволѣ рыдали, на колѣни упадали, кандалами «брязчали»—Господа милосерднаго просили-благали...

— Мати Боже!—раздался чей-то сдержанный стонъ.

Всѣ оглянулись... Въ сторонѣ стояла дѣвушка и ломала руки.

— Бѣдная Катря! Это она убивается объ своемъ женихѣ,—тихо сказала одна сидѣвшая тутъ женщина,—ея жениха Карпа прошлымъ лѣтомъ татары въ полонъ взяли, и онъ наказывалъ, чтобъ его выкупили съ каторги, а выкупить его нечѣмъ...

Слушателей все болѣе и болѣе собиралось вокругъ. А бандура все трепыкала, надрывая всѣмъ душу.

Юная Сара уткнулась въ плечо матери и тихо плакала. Утирала слезы и старая Лія. Ей чудилось, что это плачутъ и х ъ невольники, гдѣ-то тамъ, въ невѣдомомъ Египтѣ, въ Цоанъ-Танисѣ, гдѣ-то тамъ, на рѣкахъ вавилонскихъ, и что это не бандура тренькаетъ, а гусли, что висятъ на деревьяхъ... И х ъ пророки ослѣплены, какъ вотъ и этотъ нищій.

— Бѣдная Катря!—повторило нѣсколько голосовъ.

— Да развѣ-жъ одинъ Карпо въ турецкой неволѣ! А сколько тамъ другихъ! О, Господи!

Бандура совсѣмъ умолкла, точно всѣ струны ея разомъ оборвались; но слушатели чего-то ждали. Рахиль, сидѣвшая около матери въ глубокой задумчивости, очнулась, казалось, отъ сна.

— Развѣ ужъ все?—тихо проговорила она.

Сара, отклонившись отъ лица матери, утирала слезы. Миріамъ, стоя въ темнотѣ рядомъ съ Моше и не сводя глазъ съ одной звѣздочки у горизонта, чувствовала нѣжное пожатіе чьей-то руки... Она знала, чья это рука, и сердце ея сладостно замирало.

— Развѣ ужъ весь «плачъ»?—спросила Сара.

— Нѣтъ, панночко, не весь,—отвѣчалъ слѣпецъ,—только у меня опять въ горлѣ пересохло.

Сара догадалась и снова принесла «пляшку» и стаканъ. Слѣпецъ выпилъ.

— Вотъ бы такой доброй горѣлки да бѣднымъ невольникамъ!—сказалъ онъ, вытирая рукавомъ усы.

— Ну, что-жъ дальше, дѣдушка?—спросила Сара.

— А дальше, ясна панночка, невольники Бога благали, чтобъ ихъ изъ неволи высвободилъ.

— Ну какъ же?

Слѣпецъ опять сталъ молча перебирать струны своей бандуры. Струны опять тихо и жалобно заговорили. Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ снова стали прислушиваться къ давно знакомымъ, но вѣчно дорогимъ звукамъ.

За этой нѣмой прелюдіей послышались молитвенныя слова «плача»: «Подай намъ, Господи, съ неба частый дождикъ, а снизу—буйный вѣтеръ: пускай бы встала на Черномъ морѣ лютая буря, можетъ быть, она посрывала бы якоря у турецкой галеры-каторги: такъ намъ эта турецкая-бусурманская каторга

надоѣла, желѣзныя кандалы ноги порастирали, бѣлое тѣло казацкое молодецкое до желтыхъ костей посрывали»...

Слѣпецъ игралъ и пѣлъ удивительно. Нехитрый, бренькающій инструментъ его и голосъ, казалось, дѣйствительно молились и плакали. Въ нихъ слышались и завыванья вѣтра, и шумъ морскихъ волнъ, и лязгъ цѣпей, и вопли невольниковъ. Столѣтіями создавалась эта потрясающая мелодія, столѣтіями страданій: въ основу этой мелодіи легли слезы несчастныхъ матерей, овдовѣвшихъ женъ, осиротѣлыхъ дѣтей. Въ этой мелодіи цѣлая трагическая исторія украинскаго народа.

А старой Ліи въ этой мелодіи слышалась исторія е я народа: это о н ъ плачетъ на берегахъ мутнаго Нила, на рѣкахъ вавилонскихъ, на берегахъ Тахо, Мансанареса, Гвадалквивира, на берегахъ Днѣпра, Синюхи, Тыкича... А теперь—эти страшныя ожиданія...

А вокругъ пѣвца все гуще и гуще собиралась толпа слушателей. Половина улицы была запружена народомъ. Каждому хотѣлось послушать своего, роднаго. Это уже были не «веснянки».

— Матинко моя, якъ-же-жъ жалибно спива! — слышался женскій шопотъ.

— А бандура, бачъ, сестрице, такъ и плаче, такъ и плаче.

А Миріамъ чувствуетъ, какъ чья-то рука все нѣжнѣе и нѣжнѣе жметъ въ темнотѣ ея руку. Она готова плакать вмѣстѣ съ невольниками, но только отъ счастья...

А голосъ слѣпца все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Взволнованные до глубины души слушатели сами перенеслись въ тотъ невѣдомый и страшный край, гдѣ невольники, съ протертыми до «желтой кости» турецкимъ желѣзомъ руками и ногами, взывали къ милосердному Богу о спасеніи и о ниспосланіи вѣтра на проклятую галеру, мѣсто ихъ каторги. Слушатели, казалось, сами видѣли, какъ «паша турецкій, бусурманскій, недовѣрокъ христіанскій», ходя по рынку и слыша плачъ невольниковъ, на своихъ янычаръ злобно кричалъ, чтобъ они каждый набирали по три пучка колючаго терновника и красной таволги и, ходя по рядамъ невольниковъ, били бы по трижды по одному мѣсту. И янычары били бѣдныхъ невольниковъ, такъ били, что—

Тѣло бѣлое казацкое молодецкое отъ желтой кости оббивали,
Кровь христіанскую неповинно проливали.

Всѣ эти ужасныя картины въ смутныхъ образахъ носились передъ глазами зачарованныхъ слушателей, а старой Ліи казалось, что это жестокіе египтскіе «мацаи», слуги фараоновъ, истязали колючимъ терновникомъ и красною таволгою ея соотечественниковъ за дѣланіемъ кирпичей для пирамидъ и другихъ построекъ фараоновъ.

Но, казалось, вся улица дрогнула, когда раздались послѣднія строфы «невольницкаго плача». Въ голосѣ слѣпца слышалось столько муки, а бандура стонала такъ, что вотъ-вотъ, кажется, разорвется съ послѣднимъ аккордомъ.

«Дума» рыдала такими словами:

Стали бѣдные невольники на себѣ кровь христіанскую замѣчать,
Стали землю турецкую, вѣру бусурманскую клять-проклинать:
«Ты, земля турецкая, вѣра бусурманская,
Ты разлука христіанская!
Не одного ты разлуча мужа съ женою
Брата съ сестрою,
Дѣтокъ маленькихъ съ отцомъ и «маткою»...

И, въ заключеніе, слѣпецъ, вставъ съ земли и выпрямившись во весь ростъ, поднялъ свои слѣпые глаза къ темному, усѣянному звѣздами небу и молитвенно возгласилъ подъ плачущіе звуки бандуры:

Вызволи, Господи, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ
Изъ тяжкой неволи турецкой,
Изъ каторги бусурманской—
На тихія воды,
На ясныя «зори»,
Въ тотъ край веселый,
Въ тотъ міръ крещеный,
На святорусскій берегъ
Въ города христіанскіе!

Послѣднія, заключительныя строфы выразились особенно отчетливо: онѣ вылились въ тихомъ речитативѣ, словно бы это была въ самомъ дѣлѣ молитва, и многіе изъ слушателей дѣйствительно перекрестились съ глубокою набожностью.

— Да, мама, это плачъ на рѣкахъ вавилонскихъ,—тихо сказала Рахиль, наклоняясь къ матери.

— Правда, милая: ты точно угадала мои мысли,—такъ же тихо отвѣчала старая Лія.

Многіе, казалось, очнулись отъ забытья и удивленно осматривались; иныя женщины и дѣвушки утирали слезы.

— А хлопчикъ давно спитъ, — засмѣялась юная Сара,— бѣдненькій!

Въ это время невдалекѣ послышался конскій топотъ, и вскорѣ въ темнотѣ вырисовались двѣ конныя фигуры

— Прочь съ дороги, хлопство!—послышался молодои мужской голосъ.

— Осторожнѣе, панъ Стась,—отвѣчалъ на это мелодическій женскій голосъ,—какъ бы панъ не раздавилъ яку кобѣту.

— Нѣтъ!—небрежно возразилъ мужской голосъ.—Я вижу, это хлопство собралось вокругъ слѣпого жебрака. Какъ эти глупые хлопы любятъ слушать своихъ бандуристовъ! Пфэ!

И всадники скрылись въ темнотѣ.

— Это панна Вероника, Младановичувна, — сказала Рахиль,—я видѣла, она каталась за городомъ вмѣстѣ съ молодымъ Рогашевскимъ.

— Панна Младановичувна? — неожиданно спросилъ слѣпецъ.

— Да, дочь нашего губернатора,—отвѣчала старая Лія,— красавица! Такая краса!

— Краса, краса, — задумчиво произнесъ слѣпецъ. — Женская краса, утренняя роса: солнце встало, и нѣтъ ея...

Миріамъ почувствовала, что кто-то до боли сжалъ ея руку...

IX. Неистовства гайдамаковъ въ Жаботинѣ.

Что же происходило послѣ того, какъ Ефраимъ Когенъ, предупрежденный своимъ наймитомъ Хомою о томъ, что вмѣстѣ съ панами и ксендзами рѣшено «рѣзать и жидовъ», поспѣшно уѣхалъ въ Умань изъ Лебедина?

Когда толпа разобрала ножи, предводители возстанія, преимущественно бывшіе запорожцы или вольные гайдамаки, съ Максимомъ Желѣзнякомъ во главѣ занялись приведеніемъ въ возможный порядокъ нестройнаго ополченія: толпа подѣлена была на сотни; сотнямъ розданы заранѣе приготовленные значки на длинныхъ древкахъ; отдѣлили вполнѣ вооруженныхъ и конныхъ отъ безоружныхъ или вооруженныхъ только ножами, а то просто дубьемъ, косами, вилами или обожженными на концахъ, въ видѣ пикъ, кольями.

Но ополченіе не тотчасъ двинулось въ походъ. Честолюбіе Желѣзняка, воображавшаго себя вторымъ «батькомъ Хмельницкимъ», не позволило ему выступить во главѣ всякаго сброда, разныхъ босоногихъ и ободранныхъ гулякъ, безъ красиво и представительно подобраннаго отряда. Вполнѣ вооруженныхъ запорожцевъ и казаковъ у него было слишкомъ мало.

— Намъ соромъ итти съ одною голотою, — говорилъ онъ приближеннымъ.

— И то соромъ, батьку Максиме,—подтвердили приближенные,—соромъ будетъ и ляхамъ показаться.

— А коли такъ, то ѣдемъ заразъ же въ Медвѣдовку до пана Квасневскаго за «лестровыми» (реестровые) казаками.

Но панъ Квасневскій, начальникъ чигиринскаго казачьяго гарнизона, узнавъ объ «освященіи ножей», тотчасъ же съ семействомъ бѣжалъ въ городъ Крыловъ подъ защиту русскихъ властей.

И вотъ Желѣзнякъ съ небольшимъ отрядомъ отправляется къ реестровымъ казакамъ, покинутымъ своимъ начальникомъ.

— Что, панове,—обратился къ нимъ Желѣзнякъ,—будете вы съ нами биться или нѣтъ?

Реестровые казаки тотчасъ же присоединились къ Желѣзняку.

Въ теченіе трехъ сутокъ формировалось ополченіе и только на четвертый день двинулось по направленію къ Черкасамъ.

Впереди всѣхъ ѣхалъ Желѣзнякъ. Буланый красивый конь выступалъ подъ нимъ гордо, увѣренно: умная лошадь всегда понимаетъ, кого везетъ, и гордится своимъ сѣдокомъ. А буланому коню, дѣйствительно было чѣмъ гордиться. Издали кричалъ яркостью своего цвѣта красный, «кармазинный» жупанъ Желѣзняка, обшитый золотымъ галуномъ. Высокая изъ сѣрыхъ барашковъ «смушковая» шапка съ краснымъ верхомъ картинно свѣсилась на бокъ, «на бакирь». Широкій шалевый поясъ обхватывалъ его крѣпкій гибкій станъ. За поясомъ пистолетъ блисталъ своею серебряною, цареградской работы ручкою. У лѣваго бока висѣла массивная кривая сабля. Желтые сафьянные сапоги съ серебряными «острогами» (шпоры) дополняли картинный нарядъ будущаго in spe великаго гетмана Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Желѣзняку было лѣтъ за сорокъ. Это былъ полный, кругло-

лицый, красивый, небольшого росту, но широкоплечій богатырь, сильно загорѣлый, съ сѣрыми, нѣсколько стоячими глазами. Небольшіе русые усы и длинный чубъ, закинутый за ухо, вотъ вся наружность вождя гайдамаковъ.

За нимъ по два въ рядъ ѣхали конники, казаки и запорожцы, съ копьями-«ратищами» и съ двойчатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, потомъ значки желтые съ чернымъ, красные съ синимъ и т. д. За конными шли пѣшіе, только съ ножами да съ кольями. Шествіе замыкали возы табора съ «погоничами» и собаками. Въ числѣ простыхъ «погоничей» былъ и Хома, бывшій наймитъ Когеновъ. Онъ шелъ около своего воза съ ножомъ за поясомъ и съ длиннымъ, гладко заостреннымъ и обожженымъ коломъ. Это былъ парубокъ лѣтъ двадцати пяти, высокій, плечистый, съ черными крутыми бровями и добрыми, синими глазами.

Но тутъ случилось маленькое происшествіе, разомъ выдвинувшее нашего добродушнаго Хому.

Одинъ конникъ, почему-то нѣсколько поотставшій, торопился впередъ и наткнулся на Хому, который шелъ около своего воза.

— Геть съ дороги, жидивскій попыхачъ!—крикнулъ конникъ и ударилъ Хому нагайкой.

Они поссорились еще раньше, при разборѣ пожей.

— А!—закричалъ Хома, почувствовавъ ударъ нагайки.— Такъ ты вонъ какъ! Драться! Стой же, вражій сынъ, помѣряемся по-казацки.

И онъ загородилъ коннику дорогу.

— На герць *), собачій сынъ!—крикнулъ Хома, поднявъ свой колъ.—На герць съ жидовскимъ попыхачемъ!

Конникъ остановился и направилъ на своего пѣшаго противника коня и остріе копья, стараясь конемъ затоптать его и проколоть копьемъ. Легкій, какъ кошка, Хома сдѣлалъ прыжокъ въ сторону и въ одно мгновеніе вонзилъ свой острый колъ подъ лѣвый сосокъ нападающаго. Ударъ былъ такъ силенъ, что конникъ свалился на-земь, обливаясь кровью. Всѣ сбѣжались на эту неожиданную схватку. Хома стоялъ блѣдный, безмолвный, дико блуждая глазами.

Конникъ былъ мертвъ. Лошадь его убѣжала.

---

*) Герць—джигитовка, поединокъ.

Къ мѣсту происшествія подъѣхалъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими приближенными. Хома, къ которому воротилось присутствіе духа, смѣло объяснилъ главѣ ополченія, что они бились честно «на герць»; что обиженный, котораго безъ всякаго съ его стороны повода ударили нагайкой и обозвали «жидивскимъ попихачемъ», защищалъ казацкую честь; что «жидивскими попихачами» можно назвать всѣхъ казаковъ, потому что почти всѣ, находящіеся здѣсь, служили у жидовъ, то на винокурняхъ, то на «броварняхъ», то по шинкамъ; что даже, наконецъ, и паныляхи, такіе же «попихачи» у богатыхъ жидовъ, какимъ и онъ былъ «у добраго Когена».

Всѣ нашли, что «хлопецъ» правъ, что онъ поступилъ «полицарьски», защищая казацкую честь, и Желѣзнякъ порѣшилъ:

— Возьми же ты, хлопче, его коня, збрую и одежу и будь козакомъ коло мене: не давай на поругу казацьку честь. А собакѣ собачья и смерть,—заключилъ онъ, указывая на мертваго конника.

Ополченіе двинулось дальше, и Хома Незачипа, какъ его прозвали послѣ случая съ убитымъ имъ конникомъ, наряженный въ богатое, хотя нѣсколько окровавленное платье убитаго, на его же и конѣ, со значкомъ въ рукѣ, ѣхалъ уже въ первыхъ рядахъ конницы. Трудно было въ этомъ красивомъ всадникѣ узнать недавняго наймита Когеновъ.

Ополченіе приближалось къ Медвѣдовкѣ. Тамъ, по случаю праздника, была ярмарка, на которую съѣхалось множество народа изъ окрестныхъ селъ. Развѣвавшіяся въ воздухѣ знамена и значки, пыль, поднятая двигавшимися массами лошадей съ всадниками, пѣшими и таборомъ изъ возовъ,—все это не могло не произвести переполоха въ собравшемся на ярмаркѣ народѣ. Всѣ бросились спасаться. Но Желѣзнякъ приказалъ успокоить бѣглецовъ, и самъ ихъ успокаивалъ.

— Не бойтесь, люди добрые,—говорилъ онъ оторопѣлымъ,—мы васъ не тронемъ. Гуляйте себѣ и торгуйте.

Все, что могло запастись ножомъ, коломъ, все, что жаждало поживы, все пошло за Желѣзнякомъ.

Но кровь еще не лилась... Однако, скоро, скоро должна была и кровь политься.

Изъ Медвѣдовки гайдамаки двинулись дальше. На пути имъ лежалъ Жаботинъ, мѣстечко, принадлежавшее князьямъ

Любомирскимъ. Жаботинскими городовыми казаками командовалъ Мартынъ Бѣлуга, а губернаторомъ былъ полковникъ Вичалковскій, намѣстникъ князей Любомирскихъ. Жаботинскіе казаки уже знали о приближеніи гайдамаковъ, и едва они показались въ виду укрѣпленій, какъ Мартынъ Бѣлуга тотчасъ арестовалъ губернатора и вывелъ навстрѣчу къ гайдамакамъ, которые, при помощи мѣстной команды, немедленно овладѣли городомъ и замкомъ и уже распоряжались на рынкѣ.

Губернатора повели вдоль рынка съ тѣмъ, чтобъ народъ объявилъ, какъ и чѣмъ были они притѣсняемы и обижаемы какъ самимъ Вичалковскимъ, такъ и другими панами. Жалобщики не заставили себя ждать.

— Панъ губернаторъ! Ляхъ проклятый!—раздавались голоса.

— Дармограй! Дармограй!—неслись возгласы съ другого конца рынка.

Это народъ привѣтствовалъ своего любимца, стараго кобзаря-импровизатора, по имени Илько Дармограй. Дармограй былъ калѣка-безногій и ѣздилъ въ небольшой телѣжкѣ, которую возилъ нѣмой Юрко, шестнадцатилѣтній внукъ кобзаря. Дармограй потерялъ ноги въ Крымской неволѣ. Находясь на турецкой галерѣ, закованный въ ножныя кандалы, онъ до того перетеръ ноги желѣзомъ, что раны загнили, и несчастному отрѣзали обѣ ноги. Впослѣдствіи запорожцы, напавъ на Кафу, освободили много своихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и безногаго Дармограя.

— А ну, диду, заспивай намъ новенькоп!—закричали жаботинскіе казаки, увидавъ своего безногаго импровизатора.

Дармограй тотчасъ же настроилъ свою бандуру, заигралъ и запѣлъ:

Ой, Бѣлуга Мартынъ Жаботинскій да по рыночку ходитъ,
Своего пана губернатора за собою водитъ,
И, водячи за собою, нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ:
«Не одного теперь ляха голова поляжетъ»...

— Добре! Добре! Правду каже Дармограй!—закричали нѣкоторые изъ гайдамаковъ.—На ляховъ, панове!

— На жидовъ! На христопродавцовъ!—подхватили другіе.

И вотъ съ этого момента полилась кровь: разъ что произнесены были слова «ляхъ» и «жидъ», звѣрскому опьяненію уже

не было конца. Прежде всего, толпа разбила шинки, выкатила бочки съ виномъ, перепилась, и затѣмъ началась рѣзня.

Разгромивъ и вырѣзавъ «до-ноги» все, что было польскаго и еврейскаго въ Жаботинѣ, звѣри-люди запалили самое мѣстечко и двинулись дальше, къ другому имѣнію Любомирскихъ, къ мѣстечку Смѣлой.

Дармограй слѣдовалъ за ополченіемъ въ обозѣ, сидя въ своей телѣжкѣ, привязанной къ одному возу. Дорогою онъ игралъ плясовую пѣсню и приговаривалъ:

— Танцуйте, дѣтки, чтобы просушить чоботы отъ панской и жидовской крови! Танцуйте!

И вокругъ него шла бѣшеная пляска.

Смѣла была также разграблена и сожжена.

Въ нѣсколько дней пожаръ возстанія разлился по всѣмъ окрестностямъ. Населеніе вставало поголовно. Шли даже бабы, вооруженныя ухватами-«рогачами». Собаки оставили свои дома и шли за обозомъ. За телѣжкой Дармограя слѣдовала и его собака, Рудько.

Но вотъ недалеко и Черкасы. Дѣти высыпали за городъ встрѣчать дорогихъ гостей. Желѣзнякъ, весело улыбаясь, закричалъ имъ:

— Здорово, сукачи!

— Здравствуй, панъ!—отвѣчали болѣе смѣлые.

— А что, вы еще не пашете?

— Нѣтъ, панъ.

— А мы уже начали пахать! — засмѣялся Желѣзнякъ, намекая на начало рѣзни.

Въѣхавъ въ городъ, Желѣзнякъ направился прямо къ замку. Ворота замковой башни были уже отворены. На замковой площади конные гайдамаки стали рядами.

— Съ коней!—скомандовалъ Желѣзнякъ, и гайдамаки, спѣшившись, поставили копья въ козлы, а лошадей привязали у коновязей.

Желѣзнякъ съ приближенными направился къ «палацу». Навстрѣчу ему вышли городовые казаки и сняли шапки. Снялъ свою и Желѣзнякъ, но тотчасъ же надѣлъ снова. Казаки оставались съ непокрытыми головами.

— Здорово, казаки!—обратился къ нимъ Желѣзнякъ.

— Здравствуй, батько атаманъ!

— А гдѣ вашъ атаманъ?—спросилъ Желѣзнякъ.

Атаманъ тотчасъ же выбѣжалъ къ нему съ непокрытою головой. Желѣзнякъ тоже снялъ шапку. Они обнялись и поцѣловались.

— Просите же на постой,—сказалъ Желѣзнякъ, и атаманъ повелъ гайдамацкое начальство въ «палацъ».

— Ты что жъ нейдешь, Незачипа?—обратился Желѣзнякъ къ Хомѣ, стоявшему въ нерѣшительности.—Кто такъ, какъ ты, умѣетъ защитить казацкую честь, тому мѣсто около меня.

Хома вспыхнулъ отъ неожиданности и послѣдовалъ въ «палацъ».

— О!—заколотилось у него въ сердцѣ.—Еслибъ теперь видѣла меня Рахиль... Но она еще увидитъ... Я не дамъ ее на поругу, не дамъ на поругу ея красы...

Пока начальство было въ «палацѣ», простые гайдамаки успѣли распорядиться по своему. Прежде всего, взята была «оранда» винные склады, источникъ гайдамацкаго вдохновенія: обручи съ бочекъ сбиты, и водка потекла ручьями.

— Панове! Становись рачки и пей!—кричали самые рьяные питухи.

И, дѣйствительно, пили на-четверенькахъ, какъ скотъ, прямо изъ бѣжавшихъ по землѣ ручьевъ.

— Пейте, дѣтки, — распоряжался Дармограй, съ своей телѣжки,—только матню не мочите въ такомъ добрѣ.

— А у тебя, Пилипе, и чубъ пьетъ,—смѣялся одинъ гайдамакъ надъ другимъ, который такъ усердно пилъ изъ лужи водки, что у него съ головы свалилась шапка, и чубъ купался въ лужѣ.

Женщины-же, болѣе сообразительныя по части мелкой, обиходной экономіи, дѣлали изъ песку запруды, куда стекала водка, и черпали ее ковшами.

Послѣ водки полилась и кровь.

X. Кровавый пиръ въ Лисянкѣ.

Скоро та же участь постигла Корсунь, Чигиринъ и Каневъ. Надъ послѣднимъ гайдамаки особенно свирѣпствовали за его упорное сопротивленіе. Каневъ имѣлъ укрѣпленный замокъ, пушки и сильный гарнизонъ изъ поляковъ, содержимыхъ базиліанами. Базиліаны-то, какъ столпы католицизма, ненавистнаго

черни, и были объектомъ особеннаго звѣрства гайдамаковъ: они были всѣ захвачены и замучены. Ужасная смерть постигла и всѣхъ тамошнихъ евреевъ, беззащитныхъ страдальцевъ за чужіе грѣхи. Часть поляковъ, которыхъ не успѣли вырѣзать, заперлись въ замокъ, обнесенный тройнымъ частоколомъ. Гайдамаки натаскали къ частоколу соломы и зажгли: всѣ укрывавшіеся въ замкѣ сгорѣли живьемъ.

Пылало все кругомъ, повсюду лилась кровь. По селамъ звонили въ набатъ, давая вѣсть звономъ отъ села до села.

Одновременно съ ополченіемъ Желѣзняка въ разныхъ мѣстахъ поднимались другія ополченія, которыя неистовствовали подъ начальствомъ атамановъ Швачки, Неживого и Василія Шила. Послѣдній, Шило, особенно прославился своими кровавыми подвигами; о немъ разсказывали чудеса.

Въ то время, когда, послѣ разгрома Канева, Желѣзнякъ съ своимъ ополченіемъ отдыхалъ въ Богуславѣ, туда нагрянулъ Шило съ своей ватагой. Желѣзнякъ и Шило встрѣтились какъ старые знакомые, какъ союзники. Они обнялись и расцѣловались.

— Ну, что, побывалъ, братику, въ Умани? — спросилъ Желѣзнякъ.

— Былъ и медъ-вино пилъ,—отвѣчалъ Шило.

— Какъ же ты пробрался туда?

— А слѣпымъ бандуристомъ, съ хлопчикомъ-поводатыремъ.

— Эхъ, братику Максиме! — воскликнулъ Шило. — Какія тамъ жидовочки угощали меня изъ своихъ ручекъ!.. Такихъ я отъ роду не видѣлъ. На нихъ и моя рука не поднимется.

— А кто такія?—заинтересовался Желѣзнякъ.

— Богача Когена дочки, Рахиль да Сарка.

— Это того Когена, у котораго Хома Незачипа въ наймахъ служилъ?

— Я такого Хомы не знаю,—отвѣчалъ Шило.

Тотъ, о комъ говорили, стоялъ въ это время нѣсколько въ сторонѣ и разговаривалъ съ молодцами изъ отряда Шила.

— Эй, Хомо, друже! Ке сюды!—закричалъ ему Желѣзнякъ.

Хома подошелъ и почтительно остановился.

— Ты, хлопче, у Когена служилъ въ наймахъ въ Умани?—спросилъ Желѣзнякъ.

— У Когена, батьку отамане,—былъ отвѣтъ.

— А у него двѣ дочки красавицы, Рахиль и Сара?

Хома замѣтно поблѣднѣлъ, но старался скрыть волненіе.

— Такъ, батьку отамане, Рахиль и Сара,—отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—А что?

— Да вотъ панъ Василій былъ у нихъ въ гостяхъ, и онѣ потчивали его изъ своихъ ручекъ.

Хома съ удивленіемъ посмотрѣлъ на страшнаго атамана. Какъ онъ могъ пробраться въ Умань? Какъ Рахиль могла угощать его? Молодой гайдамакъ не зналъ, что и подумать, и сердце его сжалось.

— Развѣ Умань взята?—глухо спросилъ онъ.

— Ни ще, хлопче, а мы и ее возьмемъ,—отвѣчалъ Шило.

— Скажи, братику, товариству, чтобъ собирались итти на Умань,—начальническимъ тономъ сказалъ Желѣзнякъ молодому гайдамаку.

Хома повиновался и молча ушелъ, унося бурю въ душѣ.—«Что-то будетъ? Что-то будетъ?—шепталъ онъ растерянно

Что же дѣлалось въ это время,—спрашиваетъ авторъ спеціальной монографіи о «Гайдамачинѣ»,—въ остальной польской Украинѣ, куда еще не достигло зарево пожара, распущеннаго Желѣзнякомъ и разбрасываемаго въ разныя мѣста, въ видѣ горящихъ головней, другими шайками гайдамаковъ?

«Въ то время, когда Желѣзнякъ,—говоритъ полякъ, очевидецъ этого пожара, Липоманъ, — двигался все далѣе и далѣе, грабя и совершая убійства, когда въ цѣлой польской Украинѣ народъ пошелъ на бунты, на грабежъ и разбои, когда Желѣзнякъ, подвигаясь впередъ, обливалъ кровью путь своего шествія, и когда потоки этой крови лились уже и по сторонамъ этого пути, всѣ угрожаемые этимъ страшнымъ несчастіемъ надѣялись найти убѣжище въ мѣстахъ, вполнѣ обезопашенныхъ отъ гайдамаковъ, именно въ Лисянкѣ, Умани и Бѣлой Церкви».

Время показало, насколько были недоступны для нихъ Лисянка и Умань.

Поворотивъ изъ Богуслава на Умань, — говоритъ далѣе авторъ помянутой выше монографіи,—гайдамаки должны были на пути своемъ встрѣтить прежде всего Лисянку. Лисянка представляла для нихъ хорошую добычу. Это было наслѣдственное имѣніе князя Яблоновскаго, воеводы новогрудскаго. Въ Лисянкѣ

былъ каменный замокъ съ флигелями, которые вмѣстѣ съ главнымъ зданіемъ составляли четыреугольникъ. Въ самой серединѣ замокъ имѣлъ два этажа, одни ворота и два бастіона, возвышавшіеся на горахъ. Бастіоны съ желѣзными гаковницами (родъ пушекъ) могли оборонять всѣ стороны замка, потому что выстрѣлы съ бастіоновъ могли достигать очень далеко. Кромѣ того, замокъ былъ обнесенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и имѣлъ другія деревянныя ворота, также приспособленныя для охраненія замка. Въ замкѣ, для защиты его отъ непріятеля, имѣлось значительное число пѣшихъ казаковъ и достаточное количество аммуниціи. Въ это время находился тамъ прибывшій изъ волынскихъ имѣній князя Яблоновскаго коммиссаръ Хичевскій, который пріѣхалъ для обозрѣнія лисянской волости. Волость эта была въ то время очень обширна и заключала въ себѣ, по произведенному тогда исчисленію, до 30.000 душъ. Хичевскій долженъ былъ собрать съ лисянской волости доходы и отвезти своему князю.

Желѣзнякъ, подвигаясь къ Лисянкѣ и увеличивая свою толпу, продолжалъ разглашать, что уже нѣтъ больше крестьянъ, что польская Украина, подобно заднѣпровской, одну только казацкую службу отбывать будетъ, и что край этотъ попрежнему будетъ называться Гетманщиною.

Предшествуемые слухами о всеобщей волѣ, о снесеніи съ лица земли польскаго владычества, о возстановленіи казачества и Гетманщины, подвигались гайдамаки къ Лисянкѣ. Слухи эти загнали въ Лисянку кѣсколько сотъ человѣкъ дворянъ и евреевъ, искавшихъ тамъ спасенія жизни.

Гайдамаки, явившись въ Лисянку, нашли ее довольно крѣпко защищенною и, не надѣясь взять замка приступомъ, обратились къ обывателямъ самаго мѣстечка, разсчитывая при помощи ихъ уклониться отъ пушекъ, которыя смотрѣли на нихъ съ бастіоновъ лисянскаго замка. Они уговорили крестьянъ посовѣтовать начальству замка не оказывать имъ сопротивленія и тѣмъ не вызывать ихъ на кровопролитіе. Главнѣйшіе изъ обывателей отправились къ замку и просили позволенія переговорить съ коммиссаромъ Хичевскимъ. Ихъ впустили въ замокъ. Лица эти, составлявшія какъ бы депутацію отъ мѣстечка, представляли Хичевскому, что всѣмъ находящимся въ замкѣ будетъ дарована

жизнь и оставлено ихъ имущество, если замокъ добровольно сдастся. Впрочемъ,—добавляли они,—во всякомъ случаѣ сопротивленіе будетъ не только безполезно, но и опасно, потому что весь этотъ край долженъ быть вскорѣ на тѣхъ же правахъ, на какихъ былъ во время гетманщины. Сами гайдамаки представлялися не какъ люди просто нападающіе на замокъ или бунтовщики, а какъ войско запорожское, творившее не свою собственную волю, а волю пославшаго ихъ. Страхъ или мнимые доводы депутаціи, или, наконецъ, сомнѣніе въ благопріятности исхода предстоящей борьбы, такъ подѣйствовали на Хичевскаго, что онъ приказалъ отворить ворота бунтовщикамъ. Гайдамаки ворвались въ замокъ и начали свои неистовства. Тутъ произошла оргія, страшнѣе и безобразнѣе всѣхъ, доселѣ совершенныхъ гайдамаками: неистовства, произведенныя въ Смѣлой, Черкасахъ, Медвѣдовкѣ и Каневѣ, были ничто въ сравненіи съ бѣшеною гульбой въ Лисянкѣ.

Спаслось только нѣсколько человѣкъ, которые, одѣвшись «по-хлопску», успѣли бѣжать съ арестантами, которыхъ гайдамаки тотчасъ же выпустили изъ острога, лишь только ворвались въ замокъ. Спаслось также еще нѣсколько дворянъ, которымъ удалось укрыться между трупами. Ночью, когда упившіеся гайдамаки спали, въ увѣренности, что не осталось ни одного ляха, эти укрывшіеся между трупами спустились со второго яруса, случайно отыскавши веревки, и успѣли бѣжать къ знакомымъ поселянамъ. Большая часть изъ нихъ успѣли скрыться въ деревнѣ Сидоровкѣ, миляхъ въ трехъ отъ Лисянки, и тамъ ихъ припрятали добрые люди. Касса и все, что было цѣннаго въ замкѣ, разграблено.

Ужасъ охватилъ все польское населеніе правобережной Украины. Но еще ужаснѣе было положеніе несчастныхъ евреевъ этихъ областей Польши. Поляки еще кое-какъ могли надѣяться на спасеніе, потому что могли находить защиту и въ укрѣпленныхъ замкахъ, куда ихъ охотнѣе пускали чѣмъ евреевъ, и между войсками конфедератовъ и, наконецъ, подъ крыломъ городовой милиціи, которой начальниками были свои же поляки. Но евреи оставались совершенно беззащитными: это были существа, за которыми, какъ за зайцами или лѣсными сернами, могъ охотиться всякій.

И кровь еврейская уже лилась отъ Смѣлой до Лисянки, до порога костела францискановъ...

А впереди представлялись еще большіе ужасы, поголовное истребленіе всего еврейскаго племени въ странѣ, столь великодушно его пріютившей.

XI. Постъ помилованія.

Время шло. Прошелъ почти весь май мѣсяцъ. Все, что могло бѣжать, бѣжало. Но куда бѣжать? Гдѣ искать спасенья?

Оставалось одно убѣжище—Умань, ея укрѣпленія, замокъ съ артиллеріей, частоколы, глубокіе рвы вокругъ города и цѣлый полкъ городовой милиціи.

Исаакъ Когенъ, несмотря на обнадеживанія своего популярнаго родственника, апостола хасидизма раввина Іакова-Іосифа, съ каждымъ днемъ убѣждался, глядя изъ оконъ своего дома на двигавшіяся балагулы и телѣги съ бѣглецами, искавшими убѣжища въ Умани, что предстоитъ и уже творится нѣчто болѣе страшное, чѣмъ то, что предсказывалъ Іаковъ-Іосифъ. Въ памяти его невольно вставали воспоминанія о Хмельнищинѣ и другихъ взрывахъ народной ярости, кровавыя расправы съ евреями временъ Морозенки, Нечая, Павлюка и Кривоноса, когда въ одномъ Барѣ предано было смерти, пыткамъ и всевозможнымъ истязаніямъ болѣе 15.000 его соотечественниковъ, да столько же въ Немировѣ, въ Бердичевѣ, Погребищахъ, Тульчинѣ, въ Умани и въ трехстахъ другихъ городахъ Украины, Подоліи и Волыни.

Въ тотъ день, когда Желѣзнякъ и Шило, послѣ кровавыхъ оргій въ Лисянкѣ, двинулись съ своими ордами къ Умани, у евреевъ, въ томъ числѣ и въ Умани, начался «постъ помилованія», установленный въ память страшнаго избіенія евреевъ въ эпоху Хмельнищины. Обрядъ этотъ долженъ былъ совершаться каждый годъ и совершался съ потрясающимъ драматизмомъ. Синагоги наполнялись народомъ, который съ воплями, раздирая на себѣ одежды, предавался мрачному поминовенію своихъ мучениковъ.

Исаакъ Когенъ, окруженный семействомъ въ траурныхъ одѣяніяхъ, отправился въ синагогу. Туда же слѣдовали толпы мѣстныхъ и бѣжавшихъ въ Умань изъ другихъ мѣстъ евреевъ. На всѣхъ лицахъ было уныніе и страхъ. Но дѣти Когена дер-

жали себя мужественно: всѣ три сына рѣшились дорого продать свою жизнь. Въ глазахъ Рахили тоже горѣла мужественная рѣшимость. Въ ея головкѣ созрѣлъ, повидимому, какой-то планъ. Она шла рядомъ съ Самсономъ.

— Скажи, пожалуйста, братъ, кто была Юдиѳь? — тихо спросила она.

— А развѣ ты не знаешь? Такая же, какъ ты, еврейка,— отвѣчалъ Самсонъ.

— Что она была очень сильная?—продолжала Рахиль.

— Вѣроятно, если могла отрубить голову Олоферну.

— Отчего жъ она его не просто зарѣзала?

— Да оттого, что ей нужна была именно его голова. Да что тебѣ за дѣло до Юдиѳи?

— Такъ... воспомнилась она мнѣ... Вотъ если-бъ теперь нашлась такая еврейская дѣвушка.

— Что жъ бы изъ этого?

— Она бъ зарѣзала этого Желѣзняка.

Наивность сестры заставила его только улыбнуться.—«Ужъ не ты ли хочешь быть Юдиѳью?»—пожалъ онъ плечами.

Но вотъ и синагога. Она биткомъ набита, такъ что Когены съ трудомъ добрались до своихъ мѣстъ, которыя они занимали уже много лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ построена синагога.

Послѣ первыхъ обрядовъ выходовъ и молитвъ началось «поминовеніе».

Когда Рахиль, вмѣстѣ съ другими женщинами помѣстившаяся на хорахъ, взглянула внизъ, на всѣ эти головы, закутанныя бѣлыми «талесами», ей представилось, что все это—мертвецы въ саванахъ. Ей стало страшно.

— Это ихъ, это насъ всѣхъ будутъ поминать заживо,—шевельнулось у нея въ душѣ.

Между тѣмъ раздался могучій, страстный голосъ кантора, и точно трепетъ пробѣжалъ по синагогѣ.

— Боже милосердый, Сущій въ небесахъ! — плакалъ страстный голосъ. — Успокой души мучениковъ вѣрнаго народа Твоего—мучениковъ Немирова, Бердичева, Погребищъ, Тульчина, Пулина, Бара, Умани...

При словѣ «Умани» послышались рыданія и вопли, заглушившіе слова и голосъ кантора. Слышно было, какъ нѣкоторые

раздирали на себѣ одежды... Но голосъ кантора осилилъ эти вопли...

— Умани,—продолжалъ онъ,—Краснаго и трехсотъ другихъ городовъ Руси галицкой, Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учители, писатели, просвѣщенные служители Бога, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію Твоего закона, Боже всесильный!

Отъ волненія голосъ кантора оборвался, но тѣмъ мучительнѣе раздались рыданія и вопли. Головы, покрытыя бѣлыми «талесами», раскачивались изъ стороны въ сторону точно отъ мучительной физической боли.

«Мужчины, жены, дѣвицы, младенцы, всѣ были умерщвлены!—плакалъ голосъ кантора.—Ихъ кровь текла ручьями. Но мученики не хотѣли измѣнять своему закону»...

— И мы не измѣнимъ!—послышались страстные возгласы.—Пусть тонутъ въ нашей крови наши мучители!

Голосъ кантора звучалъ далѣе среди этого могучаго протеста:—«Богъ есть одинъ!»—восклицали они и падали подъ ножами убійцъ. Разбойники не щадили ни пола, ни возраста. Земля была усѣяна убіенными. Ихъ кровь дымилась какъ ониміамъ предъ алтаремъ Всемогущаго. О, Господи милосердый! Успокой души мучениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя добродѣтели!

Между женами произошло смятеніе.

— Лія въ обморокѣ... Женѣ Когена дурно...

— Мама! Мама! Пойдемъ на воздухъ!—суетилась около матери Рахиль.—Тебѣ дурно... выйдемъ!

Но внизу загремѣлъ общій гимнъ, еще болѣе потрясающій душу. Пѣли, вѣрнѣе, рыдали всѣ...

Послѣ окончанія «помиповеній», трое старѣйшихъ и почетнѣйшихъ представителей еврейской общины, въ числѣ коихъ былъ и Исаакъ Когенъ, отправились къ губернатору, чтобы узнать отъ него, достаточно ли обезпечена Умань отъ нападенія гайдамаковъ, которые успѣли уже разорить нѣсколько городовъ и пролить столько крови.

Подойдя къ дому губернатора, еврейскіе старѣйшины увидѣли Младановича на крыльцѣ. Онъ смотрѣлъ, какъ къ крыльцу конюхъ подводилъ двухъ прекрасныхъ осѣданныхъ коней,

одного подъ дамскимъ сѣдломъ. Младановичу было лѣтъ за пятьдесятъ. Это былъ бѣлокурый мужчина съ большою лысиною ото лба и длинными рыжеватыми усами съ подъусниками. Около него стояла стройная молодая дѣвушка въ амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Дѣвушка была блондинка съ сѣрыми лучистыми глазами подъ гордо вскинутыми тонкими бровями. Это была панна Вероника, дочь Младановича, впослѣдствіи оставившая записки объ «уманской рѣзнѣ:» это—будущая Вероника Кребсъ. Рядомъ съ нею стоялъ молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ. Это былъ Рогашевскій.

— А! — тихо сказала Вероника, увидавъ подходившихъ еврейскихъ старѣйшинъ.—Ѣдемъ, панъ Стась.

И она потянулась къ отцу. Младановичъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Да не скачи безумно, какъ татаринъ, — ласково сказалъ онъ.

— А буду, татко, я такъ хочу, — капризно отвѣчала дѣвушка.

— Панъ Стась не позволитъ.

— Позволитъ, татуню, панъ Стасикъ все мнѣ позволитъ и... себѣ.—хотѣла сказать рѣзвушка, но остановилась.

Она быстро сбѣжала съ крыльца, придерживая шлейфъ амазонки, и панъ Стась помогъ ей сѣсть на сѣдло. Молодые люди выѣхали со двора.

— Прощай, татуню! — закричала Вероника. — Я поскачу прямо къ этимъ галганамъ гайдамакамъ и, какъ Іоанна д'Аркъ, приведу плѣннымъ самого Желѣзняка.

Младановичъ только рукой махнулъ.—«Повѣса дѣвчонка!»

Евреи поклонились.

— А! Почтеннѣйшій Когенъ съ мудрецами народа еврейскаго! — улыбнулся губернаторъ. — Добро пожаловать. Что хорошенькаго?

— Хорошаго ничего, кромѣ дурного, ясновельможный панъ,—отвѣчалъ Когенъ.

— Что такъ? Поднимайтесь сюда, на ганекъ.

Старѣйшины поднялись на крыльцо, собственно на крытую галлерею съ цвѣтами въ кадкахъ и горшкахъ и съ плетеными стульями.

— Садитесь, почтенные мужи, каждый подъ своею смоков-

ницей,—продолжалъ развязно болтать безпечный панъ. — Что скажете вы, пришедшіе изъ земли Ханаанской въ землю Халдейскую? Такъ, кажется?

Когенъ и его товарищи сѣли.

— Мы, ясновельможный пане, сейчасъ изъ синагоги,—началъ Когенъ,—молились за убіенныхъ.

— За какихъ убіенныхъ?—спросилъ Младановичъ и хлопнулъ въ ладоши. На порогѣ показался казачокъ въ ливреѣ Потоцкихъ.—Трубку, Ясь! Какіе же это убіенные?

— Тѣ, ясновельможный пане, что пали отъ руки злодѣевъ за страшные часы Хмельницкаго, и тѣ, что нынче мученически погибаютъ отъ злодѣя Желѣзняка и его безбожной шайки.

— Мы молились, ясновельможный пане, и за нашъ городъ, чтобъ Всевышній отвратилъ бѣду отъ Умани, мы и объ этомъ просили Іегову,—пояснилъ другой, очень ветхій старецъ.

— О!—небрежно улыбнулся Младановичъ.—Напрасно вы безпокоили вашего Іегову: мы и безъ его помощи обойдемся.

Отвѣтъ этотъ непріятно поразилъ посѣтителей. Казачокъ принесъ трубку. Младановичъ сталъ пускать клубы дыму.

— Я вотъ ихъ какъ! — и онъ махнулъ рукою на дымъ.— Вотъ какъ этотъ дымъ разгоню сволочь!

— Но, можетъ быть, ясновельможный панъ не все знаетъ,— возразилъ было Когенъ.

— Все знаю, все! Знаю, что дѣлалось и въ Черкасахъ, и въ Смѣлой, и въ Лисянкѣ... Это срамъ и позоръ! Хичевскій самъ отворилъ имъ замокъ, это позоръ на всю Польшу!—горячился Младановичъ.—У него было чѣмъ защищаться, а онъ какъ баба струсилъ! Ну, и досталось ему по заслугамъ. Подѣломъ, подѣломъ!

— А ясновельможный панъ надѣется побѣдить?—нерѣшительно спросилъ самый ветхій изъ старѣйшинъ.

— Надѣется! Да у меня одинъ Гонта съ своею только сотней каждый годъ ихъ, какъ зайцевъ травитъ,—горячился Младановичъ.

— Но вѣдь теперь ихъ идутъ тысячи, у нихъ пушки,—возразилъ Когенъ.

— Тысячи!.. Да это все свинопасы съ кольями... А у меня, посмотрите! (Младановичъ указалъ рукою на разстилавшійся

(Кн.45)

внизу городъ).—У меня надежная защита, солидная, слово гонору! Посмотрите, мы какъ кольномъ змѣи обведены высокимъ, прочнымъ дубовымъ палисадомъ, объ который любые зубы обломаются. Надъ этой оградой, какъ два грозныхъ стража, высятся двѣ неприступныя башни, черезъ которыя только и можно пробраться въ нашу неприступную Трою. Но ужъ деревяннаго-то коня мы не впустимъ къ себѣ, нѣтъ! Не пустимъ!—весело разсмѣялся своему каламбуру губернаторъ Умани.—Да у насъ найдутся и свои Гекторы, и Ахиллесы, и свои Патроклы, найдутся! У нашего Ахиллеса, у Гонты, я знаю, нѣтъ уязвимой пятки, нѣтъ, слово гонору! Наши башни вооружены пушками, солидными пушечками, чортъ возьми! А сколько артиллерійскихъ принадлежностей, сколько картечи! Пусть попробуютъ подлые хлопы этого чугуннаго гороху. Положимъ, ихъ подлые желудки выросли на горохѣ, но моего гороху и они не переварятъ, ха-ха-ха! не переварятъ! Трубку, Ясь!

Казачокъ снова выскочилъ, какъ маріонетка.

— Подай чистый чубукъ. Да, не переварятъ! Не забудьте, что мои башни оберегаются благороднымъ шляхетствомъ: все это рыцари чистой крови, рыцари съ головы до пятокъ, до каблука! Мои башни господствуютъ надъ всею пригородною мѣстностью, пусть-ка сунутся! А рвы кругомъ города, а валъ, а острогъ... Да я эту сволочь, horribile dictu! Я ее сотру съ лица земли. А этотъ замокъ, который вы видите? Эти каменные магазины и службы? Это—вторая крѣпость, крѣпость въ крѣпости, status in statu, чортъ возьми! И этотъ status, этотъ мой Капитолій тоже обведенъ палисадомъ и валомъ. На верхнемъ ярусѣ магазина—третья башня съ бойницами, да еще какія бойницы! Мнѣ и гусей, ха-ха-ха! не нужно, чтобы спасти мой Капитолій: я и безъ гусей выполню роль Манлія Капитолійскаго! Не забудьте, почтенные потомки Іисуса Навина, остановившаго солнце, что у меня, такъ сказать, въ карманѣ, конный полкъ изъ двухъ тысячъ казаковъ: мои молодцы встрѣтятъ свинопасовъ за десять верстъ до Умани, и какъ Югурту приведутъ ко мнѣ скованнымъ Желѣзняка, чтобы я его посадилъ на колъ. Вонъ гдѣ его мѣсто! Посмотримъ, закуритъ ли онъ у меня на колу трубку, какъ закурилъ его предмѣстникъ на этомъ, ха-ха-ха! очень шаткомъ и остромъ

тропѣ. Кромѣ того, у меня есть до ста человѣкъ надворной пѣхоты подъ начальствомъ храбраго капитана Ленарда... Ясь, трубку! Эта плохо курится...

— Наконецъ,—закуривъ новую трубку, продолжалъ Младановичъ,—у меня въ городѣ двѣсти храбрыхъ конфедератовъ, отборнѣйшее войско нашей славной Рѣчи Посполитой.

— А мои «лизни»? Да это великолѣпные стрѣлки! Они, слово гонору, на лету бьютъ ласточку; куриное яйцо, брошенное въ воздухъ, разбиваютъ пулей, почти не цѣлясь.

— А вотъ и Ахиллесъ нашей неприступной Трои! — воскликнулъ Младановичъ (почтенный панъ нѣсколько путалъ исторію, считая Ахиллеса троянскимъ героемъ).

Къ крыльцу подходилъ сотникъ Гонта.

XII. «Удивительная раса!»

Между тѣмъ панна Вероника и молодой Рогашевскій весело неслись по Звенигородской дорогѣ по направленію къ Грекову лѣсу. Навстрѣчу имъ постоянно попадались фуры, коляски, петычанки и балагулы съ бѣглецами, спѣшившими въ Умань подъ защиту тамошнихъ укрѣпленій.

— Несчастные!—говорила Вероника, глядя на озабоченныя лица бѣглецовъ.—Вѣдь скоро и въ Умани для нихъ мѣста не хватитъ: всѣ предмѣстья, всѣ улицы города и площади заняты обозами и имуществомъ. Бѣдные!

— У панны такое доброе сердце!—тихо замѣтилъ Рогашевскій, украдкою любуясь своею хорошенькой спутницей-амазонкой, у которой отъ быстроты ѣзды матовыя щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ и сѣрые лучистые глаза какъ бы почернѣли.—Панинѣ всѣхъ жаль, даже жидовъ.

— Ахъ, панъ! Какъ вамъ не стыдно говорить это: д а ж е жидовъ!—вспыхнула дѣвушка.—Это «даже»—возмутительно! Посмотрите, какіе они жалкіе, особенно эти бѣдные, у которыхъ много дѣтей. Я не говорю о нашихъ Когенахъ и имъ подобныхъ: этихъ защитятъ ихъ богатства. Но бѣдные! Ихъ обидитъ каждый хлопъ. А не правда ли, панъ, какъ хороша старшая дочь Когена, Рахиль?

— Гм... панна знаетъ, что черныя—не въ моемъ вкусѣ.

— А почему панъ полагаетъ, что мнѣ извѣстны его вкусы?— вскинула Вероника свои оживленные глаза на спутника.

Рогашевскій замялся и кольнулъ своего коня шпорами. Конь заметался. Но отвѣчать на вопросъ нужно было.

— Почему же брюнетки не во вкусѣ пана? — настаивала панна.

— Вѣроятно, потому, что я самъ брюнетъ,—нашелся, наконецъ, Рогашевскій.

— Красота не въ масти, — улыбнулась Вероника,—а въ чемъ-то иномъ. Клеопатра, по всей вѣроятности, была сильная брюнетка, а и Антоній, и Цезарь не избѣгли ея чаръ.

— Да, то Клеопатра, египтянка, а это—израелитка, а израелитки никогда не были въ моемъ вкусѣ. Вотъ сыновья Когена такъ красавцы. Надѣюсь, панна Вероника на этотъ разъ согласна со мною?

— На этотъ разъ, согласна, — снова улыбнулась панна.

Они проѣхали нѣсколько молча.

— О чемъ панъ задумался?—спросила Вероника, скользнувъ взоромъ по лицу своего спутника.

— Я думаю о сочиненіи панны, которое она была такъ любезна, довѣрила мнѣ прочесть, — отвѣчалъ Рогашевскій.

— О какомъ сочиненіи?

— А объ этомъ граціозномъ эскизѣ, который панна озаглавила «Что вспомнилось».

— Почему же этотъ набросокъ, эта шутка, или скорѣе шалость, капризъ пера, привлекаетъ мысли пана?

— Панна ошибается въ своей авторской скромности,—горячо возразилъ Рогашевскій,—если это набросокъ, капризъ — то капризъ Рубенса, миніатюра Тиціана, столько задушевной искренности, столько тепла и дѣвственной чистоты... И это первое сочиненіе панны?

— Да, если не считать классныхъ, школьныхъ сочиненій.

— У панны безспорно талантъ.

— Панъ слишкомъ снисходительный критикъ.

— Нѣтъ, панна Вероника, я не критикъ, потому что я не имѣю счастья быть писателемъ, хотя я вдвое старше панны; но я—внимательный читатель, и думаю, что изъ панны выйдетъ блестящая писательница, и имя ея будетъ славно. Панна

не станетъ отрицать, что это пишетъ почти ребенокъ, дѣвочка семнадцати лѣтъ, только что бросившая учебники, и между тѣмъ какими граціозными чертами она изобразила это первое проявленіе на балу дѣвственнаго чувства къ молодому человѣку именно потому, что онъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что его складъ ума—не обыденный, не ходячій. И потомъ это неумирающее чувство симпатіи, благодарности къ тому, кто первый возбудилъ, скорѣе разбудилъ въ дѣвочкѣ спавшую въ зародышѣ женщину, хотя впослѣдствіи она искренно полюбила своего мужа. Это, панна согласится со мной, психологическая тонкость.

Вероника слушала молча. Рогашевскій остановился было въ нерѣшительности, но вскорѣ продолжалъ.

— Мнѣ кажется, дорогая панна, что надо самому пройти эту первую стадію пробуждающагося сердца, чтобъ такъ глубоко захватить сюжетъ, какъ захватила панна, и я полагаю...—Онъ остановился.

— И панъ Стась полагаетъ, что я прошла эту «первую стадію», какъ онъ выражается?—разсмѣялась Вероника.

Рогашевскій замялся и ничего не отвѣтилъ. Вероника замѣтно покраснѣла.

— Но вѣдь Дантъ не былъ лично въ аду,—сказала она,—а умѣлъ же изобразить и его ужасы, и страданія грѣшниковъ. Можно не проходить ни «первой», ни слѣдующихъ «стадій» пана, чтобъ изобразить душевное состояніе людей въ извѣстномъ нравственномъ капканѣ, въ какой иногда попадаетъ сердце человѣка: для этого есть книги, развивающее чтеніе и, наконецъ, собственная книга, собственный учебникъ, голова и сердце. Голова—это самый лучшій учебникъ ad usum delphini и ad usum такой дѣвочки, какова я, по понятію пана.

— И панъ Рафаилъ ничего не знаетъ о сочиненіи панны?—спросилъ Рогашевскій послѣ небольшой паузы.

— Ни татко, ни строгая cicoiunia Bedzinska ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ.

— Тѣмъ больше я долженъ цѣнить честь, оказанную мнѣ панной,—любезно поклонился Рогашевскій.

— Что тутъ за честь! — разсмѣялась Вероника. — Панъ Стась знаетъ всѣ глупости, какія продѣлывала съ дѣтства, когда

ѣздила на немъ верхомъ, «маленькая гайдамачка», какъ онъ же называлъ меня, и теперь я и эту шалость продѣлала съ нимъ, показавъ ему свое рукописное наѣзднічество въ чуждую для меня и недосягаемую область—литературу.

Панъ Стась хотѣлъ-было обидѣться на свою хорошенькую спутницу, но раздумалъ: «все же она довѣрчивѣе со мной, чѣмъ со всѣми, а это—залогъ чего-то большаго»,—сообразилъ онъ.

Между тѣмъ обозы съ бѣглецами постоянно двигались мимо нашихъ всадниковъ, поднимая страшную пыль.

— Ахъ, какъ пылятъ эти жиды!—брезгливо сказалъ Рогашевскій, отворачиваясь въ сторону.—Нигдѣ отъ нихъ мѣста не найдешь.

— Какъ пану не стыдно это!—возмутилась панна Вероника.—Они, навѣрное, бѣгутъ отъ смерти, бросили свои дома, свое хозяйство на произволъ разбойниковъ; они не знаютъ, гдѣ голову преклонить; они, быть можетъ, голодны; а намъ, праздникъ и сытымъ, не нравится, что они пылятъ! Удивляюсь, какъ безсердечны эти мужчины, а еще увѣряютъ, что у нихъ нѣжныя чувства, что они умѣютъ любить. Вздоръ! Тотъ не умѣетъ любить, кто не умѣетъ жалѣть несчастныхъ.

— Но панна знаетъ, что они не всегда несчастны,—возразилъ панъ Стась.—А чуть имъ повезетъ, они дѣлаются нахальными.

— Не съ паномъ ли?

— Посмѣютъ они! Нѣтъ съ хлопами.

— А хлопы съ ними болѣе, чѣмъ нахальны—жестоки.

— Хлопъ—все же хозяинъ въ своей землѣ, а они—пришельцы.

Вероника подъѣхала къ одной балагулѣ, нагруженной всякимъ домашнимъ скарбомъ. Оттуда выглядывало нѣсколько дѣтей. Еврей и еврейка шли рядомъ съ балагулой.

— Откуда вы, добрые люди?—спросила дѣвушка

— Изъ Звенигородки, паненка ласкава,—отвѣчалъ еврей, снимая шапку.

— А что слышно о разбойникахъ?—спросилъ панъ Рогашевскій.

— Ахъ, папочку ласкавый! Они все жгутъ и грабятъ... Ли-

сяпку въ пепелъ обратили... А сколько крови—ай-вей! Сколько крови!

— Гдѣ же они теперь?—спросила Вероника.

— Говорятъ, что идутъ сюда... Похваляются Умань взять, о, Господи!

— Не бойтесь, добрые люди, мой отецъ защититъ васъ всѣхъ, — сказала Вероника ласково. — Видите, мы ничего не боимся, не бойтесь и вы. У насъ крѣпость и войско.

— Но говорятъ, паненка ласкава, что онъ, Желѣзнякъ, подсылалъ своего атамана Шило къ вашимъ казакамъ и что будто бы сотникъ вашъ Гонта заодно съ гайдамаками,—шопотомъ проговорилъ еврей.

— Гонта! Это вздоръ!—воскликнула Вероника.—Онъ меня маленькую на рукахъ носилъ.

— Дай-то Богъ!—возвела глаза къ небу еврейка.—Хлопы такъ болтали на рынкѣ... Намъ показывали и хлопчика, который будто бы проводилъ въ Умань Шило, будто бы слѣпого бандуриста.

Вероника вспомнила, что около мѣсяца тому назадъ, когда она съ Рогашевскимъ возвращалась съ гулянья, то около лавки Когеновъ они дѣйствительно видѣли слѣпого кобзаря, распѣвавшаго казацкія думы, и около него спавшаго мальчика-поводыря. Не это ли былъ Шило? Но Гонта? Не можетъ быть!

— Вздоръ! Вздоръ!—сказала она громко.—Можетъ быть, этотъ негодяй Шило и былъ въ Умани подъ видомъ слѣпого кобзаря; но чтобы Гонта былъ съ нимъ заодно, никогда не повѣрю! Я на Гонту такъ же готова положиться какъ на своего отца. Онъ меня, маленькую, все «козой-дерезой» пугалъ.

И Вероника весело разсмѣялась и продекламировала голосомъ пугающей дѣтей козы:

Я коза-дереза,
Полъ-бока луплена,
За три копы куплена,
Ту-пу, тупу ногами,
Сколю тебя рогами...

— И я, глупенькая, боялась этой козы... Нѣтъ, Гонта нашъ. Счастливаго пути,—сказала она и поскакала дальше.

Лошадь ея гулко отбивала копытами по сухой землѣ тактъ галопа, а дѣвушка вторила этому такту.

Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Хвостикомъ выметy,
Ножками на дворъ вынесу.

— Такъ мы и Желѣзняка съ его гайдамаками «хвостикомъ выметемъ, ножками на дворъ вынесенъ»,—заключила она.

Когда они потомъ, послѣ довольно продолжительнаго катанья за городомъ, возвращались домой, имъ попались навстрѣчу Самсонъ Когенъ и Рахиль. Вероника пріостановила своего коня.

— День добрый, милая Рахиль!—сказала она привѣтливо.

И Рахиль, и Самсонъ поклонились.

— Какъ поживаете? А отца вашего я видѣла сегодня у насъ,—продолжала Вероника.—Всѣ у васъ здоровы?

— Благодарю васъ, добрая панна,—скромно отвѣчала Рахиль.—Мы всѣ здоровы, только это общее бѣдствіе...

— Ничего, милая Рахиль, намъ нечего бояться, да мы и другихъ спасемъ. А кстати, скажите: былъ у васъ съ мѣсяцъ тому назадъ слѣпой кобзарь?—спросила Вероника.—Мы съ паномъ Рогашевскимъ видѣли его около вашей лавки.

— Да, былъ,—отвѣчала Рахиль.—Мы его встрѣтили за городомъ, около Грекова лѣса. Онъ съ маленькимъ хлопчикомъ шелъ въ Умань, но хлопчика укусила гадюка. Мы тамъ рвали цвѣты и услыхали крикъ мальчика. Братъ Ефраимъ помогъ ему, а какъ онъ не могъ отъ боли ступать на ногу, то Ефраимъ и самъ слѣпецъ донесли его до нашей лавки, и мама вылечила мальчика, а слѣпецъ за это спѣлъ намъ «невольницкій плачъ»; потомъ Ефраимъ отвелъ его къ войту, къ Богатому.

— А теперь, милая Рахиль, говорятъ, будто бы это былъ не слѣпой кобзарь, а переодѣтый атаманъ Желѣзняка, по имени Шило, и что будто бы онъ приходилъ подговаривать Гонту пристать къ гайдамакамъ. Но я этому не вѣрю,—говорила Вероника, вся раскраснѣвшись,—Гонта намъ никогда, никогда не измѣнитъ, хоть подошли къ нему десять Шилъ. Но вы потомъ не видали этого слѣпца?

— Мы сами не видѣли,—отвѣчала Рахиль;—но братъ Ефраимъ видѣлъ, когда на другой день отводилъ къ войту того хлопчика, который ночевалъ у насъ. А гдѣ потомъ дѣвался слѣпецъ, мы не знаемъ.

— Ну, все это вздоръ,—заключила Вероника.—Гопта не такой человѣкъ... Прощайте!

И она пришпорила лошадь и поскакала. За нею послѣдовалъ и Рогашевскій.

— Неправда ли, красавица Рахиль?—обратилась на скаку Вероника.

— Да, если то находитъ панна,—отвѣчалъ ея кавалеръ.— Но что Самсонъ красавецъ, это несомнѣнно: это настоящій Самсонъ—въ немъ что-то библейское.

— Да, и могучее, и обаятельное... Удивительное племя! Не вырождается ни подъ какими солнцами, ни подъ какими ударами... Непостижимое племя! Еслибъ я не была полька, я бы жалѣла, что я—не еврейка. Непостижимая раса!

Вероника вдругъ придержала свою лошадь.

— Осторожнѣе, панъ, какъ бы не раздавить дѣтей,—сказала она спутнику.

На улицѣ играли ребятишки. Тутъ были и еврейскія дѣти, и польскія, и украинскія.

Вероника и Рогашевскій разсмѣялись и поѣхали дальше.

— Вотъ изъ этихъ пахолятъ и выйдутъ впослѣдствіи гайдамаки,—замѣтила какъ бы про себя дѣвушка.—Но меня вотъ что поражаетъ,— заговорила она, немного помолчавъ, — замѣтилъ панъ лица этихъ играющихъ дѣтей?

— А что, панна?—спросилъ Рогашевскій.

— Какая печать чистоты расы лежитъ на личикахъ еврейскихъ дѣтей! Вѣдь они родились здѣсь же, гдѣ родились и эти хохлята,—подъ этимъ же, далеко не палестинскимъ солнцемъ; росли они большею частью въ нищетѣ, въ грязи валялись, питались скудно, хлѣбомъ да чеснокомъ большею частью, не мытыя, не чесаныя. И при всемъ томъ что у нихъ за глаза, какой блескъ, какая ясность взора! А чистая матовая кожа, вѣдь это точно изваяніе, античный мраморъ, потемнѣвшій отъ времени. Эта античная смуглота—прелестна. А правильность чертъ какая изумительная: эти словно изъ мрамора точеные носики, эти пышныя губки, античные лбы, античный, тонко очерченный профиль. А еврейскія дѣвочки—опѣ восхитительны! И рядомъ съ ними—эти хохлята. Ростутъ они въ сравнительномъ довольствѣ, питаются въ изобиліи, никто ихъ не обижаетъ; то же украинское солнце смотрѣло въ ихъ колыбели, какъ и въ жалкія

колыбели еврейскихъ дѣтей. И при всемъ томъ ни природа, ни исторія не выработали на ихъ лицахъ даже профиля—носы большею частью картофелиной, кожа нечистая, часто угрястая и лупящаяся, глаза—безъ блеска, безъ выраженія. Ну, и какъ, чѣмъ панъ все это объяснитъ?

Рогашевскій только рукою махнулъ—«фантазерка... милая энтузіастка»,—подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

XIII. Младановичъ и Гонта.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ. Какъ ни былъ Младановичъ увѣренъ въ своей безопасности и въ неприступности управляемаго имъ города, однако, вновь прибывавшія толпы бѣглецовъ заставили и его одуматься. За городъ онъ не боялся; но что дѣлать съ бѣглецами, которые уже не вмѣщались въ городѣ, а должны были становиться таборомъ у Грекова лѣса? Всѣ они пришли искать спасенія у него, у пана Рафаила Деспота Младановича. Эти робкія овцы хотятъ укрыться подъ его рыцарскимъ щитомъ. Шляхетская честь требовала, чтобъ онъ прикрылъ робкихъ своимъ щитомъ. А какъ ихъ прикроешь за городомъ, въ полѣ, въ этомъ безобразномъ таборѣ?

— Слово гонору! Надо подумать, посовѣтоваться... но съ кѣмъ? Конечно, съ Ахиллесомъ моей Трои, съ Гонтой, хотя я далеко не достигъ почтенныхъ лѣтъ Пріама, я такъ еще ловко танцую мазура.

Такъ думалъ Младановичъ, шагая по галлереѣ своего дома между кадками цвѣтовъ. Онъ остановился передъ кадкою съ лавровымъ деревомъ.

— Vae victis!—пробормоталъ онъ,—Изъ этихъ зеленыхъ листьевъ гордаго лавра моя цуречка своими нѣжными пальчиками сплететъ вѣнокъ, и я возложу его на голову побѣдителя.

Онъ снова зашагалъ по галлереѣ.

— Гей, Ясь! Трубку!—Выскочилъ казачекъ уже съ готовой трубкой.—Послать гайдука за сотникомъ Гонтою.

— Панъ Гонта у ясневельможной пани,—отвѣчалъ казачекъ.

— Позвать сто ко мнѣ, да вели подать венгржина и два келишка.

Черезъ нѣсколько минутъ на галлереѣ показался Гонта, а за нимъ слуга внесъ подносъ съ венгерскимъ и стаканами.

— А, пане Гонто! Ты ухаживаешь за моими дамами?— пошутилъ губернаторъ Умани.—Но ты не Парисъ, а непобѣдимый Ахиллесъ.

— Я зашелъ къ ясновельможной пани губернаторовей, чтобъ посовѣтоваться о нашихъ бѣдныхъ овечкахъ,—отвѣчалъ Гонта, почтительно кланяясь.

— О какихъ бѣдныхъ овечкахъ?—спросилъ Младановичъ.

— О тѣхъ, что прибѣжали укрыться отъ Желѣзняка подъ могучимъ крыломъ ясновельможнаго пана.

— О! Да ты, пане Гонто, угадалъ мою мысль: я сейчасъ о томъ же думалъ и велѣлъ было послать за тобой, когда узналъ, что ты самъ здѣсь. Слово гонору, это счастливый знакъ.

Гонта снова почтительно поклонился.

— Я всегда привыкъ думать съ моимъ мудрымъ повелителемъ заодно, а тутъ мнѣ подсказало сердце.

— Какъ же ты полагаешь?

— Я полагаю, ясневельможный пане, что намъ было бы унизительно ждать къ себѣ въ гости этихъ лайдаковъ.

— Именно, именно: rationem habes, domine Gonto.

— И еще унизительнѣе допустить ихъ обидѣть тѣхъ несчастныхъ, которые прибѣгли подъ высокую руку ясневельможнаго пана.

— Вполнѣ справедливо, optime. Какъ же намъ поступить?

— Я полагалъ бы, если это угодно ясневельможности, приказать нашему полку встрѣтить лайдаковъ въ полѣ, далеко отъ Умани, и...

— Venire, videre et vincere? Прійти, увидѣть и побѣдить? Ха-ха-ха!

— Всеконечно, побѣдить и на колъ посадить..

— Ха-ха-ха! Я завидую тебѣ, пане Гонто, и желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ.

— Для ясневельможнаго пана это было бы унизительно.

— Какъ? Почему унизительно?

— Конечно, такому вельможному пану унизительно стать противъ нихъ *).

---

*) Вероника Младановичъ, впослѣдствіи pani Krebsowa, въ оставшихся послѣ нея запискахъ объ «уманской рѣзнѣ» свидѣтельствуетъ, что Гонта прекрасно говорилъ по-польски.

— Пожалуй, ты и правъ,—согласился Младановичъ,—quod licet bovi...—Онъ спутался и не договорилъ; но Гонта во всякомъ случаѣ не понялъ его комической ошибки.

— Еслибъ это былъ Суворовъ, о! Тогда панъ еще могъ бы помѣряться съ нимъ силами.

Имя Суворова и его военная слава уже проникли тогда въ Польшу, и Гонта зналъ, чѣмъ польстить самолюбивому шляхтичу.

— О! Ты мнѣ льстишь, пане Гонта,—замѣтилъ Младановичъ.—Такъ ты думаешь выступить противъ гайдамаковъ?

— Какъ прикажетъ панъ.

— Я такъ и думалъ. Самъ согласишься со мной, я думаю, что было бы противно моей рыцарской чести не защитить своею грудью тѣхъ, у которыхъ теперь только я и остался.

Младановичъ подошелъ къ столику, на которомъ стоялъ подносъ съ венгерскимъ и стаканами, и наполнилъ оба стакана старымъ венгржиномъ. Одинъ стаканъ онъ подалъ Гонтѣ.

— За успѣхъ экспедиціи противъ гайдаковъ!—сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ.

— Да здравствуетъ ясновельможный панъ Рафаилъ Деспотъ Младановичъ!—съ своей стороны возгласилъ Гонта.

Они чокнулись. Въ глазахъ Гонты сверкнулъ зловѣщій огонекъ.

— Ясь, трубку!—хлопнулъ въ ладоши Младановичъ.

Въ это время сзади галлереи, въ саду, послышался отчаянный кошачій крикъ и дѣтскій смѣхъ.

— Павлусь! Что это вы дѣлаете, негодныя дѣти!—прикрикнулъ съ галлереи женскій голосъ.

— Это мы, цецюню, гайдамаковъ вѣшаемъ,—отвѣчалъ дѣтскій голосъ.

— Ахъ, вы негодники! Бросьте ихъ!—протестовалъ женскій голосъ.

— Да эти гайдамаки сыръ покрали,—не сдавался мальчикъ.

Младановичъ и Гонта пошли подобопытствовать, что тамъ творится. Скоро они увидѣли, что въ саду, подъ грушею, стояли два мальчика—Павелъ, десятилѣтній сынъ Младановича, и такой же сынишка уманскаго казначея Рогашевскаго, братъ пана Стася, и на веревкахъ издергивали на грушу двухъ котятъ.

— Что ты дѣлаешь, разбойникъ Павликъ? — засмѣялся Младановичъ.

— Мы, татуню, гайдамаковъ вѣшаемъ,—бойко отвѣчалъ избалованный мальчикъ.

— Павлусь вѣшаетъ Желѣзняка, а я—атамана Шило,—пояснилъ другой шалунъ.

— Бросьте ихъ, не мучьте,—настаивалъ Младановичъ.

— Да они, татуню, сыръ поѣли,—упрямился Павликъ.

Въ саду появилась Вероника, и мальчики убѣжали. Дѣвушка освободила котятъ отъ веревокъ.

— Негодные мальчики!—ворчала она.—Ужъ эти мужчины! Жалости въ нихъ нѣтъ... Бѣдные котятки.

Младановичъ и Гонта воротились къ своему венгржину.

— Такъ какъ же мы примемся за дѣло, пане Гонто?—заговорилъ опять Младановичъ.

— Пусть ясневельможный панъ прикажетъ собраться всему нашему полку, какъ бы на popis (на смотръ). Потомъ объявитъ о выступленіи противъ злодѣевъ. Мы, полковая старшина, полковникъ Обухъ и Магнушевскій, и всѣ сотники, съ знаменами, отправимся въ церковь, прослушаемъ молебенъ, батюшка благословитъ насъ крестомъ, покропитъ знамена святою водою, ясневельможный панъ скажетъ намъ ободрящую рѣчь...

— О! Я скажу, непремѣнно скажу!—воодушевился добрякъ губернаторъ.—Я скажу: quousque tandem abutere...

— Намъ ясневельможнаго пана не учить краснорѣчію,—поддакнулъ хитрый хохолъ.

— Скажу, скажу, это очень ободрятъ... Ясь, трубку!

Младановичъ исполнилъ все, какъ совѣтовалъ ему Гонта. Полкъ выступилъ въ походъ.

Вслѣдъ за уходомъ полка, — говоритъ авторъ монографіи «Гайдамачина»,—новыя толпы поляковъ и евреевъ стекались въ городъ, убѣгая изъ губерній лисянской, звенигородской, бѣлоцерковской, смилянской и другихъ мѣстъ, гдѣ уже свирѣпствовали гайдамаки, добивая, добрабливая и сожигая все, что осталось тамъ. Число этихъ бѣглецовъ до того увеличилось, что городъ не могъ уже принимать ихъ къ себѣ, и они должны были становиться таборомъ вблизи города, котораго, однако, запереть нельзя было, такъ какъ въ немъ не было воды и за нею обык-

повенно ѣздили версты за три къ ручью, называемому Каменка, гдѣ теперь находится знаменитый садъ Потоцкихъ—Софіевка. Къ этому табору прибывали новыя массы, искавшія спасенія отъ смерти. Иждивеніемъ Потоцкаго въ Умани устроены были школы, которыми завѣдывали базиліане, и въ школахъ этихъ было до четырехъ-сотъ студентовъ. Начальникъ школъ, съ титуломъ ректора, ксендзъ Ираклій Костецкій, въ виду грозившей городу опасности, велѣлъ прекратить ученье и позволилъ не только студентамъ, но и профессорамъ уѣхать изъ города. «Но куда они могли уѣхать — спрашиваетъ Липоманъ — когда со всѣхъ мѣстъ люди искали спасенья въ Умани?» Тѣ, которые были въ таборѣ, за городомъ, везли все, что у нихъ было цѣннаго, въ городъ и отдавали на сохраненіе Младановичу и ксендзу Костецкому.

Страшные слухи росли, между тѣмъ, съ каждымъ часомъ. Толпы бѣглецовъ не переставали прибывать къ городу и тѣмъ увеличивать страхъ, который началъ уже тревожить и тѣхъ, кои сидѣли въ Умани за башнями и крѣпкими палисадами. Страхъ переходилъ въ ужасъ, и Младановичъ нашелъ необходимымъ запереть городъ, несмотря на недостатокъ воды въ то жаркое лѣтнее время. Въ городѣ вырыли было глубочайшій колодезь, прорыли до двухсотъ саженъ глубины, но воды не нашли даже на этой глубинѣ.

Но вотъ на таборъ какъ бы упала ужасная вѣсть, будто Гонта вошелъ въ сношеніе съ Желѣзнякомъ и дѣйствуетъ съ нимъ заодно. Послѣдняя надежда, слѣдовательно, пропадала, и спасенія уже не было ниоткуда. Нѣсколько почтенныхъ особъ явились изъ табора къ губернатору и передали ему эту страшную вѣсть, говоря, что узнали ее отъ преданныхъ имъ поселянъ, которые завѣряли, что «Гонта измѣнилъ, что онъ—сообщникъ Желѣзняка, того самаго, который получилъ благословеніе въ лебединскомъ монастырѣ и который былъ главою смиляпскаго мятежа». Эти дворяне просили губернатора, чтобъ онъ принялъ какія-нибудь мѣры для своего спасенія и для защиты города, чтобы онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, для предупрежденія несчастія, могущаго разразиться надъ ними, вызвалъ Гонту и при помощи магдебургскаго права лишилъ бы его жизни немедленно. «Мой отецъ—говоритъ Вероника Кребсова—отвѣ-

чалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ благородному человѣку; но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему». Сотники немедленно явились, и тогда Младановичъ, вызвавъ изъ табора значительное число обывателей, вышелъ съ ними и съ сотниками на рынокъ и обратился къ Гонтѣ съ такими словами:

— Пане Гонто! Мнѣ доносятъ, что ты въ заговорѣ съ Желѣзнякомъ. Я этому не хочу вѣрить. Если ты теперь пользуешься столькими благодѣяніями отъ нашего пана (Потоцкаго), то чего можешь ожидать еще, когда имѣнія его спасешь отъ бунта, поднятаго Желѣзнякомъ!

Говорятъ, что Гонта съ удивительнымъ краснорѣчіемъ оправдывалъ себя отъ этого обвиненія, и когда говорилъ о своей благодарности къ Потоцкому, то плакалъ. «Надо было слышать (прибавляетъ въ своихъ запискахъ Вероника Кребсъ), какъ онъ защищался!» Гонтѣ написали особую присягу и дали, чтобъ онъ прочиталъ ее, потому что онъ умѣлъ и читать, и писать. Гонта потребовалъ, чтобы его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно. Желаніе его исполнили. Изъ трехъ церквей вышли священники обоихъ исповѣданій, капелланы и ректоръ базиліанъ, ксендзъ Костецкій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, евангеліемъ и хоругвями. Вмѣстѣ съ Гонтою пришли на площадь и другіе сотники. Эти повторительную присягу онъ принималъ на крестѣ и евангеліи и притомъ—добавляютъ польскіе писатели—«цѣловалъ руку ксендза, ректора Костецкаго, и этотъ мученикъ благословлялъ своего палача» *).

Во время этой внушительной церемоніи въ числѣ зрителей стояла молодая женщина, а около нея два хорошенькихъ мальчика въ костюмахъ школы базиліанъ. Женщина казалась глубоко печальною.

— Это жена Гонты,—тихо сказала, указывая на нее, Рахиль своему брату Ефраиму.—Бѣдная! Какъ должно быть ей тяжело, когда мужа ея подозрѣваютъ въ такомъ ужасномъ преступленіи.

— Она очень красива собою,—замѣтилъ Ефраимъ.

— И дѣти ихъ такіе миленькіе мальчики,—добавила Рахиль.—Не можетъ быть, чтобъ онъ измѣнилъ: погубить такихъ

*) «Гайдамачина», стр. 209—211.

херувимчиковъ, какъ его хлопчики, это было бы ужасно, невѣроятно.

Поцѣловавъ крестъ и евангеліе, Гонта встрѣтился глазами съ глазами жены. Что выражалъ его взглядъ, даже она не могла разгадать. Она положила руки на головы сыновей и заплакала. Ей вспомнилась та далекая, тихая ночь, когда въ Грековомъ лѣсу заливался соловей, а она, глядя на звѣзды, почувствовала, какъ онъ тихо прижалъ ее къ себѣ и еще тише прошепталъ: «ты моя, моя»... А теперь онъ уходилъ... Вернется ли?

XIV. «Онъ вернулся!».

Да, онъ вернулся... Но какъ!..

Прошелъ день, но о Гонтѣ и казакахъ ничего не было слышно. Зато о гайдамакахъ приходили вѣсти одна другой ужаснѣе.

Что же дѣлалъ Гонта? Что сталось съ самимъ полковникомъ Обухомъ? Гдѣ другіе сотники и казаки? Страшныя подозрѣнія стали закрадываться въ душу то одного, то другого изъ ожидавшихъ своей участи. Подозрѣнія стали переходить въ массы, изъ табора въ городъ.

Что дѣлать? Что предпринять? Надо готовиться къ смерти, къ ужасной смерти! Но упорно живуча въ человѣкѣ надежда. Эта надежда заставляла богатыхъ закапывать въ землю деньги, драгоцѣнности. Для чего? Можетъ быть, для того, чтобы сокровища не достались злодѣямъ; а можетъ быть... въ безпросвѣтной тьмѣ свѣтилась надежда... можетъ быть...

Что же еще оставалось? Оставалось одно прибѣжище, молитва.

На паперти базиліанскаго монастыря «Свентего Кржижа» стояла статуя, изображавшая «крестную ношу». Около статуи толпились несчастные, заламывая руки...

— «Придите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и я успокою васъ!»—возглашалъ ректоръ Праклій Костецкій, стоя въ облаченіи на паперти и указывая рукою на Несущаго свой крестъ.

Вотъ гдѣ спасеніе... Къ Нему идти...

И толпы идутъ къ этой знаменательной статуѣ, толпа за

толпою... Служители этого Несущаго свой крестъ исповѣдываютъ и причащаютъ ихъ.

Въ это время сквозь толпу пробирался къ синагогѣ Исаакъ Когенъ. Глубокое отчаяніе было написано на его лицѣ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на статую... Сколько въ ней трагическаго смысла!.. Какъ долженъ быть тяжелъ крестъ, подъ бременемъ котораго изнемогаетъ Несущій его... Кровавый потъ струится по лицу Несущаго.

И Когену вспомнилось одно мѣсто небольшой книги, которую онъ недавно читалъ, желая разобраться въ мучившихъ его сомнѣніяхъ и вопросахъ...

— И мимоходящіи хуляху его, — невольно шептали губы Исаака,—покивающе главами своими и глаголюще: «уа! разоряяй церковь и треми деньми созидаяй, спасися самъ и сниди съ креста». Такожде и архіерее ругающеся, другъ ко другу со книжники глаголаху: «ины спасе, себе ли не можетъ спасти?..»

«Уа!» колотилось въ душѣ у стараго еврея: «вездѣ безсмысленная толпа жаждетъ крови... О, Адонай! Когда же это кончится? Когда же люди поймутъ это?»...

«Уа! Уа!» еще съ большею силою защемило у него на душѣ, и еще съ болѣе глубокимъ отчаяніемъ направился онъ домой.

А всеобщій ужасъ возрасталъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Въ томительномъ ожиданіи прошло три дня, 5-е, 6-е и 7-е іюня. Жары стояли невыносимыя. Въ городѣ вышла вся вода, нечего пить!

Тогда къ Младановичу явилась депутація отъ города съ просьбой отправить женщинъ и дѣтей въ Тарговицу, мѣстечко, лежащее на берегу рѣчки Синюхи, на самой русской границѣ, какъ разъ противъ русской крѣпости Новоархангельска.

— Пусть наши дѣти и жены укроются отъ неминуемой гибели подъ защитою русскаго оружія,—говорили депутаты.

Послѣдніе дни сильно измѣнили Младановича. Онъ уже пересталъ смотрѣть на себя, какъ на Манлія Капитолійскаго: и римскіе гуси, и Троя, и деревянный конь, и уманскіе Ахиллесы, Гекторы и Патроклы исчезли точно въ туманѣ. Остался одинъ только несчастный старецъ Пріамъ, и этотъ жалкій старецъ былъ—онъ, Рафаилъ Деспотъ Младановичъ.

— Что-жъ, панове, — отвѣчалъ онъ убитымъ голосомъ, —

пусть и мои дѣти ѣдутъ съ вашими дѣтьми... Останусь я одинъ на своемъ посту.

Наскоро наладили коляски и рыдваны, захватили что поцѣннѣе. Когенъ также порѣшилъ выслать изъ города жену и Рахиль съ Сарою. Но Рахиль отказывалась покинуть городъ.

— Если намъ суждено умереть, такъ я хочу умереть съ вами и съ отцомъ,—упрямо твердила она братьямъ.

— Но вы насъ только будете стѣснять, — возражалъ Самсонъ.

— Я васъ не стѣсняю ничѣмъ, — твердила упрямая дѣвушка.

— Мы будемъ защищаться до послѣдней капли крови, какъ защищались наши предки отъ филистимлянъ, — говорилъ Ефраимъ.

— А развѣ я не еврейка? Развѣ вашъ Іуда Маккавей не мой тоже?

— Но ты слабая женщина,—говорилъ Моше.

— Ничего... Моя коса вамъ пригодится!

И въ порывѣ возбужденія она выбросила изъ волосъ шпильки, придерживавшія ея косу, и эта роскошная коса, разсыпавшись, укрыла ее чуть не до пятъ.

— Зачѣмъ намъ твоя коса?—изумился Ефраимъ.

— Изъ нея вы совьете веревку и на этой веревкѣ повѣсите злодѣя Желѣзняка!

Когда вѣсть о бѣгствѣ богатыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей разнеслась по городу, то въ замокъ хлынули толпы женщинъ, мѣщанъ и бѣдные евреи съ плачемъ и стенаніями.

— Богатые убѣгаютъ,—вопили они,—а куда мы, бѣдные, дѣнемся? У насъ нѣтъ ни колясокъ, ни рыдвановъ, ни лошадей... Что же будетъ съ нашими дѣтьми?

И Младановичъ, у котораго уже не было своей воли, отмѣнилъ прежнее распоряженіе, безнадежно махнувъ рукой, какъ бы говоря: «погибать, такъ погибать ужъ всѣмъ!»

Однако, не всѣ въ городѣ такъ упали духомъ, какъ Младановичъ. Были два человѣка, которые могли бы спасти Умань, еслибъ имъ повиновались всѣ прочіе, или еслибъ слушались ихъ совѣтовъ, исполненныхъ благоразумія и мужества. Это

были—нѣкто Ксаверій Шафранскій и нашъ знакомый, красавецъ Самсонъ Когенъ.

Шафранскій былъ просто землемѣръ, присланный въ Умань Потоцкимъ для приведенія въ точную извѣстность его обширныхъ земельныхъ владѣній. Шафранскій находился прежде въ военной службѣ, въ Пруссіи, въ рядахъ воиновъ прусскаго короля Фрица, котораго, по свойственной въ то время слабости къ громкимъ когноменамъ, назвали, да почему-то и доселѣ, ничто же сумняся, называютъ «Фридрихомъ Великимъ». Въ рядахъ воиновъ короля Фрица, при частыхъ его войнахъ, Шафранскій отлично изучилъ военное ремесло. Онъ же былъ и опытный архитекторъ, почему Потоцкій и поручилъ ему возведеніе въ Умани сильной крѣпости и постройку городскихъ зданій.

Вотъ этотъ-то Шафранскій и не потерялся, когда всѣ въ Умани потеряли голову.

Такимъ же оказался и красавецъ Самсонъ. Въ первый же день «поста помилованія», послѣ потрясающихъ сценъ въ синагогѣ, онъ и два остальные брата его, Ефраимъ и Моше, собрали около синагоги всю еврейскую молодежь, способную носить оружіе, и воспламенивъ ее пламенною рѣчью, поклялись на Торѣ «истребить филистимлянъ», какъ они назвали гайдамаковъ.

— Развѣ за тысячелѣтія скитаній и гоненій въ еврейской душѣ умерли мудрость Моисея и Соломона и мужество Іисуса Навина и Іуды Маккавея!—говорилъ онъ, сверкая глазами.—Развѣ мускулы сыновъ Израиля потеряли упругость и силу мускуловъ того, который изнесъ на гору ворота города Газы вмѣстѣ съ вереями, а потомъ своими руками разрушилъ капище идола Дагона, похоронивъ подъ развалинами этого капища враговъ своихъ и самого себя!

— Нѣтъ! Нѣтъ! У насъ есть свой Самсонъ!—кричали восторженные юноши, намекая на энергію и физическую силу своего инициатора.

— У насъ есть и мудрый Соломонъ, почтенный Исаакъ Когенъ:—возвысилъ голосъ курчавый и рыжій Лейба Ротъ.

— А нашъ Моисей — великій учитель и апостолъ Іаковъ-Іосифъ Когенъ изъ Полоннаго!—громогласно прокричалъ извѣстный силачъ Мозесъ Мохеръ.

— Докажемъ же презрѣннымъ филистимлянамъ,—продолжалъ Самсонъ,—что за тысячелѣтія скитаній и гоненій мы не

утратили своей доблести и чести, какъ не утратили ихъ наши предки ни въ странѣ фараоновъ, ни на рѣкахъ вавилонскихъ, ни на кострахъ инквизиціи! Теперь же идемъ въ цитадель и потребуемъ себѣ оружія изъ арсенала. Мы составимъ еврейскій легіонъ и подъ руководствомъ Шафранскаго приготовимся къ защитѣ нашихъ отцовъ, матерей и сестеръ.

— Идемъ! Идемъ!—раздались голоса.

И толпа двинулась къ цитадели, къ той башнѣ, на которой находился Шафранскій, наблюдая въ зрительную трубу за тѣмъ, что происходило въ степи, откуда ожидали появленія непріятеля.

Вскорѣ къ молодежи присоединились евреи всѣхъ возрастовъ, которые въ состояніи были носить оружіе, и такимъ образомъ составился особый еврейскій легіонъ, который могъ бы спасти Умань, еслибъ его поддержали конфедераты и другіе, находившіеся въ городѣ, поляки, и еслибъ они также мужественно поддерживали самого Шафранскаго, какъ мужественно дѣйствовали заодно съ нимъ евреи *).

«Шафранскій, — говоритъ авторъ монографіи «Гайдамачина»—одинъ не растерялся въ самый день уманской рѣзни, и еслибъ польскіе дворяне, защищавшіе вмѣстѣ съ евреями городъ, не перешлись до пьяна, можетъ быть, единственно за недостаткомъ въ Умани воды, и еслибъ они дѣйствовали такъ же добросовѣстно и самоотверженно, какъ дѣйствовали робкіе, никогда не бравшіе въ руки ружья евреи, которыхъ Шафранскій поощрялъ и училъ стрѣлять, то Умань, можетъ быть, была бы спасена, благодаря дѣятельности и распорядительности Шафранскаго и удивительной отвагѣ, съ которою дѣйствовали евреи, робкіе и невоинственные по природѣ» **).

Такимъ образомъ, пока, въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, 5—7 іюня, толпы вѣрующихъ искали утѣшенія и помощи около паперти «Свентего Кшижа», у Несущаго крестъ свой, евреи, подъ руководствомъ Шафранскаго, готовились къ защитѣ города, вставая до свѣту и обучаясь стрѣльбѣ и другимъ воинскимъ пріемамъ.

Утромъ 8-го іюня, покончивъ съ ученьемъ, Шафранскій и Самсонъ Когенъ поднялись на башню, служившую для Шаф-

---

*) Польскіе писатели, современники описываемаго событія, съ большой похвалой отзываются объ этой мужественной горсти евреевъ.

**) «Гайдамачина», стр. 219.

ранскаго обсерваціоннымъ пунктомъ, и стали поочередно наблюдать въ зрительную трубу. Вдругъ по звенигородскому тракту, за Грековымъ лѣсомъ, показалось облако пыли.

— Я вижу тамъ пыль, но не знаю, отчего она: вѣтру нѣтъ,—сказалъ Шафранскій.—А посмотри ты, пане Самсоне, у тебя глаза свѣжѣе моихъ.

Самсонъ приложился къ трубѣ.

— Я вижу, тамъ что-то движется,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть, новые бѣглецы, обозы?—спросилъ Шафранскій.

— Нѣтъ, кажется, конные... Да, конница, я узнаю.

— А знаменъ и значковъ не видно?

— Вижу и знамена и значки.

— А бравы—цвѣта, масти коней?

— Трудно разобрать.

Шафранскій подошелъ къ трубѣ и навелъ ее.

— Вижу, вижу, это наши казаки,—радостно сказалъ онъ.

— Идутъ сюда?—спросилъ Самсонъ.

— Нѣтъ, кажется, остановились... Я различаю бѣлаго коня, это конь Гонты... Вѣроятно, они разбили злодѣевъ.

— Но, зачѣмъ же они остановились?

— Они остановились какъ разъ у табора бѣглецовъ, вѣроятно, ободрить ихъ радостною вѣстью о побѣдѣ надъ разбойниками.

— Подай-то Богъ, — съ облегченіемъ вздохнулъ молодой еврей.

— Теперь, я вижу, они строятся лавой, флангомъ къ городу, а фронтомъ къ звенигородской дорогѣ,—продолжалъ сообщать свои наблюденія Шафранскій.

Молодой еврей, напрягая все свое зрѣніе, видѣлъ то же самое, хотя неясно.

— Да, они строятся,—подтвердилъ онъ.

— Но это еще что? Езусъ-Марія!—воскликнулъ Шафранскій:—За ними встаетъ новое облако пыли.

— Такъ это, вѣроятно, и есть гайдамаки: казаки ждутъ ихъ, чтобы принять въ копья,—замѣтилъ молодой Когенъ.

— Да, это они, это гайдамаки: они не въ униформѣ, какъ наши казаки, а въ различныхъ одѣяніяхъ,—подтвердилъ Шафранскій.

— Кажется, тамъ двигаются толпы пѣшихъ, не правда ли, пане полковнику?—спросилъ молодой Когенъ.

— Да, это пѣшіе... Вотъ конные остановились лицомъ къ лицу къ нашимъ казакамъ, фронтъ противъ фронта... Что-жъ ни та, ни другая сторона не нападаютъ? Это, должно быть, Желѣзнякъ отдѣлился отъ тайдамацкаго фронта и подался впередъ.

— Верхомъ, кажется?—спросилъ Самсонъ.

— Да, и тоже на бѣломъ конѣ... Но что это!

— А что, пане полковнику?

— Да они оба сошли съ коней, идутъ другъ къ другу... Но, Езусъ-Марія! Что я вижу!

— Они обнимаются, цѣлуются, цѣлуются трижды! Боже! Это измѣна, зрада, предательство!

Зрительная труба выпала изъ рукъ Шафранскаго. Молодой Когенъ подхватилъ ее.

— Да, они разговариваютъ, размахиваютъ руками, показываютъ на таборъ бѣглецовъ,—лихорадочно передавалъ свои наблюденія Самсонъ.

— Дай я посмотрю, коханку,—Шафранскій взялъ трубу изъ рукъ Когена.

— Ну что же?—нетерпѣливо спрашивалъ молодой еврей.

— Вижу... вижу... злодѣй обнажилъ саблю...

— Кто? Гонта? Желѣзнякъ?

— Желѣзнякъ!.. Вотъ онъ махнулъ саблею на таборъ... Толпы ринулись на таборъ...

— О, Адонай Господь! Тамъ все больше наши, израэлиты...

— Рѣзня... рѣзня... я вижу рѣзню... повальная рѣзня... только криковъ и стоновъ не слышно...

— О, Адонай, Адонай!—тихо стоналъ молодой еврей.—Налетѣли ястребы-стервятники...

— Рѣзня! Рѣзня! Все кончено! Идемъ распоряжаться оборономъ города!—съ внезапной энергіей воскликнулъ Шафранскій.

— Идемъ! — повторилъ молодой еврей. — О, проклятіе измѣнику!

— Готовь къ бою свой легіонъ! Вы будете защищать палисады... съ вами и «лизни»... У меня картечь...

Они оба бросились съ башни.

— До брони! До брони, сыны Израиля!—кричалъ сынъ Когена. быстро проходя по площади, наполненной народомъ.

XV. Новая Юдиѳь.

Таборъ былъ вырѣзанъ поголовно, или, какъ выражались гайдамаки, «до ноги». Зарѣзано и заколото было болѣе 6.000 душъ всякаго возраста и пола, почти исключительно евреевъ

Вырѣзавъ таборъ, гайдамаки подступили къ городу. Часть ихъ, миновавъ предмѣстья, бросились прямо къ городскимъ воротамъ, къ мосту, который былъ поднятъ.

Шафранскій, стоя у пушекъ на воротной башнѣ, зорко слѣдилъ за толпою шедшихъ на приступъ. Онъ подпустилъ ихъ на картечный выстрѣлъ. Впереди всѣхъ, размахивая саблей, мчался на буланомъ конѣ Шило. Евреи и «лизни», засѣвъ за палисады съ заряженными ружьями, наблюдали за наступленіемъ.

— О, Ефраимъ! Это онъ! — воскликнулъ младшій сынъ Исаака Когена, который вмѣстѣ съ братьями Самсономъ и Ефраимомъ наблюдалъ за нападавшими—въ щели палисада.

— Кто онъ?—спросили Самсонъ и Ефраимъ.

— Вонъ, впереди всѣхъ, на буланомъ конѣ... Это тотъ слѣпой кобзарь, что пѣлъ у насъ...

— Да, это тотъ, что ты тогда привелъ съ укушеннымъ гадюкою мальчикомъ.

— Онъ! Онъ! О, злодѣй!

На башнѣ послышался рѣзкій голосъ Шафранскаго. Онъ скомандовалъ. Взвился бѣлый дымокъ, и грянулъ залпъ картечи. Нѣкоторые изъ нападавшихъ упали.

— А ну-те, хлопци!—крикнулъ мнимый слѣпецъ-Шило.—Або добути, або дома не бути!

Грянулъ второй залпъ, и нападавшіе дрогнули. Подъ Шиломъ лошадь взвилась на дыбы. Многіе кинулись назадъ.

— Возьмите тихъ, що попадали!—крикнулъ Шило.

Раненыхъ и убитыхъ быстро подобрали.

— А, ляхи кляти!—погрозилъ саблею Шило Шафранскому и пушкарямъ полякамъ.—Мы заразъ вернемось до васъ!

Осажденные готовились вновь жарко встрѣтить незваныхъ гостей. Шафранскій стоялъ у заряженныхъ вновь пушекъ, а евреи и «лизни», просунувъ ружья сквозь частоколъ палисада, ждали своей очереди.

— Такъ панна Вероника правду говорила, что тогда былъ

у насъ вотъ этотъ гайдамакъ подъ видомъ слѣпца,—сказалъ Самсонъ, когда нападавшіе удалились.

— Да, я теперь узналъ его, это онъ,—сказалъ въ свою очередь Ефраимъ.

— И я узналъ,—добавилъ третій братъ,—говорятъ, что это атаманъ Шило.

— Ахъ, злодѣй!—воскликнулъ Ефраимъ. — А я еще тогда помогъ его хлопчику, несъ на себѣ... Такъ вотъ гдѣ настоящая гадюка.

Между тѣмъ, едва сдѣлалось извѣстнымъ объ измѣнѣ казаковъ и Гонты и о гнусномъ истребленіи всего табора, стоявшаго подъ Грековымъ лѣсомъ, какъ ксендзъ и ректоръ Костецкій и другіе католическіе и уніатскіе священники вышли изъ церквей въ полномъ облаченіи, и предшествуемые хоругвями, крестами и святыми дарами, стали совершать по всему городу крестный ходъ. Ихъ сопровождало все населеніе города: вопли, слезы и стенанія заглушали собою церковное пѣніе.

Евреи, дряхлые старцы, женщины и дѣти молились въ синагогѣ.

Между тѣмъ осаждающіе двинулись къ городу громадными массами. Съ гайдамаками шли и уманскіе казаки.

— Готовьтесь, сыны Израиля!—говорилъ Самсонъ Когенъ, обходя палисады.—Теперь настаетъ и наша очередь... Цѣльтесь въ злодѣевъ вѣрнѣе, пусть каждая наша пуля несетъ имъ смерть.

— Безъ промаха бейте, потомки Іисуса Навина!—подтвердилъ слова Самсона Лейба Ротъ, потрясая огненными пейсами.

— Идутъ! Идутъ! О, Іуда Маккавей! Помоги сынамъ твоимъ!—воскликнулъ богатырь Мозесъ Мохеръ.

Лава осаждающихъ разбилась на-двое: одна часть двинулась къ башеннымъ воротамъ, другая устремилась на палисады, перебираясь черезъ окопы.

Снова первыхъ встрѣтила картечь, вторыхъ ружейные залпы изъ-за палисадовъ. На этотъ разъ полегло еще больше. Картечь проложила цѣлую улицу среди нестройной толпы, хлынувшей къ башнѣ, а еврейскія пули, мѣтко поражая стремившихся къ палисадамъ, и убитыхъ наповалъ и раненыхъ опрокидывали назадъ въ окопы.

Это былъ тотъ боевой отпоръ осажденныхъ, о которомъ доселѣ поютъ кобзари:

Ой дошелъ Желѣзнякъ до воротъ,
Да и «здыбалъ три копы» хлопотъ...

— Благодарю, благодарю, мои коханые ученики!—радостно кричалъ съ башни Шафранскій къ евреямъ, вновь заряжавшимъ еще дымившіяся дула ружей.

И второй и третій штурмъ были также отбиты. Разъяренные гайдамаки съ бѣшенствомъ спускались отъ замка внизъ, рыскали по предмѣстьямъ и вымещали свои неудачи на ни въ чемъ неповинныхъ обывателяхъ. Кровь лилась ручьями.

Затѣмъ они съ удвоенною и утроенною яростью шли на приступъ, поддерживая нападеніе свое пушечною пальбой и ружейными выстрѣлами. Ядра и пули ихъ летали надъ головами обезумѣвшихъ отъ страха обывателей, которые продолжали обходить городъ и площади съ хоругвями и крестами, оглашая воздухъ воплями и стенаніями. Насколько были яростны нападенія, настолько же энергична была защита. Неутомимость евреевъ была изумительна. Матери и сестры приносили имъ къ палисадамъ пищу, чтобъ они подкрѣпились; но мужественные защитники ихъ почти отказывались отъ пищи.

— Глотокъ воды, ради всего святого, глотокъ воды!—слышалось иногда въ рядахъ защитниковъ города.

Но воды въ Умани не было ни капли!

Наступалъ вечеръ. Нападенія какъ будто начали нѣсколько ослабѣвать. Съ башни Шафранскаго видно было, что въ гайдамацкомъ станѣ стали разбивать шатры. Особенно видпѣлась одна большая палатка съ вывѣшеннымъ надъ нею кроваваго цвѣта флагомъ, съ чернымъ на немъ крестомъ...

И эта палатка, и этотъ кровавый флагъ съ чернымъ крестомъ видны были даже изъ города.

Скоро стали зажигаться костры въ гайдамацкомъ станѣ.

Наступила ночь, южная ночь, темная, тихая и душная. Осажденные не спали: одни, большинство, всѣ жители, старцы, женщины и дѣти продолжали совершать крестный ходъ, другіе, защитники ихъ, стояли у заряженныхъ пушекъ на башняхъ и надъ воротами или лежали въ засадѣ подъ частоколомъ палисадовъ. Въ гайдамацкомъ станѣ свѣтились костры и двигались

по всѣмъ направленіямъ безпорядочныя тѣни: одни хоронили убитыхъ товарищей; другіе у костровъ варили кашу, жарили барановъ, куръ, поросятъ; третьи предавались оргіямъ.

Но вотъ въ одномъ мѣстѣ замка, съ краю, вдали отъ воротъ, черезъ высокій частоколъ тихо и ни для кого изъ защитниковъ города незамѣтно перебралась какая-то тѣнь, ползкомъ, словно темный комъ, скатилась въ ровъ, снова такъ же незамѣтно вползла на валъ, и двинулась по направленію къ гайдамацкому стану, держась во мракѣ. Тѣнь то останавливалась, то припадала къ землѣ, двигалась далѣе ползкомъ, снова останавливалась и снова двигалась. Можно было замѣтить, что тѣнь подвигалась къ тому мѣсту, гдѣ бѣлѣлся, освѣщаемый костромъ, массивный конусъ палатки съ кровавымъ флагомъ и чернымъ крестомъ. Тѣнь все ближе и ближе къ этому замѣтному конусу. Она снова остановилась и прилегла. Долго, съ часъ не двигалась она. Костры стали притухать. Движеніе и шумъ въ станѣ замирали. Все тусклѣе и тусклѣе мигалъ костеръ, освѣщавшій палатку съ кровавымъ флагомъ. Вотъ ее почти не видно.

Тѣнь зашевелилась на землѣ и стала двигаться дальше и дальше, ближе и ближе къ главной палаткѣ. Вотъ она почти у самой палатки.

Вдругъ передъ нею какъ изъ земли выростаетъ другая тѣнь.

— Хто се? Якій бисъ крадется по-ночи? Батько отаманъ сплять,—шепчетъ эта тѣнь, хватая за шиворотъ ту, которая двигалась отъ города.

Молчаніе. Пойманная тѣнь старается вырваться.

— Хомо, добрый Хомо, пусти меня,—шепчетъ она.

— Ты хто? Кажи...

Костеръ на мгновенье вспыхнулъ и освѣтилъ блѣдное, прекрасное женское личико.

— Панночка! Се вы!—испуганно, но еще тише прошепталъ тотъ, кого назвали Хомой.

— Я, Хомо... О, пусти меня! Пусти!

— Рахилечка! Панночка! Рыбонька! Що зъ вами? Чого вы прійшли сюды, у наше пекло?

— Хомо! Голубчикъ! Пусти меня! Я пришла убить злодѣя!

— Кого, панночка?

— Желѣзняка...

Хома быстро зажалъ ротъ Рахили. Это была она.

— Панночко! Рыбко! Ходить дальше,—еще тише шепталъ Хома,—тутъ ночуютъ, убьютъ васъ.

Они двинулись назадъ, въ тѣнь.

— Панночко! Рыбко! Ясочко!—шепталъ, цѣлуя руки у Рахили, гайдамакъ.—Его не можно убить, его пуля не бере.

— Я зарѣжу его!—настаивала Рахиль.

— А хочъ-бы й заризали, такъ останеться Гонта, Шило, Неживый, Швачка, все равно пропаде Умань, тилько гирше вамъ буде... Васъ извинничать, убьютъ, а добра не буде, я за васъ боюсь, ясочко!

— О, Боже!—вырвалось изъ груди дѣвушки.

— Не плачьте, ясочко, рыбко! Не плачьте!—чуть не плакалъ самъ бѣдный гайдамакъ.—Идить у городъ, я отведу васъ. Ни, тамъ, убьютъ васъ... Я краще тутъ сховаю васъ, у кущахъ, подъ яромъ.

— Нѣтъ, я лучше умру вмѣстѣ съ своими, я иду на смерть.

Добродушный и недалекій хохолъ совсѣмъ растерялся.

— Якъ-же-жъ то? Панночко! Ясочко! И я зъ вами пиду.

И онъ лихорадочно, дрожа всѣмъ тѣломъ, велъ дѣвушку за руку.

— Я зъ вами умру... я безъ васъ не хочу жить... вы таки добри,—бормоталъ онъ точно въ бреду.

— Зачѣмъ же ты пошелъ къ нимъ, самъ такой добрый?—спросила Рахиль.

— Не можно було, панночко, нейти, вси йдуть, и я пишовъ.

— Та, може, воно сему ще й брехня,—какъ-то безпомощно проговорилъ Хома, разводя руками:—Охъ, панночко, панночко паша! Сонечко ясне!

Но вотъ и городъ, валъ, ровъ, подъемъ, а вотъ и палисады.

Хома бережно подсаживаетъ дѣвушку черезъ частоколъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ почти въ упоръ, и Хома, не вскрикнувъ даже, падаетъ навзничь мертвый.

Утромъ увидѣли во рву его трупъ. Онъ лежалъ въ богатомъ запорожскомъ одѣяніи, раскинувъ руки, такой молодой, красивый. Смушковая высокая шапка съ краснымъ верхомъ валялась поблизости.

За палисадомъ, со стороны города, пришла Рахиль и глянула черезъ частоколъ.

— Бѣдный, бѣдный!—тихо прошептала она и смахнула набѣжавшія на рѣсницы слезы.—И это все надѣлала я, глупая дѣвчонка, вообразивъ себя Юдиеью.

XVI. Умань взята.

На утро приступы возобновились на всѣхъ пунктахъ съ небывалою настойчивостью. Видя упорное сопротивленіе осажденныхъ и особенно страшный уронъ, наносимый гайдамакамъ евреями изъ-за палисадовъ, Желѣзнякъ приказалъ согнать къ Умани всѣхъ жителей окрестныхъ селъ и деревень, Помыйника, Маньковки, Ивановки, Полковничей и другихъ, стараго и малаго, вооруженныхъ топорами, и велѣлъ имъ подрубить палисады подъ неумолкаемой пальбой еврейскихъ стрѣлковъ.

Вдругъ послышался женскій крикъ, а за нимъ и другіе голоса.

— «Лизни» измѣнили! «Лизни» ушли къ гайдамакамъ!

Это былъ голосъ Рахили, которая, миновавъ тѣло убитаго по ея невольной винѣ, бывшаго ихъ наймита Хомы, увидѣла дальше проломъ въ частоколѣ, черезъ который на зарѣ и убѣжали «лизни» на соединеніе съ гайдамаками. Теперь уже они шли на приступъ вмѣстѣ съ согнанными изъ деревень крестьянами.

Въ то же время обнаружилось новое несчастіе. Къ палисадамъ бѣжалъ Ефраимъ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи.

— Всѣ арестанты ушли,—объявилъ онъ товарищамъ по оборонѣ города.—«Лизни», которые обязаны были стеречь острогъ, бѣжали... Арестанты остались безъ караула. Они разломали колодки, разбили тюремныя двери...

— Вонъ они ужъ за окопами,—сказалъ кто-то.

Въ столь грозный часъ опасности, — говоритъ Вероника Кребсъ, въ то время ожидавшая смерти восемнадцатилѣтняя дѣвушка, балованная дочка Младановича — мужество многихъ поколебалось, и неудивительно: кромѣ трудной защиты обширнаго города и страха неумолимаго и дикаго врага, къ тому же еще дни были знойные, а воды въ городѣ ни капли. Жажда и, быть можетъ, отчаянье заставили дворянъ пить вино, медъ и наливки, которыми вели торговлю евреи и большое ихъ количество хранили всегда въ погребахъ. Это иногда уничтожало всякій порядокъ. Одинъ Шафранскій не терялъ духа: онъ вездѣ былъ лично, и правду сказать, онъ одинъ и распоряжался (въ этомъ

случаѣ разсказчица не можетъ уже скрыть полной бездѣятельности своего отца, который, какъ видно по послѣдующимъ его дѣйствіямъ, окончательно потерялъ голову). Гдѣ былъ тогда командиръ регулярнаго, пѣхотнаго отряда, поручикъ Ленаръ, не знаю. Что дѣлали конфедераты? Почему они, привыкшіе къ битвамъ, не защищали Умани, трудно сказать. Шафранскій жаловался на эту толпу дворянства и въ упрекъ ставилъ имъ примѣръ жидовъ, твердо державшихъ свои посты, несмотря на труды и раны. Со стороны гайдамаковъ видно было, что только Желѣзнякъ дѣйствовалъ, ибо онъ ни на минуту не оставлялъ предмѣстій».

Гопта не показывался нигдѣ. Онъ лукавилъ. Онъ зналъ, что и безъ его личныхъ усилій городъ не устоитъ: въ немъ не было воды, а состояніе боевыхъ запасовъ, картечи, пороху, свинцу, ему хорошо было извѣстно. Онъ выжидалъ. Въ случаѣ же могущей нагрянуть сильной подмоги со стороны русскихъ войскъ или со стороны Польши, онъ еще могъ извернуться: онъ лично не добивалъ Умани. Онъ могъ сказать, что ему измѣнили казаки его, что онъ—плѣнникъ Желѣзняка.

— Выгоритъ—мое счастье, не выгоритъ, Максимко (Желѣзнякъ) за все въ отвѣтѣ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Шафранскій, истощивъ всѣ боевые запасы, приказалъ артиллеріи умолкнуть. Должны были замолчать и евреи, и у нихъ вышелъ весь порохъ.

— Выгорѣло!—сказалъ лукавый Гопта, обращаясь къ Желѣзняку.

— Що, пане сотнику, выгорило?—спросилъ тотъ.

— Наша взяла, больше на насъ плевать не станутъ чугунными да свинцовыми плевками.

— А що, братику? Якъ такъ?

— А такъ: у нихъ во рту пересохло, ни воды пѣтъ, ни пороху. Заразъ ворота отворятъ.

Гопта задумался: «Что же теперь будетъ? Что впереди?»

— Що жъ теперь зъ нами буде, пане Максиме?—спросилъ онъ своего союзника.

— А то, що ты теперь будешь воеводою, якъ оце бувъ Потоцькій,—отвѣчалъ Желѣзнякъ.—Мы Потоцького по шапци.

— Добре, я буду воеводою; а вы, пане Максиме, чимъ будете, полковникомъ, чи що?

— Отъ дурень! Та я жъ буду гетьманомъ обохъ сторонъ, якъ батько Хмельницкій.

Тогда Гонта, подозвавъ къ себѣ другихъ сотниковъ и нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ казаковъ, приблизился съ ними къ главнымъ воротамъ замка, такъ чтобъ ихъ могли видѣть и Младановичъ и Шафранскій, стоявшіе на верху воротной башни около умолкнувшихъ и уже остывшихъ пушекъ. Тутъ онъ приказалъ подать себѣ копье и на конецъ его навязалъ бѣлый платокъ. Затѣмъ ему подали другое копье, на которое тоже къ острію былъ привязанъ бѣлый платокъ, какъ парламентерскій знакъ. Поднявъ свое копье съ платкомъ вверхъ и передавая другое копье подручному своему, сотнику Еремѣ Панку, Гонта сказалъ:

— Иди, пане Яремо, съ этимъ копьемъ въ городъ къ губернатору и скажи ему, что такъ какъ я присягалъ своему дѣдичу и пану, Потоцкому, и всему городу на вѣрность, то и теперь не сдѣлаю имъ никакого вреда, если они меня съ казаками добровольно впустятъ въ замокъ; а если не пустятъ, то нѣтъ имъ пощады!

Снова поднявъ вверхъ пику съ платкомъ, Гонта отпустилъ своего посланца.

Ворота замка растворились, и посланецъ былъ впущенъ въ городъ.

Выслушавъ предложеніе парламентера, Младановичъ сказалъ ему, что онъ согласенъ впустить казаковъ въ городъ и сейчасъ же пойдетъ распорядиться этимъ.

— Я прикажу созвать депутацію,—заключилъ онъ,—чтобъ встрѣтить вѣрныхъ своихъ казаковъ съ честью, съ хлѣбомъ и солью, по обычаю, и съ дорогими подарками.

Наскоро собравъ нѣсколько почетныхъ лицъ города, Младановичъ приказалъ просить на совѣщаніе Шафранскаго. Выслушавъ отъ губернатора ультиматумъ Гонты, всѣ пришли къ убѣжденію, что надо покориться. Одинъ Шафранскій не согласился съ общимъ рѣшеніемъ.

— Злодѣи все равно не пощадятъ насъ, какъ не пощадили они ни Смѣлой, ни Лисянки,—сказалъ онъ.

— Но у Желѣзняка не было тогда Гонты,—возразилъ Младановичъ,—намъ дѣлаетъ предложеніе сдаться Гонта, а не тотъ злодѣй.

— Какъ же онъ смѣетъ дѣлать намъ предложенія, когда онъ уже измѣнилъ присягѣ?—возразилъ Шафранскій.

— Онъ можетъ покаяться... Онъ честолюбивъ, мы подѣйствуемъ на эту слабую сторону его характера: вотъ эти почтенныя лица (Младановичъ указалъ на депутатовъ) выйдутъ къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Это подѣйствуетъ на честолюбиваго хлопа.

— Мы его ослѣпимъ подарками, — сказалъ Рогашевскій-отецъ, бывшій въ числѣ депутатовъ.

— Теперь поздно ослѣплять его подарками, панъ подскарбій, когда онъ все можетъ взять, какъ военную добычу,—снова возразилъ Шафранскій.

— Такъ, пане Ксаверій, — согласился Младановичъ, — но польщенный нашей покорностью, онъ пощадитъ нашу жизнь, жизнь нашихъ милыхъ дѣтей.

— Если такъ, то я согласенъ,—уступилъ, наконецъ, Шафранскій.—Только меня онъ не пощадитъ, я увѣренъ.

— Почему же?

— Онъ меня давно не взлюбилъ за то, что я, зная хорошо военное искусство, какъ-то разъ замѣтилъ ему, что въ Пруссіи, у Фридриха Великаго, онъ, Гонта, съ его казаками годились бы только гусей пасти.

— Но онъ могъ забыть это оскорбленіе,—замѣтилъ Рогашевскій.

— Забылъ бы, можетъ быть, еслибъ я вчера не напомнилъ ему объ этомъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Младановичъ.

— А моею картечью, отъ которой онъ прятался, какъ козелъ отъ волка. Но я вотъ что сдѣлаю, чтобъ еще болѣе умилостивить его по отношенію собственно къ почтенному пану-губернатору, который былъ такъ всегда добръ ко мнѣ,—прибавилъ Шафранскій, обращаясь къ Младановичу.

— Что же, пане Ксаверій?—спросилъ послѣдній.

— Поступимъ слѣдующимъ образомъ, — сказалъ Шафранскій,—когда паны депутаты выйдутъ за ворота, чтобы встрѣтить здрайцу-хлопа съ хлѣбомъ и солью, я буду стоять на воротной башнѣ у пушекъ съ зажженнымъ фитилемъ и буду показывать видъ, что собираюсь приложить къ пушкѣ. Панъ губернаторъ будетъ стоять рядомъ со мною и, увидѣвъ, что я собираюсь стрѣ-

лять, съ негодованіемъ и бранью вырветъ изъ моихъ рукъ зажженный фитиль и сброситъ его съ башни.

Лицо Младановича просвѣтлѣло отъ этого предложенія.

— Bene! Optime, пане Ксаверій! — захлопалъ въ ладоши вновь воскресшій «Манлій Капитолійскій».—Геніально придумано! Да этого и Цезарь не придумалъ бы... Да, да! Я съ негодованіемъ брошу фитиль къ ногамъ зазнавшагося хлопа, вообразившаго себя Ганнибаломъ у воротъ Рима... Hannibal ante portas! И хлопъ растаетъ передъ потухшимъ фитилемъ... Геніально!

Великодушное предложеніе Шафранскаго было принято, и депутаты отправились готовиться къ встрѣчѣ дорогихъ гостей.

Тогда-то, по словамъ одного самовидца, осажденные, не надѣясь спасти жизнь свою, тщились только о спасеніи души, а потому одни въ базиліанской церкви, другіе въ приходской исповѣдывались и получали полное разрѣшеніе грѣховъ, какъ передъ смертью. Иные же, не помѣщаясь въ церквахъ, пріобщены были святыхъ тайнъ чрезъ базиліанъ на рынкѣ или на улицахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, страхъ извлекалъ слезы и стоны, всѣ другъ съ другомъ прощались, какъ бы разставаясь навѣки, что дѣйствительно и случилось.

Только Шафранскій и евреи рѣшились встрѣтить смерть съ оружіемъ въ рукахъ; но у нихъ оставалось только холодное оружіе—ножи.

Когда сотникъ Панокъ воротился изъ города и доложилъ, что Умань сдается и высылаетъ депутацію для встрѣчи побѣдителей, эти послѣдніе увидѣли, что подъемный мостъ, который велъ въ главныя городскія ворота подъ защищенною пушками башней, сталъ опускаться на своихъ цѣпяхъ. Слышно было, какъ скрипѣло заржавленное желѣзо.

Желѣзнякъ, Гонта и нѣкоторые атаманы двинулись къ мосту За ними слѣдовали ряды конныхъ казаковъ, гайдамацкая конница и пѣхота.

Отворились ворота. Показалась депутація.

— Эге!—улыбнулся Гонта Желѣзняку.—Дивчина сама до насъ свативъ-старостивъ засыла.

— Давно бы такъ, а то довго нышалась,—отвѣчалъ Желѣзнякъ.

— Грубу колупала,—пояснилъ громко Гонта *).

— А немало, Иродова, наколупала нашего братчика.

Депутація приближалась. Гонта и Желѣзнякъ тоже нѣсколько подвинулись. Вдругъ Желѣзнякъ поднялъ глаза на башню и остановился. Онъ увидѣлъ у пушки Шафранскаго съ горящимъ фитилемъ и Младановича.

— А гляди, пане Гонта, що воно тамъ таке,—показалъ онъ на башню.

Но въ этотъ моментъ Младановичъ вырываетъ изъ рукъ Шафранскаго фитиль и бросаетъ съ башни.

Подошла депутація. Гонта сурово отвернулся отъ хлѣба-соли.

— Что замѣшано на крови вмѣсто воды, того я не принимаю,—сказалъ онъ по-польски.—Отдайте это тому, кто столько лѣтъ точилъ кровь народную.

Депутаты въ ужасѣ посторонились. Гонта проѣхалъ мимо

Въ самыхъ воротахъ его встрѣтилъ Младановичъ съ гордой осанкой, но рыцарски вѣжливо.

— Пане Гонто!—сказалъ онъ.—Угаси пламя бунта, какъ я загасилъ тотъ горящій фитиль.

— Добре, пане подстолій,—отвѣчалъ Гонта по-украински:— вы съ панами-ляхами та ксендзами довго гасили хлопскую душу та пили кровь нашу; а теперь годи!

Гонта проѣхалъ дальше. За нимъ слѣдовали Желѣзнякъ, Шило, Неживый, Швачка. Сзади двигались колонны конницы и пѣхоты. Слышенъ былъ только стукъ копытъ да лязгъ оружія. Улицы были почти пусты.

Гонта ѣхалъ понуро, не глядя по сторонамъ. На душѣ у него было смутно. Онъ въѣзжалъ въ свой городъ какъ побѣдитель, какъ римскій тріумфаторъ; вся страна была въ его власти; онъ, Гонта, когда-то простой хлопъ изъ деревни Росушекъ, теперь— воевода русскій, спихнувшій съ своей дороги всемогущаго Потоцкаго, полновластный владыка надъ жизнью и смертью всей Умащины, онъ думаетъ теперь о томъ хлопѣ, котораго когда-то вводили въ этотъ городъ для службы пану... И вотъ онъ самъ

---

*) «Колупать грубу» (печь)—это когда дѣвушка, во время сватанья, не рѣшается дать согласіе и «колупаетъ печку».

панъ; за нимъ двигаются послушныя тысячи; даже Желѣзнякъ отступилъ на второй планъ.

Онъ вспомнилъ Грековъ лѣсъ, вспомнилъ тотъ весенній вечеръ, когда онъ встрѣтилъ ее тамъ среди весенней зелени. Она стояла безмолвная и смущенная. Кругомъ распустившіяся прелестныя мальвы не могли сравниться съ нѣжностью ея покрывшихся румянцемъ щечекъ... Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ея гибкій станъ. Онъ слышалъ трепетъ ея молодого тѣла... Не было сказано ни слова, и только когда звѣзды высыпали на темномъ небѣ, онъ очнулся отъ какого-то волшебнаго сна...

А теперь этотъ Грековъ лѣсъ, то мѣсто, гдѣ онъ первый разъ въ жизни былъ счастливъ, онъ же самъ залилъ кровью. Даже тѣ мальвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ она приняла его первыя ласки, даже мальвы забрызганы кровью...

Онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся. На него глядѣли чьи-то прелестные, давно-давно знакомые глаза... Онъ узналъ эти глаза: это глаза Марыси, но не той, около которой тогда цвѣли мальвы... Той Марыси нѣтъ, хоть она и смотритъ теперь на него тѣми, прежними глазами, что глянули на него когда-то изъ-за мальвъ... Это была его жена, Марыся. Она пришла взглянуть на его торжество. А около нея его дѣти, прелестные мальчики.

Гонта порывисто отвернулся.

XVII. Геройскій конецъ новой Юдиѳи.

Далеко за полночь гуляли гайдамаки. Гулялъ съ ними на радостяхъ и Шило, который, проведя Когеновъ съ своею невѣстой, Рахилью, въ ихъ домъ и оставивъ около него въ видѣ почетнаго караула нѣсколько молодцовъ, возвратился на площадь къ товарищамъ.

Настало утро. Рахиль не отступилась отъ своего слова. Оставалось только крестить ее, а потомъ и подъ вѣнецъ.

Но, собираясь къ обряду крещенья, Рахиль сказала своему жениху, что, пока она не окрещена, она должна сообщить ему великую тайну. Эта тайна состояла въ томъ, что она знаетъ такое «слово», что ее, Рахиль, никакая пуля не беретъ. «Слово» это она должна сказать жениху до крещенія, а иначе, быть можетъ, «слово» это потеряетъ свою силу.

Суевѣрный гайдамакъ былъ пораженъ. Онъ сталъ спрашивать, какое же это «слово» и дѣйствительно ли съ такимъ словомъ не беретъ пуля. Рахиль увѣряла, что «да»—и предложила ему испробовать на ней самой силу этого «слова».

Сначала разбойникъ не вѣрилъ, колебался; но такъ какъ сама дѣвушка увѣряла, что не боится никакой пули, а жажда сдѣлаться неуязвимымъ вскружила голову кровожадному атаману, то онъ и рѣшился на опытъ.

Вышли на площадь, гдѣ ужъ товарищи Шила ожидали своего атамана, чтобъ вести его невѣсту крестить. Шило объявилъ, въ чемъ дѣло. Изумленные гайдамаки приготовились къ небывалому зрѣлищу.

Шило стоялъ рядомъ съ Рахилью. Дѣвушка была блѣдна, но казалась спокойною.

Шило зарядилъ свою винтовку пулею, какими онъ убивалъ дикихъ кабановъ въ днѣпровскихъ камышахъ, и отошелъ отъ Рахили на извѣстное разстояніе.

— Стань ближе,—сказала Рахиль,—а то можешь промахнуться.

— Ни, не промахнусь: ще ни разу не прокинувъ въ кабана.

— Цѣлься прямо въ сердце,—тихо сказала дѣвушка.

— Добре!

Винтовка наведена. Послѣдовалъ выстрѣлъ, и Рахиль упала, какъ подкошенный цвѣточекъ. Она была убита наповалъ.

Никому не досталась еврейская красавица.

АРХИМАНДРИТЪ ГЕТМАНЪ.

Историческая повѣсть.

I. Избраніе новаго гетмана.

Это будетъ очень грустный разсказъ, тѣмъ болѣе грустный, что герой его, при всѣхъ злополучіяхъ, которыя преслѣдовали его всю жизнь, до самой могилы, едва ли заслужитъ симпатію читателя.

А лично мнѣ онъ симпатиченъ. Я много думалъ надъ нимъ; горькая судьба его меня всегда интересовала, у лѣтописцевъ и историковъ я искалъ разгадки этой личности, хотѣлъ заглянуть въ его душу: и, кажется, я понялъ его. Онъ не былъ такимъ, какимъ изобразила его лѣтопись, а за нею и исторія, которой всегда приходится играть въ жмурки съ прошедшимъ: ловитъ одного, а поймаетъ другого.

Нѣтъ, тотъ, о комъ я намѣренъ разсказать, былъ лучше того, какимъ изобразила его исторія. Онъ не заслуживаетъ ни презрѣнія, ни проклятія, которое будто бы тяготѣетъ надъ его памятью. Только судьба его была очень-очень печальна.

Было тихое майское утро. По небу кое-гдѣ [illegible] колеблемыя чуть-чуть дышавшимъ теплымъ южнымъ вѣтеркомъ, бѣловатыя облачка, заслоняя по временамъ солнце.

Предъ домомъ стараго Хмельницкаго, въ Чигиринѣ, въ молчаливомъ ожиданіи кучились толпы казаковъ, казацкой старшины и народа. Въ воздухѣ вѣяли санджаки, знамена.

Изъ дома на крыльцо въ глубокомъ молчаніи вышли Иванъ Выговскій, войсковой писарь, войсковой асаулъ Ковалевскій, Мартынъ Пушкарь, Тетеря и другіе полковники. Они вынесли войсковые клейноты, булаву, бунчукъ, знамена и стали полукругомъ, лицомъ къ собранію. Лица задумчивы, пасмурны.

За ними, въ сѣняхъ, послышалось движеніе и тихій, сдержанный женскій плачъ.

Въ дверяхъ показалась массивная, но какъ бы придавленная фигура гетмана. Его поддерживали съ правой руки—юный, съ едва пробивающимся пушкомъ вмѣсто усовъ, Юрась, младшій и единственный оставшійся въ живыхъ сынъ стараго Богдана, съ лѣвой—Данило Выговскій, мужъ дочери Богдана, Катри. Черные, ласковые глаза Юрася заплаканы. Ввалившіеся глаза стараго гетмана смотрятъ грустно, устало. По осунувшемуся, потемнѣвшему лицу прошли глубокія морщины. Какъ онъ измѣнился въ нѣсколько дней! Какъ кричатъ эти сѣдины о старости, которой еще такъ недавно никто и не замѣчалъ!

Всѣ сняли шапки съ какою-то порывистою торопливостью.

Хмельницкій слабо повелъ глазами по собранію, глянулъ на Чигиринъ, на разстилавшуюся вдали равнину, на деревья, покрытыя цвѣтомъ, словно розоватымъ снѣгомъ. Кругомъ такая тишина, что слышно жужжаніе пчелъ на ближайшей грушѣ. Въ толпѣ нѣкоторые крестились, словно въ церкви.

— Дѣтки! Казаки! Братцы мои!—заговорилъ гетманъ тихо, слабымъ голосомъ.—Послушайте меня, выслушайте мою послѣднюю волю... Ежели-бъ я долженъ говорить къ тѣмъ, которые не знаютъ нашихъ плачевныхъ обстоятельствъ, то у меня не достало бы ни времени, ни словъ, ни силы. Но вамъ я считаю лишнимъ повторять то, что вы сами знаете.

Онъ остановился и опустилъ голову, какъ бы раздумывая, что выбрать изъ того хаоса мыслей, которыя волнами заливаютъ мысль, когда человѣкъ долженъ сказать послѣднее свое слово въ жизни.

Онъ тихо покачалъ головой и снова ее поднялъ.

— Братья мои! Дѣтки мои! Вѣдомо вамъ столько же, сколько и мнѣ, какія жестокія угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія, ежедневныя мученія терпѣлъ подъ ляхскимъ игомъ злосчастный народъ русскій, и какъ страдала мать наша, православная восточная церковь, лишенная своего богослуженія, угнетаемая ла-

тинствомъ, стопала она въ молчаніи! Наконецъ, посѣтилъ насъ Богъ свыше милостію благодати Своей и подалъ памъ руку помощи, какъ древле Израилю въ Египтѣ... И вотъ возвращено благолѣпіе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства народъ русскій!

Казалось, толпа дохнула полной грудью, свободной грудью, но это былъ болѣе стонъ, чѣмъ вздохъ.

Подъ крышей ворковали голуби. Бѣлое облачко, двигаясь къ сѣверу, на минуту закрыло солнце и легло тѣнью на смущеннаго потупленныя головы.

И Хмельницкій тяжело вздохнулъ.

— Вѣдомо вамъ и то,—продолжалъ онъ какъ бы въ раздумьи,—съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіями совершилось это избавленіе православной церкви и отчизны нашей отъ ига ляхскаго. Волѣ Всевышняго было угодно, чтобъ это совершилось мужествомъ вашимъ, совоинственники милые, казаки-рыцари, и подъ моимъ предводительствомъ. Десять лѣтъ я посвящалъ себя отчизнѣ, не щадя ни здоровья, ни жизни. Но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, я схожу въ могилу, братія и дѣтки, и оставляю васъ на произволъ судьбы!

Стонъ прошелъ по народу. У всѣхъ какъ-то безпомощно опустились руки. Въ дверяхъ сѣней глухо рыдали женщины, семья гетмана.

Гетманъ горько покачалъ головой.

— О-охъ! Мати Божія! — слышались стоны и сдавленныя рыданія.

Гетманъ заговорилъ страстно, порывисто. На мгновеніе воскресъ прежній Хмельницкій, нервный, пламенный.

— Не плачьте, дѣтки! На все Божья воля!—заговорилъ онъ быстро, какъ бы торопясь высказаться.—Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленная, благодарю за ту честь, которую оказали вы мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искреннее послушаніе. Благодарю васъ за храбрость, оказанную вами въ тридцати четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, волохами, татарами! А болѣе всего благодарю васъ за то согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія!

Голосъ его вдругъ оборвался. Онъ гляпулъ на знамена, на бунчукъ, и въ глазахъ его сверкнули слезы.

— Вотъ булава, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты, знаки моей власти. Возьмите, я отдаю ихъ. Изберите себѣ гетмана, кто вамъ любъ. Меня же, братья милые, простите по-христіански, если я, по немощи человѣческой, кого-нибудь огорчилъ или противъ кого-нибудь изъ васъ погрѣшилъ. Простите, дѣтки!

Старикъ поклонился на всѣ стороны и заплакалъ, какъ ребенокъ. Сѣдая голова его какъ-то безпомощно упала на плечо сына и судорожно вздрагивала.

— Тату! Тату!—рыдалъ Юрась, обнимая плачущаго отца.

Кругомъ все плакало. Суровые, закаленные въ бояхъ казаки рыдали, какъ дѣти, кто судорожно смахивая съ загорѣлыхъ щекъ и усовъ ручьемъ лившіяся слезы, кто уткнувъ лицо въ ладони, въ шапки.

Высоко въ небѣ пѣлъ жаворонокъ, гдѣ-то въ кустахъ щелкалъ соловей, свистала иволга.

Отнявъ голову отъ плеча сына и оставляя слезы катиться по лицу и усамъ, старикъ снова заговорилъ болѣе покойнымъ голосомъ.

— Богъ знаетъ, дѣтки, чье это несчастье, что не далъ мнѣ Господь окончить этой войны, какъ бы хотѣлось: утвердить навѣки независимость вашу, освободить Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье, избавить и тамъ оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій благочестивый, принуждаемый къ уніи. Богу иначе угодно было. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ великимъ прискорбіемъ: не знаю, что будетъ послѣ меня. А теперь прошу васъ, дѣтки, пока я живъ, изберите себѣ, при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я хоть отчасти буду знать будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу.

Опять глубокое молчаніе. Горе слишкомъ неожиданно упало всѣмъ на голову. Неужели это правда? Неужели его скоро не станетъ? Нѣтъ, не бывать этому! Неужели опять осиротѣетъ Украина, и опять ляхи въ ней будутъ верховодить!

А старикъ ждетъ отвѣта. Нѣтъ отвѣта. Только угрюмѣе лица стали у казаковъ.

Хмельницкій снова заговорилъ.

— Есть между вами люди опытные и искусные... Изберите

себѣ, дѣтки, либо Ждановича Антона, полковника кіевскаго, либо Тетерю переяславскаго, или Пушкаря Мартына, полковника полтавскаго, а лучше я совѣтовалъ бы вамъ «обрать» Ивана Выговскаго: онъ былъ все время при мнѣ писаремъ, знаетъ всю политику и можетъ управлять войскомъ. Его бы я особенно желалъ видѣть моимъ преемникомъ.

Выговскій немного поблѣднѣлъ и украдкой глянулъ на Юрася. Юрась стоялъ распухшій отъ слезъ.

— Такъ хотите Выговскаго?—настаивалъ гетманъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—быстро выкрикнули нѣкоторые въ толпѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—выступая впередъ, возвысилъ голосъ Пушкарь.—За твои славныя заслуги предъ войскомъ запорожскимъ и предъ всею Украйною, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которымъ ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго, прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ народомъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына.

— Юрія хотимъ! Юрася Хмельниченка!—раздались голоса.

— И мы просимъ Юрія!—подтвердилъ Выговскій.

— Юрася! Юрася! Пускай Юрась гетьмануетъ надъ нами!

Юрась стоялъ неподвижно, глубоко опустивъ голову, блѣдный, испуганный. Казалось, будто его приговаривали къ смерти. Да это и было такъ...

— Вижу, дѣтки мои милыя,—взглянувъ на растерявшагося сына, заговорилъ Хмельницкій,—вижу, что вы любите меня, и благодарю васъ, но не даю вамъ на то моего совѣта: сынъ мой Юрій—дитя молодое: онъ не въ силахъ двигать толикое бремя. Онъ ли въ состояніи нести на своихъ плечахъ обязанность гетмана и въ такое трудное время! Нуженъ для этого мужъ опытный и искусный, а не мальчикъ. Сынъ мой пускай служитъ войску запорожскому, по его лѣтамъ, а вы покровителями и наставниками будьте ему и тѣмъ докажете благодарность свою ко мнѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—возражали разомъ и Пушкарь, и Тетеря.—Хотя сынъ твой и молодъ, но мы дадимъ ему для правленія искусныхъ и дѣйствительныхъ персонъ, которыя будутъ наставлять его мудрыми совѣтами. Если сынъ твой будетъ начальствовать надъ нами, намъ будетъ легче: когда гетманомъ будетъ у насъ

Хмельницкій, мы будемъ любить его, во всемъ его слушаться и будемъ вспоминать и благословлять тебя, батька нашего любаго.

— Такъ! Такъ! Истинно!—раздавались громкіе голоса.

— Юрася! Молодого Хмельниченка! Молодого батька!

Впалые глаза старика блеснули радостью. Онъ положилъ обѣ руки на голову сына.

— Подайте войсковые клейноты,—сказалъ, немного помолчавъ, старикъ.

Тетеря подалъ булаву.

— Возьми, сынку.

Юрась стоялъ, не поднимая головы.

— Возьми булаву,—повторилъ старикъ,—она твоя.

Юрась дрожащими руками взялъ булаву и поклонился собранію.

— Сынъ мой!—снова заговорилъ старикъ.—Не гордись временнымъ господствомъ. Воздавай должную честь старшимъ себя. Не обременяй подчиненныхъ трудами выше того, сколько могутъ снести. Не прилѣпляйся къ богатымъ и не презирай убогихъ. Имѣй равную любовь ко всѣмъ. Да будетъ въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, храни заповѣди Божіи. Не дерзай нарушить вѣрности его царскому пресвѣтлому величеству, ибо и я одинъ разъ присягнулъ, а до смерти остался вѣренъ присягѣ. Если же ты будешь поступать противно этому, то всякое зло, которое произойдетъ отъ тебя, да отвратится отъ другихъ и обратится на твою голову.

— Добре! Добре! — кричали казаки, бросая въ воздухъ шапки.—На счастье, на здоровье, на новаго батька!

— Дай Боже и при новомъ, молодомъ нашемъ гетманѣ жить, такъ жили мы при старомъ: хлѣбъ-соль его вкушать, города турецкіе разорять, славы рыцарства добывать.

Надъ новымъ гетманомъ склонились войсковыя знамена и прикрыли его совсѣмъ. Заиграли трубы, забили литавры. Войсковая артиллерія палила изъ пушекъ, казаки стрѣляли въ воздухъ изъ мушкетовъ.

Но это было только кажущееся торжество, что-то похоронное чуялось въ этомъ мнимомъ торжествѣ.

Когда знамена поднялись и открыли заслоненнаго ими молодого гетмана, онъ попрежнему стоялъ блѣдный и безмолвный

Это былъ все тотъ же Юрась. Такимъ онъ остался и до смерти.

II. «За Юрася! За Юрася!»

Прошло около двухъ съ половиной лѣтъ.

Теперь я попрошу читателя перенестись воображеніемъ изъ Чигирина въ Запорожскую Сѣчь. Тамъ въ это время, въ 1639 г., кошевымъ атаманомъ былъ знаменитый рубака Иванъ Сирко.

Былъ полдень теплаго августовскаго дня. Въ Сѣчи происходило что-то необыкновенное. Войсковой трубачъ трубилъ во всю мочь, а ему вторилъ глухой, но далеко разносившійся металлическій звонъ, однообразный крикъ котораго господствовалъ надъ всѣмъ островомъ и вызывалъ отвѣтное эхо и въ дебряхъ Великаго Луга, и по днѣпровскимъ заводямъ, и въ высокихъ, гористыхъ берегахъ казацкой рѣки: это войсковой «довбишъ», колотя «довбнею» въ войсковое било, окликалъ запорожское товарищество на войсковую «раду».

Словно шершни къ своему гнѣзду, сыпанули къ сѣчевому майдану запорожцы со всѣхъ мѣстъ, кто изъ куреней, кто съ рыбной ловли, съ заводей, кто изъ лѣсу, съ охоты, съ пасѣкъ.

На майданѣ уже собралась старшина, въ кругу, а по сторонамъ толпами бродили и разговаривали казаки.

— Для чего сполохъ бьютъ?—спрашивали вновь приходившіе.

— А катъ его знаетъ!.. Може на татаръ итти, може на ляховъ.

— Нѣтъ, говорятъ, москва разыгралась: залѣзла въ очеретъ да и шелеститъ.

— Брешутъ! Люди брехали, да и намъ наказали.

— Вонъ изъ Гетманщины, сказываютъ, гонецъ пригналъ, листы привезъ.

— Отъ кого? Отъ Выговскаго или отъ Тетери?

— А! Да вонъ, панове, и гонецъ: я узнаю его, это Брюховецкій Ивашка, что былъ джурою еще у батька Богдана, а теперь у его небожчика, у Юрася, что гетманство просвисталъ.

— Да! Съ какимъ пройдисвѣтомъ, какъ Выговскій, и ты бъ просвисталъ. Вѣдь Юрась, въ ту пору какъ еще за покойнаго батька Богдана, земля надъ нимъ перомъ! Его, Юрася, обрали гетманомъ въ Чигиринѣ, онъ тогда былъ еще хлопчикомъ, дитина молодая, всего по шестнадцатому году. А какъ избирали его,

батько и говоритъ: «онъ еще дитя молодое». А старшина и говоритъ: да мы его сами будемъ, до возраста, на все доброе наставлять!»

— Это точно, — перебилъ разсказчика другой казакъ, — я самъ былъ тогда въ Чигиринѣ. Еще потомъ и думу кобзари про это сложили:

Будемъ—говоритъ старшина—поличъ его дванадцять
парсонъ самати,
Будить его добрыми дилами наущати,
Буде междо нами казаками гетьмановати
Намъ порядки давати.

— Слыхали эту думу. Такъ какъ же, дядьку, пройда Выговскій его обошелъ?—обратился молодой казакъ къ тому усатому козарлюгѣ, что заговорилъ о Выговскомъ.

— Кто жъ этого не знаетъ!—отвѣчалъ козарлюга.—Когда еще живъ былъ батько Богданъ, то никто изъ старшины не смѣлъ и заикнуться, что булава гетманская ему спать не даетъ: каждому хотѣлось подержать въ рукахъ эту цяцю. А больше всѣхъ зарились на булаву Пушкарь Мартынъ, царство и ему небесное! и особливо Выговскій, что всегда ляхскимъ духомъ смердѣлъ. Такъ и онъ вилялъ своимъ польскимъ хвостомъ передъ батькомъ: пускай-де Юрась гетьмануетъ. А какъ схоронили старика, такъ и стали надувать въ уши молодому гетману-хлопчику: тебѣ-де надо еще поучиться латыни да всякой мудрости у Галятовскаго у Іоанникія, а пока-де кто-либо изъ старшковъ посидитъ на твоемъ мѣстѣ, нагрѣетъ его...

— И нагрѣли? Вотъ собачьи сыны!

— Нагрѣли... Какъ только старому Богдану засыпали очи сырою землею въ Субботовѣ, разомъ и раду собрали на гетманскомъ дворѣ, да и дворъ заперли, чтобъ черни много не налѣзло, а то бъ народъ не допустилъ бы отнять булаву у Богданова сына. Ну, собрались. Старшина вся на-лицо. Выходитъ изъ свѣтлицы Хмельниченко, кланяется радѣ, благодаритъ за урядъ гетманства, кладетъ булаву и бунчукъ, опять кланяется и уходитъ въ свѣтлицу. И Выговскій тоже благодаритъ за урядъ писарства, кланяется и уходитъ, яко песъ облизываясь на булаву.

— Вотъ пройда! Н-ну!—не вытерпѣлъ молодой казакъ

— Пройдисвѣтъ истинно,—продолжалъ козарлюга.—И Носачъ обозный поблагодарилъ за урядъ обозництва. Отошли всѣ.

А булава лежитъ себѣ сироточкою: каждому хочется цапнуть ее, да страшно: а зась! скажутъ казаки: брысь! руки коротки! А тѣмъ часомъ войсковые асаулы въ одинъ голосъ выкликаютъ: кого волитъ войско и поспольство просить на гетманство? Хмельниченка-Юрія! кричатъ въ одинъ голосъ и казаки, и чернь, особливо чернь, такъ глотки и рвутъ: никого не хотимъ! Пускай Хмельницкій гетьмануетъ, а батько его и изъ могилы сыну пораду дастъ. А Выговскій все ему нашептываетъ: не бери, небого, не бери, послѣ возьмешь, какъ совсѣмъ казакомъ будешь.

— Ну, и что жъ? Не взялъ небога?

— А мы на что! Мы какъ закричимъ: не дадите намъ Хмельницкаго, мы его силой возьмемъ! Ну и отдали.—Вышелъ небожчикъ изъ свѣтлицы, поклонился радѣ, взялъ булаву и бунчукъ, да и говоритъ: пусть будетъ по вашему: буду гетманомъ; только до возрасту я не буду править войскомъ, а какъ только войско будетъ выходить въ походъ, я буду отдавать булаву и бунчукъ Выговскому, а какъ воротится войско, пускай Выговскій опять отдаетъ булаву и бунчукъ мнѣ.—На томъ и порѣшили. Только онъ, собачій сынъ, этотъ Выговскій, не удовольнился одною булавою: надо ему и гетманство выудить. И выудилъ таки, собачій сынъ!

— Выудилъ? Ахъ, онъ пройда! Да какъ же это онъ сдѣлалъ?

— А вотъ какъ.—«Какъ же, говоритъ, панове полковники, и вы, панове товариство, какъ мнѣ свой титулъ писать на листахъ и на универсалахъ въ ту пору, когда я на походѣ буду съ вами, а его милость молодой гетманъ, панъ Орій, будетъ оставаться въ дому ради своего ученія?—Какъ мнѣ, говоритъ, панове, подписываться?—Ни я гетманъ, ни я полковникъ, ни я писарь войсковой?»—А! Какую загнулъ закарлючку, собачій сынъ!

— И вправду загнулъ, дядьку. А какъ же товариство да старшины разогнули ее?

— Не разогнули, хлопче. Онъ ихъ всѣхъ этою закарлючкою зацѣпилъ, какъ вонъ чабанъ своею гирлигою за ноги овецъ зацѣпляетъ: всѣхъ точно мокрымъ рядномъ накрылъ.

— И они дались ему въ руки!

— Не то, что дались, а сами себѣ и петлю завязали.

— Какъ же это такъ, дядечку.

— Да такъ, хлопче, просто и завязали.—«Будучи съ войскомъ, говоритъ товарищество, ты подписывайся такъ:

«Иванъ Выговскій, на тотъ часъ гетманъ войска запорожскаго».—Такъ у него т о т ъ ч а с ъ и по сю пору тянется.

— Дологъ же его часъ!

— Да, а булаву-то и бунчукъ такъ и не отдалъ Хмельниченку, и самъ по сей часъ гетмануетъ.

— Это значитъ, тертаго хрѣну поднесъ.—Н-ну!

— Да какъ же это поспольство ему позволило! Какъ всю старшину не перебили!

— Что поспольство! Оно слѣпое, неграмотное.

— А вы, дядьки, чего смотрѣли?

— Прозѣвали-проворонили.

Майданъ между тѣмъ все больше и больше наполнялся вновь прибывавшими съ разныхъ мѣстъ запорожцами. Въ воздухѣ стоялъ гулъ голосовъ, словно на ярмаркѣ. Изъ этого гула отчетливо выдѣлялось нервное бряцанье бандуры, подъ перебой которой старческій дрожащій голосъ пѣлъ:

Тогди жъ то козаки, поки старую голову Хмельницькаго зачували,
Поти и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитали;
А якъ не стали старой головы Хмельницького зачувати:
Не стали и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитати:
«Эй, Еврасе Хмельниченку, гетьмане молодый!
Не подобало-бъ тоби надъ нами козаками гетьмануватиц
А подобало-бъ тоби наши козацьки курени подмитати.

— Ишь, старая собака! И онъ ту же думу про Юрася поетъ,—замѣтилъ знакомый намъ козарлюга, показывая на кобзаря, сидѣвшаго на майданѣ и тренькавшаго на бандурѣ.

— Вѣрно, подосланъ Выговскимъ, — замѣтилъ молодой казакъ.

— Нѣтъ, это Гарагуля изъ Прилукъ, мы его знаемъ,—отвѣчали другіе.

«Довбишъ» и трубачъ умолкли, и войсковая старшина, кошевой, писарь и куренные атаманы образовали, по серединѣ майдана, полукругъ. Въ серединѣ полукруга стоялъ столъ, на которомъ лежала атаманская булава. Кошевой взялъ булаву и высоко поднялъ ее надъ головою. Это былъ самъ Сирко, плечистый старикъ съ сѣрыми, живыми, какъ у юноши, глазами и длинными сѣдыми усами.

— Панове товариство! — громко сказалъ онъ. — Славное войско запорожское низовое! До васъ есть дѣло.

— Добре, батьку!—раздались голоса.—Мы дѣлу рады!

— Спасибо, дѣтки! Панъ Юрій Хмельниченко прислалъ листъ до коша: кланяется всему низовому товариству, и старшимъ, и молодшимъ.

— Благодаримъ на поклонѣ! А въ чемъ дѣло?

— Прислалъ молодой Хмельницкій своего джуру, Брюховецкаго Ивана.

Отъ куренныхъ атамановъ отдѣлился тотъ, котораго называли Брюховецкимъ. Онъ былъ моложавъ, хорошо одѣтъ, а въ умныхъ глазахъ его свѣтилась самая предательская ласковость.

Онъ ловко, молодцовато выступилъ впередъ и поклонился на всѣ четыре стороны. Въ рукахъ у него былъ пакетъ, который онъ молча и положилъ на столъ.

— У! Ловкій! — прошепталъ почти вслухъ знакомый намъ козарлюга.—Не старшинѣ отдаетъ, а намъ, всему товариству.

Брюховецкій отошелъ отъ стола и остановился въ сторонѣ.

Тогда къ столу подошелъ Сирко и взялъ письмо. Распечатавъ его, онъ подозвалъ писаря.

— Прочитай листъ до громады, — сказалъ онъ, подавая письмо писарю.

Писарь развернулъ листъ и откашлялся.

— На столъ, на столъ, пане писарю!—раздались сзади голоса.—А то заднимъ и не видно, и не слышно.

— На столъ! Да читай голосно!

— Чтобъ въ Крыму и въ Польшѣ, и въ Москвѣ слышно было.

Писарь, которымъ тогда, временно, былъ Лавринъ Капнуровичъ, взобрался на столъ и началъ возглашать, словно дьяконъ съ амвона.

«Славнаго и непобѣдимаго войска запорожскаго низового кошевому атаману, великому отчизны нашей рачителю и защитнику, панамъ куреннымъ атаманамъ съ паномъ писаремъ, всему старшему и меньшему войска запорожскаго товариству, добраго отъ Господа Бога здоровья и на враговъ побѣды и одолѣнія желаючи, съ низенькимъ до земли поклономъ ознаймую симъ нижайшимъ писаніемъ моимъ, что всегда ненавидящій добра душевный непріятель ищетъ того, какъ бы межъ православными христіанами любовь братерскую незгодою заслужить

и изъ брани и кровопролитія радость себѣ и всему бѣсовскому сонмищу учинить».

«Давно ли наша милая отчизна, Украйна-мати, вашими преславными и кровавыми трудами и моего приснопамятнаго родителя державствомъ на высочійшій степень славы и могущества вознесенная, всему міру на удивленіе и пострахъ изъ праха ничтожности и изъ ярма неволи грозно и престрашно воочію явилася! И что же мы зримъ нынѣ! О, тяжкаго срама! О, великія горести! Не содрогаются ли во гробѣ славныя кости родителя моего и вождя вашего, егда духовнымъ очамъ его наша бѣдная Украйна явится, яко убогая, запущенная вдовица нива, татарскими и польскими копытами копей потоптанная, слезами и кровію дѣтей ея, аки дождемъ залитая; о хитонѣ россійскихъ церквей, о мощахъ святыхъ угодниковъ печерскихъ, о святомъ Кіевѣ скоро враги наши жребій метати имѣютъ. Отбираютъ у насъ Кіевъ, пещеры святыя»...

При послѣднихъ словахъ ропотъ прошелъ по собранію.

— Какъ! Пещеры! Кіевъ! Кто отнимаетъ!

— Згода! Згода! Читай дальше!

— Идемъ на Кіевъ! Не дадимъ Кіева!

Кошевой опять поднялъ булаву.

— Панове громада! Дослушайте листъ до конца, тогда скажете вашу волю, — сказалъ онъ, потрясая въ воздухѣ булавою.

— Слухайте! Слухайте, маттери вашей! А то кіями!

Буря стихла. Писарь продолжалъ.

«А кто виною толикихъ бѣдствій отчизны нашей? Выговскій Ивашка! Выговскій, нѣкогда славнаго родителя нашего и нашъ власный писарь, а нынѣ самого сатаны служитель, оторвавшій отъ насъ всю тогобочную Украйну! Не повинны ли очи наши, видячи таковое поруганіе милой матери нашей, отчизны Украйны, отъ стыда и сорому кровавыми слезами плакать! Чіею злохитростію и злобою преслѣдуемый, наглою и несповѣданною смертію погибъ Мартынъ Пушкарь, полковникъ полтавскій, подъ самою Полтавою татарскими саблями въ смерть посѣченный? Его, Выговскаго, злобою и злохитростію! Кто самовольствомъ своимъ заключилъ съ Польшею постыдныя гадячскія пакта, снова Украйну въ неволю ляхскую, аки Израиля фараонамъ во

дни они, предающія? Онъ, духомъ и окомъ ненытый волкъ латинскій, въ шкуру православной овечки обрядившійся! И чего смотритъ славное войско запорожское! Развѣ вы не слышите, храбрые рыцари, голосъ моего славнаго родителя, изъ могилы исходящій: гдѣ вы, храбрые мои низовые товарищи?»...

— Мы тутъ, батьку!—не вытерпѣли нѣкоторые сѣдые усачи дѣти, отозвавшись въ толпѣ.—Еще наши сабли не заржавѣли.

Снова поднялась буря. Сколько ни махалъ кошевой булавою, сколько ни грозили куренные атаманы кіями, ничто не помогало. Всѣ требовали немедленнаго похода противъ Выговскаго въ защиту правъ Юрася Хмельницкаго и всей Украйны. «За Юрася! За Юрася!»

Съ трудомъ удалось дочитать воззваніе Юрася. Гонца его, Брюховецкаго, казаки отъ радости закидали шапками, такъ что несчастный чуть не задохся.

III. Юрась въ Чигиринѣ.

Отъ Запорожской Сѣчи перенесемся опять къ Чигирину, нѣкогда сильной крѣпости и столицѣ временныхъ владыкъ «тогобочной», а иногда и обѣихъ сторонъ Украйны.

Подъ этимъ городомъ собирается рада, «великая рада», на которой должно быть провозглашено возстановленіе «Великаго княжества кіевскаго», подъ автономією «князя-гетмана» съ титуломъ «его высочества».

Кто же будетъ этимъ «его украинскимъ высочествомъ?» Кому же иному, какъ не тому же Выговскому, «великому князю Іоанну I-му украинскому»!

Вонъ казаки, вновь «нобилитованные» въ дворянство въ Варшавѣ что привезли съ собою новый высокій титулъ Украйны и ея гетмана: это съ попольски «закренцоными вонсами» Прокопъ Верещака, панъ коморный черниговскій, бѣлокурый, высокій и стройный, какъ тополь, русскій шляхтичъ Сулима и другіе «нобилитованные» хохлики, это они привезли изъ Варшавы такую «цяцю» Выговскому, титулъ «его высочества», а себѣ дворянство.

Вонъ какъ косо смотритъ на нихъ знакомый намъ по Запорожью козарлюга Васюта, по прозванію Макогонъ. Онъ вмѣстѣ съ прочими запорожцами явился на раду.

— А ну, Прокопе,—обращается онъ къ Верещакѣ,—стань противъ солнца: я посмотрю.

— Зачѣмъ?—недоумѣваетъ Верещака.

— Да говорятъ, что тебя дворяниномъ сдѣлали въ Варшавѣ.

— Да, его величество, наияснѣйшій панъ круль, изволилъ побилитовать меня съ прочими.

— И на тебя не гавкаютъ собаки?

Верещака на это только снисходительно улыбнулся.

— Да ну-бо, Прокопе, стань, будь ласка, противъ солнца,— настаивалъ коразлюга.

— Да зачѣмъ тебѣ?

— А! Вотъ еще! Я посмотрю, не стала ли твоя тѣнь длиннѣе, какъ тебя пошили въ дворяне.

Стоявшіе вблизи казаки засмѣялись, а Верещака, гордо подпявъ голову, молча отошелъ въ сторону и сталъ крутить свой щегольской усъ.

По собранію пошелъ гулъ. Съ горы отъ Чигирина, спускалась группа всадниковъ. Впереди, на черномъ аргамакѣ, ѣхалъ Выговскій съ булавою въ рукѣ. На шапкѣ его искрилось въ лучахъ солнца алмазное перо. По сторонамъ его ѣхали полковники и польскіе паны.

Отъ поля, отъ казацкаго обоза, отъ бѣлѣвшихся палатокъ, двигалась другая группа всадниковъ. Впереди, на бѣломъ, какъ лебедь, и съ гибкою лебединой шеей конѣ, ѣхалъ Юрась рядомъ съ Сиркомъ кошевымъ, а по бокамъ ихъ полковники, куренные атаманы, Брюховецкій и прочая старшина. Юрась, послѣ того, какъ мы его видѣли въ Чигиринѣ рядомъ съ больнымъ отцомъ, нисколько не возмужалъ. На нѣжномъ овальномъ подбородкѣ и надъ верхней губой даже пушокъ не пробивался. Рядомъ съ ширококостымъ и плечистымъ Сиркомъ, загорѣвшимъ до бронзоватости, бѣленькій Юрась казался дѣвочкой, одѣтой казакомъ.

Ударили въ литавры, заиграли въ трубы.

Приблизившаяся съ обѣихъ сторонъ старшина сошла съ коней, которыхъ и взяли подъ-уздцы джуры. Первымъ вошелъ въ кругъ Выговскій съ своею свитой, а затѣмъ вступили туда же Сирко, Юрась и прочая казацкая старшина.

Обѣ стороны привѣтствовали одна другую безмолвными поклонами.

Послѣдніе два съ половиною года навели на лицо Выговскаго какія-то тѣни и тонкія, какъ паутина, морщинки: это были какія-то новыя тѣни, какихъ прежде не видно было, да и глаза, казалось, были не его, стоячіе какіе-то. Только когда они встрѣтились съ нѣсколько испуганными глазами Юрася, въ нихъ блеснуло что-то прежнее.

Умолкли литавры, и Выговскій въ короткихъ словахъ объяснилъ цѣль созванія «рады» предъявленіе войску и народу обѣихъ сторонъ Днѣпра «гадячихъ пактовъ» и постановленія варшавскаго сейма «о третьей Рѣчи Посполитой».

— Какая это, пане Иване, т р е т ь я Рѣчь Посполитая?— тихо спросилъ Васюта Брюховецкаго, подкравшись къ нему сзади. — Я и в т о р о й не знаю, не слыхалъ.

— А Литва это в т о р а я Рѣчь Посполитая,—такъ же тихо отвѣчалъ Брюховецкій, — а т р е т ь я — это Украина, я полагаю.

— А нехай и первыя двѣ сдохли бы!

— Тише, слушай, читаютъ пакта.

Дѣйствительно, на возвышеніи, сколоченномъ изъ досокъ и обтянутомъ голубою китайкою, уже стоялъ бѣлокурый Сулима, какъ стройный тополь, и громко читалъ, обратившись лицомъ къ Юрасю и Сирку. .

...«уніи чтобъ не было.

«Митрополитъ русскій, съ четырьмя русскими владыками, по архіепископѣ гнѣзинскомъ засѣдалъ бы въ сенатѣ.

«Войска козацкаго шестьдесятъ тысячъ было бъ.

«Гетману Великаго Княжества русскаго украинскому быть первымъ кіевскимъ воеводою, и генераловъ, и сенаторовъ не токмо изъ римлянъ, но и изъ руссиновъ избирать.

— Изъ какихъ римлянъ?—снова шепнулъ Макогонъ на ухо Брюховецкому.

— Изъ латинъ, изъ ляховъ, — былъ отвѣтъ.

— Такъ и я попаду въ сенаторы?

— Не жартуй, слухай.

«Церкви и монастыри съ доходами ихъ—продолжалъ Сулима,—привернуть знову Руси.

«Да Руси жъ имѣть свою академію, метрики, канцеляріи и типографіи, гдѣ бы и русскіе были учители.

«Самовольства и преступленія, во время войны учиненныя, пустить въ амнистію, инако же миръ будетъ сломанъ.

«Податей имъ до короны польской не давать.

«Обосторонной Украинѣ ни подъ чіимъ владѣніемъ, только подъ правленіемъ быть самого гетмана.

«Король, по свидѣтельству гетманскому, казаковъ нобилитовать долженъ, и для того всегда сто человѣкъ, шляхетства достойныхъ, гетманъ имѣлъ бы.

«Коронымъ войскомъ въ Украинѣ не консистовать, развѣ по нуждѣ, и то гетманъ малороссійскій оными командовалъ бы».

Въ заднихъ рядахъ уже слышался глухой ропотъ. Казаки перекидывались ѣдкими или злыми замѣчаніями.

— Насъ въ шляхту! Это чтобъ на насъ на улицѣ пальцами показывали!

— Нобилитуйте моего Рябка!

— Къ чорту этого дяка! Ишь, взобрался на голубую китайку!

А съ голубой китайки продолжали вычитывать «пакта».

«Козацкому же войску по волостямъ королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ консистовать вольно бъ.

«Гетману украинскому монету бить на жалованье своему только войску во всякихъ нуждахъ».

— И монету бить, и ляховъ бить!—проворчалъ Макогонъ такъ громко, что Юрась даже обернулся.

— Долой съ амбона, непрошенный паламарь! По затылку его! — кричали другіе.

А онъ все читалъ:

«Короны польской панамъ козаковъ на совѣтъ призвать и стараться отворить ходъ водный до Чорнаго моря»...

— Будетъ! Довольно!—кричали казаки. — У насъ уши не польскія!

— Долой съ китайки! Въ шею его!

Вся равнина застонала голосами. Ревъ стоялъ такой, что читать рѣшительно было невозможно.

— Въ огонь проклятую бумагу!

— Долой съ китайки, шляхетскій ублюдокъ, перевертень!

— Молчите, хлопы! Молчать! — огрызнулся было Сулима.

— Га! Хлопы! Ужъ и теперь мы хлопы!—захрипѣлъ Васюта, хватаясь за саблю. — Такъ вотъ же тебѣ, на!

И онъ со всего размаху рубанулъ по бѣлокурой «нобилитованной» головѣ чтеца. Онъ упалъ, обагряя голубую китайку кровью.

Увидавъ кровь, толпа разсвирѣпѣла. Задніе ряды напирали на передніе. Одни добивали и рубили на куски Сулиму, другіе скрещивали свои сабли надъ головой Верещаки и остальныхъ «нобилитованныхъ».

Черезъ нѣсколько минутъ около круга «рады» валялось нѣсколько труповъ. Это были даже не трупы, а безобразные куски мяса и лоскутки кровавой одежды. Выговскій исчезъ...

Затрубили трубы, Сирко, Юрась и вся старшина были уже на коняхъ.

— Труби сборъ до рады! — крикнулъ кошевой главному трубачу.

Трубы перемѣнили тонъ. Казаки опять становились въ порядокъ, образуя плотную стѣну вокругъ старшины.

— Самозванный гетманъ бѣжалъ! — крикнулъ кошевой.— Кого, панове громада, вы хотите въ гетманы?

— Хмельницкаго Юрія! Юрася! Хмельниченка! — послышались въ отвѣтъ единодушные клики. И снова Юрась былъ избранъ въ гетманы, и снова знамена накрыли его всего съ конемъ

Надолго ли, впрочемъ?

— А гдѣ жъ клейноты войсковые? Гдѣ булава и бунчукъ?— спохватились казаки.

— Ивашка Выговскій укралъ, — спокойно отозвался Макогонъ.

— Въ погоню за нимъ, панове! Словить его, ляхскаго попихача!

Но въ этотъ моментъ отъ Чигирина на взмыленныхъ коняхъ прискакалъ небольшой отрядъ казаковъ. Они привезли отъ Выговскаго булаву и бунчукъ и вручили и то и другое Юрасю.

— Самъ отдалъ?—спросилъ Сирко.

— Самъ, пане отамане, — отвѣчали казаки.

— Должно быть, руки жгло чужое добро, — улыбнулся кошевой,—а самъ гдѣ?

— Бѣжалъ въ Польшу, какъ ошпаренный, и жену здѣсь покинулъ: въ Чигиринѣ, въ замкѣ, заперлась съ своимъ людомъ.

Юрась тотчасъ же приказалъ двинуть войска на Чигиринъ. Самъ онъ ѣхалъ впереди рядомъ съ Сиркомъ. Въ глазахъ его свѣтилась радость: онъ не ждалъ такъ легко раздѣлаться съ своимъ сильнымъ соперникомъ.

У самаго города его встрѣтило духовенство съ крестами, иконами и хоругвями. Въ церквахъ звонили въ колокола. Юрась вспомнилъ, что когда-то такъ вездѣ встрѣчали его отца, и не замѣчалъ, какъ сладкія слезы тихо катились по его блѣднымъ щекамъ и разбивались алмазными брызгами о шитый золотомъ чапракъ его бѣлаго арабскаго коня.

Пока онъ въѣзжалъ въ городъ, казаки, по распоряженію Сирка, уже добывали чигиринскій замокъ, громя его наскоро подвезенными пушками. На стѣнѣ тотъ же часъ замоталось бѣлое полотно на длинномъ древкѣ.

— Згода! Згода! Сами сдаются!—кричали казаки.

Когда Юрась со всѣмъ своимъ штабомъ подъѣхалъ къ замковымъ воротамъ, они уже были отворены, и навстрѣчу молодому гетману шла, спотыкаясь и горько рыдая, какая-то женщина въ богатомъ польскомъ нарядѣ. Женщина торопливо подбѣжала и съ воплемъ припала головой къ стремени юнаго побѣдителя.

— Пощади его, пощади!—стонала она,—пощади хоть ради прошлаго!

Юрась узналъ, наконецъ, этотъ голосъ. Сердце его сжалось.

— Вспомни, какъ маленькимъ хлопчикомъ ты любилъ меня...

Да, это ея голосъ, хоть сразу онъ былю и не узналъ въ этой пышной польской пани той, которая такъ дружна была съ его сестрой Катрей и такъ баловала когда то маленькаго Юрася.

Это была пани Выговская, еще за часъ или за два бывшая «пани гетманова» и мечтавшая уже сегодня же быть «ея украинскимъ великокняжескимъ высочествомъ»...

Юрасю стало жаль бѣдной женщины: онъ на себѣ ужъ испыталъ превратность счастья человѣка.

— Не плачь и не бойся ничего,—сказалъ онъ, ласково:— мужъ твой уѣхалъ въ Польшу, и я отпускаю тебя къ нему.

Выговская съ радостнымъ плачемъ цѣловала его желтый сафьяновый сапогъ.

IV. Пораженіе Юрася.

Прошло еще три года. Кажется, не много. Но сколько было пережито за то время несчастнымъ наслѣдникомъ славы стараго Богдана, Юрасемъ!

Вонъ онъ сидитъ на крутомъ берегу Днѣпра и задумчиво смотритъ туда, вдаль, гдѣ за синею дымкою и за ломаною линіею горъ правобережья раскинулась тогобочная Украина. Его ли она? Да и эта, лѣвобережная, его ли? Не обѣ ли онъ опять потерялъ?

«О, глупый, глупый сынъ умнаго отца! Несчастный, только несчастный!»

Эти слова такъ и виштятъ ему мозгъ и душу.

Юрась повернулъ голову. Нѣтъ, не все потеряно, далеко не все! Вонъ за лѣсомъ раскинулось его войско, десятки тысячъ казаковъ и польскихъ жолнеровъ окопались лагеремъ у Днѣпра, а онъ—ихъ полководецъ, безусый юноша—ихъ диктаторъ.

Плохо ему спалось что-то сегодня въ роскошномъ шатрѣ, подаренномъ ему ханомъ Нуррединомъ, и вотъ онъ рано утромъ пробрался сюда, чтобы побыть въ уединеніи. Онъ всегда любилъ уединеніе. Отъ табора доносится сюда глухой гулъ, крики казаковъ и жолнеровъ, ржаніе лошадей. А здѣсь такъ тихо и хорошо, ни шуму, ни говору людского. Только лѣсъ и трава что-то шепчутъ, да Днѣпръ прибрежными струями съ осокой и камышомъ перешептывается, о томъ вѣрно, что не воротиться уже этимъ струямъ назадъ, вотъ сюда, къ этому шепчущему камышу, къ этимъ берегамъ, а катиться имъ все дальше и дальше, до самаго моря, и тамъ сгинуть въ немъ. Да, ничему нѣтъ возврата...

Но зачѣмъ эти горькія думы ему, владыкѣ Украины! Вонъ какой таборище, это все его слуги. Вонъ какъ крѣпко окопались: ни Сомку Якиму измѣнннику, ни Васютѣ Золотаренку, ни князю Ромодановскому не выбить его изъ этихъ окоповъ

А давно ли, кажется, вся Украина была его! Да тогда, когда пани Выговская въ Чигиринѣ цѣловала его запыленные сапоги.

И проносится передъ нимъ картина за картиной изъ этой бурной жизни... Рада въ Переяславлѣ, когда князь Трубецкой по царскому наказу утвердилъ его въ санѣ гетмана. А тамъ пришелъ съ царскими войсками Шереметевъ... При одномъ воспоминаніи о Шереметевѣ краска заливаетъ блѣдныя щеки Юрася... У нихъ съ Шереметевымъ рада на Кодачкѣ: уговариваются итти за Днѣпръ, на Польшу, до самаго Львова, отобрать всю тогобочную Украйну отъ поляковъ. А Шереметевъ похваляется, что оттуда пойдетъ прямо на Варшаву, возьметъ въ плѣнъ короля и привезетъ его въ Кіевъ, въ неволю. Не по сердцу Юрасю эта похвальба... Кто здѣсь, на Украйнѣ, владыка? Онъ, гетманъ, или этотъ москаль, Шереметъ? Не выноситъ московской грубости мягкая душа Юрася, и онъ съ перваго же дня не ладитъ съ московскимъ военачальникомъ. А тотъ еще пуще голову поднимаетъ: «что-де гетманъ! Мальчишка! Этому гетманишкѣ идетъ лучше гусей пасти, чѣмъ гетмановать!» Юрась собственными ушами слышалъ это, когда Шереметевъ такъ отозвался о немъ въ кругу своихъ москалей, не подозрѣвая, что Юрась близко и слышитъ его. — Хорошо же! думаетъ Юрась: возьмешь ты въ плѣнъ короля... Смотри, какъ бы самъ не попробовалъ крымской неволи... Да оно такъ и вышло... Юрась въ самую критическую минуту бросаетъ Шереметева и соединяется съ поляками... Московское войско разбито на голову, и Шереметева увезли плѣнникомъ въ Крымъ... Это тебѣ за гетманишку, за гусей!..

А тутъ другія воспоминанія тѣснятся въ душу... Все покорилось юрасевой власти, только родичи — Васюта Золотаренко да Сомко Якимъ съ своими полками не хотятъ согнуть шею передъ молодымъ гетманомъ... Такъ я же ихъ заставлю согнуться, заставлю!.. И онъ вызываетъ изъ Крыма Нурредина хана съ ордами и идетъ на непослушныхъ, на Переяславль...

Юрась съ досадою ломаетъ попавшійся подъ руку сучокъ и бросаетъ въ Днѣпръ... Не сдался Переяславль! Не покорился Сомко!.. Одинъ Юрась знаетъ всю цѣну этой неудачи, она ему душу разбила... Съ этой минуты Юрась думаетъ покинуть свѣтъ и постричься въ монахи... Что же случилось?.. Краска стыда и досады опять заливаетъ блѣдныя щеки одиноко сидящаго надъ Днѣпромъ юноши... Съ жгучей болью въ душѣ вспоминаетъ онъ теперь ту роковую ночь, когда... До этой ночи онъ не зналъ, что

такое любовь, а тутъ, къ ужасу, узналъ, но что узналъ!.. Прежде онъ самъ не догадывался, что любитъ эту ясноокую Галю... Тутъ, только, когда, въ ту ночь, онъ нашелъ ее въ саду около пруда, тутъ только онъ узналъ, что любитъ ее... Ночь была душная, и онъ вышелъ въ садъ. Въ темной чащѣ заливался соловей; въ пруду ему вторилъ хоръ лягушекъ. Онъ шелъ къ пруду и встрѣтилъ ее. Точно огнемъ обожгло его, когда онъ взялъ ее за руку... Они сѣли на траву... Онъ не помнитъ, какъ онъ обнялъ ее. Помнитъ только, какъ она вся трепетала въ его рукахъ, и ея горячія слезы капали ему на лицо, когда она цѣловала его и беззвучно шептала: «мой другъ! Мой гетманъ! Мой милый! Развѣ ты не видѣлъ, что я давно люблю тебя»!..

Въ безумномъ упоеніи пролетѣла эта ночь!.. Всю ночь не умолкалъ соловей... Счастливая, блаженая, цѣлуя его руки, обнимая его колѣни, цѣлуя и крестя его голову, она къ утру оставила его. А онъ? Онъ въ глубокомъ отчаяньи ломалъ себѣ руки и съ глухимъ стономъ шепталъ: «мамо! зачѣмъ ты не задушила меня въ колыбели! Зачѣмъ не утопила!.. Кто проклялъ меня! кто!.. Вѣдь я не человѣкъ... я даже не гадина... И гадинѣ дана сила любить, а мнѣ не дана!.. А я люблю, хочу любить»!..

Юрась опустилъ голову на руки и сидѣлъ неподвижно. Востокъ алѣлъ, вотъ изъ-за дымчатой линіи горизонта выкатится солнце.

Вдругъ гдѣ-то за таборомъ прозвучала труба. Другая труба отвѣчала ей изъ табора торопливымъ, тревожнымъ крикомъ. Юрась вздрогнулъ и сталъ осматриваться. Гдѣ онъ? Не тамъ, не въ саду — то былъ сонъ... А онъ на берегу Днѣпра, одинъ не далеко отъ своего табора. Но въ таборѣ тревога, призывъ къ оружію, гдѣ гетманъ!

И онъ торопливо пошелъ къ табору. На встрѣчу ему скакалъ Тетеря.

— До брони, пане гетьмане!—кричалъ онъ издали.—Заразъ бой будетъ.

— Бой? Съ кѣмъ!—заговорилъ Юрась.

— Москва наступаетъ съ Ромодановскимъ и съ нимъ Сомко Якимъ съ казаками.

— Языка взяли?

— Нѣтъ... Да вѣдь съ вечера же твоя милость подъѣздъ выслала въ степь, а теперь къ утру они увидѣли, что все

московское войско идетъ табором, и комонники, и копейники, и рейтарія, а впереди Сомко съ козацкою и московскою пѣхотою.

— А готово наше войско къ бою?—тревожно спрашивалъ Юрась, чувствуя, какъ руки его холодѣютъ.

— Готово, пане, и нѣмцы, и жолнеры мои, а казаки уже выступаютъ изъ табора.

Отъ табора прискакалъ гетманскій джура съ доспѣхами гетмана и съ булавою. Другой казакъ держалъ подъ-уздцы гетманскаго бѣлаго коня подъ дорогимъ чапракомъ.

Юрась тутъ же облачился въ свои доспѣхи и сѣлъ на коня. Въ рукѣ его блеснула дорогая булава, на которой отразились первые лучи восходившаго въ этотъ моментъ солнца. Это была та роскошная булава, осыпанная сапфирами, которая была прислана его отцу королемъ послѣ пораженія польскихъ войскъ подъ Корсунемъ.

Когда Юрась и Тетеря догнали войско, оно уже, предводительствуемое своими полковниками, двигалось на непріятеля. Казацкая конница шла бодро, подъ звуки литавръ—то развернутымъ строемъ, то по-казацки—вразсыпную. Казацкія шапки пестрѣли, какъ верхушки цвѣтущихъ будяковъ и яркія головки маку, и вся картина представляла что-то яркое, кричащее. Насупротивъ ихъ, на перестрѣлъ изъ лука, стройною лавою, словно боръ, двигалась московская пѣхота, точно крестный ходъ съ хоругвями-знаменами. По бокамъ и впереди этого живого, двигающагося бора гарцовали на коняхъ сомковы казаки. Далѣе, за пѣхотою, колыхались ряды московской конницы съ лѣсомъ копій, прикрывая тяжелую артиллерію. Москва надвигалась тихо, молча, строго какъ-то.

Трудно было охватить взоромъ все поле предстоявшей битвы—такъ велики были силы съ обѣихъ сторонъ.

Юрась и Тетеря, въ сопровожденіи штаба и подручныхъ казаковъ, въѣхали на «могилу», на высокій пологій курганъ, откуда видно было все боевое поле впереди, а позади—окопавшійся таборъ, въ которомъ засѣлъ нѣмецкій полкъ въ качествѣ резерва и засады; еще далѣе синѣлся Днѣпръ, а за нимъ—тогобочная Украина.

Польскіе жолнеры, идущіе въ серединѣ войскъ Юрася, не выносятъ московскаго хладнокровія и съ крикомъ «нехъ гине

москаль»! летятъ на пѣхоту, сверкая въ воздухѣ остріями копій и разноцвѣтными значками, словно крыльями бабочекъ. Съ такою же стремительностью несутся туда же и передовые ряды казаковъ. Налетѣли, сшиблись въ облакѣ ружейнаго дыму и пыли поднятой копытами коней. Московскій боръ пошатнулся, заколыхался, дрогнулъ. Но это было только мгновеніе. Боръ продолжалъ двигаться по трупамъ убитыхъ. Снова сшиблись, но уже на всей боевой линіи, и закипѣла рукопашная. Шесть разъ отбрасывали назадъ казаки и жолнеры московскую пѣхоту. На крыльяхъ битвы рѣзались казаки Юрася съ своими братьями— съ казаками Сомка. Уже пѣхота и конница спотыкались на трупы, съ той и другой стороны рѣдѣли войска; а поле ни за кѣмъ не оставалось, имъ пока владѣли трупы.

— Я пошлю въ дѣло нѣмцевъ,—хрипло проговорилъ Юрась, не спуская глазъ съ битвы.

— Рано еще, пане гетмане,—мрачно проговорилъ Тетеря.

— Какъ рано! Давно пора!

— А развѣ его-мосць не видитъ, что Ромодановскій еще не пускалъ въ ходъ свою конницу.

— Я боюсь, что наши не устоятъ.

— Нѣтъ, его-мосць видитъ, что московская лава погнулась и порвана на части а вонъ наши чиригинцы и полки, черкасскій и уманскій, сцѣпились уже съ московскими комонниками, съ рейтаріею.

Сторона Юрася одолѣвала, это и онъ видѣлъ. Словно нервная дрожь пробѣжала по всѣмъ разстроившимся рядамъ московскаго войска. Надъ кровавымъ полемъ уже кружились черныя птицы, которыя всегда, какъ голодныя собаки, слѣдуютъ за войскомъ. Изъ-за Днѣпра летѣли орлы, широко распустивъ крылья. Звонкій клекотъ ихъ отчетливо выдѣлялся въ небѣ изъ-за гула, треска и стоновъ. Жалобное ржанье раненыхъ лошадей терзало душу.

Но Юрась стоялъ на курганѣ, какъ очарованный. Онъ забылъ тягостное воспоминаніе о той волшебной ночи въ саду, когда, казалось, желѣзо прошло чрезъ его душу... Я—не человѣкъ! Нѣтъ, я человѣкъ и побѣдитель!.. Вотъ бы теперь о н а взглянула на меня...

Но что-то какъ будто заходило у него передъ глазами. Что

это! Ряды московскаго войска разступились, отходятъ въ обѣ стороны, бѣгутъ...

Но въ этотъ моментъ что-то грохнуло и, казалось, земля заколыхалась... Еще и еще... Облака дыму заволокли часть поля.

Это Ромодановскій открылъ пушечную пальбу, пустилъ въ дѣло послѣднее средство. Ядра рвали землю, картечь визжала и валила цѣлые ряды сомкнувшейся было казацкой конницы и жолнеровъ.

Юрась затрепеталъ. Затрепетала и булава въ его похолодѣвшей рукѣ. Тетеря стрѣлой полетѣлъ съ кургана къ оторопѣвшему войску. Юрась видѣлъ, какъ онъ указывалъ ближайшимъ полкамъ на таборъ, гдѣ засѣлъ нѣмецкій полкъ съ пушками и съ пушками на валахъ. Молодой гетманъ стоялъ позади праваго крыла войска, прикрытый полками, корсунскимъ и бѣлоцерковскимъ. Онъ поскакалъ къ нимъ и уже на дорогѣ увидѣлъ, что вся его армія даетъ тылъ. Онъ приказалъ своему хорунжему поднять выше гетманское знамя, чтобъ войско знало, гдѣ его военачальникъ.

— Панове козаки!—доносились до него возгласы сотниковъ и полковниковъ.—Закроемъ себя лѣсомъ отъ картечи.

— Раздайся влѣво и вправо! Наши гарматы откроютъ огонь съ валовъ.

Къ Юрасю подскакалъ Васюта Макогонъ съ зіяющей раной на щекѣ.

— Братцы! Прикройте собою пана гетмана отъ картечи,— кричалъ онъ.—А мы умремъ за него!

Но воротить дрогнувшее войско не было уже никакой возможности. Часть полковъ бѣжала мимо табора къ Днѣпру, другая, вмѣстѣ съ Юрасемъ и Тетерею, обогнула лѣсъ и выстроилась въ ряды. Московское войско, копейники и рейтары вмѣстѣ съ казаками Сомка гнали бѣгущихъ прямо въ Днѣпръ, а пѣхота уже лѣзла на валы и съ остервенѣніемъ дралась съ пушкарями на самыхъ дулахъ пушекъ. Таборъ взятъ. Пушки умолкли. Нѣмцы, сбившись въ каре въ одномъ углу табора, среди возовъ, не уступили москалямъ ни пяди земли, и всѣ до одного были перебиты, боясь попасть въ московскій полонъ. Таборъ и поле дымились отъ крови.

Но что дѣлалось на берегу Днѣпра! Пять полковъ, опрокинутые въ воду, загатили Днѣпръ своими тѣлами, такъ за-

гатили, «такъ Днѣпръ наполнили—говоритъ «Самовидецъ»—же за людомъ мало и воды знати было»...

На берегу показались калмыки въ своихъ островерхихъ шапкахъ, нѣсколько запоздавшіе со своимъ ханомъ Дундукомъ, и цѣлымъ дождемъ стрѣлъ обсыпали плывшее и тонувшее въ Днѣпрѣ побѣжденное войско злополучнаго Юрася. Стрѣлы, словно огромныя веретена, съ перистыми концами торчали изъ спинъ умирающихъ и утопающихъ казаковъ. Лошади, прострѣленныя стрѣлами, бились въ водѣ и топили своихъ всадниковъ. Вода въ рѣкѣ окрасилась казацкою кровью.

«Итакъ, тамъ,—говоритъ «Самовидецъ»,—сгибло войска съ руки Хмельницкаго, такъ козаковъ, якъ и ляховъ, тысячей больше двадцати, же ажъ отъ смраду трупу его къ Днѣпру трудно было приступити, а иные трупы ажъ на Запорожже позапосило».

Гдѣ же былъ самъ несчастный предводитель этого погубленнаго имъ, да полно, имъ ли! войска?

Вонъ онъ, уже къ вечеру, съ небольшою кучкою всадниковъ ѣдетъ берегомъ Днѣпра, почти уже противъ Черкасъ. Онъ смотритъ совершенно убитымъ. И безъ того блѣдное лицо подернулось какимъ-то землистымъ налетомъ. Прекрасный конь его, взмыленный, запыленный, едва передвигаетъ ноги. Изъ глазъ благороднаго животнаго катятся слезы. Но Юрась не плачетъ. Его глаза сухи, пересохли, какъ пересохли и губы, почернѣвшія, какъ земля. Онъ ѣдетъ, глубоко опустивъ голову. Онъ упорно продолжаетъ не глядѣть на Днѣпръ: на поверхности его плывутъ трупы казаковъ, кто съ обращенными къ нему остеклѣлыми глазами, кто ничкомъ; во многихъ тѣлахъ торчатъ перистыя стрѣлы; на иныхъ уже сидятъ вороны и орлы, заглядывая имъ въ мертвыя очи.

Жаръ палитъ внутренности несчастнаго юноши. Во рту и въ горлѣ пересохло. Съ рѣшимостью отчаянія онъ спускается къ водѣ, чтобъ напиться изъ Днѣпра, и сходитъ съ коня. Но едва онъ нагнулся къ водѣ, какъ съ глухимъ стономъ опять поднялся... Вода была красная отъ крови...

Тетеря подалъ ему фляжку съ виномъ

— Выпей, пане гетмане, — ласково сказалъ онъ, — подкрѣпись.

Юрась жадно припалъ къ сосуду пересохшими, горячими губами и, возвращая сосудъ, сказалъ:

— Спасибо... Я уже не гетманъ, я потерялъ и войско, и гетманство... Возьми мои клейноты, ты достойнѣе меня: я отдаю тебѣ булаву и бунчукъ... А я...—онъ заплакалъ—Богъ мнѣ не далъ отцовскаго счастья... Я ухожу въ монастырь, тамъ скрою мой срамъ и мое безталанье...

Въ сумерки уже, пересѣкая Днѣпръ наискосокъ, плыла къ Черкасамъ большая казацкая девятивесельная лодка. Въ ней сидѣли Юрась и Тетеря съ немногочисленными своими сподвижниками. Въ другой лодкѣ плыли за ними слуги съ лошадьми.

Юрась сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

Тѣла казацкія попадались на поверхности рѣки такъ часто что отъ нихъ приходилось отпихиваться багромъ и веслами.

V. Юрась-архимандритъ.

Осенью 1663 года, почти черезъ полтора года послѣ разсказаннаго въ предыдущей главѣ, въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ, въ одну изъ субботъ, идетъ всенощная. Молящихся въ церкви очень много, можетъ быть оттого, что службу долженъ былъ совершать молодой архимандритъ Гедеонъ, юноша двадцати двухъ лѣтъ, прошедшее котораго имѣло въ себѣ такъ много трагическаго. Говорили, что у всенощной будетъ и новый митрополитъ Іосифъ, мірская фамилія котораго была Нелюбовичъ-Тукальскій.

Вся знать Кіева съѣхалась въ соборъ. Богатыя и знатныя горожанки, жены и дочери полковниковъ и сотниковъ, много высшаго казачества, все это почтило своимъ присутствіемъ службу молодого архимандрита. Церковь богато освѣщена: зажжены всѣ люстры, паникадила. Передъ образами теплятся тысячи свѣчей.

Служба только что начинается. Съ торжественностью растворяются царскія врата, и въ нихъ, съ кадиломъ въ рукѣ, появляется блѣдный обликъ архимандрита въ богатомъ облаченіи, въ горящей алмазами митрѣ и съ не отросшими еще, какъ у мальчика, волосами. Да онъ и смотритъ мальчикомъ: на бѣломъ, женственно нѣжномъ лицѣ хоть бы намекъ на бороду.

Жить бы только этому юношѣ, а онъ уже умеръ для жизни, онъ монахъ, говоритъ милостиво взоры всѣхъ присутствующихъ.

«Слава святѣй, и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльнѣй Троицѣ», звучитъ мелодическій голосъ архимандрита.

Одна изъ стоящихъ впереди женщинъ, молоденькая дѣвушка, богато, но скромно одѣтая, съ пышною темною косою, услыхавъ этотъ голосъ, вся затрепетала и, увидавъ изъ-за кадильнаго дыма лицо архимандрита, поблѣднѣла, зашаталась, и какъ подкошенная, тихо опустилась, припавъ головой къ церковному помосту.

Она узнала его! Въ архимандритѣ она узнала своего Юрася, своего милаго, своего гетмана, который ласкалъ ее тамъ, въ саду, въ ту дивную ночь, когда въ темной чащѣ пѣлъ соловей, а она цѣловала своего Юрася, замирая на его груди.

Но онъ не узналъ ее—онъ не видѣлъ.

Дѣвушка нѣсколько опомнилась, пришла въ себя, но осталась на колѣняхъ.

Служба продолжалась. Изъ алтаря доносился все тотъ же проникающій въ душу голосъ: «Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу»...

Дѣвушка страстно припадаетъ губами къ холодному помосту: ей кажется, что она лобызаетъ святыя ноги, а слезы ручьемъ льются изъ переполненнаго чувствомъ, изъ переболѣвшаго сердца. Съ поражающей ясностью ей вспоминается дорогой, самый дорогой моментъ ея молодой жизни. Она видитъ передъ собой грустное, задумчивое милое лицо, слышитъ его тихія, въ душу проникающія рѣчи, чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ его близость, его ласки, его просьбы, его обѣщанія,—и вдругъ все исчезло, все, точно бы это былъ сонъ, греза, видѣніе. А потомъ цѣлый годъ мучительной неизвѣстности, тоски ожиданія, сомнѣній. А тамъ страшные слухи, что его разбили гдѣ-то, что онъ въ крымской или турецкой неволѣ, что другіе видѣли его мертвое тѣло, какъ оно плыло мимо Запорожья, а въ груди у него торчала стрѣла. Надо было пережить все это, помириться съ ужаснымъ сознаніемъ, что его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, что никогда, никогда ужъ не придетъ онъ больше, не возьметъ ее съ собой, не назоветъ своею Галею, своею «черною Галочкою». И она пережила этотъ ужасный, длинный, какъ вѣчность, годъ, и все думала, все плакала о немъ, вспоминала и поминала его. Еще сегодня утромъ онъ молилась здѣсь, въ этомъ соборѣ, о немъ же, служила панихиду, и дьяконъ возглашалъ о спасеніи

души раба божія, на брани убіеннаго Георгія, все его же, милаго Юрася.

И вдругъ онъ не убитъ, онъ живъ! Но нѣтъ, это должно быть не онъ. Какъ же онъ могъ забыть свою «черную Галочку» и пойти въ монахи!

Но вотъ царскія двери опять отворяются. Дѣвушка, утеревъ слезы, вся превращается въ зрѣніе. Изъ сѣверныхъ дверей выходитъ то же милое видѣніе, блѣдное, задумчивое лицо подъ сверкающей алмазами и сапфирами митрой. Это онъ, это милый Юрась. За нимъ идетъ дьяконъ, тотъ самый, что сегодня утромъ возглашалъ на брани убіеннаго Георгія. Они становятся передъ царскими вратами. Дьяконъ, поднимая руку съ орарем, говоритъ такъ протяжно, торжественно: «Благослови, владыко, святый входъ». Онъ, Юрась — владыка! Да, онъ владыка всей Украйны. И на слова дьякона милый голосъ, его голосъ! отвѣчаетъ: «Господи! Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ!»

Боже! Да это онъ, онъ! Этотъ голосъ шепталъ ей ласки подъ трели соловья, эти милые глаза смотрѣли ей въ душу, эти губы цѣловала она, и ее онѣ цѣловали...

Но онъ не видитъ ее, не узнаетъ, и оба они съ дьякономъ исчезаютъ въ алтарѣ. А митрополичій хоръ, точно хоръ ангеловъ, изливаетъ всю душу въ дивной мелодіи—«Свѣте тихій»...

— О, Свѣте тихій!—И дѣвушка снова рыдаетъ, припавъ къ холодному полу, такъ и изливается въ слезахъ, въ слезахъ благодарности милостивому Богу... Въ душу ея сошелъ этотъ божественный «Свѣтъ тихій», и она рыдаетъ, рыдаетъ...

Какъ чудный сонъ, прошла служба, пѣніе ангеловъ, и никогда въ жизни дѣвушка не молилась такъ горячо, такъ благодарно, какъ молилась этотъ разъ милосердному Богу.

Наконецъ, она опять видитъ его. Они выходятъ вмѣстѣ съ дьякономъ и молятся, долго молятся за весь міръ, о всякой душѣ христіанской, скорбящей, какъ и она скорбѣла, объ оставшихся и въ отсутствіи сущихъ, о исцѣленіи въ немощахъ, о избавленіи плѣненныхъ...

И вдругъ она слышитъ его голосъ:

«Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече, и милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй ны»...

Онъ глянулъ на нее—онъ узналъ ее... что-то вродѣ слабой краски вспыхнуло на блѣдныхъ щекахъ его — и голосъ его дрогнулъ...

Дѣвушка упала на полъ, какъ подкошенный колосъ...

— Сомлѣла, бѣдная, сомлѣла, — послышался жалостливый шопотъ.

— Галочко! Что съ тобой?

Ее тихо подняли и вынесли на свѣжій воздухъ.

Прошло еще четыре года. Наступила весна 1667 года.

«Боже мой! Боже мой! Вскую мя еси оставилъ? О-о!»

Кто это стонетъ? Кто взываетъ къ доброму Богу словами Іисуса на крестѣ: «Или, Или! Лима самахвани!»

Вонъ тотъ несчастный, который стонетъ. Въ тѣсномъ, мрачномъ и сыромъ казематѣ Маріенбургской крѣпости, что глядитъ на разстилающіяся до Куришгафа и до самаго Балтійскаго моря низменныя равнины, у узенькаго съ желѣзной рѣшеткой окошка стоитъ кто-то блѣдный и измозженный въ монашескомъ одѣяніи, а по впалымъ щекамъ его текутъ слезы. За окошкомъ весна въ полной красѣ и расцвѣтѣ новой жизни природы; издали доносится кукованье кукушки; а здѣсь, по эту сторону тюремнаго окна стоны и слезы. Въ окошко пробиваются косые лучи заходящаго солнца. Тѣни отъ оконной рѣшетки длинными полосами падаютъ на освѣщенную солнцемъ, закоптѣлую тюремную стѣну. Хорошо, что хоть при закатѣ солнце заглядываетъ въ это жилище скорби.

«А вонъ тѣ бѣдные невольники, что въ невольницкой думѣ, такъ тѣ тридцать лѣтъ въ неволѣ пробывали, тридцать лѣтъ свѣту, солнца праведнаго въ глаза не видали»,—шепчетъ плачущій, и слезы его понемногу унимаются.

Кто же онъ, этотъ несчастный? Кому же иному быть, какъ не злополучному Юрасю! Удивительная судьба его: шестнадцатилѣтнему мальчику судьба эта даетъ въ руки гетманскую булаву и бунчукъ, судьбу всей Украйны; а лѣтъ черезъ пять эта же судьба надѣваетъ на его безталанную голову монашескій клобукъ, а потомъ митру архимандрита; занесла было судьба свою руку надъ этой горькой головой, чтобы вѣнчать ее или

митрой митрополита, или великокняжеской короной, а вмѣсто того упрятала въ крѣпость.

Юрась отходитъ отъ окошка, становится на колѣни и молится. Но слова молитвы мѣшаются съ воспоминаніями, которыя роемъ тѣснятся въ его душу, чередуясь между собою — то горькія, то горько-отрадныя, то такія, отъ которыхъ душа обливается кровью. Вспоминаются ему послѣдніе годы его незадавшейся жизни. Послѣднее служеніе всенощной въ Софійскомъ соборѣ и эта плачущая дѣвушка, которая одна, хотя на нѣсколько мгновеній, свѣтомъ своей любви и ласки освѣтила ему эту темную, нерадостную жизненную дорогу, отъ гетманства приведшую его къ тяжкому заточенію. А что онъ далъ этой бѣдной дѣвушкѣ! Одно горе, какъ и самъ отъ нея взялъ, только горе! Да отъ нея ли, полно? Горе это дала ему мать, родившая его такимъ несчастнымъ.

Эту памятную ему всенощную онъ совершалъ наканунѣ отъѣзда своего вмѣстѣ съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ въ Бѣлую Церковь на свиданіе съ королемъ Яномъ Казимиромъ.

Помнитъ онъ это свиданіе! Никогда не забудетъ его... Король принялъ его такъ милостиво, много лестнаго говорилъ о покойномъ отцѣ его, выражалъ желаніе видѣть сына Богдана Хмельницкаго, архимандрита Гедеона, на митрополичьемъ престолѣ въ Кіевѣ. «Пусть имена Хмельницкихъ,—пояснялъ король,—возвеличутъ славу возстановленнаго ими Великаго Княжества Украинскаго, чтобы Хмельницкіе, въ союзѣ съ Польшею, оставили престолъ великаго Кіевскаго князя Владиміра за потомствомъ Богдана I-го».

«Вотъ и оставили!.. Сынъ Богдана I-го сидитъ на престолѣ въ маріенбургскомъ казематѣ... А за что! Все по проискамъ милаго родственника Павлика Тетерки, этой лисички въ овечьей шкуркѣ... Онъ нанаушничалъ на насъ королю, что мы съ митрополитомъ и Гуляницкимъ Григоріемъ тайно противодѣйствуемъ введенію уніи въ Украйнѣ. Да и какъ ее ввести, когда народъ ее ненавидитъ?»

Кукушка подлетаетъ подъ самое окошко тюрьмы и кукуетъ. Юрась забываетъ и молитву, и свои горькія думы. Онъ только прислушивается къ кукованью дорогой гостьи. Можетъ быть, она съ Украйны прилетѣла. Можетъ быть, это душа горькой Гали...

«Хоть бы она черною галочкою прилетѣла ко мнѣ... А все такъ ли цвѣтутъ поля на Украйнѣ? Попрежнему ли стелется хрещатый барвинокъ, цвѣтетъ зеленая рута, могилы съ вѣтромъ разговариваютъ и шумятъ вербы по-надъ прудомъ?»

Кукушка снова кукуетъ.

— Зозуля, зозуля, скажи, сколько еще лѣтъ томиться мнѣ въ этой темницѣ?

Кукушка начинаетъ куковать, и кукуетъ безъ конца.

Узникъ снова смотритъ въ свое одинокое окошечко. Грустная, однообразная картина. Внизу, въ пологихъ берегахъ, тихая Висла катитъ свои мутныя волны въ чужое, незнакомое море, къ холодному сѣверу. Какъ все это непохоже на родной, далекій Днѣпръ, могучіе валы котораго катятся къ жаркому югу, къ родному Черному морю, родному потому, что по немъ часто плаваютъ казацкія чайки. А тутъ медленно двигаются безобразныя массы плотовъ, неуклюжія барки — но все же это движеніе, жизнь, не неволя. Легче было бы, кажется, томиться въ крымской или турецкой неволѣ, гремѣть кандалами на невольничьихъ рынкахъ Кафы или Козлова, работать на турецкой галерѣ гдѣ-нибудь въ Босфорѣ, чѣмъ изнывать здѣсь въ одиночествѣ. Тамъ бы хоть довелось увидѣть своего брата-казака невольника или родную украинку, «бранку», продаваемую на рынкѣ. А здѣсь никого, никого! И вспоминается ему Іоанникій Голятовскій, учитель его, какъ онъ разсказывалъ Юрасю о такомъ же несчастномъ, какъ Юрась, римскомъ поэтѣ Овидіушѣ, котораго изъ Рима заслали куда-то къ скифамъ, и онъ до смерти томился въ далекомъ изгнаніи. Та же, вѣроятно, участь ждетъ и Юрася.

Вдругъ за тюремной дверью послышалось какое-то движеніе, шаги въ темномъ коридорѣ, звяканье тюремныхъ ключей— такъ знакомо оно стало душѣ Юрася въ эти долгіе годы заточенія! Раздаются голоса митрополита Іосифа, полковника Гуляницкаго, они вѣдь въ одно время съ Юрасемъ заточены въ Маріенбургъ... Еще чей-то знакомый голосъ, но чей—Юрась не можетъ узнать... Слышно, какъ ключъ вкладываютъ въ замочную скважину...

У узника отъ ужаса волосы шевелятся на головѣ... Это пришли вести на казнь! За что же!

А подъ окномъ въ тюремномъ саду заливается соловей.

Тяжелая дверь со скрипомъ отворяется, и въ ней показываются тюремный смотритель, митрополитъ Іосифъ Гуляницкій и еще какой-то казакъ, но не арестантъ.

— Сынъ мой! Архимандритъ Гедеонъ! Молись Всемогущему Богу!—торжественно и радостно говоритъ митрополитъ, поднимая руки къ небу.

Юрась молчитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Молись, сынъ мой! Онъ, источивый воду изъ камене, изведшій Израиля изъ Египта, изводитъ нынѣ изъ темницы души наши.

— На казнь! За что же!

— Не на казнь, сынъ мой, а на волю, на свѣтъ широкій, на Украйну, на ясныя зори, на тихія воды... Вотъ казакъ Васюта присланъ гонцомъ отъ его милости, наияснѣйшаго пана круля нашего Яна Казимира и отъ гетмана короннаго Павла Тетери съ приказомъ немедленно освободить насъ.

— Боже правый! — съ радостнымъ стономъ падаетъ Юрась архимандритъ на колѣни.

Всѣ остальные, кромѣ тюремщика, становятся на колѣни и остаются такъ нѣсколько минутъ.

— Поцѣлуемся же, братія! Обымемъ другъ друга.

— Поцѣлуемтесь!

И мужественное, съ шрамомъ черезъ всю щеку, лицо наклоняется надъ Юрасемъ. Это обнимаетъ его козарлюга Макогонъ Васюта, души нечаявшій въ своемъ бывшемъ не задавшемся гетманѣ. Онъ и теперь называетъ его гетманомъ.

— Почоломкаемось, пане гетьмане, та дуже, дуже!

VI. Юрась въ Едикулѣ—въ заточеніи.

Прошло еще два года.

Читатель видитъ, что я веду свою скорбную лѣтопись о Юрасѣ, о бѣдномъ Юрасѣ, почти годъ за годъ, какъ она занесена въ тотъ скорбный листъ, который называется, по ошибкѣ, исторіею Украйны.

Юрась на свободѣ, и уже не монахъ, не архимандритъ, а казакъ, запорожецъ. Вонъ онъ во главѣ казацкаго и татарскаго войска выступаетъ изъ Бахчисарая, изъ столицы крым-

скихъ хановъ, рядомъ съ новымъ гетманомъ тогобочной Украины, противникомъ другого претендента на булаву и бунчукъ батька Богдана, Петра Дорошенка.

Пока Юрась служилъ въ Софійскомъ соборѣ всенощныя и обѣдни, а потомъ замаливалъ свои, невѣдомыя ему самому, прегрѣшенія въ Маріенбургской цитадели, на Украйнѣ верховодили, надъ тогобочною—Павло Тетеря, успѣвшій жениться на сестрѣ Юрася, хорошенькой Степѣ, вдовушкѣ Данилки Выговскаго, надъ сегобочною — Ивашка Брюховецкій, бывшій джура юрасинъ. Но недолго они верховодили, какъ и все недолго стояло на Украйнѣ. Потомъ надъ всею Украйною верховодилъ «Петрушка Дорошонокъ», какъ его москали называли. А теперь вонъ ѣдетъ отнимать у него булаву Ханенко съ Юрасемъ.

Окруженные полковниками и мурзами, осѣненные казацкими и туренкими съ полумѣсяцемъ знаменами, подъ звуки торжественной музыки, Ханенко и Юрась, отъѣхавъ нѣсколько отъ Бахчисарая, остановились, чтобы подождать нѣкоторыхъ мурзъ, которые должны были прійти изъ Акмечети, Карасубазара и Кафы.

Юрась, сидя на богатомъ татарскомъ сѣдлѣ, повернулъ своего коня и задумчиво глядѣлъ на оставшуюся за ними, всю утопавшую въ зелени кипарисовъ и пирамидальныхъ тополей столицу хановъ. Уютно, живописно раскинулась она вдоль глубокаго ущелья, по которому протекаетъ журчащая мутными водами Чюрюкъ-су, съ нависшими надъ нею съ обѣихъ сторонъ сѣро-пепельнаго цвѣта скалами: они прячутъ этотъ дорогой алмазъ Крыма отъ взоровъ сильныхъ сосѣдей, съ завистью и боязнью ожидающихъ каждый годъ налета крымскихъ орловъ изъ этого уютнаго гнѣзда. Далѣе, на южномъ горизонтѣ высится великанъ-гора, гигантскій Чатырдагъ, тронъ Аллаха.

По ту сторону Чюрюкъ-су двигались въ походъ татарскія силы, караваны навьюченныхъ шатрами верблюдовъ, конные мурзы и татары въ своихъ характерныхъ шапкахъ и чалмахъ. Развѣвались въ воздухѣ знамена, значки. Слышался ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей. Зной стоитъ въ долинѣ. Хоть бы облачко на голубомъ небѣ.

— О чемъ задумался, панъ Юрій?—спросилъ Ханенко, поворачивая своего коня.

— Да вотъ объ этомъ Крымѣ, — попрежнему задумчиво отвѣчалъ Юрась, глядя вдаль.

— А что? Хорошее гнѣздо свили ханы?

— Хорошее, только изъ нашего хворосту да изъ нашихъ перьевъ: сколько тутъ томится нашего брата, казака-невольника!

— Скоро не будетъ этого: будемъ жить въ мирѣ и дружбѣ и будемъ холить нашу неньку Украйну, я—тогобочную, ты сегобочную.

— Какъ-то еще справимся съ Дорошенкомъ! Пока мы здѣсь, онъ успѣетъ вызвать турокъ себѣ на помощь: вѣдь онъ султановъ улусникъ.

— Не успѣетъ вызвать.

— А Сирко съ запорожцами?

— Запорожцы нашу руку держать будутъ: имъ съ Дорошенкомъ заодно стоять не рука.

— Да и за меня теперь Сирко не станетъ: онъ на меня теперь адомъ дышетъ.

Какъ бы то ни было, походъ состоялся, и въ концѣ сентября Юрась и Ханенко со своими союзниками-татарами подступили уже къ Умани. Но какъ и опасался Юрась, Дорошенко успѣлъ снестись съ силистрійскимъ пашой, который и выслалъ ему въ помощь бѣлогородскую орду.

Дорошенко встрѣтилъ ихъ съ частью тогобочныхъ полковъ подъ Стебловымъ и принялъ бой.

Юрась одолѣвалъ. Военное счастье, казалось, первый разъ улыбнулось ему въ жизни. Онъ забылъ и свое монашество, и одиночное заключеніе въ Маріенбургской крѣпости, и свою несчастную любовь. Онъ видѣлъ уже себя въ Кіевѣ не въ монашеской рясѣ, не съ кадиломъ въ рукѣ, а съ булавой, на конѣ, во главѣ всѣхъ войскъ Украйны, а Кіевъ встрѣчаетъ его съ колокольнымъ звономъ, съ хоругвями, какъ встрѣчалъ когда-то сго отца, и въ толпѣ встрѣчающихъ стоитъ она, его чернокосая и черноокая Галя, и плачетъ отъ радости.

Вдругъ позади его раздаются дикіе крики татаръ, его союзниковъ. Это не крики торжества, а что-то иное, страшное.

— Запорожцы! Сирко! Измѣна!—вотъ что означали эти крики.

Васюта Макогонъ, не отходившій со своею сотнею отъ

Юрася, пошелъ смѣло навстрѣчу своимъ бывшимъ пріятелямъ и однокашникамъ, а теперь врагамъ-запорожцамъ, но его слабому отряду нечего было и думать удержать бѣшеный напоръ сѣчевиковъ.

— Ага!—кричали нѣкоторые, издали узнавшіе Юрася.—И сама матушка игуменья тутъ!

— Матушка игуменья! Отецъ архимандритъ! Благословите насъ вамъ хлесту задать!

Запорожцы были не одни. Съ ними нагрянула и бѣлогородская орда.

Завязался ожесточенный бой. Крымскіе татары не устояли и бросились въ бѣгство. Съ ними бѣжалъ и Ханенко съ остатками своего войска. Юрась остался, всѣми покинутый, на мѣстѣ потеряннаго имъ сраженія.

Торжественный въѣздъ въ Кіевъ, звонъ колоколовъ, плачущая отъ радости дѣвушка, все это исчезло, какъ сонъ... Бѣдный мечтатель!

Въ Субботовѣ, резиденціи Хмельницкихъ, великое торжество. Юрась, послѣ многолѣтнихъ скитаній, удачныхъ, а чаще неудачныхъ походовъ и пораженій, послѣ того какъ онъ былъ и гетманомъ, и монахомъ, скитался по Крыму и по татарскимъ степямъ, томился два года въ Маріенбургѣ въ заточеніи и снова былъ разбитъ подъ Стебловымъ,—послѣ всего этого Юрась побѣдителемъ воротился, наконецъ, въ свой родной городъ, по улицамъ котораго онъ бѣгалъ когда-то безпечнымъ ребенкомъ. Теперь онъ опять въ Субботовѣ, но уже полновластнымъ гетманомъ. И Демко Многогрѣшный, и Дорошенко, и Суховіенко, всѣ его враги побѣждены, взяты въ плѣнъ и сидятъ теперь въ Субботовѣ подъ карауломъ, и завтра Юрась велитъ имъ головы поотсѣкать. Такъ имъ и надо! Будетъ ужъ, не мало натерпѣлся Юрась. Вонъ и тѣ его враги, Сомко Якимъ и Васюта Золотаренко, и тѣхъ головы полетѣли.

Оттого и торжество такое въ Субботовѣ. Только сегодня, наканунѣ Купалы, Юрась воротился въ свою столицу изъ похода, ведя въ цѣпяхъ плѣнныхъ гетмановъ, какъ римляне вели когда-то плѣннаго Югурту. И объ этомъ ему разсказывалъ Іоанникій Галятовскій.

Чудный лѣтній вечеръ. Вдали горятъ купальскіе огни, и оттуда доносится пѣніе:

Кину веромъ, лину орломъ, конемъ поверну,
А до свого отамана таки прибуду...

Юрась стоитъ на крыльцѣ съ булавою въ рукѣ. Около него вся войсковая старшина, полковники, сотники, асаулы. На дворѣ стоятъ связаные, безъ шапокъ, въ кандалахъ—Дорошенко, Суховіенко, Многогрѣшный. За ними палачи съ сѣкирами.

— Руби головы измѣнникамъ!—крикнулъ Юрась, поднявъ булаву.

Отъ своего собственнаго голоса онъ проснулся...

Что же это такое! Такъ онъ не въ Субботовѣ? Гдѣ же онъ? Что съ нимъ?

Онъ открываетъ глаза. Передъ нимъ стѣны и одно окно, въ которое льются жаркіе лучи солнца. Неужели онъ опять въ Маріенбургѣ? Такъ и это все былъ сонъ?

Онъ встаетъ, чувствуя разбитость во всемъ тѣлѣ, и подходитъ къ окну. Внизу, подъ ногами, за иглами кипарисовъ и тополей, синѣется широкая, широкая рѣка. Но это не Висла. По ней плывутъ турецкія галеры. У людей на головахъ пвѣтныя и бѣлыя чалмы и красныя фески. За рѣкой—высокій гористый берегъ, весь утопающій въ зелени, и вездѣ опять стройные тополи, темные кипарисы, какіе-то дворцы.

Что же это такое! Гдѣ онъ? Неужели и это сонъ?.. Нѣтъ, не сонъ... Онъ что-то начинаетъ припоминать... Да, точно, точно... Онъ въ полѣ. Идетъ битва. Его войска бѣгутъ, а другія войска его окружаютъ и берутъ въ плѣнъ. Онъ въ ставкѣ Дорошенка. Тутъ и силистрійскій паша, и мурзы, и султаны, и чауши. Дорошенко ему говоритъ, что онъ—бунтовщикъ, поднялъ руку на рабовъ блистательнаго падишаха, его и всѣхъ правовѣрныхъ повелителя. За это онъ повиненъ смерти. Но онъ не казнитъ его, а отсылаетъ въ Царьградъ къ самому падишаху.

Да, все это онъ припоминаетъ теперь. Мирзы и чауши везутъ его въ Аккерманъ. Помнитъ онъ, какъ блеснуло ему въ глаза глубокое, безграничное море. Тамъ, за этимъ голубымъ моремъ—Царьградъ.

Раннимъ утромъ галера, вся украшенная позолотою и осѣняемая флагомъ съ полумѣсяцемъ, отплываетъ отъ Аккермана,

а онъ стоитъ у высокаго съ сидѣньями борта и смотритъ на уходящій изъ глазъ городъ, на застилаемую дымкою дали землю. Скоро тонкая, какъ длинное облачко, полоса земли совсѣмъ скрылась изъ виду. Только море кругомъ, да голубымъ шатромъ небо раскинулось надъ головою. Галера двигается тихо. По обоимъ бокамъ ея, разъ-въ-разъ, поднимаются изъ воды длинныя весла, какъ огромныя крылья морской птицы, стройно взмахиваютъ въ воздухѣ и опять погружаются въ море. А веселъ много-много, только не видать тѣхъ, кто работаетъ на веслахъ, они внизу, подъ верхней палубой. И на морѣ тихо, хоть бы вѣтерокъ пробѣжалъ по поверхности. И ничего не видно на морѣ, ни островка, ни лодокъ, ни галеръ. Только вслѣдъ за этою галерой съ жалобными криками летятъ чайки и поочередно садятся въ море. Дальше стали изъ воды выскакивать какія-то темныя чудовища, ни то рыбы, ни то звѣри: покажетъ спину и съ глухимъ фырканьемъ опять кувыркается въ морѣ.

Долго, долго плыветъ галера. Тоска невыносимая. Къ вечеру налетѣлъ вѣтеръ, разыгралась буря, и стало метать галеру по морю, какъ щепку. Вспоминаетъ Юрась овладѣвшій имъ тогда ужасъ: какъ ни тяжка была его неволя и мысль о будущемъ, но еще болѣе тяжко и страшно было ждать, трепетать каждую минуту, что вотъ-вотъ налетитъ водяная гора и погребетъ въ морѣ и галеру, и людей. Но потомъ стало такъ тяжко, отъ шума и рева моря, отъ ежеминутнаго опусканья галеры въ бездну Юрась такъ страдалъ, что, казалось, и смерть для него была уже не страшна—только бы ужъ конецъ!

Къ утру буря утихла, но отъ этого было не легче. Юрась испытывалъ невыносимыя муки. Тоска была такая страшная, что хоть въ море броситься. Да разъ онъ и хотѣлъ было кинуться за бортъ, но приставленные къ нему часовые удержали его.

И опять галера поплыла тихо, тихо, медленно покачиваясь. Ряды длинныхъ веселъ опять заблестѣли въ воздухѣ стекавшими съ нихъ алмазными брызгами.

Въ этотъ день Юрась видѣлъ, какъ какихъ-то двухъ человѣкъ, почти голыхъ, съ задней части галеры выбросили въ море, мертвыхъ, конечно; но кого? Ему показалось, что брошенные въ море были съ чубами. Казаки, должно быть.

Скоро онъ догадался, что и внизу, подъ верхней палубой, на веслахъ работали казаки... невольники. Иногда до слуха его

долетали даже отдѣльныя слова его родной рѣчи. Такъ не я одинъ тутъ, думалось ему, и сердце съ болью ныло по родной Украинѣ.

Такъ они плыли нѣсколько дней. Припоминалось теперь, что къ концу дороги онъ совсѣмъ расхворался. Помнилъ, что галера входила въ какую-то широкую рѣку, что стрѣляли изъ пушекъ, а когда пристали къ берегу, то его, почти недвижимаго, вынесли изъ галеры на носилкахъ.

Такъ вотъ куда его привезли. Это и есть тотъ Царьградъ, о которомъ говорилъ Дорошенко.

Только теперь Юрась все припомнилъ: онъ сидѣлъ въ знаменитомъ Едикулѣ, въ грозной Семибашенной крѣпости. Вонъ куда занесла судьба несчастнаго наслѣдника имени Хмельницкаго!

VII. Неудавшійся побѣгъ.

Наступили для Юрася снова тюремные дни. А тюремные дни не то, что дни на свободѣ: часы тянутся безконечно, а дни кажутся годами, такъ что счетъ имъ теряется, и заключенный, открывая утромъ глаза, теряется въ догадкахъ—какой это день, сколько уже дней онъ томится въ заточеніи, сколько лѣтъ? Одинъ день похожъ на другой: дни недѣли теряютъ свои названія, нѣтъ ни понедѣльниковъ, ни вторниковъ. Разъ выскользнулъ изъ памяти одинъ день, и счетъ потерянъ: дни, недѣли, мѣсяцы, годы превращаются въ безконечность. Солнце встаетъ изъ-за того берега Босфора и заходитъ тамъ гдѣ-то, за стѣнами и зубцами башенъ Завтра опять то же и опять, и опять.

Тюремщикъ каждый день молча приноситъ пищу, молча ставитъ на столикъ и удаляется. Юрась сначала заговаривалъ съ нимъ, но тотъ знаками показалъ, что онъ—нѣмой, хотя языкъ своего узника, повидимому, понималъ и исполнялъ то, о чемъ его иногда тотъ просилъ. Юрасю казалось, что онъ не природный турокъ, а вѣроятно сербинъ, только потурчившійся.

Проходили дни, мѣсяцы, казалось, годы. Подстриженные по-казацки волосы давно отросли, какъ подобаетъ для архимандрита, но перебирая ихъ иногда руками, Юрась сталъ замѣчать въ нихъ серебряныя нити: это была уже сѣдина, приближеніе старости. А ему не было еще тридцати лѣтъ. А между тѣмъ жизнь уже кончается

Что-то дѣлается на Украинѣ? Кто теперь тамъ верховодитъ? И неужели всѣ забыли его, сына Богдана Хмельницкаго? Неужели такъ и умереть ему въ этихъ стѣнахъ, глядя на быстробѣгущія воды Босфора да на темные стволы кипарисовъ?

Но съ нѣкотораго времени Юрась начинаетъ замѣчать, что ему стали приносить лучшую пищу, даже изысканную. Что бы это значило?—Даже тюремщикъ сталъ глядѣть какъ-то ласково, сочувственно.

Но вдругъ Юрась былъ окончательно пораженъ, когда тюремщикъ самъ заговорилъ съ нимъ, и на языкѣ совершенно ему понятномъ.

— Доброе утро, господине,—сказалъ онъ тихо, входя къ нему утромъ.

Юрась онѣмѣлъ отъ удивленія, отъ неожиданности.

— Какъ твое здоровіе, господине!—повторилъ тотъ.—Это я не отъ себя говорю.

— А отъ кого же?—изумился узникъ.

— Отъ госпожи моей: госпожа знаетъ господина и жалѣетъ.

— А кто твоя госпожа?—еще болѣе изумился Юрась.

— Моя госпожа, ханымъ моего господина Тугай-бея.

— Какъ Тугай-бея! Мурзы Тугай-бея, друга моего покойнаго отца?

— Не знаю, господине; но онъ—паша Едикула, начальникъ Семи Башенъ.

— Какъ же она, его ханымъ, знаетъ меня.

— Она христіанка, плѣнница изъ Украины, бранка.

— Бранка? Изъ Украины?

— Да, господине: она ужъ лѣтъ пять здѣсь, въ неволѣ.

— А какъ ее зовутъ?

— Не знаю, какъ ее звали на родинѣ: здѣсь ее зовутъ Халиль-ханымъ.

— А какова она изъ себя лицомъ и возрастомъ?

— Лицомъ хубава, лѣпа, бѣла, чернокоса, а возрастомъ млада.

Извѣстіе это глубоко поразило Юрася и внесло какой-то свѣтъ и теплоту въ его одинокую тюрьму. Ему казалось теперь, что онъ не одинокъ въ своемъ заточеніи: его навѣщалъ теперь въ скучные дни, въ безконечныя ночи невидимый, но дорогой образъ соотечественницы... «Халиль-ханымъ, Халиль-ханымъ»!

часто шепталъ онъ въ долгія безсонныя ночи, и сдавалось ему, что она слышитъ его.

Теперь онъ уже смѣло заговаривалъ съ своимъ тюремщикомъ, но тотъ былъ мало разговорчивъ. Однажды онъ таинственно подалъ своему узнику тѣльный золотой крестъ.

— Что это?—спросилъ Юрась.

— Это ханымъ, госпожа прислала господину, — отвѣчалъ стражникъ.

— Для чего?

— Ханымъ говоритъ: пойди, покажи Юрасю Хмельницкому сей крестъ, узнаетъ ли его Дюрди?

Юрасю показалось, что онъ видѣлъ когда-то крестъ у кого-то на груди, даже цѣловалъ; но вспомнить, гдѣ и когда это было—не могъ.

— Я помню этотъ крестъ,—сказалъ онъ, цѣлуя его:—но чей онъ, гдѣ я его видѣлъ и цѣловалъ, не припомню.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, таинственный тюремщикъ заговорилъ болѣе опредѣленно.

Меня прислала ханымъ,—сказалъ онъ,—спросить тебя: хочетъ ли господинъ на волю?

Вопросъ и обрадовалъ, и испугалъ Юрася.

— Кто же не хочетъ воли!—сказалъ онъ—И птица въ золотой клѣткѣ чахнетъ.

— Такъ она дастъ тебѣ эту волю,—пояснилъ тюремщикъ:—хочешь бѣжать?

— Какъ не хотѣть! Но какъ это сдѣлать?

— Бѣжать съ нею и со мной.

Юрася словно обожгли эти слова.

— А если ты предатель? Если ты хочешь погубить меня?

— Ни, господине: я самъ невольникъ, и хочу воли.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Тако, господине у меня уже припасенъ каикъ и ждетъ на берегу Босфора. Въ ночь, когда мы соберемся бѣжать, насъ будетъ ждать у Золотого Рога венецейскій корабль.

— Но куда же повезетъ насъ этотъ корабль?

— Корабль этотъ ѣдетъ съ товаромъ въ Кафу, въ Кафу и доставитъ насъ. А изъ Кафы, говоритъ ханымъ, Нурреддинъ ханъ, союзникъ Юрія Хмельницкаго, выведетъ васъ и на Украину.

Юрась думалъ, что онъ видитъ сонъ, такъ необычайно и такъ вѣроятно было все это! Вырваться на свободу, воротиться на Украину съ ханомъ Нурреддиномъ и съ крымскими ордами, отнять власть у своихъ враговъ и снова держать въ рукѣ гетманскую булаву, что же можетъ быть заманчивѣе этого!—О!—Скорѣй бы только все это совершилось!

Наконецъ, назначенъ и день побѣга. Съ утра тюремщикъ принесъ Юрасю одежду евнуха, наблюдавшаго за гаремомъ Тугайбея: въ ночь онъ долженъ былъ облечься въ этотъ костюмъ.

Какимъ безконечнымъ казался этотъ день для Юрася—послѣдній день его неволи! Солнце, казалось, совсѣмъ не двигалось по небу. Крикъ чаекъ, летавшихъ надъ Босфоромъ, раздражительно, болѣзненно отдавался въ его душѣ. Чайки, казалось, кричали: «смотрите! онъ собирается бѣжать. Надо сказать объ этомъ Тугайбею». Когда онъ, въ болѣзненномъ нетерпѣніи, выглядывалъ изъ своего тюремнаго окошка, тѣни отъ кипарисовъ совсѣмъ не удлинялись къ вечеру. Солнце, сдавалось, остановилось на небѣ.

«Зачѣмъ я не Іисусъ Навинъ, — горячечно думалось Юрасю:—я бы повелѣлъ солнцу сейчасъ пойти съ тверди небесной! Я бы палкой погналъ его къ закату!»

Наконецъ, пришелъ и вечеръ. На Босфоръ, на тотъ берегъ, на кипарисовыя группы и на стройные ряды тополей сошли ночныя тѣни.

За дверью тюрьмы что-то зашуршало. Послышалось, какъ вкладывали ключъ въ замочную скважину. «Идутъ»... Юрась уже былъ облаченъ въ одежду евнуха.

Дверь отворилась и въ тюрьму вошелъ турокъ, закутанный въ плащъ. На головѣ узника волосы встали дыбомъ... «Пропалъ... Меня предали»...

— Юрасю! Милый, коханый мой! Ты не узнаешь меня?

— Галя! Сердце мое! Такъ это ты!

Халиль-ханымъ, это была Галя, съ тихимъ плачемъ поры висто бросилась на шею Юрасю:—ты живъ, ты не забылъ меня, мой гетманъ, мой дорогой!

— Галочка моя! Счастье мое! Такъ и ты въ неволѣ!

— Въ неволѣ, мой голубь сизый!.. Боже! Да ты посѣдѣлъ!

Юрась обнималъ ее, цѣловалъ и плакалъ... Въ дверь послышался осторожный стукъ.

— Намъ пора,—насъ ждутъ!—вырываясь изъ объятій узника, тревожно проговорила дѣвушка. — Идемъ же скорѣй, только бы изъ крѣпостныхъ воротъ выйти, пока меня не спохватятся въ гаремѣ.

Она вся дрожала, закутываясь въ женское покрывало съ головы до ногъ и отбрасывая ногою валявшійся на полу мужской плащъ.

— А этимъ порошкомъ натри себѣ поскорѣе лицо, шею и руки: тогда будешь похожъ на арапа,—торопливо говорила она, передавая Юрасю коробочку съ черпымъ порошкомъ.

Юрась быстро натерся, несмотря на то, что руки его ходенемъ ходили.

Стукъ въ дверь повторился. Дѣвушка порывисто перекрестила своего чернаго евнуха и отворила дверь. Юрась шелъ за нею. Впереди нихъ шелъ тюремщикъ и маленькимъ, замаскированнымъ фонаремъ освѣщалъ узкую боковую лѣстницу, которая вела прямо на дворъ, къ башеннымъ воротамъ.

Въ воротахъ ихъ окликнулъ часовой, и Юрась слышалъ, какъ тюремщикъ что-то отвѣтилъ, упомянувъ «ханынъ». Часовой молча пропустилъ ихъ.

За воротами каменистая тропинка вела къ Босфору. Бѣглецы шли молча. Вечеръ былъ тихій и теплый. Слышно было, какъ гдѣ-то, на одной изъ башенъ Едикула, однообразно кричала почная птица.

Шедшій впереди тюремщикъ издалъ какой-то крикъ, похожій на крикъ выпи. Ему отвѣтили тѣмъ же крикомъ съ берега Босфора.

Они были у воды. Тамъ, за нависшими вѣтвями граната, выступали очертанія остроносой лодки съ балдахиномъ.

Все также молча бѣглецы подошли къ самой лодкѣ. Юрась уже занесъ ногу въ нее, какъ изъ кустовъ выскочили какія-то тѣни и съ крикомъ набросились на Юрася, его спутницу и на ихъ проводника. Въ одно мгновеніе они были перевязаны.

— Тугай-бей!.. Мати Божая! Мы пропали! — вырвался отчаянный стонъ изъ груди Гали. — Милый мой! Я погубила тебя!..

Юрась опять очутился въ своей тюрьмѣ. Ночь, которую теперь довелось ему провести въ своемъ заключеніи, онъ не могъ забыть потомъ во всю остальную жизнь.

Утромъ онъ услышалъ чьи-то стоны за окномъ тюрьмы. Выглянувъ туда, онъ увидѣлъ, что на желѣзномъ, изогнутомъ, какъ огромный рогъ буйвола, крючкѣ, вбитомъ въ столбъ, повѣшенный за ребро корчился въ ужасныхъ мукахъ его бывшій тюремщикъ, а подъ нимъ стоялъ арапъ, гаремный евнухъ Тугайбея, и плевалъ ему въ лицо.

VIII. Юрась подъ Чигириномъ.

Протекло восемь лѣтъ тяжкаго заточенія въ Едикулѣ. Это была цѣлая вѣчность. Но и она прошла.

1677 годъ. Августъ. Утро. Солнце ярко горитъ на золоченыхъ крестахъ церквей Чигиринскаго замка.

Чигиринъ обложенъ огромною турецкою арміею, подъ предводительствомъ «Чорта», Шайтанъ-паши. Такъ называли, за его свирѣпость, Ибрагима-пашу, военачальника турецкихъ силъ. Турецкая армія раскинулась на десятки верстъ къ востоку и къ югу отъ осажденнаго города. Къ сѣверу обложили его татарскія орды. Цѣлый городъ бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ шатровъ съ золочеными полумѣсяцами и звѣздами на верхушкахъ; цѣлыя стада горбатыхъ съ змѣиными шеями верблюдовъ; массивныя, на громадныхъ колесахъ пушки, грозно разинувшія свои пасти на осажденную крѣпость; цѣлый лѣсъ знаменъ, значковъ, волосяныхъ изъ конскихъ хвостовъ бунчуковъ на длинныхъ древкахъ... Сплошною массою усыпали турки высокій старый валъ и уже наводятъ на крѣпость орудія...

На валу показалась статная на арабскомъ конѣ фигура Шайтанъ-паши. Надъ нимъ тяжело повисло въ воздухѣ зеленое знамя пророка. Его окружаютъ паши, мурзы, султаны.

Шайтанъ подалъ знакъ. Загрохотали сотни пушекъ, и отъ этого грохоту, казалось, земля и воздухъ дрогнули, и все зашаталось.

Но рядомъ съ Шайтанъ-пашою, на такомъ же арабскомъ конѣ, только подъ краснымъ знаменемъ, на которомъ изображенъ всадникъ съ булавою въ распростертой рукѣ и золотое яблоко съ крестомъ надъ головою лошади въ перьяхъ,—видѣется кто-то другой, лицо котораго знакомо.

Это—Юрась. Во главѣ стотысячной турецкой арміи съ Шай-

ханъ-пашою и съ многочисленными ордами крымцевъ, онъ пришелъ снова добывать Украйну.

Онъ смотритъ на осаждаемый имъ городъ и не замѣчаетъ, какъ по блѣднымъ щекамъ его текутъ слезы и падаютъ на бѣлую гриву коня. Бѣдный Юрась! Сколько онъ пережилъ и сколько переживаетъ въ этотъ торжественный для него и горькій моментъ! Вѣдь именемъ его громятъ теперь этотъ городъ, гдѣ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, стоя рядомъ съ больнымъ отцомъ, онъ провозглашенъ былъ гетманомъ. Двадцать лѣтъ! Легко сказать! Тогда онъ былъ мальчикомъ, а теперь вонъ сколько сѣдины въ его нѣкогда черныхъ, какъ смоль, волосахъ, такъ и кричитъ эта сѣдина, это серебро жизненныхъ тревогъ! Его именемъ гремятъ эти сотни пушекъ. А имя его теперь не просто «Юрась», «Юраська», какъ обзываютъ его казаны, а вотъ какое: «Георгій-Гедеонъ-Венжикъ Хмельницкій, зъ Божой ласки князь русскій и сорматскій, гетманъ запорожскій». Вонъ какое имя «Божіею милостію» Dei gratia. А давно ли онъ сидѣлъ въ Едикулѣ, въ темномъ казематѣ!

И слезы невольно текутъ по щекамъ... Вся жизнь его—сцѣпленіе величайшихъ превратностей. Эти слезы, застилающія отъ него Чигиринъ и всю грозную картину боя, не могутъ заслонить далекихъ картинъ прошлаго. Они росятъ, именно теперь, на валу передъ Чигириномъ, бокъ-о-бокъ съ Ибрагимъ-пашою, тѣснятся въ его смущенную душу... Подъ окномъ тюрьмы стоны повѣшеннаго ребромъ за крюкъ. А что сдѣлалось съ нею, съ его голубицею?.. Годы идутъ за годами, а онъ все сидитъ въ своемъ заточеніи или ходитъ, какъ безумный, съ угла въ уголъ, все о чемъ-то думая, что-то вспоминая. Вонъ какую «стежку» протерли его ноги въ каменномъ полу каземата...

Припоминаетъ онъ и то утро, когда въ одинокую тюрьму проникъ лучъ надежды, гдѣ тамъ лучъ! Цѣлое солнце ворвалось къ нему и ослѣпило его... Вошелъ самъ Тугайбей: «Аллахъ—сказалъ онъ—который одинъ возможетъ нищаго и смиреннаго вознести и поставить съ владыками міра, а богатаго и гордаго низложитъ, нынѣ Аллахъ возноситъ тебя на высоту, а тѣнь его на землѣ, великій повелитель правовѣрныхъ—призываетъ тебя къ почестямъ. Одѣнь эти свѣтлыя одежы и жди». И съ великою честью везутъ Юрася къ великому визирю, гдѣ

ожидалъ его патріархъ царградскій. Патріархъ разрѣшаетъ его отъ клятвы посвященія себя Богу и снимаетъ съ него иноческій чинъ, а сердарь, въ присутствіи высшихъ сановниковъ Порты, съ торжествомъ вручаетъ ему гетманскіе клейноты, булаву, осыпанную драгоцѣнными камнями, еще болѣе богатую, чѣмъ та, которую прислалъ его отцу король польскій, бунчукъ, красное, шитое золотомъ знамя и бэрэтъ, грамоту султанскую... «Отнынѣ ты—сказалъ онъ—милостію Аллаха и соизволеніемъ великаго падишаха князь русскій и сарматскій, и гетманъ войскъ запорожскихъ и украинскихъ. Иди добывать свое наслѣдіе, и несмѣтныя полчища повелителя правовѣрныхъ помогутъ тебѣ въ этомъ. Но не забывай руку, возносящую тебя на высоту!»

И Юрась—одинъ изъ владыкъ міра. Онъ шлетъ универсалы на Украйну, въ Запорожье, поставляетъ отъ себя особаго наказнаго гетмана—Астаматія... «Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ», гремятъ его универсалы по всему Поднѣпровью, Побужью, на Волыни и Подоли: «Мы, Божіею милостію, Георгій Гедеонъ-Венжикъ-Хмельницкій, ксіонже русскій и сарматскій». Его посланцы и гонцы несутъ его волю во всѣ концы Украйны, а самъ онъ двигается съ несмѣтными силами вдоль берега Чернаго моря, переходитъ Балканы. Надъ его головой кружится огромный балканскій орелъ, и тѣнь отъ громадныхъ крыльевъ его осѣняетъ посѣдѣвшую въ бѣдахъ голову недавняго узника Едикула... А сердце все гложетъ тоска: что-то ждетъ его на родинѣ?.. Войска двигаются медленно, величаво. Юрась переходитъ Дунай. Силистрійскій паша, что когда-то плѣнникомъ отсылалъ Юрася изъ Аккермана въ Царьградъ, теперь униженно говоритъ ему «селямъ алейкюмъ»... Перешли Прутъ, Днѣстръ, Бугъ... Юрась припадаетъ на колѣни и цѣлуетъ землю Украйны... На этой землѣ нѣтъ уже Дорошенка: его увезли далеко-далеко, въ самую Москву...

И вотъ Юрась подъ стѣнами Чигирина. Его пушки громятъ Чигиринскій замокъ, а глаза плачутъ, плачутъ горькими слезами, какъ они не плакали въ Едикулѣ.

За пороховымъ дымомъ почти не видать города. Пушки дѣлаютъ свое дѣло, замокъ уже курится дымомъ зажженныхъ кальбою строеній, огненные языки взвиваются къ небу. А оса-

ждающіе между тѣмъ ведутъ подкопы подъ городъ, насыпаютъ шанцы, вкатываютъ въ подзе́мелье боченки съ порохомъ.

Въ дыму вьется что-то бѣлое на древкѣ. Это подаютъ знакъ изъ города для переговоровъ. Шайтанъ-паша велитъ прекратить стрѣльбу по этому мѣсту.

На стѣнѣ показывается священникъ съ крестомъ. Съ помощью опущенной оттуда лѣстницы онъ сходитъ со стѣны, переходитъ черезъ внутренній валъ и приближается къ внѣшнему, который уже заняли турки, и на которомъ стоятъ Юрась и Шайтанъ-паша.

Юрась сходитъ съ коня и идетъ къ кресту. Онъ узнаетъ стараго священника. Это тотъ сѣденькій протопопъ, который встрѣчалъ его съ хоругвями и колокольнымъ звономъ, когда Юрась вступалъ въ Чигиринъ вмѣстѣ съ Тетерею послѣ низложенія Выговскаго.

Юрась смиренно подходитъ подъ благословеніе и цѣлуетъ крестъ.

— Съ какою вѣстію пришелъ ты, отче?—спросилъ Юрась.

— Я присланъ къ тебѣ, отче архимандритъ...

Юрась перебилъ его.

— Я больше не архимандритъ, я ксіонже русскій и сарматскій.

— Знаю,—отвѣчалъ священникъ,—ты такъ пишешься и въ семъ листѣ.

И священникъ, вынувъ изъ-за пазухи универсалъ Гедеона Георгія-Венжика-Хмельницкаго, показалъ его Юрасю.

— Тутъ ты пишешься этимъ именемъ, точно: но куда дѣвалъ ты ангельскій чинъ свой, какъ ты лишилъ себя монашества? Зачѣмъ поломалъ крестное цѣлованіе?

— Мою клятву разрѣшилъ святѣйшій патріархъ цареградскій: я имѣю на то грамоту патріаршую,—возразилъ Юрась.

— Для чего ты навелъ на родную землю враговъ креста?

— Для того, чтобъ добыть опять ее: она моя—Божію милостію я владыка Украйны. Говори же, зачѣмъ ты пришелъ? Чигиринъ покоряется мнѣ?

— Нѣтъ, не покоряется... Въ своемъ универсалѣ ты обѣщаешь казакамъ всякія милости отъ падишаха, сулишь жалованье за два года и по два новыхъ жупана. Не хотятъ они твоего жалованья: они довольны жалованьемъ великаго

государя московскаго, его царскаго пресвѣтлаго величества. Въ городѣ довольно царскихъ ратныхъ людей, стрѣльцовъ и драгунiи, чтобъ оборонить себя до прихода гетмана Самойловича да окольничаго, князя Григорія Ромодановскаго.

— Такъ ты затѣмъ и пришелъ, чтобъ сказать мнѣ это?— спросилъ Юрась.

— Затѣмъ только, ясневельможный ксiонже,—былъ отвѣтъ.

По лицу Юрася прошла тѣнь разочарованія. Онъ ясно видѣлъ, что Украйна его не хочетъ знать. Сирко и запорожцы, къ которымъ онъ посылалъ свой универсалъ, тоже не шли. Скоро же забыла Украйна заслуги его отца!.. Онъ горько задумался: люди, какъ дѣти, идутъ только за счастьемъ, за удачей, да боятся силы: не за правду они стоятъ. Такъ пусть совершится то, чего они заслуживаютъ. На то Божья воля... Пусть льется христiанская кровь, пусть разоряются церкви Божiи, избиваются о камень младенцы, уводятся въ полонъ дѣвы, гибнутъ старцы и мужи, пылаютъ города!.. На то Божья воля!

— Такъ ты все сказалъ, отче?—задумчиво спросилъ онъ посла.

— Все, ясневельможный ксiонже,—былъ отвѣтъ.

— Такъ я умываю руки! Поди и возвѣсти Чигиринцу, что лучше бы не родиться на свѣтъ его сынамъ и защитникамъ! На то Божья воля!

— Да совершится Его святая воля,—отвѣтилъ и священникъ, набожно крестясь и кланяясь Юрасю,—помни, князь, на страшномъ судѣ дашь отвѣтъ Всемогущему Богу за пролитую тобою кровь.

— На то Божья воля.—какъ бы автоматически повторилъ Юрась и воротился къ Ибрагимъ-пашѣ.

Канонада возобновилась съ ужасающею силою. Турки вели разомъ три подкопа, а траншеи ихъ, словно изгибы гигантской змѣи, подходили уже къ самой крѣпости.

Къ ночи траншеи совсѣмъ были заполнены осаждающими, и на утро могла рѣшиться участь города. Но осажденные поняли опасность своего положенiя и рѣшились отвратить роковой ударъ.

Настала ночь. Надъ городомъ и надъ лагеремъ осаждающихъ царила глубокая тишина. Даже часовые не перекликались, только въ городѣ иногда выли собаки, какъ бы предчувствуя несчастіе.

Турецкій лагерь погруженъ былъ во мракъ. Только въ одномъ шатрѣ, недалеко отъ пятиверхаго шатра Ибрагима-паши, свѣтился огонь. Это была ставка Юрася. Хотя шатеръ его не былъ такъ обширенъ, какъ у Шайтана-паши, который возилъ съ собою свой гаремъ, однако, убранъ онъ былъ съ княжескою роскошью: дорогія турецкія шали, персидскіе ковры, кашемиръ, шелковыя ткани, богатое оружіе, все бросалось въ глаза и могло радовать сердце хозяина, если бы хозяинъ этотъ не потерялъ вѣры въ свое счастье. А вѣра эта давно была въ немъ растоптана превратностями жизни.

Юрась не спитъ. Онъ давно потерялъ сонъ, который какъ будто бѣжалъ отъ головы, украшенной гетманскою шапкою съ алмазнымъ перомъ. Юрась сидитъ на богатомъ турецкомъ диванѣ, опершись на стоящій передъ нимъ столикъ и склонивъ отяжелѣвшую голову на руку. На столикѣ лежитъ раскрытая книга славянской острожской печати. Это евангеліе. Книга раскрыта на слѣдующемъ мѣстѣ: «Послѣди же посла къ нимъ сына своего, глаголя: усрамятся сына моего. Дѣлателе же видѣвше сына, рѣша въ себѣ: сей есть наслѣдникъ: пріидите, убіемъ его и удержимъ достояніе его. И емше его, изведоша вонъ изъ винограда, и убиша» (Мато. гл. XXI, 37—39).

Прочитавъ это мѣсто, онъ глубоко задумался. Казалось, пророческія слова евангелія относились именно къ нему... «Изведутъ вонъ и убьютъ»...

И опять все прошедшее, и далекое, и близкое, волнами тѣснилось въ его душу.

— Да, не далъ мнѣ Богъ отцовскаго счастья, не далъ. Теперь вонъ и власть далъ, и силу, и эти богатые шаты, и титулъ высокій, да только счастья не далъ. Какъ проклятый, брожу я по свѣту и ищу своего счастья, своей доли... Гдѣ ты моя доля, гдѣ ты, отзовися! Или ты по ту сторону Днѣпра бродишь и меня ищешь, какъ я тебя ищу столько лѣтъ? Или ты ищешь меня за синими морями? Такъ и я тамъ былъ, тебя искалъ, да не нашелъ, да не то, не то!.. Тату, тату! Отецъ мой! Зачѣмъ ты не далъ мнѣ счастья?..

Кажется, гдѣ-то ночная птица прокричала. Скрчатъ ночные кузнечики.

«И изведоша вонъ изъ винограда, и убиша его...

Пологъ шатра зашевелился. Кто-то осторожно отодвинулъ его.

— Это ты тамъ, Васюто?

Нѣтъ отвѣта. Чья-то тѣнь показывается изъ-за приподнятаго полога.

— Астаматій! Это ты ко мнѣ?

— Нѣтъ, сынку, это я—Зиновій Богданъ Хмельницкій.

Юрась почувствовалъ, что тѣло его сковалъ какой-то холодный ужасъ.

— Ты не ждалъ меня, Юрій?—глухимъ голосомъ заговорила тѣнь.

Но это была не тѣнь. Это былъ живой человѣческій обликъ, это стоялъ Богданъ Хмельницкій, на котораго загробная жизнь наложила что-то такое, чего никакъ не могъ разгадать Юрась. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но изъ горла его не выходилъ ни одинъ звукъ.

— Я пришелъ къ тебѣ, сынъ мой, чтобъ напомнить о твоемъ долгѣ, — въ третій разъ заговорила тѣнь, — съ тѣхъ поръ, какъ Чарнецкій вырылъ изъ могилы мои кости и бросилъ ихъ на поруганіе, духъ мой не знаетъ покоя, и я все брожу по землѣ. Я все искалъ тебя, но тебя не было на Украйнѣ. Теперь ты здѣсь, ты князь Украйны; возстанови же поруганную честь имени Хмельницкихъ... Еще я скажу тебѣ: бойся, мой сынъ, тѣхъ...

Страшные крики потрясли ночное безмолвіе. Тѣнь Хмельницкаго растаяла въ воздухѣ, холодный потъ облилъ Юрася, но онъ въ одинъ моментъ былъ уже внѣ шатра и услыхалъ, что крики неслись отъ города и со стороны траншей. Тревога подняла на ноги весь лагерь. Сначала Юрась думалъ, что это турки пошли ночью на штурмъ, не дожидаясь утра, но оказалось, что изъ города сдѣлана была нечаянная вылазка.

Но бой продолжался недолго. Пока турецкія силы успѣли подойти на помощь къ засѣвшимъ въ траншеяхъ копачамъ, осажденные уже успѣли произвести рѣзню, наполнить ямы трупами и кровью, и съ такою же стремительностью отступить въ городъ.

Шайтанъ-паша скрежеталъ зубами отъ ярости, а Юрась, съ грустной задумчивостью, глядя на востокъ, гдѣ начинала заниматься заря, напрасно силился дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершилось у него ночью въ палаткѣ: былъ ли то сонъ, или тѣнь отца дѣйствительно являлась къ нему, чтобъ предостеречь его, но отъ кого? Тѣнь не договорила этого...

«Бойся, мой сынъ, тѣхъ... Кого же? Кто мои враги».

Въ Чигиринѣ звонили въ церквахъ. Болью въ сердцѣ Юрася отзывался этотъ звонъ.

Собираются молиться, благодарить Бога, проклинать меня... Тату! Тату! Что жъ ты не досказалъ!»

IX. Чигиринскій погромъ.

Еще прошелъ годъ. Юрасю уже стукнуло тридцать шесть.

Что же онъ сдѣлалъ послѣ того, какъ къ нему являлась тѣнь отца? Не много сдѣлалъ...

Когда произошла рѣзня въ траншеяхъ, паша Шайтанъ разсвирѣпѣлъ и громилъ городъ безпощадно, расщепляя его деревянныя стѣны, зажигая его гранатами, разметывая земляные валы, взрывая свои подкопы.

А Васюта Макогонъ, запыленный, загорѣлый, черный, какъ голенище, съ обожженными усами, съ простр'ѣленною шапкою, стоитъ передъ Юрасемъ на запыхавшемся и взмыленномъ конѣ и грозитъ обнаженной саблей кому-то невидимому, вдаль, за Днѣпръ.

— Я оттуда ваша княжеская вельможность: оттуда двигаются, словно лѣсъ, кацапы съ скольничимъ Гришкою Ромоданомъ и гетманомъ поповичемъ.

— Много у нихъ силы?

— Копій, что щетины у большого кабана.

— Надо ихъ не допустить перейти черезъ Днѣпръ.

— И турецкія, и татарскія силы загораживаютъ собою правый берегъ Днѣпра.

Но кацапы и поповичъ пробиваются своей щетиной: тонутъ въ Днѣпрѣ, а переходятъ.

Осилили, проклятые!—рветъ на себѣ волосы Юрась, такъ и вырываетъ посѣдѣвшія пряди.

Вблизи разрывается граната. Юрася обсыпаетъ землею.

— Ой! Алла! Алла! Алла!

— Сына ханскаго разорвало гранатой! — разносится по рядамъ.

Не выгорѣло! Сорвалось! Юрась не взялъ Чигирина. Турецкое и ханское войско бѣжало. Бѣжалъ и Юрась.

Бѣжалъ, чтобъ видѣть страшную картину въ Аккерманѣ. Картина достойная кисти великаго художника.

На равнинѣ расположена вся армія Юрася и Шайтанъ-паши. Янычары, сэмэни, спаги; копачи, молдаване, волохи, крымцы съ ихъ пашами, мурзами, султанами. Впереди Шайтанъ-паша. Лицо его мертвенно-блѣдно. Угрюмо смотрятъ лица и другихъ пашей. Всѣ они стоятъ предъ фронтомъ, на коняхъ. Надъ ними развѣвается зеленое знамя съ полумѣсяцемъ. Впередъ выступаетъ гонецъ отъ падишаха, чаушъ изъ Царьграда, съ фирманомъ. Янычары выносятъ на серебряныхъ блюдахъ четырнадцать шелковыхъ шнурковъ. При видѣ ихъ, Юрася морозъ подираетъ по кожѣ, волосы такъ и поднимаютъ, шевелясь у корней, гетманскую шапку. Онъ догадывается, что это за шнурки, красные, зеленые, черные... И его шнурокъ тамъ. Чаушъ снимаетъ съ блюда фирманъ султана и читаетъ смертный приговоръ всѣмъ пашамъ, не добывшимъ Чигирина, въ томъ числѣ Шайтанъ-Ибрагимъ пашѣ и хану Нурредину: двѣнадцати пашамъ и двумъ военачальникамъ, а Юрасю нѣтъ шнурка! Ему даже обидно стало, что его обошли. Но началась картина удавленія пашей султанскими шнурками, и Юрась закрылъ глаза.

Мимо! Мимо ужасныя воспоминанія!

Теперь Юрась снова явился подъ Чигириномъ. Теперь у него еще большія силы. Вмѣсто удавленнаго шнуркомъ Ибрагимъ-Шайтанъ-паши у него—верховный визирь, самъ великій Асанъ-Мустафа-паша, да суровый Каплапъ-паша, да пятнадцать тысячъ янычаръ, пятнадцать тысячъ сэмэни, пятнадцать тысячъ копачей, десять тысячъ гвардіи турецкой, три тысячи спаговъ султанской гвардіи, двѣ тысячи однихъ пушкарей, десять тысячъ молдаванъ и волоховъ съ ихъ господарями, пятьдесятъ тысячъ крымской орды съ крымскимъ ханомъ, съ новымъ, съ Мурадъ-Гиреемъ, ибо ханъ Нурединъ бѣжалъ отъ шнурка къ черкесамъ, да съ Калгой-султаномъ.

Вонъ какія силы были теперь у Юрася! Мало того. Тридцать двѣ пары громадныхъ черныхъ буйволовъ волокли къ Чигирину

четыре большія, «ломовыя», осадныя пушки на колесахъ, на полъ-аршина вдавливавшихся въ землю-цѣлину, пять тысячъ двугорбыхъ верблюдовъ и дромадеровъ да сотни тысячъ лошадей, сотни табуновъ приволокли на себѣ двадцать семь батарейныхъ орудій, сто тридцать полевыхъ, шесть мортиръ для бомбъ въ сто двадцать пудовъ и девять мортиръ для бомбъ въ сорокъ пудовъ, восемь тысячъ возовъ съ боевыми запасами, десять тысячъ провіантскихъ повозокъ. Однихъ пастуховъ и погонщиковъ пришло съ нимъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

Страшныя полчища! А онъ—одинъ, такой худенькій, все болѣе и болѣе сѣдѣющій.

На возвышеніяхъ вокругъ Чигирина забѣлѣли и запестрѣли тысячи шатровъ. Это цѣлый городъ, куда Чигирину до одного стана Юрася! Глазъ не обниметъ всего! Стада верблюдовъ, табуны лошадей, буйволовъ... Подъ султанскою гвардіею лошади на подборъ. На солнцѣ сверкаютъ щиты, копья, лѣсъ знаменъ.

Ярче всего бросаются въ глаза роскошные шатры Юрася и верховнаго визиря. Это какіе-то храмы, главы которыхъ съ золоченными яблоками и полумѣсяцами кидаются въ глаза за десятки верстъ.

Юрась сидитъ въ шатрѣ на пышномъ диванѣ и что-то пишетъ. Рука его быстро бѣгаетъ по бумагѣ, потомъ онъ остановится, что-то какъ бы припоминаетъ или прислушивается къ нестройному говору и гулу, стоящему надъ лагеремъ, и снова пишетъ.

Но вотъ онъ, кажется, кончилъ и въ распахнутую дверь своей палатки задумчиво смотритъ на виднѣющійся вдали Чигиринъ. У дверей палатки стоятъ на часахъ два волоха. Въ палатку входитъ невысокій, но плечистый мужчина, смуглый, съ черными глазами, не то волохъ, не то грекъ.

— А, это ты, панъ Астаматій.

— Твой нижайшій слуга, ясновельможный ксіонже.

— А какъ дѣла? Скоро начнемъ?

— Поджидаемъ Каплана-пашу.

— А я прежде хочу универсалъ послать ко всему украинскому народу и къ запорожскому войску. Я уже написалъ его.

Входитъ еще одинъ сподвижникъ Юрася, родственникъ, Иванъ Яненченко.

— До нóгъ, пане ксіонже.

— Здоровъ былъ, Ивасю. Что новаго?

— Слышно, что къ москалямъ пришла подмога, калмыки со своимъ княземъ Каспулатомъ Мупаловымъ... пора бы начинать.

— Пора. Только я думаю разослать универсалы. На, прочти этотъ... Садись, панове.

И Юрась подалъ Яненченку написанное имъ воззваніе. Яненченко сталъ читать его вслухъ.

«Божіею милостью мы, Георгій-Гедеонъ-Венжикъ Хмельницкій, князь русскій и сарматскій, гетманъ запорожскій и всея Украины дѣдичъ.

«Славному войску запорожскому низовому съ кошевымъ атаманомъ, кому вѣдати належитъ, всему куренному атаманью и всему товариству старшему и молодшему, панамъ и полковникамъ и всей старшинѣ полковой, и всему православному духовенству, всему казацкому воинству и поспольству ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ нашу волю и найсердечнѣйшее пожеланіе.

«Вѣдомо вамъ всѣмъ, до какого поношенія враги наши, видячи шатость Украины, довели оную, бѣдную вдовицу: стала она притчею во языцѣхъ, посмѣшищемъ и игралищемъ сильныхъ, и еще болѣе реку: уподобися Украина древней, жалости достойной Троѣ, и стала она аки горохъ при дорогѣ, на распутіи, кто не пройдетъ мимо, тотъ и скубнетъ. Отъ кого она надѣялась братской помощи, тѣ стали ей врагами, несытое око которыхъ»...

Но имъ не удалось дочитать. Въ станѣ забили тревогу. Когда Юрась вышелъ изъ шатра, всѣ паши были уже на коняхъ, знамена распущены, и къ Юрасю подскакалъ одинъ паша съ приказомъ отъ верховнаго визиря немедленно двинуться противъ Ромодановскаго и Самойловича, уже приближавшихся къ Чигирину.

Одновременно началось и бомбардированіе города. Канонада была страшная. Ядеръ брошено было въ осажденный городъ болѣе тысячи, да до четырехсотъ бомбъ. Рытье траншей и подкоповъ шло своимъ чередомъ. Взрывы слѣдовали надъ нижнимъ городомъ и надъ крѣпостью стояли клубы дыма, и къ небу взвивались огненные языки.

Между тѣмъ та часть войска, которая пошла навстрѣчу Ромодановскому и Самойловичу, столкнулась съ московскими и

казацкими силами. Это была кровавая сѣча. До десяти тысячъ труповъ покрыли высоты, отдѣлявшія Чигиринъ отъ русскихъ, высоты, которыя отстаивали турки, по лѣвую сторону Тясмина.

Верховный визирь съ своимъ штабомъ и Юрась стояли на другомъ холмѣ, на правомъ берегу Тясмина и смотрѣли на битву. Отъ визиря постоянно летали чауши къ сражающимся съ приказами отъ главнокомандующаго. Юрась съ безпокойствомъ слѣдилъ и за ходомъ битвы, и за лицомъ визиря, которое постоянно измѣнялось сообразно тому, какъ мѣнялись шансы на успѣхъ или на пораженіе.

«Шнурокъ, шнурокъ», часто шевелилось въ душѣ Юрася, и передъ нимъ во всей ужасающей наготѣ вставала аккерманская картина удавленія пашей, словно бы это были котята.

Но въ этотъ моментъ произошло что-то ужасное. Въ городѣ послѣдовалъ такой взрывъ, что, казалось, весь Чигиринъ взлетѣлъ на воздухъ. Осажденные толпами повалили изъ города, который запылалъ со всѣхъ концовъ. Чигиринъ погибъ.

У Юрася дрогнуло сердце отъ какого-то сложнаго чувства, и отъ радости, и отъ стыда.

«Прощай Чигиринъ» колотилось въ этомъ дрогнувшемъ сердцѣ: «ты самъ хотѣлъ своей гибели... Я не имѣлъ противъ тебя злобы»...

Русскіе и казаки били отбой. Въ первый разъ въ жизни Юрась стоялъ побѣдителемъ на полѣ битвы.

X. Руина.

Но недолго продолжалось горькое торжество незадавшагося героя Украины.

Турки и татары, взявъ Чигиринъ и сравнявъ остатки его изувѣченныхъ укрѣпленій съ землею, считали свое дѣло конченнымъ и, раздѣлившись на два огромныхъ полчища, потянулись восвояси. Они дали Украинѣ гетмана и князя, огнемъ и мечомъ ввели его во владѣніе страною, чего же больше! Тутъ самъ князь управляетъ своимъ народомъ, Богомъ ему даннымъ.

И сталъ Юрась править правобережною Украиною. Онъ основалъ свою резиденцію въ Немировѣ.

Но гдѣ же эта Украина? Гдѣ его войско? Нѣтъ ничего: ни Украины нѣтъ, ни войска нѣтъ!

При его отцѣ на правой сторонѣ Днѣпра было двѣнадцать полковъ. Въ нихъ болѣе двухсотъ сотенъ, нѣсколько тысячъ куреней. Въ каждой сотнѣ было по тысячѣ и болѣе казаковъ.

Гдѣ же это все? Куда подѣвались полки, полковники, сотни, сотники?

— Что же они пейдутъ ко мнѣ? — спрашивалъ самъ себя владыка Украины, мрачно шагая по своему опустѣлому дворцу въ Немировѣ.

Трагическое положеніе!

Еще когда не уходили турки, онъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ городамъ съ универсалами, въ которыхъ извѣщалъ о своей кровавой побѣдѣ надъ врагами, объ окончательномъ изгнаніи изъ правобережной Украины московскихъ войскъ и тогобочныхъ измѣнниковъ, и приказывалъ всѣмъ полковникамъ и всей старшинѣ явиться въ Немировъ для принятія присяги за все войско.

Гонцы пропали!

Турки ушли. Онъ посылаетъ Астаматія съ оставшимися при немъ нѣсколькими десятками казаковъ «согнать» къ нему полковниковъ, и казаки разбѣжались!

Астаматій возвращается одинъ. Онъ смотритъ усталымъ и злымъ... «Чортъ меня спуталъ съ нимъ!»...

— Гдѣ же полковники? — спрашиваетъ, косясь на него, Юрась.

— Нѣту полковниковъ, ксіонже.

— Какъ нѣтъ! А сотники?

— И сотниковъ нѣтъ, никого нѣтъ.

— А люди? А города? А села?

— Ни людей, ни городовъ, ни селъ, ничего нѣтъ, нѣтъ Украины!.. Ой бувъ, та нема...

— Ты смѣешься надо мной, собака!

Въ порывѣ изступленія онъ ударяетъ обнаженной, тяжелой дамасской саблей несчастнаго Астаматія по темени съ такою силой, что черепъ и лицо его раскалываются надвое до самыхъ плечъ, и жертва этого моментальнаго бѣшенства Юрася тутъ же, у ногъ его, въ ужасныхъ корчахъ испускаетъ духъ, упавъ навзничъ, какъ снопъ.

— А! Ты смѣяться надо мной! Такъ вотъ же тебѣ:

И онъ кровавымъ палашомъ бьетъ мертваго по щекамъ.

Вмѣсто вѣры, которая еще таилась въ глубинѣ его разбитой души, вѣры если не въ свою счастливую звѣзду, то въ обаяніе имени своего отца, въ обаяніе его славной памяти, вмѣсто этой вѣры въ душу его входило злобное чувство, чувство глубокой личной обиды...

«Не хотятъ меня знать, забыли Хмельницкихъ, запамятовало быдло, что Хмельницкіе изъ ярма неволи вынули ихъ поганую шею, такъ я же напомню имъ Хмельницкихъ! Я имъ не Ровоамъ, сынъ Соломона. Тотъ потерялъ царство и свой народъ за то, что скорпіями наказывалъ его. А я скорпіями стопю къ себѣ брыкливое быдло! А! Брыкаться вздумали! Такъ вотъ же вамъ!»

И онъ съ пѣной у рта топталъ искаженное лицо своего бывшаго гетмана ногами и плевалъ ему въ лицо.

— Эй! Кто тамъ?—крикнулъ онъ въ окно на дворъ.—Янычары! Волохи!

Въ свѣтлицу, гремя саблями, вошли два молодца. Это были волохи-янычары.

— Выволоките это падло! Бросьте его собакамъ!

Волохи молча нагнулись, взяли за ноги трупъ и поволокли его изъ свѣтлицы, проводя по полу кровавую полосу. Взоръ Юрася все еще, казалось, грозилъ мертвецу.

— Послать ко мнѣ Берендія!—крикнулъ онъ уходившимъ волохамъ.

Берендій явился. Это былъ знакомый уже намъ запорожецъ Васюта Макогонъ.

— Вотъ тебѣ перстень верховнаго визиря,—сказалъ Юрась, снимая съ пальца драгоцѣнный перстень,—поѣзжай съ нимъ въ Крымъ, покажи его Калгѣ султану: пусть теперь же собираетъ мурзъ и идетъ ко мнѣ съ ордами. Мы пойдемъ добывать тогобочной Украины.

Васюта не узнавалъ теперь своего молчаливаго Юрася: онъ такъ напомнилъ въ эту минуту покойнаго отца, когда тотъ кричалъ и рвалъ на себѣ волосы: «Сидите, ляхи! Молчите, ляхи!»

Васюта, взявъ перстень, стоялъ въ ожиданіи другихъ приказаній.

— А волохамъ и сэмэнамъ вели сейчасъ же сѣдлать коней: я ѣду обозрѣвать мои полки, мою Украину... Иди и отправляйся живою рукой!

Въ нѣмомъ изумленіи Васюта вышелъ. Онъ не понималъ, что сдѣлалось съ его господиномъ. Самъ Юрась не могъ бы сказать, что съ нимъ. Это былъ какой-то болѣзненный припадокъ, результатъ всего имъ пережитаго, всѣхъ нравственныхъ потрясеній, и въ довершеніе ко всему, въ голосѣ и въ самыхъ отвѣтахъ Астаматія ему слышалась насмѣшка, презрѣніе... Онъ самъ чувствовалъ, что, помимо глубокаго трагизма, положеніе его становится смѣшнымъ: гетманъ безъ войска, князь безъ княжества, владыка земной безъ владѣній! Владѣнія-то вонъ они, вся правобережная Украина передъ нимъ! А у главы ея нѣтъ своей куренцы! Онъ чувствовалъ, хотя не сознавалъ, весь потрясающій трагизмъ своего положенія, трагизмъ, граничащій съ комизмомъ, убійственнымъ, безвыходнымъ! Въ такомъ положеніи черезъ 134 года послѣ Юрася очутился другой Юрась, Юрась другого закала: Наполеонъ I въ Москвѣ, въ Кремлѣ... Покорилъ страну, взялъ столицу покореннаго народа, а самого народа не видитъ, народъ нейдетъ къ нему!

И къ Юрасю никто нейдетъ, и онъ очутился безъ народа, даже безъ войска! Покоритель страны и безъ войска, безъ народа, безъ страны!

Такъ онъ же самъ пойдетъ къ этому презрѣнному быдлу! Стыдъ и злоба душили его. Мало того, что онъ очутился безъ войска, даже его гонцы съ универсалами разбѣжались. Теперь всѣ смѣются надъ этими универсалами: «Божіею милостію мы!..» Да кто же «мы»? Нищій, бродяга, чучело, что ставятъ на огородахъ, чтобы пугать воробьевъ...

«Я ихъ распугну!..»

Въ тотъ же день онъ во главѣ ничтожнаго отряда изъ волоховъ и сэмэнъ выѣхалъ изъ Немирова по направленію къ Субботову, съ которымъ были связаны самыя дорогія воспоминанія его дѣтства, слава ихъ фамиліи, къ Субботову, гдѣ отецъ его торжественно принималъ посольства отъ всѣхъ государей Европы.

Что же къ нему, къ князю Украины и Сарматіи, не летятъ послы со всего свѣта? Прилетятъ еще!

Необыкновенная тишина царствовала на поляхъ, по которымъ проѣзжалъ Юрась. Онъ ѣхалъ уединенно, далеко впереди своего отряда. Ему хотѣлось быть одному. И здѣсь, на поляхъ,

онъ пашелъ это уединеніе. Но это уединеніе, эта тишина кругомъ были тягостны. Куда дѣвались люди? Хоть бы одна душа встрѣтилась въ полѣ, хоть бы телѣга проскрипѣла. Нивы лежатъ запущенныя или потоптанныя, запруды и ставки заросли травами, плѣсенью. Нѣтъ ни пахарей въ поляхъ, ни жнецовъ, ни пастуховъ. Не сверкаютъ косы и серпы на солнцѣ, не стучатъ цѣпы по спѣлому колосу, не слышно ни пѣсни, ни рожка пастушечьяго. Вымерла степь, пустынею стала. Проплыветъ иногда надъ полемъ бѣлый лунь и скроется за горизонтомъ. Высоко въ небѣ летятъ и «гелкаютъ» гуси, чуя близкую осень, летятъ на теплыя воды, туда, за Дунай, къ Босфору, гдѣ... Но и гуси, кажется, не узнаютъ Украины: когда они весной летѣли на сѣверъ, они видѣли, какъ шумно и говорно было въ городахъ, по селамъ и хуторамъ. А теперь мертвая пустыня!

Юрась оглядывается по сторонамъ. Ни души, ни признака жизни. Видно только, какъ земля вся истоптана конскими копытами, да остались слѣды колесъ отъ возовъ. А гдѣ дѣвались эти возы, кони, волы, что везли ихъ, гдѣ люди, женщины, дѣти, казаки? Сердце подсказываетъ Юрасю, что все это перебралось туда, за Днѣпръ, ближе къ Москвѣ, что все бѣжало отъ него... А онъ остался одинъ, какъ Агарь, какъ Измаилъ въ аравійской пустынѣ, какъ Святополкъ Окаянный «межи чехи и ляхи...» Да, Святополкъ Окаянный!.. Но вѣдь онъ не убивалъ братьевъ... Какъ не убивалъ! А подъ Переяславлемъ, а у Днѣпра, въ роковой день 16-го іюля, року 1662, а подъ Чигириномъ! Сотни тысячъ его братьевъ убиты... Но вѣдь и они, тѣ что за Днѣпромъ, тоже убивали своихъ братьевъ.

Вотъ большое село, знакомое, когда-то многолюдное. А теперь отъ села осталось одно попелище. Все сожжено, разрушено, разметано. Знать только, гдѣ были улицы, площадь, церковь; но все это мусоръ, головешки, соръ и «сметіе», какъ на мѣстѣ татарскаго кочевья. Огородка въ садочкахъ разметана, деревья поломаны, ульи съ пчелами опрокинуты и разбиты, колодцы разрушены и засыпаны землей. На уцѣлѣвшей вѣткѣ яблони виситъ одиноко забытое яблоко...

Дальше отъ этого запустѣнія!

Но чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе, тѣмъ ужаснѣе слѣды разрушенія. Села, хутора, сады, все сметено съ лица земли, пу-

стынѣе степей аккерманскихъ, по которымъ его возили когда-то плѣнникомъ.

Что всего печальнѣе, это торчащіе изъ земли кресты на выгонахъ. Кладбище только, могилы отцовъ не тронуты, хоть и покинуты, да и кресты подгниваютъ и падаютъ.

Подъ вечеръ уже Юрась замѣтилъ на горизонтѣ признаки жизни. На возвышеніи, повидимому, надъ селомъ, стояла вѣтряная мельница и махала полуободранными крыльями. Мельница работала: тамъ, значитъ, люди, жизнь, движеніе, не все вымерло. Юрась трогаетъ своего уже усталаго коня. Ему хочется скорѣе взглянуть въ глаза жизни, увидѣть живыхъ людей услышать человѣческій голосъ. Вотъ онъ близко. Мельница продолжаетъ работать. Но съ возвышенія открывается нерадостная картина, обгорѣлые остовы разрушеннаго и сожженнаго села. Опять разочарованіе! Но хоть на мельницѣ онъ увидитъ живое существо. Онъ приближается къ самымъ крыльямъ. Крылья машутъ, но около никого не видать: хоть бы собака залаяла. Юрась начинаетъ кликать.

— Эй! Кто тамъ на мельницѣ?

Нѣтъ отвѣта. Тихо, только крылья лѣниво двигаются, да въ мельницѣ слышится глухой стукъ и возня. Юрась объѣзжаетъ кругомъ.

— Эй, человѣче! Отзовись, кто тутъ есть живой!

Нѣтъ отклика, одна глухая возня.

Юрась сходитъ съ коня и поднимается по шаткимъ ступенькамъ къ мельничной двери. Дверь открыта. Онъ входитъ внутрь мельницы. Темновато. Никого не видать. Но мельница работаетъ.

— Кто тутъ? Человѣче! Глухой, что ли?

Ни звука. Приглядывается. Шестерня усердно работаетъ. Камень шибко и шумно вертится. Рукавъ надъ ларемъ вздрагиваетъ. Но мука не сыплется изъ рукава; ларь пустой. Онъ поднялся къ засыпному ларю, и онъ пустой!.. Глянулъ вправо, толчея работаетъ на всѣ ступы, словно живыя поднимаются и опускаются ступа одна за другой, но въ гнѣздахъ, куда падаютъ ступы, пусто, хоть бы зерно!.. Мельница пуста, это мертвая мельница, мертва, а дышетъ, стучитъ!

Юрасю страшно стало. Это работаетъ на мельницѣ невиди-

мая. темная сила... Ни души человѣческой, ни серпа, ни помолу, а работаетъ!

Не тоже ли и Украина правобережная? Ни людей, ни городовъ, ни селъ, ни жизни, одинъ Юрась, какъ эта покинутая мельница, вертится по волѣ вѣтровъ... Ему представилось, что его бьющееся и ноющее сердце—это шестерня въ покинутой мельницѣ, и камень такой же тяжелый, какъ этотъ жерновъ, привалило къ его сердцу...

«Господи! За что же! За что такая кара лютая»!..

Въ нѣмомъ отчаяніи, блѣдный и безмолвный, вышелъ онъ къ своему маленькому отряду, ожидавшему его у таинственной мельницы, и, сѣвъ на коня, продолжалъ свой путь далѣе, встрѣчая вездѣ все тѣ же грустныя картины запустѣнія.

Ночь они провели у опушки грабовой рощи, гдѣ могли найти водопой и кормъ для лошадей, а на другой день были уже въ окрестностяхъ Субботова.

Больно сжалось сердце Юрася, когда еще издали онъ завидѣлъ верхушку каменной церкви, построенной когда-то его отцомъ. Свѣтлыя картины проведеннаго здѣсь дѣтства вытѣснялись изъ души горечью воспоминаній послѣдующихъ лѣтъ его незадавшейся жизни. Здѣсь онъ хоронилъ отца, который унесъ съ собою въ могилу и его личное счастье, и спокойствіе Украины. Здѣсь на него легли тяжелыя заботы по управленію страною, которая, подобно великой имперіи Александра Македонскаго, послѣ смерти этого баловня судьбы, стала игралищемъ въ рукахъ честолюбцевъ.

Блеснула свѣтлая полоса воды. Это то широкое плесо, все заросшее камышами и покрытое рясною и водяными лиліями кувшинчиками, по которому такъ любилъ когда-то Юрась плавать въ лодкѣ.

А вотъ и Субботовъ. Но какъ и прочіе города и села правобережной Украины, онъ представлялъ только пепелище и груды развалинъ. Вмѣсто домовъ торчатъ однѣ обгорѣлыя трубы да валяются не дотлѣвшія балки, заборы и кровли. Церковь стоитъ обгорѣлая же, съ выбитыми стеклами, съ закоптѣлыми стѣнами. Могила отца разрыта. Гдѣ же кости дорогого покойника? Нѣтъ ихъ, святотатственно выброшены и разбросаны вмѣстѣ съ мусоромъ. Не даромъ покойникъ являлся въ ночь наканунѣ осады Чигирина: тѣнь его не знаетъ покоя.

Какъ былъ правъ Астаматій, говоря, что нѣтъ ужъ больше на Украинѣ ни селъ, ни городовъ, ни людей! Нѣтъ больше Украины.

Юрась повернулъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ихъ домъ. Жалкая картина представилась его глазамъ. Вмѣсто дома торчатъ однѣ полуразрушенныя стѣны да обсыпавшійся фундаментъ. Ограда и служба разметаны. Что могъ пожрать огонь, пожралъ. На дворѣ—запустѣніе, и дворъ давно поросъ бурьяномъ и крапивою. Садовыя деревья порублены, грядки цвѣточныя затоптаны, и только бузина разрослась густыми кустами да краснѣютъ кисти калины, потому что рвать ее некому. Всѣ дорожки, по которымъ любилъ когда-то ходить Юрась, заросли сорными травами.

Тихо и мертво кругомъ, какъ во всей Украинѣ.

— Тату! Тату! — невольно простоналъ несчастный сынъ Богдана.—Что сталось съ нашимъ Субботовымъ!

Изъ куста бурьяновъ проросшей бузины выскочила одичалая кошка и, убѣгая въ развалины дома, жалобно замяукала.

— Нѣтъ, такъ нельзя жить!.. Или смерть, или тогобочная Украина!

XI. Послѣдняя вспышка.

Но Юрась не добылъ тогобочной Украины.

О неудачномъ походѣ его съ татарами на лѣвобережную Украину я не стану разсказывать. Я не исторію пишу. Я разсказываю только о личныхъ злоключеніяхъ монаха-гетмана князя.

Прогнанный съ лѣваго берега, онъ опять воротился въ ненавистный для него Немировъ. Это была уже не жизнь, а какая-то агонія. Правобережная Украина попрежнему оставалась пустынею. Кое-гдѣ еще остававшееся тамъ населеніе или бѣжало, или согнано было лѣвобережными властями на лѣвый берегъ и заселило собою новыя мѣста, Слободскую Украину. Юрасева же Украина окончательно обезлюдѣла. Она превратилась въ руину и «Руиною» слыла и слыветъ въ исторіи Украины вся эта эпоха отъ несчастнаго гетманства и княженія Юрася до гетманства Мазепы.

Руину съ того момента представлялъ и весь внутренній міръ

Юрася. Словно сожженные города и села, разрушенныя церкви, вытоптанныя и заброшенныя поля, заросшіе сорными травами сады и садочки, засоренныя землею «криницы», колодцы, уведенное, Богъ знаетъ куда, населеніе, словно все это разрушенное, поруганное и опустошенное разстилалась въ душѣ его печальною картиною вся его жизнь, разрушенныя надежды, поруганныя чувства, затоптанныя воспоминанія, все заросшее сорными травами прошлое, и ни души, ни души родной, близкой! Даже Яненченко покинулъ его и ушелъ къ полякамъ. Васюта Макогонъ-Берендій также бѣжалъ въ Запорожье. Все покинуло Юрася.

Да и какъ было не покинуть! Въ народѣ прошелъ слухъ, что тотъ, кого называютъ княземъ Украины, не живой человѣкъ, а мертвецъ. Юрась Хмельниченко давно задушенъ шнуркомъ въ Турціи и брошенъ собакамъ на съѣденіе, но ни собаки не коснулись его трупа, ни земля его не принимаетъ, потому что онъ сбросилъ съ себя ангельское, монашеское одѣяніе, и на томъ свѣтѣ ангелы его не узнаютъ и не пускаютъ въ рай: «иди, говорятъ, куда знаешь: та не нашъ». Вотъ онъ и бродитъ по землѣ и нигдѣ не находитъ себѣ покоя. Онъ бы такъ ходилъ и вѣчно, и никто не узналъ бы, кто онъ. Но казакъ Васюта Макогонь самъ «характерникъ», «колдунъ» и онъ-то все это дѣло и раскрылъ. Онъ узналъ, что всякую субботу князь ходитъ въ баню и беретъ съ собой казака или волоха, чтобъ тотъ его раздѣвалъ и мылъ, и всякій разъ тотъ казакъ или волохъ ужъ не возвращался изъ бани, а пропадалъ безслѣдно. Такъ съ каждою недѣлею у него и убавлялось число казаковъ и волоховъ. Дошла очередь до его наказнаго гетмана, до Астаматія, и этотъ пропалъ. Васюта догадался, что за Астаматіемъ приходится и ему пропадать. А у Васюты мать—вѣдьма, такая вѣдьма, какихъ на свѣтѣ и не бывало: на Лысой горѣ она считается вѣдемскою царицей. Васюта къ матери: такъ и такъ, выручай изъ бѣды. Мать и говоритъ Васютѣ: хорошо, сынокъ, я помогу тебѣ: только приходи завтра. Приходитъ на другой день Васюта къ матери. Та и даетъ ему пирогъ и говоритъ, что тѣсто его замѣшано на молокѣ изъ ея грудей: дай—говоритъ—ему въ банѣ этого пирога поѣсть и скажи, что отъ этого дескать пирога онъ и поправѣетъ и поздоровѣетъ, а то дескать вонъ онъ какой худой да желтый: а тогда, скажи, и пуля тебя не возьметъ. Такъ Васюта

и сдѣлалъ. Приходитъ суббота, и зоветъ его князь съ собою въ баню. Пошли. А Васюта подъ полою спряталъ тотъ пирогъ и принесъ его въ баню. Стали раздѣваться. Раздѣваетъ Васюта своего князя и видитъ, что это не живой человѣкъ, а мертвецъ: осталась отъ него только сухая желтая кожа, а внутри трутся и стучатъ гнилыя кости. Да и креста на немъ нѣтъ. Видитъ все это Васюта, догадался въ чемъ дѣло, и говоритъ: какой же ты худой, вашмосць ксіонже, однѣ кости да кожа; а посмотри, говоритъ, на меня, какой я молодецъ. И раздѣвается тоже. Видитъ князь, что у Васюты въ плечахъ косая сажень, грудь что наковальня, хоть обухомъ бей, шея воловья, на рукахъ и на ногахъ жилы, какъ канаты, и говоритъ: отчего ты такой здоровый да гладкій? А оттого, говоритъ, вашмосць ксіонже, что всякій разъ въ банѣ я вотъ такой пирожокъ съѣдаю. И приноситъ ему пирогъ. Это, говоритъ, моя мать печетъ, а она, говоритъ, знахарка всесвѣтная и бублейница на всю Украину. Взялъ князь и сталъ ѣсть пирогъ. А когда съѣлъ, и говоритъ: чудной это пирогъ! Когда я его ѣлъ, то мнѣ казалось, что я сталъ маленькимъ и у матери грудь сосу. А это оттого, говоритъ Васюта, усмѣхаючись, оттого, вашмосць ксіонже, что пирогъ этотъ замѣшанъ на молокѣ изъ грудей моей матери, и мы съ тобой теперь братья: одной грудью кормились. А! говоритъ князь, счастливъ твой Богъ, Васюта, что ты братъ мнѣ теперь; а то не ходить бы тебѣ больше по землѣ, какъ вонъ я хожу. Только не говори никому, что я мертвякъ съ того свѣта. Отъ этого самаго Васюта и бѣжалъ на Запорожье.

Такъ вотъ что тихо говорилось въ народѣ.

Понятно, что всѣ стали чуждаться несчастнаго князя, а это его смущало, а потомъ начало ожесточать. Какъ человѣкъ мягкій по природѣ и, вслѣдствіе неудачъ въ жизни, все болѣе впадавшій въ подозрительность, онъ началъ приходить къ мысли, что эта самая мягкость и кротость были именно тѣми недостатками, которые отравили его жизнь, отняли у него силу, обаяніе. Онъ отъ этого впадалъ въ крайность. Какъ прежде онъ вѣрилъ людямъ, мѣряя ихъ мѣрою своей незлобивой и правдивой души, такъ теперь терялъ эту вѣру и натягивалъ эту тетиву недовѣрія далѣе предѣла, за которымъ она должна была лопнуть. Люди

подлецы—вотъ къ какимъ пришелъ онъ выводамъ: подлецы не по природѣ, а подъ давленіемъ жизни. Отецъ его такъ именно понималъ людей и не щадилъ ихъ: надо ихъ держать въ страхѣ, въ трепетѣ, и тогда изъ враговъ по трусости они превратятся въ союзниковъ, подъ давленіемъ личной выгоды.

«Они не щадили меня, и я не буду ихъ щадить! Война такъ война! Не даромъ Гоббсовскій утверждалъ, что homo hominі lupus est». Они были для меня волки, буду и я для нихъ волкомъ.

Ступивъ на этотъ скользкій путь, онъ уже не могъ остановиться. Онъ видѣлъ, какъ по мановенію гетмановъ и султановъ летѣли головы сильныхъ людей по поводу малѣйшихъ подозрѣній: Пушкарь Мартынъ, Васюта Золотаренко, Сомко Якимъ, что за красивая голова была! Даже палачъ-татаринъ не рѣшался отдѣлить топоромъ эту роскошную голову отъ богатырскихъ плечъ, а тамъ Брюховецкій, его прежній джура, всѣ эти головы покатились съ плечъ... А онъ, Юрась, только и дѣлалъ, что щадилъ. И вотъ вся лѣвобережная Украина отошла отъ него, а эта его половина—превращена въ руину!

«Такъ я же поверну по своему, побатьковски! Добуду всю Украину и, ставъ въ Кіевѣ на горѣ, крикну: сидите, панки! а не то я васъ загоню за Донъ, за Волгу и скажу брыклявому быдлу: мовчи та дышъ!.. Теперь мнѣ нужно золото, много золота, чтобы всѣмъ пашамъ, ханамъ, мурзамъ да султанамъ этимъ золотомъ пельку забить,— а тамъ увидите, что сдѣлаетъ князь сарматскій»!..

И онъ началъ добывать золото. Онъ велѣлъ вырыть на своемъ дворѣ яму, глубиною саженъ въ двадцать, и разослалъ своихъ волоховъ ловить всѣхъ богатыхъ жителей, особенно бывшихъ арендаторовъ и евреевъ, и сажать ихъ въ яму, томя тамъ каждаго до тѣхъ поръ, пока не отдастъ всего, что когда-то, въ цвѣтущее время правобережной Украины, каждый изъ нихъ высосалъ у народа, у его народа, котораго теперь уже нѣтъ. Всѣ перебывали въ этой ямѣ.

Что-жъ удивительнаго, что басня о томъ, будто бы онъ не человѣкъ, а упырь, выходецъ съ того свѣта, все громче и громче стала повторяться, а наконецъ, дошла и до него самого.

Въ Немировѣ въ то время жилъ одинъ богатый еврей, по имени Орунъ. Не испросивъ разрѣшенія князя, Орунъ женилъ

своего сына на такой же богатой еврейкѣ. Юрась узналъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе при мысли, что его не хотятъ знать, приказалъ волохамъ «притащить къ нему пархатаго жида». Оруна на этотъ разъ не оказалось въ Немировѣ, а жена его, узнавъ о приказаніи князя и о томъ, въ какой формѣ оно было выражено, оскорбилась и, надѣясь на свои огромныя богатства и на связи своего мужа, и даже на дружбу съ силистрійскимъ и каменецкимъ пашами, начала кричать на волоховъ:

— И какой же онъ князь! Развѣ такіе князья бываютъ! И развѣ-жъ я не видала настоящихъ князей? И князя Вишневецкаго видала, и князя Потоцкаго видала: то настоящіе, ясносвѣтлые князья. А это какой же князь! И развѣ изъ хлоповъ бываютъ князья? Я-жъ не видала, чтобъ изъ хлоповъ были князья. Такихъ князей мой мужъ на рынкѣ покупалъ. И этого бы купилъ, да не захочетъ: бо онъ не человѣкъ, а мертвякъ! У него только сухая кожа, а подъ кожею гнилыя кости. Это всѣ знаютъ, и я знаю, и мой мужъ знаетъ, и мои дѣти знаютъ! Какой онъ князь! И развѣ-жъ мой мужъ пархатый! И кто видѣлъ на немъ парши? А это онъ мертвякъ: его давно турки шнуркомъ удавили, онъ упырь!

Баба не знала удержу. Волохи передали все, что слышали, Юрасю.

— А! Такъ я не князь, а хлопъ! Я не человѣкъ, а мертвецъ! У меня только кожа, а подъ кожею гнилыя кости!.. Хорошо же!

Роковое рѣшеніе тотчасъ же созрѣло въ головѣ несчастнаго. Онъ весь дрожалъ... Такъ вотъ что распускаютъ объ немъ евреи!

— Тотчасъ же привести ко мнѣ пархатую жидовку! А будетъ упираться, приволоките связанную... Да! приведите ко мнѣ жидовскаго рѣзника, чтобъ и ножи захватилъ... кошерное мясо вырѣзывать...

Волохи пошли исполнять его приказаніе.

— Вотъ до чего я распустилъ... Не диво, что отъ меня всѣ бѣгутъ... А это еще что? Я мертвецъ? Во мнѣ только гнилыя кости? Это еще что жидова распускаетъ! Упырь какой-то я... Меня шнуркомъ удавили... Я видѣлъ, какъ давятъ шнуркомъ... Ибрагима-пашу такъ удавили... Кожа да кости! Я тебѣ покажу!

На дворѣ слышались крики и вопли. Юрась вышелъ на крыльцо. Волохи силою тащили богато одѣтую еврейку, а она отчаянно билась въ ихъ рукахъ и кричала. Другіе евреи

еврейки хотѣли освободить ее, но изъ сосѣднихъ домовъ выбѣжали вооруженные волохи и сэмэны, еще оставшіеся вѣрными князю Украины, и оттѣснили евреевъ. Влекомая волохами еврейка постоянно падала на землю, но ее силою поднимали и тащили къ крыльцу, на которомъ стоялъ Юрась.

— А гдѣ рѣзникъ?—спрашивалъ онъ, дрожа отъ гнѣва.— Привели рѣзника?

Изъ-за волоховъ показалась коренастая фигура еврея съ огненными волосами.

— Ты рѣзникъ?

— Я рѣзникъ, вышмосць-ксіонже, я самъ пришелъ.

Еврейку подтащили къ самому крыльцу. Она стонала и отчаянно билась.

— Такъ ты говоришь, что я не князь, а хлопъ, что я упырь, что меня турки удавили? — торопливо спрашивалъ Юрась. — Такъ я только кожаный мѣшокъ съ гнилыми костями?

Еврейка молчала и только стонала. Все ея тучное тѣло колыхалось.

— Говори же, нархатая!.. А! Ты не хочешь говорить! Такъ я самъ посмотрю, что у тебя подъ кожею, гнилыя кости или свиное сало... Волохи, раздѣньте ее, долой съ нея одежды!

Еврейка отчаянно защищалась.

— Рвите на ней дорогія шаты! Рвите все!

Какъ она не билась и какъ ни кричала, волохи безжалостно сорвали съ нея одежду и обнажили ея упитанное тѣло.

— А! Вонъ какъ насосалась христіанской крови, пьявица проклятая!.. Рѣзникъ! Сдирай съ нея шкуру, какъ ты сдираешь ее съ барановъ, облупи ее, какъ козу!

Рѣзникъ стоялъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Начинай!..

Дальше я не въ силахъ описывать той отвратительной сцены, которая за этимъ послѣдовала.

Лѣтописецъ Величко записалъ въ своей хроникѣ, что несчастная еврейка была облуплена заживо...

ЭПИЛОГЪ.

Султанскій шнурокъ.

Юрась снова въ Едикулѣ.

Грустными полными слезъ глазами смотритъ онъ на быстрыя воды Босфора, на выпыряющія изъ воды черныя, горбатыя спины дельфиновъ, на темныя иглы кипарисовъ и, вспоминая далекую Украину, прощается съ жизнью, и съ этими кипарисами, и съ голубымъ небомъ, и заглазно шлетъ привѣтъ далекимъ вербамъ украинскимъ, высокимъ могиламъ, Днѣпру. Онъ знаетъ, что смотрятъ на все это и вспоминаетъ свою Украину, послѣдній разъ.

Онъ теперь глубоко сознавалъ, что онъ — искупительная жертва за Украину, и жертва безплодная, безполезная: онъ погибаетъ за ошибку отца.

Но ошибка отца непоправима.

«Меня проклянутъ дальнѣйшіе потомки; но проклятіе ихъ будетъ неправедное: я хотѣлъ поправить ошибку отца и теперь погибаю... Я заслужилъ казнь, но только не за Украину»...

Въ окно тюрьмы влетѣла ласточка.

«Это душа Гали... Какъ-то она, голубка, кончила?»...

За тюремною дверью движеніе. Дверь отворяется, и входитъ Тугайбей. За нимъ янычары и султанскій чаушъ несутъ богатый золотой подносъ. На подносѣ — шелковый шнурокъ.

«Господи! Прими духъ мой съ миромъ!.. Прощай, Украйно!»..

Бѣдный Юрась!

КАВКАЗСКІЙ ГЕРОЙ.

I.

Въ монастырѣ св. Давида, въ Тифлисѣ, только что окончилась обѣдня.

Въ числѣ выходившихъ изъ церкви показались двѣ молоденькія дѣвушки. Обѣ, повидимому, были туземки, яркаго южнаго типа. Та, которая была ниже ростомъ, отличалась сразу порывистостью движеній, живымъ блескомъ черныхъ съ длиннымъ разрѣзомъ глазъ и яркимъ румянцемъ матовыхъ щечекъ. Порывистость движеній не отнимала, однако, у дѣвушки нѣжной граціи, которой дышало все ея смуглое личико. Большіе сѣрые глаза другой, высокой дѣвушки смотрѣли какъ-то пытливо и строго; но чуть только улыбка начинала скользить у нея на губахъ, какъ строгіе глаза превращались сразу въ необыкновенно мягкіе, и это придавало всему ея лицу необыкновенную прелесть.

— Смотри, милая Саломэ, — сказала эта послѣдняя, — кажется, это Нина Александровна у могилы Грибоѣдова.

— Да, это тетя Нина, — отвѣчала первая, — она раньше вышла изъ церкви, чтобъ поклониться своему мужу.

У памятника Грибоѣдова, дѣйствительно, стояла колѣнопреклоненная женщина.

— Пойдемъ къ ней, душечка Марико, и потомъ вмѣстѣ отправимся домой.

И дѣвушки, подойдя къ могилѣ Грибоѣдова, тоже опустились на колѣни. Марико, поднявъ свои строгіе глаза на памятникъ, эта, тихонько, про себя, читала изображенную на немъ золо-

тыми буквами эпитафію: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя».

Обѣ дѣвушки, набожно перекрестившись, встали.

— Пора домой, тетя Нина,—сказала Саломэ,—я очень проголодалась; обѣдня такъ долго шла.

Встала съ колѣней и та, которую называли тетей Ниной. Марико поздоровалась съ ней, и всѣ трое стали спускаться съ горы.

— А слыхали вы новость, Нина Александровна?—сказала Марико. — Говорятъ, Хаджи-Муратъ добровольно отдался въ руки русскихъ.

— Хаджи-Муратъ! — воскликнула Саломэ. — Не можетъ быть! Я никогда этому не повѣрю, никогда!

— Отчего же, милая дѣвочка? — спокойно спросила тетя Нина.—А я вѣрю.

— Ахъ, тетя, — заволновалась Саломэ, — помилуй! Ханъ, полновластный владыка Аваріи, которому повинуется весь Дагестанъ, Чечня, передъ которымъ трепещетъ весь Кавказъ, и вдругъ этотъ левъ самъ идетъ въ клѣтку! Этого никогда не будетъ! Покинуть свободу, власть, свои милыя неприступныя горы, когда, еслибъ только онъ захотѣлъ, могъ надѣть на свою голову корону Дагестана...

— Да такой нѣтъ, дѣвочка, — съ улыбкой замѣтила тетя Нина.

— А Шамиль?—въ свою очередь замѣтила Марико,—Шамиль сорвалъ бы съ него эту корону.

— Ну, онъ бы послѣ смерти Шамиля надѣлъ ее на себя,—волновалась Саломэ,—вѣдь Шамиль старъ, и послѣ смерти его искому кромѣ Хаджи-Мурата быть имамомъ... Ни за что онъ не отдастся добровольно въ неволю русскимъ, онъ горецъ.

— А мы развѣ въ неволѣ, глупая дѣвочка?—улыбнулась тетя Нина.—А вѣдь мы тоже горцы.

— Ахъ, тетя милая! А вспомни только дѣдушку.

— Какого дѣдушку, стрекоза?

— А дѣдушку Александра, твоего покойнаго отца! Крестила его сама императрица Екатерина, жилъ онъ въ блестящемъ петроградскомъ свѣтѣ, какая карьера ожидала его, крестника императрицы! И вдругъ, едва попалъ въ Тифлисъ изъ Петрограда, тотчасъ бѣжалъ въ горы съ царевичемъ Парнаозомъ...

— Но вспомни, глупая дѣвочка,—сказала Нина серьезно,— вѣдь мой отецъ мальчишкой бѣжалъ въ горы съ царевичемъ Нарнаозомъ, ему было только шестнадцать лѣтъ; а когда ихъ поймали въ горахъ и отца отдали въ пажескій корпусъ, изъ него потомъ вышелъ примѣрный русскій генералъ.

— Да, тетя Нина, но Хаджи-Муратъ ни Петрограда не видалъ, ни въ пажескомъ корпусѣ не учился; онъ дитя горъ, дитя свободы, какъ тѣ орлы, которыхъ я было еще маленькими птенцами выкормила и приручила; они такъ довѣрчиво ѣли изъ моихъ рукъ, такъ радостно откликались и спѣшили ко мнѣ, когда я подходила къ насѣсту у насъ на балконѣ... Помнишь, Марико? Потомъ, когда они подросли и стали уже летать, они каждое утро, послѣ того, какъ я ихъ бывало покормлю, улетали въ горы. Я ужъ думала, что они не возвратятся. Но къ вечеру они опять прилетали, такіе голодные, и я снова кормила ихъ. Они, бѣдненькіе, тогда не умѣли еще сами ловить добычу, и прилетали на свой насѣстъ. Но потомъ, къ осени, вѣроятно, научились обходиться безъ моего корму, и улетѣли навсегда. Я даже плакала за ними. Но вѣдь это, тетя, только орлы — неразумная птица, и тѣхъ сманили родныя горы. А какъ же человѣкъ? Вонъ дѣдушка Александръ, онъ и не въ горахъ родился, а въ Петроградѣ, а все же, какъ только выросъ, убѣжалъ въ горы. А Хаджи-Муратъ самъ въ клѣтку идетъ? Не повѣрю, не повѣрю!

— Но мнѣ папа говорилъ,—оправдывалась Марико,—а онъ слышалъ отъ Лорисъ-Меликова *).

Разговаривая такимъ образомъ, онѣ спустились въ городъ. Въ это время недалеко отъ нихъ, на перекресткѣ двухъ улицъ, показался какой-то офицеръ.

— Да вонъ, кажется, и есть самъ Лорисъ-Меликовъ,—сказала Марико.

— Да, это онъ,—подтвердила Саломэ,—спросимъ у него.

Офицеръ замѣтилъ ихъ и сталъ приближаться. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти—двадцати шести, стройный, съ лицомъ армянскаго типа и съ небольшими живыми глазами, смотрѣвшими очень проницательно. Офицеръ приблизился къ Нинѣ Александровнѣ и почтительно поздоровался съ нею и съ ея спутницами.

---

*) Михаилъ Таріеловичъ, впослѣдствіи графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ 1880—81 гг.

— Скажите, пожалуйста, Михаилъ Тарiеловичъ,—обратилась къ нему Нина Александровна,—неужели это правда, если не секретъ, будто Хаджи-Муратъ передался на сторону русскихъ?

— Совершенная правда, Нина Александровна,—отвѣчалъ офицеръ.—Надняхъ мы его ожидаемъ въ Тифлисъ.

— Но что побудило его передаться русскимъ, бросить свое ханство, власть, горы?—быстро заговорила Саломэ.

— На это, княжна, едва ли кто можетъ отвѣтить съ достовѣрностью,—сказалъ офицеръ, слегка пожимая плечами.—Даже Михаилъ Семеновичъ въ полномъ недоумѣнiи.

— Это что-то загадочное,—какъ бы про себя проговорила княжна Саломэ.

— Дѣйствительно, это для всѣхъ загадка, — согласился офицеръ.

— Но гдѣ, какимъ образомъ онъ передался намъ?—спросила Нина Александровна, продолжая итти рядомъ съ офицеромъ.—Я васъ не задерживаю? Можетъ быть, вы спѣшите куда-нибудь по службѣ?

— Нѣтъ, Нина Александровна, я сейчасъ отъ главнокомандующаго,—отвѣчалъ офицеръ.—И у Михаила Семеновича была объ этомъ рѣчь. Хаджи-Муратъ передался намъ какъ-то неожиданно. Еще недавно онъ съ баснословною быстротой и поразительной дерзостью, во главѣ небольшого отряда отчаянныхъ мюридовъ, ураганомъ налетѣлъ на Кайтахъ и Табасарань и возмутилъ все тамошнее населенiе. Тревога поднялась по всей нашей линiи, тѣмъ болѣе, что самъ Шамиль въ то же время напалъ на наши отряды на Турчидагѣ. Оба нападенiя отличались отчаянной дерзостью. Пожаръ возстанiя готовъ былъ вспыхнуть, да и вспыхнулъ по всему Дагестану, по Аварiи, по Чечнѣ, и вдругъ... эта загадочная повинная... Чудовище само отдается намъ... Это будетъ ударъ молнiи для всѣхъ непокорныхъ народовъ Кавказа... Это чудовище популярнѣе, энергичнѣе самого Шамиля, Нина Александровна: это положительно геніальный дикарь.

— Чѣмъ же дикарь?—горячо возразила княжна Саломэ.—Горецъ, какъ горецъ.

— Виноватъ, княжна, — любезно поклонился Лорисъ-Мели-

ковъ въ сторону Саломэ.—За слово «дикарь» простите, больше не буду...

— Полно вамъ ссориться,—перебила ихъ Нина Александровна.—Вы не досказали, однако, Михаилъ Таріеловичъ, при какихъ обстоятельствахъ передался намъ Хаджи-Муратъ. Вамъ помѣшала моя спорщица.

— Я молчу, какъ рыба, то есть, какъ моя милая Марико,—засмѣялась Саломэ.

— Оставь хоть ее въ покоѣ, новый Хаджи-Муратъ!—остановила ее тетка.—Возвратимся къ нашему герою.

— Revenons à nos moutons?—вызывающе взглянулъ офицеръ на Саломэ.—Слушаюсь... Молодой Воронцовъ, полковникъ князь Семенъ Михайловичъ, флигель-адъютантъ, командующій куринскимъ егерскимъ полкомъ, расположеннымъ въ крѣпости Чалъ-Кари, что на Аргунѣ, доноситъ отцу, что въ 20-хъ числахъ ноября Хаджи-Муратъ прислалъ къ нему въ крѣпость трехъ мюридовъ изъ своей свиты, которые объявили Воронцову, что Хаджи-Муратъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей ушелъ изъ Гехи отъ преслѣдованій Шамиля, и остановился подъ лѣсомъ, на полянѣ Рошни, недалеко отъ крѣпости, что онъ отдается подъ покровительство Россіи, если ему подъ клятвою обѣщаютъ сохраненіе жизни.

— Воображаю изумленіе Воронцова!—замѣтила Саломэ.—Удавъ просится за пазуху...

— Правда, — продолжалъ офицеръ, — Воронцовъ не повѣрилъ искренности удава... Въ предложеніи Хаджи-Мурата чудились ему плачъ и слезы нильскаго крокодила, и потому онъ выступилъ изъ крѣпости съ сильнымъ отрядомъ, опасаясь скрытой въ лѣсу засады, и, дѣйствительно, вмѣсто крокодила или удава, нашелъ кроткую овечку.

— Онъ принялъ его съ подобающими почестями, какъ союзника и повелителя цѣлой страны, Аваріи, и отправилъ въ крѣпость Грозную.

— А въ Тифлисъ онъ пріѣдетъ?—спросила Марико.

— Надняхъ мы его ждемъ сюда,—отвѣчалъ офицеръ.

— И мы его увидимъ?—радостно вскричала Саломэ.

— Вѣроятно: его свѣтлость, князь Михаилъ Семеновичъ, хочетъ, кажется, оставить его на свободѣ.

— И онъ съ тобой будетъ на праздникѣ танцовать лез-

гинку,—засмѣялась Нина Александровна по адресу своей племянницы.

— Что-жъ! Я очень рада, тетя: я еще ни съ однимъ героемъ не танцовала.

II.

Разговоръ о Хаджи-Муратѣ, послужившій содержаніемъ первой главы настоящаго повѣствованія, происходилъ въ началѣ декабря 1851 года.

Лица, разговоръ которыхъ приведенъ въ первой главѣ, были: Нина Александровна Грибоѣдова, вдова безсмертнаго автора «Горя отъ ума», урожденная княжна Чавчавадзе. Это она молилась на могилѣ своего рано погибшаго мужа, покоящагося въ монастырѣ св. Давида, надъ Тифлисомъ. Вышедшія изъ церкви и подошедшія къ ней дѣвушки были княжна Саломэ Чавчавадзе, ея племянница, семнадцатилѣтняя красавица столицы Грузіи, а другая—ея пріятельница, шестнадцатилѣтняя княжна Марико Орбеліани. Офицеръ, разсказывавшій имъ о Хаджи-Муратѣ, былъ гвардіи ротмистръ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, состоявшій при князѣ Воронцовѣ по особымъ порученіямъ.

Извѣстіе о переходѣ Хаджи-Мурата на сторону русскихъ съ быстротою молніи облетѣло не только Тифлисъ, но и весь Кавказъ и Закавказье. Это было нѣчто вродѣ удара грома при безоблачномъ небѣ. Въ этомъ видѣли «начало конца», начало конца столѣтней кровопролитной войны на грозномъ фонѣ Кавказскихъ горъ, среди неприступныхъ твердынь и дебрей. Рѣки крови были пролиты въ этой упорной борьбѣ за обладаніе всѣмъ этимъ чуднымъ краемъ съ его роскошными долинами, съ дѣвственными лѣсами, съ его гремящими рѣками и горными каскадами. Все, что имѣла Россія самаго блестящаго въ военныхъ сферахъ, самые опытные боевые генералы, блестящая военная молодежь, дѣти сановниковъ, матушкины сынки, ищущіе отличій и славы, отчаянныя головы, не знавшія куда дѣвать избытокъ энергіи и жажду кроваваго разгула, всѣ недовольные жизнью, для которыхъ столичная атмосфера казалась душной, а рамки для проявленія умственной дѣятельности слишкомъ узкими, все, что не выносило затхлости пошлой обыденной жизни, мѣдные лбы и головы умныя, все стремилось на «погибельный Кавказъ». И

вдругъ начало конца!.. Самый грозный изъ этихъ защитниковъ горъ покорно склонилъ свою голову передъ подавляющимъ величіемъ силы, какъ передъ велѣніемъ неотвратимаго рока!

— Хаджи-Муратъ сдался! Хаджи-Муратъ покорился намъ!—говорили русскіе.—Конецъ Шамилю! Конецъ независимости горскихъ народовъ! Кавказъ нашъ, и конецъ войнѣ...

Одинъ изъ доблестнѣйшихъ вождей Кавказа, лично знавшій Хаджи-Мурата, такъ отзывался о немъ: «это былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ самородковъ. Сказать, что это былъ храбрецъ и удалецъ изъ самыхъ храбрѣйшихъ и удалыхъ горцевъ, значитъ еще ничего не сказать для его характеристики: безстрашіе Хаджи-Мурата было поразительно даже на Кавказѣ (а гдѣ же болѣе отчаянныхъ головъ, какъ не тамъ!). Но его отличіе было не въ этомъ только свойствѣ: онъ былъ вполнѣ необыкновенный вождь кавалеріи, находчивый, предусмотрительный, рѣшительный въ атакѣ, неуловимый въ отступленіи. Довольно сказать, что бывали моменты, когда этотъ витязь держалъ какъ на сковородѣ столь умныхъ полководцевъ, какими были князь Аргутинскій-Долгоруковъ и побѣдитель при Краонѣ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, — держалъ этихъ полководцевъ, какъ на сковородѣ, то есть, во время борьбы съ нимъ, заставлялъ ихъ быть насторожѣ до чрезвычайности. И, несмотря на крайнюю ихъ бдительность, Хаджи-Муратъ пролеталъ между ихъ отрядами, обходилъ засады, и, похитивъ, напримѣръ, у нихъ передъ глазами ханшу изъ города, уносился, какъ вихрь, по неизвѣстнымъ тропамъ и адскимъ кручамъ. Словомъ сказать, перенеси этого геніальнаго дикаря всего, каковъ онъ былъ, въ армію французовъ, либо еще лучше въ армію Мольтке, въ какую хотите европейскую армію, всюду Хаджи-Муратъ явился бы лихимъ командиромъ кавалеріи, и въ челѣ ея во всякой арміи былъ бы совершенно на мѣстѣ».

— Михаилъ Тарѣловичъ,—обратилась княжна Саломэ къ Лорисъ-Меликову, когда тотъ сталъ прощаться съ Грибоѣдовой,—вы сказали, что скоро ожидаете въ Тифлисъ Хаджи-Мурата?

— Да, княжна, — отвѣтилъ Лорисъ, — онъ долженъ быть здѣсь 8-го декабря.

— Какъ его везутъ? Въ экипажѣ?

— Нѣтъ, княжна: онъ счелъ бы такое путешествіе унизи-

тельнымъ для себя; онъ ѣдетъ верхомъ на своемъ любимомъ карабахѣ. Что за умница конь, говорятъ: онъ слушается не уздечки, не нагайки, а словъ своего господина. По его приказанію онъ ложится и перестаетъ дышать, когда Хаджи-Муратъ кладетъ на него свою винтовку для вѣрнѣйшаго прицѣла; конь этотъ понимаетъ всѣ секретные сигналы своего господина, крикъ перепела, свистъ иволги: по этимъ сигналамъ онъ разыскиваетъ его въ лѣсу, находитъ ночью. А какой красавецъ!

— Такъ вы говорите, Михаилъ Тарѣловичъ, что ждете его 8-го декабря?—перебила потокъ краснорѣчія страстнаго кавалериста княжна Саломэ.

— Да, княжна.

— Знаете, о чемъ я хочу попросить васъ, monsieur Лорисъ?—заискивающе сказала Саломэ.

— Что прикажете?

— Я хочу видѣть Хаджи-Мурата... Устройте мнѣ это, прошу васъ!

— Ужъ ты не свиданіе ли хочешь назначить интересному узденю?—засмѣялась Грибоѣдова.

— Ахъ, тетя! Я хочу только взглянуть на него хоть издали,—съ мольбой въ голосѣ проговорила Саломэ.

— Это легко устроить, княжна, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — Меня князь прикомандировываетъ къ Хаджи-Мурату чѣмъ-то вродѣ attaché или полномочнаго министра при особѣ повелителя Аваріи: такъ какъ я хорошо говорю по-аварски, то я и буду для Хаджи-Мурата и гидомъ, и гувернеромъ, и компаньономъ, и немножко политическимъ экзаменаторомъ.

— Monsieur Меликовъ!—заговорила Саломэ.—Вы будете слѣдить за нимъ.

— Это моя обязанность, княжна,—серьезно возразилъ Михаилъ Тарѣловичъ. — Хаджи-Муратъ—слишкомъ крупная и опасная величина... Мы не знаемъ, искренно ли онъ передался намъ... А если онъ желаетъ все высмотрѣть у насъ, наши силы, наши укрѣпленія, узнать расположенія нашихъ войскъ, а потомъ бѣжитъ въ горы, и будетъ уже хорошо знать, въ какія мѣста наносить намъ удары... Его нельзя упускать изъ виду: коварство азіатовъ слишкомъ хорошо извѣстно... Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ уже былъ въ русской службѣ и измѣнилъ намъ, а потомъ насъ же громилъ.

— Какъ! Я этого не слыхала,—сказала Грибоѣдова

— Да, Нина Александровна, онъ былъ прапорщикомъ милиціи,—пояснилъ Михаилъ Таріеловичъ,—но десять лѣтъ тому назадъ вошелъ въ сношеніе съ Шамилемъ; объ этомъ узнали наши власти, и Хаджи-Муратъ былъ схваченъ. Но вообразите ловкость и силу воли этого человѣка: его арестовали въ Хунзахѣ, столицѣ Аваріи, отвели въ крѣпость и тамъ приковали къ орудію... Девять дней онъ оставался прикованнымъ. Потомъ подъ сильнымъ конвоемъ, при офицерѣ, его отправили, прикованнаго къ солдату, въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Но представьте себѣ: при переходѣ черезъ Арахъ-тау, во время страшной метели въ горахъ, онъ бросился съ отвѣсной кручи въ страшную пропасть, увлекъ съ собой и солдата... Всѣ думали, что онъ неизбѣжно погибъ, въ дребезги разбился! Нисколько! Онъ только переломилъ себѣ ногу, и едва живой дотащился до ближайшаго аула... Съ той поры и началъ свирѣпствовать: ни одинъ русскій постъ, ни одно укрѣпленіе не были увѣрены, въ теченіе десяти лѣтъ, что въ одну прекрасную ночь этотъ демонъ горъ не нападетъ на нихъ и не перерѣжетъ всѣхъ... Вотъ какое это чадушко, княжна!—закончилъ Михаилъ Таріеловичъ, съ улыбкой глядя на Саломэ.

— Я хочу его видѣть!—воскликнула княжна.

— Хорошо, я это устрою,—согласился Михаилъ Таріеловичъ.

— Какъ? Гдѣ?—обрадовалась юная энтузіастка.

— Очень просто: по распоряженію Михаила Семеновича я долженъ буду встрѣтить почетнаго гостя при въѣздѣ въ Тифлисъ; утромъ 8-го декабря я васъ предувѣдомлю объ этомъ или, лучше, самъ явлюсь къ вамъ; вы велите заложить коляску...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я лучше выѣду къ нему верхомъ на своемъ иноходцѣ,—перебила княжна.

— Но я тебя не пущу одну,—вмѣшалась Нина Александровна.

— Ахъ, тетя! Ну, вы выѣдете въ колискѣ вотъ съ этой наревной Несмѣяной (Саломэ указала на свою молчаливую пріятельницу, на княжну Орбеліани)... Хочешь, Марико?

— Очень даже,—отвѣчала послѣдняя.

— Ну, и отлично... Вы въ колискѣ, а я на своемъ «Гамзатъ-

бекѣ» вмѣстѣ съ «Шамилемъ»... Онъ ни на шагъ не отстаетъ отъ меня, когда я катаюсь...

— Однако,—заговорила Нина Александровна,—ты жаловалась, что проголодалась, а теперь сама моришь насъ съ голоду, гадкая эгоистка! Пора домой... Не зайдете ли вы къ намъ, Михаилъ Таріеловичъ, на чашку чаю или кофе!—обратилась она къ молодому офицеру.

— Съ удовольствіемъ, Нина Александровна,—поклонился Лорисъ-Меликовъ.

— А вотъ мы и дома...

— А вотъ и мой «Шамиль» летитъ...

Навстрѣчу имъ, дѣйствительно, бѣжалъ прекрасный рыжій сетеръ и радостно бросился сначала къ Саломэ, а потомъ и къ остальнымъ.

— А, старый пріятель, имамъ «Шамиль», — сказалъ Лорисъ-Меликовъ, гладя собаку,—хочешь на охоту за фазанами?

Песъ радостно запрыгалъ и залаялъ. Онъ давно не испытывалъ этого спеціальнаго удовольствія, потому что барышня его рѣдко принимала участіе въ охотѣ молодыхъ офицеровъ на фазановъ и дикихъ козъ.

Всѣ вошли въ домъ Грибоѣдовой-Чавчавадзе, въ которомъ Нина Александровна поселилась послѣ трагической смерти мужа, какъ бы вновь возвратившись подъ свой дѣвичій кровъ. Въ столовой уже ждалъ ихъ самоваръ. За чаемъ рѣчь продолжалась все о томъ же Хаджи-Муратѣ, въ особенности о той кровавой драмѣ, которая возвела его на престолъ Аваріи.

— Какъ же это случилось?—съ сіяющими любопытствомъ глазами спросила Саломэ.—Разскажите, Михаилъ Таріеловичъ.

— Это очень сложная и кровавая исторія,—заговорилъ послѣдній, медленно прихлебывая чай.—Еще до Шамиля, когда имамъ былъ Кази-Мулла, Аваріею управлялъ Омаръ-ханъ, старшій сынъ аварской ханши Пахубике. Это былъ самый могущественный и знаменитый во всемъ Дагестанѣ владѣтельный аварскій ханскій родъ. Хаджи-Муратъ, тогда еще совсѣмъ мальчикъ, выказывалъ уже всѣ качества орленка и очень былъ привязанъ къ Омаръ-хану, въ милиціи котораго онъ и получилъ чинъ прапорщика. Авaрія тогда была покорна Россіи. Эта покорность возмутила Кази-муллу, и онъ съ войскомъ напалъ на Хунзахъ, столицу Аваріи. Омаръ-ханъ, Хаджи-Муратъ, и его

отецъ, поддерживаемые аварцами, отчаянно защищались, и хотя отецъ Хаджи-Мурата былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ, однако, юный герой и Омаръ-ханъ не только отстояли свою столицу, но еще положили на мѣстѣ около ста человѣкъ изъ узденей Кази-муллы и отбили нѣсколько значковъ, которые и отослали въ Тифлисъ, какъ воинскіе трофеи. Когда потомъ, при взятіи нами Гимры, Кази-мулла былъ убитъ, имамомъ явился Гамзатъ-бекъ...

— О! Объ этомъ головорѣзѣ я много слышала!—не вытерпѣла Саломэ и даже вскочила съ мѣста.—Оттого я и своего иноходца назвала «Гамзатъ-бекомъ».

— Не хотите ли, однако, курить, Михаилъ Тарiеловичъ?—спросила хозяйка.

— Если позволите...

— «Шамиль»! Подай трубку Михаилу Тарiеловичу!—хлопнула въ ладоши Саломэ.

Умный песъ, лежавшій у ногъ своей госпожи, быстро вскочилъ и, бросившись въ переднюю, вскорѣ появился оттуда, бережно неся въ зубахъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, и, виляя хвостомъ, поднесъ ее къ Лорисъ-Меликову.

— О, умникъ, умникъ «Шамиль»!—ласково погладилъ его послѣдній и, взявъ со стола сухарь, подалъ ему.

Съ сухаремъ во рту, умный песъ вопросительно глядѣлъ на Саломэ.

— Ѣшь, ты заслужилъ,—съ улыбкой сказала она.

Гость закурилъ трубку, потому что она предварительно была набита завѣдывавшимъ трубками козачкомъ-нукеромъ.

— Ну, что же Гамзатъ-бекъ?—спросила нетерпѣливая барышня.

— Гамзатъ-бекъ тоже сталъ угрожать Аварiи, какъ и Кази-мулла, — продолжалъ Михаилъ Тарiеловичъ прерванный разсказъ.—Тогда Омаръ-ханъ и Хаджи-Муратъ явились въ Тифлисъ просить помощи...

— Какъ! Значитъ, мой милѣйшій Хаджи-Муратъ уже бывалъ въ Тифлисѣ?—обрадовалась Саломэ.

— Какъ же, былъ... онъ уже знаетъ Тифлисъ...

— Такъ, можетъ быть, и меня знаетъ?—не унималась барышня.

— Вѣроятно... Но, конечно, онъ видѣлъ васъ у кормилицы на рукахъ,—засмѣялся Михаилъ Тарiеловичъ.

— Не мѣшай же ему, дурочка,—вступилась Нина Александровна. — Правда, я помню, когда Омаръ-ханъ и молоденькій Хаджи-Муратъ пріѣзжали въ Тифлисъ... Саломэ тогда еще, помнится, и году не было.

— Очень можетъ быть,—согласился Михаилъ Тарiеловичъ, гладя подошедшаго къ нему «Шамиля».—Когда они воротились изъ Тифлиса, то нашли Хунзахъ уже обложеннымъ войсками Гамзатъ-бека. Пришлось покориться имаму и выдать ему аманатовъ, въ числѣ которыхъ и былъ второй братъ Омаръ-хана, Ханъ-сынъ. Тогда Гамзатъ-бекъ потребовалъ еще и младшаго брата, совсѣмъ ребенка, Булачъ-хана, котораго мать, ханша Похубике, любила до безумiя. Она не отдала своего любимчика, а послала средняго своего сына, Умахана. Послѣ этого Гамзатъ-бекъ потребовалъ къ себѣ въ лагерь и Омаръ-хана, будто бы для переговоровъ. Но едва онъ явился туда съ своими узденями, какъ узденi имама коварно накинулись на нихъ и послѣ отчаянной схватки положили на мѣстѣ Омаръ-хана, Умахана и до двадцати ихъ узденей.

— Фу, какiе варвары!—неожиданно проговорила съ негодованiемъ молчаливая княжна Марико.

Саломэ съ улыбкой оглянулась на нее, а Лорисъ-Меликовъ продолжалъ:

— Гамзатъ-бекъ, совершивъ эти предательскiя убiйства, занялъ Хунзахъ и всю Аварiю; но не надолго. Предательство его было жестоко наказано Хаджи-Муратомъ.

— Ахъ, милый!—не вытерпѣла Саломэ.

— Хаджи-Муратъ и старшiй его братъ Османъ,—продолжалъ Михаилъ Тарiеловичъ,—собравъ десять отчаянныхъ узденей, ворвались въ мечеть, когда тамъ Гамзатъ-бекъ, какъ имамъ, совершалъ богослуженiе, и Османъ тутъ же пронзилъ его кинжаломъ, но и самъ былъ изрубленъ въ куски нукерами имама. Вся родня имама заперлась потомъ въ ханскомъ дворцѣ, но Хаджи-Муратъ выбилъ ихъ оттуда и всѣхъ сбросилъ съ кручи въ страшную пропасть, гдѣ они разбились вдребезги.

— По дѣломъ имъ!—одобрила скромная Марико.

— Браво, Марико!—захлопала въ ладоши ея безпокойная пріятельница.

— Съ той минуты Хаджи-Муратъ сталъ ханомъ Аваріи: его избралъ весь народъ,—закончилъ Лорисъ-Меликовъ.

III.

Какимъ-то чудомъ Тифлисъ провѣдалъ, что знаменитый герой Аваріи, Чечни и всего Дагестана будетъ въѣзжать въ городъ 8-го декабря: имя Хаджи-Мурата было такъ популярно и такъ страшно, что всякому хотѣлось взглянуть на это смирившееся, наконецъ, чудовище. Многимъ онъ, дѣйствительно, представлялся истиннымъ чудовищемъ и по наружности. Держать въ постоянной тревогѣ разомъ нѣсколько укрѣпленныхъ русскихъ постовъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, появляться ураганомъ, то въ тылу, то на флангахъ нашихъ отрядовъ, проноситься вихремъ по такимъ крутизнамъ и скаламъ, по которымъ гнѣздятся только орлы; вырѣзывать цѣлые непокорные ему аулы,—да это можетъ быть дѣломъ только такого чудовища, какимъ рисовался Хаджи-Муратъ въ воображеніи многихъ. И вдругъ страшнаго звѣря этого можно увидѣть въ лицо и не въ желѣзной клѣткѣ, не въ кандалахъ, а на свободѣ и на его собственной, не менѣе его знаменитой лошади! Понятно, что массы русскихъ, грузинъ и армянъ высыпали на улицы и на площади, по которымъ долженъ былъ проѣзжать удивительный горецъ.

Раньше другихъ, конечно, выѣхала навстрѣчу героя княжна Саломэ. Она такъ торопила тетку, что не дала ей порядкомъ чаю напиться. Бѣлый иноходецъ княжны былъ вычищенъ самымъ тщательнымъ образомъ. Сама она надѣла лучшую свою зимнюю амазонку. Длинный трэнъ синяго бархатнаго платья красиво спускался тяжелыми ровными складками почти до самой земли. Поверхъ платья была надѣта темная коротенькая курточка, отороченная дорогими соболями. Курточка покроемъ напоминала черкеску. На груди, по обѣ стороны, блестѣли изящные серебряные цилиндрики для патроновъ. Надъ лѣвымъ рядомъ патроновъ была приколота роскошная, только что распустившаяся чайная роза, а у золотого пояса сверкалъ небольшой изящный кинжалъ, рукоятка котораго и ножны были усыпаны крупными зернами самой чистой бирюзы. Голову княжны покрывала небольшая шапочка изъ бѣлоснѣжныхъ барашковъ.

Прелестный иноходецъ княжны выступалъ рядомъ съ коляской, въ которой сидѣла г-жа Грибоѣдова и княжна Марико Орбеліани. Саломэ была очень эффектна, и всѣ любовались какъ ея хорошенькимъ, зарумянившимся отъ волненія личикомъ, ея посадкой и всей ея изящною граціозной фигурой, такъ и бѣлымъ ея иноходцемъ, который, красиво выгибая свою лебединую шею, положительно плясалъ подъ своею прекрасной наѣздницей, нервно перебирая своими тонкими и упругими, какъ сталь, ногами. Впереди его прыгалъ «Шамиль», стараясь лизнуть въ морду пріятеля.

День выдался ясный и теплый. По небу изрѣдка бродили прозрачныя бѣлыя облачка.

Скоро головы всѣхъ обратились на мцхетскую дорогу, на которой вдали показалась группа всадниковъ.

— Это онъ, Хаджи-Муратъ,—послышалось въ толпѣ.—А вонъ съ нимъ рядомъ и нашъ Лорисъ-Меликовъ,—сказалъ какой-то черномазый имеретинъ съ головою, повязанною краснымъ платкомъ.

— Вашъ! Дэржись за карманъ,—проворчалъ толстый армянинъ съ огромными бѣлками.—Онъ нашъ—кровяный армянинъ.

— Эхъ, ты, Карапетъ Карапузовичъ, — усмѣхнулся какой-то солдатикъ.—Кровяный! Ты самъ кровяная морда.

Группа всадниковъ приближалась, и разговоры на минуту смолкли. Всѣ глаза, казалось, впились въ невиданнаго гостя.

Но онъ оказался совсѣмъ не страшнымъ. Напротивъ, задумчивое, нѣсколько грустное лицо его было очень симпатично. Доброта свѣтилась и въ его большихъ черныхъ глазахъ подъ высоко поднятыми, нѣсколько изогнутыми бровями. Острый подбородокъ, обличавшій большую энергію, и широкія скулы покрыты были черными, мягкими вьющимися волосами. Небольшіе усы, закрывая собою углы рта, не мѣшали видѣть красиво очерченныхъ губъ. За широкимъ лбомъ, нѣсколько прикрытымъ черною папахой, скрывался, повидимому, большой умъ и огромная сила воли. Это было совсѣмъ интеллигентное, очень симпатичное лицо. Глаза казались кроткими, но въ нихъ свѣтилась проницывающая душу наблюдательность.

Онъ былъ въ своемъ красивомъ національномъ костюмѣ и при оружіи. Прекрасно развитая грудная клѣтка и широкія плечи рѣзко оттѣняли его необыкновенно тонкую и гибкую, со-

верщенно юношескую талію. Маленькія ноги, обтянутыя красивыми сапогами съ голенищами, узорно расшитыми серебряною битью, перехвачены были отъ подъема до пятокъ металлическими пластинками съ небольшими шпорами въ формѣ шариковъ. Съ обѣихъ сторонъ его груди, повыше металлическихъ цилиндровъ съ патронами, нашиты были цвѣтныя розетки. Сидѣлъ онъ на конѣ такъ, какъ будто родился на сѣдлѣ: и конь, и всадникъ составляли нераздѣльное цѣлое, очень граціозное.

Рядомъ съ нимъ, по лѣвую сторону, ѣхалъ Лорисъ-Меликовъ, за ними нѣсколько мюридовъ и нукеровъ Хаджи-Мурата, а шествіе замыкалъ небольшой отрядъ линейныхъ казаковъ.

Когда онъ сталъ приближаться къ тому мѣсту, гдѣ рядомъ съ коляской Грибоѣдовой красовалась на своемъ бѣломъ иноходцѣ княжна Саломэ, Лорисъ-Меликовъ что-то тихо сказалъ Хаджи-Мурату и съ привѣтливой улыбкой поклонился дамамъ. Хаджи-Муратъ съ любопытствомъ окинулъ огненнымъ взоромъ прелестную наѣзднцу, и глаза ихъ встрѣтились. Саломэ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, но въ тотъ же моментъ сорвала съ своей груди розу и съ застѣнчивой улыбкой бросила ее грозѣ Дагестана. Но барышня не разсчитала разстоянія, не добросила, и прелестный цвѣтокъ упалъ на дорогу какъ разъ подъ стременемъ Хаджи-Мурата. Въ одно мгновеніе съ ловкостью джигита онъ наклонился съ сѣдла, чтобъ схватить розу, но умный песъ княжны опередилъ его руку, и роза была уже у него въ зубахъ. И Хаджи-Муратъ, и Лорисъ-Меликовъ разомъ расхохотались.

— «Шамиль»! — крикнула озадаченная Саломэ.—Отдай ему розу! Отдай!

— Подай ему, «Шамиль», — повторилъ и Лорисъ-Меликовъ,—онъ возьметъ тебя на охоту за фазанами.

Слово «охота» было всесильно для избалованной собаки. Она подняла морду къ Хаджи-Мурату, и, держа въ зубахъ розу за самый стебелекъ, привѣтливо махала хвостомъ. Хаджи-Муратъ потянулся съ сѣдла и, взявъ у нея совсѣмъ непомятый цвѣтокъ, ласково погладилъ ее. Затѣмъ онъ радостно, благодарнымъ взоромъ глянулъ на зардѣвшуюся княжну, приложилъ руку къ сердцу и ко лбу, нѣжно поцѣловалъ прелестный цвѣтокъ и граціозно вложилъ его между цилиндрами патроновъ. А счастливый обѣщаніемъ охоты, хвостатый «Шамиль» радостно лаялъ и бро-

сался то къ своей госпожѣ, то къ Хаджи-Мурату, то къ Лорисъ-Меликову.

Толпа тоже гудѣла отъ восторга при видѣ интереснаго зрѣлища.

Шествіе двинулось дальше, и Хаджи-Муратъ, разговаривая съ Лорисъ-Меликовымъ, долго еще оглядывался на очаровательную наѣздницу.

— Ахъ, тетя! Какой онъ интересный!—волновалась эта послѣдняя.—Il est parfaitement distingué!

— Правда, правда, милочка, — соглашалась Нина Александровна.

— Absolument, ma tante!

— Но какъ ты рѣшилась бросить ему розу? Я никакъ этого не ожидала.

— Ахъ, ma tante! Онъ же теперь нашъ, и притомъ герой, покорившійся Россіи: надо же было оказать привѣтъ отъ Россіи.

— Такъ ты изобразила собою всю Россію?—засмѣялась г-жа Грибоѣдова.—Поздравляю!

Толпа повалила вслѣдъ за интересными всадниками, выражая по своему свои сужденія. Между тѣмъ счастливый «Шамиль» стрѣлой леталъ между ногъ толпы, то догоняя Лорисъ-Меликова и Хаджи-Мурата, который, повидимому, совсѣмъ его очаровалъ перспективою обѣщанной охоты за фазанами, то снова возвращаясь къ своей госпожѣ.

— Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ, «Шамиль»,—улыбнулась ему Саломэ.

— Совершенно такъ, какъ и ты сама,—неожиданно проговорила молчаливая княжна Орбеліани.

— Браво! Браво, милая Марико!—согласилась Нина Александровна.—Моя Саломэ и «Шамиль»—самыя теперь счастливыя существа въ цѣломъ Тифлисѣ.

Но никто не могъ предвидѣть, какую роковую роль въ жизни Хаджи-Мурата будетъ играть собака юной княжны Чавчавадзе. Но объ этомъ въ свое время...

Сопутствуемый любопытною толпою, Хаджи-Муратъ, между тѣмъ, въѣхалъ въ центръ города и прослѣдовалъ въ отведенную ему квартиру въ томъ именно домѣ, гдѣ жилъ Лорисъ-Меликовъ, который и долженъ былъ находиться при немъ неотлучно. Такъ порѣшилъ Воронцовъ въ видахъ политичнаго наблюденія за

интереснымъ гостемъ, который, несмотря на то, что самъ отдался въ руки властей, продолжалъ еще болѣе оставаться для нихъ неразгаданнымъ сфинксомъ. Лорисъ-Меликовъ и долженъ былъ исполнять при немъ роль мудраго Эдипа...

Когда они въѣхали во дворъ и конвойные казаки приняли ихъ лошадей, Лорисъ-Меликовъ и Хаджи-Муратъ вошли въ домъ. Михаилъ Таріеловичъ показалъ отведенныя для почетнаго гостя комнаты и, попросивъ его распорядиться, какъ дома, извинился, что долженъ оставить его на минуту, чтобъ доложить главнокомандующему о благополучномъ прибытіи въ резиденцію начальника края именитаго повелителя Аваріи.

— Доложите его свѣтлости, что я горю нетерпѣніемъ лично повергнуть къ его властнымъ стопамъ благоухающіе цвѣты моего почтенія,—съ восточною цвѣтистостью проговорилъ Хаджи-Муратъ, прикладывая руку къ сердцу.

— Его свѣтлость приметъ ваше высокостепенство, вѣроятно, завтра утромъ,—отвѣчалъ Лорисъ-Меликовъ.—А между тѣмъ вы отдохните съ дороги, и мы съ вами пообѣдаемъ.

— Усталость и отдыхъ—удѣлъ слабыхъ и женщинъ; а мы, воины, отдыхаемъ только послѣ выигранной битвы,—сказалъ на это Хаджи-Муратъ.

Михаилъ Таріеловичъ вышелъ и, отъѣзжая во дворецъ главнокомандующаго, шепнулъ конвойному офицеру, чтобъ онъ зорко наблюдалъ за всѣмъ.

— А помѣщеніе для свиты хана отведено?—спросилъ онъ.

— Отведено, и мои люди за ними наблюдаютъ.

— Хорошо... Только чтобъ это наблюденіе имѣло видъ почетнаго конвоя, а не стражи.

Оставшись одинъ, Хаджи-Муратъ подошелъ къ окну и точно застылъ въ нѣмомъ созерцаніи покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горныхъ гигантовъ, закрывавшихъ горизонтъ и уходившихъ въ неведомую даль. Но эта таинственная даль была знакома ему; это упирались въ небо его родныя горы, которыя воспитали его, взлелѣяли его отвагу, вселили въ его сердце, съ ранняго дѣтства, горячую любовь къ дикому, грозному, но прекрасному родному краю. Тамъ онъ, еще ребенкомъ, по страшнымъ крутизнамъ взбирался, съ опасностью жизни, къ орлинымъ гнѣздамъ. Тамъ, на недосягаемыхъ высотахъ, его дѣтское воображеніе помѣщало престолъ самого Аллаха.

Теперь взоръ его не отрывался отъ этой ушедшей на сѣверъ заманчивой дали. Лицо его выражало грустное умиленіе. Думалъ-ли онъ о страстно любимыхъ, оставленныхъ тамъ дѣтяхъ? Вспоминалъ-ли онъ первыя невинныя ласки красавицы жены? Или онъ обдумывалъ принятую на себя миссію?.. Готовитъ ли онъ гибель тому, для кого онъ много лѣтъ былъ правою рукою, или подобно змѣю искусителю, уготовавшему гибель первому человѣку въ земномъ раю, и онъ задумалъ изгнать этихъ гордыхъ пришельцовъ изъ своего родного рая?.. Грустно задумчивое лицо не выдаетъ его тайны.

А далекія горы такъ и искрятся алмазами и сапфирами, такъ и манятъ къ себѣ. Тамъ, за этими милыми горами, пролито имъ столько крови и своихъ, и пришельцевъ. А все за эти горы, за это небо... И все племя коварнаго Гамзатъ-бека онъ за то же погубилъ... А теперь что задумала его безпокойная голова, кому и что готовитъ? Кому гибель, кому счастье?

Съ глубокимъ вздохомъ онъ отошелъ отъ окна.

Нечаянно руки его коснулись розы, которую ему бросила юная княжна Чавчавадзе, и которую онъ оставилъ у себя на груди. Онъ теперь взялъ этотъ нѣжный цвѣтокъ, еще не успѣвшій завянуть, и съ ласковой улыбкой сталъ смотрѣть на него. Онъ вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ отзывался объ этой дѣвушкѣ Лорисъ-Меликовъ, какъ она нетерпѣливо ждала его, Хаджи-Мурата, какъ интересовалась имъ, его жизнью, его подвигами... Передъ нимъ живо нарисовалось прелестное личико княжны, ея почти дѣтское смущеніе... Что онъ для нея? Что она ему?... Но между тѣмъ сердце его чувствовало отраду, что-то теплое и радостное...

Не зналъ онъ только, да и никто не могъ знать, что эта милая, невинная дѣвушка скоро станетъ невольной причиной его трагической смерти...

Положивъ розу на столъ, Хаджи-Муратъ досталъ изъ небольшой переметной сумы, внесенной нукеромъ въ его комнату, легкій персидскій коврикъ, разостлалъ его на полу и, ставъ на колѣни, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, закрылъ глаза руками и весь отдался молитвѣ. О чемъ онъ молился?..

IV.

Въ Петроградѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ кабинетѣ императора Николая Павловича, у письменнаго стола помѣщается князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, тогдашній военный министръ. Передъ нимъ разложены бумаги. По другую сторону стола—самъ государь.

Чернышевъ съ докладомъ.

— Я желаю прослушать все письмо князя Воронцова и со всѣхъ сторонъ обсудить дѣло,—сказалъ государь.

— Я тотчасъ доложу его вашему величеству,—былъ отвѣтъ Чернышева.

Онъ взялъ со стола большой почтовый листъ и сталъ читать:

«Я не писалъ вамъ съ послѣдней почтой, любезный князь,—читалъ Чернышевъ.—желая сперва рѣшить, что мы сдѣлаемъ съ Хаджи-Муратомъ, притомъ же я чувствовалъ себя два—три дня не совсѣмъ здоровымъ».

— Отъ котораго числа письмо?—вдругъ спросилъ Николай Павловичъ.

— Виноватъ, государь, отъ 20-го декабря,—былъ отвѣтъ.

— Хорошо, я слушаю,—сказалъ государь, немного помолчавъ.

«Въ моемъ послѣднемъ письмѣ,—читалъ Чернышевъ,—я извѣщалъ васъ о прибытіи сюда Хаджи-Мурата; онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 8-го; на слѣдующій день я познакомился съ нимъ и дней восемь или девять говорилъ съ нимъ и обдумывалъ, что онъ можетъ сдѣлать для насъ впослѣдствіи; а особенно—что намъ дѣлать съ нимъ теперь, такъ какъ онъ очень сильно заботится о судьбѣ своего семейства и говоритъ со всѣми знаками полной откровенности, что, пока его семейство въ рукахъ Шамиля, онъ парализованъ и не въ силахъ услужить намъ и доказать свою благодарность за ласковый пріемъ и прощеніе, которое ему оказали. Неизвѣстность, въ которой онъ находится на счетъ дорогихъ ему особъ, вызываетъ въ немъ лихорадочное состояніе, и лица, назначенныя мною, чтобы жить съ нимъ здѣсь, увѣряютъ меня, что онъ не спитъ по ночамъ, почти что ничего не ѣстъ, постоянно молится, и только проситъ позволенія покататься верхомъ съ нѣсколькими казаками—единственное для

него возможное развлеченіе и движеніе, необходимыя вслѣдствіе долголѣтней привычки».

— Конечно,—согласился государь.—Что дальше?

— «Каждый день,—читалъ дальше Чернышевъ,—онъ приходилъ ко мнѣ узнать, имѣю ли я какія-нибудь извѣстія о его семействѣ и просить меня, чтобы я велѣлъ собрать на нашихъ различныхъ линіяхъ всѣхъ плѣнныхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, чтобы предложить ихъ Шамилю для обмѣна, къ чему прибавить немного денегъ. Есть люди, которые ему дадутъ ихъ для этого. Онъ мнѣ все повторялъ: «спасите мое семейство и потомъ дайте мнѣ возможность услужить вамъ (лучше всего на лезгинской линіи, по его мнѣнію), и если, по истеченіи мѣсяца, я не окажу вамъ большой услуги, накажите меня, какъ сочтете нужнымъ». Я ему отвѣтилъ, что все это кажется мнѣ весьма справедливымъ, и что у насъ найдется даже много лицъ, которыя не повѣрили бы ему, если бы его семейство оставалось въ горахъ, а не у насъ въ качествѣ залога; что я сдѣлаю все возможное для сбора на нашихъ границахъ плѣнныхъ и что, не имѣя права, по нашимъ уставамъ, дать ему денегъ для выкупа въ прибавку къ тѣмъ, которыя онъ достанетъ самъ, я, можетъ быть, найду другія средства помочь ему. Послѣ этого я сказалъ ему откровенно мое мнѣніе о томъ, что Шамиль ни въ какомъ случаѣ не выдастъ ему семейства, что онъ, быть можетъ, прямо объявитъ ему это, обѣщаетъ полное прощеніе и прежнія должности, погрозитъ, если онъ не вернется, погубить его мать, жену и шестерыхъ дѣтей. Я спросилъ его, можетъ ли онъ сказать откровенно, чтобы онъ сдѣлалъ, еслибы получилъ такое объявленіе Шамиля».

— Полагаю, что князь Воронцовъ правъ, — какъ бы про себя замѣтилъ государь,—Шамиль ни за что не возвратитъ ему семейства... Ну?

Военный министръ продолжалъ:

«Хаджи-Муратъ поднялъ глаза и руки къ небу и сказалъ мнѣ, что все въ рукахъ Бога, но что онъ никогда не отдастся въ руки своему врагу, потому что вполнѣ увѣренъ, что Шамиль его не проститъ, и что онъ бы тогда недолго остался въ живыхъ. Что же касается истребленія его семейства, то онъ не думаетъ, что Шамиль поступитъ такъ легкомысленно, во-первыхъ, чтобы не сдѣлать его врагомъ еще отчаяннѣе и опаснѣе, и во-вторыхъ,

есть въ Дагестанѣ множество лицъ, очень даже вліятельныхъ, которыя отговоритъ его отъ того...

— Il a raison, ce cerveau brûle,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—онъ разсуждаетъ логично.

— И мнѣ такъ кажется, государь,—сказалъ Чернышевъ,—cerveau brûlé a sa logique.

— Eh bien!

«Наконецъ,—продолжалъ читать Чернышевъ,—онъ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что какая бы ни была воля Бога для будущаго, но что его теперь занимаетъ только мысль о выкупѣ семейства, что онъ умоляетъ меня во имя Бога помочь ему и позволить ему вернуться въ окрестности Чечни, гдѣ бы онъ черезъ посредство и съ дозволенія нашихъ начальниковъ могъ имѣть сношенія съ своимъ семействомъ, постоянныя извѣстія о его настоящемъ положеніи и о средствахъ освободить его: что многія лица и даже нѣкоторые наибы въ этой части непріятельской стороны болѣе или менѣе привязаны къ нему; что во всемъ этомъ населеніи, уже покоренномъ русскими, или нейтральномъ, ему легко будетъ имѣть, съ нашей помощью, сношенія очень полезныя для достиженія цѣли, преслѣдовавшей его днемъ и ночью, исполненіе которой такъ его успокоитъ и дастъ ему возможность дѣйствовать для нашей пользы и заслужить наше довѣріе. Онъ проситъ отослать его опять въ Грозную съ конвоемъ изъ двадцати или тридцати отважныхъ казаковъ, которые бы служили ему для защиты отъ враговъ, а намъ для ручательства въ истинѣ высказываемыхъ имъ намѣреній».

Николай Павловичъ всталъ и началъ озабоченно ходить по кабинету. Всталъ и Чернышевъ.

— Да, это задача, — сказалъ какъ бы про себя императоръ,—отпустить его въ Чечню, или не отпустить? Что у него на душѣ?

— Точно, государь, это крокодиловы вопросы,—замѣтилъ военный министръ.

— Какіе крокодиловы?—вопросительно остановился Николай Павловичъ.

— Неразрѣшимая дилемма, государь: нильскій крокодилъ спрашиваетъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, съѣстъ онъ ея ребенка или не съѣстъ? Если не отгадаетъ, то съѣстъ. Конечно, мать никогда не рѣшится сказать, что съѣстъ, и слѣдовательно,

не отгадала. Хаджи-Муратъ тоже задастъ князю Воронцову крокодиловы вопросы.

— Правда. Что же нашъ князь отвѣчалъ крокодилу?

— Князь Воронцовъ представляетъ эти вопросы вашему величеству.

— Что же онъ пишетъ?

«Вы поймите, любезный князь,—пишетъ онъ мнѣ,—что все это очень озадачило меня, такъ какъ, что ни сдѣлай, большая отвѣтственность лежитъ на мнѣ. Было бы въ высшей степени неосторожно вполнѣ довѣрять ему; но если бы мы хотѣли отнять у него средство для бѣгства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнѣнію, было бы и несправедливо, и не политично. Такая мѣра, извѣстіе о которой скоро распространилось бы по всему Дагестану, очень повредила бы намъ, отнявъ охоту у всѣхъ тѣхъ (а ихъ много), которые готовы итти болѣе или менѣе открыто противъ Шамиля и которые такъ интересуются положеніемъ у насъ самаго храбраго и предпріимчиваго помощника имама, увидѣвшаго себя принужденнымъ отдаться въ наши руки: разъ, что мы поступили бы съ Хаджи-Муратомъ, какъ съ плѣннымъ, весь благопріятный эффектъ его измѣны Шамилю пропалъ бы для насъ».

— Резонно,—вставилъ государь, снова садясь на мѣсто.—И что же старикъ?

— Князь Воронцовъ, ваше величество, пишетъ: «Поэтому я думаю, что не могъ поступить иначе, какъ я поступилъ, чувствуя, однако, что можно будетъ обвинить меня въ большой ошибкѣ, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. Въ службѣ и въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ трудно, чтобы не сказать невозможно, итти по одной прямой дорогѣ, не рискуя ошибиться и не принимая на себя отвѣтственности. Но разъ, что дорога кажется прямою, надо итти по ней, будь, что будетъ. Прошу васъ, любезный князь, повергнуть это на разсмотрѣніе его величеству, государю императору, и я буду счастливъ, если августѣйшій нашъ повелитель соизволитъ одобрить мой поступокъ!..»

— Я охотно его одобряю,—сказалъ государь, поднявъ голову,—но я не пророкъ: что изъ этого выйдетъ, я не знаю. Все?

— Нѣтъ, государь. Князь Михаилъ Семеновичъ пишетъ дальше: «Все, что я вамъ писалъ выше, я также написалъ гене-

раламъ Завадовскому и Козловскому, для непосредственныхъ сношеній Козловскаго съ Хаджи-Муратомъ, котораго я предупредилъ о томъ, что онъ безъ одобренія послѣдняго ничего сдѣлать и никуда выѣхать не можетъ. Я ему объявилъ, что для насъ даже лучше, если онъ будетъ выѣзжать съ нашимъ конвоемъ, а то Шамиль станетъ разглашать, что мы держимъ Хаджи-Мурата въ заперти. Но при этомъ я взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никогда не поѣдетъ въ крѣпость Чахъ-Кари-Воздвиженское, такъ какъ мой сынъ, которому онъ сперва сдался и котораго онъ считаетъ своимъ «кунакомъ» (пріятелемъ), не начальникъ этого мѣста, и могли бы произойти непріятности. Впрочемъ, Воздвиженское слишкомъ близко отъ многочисленнаго враждебнаго намъ населенія, между тѣмъ какъ для сношеній, которыя онъ желаетъ имѣть съ своими повѣренными, Грозная удобна во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ двадцати избранныхъ казаковъ, которые по его просьбѣ ни на шагъ не отстанутъ отъ него, я посылаю съ нимъ ротмистра Лорисъ-Меликова, достойнаго, отличнаго и очень умнаго офицера, говорящаго по-татарски, знающаго хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполнѣ довѣряетъ ему».

— Лорисъ-Меликова я зналъ еще пажемъ,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—хорошій былъ юноша... Мнѣ пріятно, что князь Воронцовъ съ такой отличной стороны его рекомендуетъ.

— Точно, государь, это очень способный офицеръ,—подтвердилъ Чернышевъ;—онъ армянинъ.

— Знаю. Императоръ Цимисхій, одинъ изъ даровитѣйшихъ государей Византіи, тоже былъ армянинъ,—пояснилъ государь.—Eh bien?

— Слушаю, ваше величество. Князь Воронцовъ пишетъ: «Десять дней, которые Хаджи-Муратъ провелъ здѣсь, онъ жилъ въ одномъ домѣ съ ротмистромъ Лорисъ-Меликовымъ и подполковникомъ княземъ Тархановымъ, начальникомъ Шушинскаго уѣзда, находящимся здѣсь по дѣламъ службы. Это истинно достойный человѣкъ, и я ему вполнѣ довѣряю. Онъ также заслужилъ довѣріе Хаджи-Мурата, и черезъ него одного,—такъ какъ отлично говоритъ по-татарски,—мы разсуждали о самыхъ деликатныхъ и секретныхъ дѣлахъ. Я совѣтовался съ Тархановымъ на-счетъ Хаджи-Мурата, и онъ совершенно согласился со мною въ томъ, что или слѣдовало поступить, какъ я поступилъ, или заключить Хаджи-Мурата въ тюрьму и сторожить его со всѣми

возможными строгими мѣрами, потому что ужъ разъ обращаться съ нимъ худо, его не легко стеречь, или же удалить его совсѣмъ изъ страны».

— Ну, это послѣднее совсѣмъ бы не имѣло смысла,—замѣтилъ Николай Павловичъ.

— Такъ думаетъ, государь, и князь Воронцовъ.

— Хаджи-Муратъ тамъ—крупная величина, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ—ничто, un néant. Finissez donc.

— Сейчасъ конецъ, ваше величество. «Но эти двѣ послѣднія мѣры, по мнѣнію князя Михаила Семеновича, не только бы уничтожили всю выгоду, вытекающую для насъ изъ ссоры между Хаджи-Муратомъ и Шамилемъ, но пріостановили бы неизбѣжно всякое развитіе ропота и возможность возмущенія горцевъ противъ власти Шамиля. Князь Тархановъ мнѣ сказалъ, что самъ увѣренъ въ правдивости Хаджи-Мурата»...

— Я не вѣрю правдивости нильскаго крокодила, — чуть слышно замѣтилъ Николай Павловичъ.—Eh bien?

«И что Хаджи-Муратъ — читалъ Чернышевъ — не сомнѣвается въ томъ, что Шамиль никогда его не проститъ и велитъ казнить, не смотря на обѣщанное прощеніе. Единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова въ его сношеніяхъ съ Хаджи-Муратомъ, это его привязанность къ своей религіи, и онъ не скрываетъ, что Шамилю можно будетъ дѣйствовать на него съ этой стороны; но, какъ я уже говорилъ выше, онъ никогда не убѣдитъ Хаджи-Мурата въ томъ, что не лишитъ его жизни или сейчасъ, или спустя нѣсколько времени послѣ его возвращенія. Вотъ все, любезный князь, что я хотѣлъ вамъ сказать на-счетъ этого интереснаго эпизода здѣшнихъ дѣлъ» *).

Чернышевъ кончилъ и остановился.

— Да, эпизодъ очень интересный, но и очень серьезный,— сказалъ Николай Павловичъ.—Я вполнѣ одобряю осторожныя распоряженія князя Воронцова, но думаю, что мы никакой выгоды не извлечемъ изъ пребыванія у насъ Хаджи-Мурата, пока его семейство будетъ находиться въ рукахъ Шамиля. Этотъ головорѣзъ, повидимому, очень любитъ своихъ дѣтей и жену, что, впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Меня смущаетъ одно обстоя-

*) Письмо это—подлинный историческій документъ, напечатанный г. А. Зиссерманомъ въ «Русской Старинѣ» вмѣстѣ съ небольшою статьею о Хаджи-Муратѣ.

тельство: Хаджи-Муратъ, безспорно, умный человѣкъ; но, какъ всякій азіятъ, онъ еще болѣе хитеръ, чѣмъ уменъ. Не много надо было ума, чтобъ обсудить заранѣе свой поступокъ и не дѣйствовать очертя голову. А этотъ умный азіятъ поступилъ совсѣмъ наоборотъ. Убѣгая отъ Шамиля и оставляя въ его рукахъ свою семью, онъ этимъ самымъ впередъ обрекалъ себя на бездѣйствіе. Онъ это долженъ былъ знать. Какъ же онъ ушелъ отъ страстно любимой семьи? Онъ бы прежде долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобъ семья его очутилась внѣ власти Шамиля, а потомъ бы и самъ бѣжалъ.

Государь говорилъ горячо и убѣдительно. Чернышѐвъ не могъ не понять, что Николай Павловичъ взглянулъ вглубь предмета, и былъ пораженъ его доводами.

— Нѣтъ, или Хаджи-Муратъ дуракъ, или онъ вообразилъ, что можетъ насъ одурачить,—съ прежней горячностью продолжалъ государь,—старичка Воронцова и Тарханова онъ, кажется, уже одурачилъ; но я, кажется, понимаю этого разбойника: онъ совсѣмъ нильскій крокодилъ, и слезы его—крокодиловы слезы; а почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ на старости лѣтъ сталъ тою бабой, у которой крокодилъ задумалъ съѣсть ребенка. Они съ Шамилемъ вообразили (а Шамиль—умница!), что весь русскій здравый смыслъ, весь русскій государственный умъ сосредоточенъ на Кавказѣ, а въ Петроградѣ только подписываютъ: «быть по сему». Нѣтъ!—и глаза государя сверкнули зловѣщимъ огнемъ (онъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ).—Они не знаютъ, что такое Россія! И я покажу имъ это... Шамиль не Митридатъ и Хаджи-Муратъ не Тигранъ, да и я не Лукуллъ!

Онъ остановился передъ почтительно вытянувшимся министромъ.

— Надо написать князю Воронцову,—заговорилъ государь болѣе спокойнымъ тономъ—чтобы онъ держалъ явившагося къ нему крокодила на цѣпи, но чтобъ онъ не видалъ этой цѣпи... Пусть разъѣзжаетъ съ казаками и съ Лорисъ-Меликовымъ, куда ему угодно; пусть онъ и Шамиль думаютъ, что мы имъ повѣрили, что русскій государственный умъ весь въ Тифлисѣ!.. Но пусть глазъ не спускаютъ съ прикинувшагося ягненкомъ крокодила... А тамъ посмотримъ...

V.

Дѣйствительно, Хаджи-Муратъ пользовался, повидимому, полною свободой. Почти каждый день, сопутствуемые казаками и четырьмя мюридами, Хаджи-Муратъ и Лорисъ-Меликовъ совершали экскурсіи то по окрестностямъ Тифлиса, то въ горы. Какъ-то случалось такъ, что во время этихъ экскурсій они встрѣчались съ маленькой кавалькадой, состоявшей изъ княжны Чавчавадзе, ея пріятельницы, княжны Орбеліани и постоянно сопровождавшаго ихъ капитана Бучкіева, который былъ неравнодушенъ къ Саломэ. Около нихъ неизбѣжно вертѣлся «Шамиль», которой то рыскалъ по кустамъ, вынюхивая и выслѣживая дичь, то гонялся за воробьями и горными курочками.

Хаджи-Муратъ и Лорисъ-Меликовъ, встрѣчаясь съ этой маленькой кавалькадой, обмѣнивались привѣтствіями и шутками, справляясь о здоровьи и т. д. А встрѣчи эти происходили потому, что Саломэ всегда заранѣе узнавала отъ Лорисъ-Меликова, куда они съ Хаджи-Муратомъ намѣрены всякій разъ совершить экскурсію, и какъ будто нечаянно они и встрѣчались. Но всякій разъ выходило такъ, что «Шамиль», увидавъ Лорисъ-Меликова и Хаджи-Мурата, бросалъ свою госпожу и присоединялся къ группѣ Хаджи-Мурата, постоянно воображая своимъ собачьимъ умомъ, что это они ѣдутъ на охоту за фазанами.

— Вы совсѣмъ отбили у меня собаку, Михаилъ Таріеловичъ,—жаловалась по этому поводу Саломэ,—она совсѣмъ измѣнила мнѣ.

— Нѣтъ, княжна, я не отбивалъ вашу собаку,—отшучивался Лорисъ-Меликовъ,—она знаетъ, къ кому влечетъ сердце ея госпожу, къ тому она и льнетъ, а вовсе не ко мнѣ...

При этомъ Бучкіевъ ревнивыми и злыми глазами поглядывалъ на Хаджи-Мурата, а Саломэ звонко хохотала.

Послѣ одной изъ такихъ экскурсій, Лорисъ-Меликовъ, получивъ отъ Воронцова инструкціи, сообщенныя изъ Петрограда по повелѣнію государя, заговорилъ съ Хаджи-Муратомъ о его прошломъ.

— Вашимъ прошлымъ интересуется нашъ августѣйшій повелитель, государь императоръ, поэтому я прошу васъ искренно разсказать мнѣ все, всю вашу жизнь, ваши подвиги, даже все

то, что вы причинили намъ злого во время вашей вражды съ нами:—все это желаетъ знать государь, а мы, его подданные, должны передъ нимъ говорить только правду, какъ передъ самимъ Богомъ. Этого требуетъ отъ насъ присяга. И тогда государь рѣшитъ, какое вамъ дать назначеніе... Разскажите же мнѣ, ваше высокостепенство, все по чистой совѣсти, разскажите факты, а я вашъ разсказъ запишу для представленія государю императору,—говорилъ Лорисъ-Меликовъ.—Вѣдь вы меня знаете и вѣрите мнѣ?

— Знаю и вѣрю,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Вы мнѣ уже говорили раньше, какъ погибъ Гамзатъ-бекъ и какъ вы одни стали управлять Аваріею. Разскажите же что и послѣ того было?—говорилъ Михаилъ Таріеловичъ, положивъ передъ собою свою записную книжку.

— Послѣ смерти Гамзатъ-бека, — началъ свой разсказъ Хаджи-Муратъ,—появился Шамиль съ домогательствами подчинить Дагестанъ весь своей власти. Три года отстаивалъ я отъ него Аварію; но когда власть его стала усиливаться болѣе и болѣе въ горахъ, то рѣшились мы просить къ себѣ русскихъ войскъ и хана мехтулинскаго, Ахмета-хана, въ правители.

Онъ остановился. Казалось, ему тяжело было продолжать. И немудрено: слишкомъ мрачныя картины рисовала ему память прошлаго. Но онъ осилилъ себя и продолжалъ спокойно:

— По занятіи Хунзаха русскими войсками, я пользовался особымъ расположеніемъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, получалъ часто денежныя награды, и было мнѣ обѣщано, что буду назначенъ русскимъ правительствомъ старшимъ надъ Аваріею. Такое вниманіе начальства породило ненависть Ахметъ-хана ко мнѣ, и съ тѣхъ поръ онъ старался всѣми средствами очернить меня. Наконецъ, въ отсутствіе генерала изъ Хунзаха, обвинивъ меня въ тайныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ Шамилемъ, отвелъ къ коменданту крѣпости, гдѣ я содержался въ продолженіе девяти дней привязаннымъ къ орудію, потомъ подъ конвоемъ солдатъ при офицерѣ отправили меня въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Дорогою я бѣжалъ въ горы.

— Да, это мнѣ извѣстно,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ, отрываясь отъ записной книжки,—спрыгнули съ страшной кручи и увлекли за собою солдата, къ которому были прикованы?

— Да, и сломалъ себѣ ногу,—съ улыбкой отвѣчалъ Хаджи-Муратъ.—Потомъ, не имѣя возможности, по враждѣ съ Шамилемъ, итти къ нему, я скрылся въ аулѣ Цельмесъ, и хотя затѣмъ получалъ безпрестанныя приглашенія Шамиля и увѣренія, что, забывъ все прошедшее, онъ не станетъ мстить мнѣ, но я не довѣрялъ ему и остался въ Цельмесѣ. Между тѣмъ генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, узнавъ подробно о неправильныхъ притѣсненіяхъ Ахметъ-хана, написалъ мнѣ предложеніе вытти снова къ русскимъ. Письмо это я отправилъ къ Ахметъ-хану. Онъ въ гнѣвѣ изорвалъ его и новыми происками успѣлъ уговорить генерала собрать отрядъ и итти на меня въ Цельмесъ. Войско, подъ начальствомъ Бакунина и Пасека, на разсвѣтѣ окружило аулъ, дѣло продолжалось до вечера. Половина Цельмеса была уже въ рукахъ русскихъ; но прибывшіе на помощь, по просьбѣ нашей, андійскія войска отъ Шамиля усилили насъ, и русскій отрядъ, преслѣдуемый нами, отступилъ, потерявъ начальника своего, генерала Бакунина. Ахметъ-ханъ, прибывъ послѣ того въ Хунзахъ, заковалъ трехъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и черезъ нѣсколько дней приказалъ жителямъ убить ихъ. Узнавъ о томъ, я собралъ партію и въ продолженіе пяти дней разорилъ нѣсколько аварскихъ ауловъ, какъ-то: Полоди, Энгедаклъ, Местерахъ, Мохохъ, Багтлохъ, Тахита и другіе. Съ этихъ поръ я подстерегалъ по всѣмъ дорогамъ Ахметъ-хана, который послѣ бѣгства моего не ѣздилъ никуда безъ сильнаго конвоя. Помянутыя причины довели меня до окончательнаго ухода отъ русскихъ и съ того времени сталъ я повиноваться Шамилю. Ахметъ-ханъ вскорѣ послѣ того умеръ, а Аварія подпала подъ власть Шамиля. Назначенный наибомъ Аваріи, я въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ воевалъ съ русскими.

Карандашъ Лорисъ-Меликова быстро бѣгалъ по бумагѣ, пока Хаджи-Муратъ говорилъ.

Денщикъ Михаила Таріеловича принесъ чай, закуску и восточныя сласти и поставилъ передъ Хаджи-Муратомъ, который сидѣлъ на высокомъ оттоманѣ съ ногами, по-восточному. Хаджи-Муратъ, отхлебнувъ чаю, продолжалъ монотоннымъ голосомъ.

— Въ 1843 году, до времени общаго возстанія Дагестана противъ русскихъ, Шамиль мнѣ оказывалъ предпочтеніе предъ прочими наибами и предоставлялъ болѣе случаевъ воевать съ

русскими. Въ 43-мъ году, находясь вмѣстѣ съ нимъ при взятіи Унцукуля, я былъ отправленъ въ Хунзахъ. При слѣдованіи своемъ имѣлъ дѣло съ русскими въ аулѣ Ободѣ, гдѣ, занявъ аулъ, принудилъ русскихъ опять снова отступить въ Хунзахъ. Партія моя состояла тогда изъ трехъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ, съ которыми я и началъ разорять близъ лежащіе аулы и овладѣлъ русскою башнею, при одномъ орудіи, Ахалча. Окруживъ впослѣдствіи укрѣпленіе, держалъ его въ осадѣ; но, узнавъ о взятіи горцами укрѣпленія Гергебиля и уничтоженіи гарнизона русскаго, тамъ находившагося, я оставилъ свою пѣхоту, и съ кавалеріею поспѣшилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. По пути слѣдованія моего, близъ Зиряновъ, встрѣтилъ отрядъ Пасека, и, завязавъ съ нимъ перестрѣлку, шелъ за нимъ до самаго укрѣпленія Зиряны. Отрядъ, вступившій туда, былъ окруженъ мною; орудія, поставленныя на высотѣ, наносили большой вредъ гарнизону, который, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ сообщенія съ прочими укрѣпленіями, сталъ нуждаться въ провіантѣ. Шамиль въ то же время держалъ въ блокадѣ Темиръ-Ханъ-Шуру, но вскорѣ былъ оттѣсненъ русскими. Свѣжій отрядъ, пришедшій на помощь въ Зиряны, выручилъ гарнизонъ, и я съ партіей своею направился къ горамъ. На лезгинской линіи, съ партіей въ шестьсотъ человѣкъ, я угналъ близъ Бежаньянъ 7,000 барановъ, 100 лошадей и 300 головъ скота; при обратномъ слѣдованіи потеряль въ числѣ убитыхъ двухъ сотенныхъ своихъ начальниковъ.

Карандашъ Лорисъ-Меликова едва успѣвалъ скользить по бумагѣ. Замѣтивъ это, Хаджи-Муратъ сталъ медленно прихлебывать изъ стакана. Михаилъ Таріеловичъ тоже немного передохнулъ, допивая свой чай.

— Все это такъ интересно... Какая жизнь!—говорилъ онъ, пробѣгая написанное. — А нашъ походъ въ Дарго? — спросилъ онъ.

— Это было уже въ 45-мъ году, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ.—Я тогда былъ въ дѣлѣ только четыре дня—въ оказіи съ сухарями; остальное же все время, по приказанію Шамиля, дѣйствовалъ въ Тилитляхъ, противъ отряда князя Аргутинскаго. При отступленіи отряда оттуда, войска мои были обмануты скрытымъ движеніемъ русскихъ, которые перешли въ наступленіе и тѣмъ обратили въ бѣгство мою партію. До ста человѣкъ осталось убитыхъ моихъ на мѣстѣ.

Онъ остановился, какъ бы припоминая что-то.

— Да,—припомнилъ онъ,—это было въ 46-мъ году. Питая вражду къ дому Ахметъ-хана мехтулинскаго, я въ этомъ году, съ партіею въ двѣсти человѣкъ, ночью вошелъ въ аулъ Джунгутай и увезъ вдову его, ханшу Нохъ-Бике. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ жила она въ моемъ домѣ, и впослѣдствіи, настояніями и ходатайствомъ зятя ея, Даніель-бека, была выкуплена. Изъ Казанищи отбилъ я у Долгата, сына Шамхала, 600 головъ скота. Вскорѣ послѣ того угналъ подъ Темиръ-Хань-Шурою табунъ лошадей у шахмальскаго родственника, увезъ сестру и прислугу ея, которыя послѣ и были выкуплены. Въ Дургалахъ, въ селеніи подполковника Али-Султана, разорилъ жителей, забралъ ихъ имущества и плѣнныхъ. Въ 45-мъ году, при взятіи Даніель-Султаномъ Хоха, я первый принудилъ отступить цудаларцевъ и акушинцевъ, пришедшихъ туда на выручку. При вторженіи Шамиля съ 10-тысячною партіею въ Кабарду, въ 46-мъ году, я былъ съ нимъ. Въ продолженіе пребыванія его тамъ, войско терпѣло большую нужду, такъ какъ жители не хотѣли давать намъ провіантъ. При обратномъ слѣдованіи, Шамиль, узнавъ, что переправа занята полковникомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, растерялся и думалъ уже спасаться бѣгствомъ; наконецъ, отправилъ меня впередъ съ частію войскъ, для открытія переправы, и я имѣлъ дѣло съ русскими, которые и отступили, и тогда остальныя наши войска переправились безъ потери. Добычи изъ Кабарды Шамиль почти никакой не вывезъ. Въ Кутишахъ съ Шамилемъ меня не было...

— О! Я помню это дѣло,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ, поднимая голову отъ записной книжки.—Тамъ Шамиль былъ разбитъ отрядомъ князя Василія Осиповича Бебутова и потерялъ орудіе, много вещей и даже сѣкиру палача!

— Да,—подтвердилъ Хаджи-Муратъ.—Но я тогда стоялъ съ партіею въ другой аулѣ и о бѣгствѣ Шамиля узналъ на слѣдующій день. А при взятіи русскими Салты, мѣсяцъ и одинъ день я находился въ самомъ аулѣ, и въ то же время угналъ семьдесятъ лошадей казенныхъ. Въ аулѣ Отлы отбилъ табунъ и на обратномъ пути взялъ въ плѣнъ ахкендскихъ жителей. По тревогѣ, русскія войска вышли мнѣ навстрѣчу изъ Ходжалъ-Маховъ и завязали дѣло, въ которомъ я потерялъ до двадцати человѣкъ убитыми. Въ 48-мъ году, передъ осадою русскими Гергебиля, я

былъ болснъ и позже другихъ наибовъ присоединился къ сборамъ. Враги мои, пользуясь этимъ, успѣли очернить меня предъ Шамилемъ, увѣривъ его, что я не хочу воевать съ русскими. Досадуя на это, я просилъ отправить меня съ партіею въ сады, когда русскіе станутъ занимать ихъ. Онъ согласился, и я, занявъ большой оврагъ, завязалъ перестрѣлку съ пришедшими русскими войсками. Дѣло было чрезвычайно жаркое... Убитыхъ своихъ, 50 человѣкъ, я оставилъ при отступленіи брошенными въ садахъ... При вторженіи Шамиля въ самурскій округъ съ партіею своею, во время блокады Ахты, я спустился со стороны ахтинскихъ минеральныхъ водъ, и, пройдя крѣпость, дошелъ до самыхъ Мичкинджей безъ боя. Между тѣмъ русская милиція подошла къ Хозрамъ, куда Шамиль и направилъ меня, приказавъ завязать дѣло, что и было исполнено мною. Отбивъ у милиціонеровъ много лошадей и нѣсколько плѣнныхъ, я узналъ, что князь Аргутинскій подошелъ къ Самуру; тогда я направился навстрѣчу къ идущему русскому отряду. Въ дѣлѣ подъ Мичкинджами русскіе совершенно разбили насъ, и когда Даніель-бекъ съ войскомъ своимъ обратился въ бѣгство, то всѣ мы послѣдовали за нимъ. Убитыхъ на мѣстѣ нашихъ было очень много; не говоря о другихъ наибахъ, у Даніель-бека взято въ плѣнъ до ста пятидесяти человѣкъ.

— Вы, можетъ быть, устали?—обратился онъ къ Лорисъ-Меликову.—Говорить легче, чѣмъ писать.

— А можетъ быть, вы устали?—въ свою очередь спросилъ Михаилъ Таріеловичъ.

— Нѣтъ... Я усталости не знаю.

— Тѣмъ лучше; а моя рука еще свободно ходитъ по бумагѣ.

— Хорошо, я буду продолжать... Я остановился на 49-мъ году... Да, въ этомъ году, желая разграбить лавки въ Темиръ-Хапъ-Шурѣ, я ночью ворвался въ городъ, но вскорѣ былъ открытъ русскими и вынужденнымъ нашелся отступить безъ добычи, и, кромѣ раненыхъ, оставилъ въ крѣпости убитыми двѣнадцать человѣкъ изъ числа лучшихъ людей моей партіи. Въ томъ же году, при осадѣ Чоха, я занималъ съ аварцами гарнизонъ въ крѣпости. А теперь мы съ вами дошли уже и до 50-го года.

— Значитъ, уже немного остается досказать? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— Не много... но самое главное...

— Такъ я васъ слушаю и ушами, и сердцемъ.

— Хорошо сказано, ай, хорошо! Слушать сердцемъ... Сердцемъ я слушаю, какъ Аллахъ говоритъ со мною:—и горы Его говорятъ, и лѣсъ говоритъ, и трава говоритъ, и цвѣты говорятъ, и горные ручьи говорятъ.. небо голубое говоритъ... птицы говорятъ... тишина ночи говоритъ, и я ихъ сердцемъ слушаю... Слушаю, какъ звѣзда съ звѣздою говоритъ, сердцемъ слушаю...

— Звѣзда съ звѣздою говоритъ?—невольно встрепенулся Михаилъ Таріеловичъ.—Это точно изъ Лермонтова...

И онъ сталъ декламировать:

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ;
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...

— Что это?—съ удивленіемъ спросилъ Хаджи-Муратъ.

— Это стихи одного нашего поэта, Лермонтова, который тоже слушалъ сердцемъ, какъ звѣзда съ звѣздою говоритъ.—И Михаилъ Таріеловичъ дословно перевелъ чудное стихотвореніе

— Да, хорошо,—задумчиво проговорилъ Хаджи-Муратъ.—Устами великаго поэта самъ Аллахъ говоритъ... Да, и пустыня внемлетъ Аллаху, и горы, и лѣса... Хорошо... А гдѣ этотъ вашъ великій поэтъ?

— Онъ убитъ... на Кавказѣ...

— На Каказѣ? Горцемъ, нашими?

— Нѣтъ, русскимъ же, на поединкѣ... Виноватъ, мы уклонились отъ серьезнаго дѣла,—какъ бы спохватился Лорисъ-Меликовъ, боясь, какъ бы его собесѣдникъ не потерялъ вдругъ охоты говорить далѣе о приключеніяхъ своей, богатой кровавыми эпизодами, жизни.—Мы остановились на 50-мъ годѣ.

— Да помню,—сказалъ Хаджи-Муратъ.—Въ этомъ году я хотѣлъ взять въ плѣнъ Хаджи-агу алисуйскаго, собралъ партію и направился туда; но онъ, узнавъ о прибытіи моемъ, бѣжалъ; тогда, переправясь черезъ Игры (Алазань), я разорилъ барабатминскій казачій постъ и потянулся по большой дорогѣ; дойдя до аула Джалутъ, забралъ плѣнныхъ и возвратился домой въ горы. Теперь—51-й годъ. Въ этомъ году, на покосахъ близъ

Дербента, на разсвѣтѣ, я отогналъ табунъ полковыхъ лошадей самурскаго полка, и, боясь преслѣдованія, быстро направился къ Озени, куда прибылъ въ тотъ же день вечеромъ. Загородивъ себя бревнами, я расположился тамъ для ночлега, такъ какъ люди и лошади отъ усиленнаго перехода были утомлены. Открытый на другой день драгунами и милиціею, я не могъ слѣдовать въ горы и вынужденъ былъ выжидать ночи. Русскіе два раза штурмовали мой завалъ, но были отбиты; на второмъ штурмѣ я былъ раненъ драгунскимъ полковникомъ Золотухинымъ шашкою въ руку, и убилъ его тутъ же. Когда же начало смеркаться, и пѣхота русская подходить къ намъ, тогда, пользуясь темнотою, я приказалъ своимъ бѣжать въ разбродъ, чтобы тѣмъ затруднить преслѣдованіе пѣхоты, и такимъ образомъ я спасся бѣгствомъ, бросивъ до ста пятидесяти лошадей и много плѣнныхъ...

— Уфъ!—тяжело вздохнулъ Лорисъ-Меликовъ. — Пальцы отказываются держать карандашъ... Благодарю васъ очень, очень! А остальное ужъ вы доскажете мнѣ въ другой разъ. Согласны?

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ.

— Отлично! Еще разъ благодарю... А теперь мы съ вами поужинаемъ.

VI.

На другой день, отправляясь съ докладомъ къ Воронцову, Лорисъ-Меликовъ, по обыкновенію, зашелъ къ Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. Княжна Саломэ уже ждала его, заранѣе увѣренная, что онъ разскажетъ что-нибудь новенькое о ея «пассіи», какъ она шутя называла Хаджи-Мурата.

— Ну, что моя «пассія», Михаилъ Таріеловичъ?—спросила она, едва онъ успѣлъ поздороваться съ хозяйкой.

— Ваша «пассія», княжна, вчера мнѣ исповѣдывалась,— съ улыбкой проговорилъ молодой офицеръ,—и знаете, въ чемъ?

— Въ томъ, что онъ влюбленъ въ меня?—засмѣялась Саломэ.—Я это давно знала, съ того момента, когда онъ поцѣловалъ мою розу.

— Ахъ, повѣса!—засмѣялась Нина Александровна.

— Развѣ это не правда?—спросила Саломэ, подсаживаясь къ Михаилу Таріеловичу.

— Правда, княжна,—отвѣчалъ тотъ,—и меня это не удивляетъ, какъ и то, что вы отъ него безъ ума... Говоря серьезно, это — удивительный человѣкъ: въ этомъ я окончательно убѣдился

— Да?—съ любопытствомъ спросила Нина Александровна.

— Да! Повторяю: удивительный человѣкъ!—горячо проговорилъ Михаилъ Таріеловичъ.—Вчера онъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь, конечно, боевую. Она полна глубокаго драматизма. Но въ его разсказѣ было столько скромности, что просто поразительно! Другой на его мѣстѣ рисовался бы своими подвигами, а у него все это такъ просто, скромно. Вѣдь о его подвигахъ разсказываютъ цѣлыя легенды; это какой-то гомеровскій герой; объ изумительныхъ случаяхъ въ его жизни нельзя слышать безъ восторга или безъ содроганья... А онъ разсказываетъ о нихъ, какъ о вещахъ самыхъ заурядныхъ, обыденныхъ, какъ мы говоримъ объ обѣдѣ, чаѣ... Говоря объ одномъ эпизодѣ изъ своей удивительной жизни, когда его, заподозрѣннаго въ измѣнѣ, русскіе девять дней держали въ крѣпости прикованнымъ къ орудію, а потомъ привязаннаго къ одному солдату вели подъ конвоемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и когда на пути онъ ринулся съ страшной кручи въ пропасть, увлекая за собою и солдата, онъ просто пояснилъ: «дорогой я ушелъ въ горы»... Ушелъ! Какъ это просто! Или, разсказывая о геройской защитѣ одного завала, когда около него уже валялись груды убитыхъ, и когда его самого полковникъ Золотухинъ ранилъ шашкою въ руку, этотъ изумительный человѣкъ только добавилъ: «а я его убилъ»... Не правда ли, какъ это просто? Недаромъ Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Эрзерумъ», характеризуя горцевъ, говоритъ: «У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе»... Простое тѣлодвиженіе, каково! Изумительная личность!.. И при всемъ томъ, сколько поэзіи въ душѣ этого изумительнаго головорѣза! Онъ «сердцемъ слышитъ» голосъ самого Аллаха, и этотъ голосъ слышитъ онъ сердцемъ въ говорѣ ручья горнаго, въ шелестѣ лѣса; подобно Лермонтову, ночью онъ слышитъ, какъ «звѣзда съ звѣздою говоритъ»... Это онъ самъ сказалъ мнѣ.

Саломэ жадно ловила каждое слово изъ того, что говорилъ Михаилъ Таріеловичъ. Она нервно мяла въ рукахъ свой платокъ.

Михаилъ Таріеловичъ сталъ прощаться

— Куда же вы сегодня поѣдете съ Хаджи-Муратомъ?—спохватилась Саломэ.

— Этого я вамъ не скажу, сударыня,—улыбнулся Михаилъ Таріеловичъ.

— Ну, такъ мы съ Бучкіевымъ и безъ васъ узнаемъ... Ахъ, нѣтъ!.. Мой «Шамиль» отлично найдетъ васъ: онъ всегда теперь выслѣживаетъ своего и моего любимца, все у него на умѣ охота за фазанами.

Лорисъ-Меликовъ откланялся и ушелъ. Его ждалъ Воронцовъ.

Когда Михаилъ Таріеловичъ доложилъ князю все, что накапунѣ успѣлъ записать со словъ Хаджи-Мурата, Михаилъ Семеновичъ порылся въ бумагахъ, которыя лежали передъ нимъ, и всталъ.

— Вотъ что, молодой человѣкъ, все это отлично,—сказалъ онъ ласково, положивъ руки на плечо Лорисъ-Меликова.—Но это еще не все. Намъ нужно выпытать у него истинную причину удаленія его изъ Дагестана. Въ Петроградѣ не вѣрятъ его искренности. Тамъ что-то подозрѣваютъ... Подозрѣваетъ самъ государь... Конечно, намъ здѣсь виднѣе... Но все же... Ужъ вы, по дружбѣ съ нимъ, хорошенько его пропсповѣдуйте. Voilà c'est le mot, пропсповѣдуйте.

— Слушаю, ваша свѣтлость.

— А онъ попрежнему пользуется выѣздами?

— Каждый день, ваша свѣтлость. И сегодня поѣдемъ.

— Куда? Далеко?

— Да ему все хочется поближе къ Чечнѣ... Страстно желаетъ узнать что-либо о дѣтяхъ, о женѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Далеко не отпускайте его... Мало ли что можетъ случиться!.. А я ужъ приказалъ тамъ разузнавать подъ рукою, что и какъ его семейство, что Шамиль... А теперь, главное, вы исповѣдайте его... Я иначе не успокоюсь... А главнѣйше, чтобъ государь императоръ не изволилъ сомнѣваться въ нашей бдительности.

Когда, послѣ доклада у Воронцова, Лорисъ-Меликовъ воротился къ себѣ, то на дворѣ нашелъ собаку княжны Саломэ. «Шамиль» уже успѣлъ прибѣжать сюда и забавлялъ собою конвойныхъ казаковъ.

— Ахъ, негодный песъ! Ты опять здѣсь!—засмѣялся Михаилъ Тарiеловичъ.

Въ это время на крыльцѣ показался Хаджи-Муратъ. Собака радостно бросилась къ нему и стала ласкаться. Но въ эту самую минуту во дворъ вошелъ казачокъ княжны Саломэ съ небольшой цѣпью въ рукѣ.

— Ты зачѣмъ?—спросилъ его Михаилъ Тарiеловичъ.

— За «Шамилемъ» барышня прислала, ваше благородiе,— отвѣчалъ казачекъ,—совсѣмъ отъ дому отбилась собака.

— Онъ на охоту хочетъ,—сказалъ Хаджи-Муратъ по-русски и велѣлъ стоявшему за нимъ нукеру вынести собакѣ кусокъ баранины.

Вечеромъ, послѣ обычной прогулки съ конвоемъ, за чаемъ, Лорисъ-Меликовъ напомнилъ своему почетному гостю о томъ, что наканунѣ онъ обѣщалъ ему досказать о своей размолвкѣ съ имамомъ.

— Да, правда, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ. — Съ давнихъ поръ, Шамиль, чувствуя свою старость, предпринимаетъ всѣ мѣры для предоставленiя старшему сыну своему наслѣдственной власти въ горахъ. А когда однажды я сказалъ своимъ, что послѣ смерти Шамиля только сабля рѣшитъ, кому властвовать въ горахъ, то султанъ Даніель-бекъ и бѣглый цудохарецъ Асланъ-кади, любимцы имама, узнавъ объ этомъ, увѣрили имама, что для предоставленiя наслѣдственной власти сыну своему ему надобно погубить меня, какъ человѣка, который самъ станетъ властвовать послѣ Шамиля. Для этой цѣли они посовѣтовали ему отправить меня въ Табасарань. Шамиль согласился на ихъ предложенiе, и когда приказывалъ мнѣ собрать партiю, то я просилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ войска. Шамиль отказалъ въ этомъ, и мнѣ дано было только пятьсотъ человѣкъ отборной конницы, съ которыми я и выступилъ въ тотъ же вечеръ изъ Арахани и на разсвѣтѣ подошелъ къ Буйнакамъ. Взявъ изъ партiи пятьдесятъ человѣкъ, я въѣхалъ въ аулъ и направился прямо къ дому Шахъ-вали, брата шахмала. Но ни онъ самъ, ни жители не хотѣли сдаваться, и тогда я ввелъ въ аулъ всю партiю, и началось дѣло. Домъ его былъ занятъ, самъ онъ убитъ съ оружiемъ въ рукахъ, жена, трое дѣтей и служители ихъ взяты въ плѣнъ. У меня убили четырехъ человѣкъ и одного ранили. Изъ Буйнакъ я проѣхалъ во владѣнiе Джамалъ-бека, ко-

торый, собравъ конницу, завязалъ со мной дѣло и преслѣдовалъ до вольнаго Кайтаха. По вступленіи моемъ въ Табасарань, большая часть жителей не оказывала мнѣ сопротивленія, но нѣкоторые беки съ приверженцами своими укрѣпились въ аулѣ Хачны и не хотѣли сдаваться. Чтобы вытѣснить ихъ оттуда, я пошелъ къ Хачнамъ и принудилъ ихъ бѣжать, преслѣдуя до самаго почти Дербента. На всемъ этомъ протяженіи жители снабжали провіантомъ какъ тѣхъ, которыхъ я привелъ съ собою, такъ и присоединившихся въ большомъ числѣ къ моей партіи табасаранцевъ и кайтахцевъ. Возвратясь изъ преслѣдованія снова въ Табасарань, я остановился въ Хачны, куда вскорѣ пришелъ съ войсками и князь Аргутинскій. Въ продолженіе трехдневнаго сильнаго боя, я держался тамъ, но принужденъ былъ, наконецъ, оставить Хачны и скрыться въ лѣсъ, забравъ съ собою и раненыхъ своихъ, убитыхъ же до шестидесяти человѣкъ оставилъ въ аулѣ. Табасаранцы разбѣжались отъ меня, а я потянулся къ Чираху. Дорогою я встрѣтилъ русскій отрядъ, и мнѣ предстояло пробиваться чрезъ ряды русскихъ. Чтобы избѣгнуть этого, я спустился въ глубокую балку, и партія моя, проскакавъ тутъ, оставила много лошадей и отсталыхъ. Во время смятенія, жена Шахъ-вали успѣла соскочить съ лошади и перебѣжать къ русскимъ. Продолжая отступать по направленію къ Цахуру, я былъ встрѣченъ Абу-Муселимомъ рутульскимъ и, преслѣдуемый имъ, дошелъ до Ахрека. Около Чатлухи нагнали меня милиціонеры и русскія войска; но я успѣлъ захватить тутъ нѣсколько жителей и переправился въ свои предѣлы. Шамиль, разбитый, между тѣмъ, на Гамашинскихъ высотахъ генераломъ Грамотинымъ, ушелъ въ Чохъ и оставался тамъ. Онъ принялъ меня ласково и отпустилъ домой.

Лорисъ-Меликовъ отложилъ въ сторону записную книжку и съ удивленіемъ смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Но вѣдь въ этомъ походѣ вы показали изумительную храбрость и геніальность великаго полководца!—невольно воскликнулъ онъ.

— Э! Какая храбрость! Какая геніальность!—горько улыбнулся Хаджи-Муратъ.—Обыкновенное дѣло.

— Обыкновенное! Да я самъ былъ тогда въ отрядѣ Аргутинскаго, и мы думали, что вы—не человѣкъ, а дьяволъ... И откуда бралась у васъ эта изумительная находчивость! Вы ле-

тали точно горные духи... Я самъ видѣлъ васъ въ дѣлѣ: вы казались мнѣ какимъ-то богомъ войны! Этого и Аннибалъ не продѣлалъ бы съ своими карѳагенянами въ горахъ Альпъ.

— Какой Аннибалъ?—удивился Хаджи-Муратъ

— Одинъ изъ величайшихъ полководцевъ въ мірѣ.

Хаджи-Муратъ только рукой махнулъ, и Михаилу Тарѣловичу ничего больше не оставалось, какъ только снова взяться за записную книжку и за карандашъ.

— За что же послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ озлобился на васъ Шамиль?—спросилъ онъ, собираясь писать.

— А за то, что ему хотѣлось, чтобы я не дышалъ тамъ, гдѣ онъ дышетъ, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ мрачно. — Пять дней спустя по пріѣздѣ моемъ домой, ко мнѣ явились три мюрида и объявили, что Шамиль требуетъ съ меня двѣ тысячи пятьсотъ рублей, дорогую шубу и стамбульское ружье. Все просимое я отдалъ имъ, сверхъ того отправилъ четыре лошади и плѣнныхъ дѣтей Шахъ-вали. Народъ тогда сталъ увѣрять меня, что я напрасно отдалъ подарки, что вражда Шамиля ко мнѣ тѣмъ не прекратится, и рано или поздно онъ убьетъ меня. Подозрѣнія мои усиливались съ каждымъ днемъ, и я тайно сталъ принимать мѣры къ защитѣ. Наконецъ, узнавъ отъ жителей, что Шамиль съ войскомъ выступилъ противъ меня, я укрѣпился въ аулѣ Батландже. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я былъ готовъ къ защитѣ; войска же его бродили кругомъ моего аула, съ цѣлью не выпускать меня отуда. Чтобы положить конецъ моимъ отношеніямъ съ нимъ, я напалъ съ приверженцами своими на мюридовъ Шамиля, прогналъ ихъ и отбилъ нѣсколько лошадей. Духовенство, желая прекратить ссору нашу, начало переговоры. Я требовалъ, чтобы избранный на мое мѣсто наибомъ табасаранскій Али былъ немедленно смѣненъ. Требованіе мое исполнили и назначили на его мѣсто двоюроднаго моего брата. Наконецъ, Шамиль съ войсками возвратился домой. Вскорѣ же послѣ ухода его явился ко мнѣ лазутчикъ отъ князя Аргутинскаго, съ порученіемъ передать, что онъ готовъ бы подать мнѣ помощь, но, такъ какъ я живу въ центрѣ Дагестана, то съ отрядомъ онъ ко мнѣ притти не можетъ, а потому предлагалъ дать дѣло Шамилю на границѣ русской; если же этого сдѣлать я не могу, то выбѣжать съ семействомъ моимъ въ русскіе предѣлы. Черезъ присланнаго ко мнѣ лазутчика я отвѣчалъ князю Аргутинскому,

что не нахожу никакой возможности выбѣжать изъ Дагестана по причинѣ частаго населенія и мостовыхъ карауловъ, но что стану просить позволенія перейти съ семействомъ въ Гехи, откуда мнѣ возможно будетъ выбѣжать въ Чечню.

— Да, это при мнѣ происходило,—замѣтилъ Лорисъ-Меликовъ.—Я лазутчика этого знаю.

— Ну, вотъ, — продолжалъ Хаджи-Муратъ, — послѣ ухода этого лазутчика, я и сталъ просить Шамиля о переходѣ, выставивъ причиною, что жена моя—чеченка, а теща живетъ въ Гехи. Позволенія я не получилъ, и съ тѣхъ поръ сталъ изыскивать случай для тайнаго побѣга. Чтобы отвлечь всякое подозрѣніе, я отправилъ въ Гехи часть моего богатства, какъ-то: три тысячи рублей, часы, кольца и проч. съ двумя моими мюридами, сказавъ имъ, что я самъ скоро туда пріѣду. Дорогою одинъ изъ посланныхъ измѣнилъ, бѣжалъ и далъ знать Шамилю о моемъ намѣреніи. Тогда мюриды, посланные въ погоню, схватили другого моего человѣка, у котораго были мои вещи, и дочиста обобрали у него все. Меня же приказано было стеречь по всѣмъ дорогамъ. Окруженный въ Батланджѣ, я перешелъ въ аулъ Обода, но преданные Шамилю аварцы стали и тутъ караулить меня; жители же аула, боясь кровопролитія, просили меня избрать себѣ другое убѣжище, и тогда я перешелъ въ Цельмесъ. Проживъ тамъ нѣкоторое время, я узналъ, что Шамиль въ Автурѣ и дѣлаетъ сборы для совѣщанія. Тогда съ нѣсколькими своими мюридами я поѣхалъ туда. Ночью, подъѣзжая къ самому почти Автуру, я былъ предупрежденъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не въѣзжалъ въ аулъ, ибо Шамиль хочетъ казнить меня. Тогда я направился къ Шали, гдѣ, взявъ проводника, доѣхалъ до Чахъ-Кара, Воздвиженской крѣпости. Между тѣмъ дали знать Шамилю о намѣреніи моемъ бѣжать къ русскимъ, и тогда повсюду разослана была за мною погоня. Я рѣшился для ночлега скрыться въ лѣсу. На слѣдующее утро, не зная, что Шамиль послалъ за мною людей въ Гехи, я отправился туда, чтобы какимъ бы то ни было образомъ вывести изъ Цельмеса мое семейство и тогда уже выйти къ русскимъ. Въѣзжая въ Гехи, я встрѣтился съ двумя мюридами, искавшими меня. Выхвативъ ружья, мы бросились на нихъ, и они въ испугѣ объявили, что цѣлая толпа мюридовъ поджидаетъ меня въ аулѣ для поимки. Видя невозможность оставаться долѣе въ Гехи, я бѣжалъ от-

туда и вышелъ на Рошнинскую поляну, гдѣ встрѣтилъ команду солдатъ при офицерѣ Солдаты, думая, что мы нападаемъ на нихъ, дали залпъ по насъ, ранили проводника моего и убили одну лошадь. Съ Рошни я направился по лѣсу, что у Чахъ-Кары. Оттуда послалъ трехъ изъ моихъ людей къ полковнику, князю Воронцову, съ просьбою выслать для слѣдованія моего прикрытіе. Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ самъ выѣхалъ ко мнѣ съ войскомъ, и я прибылъ въ крѣпость Воздвиженскую *).

Лорисъ-Меликовъ всталъ и подошелъ къ своему собесѣднику.

— Еще и еще благодарю ваше высокостепенство за доброе довѣріе ко мнѣ,—сказалъ онъ, горячо пожимая руку горца.— Ваша жизнь, полная тревогъ, опасностей и геройскихъ дѣлъ, возбуждаетъ мое удивленіе.

— Такъ угодно было Аллаху,—скромно возразилъ необыкновенный горецъ, — безъ Его воли волосъ съ головы нашей не падаетъ; у Него на счету всякая былинка, на счету у Него и мы, люди, и песокъ морской, и всѣ мы предъ Нимъ равны. Его воля спасти меня и дѣтей моихъ.

VII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наступила весна, южная, обаятельная. Горные ручьи и рѣки бѣшено шумѣли, неудержимо стремясь въ долины, покрывшіяся яркой зеленью. Арагва, Кура, Алазань и всѣ другія рѣки Дагестана бурно праздновали обновленіе природы. Горы зеленѣли, и только вершины хребта сверкали вѣчными снѣгами.

Хаджи-Муратъ по цѣлымъ часамъ стоялъ у окна, задумчиво и подчасъ угрюмо глядя на покинутыя имъ горы. Онъ видимо тосковалъ, а между тѣмъ хоть бы одна вѣсточка дошла до него отъ милыхъ его сердцу.

Онъ чаще и чаще сталъ являться къ Воронцову, умолять, чтобъ онъ поставилъ его во главѣ милиціи или регулярныхъ войскъ для завоеванія Дагестана. Онъ Богомъ заклиналъ его сдѣлать это. Онъ увѣрялъ, что появленіе его въ горахъ вызоветъ поголовное возстаніе его единовѣрцевъ, и паденіе Шамиля неизбѣжно: вся страна будетъ во власти русскихъ.

*) Всѣ эти признанія Хаджи-Мурата—также документальные историческія и тоже были напечатаны г. Зиссерманомъ въ «Русской Старинѣ».

Но осторожный старикъ боялся и медлилъ. Воронцовъ говорилъ нетерпѣливому горцу, что онъ долженъ посовѣтоваться съ княземъ Аргутинскимъ и съ княземъ Орбеліани, которые одни въ совершенствѣ знаютъ Дагестанъ и положеніе въ немъ дѣлъ; что если они, какъ наилучшіе судьи того, что тамъ можно сдѣлать, согласятся ввѣрить ему начальство надъ экспедиціей, то онъ не станетъ противиться; но только надо обождать пріѣзда въ Тифлисъ и Аргутинскаго, и Орбеліани.

Въ глазахъ Хаджи-Мурата при этихъ словахъ сверкнули слезы, и онъ молитвенно поднялъ къ небу руки.

— А въ Грозную? А на Кумыки?—почти простоналъ онъ.

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣчалъ старикъ. — Я не отпущу васъ ни въ Грозную, ни на Кумыкскую плоскость... Князь Барятинскій, командующій тамъ, не желаетъ брать на свою отвѣтственность ваше у него пребываніе. А въ Ташъ-Кичу вы же были причиною, хотя невольною, ссоры между княжескими семействами кумыковъ и простымъ народомъ. Вспомните, наибъ, что князья объявили, что не пойдутъ въ мечеть, если вы тамъ будете, а народъ, напротивъ, уговаривалъ васъ итти туда, чтобъ помолиться вмѣстѣ съ вами.

Тогда Хаджи-Муратъ сталъ умолять князя отпустить его на время хотя бы въ Нуху, въ городъ, населенный его единовѣрцами, а то въ Тифлисѣ онъ просто задыхался, особенно съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ его кунакъ, Лорисъ-Меликовъ. Онъ доказывалъ, что въ Нухѣ, поблизости границъ, онъ легче могъ бы получать извѣстія съ горъ объ его семействѣ.

— Но съ кѣмъ же я васъ отпущу туда, дорогой наибъ?—отвѣчалъ на это Воронцовъ.—Вѣдь вы сами знаете, что Лорисъ-Меликовъ серьезно боленъ. Кто же для васъ замѣнитъ такого добраго и преданнаго вамъ кунака?

Тогда Хаджи-Муратъ указалъ на капитана Бучкіева, съ которымъ онъ тоже познакомился и сошелся.

Воронцовъ зналъ Бучкіевъ съ очень хорошей стороны: это былъ достойный и храбрый офицеръ, получившій Георгія за защиту Ахты. Какъ уроженецъ Кавказа, Бучкіевъ хорошо говорилъ по-татарски и даже напрактиковалъ въ этомъ языкѣ барышню, въ которую былъ давно влюбленъ тайно, княжну Саломэ. Княжна практиковалась по-татарски съ капризною цѣлью говорить съ Хаджи-Муратомъ на его родномъ языкѣ, чѣмъ и воз-

буждала свирѣпую ревность въ своемъ учителѣ къ «этому дикому головорѣзу», какъ называлъ Бучкіевъ Хаджи-Мурата, воображая, что его шаловливая ученица неравнодушна къ бывшему наибу Аваріи

Воронцовъ, подумавъ немного, согласился. Бучкіевъ, узнавъ о томъ, что онъ назначенъ сопровождать Хаджи-Мурата въ Нуху, пришелъ въ восторгъ. Правда, его печалила перспектива долго не видѣть своей «маленькой богини», не сопровождать ее во время ея поѣздокъ верхомъ за городъ, не помогать ей садиться на ея бѣлаго иноходца и не снимать ея съ сѣдла, нѣжно касаясь ея «божественной» таліи. Но убрать изъ глазъ «маленькой богини» ненавистнаго ему «дикаго головорѣза», это казалось для него счастьемъ. «Если я е я не буду видѣть, то и о н а е г о тоже». При томъ въ его влюбленномъ воображеніи рисовалось, что авось этотъ ненавистный ему горецъ какъ-нибудь слизнетъ тамъ себѣ воловью шею или даже бѣжитъ въ горы. Послѣдняя мысль, хотя онъ и гналъ ее отъ себя, особенно его прельщала. Желать этого, значитъ измѣнять присягѣ. Хаджи-Мурата довѣряютъ его присмотру, а онъ вдругъ желаетъ, чтобы тотъ бѣжалъ. Это былъ страшный соблазнъ, преступный. Но зато у него никто не будетъ стоять на дорогѣ къ сердцу Саломэ. Правда, она дружна съ Лорисъ-Меликовымъ, но только, кажется, дружна. Они постоянно дразнятъ другъ друга. Но надо, чтобъ Саломэ выбросила изъ головы этого противнаго дикаря. А когда онъ у нея постоянно на-глазахъ, она только о немъ и думаетъ, только и говоритъ о немъ. Сломи же онъ себѣ шею или убѣги въ горы, она подумаетъ, повспоминаетъ о немъ, поплачетъ, быть можетъ, даже, а потомъ и забудетъ. Вонъ съ глазъ, вонъ изъ сердца... А помочь ему бѣжать? Ну, не прямо помочь, а смотрѣть сквозь пальцы...

Бучкіеву даже краска бросилась въ лицо!.. Поразительная мысль пришла ему въ голову, геніальная... Сама судьба посылаетъ ему счастье въ руки. И то счастье, что Лорисъ-Меликовъ заболѣлъ. Судьба, рокъ!.. Онъ дастъ возможность Хаджи-Мурату бѣжать, но потомъ настигнетъ его съ погоней и покончитъ съ нимъ. Воронцовъ такъ прямо и сказалъ, довѣряя ему Хаджи-Мурата, что если онъ по дорогѣ ли въ Нуху, или въ самой Нухѣ сдѣлаетъ попытку бѣжать, то его щадить нечего: не дастся живой въ руки, такъ убить. А такой звѣрь никогда живымъ не

отдастся: Бучкіевъ хорошо узналъ этотъ народъ. Да и самъ Бучкіевъ въ такихъ обстоятельствахъ не разыгралъ бы роли барашка, котораго беруть на шашлыкъ: онъ никому не дался бы живымъ въ руки.

Черные глаза его особенно блестѣли, когда отъ Воронцова онъ зашелъ къ Грибоѣдовой, къ которой являлся каждый день, чтобъ видѣть свою очаровательную фею.

— У васъ, m-eur Бучкіевъ, сегодня на лицѣ праздникъ,— встрѣтила его шалунья Саломэ.

— Отчасти вы правы, княжна, — сказалъ Бучкіевъ нѣсколько тояжественно,—его свѣтлость, князь Михаилъ Семеновичъ, оказалъ мнѣ сегодня величайшее довѣріе, которымъ я не могу не гордиться, такъ оно лестно для меня! Князь поручаетъ моему руководству и попеченію Хаджи-Мурата, которому онъ разрѣшилъ сегодня отправиться въ Нуху, и котораго я долженъ сопровождать и оберегать.

— Такъ онъ уѣзжаетъ отъ насъ? — спросила Нина Александровна.

— Какое несчастіе!—воскликнула Саломэ.—Онъ покидаетъ насъ! Я буду плакать о немъ.

— Утѣшьтесь, княжна, онъ уѣзжаетъ на-время,—съ затаенной ревностью и злобой проговорилъ Бучкіевъ, вообразившій прежде, а теперь вполнѣ увѣренный, что Саломэ любитъ Хаджи-Мурата.

— Съ кѣмъ же я буду ѣздить верхомъ? Кто будетъ моимъ рыцаремъ, моимъ паладиномъ во время прогулокъ, когда и вы уѣзжаете? — говорила Саломэ, капризно надувъ губки. — Противный Воронцовъ! Старый воронъ!

— Мнѣ очень жаль, княжна, что я на-время долженъ лишиться милаго вашего общества; но я надѣюсь скоро возвратиться,—думалъ утѣшить ее Бучкіевъ.

— Но съ кѣмъ же я буду по-татарски говорить?—капризничала барышня.

— Со мной,—сказалъ Бучкіевъ.

— Ну, съ вами не интересно!—выпалила Саломэ.

— Fi donc, ma petit! Какъ тебѣ не стыдно говорить такія глупости!—остановила ее Нина Александровна.—Вѣдь ты не маленькая.

Бучкіевъ хотя и привыкъ нѣсколько къ капризамъ своей деспотки «богини», но когда рѣчь шла о Хаджи-Муратѣ, онъ забывалъ все; онъ только помнилъ, что этотъ ненавистный ему горецъ отнимаетъ у него сокровище, его счастье. Въ сущности же ничего подобнаго не было. Начитавшись Марлинскаго и Лермонтова, въ такихъ поэтическихъ образахъ рисовавшихъ разныхъ «Джелаледдиновъ», «Амалатъ-бековъ» и «Хаджи-абрековъ», восторженная и притомъ совершенно ребячески, Саломэ перенесла на Хаджи-Мурата всѣ яркія краски, все геройское, что поражало ее въ созданіяхъ Лермонтова и Марлинскаго. Ей онъ казался «Демономъ», явившимся смущать сердце Тамары; но сама она не чувствовала себя Тамарой! Ее неотразимо влекло къ себѣ что-то титаническое, гордое, непобѣдимое, что, ей казалось, носилъ въ своей душѣ бѣглецъ Дагестана. А его одиночество, тоска по роднымъ горамъ, невозможность дѣйствовать? Онъ представлялся ей какимъ-то «прикованнымъ Прометеемъ», и она, какъ Океанида, желала бы усладить его страданіе. Въ ней самой тоже текла горская кровь; она вспомнила, какъ ея шестнадцатилѣтній дѣдушка, князь Александръ Чавчавадзе, отецъ ея тети, Грибоѣдовой, крестникъ Екатерины II, послѣ пажескаго корпуса, попавъ въ Тифлисъ, точно орленокъ улетѣлъ въ горы съ царевичемъ Парнаозомъ... Что же долженъ былъ чувствовать Хаджи-Муратъ, этотъ левъ въ клѣткѣ, Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа!

— Когда же вы ѣдете?—спросила она Бучкіева по возможности ласково, обливъ его свѣтомъ своихъ лукавыхъ глазъ, показавшихся теперь влюбленному капитану нѣжными, манящими.

— Къ сожалѣнію, сегодня послѣ обѣда,—отвѣчалъ влюбленный капитанъ, въ сердцѣ котораго затеплилась надежда.

— Такъ я и Марико, мы выѣдемъ провожать васъ,—сказала плутовка нѣжнымъ голосомъ.

— Я буду очень счастливъ видѣть васъ,—щелкнулъ шпорами влюбленный капитанъ.

Дѣйствительно, едва Хаджи-Муратъ и Бучкіевъ, сопутствуемые четырьмя мюридами и казацкимъ конвоемъ, выѣхали изъ города, какъ увидѣли скачущихъ за ними Саломэ, Марико и сопровождавшаго ихъ, тоже верхомъ, казачка-нукера. Скоро объ

партіи поровнялись. Хаджи-Муратъ ласково обратился къ Саломэ.

— Да хранитъ васъ Аллахъ, прекрасная роза Грузіи!—сказалъ онъ по-татарски.—Пусть дольше цвѣтетъ, не увядая, нѣжная роза въ родительскомъ саду.

— Благодарю васъ, наибъ!—отвѣчала стыдливо Саломэ.—Пусть Аллахъ пошлетъ вамъ полное счастье.

— О, жемчужина Востока!—вздохнулъ Хаджи-Муратъ.—Полнаго счастья нѣтъ на землѣ: оно въ обители Аллаха для тѣхъ, кто заслужилъ его на землѣ, и для такихъ чистыхъ душою, какъ вы, прекрасное дитя.

Въ это время откуда ни возьмись «Шамиль» съ обрывкомъ цѣпочки на шеѣ. Непослушный песъ радостно бросился къ Хаджи-Мурату, выражая свою радость веселымъ лаемъ.

— Ахъ, противная собака! Какъ она попала сюда!—сказала Саломэ. — Вѣдь я велѣла привязать ее, чтобъ она не убѣжала

— Я привязалъ ее, барышня, да она, видите, оборвала цѣпочку,—оправдывался казачекъ.

— Такъ поймай ее, а то она убѣжитъ съ ними: теперь она увѣрена, что они ѣдутъ на охоту... «Шамиль», «Шамиль», иди, иди сюда,—говорила Саломэ, протягивая руку къ собакѣ.

Казачекъ соскочилъ съ лошади и бросился къ ней. Но продувной песъ понялъ, что его хотятъ арестовать, и бросился въ сторону.

— Братцы, поймайте собаку, — сказалъ Бучкіевъ конвойнымъ казакамъ.

Казаки стали звать ее, гоняться за ней, не тутъ-то было! Умный песъ издали махаетъ хвостомъ, а въ руки не дается. Сколько ни возились съ нимъ, такъ ничего и не могли подѣлать.

— Ахъ, противная собака!—волновалась Саломэ.—Совсѣмъ отбилась отъ рукъ.

— Она права,—замѣтила тихо молчаливая Марико.

— Почему права?

— Она убѣдилась, что мужчинамъ безопаснѣе довѣряться, чѣмъ женщинамъ: не рискуешь быть обманутой по одному капризу,—отвѣчала Марико.

— Ого! Ты съ ядовитыми намеками, скромная молчальница!—улыбнулась Саломэ.

Но чѣмъ ни прельщали «Шамиля», умный песъ не поддавался ни на какіе соблазны. Онъ дружески махалъ хвостомъ, любезно улыбался, но постоянно держался въ отдаленіи.

— Вы за него не безпокойтесь, княжна,—сказалъ, наконецъ, Бучкіевъ,—если «Шамиль» и увяжется за нами до самой Пухи, то онъ съ нами же и возвратится. Даю вамъ слово.

Хаджи-Муратъ также успокаивалъ Саломэ.

— Собака—другъ человѣка,—сказалъ онъ наставительно.— Когда Аллахъ изгналъ Адама и Еву за неисполненіе Его приказанія, то одна собака послѣдовала вонъ изъ рая за изгнанниками, потому что видѣла ихъ слезы, и потомъ все время скиталась съ ними. Я, прекрасная роза Грузіи, тоже скиталецъ, на чужбинѣ: я одинокъ, у меня нѣтъ друзей, и вотъ, можетъ быть, самъ Аллахъ прислалъ мнѣ друга въ образѣ вашей собаки. Успокойтесь, я возвращу ее вамъ.

Но ни собакѣ, ни Хаджи-Мурату не суждено уже было возвратиться въ Тифлисъ. Скоро ихъ постигла одинаково трагическая участь.

VII.

И Саломэ, и Марико долго смотрѣли въ слѣдъ удалявшемуся Хаджи-Мурату, махая изрѣдка платками. У обѣихъ дѣвушекъ на глазахъ стояли слезы. Что онъ былъ для нихъ? Случайный, невольный гость Тифлиса, почти плѣнникъ. Но это-то и возбуждало въ нихъ жалость къ человѣку, на прошломъ котораго лежалъ такой мрачный колоритъ, а будущее, можетъ быть, окажется еще болѣе мрачнымъ.

— И тебѣ жаль его, милая Марико? — спросила Саломэ, замѣтивъ слезы на глазахъ пріятельницы.

— Жаль, милая,—тихо отвѣчала послѣдняя.—Что его дѣти, жена?.. Ждутъ его... А мнѣ какъ будто сердце говоритъ, что не видать имъ его больше.

— Почему же!—удивилась Саломэ.

— Не знаю... Ты все смѣешься надъ моей молчаливостью... А между тѣмъ, когда ты бывало болтала съ нимъ, смѣялась, я молчала и наблюдала, я видѣла больше, чѣмъ ты.

— Чего же больше, моя Кассандра-пророчица?

— Не знаю... Есть въ глазахъ человѣка, особенно когда

онъ задумается, что-то такое, чего объяснить нельзя, но понять можно.

— Но когда можно понять, то можно и объяснить: на то языкъ, дурочка, а онъ у тебя точно купленный.

— Что-жъ мнѣ дѣлать?.. Я умѣю думать, а говорить не умѣю... Ну, мнѣ просто жаль его...

Между тѣмъ тотъ, о комъ говорили, ѣхалъ, глубоко сосредоточенный. Казалось, онъ глядѣлъ только на гриву своего коня, но глаза его изрѣдка обнимали всю разстилавшуюся передъ ними картину. Бучкіевъ украдкой наблюдалъ за нимъ. Ему страстно хотѣлось проникнуть въ душу своего молчаливаго спутника. Что онъ думаетъ? Вспоминаетъ ли прошлое, или загадываетъ о будущемъ? А если онъ замышляетъ побѣгъ? Съ какой стати ему вздумалось ѣхать въ Нуху, когда въ Тифлисѣ такъ ласково всѣ обходились съ нимъ, даже больше чѣмъ ласково, нѣжно... особенно Саломэ... Говорилъ, что хочетъ быть ближе къ горамъ, чтобъ получать оттуда вѣсти о семействѣ... Но и бѣжать оттуда удобнѣе, кругомъ горы и пропасти.

Отъ этихъ разсужденій мысли Бучкіева возвращались въ Тифлисъ, къ Саломэ... Саломэ и Хаджи-Муратъ! Развѣ можно ихъ сопоставить?.. А между тѣмъ...

Ночь застигла ихъ въ долинѣ рѣки Алазани. Хотя до ближайшаго аула было уже недалеко, но наступилъ такой мракъ, какимъ окутываютъ землю только южныя ночи, и потому Бучкіевъ не рѣшился продолжать путь въ темнотѣ. Притомъ же ночь была тихая, теплая, а вблизи журчалъ ручей, слѣдовательно, и водопой для лошадей былъ обезпеченъ, а молодая трава у подножія холма могла служить имъ отличнымъ кормомъ. Хаджи-Муратъ охотно согласился на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, что ему случалось испытывать почти постоянно во время его набѣговъ въ горахъ.

Стреноживъ лошадей, но не разсѣдлывая, казаки и мюриды тотчасъ развели костеръ на берегу ручья, поставили треногій походный таганчикъ, подвѣсили къ нему котелокъ и заварили жиденькую пшонную кашицу.

Хаджи Муратъ и Бучкіевъ растянулись на разостланныхъ буркахъ.

— Благословенны щедроты Аллаха, посылающаго на землю

такія ночи!—сказалъ Хаджи-Муратъ въ набожномъ умиленіи.— Въ такія ночи чувствуешь его близость.

Бучкіевъ видѣлъ, какъ лицо его оживилось, какъ теплымъ свѣтомъ загорѣлись его глаза. И неудивительно: горецъ чувствовалъ себя ближе къ своимъ милымъ горамъ, онъ вспоминалъ такія же ночи у себя на родинѣ, ночи подъ темнымъ шатромъ неба, чего онъ давно не испытывалъ въ Тифлисѣ, который казался ему тюрьмой. Здѣсь онъ чувствовалъ, что дышитъ однимъ воздухомъ съ тѣми, къ которымъ рвалась его душа. И они теперь видятъ надъ собой тѣ же звѣзды, которыя сверкаютъ въ непзмѣримой высотѣ надъ его головой. Трескъ въ травѣ коростеля, можетъ быть, слышится и въ лугахъ Гехи и Цельмеса, гдѣ о немъ вспоминаютъ дорогіе его сердцу... Какъ знакомы и пріятны его привычному слуху эти ночныя похрапыванья лошадей, пощипывающихъ молодую сочную траву! Какимъ ароматнымъ кажется ему легкій дымокъ, доносящійся къ нему отъ костра!.. Даже уснувшій у его ногъ «Шамиль» напоминалъ ему его любимую собаку въ Гехи...

Послѣ неприхотливаго ужина, запитаго холодной водой изъ горнаго ручья, Хаджи-Муратъ и Бучкіевъ улеглись спать на буркахъ, подложивъ подъ голову переметныя сумки. Но предварительно Бучкіевъ разставилъ на ночь часовыхъ, на четыре очередныхъ смѣны. Впрочемъ, онъ не спалъ всю ночь, вглядываясь въ темноту и прислушиваясь къ дыханью спящаго недалеко отъ него Хаджи-Мурата, но больше всего думая о хорошенькомъ личикѣ и маленькой ручкѣ, которая еще такъ недавно махала ему платкомъ... Но ему ли?..

Раньше всѣхъ утромъ проснулся Хаджи-Муратъ и долго молился, обратившись лицомъ къ востоку. Бучкіевъ долго наблюдалъ, какъ покачивалась на сѣроватомъ фонѣ утра фигура богомольнаго горца. Послѣдняя смѣна часовыхъ мѣрно похаживала на своихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ лошадей тихо лежали, поддавшись предразсвѣтной дремотѣ. Но въ небѣ уже былъ слышенъ жалобный крикъ орла, а иволга высвистывала въ ближайшемъ перелѣскѣ.

— Съ добрымъ утромъ, напбъ! — откликнулся Бучкіевъ, увидавъ, что Хаджи-Муратъ пересталъ молиться.

— Послѣ доброй ночи Аллахъ послалъ доброе утро,—отвѣ-

чалъ на этотъ привѣтъ наибъ,—въ рукѣ Аллаха и добрый, и недобрый день, будемъ же молить у него добраго.

— Хорошо ли спалъ, наибъ?

— Аллахъ послалъ мнѣ мирный сонъ... А какъ спалъ господинъ капитанъ?

— Мнѣ всю ночь что-то не спалось, но надѣюсь въ Нухѣ выспаться.

Пока Хаджи-Муратъ молился, «Шамиль» лежалъ въ сторонѣ. Но теперь онъ вертѣлся около него, махая хвостомъ и заглядывая ему въ глаза. И это поведеніе собаки Саломэ волновало Бучкіева и возбуждаго его ревность. Не ласкается же къ нему эта противная собака, а все лѣзетъ къ ненавистному горцу. Значитъ, и съ этой стороны является подозрѣніе, возмущающее всю его желчь. Но онъ почему-то смутно надѣялся на Нуху, хотя надежды его ни на чемъ не были основаны... Авось...

— Отчего это, наибъ, такъ привязалась къ вамъ собака княжны Чавчавадзе?—спросилъ онъ съ намѣреніемъ.

— Не знаю, капитанъ,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ.—Меня, впрочемъ, всѣ собаки любятъ, потому, можетъ быть, что и я ихъ люблю.

— Нѣтъ, она для васъ даже свою хозяйку бросила

— Ну, это все надѣлалъ Лорисъ-Меликовъ, — улыбнулся Хаджи-Муратъ,—онъ все твердилъ собакѣ, что я возьму ее на охоту за фазанами. А собака очень умная, понятливая и соскучилась по охотѣ. Она прежде ходила подъ ружьемъ съ отцомъ княжны Саломэ, съ княземъ Чавчавадзе.

Казаки, между тѣмъ, снова развели костеръ и варили кашицу. Урядникъ же казачій, взявъ ружье, пошелъ за перелѣсокъ высмотрѣть, нѣтъ ли тамъ дичи, горныхъ курочекъ или фазановъ, и позвалъ собаку.

— «Шамиль!»—смѣясь сказалъ онъ.—Маршъ на охоту за фазанами.

Собака запрыгала и завизжала отъ радости. Она хорошо знала свое дѣло и, побѣжавъ впередъ, стала описывать круги по всѣмъ направленіяхъ, отыскивая слѣды дичи.

Уряднику недолго пришлось ходить за собакой. Подъ однимъ кустомъ она сдѣлала стойку и, повидимому, вся дрожала отъ нетерпѣнія. Урядникъ приблизился, и изъ-подъ боярышниковаго куста, вспугнутая собакой, вылетѣла великолѣпная самка

фазана. Послѣдовалъ выстрѣлъ, и бѣдная птица, опрокинувшись въ воздухѣ, упала на траву. «Шамиль» въ нѣсколько прыжковъ очутился около нея. Птица трепетала въ послѣднихъ конвульсіяхъ, и урядникъ тотчасъ же дорѣзалъ ее. Возвращаясь потомъ къ кусту, онъ наткнулся на гнѣздо застрѣленной птицы и нашелъ въ немъ около десяти яицъ.

— Ну, «Шамилюшка»,—сказалъ онъ, обращаясь къ собакѣ,—теперь у насъ и жаркое будетъ къ завтраку и кулешъ-яишница.

На выстрѣлъ явилось еще нѣсколько казаковъ, и въ какія-нибудь двадцать минутъ они застрѣлили еще самца фазана и нѣсколько горныхъ курочекъ.

Настрѣленная дичь тотчасъ же была ощипана, выпотрошена, вымыта въ ручьѣ и сжарена на вертелахъ-шомполахъ. Яйца частью были выпущены въ кипѣвшую кашицу, а остальныя испечены въ золѣ по приказанію Бучкіева, и завтракъ вышелъ на славу.

— Это, небось, скуснѣе вашихъ чурековъ,—сказалъ урядникъ мюриду, обгрызывавшему крылышко фазана.

— Карашо, отшень карашо,—согласился мюридъ.

— Вонъ и вашъ набъ какъ уплетаетъ курочку: небось, не хуже шашлыка.

— Набъ умный, умнѣе имама, — глубокомысленно замѣтилъ мюридъ.

— А все же уписываетъ курятинку.

Хаджи-Муратъ, между тѣмъ, сообщалъ Бучкіеву свой планъ относительно сношеній съ семействомъ.

— Въ Нухѣ у меня есть вѣрные кунаки, которые хорошо знаютъ тайные проходы по горамъ. Они охотно проберутся въ Гехи и въ Цельмесъ и все узнаютъ.

— А гдѣ больше всего и чаще проживаетъ Шамиль?—спросилъ Бучкіевъ.—Въ какомъ аулѣ?

— Въ Ведено и Гунибѣ, это смотря больше потому, откуда онъ дѣлаетъ набѣги, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ.—Въ Ведено же у него и пороховой заводъ, а выдѣлываетъ порохъ Джафаръ, турокъ.

— А сами горцы не выдѣлываютъ?

— Нѣтъ, горцы этого не умѣютъ. Джафаръ выдѣлываетъ порохъ на двѣнадцати машинахъ. Тамъ же, около Ведено, есть

небольшой аулъ, гдѣ живутъ ваши бѣглые солдаты, которые у насъ въ горахъ и поженились. Они выдѣлываютъ артиллерійскіе лафеты и зарядные и пороховые ящики.

Тотчасъ по окончаніи завтрака двинулись въ путь.

На этотъ разъ Хаджи-Муратъ былъ еще молчаливѣе, чѣмъ вчера. Бучкіевъ постоянно заговаривалъ съ нимъ, но получалъ очень краткіе отвѣты. Вопросы Бучкіева, видимо, волновали его, потому что это большею частью были вопросы, касавшіеся семьи Хаджи-Мурата, его дѣтей, жены.

— Какъ они, должно быть, скучаютъ по нанбѣ,—говорилъ между тѣмъ Бучкіевъ, какъ бы съ умысломъ стараясь растравить сердечныя раны бѣглаго горца.—Хоть бы вѣсточку получить отъ нихъ... Наибъ, кажется, надѣется на это?

— Надѣюсь,—былъ короткій отвѣтъ.

— А черезъ кого, если это не секретъ?

— Не секретъ... мои кунаки за Нухой...

— За Нухой, а не въ городѣ?

— Въ кошѣ... я съѣзжу къ нимъ въ горы

— Такъ они въ кошѣ?

— Въ кошѣ, тамъ у нихъ овцы.

Сдѣлавъ еще одинъ привалъ, покормивъ лошадей и отдохнувъ сами въ тѣни деревьевъ, путники наши къ вечеру были уже въ Нухѣ.

IX.

Въ Нухѣ начальникомъ въ то время былъ полковникъ Карганов. Къ нему и явился Бучкіевъ съ почетнымъ гостемъ и его свитой. Имъ и конвою отвели особый домъ со дворомъ и службами, гдѣ они поужинали и заночевали.

Утромъ на другой день Хаджи-Муратъ сказалъ Бучкіеву, что онъ съѣздитъ въ кошъ узнать, тамъ ли находятся его кунаки, которыхъ онъ думаетъ послать въ горы развѣдать о своемъ семействѣ, и просилъ отпустить съ нимъ нѣсколько провожатыхъ казаковъ для того, чтобъ за городомъ пастухи не приняли его и его мюридовъ за немирныхъ горцевъ и не стали бы стрѣлять по нимъ понапрасну.

Бучкіевъ отпустилъ съ нимъ пять казаковъ съ урядникомъ, наказавъ имъ далеко не отлучаться отъ города.

Отпустивъ Хаджи-Мурата, Бучкіевъ отправился къ Карганову, съ которымъ давно былъ знакомъ. Они говорили о тифлисскихъ новостяхъ, о князь Воронцовѣ, о его любимцѣ—Лорисъ-Меликовѣ и о предполагаемыхъ экспедиціяхъ въ горы.

— Князь Воронцовъ ожидаетъ теперь къ себѣ въ Тифлисъ князей Аргутинскаго и Орбеліани, чтобы посовѣтоваться съ ними, нельзя ли поручить Хаджи-Мурату командованіе кавалеріей для рѣшительнаго похода противъ Шамиля,—говорилъ между прочимъ Букчіевъ, — Хаджи-Муратъ обѣщастъ нанести имаму окончательный ударъ.

— Да, это было бы очень хорошо,—замѣтилъ Карганов,—кому же лучше знать слабыя стороны Шамиля и всѣ мѣстныя обстоятельства, какъ не Хаджи-Мурату, правой рукѣ имама? Притомъ его имя такъ популярно въ горахъ, что за нимъ пойдетъ весь Дагестанъ... Вѣдь онъ больше народный герой, чѣмъ Шамиль: Шамиль скорѣе священная особа, а не воинъ.

— Это правда,—согласился Букчіевъ,—ему лучше быть на челѣ войска вмѣсто того, чтобъ торчать въ Тифлисѣ и развлекать скучающихъ барышень.

— А развѣ развлекаетъ?—улыбнулся Карганов.

— Имя его развлекаетъ, его популярность, а не самъ онъ лично.

Говоря это, Бучкіевъ не то думалъ: онъ боялся, что княжна Саломэ увлекается не именемъ, не популярностью, а именно лицомъ, хотя въ лицѣ ненавистнаго ему горца, по его мнѣнію, не было ничего привлекательнаго: обыкновенный уздень

— Да, хорошо бы его видѣть на челѣ кавалеріи,—проговорилъ Карганов.—когда онъ былъ еще въ горахъ, то одного имени его даже Нуха трепетала.

Прошло не болѣе часу, какъ на дворѣ послышались какіе-то странные, точно испуганные крики и смѣшанный шумъ.

— Что тамъ такое?—встрепенулся Карганов.

— Вѣроятно, мои казаки повздорили съ вашими людьми,—сказалъ Бучкіевъ, и оба они поспѣшно вышли на крыльцо.

У крыльца, окруженный казаками и вѣстовыми Карганова, на взмыленномъ конѣ, едва держась на сѣдлѣ, сидѣлъ урядникъ изъ конвоя Хаджи-Мурата. Онъ былъ весь въ крови, и изъ безсильно повисшей лѣвой руки струилась кровь.

— Хаджи-Муратъ, ваше благородіе...—Онъ не договорилъ и

— Что случилось?—весь блѣдный, спросилъ Бучкіевъ.

— Что! Что Хаджи-Муратъ?—И у Бучкіева оборвался голосъ.

— Бѣжалъ, — съ усиліемъ проговорилъ урядникъ,—всѣхъ нашихъ закололи... и меня... Онъ не кончилъ и упалъ грудью на гриву лошади.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ Бучкіевъ. Онъ все забылъ, княжну Саломэ, свои ревнивыя подозрѣнія, ненавистнаго Хаджи-Мурата. Онъ помнилъ только, какой страшной отвѣтственности подвергается за упущеніе по службѣ, за упускъ такого важнаго лица, какъ Хаджи-Муратъ. Онъ совершенно растерялся. Не растерялся, однако, Каргановъ.

— Лошадей!—крикнулъ онъ. — Бить тревогу. Вѣстовые! Скачите къ Хаджи-агѣ, пусть онъ съ лезгинами поспѣшаетъ въ горы, къ Илису, а князя Аргутинскаго оповѣстите скакать въ обходъ съ карабахскою милиціей, а я съ моими нухинцами... Чтобъ горѣло!..

Почти мгновенно явились осѣдланныя лошади. Вѣстовые полетѣли исполнять приказаніе начальника. На сборномъ пунктѣ забили тревогу, и лезгины-милиціонеры со всѣхъ сторонъ скакали на призывъ тревоги.

Нѣсколько минутъ спустя Каргановъ съ своими лезгинами и нѣсколько пришедшій въ себя Бучкіевъ съ остатками конвоя уже скакали по направленію къ горамъ, руководясь слѣдами конскихъ копытъ на землѣ и каплями крови, чернѣвшими кое-гдѣ на травѣ. Путь былъ вѣрный: это чернѣли капли крови раненаго урядника, скакавшаго въ городъ съ роковою вѣстью.

Проскакавъ менѣе получаса, они наткнулись вдругъ на раненую лошадь, безсильно бившуюся на землѣ, а невдалекѣ, на окровавленной травѣ, лежалъ заколотый казакъ.

— Здѣсь мерзавецъ совершилъ свое гнусное дѣло!—съ презрѣніемъ сказалъ Каргановъ.

— О, негодяй!—заскрежеталъ зубами Бучкіевъ.

Они поскакали дальше, не до мертвецовъ имъ было. Въ сотнѣ шаговъ отъ этого мѣста они наткнулись на новое мертвое тѣло.

— Гдѣ же лошадь?—удивился Каргановъ.

— Вѣроятно, увели негодяи.

— А вотъ, ваше благородіе,—показалъ нагайкой одинъ казакъ.

Дѣйствительно, за кустами, въ сторонѣ, паслись три осѣдланныя казачьи лошади. На одной изъ нихъ, припавъ грудью къ шеѣ лошади и вцѣпившись окоченѣвшими пальцами въ ея гриву, покоился застывшій трупъ казака, а въ травѣ валялся четвертый мертвецъ.

— О, мерзавцы!—выругался Карганов.

— Впередъ, братцы!—крикнулъ Бучкіевъ.

— Они не могли далеко ускакать,—сказалъ Каргановъ, несясь дальше,—тамъ наперерѣзъ имъ скачутъ карабахцы, князь Аргутинскій перестрѣнетъ ихъ, а слѣва Хаджи-ага съ своей милиціей, если мы сами не очутимся у нихъ на холкѣ.

— Правда, дня еще не мало осталось,—проговорилъ Бучкіевъ.

— Ну, мы еще до вечера насядемъ на нихъ,—заключилъ Каргановъ.

Нухинская милиція и казаки неслись разсыпнымъ строемъ, чтобы обхватить болѣе широкое пространство.

Впереди изъ-за возвышенія показалось нѣсколько всадниковъ.

— Это мои вѣстовые, которыхъ я посылалъ къ князю Аргутинскому,—сказалъ Каргановъ.

Вѣстовые приблизились на взмыленныхъ коняхъ.

— Ну, что, ребята?—спросилъ Каргановъ.

— Карабахцы выступили, ваше благородіе, и заняли всѣ проходы къ горамъ,—отвѣчалъ одинъ вѣстовой.

— Птица не пролетитъ, ваше благородіе,—сказалъ другой.

Слѣва, отъ Илису, тоже прискакали вѣстовые и доложили, что и Хаджи-ага съ своею милиціей идетъ разсыпнымъ строемъ. Такимъ образомъ изъ войскъ преслѣдователей образовалось громадное кольцо, охватившее пространство на десятки верстъ. Изъ этого кольца бѣглецы никакъ не могли выскользнуть.

Около двухъ часовъ уже неслись впередъ нухинцы Карганова и казаки Бучкіева, растянувшись длинною лавой, не минуя ни одного куста, ни оврага, ни пригорка. Вдали, на горахъ и по склонамъ ихъ, уже виднѣлись карабахцы и лезгины, занявшіе все видное пространство. Очевидно, бѣглецы были не далеко.

Впереди, у предгорья, на нѣсколько сотъ саженъ, тянулся густой чинаровый и дубовый лѣсъ.

Одинъ казакъ издали радостно закричалъ:—«Здѣся! Здѣсь! ваше благородіе!»

— Что тамъ?—радостно воскликнулъ Бучкіевъ.

— Слѣды копытъ, ваше благородіе! Какъ разъ слѣды отъ пяти коней... Это они, какъ Богъ святъ!

— Куда ведутъ слѣды?—спросили разомъ и Бучкіевъ, и Каргановъ, поворотивъ коней къ кричавшему казаку.

— Къ лѣсу, ваше благородіе! Они тамъ!

— Оцѣпить лѣсъ со всѣхъ сторонъ!—командовалъ Каргановъ.—Обскакивай, обскакивай!

Въ нѣсколько минутъ лѣсъ былъ оцѣпленъ непрерывнымъ кольцомъ.

— Охотники! Смѣльчаки! Кто за нами?—спросилъ Каргановъ.

На зовъ его прискакали всѣ оставшіеся въ живыхъ казаки и толпа нухинцевъ. Каргановъ приказалъ всѣмъ спѣшиться, хорошенько осмотрѣть оружіе и двинуться въ лѣсъ длиннымъ строемъ.

Скоро Каргановъ и Бучкіевъ со всѣми охотниками вступили въ лѣсъ. Онъ былъ очень густъ, и охотникамъ пришлось осматривать каждое дерево, каждый кустъ, принимая всѣ предосторожности, чтобы возможно менѣе выдавать свое присутствіе. Даже переговариваться запрещено было.

Долго продолжались безмолвные и безполезные поиски. Не обмануты ли они бѣглецами? Трудно было даже представить себѣ, чтобъ по такому густому лѣсу могли пробраться лошади, хотя для горскихъ лошадей нѣтъ ничего невозможнаго.

Вдругъ съ одной стороны раздался радостный крикъ милиціонера. Многіе бросились туда... И что же? Около толстаго ствола развѣсистой столѣтней чинары стояли лошади бѣглецовъ!

Значитъ, они тутъ, въ лѣсу... Надо искать еще тщательнѣе. И поиски начались. Снова осматривалось каждое дерево; но теперь искали невидимыхъ враговъ и на вершинахъ густыхъ деревьевъ, и за каждой вѣткой, взбирались на деревья, разворачивали кусты, тыкали въ нихъ пиками и шашками. Прошли весь лѣсъ отъ одного конца до другого; прошли справа налѣво, и наоборотъ; прошли вдоль и поперекъ. Нѣтъ никого, точно сквозь

землю провалились... Бучкіевъ снова упалъ духомъ; усталыя ноги не держали его; въ глазахъ рябило, кружилась голова... Передъ нимъ стоялъ страшный призракъ разжалованья, позора... Онъ прислонился къ дереву, и потъ ручьями лилъ съ его лица.

— Ушли, ушли,—шепталъ онъ растерянно.—Что я надѣлалъ!

Но Каргановъ не падалъ духомъ.

— Если они ушли изъ лѣсу, то пѣшкомъ они не могли далеко уйти, — говорилъ онъ, соображая, что предпринять дальше.—Сейчасъ же пошлю вѣстовыхъ къ карабахцамъ и лезгинамъ, чтобъ они не размыкали кольца, а мы выйдемъ изъ лѣсу и двинемся къ нимъ навстрѣчу. Мы прищемимъ мерзавцевъ какъ между двухъ досокъ.

Вѣстовые были отправлены, и облава стала выходить изъ лѣсу, ведя плѣнныхъ коней Хаджи-Мурата и его мюридовъ. Бучкіевъ шелъ совсѣмъ убитый. Онъ теперь проклиналъ въ душѣ все свое прошлое, свое увлеченіе нѣжнымъ чувствомъ, свои мечты. Онъ опозоренъ передъ всѣми, опозоренъ даже передъ любимой дѣвушкой... Какъ онъ покажется теперь въ Тифлисъ?.. Воронцовъ ему довѣрилъ, а онъ? Онъ разбилъ всю свою карьеру, свою душу, разбилъ всю свою жизнь... Пусть же опозоренные глаза его больше ни на кого не глядятъ!..

— Конецъ всему!...

Онъ прислонился къ крайнему дереву и, взведя курокъ пистолета, приставилъ дуло его прямо къ сердцу... Прощай, Саломэ!..

Вдругъ, при выходѣ изъ лѣсу, одинъ лезгинъ изъ облавы, приближаясь къ кусту шиповника, свѣсившемуся съ небольшой песчаной кручи, услыхалъ, что изъ куста сердито зарычала собака.

— Собака!—вскрикнулъ онъ отъ неожиданности.

Къ нему бросились два казака изъ конвоя Бучкіева.—Да это наша собака, братцы!—изумленно закричали они.—Это нашъ «Шамилька»; «Шамиль»! «Шамилька»!—звали они собаку.

Но собака начала злобно лаять, выставивъ морду изъ какой-то ямы, прикрытой вѣтвями шиповника. Къ ямѣ подбѣжали другіе казаки, лезгины а за ними и Бучкіевъ, весь блѣдный и дрожащій.

— «Шамилька» взбѣсился, ваше благородіе! — говорили изумленные казаки.—Какъ онъ сюда попалъ?

— Нѣтъ, онъ не взбѣсился,—сказалъ Бучкіевъ, къ которому разомъ воротились и бодрость, и сознаніе, что онъ спасенъ. — Отойдите, братцы, въ сторону,—продолжалъ онъ дрожащимъ отъ радости голосомъ и тоже отступилъ вбокъ.—Тамъ спрятался Хаджи-Муратъ, онъ тутъ! Онъ нашъ! Эй!—крикнулъ онъ по-татарски.—Выходи, наибъ! Выходи, шайтанъ! Такъ-то ты оправдалъ мое довѣріе!

— Вылѣзай, подлый трусъ, изъ своей ямы!—въ неистовствѣ закричалъ Бучкіевъ.

Изъ ямы моментально послѣдовалъ выстрѣлъ, и пуля, просвиставъ у самой головы Бучкіева, поразила прямо въ лобъ лезгина, стоявшаго дальше. Несчастный упалъ навзничь, распластавъ руки. Только ноги его судорожно трепетали... Хаджи-Муратъ не перенесъ слова «трусъ», и тотчасъ же расплатился за него чужою жизнью.

— А! Ты такъ, подлая гадина!—крикнулъ Бучкіевъ и выстрѣлилъ въ яму.

Всѣ теперь бѣжали къ этому мѣсту, и пѣшіе, и конные. Заслышавъ выстрѣлы, съ горъ, справа и слѣва неслась карабахская и лезгинская конница.

— Хаджи-Муратъ,—сказалъ спокойнымъ голосомъ Каргановъ,—брось оружіе и выходи... Ты въ нашей власти, уйти тебѣ некуда: со всѣхъ сторонъ обложила твое убѣжище милиція карабахская, лезгинская, нухинская... Я знаю, ты рѣшился дорого продать свою жизнь... Лучше покорись, и я даю тебѣ слово, что буду ходатайствовать предъ его свѣтлостью, господиномъ главнокомандующимъ, о дарованіи тебѣ жизни. Но если твоя пуля поразитъ хотя одного еще изъ моихъ людей, я велю убить тебя какъ собаку.

Изъ ямы послышалось что-то въ родѣ злобнаго смѣха и какое-то проклятіе.

— Повторяю: сдайся, Хаджи-Муратъ!—нетерпѣливо крикнулъ Каргановъ.

Прискакали къ ямѣ князь Аргутинскій и Хаджи-ага съ сыномъ красавцемъ, не далѣе какъ въ 50-мъ году отличившимся на глазахъ бывшаго наслѣдника цесаревича Александра Николае-

вича въ дѣлѣ его высочества съ чеченцами въ октябрѣ того года.

— Онъ тамъ,—указалъ Каргановъ на яму, пасть которой чернѣлась изъ-за куста шиповника.—Сторонитесь подальше отъ звѣря.

— Говорю въ послѣдній разъ, Хаджи-Муратъ: выходи! — повторилъ Каргановъ повелительно.

— Подлый трусъ! — не вытерпѣлъ настрадавшійся изъ-за него Бучкіевъ.

Изъ ямы разомъ раздались пять выстрѣловъ, и пять стоявшихъ въ отдаленіи, у опушки лѣса, милиціонеровъ были поражены мѣткими пулями осажденныхъ.

— А! Такъ вы вонъ какъ,—проговорилъ Каргановъ.—Ребята! — крикнулъ онъ нухинскимъ милиціонерамъ.—Цѣлься въ яму... разъ... два... три—пли!

Послѣдовалъ залпъ выстрѣловъ и страшный визгъ собаки... Она нечаянно выдала своего любимца и первая сдѣлалась жертвою своей привязанности и, главное, любви... къ охотѣ за фазанами...

Залпъ не миновалъ и Хаджи-Мурата. Его поразили разомъ четыре пули, а рядомъ съ нимъ наповалъ убиты были двое изъ его мюридовъ.

Истекающій кровью, безумный отъ экстаза, онъ выскочилъ изъ ямы и тутъ же палъ подъ десятками ударовъ.

X.

Когда Хаджи-Муратъ упалъ, пораженный десятками кинжаловъ, два оставшихся въ живыхъ мюрида тотчасъ же выбросили изъ ямы свои пистолеты, ружья и кинжалы въ знакъ покорности и вышли изъ ямы, злобно оттолкнувъ ногами въ сторону трупъ предавшей ихъ собаки. Два убитыхъ мюрида лежали въ ямѣ.

Яма оказалась неглубокою. Вѣроятно, это была барсучья берлога въ довольно рыхломъ супесчаномъ грунтѣ, прикрытая свѣсившимися съ кручи вѣтвями шиповника. Хаджи-Муратъ и его мюриды наскоро расширили ее кинжалами, и расширили настолько, что всѣ пятеро могли въ ней помѣститься лежа. Они, конечно, укрылись въ ней на время, не далѣе какъ до ночи. А ночью ихъ никакія войска не могли бы отыскать. Въ случаѣ

крайности, они могли даже пожертвовать своими лошадьми, и пѣшкомъ пробрались бы въ горы. Оно, безъ сомнѣнія, такъ бы и случилось! Ихъ никакая милиція не могла бы отыскать въ барсучьей норѣ, прикрытой притомъ кустомъ шиповника. Но собака, другъ человѣка, все испортила своею неумѣстною преданностью и своимъ неожиданнымъ ворчаньемъ.

— Да, не будь этой милой собаки, намъ не видать бы разбойниковъ, какъ своихъ ушей,—говорилъ Каргановъ, трогая ногой еще теплый трупъ «Шамиля», въ то время, когда его лезгины обирали оружіе у убитыхъ мюридовъ и снимали съ нихъ верхнее платье.—Кто бы могъ подумать, что они будутъ прятаться не въ лѣсу, а совершенно на открытомъ мѣстѣ, въ какой-то норѣ подъ кустомъ!

— Да,—согласился Бучкіевъ,—эта собака спасла меня отъ страшной бѣды, скажу больше, отъ смерти: я бы не пережилъ своего позора... Пролежи они въ ямѣ до ночи, тогда, поминай, какъ звали: ищи вѣтра въ горахъ, лови его! Да, эту собаку я долженъ похоронить съ честью, тѣмъ болѣе, что за нее я долженъ буду отдать отчетъ княжнѣ Саломэ Чавчавадзе.

— Это почему?—спросилъ Каргановъ.

— Да потому, что собака эта принадлежитъ княжнѣ, но такъ привязалась къ Хаджи-Мурату, что не могла съ нимъ разстаться.

Приказавъ казакамъ вырыть въ сторонѣ саблями яму, Бучкіевъ самъ приволокъ туда собаку и спустилъ въ яму, а потомъ засыпалъ ее землей.

— А этихъ разбойниковъ я велю зарыть въ самой норѣ, въ которой они нашли достойную казнь,—сказалъ Каргановъ, указывая на убитыхъ мюридовъ.—А самого ихъ вождя надо доставить въ Нуху и въ Тифлисъ, чтобы предъявить народу, а то не повѣрятъ, что этотъ дьяволъ убитъ.

Когда все это было кончено, тѣло Хаджи-Мурата взвалили на сѣдло его собственнаго коня и приторочили. Герой Дагестана лежалъ поперекъ коня, навзничь.

Скоро все это было покончено, и процессія двинулась къ Нухѣ. Впереди ѣхали Каргановъ, князь Аргутинскій, Хаджи-ага съ красавцемъ сыномъ и Бучкіевъ. За ними непосредственно выступалъ конь Хаджи-Мурата съ его тѣломъ, ведомый въ поводу однимъ изъ конвойнымъ казаковъ. За тѣломъ Хаджи-Мурата шли связанные его мюриды въ угрюмомъ молчаніи. Затѣмъ

слѣдовали тѣла шестерыхъ убитыхъ ими лезгинъ и тѣла четырехъ конвойныхъ казаковъ, подобранныя на пути. Шествіе замыкали отряды всѣхъ трехъ милицій, карабахской, лезгинской и нухинской.

Когда такое внушительное шествіе приближалось къ Нухѣ, куда уже успѣла достигнуть радостная вѣсть о трагической смерти страшнаго Хаджи-Мурата, почти все населеніе города высыпало навстрѣчу. При приближеніи головы шествія, въ толпѣ послышалось долгое, громогласное «ура», а потомъ зурна заиграла дикій восточный мотивъ, означавшій торжество. Всѣ тѣснились взглянуть на ужаснаго мертвеца.

Въ Тифлисъ тотчасъ же полетѣли гонцы съ извѣстіемъ о совершившемся событіи, а между тѣмъ, въ ожиданіи приказаній отъ князя Воронцова, въ Нухѣ занялись похоронами убитыхъ казаковъ и лезгинъ. Тѣло же Хаджи-Мурата положили предварительно на ледникъ. Когда приходилось его раздѣвать, то казаки, дѣлавшіе это, удивились тяжести бешмета, который Хаджи-Муратъ постоянно носилъ на себѣ. Оказалось, что между подкладкой и ватой бешмета очень искусно было размѣщено и прострочено семьсотъ полуимперіаловъ, которые какъ бы невидимымъ панцыремъ прикрывали грудь и спину героя Дагестана, но и этотъ золотой панцырь не защитилъ его отъ пуль и лезгинскихъ кинжаловъ. Деньги эти Хаджи-Муратъ накопилъ въ Тифлисѣ за время своего тамъ пребыванія, такъ какъ Воронцовъ отпускалъ ему по пяти полуимперіаловъ въ день для его личныхъ надобностей, кромѣ готоваго содержанія.

Черезъ день отъ Воронцова пришло приказаніе: голову Хаджи-Мурата доставить въ Тифлисъ.

Черезъ нѣсколько дней военный министръ, князь Чернышевъ, входилъ въ кабинетъ государя Николая Павловича въ неурочный часъ.

— Что новаго, князь?—спросилъ императоръ.

— Экстренныя извѣстія отъ князя Воронцова, ваше величество.

— Какія?

— Извѣстія, подтвердившія мудрую государственную прозорливость вашего величества: Хаджи-Муратъ, какъ вы изволили

подозрѣвать, вопреки мнѣнію князя Воронцова, оказался дѣйствительно нильскимъ крокодиломъ и погибъ, какъ предатель.

— Очень радъ, что я не ошибся,—спокойно сказалъ государь.

— Настоящія всеподданнѣйшія донесенія подтверждаютъ это,—проговорилъ Чернышевъ и почтительно подалъ государю полученныя имъ отъ Воронцова донесенія.

Императоръ быстро просмотрѣлъ ихъ. Выраженіе лица его, при чтеніи бумагъ, нѣсколько разъ мѣнялось, но въ концѣ озарилось милостивой улыбкой.

— Каргановъ дѣйствовалъ молодцомъ, а Бучкіевъ...—государь не договорилъ.—Есть еще что-нибудь?—спросилъ онъ, видя въ рукахъ Чернышева еще какія-то бумаги.

— Здѣсь князь Воронцовъ проситъ меня поднести вашему величеству небольшое описаніе политической и военной жизни Хаджи-Мурата, продиктованное имъ самимъ ротмистру Лорисъ-Меликову, къ которому онъ питалъ положительное уваженіе и даже любовь,—отвѣчалъ Чернышевъ.—Князь Воронцовъ, между прочимъ, и самъ дѣлаетъ, въ письмѣ ко мнѣ, краткую характеристику того, кого вы изволили назвать «нильскимъ крокодиломъ».

— Любопытно знать, какъ его понялъ старикъ,—улыбнулся Николай Павловичъ.—Прошлый разъ онъ, кажется, понялъ его, какъ кающуюся Магдалину или какъ раскаявшагося на крестѣ евангельскаго разбойника.

— Князь, между прочимъ, пишетъ, государь, слѣдующее,—докладывалъ Чернышевъ, раскрывая письмо Воронцова. — «Хаджи-Муратъ, дѣйствительно, былъ замѣчательный человѣкъ, смѣлости, можно сказать, безумной, незнавшій страха, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій много природной хитрости».

— Я этого въ немъ не отрицалъ,—вставилъ государь.

— «Совершенное знаніе Дагестана, — продолжалъ Чернышевъ,—и множество приверженцевъ между всѣми различными горскими племенами, особенно въ Аваріи, гдѣ онъ давно былъ дѣйствительнымъ начальникомъ»...

— Все это такъ, но я не вѣрилъ его крокодиловымъ слезамъ,—замѣтилъ государь.—Я слушаю.

— «Шамиль потерялъ въ немъ лучшаго воина, лучшее орудіе для всѣхъ трудныхъ и отважныхъ экспедицій, и единственнаго, пользовавшагося въ высокой степени уваженіемъ и довѣріемъ

тѣхъ силъ, которыя имамъ собирать волей и неволей для дѣйствій противъ насъ».

— Это вѣрно, я самъ такъ понималъ этого... ce cerveau brûlé.

— Головорѣза, государь.

— Да, да, головорѣза... Я думаю, старикъ радъ, что избавился отъ него,—снова улыбнулся Николай Павловичъ.

— Князь Воронцовъ не скрываетъ этой радости, государь — доложилъ Чернышевъ. — Онъ пишетъ: «По обстоятельствамъ всего этого дѣла и по сношеніямъ, которыя я имѣлъ съ Хаджи-Муратомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Шамиля и перешелъ къ намъ, ничто не могло быть болѣе счастливымъ и выгоднымъ для насъ, какъ его смерть при окружавшихъ ее обстоятельствахъ. Для себя самого я не могъ желать ничего лучшаго, какъ эта смерть, бывши, какъ я вамъ когда-то писалъ, единственно отвѣтственнымъ за все, что могло случиться, и, по правдѣ сказать, я взялъ эту отвѣтственность на себя по правилу и по обязанности, думая тогда и теперь еще, что, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я долженъ былъ дѣйствовать въ отношеніи къ Хаджи-Мурату такъ, какъ дѣйствовалъ. Было бы слишкомъ длинно входить во всѣ подробности моихъ свѣдѣній о необыкновенномъ характерѣ этого человѣка, но я посылаю при семъ его, такъ сказать, автобіографію, записанную съ его словъ Лорисъ-Меликовымъ, которую и прошу поднести нашему августѣйшему повелителю, какъ очеркъ жизни, полной приключеній и постоянныхъ опасностей».

— Я съ интересомъ прочту ее,—сказалъ Николай Павловичъ.—Это все?

— Нѣтъ, ваше величество: князь добавляетъ именно то, что ваше величество впередъ изволили угадать. «Смерть его, пишетъ онъ, освобождаетъ меня отъ ужасной тягости, которую я вполнѣ чувствовалъ и несъ безропотно».

— Oh! Vraiment, — засмѣялся государь.—Крокодилу не удалось съѣсть у бабы ребенка... Я радъ за старика...

— Но онъ еще, ваше величество, проситъ доложить объ одномъ обстоятельствѣ.

— О какомъ?

— Князь ждетъ въ Тифлисъ голову Хаджи-Мурата... Любопытство видѣть ее—всеобщее, неудержимое; но князь не считаетъ приличнымъ выставить ее на базарѣ, какъ многіе бы желали...

— Да, это было бы личное оскорбленіе чувствъ его соотечественниковъ и единовѣрцевъ,—согласился государь.

— Поэтому князь и полагаетъ «выставить эту голову въ госпиталѣ и дозволить, чтобы желающіе приходили осматривать ее и удостовѣриться въ ея дѣйствительности. Это, онъ полагаетъ, полезно будетъ въ томъ отношеніи, что никому нельзя будетъ сомнѣваться или притворяться сомнѣвающимся въ томъ, что этотъ человѣкъ, ужасъ столькихъ людей и провинцій, дѣйствительно умеръ».

— Это я вполнѣ одобряю.

— Къ этому, ваше величество,—продолжалъ князь Чернышевъ,—Михаилъ Семеновичъ присовокупляетъ, что находящійся въ Тифлисѣ докторъ Андреевскій проситъ у него позволенія послать черепъ Хаджи-Мурата сюда въ Петербургъ для музея академіи наукъ или медико-хирургической академіи, гдѣ уже находится привезенный сюда Пироговымъ препарированный черепъ наиба Идриса, убитаго въ Салтахъ.

— Что жъ, для цѣлей медицинской науки и антропологіи я согласенъ и на это,—сказалъ государь.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ, въ кабинетѣ государя, происходилъ этотъ разговоръ, въ Тифлисѣ, на крыльцо военнаго госпиталя входили Саломэ и Марико, а за ними Лорисъ-Меликовъ и Бучкіевъ. На крыльцѣ ихъ встрѣтилъ докторъ Андреевскій.

— Хотите взглянуть на моего временнаго гостя?—спросилъ онъ любезно.

— Да, онъ былъ мой кунакъ,—отвѣчалъ Михаилъ Таріеловичъ.

Они вошли. Саломэ и Марико боязливо жались одна къ другой.

Посреди обширной палаты, на небольшомъ столикѣ, покрытомъ чернымъ коленкоромъ, лежала мертвая голова. Блѣдное, безкровное лицо какъ бы дышало покорнымъ смиреніемъ. Глубокая дума, казалось, лежала на его бѣломъ какъ мраморъ челѣ. Длинныя рѣсницы бросали тѣни и какъ бы чуть вздрагивали:—это по рѣсницамъ мертвеца и по курчавымъ волосамъ пробѣгалъ вѣтерокъ, врывавшійся въ открытыя окна палаты и шевелившій краями чернаго коленкора, на которомъ лежала го-

лова, что вызвало въ умѣ впечатлительной Саломэ суевѣрный страхъ, будто голова сохранила еще остатки жизни.

Господствовавшая въ палатѣ тишина нарушалась только долетавшими извнѣ отзвуками жизни — то рѣзкимъ пискомъ стрижа за окномъ, то тихимъ воркованьемъ голубя на выступѣ карниза.

— Говорятъ, ваша собака выдала его, княжна?—сказалъ докторъ, обращаясь къ Саломэ.

Да, а иначе онъ могъ ускользнуть отъ насъ,—подтвердилъ Бучкіевъ.

Саломэ вдругъ зарыдала.

— Боже, зачѣмъ я бросила ему розу?... Зачѣмъ познакомилась съ нимъ! Не будь этого, собака не увязалась бы за нимъ... Гадкая я, гадкая!—истерически причитала она и бросилась къ выходу.

За ней поспѣшила Марико.

— Милая, святая Маричка!—шептала Саломэ, припавъ къ плечу своей молчаливой подруги.—Какъ та была права, моя святая, когда говорила мнѣ, что кокетство такъ же безчестно, какъ и воровство... Я кокетничала съ нимъ, и вотъ что вышло... Моя собака привязалась къ нему, и...

Она замолчала, потому что въ эту минуту къ нимъ подходили Лорисъ-Меликовъ и Бучкіевъ.

— Но, что-то теперь тамъ, въ горахъ, гдѣ его жена и дѣти?—грустно сказалъ первый.

Саломэ заплакала еще пуще.

— Ахъ, зачѣмъ я бросила розу!..

ГРУСТНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

I. Она много плакала.

Во второй половинѣ мая 1881 года плылъ я изъ Египта въ Палестину на пароходѣ австро-венгерскаго Ллойда «Saturno».

Я весь еще находился подъ чарующими душу впечатлѣніями волшебнаго царства фараоновъ, гдѣ я съ какой-то непостижимой тоской и умиленіемъ бродилъ среди пирамидъ и молчаливыхъ сфинксовъ, полузасыпанныхъ песчаными волнами Сахары, укрываясь отъ жгучаго солнца въ тѣни гигантскихъ пальмъ и сикоморъ или освѣжая пылающую голову водою полумиѳическаго Нила. Передо мною и за мною разстилалась необозримая морская равнина, точно вспаханная сѣдыми, шумящими и клокочущими гребнями валовъ, съ которыми мужественно боролся нашъ «Saturno», а мысль моя, словно зачарованная, все еще бродила тамъ...

Тамъ, гдѣ вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ...

Мы уже давно миновали Розету и Даміэту. Обогнувъ дугообразную дельту Нила, мы уже держали курсъ къ Портъ-Санду, а я все еще не могъ отогнать отъ себя волшебной картины египетскаго утра, когда, стоя, очарованный и смущенный, на вершинѣ пирамиды Хеопса, я смотрѣлъ на восходъ солнца за Ниломъ, а въ душѣ моей, словно чарующая музыка, звучалъ глубоко-поэтическій стихъ:

...Сѣрой гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ:
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида.
И еще, и еще... на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко;
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь,
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...

Въ умѣ моемъ вставали волшебныя картины египетскихъ ночей, не «Египетскихъ ночей» Пушкина, а подлинныхъ ночей Египта и Африки, ночей, о которыхъ молодой даровитый путешественникъ, посѣтившій Египетъ уже послѣ меня, говоритъ: «выхожу передъ сномъ на палубу и вижу безумную арабскую ночь. Безконечный горизонтъ, черное небо; бѣлая луна, рогами вверхъ; бѣлыя звѣзды, пронизывающія лучами даже облака, дымно-бѣлыя облака у горизонта стадами, въ зенитѣ—подобные куполу; отъ горизонта къ зениту—что-то патетически къ нему рвущееся, живыя вереницы. Безформенная, безумная красота, которую можно бы передать только напыщенными восточными гиперболами и метафорами»... Въ другомъ мѣстѣ: «на дворѣ стояла ночь. Это была снова та безумная ночь, которую я видѣлъ на кораблѣ,—съ безумнымъ мѣсяцемъ, со звѣздами, выступившими съ такой яркостью, точно небо было въ лихорадкѣ, съ безумными облаками. Можетъ быть, голландецъ (его спутникъ) былъ и правъ, называя и народъ, родившійся подъ этимъ небомъ, безумнымъ» (Дѣдловъ-Кигнъ).

Но надъ нами еще былъ день, только безумный вѣтеръ, дувшій со стороны Атлантиды, бѣшено вздымалъ передъ нами сѣдыя горы, которыя, разбиваясь о корабль, шипѣли и стонали, какъ бы стараясь подтвердить, что все тутъ безумно.

Пассажиры, всѣ наголо ефіопы и арабы, и тѣ стопутъ отъ этого безумнаго моря, а я только стараюсь уцѣпиться за что-нибудь, чтобы не удариться головой о высокій черный бортъ, обдаваемый брызгами, или о дуло пушки, около которой я примостился, не имѣя силъ удержаться на ютѣ или оставаться въ душной каютѣ.

Однако, къ вечеру вѣтеръ упалъ, и корабль энергично рабо-

талъ съ все еще могучей зыбью, нервно вздрагивая подъ удары невидимаго винта, выбрасывавшаго изъ-подъ киля цѣлые водовороты съ бѣлою, пузырившеюся пѣной.

Я уже бродилъ по площадкѣ юта, покуривая папиросу и въ сотый разъ повторяя въ умѣ:

Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще...

Капитанъ корабля, милѣйшій иллирiецъ изъ Бока-ди-Катарро, наскучивъ бродить по своей обсерваціонной площадкѣ, сошелъ на палубу, отдалъ матросамъ, по-итальянски, какія-то приказанія и потомъ поднялся ко мнѣ на ютъ. Я былъ на кораблѣ единственный европеецъ, исключая, конечно, экипажа, и капитанъ, тотчасъ по отплытіи нашемъ изъ Александріи, замѣтилъ меня и заговорилъ со мной. Такъ какъ онъ оказался иллирійцемъ-черногорцемъ, то мы и могли съ нимъ объясняться частью по-сербски, частью по-русски.

Впрочемъ, вскорѣ оказалось, что я былъ не вполнѣ единственнымъ европейцемъ на «Saturno». Въ виду того, что буря улеглась, пассажиры стали принимать болѣе человѣческій образъ и стали выползать изъ каютъ 2-го класса. Но все это были восточные типы, то чалмоносцы, то бронзоликіе въ фескахъ, то совсѣмъ черные, точно изъ антрацита выточенные. Въ 1-мъ классѣ я былъ просто solo, исключая капитана и доктора.

Но вдругъ среди бронзоликихъ поднялись на ютъ и совсѣмъ бѣлые люди. Ихъ было трое. Старикъ съ бѣлою апостольскою бородою, съ матово-бѣлымъ лицомъ, совсѣмъ не тронутымъ загаромъ африканскаго солнца, и съ черными блестящими глазами, казалось, выступалъ изъ полотна одной изъ поразительныхъ картинъ Семирадскаго. На немъ былъ европейскій костюмъ, а на головѣ бѣлая широкая шляпа. Рядомъ съ нимъ, пропустивъ его немного впередъ, показалась дѣвушка. Среди бронзовыхъ и загорѣлыхъ лицъ мужчинъ это было какое-то видѣніе, что-то напоминавшее одну изъ лучшихъ мадоннъ Мурильо, которыя я видѣлъ въ Мадридѣ, въ museo del Prado, и именно «la concepcion con àngeles que ostentan varios atributos de la Immaculada (№ 877, по каталогу don Pedro de Madrazo). Въ ея красотѣ было что-то идеальное, какъ бы не отъ міра сего: что-то тихое, задумчивое и грустное.

При взглядѣ на нее, я почему-то сразу вспомнилъ еврейскія мелодіи Байрона. Мнѣ показалось, что дѣвушка недавно плакала или вообще плакала много.

Она была вся въ черномъ. Даже на головѣ вмѣсто шляпы накинуто было черное кружево, полуприкрывавшее ея мраморный низкій лобъ, кружево, которое испанки почему-то называютъ мантильей. За нею слѣдовалъ молодой человѣкъ, красивый брюнетъ, повидимому, ея братъ.

По типу, я бы принялъ ихъ за испанцевъ, за дѣтей Андалузіи, если бы не этотъ красивый старикъ библейскаго типа. Да, я теперь догадался: всѣ эти лица: и старикъ съ библейскою бородой и дѣвушка съ матовой бѣлизной нѣжнаго лица, и молодой человѣкъ, это типы прямо изъ библіи, иллюстрированной знаменитымъ Дорэ.

Они молча прошли по юту и сѣли на заднюю скамейку, лицами на востокъ.

Мы съ капитаномъ ходили по юту и разговаривали.

Зная, что я сѣлъ на пароходъ русскаго общества въ Одессѣ (на «Saturno» я перешелъ уже послѣ Египта), онъ началъ разспрашивать меня о занимавшихъ тогда всю Европу такъ называемыхъ «еврейскихъ погромахъ», надолго опозорившихъ русское имя на югѣ Россіи. Я разсказалъ ему о тѣхъ возмутительныхъ картинахъ, которыя еще оставались въ Одессѣ, какъ слѣды дикаго погрома, о тѣхъ бандахъ оборванцевъ, которыхъ стадами загоняли казаки на баржи и отводили въ море, какъ дикихъ звѣрей или зачумленныхъ.

Дѣйствительно, въ то время Одесса представляла что-то страшное, средневѣковое: выбитыя окна, вмѣстѣ съ рамами, и двери магазиновъ, заколоченныя досками; тамъ выставлены образа, какъ мольба, какъ предостереженіе; на иныхъ домахъ нарисованы громадные кресты...

— Какія ужасныя времена! — всплеснулъ гигантскими руками добрѣйшій иллиріецъ.

Разговаривая такимъ образомъ съ капитаномъ, я иногда невольно взглядывалъ на заинтересовавшіе меня библейскіе типы, и мнѣ показалось, что они какъ будто вслушиваются въ нашу бесѣду. По глазамъ ихъ я даже замѣтилъ, что они какъ будто понимаютъ, о чемъ идетъ рѣчь. А если въ самомъ дѣлѣ понимаютъ? Я тихонько спросилъ капитана, не знаетъ ли онъ, кто эти пас-

сажиры. Но добродушный иллирiецъ сказалъ, что у него въ принципѣ не спрашивать паспортовъ: «море—не земля». Онъ пояснилъ только, что эти пассажиры сѣли на его корабль въ Александрiи, и что они хорошо говорятъ по-итальянски, «должно быть изъ Венецiи».

Въ рукахъ старика была толстая книга въ темномъ кожаномъ переплетѣ, и онъ ее иногда перелистывалъ и съ грустной задумчивостью качалъ головой.

Капитанъ скоро ушелъ отдавать какiя-то приказанiя, а за нимъ вскорѣ поднялся старикъ библейскаго типа. Встала и дѣвушка, чтобы проводить его до каюты, какъ оказалось впослѣдствiи. Я остался на ютѣ наблюдать, какъ солнце, все ниже и ниже склоняясь къ горизонту, очерченному безконечною далью моря, должно было погрузиться въ его страшную пучину. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что оно погрузится въ эту негостепрiимную бездну. Вечеръ былъ чудный, но ощущенiе тоски по землѣ, какое испытываешь на морѣ, когда, куда ни глянешь, все вода и вода, ощущенiе какой-то тоски сосало сердце.

Не слышно было даже крика чаекъ, ясный признакъ, что земля слишкомъ далеко.

Только дельфины отъ времени до времени показывали изъ воды свои темныя спины и съ страшнымъ шипѣнiемъ снова исчезали подъ водой.

Дѣвушка опять показалась на ютѣ. Она прошла мимо меня и сѣла рядомъ съ молодымъ человѣкомъ. Они сидѣли теперь лицомъ къ западу, и заходящее солнце золотило ихъ красивыя, задумчивыя черты.

Она что-то тихо говорила молодому человѣку, и, должно быть, обо мнѣ, потому что онъ, немного погодя, подошелъ ко мнѣ, вѣжливо раскланиваясь и извиняясь.

— Я вамъ не помѣшаю?—спросилъ онъ чисто по-русски.

Я, конечно, отвѣчалъ, что онъ нисколько мнѣ не помѣшаетъ, и выразилъ удивленiе: «Я васъ сначала принялъ за испанцевъ или итальянцевъ».

— Нѣтъ, мы съ сестрой родились и воспитывались въ Россiи,—объяснилъ онъ.—Извините, изъ разговора вашего съ капитаномъ мы узнали, что вы русскiй.

Я отвѣчалъ, что я, дѣйствительно, изъ Россiи.

— И, кажется, были въ Одессѣ, видѣли, что тамъ было?— какъ-то несмѣло произнесъ онъ.

Я отвѣчалъ утвердительно и добавилъ, что на этотъ разъ мнѣ даже стыдно, что я русскій и христіанинъ: «это такъ печально, печально»...

— Да... А мы лично пострадали отъ этого погрома, — съ дрожью въ голосѣ произнесъ онъ.—Нашу контору разгромили... Но это бы еще ничего... Нашу матушку такъ это потрясло, что она черезъ нѣсколько дней умерла, и отецъ совершенно убитъ.

При этихъ словахъ я замѣтилъ, что у дѣвушки брызнули изъ глазъ слезы, и она быстро сошла съ юта.

— Извините... Бѣдная Сара до сихъ поръ не можетъ притти въ себя.

И молодой человѣкъ поспѣшилъ вслѣдъ за сестрою.

Жгучій стыдъ заставилъ меня даже забыть, что солнце медленно погружалось въ море.

Да, теперь я понялъ, что она много плакала.

II. Подъ солнцемъ Іудеи.

На другой день утромъ я былъ уже въ Портъ-Саидѣ и подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній забылъ о вчерашней встрѣчѣ. Притомъ же всякій, кто странствовалъ по морямъ, очень хорошо знаетъ, какая адская суета начинается около корабля и на кораблѣ, лишь только онъ броситъ якорь въ портѣ, особливо же въ такомъ, какъ Портъ-Саидъ, черезъ который неизбѣжно курсируютъ корабли всего міра, тогда какъ прежде имъ приходилось огибать всю Африку. Меня ошеломляла и радовала эта всемірная, такъ сказать, сутолока, въ которой рыжій англичанинъ сталкивался съ чернымъ, какъ кардиффскій уголь, но только голымъ зулусомъ, а длиннокосый китаецъ съ курчавымъ ефіопомъ или съ высохшимъ въ пустынѣ, какъ старый финикъ, арабомъ.

Потолкавшись по городу и наслушавшись всякихъ вавилонскихъ языковъ, я уже возвращался къ ефіопскимъ шлюпкамъ, сторожившимъ меня, какъ сторожатъ акулы свою добычу, когда мнѣ навстрѣчу попались вчерашніе соотечественники, одесситы братъ и сестра. Они прямо подошли ко мнѣ и поздоровались.

— Позвольте вамъ представить мою сестру,—сказалъ молодой человѣкъ.

Но я шутя перебилъ его: «Извините, дамъ мужчинамъ не представляютъ, а наоборотъ»...

— Да какая она дама!—возразилъ одесситъ.—Она просто гимназистка.

Дѣвушка ласково улыбнулась и протянула мнѣ руку.

— А въ которомъ вы классѣ?—полюбопытствовалъ я.

— Въ седьмомъ... Я бы должна была теперь кончить, если бы не...

— Ну-ну-ну!—ласково перебилъ ее братъ.—Объ этомъ не надо, Сарочка.

Я понялъ, о чемъ не надо было говорить, и замолчалъ.

— Вы куда же теперь ѣдете?—спросила Сара.—Въ Индію или въ Японію?

Я зналъ теперь, что ее зовутъ Сарой, очень симпатичное, тоже библейское имя. Я отвѣчалъ что, повидавъ Египетъ и выкуривъ папироску на вершинѣ пирамиды Хеопса, хочу теперь сдѣлать визитъ нашей общей бабушкѣ.

— Какой же?—полюбопытствовала дѣвушка.

— А вашей тезкѣ, Сарѣ или Саррѣ, женѣ Авраама,—отвѣчалъ

Она улыбнулась, а я опять вдругъ вспомнилъ Байрона и его «Еврейскія мелодіи»:

Ты улыбнулась—и алмазъ
Померкнулъ передъ этимъ взглядомъ...

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, въ Палестину ѣдете?—спросила она, оживляясь.

— Да, непремѣнно: хочу помолодѣть въ воспоминаніяхъ, перенестись въ дѣтство, когда я такъ горько плакалъ надъ Агарью и ея маленькимъ Измаилкомъ, которыхъ безжалостно изгнали въ пустыню,—отвѣчалъ я, стараясь и въ дѣвушкѣ расшевелить ея чистыя дѣтскія впечатлѣнія.

— Какъ я рада!—быстро проговорила она, видимо еще не вымуштрованная и не искалѣченная кодексомъ приличій.—Видишь, Костя,—обратилась она къ брату, — мы будемъ тамъ не одни.

— И я очень радъ,—отвѣчалъ онъ.

Мы шли вдоль канала по направленію къ Красному морю. Передъ нами, за каналомъ, разстилалась безбрежная песчаная гладь. Далеко, далеко къ югу, на этомъ песчаномъ морѣ, виднѣлись кое-гдѣ трубы пароходовъ и мачты: это незамѣтно двигались пароходы къ Красному морю, въ Индійскій океанъ и обратно.

Тамъ—пустыня. Я до сихъ поръ помню ся ощущеніе, ощущеніе пустыни, ея вѣчнаго зноя, вѣчныхъ миражей днемъ и безумныхъ ночей. Я вижу эту равнину песковъ, зловѣще мертвенныхъ, безпредѣльно уходящихъ подъ знойный горизонтъ все дальше и дальше. Это—настоящая Африка, больше Африка, чѣмъ Египетъ: это необъятный материкъ горячихъ, мертвенныхъ пустынь.

Солнце уже печетъ вертикально, пронизываетъ точно стрѣлами, не бросая отъ васъ даже тѣни. Воздухъ будто колеблется, словно легкая газовая матерія; ни вѣтру, ни одного дыханія, и все это сверкаетъ, искрится, пугаетъ воображеніе чѣмъ-то таинственнымъ...

— Боже, какая пустыня!—вырвалось у дѣвушки.—А еще въ прошломъ году экзаменъ изъ этого сдавала.

— Изъ чего, изъ этого?—полюбопытствовалъ я: опредѣленіе было слишкомъ неясное.

— Ахъ, да!—спохватилась она. — Какъ здѣсь евреи проходили, убѣгая изъ Египта, вотъ изъ этого.

— Ну,—вмѣшался ея братъ, — они проходили нѣсколько южнѣе.

— Да, правда,—согласилась дѣвушка,—до Краснаго моря отсюда далеко... Но какъ я вамъ завидую,—обратилась она ко мнѣ,—вы были въ Египтѣ.

— Да, вѣдь, и вы изъ Египта ѣдете,—возразилъ я.

— Но мы дальше Александріи не были, а вы вонъ говорите, что и на пирамидѣ Хеопса были... Я всегда такъ любила читать объ Египтѣ: онъ мнѣ кажется чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ... Я видѣла Египетъ только въ «Аидѣ». Неужели пирамиды и все, что около нихъ, такъ эффектно, какъ на декораціяхъ.

Этотъ наивный вопросъ заставилъ ся брата разсмѣяться.

— Какая ты глупая, Сара! — сказалъ онъ. — Ну, развѣ можно простою декораціей передать хотя бы вотъ все это?— Онъ указалъ вдаль.—Этотъ воздухъ, этотъ зной, всю эту даль и безконечность и самый величайшій художникъ не передастъ.

— Правда,—согласилась она, — это невозможно. Но съ какимъ трепетомъ я жду увидѣть Палестину, Іерусалимъ, Мертвое море... А вы?—довѣрчиво обратилась она ко мнѣ.

— И я жду не меньше вашего,—искренно отвѣчалъ я.—вѣрите ли, бродя по историческимъ мѣстамъ, я бываю въ какомъ-то чаду; глядя на холмы Трои, на ея берега, я не стыжусь въ этомъ признаться, я плакалъ отъ умиленія, какъ ребенокъ.

— Вѣрю, вѣрю! — горячо заговорила она...—Представьте себѣ, когда я прошлыя каникулы читала разныя путешествія по Палестинѣ, «Jtinèraire» Шатобріана, Ламартина, Норова, Муравьева, я все перечитала, и какими горькими и сладкими слезами я заливалась иногда надъ нѣкоторыми страницами. Помнишь, Костя?—обратилась она къ брату.

— Да, ты порядочная плакса,—улыбнулся тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо протестовала она.—Я вотъ теперь себѣ воображаю, да и давно воображала, какъ я буду подъѣзжать къ Іерусалиму... Я даже наизусть помню, что чувствовалъ Норовъ или Муравьевъ, когда подъѣзжалъ къ нему. Вотъ, слушай, Костя: «Кто выразитъ всѣ чувства, волнующія грудь при внезапномъ появленіи святого града? И можно ли изъяснить рѣчами то тайное бореніе радости и страха, которыми попеременно движется сердце въ сіе торжественное мгновеніе, когда всѣ дивныя имена Сіона и Голгоѳы и Элеона, съ юныхъ лѣтъ и только во святыни храмовъ поражавшія слухъ нашъ, внезапно олицетворяются предъ очарованными глазами; когда пылкія мечты юноши сбываются въ видѣніяхъ мужа, и всѣ звуки псалмовъ и пророчествъ сливаются въ одну живую картину отверзшаго ихъ Іерусалима! Тщетно приготовляешь издали духъ свой къ зрѣлищу града, мысленно представляя себѣ: какъ мало-по-малу онъ станетъ проясняться изъ туманной дали и какъ мало-по-малу станутъ привыкать къ нему взоры и мысли... Онъ вдругъ, какъ бы изъ-подъ земли, является смятеннымъ глазамъ, на скатѣ той горы, по площади коей пролегала ваша трудная стезя! Весь и внезапно возстаетъ онъ, въ полной красѣ мрачныхъ стѣнъ своихъ и башенъ, во всемъ величіи ветхаго завѣта,

издали не сокрушенный, какъ бы еще въ ожиданіи новаго, и такъ, какъ онъ всегда рисуется воображенію, со всѣми своими бойницами и вратами. Гора Элеонская въ яркихъ лучахъ вечера и пустыня Мертваго моря въ туманахъ ограничивали за нимъ священный горизонтъ, и я стоялъ въ безмолвномъ восторгѣ, теряясь въ ужасѣ воспоминаній!..»

Я съ безмолвнымъ восторгомъ любовался этою милою дѣвушкою, которая, казалось, забыла все въ экстазѣ увлеченія. Это, дѣйствительно, было лицо изъ библіи...

Она взглянула на меня, опомнилась и покраснѣла.

— Я съ ума сошла,—какъ бы про себя проговорила она.

— Нѣтъ-нѣтъ! Ради Бога, продолжайте, — заговорилъ я. взявъ ее за руку,—я такъ вамъ благодаренъ, вы такъ и перенесли меня туда, гдѣ сами были... И я это читалъ, помню.

Она вдругъ заплакала и закрыла лицо руками.

— Что вы? Что съ вами!—испугался я.

— Ахъ! Этого ничего мама не увидитъ,—плача прогово рила она.

— Бѣдная! Какая вы славная дѣвушка!—невольно вырвалось у меня.

— Ну, полно, полно, будетъ ужъ, много плакала,—утѣшалъ ее братъ.

Я также старался утѣшить милую дѣвушку.

— Вспомните, милая Сара, извините, какъ васъ иначе величать, я не знаю, вспомните, что вамъ еще много придется плакать тамъ, отъ умиленія и жалости...

– Да мамы со мной не будетъ! Мама ничего не увидитъ! Милая мама!

Въ ней во всемъ сказывался страстный, пламенный темпераментъ... Видно, что и тысячелѣтія были безсильны убить то, что дало ея предкамъ египетско-палестинское солнце: это была та же изгнанная, оскорбленная Агарь...

Вдругъ тихій, знойный воздухъ прорѣзался пронзительнымъ, рѣжущимъ ухо паровымъ сигнальнымъ свисткомъ

— Это нашъ пароходъ,—вздрогнула Сара, — я узнаю его голосъ.

— Но это первый еще свистокъ,—замѣтилъ братъ.

— Все равно, пора къ папѣ, онъ, вѣроятно, проснулся.

Мы пошли къ пристани, которая кишѣла, какъ муравейникъ.

— А завтра вы проснетесь утромъ, и на васъ уже будетъ глядѣть солнце Іудеи,—сказалъ я Сарѣ.

— Да, да! Мое солнце! Солнце моей прабабушки!—восторженно повторила она.

Въ ней было много дѣтскаго, искренняго и обаятельнаго. Я невольно любовался этою незапятнанною, не потускнѣвшею отъ условныхъ приличій чистотою.

— А вы такъ и не сказали намъ вашей фамиліи,—ласково обратилась она ко мнѣ.

— Зачѣмъ?—улыбнулся я.—Вѣдь я вашей не спрашивалъ; знаю, что вы—Сара, а братъ вашъ—Костя, значитъ, Константинъ. А по батюшкѣ?

— Яковлевичъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Отлично, буду знать.

— А какъ же мы васъ будемъ называть? — настаивала Сара.

— Зовите—бродяга съ пирамидъ.

— Какъ же это? Господинъ бродяга съ пирамидъ?

Спутники мои разсмѣялись.

— Барка бэлла! Барка грачіоза, принчипе! Барка гранде!—орали евіопы, обступивъ насъ и стараясь увлечь насъ въ свои лодки.

Мы сдались военноплѣнными тому, кто меньше другихъ оралъ.

III. «Онъ обѣщалъ»...

Прошло нѣсколько дней.

Я былъ уже въ Іерусалимѣ. Все видѣлъ, все, что глубоко возмущало мою душу, ничто не пощажено, все осквернили святотатственныя руки, камня на камнѣ не оставили... Остались нетронутыми только горы, дебри пустынныя, горныя каменистыя тропы, по которымъ когда-то ходили босыя ноги пророковъ... гробы, гробы и гробы!.. Вонъ тамъ изливался въ слезахъ пророкъ Іеремія, здѣсь—гробницы царей...

Вечерѣло. Я сидѣлъ на уступѣ Елеонской горы и смотрѣлъ на вѣчный городъ, на его стѣны. Подо мною извивался Кедронскій потокъ, сухой, мертвый, безъ капли воды. Вонъ гробница

Авессалома, вправо — масличнаго Геѳсиманскаго садика... Отъ стѣнъ вѣчнаго города ложились уже тѣни въ глубину Кедронскаго потока.

Я сидѣлъ и читалъ одного стараго путешественника, читалъ, именно, о томъ, что было теперь у меня передъ глазами

«Солнце уже заходило по другую сторону святого города, когда я спустился въ глубокую долину Іосафата (читалъ я). Послѣдніе лучи дня румянили Елеонскія вершины, но уже подернулось темнотою русло Кедрона. Надъ нимъ широко лежала вечерняя тѣнь высотъ Моріи и восточной стѣны Іерусалима, прилежавшей къ храму; казалось, призракъ древняго святилища осѣнялъ еще гробы царей и пророковъ и цѣлаго народа, спящаго въ долинѣ подъ его мрачнымъ щитомъ до трубнаго гласа... Погруженный въ думу посреди сего необъятнаго кладбища, чающаго возбужденія, я вспомнилъ дивное видѣніе пророка Іезекіиля, когда на водахъ Ховарскихъ, во дни плѣненія, предстало ему въ лицахъ послѣднее возстаніе мертвыхъ:

«На мнѣ была рука Господня и духомъ Господнимъ извела и поставила меня среди поля, полнаго костей человѣческихъ, и обвела окрестъ нихъ, и много ихъ было на лицѣ поля, и сухи всѣ. Духъ рекъ ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сіи? И я воскликнулъ: Господи! Ты знаешь. И снова голосъ: сыне человѣчь, пророцы на кости сіи и скажи имъ: кости сухія! Услышите слово Господне: сіе глаголетъ Адонаи Господь костямъ симъ: духъ жизни вдохну я въ васъ и дамъ вамъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по васъ кожу, и дамъ вамъ духъ мой, и оживете, и узнаете, что я Господь. И я пророкъ, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь, и вмѣстѣ съ глаголомъ моимъ былъ гласъ, и сотрясеся земля: совокуплялись кости, кость къ кости, каждая къ своему составу. И я смотрѣлъ и видѣлъ; и явились на нихъ жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа; но духа въ нихъ не было. И былъ ко мнѣ голосъ: пророцы о духѣ, пророки, сыне человѣчь, и скажи духу: такъ глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди, духъ, и дохни на мертвыхъ сихъ, да оживутъ! И пророкъ я, какъ повелѣлъ мнѣ Господь, и взошелъ въ нихъ духъ жизни, и ожили всѣ, и стали на ногахъ своихъ—соборъ многій великій!».

«Священнымъ порывомъ исторглись сіи восторги изъ вдохновенной груди всѣхъ богатѣйшаго видѣніями пророка: въ толпѣ ихъ скитался онъ по Халдейской землѣ изгнанія, какъ бы въ громовой тучѣ, изъ которой прорывались его молніеносные глаголы въ отраду плѣненнымъ. Пораженный мыслію о грядущемъ событіи сего дивнаго видѣнія, блуждалъ я по сумраку безжизненной нынѣ юдоли плача, обреченной поприщу послѣдняго суда, и грустно воображалъ, какъ воспрянутъ въ ней и въ цѣломъ мірѣ, въ сей общей юдоли плача, осудившіе и отвергшіе Христа, съ позднимъ ужасомъ о своей слѣпотѣ!.. Но дотолѣ все еще дышало настоящею смертію на днѣ Іосафатовой долины; самый Кедронъ, лишенный водъ своихъ, причелся къ мертвымъ. Ничего земного уже не оставалось для исполненія судебъ этой мрачной долины; дни и годы сыпались въ нее, какъ въ бездну: она втѣснилась въ сердце горъ Іудейскихъ, какъ бы чуждая міру разсѣлина, чуждая до послѣдняго его часа, ибо изъ столькихъ будущихъ для міра дней одинъ лишь ей остался судный день!».

Вдругъ слышу чей-то голосъ: «Да это господинъ бродяга».

Смотрю, это Сара съ братомъ, вышедшіе изъ-за куполообразной гробницы Авессалома. Они узнали меня и стали ко мнѣ подниматься. Я пошелъ имъ навстрѣчу.

— А мы ужъ думали, что вы совсѣмъ пропали,—радостно сказала дѣвушка, здороваясь.

— Мы васъ потеряли изъ виду еще въ Яффѣ,—пояснилъ ея братъ.—Мы видѣли только, какъ васъ увозили къ берегу арабы въ своей лодкѣ, а потомъ вы и исчезли.

— Я очень рада опять васъ видѣть,—оживленно продолжала дѣвушка.—Гдѣ это вы пропадали?

— Здѣсь,—отвѣчалъ я, обрадованный встрѣчей,—здѣсь, у васъ въ гостяхъ, милая Юдифь.

— А вы развѣ Олоферпъ?—улыбнулась она.—Гдѣ же вы пропадали? Гдѣ остановились? Въ русскомъ домѣ?

— Сохрани Богъ.

— Отчего же?—удивилась она.

— Да ужъ такъ... Я остановился у Горнштейна, въ «Mediterannean-Hôtel». А вы?

— Мы у папиныхъ знакомыхъ: здѣсь живетъ одно семейство, которое папа зналъ еще въ Венеціи. Что же вы здѣсь дѣлали, въ Іерусалимѣ, то есть?

— Да что, милая барышня... Приходилъ въ умиленіе, но больше злился...

— На кого?

— Ахъ, не спрашивайте! Люди такъ умѣютъ все испортить.

— Да, это правда, и я иногда плачу, что все дорогое и милое захватано грязными руками...

— Ну, ты неисправимая плакса,—улыбнулся братъ.

— Ну, нѣтъ!—возразила дѣвушка.—Я теперь на все это смотрю глазами поэта:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконный
На ней кощунственно чертитъ.
Но краски новыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Восходитъ съ прежней красотой.

— Не правда ли?—обратилась она ко мнѣ.

Она была прелестна въ своемъ молодомъ, чистомъ увлеченіи, и я нашелъ, что она была права, что въ ней сказалось чутье поэта, художника... Что мнѣ за дѣло, что ханжи и невѣжды кощунственно зачернили картину генія, испортили то, что можно испортить...

— Правда, правда, милая Юдифь!—горячо согласился я.—Никакой художникъ варваръ этого всего не испортитъ, этихъ горизонтовъ, этихъ профилей горъ...

— Ну, — вмѣшался братъ энтузіастки, — и горы умѣютъ испортить, и профили.

— И то правда,—согласился я.

— Ахъ, какъ я плакала...

— Опять плакала...

— Ахъ, да не перебивай, Костя! Я въ самомъ дѣлѣ плакала, когда передъ моими глазами, въ первый разъ выросъ этотъ городъ,—сказала Сара, обращаясь исключительно ко мнѣ.—Я вспомнила Шатобріана, какое на него впечатлѣніе произвелъ видъ Іерусалима. Вы помните?

— Читалъ, но не помню.

— Ахъ, онъ говоритъ: «Я понимаю теперь то, что разсказываютъ историки и путешественники объ удивленіи кресто-

посцевъ и пилигриммовъ при первомъ взглядѣ на Іерусалимъ. Я могу подтвердить, что тотъ, кто имѣлъ терпѣніе прочитать около двухсотъ новѣйшихъ разсказовъ о святой землѣ, избранныя мѣста изъ раввинническихъ сочиненій и произведеній древнихъ писателей объ Іудеѣ—еще ровно ничего не знаетъ. Я стоялъ, устремивъ взоры на Іерусалимъ и измѣряя высоты его стѣнъ. Въ моемъ умѣ возстановлялись всѣ историческія воспоминанія отъ Авраама до Готфрида Бульонскаго: я думалъ о цѣломъ мірѣ, измѣненномъ появленіемъ Богочеловѣка, и напрасно искалъ тотъ храмъ, отъ котораго не осталось камня на камнѣ. Если бы я прожилъ еще тысячу лѣтъ, то и тогда не забылъ бы этой пустыни, которая, кажется, до сихъ поръ дышетъ величіемъ Іеговы и всѣми ужасами смерти»... Не правда ли, какъ это страшно?

— Да,—согласился я,—но и память у васъ страшная, все наизусть!

— Меня и въ гимназіи дразнили за это мѣшкомъ съ цитатами,—улыбнулась она.

— Съ цитатами и готовыми слезами,—поправилъ братъ.

— Ну, ужъ ты, деревянный мѣшокъ! А это что у васъ за книга?—спросила она.

— Такъ, одно старое путешествіе: въ немъ очень много истиннаго чувства, много поэзіи, но ужасно много и вздору.

— Что же вы тутъ дѣлали одинъ?

— Да вотъ сидѣлъ, любовался всѣмъ этимъ, этой ужасной поэзіей смерти... Думаю завтра ѣхать къ Іерихону, къ Мертвому морю, тамъ, по крайней мѣрѣ, ничто не захватано, не опошлено.

— Но мы еще сами не знаемъ, когда отправимся туда, какъ папа.

— А что онъ?

— А все библію читаетъ. Вотъ видите?—И она указала рукой на Кедронскій потокъ.

Тамъ на одной изъ тысячи могильныхъ плитъ сидѣла библейская фигура съ книгою на колѣняхъ и тихо покачивалась.

— Это папа, онъ весь въ библейской атмосферѣ, не то, что Костя: этотъ совсѣмъ чурбанъ.

— И ты хороша!—презрительно пожалъ плечами молодой человѣкъ,—надъ каждымъ старымъ черепкомъ нюни распускаетъ.

— Да! Нюни!—горячилась дѣвушка.—А что видѣлъ этотъ черенокъ! Онъ, можетъ быть, Авессаломa видѣлъ.

— Какъ онъ висѣлъ здѣсь на суку?

— Да! А тебѣ больше Ришельевскій бульваръ нравится.

— Конечно: тамъ видъ на море, на гавань.

— Ну и поди, цѣлуйся со своей гаванью!

Мнѣ стало смѣшно. Пришлось разнимать сестру съ братомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—успокоилась дѣвушка,—папа какой-то странный, часто шепчетъ про себя: «онъ обѣщалъ намъ, обѣщалъ»... А кто обѣщалъ и что, не говоритъ. Всѣ эти дни онъ постоянно читаетъ вслухъ «Плачъ Іереміи», такъ что и я почти все выучила наизусть.

— Ну, понесла!—все еще сердился на нее братъ.—Не достаетъ, чтобы ты и это еще начала декламировать.

— Отчего же? — возразилъ я.—Здѣсь это было бы какъ разъ кстати: въ этомъ «Плачѣ»—такая глубокая поэзія.

— Да, помните?—снова воодушевилась дѣвушка.—«Какъ одиноко сидитъ градъ, кипѣвшій людьми! Сильный во языцѣхъ, нынѣ сталъ вдовицею, владѣвшій странами, самъ подъ данію! Плачемъ плачетъ онъ почью, и слезы его на ланитахъ его. Нѣтъ у него утѣшителей изъ тѣхъ, что любили его; всѣ дружившіеся съ нимъ отвернулись отъ него и стали ему врагами. Пути сіонскіе рыдаютъ, ибо пѣтъ по нимъ ходящихъ въ праздникъ. Врата его разорены, жрецы вздыхаютъ, уведены его дѣвицы, и самъ онъ о себѣ крушится... Вы всѣ, текущіе моимъ путемъ, ахъ! обратитесь и скажите: есть ли болѣзнь ужаснѣе моей болѣзни?»...

— Правда, ужасная правда!—невольно вырвалось у меня.— Это такъ идетъ къ теперешнему Іерусалиму.

— Да! А дальше послушайте!—говорила вдохновенная дѣвушка.—«Какъ омрачилъ Господь во гнѣвѣ своемъ дочь Сіона и свергнулъ съ небесъ на землю славу Израилеву, и не помянулъ подножія ногъ своихъ въ день мести!.. Покрылся облакомъ, чтобы не дошла къ нему даже молитва!.. Господь забылъ праздники и субботы, сотворенные имъ въ Сіонѣ, отринулъ жертвенникъ, поразсъ святыню, разсыпалъ стѣны Сіона, и изнемогла его ограда, врата его вростаютъ въ землю, царь и князья въ плѣненіи, нѣтъ болѣе закона, и пророки не видятъ отъ Господа видѣній!.. Очи мои оскудѣли отъ слезъ...»

— Ну, твои не оскудѣли...

— Костя!

— Пожалуйста, продолжайте.

— Да «очи мои оскудѣли отъ слезъ, смутилось сердце, пала на землю слава моя, когда погибли младенцы и сосущіе на стогнахъ града, когда мечемъ изливали ихъ души на лоно матерей... Что о тебѣ свидѣтельствую и что уподоблю тебѣ, дщерь іерусалимская? Кто спасетъ тебя и что утѣшитъ? Восплескали о тебѣ руками всѣ мимоидущіе, посвистали и покивали главами о дщери іерусалимской: тотъ ли это градъ, спросили они, вѣнецъ славы, веселіе всей земли?..»

Какъ это, дѣйствительно, гармонировало съ тѣмъ, что мы видѣли передъ собою: гробы, гробы и гробы...

— Однако, пора къ папѣ,—какъ бы опомнилась Сара,—онъ ждетъ насъ.

— А когда мы увидимся?—спросилъ я, все болѣе и болѣе поддаваясь очарованію милой дѣвушки.

— Да вѣдь вы завтра ѣдете къ Мертвому морю?—напомнила она.

— Правда, надо ѣхать: мнѣ хочется видѣть тѣ дебри, среди которыхъ Крамской помѣстилъ своего «Христа въ пустынѣ».

— Такъ до свиданья, вотъ папа самъ идетъ сюда.

IV. «Великій народъ» или «маленькій народецъ».

На другой день, въ сопровожденіи небольшого вооруженнаго эскорта, подъ предводительствомъ драгомана Габаша, родомъ сирійца, я, дѣйствительно, совершилъ экскурсію къ Іерихону и къ Мертвому морю, гдѣ рисковалъ быть убитымъ бедуинами, перебиравшимися изъ-за Іордана и бродившими въ пустынныхъ дебряхъ, по которымъ я проѣзжалъ лунною ночью (днемъ я не могъ бы вынести въ этой пустынѣ знойнаго солнца Іудеи). Но эта поѣздка не касается моего разсказа, и я возвращусь къ тому, о чемъ началъ говорить раньше.

Черезъ день послѣ встрѣчи съ моими случайными знакомыми у гробницы Авессалома, утромъ, когда солнце только еще выкатывалось изъ-за Елеонской горы, я сидѣлъ на плоской съ террасой кровлѣ своего отеля и просматривалъ палестинскія впечатлѣнія Ламартина, который посѣтилъ Іерусалимъ чуть ли не полстолѣтіемъ раньше меня. Одно мѣсто у него особенно поразило

меня, потому, можетъ быть, что вполнѣ соотвѣтствовало моему душевному настроенію.

«Взоръ и мысль,—говоритъ онъ,—весь вашъ умъ неувѣренно скользитъ по этому городу, по его деталямъ и памятникамъ, не зная, на чемъ остановиться съ увѣренностью; но самый городъ, расположенный на опредѣленномъ возвышеніи, окруженный дебрями и въ особенности глубокою впадиною Кедрона, это, дѣйствительно, памятникъ, который не обманетъ взора. Тутъ, именно, находился Сіонъ—странное и несчастное мѣсто для столицы великаго народа. Это скорѣе природная крѣпость маленькаго народца, изгнаннаго изъ своей земли и нашедшаго себѣ убѣжище со своимъ храмомъ на почвѣ, которую у него никто не захочетъ оспаривать, на утесахъ, которыхъ никакія дороги не могутъ сдѣлать доступными, въ безводныхъ дебряхъ, въ безплодномъ и знойномъ климатѣ, среди пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ мѣловыми вулканическими горами Аравіи и Іерихона и не имѣющей ничего, кромѣ безбрежнаго, несудоходнаго, гніющаго Мертваго моря»...

Въ это время на внутренней лѣстницѣ, ведущей изъ отеля на кровлю, гдѣ я сидѣлъ, послышались шаги.

— Можно къ вамъ войти?—послышался снизу знакомый мелодическій голосъ.

Я обрадовался, потому что меня уже давно, послѣ знакомства съ ужасною пустынею, въ которой скрывался Христосъ, готовясь къ своему великому подвигу, и послѣ ужаснаго Мертваго моря, начала грызть тоска. Показалась Сара, а за нею и братъ.

— А мы къ вамъ съ предложеніемъ,—сказала дѣвушка, здороваясь и пожимая мою руку.—Вы что это читали?

— Да вотъ просматривалъ Ламартина... Какъ это у него глубоко вѣрно!

— Это гдѣ, именно?

Я показалъ развернутую страницу. Сара быстро, съ видимымъ волненіемъ, пробѣжала ее глазами: даже руки ея дрожали.

— Да, это правда,—сказала она, тяжело вздохнувъ,—и вы изъ этого заключаете, что евреямъ и не суждено было быть «великимъ народомъ», а вѣчно оставаться «маленькимъ народцемъ», какъ выражается Ламартинъ?—спросила она, взглянувъ

на меня блестящими глазами, съ выступившимъ на щекахъ яркимъ румянцемъ не то стыда, не то негодованія.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я не въ этой части нахожу вѣрнымъ сужденіе Ламартина... Онъ, по моему, правъ, когда говоритъ, что самый этотъ городъ, среди этихъ дебрей и горъ, что это, дѣйствительно, вѣчный памятникъ еврейскаго народа, что памятникъ этотъ не обманетъ взора; что тутъ, именно, находился Сіонъ, странное и несчастное мѣсто для столицы великаго народа. Но онъ неправъ далѣе, говоря, будто бы это природная крѣпость маленькаго народца, изгнаннаго изъ своей земли и нашедшаго себѣ убѣжище со своимъ храмомъ среди этихъ ужасныхъ дебрей, которыхъ у него никто не захотѣлъ бы оспаривать, гдѣ невозможны даже дороги, гдѣ почва мертва и безводна, гдѣ нѣтъ даже судоходной рѣки и гдѣ даже море Мертвое! Но Ламартинъ забылъ, что Римъ, столица народа, покорившаго весь міръ и даже Іудею, вотъ съ этимъ неприступнымъ Сіономъ вмѣстѣ, этотъ Римъ пріютился на такой же скалѣ, какъ Сіонъ, на Тарпейской скалѣ и на Капитолійскомъ холмѣ. И около Рима текла жалкая рѣченка, тоже несудоходная, а море было отъ него далеко. Ламартинъ забылъ, что всѣ древнія столицы основывались вдали отъ моря: возьмите Вавилонъ, Ниневію, Бактру, а Вавилонъ ли не владѣлъ міромъ? А столица персидскихъ монарховъ, этихъ Кировъ, Камбизовъ, гдѣ была? Не у моря! А столица фараоновъ, столица Рамсеса, стовратныя Ѳивы, Мемфисъ, все это далеко отъ моря. Аѳины—также не у моря, хотя море и видно съ Акрополиса. Столицы халифовъ, Багдадъ въ Азіи, Кордова и Гренада въ Испаніи, все это далеко отъ моря. Послѣ—Мадридъ, подъ горами Сіерра-Гуадарама. Ламартинъ забылъ, что и его Парижъ далеко отъ моря. Ламартинъ забылъ, что для древнихъ народовъ море было—страшилище: съ моря такъ возможно нападеніе враговъ. Тиръ, Сидонъ и Карѳагенъ живые, поучительные примѣры этому: отъ нихъ и слѣда не осталось. Даже наши Кіевъ и Москва далеко отъ морей, и только въ новое время Россію насильно притянули къ чухонскому морю. Но и теперь народы боятся морей: съ моря Круппъ опаснѣе, чѣмъ съ суши. А въ древности существовали пираты, и столица у моря была бы ихъ добычею. Вотъ почему я думаю, что Ламартинъ не правъ, говоря, что Сіонъ—столица маленькаго, загнаннаго народца.

— Но эти дебри, безплодность почвы?—спросила Сара съ тѣми же сверкающими глазами.

— Ахъ, милая барышня!—возразилъ я, любуясь ея лихорадочнымъ волненіемъ.—Это только теперь, послѣ тысячелѣтняго запустѣнія и разрушенія. Не забудьте, что нѣкогда, при патріархахъ израильскаго народа, при Авраамѣ и Лотѣ, нынѣшняя іорданская долина съ Мертвымъ моремъ, это было цвѣтущее, богатѣйшее въ мірѣ «пятиградіе» съ городами Содомомъ, Гоморрою, Адамою, Севоимомъ и Цоаромъ: все это богатое пятиградіе было пожрано вулканическимъ переворотомъ, которые совершаются и теперь въ разныхъ мѣстностяхъ нашей планеты вмѣсто цвѣтущихъ городовъ явилась громадная масса мертвой воды, въ которой не можетъ жить ни одно живое существо, ни животное, ни растеніе. А вѣдь прежде здѣсь были чудныя пальмовыя рощи, и даже Іерихонъ назывался въ библіи «градомъ финиковъ». А теперь тамъ, я видѣлъ, что тамъ!

— Такъ вы были тамъ?—робко спросила меня дѣвушка.

— Былъ, милая барышня! Тамъ теперь только смерть и развалины. А тамъ цвѣли когда-то знаменитыя розы, «розы іерихонскія», «anastatica hierochuntica». Да что говорить о томъ, чего уже нѣтъ! А припомнимъ то, что есть. Вы были въ Яффѣ?

— Какъ же! Еще и васъ тамъ потеряли.

— Ну, такъ когда выѣзжали изъ Яффы, видѣли апельсинные сады?

— О, да, тамъ цѣлые лѣса апельсинные! Ѣдешь точно среди армидиныхъ садовъ или садовъ съ гесперидскими яблоками, точно золотые клубки сверкаютъ на солнцѣ!

— А чортъ бы побралъ эти клубки! — вмѣшался братъ Сары.—У меня и теперь отъ нихъ руки болятъ.

— Вообразите,—перебила его сестра,—Костя хотѣлъ сорвать одинъ апельсинъ и полѣзъ было туда, но наткнулся на колючіе кактусы, которыми обсажены апельсинные сады вмѣсто заборовъ, и страшно покололъ себѣ руки. Ну, не воруй..

— Для тебя же, плакса!—огрызнулся братъ.

Приходилось опять разнимать ихъ.

— Ну, такъ видите,—началъ я замирать ихъ ссору,—когда вы ѣдете изъ Яффы, то вся эта безконечная равнина между мо-

ремъ и Іудейскими горами—это знаменитая Саронская равнина. Она и теперь необыкновенно плодородна...

— Да, тамъ такія богатыя смоковницы, маслины и пальмы!—заговорила дѣвушка.—Даже баштаны съ арбузами и дынями.

— А при іудеяхъ это былъ рай земной и лучшія пастбища Израиля. Въ библіи даже упомянуто, кто начальствовалъ надъ пастбищами и скотомъ: «надъ скоты же, иже пасяхуся въ Саронѣ-Сатрай Саронитянинъ, и на волы, иже во юдолѣхъ». Въ библіи же сказано о богатствѣ тамъ масличныхъ и смоковничныхъ садовъ: «надъ маслинами же и надъ черничіемъ (смоковницы), иже бяху на поляхъ, Валанонъ Гедоритянинъ; надъ сокровищами елея—Іоасъ»... А какіе, милая барышня, цвѣты саронскіе были! О нихъ говорится даже въ «Пѣснѣ пѣсней», хотя бы вашу головку украсить.

Сара грустно улыбнулась.

— Да,—сказала она,—я теперь вижу, что Ламартинъ зналъ не все... Отсюда и его приговоръ о «маленькомъ народцѣ»...

— А вамъ обидно?—подразнилъ я ее.

— Еще бы! — воскликнула она, презрительно надувъ губки.—Тотъ народъ не маленькій, не ничтожный, который далъ двѣ религіи, господствующія теперь надъ всѣмъ міромъ.

— Какія же это двѣ, милая барышня?—спросилъ я.

— А ваша, христіанская, которая все болѣе и болѣе завоевываетъ земной шаръ?

— Правда,—согласился я,—а другая же какая, милый философъ?

— А мусульманская? Вѣдь Агарь была еврейка, когда ее прогнали за Іорданъ, въ Аравію, и ея маленькій Измаилъ былъ тоже еврейчикъ—отъ еврея, а Магометъ—его потомокъ: отсюда и вышли всѣ эти агаряне, измаильтяне... А сарацины произошли прямо отъ меня, отъ Сары...

Она даже разсмѣялась.

— Кто же это все вамъ втолковалъ, юный философъ? — спросилъ я, пораженный ея смѣлыми обобщеніями.

— А папа!—былъ наивный отвѣтъ.—Онъ все знаетъ.

— Такъ это вы дали міру двѣ могущественнѣйшія религіи?

— Конечно, мы, евреи!—гордо отвѣчала дѣвочка, надувъ

губки.—А то—маленькій народецъ! Нѣтъ, мы великій народъ, избранный...

— Оттого насъ и разнесли въ Одессѣ? И твою канарейку убили, а твой турнюръ собакѣ на хвостъ напѣнили?—угрюмо замѣтилъ ея братъ.—Вотъ тебѣ и великій народъ!

У дѣвушки вдругъ на глазахъ показались слезы... Слишкомъ жестокое было напоминаніе!.. Разгромъ, смерть обожаемой матери... Ея школьныя тетрадки разметаны, въ грязи... И это блѣдное лицо матери, которую даже хоронить было страшно, украдкой хоронили...

Она вдругъ расплакалась, да такъ горько, такъ по-дѣтски.

— Ну, поѣхала!—сердито проворчалъ братъ.

Я сталъ ее утѣшать, какъ могъ. Но она плакала безутѣшно.

— Ну, Сарочка, перестань!—утѣшалъ ее братъ, который, повидимому, очень ее любилъ.—Не плачь, милочка, полно. А мы къ вамъ по дѣлу,—обратился онъ ко мнѣ.

Я сказалъ, что радъ служить, чѣмъ могу.

— Насъ прислалъ къ вамъ отецъ,—продолжалъ молодой еврей.—Сара расхвалила ему васъ, говоритъ, что вы такой толерантный человѣкъ, даже юдофилъ...

— Не правда ли? Вѣдь, я права?—перебила его вдругъ сестра, утирая слезы.

— Да, совершенно вѣрно,—отвѣчалъ я,—я высоко цѣню евреевъ, какъ народъ, исторія и логика научили меня уважать эту даровитую, самую цѣльную въ человѣчествѣ, разумную особь... Ну, да всего не выскажешь...

Дѣвушка крѣпко жала мою руку своими нѣжными пальчиками.

— Благодарю, благодарю васъ, — говорила она сквозь слезы,—среди общаго горя и бѣдствія такъ отрадно слышать утѣшеніе отъ чужого человѣка... Но вы намъ не чужой... Вы завоевали мою симпатію еще на морѣ, когда, помните, говорили съ капитаномъ объ одесскомъ погромѣ... Ахъ, Боже, Боже!

Она не могла дальше говорить; но потомъ скоро перемогла себя.

— Знаете, что?—начала она снова.—Папа хочетъ показать вамъ недалеко отъ Іерусалима одно удивительное мѣсто,

а какое, не говоритъ, и приглашаетъ васъ завтра утромъ, пораньше, до солнца, ѣхать туда вмѣстѣ съ нами. Согласны вы?

— Съ удовольствіемъ. А гдѣ вы живете?

— Да вы не трудитесь искать: Костя самъ заѣдетъ завтра за вами.

— Отлично!

— Такъ, до свиданья!—и они простились со мной.—«Какая славная, даровитая дѣвочка»!—невольно подумалъ я, провожая ее глазами.

V. «Стой, солнце!...»

Утромъ, едва я успѣлъ напиться кофе, какъ Габашъ уже показался подъ моимъ балкономъ, въ костюмѣ бедуина, на своемъ тонконогомъ скакунѣ, ведя въ поводу моего знакомаго бѣлаго арабскаго коня, на которомъ я уже совершилъ экскурсію къ Іерихону и Мертвому морю.

Вскорѣ еще послышался топотъ конскихъ копытъ, и я увидѣлъ подъѣзжавшаго къ отелю брата Сары. Шляпа его была обмотана бѣлой чадрой, широкіе концы которой спускались ему на затылокъ и на спину—необходимая предосторожность отъ знойнаго палестинскаго солнца. Я также странствовалъ въ Палестинѣ, какъ и въ Египтѣ, въ войлочномъ «тропическомъ шлемѣ» (tropical helmet), съ костяными въ немъ продушинами для воздуха и съ легкой соломенной тульей внутри, а поверхъ всего этого была обвита бѣлая легкая кисейная чадра, концы которой падали на спину. Но и при этой предосторожности, на возвратномъ пути отъ Іерихона, я былъ на волосъ отъ солнечнаго удара.

— Вы готовы?—крикнулъ мнѣ молодой еврей, поднимаясь на сѣдлѣ и кланяясь мнѣ.—Отецъ и сестренка ждутъ насъ у Дамасскихъ воротъ.

Я сказалъ, что совсѣмъ готовъ, надѣлъ на голову свой «тропическій шлемъ» и вышелъ изъ отеля. Габашъ придержалъ мою лошадь, и съ легкостью почти военнаго человѣка я вскочилъ въ сѣдло, изображая изъ себя бедуина.

Мы скоро достигли Дамасскихъ воротъ. Тамъ уже ждали насъ Сара, ея отецъ и еще третій какой-то еврей. Всѣ они были

на осликахъ, а оликъ Сары былъ подъ дамскимъ сѣдломъ. На дѣвушкѣ была широкая шляпа, тоже съ чадрой.

Сара познакомила меня съ отцомъ, котораго звали Яковомъ Авраамовичемъ, и съ его старымъ другомъ Левиттомъ, давно живущимъ въ Іерусалимѣ.

Въ отцѣ Сары преобладала нервность и подвижность его расы. Онъ говорилъ быстро, горячо жестикулируя, или же сосредоточенно молчалъ. Онъ очень крѣпко жалъ мою руку и пытливо глядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вы ученый? Профессоръ?—спрашивалъ онъ меня.

— Нѣтъ, просто бродяга-туристъ.

— Туристъ? Можетъ быть, писатель? Художникъ? А?

— Такъ себѣ, ни то, ни се.

— Но моя Сарочка отъ васъ безъ ума.

— Ваша дочь—очень добрая, очень милая дѣвочка.

— Да, она добрая, добрая, умненькая дѣвочка... Говоритъ, что у васъ нѣтъ этого... этого...

— Свинства?—улыбнулся я невольно.

— Да, да... именно, свинства, свинства... хуже, звѣрства... Вотъ я и хочу показать вамъ здѣсь удивительное мѣсто, удивительное!

— Какое же, Яковъ Авраамовичъ?

— Вотъ, увидите, увидите... Подождите немного... А съ вами есть библія?

— Есть, въ сакѣ. Я здѣсь безъ библіи не выхожу.

— Это хорошо, хорошо... Здѣсь все библейскія мѣста.

Въ это время меня окликнулъ Габашъ, мой драгоманъ. Мы уже выѣхали за городскія стѣны.

— Monsieur le general! (такъ онъ называлъ меня почему-то, можетъ быть, изъ восточной вѣжливости: онъ былъ родомъ сиріецъ изъ Іерусалима «et parlant l'anglais, le français, l'italien et l'arabe», какъ значилось на его карточкѣ, но ни слова по-русски). Взгляните, господинъ, вправо: это пещера пророка Іереміи.

— Гдѣ? Гдѣ?—заволновалась Сара.

Габашъ показалъ. Это были мрачныя пещеры, древнія каменоломни. Въ нихъ, по свидѣтельству самого пророка, онъ былъ заключенъ царемъ Седекіею за его пламенныя обличенія нечестивыхъ дѣяній грознаго владыки Іуден.

Я тотчасъ же вынулъ изъ своего сака библію и нашелъ XXXVIII главу пророчествъ Іереміи.

— Вотъ это мѣсто,—сказалъ я, показывая Сарѣ страницу.

Она взяла и прочитала вслухъ стихъ 6-й: «И взяша Іеремію, и ввергоша его въ ровъ Мельхіинъ, сына царева, иже бяше во дворѣ темничнѣмъ, и свѣсиша его ужами въ ровъ»...

— Что такое «ужами»?—спросила она меня.

— Веревками, узами.

— Mercì... «въ ровѣ же не бяше воды, но тина, и бяше въ тинѣ Іеремія»... Бѣдный! Вотъ такъ всегда съ пророками поступаютъ... Помните у Лермонтова:

Въ меня всѣ ближніе мои
Кидали бѣшено каменья.

Видя воодушевленіе дѣвушки, Габашъ ласково, любовно улыбнулся, сверкнувъ изъ-подъ своего покрывала, окутывавшаго его голову и перевязаннаго шнуромъ съ кистями, своими пламенными арабскими глазами, и приблизился къ Сарѣ.

— Въ этихъ пещерахъ, mademoiselle. — сказалъ онъ съ восточной любезностью, — пророкъ Іеремія, когда вавилоняне взяли и разрушили Іерусалимъ, тайно скрылъ кивотъ завѣта, а въ немъ скрижали и процвѣтшій жезлъ Аарона, чтобы эти святыни не являлись міру до самаго пришествія Мессіи.

— А развѣ вы еврей?—съ живостью спросила Сара.

— Нѣтъ, mademoiselle, я сиріецъ,—скромно отвѣчалъ потомокъ Ассура.

Между тѣмъ, отецъ Сары, восторженно протянувъ руки къ Іерусалиму, что-то декламировалъ, а пріятель его грустно качалъ головой.

— Это папа декламируетъ изъ «Плача Іереміи»,—пояснила мнѣ Сара,—онъ говоритъ:—«Восплескали о тебѣ руками всѣ мимоидущіе, посвистали и покивали головами о дщери іерусалимской: тотъ ли это градъ, спрашивали они, вѣнецъ славы, веселіе всей земли?». Бѣдный городъ!

— Ну, опять запыли, и отецъ, и эта! — пожалъ плечами молодой еврей.

— А ты чурбанъ!—оборвала его сестра.—Въ тебѣ нѣтъ ни капли поэзіи!

Мы двинулись дальше, въ гору. Отецъ Сары теперь упорно молчалъ, да и мы всѣ молчали.

Впереди, въ глубокихъ пропастяхъ, ниже насъ, клубился бѣлый туманъ. По сторонамъ дороги пестрѣли скромные цвѣточки, «крины сельные», это тѣ милыя полевыя лиліи, о которыхъ божественный еврей, величайшій поэтъ міра, сказалъ: «Смотрите криновъ сельныхъ, како растутъ: ни труждаются, ни прядутъ; глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ...»

У меня на душѣ было очень смутно. Солнце начало выкатываться изъ-за Елеонской горы, и клубы тумана, какъ разорванныя легкія газовыя пелены, таяли въ горнемъ воздухѣ. Гдѣ-то чиликала певѣдомая птичка, птица пустыни. Кое-гдѣ виднѣлись въ горахъ группы овецъ и около нихъ «пастырь добрый» съ винтовкою на плечѣ.

Послышалось что-то вродѣ тихой свирѣли. Это игралъ на дудочкѣ «добрый пастырь», услаждая свое одиночество. Меня поразила знакомая мелодія: я слушалъ, какъ очарованный: эта тихая мелодія перенесла меня въ далекое дѣтство, въ степи далекаго роднаго Дона. Удивительное дѣло! Лѣтомъ 1879 года, бродя по Закавказью и потомъ по Крыму, я предпринялъ восхожденіе на Чатырдагъ. Подъ самой верхушкой Чатырдага, на высотѣ почти 5.000 футовъ надъ моремъ, на томъ ровномъ плато, гдѣ крымскіе татары все лѣто выпасаютъ стада овецъ, отдѣленные высотою горы отъ всего міра, и гдѣ мы у этихъ пастуховъ ночевали, чтобы видѣть восходъ солнца на самой вершинѣ Пилатъ-горы, во тьмѣ ночи мнѣ вдругъ послышалась знакомая мелодія. Пастухъ-татаринъ игралъ на дудочкѣ. Не можетъ быть! Я не въ Крыму въ 1879 г., а на донскихъ степяхъ, въ лѣтній вечеръ 1840 года, и это играетъ на дудочкѣ не татаринъ Абдулка, а нашъ пастухъ Мусій, та же мелодія, нота въ ноту! А теперь тутъ, въ Палестинѣ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ «плакалъ» пророкъ Іеремія, я слышу ту же мелодію—нота въ ноту! Это играетъ нашъ Мусій, а мнѣ не 50 лѣтъ, а только девять... Такъ вотъ откуда нашъ хохолъ Мусій заимствовалъ эту мелодію, отъ палестинскаго «пастыря добраго», а этотъ отъ пастуховъ Авраама, Лавана, Лота... И 4.000—5.000 лѣтъ живетъ эта мелодія: отъ пастуховъ Авраама ее перенялъ маленькій Измаилъ, изгнанный въ пустыню въ Аравію, а онъ передалъ ее пастухамъ

Магомета, а эти послѣдніе вмѣстѣ съ религіей и кровавымъ знаменемъ пророка разнесли эту мелодію по Африкѣ, по степямъ печенѣжскимъ, передавали пастухамъ Золотой орды, занесли ее въ Италію, на берега Гвадалквивира, на берега нашего Дона и Медвѣдицы, передали ее нашему Мусію, крымскому татарину Абдулкѣ...

Какъ же должны быть живучи народныя чувства, когда такъ поразительно живуча народная, пастушеская мелодія!..

Я понималъ, что и у Сары въ крови эта мелодія... Она слушала ее напряженно...

— Я гдѣ-то слышала это,—съ удивленіемъ взглянула она на меня.

— Да, милая Сара, вы слышали ее: ее слышала ваша кровь, кровь вашихъ предковъ, вотъ здѣсь, въ Палестинѣ, 2.000—3.000—5.000 лѣтъ назадъ! Понимаете?

Умная дѣвочка поняла меня, и глаза ея затеплились радостью.

Мы далеко углубились въ лощины между горъ, и знакомой, допотопной мелодіи давно уже не было слышно.

Впереди отецъ Сары и его старый пріятель о чемъ-то горячо разсуждали. За ними карминно ѣхалъ Габашъ, который иногда пускалъ своего тонконогаго скакуна вихремъ, и тогда развѣвающійся пёстрой бурнусъ его напоминалъ крылья огромной хищной птицы. Эти мѣста знакомы ему съ дѣтства и, конечно, давно наскучили. За Габашемъ ѣхалъ братъ Сары, который тоже, видимо, скучалъ. Мы съ Сарой ѣхали рядомъ.

Вдругъ передовые евреи остановились и оборотили къ намъ свои оживленныя лица.

— Взгляните на солнце! Взгляните!—закричалъ намъ отецъ Сары.

Мы въ недоумѣніи взглянули: оно стояло уже высоко и свѣтило ослѣпительно.

— Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ Іисусъ Навинъ остановилъ его!—съ странною страстностью воскликнулъ старый еврей.—Здѣсь! Понимаете!

Мы невольно переглянулись.

— Смотрите, вонъ тамъ Гаваонъ! Надъ этой точкой земного шара солнце замедлило свой ходъ: это священное мѣсто! Разверните книгу Іисуса Навина! Прочтите!

Я невольно полѣзъ за библіей.

— Смотрите главу десятую, стихъ двѣнадцатый! Да, да, двѣнадцатый!

Я раскрылъ это мѣсто. Руки мои почему-то дрожали... Что за нервный народъ эти евреи! Ихъ нервность и мнѣ передалась. Я читалъ, и мой голосъ дрожалъ отъ волненія:

«Склоняющуюся дню, рече Іисусъ: да станетъ солнце прямо Гаваону и луна прямо дебри Элонъ. И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ. Не сіе ли есть писано въ книгахъ праведнаго: и ста солнце посредѣ небесъ и не идяше на западъ въ совершеніе дня единаго. И не бысть день таковый ниже прежде, ниже послѣди, еже послушати Богу тако гласа человѣча, яко Господь споборствова Израилю».

Я взглянулъ на Сару. Она смотрѣла на меня, блѣдная-блѣдная, расширенными зрачками.

— Боже Израилевъ!—всплеснулъ руками старый еврей.— Здѣсь, надъ этой долиной онъ остановилъ солнце и побѣдилъ пятерыхъ царей, осаждавшихъ Гаваонъ, пятерыхъ! Онъ пришелъ на помощь Гаваону отъ Іордана и опрокинулъ ихъ войска вонъ туда, въ тѣ дебри, и горными ущельями гналъ ихъ на Вифоронъ до Азика и до Макида... Великъ, великъ Богъ Израилевъ!.. И ты попустилъ, мою Рахиль, мою кроткую Рахиль!..

— Папа! Папа! — съ плачемъ протянула къ нему руки Сара.—О, моя мама, моя милая мама! Ты не увидишь этого!

IV. Удивительное мѣсто.

Кто странствовалъ по мѣстамъ, имѣющимъ міровое историческое значеніе, тотъ знаетъ, какое глубокое впечатлѣніе производятъ они на душу странника. Воображеніе его переносится въ глубь вѣковъ и тысячелѣтій и создаетъ картины и образы, которые получаютъ цѣну реальнаго бытія, чего-то давно знакомаго, видѣннаго, чего-то такого, въ чемъ принимали непосредственное участіе ваша мысль, ваше сердце.

Когда я, изумленный и очарованный, стоялъ на вершинѣ пирамиды Хеопса и созерцалъ разстилавшуюся передъ моими глазами равнину Нила съ его пальмами и сикоморами, а за ними мрачную картину песчаныхъ бугровъ Сахары, мое сердце уча-

щемѣе билось при мысли, что много вѣковъ назадъ тамъ же, на вершинѣ этого гиганта-памятника, стоялъ и Геродотъ, когда тамъ, внизу, на берегахъ Нила, кипѣла совсѣмъ иная жизнь, картину которой безсильно создать даже наше воображеніе... Смотря съ высоты верхнихъ ярусовъ Колизея на широкую его арену, я, казалось, видѣлъ истекающаго кровью гладіатора, и въ душѣ моей невольно повторялся безсмертный стихъ геніальнаго пѣвца «Чайльдъ-Гарольда».

Боецъ лежитъ смертельно пораженъ,
Опершись на слабѣющія руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ, какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело
Склоняется все ниже надъ землею...
Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ, и, въ изступленьи дикомъ,
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.
Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ;
Не думалъ онъ о жизни утасавшей,
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ,—тамъ,
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима...

Въ Гренадѣ, стоя на стѣнахъ Альгамбры, я съ грустью вспоминалъ поэтическое прошлое этого алмаза въ коронѣ царства испанскихъ мавровъ, этого волшебнаго «города фонтановъ», и для моей души казался роднымъ горестный стихъ мавра, оплакивавшаго этотъ городъ и его погибшихъ защитниковъ: «Племя храбрыхъ, кто истребилъ тебя? Городъ фонтановъ, кто покорилъ тебя? Альгамбра любезная, жилище наслажденія, для чего же жить если тебя не видѣть? Невѣрный владѣетъ наслѣдіемъ Абенсераховъ; вѣрно, такъ ужъ опредѣлено!..»

Такія же грустныя чувства волновали меня на мѣстѣ битвы Іисуса Навина съ врагами израильскаго народа... «Племя храбрыхъ, кто истребилъ тебя? Страна чудесъ!»... Страна чудесъ лежитъ въ развалинахъ...

Сара, однако, скоро осилила взрывъ горести и съ улыбкой извиненія обратилась ко мнѣ.

— Это папа напомнилъ... И въ этомъ мѣстѣ... прошлое нашего бѣднаго, гонимаго народа...

— Повѣрьте, я глубоко понимаю васъ, милая Сара... Но вѣдь здѣсь и горе, и сожалѣніе, все безсильно: это безсмысленная стихія, позоръ для человѣчества.

Здѣсь, въ старомъ водоемѣ, высѣченномъ въ камняхъ, мы напоили своихъ лошадей и осликовъ и двинулись въ дальнѣйшій путь, правою тропою, отдѣлявшеюся отъ Дамасской дороги.

— Куда же мы, наконецъ, ѣдемъ?—спросилъ я Сару.

— Я сама не знаю... Папа только сказалъ, что онъ покажетъ намъ удивительное мѣсто.

— Что же можетъ быть удивительнѣе этого, которое мы сейчасъ видѣли! Такія воспоминанія, которыя повторяетъ весь міръ уже нѣсколько тысячелѣтій!

— Да, правда; но то мѣсто, вѣроятно, еще удивительнѣе.

Габашъ, ѣхавшій нѣсколько впереди, вдругъ осадилъ свою лошадь и схватился за свою длинную винтовку. Я также выхватилъ изъ сумки револьверъ. Гряпулъ выстрѣлъ, и какая-то темная масса свалилась, точно съ неба, прямо къ ногамъ коня Габаша.

Мы поспѣшили туда. Громадный орелъ, смертельно раненый, барахтался на землѣ, глядя на насъ прекрасными изумленными глазами.

— Ахъ! За что вы его убили!—жалобно всплеснула руками Сара.

— Онъ, mademoiselle, хищникъ, пожираетъ нашихъ ягнятъ,—отвѣчалъ спокойно Габашъ, соскакивая съ коня и подходя къ трепетавшему орлу.

— Но у него дѣти!—протестовала дѣвушка.

Бѣдная раненая птица все еще защищалась клювомъ и когтями, Габашъ ударилъ ее прикладомъ.

— Ахъ, Боже, Боже!—Сара закрыла лицо руками.

Добытый орелъ былъ подвязанъ побѣдителемъ въ переметной сумѣ, и мы поѣхали дальше, догоняя старыхъ евреевъ, которые далеко опередили насъ.

Мы ѣхали уже съ часъ, все подымаясь отъ долины Гаваона. Вдали, на восточномъ горизонтѣ, возвышались не то развалины,

не то фантастическія скалы. Средняя изъ нихъ поразительно напоминала своею фигурою сидящаго на кампяхъ гиганта.

— Смотрите! Смотрите!—показала туда рукою Сара.—Это какой-то исполинъ!

Скоро по остаткамъ какихъ-то разметанныхъ развалинъ мы поднялись на возвышеніе, на которомъ темнѣло что-то вродѣ каменной, полуразрушенной ниши.

Я увидѣлъ, что Левитъ, ѣхавшій впереди съ отцомъ Сары, показалъ ему на что-то рукою. Старикъ быстро соскочилъ съ ослика, стремительно, точно юноша, побѣжалъ впередъ и вдругъ упалъ.

Мы туда. Смотримъ, старикъ мечется на землѣ и съ рыданьями цѣлуетъ землю и камни...

— Вотъ вотъ оно! Вотъ здѣсь-здѣсь!.. О, Боже, Богъ Израилевъ!—бормоталъ онъ, какъ безумный.

Мы остановились въ изумленіи, сошли съ коней и отдали ихъ Габашу.

Старикъ, стоя на колѣняхъ, съ разметавшимися сѣдыми волосами, простиралъ руки вдаль, какъ бы хватая и воздухъ, и небо, и землю. Лицо и глаза его горѣли, глаза казались безумными...

— Все-все-все это наше! — визгливо вскрикивалъ онъ. — Все-все! Они этого не отнимутъ... Онъ обѣщалъ намъ, онъ намъ отдалъ все-все!.. Вотъ смотрите, слушайте!

И онъ досталъ дрожащими руками старую въ кожаномъ переплетѣ книгу, которую я замѣтилъ у него еще на пароходѣ, сталъ ее перелистывать, уронилъ, торопливо поднялъ, снова развернулъ...

— Вотъ-вотъ-вотъ! Слушайте! Слушайте! «Іаковъ же (читалъ онъ, какъ-то захлебываясь и дрожа всѣмъ тѣломъ), вышедши изъ Беоэръ-шавы, чтобы итти въ Харранъ, пришелъ на одно мѣсто, и остался тамъ ночевать, потому что зашло солнце».

— Это онъ сюда пришелъ, сюда, вотъ на это мѣсто, гдѣ мы стоимъ (старикъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ за руку). Слушайте! «Онъ, Іаковъ, взялъ одинъ изъ бывшихъ на томъ мѣстѣ камней и положилъ себѣ въ голову и легъ на томъ мѣстѣ. И видитъ во снѣ: вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, и верхъ ея касается небесъ, и се ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней.

И се Іегова стоитъ на ней, и говоритъ: я Іегова, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака. Не бойся. Землю, на которой ты лежишь, я далъ тебѣ и потомству твоему»...

Читая дальше, старикъ все больше и больше возвышалъ голосъ, который переходилъ въ визгъ.

— «И будетъ потомство твое, яко прахъ земный, и распространится къ западу, и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню: и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ племена земныя»...

Онъ остановился и тихо глядѣлъ по сторонамъ. Я видѣлъ, что Сара дрожала, несмотря на зной.

— Слышите! Всѣ племена земныя... А насъ гонятъ, бьютъ...

Онъ упалъ на землю и зарыдалъ...

— Папа! Папа!—съ воплемъ бросилась къ нему дочь.

Бѣдный старикъ! Бѣдная дѣвушка!

Я все понялъ, всю странность поведенія старика. Мозгъ его не выдержалъ испытаній.

Уѣзжая вскорѣ изъ Іерусалима, я увозилъ съ собою въ душѣ очень грустное воспоминаніе.

НАШИ ПИРАМИДЫ.

I. Неожиданная встрѣча.

Тропическій жаръ африканскаго солнца началъ мало-помалу спадать, когда я вошелъ въ знаменитый садъ въ Каирѣ «Ezbekieh», чтобы подышать вечерней прохладой послѣ знойнаго египетскаго дня.

Это было 1-го іюня 1881 года. Я возвращался въ это время изъ Палестины, и пока итальянскій пароходъ «Aglaja», на которомъ я отплылъ изъ Яффы, выгружалъ въ Александріи принятые имъ въ Портъ-Саидѣ тюки хлопка и аравійскаго кофе и потомъ долженъ былъ вновь погружать какіе-то египетскіе тюки, я, чтобы не скучать бездѣйствіемъ, вторично проѣхалъ въ Каиръ съ намѣреніемъ обстоятельнѣе ознакомиться съ остатками отъ развалинъ Мемфиса, которыхъ мнѣ въ первый пріѣздъ въ Каиръ не довелось осмотрѣть, да и кромѣ того, послѣ восхожденія на пирамиду Хеопса и послѣ всѣхъ мыканій по Каиру и его окрестностямъ, я чувствовалъ тогда порядочное утомленіе: нервы устали и устало работать воображеніе, подавленное, можно сказать, тяжестью тысячелѣтій, которыя, казалось, я самъ пережилъ, созерцая страну фараоновъ.

Я уже знакомъ былъ съ этимъ раскошнымъ садомъ «Ezbekieh», съ его дивными тропическими растеніями, невиданными мною прежде, и съ такими же невиданными цвѣтами, и потому, чтобы полнѣе вдыхать въ себя ароматическій воздухъ сада, я взобрался на самый верхъ фантастическаго павильона, воздвигнутаго на причудливыхъ гротахъ съ фонтанами и господствовавшаго надъ хаотической массой волшебной столицы потомковъ Рамсеса-Сезостриса.

Высоко въ небѣ плавно кружились орлы, и какой-то странный, точно жалобный клекотъ ихъ и доносившаяся изъ саду музыка придавали развертывавшейся подо мною картинѣ что-то дикое, волшебное, словно бы передо мною вставала та жизнь, тѣ ея формы, которыя давно засыпаны песками Сахары или размыты водами Нила, и словно бы я самъ былъ зрителемъ этой жизни, ея живымъ осколкомъ. Въ доносившихся до меня волнахъ звуковъ и мелодій было дѣйствительно что-то дикое, непривычное для слуха, но въ то же время странно чарующее, бередившее нервы и воображеніе, какъ все на Востокѣ, по которому я бродилъ все это время, полный непередаваемыхъ ощущеній.

Я сидѣлъ совершенно одинъ, невольно вспоминая то ту, то другую картину изъ всего видѣннаго мною на Востокѣ, въ Египтѣ, въ Палестинѣ, въ мрачной пустынѣ Іордана, въ дебряхъ библейскаго Гаваона, гдѣ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце или землю, чтобъ она замедлила свой ходъ вокругъ этого могучаго источника свѣта, какъ вдругъ шаги, раздавшіеся внизу, на ступенькахъ, ведущихъ къ платформѣ, на которой я сидѣлъ, привлекли мое вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ и голоса.

Я думалъ, что это взбираются наверхъ туземцы, группами бродившіе по аллеямъ сада, какая-нибудь чалма, феска, бурнусъ бедуина, на которыхъ я довольно насмотрѣлся, и потому всталъ было, чтобъ удалиться, какъ вдругъ остановился въ глубокомъ изумленіи. Передо мною стояла прелестная дѣвушка, которая, подобно мнѣ, застыла не то въ испугѣ, не то въ радостномъ недоумѣніи, глядя на меня своими прекрасными, широко раскрытыми глазами.

— Какъ, это вы! Опять здѣсь, въ Каирѣ!—воскликнула она, точно бы передъ нею стояло видѣніе.

— Я, m-lle Сара, какъ видите,—отвѣчалъ я, невольно смутившись.

Дѣло въ томъ, что я познакомился съ этой дѣвушкой при очень грустномъ обстоятельствѣ, и въ послѣдній разъ видѣлъ ее въ дебряхъ Гаваона, недалеко отъ Іерусалима, въ очень трагическій моментъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, мы плыли на одномъ пароходѣ изъ Александріи въ Палестину и, не доѣзжая до Портъ-Саида, я узналъ грустную исторію ея семейства: вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ дѣвушка эта, еврейка изъ Одессы, ѣхала въ

Іерусалимъ послѣ извѣстнаго «еврейскаго погрома» въ Одессѣ въ маѣ 1881 года. Мать ея, нервная и болѣзненная женщина, умерла во время этого безчеловѣчнаго погрома, и отецъ, пораженный какъ всѣми событіями, такъ въ особенности ужасною смертью нѣжно любимой жены, едва не потерялъ разсудокъ, и порѣшилъ совсѣмъ бросить Россію и поселиться навсегда въ Іерусалимѣ.

Я съ ними встрѣчался потомъ и въ Іерусалимѣ, и однажды вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ экскурсію въ Гаваонъ, въ ту библейскую дебрь, гдѣ, по общему вѣрованію какъ евреевъ, такъ и христіанъ, Іисусъ Навинъ остановилъ склонявшееся къ закату солнце, чтобъ успѣть поразить враговъ, и оттуда мы проѣхали къ библейскому Веѳилю, гдѣ, по свидѣтельству Книги Бытія, Іегова являлся во снѣ Іакову и обѣщалъ дать ему и его потомству землю, на которой онъ лежалъ, всѣ земли къ востоку западу, югу и сѣверу.

Эта-то послѣдняя мѣстность и оставила во мнѣ ужасное воспоминаніе какъ объ отцѣ дѣвушки, такъ и о самой Сарѣ, которая носила это библейское имя. Когда мы прибыли на мѣсто развалинъ Веѳиля, отецъ ея, и безъ того страшно возбужденный и часто повторявшій непонятныя для насъ слова: «онъ обѣщалъ», вдругъ упалъ на землю, сталъ ее цѣловать, а потомъ, раскрывъ Библію, съ которой все время не разставался, началъ съ воплемъ читать то мѣсто, гдѣ говорится: «Я Іегова, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака. Не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему. И будетъ потомство твое какъ прахъ земной—и распространится къ западу, и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню, и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ племена земныя» (Кн. Быт. XXVIII, 10—19). И тутъ отецъ Сары началъ въ порывѣ отчаянья рвать на себѣ волосы и съ плачемъ кричалъ: «Онъ, Іегова, Богъ Израилевъ, все это обѣщалъ намъ, все, все! А насъ бьютъ вездѣ, гонятъ, преслѣдуютъ какъ хищныхъ звѣрей»...

Это была ужасная картина. Мы всѣ видѣли, что старикъ потерялъ разсудокъ, и это было странное помѣшательство... Онъ метался по землѣ, бился головой о камни, съ Сарой сдѣлалось дурно, такъ что мы съ ея братомъ и проводникомъ съ трудомъ привезли ихъ въ Іерусалимъ, изъ котораго я вскорѣ и уѣхалъ подъ самыми гнетущими впечатлѣніями.

И вдругъ!.. Сара здѣсь, въ Капрѣ... За нею стоялъ ея братъ Константинъ и другой, незнакомый мнѣ красивый еврей съ сильною просѣдью въ черныхъ волосахъ.

Вотъ почему я былъ смущенъ при видѣ этой прелестной дѣвушки. Ужасная сцена въ Веенлѣ не выходила у меня изъ головы, и я не зналъ о чемъ говорить. Между тѣмъ Сара смотрѣла весело, какъ будто ничего печальнаго не случилось, и скоро оправилась отъ изумленія неожиданной встрѣчи.

— Позвольте вамъ представить нашего друга,—заговорила она и остановилась въ нерѣшительности. — Но, — продолжала она вскорѣ,—такъ какъ вы упорно скрываете отъ насъ вашу фамилію, и мы не имѣемъ чести знать вашего имени...

— Вретъ, вретъ!—перебилъ ее братъ.—Знаетъ!

— Знаетъ?—изумился я.—Но вѣдь я не говорилъ.

— Какой же вы наивный!—улыбнулся братъ Сары.—Эти дѣвчонки хитрѣе чорта: когда вы уѣхали изъ Іерусалима, она успѣла сбѣгать въ «Mediterranean-Hôtel», гдѣ вы останавливались, и въ отельной книгѣ узнала вашу фамилію

Дѣвушка при этихъ словахъ вся покраснѣла и съ укоризной посмотрѣла на брата.

— Какой же ты болванъ!—сказала она, надувъ губки, а потомъ стыдливо обратилась ко мнѣ.—Правда, я сознаю, что это неделикатно, точно подглядывать или подслушивать...

— Или читать чужое письмо,—укололъ ее братъ.

— Правда, правда,—согласилась дѣвушка со слезами въ голосѣ,—я поступила, какъ дѣвчонка, глупо, не хорошо... Но вы простите меня... Вы были такъ добры къ намъ, деликатны... А мы, евреи, не привыкли къ этому въ Россіи... Оттого я и хотѣла узнать, кто вы, чтобъ всегда съ благодарностью вспоминать васъ...

Она протянула мнѣ руку и крѣпко пожала мою. Я отвѣчалъ тѣмъ же.

— Но будьте покойны,—продолжала она,—я не выдамъ вашего incognito.

Я поклонился и протянулъ руку незнакомому еврею.

— Имѣю честь представиться: бродяга,—сказалъ я.

— Очень пріятно: гробокопатель или, вѣрнѣе, мусорщикъ,—такъ же оригинально представился мнѣ и незнакомецъ.

Первымъ моимъ дѣломъ было, конечно, спросить Сару объ отцѣ и о томъ, какъ они попали въ Каиръ изъ Іерусалима.

— Вообразите, папѣ совсѣмъ лучше,—весело заговорила дѣвушка.—И всему причиной вотъ этотъ волшебникъ, господинъ мусорщикъ,—указала она на незнакомца.—Онъ насъ случайно нашелъ въ Іерусалимѣ, онъ давно шляется по Востоку... Онъ же нашъ старый пріятель еще по Одессѣ...

— Какъ же!—улыбнулся этотъ послѣдній.—Когда-то m-lle Сару еще на рукахъ носилъ и кормилъ пряниками... А теперь вонъ какая!

— Правда, правда!—засмѣялась дѣвушка.—Точно въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

«Какъ Таня выросла! Давно-ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— «А я такъ на руки брала!»
— «А я такъ за уши драла!»
— «А я такъ пряникомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

— Это не на вашъ счетъ, господа!—лукаво обратилась она ко мнѣ и къ незнакомцу.—Такъ вотъ,—продолжала она,—этотъ волшебникъ, увидавъ папу въ такомъ ужасномъ положеніи и узнавъ въ чемъ дѣло, разомъ накинулся на насъ мокрымъ рядномъ. Да развѣ вы, говоритъ, не видите, что онъ оттого именно и помѣшался, что попалъ въ Іерусалимъ послѣ всѣхъ ужасовъ Одессы и наэлектризованный постояннымъ чтеніемъ Библіи. Вонъ его, говоритъ, отсюда. А вы его еще, говоритъ, въ Веѳиль пустили: да это просто ядъ для возбужденнаго мозга, отрава!

— Въ самомъ дѣлѣ, — заговорилъ незнакомецъ, — представьте себѣ человѣка, потрясеннаго страшными событіями до галлюцинацій, до потери сна, и притомъ наэлектризованнаго еврейскою идеей; человѣка, глубоко вѣрующаго въ то, что говоритъ священное преданіе вмѣстѣ съ тысячелѣтними народными вѣрованіями въ судьбы еврейскаго народа, и вдругъ этотъ больной человѣкъ очутился въ Іерусалимѣ, мало того, онъ видитъ тѣ мѣста, гдѣ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, гдѣ Іегова давалъ такія широкія обѣщанія еврейскому народу, а этотъ Божій народъ громятъ, бьютъ... Понятно, что человѣкъ не выдержалъ...

— Ну, и что-жъ?—спросилъ я.

— Да мы его тотчасъ увезли изъ сумасшедшаго дома, то есть изъ Палестины,—отвѣчалъ незнакомецъ,—вы знаете, душевныя болѣзни заразительны, это доказала наука на нервныхъ субъектахъ.

— Вотъ и Сара у насъ съ ума сошла,—мимоходомъ кинулъ ея братецъ,—Египтомъ забредила.

— Эхъ, Костя!—вспыхнула дѣвушка.—Съ ума сошла! А тебѣ и сходить-то не съ чего.

— Что же теперь вашъ папа?—спросилъ я ее, желая замять вспышку.

— Ахъ, папа значительно успокоился, вотъ увидите... Да вы гдѣ здѣсь остановились?

— Въ «Hôtel royal».

— Ахъ! У m-me Romand! И мы тамъ... Она наша одесситка.

II. Къ развалинамъ Мемфиса.

Разговаривая такимъ образомъ, мы усѣлись на верхней платформѣ павильона.

Вечерѣло. Надъ Каиромъ, отъ пальмъ, минаретовъ и башенъ все болѣе и болѣе удлинялись тѣни. Въ небѣ орлы продолжали свой жалобный клекотъ. Въ воздухѣ, словно ласточки, рѣяли летучія мыши, которыхъ такое множество въ Египтѣ, конечно, благодаря его развалинамъ.

Подъ нами, въ саду, продолжалась та же дикая музыка, унаслѣдованная египтянами, быть можетъ, еще съ того времени, когда строились пирамиды и когда этой дикой музыкой жрецы славили своего четвероногаго бога, жевавшаго траву.

Пѣлъ какой-то мужской голосъ, и тоже что-то дикое, безумное.

Тамъ же, внизу, словно тѣни, въ полумракѣ африканскаго вечера бродили по аллеямъ, въ одиночку, темныя, закутанныя съ головы до ногъ, таинственныя фигуры... Я уже зналъ кто это: я видѣлъ ихъ во время моего перваго пребыванія въ Каирѣ...

Я глядѣлъ на Сару. Она загорѣла, и это еще болѣе увеличивало ея типическую, библейскую красоту: не доставало только,

вмѣсто европейскаго платья, легкаго покрывала на стройномъ тѣлѣ и глинянаго водоноса на черноволосой головѣ.

— Вы какъ попали сюда?—спросила она меня, замѣтивъ мой взглядъ.

— Да изъ Александріи: пока тамъ нагружается «Aglaja», я рѣшилъ побывать на развалинахъ Мемфиса, чтобы вспомнить Апду и Аменрисъ.

— А пирамиды вы уже видѣли, кажется?

— Да, и на вершинѣ Хеопса выкурилъ не одну папиросу Асмолова.

— А когда въ Мемфисъ?

— Думаю, завтра.

— Ахъ, возьмите и меня съ собой.

— И меня,—вмѣшался незнакомецъ,—я тамъ ужъ весь щеоень перерылъ и буду вашимъ гидомъ.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула Сара.—Возьмете насъ?

— Еще бы! Когда самъ кладъ дается въ руки: завтра же пораньше и въ путь.

Скоро совсѣмъ стемнѣло, и мы спустились внизъ съ своей обсерваторіи. Въ саду зажигали фонари. Музыка продолжала свои дикія мелодіи. Бурнусы, чалмы и фески торжественно двигались по аллеямъ. Иногда попадалась навстрѣчу женская фигура, задрапированная во все темное и съ прорѣзами для глазъ, которые напоминали длинные глаза сфинксовъ.

— Какъ! И египтянки показываются въ саду?—удивилась Сара.—Я днемъ ихъ не видѣла.

— Это муміи изъ катакомбъ,—шутя сказалъ ея братъ;—эти мертвецы показываются только ночью.

— Ахъ, какъ страшно!—не шутя содрогнулась дѣвушка.

— Но эти мертвецы не страшны,—успокоилъ ее «гробокопатель»,—ихъ и въ Одессѣ на Ришельевскомъ бульварѣ по вечерамъ можно встрѣтить.

Мы вышли изъ саду и знакомыми улицами пошли къ отелю, который былъ недалеко отъ сада и отъ площади «Ezbekieh».

Посидѣвъ немного въ общей залѣ отеля, мы условились встать на другой день какъ можно раньше, задолго до восхода солнца, и чуть свѣтъ отправиться къ пирамидамъ, и главное, къ развалинамъ Мемфиса. Я съ вечера же заказалъ просторную четырехмѣстную коляску.

Утромъ, едва я проснулся и еще не могъ дать себѣ отчета, гдѣ я и что со мной, какъ въ дверь мнѣ кто-то робко постучалъ. Я думалъ, что это моя черномазая горничная, милѣйшій нубіецъ Ахметъ, и потому отозвался по-русски, зная, что все равно онъ не пойметъ меня.

— Ладно, ладно, ефіопъ этакій! Знаю самъ, еще рано совсѣмъ темно.

— Нѣтъ, не рано,—отозвался вдругъ мелодичный голосокъ.

Это былъ голосъ Сары: ее подмывало нетерпѣніе поскорѣе ѣхать къ пирамидамъ.

— Ахъ, это вы, разбойница!—невольно разсмѣялся я.

— Я, я! Вставайте скорѣй, а то опоздаемъ.

— Да еще темно, милая Юдиѳь!

— Вовсе не темно, противный Олоферпъ! Вставайте, а то я вамъ голову отрублю.

— Помилуй Богъ, какъ страшно! Сейчасъ, сейчасъ встану, только не рубите.

Слышу, плутовка разсмѣялась и убѣжала. Нечего дѣлать, надо было вставать.

Когда я, скоро напившись кофе, спустился внизъ, то засталъ всѣхъ готовыми. Сара была въ сильномъ возбужденіи; глаза ея горѣли.

— Ахъ, какъ вы долго, господинъ Олоферпъ!—поспѣшила она ко мнѣ.

— Успокойтесь, госпожа Юдиѳь, еще усѣемъ,—засмѣялся я, здороваясь со всѣми.

— Да она совсѣмъ спятила,—замѣтилъ ея братъ,—и мнѣ спать недала. Пришла, ботаетъ въ дверь кулаками и декламируетъ какіе-то глупые стихи.

— Ахъ, Костя! Вовсе не глупые, а прелестные! Вообразите...

И Сара, схвативъ меня за рукавъ, потащила къ выходу

— Вообразите, для него это глупые стихи:

Я пришла къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся—вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жажды!

— Скажите, развѣ это глупые стихи? Такая прелесть!

Мнѣ оставалось только согласиться съ этой очаровательной дѣвушкой, а нашъ «гробокопатель» не сводилъ съ нея очарованныхъ глазъ.

У подъѣзда отеля уже стояла очень щегольская коляска, а на козлахъ ея возсѣдали двѣ эффектныя фигуры, кучеръ-нубіецъ въ бѣломъ бурнусѣ и кавасъ, приглашенный г. «гробокопателемъ» въ качествѣ власти на страхъ бродячимъ бедуинамъ степи. Около лошадей вертѣлся мальчикъ, лѣтъ 11 — 12, въ синей рубашкѣ до колѣнъ и съ разстегнутымъ воротомъ. На головѣ у него была коричневая войлочная скуфейка, а въ рукѣ длинная камышевая трость. Этотъ черномазый, хорошенькій мальчикъ былъ тоже нубіецъ: онъ состоялъ при нашей коляскѣ въ качествѣ «саиса» или скорохода, обязанность котораго въ Египтѣ состоитъ въ томъ, что онъ всегда бѣжитъ впереди экипажа и, размахивая своею тростью, кричитъ, сгоняя съ дороги прохожихъ: «оа!» (берегись) «шималекъ!» (налѣво) «іеминекъ!» (право) «ригланъ!» «оизекъ!».

Увидавъ насъ, онъ сверкнулъ своими прелестными глазами и бѣлыми, какъ жемчугъ, зубами.

— Ахъ, какой восхитительный мальчикъ!—сказала Сара, подходя къ нему.

Маленькій «саисикъ» весело улыбнулся.

— А я тебѣ, поросенокъ, не позволю бѣжать десять-двадцать верстъ,—сказалъ я, потрепавъ его по плечу.

— О, сагибъ, сагибъ!—оскалилъ онъ свои жемчуга.

— То-то, сагибъ, садись на козлы, ефіопская твоя мордочка. По городу еще можешь пробѣжаться, а какъ доѣдемъ до Нила, я тебя усажу на козлы.

Мы усѣлись. Я рядомъ съ Сарой, а противъ насъ ея братъ и г. гробокопатель, котораго Сара называла «герръ Мошеле». Будемъ и мы его такъ называть.

Коляска тронулась, а «саисъ» побѣжалъ впередъ, размахивая своей тростью. Хотя еще было очень рано, но на улицахъ попадались уже пѣшеходы и ослики, нагруженные плетенками, зеленью и всякою провизіей. Утро было прелестное.

— Оизекъ! Іеминекъ! Шималекъ!—слышались впереди возгласы нашего «саисика».

Попадались уже и караваны верблюдовъ, приближеніе которыхъ узнавалось издали по монотонному, какому-то тоскливому звяканью длинныхъ желѣзныхъ колокольчиковъ, подвѣшиваемыхъ къ шеѣ передового въ караванѣ верблюда.

Сара была вся восторгъ и волненіе.

— Ахъ! Это что-то волшебное! Все это такъ не похоже на Европу!—говорила она, безпокойно вертясь въ экипажѣ.

Передъ нами, вдали, на туманномъ горизонтѣ, уже виднѣлись, хотя смутно, массивы пирамидъ, подымавшихъ свои головы изъ-за букетовъ гигантскихъ пальмъ. Вершина Хеопса уже покрывалась розовымъ налетомъ отъ подымающагося гдѣ-то солнца, котораго мы еще не видѣли.

— Ахъ, какое утро! — не унималась наша энтузіастка.— Такъ и хочется декламировать Данте:

Dolce color d'oriental zaffiro,
Che s'accoglieva nel sereno aspetto...

— Ну, развязала мѣшокъ, почнетъ теперь сыпать горохомъ,—проворчалъ братъ.

— Пожалуйста, Костя, не перебивайте ее,—вступился герръ Мошеле.

— Пожалуйста, продолжайте,—настаивалъ и я.

— Такъ слушайте дальше,—радостно сказала Сара:—нѣтъ, сначала, а то гармонія стиха теряется:

Dolce color d'oriental zaffiro,
Che s'accoglieva nel sereno aspetto
Del'aer puro infino al drimo giro,
Agli occhi mibi ricomincio diletto...
Lo bel pianeta ch'ad amar conforta
Taceva tutto rider l'oriente...

— Дивная тармонія!—воскликнулъ герръ Мошеле, смотря съ восторгомъ на дѣвушку.—Но хотя я читаю по-итальянски, однако, по слуху, не все уловилъ, что вы такъ прелестно декламировали, милая Сара.

— Ну, такъ я продекламирую вамъ это по-русски,—улыбнулась дѣвушка, феноменальная память которой и прежде приводила меня въ изумленіе. — Слушайте, я вычитала это у Норова:

Въ отрадный цвѣтъ восточнаго сапфира
Былъ облеченъ весь ясный небосклонъ
До горнихъ странъ невидимаго міра!
Блаженствомъ мнѣ повѣялъ въ душу онъ..
Любви предвѣстница, прекрасная планета
Небесной радостью румянила востокъ...

— Удивительная память!—невольно вырвалось у меня.—Я и самъ это читалъ недавно у Норова; но можно ли запомнить все отъ слова до слова! А скажите, пожалуйста, m-lle Сара, откуда вы такъ хорошо знаете итальянскій языкъ?

— Отъ мамы и папы: мама родилась и выросла въ Венеціи, и мы съ дѣтства говорили на языкѣ Данта и Петрарки.

— Оа! Іеминекъ! — крикнулъ нашъ маленькій «саисикъ», летя впереди экипажа, хотя Нилъ давно остался за нами.—Іеминекъ! Оа!

— Ахъ ты негодный еѳіопикъ!—невольно закричалъ я.—Онъ все бѣжитъ... Стой! На козлы его.

Герръ Мошеле велѣлъ возницѣ остановиться, онъ немного зналъ по-арабски, и мальчика усадили на козлы между пубійцемъ и кавасомъ. Еѳіопикъ былъ въ восторгѣ и все оглядывался на насъ, сверкая своими жемчугами.

III. Безсознательный порывъ любви.

Теперь пирамиды высились передъ нами на горизонтѣ во всемъ ихъ дикомъ величіи. Онѣ уходили въ Ливійскую степь какъ бы уступами. Впереди, на первомъ планѣ, какъ исполинскій фланговый, стояла пирамида Хеопса, высочайшая и массивнѣйшая изъ всѣхъ пирамидъ. Ея величіе и таинственность изумляли когда-то даже Геродота, посѣтившаго пирамиды за 484 года до христіанской эры, 2.373 года тому назадъ.

За нею, отступя немного влѣво и вглубь Сахары, высится пирамида Хефрена. Еще лѣвѣе и глубже—Микерина. За дымкою дали встаетъ еще группа пирамидъ, меньшихъ. Онѣ словно вырастаютъ изъ песчаныхъ волнъ Ливійской степи.

Сара глядѣла на все это широко-раскрытыми, точно испуганными глазами.

— И говорятъ, что все это построено руками нашихъ предковъ іудеевъ,—тихо говорила она, словно въ забытьи.—Удивительная судьба нашего народа...

— Да,—съ своей стороны замѣтилъ герръ Мошеле,—тѣмъ болѣе удивительна, что эти самыя пирамиды—не египетскіе памятники, а еврейскіе.

— Какъ еврейскіе!—удивилась дѣвушка.

— Да, милая Сара: они — наши, еврейскіе, и я это докажу вамъ.

На лицѣ дѣвушки отразилось недоумѣніе; въ глазахъ сверкнуло любопытство.

— Сфинксы—это египетскіе памятники,—продолжалъ герръ Мошеле,—храмы, колоннады, статуи, хотя бы гигантскія статуи Мемнона и Сезострисовъ-Рамсесовъ—все это египетскіе памятники; а пирамиды—неотъемлемо наши, еврейскіе.

— Твои куклы,—подмигнулъ Сарѣ братъ.

— Перестань! Но ваши слова не доказательство,—возразила дѣвушка своему собесѣднику.

— Я приведу и доказательства, — серьезно отвѣчалъ послѣдній. — Извѣстно, что слово Египетъ — позднѣйшее, греческое; въ древности же эта страна называлась Хеміей и Мицраимомъ; Хеміей—по имени будто бы Хама, потомство котораго заселило всю дельту Нила, Мицраимомъ—по имени Мицраима, сына Хамова. Но это не важно, потому что самъ Хамъ могъ быть только поэтическимъ вымысломъ, а важно то, что типъ египтянъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ въ себѣ ничего африканскаго, негритянскаго: и эти Рамсесы-статуи, и эти Мемноны, и типы на іероглифахъ, и самые сфинксы, все это не африканскіе типы, а азіатскіе, юго-востока Азіи и Индіи. Изъ этихъ типовъ, то есть изъ преобладающаго восточнаго типа выработался нашъ прекрасный еврейскій типъ, который ошибочно называютъ кавказскимъ, кавказскою расою, образцомъ красоты на земномъ шарѣ.

Глядя теперь на прелестное, воодушевленное и взволнованное личико Сары, я готовъ былъ согласиться съ теоріей герръ Мошеле: ничего подобнаго я не видѣлъ на Кавказѣ.

— Хорошо,—сказала она весело,—но пирамиды? Ахъ, глядите, что за грандіозность!

— Не вознсь такъ, Сарка!—проворчалъ ея братъ.—Ты самую мою любимую мозоль разбередила.

Дѣвушка засмѣялась.—Прости, милый Костя.—Ну?

— Ну, вотъ я вамъ и докладываю,—улыбнулся герръ Мошеле.—Всѣ признаютъ, что построеніе пирамидъ принадлежитъ къ самой ранней исторіи Египта. Даже Геродоту ничего не могли сказать жрецы о времени ихъ построенія, потому что не знали, кто были этотъ Хеопсъ и этотъ Хефренъ, и когда они жили. Что это были не египетскіе памятники, а еврейскіе, можно судить по одному мѣсту у Геродота, гдѣ онъ говоритъ, что въ его уже время египтяне такъ ненавидѣли имена царей, построившихъ пирамиды, что самыя эти пирамиды презрительно называли именемъ какого-то «пастуха Филитиса», который въ то время пасъ тутъ свои стада. Этотъ собирательный, коллективный «пастухъ» и былъ еврейскій народъ, народъ пастушескій, управлявшійся своими царями-«пастухами» или «пастырями», патріархами. Оттого и историкъ Манетонъ, или Манеѳонъ, говоритъ, что первый извѣстный по имени египетскій царь, полумифическій Менесъ, построилъ Мемфисъ, куда мы теперь ѣдемъ, но отнюдь не пирамиды, которыя существовали цѣлыя тысячелѣтія до Менеса. Оттого же, наконецъ, и египетскіе жрецы утверждали, что до Менеса Египтомъ правили сами боги, иначе—ѳеократическіе «пастухи», «пастыри», то есть, тѣ же еврейскіе вожди.

Эта теорія еврейства пирамидъ особенно волновала и радовала Сару.

— Такъ Хеопсъ былъ еврей?—спросила она.

— Несомнѣнно еврей, и вотъ почему: евреи до Менеса владѣли не всѣмъ Египтомъ; владѣнія и поселенія ихъ не простирались до Ѳивъ; а они владѣли всѣмъ нижнимъ теченіемъ Нила и главное, всею его дельтою, самою плодородною его частью и самою удобною для скотоводства. Оттого и пирамиды находятся только здѣсь, около Каира-Мемфиса и нѣсколько выше; самыя южныя и послѣднія пирамиды это у Меридова озера; но и оно принадлежитъ уже дельтѣ Нила.

— А пирамида Могамеріе или Комъ-эль-Лахмаръ выше Ѳивъ?—озадачилъ я его.

— Но это ничтожная пирамида и могла быть выстроена въ подражаніе еврейскимъ пирамидамъ, — отвѣчалъ еврей-энтузіастъ.

— Можетъ быть,—согласился я.

— Ну, говорите же, говорите!—нетерпѣливо понукала Сара своего соотечественника-энтузіаста.

— Говорю, говорю! Не волнуйтесь, хорошая дѣвочка!—съ любовью отвѣчалъ ей герръ Мошеле.—До сихъ поръ я объяснялъ вамъ мою гипотезу, какъ гипотезу.

— Но этой гипотезы, гипотезы еврейскаго происхожденія пирамидъ, держится и нашъ Норовъ,—пояснилъ я.

— Да? Тѣмъ лучше... А онъ у васъ, кажется, одинъ изъ христіаннѣйшихъ писателей?

— Да, это совершенно вѣрно,—отвѣчалъ я.

— Повторяю: тѣмъ лучше. Ну-съ, отъ гипотезы, милая дѣвочка, теперь я перехожу къ фактамъ, къ исторіи. Фактическая исторія Египта въ первый разъ заговорила о евреяхъ ровно 4.000 лѣтъ тому назадъ, даже болѣе, 4.040 лѣтъ. Она говоритъ, что за 2.159 лѣтъ до христіанской эры на Египетъ напали «пастухи» (гигсосы») и изгнали царей-фараоновъ, которые и удалились на югъ, къ Ѳивамъ. Эти «пастухи» были евреи, милая дѣвочка, и они такъ жестоко обошлись съ покоренною страной, съ нижнимъ Египтомъ, что все уничтожили: храмы, памятники и всѣ зданія.

— Но зачѣмъ же они напали на Египетъ, когда они же, евреи, вы говорите, раньше Менеса владѣли Египтомъ цѣлыя тысячи лѣтъ и построили эти пирамиды? — спросила въ недоумѣніи Сара.

— А затѣмъ, милая дѣвочка, что когда Египтомъ овладѣлъ Менесъ, не еврей, а лубіецъ, то евреи были вытѣснены изъ Египта опять на востокъ, въ Палестину, и уже за 2.159 лѣтъ до христіанской эры снова напали на Египетъ и одержали побѣду надъ царями-фараонами. Это уже историческіе факты. И вотъ тутъ-то они и разрушили всѣ египетскіе фараонскіе храмы и памятники, а пирамиды пощадили.

— Да? Это правда?—встрепенулась Сара.

— Неопровержимая правда, милая дѣвочка, А вотъ и доказательства: одинъ археологъ, нѣкто Бельцони, въ одной изъ здѣшнихъ пирамидъ нашелъ плиту, на которой были изображены іероглифическія начертанія, и эта сторона плиты была положена лицомъ внизъ, къ цементу, а не начертаніями наружу. Это несомнѣнно доказываетъ, что плита эта взята была евреями-побѣдителями отъ какого-нибудь разрушеннаго ими храма фараоновъ и послужила матеріаломъ для постройки новой пирамиды.

— Но тогда для чего же евреи строили такія странныя зданія?—не унималась любознательная дѣвушка.

— Ахъ, да, виноватъ, милая Сара, — перебилъ ее герръ Мошеле,—я забылъ еще одно доказательство въ пользу еврейской теоріи пирамидъ. Всѣ храмы и всѣ памятники Египта испещрены не только іероглифами, но иногда цѣлыми фигурами царей, людей, изображеніями разныхъ сценъ и битвъ; а на пирамидахъ ничего подобнаго! Хоть бы одно начертаніе, хоть бы знакъ!

— Такъ пирамиды наши памятники, еврейскіе?—съ дѣтской гордостью спросила Сара, взглянувъ на меня и дружески мнѣ улыбнувшись.

— Наши, наши, милая дѣвочка!

— А отчего жъ нѣтъ ихъ въ нашей землѣ, въ Палестинѣ?

— Оттого, милая дѣвочка, что въ Палестинѣ мы поселились гораздо позднѣе, когда періодъ построенія пирамидъ уже изгнанъ былъ изъ еврейской архитектуры болѣе изящными формами построеній.

— Но все-таки я не понимаю цѣли построенія пирамидъ,— не унималась юная еврейка.

— А цѣли, милая Сара, могли быть разныя: это могли быть гробницы царей, какъ это и было въ самомъ дѣлѣ; потомъ онѣ ставились оплотомъ отъ песковъ Сахары, которые могли засыпать цѣлые города.

— Да, это правда,—согласилась Сара,—а въ Палестинѣ пирамиды не имѣли бы смысла: тамъ нѣтъ Сахары, а есть горы не меньше пирамидъ, въ нѣдрахъ которыхъ и хоронили нашихъ царей. Вы видѣли около Іерусалима гробницы царей?—обратилась она ко мнѣ.

— Какъ же!—отвѣчалъ за нее братъ.—А еще мѣшокъ съ горохомъ на плечахъ вмѣсто головы.

— А что?—удивилась Сара.

— Растеряла свой горохъ подъ пирамидами,—усмѣхнулся братъ,—«dolce color d'oriental zaffiro» и всякую дребедень помнишь, а это и забыла.

— Да что ты, Костя, пристаешь? Отвяжись

— Да онъ хочетъ сказать вамъ, напомнить, mlle Сара,— вступился я,—онъ хочетъ вамъ напомнить, что мы вмѣстѣ ви-

дѣли около Іерусалима гробницы царей, когда ѣхали къ Гаваону и къ Веѳилю.

— Ахъ, да! Помню этотъ ужасный день,—печально сказала дѣвушка.—Изъ него у меня удержался въ памяти только этотъ страшный конецъ въ Веѳилѣ, гдѣ я думала, что съ ума сойду. Да, ужасный это былъ день.

Въ это время коляска наша остановилась: ѣхать было некуда, впереди пески, песчаное море.

— Здравствуйте, н а ш и пирамиды! — весело воскликнула Сара, выскакивая изъ экипажа. — Боже, какая громада этотъ Хеопсъ!

Но такъ какъ братъ ея любилъ, повидимому, во всемъ противорѣчить сестрѣ, то и этого наивнаго восклицанія онъ не могъ ей простить.

— Ужъ если этихъ уродовъ и построили наши предки, то нельзя сказать, чтобъ они отличались изяществомъ вкуса,—замѣтилъ онъ,—просто каменныя кучи!

— Но какія грандіозныя!—возражала сестра.

— Что-жъ тутъ грандіознаго? Никакой фантазіи.

— Не говорите этого, мой другъ, — остановилъ молодого еврея герръ Мошеле, — напротивъ, въ пирамидахъ я нахожу замѣчательный полетъ фантазіи, могучій полетъ: видно, что мысль творцовъ пирамидъ, какъ порывъ титановъ, рвалась къ небу. Развѣ вы этого не видите? Развѣ Кельнскій соборъ не такой же полетъ мысли къ небу, къ безпредѣльному? Но только тамъ силы меньше, полету мало, вся сила ушла въ детали, въ башеньки, въ крестики. А здѣсь цѣльная могучая мысль, не размѣнявшаяся на детали, на мелочи. Это тотъ же Вавилонскій столпъ: и тѣ гиганты, которые строили его, думали добраться до неба. Это были дикари, съ дикими порывами, но въ нихъ была сила. Пирамиды—это допотопный стиль зодчества. Это та же знаменитая башня Белуса, о которой говорятъ Геродотъ и Страбонъ, и утверждаютъ, что она имѣла форму пирамидъ. Все это гиганты допотопнаго міра, это мамонты архитектуры, мамонты, которые давно исчезли въ царствѣ животныхъ, а наши, еврейскіе, мамонты не исчезли, какъ не исчезнемъ и мы, евреи, никогда! Не исчезнемъ вовѣки, пока стоятъ пирамиды, а пирамиды будутъ стоять стоитъ земной шаръ и вращается на своей оси!

Я не узналъ этого серьезнаго еврея, столько было огня въ его глазахъ, столько воодушевленія! Сара глядѣла на него, какъ очарованная: въ прекрасныхъ глазахъ ея сверкали слезы, слезы гордости, счастья, умиленія.

— Вѣрьте мнѣ,—продолжалъ энтузіастъ-еврей, протягивая руку къ пирамидамъ,—если исчезли съ лица земли тѣ гиганты, которые строили Вавилонскую башню, если исчезли и тѣ, которые соорудили башню Белуса, если, наконецъ, разсыпалась прахомъ та каменная гора, которую нагромоздилъ вавилонскій царь Небуласаръ для своей любимой жены, рожденной въ гористой Мидіи и тосковавшей по горамъ своей родины, если все это исчезло, обратилось въ прахъ, а строители этихъ чудовищъ забыты, то никогда не будутъ забыты строители пирамидъ, никогда не исчезнутъ съ лица земли евреи, какъ не разсыпятся въ прахъ пирамиды! Все исчезаетъ—народы, царства, все смѣняется и вытѣсняется изъ жизни точно въ калейдоскопѣ, одни евреи и ихъ идеи безсмертны!

— Боже!—и Сара бросилась энтузіасту на шею.

— Вотъ умница! Давно пора бы... Это единственно умное дѣло, что ты сдѣлала въ жизни, — сказалъ съ добродушною улыбкою ея братъ.

Дѣвушка опомнилась, отскочила, какъ ужаленная, и заплакала, какъ ребенокъ.

— Ну, вотъ опять дура! — проворчалъ братъ и махнулъ рукой.

Энтузіастъ стоялъ также растерянный, блѣдный.

IV. Сезострисъ выручилъ.

Я былъ очень радъ, что случай свелъ меня съ этимъ интереснымъ евреемъ. Онъ, повидимому, много читалъ о Востокѣ, много думалъ и былъ страстный приверженецъ еврейской идеи въ томъ смыслѣ, какъ она выразилась въ исторіи человѣчества.

Одного я не могъ замѣтить, это то, что онъ былъ неравнодушенъ къ Сарѣ, и объ этомъ я догадался только теперь, послѣ намека брата прекрасной дѣвушки.

Скоро, однако, она оправилась, утерла слезы и разсмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, я дура,—сказала она мнѣ,—приняла

его (она указала на герра Мошеле) за пирамиду Хеопса и бросилась на нее.

Онъ тоже разсмѣялся.

— Только, милая Сара, я совсѣмъ не каменный,—замѣтилъ онъ, сверкнувъ глазами.

Между тѣмъ наша коляска, обогнувъ нѣсколько лѣвѣе пески, остановилась и поджидала насъ на дорогѣ къ ближайшему отъ Мемфиса селенію, Абузиръ. Чтобы достигнуть экипажа, мы пошли прямымъ путемъ черезъ песчаное море и долго вязли въ его сыпучихъ волнахъ.

— Вы не такъ ступаете, милая Сара,—говоритъ герръ Мошеле, бодро шагая по песку,—вы ударяйте по песку ногой сразмаху, чтобъ онъ разлетался, какъ вода, и тогда нога ваша не будетъ вязнуть... Вотъ такъ: разъ-два! разъ-два!

— Разъ-два! Разъ-два!—звонко залилась дѣвушка.—А все у меня полны ботинки песку.

— Ничего, послѣ вытряхнете.

Съ трудомъ мы переплыли черезъ это море, ужъ истинно сухое море! Но надо было видѣть, какъ легко и граціозно бѣжалъ по этимъ песчанымъ волнамъ нашъ хорошенькій «саисскъ», онъ просто скользилъ по песку и, оглядываясь на насъ, весело смѣялся.

Но вотъ мы у экипажа.

— Господи! Да у меня по цѣлому пуду песку въ каждой ботинкѣ,—пищала Сара.

— Такъ сними ботинки, вытряхни,—совѣтовалъ братъ.

— Совѣстно, Костя.

— Совѣстно показать ногу въ чулкѣ! А не совѣстно быть полуголой въ бальномъ платьѣ? Вотъ женская логика! — изумлялся молодой еврей.

Сара, однако, благоразумно послушалась брата и разулась.

Наконецъ, песокъ былъ вытряхнутъ, и мы снова въ экипажѣ.

Вотъ и Абукиръ, окруженный прелестною пальмовою рощей.

Оставивъ экипажъ въ селеніи, мы отправились пѣшкомъ къ другой пальмовой рощѣ у селенія Митрахинъ.

— Всю эту обширную площадь занималъ Мемфисъ,—сказалъ герръ Мошеле, обводя рукою огромное пространство отъ южнаго горизонта до сѣвернаго.—Одинъ арабскій писатель, ви-

дѣвшій Мемфисъ уже въ развалинахъ, говоритъ, что эти развалины тянулись на пространствѣ «полъ-дня пути».

— Полъ-дня пути! — воскликнула Сара. — Да вѣдь это больше Парижа, больше Лондона; и Москва, и Петроградъ передъ нимъ—ничтожныя, маленькія деревушки.

— Да; но вѣдь этотъ Мемфисъ и Ѳивы владѣли когда-то полміромъ; однихъ воротъ въ Ѳивахъ было сто, и оттого городъ этотъ назывался «стовратными Ѳивами». Такъ-то, милая дѣвочка!

Мы шли среди стволовъ гигантскихъ пальмъ. Сколько нужно было столѣтій, чтобъ на развалинахъ города успѣли вырости такія пальмы! А вѣдь это дерево дѣйствительно растетъ столѣтіями и тысячелѣтіями.

Я не менѣе Сары чувствовалъ волненіе, которое осложнялось горькимъ сознаніемъ того ничтожества, какимъ является человѣкъ въ потокѣ столѣтій.

Кое-гдѣ изъ-за стволовъ пальмъ выглядывали обломки капителей...

— И это Мемфисъ!—грустно шептала дѣвушка. — Здѣсь даже большее разрушеніе, чѣмъ въ Іерусалимѣ.

— Да, потому что развалины Мемфиса затянуты иломъ Нила, который, прорвавъ плотины, когда-то защищавшія городъ, все затопилъ въ половодье и съ каждымъ годомъ наносилъ все болѣе и болѣе илу,—пояснилъ герръ Мошеле.—Первый ударъ нанесенъ былъ Мемфису ефіопскимъ царемъ Сабакономъ. Послѣ—Камбизъ и Навуходоносаръ добили его! Я помню пророчество Іереміи о разрушеніи Мемфиса: «Стой говоритъ пророкъ, и проготовься, ибо мечъ и огонь пожрутъ тебя... Мемфисъ будетъ лежать въ запустѣніи и имя его будетъ, у в ы!»

— Увы!—повторила Сара со слезами на глазахъ.

Но вдругъ всѣ въ изумленіи остановились. Передъ нами въ лощинѣ лежалъ, поверженный внизъ гранитнымъ лицомъ, колоссальный истуканъ. До половины гигантъ этотъ вросъ въ землю, жалкая картина человѣческаго величія!

— И знаете, кто это?—спросилъ насъ еврей.

Мы смотрѣли на него вопросительно, мы не знали, кто это.

— Это великій Сезостристъ-Рамсесъ, покоритель всего тогдашняго міра...

— Боже! Какой ужасъ! Это его статуя?

— Его, милая Сара: это та статуя, о которой Геродотъ говоритъ, что она высилась у преддверія храма Фта; а теперь отъ этого храма и слѣдовъ не осталось... Одинъ владыка міра валяется, какъ гигантское бревно, подтверждая пророчество Езекіиля... Поразительно!—обратился ко мнѣ герръ Мошеле.—Вы читали этого пророка?

— Читалъ,—отвѣчалъ я.

— А помните пророчество вотъ объ этомъ?—онъ указалъ на поверженнаго исполина.

— Гдѣ же все упомнить!

— А я помню... Я сравнивалъ еврейскій текстъ съ славянскимъ и нахожу,что въ славянскомъ текстѣ великолѣпно передано это пророчество.

— А какъ именно?—полюбопытствовала Сара.

— Вотъ какъ, милая Сара: «Тако глаголетъ Адонаи-Господь: се Азъ на тя, фараонъ, царь египетскій, крокодилъ великій, лежащій среди рѣкъ своихъ, который сказалъ: моя рѣка сія и я создалъ ее себѣ. Затѣмъ дамъ узду въ челюсти твои и прилѣплю рыбы рѣки твоея къ чешуямъ твоимъ... И покину тебя въ пустынѣ, тебя и всѣхъ рыбъ рѣкъ твоихъ. На лицо поля низвергнешься, и не подымутъ тебя, и не соберутъ тебя»... (Езек. XXIX, 3—5).

— Ахъ, какъ это вѣрно!—воскликнула дѣвушка.— Крокодилъ великій, лежащій среди рѣкъ своихъ... Да, лежитъ какъ гигантскій крокодилъ... Какъ это вѣрно и какъ это грустно!

— Что грустно? Что этотъ болванъ валяется?—спросилъ ее братъ.

— Да, Костя.

— А лучше бы было, чтобъ этотъ звѣрь былъ живъ?

— Да нѣтъ же! Грустно, что все, все проходитъ.

— «И покину тебя въ пустынѣ»,—задумчиво произнесъ герръ Мошеле.

— Да, именно въ пустынѣ, на развалинахъ, хотя среди пальмъ.

— «И прилѣплю рыбы рѣки твоея къ чешуямъ твоимъ»,— продолжалъ еврей.

— Боже, какъ вѣрно! Смотрите, смотрите!—схватила меня за рукавъ Сара.—Вонъ и чешуи у него на шлемѣ и на панцырѣ.

— Удивительно!—не могъ не согласиться и я.

— Да, поразительное пророчество,—продолжалъ еврей.—«На лицо поля низвергнешься, и не поднимутъ тебя, и не соберутъ тебя»...

Для меня это была поразительная картина, и еврей-энтузіастъ такъ удачно привелъ это пророчество Езекіиля. Въ моемъ воображеніи вставала другая картина, которую такъ легко было воспроизвести на основаніи всего, что я уже видѣлъ... Величайшій городъ, раскинувшійся на десятки верстъ, да не нашъ европейскій шаблонный городъ, а какой-то сказочный, фантастическій, вотъ съ такими статуями и каріатидами, съ лѣсомъ колоннъ въ видѣ пальмъ, съ необычайными храмами и цѣлыми аллеями гигантскихъ сфинксовъ... А на заднемъ фонѣ картины пирамиды, пирамиды безъ конца... Воздухъ оглашаетъ дикая, адская музыка... Процессіи воиновъ, жрецовъ... Милліонная процессія идетъ привѣтствовать своего бога... И богъ выходитъ, это быкъ, жующій зеленую траву...

— «Почто убѣжа отъ тебе Аписъ? Теленъ избранный твой не пребысть, яко Господь разруши его»...

Это еврей, какъ бы угадавши мою мысль, тихо произнесъ слова изъ пророчества Іереміи.

— Вы точно подслушали мою мысль!—невольно вырвалось у меня.

— Да, здѣсь не трудно угадать эту мысль,—тихо сказалъ еврей.

— И я то же думала... И все это исчезло, исчезло!

— А помните, что сказалъ пророкъ Езекіиль о самомъ Мемфисѣ?—спросилъ герръ Мошеле.

— Нѣтъ, не помню.

— Въ его пророчествѣ сказано: «Погублю кумиры и уничтожу тнусныя божества Мемфиса, и не будетъ уже болѣе царей отъ земли Мицраимъ, вѣщаетъ Господь чрезъ Езекіиля».

— Это ужасно, ужасно!—въ глубокой горести повторяла Сара.

Я пошелъ дальше бродить по пальмовой рощѣ. Кое-гдѣ изъ земли торчали обломки гранитныхъ капителей да мѣстами затянутый иломъ щебень.

Тамъ же одиноко бродилъ и братъ Сары.

— Какъ вамъ понравился новый знакомый?—спросилъ онъ меня.

— Онъ просто очаровалъ меня своею пламенною любовью къ тому, что и меня такъ волнуетъ,—искренно отвѣчалъ я.

— О! Это удивительный человѣкъ... Я его давно знаю: онъ, собственно, докторъ, но его увлекла археологія Востока. Онъ очень богатый человѣкъ: у него въ Одессѣ была банкирская контора, но онъ ликвидировалъ свои дѣла, и вотъ уже второй годъ бродитъ по Востоку, отыскивая во всемъ слѣды еврейства... Замѣчательный человѣкъ!..

Но вдругъ онъ замолчалъ и сталъ во что-то всматриваться.

— Ну, кажется, дѣло идетъ на ладъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— А что?—невольно спросилъ я.

— Да вотъ посмотрите изъ-за ствола этой пальмы.

Я поглядѣлъ по указанному направленію. Сквозь чащу пальмъ я увидѣлъ издали Сару, которая, сидя на выступавшей изъ земли части статуи Сезостриса, склонила на руки голову. По всему видно было, что дѣвушка плакала. Около нея стоялъ на колѣняхъ герръ Мошеле и, повидимому, утѣшалъ ее...

— Бѣдная дѣвочка!—невольно вырвалось у меня.—Какая она впечатлительная.

Вдругъ я увидѣлъ, что она какъ будто вся вздрогнула и, порывисто обвивъ руками шею своего собесѣдника, казалось, замерла въ его объятіяхъ, а онъ страстно цѣловалъ ея щеки, глаза, губы, и она все трепетнѣе и трепетнѣе жалась къ нему...

— Ну, слава Богу! Дѣло въ шляпѣ,—таинственно прошепталъ мнѣ молодой еврей.—Наконецъ-то дура сдалась... Онъ ее давно любитъ, полюбилъ еще дѣвчонкой, когда ей было пятнадцать лѣтъ, и потомъ въ прошломъ году дѣлалъ предложеніе, а она, дура, все ломалась, хотя, я знаю, и онъ ей всегда нравился... Изъ-за ея отказа онъ и Одессу бросилъ и застрялъ вотъ здѣсь, на Востокѣ. Не бѣда, что онъ много старше ея, вѣдь дѣвушки такъ скоро отцвѣтаютъ, а мы, мужчины, прочнѣе ихъ, для насъ года ничего не значатъ...

— Ну, толкуй себѣ, не значатъ!—подумалъ я, но смолчалъ.

— Онъ человѣкъ богатый, самостоятельный, и никого родныхъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ.—Только мы и виду не покажемъ, что все знаемъ.

— Конечно!

— А! Каково! Сезострисъ-Рамсесъ выручилъ! — засмѣялся онъ.

— Костя! Милая борода! Гдѣ вы пропали?—послышался вдругъ голосъ Сары.

— Здѣсь! Идемъ!—откликнулся я.

— То-то, пропали! А еслибъ мы не пропали, то ничего бы и не вышло... А все Сезострисъ...

V. «Орфей въ аду».

Когда мы приблизились къ счастливой парочкѣ, то Сара, сверхъ моего ожиданія, встрѣтила насъ очень шумно и весело.

— Гдѣ это вы пропадали, несчастные!—говорила она съ необычайнымъ блескомъ въ глазахъ.—Ахъ! Здѣсь совершилось безъ васъ чудо... Вѣроятно, герръ Мошеле обладаетъ волшебною силой Пигмаліона воодушевлять мертвыя статуи...

— Какъ! Неужели и тебя воодушевилъ?—улыбнулся братъ.

— Нѣтъ, не меня,—запнулась и покраснѣла дѣвушка.

— Да, виноватъ: преданіе Пигмаліона разумѣетъ статуи, а не куколъ,—ядовито замѣтилъ братъ, сразу опять разсердившись на сестру.

— Ну, а ты чурбанъ,—отвѣчала дѣвушка и обратилась ко мнѣ,—вообразите, милая борода, герръ Мошеле оживилъ Сезостриса... Вдругъ мы видимъ, онъ шевелится, шевелится, поднимаетъ плечи, голову, руки и ноги его начинаютъ двигаться, и вдругъ онъ всталъ во весь свой исполинскій ростъ... Онъ былъ страшенъ, черные глаза его съ изумленіемъ глядѣли кругомъ, и онъ вдругъ прошепталъ: «Какъ долго спалъ я!.. Но гдѣ я? Кругомъ пальмы, вонъ синѣетъ полоса Нила, который я отвелъ плотинами отъ моей столицы, правѣе... Вонъ мои пирамиды, но какія жалкія, полуразрушенныя... А гдѣ же мой Мемфисъ, мой Меѳъ, мои дворцы, храмы, колонны, сфинксы? Гдѣ мой народъ? Гдѣ богъ мой, мой Гатъ? Гдѣ его жрецы?»... Онъ стоялъ такъ нѣсколько минутъ, и вдругъ! зарыдалъ, закрывъ лицо руками: «О, помню, помню!.. О-о!»... И опять грохнулся лицомъ въ землю, какъ и прежде лежалъ... Бѣдный!

— О, милая Сара!—невольно сказалъ я.—У васъ такая творческая фантазія, столько поэзіи!

Меня удивило, какъ она умѣла замаскировать такъ за нѣсколько минутъ прорвавшееся въ ней чувство. Мнѣ кажется, только женщины способны на это, онѣ больше умѣютъ владѣть собой, прятать себя. А между тѣмъ по лицу ея счастливаго обожателя сейчасъ можно было замѣтить, что тутъ произошло что-то очень важное, что потрясло его всего... А у нея, какъ съ гуся вода, только она стала еще красивѣе, еще обаятельнѣе.

— А не пройти ли намъ къ тому мѣсту, гдѣ Орфей сходилъ въ адъ?—предложилъ герръ Мошеле.

— Какой Орфей, и гдѣ онъ сходилъ въ адъ?—встрепенулась Сара.

— Какъ какой Орфей? А «Орфей въ аду»? Развѣ забыла?—дразнилъ ее братъ.

— Ахъ, отстань, Костя! Ты вѣчно паясничаешь.

— А ты вѣчно кипятишься, точно карась на сковородѣ.

— Противный!

— Ну, полно, полно вамъ! Вѣчно грызутся, хоть и любятъ другъ друга,—вступился герръ Мошеле.

— Да, это общая участь сестеръ и братьевъ, это ихъ неизмѣнный modus vivendi,—замѣтилъ я.

— Но я никогда первая не нападаю на него, а все онъ,—сказала она.

— Оттого не нападаешь, что не на что: у меня нѣтъ никакихъ слабостей,—шутилъ братъ.

— Ахъ, скажите! Нѣтъ никакихъ слабостей!

— Конечно, никакихъ.

Въ это время мы приближались къ селенію Сахарѣ. Зной уже былъ такъ силенъ, что трудно становилось дышать.

— Охъ, какъ жарко!—возопила Сара.

— Но слава Богу, что не дуетъ «хамсинъ», — замѣтилъ герръ Мошеле,—а то бы мы пропали.

Въ это время, влѣво отъ насъ, изъ-за рѣдкихъ стволовъ пальмъ, блеснула полоса воды.

— Но вѣдь это не Нилъ?—сказала Сара.—Нилъ вонъ гдѣ, вправо.

— Да,—отвѣчалъ герръ Мошеле,—здѣсь мы можемъ нѣсколько отдохнуть въ тѣни пальмъ, и я разскажу вамъ объ Орфеѣ.

— Ахъ, какъ я рада!

Мы расположились подъ исполинскимъ зонтикомъ-пальмою. Тѣнь отъ густолиственной вершины гиганта падала почти вертикально. Герръ Мошеле закурилъ сигару, и бѣлый ароматическій дымокъ ея медленно таялъ въ воздухѣ.

— Могъ ли думать Орфей, посѣщая Мемфисъ и сходя сюда, къ Ахерону...

— Къ Ахерону! Къ адской рѣкѣ?—не вытерпѣла Сара.

— Да, милая Сара, къ адской рѣкѣ.

— Развѣ она здѣсь?

— Вотъ она блеститъ.—И герръ Мошеле указалъ рукою на блестящую влѣво полосу воды.

Дѣвушка посмотрѣла на него недовѣрчиво.

— Слушайте,—сказалъ Мошеле.—Вамъ извѣстно, что Египетъ родина и вѣрованій и познаній обоихъ классическихъ народовъ, и грековъ, и римлянъ. Сюда, къ египетскимъ жрецамъ, приходили учиться и Солонъ, и Геродотъ, и Платонъ, и Аристотель: отсюда исходилъ свѣтъ знаній, отсюда же получила начало миѳологія грековъ и римлянъ. Здѣсь учился и полумиѳическій Орфей. Діодоръ говоритъ, что онъ долго жилъ въ Мемфисѣ и неоднократно присутствовалъ при мрачномъ обрядѣ переправы умершихъ египтянъ черезъ рѣку смерти, Ахеронъ. Это и есть Ахеронъ грековъ.

— Какъ же это такъ?—удивилась Сара.—Насъ въ гимназіи не такъ учили.

— Правда, вамъ не все сказали. Когда умиралъ египтянинъ, то его прежде бальзамировали и превращали въ нетлѣнную мумію...

— Муміи-то я видѣла.

— Ну, и отлично... Потомъ эту мумію несли погребать, вотъ туда, къ пирамидамъ, въ городъ мертвыхъ, Некрополисъ. Но Некрополисъ каждаго египетскаго города находился непремѣнно по ту сторону рѣки или озера смерти. На берегу-то этого озера или рѣки и совершался судъ надъ мертвецомъ. Это былъ неумолимый судъ: передъ нимъ всѣ были равны, и рабы, и царь, простой погонщикъ воловъ и великій Сезострисъ, котораго мы видѣли...

При этомъ герръ Мошеле загадочно взглянулъ на Сару. Дѣвушка потупилась и покраснѣла.

— Въ чемъ же состоялъ судъ надъ мертвецомъ?—спросила она.—И кто его судилъ?

— Судили сами боги, но только судъ свой изрекали черезъ жрецовъ. Погребеніе у египтянъ это была очень сложная исторія, требовавшая 70 дней подготовительныхъ работъ, и обходилась очень дорого, конечно, въ пользу боговъ, другими словами, въ пользу ихъ служителей, жрецовъ. По египетскому обычаю были погребены и наши праотцы, Іаковъ и Іосифъ. Когда умеръ Іаковъ, то Іосифъ, говоритъ Книга Бытія, «палъ на лицо отца своего и плакалъ надъ нимъ и цѣловалъ его. Потомъ повелѣлъ рабамъ своимъ, врачамъ, приготовить отца его къ погребенію. И врачи приготовили Израиля. Сіе совершено надъ нимъ въ сорокъ дней, ибо столько дней употребляется на приготовленіе тѣлъ. Египтяне оплакивали его семьдесятъ дней»...

— Но вѣдь это мучительно!—съ содроганіемъ замѣтила Сара.—Воображаю, что было бы съ нами, если бы мы семьдесятъ дней приготовляли такъ къ похоронамъ бѣдную мамочку.

Она закрыла лицо руками.

— Но вѣдь одно бальзамированіе требовало сколько времени,—возразилъ герръ Мошеле.—Геродотъ говоритъ, что бальзамирующіе жрецы и ихъ помощники сначала извлекали изъ мертвеца мозгъ черезъ поздри, а потомъ вынимали внутренности посредствомъ прорѣза, сдѣланнаго въ лѣвомъ боку умершаго. Затѣмъ очищенныя внутренности наполняли благовонными, большею частью смолистыми веществами, а самое тѣло просаливали въ селитрѣ, чтобъ оно не подвергалось разложенію или гніенію. Потомъ уже обвивали или пеленали его разными тканями, тоже пропитанными смолистыми веществами. На это на все и шло сорокъ дней: это значило приготовлять тѣло къ погребенію. Послѣ того еще требовалось тридцать дней «плача».

— Это ужасно!—прошептала Сара.

— Все это продѣлывалось въ силу того вѣрованія, что душа послѣ смерти человѣка не разлучалась съ тѣломъ, и если бы разрушилось тѣло, то и душа погибла бы. Затѣмъ тѣло клали въ гробъ, а вмѣстѣ съ тѣломъ клали въ гробъ разныя вещи, а главное, свитокъ папируса, на которомъ изображались дальнѣйшія похожденія души послѣ смерти тѣла. И вотъ въ эти-то семьдесятъ дней, въ «дни плача», жрецы совершили тайный судъ надъ умершимъ, котораго, смотря по обстоятельствамъ его жизни и по дру-

тимъ причинамъ, или оправдывали, или осуждали. Осужденный лишался погребенія, для него не существовало будущей жизни. И вотъ уже послѣ всего этого мертвеца несли вотъ къ этому Ахерону, къ рѣкѣ смерти. Здѣсь мертвеца ждалъ уже формальный судъ, судъ боговъ, всю внѣшнюю обстановку котораго жрецы приготовляли заранѣе на берегу Ахерона. Тутъ на первомъ планѣ находились истуканы божествъ Истины и Правосудія. За ними стояли вѣсы, на одной чашѣ которыхъ помѣщалось соотвѣтственной величины и тяжести божество Добра, а на другой Зла, въ видѣ глинянаго сосуда, наполненнаго злыми дѣяніями умершаго. По бокамъ помѣщались богъ Горусъ съ головою ястреба и богъ Анубисъ съ головою волка. Они внимательно смотрятъ на стрѣлку вѣсовъ, что перетянетъ: добрыя дѣла или злыя.

— Ахъ, плуты жрецы!—не вытерпѣлъ молодой еврей.—Такъ они кого хотятъ осудятъ.

— Правда,—согласился герръ Мошеле.—Но ихъ судъ могъ быть судомъ общественнаго мнѣнія.

— Какое же общественное? Это—сословный судъ, а сословный судъ всегда будетъ пристрастнымъ.

— Да, но вѣдь жрецы не дураки же были; это было самое развитое, самое образованное сословіе въ свѣтѣ. И не даромъ они назначали семьдесятъ дней приготовленія для похоронъ: за это время они могли прислушаться къ общественному мнѣнію относительно покойника. А семидесяти дней вполнѣ достаточно, чтобы оно окончательно установилось, а не высказалось сгоряча. Вотъ и теперь у насъ слагается мнѣніе о покойникѣ: объ одномъ говорятъ «хорошій былъ человѣкъ, жаль его», а о другомъ «э! мерзавецъ, туда ему и дорога». Жрецы все это, конечно, слышали, соображали и сообразно этому такъ устраивали и вѣсы правосудія: хорошему человѣку на чашку клали тяжелое чучело Добра, а мерзавцу—тяжелый глиняный сосудъ, можетъ быть, наполненный внизу свинцомъ.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя было не согласиться.

— Ну, такъ египтяне были очень глупы, если вѣрили жрецамъ,—настаивалъ на своемъ молодой еврей.

— Можетъ быть... Да народъ вездѣ теменъ: не будь этой темноты, не было бы и религій, ни жрецовъ.

— Ну, а потомъ что?—спросила нетерпѣливая Сара.

— Это на счетъ суда?

— Да, что дѣлали боги дальше?

— Дальше, милая Сара, слѣдовалъ богъ Ѳотъ или Тотъ, Премудрость и Знаніе.

— Ишь ловкіе плуты!—не утерпѣлъ Костя.

— У этого бога была доска, на которой онъ и писалъ послѣдній вердиктъ со словъ Горуса и Анубиса.

— Которые, какъ истуканы, конечно, ничего не могли говорить, а третій истуканъ, Тотъ, не могъ, конечно, писать,—засмѣялся Костя.

— Конечно! Жрецы все это раньше сдѣлали и вердиктъ на доску нанесли: «не виновенъ-де», праведникъ. А еще дальше видѣнъ былъ верховный судія, Озирисъ на тронѣ. Въ рукѣ его скипетръ и бичъ.

— Вотъ тебѣ на!

— Не перебивай, Костя!

— Передъ Озирисомъ—жертвенникъ, а на немъ лотусъ, стерегомый чудовищемъ, которое изображало собою царей Нила, крокодила и гиппопотама.

— Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни крокодиловъ, ни гиппопотамовъ,—выразила наивное сожалѣніе Сара.

— А сама, поди, до смерти бы струсила, еслибъ увидѣла,—замѣтилъ братъ.

— Еще бы! Такія чудовища... Ну, еще что, герръ Мошеле? Помните, я васъ называла такъ, когда была маленькая: «вонь дѣдушка Мошеле идетъ», говаривала я, бывало... Вы мнѣ тогда казались старымъ-престарымъ...

— А теперь?—улыбнулся «дѣдушка Мошеле».

— Теперь вы совсѣмъ, совсѣмъ молодой!—И дѣвушка потупилась и покраснѣла.

— Ну... Такъ я не досказалъ,—какъ бы спохватился герръ Мошеле.—Уже послѣ суда мумію клали въ лодку и перевозили черезъ Ахеронъ въ городъ мертвыхъ,гдѣ и хоронили: царей—въ пирамидахъ, простыхъ египтянъ—въ обыкновенныхъ склепахъ.

— При чемъ же тутъ Орфей и его адъ?—спросила Сара.

— Да я же сказалъ, что Орфей, какъ и позднѣйшіе греки, учился въ Египтѣ и здѣсь заимствовалъ вѣрованія объ адѣ, объ Аидѣ, куда путь лежитъ черезъ рѣки и озера мертвыхъ: Ахе-

ронъ, Стискъ, Флегетонъ. Это вѣрованіе и перешло отъ Орфея къ грекамъ.

— А я вамъ скажу, господа,—провозгласилъ Костя, — не одинъ Орфей былъ въ аду, но и я съ нимъ: я теперь чувствую адскій голодъ.

— И я!—засмѣялась Сара.

— Ну, такъ домой, къ m-me Romand: она насъ выведетъ изъ ада въ salle à manger.

VI. «Онъ подарилъ мнѣ пирамиды»...

Мы тотчасъ же отыскали свой экипажъ, который былъ недалеко, и двинулись въ обратный путь. Все время пирамиды не сходили съ лѣваго фона лежавшей передъ нами картины, полной дикой и величавой красоты. Казалось, это были гигантскіе стражи, поставленные надъ прошлымъ таинственнаго Египта и надъ его великой исторической могилой. Величавое кладбище!

Вправо изъ-за рѣдкихъ стволовъ исполинскихъ пальмъ мелькала лента мутнаго Нила.

— Когда же мы съ вами, дѣдушка Мошеле, взберемся на н а ш е г о Хеопса?—шаловливо спросила Сара, когда мы поравнялись съ пирамидой этого гордаго фараона, поставившаго надъ своимъ, давно исчезнувшимъ, прахомъ такой грозный обелискъ.

— А развѣ вы намѣрены въ самомъ дѣлѣ взойти на Хеопса, милая Сара?—спросилъ ее въ свою очередь герръ Мошеле.

— Непремѣнно, дѣдушка!

— И въ этомъ платьѣ, которое вамъ связываетъ ноги точно свивальникомъ? (Въ 1881 году были въ модѣ платья, которыя точно спутывали ноги, вполнѣ обрисовывая ихъ движенія)

— Въ этомъ, дѣдушка.

— Въ этомъ нельзя, не свободно: тамъ высоко приходится поднимать ноги.

— Вотъ что, Сара: я тебѣ дамъ свои старыя панталоны, надѣнь ихъ и полѣзай на Хеопса,—сказалъ Костя, чтобъ подразнить сестру.

— Что жъ, и надѣну!

Я при этомъ разсказалъ, что когда я, въ первое посѣщеніе мною пирамидъ, спускался съ Хеопса, то внизу навстрѣчу мнѣ встаскивали, буквально встаскивали, за руки какую-то молодень-

кую барышню, и именно въ такомъ платьѣ, въ узкомъ; но, какъ я замѣтилъ послѣ, выше семнадцатаго пласта не могли поднять ее, а всѣхъ такихъ пластовъ до вершины пирамиды—202!

— Такъ я въ Костиныхъ панталонахъ!—храбро порѣшила Сара.—Я храбрая: недаромъ вы назвали меня Юдифью,—улыбнулась она мнѣ.

— Да... да... храбрая,—загадочно сказалъ братъ;—я видѣлъ, какъ ты сняла съ плечъ голову Олоферна...

Дѣвушка видимо смутилась: она поняла намекъ...

— Ужъ ты всегда съехидничаешь, противный!—косо глянула на него Сара.

— Что жъ когда я видѣлъ?

— Ничего ты не видѣлъ, злючка, а все выдумываешь... А вы съ нами не подниметесь на Хеопса?—обратилась Сара ко мнѣ, видимо желая замять разговоръ объ «инцидентѣ» у Сезостриса.

— Нѣтъ, m-lle Сара, вѣдь ужъ я разъ продѣлывалъ это головокружительное восшествіе, и притомъ я сегодня же возвращаюсь въ Александрію, чтобы плыть черезъ эти постылыя моря на родину, въ Россію,—отвѣчалъ я.—Отвезти ей отъ васъ поклонъ?

— О, нѣтъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, я не могу послать привѣтъ моей родинѣ: она слишкомъ сурово поступила съ нами *),—грустно отвѣчала дѣвушка.—Можетъ быть, мы даже навсегда поселимся въ Египтѣ... Вонъ, m-me Romand вовсе не скучаетъ здѣсь ни по Россіи, ни по Одессѣ. Ей здѣсь живется хорошо: у нея здѣсь, въ Каирѣ, два богатыхъ отеля и дача-вилла подъ Парижемъ, куда она и ѣздитъ съ мужемъ лѣтомъ отдыхать отъ здѣшнихъ жаровъ. Да теперь, кажется, и папа не вынесъ бы Одессы: слишкомъ она памятна намъ!

Хаотическая масса зданій Каира, его мечетей, минаретовъ, все болѣе и болѣе выступала передъ нами. Вскорѣ мы повернули въ прекрасную аллею сикоморовъ, а вотъ и мостъ черезъ Нилъ.

Нашъ хорошенькій «саисикъ» соскочилъ съ козелъ и побѣжалъ впереди лошадей.

— Оа! Оизекъ! Іеминскъ!—слышался его звонкій голосъ.

---

*) Это было во время погромовъ.

да мелькала въ воздухѣ его длинная камышевая трость, словно жезлъ Аарона.

Въ отелѣ намъ уже готовъ былъ завтракъ. Когда я сошелъ въ табль-д'оту, то, къ удивленію, замѣтилъ, что противъ нашихъ приборовъ, кромѣ обыкновенныхъ стакановъ и рюмокъ, поставлены были бокалы.

Я взглянулъ на Сару. Къ черному своему облаченію она успѣла прибавить, что-то розовенькое: это были двѣ свѣжія розы, одна въ черныхъ какъ смоль волосахъ, другая на груди.

Герръ Мошеле былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ.

Когда мы подошли къ столу, вдругъ изъ сосѣдней двери показались m-r и m-me Romand, а за ними черномазый Ахметъ съ подносомъ и бокалами. Въ рукахъ у m-r Romand была бутылка, обернутая салфеткой.

Отецъ Сары, который былъ тутъ же, смотрѣлъ на все это съ недоумѣніемъ.

И вотъ, по знаку герръ Мошеле, m-r Romand наполнилъ бокалы шампанскимъ.

— Возлюбленный отецъ,—сказалъ герръ Мошеле, подходя съ своимъ бокаломъ къ отцу Сары,—дорогая дочь ваша Сара позволила мнѣ называть васъ этимъ священнымъ для меня именемъ: примите же въ вашу семью новаго, глубоко-почтительнаго къ вамъ сына!

Со слезами на глазахъ старикъ обнялъ жениха своей дочери, радостно повторяя: «Какъ я этого желалъ! Ахъ, какъ я желалъ этого!»

Начались поздравленія и объятія.

— Какъ же вы сумѣли подстрѣлить эту брыкливую козочку?—спросилъ старикъ жениха, усаживаясь за столъ.

— Да это не онъ подстрѣлилъ ее, а Сезострисъ,—отвѣчалъ Костя.

— Какъ Сезострисъ?

— Сезострисъ-Рамсесъ... Мы вотъ съ сосѣдомъ все видѣли: Сезострисъ въ нее стрѣляетъ цѣлыми пирамидами и сфинксами, а она въ него стрѣляетъ глазками... Ну, и убила наповалъ.

Сара вспыхнула, но скоро нашлась.

— Ахъ, папочка! Дѣдушка Мошеле подарилъ мнѣ пирамиды!—сказала она.—Онѣ теперь мои, наши, еврейскія!

— Какъ такъ?

— Наши, наши, папочка!

Когда послѣ завтрака я уѣзжалъ изъ Каира, Сара, высунувшись изъ окна, закричала мнѣ:

— Прощайте, добрая, милая Борода! Вспоминайте иногда Палестину, Египетъ, Сару!

— Буду, буду вспоминать, милая Сара!

— А пирамиды все-таки н а ш и!—крикнула она въ послѣдній разъ.

ДВА ПРИЗРАКА.

I.

Это было очень давно, такъ давно, что не существовало даже того, что мы называемъ Россіей:—страны, занимаемыя нашимъ отечествомъ, считались тогда невѣдомыми странами—terrae incognitae, южныя части которыхъ назывались Сарматіею и Скиѳіею, а сѣверныя—Гиперборе́ей.

Властелинъ тогдашняго міра, императоръ Августъ, въ своемъ палатинскомъ дворцѣ, въ Римѣ, выслушивалъ доклады своего совѣтника и друга, Агриппы и только что прибывшаго изъ Іерусалима сенатора Вара, намѣстника Сиріи и Палестины.

— Итакъ, перепись населенія моей имперіи окончена, въ раздумьи произнесъ Августъ, перебирая разложенные передъ нимъ свитки,—теперь, вмѣстѣ съ іудеями, я насчитываю у себя болѣе ста милліоновъ подданныхъ... Но почему счетчики такъ запоздали съ переписью въ Іудеѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Вару.

— По очень странному обстоятельству, божественный цезарь,—отвѣчалъ Варъ съ легкой улыбкой,—переписи помѣшалъ твой соперникъ и претендентъ на владычество надъ вселенною.

— Какъ!—удивился императоръ.—Мой соперникъ?

— Такимъ его, по крайней мѣрѣ, считаетъ Иродъ-Антипа: онъ мнѣ самъ это говорилъ.

— Кто же онъ? Какой-нибудь дерзкій восточный царекъ?

— Нѣтъ, божественный цезарь: только что народившійся іудейскій Младенецъ, имени Котораго не знаетъ даже самъ

Иродъ. Дѣло въ томъ, что когда перепись населенія Іудеи приближалась къ концу, и я надѣялся скоро привезти въ Римъ результаты этой переписи, какъ къ Ироду явились три восточныхъ мудреца и спрашивали его, гдѣ находится только-что народившійся Царь вселенной. О рожденіи Его они узнали по знаменіямъ небесъ. Иродъ отвѣчалъ мудрецамъ, что ни о чемъ подобномъ онъ не слыхалъ. Но когда онъ спросилъ объ этомъ первосвященниковъ и ученыхъ іудейскихъ мужей, то тѣ отвѣчали, что Царь вселенной долженъ народиться въ Виѳлеемѣ, маленькомъ городкѣ, недалеко отстоящемъ отъ Іерусалима. Конечно, извѣстіе это не могло не встревожить Ирода. Поэтому, когда восточные мудрецы отправились въ Виѳлеемъ на поклоненіе удивительному Новорожденному и потомъ оставили Іудею, не заходя къ Ироду и не объявивъ ему о томъ, что они нашли въ Виѳлеемѣ, какъ о томъ просилъ ихъ Иродъ, онъ порѣшилъ убить опаснаго для него Младенца. Но какъ найти его? Малютку могли увезти изъ Виѳлеема въ другой городъ. Тогда Иродъ рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ отдалъ приказъ, исполнители котораго должны были содержать его въ глубочайшей тайнѣ, чтобъ населеніе не провѣдало о немъ и не мѣшало его исполненію. Приказъ этотъ состоялъ въ томъ, что въ опредѣленный день всѣ іудейскіе младенцы до двухлѣтняго возраста должны быть убиты не только въ Виѳлеемѣ, но и во всей странѣ. Такимъ образомъ убито было сорокъ тысячъ младенцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ быть скрытъ родителями, потому что убійства эти совершены во всей Іудеи единовременно

— Однако!—невольно замѣтилъ Агриппа

— Но это необходимая государственная мѣра,—строго замѣтилъ Августъ, взглянувъ на Агриппу своими загадочными глазами, напоминавшими глаза сфинкса.—Хотя я не вѣрю предсказаніямъ восточныхъ мудрецовъ, но молва о томъ, что народился царь вселенной, проникнувъ въ народъ, могла породить смуту во всей странѣ. Вы знаете, что это за народъ, іудеи: самый безпокойный народъ въ мірѣ. Развѣ мало причинялъ онъ безпокойства прежнимъ правителямъ Рима! Вспомните Помпея, моего божественнаго дѣда и отца, великаго Цезаря. Кто погубилъ Марка Антонія? Іудеи, на царя которыхъ, Ирода, онъ понадѣялся, когда, послѣ пораженія при Акціумѣ, бѣжалъ въ Егп-

петъ. Мнѣ самому не легко было приручить этого Ирода, отца настоящаго Ирода-Антипы. Этотъ послѣдній хорошо поступилъ, задушивъ змѣеныша въ колыбели. А изъ него могъ вырости опасный змѣй.

— Божественный цезарь говоритъ языкомъ всевѣдущихъ боговъ,—почтительно замѣтилъ Варъ,—мнѣ говорили въ Іерусалимѣ, что когда, по обычаю іудеевъ, родители этого Младенца въ сороковой день Его рожденія принесли малютку въ храмъ, то какой-то энтузіастъ, старикъ, взявъ малютку на руки, провозгласилъ Его именно царемъ всего міра, что подтвердила бывшая тамъ же женщина, которую народъ считаетъ пророчицей.

— Такъ онъ былъ убитъ уже послѣ этого случая?—замѣтилъ Агриппа.—Вѣроятно, Иродъ не зналъ о принесеніи дитяти въ храмъ, а иначе онъ тогда же покончилъ бы съ нимъ.

— Конечно, — согласился Варъ. — Вотъ почему, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Августу,—послѣ избіенія младенцевъ я вновь приказалъ провѣрить перепись Іудеи и потому запоздалъ со своимъ донесеніемъ.

Августъ всталъ и подошелъ къ двумъ колоссальнымъ глобусамъ, укрѣпленнымъ на мраморныхъ постаментахъ. На одномъ изъ нихъ изображенъ былъ шаръ земной, orbis terrarum, по географическимъ начертаніямъ Эратосѳена (за 200 лѣтъ до переписи Августа); на другомъ orbis terrarum, по свѣдѣніямъ, собраннымъ, по повелѣнію Августа, для «хорографіи» Агриппы.

Августъ долго, въ молчаливой задумчивости, разсматривалъ оба глобуса.

— Царь вселенной... дерзкія мечтанія мудрецовъ Халдеи,— тихо проговорилъ онъ.—И Александръ Македонскій не достигъ конца вселенной... Ему былъ подвластенъ Востокъ, мнѣ—Востокъ и Западъ... Иберія, Галлія, Британія... Мои владѣнія обширнѣе его...

Къ глобусамъ приблизились Агриппа и Варъ.

— Твои владѣнія обнимаютъ около трехъ съ половиною милліоновъ стадій, — замѣтилъ Агриппа: — ты владыка вселенной.

— Да... Я оставлю моимъ будущимъ преемникамъ богатое наслѣдство,—сказалъ Августъ.—Я надѣюсь еще округлить мои владѣнія... Тебя, Варъ, я пошлю добывать остальную Германію, а потомъ—Сарматію и Скиѳію. Пусть не ржавѣютъ въ бездѣй-

ствіи мечи моихъ воиновъ... Моимъ легіоннымъ орламъ нужны новыя добычи... А то какой-то тамъ царь вселенной и гдѣ же? Въ Виѳлеемѣ!

II.

Время шло. И Августъ, и Иродъ были увѣрены, что Тотъ, Кого такъ дерзко въ самой колыбели провозгласили Царемъ вселенной, давно превратился въ прахъ. Съ этой увѣренностью они и умерли, только одинъ изъ нихъ, Иродъ, кончилъ дни свои изгнанникомъ, въ городѣ Лугдунумѣ (нынѣ Ліонъ), въ Галліи; Августъ же скончался тогда, когда Тому, Кого въ колыбели провозгласили царемъ вселенной и Кого они съ Иродомъ считали погибшимъ, исполнилось уже четырнадцать лѣтъ.

Прошли съ того времени столѣтія—много столѣтій.

Прошло, наконецъ, около двухъ тысячъ лѣтъ. И вотъ, мрачнымъ декабрскимъ утромъ 1893 года, надъ покрытымъ инеемъ шпицемъ Петропавловскаго собора, въ морозномъ воздухѣ встрѣтились двѣ тѣни, два призрака.

— Ты кто?—спрашиваетъ первый призракъ,—не тотъ ли, кого я данною мнѣ властью вызвалъ изъ небытія?

— Я былъ когда-то Августъ, императоръ, властелинъ вселенной, которому воздвигались на землѣ сотни храмовъ, ставились изъ мрамора и бронзы тысячи изображеній... А ты кто, который вызвалъ меня изъ небытія?—спросилъ второй призракъ.

— Я всемогущая м ы с л ь, в о о б р а ж е н і е, которое обнимаетъ вселенную, въ себѣ самомъ созерцаетъ прошедшее, настоящее и будущее, свободно витаетъ въ пространствѣ и во времени, вызываетъ изъ небытія то, что отошло въ небытіе.

— Зачѣмъ же ты вызвалъ меня изъ моего небытія?—спросилъ призракъ Августа.

— Чтобы напомнить тебѣ твой наивный разговоръ съ Агриппой и Варомъ, разговоръ, послѣ котораго протекло уже тысяча восемьсотъ девяносто три года.

— О, Варъ, Варъ! Ты погубилъ мои легіоны,—грустно произнесъ призракъ Августа.—Такъ неужели послѣ того прошло уже около двухъ тысячелѣтій?

— Да. Посмотри, что у тебя подъ ногами.

— Громадный городъ, почти равный моему Риму, въ ко-

торомъ было два милліона обитателей... Что это за городъ и чей онъ?

—— Этотъ городъ—столица народовъ, которыхъ въ твое время называли сарматами, скиѳами и гипербореями, и страна которыхъ теперь называется Россіей.

— И эти страны теперь—достояніе моихъ преемниковъ?— съ гордымъ сознаніемъ своего величія спросилъ призракъ Августа.

— Нѣтъ, я послѣ покажу тебѣ достояніе твоихъ преемниковъ.

— Какіе я вижу дворцы у сарматовъ и гипербореевъ, какіе храмы! А кому воздвигнуты эти храмы?

— Тому царю вселенной, Котораго, какъ ты думалъ, Иродъ погубилъ въ младенчествѣ.

— Какъ! Онъ остался живъ, этотъ маленькій іудей? — съ тревогой спросилъ призракъ Августа.

— Да, остался живъ и побѣдилъ вселенную...

— О, боги!—воскликнулъ призракъ Августа.—И Онъ царствуетъ здѣсь?

— Здѣсь и вездѣ... Летимъ, я покажу тебѣ всѣ Его царства

Призраки, подобно легкимъ облачкамъ, неслись на востокъ Подъ ними разстилались снѣжныя равнины, темные лѣса, занесенныя снѣгомъ селенія, города...

— Снѣга, снѣга, снѣга!—съ ужасомъ повторялъ призракъ Августа.—И вездѣ вижу храмы... Слышу какой-то звонъ...

— Звонъ этотъ созываетъ въ храмы Того, Кого Иродъ думалъ убить.

Взоры призраковъ проникали неизмѣримыя пространства. Влѣво, далеко-далеко, виднѣлись горы льдовъ и свинцовыя воды Ледовитаго океана; вправо—вся площадь средней Россіи вплоть до Волги и до Урала.

— А какіе это чудовищные змѣи съ дымомъ и грохотомъ мчатся по чернымъ колеямъ?—спросилъ призракъ Августа.— Чудовища огонь изрыгаютъ изъ части. И тамъ, я вижу, люди.

— То желѣзныя дороги, по которымъ силою огня и пара перевозятся люди и милліонныя тяжести; а тѣ проволоки отъ столбовъ къ столбамъ по тѣмъ проволокамъ люди переговариваются между собой за тысячи и сотни тысячъ стадій.

— О, всемогущіе боги!

Призраки неслись все далѣе на востокъ, черезъ Сибирь, къ Тихому океану. Вездѣ снѣжныя равнины, горы, лѣса, города, селенія, храмы—храмы безъ конца!

— А что это на храмахъ? Какіе-то кресты?— спросилъ Августъ.

— Да, кресты.

— Но мы на нихъ распинали преступниковъ, разбойниковъ.

— А теперь кресты—знаменіе побѣды... Я тебѣ объясню это послѣ: крестъ — знаменіе Того царя вселенной, Котораго Иродъ хотѣлъ погубить. Крестъ замѣнилъ собою римскихъ легіонныхъ орловъ.

— Но это позоръ!—возмутилась гордость римлянина.

Далеко, далеко, вправо сверкали снѣжныя вершины Памира и Гималаевъ. Подъ ногами призраковъ—угрюмыя воды Тихаго океана. Вправо—острова Японіи. Впереди—опять земля.

— Это — невѣдомый древнимъ міръ — новый свѣтъ, Америка,—указалъ первый призракъ.

— Этого міра не зналъ ни Эратосѳенъ, ни Агриппа... О, Агриппа!.. Но и тутъ все храмы—храмы безъ конца!

Призраки пронеслись надъ Америкой и пролетали уже надъ Атлантическимъ океаномъ.

— Гдѣ же моя имперія? Гдѣ мои провинціи? Гдѣ Британія, Галлія, Египетъ, Сирія, Іудея, Греція, Италія? Гдѣ мой Римъ, мои храмы?—вырвались стоны изъ груди Августа.

— Скоро увидишь,—отвѣчалъ призракъ

III.

Вновь показалась земля. Изъ тумана и дыма выступилъ величавый городъ, раскинувшійся на десятки верстъ во всѣ концы.

— Видишь этотъ городъ? Видишь тамъ гигантскіе храмы и мрачную башню?..—спросилъ первый призракъ.—Это уже бывшія твои владѣнія—Британія; а ту башню строилъ твой дѣдъ и усыновившій тебя Цезарь... Это городъ Лондиніумъ, теперь Лондонъ, съ пяти или шести милліоннымъ населеніемъ.

Призракъ Августа радостно затрепеталъ.

— О, великій Цезарь!.. Божественный родитель мой!.. Я снова въ своихъ владѣніяхъ... О, боги!

— О, Августъ, Августъ!—съ жалостью въ голосѣ проговорилъ первый призракъ. — Ты радовался когда-то вмѣстѣ съ

Агриппою и Варомъ, что у тебя болѣе ста милліоновъ подданныхъ, и владѣнія твои занимаютъ около трехъ съ половиною милліоновъ квадратныхъ стадій... Такъ знай же, что подвластные когда-то тебѣ бритты владѣютъ тремя стами милліоновъ подданныхъ, а вся имперія ихъ занимаетъ болѣе двухсотъ пятидесяти милліоновъ квадратныхъ стадій!

— О, жестокіе боги!—простоналъ призракъ Августа, отвращая свои взоры отъ туманнаго города.—Но гдѣ моя Галлія, въ которой пролито было мною столько римской и галльской крови и моего собственнаго пота? О, я вижу ея равнины, ея рѣки, лѣса, безчисленные города.

Призраки пролетали надъ Парижемъ.

— О, Lutetia Parisiorum! Я узнаю тебя, твою мѣстность, твою многоводную Секвану, въ которой я когда-то освѣжалъ свои усталые члены!—воскликнулъ Августъ.—Дворцы, храмы, колоннады!.. А это что за чудовищный шпицъ, который тянется къ небу?

Призраки неслись дальше и дальше.

— Вонъ подъ нами Лугдунумъ, гдѣ кончилъ свои дни Иродъ,—сказалъ первый призракъ.

Южнѣе и южнѣе мчатся призраки. Подъ ними Пиренеи, Испанія, Гибралтаръ, сѣверная Африка.

— О, это мое море! Я узнаю его!—восторженно говоритъ тѣнь Августа. — Вонъ развалины Карѳагена, далѣе — Утика, Египетъ... О, Клеопатра! Что осталось отъ царства фараоновъ? Только пирамиды...

Тѣни мчатся на востокъ. Все это знакомыя Августу страны... Вотъ и Іудея, и Іерусалимъ.

— Видишь, тамъ, у подножія той горы, пріютился маленькій, жалкій городокъ?—говоритъ первый призракъ.—Это Виѳлеемъ, гдѣ родился Царь вселенной.

— Дальше! Дальше!—страстно воскликнулъ призракъ Августа.—Я хочу видѣть всѣ мои владѣнія... Вотъ Палестина, Сирія. Гдѣ же Тиръ, Сидонъ, Цезарея, гдѣ стояли величавые храмы, посвященные моему имени, гдѣ высились мои мраморныя изображенія, гдѣ торжественно встрѣчалъ меня Иродъ Великій?.. Ничего, кромѣ развалинъ... Опять море, мое море!.. Тамъ я вижу другія моря—все это было мое... Греція... Аѳины... О, это мысъ

Акціумъ—мое торжество, моя слава.... Скорѣе въ Италію, въ мой Римъ...

— Вотъ моя Италія цвѣтущая, роскошная!.. Я вижу, вонъ тянется via Appia, а по ней извивается чудовище, изрыгая огонь и дымъ... О, мой Везувій! Онъ, какъ и тогда, дышетъ своей могучей грудью, своими огненными легкими... Вонъ Неаполь, и все тѣ же храмы, тѣ же кресты... Но гдѣ мои храмы, мои изображенія? Скорѣе въ мой Римъ, въ мои дворцы, на мой форумъ, въ храмъ Юпитера Капитолійскаго принести жертву богамъ

Но вотъ и стѣны Рима, его храмы, величавый куполъ базилики Петра, Ватиканъ...

— Я не узнаю моего Рима,—задыхаясь шепчетъ призракъ Августа.—Мои дворцы—въ развалинахъ, мой форумъ—мусоръ, щебень, осколки колоннъ, портиковъ, храмовъ... А это что за колоссальный остовъ зданія?

— Это Колизей, въ которомъ твои безумные преемники травили дикими звѣрями первыхъ подданныхъ Того, Который потомъ сталъ Царемъ вселенной.

Но вотъ летучіе призраки на мгновеніе остановились надъ площадью, которую, словно гигантскими объятіями, охватываютъ колоннады базилики Петра.

— Чей это храмъ? — спрашиваетъ Августъ, пораженный величіемъ зданія.

— Это храмъ Того, Котораго вы съ Иродомъ хотѣли убить въ колыбели, и Который потомъ покорилъ вселенную не мечемъ, а словомъ, словомъ любви и всепрощенія, Который сказалъ: «обнажающій мечъ отъ меча погибнетъ»...

Призраки спустились на землю. Въ это время черезъ площадь проѣзжало нѣсколько телѣжекъ, на которыхъ, по распоряженію муниципалитета, вывозятъ соръ и навозъ изъ города. На каждой телѣжкѣ, какъ и на всѣхъ государственныхъ сооруженіяхъ Рима, бросались въ глаза четыре крупныя буквы S. P. Q. R., т. е. иниціалы знаменитой формулы древняго Рима: Senatus Populusque Romanus.

— О!—воскликнулъ призракъ Августа.—Эти четыре литеры, передъ которыми когда-то трепеталъ весь міръ, теперь гдѣ же? На сорныхъ ящикахъ!.. О, мой погибшій Римъ! Что отъ тебя осталось!

Первый призракъ съ сочувствіемъ сказалъ:

— Бѣдный, бѣдный! Ты все потерялъ, что пріобрѣлъ твой мечъ, ибо «прочно только то, что завоевываетъ любовь»... А ты вѣрилъ лишь въ силу, въ мечъ, въ свои легіоны... Но иди за мной, я тебя утѣшу: твой соперникъ, побѣдившій міръ не мечемъ, а словомъ любви, не все твое уничтожилъ.

Они вошли въ музей Ватикана, въ отдѣленіе античныхъ статуй и другихъ скульптурныхъ произведеній древняго міра, откопанныхъ подъ его развалинами. Среди превосходныхъ изваяній стоялъ мраморный бюстъ Августа, отрытый въ мусорѣ его разрушеннаго варварами палатинскаго дворца. Призракъ Августа узналъ свое изображеніе и весь затрепеталъ.

— О, безжалостные боги!—горестно воскликнулъ онъ.— Такъ вотъ, что сохранили вы отъ всего моего величія!..

Призракъ рыдалъ.

— О! Для чего же вызвали меня изъ бездны небытія!.. Зачѣмъ нарушили мой вѣчный сонъ, жестокіе боги!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Лучше опять къ небытію, въ сумракъ вѣчнаго сна внѣ пространства и времени!..

И оба призрака, словно легкій дымокъ, растаяли въ воздухѣ.

КТО ОНЪ?

I.

По гладкой поверхности моря, чуть замѣтно колыхаясь подъ дружными ударами полутораста тонкихъ, длинныхъ веселъ, къ Цезареѣ, въ Палестинѣ, подплывала богато украшенная римская трирема, плавно несшаяся, подобно птицѣ, красиво помахивавшей пестрыми крыльями—веслами,которыя ярко сверкали въ лучахъ знойнаго палестинскаго солнца милліонами скатывавшихся съ нихъ блестящихъ, какъ брилліанты, капель морской воды.

На красиво изогнутомъ, какъ шея лебедя, носу триремы возвышалась исполинская статуя Нептуна съ трезубцемъ въ рукѣ и тритонами у его ногъ. Съ триремы доносилась тихая, заунывная пѣсня, подъ тактъ которой рабы-гребцы ритмически опускали въ море свои длинныя весла и подъ тотъ же ритмъ поднимали ихъ вверхъ.

На верхней палубѣ трехъ-ярусной триремы, на возвышеніи, обнесенномъ позолоченною рѣшеткой, подъ пурпурнымъ балдахиномъ виднѣлась плотная фигура мужчины въ сенаторской тогѣ, отороченной широкими пурпурными каймами, а рядомъ съ нимъ полулежала въ широкомъ креслѣ немолодая женщина, около которой стояли двѣ молоденькія рабыни: одна, черная, съ курчавою головой—дитя пламенной Нумидіи, гдѣ ея черные предки служили при дворѣ Югурты; другая, бѣленькая, родилась въ лѣсистой Германіи и вывезена въ Римъ солдатами одной когорты и продана на рынкѣ, когда ей было всего пять лѣтъ. Эти рабыни

длинными опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣвали прохладу на разгоряченное лицо римской матроны.

Трирема везла въ Іудею Понтія Пилата, котораго Тиверій назначилъ прокураторомъ этой страны по смерти царя Архелая, сына Ирода, незаслуженно получившаго отъ льстивой и лживой исторіи эпитетъ Великаго. Рядомъ съ Пилатомъ возлежала его жена, Понтія Сабина.

Съ триремы уже явственно различались грандіозныя сооруженія въ гавани Цезареи, воздвигнутыя Иродомъ. При видѣ ихъ Пилату вспомнились слова суроваго императора, которыми онъ напутствовалъ новаго прокуратора Іудеи, смѣнившаго собою ненасытнаго Валерія Грата.

— Ты, — сказалъ Тиверій, — отправляешься въ богатую страну, къ народу, подобнаго которому, по его религіознымъ воззрѣніямъ, нѣтъ во всей моей обширной имперіи. Это не греки, мягкіе и льстивые, не египтяне, чтущіе быка и крокодила, не галлы и не германцы: это народъ, у котораго одна душа, одна воля, о которую, какъ о гранитную скалу, разбивались всѣ усилія Рима. Славный Помпей, великій прадѣдъ мой Цезарь и мой божественный родитель извѣдали нравственную силу этого народа: умѣй управлять имъ...

— Сумѣю!—сдвинувъ брови, прошепталъ Пилатъ, вглядываясь въ очертанія колоссальныхъ статуй, вѣнчавшихъ маякъ, и стройныя башни Цезареи.

Вспомнились ему и другія напутственныя слова императора.

— Разумный пастухъ,—сказалъ Тиверій,—стрижетъ своихъ овецъ, но не сдираетъ съ нихъ шкуры. Знай, что я посылаю тебя въ Іудею не на одинъ годъ. Тебѣ извѣстно, что всякая должность можетъ давать поводы къ злоупотребленіямъ. Потому, если человѣкъ получаетъ ее на короткое время, не зная, когда будетъ устраненъ, онъ тѣмъ безпощаднѣе грабитъ своихъ подданныхъ: но разъ должностное лицо будетъ знать, что оно назначено на продолжительное время, оно будетъ дѣйствовать умѣреннѣе и, пожалуй, перестанетъ совсѣмъ угнетать народъ, какъ только соберетъ достаточно богатствъ.

Императоръ при этомъ улыбнулся, взглянувъ въ глаза Пилату... Онъ никогда не забудетъ этого взгляда, отъ котораго и теперь невольно содрогнулся.

— Я помню,—сказалъ Тиверій,—въ молодости, когда я воевалъ съ германцами, одинъ изъ моихъ храбрыхъ центуріоновъ былъ раненъ и лежалъ незамѣченный воинами. Случайно я наткнулся на него и увидѣлъ, что мухи роемъ насѣли на его рану. Я сталъ ихъ отгонять.—«Не отгоняй, прошепталъ раненый, эти уже насытились моею кровью, а другія, голодныя, еще съ большей прожорливостью присосутся къ обнаженной ранѣ»... Такъ и намѣстники моихъ провинцій,—заключилъ императоръ.

Не такъ думалъ Пилатъ. Онъ зналъ, что Востокъ неисчерпаемый источникъ обогащенія. Изъ Сиріи вывезъ Лукуллъ свои несмѣтныя богатства. Кто роскошнѣе его жилъ во всемъ Римѣ? А Крассъ—этотъ утопалъ въ золотѣ Востока и захлебнулся въ золотомъ потокѣ. А отъ Ирода развѣ не текли рѣки золота въ Римъ и въ Грецію? Пилату, привыкшему къ римской жизни, полной наслажденій, богатой зрѣлищами, казалось, что онъ, подобно Овидію, отправляется къ дикимъ гетамъ, чтобы тамъ, подобно ему, слагать отъ скуки свои «Tristia», но онъ зналъ также, что можетъ воротиться изъ Іудеи съ богатствами Лукулла.

Трирема между тѣмъ плавно вступала въ покойную гавань Цезареи.

— Какія дивныя колоссальныя статуи,—невольно вырвалось у Сабины,—такихъ я въ Римѣ не видѣла.

— Да, это все дѣло рукъ Ирода: вонъ, на башнѣ правой стѣны, я узнаю статую Друза, — сказалъ Пилатъ, пораженный видомъ шести колоссальныхъ статуй, стоявшихъ на башняхъ при входѣ въ гавань.—А дальше, на холмѣ, статуи Августа и Рима... О! Тутъ живутъ, я вижу, не дикіе геты.

Въ воздухѣ завыла труба тріерарха (кормчаго триремы) и съ визгомъ полетѣли внизъ якорныя цѣпи. Трирема скоро стала высокимъ бортомъ у такого же высокаго мола изъ гигантскихъ тесаныхъ плитъ. Тамъ, вдоль каменной стѣны, защищавшей гавань отъ западныхъ вѣтровъ, наиболѣе свирѣпствовавшихъ у береговъ Палестины, уже выстроены были двѣ когорты римскихъ гоплитовъ, квартировавшія въ Цезареѣ и встрѣчавшія теперь своего новаго начальника въ лицѣ Пилата. Тутъ же находились прибывшіе изъ Іерусалима почетные представители іудей-

скаго народа и весь синедріонъ, во главѣ котораго стояли оба первосвященника, Анна и Каіафа. Другая половина широкаго мола занята была сошедшимися со всѣхъ сторонъ толпами іудеевъ, галилеянъ и самарянъ.

Едва Пилатъ въ сопровожденіи Сабины сошелъ съ триремы, какъ когорты отдали ему воинскую почесть троекратными ударами о щиты своихъ копій, а первосвященникъ Анна привѣтствовалъ его краткой рѣчью.

— Богъ, сотворившій небо и землю и держащій въ десницѣ своей вселенную, да благословитъ пришествіе твое и да пошлетъ долгоденствіе великому императору!—закончилъ онъ.

Затѣмъ первосвященники пригласили высокихъ гостей въ построенный Иродомъ обширный мраморный дворецъ, гдѣ Пилата и его супругу ожидала роскошная трапеза.

Проходя вдоль ряда гоплитовъ и мимо толпы собравшагося тутъ же народа, Сабина, которая шла рядомъ съ первосвященникомъ Каіафою, случайно взглянувъ на толпу, какъ-то испуганно воскликнула: «О, боги! Кто это? Чьи это глаза!».

Каіафа съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— О комъ госпожа говоритъ?—спросилъ онъ.

— Вонъ тамъ... ихъ двое... стоятъ въ сторонѣ... Какіе глаза!

Каіафа взглянулъ по направленію, куда смотрѣла Сабина.

Тамъ нѣсколько поодаль отъ остальной толпы, стояли два іудея: одинъ, еще юноша, въ простомъ темномъ хитонѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись босыя ноги, имѣлъ мягкіе, вьющіеся каштановые волосы и овальное, съ кроткой задумчивостью, лицо, еще не опушенное волосами возмужалости; другой, значительно старше перваго, сильно загорѣлый, съ длинными, спутавшимися прядами черныхъ волосъ, былъ одѣтъ въ хитонъ изъ верблюжьей шерсти, подпоясанный ремнемъ.

Глаза перваго, удивительные глаза! Они-то и поразили Сабину. Она увидѣла въ нихъ столько кротости и какой-то неотразимой силы, столько милосердія и всепрощенія, что мысль ея невольно преклонялась передъ этимъ удивительнымъ юношей. Ей, восторженной римлянкѣ, которой не коснулось тлетворное дыханіе вѣчнаго города, воспитанной въ дѣвственной атмосферѣ служительницъ храма Весты, ей казалось, что въ глубинѣ чудныхъ глазъ этого юноши вся вселенная.

— Кто онъ?—испуганно спросила она.

— Я знаю ихъ,—сказалъ Каіафа,—хотя имена ихъ мнѣ неизвѣстны; знаю только, что оба они святой жизни. Я часто вижу ихъ молящимися въ храмѣ. Но всякій разъ, когда я хотѣлъ ближе узнать ихъ, они какъ-то незамѣтно всегда уходили изъ храма. Знаю только, что они, кажется, оба изъ Назарета. О младшемъ изъ нихъ, о томъ, что съ кроткими, задумчивыми глазами, въ моей памяти сохранилось неизгладимое воспоминаніе. Было это лѣтъ двѣнадцать-тринадцать тому назадъ. Въ одинъ изъ праздниковъ, по окончаніи службы, когда почти всѣ молящіеся вышли уже изъ храма, и въ немъ оставались только первосвященники и другіе служители Бога, къ намъ подошелъ какой-то неизвѣстный ребенокъ, лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати не болѣе, и сталъ задавать намъ такіе вопросы изъ священнаго Писанія, что насъ всѣхъ поразила необычайная глубина пониманія этого ребенка и его удивительная, невѣроятная память. Знаніе писаній пророковъ изумительное! Откуда этотъ дивный ребенокъ? въ недоумѣніи спрашивали мы другъ у друга и не могли дать отвѣта. Самъ онъ говорилъ, что родомъ изъ Назарета, и что всѣ свои знанія онъ получилъ отъ своего отца. А отецъ его, помнится, что-то вродѣ плотника. Удивительный ребенокъ! Такъ онъ оставался у насъ при храмѣ цѣлыхъ трое сутокъ, когда неожиданно явились туда его родители.—Ты что это дѣлаешь съ нами, дитя?—спрашиваютъ его: мы такъ боялись за тебя, такъ тебя искали!—А онъ имъ на это: зачѣмъ было искать меня? Развѣ вы не знаете, что я у отца своего?—И тогда родители взяли его и увели въ Назаретъ... Удивительный ребенокъ! А теперь, вонъ, онъ уже взрослый. Что-то изъ него вышло?

— А другой съ нимъ кто?—спросила Сабина, сильно заинтересованная разсказомъ первосвященника.

— Не знаю,—отвѣчалъ тотъ.

Когда же Сабина оглянулась, то ни таинственнаго юноши, ни другого, бывшаго съ нимъ, уже не оказалось на мѣстѣ.

II.

Пилатъ и Сабина недолго оставались въ Цезареѣ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ этой части Іудеи и отдавъ необходимые приказы своимъ легіонамъ, прокураторъ, въ сопровожденіи одной когорты гоплитовъ, отправился въ Іерусалимъ,

желая лично взглянуть на столицу народа, нравственныя качества котораго такъ высоко ставилъ императоръ.

Видъ столицы Іудеи произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Заключенный въ горахъ, увѣнчанныхъ букетами гигантскихъ пальмъ, смоковницъ, оливковыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, обнесенный мрачными, почернѣвшими отъ времени стѣнами, изъ-за которыхъ гордо и сурово выглядывали башни дворцовъ, и весь массивъ поражающаго своимъ величіемъ и строгою красотою храма, а равно блестѣвшія на солнцѣ плоскія кровли домовъ и ихъ яйцеобразные куполы, городъ этотъ, казалось, представлялъ собою уединенное, сокрытое отъ всего міра обиталище какого-то невѣдомаго, непостижимаго для римскаго ума высшаго божества, божества невидимаго, не поддающагося никакому доступному чувствамъ изображенію, божества, которое не допускало имѣть что-либо общее съ божествами Рима, Греціи, Египта и всего остальнаго міра.

— Какъ здѣсь страшно! — невольно вырвалось у Сабины восклицаніе, когда передъ ея глазами, вдругъ, точно изъ земли выросъ этотъ удивительный городъ.—Гдѣ же ихъ боги? Гдѣ ихъ изображенія?—еще болѣе поражалась она, слѣдуя городомъ къ башнѣ Антонія, къ дворцу Пилата.

— Я дамъ имъ изображеніе нашихъ боговъ,—сурово замѣтилъ Пилатъ,—во всѣхъ областяхъ Рима должны быть общіе государственные боги—императорскіе боги.

И онъ рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе то, что задумалъ. Но онъ не зналъ, съ какимъ народомъ ему придется имѣть дѣло.

Пилатъ, однако, на этотъ разъ недолго оставался въ Іерусалимѣ. Ему было тѣсно въ этомъ городѣ, заключенномъ въ горахъ, среди населенія, въ глазахъ котораго онъ читалъ что-то такое непонятное, замкнутое въ себѣ, какъ, казалось ему, замкнуто было въ себѣ ихъ непостижимое божество. Гордому римлянину не доставало безбрежнаго простора, безграничной шири, недоставало безбрежнаго моря съ его неумолчнымъ говоромъ, съ его безчисленными кораблями, съ бьющею ключемъ жизнью, какую онъ видѣлъ въ приморской Цезареѣ.

Впрочемъ, по просьбѣ Сабины, онъ оставался въ Іерусалимѣ нѣсколько лишнихъ дней, чтобы видѣть этотъ городъ во время наступавшаго праздника Пасхи, который особенно чтили іудеи,

стекавшіеся къ этому дню въ свой священный городъ со всѣхъ концовъ своей страны.

Здѣсь Пилату первый разъ предстояло ознакомиться съ своеобразнымъ судомъ этого народа и подчиниться его волѣ. За нѣсколько дней до Пасхи, довольно раннимъ утромъ, онъ увидѣлъ, что къ его дворцу стремится огромная толпа народа, предшествуемая синедріономъ, за которыми воины вели какихъ-то четырехъ скованныхъ, по всей вѣроятности, преступниковъ. Члены синедріона, подойдя къ гранитному крыльцу, которое вело во дворецъ, сказали что-то стражѣ, стоявшей у входа, и сопровождаемые тѣми четырьми, которые были скованы, и конвоировавшими ихъ воинами, вступили въ преторій. Народъ же, что-то шумно толковавшій и жестикулировавшій, остался на улицѣ, противъ дворцовыхъ оконъ арки.

Пилатъ тотчасъ же вышелъ къ синедріону. Спросивъ въ чемъ дѣло, онъ узналъ со словъ первосвященниковъ Анны и Каіафы, что приведенные къ нему четверо скованныхъ, разбойники, которые, укрываясь въ пещерахъ около дороги, ведущей отъ Іерихона къ Іерусалиму, нападали на прохожихъ, спѣшившихъ въ Іерусалимъ на праздникъ, грабили ихъ, а нѣкоторыхъ и убили; что на-дняхъ четыре изъ этихъ преступниковъ были пойманы и, по рѣшенію синедріона, приговорены къ смертной казни—къ распятію на крестѣ; но что, по обычаю страны, одинъ изъ осужденныхъ, въ виду предстоящей Пасхи, долженъ быть помилованъ прокураторомъ, но не иначе, какъ по указанію народа.

Выслушавъ это, Пилатъ вмѣстѣ съ синедріономъ и осужденными вышелъ къ народу и остановился на площадкѣ высокаго крыльца съ арками. Шумъ и споры толпы смолкли въ одно мгновеніе.

— Іудеи!—обратился Пилатъ къ народу.—Кого изъ осужденныхъ на казнь отпустить вамъ по случаю Пасхи?

— Варраву! Варраву!—послышались единодушные крики.

— Котораго это?—спросилъ Пилатъ, обращаясь къ Каіафѣ.

Тотъ указалъ на невысокаго, мускулистаго, еще молодого іудея, равнодушно смотрѣвшаго на толпу, а при послѣднемъ возгласѣ ея радостно сверкнувшаго своими черными глазами.

— Почему же его, а не другого кого?—спросилъ Пилатъ, которому жаль стало одного осужденнаго, повидимому, сильно страдавшаго.

— Варрава—іудей, а тѣ, собаки, самаряне!—раздались голоса въ толпѣ.

— Будь по вашему: я отпускаю вамъ Варраву,—сказалъ Пилатъ.

Сабина въ это время стояла у одного изъ оконъ галлереи и смотрѣла то на возбужденныя лица толпы, то на лица осужденныхъ. Вдругъ что-то, словно лучъ солнца, озарило ее...

— О, боги! — испуганно прошептала она. — Опять тѣ же глаза... Опять онъ, этотъ никому невѣдомый...

Она увидѣла въ толпѣ того юношу, который такъ поразилъ ее въ Цезареѣ, а рядомъ съ нимъ тотъ, другой, въ верблюжьей власяницѣ... Кроткіе, глубокіе глаза юноши смотрѣли на осужденныхъ... Но сколько жалости, грусти и любви было въ этихъ удивительныхъ глазахъ. Но, вотъ, въ нихъ сверкнули слезы.

— О, боги!—зарыдала и Сабина.—Кто онъ... кто онъ, этотъ божественный юноша!

Осужденныхъ свели съ крыльца. Тамъ уже ждали ихъ воины, поддерживая руками три высокихъ креста, которые тотчасъ же и взвалили на плечи осужденнымъ, а Варраву обступили со всѣхъ сторонъ и поздравляли съ помилованіемъ.

Скоро процессія двинулась по направленію къ Суднымъ воротамъ, за которыми возвышалась Голгоѳа, мѣсто крестной казни преступниковъ. По обѣ стороны осужденныхъ шли воины, а за ними толпился народъ — преимущественно женщины и дѣти. Жена Пилата съ болью въ сердцѣ смотрѣла на эту печальную процессію. Она видѣла, какъ двое изъ осужденныхъ бодро несли на себѣ тяжелые кресты—свою смерть; но третій, видимо, слабосильный или больной, съ трудомъ влачилъ свою ужасную ношу, останавливался, поправлялъ крестъ, рѣзавшій ему плечи, спотыкался и, наконецъ, упалъ подъ крестомъ. Одинъ изъ воиновъ поднялъ было бичъ, чтобы ударить несчастнаго, но въ этотъ моментъ къ нему приблизился юноша, такъ поразившій собою Сабину, и она услыхала его кроткій, за душу хватающій голосъ: «Не бей его... Я помогу ему нести крестъ свой»...

И юноша, помогая упавшему подняться на ноги, подсунулъ свои молодыя плечи подъ крестъ, понесъ его на себѣ, одною рукой поддерживая осужденнаго, по лицу котораго текли слезы.

— О, великіе боги!—снова рыдала добрая женщина.—Кто же онъ? Кто этотъ божественный юноша!..

Затѣмъ, проводивъ глазами печальную процессію и выплакавшись вдоволь, она, черезъ полчаса, поднялась на верхній ярусъ Антоніевой башни и взглянула по направленію къ Голгоѳѣ. Лишенная растительности гора, словно голый черепъ «лобное мѣсто» мрачно глядѣла на нее изъ-за городскихъ стѣнъ, а на вершинѣ ея, покрытой теперь народомъ, отчетливо вырѣзывались на яркой синевѣ далекаго горизонта три темныхъ силуэта. То были кресты. Лицъ распятыхъ не было видно, но Сабина знала, что съ высоты своихъ крестовъ несчастные смотрятъ на страшный городъ, осудившій ихъ на такую ужасную смерть...

— А что о н ъ? Гдѣ о н ъ?—колотилось у нея въ сердцѣ.— И о н ъ смотритъ на нихъ?..

II.

Возвратившись послѣ Пасхи изъ Іерусалима въ Цезарею, Пилатъ тотчасъ же рѣшился привести въ исполненіе то, что онъ задумалъ относительно «государственныхъ боговъ».

«Пилатъ,—говоритъ Іосифъ Флавій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Іудейская война»,—приказалъ привезти въ Іерусалимъ, ночью, изображенія императора, называемыя римлянами signa. Когда наступило утро, іудеи пришли въ страшное волненіе; находившіеся вблизи этого зрѣлища пришли въ ужасъ, усматривая въ этомъ нарушеніе закона, такъ какъ іудеямъ воспрещена постановка изображеній въ городѣ. Ожесточеніе городскихъ жителей привлекло въ Іерусалимъ многочисленныя толпы сельскихъ обывателей. Всѣ двинулись въ путь, по направленію къ Цезареѣ, къ Пилату, чтобы просить его объ удаленіи изображеній изъ Іерусалима и объ оставленіи неприкосновенною вѣры ихъ отцовъ. Получивъ отъ него отказъ, они бросились на землю и оставались въ этомъ положеніи пять дней и столько же ночей, не трогаясь съ мѣста».

«На шестой день, — продолжаетъ Іоситъ Флавій,—Пилатъ сѣлъ на судейское кресло въ большомъ ипподромѣ (построенномъ Иродомъ) и приказалъ призвать къ себѣ народъ для того, будто, чтобы объявить ему его рѣшеніе; предварительно же онъ отдалъ приказъ воинамъ: по данному сигналу окружить іудеевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Увидя себя внезапно замкнутыми тройной линіей вооруженныхъ воиновъ, іудеи остолбенѣли. Но когда

Пилатъ объявилъ, что прикажетъ изрубить ихъ всѣхъ, если они не примутъ императорскихъ изображеній, и тутъ же далъ знакъ гоплитамъ обнажить мечи,—тогда іудеи, какъ бы по уговору, упали на землю, вытянули свои шеи и громко воскликнули:

— Скорѣе мы дадимъ себя убить, чѣмъ переступимъ законъ.

Пораженный этимъ религіознымъ подвигомъ, Пилатъ отдалъ приказаніе—немедленно удалить статуи изъ Іерусалима».

Жена Пилата въ это время также находилась въ ипподромѣ. Вмѣстѣ съ двумя рабынями она сидѣла въ ложѣ, скрытая занавѣсью отъ постороннихъ глазъ, и видѣла все происходившее на аренѣ. Стойкость іудеевъ въ вѣрѣ глубоко ее поразила.

Но въ многотысячной толпѣ, находившейся въ ипподромѣ, взоры ея напрасно искали того, кто со дня пріѣзда въ Іудею такъ глубоко поразилъ ея мысль и воображеніе. Она постоянно думала о немъ, всѣхъ разспрашивала, но никто ничего не могъ сказать ей вѣрнаго или хотя бы назвать его по имени. Часто она видѣла его во снѣ, но и тогда въ кроткихъ, задумчивыхъ глазахъ его отражалась такая глубина скорби и столько всепрощенія, что она всякій разъ просыпалась вся въ слезахъ. «Кто онъ? Кто онъ?»—постоянно задавалась она этимъ мучительнымъ вопросомъ, и не находила отвѣта.

Теперь она не видѣла Его въ ипподромѣ Цезареи. Но, наконецъ-таки, она увидѣла его черезъ многое время.

Прошло болѣе восьми лѣтъ со дня пріѣзда Пилата въ Іудею.

Какъ и восемь лѣтъ назадъ, Пилатъ по служебнымъ дѣламъ пріѣхалъ изъ Цезареи, своей постоянной резиденціи, въ нелюбимый имъ Іерусалимъ. Какъ и восемь лѣтъ назадъ, приближался праздникъ іудейской Пасхи.

Было раннее весеннее утро. Сабина на этотъ разъ провела особенно мучительную ночь. Она опять во снѣ видѣла е г о. Что она, въ сущности, видѣла, она не помнила: оставалось только ощущеніе смутнаго сна, который заставлялъ ее переживать невыразимыя страданія, и источникомъ этихъ страданій былъ о н ъ, все тотъ же непостижимый, никому невѣдомый юноша.

Какъ и восемь лѣтъ назадъ проснувшись, она услышала

какой-то глухой гулъ и смутный говоръ тысячи голосовъ и угрожающихъ криковъ. Толпа, повидимому, приближалась къ ихъ дворцу. Сабина, не позвавъ къ себѣ даже рабынь, наскоро одѣлась и подошла къ окну, выходившему на улицу.

Ужасающая толпа!.. Съ ревомъ и неистовыми тѣлодвиженіями толпа двигалась ко дворцу. Какъ и тогда, впереди слѣдовали члены синедріона съ первосвященниками Анною и Каіафою во главѣ. Какъ и тогда, за ними воины вели какого-то связаннаго. Но сколько страданія виднѣлось на худомъ, изможденномъ лицѣ несчастнаго со слѣдами присохшей и свѣжей крови!.. Приближаясь ко дворцу, онъ поднялъ глаза къ небу...

Крикъ ужаса замеръ въ груди Сабины!.. Это былъ о н ъ! Е г о глаза, глаза того юноши. Но это уже былъ не юноша. Годы и страданія прорѣзали на ето еще молодомъ, прекрасномъ лицѣ, глубокія морщины, еще болѣе мрачно оттѣняемыя присохшею къ нимъ кровью. Мягкіе каштановые волосы и борода спутаны, одежда помята и мѣстами продрана... Оцѣпенѣлая, едва держась на ногахъ, Сабина стояла у окна и смотрѣла... Неужели это продолженіе ея страшнаго сна? Нѣтъ, не сонъ... Вотъ ея мужъ вышелъ на крыльцо. Онъ говоритъ что-то, но за гуломъ тысячи голосовъ она не слышитъ его словъ... Ему что-то отвѣчаетъ Каіафа, но что—не слышно:—до ея слуха долетѣло только слово «злодѣй»... Онъ-то злодѣй!.. Онъ!.. Сабина дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Что-то еще говоритъ Пилатъ. Ему отвѣчаетъ Анна: кажется, «не смѣемъ убить», такъ послышалось Сабинѣ.

— О, всемогущіе боги!.. Е г о убить!—простонала она.— За что?

О н ъ поднимается на крыльцо—одинъ о н ъ, а всѣ остаются передъ дворцомъ... Стонъ и ревъ голосовъ... Сабина зажимаетъ уши, она боится упасть... О н ъ за Пилатомъ входитъ въ преторій.

Сабина, судорожно прижавъ руки къ сердцу, ей казалось, что оно разорвется отъ терзаній, неслышными шагами проходитъ къ внутренней двери, ведущей въ преторій. Прислушивается... Слышенъ чей-то тяжелый, глубокій вздохъ. Это е г о вздохъ... Еще прислушивается... Это говоритъ ея мужъ.

— Ты царь іудейскій?—спрашиваетъ онъ.

Онъ — царь! Такъ вотъ онъ кто!.. Тотъ дивный юноша, этотъ страдалецъ—царь!.. Она еще съ большимъ терзаніемъ прислушивается... Теперь говоритъ онъ, такъ тихо, слабо... Да, это его чудный голосъ. Это тотъ голосъ, который восемь лѣтъ назадъ прозвучалъ въ ея ушахъ. «Не бей его... Я помогу ему нести крестъ свой»...

— Отъ себя ты спрашиваешь, или другіе тебѣ сказали обо мнѣ?—Это говоритъ онъ, и снова глубокій вздохъ.

Она далѣе прислушивается, стараясь заглушить удары сердца. Теперь говоритъ ея мужъ. Она съ трудомъ ловитъ его слова:

— Твой народъ и первосвященники предали мнѣ тебя... Ты что сдѣлалъ?

Что онъ сдѣлалъ! Что могъ сдѣлать такой кроткій, такой добрый! Вотъ онъ отвѣчаетъ...

— Царство мое не отъ этого міра (о! такъ онъ въ самомъ дѣлѣ царь! Великіе боги!—И онъ связанъ, избитъ!..). Если бы отъ этого міра было мое царство, слуги мои защитили бы меня и не предали іудеямъ... Нынѣ царство мое не здѣсь...

— Бѣдный, бѣдный! Онъ въ чужомъ царствѣ!—не могла удержаться отъ глухихъ рыданій Сабина.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ царь?—Это опять говоритъ ея мужъ.

— Ты сказалъ, что я царь,—слышится кроткій отвѣтъ,—для того я и родился, для того и пришелъ въ міръ, чтобы возвѣстить истину...

Тихо, тихо въ преторіѣ. Только извнѣ доносится гулъ голосовъ... Но вотъ опять голосъ Пилата...

— Истина!.. Что такое истина!..

Глубокое молчаніе. Онъ не отвѣчаетъ...

Въ голосѣ мужа Сабинѣ послышалась знакомая нота. Когда при немъ говорили объ «истинѣ», онъ обыкновенно пожималъ плечами: «Какая тамъ истина! Ея нѣтъ... Издалъ Августъ-divus эдиктъ, вотъ и истина... Сказалъ слово Тиверій, другая истина»... Въ его голосѣ теперь такъ и слышалось:—«И этотъ бѣднякъ, связанный, избитый, говоритъ объ истинѣ!.. Бѣдный мечтатель!..»

Опять тихо въ преторіѣ. Слышенъ только знакомый вздохъ... Растворилась и затворилась дверь. Это Пилатъ и онъ вышли изъ претторія. Сабина, почти ничего не видя за слезами, опять

поспѣшила къ окну. Да, они оба на крыльцѣ... Онъ, все тотъ же, такой кроткій... Съ какою жалостью, съ какимъ дивнымъ всепрощеніемъ онъ смотритъ на враждебную ему толпу!.. «Бѣдные, бѣдные!—говоритъ его печальный взоръ.—Что вы дѣлаете?»

Но вотъ заговорилъ Пилатъ... Сабина мучительно прислушивается, что-то скажетъ ея мужъ?

— Ни единой вины я не нахожу въ немъ—слышитъ она.

«Милый! Милый! Это онъ сказалъ, ея Пилатъ!»..

— Но у васъ есть обычай, чтобы одного изъ осужденныхъ отпустить на Пасху: хотите, я отпущу вамъ царя іудейскаго?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не его, а Варраву!

— Опять Варрава! Это тотъ разбойникъ, что уже разъ, восемь лѣтъ тому назадъ, былъ освобожденъ отъ казни. Сабина не забыла этого...

Что это? Пилатъ и о н ъ опять уходятъ, только не въ преторій, а куда-то во дворъ... Толпа притихла, ждетъ чего-то... Чего она ждетъ?..

Со двора слышны какіе-то крики, привѣтствія... Что это? «Радуйся, царь іудейскій!»... Неужели признали?..

— О, всемогущіе боги!.. Ave, ave, rex Judaeae!

Нѣтъ!.. Не привѣтствія это, а смѣхъ, грубый, наглый смѣхъ! Смѣхъ и въ толпѣ...

Милыя, добрыя іудейки! Онѣ плачутъ... Сабина видитъ въ толпѣ плачущихъ женщинъ. Добрыя, милыя!..

Но что это? О н ъ выходитъ... въ царской багряницѣ... А на головѣ... О, боги!.. Терновый вѣнецъ... кровь ручьями течетъ по кроткому, милому лицу... Неистовый хохотъ и плачъ женщинъ...

Пилатъ говоритъ что-то... «Вотъ человѣкъ!»... Не слышно ничего...

— Распни! Распни его—разражается буря...

— Распять!—Е г о!..

Сабина упала, какъ подкошенный колосъ...

Рабыни нашли ее тамъ и бережно перенесли въ опочивальню.

— Гдѣ онъ?—было первымъ ея словомъ, когда она пришла въ себя и увидѣла встревоженное лицо Пилата.

— Кто о н ъ?

— Да тотъ, въ багряницѣ...

— А О н ъ на Голгоѳѣ.

— За что же ты отдалъ его имъ?

— Ну! Не терять же мнѣ изъ-за него милость императора... До Тиверія дошли какія-то жалобы... Меня требуютъ въ Римъ... Вителлій что-то писалъ на меня изъ Сиріи...

— Но, всемогущіе боги! Кто же онъ, тотъ, что на Голгоѳѣ?

— Не знаю!—пожалъ плечами Пилатъ и вышелъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 46

ИДЕАЛИСТЫ
И РЕАЛИСТЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА I.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

ИДЕАЛИСТЫ И РЕАЛИСТЫ.

Историческій романъ временъ Петра I.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Считаю необходимымъ, при третьемъ изданіи настоящей книжицы, предпослать нѣсколько словъ, которыя, мнѣ кажется, должны помочь отчасти болѣе ясному уразумѣнію характера главнаго въ романѣ дѣйствующаго лица—«идеалиста» Левина.

Когда только-что вышли въ свѣтъ, первымъ изданіемъ, «Идеалисты и реалисты», ко мнѣ явился изъ Москвы одинъ господинъ, весьма представительной наружности, и, поблагодаривъ за удовольствіе, доставленное ему чтеніемъ моей книги, объявилъ, что онъ—потомокъ Левина. При этомъ онъ объяснилъ мнѣ, что русскіе Левины происходятъ, по какимъ-то сложнымъ генеалогическимъ линіямъ, отъ курляндскихъ владѣтельныхъ особъ, чуть ли не герцоговъ: Левенъ-дрей-Левенъ-фонъ-Левенштейнъ (такъ кажется); что фамильный дворянскій гербъ ихъ—герцогскаго достоинства и что, когда знаменитый временщикъ Бирономъ получилъ титулъ герцога Курляндіи, то къ фамильному гербу Левеновъ или Левенштейновъ, который онъ принялъ, какъ владѣтельный герцогъ Курляндіи, сдѣлалъ только какія-то добавленія. Въ то же время этотъ потомокъ моего «идеалиста» объявилъ мнѣ, что съ Левиными онъ ведетъ генеалогическое родство по женской линіи, по матери, которая была урожденная Левина, но что по отцовской линіи онъ—потомокъ Тамерлана.

Это странное сопоставленіе такихъ историческихъ фамилій меня, признаюсь, нѣсколько озадачило; но посѣтитель, котораго имени я не назову, въ доказательство истины своихъ словъ, выложилъ передо мною старинные документы,—жалованныя или скорѣе «любительныя» грамоты московскихъ царей до временъ, помнится, Грознаго, а равно и грамоту этого послѣдняго, въ которой къ лицу предка моего посѣтителя московскій царь относился не какъ къ подчиненному, а какъ къ владѣтельной особѣ, которая съ полкомъ изъ своихъ подручныхъ князей и подданныхъ помогла московскимъ царямъ въ войнахъ противъ ихъ недруговъ. Покойный историкъ, С. М. Соловьевъ, которому этотъ потомокъ «идеалиста» Левина и «реалиста» Тамерлана показывалъ главную грамоту, призналъ якобы за нею болѣе, чѣмъ княжескую или боярскую важность. Посѣтитель, который, какъ оказалось, до тонкостей знаетъ русскую исторію, и въ особенности разныя генеалогическія мелочи прошлаго, между прочимъ объяснилъ мнѣ, что и родъ Годуновыхъ (мурза Четь), какъ и многіе другіе княжескіе роды бывшаго казанскаго царства выведены на Русь его знаменитымъ предкомъ, кажется, Тимурленкъ-Мерлинъ-Ханомъ.

Но не въ этомъ дѣло. Можетъ быть, все это и такъ, только къ моимъ «Идеалистамъ и реалистамъ» оно не относится. Но что говорилъ дальше мой интересный посѣтитель—такъ это уже совсѣмъ относится къ характеристикѣ моего «идеалиста» Левина, конечно, въ силу теоріи Дарвина о преемственности.

Потомокъ Левина и Тамерлана объявилъ мнѣ, что въ числѣ семейныхъ антиковъ у него остался драгоцѣнный камень съ какими-то изображеніями, камень, который онъ показывалъ въ берлинскомъ музеѣ знатокамъ-археологамъ, и знатоки, якобы, объяснивъ ему, что это камень отъ ханской чалмы, предлагали за него 30 тысячъ талеровъ; но онъ, какъ человѣкъ богатый, продать эту фамильную драгоцѣнность не согласился. Прочитавъ же моихъ «Идеалистовъ и реалистовъ», онъ явился ко мнѣ.—Зачѣмъ?—Вотъ тутъ и выступаетъ на сцену потомокъ «идеалиста» Левина и «реалиста» Тамерлана, съ ихъ видовыми историческими рудиментами. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Москвы

затѣмъ, чтобы посовѣтываться со мной:—можетъ ли онъ съ этими документами, которые хранятся у него, ходатайствовать передъ правительствомъ о возвращеніи ему титула предковъ—не «ханскаго», конечно, и не «царскаго», и если уже не титула «высочества», на который, по его словамъ, онъ имѣетъ право, то по меньшей мѣрѣ титула «свѣтлости». Я, конечно, ничего не могъ ему посовѣтовать, сказавъ, что это всего лучше разберетъ законная спеціалистка по этой части — геральдія, куда онъ и хотѣлъ обратиться, а предварительно послалъ его съ его грамотами къ А. Ф. Бычкову, какъ самому компетентному судьѣ въ вопросахъ древности.

Но это еще не все. Потомокъ Левина спрашивалъ моего совѣта и по другому вопросу, а именно:—можетъ ли онъ ходатайствовать объ отысканіи и возвращеніи ему другой фамильной драгоцѣнности—головы своего предка Левина, головы, которую, какъ онъ узналъ изъ моего романа, палачи доставили въ Пензу въ банкѣ со спиртомъ!—«Да вы дѣйствительно похожи вашими фантазіями на фанатика Левина!» засмѣялся я ему:—«вѣдь ваше желаніе такъ же странно—отыскать голову казненнаго въ началѣ прошлаго вѣка, какъ если бы кто захотѣлъ отыскать языкъ классической героини Лейаны, который она сама откусила у себя, не желая выдать выпытываемую у нея тайну».—Но это не убѣдило моего посѣтителя-фантазера. Онъ сказалъ, что, подобно своему предку, попавшему въ банку со спиртомъ, онъ настолько же непреклоненъ въ своемъ фанатизмѣ. Мало того—онъ сказалъ, что всѣ Левины были нѣсколько эксцентричны, и что я вѣрно угадалъ характеръ Левина и совсѣмъ правильно очертилъ его въ своемъ романѣ. Въ доказательство эксцентричности и упрямства всѣхъ Левиныхъ, онъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ его предковъ, служа, кажется, въ гвардіи, однажды, во время маневровъ, при примѣрномъ сраженіи, взялъ въ плѣнъ самого императора Павла Петровича и до того увлекся ролью побѣдителя, что упрямо отказывался, будто бы, отпустить своего плѣнника, чѣмъ и понравился императору, наградившему его разными чинами не въ очередь

Съ тѣхъ поръ я не видалъ своего современнаго «идеалиста»,

хотя онъ очень любезно приглашалъ меня къ себѣ въ гости, въ Москву, гдѣ у него есть собственный домъ на Тверской и еще нѣсколько имѣній въ провинціи. Но добился ли онъ осуществленія своихъ фантазій—не знаю.

Надѣюсь, что читатель пойметъ изъ вышесказаннаго—въ какомъ смыслѣ я понимаю слово «идеалистъ» и «реалистъ» по отношенію къ дѣйствующимъ лицамъ въ предлагаемой здѣсь книжицѣ:—это буквально «идеалисты», какими и были и Левинъ и царевичъ Алексѣй Петровичъ, и скитскіе самосожигатели, и непосѣда Варсонофій. «Человѣкъ идеи»—это совсѣмъ другое дѣло:—это не «идеалистъ», какъ и пыпѣшній «дѣлецъ»—далеко не то же, что «человѣкъ дѣла». Равнымъ образомъ и «реалистъ» — царь Петръ Алексѣевичъ, его любимцы Даниловичъ, Павлуша Ягужинскій и любезнѣйшій Андрей Ивановичъ Ушаковъ—совсѣмъ не наши «реалисты» въ современномъ значеніи «этого слова».

I. Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ Кіевѣ.

Весною 1711 года черезъ Кіевъ проѣзжалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, возвращавшійся изъ заграницы, гдѣ онъ, повинуясь указу суроваго родителя, долженъ былъ дать согласіе на бракъ съ Шарлоттою, принцессою вольфенбютельскою.

Горекъ былъ этотъ годъ и для царевича, и для суроваго родителя его, и для всей Россіи. Россія, несмотря на страшное напряженіе всѣхъ своихъ силъ и на громадныя всенародныя жертвы, предшествовавшія несчастному «прутскому походу», должна была убѣдиться, что жертвы эти напрасны. Петръ, въ первый разъ послѣ нарвскаго пораженія, давно забытаго и стертаго съ народной и его личной памяти полтавскою «викторіею», Петръ въ первый разъ почувствовалъ, что и его сердце можетъ ныть болью, что и у него есть нервы и слезы, что и его стальная воля можетъ быть растоплена, перекована на наковальнѣ, какую онъ встрѣтилъ на Прутѣ. Робкій царевичъ, передъ которымъ во все время его неохотнаго сидѣнья заграницей надъ постылою заморскою фортификаціею и профондиметріею носился образъ любимой, насильно отнятой у него дѣвушки, олицетворявшей для него образъ старой, не менѣе дорогой ему Руси, также отнятой у него въ лицѣ кроткой матери-царицы, царевичъ долженъ былъ дать слово жениться на немилой «иноземкѣ» и навѣки «завязать свѣтъ очей своихъ», забыть своего «друга сердешново Афросиньюшку».

Это было то горькое время, когда царевичъ, махнувъ рукой на свое личное счастье, тайно отъ отца писалъ своему любимцу, духовнику Якову Игнатьеву, изъ Саксоніи:

«Извѣствую вашей святыни: есть здѣсь князь вольфинбителской, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвка, а сродникъ онъ польскому королю, которой и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвка живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожъ, мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, таили; и я ее, ту дѣвку княжну, видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нонѣ, какъ оная дѣвка мнѣ показалась, и есть

ли моя воля съ нею въ супружество. А я уже извѣстенъ, что батюшка не хочетъ женить меня на русской, скорѣй-де въ гробъ положу, чѣмъ на россейской тетехѣ женю, но хочетъ женить на здѣшной, на иноземкѣ, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женату, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ нѣмкѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея мнѣ здѣсь изъ всѣхъ нѣмецкихъ дѣвокъ не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ, чтобъ разрушилъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ.

А сердце самого царевича чуяло недоброе...

Въѣздъ царевича въ Кіевъ не представлялъ никакой торжественности. Да до того-ли тогда было? Казна, а вмѣстѣ съ нею князи и бояре, посадскіе и всякіе «людишки съ женишками, дѣтишками и животишками» до того обнищали, что у царевича не только не было своего экипажа и корма для лошадей, но и обывательская животина вся пошла на ратное дѣло. Да и самъ царь неохочъ былъ тратиться на прогоны, коли не было горячаго, дозарѣзнаго дѣла; такъ царевичу о торжественности и думать было нечего. Царя непосѣстнаго Русь узнавала и въ простой телѣгѣ: такъ и сыпка грознаго батюшки узнавали, въ какой бы онъ ни былъ обстановкѣ.

При всемъ томъ царевича сопровождалъ отрядъ драгунъ. Начальникъ отряда, среднихъ лѣтъ мужчина, въ красивомъ мундирѣ капитана гренадерскаго полка, невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе чѣмъ-то особеннымъ, что теплилось въ его глубокомъ, загадочно-задумчивомъ взглядѣ и перебѣгало неуловимыми тѣнями по его блѣдному лицу, болѣе грустному, чѣмъ лицо царевича. И царевичъ дѣйствительно глядѣлъ грустно, устало. Отражалась ли грусть царевича на лицѣ его проводника, или у каждаго изъ нихъ было свое завѣтное горе, только въ толпѣ зрителей и богомольцевъ, толпившихся у печерской лавры, когда царевичъ входилъ въ нее, не могли не замѣтить чего-то особеннаго на лицѣ царскаго сына и его проводника.

— О-хъ, родимушка! Какой же онъ съ личушка-то щупленькой да смутненькой, словно бы и у нихъ горе-то бываетъ.— говорила одна богомолка, стоявшая ближе къ драгунамъ, оцѣплявшимъ проходъ въ лавру.

— Ужъ и не говори, матушка, за кѣмъ горе-то не гоняется горемычное,—говорила другая странница съ котомкой,—може дите по матери убивается.

— Какъ не убиваться, — заговорилъ стоявшій съ ними рядомъ сѣдой старикъ, по наружности не то чернецъ, не то казакъ,—тамъ у нихъ въ Питерѣ-то не ладно... Послѣднія времена настали... Царевича-то махонькимъ у матери отняли, а ее-то самое силкомъ во иноческій чинъ произвели... Сына къ матери не пущаютъ, не легко это.

— Кто-жъ не пущаетъ, касатикъ?

— Все онъ же.

— Кто, родимушка, не пойму я.

— Самъ, говорю, чорный.

Бабы крестятся. «Съ нами кресная сила... Святъ, святъ...»

— Три корабля изъ-за моря пригналъ, полнымъ полнехоньки... Пятнать людей будетъ: кто ему поклонится, печать назначенуетъ на емъ; кто не поклонится, голову долой.

— Владычица, заступи! — въ испугѣ проговорила первая богомолка.

— Хто се такій, дидушка, рубать головы буде, москаль?— спросила молодая чернобровая дѣвушка, съ косою въ оглоблю толщиной и съ полудюжиной разноцвѣтныхъ монистъ на загорѣлой шеѣ.

Старикъ не отвѣчалъ; не отвѣчалъ, можетъ быть, потому, что въ это время позади толпы раздалось протяжное, тоскливое пѣніе речитативомъ:

Ой на небѣ великая сила!
Женивъ батько неволею сына,
Та не хтивъ сынъ та изъ жинкою жити,
Та й пишовъ же винъ по свиту блудити.

У ограды сидѣлъ слѣпой старикъ съ чашечкой на колѣняхъ и пѣлъ эту всегда хватающую русскаго человѣка за сердце пѣсню про «Алексѣя человѣка божія». Иныя изъ богомолокъ стояли около пѣвца и плакали. Солнце свѣтило ему прямо въ открытыя слѣпыя очи, а онъ не видѣлъ этого свѣта и какъ бы силился хоть одну свѣтлую точку уловить въ окутывавшемъ его вѣчномъ мракѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ семи или восьмилѣтній мальчикъ съ живыми черными глазенками и несимпатичнымъ личикомъ.

— Крошечка-то какой, поди, сироточка,—говорила баба съ кичкою на головѣ, подавая ему бубликъ,—на-вотъ, родненькій, бубличка. Откелева вы? А?

— Здалека, тетушка.

— А отецъ-мать есть у тебя?

— Не ма. Мати вмерла, а татка на войни вбито.

А слѣпецъ продолжалъ тянуть за душу:

Ой, Олексіечку, та хрищатый барвинку,
Олексіечку единый мій сынку!

Между тѣмъ драгуны, изъ коихъ нѣкоторые спѣшились, вели свой разговоръ, не обращая вниманія на суетню, разноголосое пѣніе нищихъ и смѣшанный говоръ толпы.

— Кабы ежели онъ не зналъ такова слова, не отскочила-бы отъ него швецкая пуля подъ Полтавою-то,—говорилъ одинъ драгунъ,—самъ я, братецъ ты мой, видѣлъ ее, пулю-то ихнюю.

— Знамо, слово такое есть.

— Ну, а царевичъ вотъ-отъ не въ ево пошелъ.

— Не въ ево, это вѣрно. А доберъ гораздо.

— Доберъ, что и говорить... Капитанъ нашъ души въ емъ не чаетъ: ужъ такой, говоритъ, смирена да скромникъ, словно дѣвица красная... Ишь ты, хохолъ, штанищи распустилъ, точно онъ въ сарафанѣ.

Замѣчаніе это относилось къ запорожцу, проходившему мимо и видимо гордившемуся своими шароварами, которыя были такой неизмѣримой ширины, что въ каждую штанину, кажется, можно было посадить по шести человѣкъ. Поровнявшись со слѣпымъ кобзаремъ, онъ бросилъ ему горсть мѣдныхъ денегъ.

— Помъяни, старче Божій, казака Пивтогоробця, коли вбьютъ,—сказалъ онъ и гордо пошелъ мимо драгунъ.

— Ишь ты, знай дескать нашихъ, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.—А лихо молодцы дерутся.

— А Мазепа-то ихній какъ улепетывалъ отъ насъ, — поясиилъ старый драгунъ.

— Что Мазепка! Тотъ отъ старости больше.

Въ это время изъ воротъ лавры вышелъ начальникъ драгунскаго отряда. Лицо его попрежнему было задумчиво, но менѣе грустно. Онъ скомандовалъ «на-конь, ребята. на конь», и всѣ драгуны мигомъ сѣли на лошадей. «Стройся»!

Говоръ въ толпѣ утихъ, но тѣмъ явственнѣе слышалось стройное, въ два голоса, пѣніе, отличавшееся отъ пѣнія слѣпого кобзаря большею, хотя еще болѣе мрачною мелодіею·

Охъ, какъ и жили грѣшницы на бѣломъ свѣту,
Они ѣли, пили, проклажалися,
Тѣлесамъ своимъ грѣшнымъ угаживали.
Грѣхи тяжкіе не замаливали,
Нищимъ, убогимъ не давывали...

Это пѣли два высокихъ слѣпыхъ старика «калики перехожіе», которыхъ велъ мальчикъ съ длинною палкою въ рукахъ. Палка служила для защиты отъ собакъ и для измѣренія глубины ручьевъ и рѣчекъ, черезъ которые «каликамъ перехожимъ» часто приходилось переходить вбродъ. Они шли туськомъ. Передній изъ нихъ держалъ руку на плечѣ «поводыря»-мальчика, задній— на плечѣ передняго.

— Народу-то, народу, Господи!—шептала первая богомолка, та, что сокрушалась о царевичѣ.

— Народно, что говорить... со всего вѣдь россійскаго государства, аки пчелы... потому чуютъ послѣднихъ временъ приближеніе,—тихо отвѣчалъ старикъ, который говорилъ, что «онъ людей печатать будетъ своей печатью».

Пѣніе каликъ-перехожихъ было покрыто вдругъ церковнымъ пѣніемъ, раздавшимся въ оградѣ лавры. Это братія провожала царевича.

— Идетъ, идетъ!—пронесся говоръ по толпѣ. Калики остановились, какъ вкопанные. Капитанъ окинулъ взоромъ своихъ драгунъ, толпу и вскочилъ на лошадь, которую держалъ подъ-уздцы одинъ изъ солдатъ.

Показался царевичъ. На лицѣ была все та же усталость, вдумчивость, какая-то робость.

Вдругъ неизвѣстно откуда выползъ изъ толпы старикъ въ очкахъ, въ подъяческомъ, затасканномъ платьѣ, и на колѣняхъ подползъ къ царевичу, держа обѣими руками на головѣ какую-то бумагу. Царевичъ остановился, почти попятился назадъ.

— Кто ты?—тихо спросилъ царевичъ.

— Нижайшій и подлѣйшій рабъ вашего царскаго величества, приказу артиллеріи подъячей Микишка Бортневъ.

— Въ чемъ твое челобитье?—спросилъ царевичъ.

— Всемилостивѣйшій, благороднѣйшій, благоутробнѣйшій

государь царевичъ, сынъ святыя матери нашея восточныя церкви и сопрестольникъ всея россійскія державы, призри благоутробіемъ щедротъ милости своея, ради имени всещедраго, милостиваго нашего общаго владыки высокопрестольнаго царя славы, подаждь ми, старцу убогому, милостыню, вели, государь, челобитье мое принять и по оному милость учинить! Государь, смилуйся, пожалуй!

Все это онъ проговорилъ однимъ духомъ, точно выпалилъ изъ своего беззубаго рта; и когда царевичъ взялъ челобитную, подъячій поклонился и поцѣловалъ землю.

— Лобызаю подножіе ногъ твоихъ, — прошамкалъ онъ и снова поползъ въ толпу. Толпа разступилась передъ нимъ, какъ передъ зачумленнымъ. Въ то время, когда существовали застѣнки и пытки, когда одно произнесеніе «слова и дѣла» увлекало, вмѣстѣ съ произносившимъ его, десятки жертвъ на «дыбы» и «виски», а потомъ на висѣлицы, на колеса, на колья, подача челобитной казалась чѣмъ-то страшнымъ.

Ползущій на колѣняхъ страннаго вида человѣкъ съ бумагой на головѣ, странная, необычная рѣчь его, цѣлованье земли, все это произвело такое сильное впечатлѣніе на толпу, повѣяло чѣмъ-то до того страшнымъ, словно вотъ-вотъ идетъ что-то невѣдомое, что-то случится, что-то какъ бы ужъ за плечами стоитъ или выйдетъ изъ земли, изъ пещеръ что-то невиданное, неожиданное... а тутъ самъ царевичъ, сынъ того великана-царя, который творитъ что-то непостижимое, страшное, за моря невѣдомыя ѣздитъ, по водѣ ходитъ, старину святорусскую гонитъ... а сколько крови—крови—крови... Все это неуловимое что-то, что-то безотчетное крыльями повѣяло надъ толпою, толпа застыла...

— Охъ, лишечко! Вже й поихали!—раздался вдругъ голосъ въ толпѣ.

Толпа очнулась отъ кошмара. Царевича уже не было.

— О, матинко! Треба догонять!—продолжалъ звонкій голосъ толстокосой съ массою монистъ на шеѣ кіевлянки.

Дѣйствительно, кто смогъ, бросился догонять. Вдали виднѣлась пыль, а изъ нея выдѣлялась, въ профиль, поникнутая голова царевича, да статная фигура скакавшаго впереди своего отряда драгунскаго капитана. Толпа хлынула за бѣгущими. У лавры остались только нищіе, слѣпые да старые.

— Се мимо иде, и се не бѣ... Буди благословенно имя Гос-

подне, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ, — произнесъ сѣдой странникъ, говорившій о печатаніи людей, и перекрестился двуперстнымъ крестомъ.

— О-охъ, грѣхи наши тяжки... послѣдніе денечки приходятъ, конецъ свѣтушка,—захныкала первая богомолка,—поди, и капустку осенью не успѣемъ собрать, какъ свѣтъ переставится.

II. Спасеніе утопающей.

Яркое весеннее утро. Невдалекѣ виднѣется Кіевъ, расползшійся по зеленымъ горамъ, полугорьямъ и косогорьямъ, которыя какъ бы играютъ съ зеленью, то прячась въ нее, то выглядывая изъ-за нея на синее небо, на синій Днѣпръ и на синюю даль лѣвобережья. На синевѣ неба отчетливо вырѣзываются куполы, главы и золотые кресты церквей. Видно даже, какъ надъ колокольнями кружатся голуби, всполошенные звономъ колоколовъ.

Голубая масса воды, называемая Днѣпромъ, тихо, словно бы апатично, катится куда-то вдаль къ теплому югу, катится годы, столѣтія, какъ катилась она даже тогда, когда на мѣстѣ Кіева ничего еще не было, какъ катилась и тогда, когда въ нее глядѣлся Перунище-идолище съ своими металлическими усами, какъ и тогда, когда въ нее сбросили это отжившее идолище, и тогда, когда по ней плыли послами къ Ольгѣ «старіи мужи» древлянскіе... Святославъ чубатый, Олегъ вѣщій, Несторъ, разбавлявшій свои лѣтописательскія чернила водою этого Днѣпра, а тамъ и казаки, гетьманы, батьки-атаманы, и голота, и Палій, и Богданъ, и Мазепа, и москали, все это носила на себѣ эта голубая масса воды и ничего не оставила ни себѣ, ни людямъ на память.

— А я что послѣ себя оставлю, чѣмъ бы имя мое вспоминалось послѣ смерти вотъ этого капитанскаго тѣла? Гренадерскій мундиръ, который останется на съѣденіе моли, когда меня положатъ въ гробъ въ мундирѣ страшнаго суда, въ саванѣ?..

— Что ты скачешь на меня, песъ, давно не видалъ что-ль? Цыцъ, постылый!

Такъ говорилъ самъ съ собою и съ своей собакой знакомый уже намъ гренадерскій капитанъ, который сопровождалъ царевича Алексѣя Петровича въ проѣздъ его черезъ Кіевъ.

Онъ шелъ берегомъ Днѣпра, возвращаясь, повидимому, съ

ранней охоты. Черезъ плечо у него перекинуто было ружье тогдашняго неуклюжаго образца, а изъ охотничьей плетеной сумки торчали куличные носы и ноги. Лицо его было спокойно, но грустно, хотя отражало на себѣ внутреннюю работу мысли и тихую раздумчивость.

Да, дѣйствительно, мысль его вся разбрелась, разбилась въ образы прошлаго, въ воспоминанья, въ воспроизведенье пережитыхъ ощущеній. То этотъ задумчивый Днѣпръ съ кигикающими надъ нимъ чайками, то тихо звонящій колоколами Кіевъ, убравшійся въ зелень, словно голова дѣвушки въ «любистокъ» и «зори», заслоняли передъ нимъ прошлое, то это прошлое съ его воспоминаніями заслоняло Днѣпръ и Кіевъ, и мысль жила за десятки лѣтъ назадъ, тамъ, тамъ, далеко къ востоку, почти у Волги, за Пензой.

«Вася! Вася! Грачи прилетѣли,—слышится ему веселый, звенящій голосъ старшаго брата Гараси.

И невыразимой мелодіей отдается гдѣ-то въ сердцѣ и въ нервахъ неистовый крикъ грачей, которые на черныхъ своихъ крыльяхъ принесли откуда-то весну съ ея журчащими ручьями, звенящими въ небѣ жаворонками и квакающими въ пруду лягушками, квакающими такъ весело, какъ потомъ онѣ уже всю жизнь не квакали.

— Вася! Слышишь, какъ кричитъ потатуйка? У нея тамъ, подъ рощею, гнѣздо въ старомъ пнѣ, и дѣти ужъ вывелись, я видѣлъ, — снова какъ бы надъ Днѣпромъ проносится голосъ Гараси.

Братья бѣгутъ къ старому пню, а за ними съ неистовой радостью несется и жучка-собака, которой тоже хочется посмотрѣть гнѣздо потатуйки. А роща и ложбина стономъ стонутъ отъ птичьихъ голосовъ, отъ всякаго жужжанья, гудѣнья и свисту.

— И куда все это дѣвалось? Куда отлетѣлъ изъ сердца этотъ рай? Куда дѣвались звуки, краски? Даже грачи вылетѣли изъ сердца и унесли съ собою весну.

Откуда-то холодомъ повѣяло на дѣтское сердце Васи. Зима пришла, не та зима, что приноситъ съ собою бѣганье по льду пруда, выслѣживанье по лѣсу, вмѣстѣ съ жучкой, зайцевъ, ловлю красногрудыхъ снѣгирей; нѣтъ, другая зима... Отецъ воротился изъ своего города, изъ Пензы, такой пасмурный. Приходитъ батюшка-священникъ. Тускло горитъ свѣча.

— Послѣднія времена настали,—говоритъ батюшка,—ужъ оклады съ иконъ обдираютъ... святые колокола на пушки переливаютъ.

— Царевну Софью Алексѣевну въ монастырь заточилъ,— говоритъ отецъ.

— Кто заточилъ? За что?—спрашиваетъ себя Вася.

— А на Москвѣ страсти, не приведи Богъ,—говоритъ снова отецъ,—стрѣльцамъ головы рубитъ, словно кочаны капустные... мертвыя тѣла на колесахъ, а головы на кольяхъ гноитъ...

— Послѣднія, послѣднія времена,—повторяетъ какъ бы про себя батюшка,—таковой кары Божьей не бывало какъ и Русь стоитъ.

И Васѣ страшно становится. Онъ уже начинаетъ кого-то бояться, не любить.

И на деревнѣ мужики говорятъ съ ужасомъ.

«Всѣхъ въ нѣмецкую вѣру повернуть велѣлъ».

«Бороды всѣмъ брѣетъ, а кто не дается, лучинкой выжигаетъ волосы-то».

«Сказываютъ, на базарѣ въ Пензѣ, у коихъ стрѣльцовъ головы отрубилъ, велѣлъ у мертвыхъ головъ бороды сбрить».

Это—первыя историческія свѣдѣнія, запавшія въ впечатлительную головку Васи... А слухи все растутъ и растутъ, и все чудовищнѣе становятся разсказы... Послѣднія времена, антихристъ, ожиданіе, что вотъ-вотъ придутъ клеймить, печатать людей, класть антихристовы знаки... Сны, видѣнія разсказываются. Съ неба упалъ свитокъ, предостерегающій людей отъ грозящей имъ конечной погибели... Колокола ночью плачутъ... Звѣзды хвостатыя и кровавыя по небу ходятъ... Видѣли кровь на снѣгу... Изъ Казанской иконы текли слезы, полну дароносицу натекло...

Изъ Москвы воротились мужики, сказывали: были они на Москвѣ, ходили на площадь смотрѣть, какъ ихъ односельчанъ, двухъ братьевъ Соболяковъ, привязали на кострѣ и сожгли живьемъ... Младшій братъ задыхался въ дыму и все кричалъ: «Православные! Не отступайтесь отъ истинной вѣры! Умрите, а ее, матушку, не выдайте!.. Истовымъ крестомъ креститесь!» Такъ и задохся на этомъ.

Прочь, прочь эти дѣтскія воспоминанія! Ихъ и старику такъ впору пережить... Мимо-мимо, горькое прошлое!

Вонъ какъ чайка плачетъ... И вспоминается слышанная тутъ, въ Кіевѣ, пѣсня:

Киги-киги! злетивши втору,
Прийшлось втопиться у Черному морю...

«Нѣтъ, горько на чужой сторонѣ... (снова думается ему). Вотъ уже десять лѣтъ я на государственной службѣ, много побродилъ по бѣлу свѣту, многое видѣли глаза мои, многое по сердцу ножемъ прошло... И бояринъ князь, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, зналъ меня, и самъ «Данилычъ» знавалъ меня, и Шереметьевъ. А ужъ ни къ кому такъ сердце мое лицомъ не повернулось, какъ къ царевичу... Не красна его жизнь»...

Вдругъ тдѣ-то въ сторонѣ, у Днѣпра или въ самомъ Днѣпрѣ, раздается отчаянный женскій крикъ. Точно льдомъ обдало нашего капитана. Крикъ повторился еще отчаяннѣе, какой-то рыдающій, умоляющій, смертный крикъ. Собака стремглавъ бросилась къ тому мѣсту, откуда неслись вопли, черезъ заросшій бурьяномъ пригорокъ. Капитанъ за нею.

На берегу, у самой воды, безумно мечется молодая женщина, то она ломаетъ руки и точно къ небу подымаетъ ихъ, желая за что-то ухватиться, то бросается въ воду, плыветъ, ныряетъ и снова рвется къ берегу съ воплемъ, задыхаясь, захлебываясь. Увидѣвъ человѣка и собаку, она съ ужасомъ присѣла въ водѣ и закрыла лицо руками, она была голая. Но тотчасъ же опомнилась.

— Проби, проби! Ратуйте, хто въ Бога вирує,—хрипло закричала она.

— Что, что случилось?

— Панночка, панночка моя втопула...

— Гдѣ? Давно?

— Отнуть, онтамъ, заразъ, — говорила она, указывая въ глубь.

Нѣсколько секундъ достаточно было, чтобы на землю полетѣло ружье, сумка, кафтанъ...

Перекрестившись, капитанъ ринулся въ воду и исчезъ въ ней.

Страшныя минуты ожиданія длятся... длятся... о! какъ безпощадно длятся!.. А его нѣтъ, нѣтъ ни его, ни той, что уже погибла можетъ быть...

Нагая, молоденькая дѣвушка, та, что толкалась въ толпѣ у

лавры въ день пріѣзда царевича, та толстокосая съ монистыми дѣвушка, это была она, безумными глазами глядѣла на воду, протянувъ впередъ обѣ руки, какъ бы собираясь броситься туда и утонуть... Громадная, растрепавшаяся, намокшая коса окутала ее всю словно плащемъ...

— А его нѣтъ... ихъ нѣтъ! Пропалъ и онъ.

Собака завыла жалобно-жалобно и, стремглавъ бросившись въ воду, начала отчаянно кружиться по поверхности и выть.

Но онъ не пропалъ. Онъ вынырнулъ далеко ниже по теченію. Но онъ былъ одинъ.

Собака радостно завизжала и бросилась къ нему. Онъ тяжело дышалъ.

Дѣвушка плакала какъ-то тихо, почти беззвучно.

Сбросивъ съ себя сапоги, наполненные водой, и разровавъ воротъ рубахи, который, казалось, душилъ его, капитанъ снова скрылся подъ водой.

Опять секунды, годы ожиданія... разъ, два... три... сердце перестаетъ ждать, перестаетъ биться... Но все же легче страдать, умереть, лопнуть отъ ожиданья, чѣмъ совсѣмъ ужъ не ждать...

Еще дольше, еще страшнѣе... Даже собака не выноситъ: она еще жалобнѣе начинаетъ выть къ небу, словно молиться...

«Се душа панночки» безумно представляется чернокосой дѣвушкѣ, потому что чайка, пролетая надъ ней, жалобно выкрикнула.

И вспомнилось ей почему-то, какъ сегодня еще панночка вишни ѣла... Дѣвушка снова заплакала, какъ ребенокъ.

Ухъ!.. Изъ воды вынырнула голова; но это не панночка, это онъ... но онъ что-то тащитъ... ближе-ближе... Это панночка!

Вотъ онъ подплылъ ближе... становится... приподымаетъ изъ воды... видно бѣлое тѣло, свѣсившіяся руки, а головы не видать... вотъ и лицо, но оно мертвое...

— Ще живи? — какъ-то шепотомъ спрашиваетъ дѣвушка, словно боясь разбудить утопленницу.

Онъ молчитъ, бережно поднимая тѣло и заглядывая въ лицо трупу. Неужели это ужъ трупъ? Это молодое, прекрасное тѣло, формы точно выточенныя изъ слоновой кости, личико полузакрытое мокрыми волосами, неужели это трупъ?

Шатаясь и тяжело дыша, онъ выноситъ ее на берегъ... Собака съ боязнью смотрѣла на все это...

— Куда нести?—порывисто спрашиваетъ онъ.—Гдѣ она жила... гдѣ живетъ она?

Тутъ только дѣвушка вспомнила, что она голая... Срамъ... но не до того теперь, не до стыда...

— Скорѣй! Куда-жъ нести? Гдѣ?

— Ось, папочку... онтамъ по-за садомъ...

— Накрой ее сорочкой, юпкой...

И онъ бережно отнялъ ее отъ себя, вытянулъ руки, она пластомъ лежала на его рукахъ, руки и ноги болтались, голова откинулась назадъ...

Ее накрыли простыней. Онъ нагнулся, чтобы ловчѣе обхватить ее и приложить голову къ плечу.

— Не кладить, не кладить, паночку, на землю!—съ испугомъ закричала дѣвушка.

Онъ ее бережно прижалъ къ себѣ и торопливо понесъ.

Дѣвушка наскоро накинула на себя сорочку, юпку, дрожа и крестясь и, захвативъ панночкино бѣлье и вещи капитана, бѣгомъ пустилась за нимъ.

Онъ шелъ черезъ пригорокъ, спотыкаясь и едва не падая. Собака слѣдовала молча, поджавъ хвостъ и опустивъ голову. Вонъ изъ-за зелени виднѣется крыша домика, крыльцо... Онъ чувствуетъ... Господи! Да чье-жъ это тѣло теплое?.. Ея?.. Или это онъ согрѣлъ ее своимъ тѣломъ?.. Всесильный! Спаси!..» Да, это ея тѣло теплое... теплое...

«Вася! Грачи прилетѣли!» — послышался вдругъ голосъ... Нѣтъ, это въ вискахъ стучитъ, это въ сердцѣ стукъ и голоса...

Что это?.. У утопленницы вода ртомъ хлынула... Въ тепломъ трупѣ чувствуется трепетанье...

«Вася! Вася! Грачи прилетѣли!» — теперь уже явственно слышится...

Но вдругъ и зелень, и домикъ, и небо, и Кіевъ, и грачи все исчезло.

Онъ остановился... зашатался... застоналъ... Дѣвушка бросилась къ нему, съ отчаяннымъ усиліемъ ухватилась за свою панночку, вырвала ее...

Когда она опомнилась отъ секуднаго потрясенія, панночка... панночка открыла глаза!

А онъ лежалъ на землѣ, широко раскинувъ руки... Собака лизала ему лицо и тихо выла...

III. Левинъ и Оксана.

Герой нашъ очнулся въ незнакомой комнатѣ, на низенькой, по мягкой постелькѣ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ на себѣ тонкую полотняную сорочку, съ маленькимъ воротомъ, вышитую синими и красными узорами, по малороссійски. Комната была небольшая, но свѣтлая, чистенько прибранная. Передъ образами въ богатыхъ окладахъ теплилась лампадка. По стѣнамъ висѣли ружья, сабли, дробницы, пороховницы, торчали сайгачьи рога. Надъ самой кроватью висѣли двѣ картины, нарисованныя яркими масляными красками. На одной было изображено побоище казаковъ съ татарами. Для вящшаго уразумѣнія мысли и тенденціозности картины, художникъ счелъ благоразумнымъ на лѣвой сторонѣ картины, внизу, подписать: «се козаки», а на правой сторонѣ «а се прокляти татаре». Общая подпись подъ картиной гласила:

Оттакъ козаки гостей пріймаютъ,
Доброю горилкою напуваютъ,
На списи мовъ кобанивъ здіймаютъ,
Гострыми шаблюками упень рубаютъ.

На другой картинѣ изображенъ былъ всѣмъ извѣстный запорожецъ, который сидитъ подъ деревомъ (дерево похоже на пальму, но это—яворъ), пьетъ горилку, играетъ на бандурѣ, а конь, привязанный къ воткнутому въ землю «ратищу» (копье), съ нетерпѣніемъ роетъ копытами землю. Подъ картиной—также всѣмъ извѣстная подпись, поражающая своей неожиданностью: «А чого ты на мене дивишься?» и т. д. Это историческая картина, цѣлыя столѣтія поражавшая и доселѣ поражающая грамотныхъ украинцевъ. Подходитъ человѣкъ полюбоваться на картину или на портретъ, и вдругъ съ удивленіемъ читаетъ: «А чого ты на мене дивишься?» Невольно человѣкъ берется за бока и хохочетъ.

Улыбнулся и герой нашъ, взглянувъ на картину.

Въ это время дверь комнаты пріотворилась, и изъ-за косяка робко выглянуло прелестное женское личико. Герой нашъ, по-

раженный этимъ видѣніемъ, невольно приподнялся на локтѣ и перекрестился, словно бы то было ангельское видѣніе. Видѣніе, съ своей стороны, радостно вскрикнуло, перекрестилось и, закрывъ вспыхнувшее краской лицо рукавомъ, исчезло за дверью.

«Вася! Грачи прилетѣли! Весна пришла», слышится въ сердцѣ невѣдомый голосъ, и сердце чуетъ, что дѣйствительно весна пришла... весной, тепломъ повѣяло къ сердцу... Вспоминается берегъ Днѣпра, страшная, зеленая вода, омутъ, скользкіе, холодные камни подъ водой... звонъ въ ушахъ, точно всѣ кіевскіе колокола сошли въ Днѣпръ и звонятъ-звонятъ... Но вотъ нащупывается что-то живое, мягко-упругое... плечи, волосы, груди... а звонъ все страшнѣе... солнце, свѣтъ, зеленый какой-то точно вода... И вдругъ, грачи, весна...

Дверь опять отворилась, и въ комнату съ робкимъ, но радостнымъ лицомъ вошла женщина, уже почти старушка, одѣтая просто, по-украински, но изящно, какъ одѣвались тогда жены козацкой старшины, горожанки.

— Благодареніе Господу, я бачу, що вамъ полегшало,—сказала старушка;—а намъ такъ страшно було за васъ.

И она подошла къ постели.—«Вы спасли отъ смерти нашу дочку, Богъ наградитъ васъ, а мы весь викъ будемъ за васъ молиться».—И она перекрестилась, взглянувъ на образа.—«За кого-жъ намъ молить Господа Бога? Скажитъ, будте ласкови, ваше имъя, отечество и званіе?»

— Меня зовутъ Василіемъ, Савинъ сынъ, Левинъ, войска его царскаго величества гренадерскаго полка капитанъ,—отвѣчалъ Левинъ (такъ звали нашего героя). Говоря это онъ приподнялся на постели.

— Лежитъ, лежитъ, будьте ласкови, Василій Савичъ.

Левинъ чувствовалъ слабость, но онъ быстро припомнилъ все, что случилось.

— Не безпокойтесь, государыня, я совсѣмъ здоровъ. Но какъ ваша дочка? Что съ ней послѣ этого ужаснаго случая?—быстро заговорилъ онъ.

— Слава Богу, слава Богу! Налякала вона насъ, и теперь страшно, якъ згадаю. А Богъ миловавъ, здоровенька, якъ рыбочка, тилько по васъ дуже убивалась бидна дитина. «Я, каже, повинна буду въ его смерти». Дуже плакала, якъ прійшла въ себе, глядючи на васъ. Теперь треба ій порадовати. Оксанко!

Оксанко! Ходи сюда, дитятко!—громко сказала старушка, обращаясь къ двери.

Видѣніе повторилось. Въ двери опять показалось прелестное личико. Но теперь оно, все пунцовое до кончика ушей, не закрывалось уже рукавомъ. Съ глазами полными слезъ, дѣвушка подошла къ матери, не смѣя взглянуть на своего спасителя; крупныя, какъ горошинки, слезы не удержались на длинныхъ рѣсницахъ и покатились по щекамъ: то были слезы радости, благодарности и стыда. Послѣднее, а отчасти и первое чувство заставило ее броситься на грудь матери и разрыдаться совсѣмъ

— Годи-годи, дитятко! Ты бачишь, имъ легше, вони славу Богу... Годи-жъ, Оксаночко,—говорила мать, гладя по головѣ дѣвушку.—Треба-жъ тоби и подяковати Василія Савича... Не плачь, не соромся, вони тоби теперь якъ отецъ ридный.

Дѣвушка открыла заплаканное лицо и перенесла свои большіе, сѣрые какъ шкурка змѣи глаза на Левина. Левинъ, въ свою очередь, весь попунцовѣлъ. Ему казалось, что онъ никогда не видѣлъ такой чарующей красоты, хотя очарованіе это не могло не усиливаться отъ того потрясающаго драматизма, который столкнулъ его съ этой дѣвушкой, гдѣ же? У порога смерти.

— Я радъ...—началъ было Левинъ, но на этомъ и прекратилась его рѣчь, лексиконъ его истощился.

— Подякуй-же, дурна, чого стоишь,—настаивала мать.

— Дякую,—прошептала дѣвушка.

— Я радъ...И опять вышелъ весь лексиконъ его.

Въ это время подъ окномъ жалобно завыла собака. Дѣвушка встрепенулась. Большущіе глаза ея засвѣтились еще больше.

— Се вона по васъ,—быстро сказала она Левину,—такъ убивалась бидна...

И мигомъ выбѣжала изъ комнаты. Старушка улыбнулась и покачала головой. «Дурна дитина, молода еще». Черезъ минуту дѣвушка явилась съ собакой. Послѣдняя радостно взвизгнула и бросилась къ Левину, силясь достать до его лица.

— Ну-ну, будетъ-будетъ! Обрадовалась?—сказалъ Левинъ, гладя собаку и отталкивая ее отъ себя.

Лексиконъ его для разговора съ собакой оказался обширнѣе, чѣмъ для разговора съ дѣвушкой. И послѣдняя, въ свою очередь, въ присутствіи собаки стала смотрѣть на Левина смѣлѣй.

— Охъ, яки-жъ мы дурни!—заторопилась старушка. — И

подяковати васъ не вмили, а теперь и не спитаемо, чимъ васъ частувати? Чого-бъ, скажить, вамъ принести покушать? У васъ другій день и крошки во рту небуло.

— Благодарю васъ, сударыня, мнѣ ничего не хочется. Я только смѣю спросить васъ, у кого въ домѣ я нашелъ такое гостепріимство? Кого я долженъ благодарить за оказанную мнѣ помощь?

— Мій мужъ сотникъ малороссійскихъ его царьского величества войскъ Остапъ Петровичъ Хмара. Винъ теперь съ царемъ у Туречини, на войни. А се наша дочка, Оксенією зовуть. Ото-жъ вона и надилала намъ клопотъ, а вамъ ще бильшъ, та спасибы Богови, вызволивъ васъ одъ смерти... Та що-жъ се я, дурна, розбалакалась, якъ сорока, а не те щобъ васъ нагодувати та напоити.

Въ то время, когда суетливая старушка топталась на мѣстѣ и тараторила безъ толку, ея «Оксенія» не оставалась безъ дѣла. Она, повидимому, состояла уже въ большой дружбѣ съ собакой Левина, и охотно раздѣляла ея радость: песъ поминутно скакалъ то къ ней, то къ Левину, стараясь поцѣловать или хоть лизнуть своего хозяина или хорошенькую панночку. Послѣдней это очень нравилось, и она весело отбивалась отъ собаки и смѣялась, а Левинъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на дѣвушку и дружески ей улыбался.

— Отъ-дурна дитина!—опять затараторила старушка, глядя на дочь.—Чи давно-жъ таки ще Богъ та добрый чоловикъ спасли одъ смерти, а воно вже и забуло, дурне, съ собакою грается... А вже й не маленька, девьятнадцяте лито пишло якъ пипъ свяченою водою обливъ та Оксенією наименовавъ... Охъ, лишечко! Та съ тобою, дурне, я й сама здурила...

И старушка выбѣжала изъ комнаты. Остались только Левинъ, «дурна дитина», какъ выражалась старушка, и песъ. По выходѣ матери, «дурна дитина» разомъ присмирѣла и хотѣла было ускользнуть, но Левинъ остановилъ ее.

— А вы, Ксенія Астафьевна, благополучно оправились послѣ того несчастнаго случая?—спросилъ онъ ласково.

— Слава Богу, благополучно,—отвѣчала дѣвушка. защищаясь отъ собаки.

— А очень испугались тогда?

— Я не помню.

— Ермакъ! Не трогай панночку, пошелъ!—обратился онъ

къ собакѣ, которая совсѣмъ заполонила панночку, на что послѣдняя не особенно претендовала.—А скоро вы пришли въ себя, когда я васъ вынесъ изъ воды?—снова спросилъ онъ.

— Скоро... Якъ вы упали... тутъ я дуже злякалася, я думала, вы вмерли.

— А кто эта дѣвушка была съ вами?

— То наша Докійка.

Въ это время дверь растворилась, и сама Докійка влетѣла въ комнату. Она несла подносъ, уставленный всякими яствами, питіями и ласощами. Докійка тоже вся побагровѣла, вспомнивъ, въ какомъ костюмѣ она познакомилась въ первый разъ съ этимъ паномъ—одна распущенная коса защищала тогда ея дѣвическую скромность. Теперь эта коса заплетена была жгутомъ и представляла подобіе доброй оглобли, оканчивающейся зеленою и голубою лентами. На крѣпкой шеѣ и высокой груди, выпиравшейся изъ-за шитой сорочки, разсыпано было съ полчетверика всякихъ бусъ и стекляруса, при малѣйшемъ движеніи издававшихъ такой звукъ, словно бы ломовая лошадь встряхивала своею наборною сбруей. Босыя, красныя, хотя соразмѣрныя ноги ступали твердо; короткая юпка-сподница обнаруживала икры невообразимаго въ нашъ тщедушный вѣкъ размѣра. Метнувъ своими большущими, черными, какъ шпанская вишня, глазами на пана, она потупила ихъ, и снова побагровѣла, когда счастливый Ермакъ хотѣлъ и ее облапить, полагая, что въ этотъ радостный день со всѣми надо цѣловаться. Докійка поставила подносъ на столъ и за чѣмъ-то снова побѣжала. За нею хотѣла ускользнуть и сама панночка, но Ермакъ, доселѣ не освободившійся отъ телячьяго восторга и все еще надѣявшійся лизнуть свою пріятельницу въ самыя губы, зацѣпился лапой за ея монисто.

— Не пускай, не пускай, Ермакъ,—весело сказалъ Левинъ, который, при всей своей слабости, чувствовалъ какой-то приливъ радости и теплоты,—не пускай.

Дѣвушка засмѣялась и точно брызнула изъ своихъ глазъ въ глаза Левина токомъ свѣта.

— Ой! Винъ монисто порве,—сказала она, отстраняясь отъ собаки.

Докійка опять вошла своею бойкой походкой, опять метнула на пана черными глазами, звякнула монистами такъ, что Ермакъ бросился сначала къ ней, а потомъ къ подносу съ яствами, и постлала на столъ новую, принесенную сю, скатерть. Вмѣстѣ

съ панночкой онѣ стали разставлять на столѣ кушанья и тихо перекидываться словами, относящимися къ дѣлу.

Левину казалось, что онъ дома, въ родной семьѣ. Что-то давнее, дѣтское проснулось въ немъ при видѣ этихъ милыхъ, привѣтливыхъ лицъ, и ему хотѣлось встать, обнять всѣхъ, разсказать имъ все, все, что онъ пережилъ, передумалъ, перечувствовалъ. На душѣ у него было легко и свѣтло, какъ въ этой свѣтлой пріютившей его комнатѣ-свѣтлицѣ.

— Какъ же это ты, Докійка, не доглядѣла за панночкой, что она чуть не утопула?—шутя спросилъ онъ.

— Вони не слухали,—отвѣчала Докійка, потупясь,—вони дуже далеко плавали.

— А теперь ужъ вы далеко не будете плавать, Ксенія Астафьевна?—спросилъ опъ самое Ксенію.

— Ни, теперь вже насъ однѣхъ мама не пустиме...

— Таки й правда, буде вже, докупались трохи не до смерти,—затараторила старушка, переступая черезъ порогъ и таща какія-то новыя ласощи,—сидить теперь дома, або купайтесь у корыти, якъ утята; тутъ не втонете...

— Ну, мамо, яка ты!—возразила Ксенія, ласкаясь къ матери.

— Добре, добре, а все-жъ таки у Днипръ ни погою.

— Ну-бо, мамцю, мы у бережечка.

— Ни-ни, и не проси... Другой разъ Василій Савичъ не полизе за тобою, и такъ он-до чого довела чоловика... Соромъ та й годи! Може ще й не встане...

Ксенія какъ ужаленная бросилась къ Левину, закрыла лицо руками и заплакала. Слезы такъ и закапали сквозь пальцы.

— Ксенія Астафьевна! Что съ вами? Ради Бога успокойтесь! Матушка пошутила, — говорилъ встревоженный Левинъ, приподымаясь съ постели.

Дѣвушка продолжала рыдать... «Я, я...» Рыданья не давали ей выговорить ни слова.

— Господь съ вами! Ксенія Астафьевна! Да успокойтесь, ради Христа!

И Левинъ схватилъ руку дѣвушки. «Успокойте ее, прошу васъ!» обратился онъ къ матери.

— Ну, годи-жъ, годи...—заговорила та, гладя дочь по головѣ.—«То-то, дурне, само наробило добра, та само й плаче... Ну, буде вже, наплакалась.

— Я, мамо... вони... я не хотила... вони не вмруть...

И она вновь зарыдала... Все пережитое въ эти дни—и личный испугъ, нравственное, физическое потрясеніе, стыдъ, боязнь за другого, который едва не погибъ, спасая ее, а можетъ быть еще и умретъ по ея винѣ, все, что для другой менѣе крѣпкой натуры могло разрѣшиться горячкой, тяжелой болѣзнью, все это разрѣшилось рыданьями, которыя копились въ молодой груди съ того момента, когда Ксенія, очнувшись на рукахъ своей горничной и собравшись съ мыслями, увидѣла, что ея спаситель лежитъ мертвымъ на землѣ. Теперь, когда мать сказала, что, быть можетъ, «онъ не станетъ», молодая энергія лопнула, какъ невмѣру согнутая сталь, и въ Ксеніи сказалась женщина. Она рыдала неудержимо. Встревоженная мать топталась на мѣстѣ, гладила и крестила ее. Даже мужественная Докійка струсила и утирала рукавомъ слезы.

— Постой-постой, я заразъ...

И старушка бѣгомъ, словно бы у нея были Докійкины ноги, пустилась куда-то изъ свѣтлицы. Левинъ самъ не выдержалъ—заплакалъ (передрята этихъ дней и у него разберединла первы). Онъ потянулся, схватилъ руки Ксеніи и, цѣлуя, обливалъ ихъ слезами... «Ради Бога... ради Господа всемогущаго», шепталъ онъ.

Тутъ только опомнилась дѣвушка... Она высвободила свои руки и глядя въ глаза Левина и сквозь слезы улыбаясь, говорила: «я не буду, не буду, не плачьте вы, простить мене!..»

— Ось-на! Выпій, доню... се свячена вода... заразъ полегшае,—суетилась мать, притащившая склянку съ святой водой;—пій, доню, оттакъ, оттакъ...

И она перекрестила дочь. Дѣвушка выпила глотокъ.

— Отъ-бачишь? Разомъ усе пройшло одъ святой воды,—увѣренно говорила старушка.

И дѣйствительно прошло. «Дурна дитина» успокоилась. Она мелькомъ взглянувъ на Левина, вышла изъ свѣтлицы, а за ней вылетѣлъ и Ермакъ, въ полной увѣренности, что ему дадутъ теперь цѣлую миску хлѣба, размоченнаго въ малороссійскомъ борщѣ, вкусъ въ которомъ онъ уже зналъ.

Старушка принялась потчивать своего гостя. Докійка стояла у стола, сложивъ руки на богатырской груди.

— Будьте ласкови, покушайте трошки. Оце печени курчата,

оце порося холодне съ хриномъ, оце свижа ковбаска, пампушечки огирочки... Може выпьете сливянки, медку... Ото яблучка квашени... павидла... покушайте на здоровьячко, вамъ и полегшае.

— Много вамъ благодаренъ, почтеннѣйшая... Я не знаю вашего имени-отчества,—говорилъ Левинъ.

— Олена Даниливна мене зовуть.

— Благодарю васъ, Елена Даниловна; но мнѣ теперь ничего не хочется.

— О! Якъ-же-жь можно! Ни-ни! Хворому треба нидкрепы... хочъ курятинки трошки.

Левинъ долженъ былъ повиноваться и попробовалъ цыпленка. «Я бы охотно выпилъ чего-нибудь холодненькаго», — сказалъ онъ.

— Медку? Кваску?

— Квасу-бы.

— Докіе! Бижи хутко, нациди квасу.

Докія побѣжала. Монисты ея производили такое звяканье, словно проходилъ взводъ стрѣльцовъ, когда они шли убивать князя Долгорукова, сказавшаго, что послѣ убитой щуки всегда остаются зубы.

— А вы були на войни? — спросила любознательная старушка.

— Какъ же, со шведомъ воевалъ, тоже и въ полтавской викторіи участіе принималъ. За свою службу его царскимъ величествомъ, а особливо свѣтлѣйшимъ княземъ много взысканъ, также и его высочествомъ царевичемъ, коего удостоился сопровождать отъ града Львова, что въ Червоной Руси, до Кіева,—отвѣчалъ Левинъ служебнымъ тономъ.

— Такъ се вы провожали царевича?—съ удивленіемъ спросила старушка.

— Я, Елена Даниловна.

— То-то не даромъ наша служка Докійка казала, що бачила васъ съ царевичемъ у лаври, а потимъ признала васъ, якъ вы вже лежали у насъ хвори. Мы думали, що вона такъ-соби меле.

Звяканье монистъ возвѣстило пришествіе Докійки. Она принесла квасъ. Вслѣдъ за нею вошла и Ксенія, Она казалась смущенною.

— Мамо,—сказала она тихо, не глядя на Левина,—прійшли москали, драгуны, питаються, чи не у насъ ихъ начальникъ, капитанъ Левинъ? Кажуть, пропавъ. Та кажуть, що Ермакъ его

собака. А Ермакъ якъ побачивъ москаливъ, заразъ до ихъ... такій радый.

— Та такъ-же, доню: Левинъ Василій Савичъ—се-жъ вони, ихъ начальникъ, капитанъ... Винъ же-жъ тебе, дурна, и изъ Днипра вызволивъ.

Дѣвушка при этихъ словахъ взглянула на Левина и остолбенѣла. Краска сбѣжала съ ея лица. Докійка смутилась и покраснѣла. Ей казалось, что у нихъ самъ царевичъ. Она вспомнила Днѣпръ, воду, себя...

IV. Признаніе и разлука.

Время шло. Левинъ совсѣмъ поправился, благодаря теплымъ попеченіямъ старушки Хмары, хорошенькой Оксаны и добросердечной, всею душою преданной имъ Докійки, которая была ровесница своей панночкѣ, училась у ней разнымъ молитвамъ, а ей пѣла пѣсни, разсказывала сказки и не чаяла въ ней души. У обѣихъ дѣвушекъ были прекрасные голоса, и, какъ кровныя украинки, онѣ звенѣли ими отъ утра до ночи, особенно когда Левинъ совсѣмъ оправился и дѣвушки замѣтили, что онъ любитъ ихъ пѣніе. А Левинъ, дѣйствительно, любилъ пѣсню, потому что самъ онъ былъ весь исполненъ самаго страстнаго лиризма. Энтузіастъ по природѣ и лирикъ, онъ, въ силу своего времени и тогдашняго міровоззрѣнія, не могъ никуда направить мощь своего внутренняго лиризма, кромѣ какъ въ религіозную страстность, въ религіозный мистицизмъ. Мысль его, какъ мысль поэта, всегда выливалась въ живые образы, въ мистическія представленія. Оттого еще въ дѣтствѣ и ранней молодости, когда молва о стрѣлецкихъ ужасахъ, о кровавыхъ расправахъ Петра съ сторонниками царевны Софьи и старыхъ порядковъ доходила до его родного вотчиннаго села Левина, въ пензинско-саранской глуши, и доходила уже въ легендарной формѣ народнаго и отчасти раскольничьяго творчества, въ умѣ и въ пылкомъ воображеніи молодого Левина, созидались цѣлые образы, и въ концѣ концовъ передъ нимъ выступалъ страшный образъ апокалипсическаго антихриста, съ его соблазнами, направленными на разрушеніе міра, съ его таинственною «печатью» погибельнымъ клеймомъ этого всесильнаго, человѣконенавистнаго звѣря. Противъ реализма начала XVIII вѣка, реализма, въ фокусѣ котораго стоялъ Петръ I, боролся такой же могущественный и едва ли не болѣе реализма устой-

чивый идеализмъ, который пріютился въ поклонникахъ старины, въ расколѣ, ушедшемъ въ лѣса, дебри и пустыни и умиравшемъ, — умиравшемъ безстрашно, геройски, на кострахъ, на плахѣ, на кольяхъ и отъ самосожженія, идеализмъ, который господствовалъ и въ мягкой, поэтической душѣ царевича Алексѣя Петровича, хотѣвшаго лучше отказаться отъ могущественнаго трона всероссійскаго, чѣмъ отъ своего «друга сердешново Афросиньюшки» и отъ своихъ демократическихъ симпатій. Къ этому разряду людей, къ идеалистамъ начала XVIII вѣка, принадлежалъ и Левинъ. Только это была едва ли не самая энергическая личность изъ всѣхъ тогдашнихъ противниковъ грубаго, прямолинейнаго, аристократическаго реализма, которому должно было служить все, какъ падишаху, не разсуждая, не чувствуя, даже не понимая его. Въ пензинскомъ захолустьѣ выродилась такая странная личность, какъ Левинъ, котораго не прельщали ни карьера, ни власть, ни нажива, ни блескъ; и между тѣмъ все это происходило не отъ природной инерціи духа, а отъ глубокой поэтичности природы, отъ лиризма, который не могъ найти исхода потому только, что Левинъ почерпалъ всю свою школьную мудрость у дьячка своего села, гдѣ отецъ его былъ помѣщикомъ-вотчинникомъ, и высшее образованіе его заключалось въ бесѣдахъ съ левинскимъ попомъ о «сложеніи большого перста съ двумя меньшими». Окончательную шлифовку характеръ Левина и его симпатіи получили въ средѣ мужиковъ, разсказами которыхъ о своихъ нуждахъ и чаяніяхъ онъ и напоенъ былъ, какъ губка. Понятно, что Левинъ не любилъ военной службы, и хоть дошелъ въ 10 лѣтъ до капитана гренадерскаго полка, однако гренадерскій мундиръ не наполнялъ всей души его, какъ онъ наполняетъ души многихъ.

За то все, гдѣ былъ широкій разгулъ и просторъ для фантазіи, все это любилъ Левинъ. Любилъ онъ и пѣсню.

Вотъ почему, когда хорошенькая, съ своимъ симпатичнымъ контральто, Оксана и звонкоголосая Докійка выходили вечеромъ на берегъ Днѣпра и, сидя у воды, пѣли глубоко-поэтическія пѣсни своей родины, Левинъ готовъ былъ слушать ихъ пѣніе всю ночь вплоть до зари. Особенно глубоко западала въ его душу мелодія пѣсни:

Туманъ, туманъ по долинѣ,
Широкій листъ на ялинѣ,
А ще ширшій на дубочку,

Понявъ голубь голубочку—
Та не свою, а чужую...

И когда пѣсня доходила до того мѣста, гдѣ дѣвушка плачетъ о своемъ миломъ, голоса пѣвицъ дѣйствительно выражали этотъ безнадежный плачъ, и Левинъ чувствовалъ, что въ его жизни начинается что-то роковое и что не легко ему будетъ оставить этотъ домъ, гдѣ весна проснулась въ его душу... И онъ слышалъ въ себѣ эту весну. Тутъ ужъ не одни грачи прилетѣли, а соловьи запѣли въ сердцѣ...

Какъ-бы то ни было, но, поправившись совсѣмъ, онъ долженъ былъ оставить домъ Хмары.

Разъ вечеромъ, когда дѣвушки сидѣли на берегу Днѣпра, Левинъ, стоявшій до того времени на крыльцѣ и прислушивавшійся къ словамъ пѣсни—

Пишла-бъ лучче я въ черници съ чорною косою
Не терпила-бъ я горечка оттакъ молодою—

Левинъ подошелъ къ нимъ и молча сталъ глядѣть на воду, на то мѣсто, гдѣ онъ нашелъ утопавшую тогда Оксану.

— Идите до насъ, Василій Савичъ.—позвала его Оксана. Она уже совсѣмъ привыкла къ нему и не стыдилась его какъ въ первый день.

Левинъ молча подошелъ.

— Сидайте и вы коло насъ.—продолжала дѣвушка.

Онѣ сѣлъ рядомъ съ Оксаной.

— Я заслушался сегодня вашихъ пѣсенъ,—сказалъ онъ,—какую это вы сейчасъ пѣли?

— Про чумака да про молодицю, що задумала съ своею чорною косою въ монастырь итти,—отвѣчала Оксана, которая была на этотъ разъ особенно разговорчива.

— Какой у васъ голосъ славный, Ксенія Астафьевна,—сказалъ Левинъ,—и у Докійки богатый голосъ...

— А чомъ вы намъ не заспиваете вашои московськои писни,—перебила его Оксана.—Я чула, якъ москали спивали, якось «Не будите мене молоду», чи що... Таки гарни писни... Заспивайте жъ намъ, будьте ласкови.

— Что-жъ я вамъ заспѣваю, Ксенія Астафьевна? У меня все невеселыя пѣсни.

— Ну, хочъ невеселу.

— Да я давно не пѣлъ, боюсь не сумѣю.

— Ни, ничого, мы послухаемо. А то и мы николи не будемъ вамъ спивать.

— Хорошо... Вотъ развѣ эту, мою любимую.

И онъ запѣлъ извѣстную тогда, разнесенную по всей Россіи опальными стрѣльцами и понизовою вольницею пѣсню:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати....

Левинъ пѣлъ хорошо. Какъ идеалистъ того времени, въ сердце котораго далеко западалъ всякій протестующій противъ насилія голосъ, онъ принялъ къ сердцу и эту протестующую, предсмертную пѣсню удалъ-добра молодца, который наканунѣ казни исповѣдывалъ всенародно, въ пѣснѣ, ставшей послѣ него народною и безсмертною, исповѣдывалъ свою жизнь, свою вину, и Левинъ пѣлъ страстно, словно бы его самого ожидала завтра казнь.

Дѣвушки слушали внимательно, боясь проронить слово, звукъ, выраженіе голоса. Онѣ такъ и замерли при звукахъ незнакомой имъ пѣсни, которой смыслъ и мелодію онѣ, какъ дѣти поэтической Украины, чуяли сердцемъ.

— Оттакъ у насъ недавно Кочубея та Искру посикли, головы одрубали,—сказала Оксана задумчиво.—Тато самъ бачивъ, якъ ихъ рубали. За то-жъ Богъ Мазепу покаравъ. А бидна Мотря Кочубеивна... Я бачила іи, коли вона була вже черничкою.

— А Мазепу вы видѣли, Ксенія Астафьевна?—спросилъ Левинъ.

— А якъ-же-жъ! Винъ у насъ часто бувалъ, коли живъ тутъ у Кіиви на гетманстви. Я тоди була ще маленька, то було посадовить мене до себѣ на колина та и сміеться: «ой-ой, боюсь, каже, боюсь! яки въ тебѣ, каже, очи, Оксанко, велики... Якъ-бы, каже, такими очами замисть пуль стриляли въ мене татары, то пропавъ бы я зовсимъ». А потимъ уже казали, що винъ хотивъ узять за себе Мотрю Кочубеивну, а тамъ и самъ пропавъ.

— А въ полтавской баталіи батюшка вашъ принималъ участіе?—спросилъ Левинъ.

— Принимавъ. Я тоди ще въ монастыри вчилась.

— Такъ вы учились въ монастырѣ?

— Чотыри годы вчилась,

— А я панночци ласощи въ монастырь носила,—вставила въ разговоръ свое слово Докійка.

— Вотъ какъ! Такъ и ты была черничкою?—шутя спросилъ Левинъ.

— Ни, пане, я такъ ходила.

— Чему же вы тамъ учились, Ксенія Астафьевна?—снова спросилъ Левинъ.

— Божественному писанію... На крылоси спивали... «Трубу» Лазаря Барановича читали: оце яка бувало въ насъ провиниться, ту заразъ и заставляютъ читать «Трубу»», а вона заразъ у слезы.

— Отчего же? И что это за «Труба» такая?

— Книга така, зовется «Труба», Лазарь Барановичъ написавъ... И поплакала жъ я надъ сею «Трубою»! Така трудна, така товста, що Господи!

Левинъ невольно засмѣялся, такъ ему понравилось это наивное признаніе.

— А вы, вѣрно, большая шалунья были въ монастырѣ?—спросилъ онъ.

— Я у матушки-игуменьи закладку бувало въ «Патерици» перекладую, а вона й забуде, на якому святому остановилась, та заразъ и каже: «се певне лупоока коза Ксенька Хмара переложила»... То вже мени й несуть «Трубу», а я плакать.

Въ это время на Днѣпрѣ, вдали отъ берега, послышались голоса. Сквозь вечернюю темноту можно было различить, что плыветъ лодка, наполненная людьми. Сидѣвшіе въ лодкѣ говорили по-русски.

— Се москали,—тихо замѣтила Докійка.

Дѣйствительно, слышна была великорусская рѣчь.

— И указалъ онъ, братецъ ты мой, запереть всѣ улицы, «прешпехтивы» по ихнему, чтобы никто по нимъ, значитъ, не ходилъ и не ѣздилъ,—говорилъ одинъ голосъ.

— Какъ же такъ? А коли дѣло есть, итти или ѣхать надо: какъ же тутъ быть?

— Поѣзжай въ лодкѣ по Невѣ али по Невкѣ.

— Да какъ же я до Невы-то доберусь? Все же надо улицей итти.

— Ни-ни! Ни Боже мой! Пророй прежде канаву, да въ лодкѣ

и поѣзжай. А коли ты пошелъ, либо поѣхалъ по улицѣ, тотчасъ ноздри рвать, да въ Сибирь.

— Что ты!

— Вѣрно.

Далѣе словъ не было слышно, а немного погодя раздалась пѣсня, доселѣ звучащая по всей русской землѣ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Оксана и Докійка слушали эту пѣсню, притаивъ дыханіе. Левинъ тоже сидѣлъ молча, не будучи въ силахъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него болтовней солдатъ, болтовней, которую, однако, повторяла вся тогдашняя, взбудораженная и напуганная петровскою дубинкою, Россія.

Изъ-за сада, за которымъ стоялъ домъ Хмары, послышались окрики: «Докіе? Доко! Де ты?» То кричала Одарка, паймичка въ домѣ Хмары, ходившая за панскими коровами, телятами и свиньями и отлично умѣвшая готовить колбасы для самого гетмана Мазепы, до которыхъ покойникъ былъ «вельми ласый».— «Докійко! Де ты, иродова дитина!»—повторился окрикъ.

— Ось-де я, бабусю,—отозвалась Докійка и бросилась къ дому.

Левинъ и Оксана остались вдвоемъ. Оба молчали. Первымъ заговорилъ Левинъ.

— Эта пѣсня всегда напоминаетъ мнѣ дѣтство и родную сторону,—сказалъ Левинъ;—я слышалъ ее на Волгѣ, маленькимъ, когда мы съ отцомъ были въ Саратовѣ. Мимо Саратова проѣзжала большая косная лодка, и на ней пѣли эту пѣсню. Сказывали тогда, что то была понизовая вольница. Воевода послалъ команду перехватить лодку, такъ тѣ не дались, изъ ружей палили. Одного казака ранили. А послѣ опять грянули пѣсню, такъ весь Саратовъ сбѣжался на берегъ. Такъ пришлась мнѣ по сердцу ихъ пѣсня, что я, маленькимъ, самъ думалъ уйти куда глаза глядятъ, чтобъ потомъ стать атаманомъ, вродѣ Ермака Тимофѣевича, и пттить въ Ерусалимъ, отбить его у невѣрныхъ. Да такъ на томъ и остался. Взяли меня въ царскую службу, дослужился я до капитана, мыкался по бѣлу свѣту, и опостылѣла мнѣ эта служба. Заскучалъ я. Еслибъ мнѣ не думалось послужить послѣ нашему царевичу, полюбился онъ мнѣ, такъ я бы давно ушелъ въ монастырь, на Аѳонъ, въ святую землю. Опостылѣла мнѣ Русь, тянетъ куда-то въ страны невѣдомыя. Да я и уйду.

Дѣвушка сидѣла молча, потупивъ голову. При послѣднихъ словахъ Левина она вздрогнула и еще болѣе потупилась.

— Только у васъ, пока я лежалъ больной, я и увидѣлъ свѣтъ Божій.—продолжалъ онъ,—да не надолго и это. А теперь опять пойду горе мыкать по свѣту. Буду вспоминать ваше добро и молиться за васъ. Завтра надо собираться въ путь—указано мнѣ быть въ арміи. Не вспоминайте меня лихомъ, Ксенія Астафьевна.

Что-то какъ бы хрустнуло около него. Онъ взглянулъ на Ксенію. Она стояла, стискивая руки и ломая пальцы. Бѣлая «хусточка», которую она держала въ рукахъ, какъ-то странно дрожала.

Левинъ всталъ и нагнулся къ дѣвушкѣ.

— Ксенія Астафьевна,—тихо окликнулъ онъ ее.

Молчаніе. Только пальцы на рукахъ дѣвушки хрустнули.

— Ксенія Астафьевна! Что съ вами? — съ испугомъ спросилъ Левинъ.

Дѣвушка судорожно рыдала, припавъ лицомъ къ ладонямъ. Левинъ растерялся. Въ вечерней тишинѣ откуда-то доносились слова пѣсни:

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю,
Упустила соколонька, та вже й не піймаю...

А изъ-за Днѣпра, по водѣ, въ гулкомъ воздухѣ неслось къ этому берегу треньканье русской балалайки и слышалось, какъ подъ это треньканье солдатикъ отчетливо выговаривалъ:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь...

Дѣвушка застонала и рванулась было уйти.

— Ради Бога! Ради Бога!—взмолился Левинъ и старался удержать ее. Дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ксенія... Ксенія Аста...фьевна... Боже мой! Что съ вами?

— Вы... вы вже... я...

Голосъ срывался, слова пропадали. Левина жаромъ обдало... «Грачи, проклятые грачи прилетѣли... я упаду»...

— Вы... изъ воды мене... у смерти взяли... — растерянно бормотала Ксенія

Левинъ припалъ губами къ ея рукѣ.—«Я... я не могу... я пропаду»...—шепталъ онъ.

Если бы въ это время онъ взглянулъ въ лицо Ксеніи, и если бы мракъ не окутывалъ его, то его поразило бы выраженіе этого лица: зрачки глазъ расширились, какъ у безумной, страшная блѣдность покрыла щеки, за минуту до того горѣвшія румянцемъ; во всемъ лицѣ, въ поворотѣ головы, въ складкахъ бровей, разомъ явилось что-то зловѣщее. Она вся какъ бы застыла, превратилась въ камень, въ мраморъ, въ статую. Но это было только одно мгновеніе. Едва Левинъ, самъ не зная что дѣлаетъ, сталъ гладить ея голову, точно маленькому ребенку, дѣвушка вздрогнула и, обвивъ руками его шею, заговорила задыхающимся голосомъ:

— Охъ, утопи мене... утопи самъ, своими руками... Я не хочу безъ тебя жить... утопи мене... Чомъ ты тоди не втопивъ мене, якъ потопала? А теперь покидаешь... Утопи-жъ, утопи...

Дальше она не могла говорить, нечѣмъ было: губы ея были заняты... Ни о какомъ потопленіи дальше не могло быть и рѣчи, потому что...

— Оксанко! Оксанко!—раздался голосъ матери.—Де ты, донько?

Руки дѣвушки разжались. Разжались и его руки... А за Днѣпромъ неугомонный москаль продолжалъ вывертывать:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь...

Вотъ такъ-то все въ жизни идетъ вперемежку.

V. Начало конца.

— Стоимъ мы эдакъ, братецъ ты мой, у самово Прута, рѣка такая турецкая, Прутомъ называется... Ужъ и подлинно «прутомъ» она, окаянная, вышла для нашей армеюшки; а такъ плевая, непутящая рѣчонка, а поди ты—дала себя знать, подлая... Ну и стоимъ,—не ѣмши, не пимши стоимъ, отъ гладу помираемъ. А онъ, значитъ, турецкій визирь съ янычены навалился на насъ съ трехъ странъ. И откуда нелегкая нанесла эту саранчу, и какъ царь со своими енералы въ экую западню попалъ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Эдакъ, примѣромъ, мы стоимъ, а эдакъ онъ, визирь проклятый, и эдакъ онъ: куда ни повернись, вездѣ онъ. И очутились мы, братецъ ты мой, словно рыба въ вершѣ. Какъ тутъ быть? А царь-то съ царицей еще не знаетъ

объ этомъ: онъ съ своими генералы подалѣ стоялъ. Ну, какъ дать знать царю? Мы-то маленько окопались, да за окопами и ждемъ смертушки, словно овцы въ кошарѣ. Отсюда и турецкая рать намъ видна. А чтобы до царскаго отряда дойти, надо чистымъ полемъ проходить: это все равно, отецъ родной, что подъ турецкій прицѣлъ стать. Ну, и выискался, слава Богу, охотничекъ. Ужъ и дьяволъ же его знаетъ, что это за окаянная башка была! Изъ здѣшнихъ, изъ малороссійскихъ полковъ, запорожскій казакъ, черкашенинъ. Стоимъ мы эдакимъ способомъ за окопами, исповѣдуемъ грѣхи свои Господу, какъ вдругъ видимъ: по этому-то по чистому полю дьяволъ скачетъ, запорожецъ: шапка на емъ не шапка, кафтанъ—не кафтанъ, штаны—не штаны, а все это, братецъ ты мой, словно на чорта шито, да не ему досталось, а этому черкашенину. И несъ его знаетъ, гдѣ и какъ онъ изъ-за окоповъ выскочилъ, точно изъ земли выросъ.

Разсказчикъ замолчалъ, потому что въ это время изъ сосѣдней комнаты послышался говоръ. Старческій голосъ, немножко въ носъ и нараспѣвъ, возвѣщалъ: «Истинно глаголю вамъ, онъ подлинный антихристъ. Внемлите сіе: въ нѣкоемъ монастырѣ, во время пасхи, содѣяся таковое чудное видѣніе: въ нощь пресвѣтлаго христова воскресенія отцы и братія монастыря того въ часовнѣ заутреню пѣли; такожде и матери и сестры вси во своей половинѣ, въ той же часовнѣ, у заутрени стояли; нѣкая же изъ нихъ богобоязливая жена въ болѣзни лежала, не можаше на нѣніи стояти, и въ келіи своей пребывала; вышедъ на переходы посмотрѣть на часовню, и се видѣ страшное и ужаса исполненное чудо: видитъ она бѣсовъ во образѣ нѣмцевъ и ляховъ, якоже видѣлъ таковыхъ бѣсовъ во образѣ ляховъ преподобный Ѳеодосій печерскій; и идутъ тѣ бѣсы къ стѣнѣ часовенной и по стѣнѣ идутъ, яко мыши цѣпляющеся, и бысть безчисленное множество бѣсовъ, съ яростію на часовню идущихъ; и егда оные бѣсы приблизились къ дверямъ и окнамъ, и внезапу изыде изъ часовни, изъ оконъ и изъ дверей, пламень огненный, съ яростію свирѣпо исходящъ и на бѣсовъ нападающъ, попаляя ихъ, аки мотыльковъ; и бѣсы аки изумленные съ ужасомъ бѣжали отъ часовни, вопіюще: «поидемъ во градъ Питеръ, помолимся господину нашему антихристу, да повелитъ безчисленнѣйшей рати бѣсовской напасти на часовню сію». И какъ

бѣжали бѣсы отъ часовни, и пламень тотъ опять окпами и дверьми въ часовню вошолъ. И по маломъ времени пріидоша бѣси несмѣтною ратію и, вооружившися своимъ бѣсовскимъ свирѣпствомъ, паки ко оной часовнѣ, ко дверямъ и оконцамъ, аки мошицы малыя устремилися, хотяще въ часовню внити. Пламя же изъ часовни оконцами и дверьми паки свирѣпѣе перваго исхождаше и бѣсовъ пожираше. И бѣжаху бѣси съ шумомъ. И въ третій разъ пришли бѣсики аки дождь безчисленны, и съ великою яростію покрыли всю часовню. И паки свирѣпое пламя пожрало оныхъ и разметало, и вси исчезоша, аки дымъ, вопіюще: «Антихристе! Антихристе! Помози намъ!» таково бысть чудо. Жена та явственно слышала, яко антихристъ во градѣ Питерѣ царствуетъ».

Гугнявый голосъ замолчалъ. Слышались только вздохи изъ сосѣдней комнаты.

— Ишь безлѣпицу городитъ объ антихристѣ, — замѣтилъ разсказчикъ.—Это онъ все сбиваетъ съ толку капитана Левина... Жаль бѣднаго капитана...

— Ну, а ты, дядя, не слушай ихъ,—говорилъ молодой ратникъ старому разсказчику.—Ну, чтожъ черкашенинъ-то, запорожецъ, что дальше-то? Выскочилъ онъ, говоришь ты, на чистое мѣсто...

— Вотъ какъ только выскочилъ это онъ на чистоту, намъ его видно какъ на ладони, и зачали, братецъ ты мой, въ ево турки жаромъ жарить, то есть, я тебѣ скажу, такъ жарили ружьемъ да стрѣлою въ этого самаго бѣса-запорожца, кажись, цѣлымъ дождемъ въ ево сыпанули!.. Мы стоимъ только да крестное знаменіе творимъ: пріими, Господи, душеньку на брани убіеннаго во царствіе твое. Ну, и чего же онъ, окаянная его, прости Богъ, башка бритая, не выдѣлывалъ только! И уму непостижимо, а разсказать, и не спрашивай. Ужъ такія штуки вывертывалъ, окаянный, и онъ, и лошадь его, такъ, и лошадь-то немудреная, ужъ такіе-то вавилоны творилъ, что и сказать нельзя... Ужъ онъ, братецъ ты мой, кружилъ, кружилъ, вился, вился, какъ ужъ на солнышкѣ, и на эту-то сторону, шельма, перекинется, кажись, такъ башкой и хлобыстнется о земь, и на ту сторону, подлецъ, перегнется, подъ самое-то черево лошади; и припадетъ-то онъ къ лукѣ и гривѣ, словно мать родную али любушку обнимаетъ; и откинется-то на сѣдлѣ навзничь, голо-

вой къ самому хвосту, ну, такъ, кажись, и хрясветъ у разбойника спина; и съ лошадью-то шарахнется въ сторону... То есть и чортъ его разберетъ, какіе узоры выводилъ онъ, бѣсъ во образѣ человѣка!.. А турки все лущатъ въ ево, лопъ, лопъ, лопъ! и все мимо, все мимо... Вотъ ужъ шельма ѣздить, такая шельма, какихъ я и отроду не видывалъ. На-что донскіе казаки люты на ѣзду, а и тѣмъ далеко до этого бритаго чорта. Ужъ подлинно чортъ! И какая ево черноглазая шельма-мать на свѣтъ породила! Такъ-таки и ускакалъ цѣлехонекъ къ самому царю, только мы и видѣли его.

— Ну, и чтожъ потомъ было, дядя?

— Да все то же. Ждали смертнаго часу.

— А для чего же турки не ударили на васъ?

— Да надо такъ полагать, силу копили, подмоги поджидали, чтобъ заразомъ насъ порѣшить.

— Ты говоришь, запорожецъ скакалъ къ царю съ вѣстями,— продолжалъ разспрашивать молодой ратникъ,—такъ зачѣмъ же турки не послали на переемъ своихъ конныхъ?

— А посылали... Кто-жъ тебѣ говоритъ: не посылали. И съ ихней стороны выскочили двое енычепъ. Какъ учали это они полемъ-то гнать за черкашенинома, такъ изъ Кропотова Гавриды полка, что окопался поручъ съ нами, ловко попотчивали ихъ свинцомъ, такъ обоихъ и ссадили съ коней.

— Какъ же вы потомъ выбрались изъ-подъ Прута-то? Баталія была?

— Баталіи были раньше, а тутъ насъ хотѣли голыми руками взять, какъ дудаковъ въ гололедицу. Да спасибо матушкѣ-царицѣ, Катеринѣ Алексѣевнѣ, выручила.

— Какъ?

— Да такъ, красотой своей да умомъ. Какъ ужъ плохо совсѣмъ пришлось царю, какъ прискакалъ къ ему нашъ запорожецъ съ вѣстями,—что такъ и такъ-де въ вершу-де щука попала, выхода нѣтъ армеюшкѣ, и сила турецкая, несмѣтная, скружила со всѣхъ странъ,—такъ, сказываютъ, матушка-царица и пошла прямо къ турецкому визирю, входитъ къ нему въ шатеръ и говоритъ: «читалъ ты, визирь турецкій, святое писаніе?»—«Читалъ», говоритъ.—«А читалъ ты, какъ Навуходоносоръ-царь напалъ на Ерусалимъ-градъ?»—«Читалъ и это».—«Помнишь ты, какъ тогда Соломонъ-царь послалъ къ ему, На-

вуходоносору-царю, жену свою прекрасную Соломонію, и какъ Навуходоносоръ-царь, пораженный ея красотою, ослѣпъ, а прекрасная Соломонія, взявъ его мечъ, отрубила ему голову и принесла ее къ Соломону на золотомъ блюдѣ? Помнишь, говоритъ, это?»—«И это помню», говоритъ визирь турецкій.—«Такъ теперь, говоритъ царица, видишь ты, визирь турецкій, мою красоту?»—«Вижу», говоритъ.—«Такъ знай же, говоритъ, что и съ тобой будетъ то же, что съ Навуходоносоромъ-царемъ, ежели ты не покоришься русскому царю». Ну, и говорятъ, визирь турецкій согласился.

Разговоръ этотъ вели между собою, въ лазаретной избѣ, въ Нѣжинѣ, двое ратныхъ людей, одинъ старый, участвовавшій въ памятномъ прутскомъ походѣ, а другой—молодой солдатъ. Въ сосѣдней комнатѣ лазаретной избы, въ офицерской палатѣ, находился Левинъ, который давно уже числился больнымъ.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Оксана Хмара любитъ его, по его жизни проѣхало тяжелое колесо и изломало всю его душу. Онъ былъ неузнаваемъ. Что-то зловѣщее свѣтилось въ его глубокихъ, глубоко-запавшихъ глазахъ. Въ четыре года онъ состарѣлся лѣтъ на сорокъ. На лицо его легла мрачная тѣнь, и тѣнь эта, какъ несмываемый загаръ души, залегла въ каждую складку тонкихъ морщинъ лба, засѣла въ очертаніяхъ губъ, подъ глазами, темнѣла въ горькой улыбкѣ, въ самомъ блескѣ глазъ, зрачки которыхъ сдѣлались больше, темнѣе, стоячѣе, какъ у мономана-фанатика.

— «Егда пріидѣ антихристъ и нача свой бѣсовскій градъ Питеръ строити, именуемый «парадизъ». сирѣчь рай пресвѣтлый, въ поруганіе якобы раю небесному (доносилась гугнявая рѣчь изъ офицерской палаты), и нача со всея россійскія земли народъ сгонять на строеніе бѣсовскаго града того, нача землю рыти и самозванныя рѣки, сирѣчь канолы проводити, идѣже Богъ не повелѣ рѣкамъ быти, и съ того часу бысть гладъ въ русской землѣ, хлѣбный недородъ и частыя зябели, нивы престаша сѣяти, и быша подати и оброци веліи, и ратное дѣло непрестанное, мало старцевъ согбенныхъ лѣтами и ссущихъ младенцевъ не брали въ солдаты, и колокола церковные, и иконные оклады, и ризы въ пѣнязи нача обращати да въ пушки, и оттого посѣти Богъ россійскую державу скудостію велію, и моромъ, и гладомъ, и нѣмцы. И отъ той скудости начаша люди

солому ржаную сѣщи и кору древесную толочь на муку, и начаша хлѣбы соломенные и древесные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь соломенной и древесной муки. И тѣ соломенные хлѣбы въ кучѣ не держалися, помяломъ изъ печи пахали да въ властяжные бураки и коробки клали. И такова стала скудость хлѣбная, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, многажды и безъ ужина живутъ. Того ради бѣсовскимъ наученіемъ, по антихристову велѣнію, начаша матери куръ и телятъ красти и дѣтей своихъ въ постъ скоромнымъ кормити. И бысть отъ того на русскую землю Божіе попущеніе. Пріимъ антихристъ державу, нача всѣхъ мучити бѣсовскими муками: начаша у людей животы пухнути отъ вхожденія во чрево съ неблагословленною пищею бѣсовъ, и люди кричаху дома и на обѣднѣ, мятежъ велій во всякъ часъ, и о землю біются аки отлашенные, и бысть крикъ неподобенъ и ужаса исполненъ—неподобными гласы кричатъ по весемъ и градомъ мужіе и жены, старцы и юницы и малые робятка. И тѣмъ юницамъ и робятомъ начаша бѣси являтися въ нѣмецкомъ образѣ, имѣя брады оголенныя и нѣмецкое одѣянія на себѣ носяще, и приносили имъ ѣству всяку тайно и кормили ихъ, заказывая никому не повѣдати о томъ. И бысть чудо въ выговской святой пустыни на Выгѣ-рѣцѣ. Видѣвше старцы пустыни тоя такое дьявольское на юницъ и робятъ нападеніе, начаша оныхъ дѣвицъ и парней распрашивати, и приказывали сказывати имъ, старцомъ, когда къ нимъ оные бѣсы подходятъ и что приносятъ. И иные изъ нихъ, какъ бѣсы къ нимъ невидимо подходили, начали сказывати старцомъ и указывати на тѣхъ бѣсовъ. И бѣсы, гнѣваясь и ярящеся на нихъ, начали на нихъ нападывати и бити ихъ лютѣя, и егда кто скажетъ, что бѣсы пришли, паущаютъ-де хлѣбъ и куръ у старцевъ красти,—и тѣхъ бѣсы о землю бросали и вельми били. И начаша святіи старцы о семъ зѣло скорбѣти, понеже и въ окрестныхъ и въ дальнихъ обителяхъ масло, и куръ, и телятъ, и огурцы соленые, и грибы бѣлые, и рыбу бѣсы воровали и дѣвкамъ на посѣдки носили, и начаша выговскіе и керженскіе и иные пустыножители молити всемилостиваго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистую его Матерь, Пресвятую Владычицу Богородицу, и частые молебны пѣти начали и и надъ ними святое евангеліе по многъ часъ читати. И запретили отцомъ и матеремъ дѣтей своихъ на посѣдки и на иныя

бѣсовскія сборища отпущати. И отъ таковаго бѣсовскаго нападенія бысть на всѣхъ страхъ и ужасъ не малое время. И начаша бѣсовъ крѣпко караулити и пищу отъ нихъ не веляху принимати и ясти. И возгнѣвашася на нихъ бѣси со отцомъ ихъ сатаною и ярящеся глаголаху имъ: «Почто вы на-насъ сказываете? Мы вамъ со всѣхъ обителей куръ и телятъ и рыбу сносили да васъ тайно кормили». И ругахуся имъ.

— Да что онъ съ капитаномъ-то нашимъ дѣлаетъ, гугнявый этотъ, странникъ что-ли онъ, къ чему онъ подводитъ?—спросилъ молодой солдатъ стараго, когда въ офицерской палатѣ смолкла монотонная рѣчь.

— Отчитываетъ его... Съ Василей-то Савичемъ что-то неладное дѣлается: задумываться сталъ.

— Что-то и я вижу. Да съ чего это думать-то онъ началъ?

— Богъ его знаетъ... Допрежъ того капитанъ Левинъ изъ гренадеровъ гренадеръ былъ, кречетомъ смотрѣлъ; а нынѣ, словно черноризецъ.

— Съ-глазу, должно.

— Не съ-глазу, а отъ мыслей это бываетъ, братецъ ты мой,—говорилъ наставительно старый солдатъ, что былъ въ прутскомъ походѣ,—а мысли то вонъ эти шатуны напущаютъ... Ишь его нудитъ!

Въ сосѣдней палатѣ дѣйствительно слышно было какъ гугнявый продолжалъ нудить надъ Левинымъ:

— «Ты вотъ Левинымъ прозываешься, а не левъ ты у Господа, а песъ смердящій. Аще хочешь быти львомъ, подобаетъ ти въ ризы ангельскія облачитися и житіемъ украситися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися и отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити, блуда бѣгати, скверъ плотскихъ удалятися»...

— «Да что ты, старикъ, наладилъ, блудъ за блудъ, да скверны плотскія? Мнѣ и безъ того тошно!—послышался протестующій, хотя слабый голосъ Левина.—Вотъ уже четвертый годъ я не гляжу на женщинъ...

— «И благо дѣлаешь, сынъ мой... А въ ту пору, какъ ты былъ въ Кіевѣ, въ проѣздъ царевича Алексѣя Петровича, не бѣсъ-ли, въ образѣ дѣвицы лѣповидныя, соблазнилъ тя?

Левинъ, повидимому, былъ пораженъ словами старца.

— А ты развѣ видѣлъ меня въ Кіевѣ?—спросилъ онъ.

— «Кто-жъ тебя тогда не видѣлъ?—отвѣчалъ старикъ.

— «Ну, и что жъ дальше?

— «Дальше ты самъ знаешь: уязвила тя красота женская. А то былъ бѣсъ блудодѣй...

— «Врешь ты, старый чортъ!—вскрикнулъ съ негодованіемъ Левинъ.—Она—чистая голубица; чистою голубицею и осталась».

— Вонъ оно что,—сказалъ молодой солдатъ;—у нашего капитана зазнобушка.

Въ это время послышался торжественный звонъ церковныхъ колоколовъ. Всѣ изумились и не знали, что это означаетъ. По улицѣ бѣжали люди.

— «Что это такое?—испуганно спрашивалъ Левинъ.—Ужъ не царь ли наѣхалъ?

— «Пропали мы всѣ, пропали, батюшки!.. Святъ-святъ-святъ Господь Саваофъ, исполнь неба и земля славы твоея!»—слышался растерянный голосъ странника.

А колокола все громче и громче заливались. Народъ все больше валилъ по улицѣ.

— «Охъ, Господи! Печерскіе угодники! Укройте невидимою поленою своею»,—молился старческій голосъ.

— Намъ нечего бояться,—сказалъ старый солдатъ;—мы бывали на свѣтлыхъ царскихъ очахъ.

— Ну, а вотъ я, дядюшка, не видалъ его,—такъ страшновато,—говорилъ молодой солдатъ.—Сказываютъ вить, что у него дубинка въ косую сажень, и коли что не по немъ, не миновать дубинки.

— Что, братецъ ты мой, дубинка? Она, значитъ, для большихъ бояръ; а коли нашъ братъ-солдатъ въ линіи какъ-есть ходитъ, такъ царь всегда бываетъ милостивъ. Службу знаешь, артикулы воинскіе произошелъ, стоишь прямо, ходишь чортомъ, ну, и все ладно,—резонировалъ старый солдатъ.

— Такъ-то такъ, дядя,—а все боязно...

— «Куда-жъ ты, старикъ?—снова послышался голосъ Левина.

— «Въ пустыню, батюшка, во прекрасную пустыню иду укрытися отъ свѣта сего прелестнаго... А то не ровенъ часъ, царь увидитъ; а онъ нашего брата не жалуетъ».

Колокола смолкли. Слышенъ былъ только говоръ на улицѣ.

VI. Стефанъ Яворскій въ Нѣжинѣ.

Оказалось, что не царя встрѣчалъ Нѣжинъ колокольнымъ звономъ, а бывшаго обывателя своего, котораго нѣжинцы видѣли босоногимъ мальчикомъ... Много лѣтъ прошло съ того времени, когда тотъ, кого теперь встрѣчали по-царски, бѣгалъ по нѣжинскимъ улицамъ маленькими босыми ножками... Много съ той поры пережила Россія, обритая, одѣтая въ нѣмецкое платье, повернутая лицомъ къ западу. Много пережилъ и тотъ, кого теперь встрѣчалъ Нѣжинъ церковнымъ почетомъ и колокольнымъ трезвономъ.

Это былъ Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола въ Россіи.

Яворскій былъ украинецъ по рожденію. Родина его—Нѣжинъ. Отсюда онъ поднялся на самую высокую должность въ государствѣ и постоянно жилъ въ Петербургѣ со времени его основанія. Но высокій санъ, жизнь среди суровой природы сѣвера, нравственный холодъ, которымъ вѣяло отъ царя и отъ всего, что отъ него исходило, тяготили Яворскаго. Онъ скучалъ по Малороссіи, тосковалъ по своей далекой родинѣ: тамъ прошла его молодость... Онъ просился у царя на покой, чтобы хоть передъ могилой родной воздухъ отогрѣлъ и успокоилъ его усталую душу; но царь не пускалъ его; такихъ умныхъ, незакорузлыхъ въ предразсудкахъ старины, какими были великорусскіе невѣжественные духовные дѣятели, такихъ образованныхъ и въ то же время податливыхъ работниковъ въ дѣлѣ церковныхъ реформъ, какими являлись украинскіе духовные, царь очень цѣнилъ и нелегко съ ними разставался.

Старые, усталые отъ многочитанья глаза митрополита, глаза, много видѣвшіе на своемъ вѣку, прочитавшіе, съ холодною непоколебимостью государственнаго человѣка, сотни смертныхъ приговоровъ, отъ его же власти исходившихъ, видавшіе и блескъ, и роскошь, взоткнутыя на колья головы и поверженные на смертныя колеса трупы казненныхъ, глаза эти свѣтились слезами умиленія, когда Яворскій въѣзжалъ въ родной городъ, гдѣ онъ не зналъ ни власти, ни блеска, ни славы, а былъ счастливѣе чѣмъ теперь, когда извѣдалъ все это.

Въѣхавъ въ городъ и направляясь прямо къ церкви, митрополитъ замѣтилъ на одномъ огородѣ очень высокое и очень старое дерево, на которомъ чернѣлось воронье гнѣздо и вокругъ него съ крикомъ кружились вороны. При видѣ этого дерева кроткіе, уже потухавшіе отъ старости глаза митрополита блеснули теплымъ огнемъ и рука его, украшенная дорогими четками, благословила и дерево, и воронье гнѣздо. Сидѣвшій съ нимъ въ одномъ экипажѣ маленькій пѣвчій, любимецъ митрополита, съ удивленіемъ взглянулъ на своего владыку.

— Тебя изумляетъ крестное знаменіе, которымъ я знаменовалъ сіе дерево и гнѣздо ворона?—спросилъ митрополитъ мальчика.

— Да, владыко,—отвѣчалъ тотъ

— Дерево это дорого мнѣ по воспоминаніямъ дѣтства,—сказалъ блюститель патріаршаго престола. — Когда я былъ отрокомъ, это дерево было такое же высокое почти, какъ и теперь; только тогда оно не имѣло сухихъ вѣтвей. И тогда на немъ было это же воронье гнѣздо. Я любилъ лазать на это дерево въ дѣтствѣ моемъ и всегда наблюдалъ, какъ выростали въ вороньемъ гнѣздѣ птенцы, питаемые неустанно трудившеюся матерью. Эта ворона научила и меня труду, и я благословилъ ея гнѣздо.... Сколько поколѣній вывелось въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ этого дерева!..

Но было и еще одно воспоминаніе молодости, которое, при видѣ стараго дерева, чѣмъ-то растапливающимъ прошло по застывшему уже сердцу маститаго блюстителя патріаршаго престола, воспоминаніе, посѣщавшее его иногда и въ минуты глубокаго раздумья о судьбахъ Россіи, и во время бесѣдъ съ царемъ, и за чтеніемъ житій святыхъ и подносимыхъ ему для прочтенія смертныхъ приговоровъ, воспоминаніе, пробиравшееся къ его сердцу сквозь митрополичье облаченіе, въ алтарѣ и на амвонѣ, въ моментъ благословенія народа или во время поученій паствы, воспоминаніе, связанное съ старымъ деревомъ запахомъ «любистка» и женскимъ шопотомъ... «сердце мое... рыбко моя»... Невольно вздрагивалъ въ рукѣ митрополита благословляющій крестъ во время большого торжественнаго выхода, когда это воспоминаніе съ запахомъ «любистка» налетало на него среди церковнаго пѣнія, въ куреніяхъ фиміама, воспоминаніе, безъ кото-

раго вся его жизнь казалась бы долгою, холодною, безпросвѣтною ночью... Но объ этомъ воспоминаніи онъ не сказалъ не только своему маленькому пѣвчему, но и никому въ продолженіе всей своей долгой, безрадостной жизни.

Теперь, въ 1715 году, когда знаменитый сподвижникъ Петра, славный проповѣдникъ и блюститель патріаршаго престола, святитель Стефанъ Яворскій невольно вспомнилъ о «любисткѣ», онъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ на освященіе вновь построенной въ этомъ городѣ церкви.

И вотъ онъ совершаетъ это освященіе... Ярко блестятъ паникадила, унизанныя горящими свѣчами. Ярко искрятся на митрополитѣ пышныя ризы, отливающія разноцвѣтными огнями драгоцѣнныхъ камней. Воздухъ церкви переполненъ, невмѣру насыщенъ ладономъ. Церковь полна народу. И сѣдыя головы стариковъ съ сивыми казацкими усами, и морщинистыя лица старушекъ, и чубатыя головы черномазой молодежи, и яркоглазыя головки украинокъ, утыканныя барвинками, васильками и «любистками», все это обращено въ ту сторону, гдѣ, поднявъ руки къ разрисованному куполу, молится старый митрополитъ... Жарко молится онъ о благоденствіи своей родины, о страждущихъ, плѣненныхъ... Утомленныя легкія едва выносятъ, вдыхая въ себя жаркій, пресыщенный всякими запахами воздухъ... но изъ всѣхъ этихъ запаховъ запахъ «любистковъ» выдѣляется чѣмъ-то особенно ѣдкимъ для сердца, для глазъ, и старымъ глазамъ владыки плакать хочется, закрыться, чтобы хотя «въ тонцѣ снѣ» еще разъ увидѣть то старое дерево, то воронье гнѣздо, обонять т о т ъ запахъ «любистка».

И у Левина на душѣ, какъ видно, былъ свой незасыхающій любистокъ... Вонъ онъ, у праваго клироса, худой, блѣдный, стоитъ и плачетъ...

Стефанъ Яворскій видитъ это. По окончаніи службы, онъ высылаетъ изъ алтаря своего маленькаго пѣвчаго—узнать, что это за человѣкъ, который такъ горько плачетъ.

— Велѣлъ владыка спросить тебя, какого ты чина человѣкъ?—спросилъ маленькій пѣвчій.

— Кронотова Гаврилы полка капитанъ, Василій Левинъ,—отвѣчалъ тотъ,—и нынѣ оставленъ съ прочими больными въ Нѣжинѣ.

Пѣвчій ушелъ.. Черезъ минуту, онъ опять возвращается изъ алтаря и подходитъ къ Левину.

— Велѣлъ тебѣ архіерей побывать у него на квартирѣ— говоритъ онъ.

Левинъ благодаритъ и выходитъ изъ церкви. Народъ не расходится. Пчелинымъ роемъ онъ волнуется и жужжитъ около церкви, у паперти, у воротъ, за отрадой. Яркіе цвѣта одежды, особенно на женщинахъ, раскраснѣвшіяся лица, головы, убранныя цвѣтами, шеи, унизанныя монистами, косы съ развѣвающимися яркими «стричками», все это напоминаетъ Левину Кіевъ, лавру, пріѣздъ царевича, берегъ Днѣпра... Черная головка съ цвѣтами... голосъ, звукъ котораго годы не убиваютъ, страданія не вытравляютъ изъ нервовъ, изъ сердца... этотъ дорогой голосъ — его не слышно... И вмѣсто него — звуки проклятой пѣсни:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь...

Левинъ, вспомнивъ о приглашеніи митрополита и безнадежно опустивъ голову, побрелъ домой.

Цѣлыхъ три дня не рѣшался онъ воспользоваться приглашеніемъ. Чѣмъ могъ помочь его горю митрополитъ? Развѣ онъ въ силахъ возвращать міру людей, которые заживо похоронены? Да и понятенъ ли будетъ для него тотъ мрачный міръ, въ которомъ блуждаетъ теперь душа Левина?

Но, какъ бы то ни было, черезъ три дня онъ пошелъ къ Яворскому. Митрополитъ встрѣтилъ его ласково, благословилъ не столько рукою, сколько добрымъ выраженіемъ глазъ, глубоко заглянувшихъ въ душу Левина... Исповѣдальней казалась ему полутемная, съ глядѣвшею въ окна зеленью, комната, въ которой принялъ его старый архіерей, только это была не та исповѣдальня, гдѣ каются въ грѣхахъ—надъ нимъ тяготѣло что-то иное, ему самому невѣдомое. Одно, что отчетливо и остро сверлило его память, это чувство утраты чего-то дорогого, незамѣнимаго, невытравливаемаго изъ души.

Митрополитъ былъ одинъ. На столѣ лежали крестъ и евангеліе. На маленькомъ окошкѣ, нижняя шибка котораго была поднята, скакалъ воробей, смѣло поклевывая крошки, брошенныя

сму рукою стараго архіерея. Въ комнатѣ пахло «любисткомъ», зеленью котораго былъ обвитъ крестъ.

— Горе есть у тебя на душѣ, сынъ мой,—почти съ первыхъ словъ замѣтилъ митрополитъ.

— Боленъ я и душою, и тѣломъ, преосвященнѣйшій владыко,—отвѣчалъ Левинъ.

— Нѣсть болѣзни, ея же бы не уврачевалъ Господь,—замѣтилъ митрополитъ и кротко улыбнулся.

Воробей скакалъ уже по столу, боясь приблизиться къ огромной печерской просфорѣ, лежавшей рядомъ съ евангеліемъ.

— Ты, сынъ мой, похожъ на этого воробья: хочешь вкусить просфоры райской и боишься,—серьезно сказалъ митрополитъ.

Левинъ молчалъ. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ, что митрополитъ съ грустной сосредоточенностью смотритъ на него и какъ бы боится прервать теченіе его мыслей.

— Я недаромъ призвалъ тебя,—сказалъ, немного помолчавъ, митрополитъ,—кто такъ плачетъ, какъ плакалъ ты въ храмѣ, у того въ душѣ есть сокровище невидимое. Мои глаза многое видѣли въ этой жизни, сынъ мой, и я научился отличать одну человѣческую слезу отъ другой. Немногіе такъ плачутъ, какъ ты плакалъ. Не за себя только были эти слезы, онѣ мѣшались, невидимо, съ другими слезами человѣческими. А сихъ послѣднихъ много, о! много, сынъ мой. Ты понимаешь меня?

— Не знаю, владыко.

— Сердце твое пойметъ меня. Повѣдай мнѣ жизнь свою: покажи кости жизни твоея, плоть же и духъ ея я уразумѣю... Давно ты находишься на государевой службѣ?

— Пятнадцатый годъ, владыко.

— Прилежитъ ли сердце твое къ оной?

Левинъ не отвѣчалъ. Митрополитъ подошелъ къ столу, взялъ евангеліе, раскрылъ его и, подавая Левину, сказалъ: «Прочти это, сынъ мой».

Глаза Левина упали на текстъ евангелія: «Да не смущается сердце ваше»,—началъ было онъ читать, и не могъ. Слезы подступили клубкомъ къ горлу, къ глазамъ, и онъ заплакалъ.

— Плачь, сынъ мой, — тихо сказалъ старикъ и положилъ руку на голову плачущаго

Левинъ, схвативъ эту руку, съ плачемъ припалъ къ ней губами.

— Владыко... преосвященнѣйшій... прости меня,—говорилъ онъ, удерживая истерическое рыданье.—Мнѣ легче стало... Я исповѣдую тебѣ жизнь мою...

Онъ остановился, какъ бы собираясь съ силами. Митрополитъ, благословивъ его евангеліемъ, положилъ книгу на столъ.

— Сядь, сынъ мой,—сказалъ онъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Воробей, наскучивъ безполезнымъ хожденіемъ около неприступной печерской просфоры, выскочилъ за окно на сосѣдній бузиновый кустъ и выступилъ въ ожесточенный бой съ другими воробьями, чѣмъ-то его обидѣвшими.

— Не жилецъ я на свѣтѣ, только Богъ смерти не посылаетъ, земля меня не принимаетъ,—сказалъ Левинъ, нѣсколько успокоившись,—нѣтъ мнѣ могилы на бѣломъ свѣтѣ; должно быть, дерево, что Господь на гробъ мнѣ ростилъ, черви источили, громомъ разбило... саванъ мой на рубашку врагу моему лютому смерть сама перешила... Да, нѣту мнѣ гроба и савана... Въ утробѣ матери меня кто-то проклялъ...

— Не говори такъ, сынъ мой, не гнѣви Бога,—кротко замѣтилъ старикъ.

— Я о себѣ говорю, владыко, о мосмъ рожденіи проклятомъ... Родила меня дворянка, и отецъ мой роду дворянскаго, и я самъ отъ сѣмени дворянскаго, не отъ плоти и похоти хамовой... А вышло мнѣ хамово житье, участь Каина, хоть я и не убивалъ брата своего... Родился я далеко отсюда, за Пензой, подъ городомъ Саранскомъ... Должно быть, мать моя горькимъ молокомъ меня вздоила, горькой полынью поила, на полыни въ зыбкѣ качала, что жизнь мнѣ далась горькая... Помню добрыя очи дьячка Турвона, что грамотѣ меня училъ, крестному знаменію наставлялъ, самъ я закрылъ эти очи добрыя грошами мѣдными, что и въ могилу съ нимъ пошли... На эти гроши я выучился, съ Турвономъ дьячкомъ и паука моя въ могилу пошла... Не посылалъ меня царь за море учиться, Богъ помиловалъ, не изъ такого я знатнаго рода былъ, чтобъ обнѣмечиться... А все же какъ стрѣльцовъ всѣхъ перевели, словно таракановъ...

При этихъ словахъ митрополитъ усиленно началъ перебирать

чотками и такъ загремѣлъ ими, что воробей, снова подбиравшійся къ просфорѣ, съ испугомъ отскочилъ отъ нея, а Левинъ остановился.

— Продолжай, сынъ мой,—спокойно сказалъ митрополитъ, какъ будто сосредоточивая свое вниманіе на воробьѣ.

— Такъ вотъ, какъ стрѣлецкую кровь всю извели, попадобилась и дворянская кровь... Взяли и меня... Служилъ я и въ Полуехтова полку и въ гренадерахъ у Кропотова Гаврилы... Много я наслышался промежъ офицеровъ о томъ, что наверху дѣлается...

Митрополитъ опять зачастилъ чотками. Опять у него, кажется, на умѣ воробей.

— Ну, такъ что же дальше?—спросилъ онъ.

— Много, много страшнаго въ уши мои вошло, владыко, а назадъ не вышло, на сердце камнемъ упало. И лежитъ тамъ этотъ камень-то, алатырь камень горючій, что въ сказкахъ сказывается...

Левинъ задумался. Лицо стало еще блѣднѣе, первыя подергиванья обнаруживали большую внутреннюю тревогу.

— Провожалъ я царевича,—заговорилъ онъ какъ бы про себя, опустивъ голову.

Стефанъ Яворскій весь сосредоточился на воробьѣ. —«Царевича»...—повторилъ онъ тихо,—гмъ... ахъ ты, воробушекъ, воробушекъ... ну?»

Левинъ взглянулъ на него.

— Ничего, сынъ мой... Я вотъ на Божію птичку смотрю,—сказалъ старикъ.—Ну, чтожъ?

— Провожалъ я царевича,—продолжалъ Левинъ,—такой-то онъ засмученый да какъ будто притомленный...

— А куда ты его провожалъ?

— Въ Кіевъ, когда онъ ѣхалъ изо Львова-града... Молился онъ печерскимъ угодникамъ и плакалъ... Заплакалъ и я... Должно быть, пыль съ ризы Іоанна-Многострадательнаго, когда я молился, попала мнѣ на сердце... Ну и съ тѣхъ поръ не знаю я покою, владыко... Въ землю уходитъ мое сердце, а умирать не умираю...

Онъ замолчалъ. Митрополитъ ждалъ, когда онъ снова начнетъ. Тотъ все молчитъ.

— Что же еще, сынъ мой?—спросилъ старикъ.

— Ничего... все.

— Ты не былъ женатъ?—спросилъ митрополитъ, немного помолчавъ.

— Нѣтъ, владыко.

— Почему же?

— Я похоронилъ... не я, а другіе похоронили мою невѣсту, когда она еще не умирала.

— Какъ такъ? Гдѣ? Кто?

— Въ Кіевѣ, послѣ проводъ царевича, я встрѣтилъ дѣвицу... Я случайно, владыко, спасъ ее отъ смерти, вытащилъ изъ Днѣпра, когда она совсѣмъ уже утонула... Мы полюбили другъ друга. Она изъ хорошаго малороссійскаго роду.

— Чіихъ родителей?—спросилъ митрополитъ.

— Она дочь сотника Евстафія Хмары.

— О, я знаю его: хорошій человѣкъ. Такъ что же вышло?

— Такъ этотъ Евстафій Хмара съ своею сотнею ходилъ съ царемъ въ походъ. Въ прутской кампаніи Хмара показалъ великую храбрость и оказалъ царю личную услугу. Когда визирь съ своими войсками окружилъ при Прутѣ россійскія войска и царю предстояло быть отрѣзаннымъ отъ своей арміи, Хмара вызвался ѣхать къ царю съ вѣстями. Проскакать мимо турецкой позиціи, а другого исходу не оставалось, значило идти на вѣрную смерть. Хмара слыветъ лучшимъ наѣздникомъ во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, почитается якобы «характерникомъ», и вотъ онъ-то проскакалъ мимо турецкой позиціи. Въ него сыпались стрѣлы и пули, а онъ такъ умѣлъ изворачиваться съ лошадью и укрываться за нею, что въ нее попало нѣсколько стрѣлъ и пуль, а онъ остался цѣлъ, и успѣлъ доскакать до царя на раненой лошади, которая скоро и пала. За это царь и пожаловалъ его царскимъ жалованьемъ, а чтобы еще вящшую оказать ему милость, онъ, узнавъ, что у него есть дочь невѣста, обѣщалъ проѣздомъ черезъ Кіевъ, выдать ее замужъ за своего деньщика Ивана Орлова. «Надо-де, говоритъ, мѣшать великороссійскую кровь съ малороссійскою, понеже оттого знатные авантажи для государства произойти могутъ: отъ таковаго-де скрещиванья подобные измѣнщику Ивашкѣ Мазепѣ злодѣи въ малороссійскихъ людяхъ всеконечно переведутся».

Тонкая улыбка пробѣжала по умнымъ глазамъ митрополита, но онъ ничего не сказалъ, а опять занялся воробьемъ.

Левинъ продолжалъ, какъ бы торопясь покончить тяжелую исповѣдь.

— Царскому повелѣнію нельзя не повиноваться. Когда отецъ объявилъ это моей невѣстѣ, она съ горя хотѣла наложить на себя руки. Меня въ то время въ Кіевѣ не было, я былъ съ своимъ полкомъ въ походѣ... Когда же послѣ воротился въ Кіевъ, чтобы вступить въ бракъ, невѣста моя уже приняла постриженіе въ ангельскій чинъ... Отъ смерти ее спасла игуменья... А царю доложили, что она раньше дала обѣтъ Богу... Послѣ мнѣ сказывали, что царь велѣлъ перевести ее въ одинъ изъ великороссійскихъ монастырей, куда-то почти къ самому Санктпитербурху, но въ какой, того не вѣдаютъ... Такъ я ее и не видалъ

Левинъ замолчалъ и какъ-то весь осунулся.

— Да, испытаніе послалъ тебѣ Господь Богъ,—сказалъ старикъ съ чувствомъ.—Но, сынъ мой, надо покориться его святой волѣ.

Глаза Левина блеснули зловѣщимъ огнемъ; но онъ ничего не сказалъ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать теперь?—спросилъ митрополитъ.

— Просился, за болѣзнью, въ монастырь... Можетъ, тамъ найду свой саванъ, хотя бы и черный, бѣлый украли у меня... Да генералъ Ренне не пускаетъ безъ указу; говоритъ, что царь-де накрѣпко заказалъ не увольнять изъ военной службы въ монастыри, а велѣлъ-де опредѣлять къ дѣламъ, и въ случаѣ болѣзни для свидѣтельствованія отсылать въ Санктпитербурхъ.

— Такъ просись туда, и когда туда пріѣдешь, то ни къ кому прежде не являйся, а явись ко мнѣ,—сказалъ митрополитъ.

Въ это время въ комнату вошелъ, отстраняя рукою маленькаго пѣвчаго, хотѣвшаго проскользнуть впередъ, новый гость, который, глубоко наклонивъ голову, произнесъ:

— Черниговскій полковникъ Павло Полуботокъ прійшовъ просить благословенія высокопреосвященнійшого владыки...

Левинъ всталъ и ожидалъ приказанія.

— Да будетъ надъ тобой божіе благословеніе,—сказалъ митрополитъ, благословляя его,—не забудь моихъ словъ.

Затѣмъ тотчасъ же обратился къ Полуботку. Левинъ вышелъ.

VII. Калики перехожіе.

Стономъ стонетъ Троицкая ярмарочная площадь въ Харьковѣ. Всевозможные крики зазывателей, предлагателей и торговокъ, которыя точно объ закладъ побились покрыть весь ярмарочный гамъ своими голосами; громкіе вопли и глухіе, но бьющіе въ ухо унисоны нищихъ, ходящихъ, стоящихъ, водимыхъ и возимыхъ по всѣмъ направленіямъ, невообразимый гвалтъ, стоящій надъ цыганскимъ полемъ, на которомъ цыгане устроили ристалище изъ негодныхъ, заѣзженныхъ и всѣми способами искалѣченныхъ лошадей; отчаянная музыка самыхъ негармоническихъ, но голосистыхъ, скрипучихъ и визгливыхъ музыкальныхъ инструментовъ; ржанье лошадей, точно одурѣвшихъ отъ цыганскаго экзамена и отчаянно взывающихъ о спасеніи; писк, визгъ, смѣхъ и покрывающій все это однообразный гулъ, въ который амальгамировался весь нестройный хаосъ звуковъ,— все это какъ-то особенно приходится по сердцу русскому человѣку, любящему ярмарку, нынѣ вымирающую, любящему окунуться съ головой въ этотъ омутъ звуковъ; потолкаться въ этомъ примитивномъ клубѣ, полюбоваться, какъ вонъ, на солнечномъ припекѣ, донской казакъ, привставъ на сѣдлѣ, съ гикомъ обгоняетъ скачущаго охлябь цыгана и стегаетъ его нагайкой, а запорожецъ, запродавшій рыбу съ условіемъ, чтобы москаль, вмѣсто могарычу, поставилъ ему «музыки», съ невозмутимою серьезностью, точно священнодѣйствуя, выбиваетъ гопака въ кругу такихъ же, какъ онъ самъ, серьезныхъ усатыхъ чумаковъ, привезшихъ на ярмарку соль и спокойно ожидавшихъ покупателей, тогда какъ «музыка», состоящая изъ двухъ пейсатыхъ жидковъ съ двумя совершенно разноголосыми скрипками, визжала такъ, какъ сорокъ тысячъ поросятъ визжать не могутъ. А вонъ тамъ, гдѣ особенно людно, сопровождаемые любознательными бабами и дѣтьми и ведомые рябымъ паренькомъ, знакомые уже намъ по Кіеву калики перехожіе гудутъ, буквально гудутъ, словно шмели монотонную старо-каличью пѣсню:

Котора калина заворуется,
Котора калина заплутуется,
Котора обзарится на бабину
Со бабою котора стакнется,
Со дѣвкою спарится,—
Зарывать того калину въ сыру землю...

— Захаръ Захребетникъ! Здорово, старина! — раздался вдругъ голосъ изъ толпы.

Одинъ изъ каликъ, ветхій, но корепастый старикъ съ сросшимися бровями, чуть не уронилъ при этомъ неожиданномъ возгласѣ своего посоха и невольно остановился. Остановился и его товарищъ съ поводыремъ.

— Здорово, Захаръ!—повторился возгласъ.

Къ каликамъ подошелъ Левинъ и сталъ около старшаго изъ нихъ. Калика страшно ворочалъ зрачками слѣпыхъ глазъ и переминался на мѣстѣ.

— Здравствуй, кормилецъ, какъ те назвать, не знаю,—сказалъ онъ нерѣшительно,—слѣпенькій вить я, ни синь-пороху не вижу.

— Знаю, знаю, — отвѣчалъ Левинъ, — а давно я тебя не видалъ.

— Да ты самъ то кто же изволишь быть, родименькій?

— Угадай.

Слѣпецъ задумался и, беззвучно шамкая что-то, только разводилъ руками.

— Нѣту-ти, отецъ родной, не угадаю, гдѣ, чаю, угадать кого слѣпому на чужой сторонѣ?

— Да какъ ты сюда попалъ?

— Въ Ксивъ тоже, кормилецъ, идемъ, къ угодничкамъ.

— А изъ села Левина давно? Въ Пензѣ были?

Калика даже объ полы руками ударился и замоталъ головой, бормоча: «Богородушка-матушка, надоумь... Микола угодникъ, осѣни»... А Левинъ, улыбаясь, продолжалъ доправлять свой допросъ:

— А что подѣлываютъ ваши бары, Левины, Герасимъ Савичъ и Василій Савичъ?

Калика спохватился.—«Ахъ, батюшка-баринъ, Василь Савичъ! Какъ васъ Богъ милуетъ? Какъ это вы изъ-за моря-то въ Харьковъ попали? У насъ сказывали, будто васъ въ нѣмецкую вѣру раскрестили и за море услали».

— Нѣтъ, Богъ миловалъ.

— А братецъ вашъ, Герасимъ Савичъ, дай Богъ ему здравія, все съ своими мужиками короводится, бѣгаютъ въ мертву голову. Какъ пошли эти указы на счетъ некрутства да лѣсовъ, чтобы некрутъ въ кандалы заковывать, а за порубку лѣса, коли кто дерево срубилъ, тому поздри рвать, а коли кто на лапти ободралъ, того кнутомъ бить, да какъ стали на деревья казенныя «пятна» класть, а народъ сгонять въ Питеръ, чтобы такимъ же побытомъ, какъ и лѣсъ, пятнать печатьми да селить, слышь, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на кіянѣ, ну, и сталъ народъ бѣгать, уйму ему нѣтъ.

— Такъ-такъ... А пойдемте-ка вы ко мнѣ... Я радъ тебя видѣть, стараго балагура.

— Какъ же, батюшка-баринъ, махонькимъ вы еще любили стараго калику Захребетника слушать.

— А кто это съ тобой товарищи?

— Что калика слѣпой, то саратовецъ... давно со мной ходитъ. А паренекъ-атъ, коли изволите помнить, такъ Варваринъ Полотковой сынъ.

— Это той, что пѣть мастерица?

— Ейный. Въ мать-ту и паренекъ удался, голосистый.

И вспомнилось Левину его родное село... Вечерній хороводъ у мельницы, и эта бѣлокурая Варюша, голосъ которой покрываетъ всѣ голоса хоровода... А тамъ и Кіевъ, и Днѣпръ... Все блѣднѣе и блѣднѣе становятся знакомыя лица за дымкою прошлаго... Только по временамъ обостряется боль воспоминаній и проходитъ, какъ все въ этомъ мірѣ...

Ярмарочный гулъ едва слышенъ. Вонъ и домикъ, въ которомъ Левинъ постой держитъ въ своихъ перекочевкахъ... Опротивѣла ему эта жизнь цыганская, сторожевая служба то въ томъ, то въ другомъ концѣ, а въ чистую все не увольняютъ.

Придя съ каликами на свою квартиру, Левинъ велѣлъ своему денщику отвести ихъ на кухню и накормить приказалъ, и вина дать имъ вволю; «люди-де странніе, притомились, такъ имъ подкрѣпа нужна».

Калики были несказанно довольны пріемомъ барина.— «Опъ, какъ и малымъ барченкомъ былъ, завсегда любилъ черный народъ, а ужъ наши калицкія пѣсни и-и какъ любилъ слушать, не чета братцу Герасиму Савичу», пояснялъ Захребетникъ.

Послѣ угощенія Левинъ велѣлъ позвать нищихъ въ сѣни своей квартиры. Сѣни были просторныя, свѣтлыя и Левинъ спалъ въ нихъ лѣтомъ. Левину пріятно было поразспросить своихъ гостей о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство и раннюю молодость и гдѣ онъ не бывалъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ. Въ то время, когда пути сообщенія были совсѣмъ примитивны, когда не существовало ни правильной почтовой гоньбы, ни современныхъ намъ способовъ передачи извѣстій, знать, что дѣлается въ какой-либо мѣстности за тысячу верстъ, можно было только по бродячимъ слухамъ, переносимымъ то богомольцами, то бѣглыми и рѣдко-рѣдко путемъ переписки.

И Левинъ услышалъ много для него новаго; но во всемъ, что онъ ни слышалъ, преобладало что-то мрачное, подавляющее, такъ что дольше, казалось, житье было невозможно. Населеніе точно въ воду исчезало, все уходило въ лѣса, въ украйныя степи, за Волгу, пряталось въ норахъ и трущобахъ. Гдѣ было по сту, по двѣсти жилыхъ, тяглыхъ дворовъ, тамъ оставалось наполовину. Масса народу ходила клейменая, съ крестами на рукахъ, выжженными порохомъ: это царскія клейма за побѣги.

— Вотъ и мнѣ пожаловали царское клеймо,—сказалъ другой калика, товарищъ Захребетника.

Выпивъ маленько за радушнымъ обѣдомъ барина, который тоже возмущался переживаемымъ страною лихолѣтьемъ, этотъ второй калика сталъ посмѣлѣе.

— Какое клеймо?—спросилъ Левинъ.

— Да вотъ во лбу, баринъ... Были и у меня допрежъ сего глаза, а нонѣ вмѣсто глазъ клеймы.

— Какъ такъ?

— Выкололи царскіе слуги.

— За что?

— Вотъ за что. Сошелъ я съ товарищами въ Астрахань, бѣжалъ, значитъ. Житье было невмоготу. Какъ пришли мы въ Астрахань, анъ тамъ и того хуже. Работы нѣту. Да и какая, барипушка, работа, коли вся Астрахань собралась было бѣжать въ турскую землю? Такіе пошли порядки, что и въ пекло бѣжать такъ впору. А воевода, Ржевскимъ прозывался, лютъ-немилостивъ, коли ты въ русской одеждѣ, въ Божью церковь не пущаетъ; а коли хочешь войти, на паперти полы велитъ обрѣзывать; коли у тебя борода, волосы вырываетъ, да еще ежели-бъ

по-христіански одинъ волосъ, а то съ мясомъ и мясо-то съ бородой собакамъ отдаетъ. Такой звѣрь. А тутъ прошелъ слухъ, что изъ Казани нѣмцевъ шлютъ, чтобы, значитъ, русскихъ дѣвокъ на блудъ брать: велѣно-де русскихъ людей въ нѣмцевъ переродить. Ну, кому же охота дите свое губить? Взяли астраханцы да и порѣшили: всѣхъ дѣвокъ разомъ обвѣнчать съ своими же парнями, чтобы нѣмцамъ не достались. Сказано, сдѣлано. А на радостяхъ и съ воеводой покончили: собакѣ-де собачья и смерть. Тутъ намъ житье стало повальготнѣе. Да не надолго этого житья-то хватило. Пришелъ бояринъ Шереметьевъ съ царскимъ войскомъ и разнесъ Астрахань. Не одинъ топоръ московскіе палачи, сказываютъ, иззубрили на астраханскихъ шеяхъ. Только меня Богъ миловалъ. Я бѣжалъ на Донъ, къ Кондрашкѣ Булавину: въ ту пору онъ атаманствовалъ надъ казаками, которые за волю стояли супротивъ нѣмецкихъ порядковъ. Ужъ и пожили жъ мы подъ рукою батюшки Кондратія: не атаманъ, а отецъ родной. А ужъ коли провинился, расправа недолга: товарищамъ крикнетъ бывало: «судите сами». А судъ у насъ коротокъ, въ куль да въ воду, и кончено. Вотъ этакимъ-то побытомъ, баринушка хорошій, и собрали мы кругъ на Хопрѣ...

— Какъ же дядя, ты сказывалъ, что допрежъ того вы въ Запороги ходили? — вмѣшался въ бесѣду поводырь, который помнилъ наизусть всѣ разсказы своего слѣпого ментора о похожденіяхъ голытьбы.

— Вѣрно, ходили, малецъ-то правъ... Это было опосля того, какъ мы разбили царскаго воеводу, князя Долгорукова. То-то лихо разнесли мы его на рѣчкѣ Айдарнѣ... Помню, туманное утро было, ни зги не видать... Сиверко такъ—къ зимѣ время шло... Помню, какъ и Долгоруковъ-то князь на осокорѣ висѣлъ... А это мы ему за то, что самъ малыихъ младенцевъ по деревьямъ вѣшалъ, носы и уши рѣзалъ, такъ и доселева на Донцѣ камолые да безносые попадаются, все отъ ево, отъ Долгорукова...

— А какъ насъ казаки-измѣнники, со своимъ христопродавцемъ Лукьяшкой стали за ноги вѣшать, тутъ мы и махнули въ Запорожье. Запорожцы обѣщали стать съ нами заодно. Отселева мы черезъ зиму прошли на Медвѣдицу, на Хоперъ, да на Бузулукъ. Голытьба аки саранча шла къ намъ... Вотъ тутъ-то мы и собирали кругъ на Хопрѣ.

— А какъ вы у измѣнниковъ-казаковъ отвоевали царское жалованье?—снова вмѣшался поводырь.

— Отвоевали, это точно что... Пропили дочиста! А народъ, ни-ни-ни!мизинцемъ не трогали. Народъ такая же, какъ и мы, голытьба, люди Божьи: за что его обижать?.. Собрались мы это на Хопрѣ. «Братцы,—говоритъ атаманъ,—бояре да нѣмцы всѣхъ въ еллинскую вѣру переводятъ! Хотите, молодцы, въ еллинскую вѣру!»—«Не любо! Не хотимъ въ поганую еллинскую вѣру!» Вотъ тутъ и написалъ онъ граматки на весь міръ. Мы сами и граматы эти развозили по всѣмъ юртамъ да станицамъ. Отъ слова до слова помнимъ слова атаманскія... «Вѣдаете сами, молодцы, говоритъ, какъ дѣды ваши и отцы положили и въ чемъ вы породились. Допрежъ-де сего старое-то поле крѣпко было и держалось-де, а нынѣ-де нѣмцы старое поле перевели, ни во что почли, и чтобы вамъ старое поле не истерять... А мнѣ-де, Булавину, запорожскіе казаки слово дали, и бѣлогородская орда и иныя орды, чтобъ быть съ нами заодно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будутъ противны, пополамъ верстаться не станутъ, или кто въ десятки не поверстается, и тому-де казаку будетъ смертная казнь».

— Однако, вашъ атаманъ, я вижу, съ мозгомъ былъ,—замѣтилъ Левинъ, котораго не могъ не поразить этотъ смѣлый разсказъ нищаго.

— Съ мозгомъ, баринушка, у, съ какимъ мозгомъ! Съ кашей бы этого мозгу съѣсть, такъ поумнѣть можно.

— Ну, такъ чтожъ было послѣ этого? У насъ въ арміи не то болтали,—сказалъ Левинъ, видимо заинтересованный одиссеею калики перехожаго.

— Что дальше-то было, баринушка... Ладно, слушай только... Вотъ словно живой онъ стоитъ передъ моими потухшими очами, атаманъ-то нашъ... Ходитъ это онъ по майдану, въ кругу-то казацкомъ, въ чекменѣ нараспашку, въ кафтанѣ, значитъ, голубомъ, да какъ шаркнетъ его о земь, какъ полыснетъ на себѣ рубаху отъ ворота до подола, и ну ее рвать въ клочки да бросать въ народъ... «Вотъ вамъ моя рубаха, православные! Берите ее замѣсто кабальной записи... Разнесемъ мы такъ Русь боярскую да нѣмецкую, какъ разорвалъ я свою рубаху и разберемъ по рукамъ... Эй, вы, голытьба не посѣянная, не кормленная, босая и голая! Эй вы, мыши загуменныя, тулупы дублёные, ча-

паны драные, ноздри рваныя, спины сѣчены, искалѣчены! Идите къ намъ, донскимъ казакамъ, за вѣру стоять, животовъ промышлять! Будете вы одѣты и обуты, сыты и пьяны! Эй вы, атаманы-молодцы! Голый и Драный, Строка и Хохлачъ и ты, Игнаша Некрасовъ! Собирайте вы, православный людъ, копье къ копью, чтобы было чѣмъ за вѣру стоять, бороды и головы спасать!»— Ну, и пошла голытьба сыпать къ намъ, аки мухи къ меду. Разбилось наше войско на шесть концовъ. Мы съ Булавинымъ кинулись къ Черкаску, отнимать атаманскую булаву у измѣнника Лукьяшки Максимова. Отняли. Самому Лукьяшкѣ голову съ плечъ долой, совѣтникамъ его тоже. И пошли на насъ рати царскія со всѣхъ концовъ на наши концы, и конецъ по концу разгромили. Эхъ, было времячко! Ѣли кашу съ саломъ, зеленымъ запивали, горя не знали. А горе у насъ за пазухой сидѣло, съ нами кашу ѣло, въ глаза смотрѣло... Этотъ Илюшка Зерщиковъ, что твой братъ родной атаманушкѣ нашему, а Илюшка и продалъ насъ, погубилъ атаманушку нашего Кондрашу Булавина. Какъ увидалъ это Кондраша измѣну, самъ на себя руки наложилъ.

— Давно это было?—спросилъ Левинъ.

— На казанскую будетъ ровно восемь лѣтъ, восьмой годъ и я свѣту Божьяго не вижу.

Левинъ сталъ считать что-то по пальцамъ... Его солнышко тоже давно закатилось...

— Ну, разсказывай, что же съ вами дальше было?

— Дальше пошло все хуже, да хуже, худая-то полоса всегда длинна и широка да гладка, а хорошая-то полоса, что сорока пестра... Какъ Булавинъ-то застрѣлился, мы и метнулись къ Игнашкѣ Некрасову. Онъ еще держался. Съ Некрасовымъ мы перекинулись черезъ Донъ, за Иловлю-рѣчку, къ самому Саратову... Ухъ и заныло-жъ у меня сердечушко, какъ увидалъ я родной городъ! Хоть и не знавалъ я въ немъ радости, а все жъ молодость вспомнилась... Молодое-то и горе—сполагоря, на весеннемъ солнышкѣ таетъ, а старое-то горе и на огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ... Подошли мы къ Саратову, остановились на Увекѣ, гора эдакая надъ Волгой. А Игнаша и говоритъ: «эхъ ты, Волга-матушка, нашему тихому Дону сестрица рожоная! Не слезами-ль ты дополнена, что текутъ въ тебя слезы со всей рос-

сейской земли? Помоги ты намъ, матушка, помоги намъ, добрымъ молодцамъ, эти слезы высушить»... Такъ пѣть, не помогла Пропало наше дѣло, сгинулъ и Игнаша Некрасовъ.

Нищій махнулъ рукой. Всѣ молчали. Паренекъ-поводырь не спускалъ глазъ съ разсказчика.

— Такъ-ту, баринушка,—продолжалъ послѣдній, — не веселъ конецъ нашей пѣсенкѣ... А весела запѣвка была... Да что дѣлать?.. Мы къ Саратову было, а на насъ калмыцкая орда налетѣла... И сломили насъ дьяволы косоглазые... Наши назадъ, степью погнали; а подо мной меренокъ подбился, меня и взяли. Тутъ я и глазъ своихъ рѣшился. Полоснулъ я одного косоглазаго, а другіе меня сзади схватили, руки связали. Такая это меня злость взяла, что какъ привели меня къ зайсангу, я ему и плюнь въ глаза. За это мнѣ мои глазыньки и выкололи

— Отчего-жъ тебя не убили?

— Да оттого, думали, что я богатый казакъ, выкупъ большой дамъ.

— Какъ же ты спасся потомъ?

— Богъ помогъ, баринушка. Другой полоняникъ выручилъ, саратовецъ же... Ночью какъ-то мы и ушли съ нимъ. Съ тѣхъ поръ я и сталъ каликою перехожимъ.

— Однакожъ ты еще счастливо отдѣлался. Еслибъ тебя поймали въ Черкаскѣ, такъ не миновать бы тебѣ колесованья или четвертованья.

— Такъ-то такъ, баринушка, да они ужъ разомъ, а то еще поди когда до могилы добредешь сослѣпу.

— А что съ Некрасовымъ сталось? Не слыхалъ?

— Какъ не слыхать, слышали... Въ Саратовѣ ужъ волжскіе казаки сказывали: какъ прибегъ это онъ на Донъ, изъ-подъ Саратова-то, и видитъ: плывутъ это по Дону плоты, а на нихъ висѣлицы, а на висѣлицахъ все нашъ братъ, голытьба да казаки... Плывутъ это, покачиваются. А воронья-то всякаго, птицы этой голодной, такъ всѣ плоты и усѣяла, да на висѣлицахъ сидятъ, да на казачьихъ плечахъ, глаза казачьи выклевываютъ... А по берегу то казачки воемъ воютъ, мужьевъ да братьевъ своихъ провожаютъ, малыя дѣтушки за ними бѣгутъ... Таково, сказываютъ, жалостно было.

Въ первый разъ Левинъ слышалъ эти подробности. Многое

доходило до него и до товарищей его по службѣ изъ тысячи слуховъ, бродившихъ по Руси, но такихъ подробностей онъ не слыхивалъ. И въ душѣ его все сильнѣе и сильнѣе звучала нехорошая нота.

— Какъ увидалъ это Некрасовъ съ товарищи, а съ нимъ было тысячи двѣ, какъ увидалъ онъ это, снялъ шапку, перекрестился и говоритъ, къ тѣмъ-то, что на плотахъ висячи плыли: «Прощайте, братцы-товарищи! Спасибо вамъ, что за вѣру постояли... Плывите съ Богомъ внизъ по тихому Дону, мимо станицъ да куреней родимыхъ. Опоганена земля православная, нечего и ложиться въ нее костямъ казацкимъ. Плывите, родимые, въ чужую землю, въ турецкую, тамъ легче теперь жить, чѣмъ на Руси православной. Я и самъ иду въ чужую землю, въ турецкую... Прощайте, братцы»!—И какъ гаркнетъ, говорятъ, за нимъ, все его войско «прощайте, братцы!»—какъ всполохнется съ плотовъ птица, воронье да карга всякая, такъ точно хмара надъ Дономъ пропеслася... Такъ и уѣхалъ Некрасовъ съ своими молодцами въ турецкую землю.

— Спасибо тебѣ, не знаю, какъ тебя зовутъ,—сказалъ Левинъ.

— Никитой, а прозывался Бурсакъ, потому маленько учился, дьячковъ сынъ, оттого и слыву Бурсакъ.

— Спасибо, Никита, за разсказъ.

— Не за что, баринушка... Ласка твоя да вино развязали мой языкъ, ну, и вспомнилось старое.

— А теперь прощенья просимъ, батюшка баринъ,—сказалъ старшій калика;—пора и честь знать, коли господа милостивы. Счастливо оставаться. Коли Богъ доведетъ до Кіева, помостъ слезами омочу передъ угодничками за твое здоровье.

— Спасибо, Захаръ, спасибо. Только на возвратномъ пути опять заверните ко мнѣ. Я съ вами домой письмо пошлю, къ брату отпишу, чтобъ помогъ вамъ чѣмъ-нибудь.

— А самъ-то, баринъ-батюшка, когда къ домамъ повернешься?

— Ужъ и не знаю, и не вѣдаю, когда...

Одаривъ нищихъ на дорогу деньгами, онъ простился съ ними, и долго прислушивался къ странному напѣву пѣсни, которую за-

тянули калики, удаляясь къ ярмаркѣ: «Охъ ты, гой еси, алилуева жена милосердна!»...

VIII. Царевичъ и Афросиньюшка.

Лѣтомъ ночь въ Петербургѣ въ 1716 году. На петропавловскомъ соборѣ любимые куранты царя, вывезенные имъ изъ голендерской земли, давно пробили двѣнадцать, а бѣлоглазая ночь не думаетъ темнѣть. Черезъ Неву то-и-дѣло скользятъ лодки; по широкимъ, не вездѣ застроеннымъ улицамъ, двигаются люди. Вездѣ видны признаки стройки, спѣшной работы. Лѣсъ, песокъ, глина, камни и громадныя глыбы гранита наворочены горами, словно титаны, русскіе люди строятъ постылый для нихъ Питеръ.

Больной царь давно уѣхалъ за море, а стройка и безъ него не останавливается... Растетъ камень на камнѣ, гранитъ на гранитѣ... Что-то выйдетъ, думаютъ русскіе люди, изъ этого новаго Вавилона?.. Не запустѣетъ ли онъ со смертью царя, какъ запустѣлъ старый Вавилонъ?.. Эти широкія улицы и площади травой зарастутъ, гранитныя горы мохомъ зазеленѣютъ, каналы плавучимъ лопухомъ да водяною лиліею подернутся... И будетъ смѣяться бѣлоглазая финская ночь надъ развалинами покинутаго города... «Се мимо иде, и се не бѣ»...

— Такъ, матушка: се мимо иде, и се не бѣ... Великое это слово, великое.

Это говорилъ знакомый уже намъ старикъ, котораго мы видѣли въ Кіевѣ, у воротъ лавры, въ проѣздъ черезъ Кіевъ царевича, а потомъ слышали таинственный разговоръ съ Левинымъ въ Нѣжинѣ, въ лазаретѣ. Теперь онъ обращался съ своей рѣчью къ молодой женщинѣ, которая сидѣла за пяльцами и вышивала золотомъ впересыпку съ жемчугами, осьмиконечный крестъ, и изрѣдка взглядывала то на своего собесѣдника, то на окно, изъ-за котораго виднѣлась Фонтанка съ недодѣланною набережною, съ изрѣдка скользящими по ней лодками, а за нею недавно разведенный самимъ Петромъ и его «Катеринушкою» «огородъ», въ настоящее время Лѣтній садъ.

По волосамъ, бѣлокурыя съ пепломъ пряди которыхъ были заплетены въ одну косу, и по одѣянію можно было сразу видѣть,

что это дѣвушка. Матовая, безъ всякаго даже намека на загаръ, бѣлизна лица и недостатокъ цвѣтности кожи изобличали недостаточность дѣйствія на это лицо солнечныхъ лучей. При всемъ томъ и это лицо, и сѣрые, продолговатые, какъ у сфинкса глаза, ясные и чистые, какъ у младенца, и исходившій изъ нихъ ровный свѣтъ не изобличали недостатка внутренней жизненности.

Когда дѣвушка поднимала голову отъ пялецъ, то на груди ея, прикрытой бѣлою сборчатою сорочкой съ кружевцомъ, видѣлся осьмиконечный крестъ, небольшой, но искрившійся огнями.

— Все мимо идетъ, токмо слово сіе не идетъ мимо,—повторилъ старикъ.

Дѣвушка медленно перенесла на него свои сфинксовые глаза.

— А давно она преставилась?—спросила она.

— Кто, матушка?

— Святая Евфросинія, полоцкая княжна.

— Давно, матушка... Сотъ пять лѣтъ будетъ, а то и больше.

Дѣвушка перенесла свои медленные глаза на Фонтанку. Она ждала кого-то.

— А устаешь, чай, въ пути, дѣдушка?—снова спросила она.

— Нѣту, ластушка моя свѣтлая, не устаю... Порой и притомишься, а все ничего... Что я? Мое дѣло подвижническое дѣло, для Бога, паломническое, бродячее сирѣчь. Скитаюсь я по угоднымъ мѣстамъ и треплю грѣхи мои старые, аки кострицу, предъ лицемъ Господа. Истоптали мои ноги старыя всю матушку родную землю, Русь святую, отъ стока моря соловецкихъ святынь и до святой горы аѳонской. И роняю я съ подошевъ моихъ притоптавшихся прахъ святой земли по всѣмъ грѣшнымъ мѣстамъ, аки бисеръ многоцѣненъ, соловецкая-то святая пылица малая ину-пору отряхается съ подошовъ моихъ въ семъ новомъ Вавилонѣ—въ Питерѣ; (содомская пыль, матушка, лѣпка и цѣпка, аки грѣхъ), а питерская-то содомская пыль, прилѣпившись къ моимъ грѣшнымъ стопамъ, питерская-то пыль отряхается въ Москвѣ-матушкѣ, у гробовъ угодниковъ Божіихъ, а московскую-то драгоцѣнную пыль несу я до Кіева святорусскаго, а изъ Кіева въ Почаевъ, и переношу я пыль великой земли русской отъ края до края, аки сердце кровь переноситъ по жиламъ моимъ грѣшнымъ и по всему тѣлу моему мерзкому...

Онъ помолчалъ. Дѣвушка, слушавшая его съ глубокимъ вниманіемъ, встала и подошла къ окну, припавъ головой къ его рамѣ. Въ выраженіи ея лица, въ движеніяхъ, во всей ея симпатичной фигурѣ было что-то совсѣмъ дѣтское, цѣломудренное, хотя полная развитость бюста и всего ея красиваго, статнаго тѣла говорила о совершенной возмужалости.

— И таково-то сладостно и горько, матушка моя, это скитаніе по бѣлу свѣту,—продолжалъ старикъ на распѣвъ и нѣсколько въ носъ.—И голоду-то и холоду натерпишься, и въ лѣсахъ, и въ дебряхъ отъ рыку звѣринаго страху наберешься, а все для Бога, ради костриги-то грѣховной, что всю душеньку мою исколола... А птички-то Божьи въ лѣсахъ и дубравахъ, а цвѣточки въ поляхъ, крины сельные, а солнышко въ небѣ, ручеечки эти самые хвалу Господу звенящи, а эта травушка весенняя, что рученьки свои чистыя да головочки безвинныя къ небесамъ аки младенецъ воздѣваетъ, тянется эта травушка-муравушка изъ сырой земли ко Господу творцу своему... И всякое-то дыханіе, козявочка малая, метыль крылатый, пчолушка, божія работница, воскодарница, медодѣлица, все-то весною красною Бога хвалитъ... Какъ сердцемъ-то да окомъ умнымъ обоймешь все это, матушка-ластушка: такъ сердце твое грѣшное, аки воскъ предъ иконою растопится-разойдется, и весь бы, кажись, самъ въ слезахъ сладкихъ вылился передъ Господомъ, аки елей, аки миро благовонное...

При послѣднемъ монологѣ дѣвушка повернулась къ старику, вся напряженно слушая, затаивъ дыханіе; а изъ широко-раскрытыхъ, изумленныхъ глазъ такъ, кажется, и брызнутъ горячія слезы.

— Дѣдушка!.. Голубчикъ!.. Гдѣ-жъ это?..

— Что, голубица моя чистая?

— Гдѣ это, что ты разсказываешь?

— Въ угодныхъ мѣстахъ, матушка, да въ сердцѣ нашемъ.

Дѣвушка опять припала головой къ окну, перекинувъ черезъ плечо свою длинную косу и задумчиво перебирая ее тонкими пальцами.

— И вотъ такъ-то, дитятко милое, и треплюсь я по бѣлу свѣту, пока мѣло мое старое, аки ризу ветхую, аки хоругвь воинскую, въ бояхъ со врагомъ Божіимъ истрепленну, прострѣ-

ленну, издыравленну не донесу до темной могилы. Ветха уже риза моя животная, ветха моя срачица тлѣпная, что нѣкогда крѣпкою и чистою, паче снѣга убѣленною, вышла изъ рукъ Божіихъ... А все брожу—угомону мнѣ, старому, нѣтъ... Такъ вотъ и къ ангелу твоему, къ преподобной Ефросиніи полоцкой, бродилъ нынѣ азъ грѣшный грѣшными ногами... Думаю: помолюсь о тебѣ матушка, о рабѣ Божіей Ефросиніи, да о царевичѣ нашемъ благовѣрномъ Алексіѣ Петровичѣ, дабы Господь сердце его, царево укрѣпилъ, разумъ его на все благое наставилъ... И вотъ принесъ вамъ съ царевичемъ по хлѣбцу благословенному да по поясочку освященному отъ мощей преподобной Ефросиніи.

При послѣднихъ словахъ дѣвушка подошла къ столу, стоявшему подъ образами, и перекрестившись, поцѣловала лежавшую на ней просвирку.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка,—сказала она.

Вдругъ за окномъ, на Фонтанкѣ, послышались голоса и плескъ воды. Дѣвушка встрепенулась и поспѣшила къ окну, но плавно, не суетливо.

— Царевичъ,—сказала она и, отойдя отъ окна, снова сѣла за пяльцы.. Руки ея немного дрожали.

Старикъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и отошелъ въ сторону, ближе къ дверямъ.

Скоро за дверями послышались голоса и шаги. Двери растворились, и вошелъ царевичъ.

На немъ былъ зеленый кафтанъ съ отворотами и съ широкими обшлагами. Кружевная рубашка съ манжетами оттѣняла его смуглое, худое лицо съ кроткими, выразительными, но какими-то запуганными глазами. Онъ былъ похожъ на отца, какъ молодой побѣгъ на старое, могучее дерево. Длинныя, тонкія, обутыя въ высокіе штиблеты ноги ступали неувѣренно. Такія же длинныя руки съ тонкими, женоподобно гибкими пальцами, которые могли искуснѣе, кажется, владѣть перомъ, чѣмъ топоромъ и саблей. Выраженіе лица, глазъ и очертаніе рта говорили, что на этомъ лицѣ скорѣе виновный могъ прочесть прощеніе, чѣмъ суровый приговоръ. Длинные, рѣдкіе, какъ и у отца волосы, но какъ-то особенно спадавшіе назадъ, придавали этой головѣ что-то дьячковское... Вообще надъ этимъ добрымъ лицомъ какъ-то не думалось видѣть царскую корону.

— Здравствуй, Фрося,—сказалъ царевичъ, подходя къ дѣвушкѣ.

— Здравствуй, государь,—тихо отвѣчала, вставшая тотчасъ изъ-за пяльцевъ, Ефросинья, опустивъ глаза

— Хорошій крестъ выходитъ,—сказалъ Алексѣй Петровичъ, нагибаясь къ пяльцамъ;—только темно, глаза испортишь.

— Нѣтъ, государь, видно.

— А! И ты здѣсь, Никита Паломникъ, здравствуй,—обратился царевичъ къ старику.

— Многая лѣта здравствовати благовѣрному государю цесаревичу,—отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

Алексѣй, снова обратившись къ Евфросиніи и къ ея работѣ, сказалъ съ замѣтной дрожью въ голосѣ, нервно:

— Хорошій крестъ, хорошій.. Кому это ты?

— Въ церковь святаго Симеона Богопріимца, государь царевичъ.

— Хорошій крестъ,—повторялъ онъ задумчиво, — такой, какъ ты и мнѣ вышила... на всю жизнь, Фрося... До могилы буду нести твой крестъ...

Щоки Евфросиніи медленно заливались краской... Она не поднимала глазъ.

— Да, донесу, донесу... Бремя его легко, и иго его сладко есть.

Въ комнату вошли еще двое мужчинъ. Одинъ—старичокъ, съ прищуренными, близорукими глазами, которые часто моргали и слезились. Вся фигура его напоминала раскольничьяго начетника, хотя это былъ князь Вяземскій, Никифоръ, учитель цесаревича и владѣлецъ дома, въ которомъ происходитъ настоящее дѣйствіе. Въ домѣ жила и Евфросинья—не то сѣнная дѣвушка, не то боярышня. Другой былъ коренастый, среднихъ лѣтъ мужчина, съ энергичнымъ лицомъ и какими-то упорными, стоячими глазами, которые, повидимому, не умѣли потупляться. Голова небольшая, но крѣпко посаженная на плечи, такъ крѣпко, что эту воловью шею могъ, кажется, только топоръ заставить нагнуться. Этотъ другой былъ Кикинъ, денщикъ царя и, если можно такъ выразиться, источникъ воли безвольнаго, мягкаго царевича.

Вошедшіе низко поклонились.

— Здравствуй, равви! Здорово, Кикинъ.

Алексѣй Петровичъ называлъ иногда своего бывшаго наставника, Вяземскаго, по-евангельски «равви», «учитель».—Здравствуйте!

— Благовѣрному царевичу радоватися,—отвѣчалъ Вяземскій, который, какъ человѣкъ начитанный, любилъ выражаться по-книжному.

— Здравствуй, государь царевичъ!—по военному отвѣчалъ Кикинъ.

Потомъ поклонившись Евфросиніи и проговоривъ: «Здравствуй, матушка Евфросинья Ѳедоровна», Кикинъ обернулся и, замѣтивъ въ сторонѣ Никиту Паломника, прибавилъ: «А! Праведный Агасферій! И ты здѣсь? Все свои люди». А Вяземскій, подойдя къ Евфросиніи, ласково, совершенно отеческимъ тономъ замѣтилъ: «А ты, Фросюшка, все томишь свои глазки свѣтлые... Брось, дитятко!..

Евфросинья ласково улыбнулась и поцѣловала старику руку.

— Я не зашелъ къ тебѣ,—обратился царевичъ къ Вяземскому,—думалъ: поздно ужъ, спитъ-де; а вотъ ее бѣлую головку (онъ обратился къ Евфросиньи) позналъ въ окнѣ—и зашелъ покурить за полуношничанье... Анъ она не одна, съ Агасферіемъ праведнымъ.

— Хлѣбецъ благословенный принесъ да поясокъ отъ преподобной Евфросиніи и заболтался,—отвѣчалъ тотъ, кого звали и Никитою Паломникомъ, и праведнымъ Агасферіемъ.

— Что, царевичъ, слышно объ нашемъ-то... о кречетѣ... о соколѣ-то залетномъ?—спросилъ Кикинъ, подходя къ Алексѣю.

— О батюшкѣ-то?

— О комъ же иномъ, царевичъ? Онъ одинъ у насъ, свѣтъ очей нашихъ... Только, вить, и свѣту у насъ, что въ окошкѣ...

— Что въ заморье-то прорубилъ окошко-то, какъ самъ сказывалъ?—замѣтилъ насмѣшливо Вяземскій,—Точно, точно, одно у насъ окошко-то слуховое... Въ нево къ намъ и дымъ-отъ идетъ изъ заморья, потому, чать, заморская-то изба почерному топится и заморскій-отъ дымъ у насъ очи выѣдаетъ...

Алексѣй Петровичъ нервно заходилъ по комнатѣ.

— Такъ.. такъ... ѣстъ очи, охъ, какъ ѣстъ дымъ-отъ заморскій.—говорилъ онъ какъ бы про себя.

— А какъ здравіе царево?—спросилъ Никита Паломникъ.

— Сказываютъ, вѣдомости прислалъ своему-то... крестничку... Данилычу-пирожнику, пишетъ, что-де доселева недугуетъ,—говорилъ царевичъ, продолжая безпокойно ходить по комнатѣ.—Былъ и въ Астрадамѣ-градѣ въ Голендахъ, и въ другихъ иноземныхъ странахъ, а нынѣ поѣхалъ чрезъ всю французскую землю къ самимъ шпанскимъ предѣламъ, въ Пирмонтъ-градъ, зальцбруновыя воды пить для леченья.

— То-то,—замѣтилъ Кикинъ,—анисовку, знать, выгонять изъ себя хочетъ... Не выгонишь ее этими-то водами: она, наша матушка анисовка, стойка, коломъ ее не вышибешь, чаю.

— Что-жъ, съ анисовымъ-то пастоемъ въ животѣ оно крѣпче для нашего батюшки царя Петра Алексѣевича,—замѣтилъ Вяземскій. — Вонъ нѣмецъ Блюментростъ какіе спирты для его кунцкаморы стряпаетъ, чтобъ въ нихъ уродовъ сажать, цѣлехоньки... Такъ-то и анисовка, здорово: еще, чай, не одну «шишечку» сдѣлаетъ своему другу сердешному Катеринушкѣ...

— О! Шишечки онъ мастеръ дѣлать: у Данилыча, поди, сколько шишекъ вскакивало отъ батюшкиной дубинки,—сказалъ цесаревичъ;—да мнѣ-то оттого не легче... Господи! Что я ему сдѣлалъ? За что онъ меня гонитъ словно ворога лютаго? Теперь вотъ, словно коркодилъ нильской, приступилъ ко мнѣ: «Иди въ монастырь, говоритъ, или исправься, а то я съ тобою, какъ со злодѣемъ поступлю». Да батюшки-жъ мои свѣты! Куда я дѣнусь! Господи!

Цесаревичъ въ отчаяньи всплеснулъ руками. Всѣ приблизились къ нему. Евфросинія хотѣла удалиться: она была блѣдна, какъ полотно. Царевичъ замѣтилъ это...

— Не уходи! Не уходи, голубушка моя!—взмолился онъ.— Мнѣ легче при тебѣ... Монастырь... исправься... Да какъ же я, голубчики мои, исправлюсь? Я не ребенокъ ужъ... Правилъ онъ меня, всю жизнь мою правилъ, охъ, какъ правилъ! Всю душеньку мою, кажись, вынулъ изъ меня, по ниточкамъ вымоталъ душу мою... А все ему мало... Не любишь-деи, говоритъ, меня, Господи! Я-ли не любилъ его, я-ли не молился на него! А онъ у меня мать отнялъ — кроткую голубицу; заточилъ ее, голубушку... А за что? За то, что ему эта пѣмка Монцова зѣлья приворотнаго дала, а послѣ эта, мачиха... Боже милостивый! За что-жъ казнь такая сыну? Не смѣй видаться съ матерью роди-

Кн. 47

мою, не смѣй думать о ней, молиться за ея здравіе, не смѣй плакать о ней. А какая ее вина? А я тутъ причемъ? Что отъ нелюбимой? Господи! И звѣрь свое дитя любитъ, а меня... меня убить хотятъ, какъ злодѣя... За что? Что я не учился якобы, лѣнился, что я не люблю его затѣйныхъ выдумокъ, не бражничаю на асамблеяхъ? Разсудите вы меня, люди добрые, голубчики вы мои! Я-ли не учился у тебя (онъ взгляпулъ на Вяземскаго)? Я-ли не дѣлалъ все, что ему угодно? А онъ всѣмъ недоволенъ, за все сердитуетъ, за все бьетъ: «не любишь-де отцовскаго дѣла, не любишь-де ратнаго дѣла...» Да Господи жъ Боже мой! Господи праведный! Вѣдь и всякое дѣло, какъ бы его усерно ни исполнялъ, опостылѣетъ, коли за него все брань да брань... До чего онъ довелъ меня: я его какъ звѣря лютаго бояться сталъ, отца-то родного... Я и дѣло возненавидѣлъ за то, что онъ силкомъ нудилъ къ нему меня и меня же глумленію предавалъ, меня же гредъ своими нѣмцами да Данилычами унижалъ, меня, сына своего первороднаго»... Ты не сынъ мнѣ, говоритъ, ты не любишь Россіи...» Господи! Онъ-то что ли любитъ ее, матушку Русь, обездоленную, голодную? Не отъ него ли она вся въ бѣги ушла, въ лѣса да въ дебри поукрылася? Не онъ ли глумился надъ нею? А крови-то, крови сколько пролилъ? Говоритъ: «для славы-де царствія россійскаго...» Ежели бы онъ ей, Россіи, искалъ славы-то, а не себѣ только, онъ не надругался бы надъ нею, не разворялъ бы ее, Русь родимую... Эхъ! И на свѣтъ-то Божій не глядѣлъ, въ землю бы зарылся... Да куда уйти-то отъ него? Гдѣ головушку преклонить? Охъ, батюшки-свѣты! Спасите меня!

Евфросинія ломала руки, забившись въ уголъ.

— Куда я уйду? Куда, Господи! — продолжалъ метаться несчастный.

— Аще взыду на небо, ты тамо еси, аще сниду во адъ, ты тамо еси,—бормоталъ про себя паломникъ.

Вяземскій и Кикинъ сидѣли мрачные, неподвижные. Они знали, что надо выждать, когда кончится первый припадокъ ихъ любимца.

— Велѣлъ онъ мнѣ жениться на этой нѣмкѣ, кронъ-принцессѣ,—продолжалъ онъ нѣсколько покойнѣе,—я исполнилъ его

волю, женился на постылой; я не перечилъ ему, виду не показалъ, каково мнѣ вотъ тутъ-то, на сердцѣ... И это не помогло, морить сталъ насъ голодомъ да срамомъ предъ иноземными людьми: корму лошадямъ не на что было купить, слугамъ нашимъ одѣться было не во что... Я на колѣняхъ выпрашивалъ подачки у любимца его, у Алексашки проклятаго, я-то, царевичъ земли россійской, будущій царь, великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ... И, Богъ свидѣтель, я не перечилъ родителю, Богомъ мнѣ данному, я въ мысляхъ не измѣнялъ царю своему... Одинъ Богъ видѣлъ каково мнѣ было жить съ нею, съ постылою-то моею: ни она меня не понимала, ни я ее не понималъ... А я все терпѣлъ, все ждалъ, что Господь склонитъ ко мнѣ сердце родительское... Нѣтъ, не умолилъ Господа... Послѣдніе деньки мои приходятъ, смертушка моя близко, чую я...

Евфросинія рыдала. Услыхавъ ея сдержанные стоны, царевичъ опомнился.

— Свѣтикъ ты мой ясный! Отрада моя единая!—закричалъ онъ, протягивая къ ней руки.—Какъ мнѣ тебя-то покинуть! Твои-то оченьки ясныя черною ризою чернецкою закрою я? Скорѣе въ гробъ лягу, чѣмъ тебя покину... Не ты ли научила меня быть добрымъ? Не ты ли научила меня стыда стыдиться, отъ безобразія житейскаго бѣгать? Не ты ли, маленькой дѣвочкой, отроковицею чистою, плакала, закрывшись ручонками, когда въ первый разъ увидала меня въ пьянственномъ видѣ безобразномъ? Не ты ли очистила меня чистотою твоею непорочною?.. Я не забылъ этого, не забылъ, забвенна буди десница моя, коли я тебя забуду.

И онъ гладилъ ея голову, цѣловалъ волосы. Дѣвушка продолжала всхлипывать, бормоча сквозь слезы: «Алешенька... другъ мой... царевичъ мой...»

Старый паломникъ, глядя на нихъ, также утиралъ украдкою свои мелкія, давно всѣ выплаканныя слезы.

Вяземскій сильно моргалъ своими прищуренными глазами. Стоячіе глаза Кикина словно какъ будто остеклѣли, уставившись въ пространство.

— Еще кто кого, посмотримъ,—сказалъ онъ хрипло, какъ бы про себя.

Алексѣй обернулся къ нему.

— Не кручинься, государь, погоди, — продолжалъ Кикинъ.—Бабушка на двое сказала... Посмотримъ еще, чья возьметъ, кто кого осилитъ... Нѣмецкая бритва, что и говорить, чисто брѣетъ русскія бороды, да ей ли вмочь будетъ съ русскимъ топоромъ тягаться? А топоръ-отъ на твоей сторонѣ, царевичъ... Вонъ спроси ево (онъ указалъ на паломника).

— Истинно, истинно, государь,—заговорилъ этотъ послѣдній.—Я-ли не испытналъ моими стопами русской земли? Я-ли не видѣлъ, сколько слезъ льется отъ Питера до Кіева, отъ истока моря сѣвернаго до сибирскихъ крайнихъ предѣловъ? Истинно говорю, рѣки слезныя... Разорена матушка Русь святая, опустѣла она, аки отъ язвы моровыя... Посѣтилъ ее Господь гнѣвомъ своимъ... Аки рыба распуганная, разбѣжались такъ россійскіе люди отъ указовъ немилостивыхъ, отъ поборовъ тяжкихъ, отъ некрутства ежелѣтняго, непрестаннаго... Кровавыми слезами плачется русская земля на родителя твоего, государь, а за тебя и за матушку твою царицу Бога молитъ.

Алексѣй опять заходилъ по комнатѣ. Лица всѣхъ казались мертвенно блѣдны, можетъ быть, оттого еще болѣе, что бѣлоглазая ночь становилась все свѣтлѣе и свѣтлѣе, глазастѣе и глазастѣе, словно Евфросинія, египетскіе глаза которой казались еще большими отъ внутренняго волненія.

Воробьи уже чирикали за окномъ. Ласточки и стрижи весело перекликались, начиная свой ранній день и свой вѣчный трудъ изъ-за корму.

Изъ-за Фонтанки откуда-то доносилась пѣсня:

Распроклятая сторонка,
Чужа дальня сторона—
Ко Питеру привела...

— Слушай, царевичъ,—сказалъ Кикинъ, подходя къ Алексѣю, и стоячіе глаза его какъ-то помутились;—я говорилъ тебѣ, помнишь, что ежели тебя и постригутъ, такъ не бѣда: клобукъ, вить, не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, его и снять можно... А я другого боюсь...

— Чего?—испугался царевичъ.

— Погоди пужаться, рано еще: его нѣтъ здѣсь... Вотъ что: не ряса у него на умѣ, а саванъ твой, понимаешь? Онъ самъ знаетъ, что клобукъ не гвоздемъ прибиваютъ, а вотъ гробовую-то крышку, такъ ту гвоздями...

Царевичъ съ ужасомъ отступилъ отъ него. Руки Евфросиніи невольно потянулись къ Алексѣю.

— Что? Что?—шепталъ глухо послѣдній.—Отецъ родной?.. Ты лжешь, подлецъ!

И Алексѣй было бросился къ нему. Но Кикинъ остановилъ его своимъ оловяннымъ, холоднымъ какъ олово взглядомъ.

— Когда у тебя родился сынъ?—спросилъ онъ также шопотомъ.

— Октября 12-го,—отвѣчалъ царевичъ, подумавъ.

— А когда скончалась кронъ-принцесса, супруга твоя?

— Октября 22-го.

— А письмо, когда онъ тебѣ отдалъ, то письмо, гдѣ онъ грозитъ лишить тебя престола?

— За день до того, какъ у него родился сынъ.

— А какимъ числомъ оно, письмо это, было подписано?

— Заднимъ числомъ, за шестнадцать день до отдачи.

— Ладно, смекай же теперь, что не о рясѣ думаютъ, а о саванѣ...

Царевичъ чуть не упалъ. Его поддержала Евфросинія.

Кикинъ приблизился къ нему и на ухо сказалъ: «Не падай, государь, у тебя есть еще на кого опереться... У Россіи и грудь, и плечи могутныя, опѣ твои, обопрись на нихъ... А я поскачу въ цесарскую землю, въ Вѣну, провѣдаю вамъ съ Евфросиньей Ѳедоровной латынскій монастырекъ съ келейкою... не поссоритесь, живучи вмѣстѣ пока... А тамъ... кто знаетъ!»

Царевичъ обнялъ его и заплакалъ... А вдали продолжали выть пѣсни:

Распроклятая сторонка...
Ко Питеру привела...

IX. Бѣгство царевича.

Въ концѣ ноября того же 1716 года, въ Вѣнѣ, въ одной изъ улицъ Леопольдштадта, у подъѣзда богатаго отеля, остановились неизвѣстные путешественники. Подъ ними было два экипажа. По внѣшней обстановкѣ можно было догадаться, что путешественники особы знатнаго рода. По костюму же слугъ, сопровождавшихъ путешественниковъ, слѣдовало заключить, что прибывшіе были поляки.

Въ первомъ экипажѣ находилось двое молодыхъ мужчинъ. Старшему изъ нихъ можно было дать отъ двадцатипяти до двадцати восьми-девяти лѣтъ. Онъ былъ высокъ, блѣденъ и задумчивъ, съ такимъ выраженіемъ лица, какое иногда замѣчается у людей, которые сознаютъ, что носятъ въ себѣ неизлечимую болѣзнь, или готовятся къ опасной операціи, или рѣшаются на что-нибудь невозвратное. Младшій же былъ совсѣмъ почти ребенокъ, съ совершенно дѣтскимъ личикомъ, и его можно было дѣйствительно принять за ребенка, если бы высокій ростъ и хорошо развитыя плечи не показывали, что онъ уже пережилъ дѣтскій возрастъ. Онъ былъ въ костюмѣ, напоминавшемъ пажа стараго времени. Но что особенно поражало въ этомъ мальчикѣ, это необыкновенно богатые, роскошно падавшіе на плечи и необыкновенно свѣтлые, почти бѣлые волосы, совсѣмъ не оттѣнявшіе кругленькое, бѣлоснѣжное личико юноши. Зато безподобно оттѣняли его темныя брови, высоко вскинувшіяся надъ сѣрыми глазами.

Въ другомъ экипажѣ находились служители этихъ путешественниковъ.

Въ адресной книгѣ отеля приказано было записать: «польскій шляхтичъ Коханскій».

— Эти пріѣзжіе польскіе господа, должно быть, народъ богатый,—передавалъ своимъ товарищамъ старый отельный кельнеръ Фрицъ, подмигивая однимъ глазомъ (это, впрочемъ, была его лакейская привычка—таинственничать и таинственно подмигивать, хотя бы ему приходилось сообщать, что вакса не годится).—Люблю я этихъ поляковъ, польскихъ господъ то есть, наповъ ихъ—сорятъ дукатами на водку... Зо! (зо—тоже любимое слово Фрица).

— Ну, не говори, геръ Фрицъ,—перебилъ его другой кельнеръ, полякъ Юзефъ. — Какое это польское панство? Ихъ хлопы, я замѣтилъ, не понимаютъ по-польски. Я съ ними заговаривалъ.

— Такъ что-жъ, что не понимаютъ! У польскихъ господъ всегда эдакія замашки, чтобы лакеи у нихъ были иностранцы, шикъ!—возражалъ Фрицъ, подмигивая.—Зо!

— Такъ-то такъ, да все что-то не такъ,—отстаивалъ свое мнѣніе Юзефъ,—нашъ братъ полякъ не таковъ, а особливо панъ. Закрутитъ это уса, брякнетъ шпорой, звякнетъ карабелей, гляпетъ чортомъ, ну, такъ душа въ пятки и уйдетъ! А это что? Мокрая курица!—горячился Юзефъ.

— Да онъ, можетъ, больной, блѣдный какой-то, зо!

— Больной!.. Эка важность! Нашъ братъ-полякъ и больной орломъ смотритъ.

— То-то отъ орла-то своего, отъ пана, ты и тягу далъ къ намъ, въ Вѣну, зо!

Юзефъ сразу не нашелся.

— Что-жъ... Ну, порютъ, правда... да это все отъ москалей, у нихъ переняли,—бормоталъ онъ,—слово гонору, у нихъ, у проклятыхъ москалей.

— Ach, mein Gott! Ach, mein Gott! Какіе волосы! Ахъ, еслибъ у меня такіе волосы! — заохала, вбѣгая къ лакеямъ, краснощекая, краснорукая и толстогрудая, но почти безволосая нѣмочка-служанка.—Ахъ, Юзефъ! Ахъ, Фрицъ! Какіе волосы!

— Это у кого?

— Ахъ! У того молоденькаго господина, что пріѣхалъ съ худымъ господиномъ.

Между тѣмъ этотъ худой господинъ, немного погодя, вышелъ изъ отеля въ сопровожденіи служителя и, взявъ экипажъ, тотчасъ куда-то уѣхалъ.

Какъ оказалось, онъ уѣхалъ во внутренній городъ, въ самую Вѣну, и черезъ нѣсколько минутъ экипажъ его остановился на площади у подъѣзда отеля «Bei Klapperer». Господинъ и слуга вошли въ отель. Былъ уже десятый часъ почи. Вѣна, какъ аккуратная нѣмка, почти вся спала.

Не спалъ лишь худой господинъ и его служитель. Войдя въ лучшій номеръ отеля и, приказавъ запереть дверь, онъ сталъ тревожно ходить, почти бѣгать по обширной комнатѣ. Отельная

прислуга въ коридорѣ, ходя на цыпочкахъ, таинственно перешептывалась и пожимала плечами... Кто, что, зачѣмъ? Никто ничего не зналъ...

— Schwedicher König, Karl XII,—шепталъ одинъ.

— Russicher Zaar, Peter der grausamme,—догадывался другой.

Nein, Mazepa, saporogicher Kozak,—говорилъ самый догадливый.

— Ptai! Mazepa schon gestorben...

Между тѣмъ тотъ, о которомъ толковали проснувшіеся лакеи, продолжалъ бѣгать по своему номеру, бормоча какія-то безсвязныя слова. Пріѣхавшій съ нимъ служитель молча ждалъ приказаній.

Наконецъ, таинственный господинъ опомнился, подошелъ къ служителю и сталъ шептать ему что-то на ухо. Тотъ молча слушалъ, наклонивъ голову. Что такое говорилось въ номерѣ, лакеи не могли слышать, хотя и ушами, и глазами напрягались уловить хоть что-нибудь въ замочную скважину.

Слуга таинственнаго господина вышелъ. Остальные лакеи отшатнулись отъ него, какъ отъ привидѣнія. Одинъ смѣльчакъ, который зналъ о смерти Мазепы, хотѣлъ было заговорить съ нимъ, но тотъ былъ нѣмъ, какъ рыба. Онъ быстро сошелъ внизъ, взялъ экипажъ и приказалъ везти себя къ императорскому вице-канцлеру Шенборну.

Ключъ въ занятомъ таинственнымъ господиномъ номерѣ щелкнулъ.

Любопытство, напряженность лакеевъ дошли до крайней степени.

— O! Das ist Menschikoff, Ataman der donischen Kozaken,—рѣшилъ образованный лакей.

Черезъ нѣсколько минутъ воротился слуга таинственнаго господина и, торопливо пройдя мимо одурѣвшихъ отъ любопытства лакеевъ, постучался въ номеръ. Замокъ щелкнулъ, потомъ опять щелкнулъ.

— Что?—послышалось въ номерѣ.

— Вице-канцлеръ ужъ раздѣтъ, но теперь одѣвается и сейчасъ самъ придетъ,—былъ торопливый отвѣтъ.

Лакеи слышали, но ничего не поняли.

— Kozakische Sprache... Donnerwerter!

Но ключъ опять щелкнулъ, дверь распахнулась, и вышелъ с а м ъ... такой страшный... глаза дикіе... волосы растрепанные... шатается...

Лакеи почтительно и съ ужасомъ разступились... «O! Schrecklicher Kozak!..

«Страшный казакъ» быстро вышелъ изъ отеля, оставивъ всѣхъ въ недоумѣніи, въ томительной неизвѣстности. Слуга его также исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ таинственный господинъ былъ уже у вице-канцлера. Тотъ не успѣлъ еще одѣться, какъ пріѣзжій былъ уже въ его кабинетѣ, съ глазу на глазъ.

— Я русскій царевичъ Алексѣй,—говорилъ пришедшій съ нервными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь по сторонамъ и не оставаясь на одномъ мѣстѣ. — Я пришелъ просить цезаря, моего свояка, о протекціи... Пусть цезарь спасетъ мнѣ жизнь... Меня хотятъ погубить, хотятъ и у меня, и у моихъ бѣдный дѣтей отнять корону.

— Успокойтесь, ваше высочество,—говорилъ Шенборнъ,— вы здѣсь въ совершенной безопасности. Разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе, и чего вы желаете.

— Цезарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію!—говорилъ несчастный, все болѣе и болѣе впадая въ нервный экстазъ.—Отецъ хочетъ погубить меня, отнять у меня и жизнь, и корону... А я ничѣмъ не виноватъ... Я ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца... Я не дѣлалъ ему зла... Если я слабый человѣкъ, то Меньшиковъ умышленно такъ воспитывалъ меня... Меня умышленно спаивали... Мое здоровье пьянствомъ разстроили.

Онъ остановился и застопалъ. Предъ нимъ всталъ образъ плачущаго ребенка... дѣвочка рыдаетъ, закрывшись ручонками... Это маленькая Евфросинья... а онъ... безобразно пьянъ... отецъ... Меньшиковъ... ассамблея...

— Успокойтесь, успокойтесь ради Бога.

— Теперь отецъ говоритъ, что я негожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію... Нѣтъ, нѣтъ. У меня ума довольно, чтобъ управлять. Одинъ Богъ, Владыка всего, и Онъ раздастъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и посадить въ монастырь, чтобъ лишить жизни и сукцессіи...

Несчастный начинаетъ повторяться, путаться въ словахъ...

Монастырь, клобукъ, черная ряса, клобукъ прибиваютъ гвоздемъ къ головѣ, а ряса, а саванъ... савапъ... гробъ... милый образъ Евфросиніи...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу въ монастырь! Цезарь долженъ спасти мнѣ жизнь!

Въ отчаяніи и ужасѣ онъ бѣгаетъ по комнатѣ... У него горло перехватываетъ, языкъ засыхаетъ. Онъ проситъ пить и, бросившись въ изнеможеніи на стулъ, кричитъ:

— Ведите меня къ цезарю! Ведите сейчасъ!

Ему уже слышатся шаги отца, чудится голосъ ужаснаго Ушакова... Застѣнокъ, пытки, дыба... Фигура отца исполинская... лицо, это страшное родительское лицо, оно искажено яростью... глаза безпощадны... Вотъ протягивается исполинская рука отца, со всѣхъ сторонъ руки изъ Пирмонта, изъ Петербурга...

— Къ цезарю! Къ цезарю ведите меня! Спрячьте меня у цезаря!

Не легко Шенборну утишить этотъ припадокъ ужаса.

— Теперь поздно итти къ императору, — говоритъ онъ, — прежде надо представить его величеству правдивое и основательное изложеніе вашего дѣла. Мы ничего не слыхали того, что вы говорите относительно такого мудраго монарха, какъ вашъ родитель.

Тотъ опять начинаетъ умолять, повторять то, что говорилъ уже.

— Я ничего не сдѣлалъ отцу. Я всегда былъ ему покоренъ, ни во что не вмѣшивался. Я ослабѣлъ отъ того, что меня хотѣли запоить до смерти.

И опять встаетъ передъ нимъ образъ плачущей дѣвочки. А надъ гробомъ она будетъ еще больше плакать...

— Постойте... дайте все припомнить... Да, прежде отецъ былъ добръ до мнѣ, добръ... Но когда у меня пошли дѣти, и моя жена умерла, тогда пошло все хуже и хуже, особенно когда новая царица родила сына... Она съ Меньшиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня. У нихъ нѣтъ ни сердца, ни Бога, ни совѣсти... Я противъ отца ни въ чемъ не виноватъ. Я люблю и почитаю его, какъ велятъ заповѣди Божіи. Но я не хочу постригаться и отнимать права у бѣдныхъ дѣтей моихъ. А царица и Меншиковъ непремѣнно хотятъ уморить меня или въ монастырь заточить.

Онъ самъ чувствуетъ, что повторяется... Голова и память отказываются служить... Но надо все припомнить, все сказать, это предсмертная исповѣдь. Когда человѣкъ гибнетъ, онъ протестуетъ къ людямъ, къ небу, къ стѣнамъ, къ лѣсу, къ вѣтру, который колеблетъ веревку, готовую захлеснуть шею, къ топору, который занесенъ надъ нимъ.

— Я никогда не любилъ солдатчины, но когда отецъ поручалъ мнѣ управленіе, дѣло шло хорошо, и отецъ былъ доволенъ.

Нѣтъ, не то онъ хочетъ сказать... Передъ нимъ Меншиковъ, который, продавая пирожки, уже продалъ свою совѣсть, а потомъ продалъ сердце и Бога... Передъ нимъ мачеха ужасная, женщина съ змѣиной головой и змѣинымъ жаломъ. У нея змѣенышши... Для нихъ ей нуженъ тронъ, а онъ вырастаетъ... изъ савана... Саванъ, вотъ что ужаснѣе всего..

— Когда пошли у меня дѣти (повторяетъ несчастный въ третій-четвертый разъ), умерла жена, а у царицы родился сынъ, меня рѣшили замучить до смерти, запоить на смерть.

И опять дѣвочка плачетъ... Онъ пьянъ, опоенъ до безобразія. Нѣтъ, не то онъ хочетъ сказать, а вотъ что:

— Я спокойно сидѣлъ дома... Отецъ принудилъ меня отказаться отъ престола, велѣлъ итти въ монастырь... А вотъ теперь пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи... Я боюсь ѣхать къ нему, ѣхать на муки, на вѣрную смерть, онъ опоитъ меня... Я не хочу въ монастырь, не хочу губить душу и тѣло. Мнѣ дали знать, чтобы я берегся отцовскаго гнѣва, что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня, они боятся, что отецъ становится слабъ здоровьемъ.

Нѣтъ, онъ не слабъ, онъ можетъ еще замучить сына, тысячи сыновей... Къ нему страшно ѣхать...

— Я не поѣхалъ къ отцу... Друзья присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цезарю, цезарь мнѣ своякъ; онъ великъ, онъ великодушный государь; отецъ уважаетъ его... Цезарь окажетъ мнѣ покровительство. Я не могъ уйти ни къ французамъ, ни къ шведамъ, они враги отца, а отца я не хочу гнѣвить...

Передъ смертью все припоминается... Вспоминается и умирающая, хотя постылая, но жалкая жена, кронпринцесса: умирающая она была такъ несчастна.

— Говорятъ, будто я дурно обходился съ женой, съ сестрою

супруги цезаря... Нѣтъ, нѣтъ! Богу извѣстно, не я съ нею дурно обходился, а отецъ да мачеха, они обращались съ ней, какъ съ простою дѣвкою. А она къ этому не привыкла по своей едукаціи и сильно печалилась. И ее, и меня заставляли терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обращаться, когда у нея пошли дѣти.

При воспоминаніи объ отцѣ, его снова бьетъ лихорадка... Ему кажется, что страшная рука съ топоромъ уже тянется къ нему...

— Я хочу къ цезарю,—кричитъ онъ,—цезарь не выдастъ меня, не оставитъ моихъ дѣтей, не отдастъ меня отцу... Отецъ окруженъ злыми людьми...

Вспоминаются опять эти злые люди, Меншиковъ, Ушаковъ... Вспоминаются и добрые, Кикинъ, Вяземскій, Никита Паломникъ, Фрося...

— Отецъ злой, жестокій, свирѣпый человѣкъ. Онъ не цѣнитъ человѣческой крови. Онъ думаетъ, что какъ Богъ, онъ имѣетъ право жизни и смерти. Онъ уже много пролилъ невинной крови. Онъ самъ налагалъ руку на несчастныхъ, казнилъ собственноручно, какъ палачъ... Онъ гнѣвливъ и мстителенъ, онъ никого не щадитъ... Если цезарь выдастъ меня отцу, то это все равно, что самъ меня казнитъ...

Онъ остановился. Онъ не могъ дольше говорить. Слова истощились, силы истощились. Онъ весь усталъ. Шенборнъ видѣлъ это и хотѣлъ навести на дѣло спутавшуюся мысль несчастнаго.

— Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ—дѣло щекотливое,—сказалъ онъ мягко.—Я нахожу, что вы поступите благоразумнѣе, если, для избѣжанія толковъ на свѣтѣ, не будете требовать свиданія съ ихъ величествами, а предоставите оказать вамъ явную или тайную помощь и найти средства примирить васъ съ родителемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Примирить меня съ отцомъ невозможно! Если отецъ и будетъ ко мнѣ добръ, то мачиха и Меншиковъ уморятъ меня оскорбленіями или опоятъ ядомъ... Отецъ пощадитъ, такъ эти доконаютъ... Нѣтъ, пусть цезарь позволитъ жить у него либо открыто, либо тайно.

Шенборнъ обѣщалъ утромъ же доложить обо всемъ императору и просилъ спокойно выжидать его отвѣта.

Къ утру уже почти воротился царевичъ въ свой отель въ Лсо-

польдштадтѣ. Онъ смотрѣлъ усталымъ, разбитымъ, но нѣсколько успокоеннымъ. Евфросинія ожидала его. Тихо пройдя въ ея комнату, онъ нашелъ ее стоящею на колѣняхъ передъ складнымъ распятіемъ. Она молилась. На ней было легкое пажеское одѣяніе, только безъ верхняго плаща; длинные бѣлые волосы были перевязаны черной лентой.

Увидѣвъ ее, Алексѣй Петровичъ остановился и тихо, съ умиленіемъ проговорилъ: «Ангелъ хранитель мой молится за меня».

Евфросинія подошла къ нему. Глаза ея были заплаканы.

— Что, царевичъ? Какія вѣсти?

Алексѣй поцѣловалъ ее въ лобъ и нѣсколько секундъ глядѣлъ молча въ ея глаза.

— Еслибъ я и тамъ глядѣлъ въ эти глаза, у меня было бы больше силы,—сказалъ онъ, думая о чемъ-то.

— Видѣлъ цезаря?—спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, цезаря не видѣлъ, поздно было. Вице-канцлера видѣлъ. Онъ утромъ доложитъ цезарю. Обѣщаетъ протекцію...

— Одного боюсь...—сказала дѣвушка, сильно покраснѣвъ.

— Чего, голубица моя чистая?

И онъ гладилъ ея голову, все какъ будто что-то припоминая.—Чего боишься ты?

— Чтобъ она не провѣдала...

— Кто, мой другъ?

— Жена цезаря, царевичъ

— Почему же ты ее боишься, голубушка?

— Она... сестра... если она узнаетъ...

— Да скажи же, скажи, что узнаетъ?

— Она сестра покойной кронпринцессы. Если она провѣдаетъ, что я здѣсь, она, печалуясь за покойную сестру, противъ меня гнѣвъ держать станетъ.

— Нѣтъ, она не узнаетъ, никто не узнаетъ... Я тебя укрою отъ всѣхъ... Они не отнимутъ тебя, нѣтъ, нѣтъ, я скорѣй самъ умру, чѣмъ съ тобою разлучусь, мое солнышко, мой свѣтикъ ясный!

И онъ, схвативъ руки дѣвушки, прижалъ ихъ къ своей головѣ.—«Вонъ какъ горитъ полымя тамъ»...

— Царевичъ! Тебѣ надо успокоиться, уснуть, завтра дѣла будетъ,—говоритъ Евфросинія.

Онъ цѣловалъ ея руки. Но когда хотѣлъ обнять ее, она тихо освободилась...

— Царевичъ... братъ мой... ты обѣщалъ мнѣ... будемъ же, какъ братъ и сестра...

Алексѣй что-то хотѣлъ сказать и заплакалъ: нервы его были долго напряжены; на душу долго былъ наваленъ тяжелый камень; теперь онъ какъ будто отвалился немного и далъ мѣсто слезамъ.

— Да, да... твоя правда... ты сестра моя... ангелъ-хранитель мой,—шепталъ онъ.

— Алеша, царевичъ мой! Успокойся, поди помолись и усни.

Плачущаго и покорнаго, она тихо провела его въ другую комнату, гдѣ ихъ встрѣтилъ камердинеръ царевича, неразлучный спутникъ его Иванъ Большой-Афонасьевъ, три раза перекрестила его и сдала на руки этому послѣднему. Сама же, воротившись въ свой номеръ, заперлась на ключъ, и тутъ только освободила себя отъ непривычнаго, тѣснаго и неудобнаго пажескаго одѣянія.

Въ первый разъ послѣ выѣзда изъ Петербурга она здѣсь, въ Вѣнѣ, уснула спокойно.

Лежитъ она, разметавшись среди бѣлыхъ, какъ снѣгъ, подушекъ, и сама она такая бѣлая, нѣжная. И видится ей чудный сонъ. Видится ей, что летитъ она надъ землею, подъ теплымъ, ласковымъ солнцемъ, и такъ легко летится, такъ легко ея тѣло. И видится, и слышится ей то, что она недавно съ такимъ умиленіемъ слышала отъ странничка Божія, отъ Никитушки Паломника, и птички-то Божьи въ зеленыхъ дубравушкахъ и по рощицамъ поютъ, и цвѣточки-то въ поляхъ, крины сельные, цвѣтутъ, и ручеечки эти по травушкѣ да по камушкамъ хвалу Господу звенятъ, и травушка эта, зеленая муравушка къ небу отъ земли тянется, и сердечушко-то ея аки свѣчечка воскояровая теплится и таетъ, таетъ, таетъ... И пролетаетъ она надъ Москвой бѣлокаменной, надъ церквами златоверхими... И Господи Боже мой! Сколько звону колокольнаго слышитъ она, сорокъ сороковъ церквей вперебой звонятъ, тысячами языковъ мѣдныхъ, тысячами глотокъ серебряныхъ поютъ-славословятъ, кричатъ радостно до самаго неба! И видитъ она, вся Москва колышится, старъ и младъ, богатый и бѣдный, попы и бояре, посадскіе люди и гости, все это разноцвѣтнымъ моремъ переливается по Кремлю

и около Кремля. И вѣютъ по аеру тысячи хоругвей, тысячи крестовъ и иконъ блестятъ и горятъ аки жаръ золотыми окладами и узорочью всякою. И видитъ она на Красной площади сонмъ святителей—владыка патріархъ и митрополиты, архіепископы, епископы, іереи, и весь освященный соборъ, златыми ризами блистающъ... И посреди сонма святителей на царскомъ возвышеніи, въ царскихъ ризахъ и въ царскомъ вѣнцѣ стоитъ ея другъ сердечный Алешенька-царевичъ младъ, а около него стоитъ млада Афросиньюшка... И отъ умиленія заплакала она сладкими, сладкими слезами, а заплакамши млада, проснулася.

X. Царевичъ въ Неаполѣ.

Когда исчезъ царевичъ, и никто, даже самъ царь и его приближенные не знали, куда онъ дѣвался, по Россіи стали ходить странные, одинъ другого невѣроятнѣе слухи. Говорили, что онъ бѣжалъ отъ отца къ султану турецкому, и что султанъ по этому случаю объявляетъ Россіи войну. Разсказывали, что турецкіе страннички узнали его въ числѣ прочихъ монаховъ на Аѳонѣ. Бабы-богомолки увѣряли, что сами, своими глазами, видѣли батюшку-царевича-млада во кіевскихъ во темныхъ пещерахъ. во келейкѣ убогой, за желѣзною за рѣшеткой: «въ схимѣ батюшку царевича видѣли, а на этой на самой на схимѣ, матка моя, смерть написана, ребры голыя, а въ рукахъ коса косецкая... сама, своими глазаньками видала.. а царевичъ-отъ батюшка слезно молится...» Слухи ходили, что «ушолъ онъ во градъ Ерусалимъ, на Ерихонъ-гору, къ самому какъ есть пупу земли, а на самомъ на томъ пупѣ земли пещерушка мала ерихонская съ единымъ оконцемъ, а въ той во пещерушкѣ страничекъ младъ, онъ и есть, мать моя, царевичъ Алексѣй Петровичъ: молится, коли, говоритъ, пещерушка ерихонская вся наполнится монми горючьими слезами, тогда переставленья свѣта не будетъ. а коли не наполнится—будетъ тогда и свѣту переставленье». Были и такія фантазерки бабы, и все больше бабы, виновницы созданія всякихъ легендъ, которыя утверждали: «сама-де, мать моя, видѣла его, царевича Лексѣй Петровича, какъ онъ, батюшка, ходитъ и милостинку проситъ, и сама я, мать моя, подала ему яичко, Господь удостоилъ...»

Когда эти слухи были въ самомъ разгарѣ, переносились,

словно на сорочьихъ хвостахъ, съ ярмарки на ярмарку, съ базара на базаръ, изъ села въ село, и такимъ же путемъ дошли до Левина, который все еще находился на постоѣ въ Харьковѣ. Однажды вечеромъ, лѣтомъ 1717 года, къ нему зашелъ странничекъ, знакомый и ему и намъ Никитушка Паломникъ, котораго, впрочемъ, Левинъ зналъ подъ именемъ старца Варсонофія. Онъ былъ по обыкновенію съ дорожной котомкой за плечами и съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ.

— Откуда Богъ несетъ, старче?—спросилъ Левинъ.

— Изъ Бара-града, батюшка, отъ нетлѣнныхъ мощей угодника Николы чудотворца, изъ самой италійской земли.

— О! Далеко же ты былъ, старче, Божій—замѣтилъ Левинъ.

— Далеконько-далеконько, батюшка. Для насъ-то оно, для худыхъ ногъ нашихъ далеко, а для Господа-то близко. Для Господа и я трудился.

— Ну, и много хорошаго, поди, видалъ, много чудесъ наслышался?

— Много, много. Всего-то, что видѣли глаза мои старые, всего-то этого и память моя худая вмѣстить не можетъ, и языку моему косному нелѣть есть глаголати.

— Да и у насъ тутъ не мало чудесъ совершилось,—сказалъ Левинъ;—вотъ хоть бы о томъ сказать, говорятъ, будто царевичъ Алексѣй Петровичъ пропалъ безъ вѣсти, будто видѣли его въ Ерусалимѣ, и на Аѳонѣ. Чего-чего не говорятъ! И всѣ жалѣютъ царевича.

— Такъ, такъ, батюшка. Только слухамъ-то этимъ вѣры давать нельзя. А что государя царевича всѣ жалѣютъ и всѣ его любятъ, окромѣ враговъ земли россійской, такъ это сущая правда. И вотъ ради-то этой любви всероссійской—его и спасетъ Господь и укроетъ подъ покровомъ своимъ.

— Гдѣ-жъ онъ? Что слышно о немъ?

— Что слышно о немъ-то? Имѣяй уши слышати да слышитъ, имѣяй разумъ разумѣти да разумѣетъ.... А я тебѣ, какъ благочестивому человѣку, вотъ что повѣдаю за тайну великую: я самъ видѣлъ царевича здрава и невредима.

— Какъ? Гдѣ?

— Слушай, сынъ мой. Когда это пропалъ государь царевичъ, далъ я себѣ обѣтъ сходить къ угоднику, Николаю мирли-

кійскому чудотворцу, не откроетъ ли онъ мнѣ, батюшка, въ видѣніи ночномъ, въ тонцѣ снѣ не повѣдаетъ ли, гдѣ мнѣ искать свѣта-царевича. И пошелъ я нынѣ раннею весною въ путь далекій. И Боже мой милостивый! Какія страны и грады привелъ меня Господь увидѣть, какіе языцы услышать—того и разсказать нельзя... Пошелъ я, сынъ мой, чрезъ Кіевъ-градъ, очистилъ стопы мои грѣшныя о слѣды святыхъ стопъ подвижниковъ печерскихъ, и направилъ оттуда путь мой на градъ Львовъ, въ цесарской землѣ. Иду это себѣ и день, и ночь, иду, и только вѣтерокъ Божій главу мою грѣшную лобызаетъ, волосами моими сѣдыми да бородою повѣваетъ. И таково это хорошо кругомъ въ пустыняхъ прекрасныхъ, птица это степная пролетитъ, орелъ надъ тобою широкими крылами взмоетъ, жавороночекъ въ небѣ прощебечетъ, ну, и все будто не одинъ идешь, со пустынею разговариваешь... А то горы высокія, каменныя, лѣса по нимъ главу свою къ небесамъ поднимаютъ, а тамъ веси и грады всякіе, чего чего нѣтъ! И дошелъ я до Львова-града, городъ необычный, нарочито невеличекъ, а все въ ономъ чисто и изрядно, а языкомъ говорятъ малороссійскимъ, какъ и въ Кіевѣ, и образомъ люди походятъ на черкаскихъ людей, и малыя дѣти босикомъ ходятъ, какъ и у насъ, а землю пашутъ не по нашему. А далѣе идучи къ Вѣнѣ граду великому да къ веницейской землѣ, попадаются словенскіе языцы, а разумѣти ихъ неудобь есть, токмо ежели скажешь церковною книжною рѣчью, и тогда удобѣе разумѣютъ оные хорвати, и серби, и илирцы... Бреду это я себѣ, старая ворона, и нуждушки мнѣ нѣту, потому: мѣста тамъ теплыя, а люди добрые, такъ оно и не холодно, и не голодно. Въ Вѣнѣ градѣ церкви все латинскія, а люди нѣмецкіе; а которые мужики, сказать бы, простой народъ, что побѣднѣе, такъ тѣ словенскаго роду, народъ черномазъ гораздо. А въ Веницеѣ градѣ народъ италійской—голосистъ гораздо и всякія бѣсовскія пѣсни пѣть гораздъ же. Ѣзда же по граду Веницеѣ бываетъ водой, въ лодочкахъ малыхъ, гондолами называются. А коня тамъ ни единаго не увидишь, токмо на нѣкоей большой площади поставлены для примѣру кони мѣдяны, и кумиры бѣсовскіе, идолы мраморные, въ образѣ голыхъ бабъ и мужиковъ, и онымъ поклоняются. А въ Римѣ градѣ папежъ живетъ, бритъ, стриженъ и бѣсовскій табакъ нюхаетъ и съ онымъ табашнымъ носомъ божественную мшу совер-

лаетъ. А Неаполь градъ теперь аки баня, населенъ больше цыганами. Народъ черенъ и черноволосъ и кудрявъ, аки арапинъ, лазарономъ прозывается: голъ и безстыжъ, почитай-что нагишомъ, безъ рубахи и портовъ по улицамъ валяется, потому что тепло, и апельцыины жретъ. А живетъ тамъ цесарекъ вицерой сказать бы приказчикъ, либо воевода, Дауномъ называется. И былъ со мной въ Неаполѣ градѣ таковъ случай. Прихожу я къ морю корабли посмотрѣть да грѣшнымъ дѣломъ выкупаться, потому дюже жарко. Подхожу я одинъ къ берегу и абіе слышу знакомую пѣсню, россійскую. «Святъ-святъ-святъ! Думаю уже не бѣсовское ли навожденіе?» Прислушиваюсь, а самъ творю крестное знаменіе. Нѣтъ, все та же пѣсня, такъ вотъ по морю и разливаются голоса:

Во полѣ березынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.

«Что за пропасть!» думаю. Стою и слушаю. И вотъ теперь каюсь Господу Богу: хоть и грѣховная это пѣсня: скомрахамъ и мужикамъ подобаетъ оную пѣсню воспретить пѣть, а я стою и слушаю. Да таково сердце-то мое растопилось, вспоминаючи о святой Руси, что я слушаю-слушаю, а слезы у стараго дурака на италійскую чужую землю капъ-капъ-капъ... И что-жъ оказывается? Подплываетъ это къ берегу лодка. Въ ней сидятъ на веслахъ младые люди въ матросскихъ курткахъ, въ такихъ какъ вотъ и у насъ въ Питерѣ матросы ходятъ. Слышу, говорятъ по-россійски и сквернымъ словами бранятъ Меншикова, а особливо Саву Рагузинскаго. «Чортъ его возьми, говорятъ, завезъ насъ въ эту проклятую землю и ни платья, ни раціоновъ не выдаетъ, хоть съ голоду помирай. Что и царь-то смотритъ? Да что, говорятъ, царь: онъ и сына-то своего изморомъ морилъ, такъ что и тотъ бѣжалъ за море». «Ну, думаю, это нашего сукна епанча, на нашей сопѣли и голосъ подаютъ: аукнуться-де можно». Высаживаются на берегъ. Я къ нимъ. «Здравствуйте, говорю, добрые молодцы, а какъ зовутъ и по-отчеству величаютъ, не вѣдаю». Такъ и опѣшили молодцы. «Здравствуй, говорятъ, дѣдушка! Кто ты-де, отколь и куда-де Богъ несетъ?»—«Странничекъ, говорю; старый-де воронъ, вонъ куда-де свои старыя кости занесъ».— Смѣются, рады покалякать съ землякомъ. «А вы-де, говорю, доб-

рые молодцы, дѣла пытаете, аль отъ дѣла лытаете?—«Нѣту, говорятъ, дѣдушка, мы-де ни дѣла не пытаемъ, ни отъ дѣла не лытаемъ, а горе мычемъ на чужой сторонѣ: мы-де царскіе навигаторы, посланы царемъ въ иноземные города въ науку, морское навигаторское дѣло изучать. А эта-де навигаторская наука, сущая мука. Раціоновъ намъ не шлютъ, голодомъ морятъ и домой возвращаться не велятъ. Хоть въ петлю-де такъ впору. Этотъ-де злодѣй Сава Рагузинскій, косму насъ царь препоручилъ, совсѣмъ насъ кинулъ». А одинъ изъ нихъ и говоритъ: «я-де хочу на Аѳонъ бѣжать, въ монахи тамъ постригусь».—«Благое дѣло, говорю; а самъ-де ты кто будешь?»—Я-де, говоритъ, сынъ боярина князя Андрея Петровича Прозоровскаго, Михайла, навигаторъ».—Кто-жъ-де, говорю, твоего родителя не знаетъ на Руси, человѣкъ мѣтной, говорю, стараго роду».

— Знаю и я князя Прозоровскаго,—сказалъ Левинъ, все время молчавшій и слушавшій разсказъ старика,—и сына его Михайлу знавывалъ. Хорошіе люди... Ну, разсказывай.

— Ладно,—продолжалъ старикъ.—«А что-де, говорятъ, на матушкѣ на Руси нонѣ подѣлывается? Мы-де тутъ по ней истосковались, сохнемъ».—«Да на Руси, говорю, не ладно что-то: все тѣ же затѣйныя дѣла дѣлаются, отъ Меньшикова, говорю, житья нѣтъ, а у Андрея-де Иваныча Ушакова по горло дѣла: его-де монастырь, говорю, всегда полонъ братіи, одного-де, говорю, рясофоруетъ, въ кандалы забиваетъ да въ каменные мѣшки сажаетъ, другого-де хиротонисаетъ, руки на дыбѣ выламываетъ; третьяго-де, говорю, совсѣмъ постригаетъ, голову топоромъ съ плечъ вмѣстѣ съ волосами снимаетъ».—Хохочутъ, за бока берутся, знамо, молодость.—«Да ты, говорятъ, дѣдушка, превеселый-де».—«Веселъ, говорю, дѣтушки, потому-де, что далеко отъ Андрей Иваныча; а дома какъ-разъ въ бѣдность-бы потащили; оттого на Руси нынѣ народъ и сталъ все степенный».—Смѣются.— «А что-де, говорятъ, подѣлываетъ сенаторушка Гаврило Ивановичъ Головкинъ, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, Яковъ-де Вилимовичъ Брюсъ, Петръ-де Шафировъ да Ягужинскій?»—«Попрыгиваютъ-де, говорю, по царской дудкѣ... Какъ крикнетъ-де на нихъ самъ-отъ: «Господа-де сенатъ! Видали-де вы сію дубинку, косю-де я надъ вами знатную викторію учиню?»— Такъ господа-де сенатъ и пишутъ: «слушали-де и приговорили:

черное-де считать бѣлымъ, бѣлое—чернымъ, невиннаго-де казнить, виновнаго-де наградить, трехъ Матренъ въ матросы отдать, а Луку съ Петромъ въ Рогервикъ сослать».—Еще пуще хохочутъ.

Да и Левинъ не выдержалъ, онъ тоже смѣялся, несмотря на свою постоянную меланхолію.

— Да ты, старче Божій, и впрямь большой потѣшникъ,— сказалъ онъ.—Ну, что-жъ дальше-то было?

— Да много кой-чего было, сынъ мой. Вотъ эти младые вьюноши навигаторы и спрашиваютъ: «А скажи-де намъ, дѣдушка, что царевичъ подѣлываетъ?» — «Что-де, говорю, онъ подѣлываетъ, то мнѣ невѣдомо; а что-де подѣлывалъ, вѣдомо. Приходитъ къ нему въ нѣкое время князь Меншиковъ, а царевичъ и вопрошаетъ. «Что-де новаго, свѣтлѣйшій, ваши сенаты пишутъ?» А онъ и говоритъ: «Пашквильное-де подметное письмо, царевичъ, сенаты получили, а въ ономъ пашквилѣ прописано: «понѣже-де козлы, носящіе богомерзкіе брады, и ихъ жены—козы, ходящія въ россійскомъ одѣяніи, сирѣчь нагишомъ, поелику россійскимъ людямъ портовъ шить стало не на что, тѣмъ самымъ являются ослушниками царскихъ указовъ о брадобритіи и ношеніи не указнаго платья, то да повелѣно будетъ надъ ослушниками-де розыскъ учинить и по сыску-де козловъ кнутомъ драть, ноздри у оныхъ рвать и въ ассамблею послать, а козъ въ нѣмецкое платье одѣть и при дворѣ онымъ жить, повелѣть». «Такъ велѣно-де подметчика сыскать и жестокой казни предать».—Опять смѣются мои навигаторы.—«А мы-де слышали, говорятъ, дѣдушка, что царевичъ бѣжалъ».—«Такъ-то, такъ, говорю: это правда, что безъ вѣсти пропалъ».—«А тутъ-де говорятъ, въ городѣ болтаютъ якобы-де онъ живетъ здѣсь тайно и его-де якобы самъ вицерой Даунъ скрываетъ вонъ въ томъ замкѣ, Сентъ-Альмо называется, что стоитъ вонъ на той высокой горѣ». И показали мнѣ эту гору. Признаюсь тебѣ, сынъ мой: отъ оныхъ ихъ словъ у меня словно озноб по тѣлу пошелъ и просвѣтленіе разуму сдѣлалось. «Ну, думаю, это, можетъ быть, батюшка Никола, мирликійскій чудотворецъ мнѣ грѣшному знаменіе посылаетъ за трудъ мой, что я во имя его, угодника, потрудился, и хотя-де еще не дошелъ до Бара-града и не облобызалъ грѣшными устами моими раки

его святительской, одначе онъ, по великей милости своей, меня грѣшнаго не оставляетъ».

Старикъ замолчалъ и задумался. Левинъ тоже молчалъ. Мысль его въ это время почему-то перенеслась въ Кіевъ, туда, къ берегу Днѣпра, гдѣ въ послѣдній вечеръ онъ слышалъ пѣсню, тоскливая мелодія которой какъ-то въѣлась въ его душу, въ нервы:

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю,
Упустили соколонька, та вже й не піймаю.

И изъ тумана прошлаго передъ нимъ выступило милое лицо, которое онъ не могъ забыть—и эти плачущіе, сѣрые какъ шкурка змѣи и ласковые какъ у его умершей матери, глаза, и вся эта прелестная, украшенная цвѣтами, сизоволосая какъ воронова крыло, головка, и нитки кораллов на бѣлой разшитой рубашкѣ... «Оксанко! Оксанко! Де ты? Нѣтъ Оксанки, съѣла проклятая доля.

Онъ опомнился. Старикъ грустно смотрѣлъ на него.

— Разсказывай же, дѣдушка, что дальше было,—осилилъ себя Левинъ.

— Такъ я, другъ мой, цѣлый день прокороводился тогда съ ребятками, съ навигаторами-то. Водили это они меня по городу, по церквамъ по тамошнимъ. Завели и въ домъ нѣкій, аки бы въ гости, но не къ себѣ, а такъ, къ примѣру сказать, какъ бы въ нашъ кабакъ, только это не кабакъ, а мѣсто чистое, изрядное, словно бы наша ассамблея, какъ я слыхивалъ, и угостили они меня тамъ, дай имъ Богъ здоровья, рыбкою и овощемъ разнымъ, препзряднымъ. «Землячку-де сильно ради», говорятъ. А на прощаньи велѣли кланяться родной сторонушкѣ, а Прозоровской-то князь, въюношъ, такъ плакалъ, провожаючи меня. «Коли не птичкой, говоритъ, горькою кукушечкой прилечу на родиму сторонушку, такъ хоть въ рясѣ черной: отъ міра-де, говоритъ, откажусь, свѣтъ себѣ завяжу, на святой Руси, говоритъ, побываю». Жалко мнѣ его стало.

— На другой день (продолжалъ старикъ послѣ небольшой остановки), чуть свѣтъ, побрелъ я на ту гору, что показали мнѣ навигаторы. Съ горы этой весь Неаполь градъ, какъ на ладонкѣ. Вотъ и подхожу я къ самому къ замку, вижу, часовые стоятъ у

воротъ. Я прошелъ сторонкой въ обходъ, такъ что часовымъ меня не видно стало, обошелъ замокъ, да на одномъ пригорочкѣ, на камушкѣ, и сѣлъ лицомъ къ замку же. А въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ, въ высокой-превысокой стѣнѣ были оконца малыя, за желѣзными рѣшетинами. Вотъ сѣлъ я, старый песъ, и сижу. Море это синее раскинулося внизу, и конца-краю ему нѣту, а тамъ гора высокая, острая, аки скуфья, и изъ оной горы дымъ идетъ, словно бы въ оной горѣ, подъ землею, самый адъ находился, а изъ аду-то отъ смолы кипучія смрадный дымъ подымается. Чудно таково и ужаса исполнено видѣніе горы оной. Сидѣлъ я, сидѣлъ, да и запѣлъ «стихъ преболѣзненнаго воспоминанія», что въ пустыняхъ отшельники поютъ:

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
Попусти Богъ бѣду такову:
Облакъ темный всюду осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни,
Солнце въ небеси скры своя лучи
И луна въ ночи свѣтлость помрачи.

— Пою это я, старый, коли гляжу, кто-то изъ замка въ оконце на меня смотритъ. И, Господи! Такъ сердце у меня и упало: въ оконце-то на меня смотрѣлъ Большой-Аѳонасьевъ, Иванъ, слуга царевича Алексѣя Петровича. Я кивнулъ ему главой, и онъ скрылся. Помедля мало, вижу: Боже ты мой праведный! Словно солнышко въ оконце-то глянуло... Я такъ и обмеръ отъ радости, и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и оконце осѣнилъ: въ оконце-то глядѣло не солнышко, а свѣтлое личишко самой Афросинюшки...

— Кто-жъ эта Афросинюшка? — спросилъ съ удивленіемъ Левинъ.

— Невѣста царевича, Ефросинья Ѳедоровна.

— Какого-жъ она роду? Чьихъ она?

— Она, надо такъ сказать, пріемушка князя Вяземскаго, Никифора, учителя царевичева. Ангелъ, а не дѣвица: и богобоязненная, и разумница, и чистотою дѣвическою блистаетъ аки кринъ сельный. Не будь ея, царевичъ давно бы спился съ горя да отъ ласкъ батюшкиныхъ: у батюшки, вить, кто не пьетъ, тотъ и за человѣка не слыветъ, а кто мертвую пьетъ, то и въ рангъ идетъ... Такъ вотъ какъ глянула на меня изъ оконца Афросинюшка, такъ у меня, стараго, инда слезы радостныя изъ очей полилися на

италійскую на землю. А самъ я сижу, да крестныя знаменія творю... Около аду-то ангела пашелъ!

— По маломъ времени (продолжалъ разсказчикъ) вижу, идетъ ко мнѣ Аѳонасьевъ-Большой.—«Здравствуй, говоритъ, дѣдушка! Откуда-де и какъ?» — «Изъ Питербурха-де, говорю, только отъ Москвы поклонъ принесъ».—«Такъ иди, говоритъ, на очи къ царевичу: онъ-де тебя требуетъ». Пошли мы. А я иду, и ноги у меня дрожатъ: тысячи верстъ прошли, не дрожали, а тутъ на поди! дрожма дрожатъ. Ввелъ это онъ меня въ ворота, мимо часовыхъ, тѣ дали дорогу. Прошли черезъ дворъ. Входимъ въ самыя палаты. Откуда ни возьмись выбѣгаетъ Афросинюшка, да не во образѣ дѣвицы, а во образѣ въюноши, въ курточкѣ распашной и въ штанишкахъ узенькихъ. Я такъ и ахнулъ, даже попятился назадъ аки изумленный. А она, голубушка, застыдилась, щочки-то вспыхнули, а сама ко мнѣ ручки протягиваетъ и говоритъ таково ласково: «ты не узналъ меня, дѣдушка»? А я, старый песъ, и разрюмился». Дитятко мое, говорю, ластушка свѣтлая! Какъ не узнать тебя? Другой такой у Господа нѣтъ». А она обнимаетъ меня, пса смердящаго, и сама заплакала. Такъ тутъ ужъ я и не знаю, что было со мной.

Говоря это, старикъ отиралъ слезы.

— А тутъ вышелъ и царевичъ,—продолжалъ онъ,—съ лица-то поправился, повеселѣлъ, совсѣмъ молодецъ молодцомъ вдали-то отъ батюшкинаго глазу. Батюшкинъ-то глазокъ сушитъ... Обрадовался мнѣ и царевичъ. «Ласточка, говоритъ, съ родной стороны прилетѣла».—«Собака, говорю, государь, старая съ родной сторонушки». Пришелъ и братецъ Афросинюшкинъ, Иванъ. Онъ тоже съ ними уѣхалъ изъ россійской земли. Поразспросили они меня, что и какъ дома. Я разсказалъ. Дивились, какъ я нашелъ ихъ. «Перстъ божій»,—говорятъ. «Только вотъ страшно,—говоритъ царевичъ,—какъ бы слухи, что болтаютъ навигаторы, не дошли до батюшки, тогда пропали мы».

Левинъ слушалъ разсѣянно. Образъ Евфросиніи снова вызвалъ въ его наболѣвшей памяти другой образъ...

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю!

Слова эти слышались гдѣ-то въ мозгу. И голосъ пѣсни слышался въ душѣ, только это былъ голосъ той, которой онъ уже никогда не услышитъ...

— О! Мимо! Мимо!.. Такъ можно изойти слезами...

Левинъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой громадное усиліе, чтобъ вслушаться и понять то, что говорилъ старикъ. А старикъ говорилъ.

— Поживъ у нихъ мало время, я направилъ стопы моя въ Барь-градъ. И на пути бысть мнѣ видѣніе: срѣтоста ми два бѣса, единъ во образѣ мурина, другой же во образѣ жены плясавицы...

Мысль Левина опять потеряла нить разсказа. Въ его душѣ были растравляющіе память звуки:

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю!

XI Ассамблея у Меньшикова.

Передъ нами до сихъ поръ проходили лица изъ тѣхъ сферъ петровской Руси, гдѣ образы стараго склада русской жизни живучими рефлексами коренились еще въ умахъ, привычкахъ и исторически-унаслѣдованномъ отъ предковъ міровоззрѣніи и гдѣ отжившіе и вырождавшіеся идеалы не могли еще вылиться въ новые, хотя сколько-нибудь ясные и цѣльные образы. Въ этомъ обширномъ морѣ старины глухо, словно волны, перекатывалось недовольство; но эти грозныя волны были безсильны захлеснуть тотъ стойкій, могучій ботъ, который велъ на буксирѣ всю глухо стонущую Русь. Правда, старые идеалы были еще такъ же могучи, какъ и тотъ историческій ботъ, объ который хлестались волны стонущей, недовольной Руси; но они покоились на невѣжествѣ массъ, на спинахъ, правда могучихъ, но все-таки на спинахъ слѣпотствующаго доселѣ народа. А образы новыхъ идеаловъ у стонущей недовольствомъ Руси еще не очерчивались въ безпросвѣтномъ мракѣ. Царевичъ, Евфросинія, Кикинъ, Вяземскій, Никитушка Паломничекъ, некрасовецъ и калика перехожій Бурсакъ, Левинъ, навигаторъ князь Прозоровскій, все это какъ бы нервами чувствовало, что жизнь не такъ бы должна идти; съ ними заодно чувствовала и необозримая сѣрая масса, чуявшая, что ее, какъ и заповѣдныя рощи, «пятнать», «клеймить» скоро будутъ... но «ничего не подѣлаешь»... Оставалось терпѣть, страдать, и страданіе становится цѣлью, идеаломъ!

Теперь передъ вами пройдутъ другія лица изъ того петровскаго сумрака, въ которомъ даже не разберешь, изъ этихъ ли темныхъ угловъ свѣтится что-то болѣе симпатичнымъ свѣтомъ, изъ угловъ, гдѣ царилъ страхъ и страданіе, или съ бортовъ того могучаго бота, который слишкомъ прямолинейно тащилъ къ своему маяку сѣрую массу, не думая о томъ, что она вся изобьется о подводные камни, шхеры, мели. А надо было тащить, надо, пора... давно пора!.. Передъ нами должны пройти лица иного закала, лица, сидѣвшія на самомъ историческомъ ботѣ русской жизни, уснащавшія его новыми снастями, державшія парусъ, цѣплявшіяся за мачты, реи... У этихъ не тѣ идеалы, да это и не идеалы, а осязательныя реальности, за которыя можно было ухватиться и подняться высоко, до верха мачты. Это дѣльцы, взбиравшіеся на мачту и часто ломавшіе себѣ шею.

Вотъ они почти всѣ налицо или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе выдающіеся профили нѣкоторыхъ изъ нихъ, вотъ они собрались на одной изъ первыхъ ассамблей, устроенной по повелѣнію царя. Хотя указъ объ ассамблеяхъ изданъ Петромъ 26 ноября 1718 г., но самыя ассамблеи существовали уже раньше закона о нихъ, закона, опредѣлявшаго для нихъ извѣстныя правила, часы собраній и проч. и повелѣвавшаго, чтобы собранія назначались поочереди то у того, то у другого знатнаго лица.

На этотъ разъ ассамблея у Меньшикова. Залы блестятъ убранствомъ, яркостью украшеній, богатымъ освѣщеніемъ и нарядами обоего пола знатныхъ персонъ. Уже одинъ говоръ толпы, летучія выраженія и отдѣльныя слова изобличаютъ, что здѣсь доминирующая нота звучитъ въ устахъ «новыхъ людей», которые старались выказать свою европейскую «едукацію». Старое, непривычное ухо такъ и бьютъ модныя слова «баталіи», «викторіи», «навигаціи», «протекціи», «кондиціи», «сукцессіи», «акциденціи», «ассекураціи» и «авантажи», «авантажи», авантажи» безъ конца. Но тутъ же, рядомъ съ «авантажами», старый слухъ ласкаютъ допетровскіе звуки, допетровскіе возгласы и выраженія «Ахъ, мать моя!» «Касатикъ мой!» «Княжна Авдотьюшка». «Ахъ, эта дѣвка Марьюшка такой раритетъ!» и т. д., и т. д. «Гварнизоны», «фендрики», «оберштеръ-кригскоммисары», «обербергъ-гауптманы», «цухтгаузы», «шпингаузы», «артикулы», «акціи» (не наши акціи, конечно), «екзерциціи»,

«салютаціи», все это, словно соль пересыпаетъ дѣловую рѣчь, звучитъ смѣло, авторитетно.

— Ахъ, эта дѣвка Марьюшка Гаментова — какой раритетъ!—восклицаетъ красивая женщина съ опахаломъ, сидящая недалеко отъ царицы Екатерины Алексѣевны, около которой сгруппировались придворныя дамы, которая съ рукодѣльемъ, которая просто съ опахаломъ.

Восклицаніе это вызвано было появленіемъ особы, которая была дѣйствительно тогдашнимъ раритетомъ.

Это была фрейлина Гамильтонъ, блиставшая въ то время при дворѣ и затмевавшая своей красотой знатныхъ красавицъ своего времени, двухъ Головкиныхъ, княгиню Черкасскую и Измайлову. Фрейлинъ тогда называли «дѣвками», попросту еще, по старинному, и потому восклицаніе о «дѣвкѣ Марьюшкѣ» было весьма естественно въ устахъ придворныхъ дамъ. Та изъ нихъ, которая назвала Марьюшку «раритетомъ», была въ своемъ родѣ тоже раритетъ и представляла собою придворное свѣтило первой величины, хотя сомнительнаго блеска. Это была знаменитая Матрена Ивановна Балкъ или, какъ ее обыкновенно называли, Балкша. Она происходила изъ рода Монсовъ и была старшею сестрою Анны Монсъ или Аннушки Монцовой, иноземки, дочери виноторговца, той дѣвушки, изъ любви къ которой Петръ особенно усердно поворачивалъ старую Русь лицомъ къ западу, и поворачивалъ такъ круто, что Россія досель остается немножко кривошейкою.

— Ахъ, по чести сказать, весьма прекрасна, — повторила она.

Дѣвушка въ самомъ дѣлѣ была прелестна. Въ ней было что-то гордое, мраморное, и оттого самая красота ея казалась холодною. Она ступала медленно, увѣренно, какъ бы чувствуя себя на выставкѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ взоры присутствовавшихъ невольно останавливались на ней чаще, чѣмъ на другихъ, а она какъ бы старалась отразить эти взоры своимъ спокойствіемъ и сдержанностью. Отдавъ подлежащіе респекты кому слѣдовало, дѣвушка прошла въ ту залу, гдѣ шли танцы.

Сухая, чорствая, немножко фельдфебельская фигура хозяина, самого Данилыча, показывалась то тамъ, то здѣсь, и по лицамъ гостей, къ которымъ подходилъ свѣтлѣйшій, можно было

видѣть, что онъ со всѣми обмѣнивался летучими, на ходу брошенными фразами.

— А! Достойнѣйшій Петръ Павловичъ! Премного счастливъ видѣть тебя въ моей избушкѣ,—обратился онъ съ привѣтомъ къ одному гостю, живой, юркій типъ котораго обличалъ что-то еврейское.—Поправляешься?

— Нижайше благодарю вашу свѣтлость, — былъ отвѣтъ гостя съ еврейскимъ обликомъ,—какъ же мнѣ не поправиться, когда вся россійская держава, только вѣковъ удрученная подагрическими и хиргрическими немощами, воспряпула нынѣ отъ единаго слова нашего великаго монарха, рекшаго разслабленной Россіи: «возьми одръ твой и ходи».

Говорившій эти высокопарныя, въ то время высоко стоявшія на общественной и придворной биржѣ фразы былъ Шафировъ, дѣлецъ и птенецъ Петра. Еврейскій обликъ говорившаго свидѣтельствовалъ, что онъ зналъ цѣну словъ на тогдашней биржѣ.

— Слѣпые видятъ и хромые ходятъ,—добавилъ онъ,—поелику ихъ поддерживаетъ неустанная рука вашей свѣтлости.

Меньшиковъ улыбнулся и замѣтилъ, какъ бы заигрывая:

— Благодарствуйте за знатный комплиментъ. Только вотъ мы никакъ не можемъ съ его величествомъ положить предѣлъ тому, чтобы проснувшіеся россіяне меньше запускали руки въ казенную мошонку, а то и слѣпые, и хромые, а паипаче безрукіе воруютъ...

И Меньшиковъ, и Шафировъ исчезли въ толпѣ гостей.

Изъ толпы выдѣлилась статная, ловко лавировавшая между дамами и мужчинами фигура молодого человѣка и направилась къ императрицѣ. Черные глаза Екатерины летучимъ огнемъ скользнули по этой статной фигурѣ, и быстро опустились.

Молодой человѣкъ, ставъ противъ императрицы, отвѣсилъ ей глубокій поклонъ. Екатерина ласково улыбнулась ему и кивнула головой менѣе величественно, чѣмъ другимъ особамъ.

— А! Братецъ Вилимушка!—пропѣла Балкша.—Что такъ поздно изволилъ пожаловать?

— Я имѣлъ счастіе исполнять личныя порученія всемилостивѣйшей государыни,—былъ отвѣтъ и поклонъ въ ту сторону.

— Благодарствую,—милостиво выронила императрица.—А государь гдѣ находится?

— На верфи изволитъ осматривать новые корабельные заказы, государыня.

Вновь пришедшій молодой человѣкъ былъ Вилимъ Монсъ, братъ Матрены Балкъ и секретарь личныхъ дѣлъ Екатерины. Монсъ быстро шелъ въ-гору: этотъ юный дѣлецъ взбирался уже на мачту историческаго бота и обрѣтался въ величайшемъ авантажѣ. Онъ былъ всеобщій любимецъ, и въ особенности среди прекраснаго пола, который былъ отъ него безъ ума. Вилимушка Монцовъ составлялъ душу дамскаго общества. Онъ хорошо пѣлъ все чувствительное и нѣжное. Изъ подъ его пера выходили восхитительные, по мнѣнію дамъ, куплетцы, стишки и любовныя записочки, которыя онъ писалъ особо придуманною имъ азбукою, взятою изъ латинскаго алфавита. Онъ прекрасно танцовалъ, искусно руководилъ танцами, фантами, сыпалъ остротами и знатными комплиментами, какъ горохомъ. Но въ то же время былъ взяточникъ первой руки.

Не успѣлъ онъ достаточно нарисоваться передъ дамами, какъ рядомъ съ нимъ очутилась другая угодливая фигура, хотя старая и больше смахивавшая на отжившаго подъячаго, чѣмъ на знатную особу.

— Всемилостивѣйшей государынѣ съ чадами долгодействія и здравія,—сказалъ старикъ, униженно кланяясь.

— Здравствуй, почтеннѣйшій Гаврило Ивановичъ,—отвѣчала любезно Екатерина,—какъ твое здоровье?

— Милостями великаго Бога и премудраго государя нахожусь въ удовольствіи.

Это былъ великій канцлеръ Головкинъ, человѣкъ недалекій, взобравшійся на высоту черезъ доносы на царевну Софью, личность изъ породы пресмыкающихся и надоѣдливый людямъ и Богу ханжа.

Онъ раскланялся съ Матреною Балкъ, съ другими дамами и съ молодымъ Монсомъ.

— Радуюсь я, государыня матушка, взирая на сіи веселости, а все сіе совершилося благою волею великаго государя... Рече: «да будетъ свѣтъ и бысть», — подлаживался старикъ своею псалтырною рѣчью, отъ которой пахло Алексѣемъ Михайловичемъ.

— Да, да, хорошо,—отвѣтила Екатерина, скользнувъ глазами по красивому лицу Монса.

Лисій взглядъ великаго канцлера уловилъ какую-то искорку въ глазахъ императрицы, и старая лиса приняла это къ свѣдѣнію и руководству.

— А ужъ вамъ, умнымъ и ученымъ младымъ птенцамъ,— обратился онъ искательно къ Монсу,—вамъ подобаетъ за сіе стопы государевы лобызать, со слѣдовъ его премудрыхъ землицу собирать и въ ладонкахъ, рядомъ съ крестомъ на шеѣ, носить.

— Мы и молимся на государя,—отвѣчалъ Монсъ.—Развѣ въ ваши времена такія великія дѣла совершались, какія нынѣ творитъ Россія по манію монарха? Мы молимся на государя за то, что онъ излилъ на насъ свѣтъ просвѣщенія...

Новые гости, подходившіе къ императрицѣ, прекратили этотъ потокъ хвалебной риторики, которая звучала вездѣ, въ каждой группѣ, на улицахъ, въ бумагахъ, въ церквахъ, во дворцѣ и— удивительно!—не пріѣдалась Петру.

Отходя отъ Екатерины и покосившись на Монса, Головкинъ ворчалъ про себя: «Ишь ты, щенокъ бѣлогубый... изъ молодыхъ, да ранній... молоко на губахъ материно не обтеръ, а ужъ загребаетъ все, что къ намъ, старикамъ, прежде подкатывалось... ишь нѣмецкій ублюдокъ»...

— Что ты, Гаврило Ивановичъ, молитву что ли про себя творишь въ семъ вертепѣ?—откуда ни взялся Меньшиковъ.

— Ахъ, свѣтлѣйшій князь батюшка! — спохватился старикъ.—Истинно молитву творю за государя да за тебя, свѣта... Все вашими руками...

— Что, жаръ-то загребаешь?

— Охъ, куды мнѣ, старику, батюшка?

— Куды? Въ чулокъ, по старинѣ, дочкамъ красавицамъ въ приданое... А! Вонъ и т в о й... Ягужинскій... красавецъ,—иронически и довольно ядовито прибавилъ онъ, кивая въ сторону и рѣзко подчеркивая слово т в о й.

Головкина передернуло. Лисьи глаза его запрыгали и словно мыши, искали норы, куда бы спрятаться... Слово т в о й намекало на постыдную тайну, которая, думалъ великій канцлеръ, давно и глубоко погребена только и х ъ руками, его самого и Ягужинскаго, и о которой никто въ мірѣ не подозрѣвалъ.

— Да, да... былъ когда-то Павлуша органщикъ... а тамъ жильцомъ у меня... а теперь, поди на, генеральсъ-прокуроръ,— бормоталъ растерявшійся старикъ.

Ягужинскій гордо поклонился Меньшикову и смотрѣлъ на него вызывающимъ взглядомъ. Это былъ взглядъ красивыхъ, но похотливыхъ, женскихъ, а не мужскихъ глазъ, какъ и вся фигура его дышала чѣмъ-то женственнымъ, сластолюбивымъ.

— Здравствуй, здравствуй, господинъ генеральсъ-прокуроръ, — ядовито продолжалъ Меньшиковъ, — а вотъ я съ твоимъ (онъ остановился съ умысломъ на этомъ словѣ и снова отпечаталъ его что-называется разрядкой, крупно, курсивомъ... съ твоимъ... бывшимъ покровителемъ (это слово онъ подчеркнулъ съ наслажденіемъ, какъ именно то самое слово, которое онъ давно искалъ и, наконецъ, нашелъ...) заболтался.

Ягужинскій поблѣднѣлъ. И онъ, какъ Головкинъ, понялъ, на что намекаетъ почему-то разсвирѣпѣвшій, тоже «бывшій нѣкогда Herzenskind царя. Но онъ нашелся скорѣе, чѣмъ Головкинъ, и къ тому же былъ смѣлѣе его, дерзче, неудержимѣе на языкъ.

— Ваша свѣтлость не можетъ мнѣ завидовать, понеже у васъ былъ (тоже подчеркнулъ и остановился...) болѣе могущественный... покровитель (опять курсивъ).

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта схватка, если бы Меньшиковъ не былъ позванъ императрицею, которая догадалась, что между нимъ и Ягужинскимъ вышло что-то неладное.

Меньшиковъ ненавидѣлъ Ягужинскаго за то, что этотъ послѣдній вошелъ въ такую милость къ царю, что оттѣснилъ всемогущаго Даниловича на второй планъ.

— Ахъ, минъ-геръ, Павелъ Ивановичъ!—подскочилъ, какъ изъ земли выросшій, Шафировъ. — Пылалъ страстію видѣть вашу милость...

Ягужинскій успѣлъ оправиться и весело поздоровался съ Шафировымъ.

— Поистинѣ ргай здѣсь по волѣ мудрѣйшаго царя,—продолжалъ льстить картавый языкъ послѣдняго, — ргай, просто ргай (іудейство говорившаго такъ хрустѣло на буквѣ р).

— Да, да; думаю, что здѣсь больше веселостей, чѣмъ въ Едикулѣ,—любезно намекалъ Ягужинскій на то, какъ турки томили, еще не очень давно, этого самаго Шафирова, какъ заложника, въ «семибашенномъ замкѣ»,—больше пріятства.

Шафировъ таялъ отъ удовольствія и придворной аттенціи царскаго любимца.

— О, минъ-прехтигеръ-геръ! Больше, больше пріятства здѣсь, чѣмъ въ Едикулѣ,—разсыпался онъ.—О! Какъ шагаетъ Россія въ богатырскихъ ботфортахъ великаго царя.

— Да, точно котъ въ сапогахъ...

— Истинно, истинно... и мышей заморскихъ давитъ.

Откуда ни возьмись, Головкинъ со своими лисьими глазами, и ужъ сгозитъ передъ своимъ бывшимъ жильцомъ, а теперь царскимъ любимцемъ, передъ Павлушей Ягужинскимъ.

— Хи-хи-хи, Павлуша,—потиралъ онъ руки,—какъ же ты знатно огрѣлъ «пирожника»... сковородникомъ его, сковородникомъ, да прямо въ рожество...

Шафировъ уже юлилъ и хрустѣлъ своимъ подвижнымъ ртомъ около императрицы.

— Въ рожество, въ рожество,—радостно повторялъ Головкинъ, умильно глядя въ глаза Ягужинскаго, такъ умильно, какъ лиса смотритъ на цыпленка.—А ко мнѣ когда же?

Честараюсь надняхъ

— А женушка что?

— Все въ задумчивости...

— Плохо, плохо... Приходи же, дочки ждутъ...

У Ягужинскаго блеснули похотливые глаза... «Приду, приду»,—торопился онъ.

А старая лиса, Головкинъ, шепталъ про себя: «Попался Павлуша... женушку-то задумчивую въ монастырь, а его въ зятьки для Аннушки... знатный зятекъ... Ахъ, пирожникъ, пирожникъ... погоди, я тебя упеку! Опять заставлю пироги продавать, только ужъ въ Сибири якутамъ... Погоди, Данилычъ, погоди: дай только намъ женушку Павлуши Ягужинскаго за ея задумчивость накрыть черной рясой, а тамъ моя Аннушка станетъ Ягужинской, а безъ Ягужинскаго онъ-то, царь-батюшка, и анисовку не пьетъ... Оно и выходитъ: найди ниточку, а по ниточкѣ и до клубочка дойдешь»...

— Что это ты, Гаврило Ивановичъ, на пальцахъ высчитываешь?—вдругъ раздалось надъ его ухомъ.

Старикъ опомнился. Передъ нимъ стояла сама Балкша.

— Что высчитываешь?—повторила она

— Сѣпцо, матушка Матрена Ивановна, — отвѣчала лиса самымъ добродушнымъ тономъ.

— Какое сѣпцо?

— Да вотъ мнѣ изъ вотчины сѣнца привезли... Сѣно хорошее: а ты какъ-то плакалась, что у тебя сѣна нѣтъ. Такъ я тебѣ, матушка, десятка два возочковъ пришлю.

— Спасибо, спасибо, мой родной. Вотъ ужъ благодѣтель-то.

— А братецъ твой, Вилимъ Иванычъ, здравствуетъ?

— Что ему? Прыгаетъ.

— То-то. А то я замѣтилъ (и старый хитрецъ понизилъ голосъ)—замѣчаю я, матушка, что нашъ-то римской князь, Данилычъ, косится на васъ съ братомъ: царя, вотъ-на, отъ него заслоняете.

И, бросивъ этотъ камушекъ въ Меньшикова, старый интриганъ отретировался, говоря: «А сѣнца-то я тебѣ пришлю».

Поймавъ Шафирова, онъ и въ него брызнулъ своей ядовитой слюнкой.

— За что это, батюшка Петра Павлычъ, осерчалъ на тебя нашъ свѣтлѣйшій, свѣте-то тихій нашъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.

Шафировъ завился около хитраго старика, какъ вьюнъ, изъ воды выскочившій на песокъ. Плечи его какъ-то сгозпли, руки складывались то у живота, то у подбородка. Умные, словно бы ласковые глаза, сдѣлались, кажется, еще умнѣе и ласковѣе.

— Осерчалъ, осерчалъ,—повторилъ искуситель.

— А что? За чтожъ? Да какъ же-жъ это? — зачастилъ Шафировъ.

— Да вонъ тамъ съ Скорняковымъ-Писаревымъ на нашъ счетъ пересмѣивался. Я стороной слышалъ.

— Пересмѣивался? Съ Скорнякомъ-то своимъ?

— Съ нимъ, съ нимъ, батюшка. Говорятъ: этотъ-де жидъ Шаюшка, это тебя-то онъ Шаюшкой жидомъ величаетъ, этотъ-де Шаюшка принимаетъ Головкина за головку чесноку и хочетъ-де съѣсть его... Съ чего это на него нашло?

— Съ жиру бѣсится. Видитъ, что царь меньше къ нему сталъ милостивъ, ну и сердитуетъ на всѣхъ, словно песъ, что на свой хвостъ лаетъ.

— Вѣрно, вѣрно.

И оба печезли.

Зависть, злословіе, какая-то перекрестная клевета, взаимное другъ подъ друга подкапываніе, низкопоклонство, угодливость ради самой угодливости, сплетня, цѣпкая какъ паутина, подлость для подлости, какъ искусство для искусства, всѣ эти прелести царили въ обширныхъ ярко освѣщенныхъ залахъ дворца Меньшикова. А между тѣмъ внѣшность, пріемы, тонъ рѣчей, выраженіе лицъ, взглядовъ, улыбокъ, все это для посторонняго наблюдателя представляло картину внушительную, полную глубокаго содержанія и драматизма. Да на самомъ дѣлѣ она и была внушительна. Эта шипящая ханжа, великій канцлеръ Головкинъ, подманивающій къ себѣ сѣнцомъ вліятельную при дворѣ нѣмку Балкшу и отравляющій злою слюною тѣхъ, кого ему нужно было отравить или привлечь къ себѣ; этотъ Шаюшка-жидъ Шафировъ, ловко извивающійся, подобно угрю, между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ и обоимъ роющій яму; этотъ женоподобный сынъ кирочнаго органиста Павлуша Ягужинскій, припущенный къ рулю историческаго бота, благодаря своимъ женскимъ прелестямъ; этотъ Вилимушка Монсъ, изъ породы чужеядныхъ нѣмцевъ, заполонившихъ всѣ женскія сердца и черезъ это осѣдлавшій всѣхъ вліятельныхъ мужчинъ, которымъ de jure, но не de facto должны были принадлежать эти полоненныя имъ сердца, всѣ эти карлы оттиснулись на страницахъ исторіи въ позахъ и съ профилями великановъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ рукахъ корчилась вся Россія, и какіе-нибудь двадцать возовъ сѣна, брошенные на ручку государственнаго рычага скряжническою рукою Головкина и съѣденные лошадьми Матрены Балкъ, заставляли иногда трещать весь государственный механизмъ и стонать милліоны людей, за зипуны которыхъ цѣплялся этотъ механизмъ тысячами своихъ колесъ, зубцовъ, клещей, шестерней и иныхъ трущихъ, мнущихъ, бьющихъ и сосущихъ приводовъ.

Въ другихъ залахъ, въ которыхъ кишѣла ассамблея, была нѣсколько иная атмосфера, но съ тѣми же заразительными міазмами.

Вонъ въ первой парѣ танцующихъ плавно и величаво скользятъ передъ зрителями двѣ звѣзды первой величины, блистающія на придворномъ небѣ, красавецъ Вилимушка Монсъ, успѣвшій отъ императрицы ускользнуть въ залу танцующихъ, и восхитительная раритетъ, дѣвка Марьюшка Гаментова, въ движе-

піяхъ которой столько цѣломудренной граціи, столько чистоты и нетронутости, какъ на поверхности вонъ того большого зеркала, на которое хотя и дышалъ утромъ пьяный ротъ лакея, вытиравшаго его тряпкой, однако, оно блеститъ ослѣпительной чистотой.

Отъ другой пары танцующихъ вѣетъ, кажется, еще большей свѣжестью. И дѣйствительно, миловидное, совсѣмъ дѣтское, раскраспѣвшееся отъ удовольствія и ребяческой стыдливости личико княжны-кесаревны Ромодановской, Катюши, такъ и просится вонъ изъ этой отравляющей атмосферы куда-нибудь въ поле, въ ярко-цвѣтистую степь, къ звенящимъ въ небѣ жаворонкамъ, къ жужжащимъ подъ весеннимъ солнцемъ насѣкомымъ,—а ее уже начинаетъ опутывать эта цѣпкая паутина придворной жизни. Съ нею танцуетъ красивый денщикъ Петра—Орловъ, исполнявшій обязанности ближайшаго флигель-адъютанта царя.

Между танцующими очутилась уже и красивая фигура Ягужинскаго, и серьезное, хотя еще очень моложавое лицо Остермана, который въ это время усиленно учился иностраннымъ языкамъ и никакъ не могъ вдолбиться въ латынь.

— Ишь чортъ съ младенцемъ связался,—замѣтила сидѣвшая въ числѣ почетныхъ дамъ генеральша Чернышова, которую царь «любительно» величалъ «Авдотья бой-баба», нагибаясь къ своей сосѣдкѣ, княгинѣ Черкасской;—подлинно чортъ.

— Кто это въ черти-то попалъ, а кто въ младенцы?—спросила послѣдняя.

— А Орловъ съ кесаревной Ромодановской.

— Подлинно младенецъ невинный эта Катюша. Ей бы рано и танцовать здѣсь.

— А особливо съ Ванькой-то Орловымъ.

— Ну, чтожъ! Онъ я чаю, хочетъ только этимъ отвести глаза отъ своей зазнобушки, Марьюшки Гаментовой.

— О, не бойся, княгинюшка: съ Машкой-то своей онъ дома и лежа потанцуетъ, на перинѣ.

И Авдотья бой-баба зло засмѣялась.

— Да, — сказала Черкасская, — а какой тихоней эта Марьюшка прикидывается, недотрога, и на поди.

— Недотрога! А вонъ дотрога-то ее ужъ изъ-подъ роброна лѣзетъ!

— Неужто тяжела?

— Развѣ не видишь? Словно зеленаго гороху наѣлась... Подлинно Иванъ да Марья, на одномъ стебелькѣ.

Скользившая въ это время мимо нихъ въ своей парѣ величавая Марьюшка услыхала послѣднія слова. Она догадалась, въ кого брызнули этимъ ядомъ... Черезъ нѣсколько секундъ ее выносили въ другую комнату: она упала въ обморокъ

XII. Фрейлина Гамильтонъ.

Едва успѣли упавшую въ обморокъ Гамильтонъ перенести въ другія комнаты и привести въ чувство, какъ по ассамблеѣ прошелъ говоръ, что царь пріѣхалъ.

Хозяинъ и хозяйка бросились встрѣчать державнаго гостя, хотя это было противъ ассамблейныхъ правилъ, и Петръ часто обрывалъ хозяевъ, которые его встрѣчали. Но на этотъ разъ Меньшиковъ извернулся, сказавъ, что онъ встрѣчаетъ не царя, а спасителя отечества отъ презѣльной зѣноты, коею Россія одержима была 855 лѣтъ, и при этомъ бросилъ подъ ноги царя цвѣтной шелковый носовой платокъ и вѣтку латаніи, которою онъ, вмѣсто опахала, отмахивался отъ жару. «Се одежды, а се— ваіи», сказалъ онъ, кланяясь.

Царь милостиво улыбнулся находчивости своего любимца и спросилъ:

А гдѣ же оселъ, на которомъ я въѣхалъ въ спасенное мною отъ зѣноты отечество?

— Оселъ палъ подъ Полтавою, ваше величество, — ловко, хотя грубо, нашелся Меньшиковъ.

Петръ погрозилъ ему пальцемъ, но видимо былъ доволенъ остротой.

Головкинъ, Шафировъ, Ягужинскій, Остерманъ, Балкъ, Монсъ и другіе вельможи стояли шпалерами. Царь, привѣтствуя всѣхъ отвѣтнымъ поклономъ, держалъ въ рукѣ какіе-то чертежи и бумагу и говорилъ весьма оживленно:

— Вотъ знатной прожектъ. Его представилъ мнѣ на верфи одинъ венецейскій шкиперъ. Говоритъ, что съ помощію метательнаго рычага и сугубаго блока можетъ съ великою скоростію потопить всякій непріятельскій корабль. Прожектъ сей подобаетъ разсмотрѣть со стараніемъ. Безъ изслѣдованія ничто, хотя бы

и невозможное, не должно быть оставляемо: «вся изыскующе добрая держите». Можетъ и отъ сего будетъ что доброе. Христофорусъ Колумбусъ почитаемъ былъ за юродиваго, а сей юродивый великое дѣло совершилъ.

И, обратясь къ стоявшему невдалекѣ знакомому уже нашъ красивому денщику Орлову, сказалъ, подавая ему чертежи и бумагу:

— На, возьми. Потомъ положишь у меня на ночной столикъ Ночью разсмотрю.

Орловъ взялъ бумаги и удалился. Лицо его было нѣсколько блѣдно. Онъ казался озабоченнымъ, грустнымъ. Да и было отчего...

Во дворцѣ, на половинѣ фрейлинъ царицы, въ одной небольшой, но изящно убранной комнатѣ, опершись руками на уборный столикъ, горько, безнадежно плакала молодая дѣвушка. Плечи ея, отъ которыхъ отливало бѣлизною мрамора, вздрагивали отъ неудержимыхъ рыданій. Прекрасное бальное платье съ распущенною на груди шнуровкою, роскошная, расплетенная и разметавшаяся по мраморнымъ плечамъ и по спинѣ коса, все было въ безпорядкѣ, все забылось въ страшномъ горѣ, которое теперь выплакивала и не могла выплакать дѣвушка.

Это была фрейлина Гамильтонъ, красавица Марьюшка, ослѣпительной наружностью которой еще такъ недавно любовалась вся ассамблея. Но куда дѣвался этотъ царственный, побѣдительный, холодный, но въ то же время обаятельный видъ красавицы? Здѣсь была только молодая, прелестная дѣвушка, которую срѣзало непоправимое, незабываемое горе, сразило, какъ былинку, и она теперь неутѣшно плакала, да такъ неутѣшно, что, кажется, съ каждымъ ея всхлипываньемъ разрывалось молодое сердце и истекало кровью, а потомъ вновь разрывалось, исходило кровью, разбивалось о что-то жесткое, безжалостное, неумолимое.

— Мама моя! Матушка!—шептала она молитвенно какъ-то.—Матушка моя! Для чего ты меня на горе покинула? Родимая моя! Охъ, охъ, и горе мое гореваньице!..

И ея прекрасное, все облитое слезами личико припадало къ ладонямъ и она всхлипывала, горько, какъ-то по-дѣтски покачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Батюшка! Родимый ты мой! Гдѣ же ты? Охъ, гдѣ та

пора-времячко, когда я на рученькахъ у тебя сидѣла, горюшка не вѣдаючи? Батюшка! Родненькій!..

И въ эту горькую минуту вспомнилось ей ея невинное, счастливое дѣтство, и не здѣсь, не въ этомъ мрачномъ, заражающемъ душу городѣ, а гдѣ-то далеко, далеко на свѣтломъ, тепломъ югѣ. Спокойная рѣка течетъ подъ крутыми, скалистыми, поросшими боярышникомъ берегами. Виднѣется на этой родной рѣкѣ рыбачья лодка-каюкъ, а въ ней сидитъ рыбакъ, дѣдушка Власычъ... Маленькая, бойкая Марьюшка бѣгаетъ по берегу Дона, у самаго обрыва, и видитъ, какъ въ водѣ, на солнышкѣ, выигрываютъ головли, поблескивая своею серебристою чешуей. А тамъ за горой выростокъ казачій, Васюта Баевъ, пасетъ станичныхъ лошадей и поетъ свою любимую пѣсню:

Какъ у насъ на Дону во Черкаскѣ
Собирались казаченьки во единъ кругъ.

На кусту боярышника воркуетъ горлинка, и маленькой Марьюшкѣ такъ жаль ея дѣтокъ, которыхъ она видѣла въ гнѣздѣ и приносила имъ хлѣбца, а они хлѣбца не ѣли...

Власычъ подплываетъ къ берегу, вынимаетъ плетешокъ съ живою рыбою, разводитъ на берегу огонь и, очистивъ рыбу, варитъ изъ нея вкусную щербу...

А вотъ отецъ ѣдетъ съ охоты на ворономъ конѣ. Богатый чапракъ блеститъ узорами, которые мама вышивала... И Марьюшка бѣжитъ навстрѣчу отцу, который сажаетъ ее къ себѣ на сѣдло, и они скачутъ, скачутъ по степи, такъ что духъ захватываетъ...

Смѣлою и своевольною росла Марьюшка. Сама разъѣзжала по Дону въ каюкѣ, сама ходила въ лѣсъ къ своему любимому пчелинцу, старому Бобрику... Гудомъ гудятъ пчелиные рои по деревьямъ, заливается по лѣсу всякая птица, дятелъ долбитъ дерево... Жаль Марьюшкѣ дятла: по ночамъ, говоритъ Бобрикъ, онъ стонетъ въ дуплѣ, на своемъ гнѣздѣ, стонетъ потому, что у него головка болитъ отъ постояннаго долбленія деревьевъ... Марьюшкѣ хочется выслушать стонущаго дятла, но по ночамъ она всегда спитъ, и никто ея не будитъ... А кукушка все плачетъ потому, что она безпамятливая, гнѣзда своего не помнитъ... Для Марьюшки понятенъ говоръ травы въ полѣ, говоръ лѣса.

трепетъ горькой осины... О, золотое дѣтство! Куда все это уплыло?

А цыганка говорила, что Марьюшка «найдетъ свою долю въ царскихъ палатахъ»...

— Охъ, нашла, нашла я мою долю! Нашла въ царскихъ палатахъ! — въ страстномъ отчаяніи ломала она себѣ руки.— Ваня! Ванюшка! Ненаглядный мой! Не ты отнялъ мою долю, не ты, голубчикъ... Охъ, долюшка моя! Растоптана моя долюшка царскими ногами...

И снова въ этой тоскѣ непроглядной картины далекаго дѣтства заволакивали это настоящее съ его острыми ранами...

У Бобрика такіе добрые, ласковые старые глаза... И у Головкина ласковые, но подъ ихъ взглядомъ стыдомъ красятся щеки... У Шафирова паточный голосъ, сладкіе, гадкіе глаза... Власьичъ, Власьичъ добрый! Разсказалъ бы лучше, какъ вы подъ Азовъ-городъ ходили... Фу, какая тоска, какая смертная тоска!

А эти ядовитые глаза княгини Черкасской... А эти страшныя слова этой страшной бабы: «Иванъ да Марья на одномъ стебелькѣ»...

Ухъ! Холодною льдиною дотронулись до сердца... Холодно, холодно на сердцѣ...

Нѣтъ, больше не плачутъ глаза, выплакались всѣ слезы, высохли, на душѣ пересохло...

Въ это время въ комнату вошла пожилая женщина вродѣ нянюшки и тихо подошла къ выплакавшейся фрейлинѣ.

— Что, мамушка, видала?—спросила послѣдняя упавшимъ голосомъ.

— Самого видала, боярышня.

— Будетъ?

— Велѣлъ сказать, боярышня, что будетъ самъ: какъ-де, послѣ ужины, раздѣну царя и уложу спать, такъ-де и приду.

— А обо мнѣ спрашивалъ?

— Пыталъ, матушка: какъ-де Марьюшка въ здоровьѣ?

— Чтожъ ты сказала?

— Сказала, боярышня: боярышня-де, говорю, была сомлѣвши, а теперь-де ничего, слава Богу.

— Чтожъ онъ?

— Приказалъ: буду-де непустительно.

Дѣвушка задумалась. Вспомнилось ей, какъ они сблизились, какъ она полюбила его, какъ потомъ они всѣ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицей ѣздили въ иноземныя государства... Былъ тутъ и онъ... Въ Гданскѣ справлялъ царь свадьбу княжны Екатерины Ивановны съ тамошнимъ герцогомъ... Веселости всякія, гулянья... Садъ горитъ потѣшными огнями а промежъ деревьевъ темно-темно... Музыка такъ вотъ кровь и бросаетъ то къ щекамъ, то къ сердцу... И онъ тутъ, держитъ за руку, обнимаетъ... «Солнышко мое незакатное, Марьюшка... назолушка моя»... Все сгинуло, все смолкло, и огни, и музыка, и далекій говоръ... Память помутилась, ноженьки подкосились...

— Ты бы, боярышня, сняла съ себя это,—сказала мамушка.

Дѣвушка вздрогнула.

— Дай я раздѣну тебя, родимая,—продолжала мамушка,—дамъ тебѣ что полегче.

Дѣвушка молча повиновалась. А въ душѣ какой-то разбродъ ощущеній, мыслей: вперемежку, разорванными клочьями образы прошлаго и настоящаго... Мать съ кроткими глазами расчесываетъ ея непослушную косу... За окномъ межъ ветлами иволги пересвистываются... Шелковая, съ серебромъ черная борода отца, которую теребитъ дѣвочка... Нева, дворецъ... Гамъ какой-то невообразимый, въ ушахъ звенитъ... Слышитъ она, какъ царь говоритъ: «взять во дворъ Марью Гаментову»... Точно голосъ казачьяго сотника Чернухина: «стрѣляй въ этого стрепета, а я въ этого»...

«Что это, какая тоска, Господи!» Дѣвушка подняла глаза къ образамъ, чего-то проситъ, ждетъ... Нѣтъ, ничего и они не даютъ, ничего, ничего!

Совыканье-то наше было тайное,
Разставанье-то наше стало явное...

И это клочекъ чего-то прошлаго, а съ нимъ налетѣли и звуки прошлаго, отъ которыхъ на душѣ саднетъ... Тошно, тошно, охъ, тошнехонько на душенькѣ!

Какъ время тянется! И куранты въ крѣпости давно бить перестали.

У, какіе холодные глаза у этой вѣдьмы Чернышевой, у Авдотьи генеральши... Бѣдная, маленькая кесаревна, Ромодановскія Катюша, и она такъ же будетъ ждать боя курантовъ,

и ее они съѣдятъ, захватаютъ, глазами нечистыми захватаютъ, и полиняетъ, поблекнетъ, потускнѣетъ чистота ея, свѣжесть, ясность...

«Что это думалъ Ягужинскій, когда глядѣлъ на меня?.. У него умные, а не добрые глаза»...

— Не умыть ли тебя, боярышня, съ глазу?—говоритъ мамушка, вглядываясь въ боярышню,—недоброе око тяготу на тебя наслало.

— Недоброе око, говоришь?

— Должно, недоброе. Дай-кось я тебя съ уголька умою.

— Нѣту, мамушка, не поможетъ

— Что ты, боярышня? Въ умѣ ли? Съ молитвою-то не поможетъ? Мнѣ мамушка царевны Софьи Алексѣевны сказывала: и ей съ уголька помогало... И покойнаго великаго государя Алексѣя Михайлыча съ уголька умывали. Дѣло бывалое.

— Это не съ глазу, мамушка.

— Гдѣ не съ глазу! Чего стоитъ одинъ глазокъ у этой нѣмк. Балкши! Насквозь промзаетъ, что твоя рогатина добрая. А Долгоручиха? А Строганиха? Молоко скиснетъ, какъ только взглянутъ, матушка!

Когда переодѣванье фрейлины было кончено и коса ея приведена въ порядокъ, мамушка сказала: Инъ пойду теперь, угольковъ сыщу».

— Постой, мамушка,—сказала фрейлина, — ты была замужемъ?

— Нѣту, боярышня, не привелъ Богъ.

— Отчего же?

— Да такъ, не вышло. Въ самую это пору, давно ужъ это было, когда батюшка царь женился на первой царицѣ, на Евдокѣй на Ѳедоровнѣ, присватался ко мнѣ женихъ, изъ нашихъ же, изъ дворскихъ. Парень былъ хорошій и любилъ меня. Да и я-то его, грѣшная, такъ-то полюбила, что, кажись, и душеньку-то всю с[illegible] да еще и съ привѣскомъ въ него положила. А на ту пору, заразъ послѣ сватьбы, молодой-то царь взмылъ, что твой соколъ, и полетѣлъ на Переславъ кораблями тѣшиться. Забрали съ собой того-другого! И мой-то попалъ въ свору. А тамъ вѣсть скоро пришла, что въ озерѣ утонулъ на царскихъ потѣхахъ... Ужъ такъ-то я плакала, что, кажись, со слезами-то горючими вся душенька изъ меня вышла. Да и впрямь вышла: двухъ вить

душъ у человѣка не бываетъ. Вышла моя душенька, и осталось это все во мнѣ... Такъ бобылемъ и осталась...

Взглянувъ на свою боярышню, она увидѣла, что та опять плачетъ.

— Что ты, родная! Да что-жъ это за напасть такая!—убивалась мамушка.—Что съ тобой?

— Ничего, ничего... У меня еще душа не вся вылилась... не остеклѣло тамъ...

Въ дверяхъ показалась дѣвушка, изъ царицыныхъ камеринъ.

— Ты что, Ариша?—спросила мамушка.

— Приказала царица про здоровье боярышни спросить,— бойко отвѣчала востроглазая Ариша.

— Благодарю государыню царицу за милость и память.— сказала фрейлина,—отъ великаго жару въ покояхъ свѣтлѣйшаго у меня голова закружилась, а теперь, благодареніе Богу мнѣ лучше.

Помявшись на мѣстѣ, Ариша ускользнула, проговоривъ обычное: «Счастливо оставаться, матушка боярышня».

Боясь, что, съ возвращеніемъ царицы и всего придворнаго дамскаго штата изъ ассамблеи, другія фрейлины станутъ справляться о ея здоровьѣ, Гамильтонъ ушла въ свою спальню, а мамкѣ велѣла говорить всѣмъ, что она почиваетъ.

— А коли онъ придетъ, мамушка, то его проводи особымъ ходомъ,—добавила она.

Въ спальнѣ на нее снова нахлынули воспоминанья, обрывки которыхъ какъ-то нестройно проходили по ея памяти. Это бываетъ именно тогда, когда нервы, принимая ощущенія какъ-то вразбродъ и поддаваясь рефлексамъ давно пережитыхъ ощущеній, въ такомъ же разбродѣ передаютъ мозгу какіе-то лоскутки и тѣхъ и другихъ.

Рядомъ съ нервно-подергивающимся, до непріятности выразительнымъ лицомъ царя, въ одинъ страшно мучительно памятный въ жизни дѣвушки моментъ, рядомъ съ этимъ низкимъ лицомъ и горящими отъ избытка внутренней силы глазами становится спокойное, морщинистое, съ дѣтски наивными глазами лицо пчелинца Бобрика, беззубый ротъ котораго разсказываетъ о томъ, какъ пчела залетѣла въ церковь и увидѣвъ, что тамъ передъ образами горятъ свѣчи изъ ея воску, стала плакать... Говорилъ онъ и объ цвѣткѣ Иванъ-да-Марья... Они умерли,

убили себя, а мать поливала слезами ихъ могилу, и выросъ цвѣтокъ.

«И мы умремъ съ нимъ разомъ... Кто-жъ будетъ плакать надъ нами?..

«А цыганка говорила, найду свою долю, въ царскихъ палатахъ найду... Нашла, охъ, нашла я ее!..»

«Что это? Я, кажется, съ ума схожу... Охъ, скорѣй бы онъ пришелъ!»

А его все нѣтъ. Дѣвушка стала ходить по комнатѣ, въ надеждѣ сократить время. А время тянется, тянется... Въ минуту она переживаетъ годъ, а передумаетъ всѣ годы своей жизни. А такимъ минутамъ конца нѣтъ, счету нѣтъ.

Образъ Спасителя изъ-за кіоты глядитъ на нее. «Онъ былъ добрый, зачѣмъ же строгимъ написали?»

Замаскированная обоями и драпировкой дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ статный мужчина. Это былъ Иванъ Орловъ, царскій денщикъ, котораго мы видѣли на ассамблеѣ танцующимъ съ кесаревной Ромодановской.

Увидавъ вошедшаго, фрейлина тихонько вскрикнула, бросилась къ нему и обхватила руками его шею.

— Ванюшка! Ваня!.. Милый мой, родной мой, — шептала дѣвушка.

— Что съ тобой, Марьюшка?

— Ваня! Ваня!.. Смерть моя пришла.

— Да перестань, милая, успокойся, сядемъ. Что же случилось?

Не смотря на то, что Гамильтонъ была не изъ маленькихъ и не изъ худенькихъ, Орловъ, не разъ пробовавшій петровской дубинки, не трогаясь съ мѣста, и кулакомъ убивавшій теленка, взялъ ее, приподнялъ какъ двухлѣтняго ребенка и усадилъ на низенькую, крытую штофомъ софу.

— Разсказывай-же, моя маленькая казачечка, что съ тобой сдѣлалось тамъ?—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней и привлекая ея голову къ себѣ на грудь,—съ чего ты тамъ обомлѣла?

— Охъ, и сказать стыдно, и молчать страшно, милый

— Да что же было-то тамъ такое?

— Ты видѣлъ, Ваня, я плясала съ Вилимомъ Монцовымъ, а эта, его сестрица кумушка, Чернышева Авдотья да Черкаская такъ-то ехидно на меня смотрятъ и на тебя показываютъ... А

когда я около пихъ туру дѣлала, слышу, Авдотья и говоритъ: «Иванъ-де да Марья—на одномъ стебелькѣ»... И такъ-то мнѣ на животъ глазами указываютъ...

Говоря это, дѣвушка совсѣмъ спрятала голову на груди Орлова. Тотъ молчалъ.

— Каково-же мнѣ было слышать-то это, Ваня?.. Теперь ужъ всѣ знаютъ, всѣ видятъ.

Орловъ молчалъ и тихо гладилъ ея голову.

— Какъ же быть-то намъ, Ваня?... Попроси царя... Охъ, голубчикъ, упроси его, а то я руки на себя наложу.

— Намекалъ стороной, Марьюшка, такъ таково глянулъ на меня, что искры изъ глазъ посыпались... «Хочешь, говоритъ, такъ въ Рогервикѣ на тачкѣ женю, въ посаженые заплечнаго мастера дамъ».

— О, Господи, что жъ намъ дѣлать?—отчаянно металась дѣвушка.

— Подождемъ, Маша, не убивайся, голубушка.

— Подождемъ... Охъ, а каково ждать-то? Развѣ ты не видишь? Дай руку...

Онъ обнялъ ее. Но утѣшить не могъ. Рука его дѣйствительно ощутила, что долго ждать нельзя...

— Вотъ что, Ваня: ты знаешь, что царевичъ бѣжалъ съ Афросиньей... Ты не знаешь, гдѣ теперь онъ?..

— А что?

— И намъ бы, милый, къ нимъ бѣжать.

— Что ты! Что ты, Марьюшка! Отъ нашего-то, я чаю, не спрячешься нигдѣ: онъ и за тремя морями сыщетъ.

— Нѣтъ, не сыщетъ, Ваня. Вонъ царевича же не нашелъ.

— Сказываютъ, нашелъ.

— А насъ не найдетъ. Ну, коли тамъ найдетъ, такъ мы въ лѣса уйдемъ, въ скиты... Мамушкѣ юродивый Ѳомушка сказывалъ, что въ пустынѣ человѣкъ, словно иголка въ Невѣ: одинъ Богъ его найдетъ, а людямъ его не сыскать.

— Ахъ, Марьюшка, голубушка, нельзя этого.

— Для чего нельзя? Да мы тамъ и не останемся. Какъ самъ-то помретъ... такъ царевичъ и проститъ насъ и ко двору вернетъ... Я Афросинью знаю, видала ее у Вяземскаго, она добрая, она за насъ будетъ.

Орловъ качалъ головой.

— Такъ на Донъ уйдемъ, Ваня, а оттуда за Кубань, къ Игнату Некрасову: онъ меня знаетъ, маленькой на рукахъ носилъ, пѣсни пѣлъ про Ермака да про Стеньку Разина.

— Ахъ, дурочка ты моя милая, казачечка моя неразумная.

— Нѣту, Ваня, соколикъ мой, я правду говорю... А тутъ мнѣ не жить... На меня ужъ пальцами показываютъ.

Орловъ не зналъ, что сказать. Мелкая, эгоистическая натура его натолкнулась на нравственную дилемму, и чуть только крокодилъ показалъ свою страшную зубастую пасть, петровскій дѣлецъ и карьеристъ тотчасъ закричалъ: «пожирай моего ребенка, только меня не трогай». Онъ глубоко чувствовалъ низость своей души, но тѣмъ съ большею энергіею старался не признавать этой низости, и всю тяжесть отвѣтственности сваливалъ на душу невинную, искреннюю, глубоко и страстно привязавшуюся къ своему губителю. Онъ былъ мастеръ выслуживаться передъ царемъ, мастеръ сочинять доносы, въ которыхъ онъ, не смотря на свою молодость, очень набилъ руку, а черезъ это и карманъ; но нравственной жертвы не понималъ. Онъ понималъ только, и понималъ вполнѣ реально, что выгодно, и что невыгодно, что пріятно, и что непріятно; но дальше этого не шелъ ни его реальный мозгъ, ни его реальное сердце. По этой логикѣ чести онъ увлекся красотой Гамильтонъ, которой увлекались и Петръ самъ, и Меншиковъ, и Шафировъ, и Головкинъ, и Брюсъ, и Толстой; къ несчастью, увлекшись самъ, онъ увлекъ и дѣвушку. И теперь, когда она стояла на краю пропасти, онъ отдернулъ отъ нея свою запачканную доносами руку. Онъ оказался осторожнымъ лично для себя, какъ всякая мелкая трусливая натура: онъ, говоря современнымъ языкомъ, дѣйствовалъ анонимно, какъ всякая бездарность, чувствующая, что она можетъ выказаться невыгодно для себя, и сознающая, что не имѣетъ за собой такихъ качествъ и дарованій, которыя выкупили бы эту мелочность. Удалиться отъ двора, бросить карьеру, это было выше его маленькихъ силъ.

— Ваня! Ваня! Что-жъ намъ дѣлать?—отчаянно говорила дѣвушка.

— Подожди, подожди, моя лебедушка! Я подумаю,—отвѣчалъ онъ, и пояснилъ, что онъ долженъ сейчасъ уйти, что его ждетъ царь для прочтенія какого-то прожекта.—Завтра я приду къ тебѣ.

И, поцѣловавъ плачущую дѣвушку, онъ быстро удалился какъ бы боясь, что она его остановитъ.

Оставшись одна, Гамильтонъ серьезно стала обдумывать планъ побѣга. Но она ни за что не хотѣла бѣжать безъ своего Вани.

Больше всего сердце тянуло ее къ царевичу. Онъ такъ же, какъ и она, страдалъ и боялся. Онъ надѣялся на болѣе счастливые дни.

«Повидаюсь съ Вяземскимъ Никифоромъ, — думала дѣвушка,—побываю у царевичева отца духовнаго, у отца Якова... Какъ ему не знать, гдѣ царевичъ? Царевичъ ему на духу подлинно сказалъ... А то къ Кикину дойду, и онъ знаетъ, онъ поможетъ намъ»...

И бѣдная вѣрила въ возможность исполненія своихъ плановъ. Она вѣрила, что послѣ непогоды блеснетъ и ихъ солнышко. А у нея одно солнышко, только бы оно было съ нею, только бы оно не заходило...

«А она, Афросинья, добрая, приголубитъ меня (снова мечталось)... Я и Вяземскаго попрошу»...

— Дай-ка я тебя, боярышня, раздѣну, въ постельку уложу, не рання, чай, ужъ пора, матушка; вторые пѣтухи пропѣли,— говорила мамка, входя въ спальную.

— А ты, мамушка, въ Кіевѣ не была?—вдругъ спросила боярышня.

— А что, матушка? На что тебѣ?

— Такъ... Много туда ходу?

— Я чаю, молиться туда хочешь идти? Куда вамъ съ бѣлыми-то ножками!

— Ну, мамушка, скажи только, голубушка.

— Не вѣдаю, родная, не была сама. А вотъ ужо какъ увижу Оомушку блаженнаго, поспрошаю.

Гамильтонъ твердо рѣшилась бѣжать отъ позора. Но было уже поздно, да и некуда: царевича привезли въ Россію...

. . . . . .

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Лѣтнемъ саду, въ «огородѣ», у фонтана, найденъ былъ чей-то мертвый младенецъ, завернутый въ салфетку съ царскимъ гербомъ... Матери ребенка не нашли...

XIII. Сторонники царевича на кольяхъ—и Левинъ. Ѳомушка юродивый.

Зима 1719 года. Раннее морозное утро. По Кронверкской перспективѣ Петербургской стороны отъ Карповки, тихо, задумчиво наклонивъ голову, идетъ прохожій. Иногда онъ останавливается и осматривается по сторонамъ. То обратитъ вниманіе на какую-либо церковь, на домъ, словно изъ-подъ земли выросшій, то взглядывается въ иглы адмиралтейства и Петропавловскаго собора, тонкими линіями вырѣзывавшіяся въ туманномъ, какомъ-то отталкивающе-холодномъ небѣ. Видно, что этотъ человѣкъ или никогда не былъ въ Петербургѣ, или былъ очень давно. Одежда обличаетъ въ немъ военнаго.

Это—Левинъ. Онъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ, съ юга, изъ Харькова. Заѣзжалъ и въ Кіевъ... Съ Кіевомъ у него были счеты непокончепные... Такіе счеты покапчиваются только ликвидаціею жизни, гробомъ, могилою...

Въ послѣднее время до того усилились въ немъ нервные припадки, особенно послѣ посѣщенія его старцемъ Варсонофіемъ на возвратномъ пути изъ Неаполя и Бара, что командиръ мѣстныхъ войскъ, генералъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, признавъ проявленія нервныхъ припадковъ Левина за глубокую меланхолію, превратившуюся въ неизлечимую падучую, отправилъ его, на основаніи указа, въ Петербургъ, въ военную коллегію, для медицинскаго освидѣтельствованія. Кромѣ отпуска, Трубецкой снабдилъ Левина особымъ письмомъ къ Меншикову.

Левинъ не забылъ Стефана Яворскаго, задушевную бесѣду митрополита въ Нѣжинѣ, теплое его благословеніе. Не выходятъ у него изъ памяти участливые, глубоко-проникающіе глаза митрополита. Все-все помнится, даже глупый воробушекъ, трусливо скачущій около огромной печерской просфоры.

Рано еще. Петербургъ, повидимому, и не думаетъ просыпаться. Только кое-гдѣ въ морозномъ воздухѣ вьется дымокъ къ голубому небу да озябшіе воробьи чирикаютъ, напрасно ища зерепъ на мерзлой мостовой.

Какая, однако, громадина выросла на пустынныхъ нѣкогда берегахъ Невы. Левинъ видѣлъ эти берега, почти мальчикомъ, въ началѣ своей службы, вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Пензы.

передъ нарвской баталіей, гдѣ онъ въ первый разъ слышалъ грохотъ пушекъ и свистъ пуль, словно пронизывавшихъ его молодое, дѣтски чуткое сердце, и съ тѣхъ поръ глубоко возненавидѣлъ эти проклятые звуки. Тогда на берегахъ Невы, особенно на мѣстѣ Петербурга, заложеннаго уже послѣ, почти ничего не было А теперь!.. Боже мой!.. И это все тѣ сѣрые зипуны съ сѣрыми лицами, съ продранными локтями, съ истоптавшимися грязными лаптями, все это они, вѣчно живущіе впроголодь и впоколоть, питающіеся чернымъ какъ комья засохшей грязи и жесткимъ какъ эти же комья хлѣбомъ, они, нагромоздившіе сотни и тысячи бѣдныхъ, грязныхъ городовъ и налѣпившіе словно стрижовыхъ гнѣздъ милліоны жалкихъ-плетеныхъ, рубленыхъ, мазаныхъ, соломенныхъ, камышовыхъ, кизяковыхъ и иныхъ избушекъ, все это они успѣли наворотить такую громадину гранитныхъ глыбъ, цѣлыхъ скалъ, камней, мусору, домовъ, палатъ, дворцовъ, церквей, остроговъ, мостовъ... Столько сдѣлали, построили всю Россію, завоевали и цѣлыя государства, отвоевали Сибирь, побили шведовъ, захватили новыя моря, настроили кораблей, столько сдѣлали, столько, кажется, могли заработать, и все голодны, все бѣдны, все необезпечены... Сотни и тысячи судовъ ходятъ по рѣкамъ съ хлѣбомъ, съ товарами, съ казною, съ желѣзомъ, съ пушками, съ ядрами: все это опять-таки они же сдѣлали, и суда построили и хлѣбъ посѣяли, собрали и обмолотили своими цѣпами, и товару наготовили на всю русскую землю, и золотой и серебряной руды понарыли изъ глубокихъ нѣдръ земли, и желѣза оттуда натаскали горы, чтобы надѣлать изъ него горы ядеръ и завоевать ими новыя земли, и все-таки сами голодны, бѣдны... Господи!.. Какая, однако, тоска...

Возбужденные нервы, пылающее воображеніе, напоенное такими горючими матеріалами, какъ все видѣнное, слышанное и перечувствованное, начиная отъ дѣтскихъ впечатлѣній пензенской глуши, отъ потрясенія нарвскаго погрома, Полтавы, гдѣ Левинъ съ содроганіемъ видѣлъ рыгающія огнемъ пушки и носимаго на носилкахъ, обезумѣвшаго отъ стыда и ярости Карла XII, и кончая кіевской встрѣчей царевича, кіевской встряской на берегу Днѣпра, когда въ его рукахъ трепетало что-то необъятно дорогое, все это рисовало Левину грандіозную, но мрачную картину жизни человѣческой, картину, которая не

могла дольше оставаться такою ужасною, и неизбѣжно, неминуемо должна лопнуть, разорваться въ безобразные клочки... Все должно разлетѣться вдребезги, покончиться, пропасть, сгинуть... Это конецъ свѣта...

Бѣдный!.. Собственное воображеніе подавляло его, а ухватиться было не за что, ни идеаловъ, ни вѣры въ нихъ, которые бы, какъ чортъ, горами ворочали... Да и какіе могли быть идеалы въ то время?

Что это такое? Какой невообразимый гвалтъ надъ Невою, у кронверка!.. Воронье тучами вьется, метается изъ стороны въ сторону, безумно каркаетъ, покрываетъ сосѣднія крыши, деревья, стѣны крѣпости... Словно черное облако колышется, раздвигаясь, сдвигаясь, опускаясь и подымаясь...

Левинъ подходитъ ближе, къ Невѣ. Открывается площадь. Влѣво церковь. Далѣе—дома, дворцы, флаги. Впереди—Нева. Вправо—каменныя стѣны съ башнями, бойницами, зіяющими жерлами пушекъ. Церковь съ высокимъ шпицомъ... Такъ вотъ гдѣ воронье и галочье царство—надъ площадью, на площади...

На площади торчатъ какіе-то страшные столбы, оканчивающіеся чѣмъ-то еще болѣе страннымъ. Столбы заиндевѣли, только во многихъ мѣстахъ ихъ сбитъ воронъими и галочьими крыльями...

Одинъ столбъ, два, три, четыре... много столбовъ... На столбы понатыкано что-то тоже заиндевѣвшее, словно клочья сѣдой шерсти...

На иныхъ столбахъ какія-то колеса съ зубцами... На колесахъ тоже валяется что-то распластанное, безобразное... Торчатъ и бѣлѣются кости бѣлыя...

Такъ вонъ гдѣ этотъ вороній гвалтъ, около колесъ на кольяхъ, надъ столбами...

Левинъ подходитъ ближе, и птицы, взмахнувъ вверхъ и по сторонамъ, производятъ ужасный крикъ, кружась въ воздухѣ... Карканье какое-то злое, страшное...

Левинъ подходитъ еще ближе къ столбамъ и съ ужасомъ отступаетъ... На колесахъ—люди! Трупы человѣческіе... Это бѣлѣются кости ногъ, рукъ, ребра голыя... Птицы почти все мясо поклевали...

Ужасъ охватилъ Левина. Онъ стоитъ и не можетъ двинуться.

Онъ бѣжать не можетъ... Эти недоклеванные мертвецы погонятся за нимъ.

А на столбахъ, на кольяхъ—еще ужаснѣе... Это торчатъ всклокоченныя, запидевѣвшія головы человѣческія. Ихъ птица не тронула, боится, глупая, человѣка, его лица. Да и какъ не бояться? Онъ такой страшный звѣрь, страшнѣе всякаго звѣря... Голову человѣка страшно трогать, только она въ состояніи выдумывать такіе ужасы, такія муки. Страшна голова человѣческая даже мертвая, охъ, какъ страшна! А живая, которая выдумала такія муки злобныя, должна быть еще ужаснѣе...

И это какъ разъ противъ самой церкви! Это люди не боятся дѣлать такіе ужасы вблизи мѣстъ и храмовъ, посвященныхъ Тому, кто былъ весь милость, всепрощеніе, который самъ приходилъ затѣмъ на землю, чтобы спасти людей отъ этихъ мукъ, отъ этихъ ужасовъ... Напрасно приходилъ, напрасно пострадалъ!

Такъ думалъ Левинъ. Мысль его мутилась

«Кто они? За что такая казнь»?

А вороны, которымъ помѣшали, у которыхъ отняли снѣдь, каркаютъ, мечутся...

Ухъ, какіе страшные люди, какъ мало въ нихъ человѣческаго.

Вонъ у той головы длинные волосы, какъ у священника, и борода длинная.

«Неужели тутъ и царевичъ?.. Нѣтъ, царевича раньше... лѣтомъ еще.

Какой-то старичекъ подходитъ къ Левину и всматривается въ него. Лицо какъ будто знакомое.

— А! Здравствуй, Василій Савичъ! Какими судьбами?— спрашиваетъ старичекъ.

Левинъ, все еще подъ вліяніемъ ужаса, не можетъ придти въ себя. Не мертвецъ ли и это?

— Не узнаешь стараго Варсонофія?—продолжалъ тотъ.— Вотъ гдѣ привелъ Господь встрѣтиться. Не на добромъ мѣстѣ.

Левинъ приходитъ въ себя, хотя ужасъ не выходитъ изъ души... А эти вороны такъ кричатъ! А колья и головы такъ неподвижны...

— Здравствуй, дѣдушка,—говоритъ онъ, наконецъ, — насилу спознался тебя.

— Почто пріѣхалъ въ Вавилонъ сей?

— Отъ князя Трубецкого присланъ въ военную коллегію для освидѣтельствованія въ болѣзни.

— А какъ сюда угодилъ въ мѣсто экое?

— И самъ не знаю какъ... Шелъ попавѣдаться къ митрополиту, къ святѣйшему отцу Стефану Яворскому... Въ Нѣжинѣ еще бывши, указалъ быть у него... Да вотъ и набрелъ на эту голгоѳу...

— Истинно голгоѳа... Мученики невинные.

— Кто-жъ они? За что казнены?

— Царевичевы, упокой его душу, Господи, слуги: отецъ духовный Іаковъ Игнатьичъ, да Большой-Аѳонасьевъ, думала ли его головушка въ Неаполѣ, что сидѣть ей на колу у Спаса у Троицы? Да дядя царевичевъ Лопухинъ Аврамъ, да Вороновъ.

— А когда замучены?

— Сегодня будетъ мѣсяцъ, какъ казнь и вѣнецъ мученическій пріяли. Я каждый день хожу къ нимъ въ гости, про души ихъ помолиться... Скоро отъ нихъ ничего не останется, птица все съѣстъ.

— Головы только цѣлы.

— Да, птица не дерзаетъ на образъ и подобіе Божіе.

— Что-жъ, развѣ ихъ такъ и не похоронятъ?

— Богъ вѣдаетъ. Можетъ, и долго еще будутъ тутъ ко Господу вопіять тѣлеса мучениковъ... Не больно ужъ имъ, не холодно... Только душеньки ихъ содрогаются, скитаючись нынѣ по мытарствамъ и навѣщаючи тѣлеса свои, зракъ свой, обезображенный, посрамленный, поруганный...

Левинъ уже безъ ужаса, а съ глубокой грустью глядѣлъ на покрытыя инеемъ головы... Въ одной изъ нихъ онъ силился узнать голову Большого-Афонасьева, котораго видѣлъ въ Кіевѣ, въ проѣздъ царевича... Въ Кіевѣ... этому ужъ восемь лѣтъ.. восемь лѣтъ!.. И царевича не стало... и ее...

Такъ сердце и упало... Нѣтъ и ее, Оксаны... «Прочь! прочь, невозвратное, мучительное»...

— А Евфросинія?—спрашиваетъ Левинъ.

— Афросиньюшка? (У старика выступили на глазахъ слезы)... Объ ней послѣ... Да что мы тутъ-то стоимъ? Пора и

проститься... А зайдемъ-ко лучше ко мнѣ въ келейку. Тамъ и поговоримъ.

— А къ митрополиту когда же?

— Отъ меня.

— Да онъ приказалъ къ нему первому придти.

— Къ нему и пойдешь. Я не здѣшній, не ихній; я Божій.

Они вошли по направленію къ Самсоніевскому мосту.

— Вонъ дворецъ царевъ,—говорилъ старикъ, показывая на небольшой домъ, вправо, у Невы.

Тамъ тоже начиналось движеніе. Окоченѣвшіе часовые стояли какъ статуи.

Вдругъ они встрепенулись и что-то сдѣлали ружьями.

Изъ воротъ дворца вышелъ необыкновеннаго роста человѣкъ. За нимъ вышелъ другой, пониже. Великанъ протянулъ руку по направленію къ кольямъ съ взоткнутыми на нихъ головами.

И Левинъ, и старикъ узнали царя. Онъ что-то говорилъ своему спутнику. Лицо его передергивалось и голова нервно откидывалась назадъ. Страшно было попадаться навстрѣчу такому человѣку. За все-про-все ноздри рвать, кнутомъ сѣчь, желѣзомъ жечь: такъ по крайней мѣрѣ думали современники, и обстоятельства въ значительной степени подтверждали это мнѣніе.

Когда Левинъ и старикъ подходили къ мосту, они замѣтили какого-то оборвыша, безъ шапки и босикомъ, который, взявшись что называется «руки въ боки, глаза въ потолоки», отчаянно выплясывалъ босыми ногами по снѣгу. Сѣдые волосы нестройными прядями трепались въ воздухѣ, и нельзя было отличить, сѣды ли они отъ старости или отъ инея.

Левинъ осолбенѣлъ отъ изумленія.

— Да это нашъ Ѳомушка, Божій человѣкъ, юродивый.

— Да что жъ онъ дѣлаетъ?

— Видишь, пляшетъ, радуется Божій человѣчекъ.

— Чему жъ это?

— Вѣстимо, Богъ радости послалъ.

Они поровнялись съ пляшущимъ.

— Здравствуй, Ѳомушка. Богъ въ помощь тебѣ,—сказалъ старикъ.

Юродивый, не обращая на нихъ вниманія, продолжалъ выплясывать:

У Троицы
У Спасушки
На колышкахъ
Головушки.
Ужь и головы торчатъ,
Таки рѣчи говорятъ:
Вы вороны
Вы черненьки,
Собирайтеся,
Слетайтеся
На завтрачекъ,
На полдничекъ:
Царь-отъ батюшка
Вамъ пожаловалъ
Говядинки,
Человѣчинки...

Онъ пѣлъ на голосъ: «какъ и мой-отъ козелъ всегда пьянъ и веселъ».

Левинъ чувствовалъ, какъ холодъ проникалъ ему въ душу. Страшно ему было слушать такія пѣсни послѣ того, что онъ сейчасъ видѣлъ. А юродивый, остановившись на минуту, весело сказалъ:

— Здравствуй, Варсона! Заходи ко мнѣ въ гости: у меня свадьба.

— А ты гдѣ живешь?

Юродивый разсмѣялся, снова подбоченился и, спросивъ: «гдѣ»?—снова началъ приплясывать и приговаривать:

У Марьюшки
У Акимовны
У Иванушки
У Захарыча—
Что у Марьюшки въ шабрахъ, -
У Ивана на задахъ

— Вонъ онъ гдѣ живетъ!—говорилъ старикъ, улыбаясь.— Угадай-ка его, гдѣ это подворье... Марья Акимовна—это у него дщерь Іоакима и Анны, Марія—Богородица Дѣва; а Иванъ Захарычъ—это сынъ Захаріи и Елисаветъ: значитъ, Іоаннъ Креститель. Такъ вотъ онъ, Божій человѣкъ, гдѣ живетъ: у Дѣвы Маріи въ сосѣдствѣ и у Іоанна Крестителя на задахъ... Вотъ и попадай къ нему въ гости.

— А кого-жъ ты замужъ выдаешь, кого женишь?—обратился старикъ къ юродивому.

— Пса смердячаго, что у царя въ покояхъ гадитъ и на

добрыхъ людей ластъ, женю я, Варсонушка, на красной дѣвицѣ несчастливицѣ, на Марьюшкѣ Гаментовой.

— А что?—спросилъ старикъ съ недоумѣніемъ, зная вполнѣ, что всѣ намеки и иносказанія юродиваго всегда имѣютъ практическое основаніе.—Что-жъ съ нею, съ Гаментовою-то, Ѳомушка?

— Этотъ песъ Орелка нагадилъ на нее, а Андрей Иванычъ Ушаковъ моетъ ее, голубушку, въ немшоной банѣ.

«Немшоной баней» у тогдашняго простонародья, иносказательно, называлась тайная канцелярія или пыточный застѣнокъ, а иногда и просто висѣлица: «изба немшона и невершона».

Юродивый давалъ этимъ знать, что Гамильтонъ за что-то арестовали, и что виною въ этомъ былъ какой-то песъ Орелка, конечно Орловъ.

Для юродиваго ничто не было тайной. Это былъ замѣчательный типъ юродивыхъ стараго времени; людей, которые иногда шуткой, иногда иносказаніемъ, иногда голой, грубой правдой бичевали сильныхъ міра, владыкъ свѣтскихъ и духовныхъ, бросали жесткимъ обличеніемъ въ царей—и цари смирялись передъ ними, какъ передъ посланниками Божьими, какъ передъ боговдохновенными пророками. Юродивый—это первичная форма сатиры. Такимъ юродивымъ былъ Ѳомушка, личность необыкновенно замѣчательная. Онъ дѣйствительно велъ святую жизнь, и народъ боготворилъ его. Петръ не любилъ юродивыхъ, преслѣдовалъ все, что только напоминало ему древнюю Русь; и онъ бы давно взоткнулъ голову Ѳомушки на колъ «головушку на колышекъ», какъ выражался Ѳомушка; но Ѳомушка былъ не такого закала человѣкъ, чтобы отдать себя на съѣденіе такъ, въ угоду царской прихоти. Правда, когда бы пришлось разсчитываться серьезно, то Ѳомушка скорѣе далъ бы вытянуть изъ своего сухого тѣла всѣ жилы, вырвать языкъ, изжарить себя на медленномъ огнѣ, чѣмъ поступиться чѣмъ-либо своимъ. Это былъ закаленый пропагандистъ анти-петровскаго содержанія, котораго острый языкъ словно скорпіонъ язвилъ не только «новшества» Петра, его неумѣренную строгость, но и государственную близорукость, какую-то однобокость царя, который ради многихъ затѣйныхъ капризовъ, далеко не выходившихъ изъ принциповъ государственной пользы, довелъ экономическое состоя-

ие государства до самозадушенія. Мало того, ядовитая парабола Ѳомушки ставила иногда реформы Петра въ такомъ свѣтѣ, что ясно кидалось всѣмъ въ глаза—отсутствіе въ этихъ реформахъ умной подкладки.

— Есть у меня,—говорилъ однажды Ѳомушка, — сынокъ, Петруша-дурачекъ. Росла у него на дворѣ яблонька кудрявая. Давала эта яблонька каждый годъ яблочки, только поздно, не къ Петрову дню, а къ Спасу. Дай, думаетъ Петруша, заставлю яблоньку давать мнѣ яблочки къ Петрову дню, какъ онъ это видалъ за моремъ, въ теплыхъ краяхъ, гдѣ яблочки созрѣваютъ къ Петрову дню. Надо сдѣлать, говоритъ, чтобы яблонькѣ въ моемъ дворѣ было такъ же тепло, какъ за моремъ. Да возьми и сруби надъ яблонькой горенку съ печкой! И ну ее топить и топить! Яблочки-то спеклись, а яблонька сгинула. И остался мой Петруша къ своимъ именинамъ и безъ яблочекъ, и безъ яблоньки.

И лѣтомъ, и зимой Ѳомушка ходилъ босикомъ и безъ шапки. Длинные, сѣдые, нечесанные волосы защищали его уши отъ морозу; но босые ноги его безбоязненно ступали по снѣгу и по льду, какъ ноги собаки. Онъ былъ сухъ какъ скелетъ, а лицо напоминало сушеную грушу. Лицо это освѣщала добрая, какая-то дѣтская улыбка. Но что особенно замѣчательно было въ его лицѣ, такъ это глаза: маленькіе и черненькіе, они смотрѣли необыкновенно умно и необыкновенно добро; это были совсѣмъ молодые глаза, чистые, ясные и бодрые. Какъ онъ своими дерзкими выходками не обратилъ на себя вниманіе Петра и какъ эта ходячая, неустанная, популярная до-нельзя парадоксальность не попала на висѣлицу или въ Рогервикъ—это останется тайной, хотя нельзя не признать, что сохранностью своей жизни онъ много былъ обязанъ тому, что его боготворили и берегли женщины, начиная отъ простыхъ бабъ и кончая придворными, статсъ-дамами и фрейлинами. Кромѣ того, всѣ недовольные общимъ ходомъ дѣлъ въ государствѣ, а такихъ было чуть ли не девяносто девять процентовъ, стояли на сторонѣ доктринъ Ѳомушки. Онъ былъ вхожъ и къ самымъ вліятельнымъ лицамъ изъ духовенства, и ко двору, но, конечно, больше задними ходами, черезъ служекъ, мамушекъ и нянюшекъ. Изъ духовныхъ сановниковъ Ѳомушка особенно благоволилъ къ Стефану Яворскому,

но зато постоянно язвилъ Ѳеофана Прокоповича и называлъ его «латынскимъ волкомъ». Постояннаго жительства Ѳомушки никто не зналъ, и на вопросы, гдѣ онъ живетъ, всѣмъ отвѣчалъ: «У Марьи Акимовны въ шабрахъ, у Иванъ Захарыча на задахъ». Какіе-бы богатые подарки онъ ни получалъ, онъ все раздавалъ бѣднымъ, говоря: «возьми, это твое; у тебя украли, а я перекралъ». На все, что ни происходило въ городѣ или при дворѣ, онъ отзывался какой-нибудь выходкой, злой насмѣшкой или дурачествомъ, такъ или иначе намекавшимъ на данное событіе. Когда по Петербургу прошли слухи, что царевичъ Алексѣй Петровичъ умеръ въ гварнизонѣ, и когда многіе говорили, что «государь-де царевича запыталъ и въ хомутѣ-де онъ умеръ за то, что онъ-де, царевичъ, богоискательный человѣкъ и не любилъ нѣмецкой политики», Ѳомушка разсказалъ своимъ слушательницамъ притчу, что былъ-де Авраамъ и хотѣлъ-де принести своего сына Исаака въ жертву Богу—хотѣлъ-де зарѣзать, такъ ангелъ-де удержалъ его руку; а вотъ-де нынѣ царь захотѣлъ принести своего сына въ жертву черту, такъ чертъ-де самъ подтолкнулъ цареву руку. А когда приведены были на мѣсто казни лица, замѣшанныя въ дѣло царевича, именно: Яковъ Игнатьевъ, Лопухинъ, Большой-Аѳонасьевъ и другіе, Ѳомушка явился туда же, на Троицкую площадь съ кускомъ говядины. Дни тогда были постные, стоялъ Филипповъ постъ. Когда осужденнымъ отрубили головы и взоткнули на колья, Ѳомушка сталъ усердно завтракать своей говядиной на глазахъ у всѣхъ зрителей. Когда же его спросили, что онъ дѣлаетъ и почему въ постъ ѣстъ скоромное, юродивый отвѣчалъ: «Батюшка царь нонѣ человѣчинку кушаетъ, а намъ велѣлъ говядину ѣсть». Въ другой разъ, именно на страстной недѣлѣ, когда Ѳеофанъ Прокоповичъ отправлялъ богослуженіе въ Петропавловскомъ соборѣ, Ѳомушка стоялъ на паперти и ѣлъ моченый горохъ. Такое грѣховное поведеніе святого человѣка всѣхъ благочестивыхъ людей привело въ ужасъ, и когда многіе напоминали юродивому, что ѣсть до службы въ великую пятницу—страшный грѣхъ, Ѳомушка сказалъ:

Сей грахъ
Выросъ на небесахъ
И весь постъ въ водѣ мокъ,
Чтобъ я его ясти возмогъ.
А Ѳеофанъ дѣлалъ не такъ—

Весь постъ нюхалъ табакъ,
А нонѣ обѣдню читаетъ,
А чертъ передъ нимъ на скрипочкѣ играетъ"

Благочестивые толковали, что горохъ мокъ въ водѣ весь постъ—это значитъ, что Ѳомушка весь постъ ничего не ѣлъ, а теперь и бѣса посрамилъ, и Ѳеофана-табачника обличилъ.

Встрѣча съ юродивымъ поразила Левина. Да и вообще для него выдалось такое утро, что могло перевернуть и менѣе впечатлительную натуру. Этотъ городъ, выросшій точно изъ земли по мановенію страшнаго волшебника; эти ужасные остатки человѣческихъ тѣлъ на колесахъ; эти заиндевѣвшія на кольяхъ головы, которыя даже птицъ пугаютъ; этотъ страшный человѣкъ, пляшущій босыми ногами по снѣгу, все это ложилось на нервы раздражительно, подмывающе... Хотѣлось что-то сдѣлать, выкрикнуть кому-то угрозу, помѣряться съ кѣмъ-то силами... А съ кѣмъ? Вонъ съ тѣмъ великаномъ, что по росту даже на человѣка не похожъ!..

— Такъ что жъ съ Гаментовой-то сталось, Ѳомушка?— допрашивалъ Варсонофій.

— Орелка, Орелка опакостилъ... Ой-ой-ой! Страшно на этомъ свѣтѣ, страшно, батюшки!..

И юродивый, закрывъ лицо, зарыдалъ какъ ребенокъ: «Ой-ой-ой! Ой, батюшки-свѣты! Батюшки!..»

XIV. Левинъ встрѣчается съ царемъ Петромъ I.

Сама судьба, повидимому, толкала Левина на невѣдомый ему самому подвигъ. Одно, что онъ ясно сознавалъ въ себѣ, это непреодолимое желаніе помѣряться съ кѣмъ-то силами, да помѣряться съ чѣмъ-либо большимъ, такимъ большимъ, больше и сильнѣе чего нѣтъ въ мірѣ. Образъ этой силы уже рисовался ему осязательно, и хотя образу этому придавались земныя очертанія, но сила самая казалась неземною. Великанъ, котораго онъ видѣлъ выходившимъ изъ двора, отчасти отвѣчалъ идеалу невѣдомой страшной силы: нечеловѣческій ростъ, нечеловѣческіе поступки, нечеловѣческое сердце, да, это онъ, онъ, подъ ногами котораго трещитъ земля и стонутъ люди, онъ, который отнялъ у Россіи покой, а у него самого то, что было ему дороже всего на свѣтѣ...

Когда Левинъ въ то же утро, послѣ встрѣчи съ юродивымъ, зашелъ къ Варсонофію, этотъ послѣдній разсказалъ ему, что зналъ, о смерти царевича. Потомъ прибавилъ:

— А объ Афросиньюшкѣ сказываютъ, что ее задавили, когда всѣ допросы съ нея были посыланы. Когда-де, говорятъ, ей сказали, что ее отдадутъ замужъ за простонароднаго человѣка, она, матушка, молвила: «послѣ де-царевича никто при моемъ боку лежать не будетъ». Ее и задавили.

И помолчавъ немного, старикъ продолжалъ:

— О-охо-хо! Сдается мнѣ, что я видѣлъ ее, голубушку. Разъ это ночью, послѣ кончины царевича, проходилъ я мимо гварнизона. Вижу, у мостковъ стоитъ лодка, а изъ гварнизона невѣдомые люди несутъ что-то: мѣшокъ, не мѣшокъ, а что-то длинное. Я спрятался и смотрю, что дальше будетъ. Вотъ они это положили мѣшокъ въ лодку, что-то привязали къ мѣшку, не то камень, не то ядро, и поплыли по Невѣ вверхъ къ дворцу. Поровнявшись съ дворцомъ, остановились. Слышу, отъ дворца свистокъ дали. Какъ свистъ-то раздался, вижу, въ лодкѣ поднимаютъ мѣшокъ, да бултыхъ его въ воду! Только и было. Сотворилъ я крестное знаменіе и, крадучись, пробрался домой. Съ той поры объ ней, голубушкѣ, ни слуху, ни духу. Только Ѳомушка послѣ болталъ: «дѣвушка-де рыбку ѣла, а рыбка-де дѣвушку съѣла».

Оба молчали. Видно, что все слышанное и видѣнное Левинымъ пробуждало въ немъ давно дремавшую энергію—энергію борьбы, подвига.

— Такъ какъ ты думаешь, дѣдушка, о моемъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.

— Вотъ, что я тебѣ скажу, сынъ мой,—медленно отвѣчалъ старикъ.—Я знавалъ твоего родителя, хлѣбъ-соль его тоже знавывалъ и тебѣ худа не пожелаю. Допрежъ того, чѣмъ тебѣ идти прямо къ самому Меншикову, хоть у тебя и письмо къ нему есть отъ Трубецкого, повидайся ты съ Никифоромъ, съ Лебедкой, съ іереемъ. Отецъ Никифоръ состоитъ духовнымъ отцомъ у самого князя Меншикова. Чѣловѣкъ онъ не изъ нонѣшнихъ, человѣкъ богоискательный: искалъ Бога и обрѣлъ. Онъ тебѣ все разскажетъ, что дѣлать, и къ князю сведетъ.

Нетерпѣніе подмывало Левина. Онъ чувствовалъ, какъ въ

немъ прибывастъ силы, какъ крѣпнутъ его руки, которыя, казалось ему, въ состояніи были бы землю пошатнуть, море выплеснуть, какъ ковшъ воды, до неба. Ему хотѣлось тотчасъ же схватиться съ кѣмъ-то.

Узнавъ, гдѣ найти Лебедку, онъ немедленно отправился къ нему. Имя Варсонофія такъ было извѣстно въ домѣ Лебедки, что Левина тотчасъ же впустили въ комнаты. Его встрѣтила небольшая живенькая дѣвочка, въ личикѣ которой и во всей фигуркѣ было что-то необыкновенно живое, подвижное, ртутное. Курносенькій профиль и голубые глазки выражали самую чистую довѣрчивость. Къ людямъ она, какъ видно, привыкла.

Левинъ залюбовался дѣвочкой. Она напомнила ему что-то такое свѣтлое и чистое.

— Ты отъ дѣдушки Варсонофія? — защебетала дѣвочка, бойко смотря въ горѣвшіе внутреннимъ огнемъ глаза Левина.

— Да, отъ него, милая.

— Для чего жъ онъ самъ не пришелъ?

— Не знаю. Вѣрно, недосугъ.

Дѣвочка повертѣлась, взяла на руки кошку, которая терлась у ея ногъ, и снова заболтала:

— Батя у свѣтлѣйшаго. Онъ скоро придетъ. Хочешь, Маша, молочка? (обратилась она къ кошкѣ). Теперь не постъ... Ахъ, дѣдушка Варсонофій! Зачѣмъ онъ не пришелъ? Я его ухъ-какъ крѣпко люблю. А онъ тебѣ сказывалъ про Кіевъ?—подскочила она къ Левину.

— Сказывалъ.

— Ахъ, какъ я люблю слушать про Кіевъ! Про пещеры, про Баръ-градъ, гдѣ мощи Николая Чудотворца. А ты былъ въ Кіевѣ?

— Бывалъ, милая.

— И мощи видѣлъ, и Ивана многострадальнаго, что въ землю уходитъ?

— Видалъ.

— Ахъ, какъ страшно! Сказываютъ, скоро весь войдетъ въ землю, тогда конецъ свѣту.

Левинъ слушалъ это дѣтское щебетанье, и у него на сердцѣ становилось легче.

—Когда я выросту большая (продолжала дѣвочка такъ-

ственно), я пойду въ Кіевъ, въ Баръ-градъ, на гору Аѳонъ, въ Ерусалимъ-градъ. Все-все посмотрю, приложусь ко всѣмъ мощамъ, и Ивана многострадальнаго увижу, погляжу, сколько ему остается уходить въ землю. А въ Ерусалимѣ-градѣ гробу Господню поклонюсь... А потомъ, знаешь, что сдѣлаю?—спросила она еще болѣе таинственно.

— Не знаю, милая,—отвѣчалъ Левинъ, улыбаясь.

— Во пустыню прекрасную уйду...

И дѣвочка приложила пальчикъ къ губамъ. Левину стало больно. Сердце разомъ заныло, заныло...

— Ахъ, какъ хорошо въ пустынѣ!—продолжала дѣвочка, няньчась съ кошкой.—Цвѣтики алые цвѣтутъ, птички райскія поютъ, старцы и старицы Бога хвалятъ...

Дѣвочка все это болтала съ чужихъ словъ, мечтая объ ужасной пустынѣ, когда въ самой ключемъ била жизнь, да не скитская, а реальная, съ ея реальнымъ счастьемъ и реальнымъ страданьемъ.

— А мама въ кухнѣ. У нея руки запачканы.

Заглянувъ въ окно, дѣвочка закричала: «Батя идетъ! Батя идетъ!»—и бросилась встрѣчать отца.

Черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вошелъ мужчина, уже немолодыхъ лѣтъ, въ священнической одеждѣ. Онъ ласково поздоровался съ Левинымъ, который подошелъ къ нему подъ благословеніе и поцѣловалъ руку.

— Пришелъ я къ тебѣ, отецъ Никифоръ, отъ старца Варсонофія за совѣтомъ. Я капитанъ коннаго-гренадерскаго полку Василій, Савинъ сынъ, Левинъ. Пріѣхалъ я сюда съ письмомъ къ свѣтлѣйшему князю Александръ Данилычу отъ командира моего, князь Иванъ Юрьича Трубецкого, для освидѣтельствованія меня въ военной коллегіи. По болѣзненному состоянію моему и по истовой вѣрѣ желаніе имѣю постричься въ монахи.

— Что жъ, дѣло хорошее, Богу угодное.

— Такъ Варсонофій, по старому хлѣбосольству съ родителемъ моимъ, прислалъ меня къ тебѣ, дабы ты замолвилъ за меня слово у свѣтлѣйшаго.

— Душевно радъ, душевно радъ. Въ какую же ты обитель хочешь?

— Въ Соловецкую святую обитель хотѣлъ бы.

— Такъ, такъ. И самъ я о томъ же давно думаю. Какъ только выдамъ замужъ дѣвочку, то, покинувъ и попадью, уйду въ монастырь.

Дѣвочка, возившаяся съ кошкой, услыхавъ послѣднія слова отца, подбѣжала къ нему и заговорила.

— Нѣтъ, батя, я замужъ не хочу, я въ пустыню хочу.

— Вотъ тебѣ на! Ахъ ты, дурочка. Подожди еще. Рано въ пустыню.

— Нѣтъ, не рано, батя. А тебя я въ монастырь не пущу, мамѣ скажу.

— Ладно. Сбѣгай къ мамѣ, пускай намъ закуску дастъ, а тамъ и въ пустыню пойдемъ.

Дѣвочка побѣжала.

— Какой милый ребенокъ,—замѣтилъ Левинъ.

— Да, коли-бъ не она, давно бы я въ монастырѣ жилъ,—сказалъ Лебедка;—нынче на міру житье опасно, душу погубишь.

— И я то же думаю, отецъ,—сказалъ Левинъ,—и вотъ затѣмъ-то къ тебѣ и пришелъ. Я и прежде хотѣлъ смириться, на смиреніе пойти, а какъ старецъ Варсонофій поразсказалъ мнѣ, что здѣсь дѣлается, такъ и на свѣтъ бы этотъ погибельный не глядѣлъ.

— Воистину такъ, одинъ грѣхъ. Недаромъ говорится: у Бога темьянъ, у чорта со смолою казанъ. Ты, Василій Савичъ, хотя и мірской человѣкъ, а благую часть избираешь: могій вмѣстити, да вмѣститъ.

— Я ужъ такъ и рѣшилъ, другой дороги мнѣ нѣтъ,—сказалъ Левинъ задумчиво.

— Ты, значитъ, женатъ не былъ?—спросилъ Лебедка.

— Не привелъ Богъ.

— Что такъ?

— Царю неугодно было. Онъ указалъ другого жениха моей невѣстѣ, деньщика своего, Ивана Орлова.

— А! Знаю... ловкій парень... да и на ушкѣ виситъ у царя словно усерязь... Токмо онъ, я знаю, не женатъ, и обольстилъ лестію одну дѣвку дворцовую, Марью Гаментову. Теперь дѣвку приговорили къ смертной казни, за то яко бы, что ребенка, прижитаго отъ этого Орлова стыда ради удавила. Ее-то подъ

плаху подвелъ этотъ Орловъ, а самъ изъ воды сухъ вышелъ.

— Знатнаго же женишка нашли моей невѣстѣ!—сказалъ Левинъ съ волненіемъ.

— Что жъ она?

— Въ монастырь ушла.

— Ну, значитъ, дорожку указала, иди, не сворачивай.

— Я и то иду. Да только какъ мнѣ къ князю дойти?

— А со мной. Кстати же онъ приказалъ принести ему книгу Ѳеофана Прокоповича: «О мученичествѣ», такъ мы, не медля, и пойдемъ.

Взявъ сочиненіе Ѳеофана «О мученичествѣ», сочиненіе, написанное въ защиту брадобритія и нѣмецкаго платья, Лебедка повелъ Левина къ Меншикову.

Пройдя прямо къ князю и доложивъ о Левинѣ, Лебедка возвратился домой, наказавъ Левину зайти къ нему непремѣнно послѣ аудіенціи.

Скоро Левина потребовали въ кабинетъ князя. Когда онъ вошелъ, то очутился въ такомъ положеніи: посреди большой комнаты стоялъ столъ, заваленный бумагами; у стола стояло деревянное съ прямой спинкой кресло, а въ немъ сидѣлъ Меншиковъ спиной къ вошедшему; виднѣлся только княжескій затылокъ. Меншиковъ не всталъ и не оборотился при входѣ Левина. Послѣдній почувствовалъ себя очень неловко. Но его спасло зеркало, висѣвшее противъ стола. Увидавъ въ этомъ зеркалѣ лицо князя, Левинъ поклонился.

— Ты Левинъ?—спросилъ князь.

— Я, ваша свѣтлость.

— Изъ дворянъ?

— Изъ дворянъ пензинскаго уѣзда, ваша свѣтлость.

— Князь Трубецкой доноситъ, что ты недуженъ. Какимъ недугомъ одержимъ ты?

— Падучею, ваша свѣтлость.

— А на царской службѣ давно ли?

— Седьмой годъ, ваша свѣтлость.

— А давно это съ тобою?

— Восемнадцать лѣтъ, ваша свѣтлость.

— Въ какихъ баталіяхъ былъ?

— Подъ Нарвой, при Лѣсномъ и подъ Полтавой.

— А! Лѣсное помнишь, гдѣ мы знатную викторію одержали надъ Левенъ-Гоуптомъ?

— Помню, ваша свѣтлость.

— А меня видѣлъ тамъ?

— Видѣлъ, ваша свѣтлость... на бѣломъ конѣ ночью...

Лицо Меншикова просіяло.

— Раненъ?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость.

— А въ прутскомъ походѣ былъ?

— Не былъ, ваша свѣтлость. Я сопровождалъ государя царевича въ Кіевъ.

— А!..

Вдругъ сзади Левина отворилась дверь, и въ зеркалѣ отразилась фигура великана. Левинъ повернулся какъ ужаленный и посторонился. Меншиковъ вскочилъ.

— Здравствуй, Данилычъ!—сказалъ великанъ.

— Здравія желаю, ваше императорское величество,—привѣтствовалъ Меншиковъ.

— А ты кто?—совершенно неожиданно обратился царь къ Левину.

— Ваше императорскаго величества гренадерскаго коннаго Гаврилы Кропотова полка капитанъ Левинъ.

— Зачѣмъ прибылъ?

— Для освидѣтельствованія въ болѣзни, государь.

— А службу гдѣ началъ?

— Подъ Нарвой, ваше императорское величество.

Лицо великана нервно задергалось.

— А подъ Полтавой былъ?

— Былъ, государь.

— Теперь въ деревню захотѣлось?

— Въ монастырь, ваше величество.

— А! Въ дармоѣды записаться... бороду ростить... О! Бородачи! Бородачи! Доберусь я до васъ...

Лицо его было страшно. Оно автоматически дергалось. Глаза горѣли.

— Чѣмъ ты боленъ?

— Падучей, государь.

— Вели свидѣтельствовать его наистрожайше,—обратился царь къ Меншикову.

Тотъ поклонился.

— Ступай,—сказалъ царь Левину.

Левинъ вышелъ какъ ошпаренный. Возвратясь къ Лебедкѣ подъ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, онъ засталъ тамъ старца Варсонофія, что-то объяснявшаго первому.

— Ну что?—спросили оба.

— Былъ,—отвѣчалъ Левинъ.

— Что жъ онъ сказалъ?

— Ничего. Царь помѣшалъ.

— Такъ у него царь?

— При мнѣ пришелъ.

— Говорилъ съ тобой?

— Говорилъ. Сердитый такой. Какъ узналъ, что въ монастырь прошусь, въ неистовство пришелъ. «Въ дармоѣды, говоритъ, записаться хочешь, бороду ростить. Я, говоритъ, доберусь до васъ, бородачи».

— Бабушка надвое сказала,—спокойно замѣтилъ Варсонофій.

— Такъ, такъ,—улыбаясь сказалъ Лебедка,—кабы у бабушки бородушка, была бъ дѣдушкой... Что жъ, велѣлъ свидѣтельствовать?

— Велѣлъ наистрожайше.

— Ничего. На то сито, чтобъ чище сѣяло.

Разговоръ перешелъ на тягости времени.

— Послѣднія времена, послѣднія времена,—повторялъ Варсонофій.

— И я такъ-жъ слыхалъ,—сказалъ Лебедка.—Одиннадцать лѣтъ тому назадъ былъ я въ Новѣгородѣ. Повстрѣчался я тамъ на базарѣ съ своимъ бывшимъ духовнымъ сыномъ, съ новогородскимъ, съ посадскимъ человѣкомъ, съ Гаврилою Нечаевымъ. Былъ этотъ Гаврила въ брынскихъ лѣсахъ, у святыхъ отшельниковъ. Прожилъ онъ тамъ не малое время. Такъ этотъ Гаврила сказывалъ, что антихристъ уже пріиде на землю и въ книгахъ-де это написано.

— Знаю я эти книги,—замѣтилъ Варсонофій:—списаны онѣ рукою книгописца Григорія Талицкаго, пріявшаго отъ царя лю-

тую казнь лѣтъ восемнадесять тому назадъ. Писаны книги тѣ съ древнихъ рукописаній, и наименованіе имъ таково: первая книга «О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта»; другая книга именуется «Врата». По симъ книгамъ подлинно выходитъ, что осьмой царь антихристъ и есть Петръ, похитившій имя царя.

— Воистину антихристъ,—подтверждалъ Лебедка.—Онъ и сына своего не пощадилъ, убилъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что онъ его убилъ, понеже царевичъ въ гварнизонѣ содержался и пытанъ былъ. А царевичъ былъ добрый человѣкъ; онъ и мнѣ добро дѣлывалъ; когда мы были за моремъ, въ Помераніи, царевичъ берегъ меня.

— И я слыхалъ, что онъ подлинный антихристъ,—замѣтилъ Левинъ.—Въ 1716 году, когда мы стояли въ Харьковѣ, лѣтомъ къ дому моему подъѣхали три монаха, невѣдомо какіе, всѣ трое образомъ равны, и говорятъ по-русски, только на греческую рѣчь походитъ. Остановились они противъ моей квартеры и стали ко мнѣ проситься. Я съ великою радостію принялъ ихъ. Они дали мнѣ винныхъ ягодъ и изюму, а я просилъ ихъ обѣдать со мною. Разговорились. «Откуда, спрашиваю, ѣдете и куда»?—«Изъ Ерусалима, говорятъ, отъ гроба Господня въ Санктпитербургъ—смотрѣть антихриста».—«Какой тамъ антихристъ»?—спрашиваю.—«Котораго вы называете царь Петръ Алексѣевичъ—тотъ и антихристъ. Прибудетъ онъ въ столицу и не долго-де тамъ будетъ—отъѣдетъ въ Казань, и въ тѣ-де времена уже покою не будетъ...» Монахи эти и крестомъ съ мощами благословили меня; тутъ онъ—на мнѣ.

— Все сбывается по писанію,—добавилъ Лебедка;—у насъ всѣ это говорятъ.

— Да и въ Малороссіи мнѣ сказывали,—пояснилъ Левинъ,—что царь не прямой царь, а антихристъ; приводилъ-де, говорятъ, царевича въ свое состояніе, и онъ-де не послушалъ, и за то-де его и убилъ.

— Недаромъ знаменія на небеси и на земли,—подтвердилъ Варсонофій.

— Правда. И я таковое знаменіе видѣлъ въ 718 году маія 6 дня,—сказалъ Левинъ.—У меня и въ святцахъ записано тако: явленіе было на небеси въ полдень, солнце было въ кругу великомъ темно три часа.

— Это къ смерти царевича. — сказалъ Варсонофій. — Я помню это. Тогда, въ концѣ апрѣля, привезли Афросиньюшку изъ Неаполя, потомъ пытали ее, а къ Петрову дню царевича и ее, голубушки, не стало.

Разговоръ былъ прерванъ дѣвочкой, дочерью Лебедки, которая вбѣжала въ комнату и бросилась къ Варсонофію.

— Ахъ, дѣдушка!—лепетала она.—Меня батя хочетъ отдать замужъ.

— Что жъ, пора,—отвѣчалъ, улыбаясь, старикъ и любовно гладя ребенка.

— Нѣтъ, дѣдушка, не пора, я не хочу.

— А чего-жъ ты хочешь?

— Я въ пустыню хочу.

— Вотъ какъ! Раненько.

— Я не теперь, дѣдушка, а черезъ годъ, когда буду большая.

— Ну, тогда какъ разъ впору.

— Да еще въ Кіевъ хочу, въ пещеры, въ Баръ-градъ, въ Ерусалимъ.

Пока дѣвочка болтала, Лебедка, увидѣвъ кого-то въ окно, сказалъ:

— Зачѣмъ это нелегкая несетъ Орлова, денщика царскаго? Претитъ онъ мнѣ.

— Не орелъ, а воронъ,—вставилъ Варсонофій,—на падаль каркаетъ.

Левинъ поблѣднѣлъ. Онъ вспомнилъ Кіевъ, Оксану... «Такъ вотъ кто отнялъ мою Оксану... и не для себя, а чтобъ живую въ гробъ уложить... Упыри кругомъ, упыри, кровопійцы; скорѣй бы подальше отъ нихъ»,—пробѣгало у него по мозгу и по сердцу.

Вошелъ Орловъ и, не поклонившись никому, сказалъ, обращаясь къ Лебедкѣ:

— Отецъ Никифоръ! Царь государь Петръ Алексѣевичъ и свѣтлѣйшій князь приказали тебѣ завтра же прислать къ князю гренадерскаго коннаго полку капитана Левина. Слышалъ?

— Слышалъ и исполню волю цареву и приказъ свѣтлѣйшаго.

Орловъ ушелъ. Дѣвочка стояла раскрывъ свои большіе голубые глазки. Левинъ угрюмо молчалъ.

— Воронъ, воронъ, воронъ,—глухо говорилъ Варсонофій,—на свою голову каркай.

XV. Левинъ въ крѣпости. Казнь фрейлины Гамильтонъ.

Когда на другой день Левинъ явился къ Меншикову, тамъ уже ожидалъ его сержантъ съ письменнымъ приказомъ къ коменданту крѣпости, Бахміотову. Коменданту предписывалось помѣстить Левина въ лазаретѣ и подвергнуть наистрожайшему медицинскому освидѣтельствованію.

Левина повели въ крѣпость. Хотя онъ самъ добивался освидѣтельствованія, но послѣ суровыхъ словъ царя ему представлялась впереди картина пытокъ... «Что жъ, хомутъ, такъ хомутъ (шевелилось въ его возбужденныхъ нервахъ): коли выдержу дыбу, такъ выдержу и все. На то пошелъ».

Въ крѣпость приходилось идти мимо того мѣста, гдѣ стояли страшныя колья съ торчавшими на нихъ мертвыми головами. Стаи воронъ кружились надъ площадью, нахально перекликаясь, но боясь опуститься на остатки человѣческихъ труповъ, не доклеванныхъ ими. Народъ проходилъ мимо, взглядывая на колья пристальнѣе, чѣмъ онъ глядѣлъ на фонарные столбы и на деревья: есть явленія, къ которымъ человѣкъ не можетъ привыкнуть, хотя бы они повторялись каждый день, каждый часъ.

День былъ теплѣе предыдущаго. Солнце ярко смотрѣло изъза Невы, откуда-то издалека, словно бы оно поднялось тамъ гдѣ-то, надъ Кіевомъ, и съ изумленіемъ глядѣло на эти головы, отдѣленныя отъ тѣлъ. А головы, торча на кольяхъ, казались гордо поднятыми надъ землей, гордо и торжественно, и Левину сдавалось, что онѣ, обратившись на всѣ четыре стороны, кричали востоку, сѣверу, западу и югу: «Смотрите! Смотрите на насъ! Видите, что дѣлаютъ люди съ людьми! Звѣри того не дѣлаютъ съ звѣрями, змѣи и скорпіи добрѣе человѣка!»

— Съѣстъ, съѣстъ меня,—пробормоталъ все время до того молчавшій Левинъ.

Сержантъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Онъ когтями задушитъ меня... съѣстъ,—снова бормоталъ онъ, хватаясь за кафтанъ сержанта.

— Что съ тобой, ваша милость? — спросилъ изумленный сержантъ, освобождая полу кафтана.

— Онъ меня съѣстъ... не давай ему...

— Кто съѣстъ?

— Онъ... котъ... котъ меня съѣстъ...

Сержантъ разсмѣялся.

— Да развѣ ваша милость мышь?—спросилъ онъ.

— Мышь... меня въ мышеловку хотятъ посадить... не давай меня.

Онъ говорилъ это торопливо, шопотомъ оглядываясь испуганно по сторонамъ. Глаза дико блуждали. Сержантъ понялъ, что человѣкъ не въ своемъ умѣ.

— Пойдемъ, пойдемъ, я не дамъ тебя коту.

Чрезъ крѣпостныя ворота они прямо пришли къ комендантской избѣ. Ихъ впустили въ пріемную, доложили коменданту, передавъ въ собственныя руки пакетъ съ надписью: «имянный».

Бахміотовъ немедленно вышелъ съ распечатаннымъ пакетомъ въ рукѣ. Это былъ полный, круглолицый и круглоглазый мужчина, дѣйствительно напоминавшій откормленнаго кота, но только безъ усовъ и съ бритою мордой. Уши торчали прямо, покошачьи, какъ это часто можно видѣть на татарскихъ типахъ. Уши эти, повидимому, были постоянно насторожѣ, прислушиваясь къ всякому шороху въ крѣпости.

— Гдѣ больной?—спросилъ Бахміотовъ какъ на перекличкѣ.

— Здѣсь,—отвѣчалъ сержантъ, выдвигая впередъ Левина.

Комендантъ подошелъ ближе.

— Мясо все вышло... не надо больше мяса,—заговорилъ Левинъ, дико озираясь.

— Какое мясо? — спросилъ съ удивленіемъ комендантъ, глядя на Левина.

— Человѣчье мясо... вороны поѣли... однѣ кости тамъ... не давайте имъ моего мяса—бормоталъ тотъ.

— А!..—сказалъ какъ бы про себя комендантъ и, обращаясь къ стоявшему сзади его писарю, прибавилъ,—отведи его въ лазаретъ, по именному указу, для наистрожайшаго испытанія.

Левина повели въ лазаретъ.

Увидѣвъ на крѣпостной стѣнѣ каркающую ворону, Левинъ закричалъ:

— А! Ты на меня каркаешь, моего мяса хочешь, сердце мое клевать будешь... А у меня нѣтъ сердца, его въ Кіевѣ вырѣзали

и бросили собакамъ... Орелка съѣлъ мое сердце... Не каркай, проклятая! Кшъ-кишъ! Кишъ! Аминь-аминь, разсыпися!..

Въ лазаретѣ его сдали дежурному врачу, съ поясненіемъ, что, по именному указу, больной долженъ быть испытанъ наистрожае, что онъ—капитанъ Левинъ, лично извѣстный царю.

— Не пускайте сюда ворону, она каркаетъ на мое мясо, на мою голову, на мое сердце... А мое сердце Орелка съѣлъ... Тамъ еще есть мясо, на кольяхъ... Пускай его ѣстъ ворона,—бормоталъ больной.

Докторъ, старый нѣмецъ, нижняя губа котораго сильно отвисшая, какъ бы говорила, что она устала, что ей надоѣло служить беззубому рту и хочется на покой, въ могилу, докторъ равнодушно, спокойно и внимательно слушалъ безсмысленную болтовню больного, словно бы это была умная, серьезная рѣчь, и сквозь круглыя, огромныя, какъ стекло райка, очки добродушно заглядывалъ въ глаза Левина, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ и дико блуждавшіе.

— Господинъ капитанъ!—сказалъ онъ серьезно.—Мы воронъ въ лазаретъ не пускаемъ.

— Она сама влетитъ..

— Не влетитъ, господинъ капитанъ. Я отдалъ приказъ не пускать сюда воронъ.

Левинъ какъ-будто успокоился.

— Чѣмъ ты нездоровъ, господинъ капитанъ? — спросилъ докторъ.

— У меня падучая.

— Давно?

— Съ 712 года... Я не ѣлъ мяса... А потомъ сталъ ѣсть мясо, какъ ворона, и хотѣлъ жениться, а Орелка взялъ и съѣлъ мою невѣсту и мое сердце.

— Какой Орелка?—серьезно спросилъ нѣмецъ.

— Собака... Она здѣсь...

— Гдѣ?

— У царя.

Нѣмецъ задумался. Въ продолженіе долголѣтней службы въ Россіи ему приходилось имѣть дѣло со всевозможными больными, съ сумасшедшими идіотами, безумными и бѣшеными. Въ то время, когда Петръ требовалъ службы отъ каждаго дво-

рянина, а «дуракамъ» и «дурамъ» запрещено было даже жениться и выходить замужъ, происходили почти поголовныя свидѣтельства, особенно тѣхъ, которые, отбиваясь отъ службы, притворялись больными, сумасшедшими и дураками. Доктора, поэтому, должны были порядочно набить руку на практикѣ освидѣтельствованія.

Левинъ показался доктору загадочнымъ экземпляромъ. Вся внѣшность говорила, что это дѣйствительно больной человѣкъ: худъ, блѣденъ, съ вялыми мышцами, съ глубоко запавшими глазами. Но до такого состоянія можно довести себя и искусственно. Можно притвориться и безумнымъ, говорить всякій вздоръ... Но нѣтъ, глаза Левина говорили что-то другое: въ нихъ горѣло или безуміе или страсть, или фанатизмъ, однопредметное помѣшательство. Такого выраженія нельзя дать глазамъ по своей волѣ; такого выраженія сочинить нельзя... Нѣтъ, внутри этого человѣка сидитъ что-то особенное... Такое выраженіе докторъ замѣтилъ у духовника царевича, у протопопа Якова, когда ему объявлена была смертная казнь.

Докторъ рѣшилъ наблюдать за больнымъ, испытывать его въ продолженіе извѣстнаго времени.

Левина оставили въ лазаретѣ. Каждый день докторъ справлялся о его здоровьѣ. Больной былъ покоенъ и только иногда заговаривался: опять являлись вороны, клевавшія человѣческое мясо, собака, съѣвшая его сердце, котъ, намѣревающійся броситься на него, на мышь... Иногда больного навѣщалъ попъ Лебедка, который, по просьбѣ Левина, и принесъ ему его святцы. Въ этихъ святцахъ, которыя служили ему памятной книжкой, Левинъ записывалъ иногда событія своей жизни и свои мысли.

Время шло, а докторъ все не могъ понять болѣзни своего паціента. Все казалось ему страннымъ въ его поведеніи, и невольно являлось подозрѣніе, что Левинъ притворяется. Тогда врачъ рѣшился прибѣгнуть къ сильному средству, къ испытанію больного огнемъ... Въ то ужасное время, когда кнутъ замѣнялъ предварительное судебное дознаніе, застѣнокъ — слѣдствіе, а дыба—допросъ, медицина для распознанія болѣзни прибѣгала тоже къ пыткамъ, такова была діагноза петровскаго времени! Левину прописано было тогдашнее модное лекарство, своего рода хининъ, или kali bromatum, именно огонь.

— Что это такое, господинъ капитанъ?—спросилъ однажды докторъ, увидавъ, что больной писалъ что-то въ своемъ дневникѣ лѣвой рукой.

— Рука правая отнялась,—отвѣчалъ Левинъ.

Нѣмецъ осмотрѣлъ руку. Она какъ-то странно болталась.

— Гмъ! Такъ мы пропишемъ ей огонь... kali ignis, раскаленное желѣзо,—сказалъ нѣмецъ серьезно, хотя видимо былъ доволенъ своимъ каламбуромъ.

— На томъ свѣтѣ и тебѣ будутъ жечь желѣзомъ правую руку,—возразилъ спокойно Левинъ.

— За что меня будутъ жечь?—спросилъ нѣмецъ.

— За то, что ты не крестишься.

— О! Das ist Dummheit, это ваши русскіе забобоны. На томъ свѣтѣ желѣза и никакихъ металловъ нѣтъ,—серьезно замѣтилъ нѣмецъ.

Когда черезъ нѣсколько дней докторъ явился съ инструментомъ и съ жаровней и сталъ накаливать желѣзо, желая приступить къ операціи жженія больного, Левинъ хотѣлъ было уйти; но бывшіе при этомъ фельдшера и сторожа схватили его и стали силой удерживать на койкѣ.

Левинъ, вырываясь изъ рукъ сторожей, неистово кричалъ:

— Антихристъ! Антихристъ! Антихристъ!.. Пустите меня! Я не хочу въ его вѣру!

Его повалили на койку и держали за руки и за ноги. Онъ бился головой объ койку и продолжалъ кричать, страшно ворочая глазами:

— Антихристъ!.. Да воскреснетъ Богъ... Аминь, аминь разсыпися...

Когда желѣзо было накалено добѣла, докторъ подошелъ къ больному и поднесъ свое страшное лекарство къ самому лицу его. Увидавъ это, Левинъ весь задрожалъ и застоналъ.

— Печать антихриста... ой-ой! Клеймить хотятъ... Я не вѣрую въ него... я въ Христа вѣрую... Ой-ой!

Нѣмецъ не обращалъ вниманія на крики. Какъ истый телертеръ, онъ съ удовольствіемъ приступалъ къ интересному ученому опыту. Нижняя губа его совсѣмъ отвалилась и сладострастно дрожала.

— Держите руку. Дайте сюда эту руку; выше подымите,— говорилъ онъ.

— О! Дьяволъ!.. Нѣмецъ проклятый... антихристовъ слуга... Ой! Ой!

— Нѣтъ, нѣмецъ не проклятый! Нѣмецъ честный человѣкъ.

И честный человѣкъ приложилъ раскаленное желѣзо къ рукѣ больного.

— Ай! Клеймо... антихристъ...

Левинъ пересталъ кричать. Онъ лишился чувствъ.

— Это хорошо. Опытъ удался: рука чувствуетъ. Sehr gut,— бормоталъ нѣмецъ.

Но и послѣ этого опыта, когда Левинъ пришелъ въ себя, докторъ не могъ понять сущности его болѣзни. Въ вѣкъ желѣзныхъ нервовъ, когда съ подсудимыми разговаривали посредствомъ кнута и дыбы, когда больныхъ свидѣтельствовали посредствомъ раскаленнаго желѣза, и когда люди, посаженные на колья, въ состояніи были плевать въ глаза своимъ мучителямъ, о нервныхъ болѣзняхъ не имѣли понятія ни врачи, ни паціенты: при Петрѣ у людей нервовъ не должно было существовать; нервы были запрещены. Понятны были только осязательныя формы болѣзни: прошибленная до мозгу голова, распоротый животъ, переломленная нога, отрубленная рука и т. п., это ясно, что болѣзнь; что не подходило подъ эти формы, то шло въ категорію болѣзней отъ порчи, отъ глаза, отъ нечистаго...

У Левина, къ сожалѣнію, оказался запрещенный товаръ: у него были нервы. И вотъ Левинъ пошелъ за порченнаго, за сумасшедшаго, за бѣсноватаго. Онъ самъ почти такъ о себѣ думалъ. Нервные припадки онъ считалъ падучею и думалъ, что этою болѣзнью его наказалъ Богъ за то, что онъ «ѣлъ мясо и хотѣлъ жениться». Дѣйствительно, припадки эти обнаружились въ немъ послѣ страшной нравственной встряски, когда онъ узналъ, что любимая имъ дѣвушка погибла для него, что его чернокосая Оксана похоронила себя заживо въ монастырскомъ склепѣ. Съ той поры жизнь его была разбита, нервы пошли вразбродъ; онъ не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлается; этого не понималъ никто... Жизнь для него стала нескончаемой мукой. Эта мука на него наслана свыше, какъ небесная кара. И вотъ несчастный пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Когда былъ въ полку,

въ 1712 году, не ѣлъ мяса, а потомъ сталъ было ѣсть и хотѣлъ жениться, а за то падучею болѣзнью жестоко наказанъ». Дневникъ этотъ сохранился донынѣ въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ архивовъ...

Въ концѣ концовъ Левинъ пошелъ за падучаго, но все еще оставался въ лазаретѣ на испытаніи.

Послѣ огненной пытки усталый, разбитый, съ нервами доведенными до бѣшеннаго состоянія, лежитъ онъ день, лежитъ другой, лежитъ третій... Мертвая тишина кругомъ... Загубленная жизнь переживается вновь, чувствуется ея гибель всею суммою пережитыхъ страданій... А возврата нѣтъ и конца нѣтъ... Когда же конецъ? Конецъ, проклятый, мрачный конецъ, когда начала не было! Нѣтъ, не надо конца!

«Матушка! Матушка родимая! Гдѣ ты? Гдѣ твои глазыньки добрые, гдѣ твои рѣчи ласковыя, гдѣ твои рученьки угодливыя? На то ли ты вскормила меня, на то ли меня вспоила, чтобы отдать на руки горю горючему, чтобы долюшку мою развѣяли вѣтры буйные? Матушка! Матушка!..

«Сторона моя родимая! Сторонушка милая! Гдѣ ты? Снѣгами тебя поприсыпало, туманами позадернуло, далью далекою ты отъ меня отгорожена... Не ходить по тебѣ ноженькамъ моимъ усталымъ, не видать тебя очамъ моимъ, очушкамъ слезнымъ...

«Дитя мое, дитятко загубленное, дѣвинька моя несуженая! На то ли я тебя у смерти отнялъ, на то ли ты глазыньки свои открывала ясные, чтобы ризою мертвою ихъ позавѣсили?

«Ахъ ты, жизнь моя, жизнь постылая. Въ трехпогибельную ночушку тебя матушка породила, трехпогибельными пеленушками вспеленывала, въ трехпогибельной водѣ тебя попъ Матвѣй крестилъ, въ полынь-горькой травѣ тебя купывали, въ полынь-горькой травушкѣ купаючи, приговаривали: «рости ты, дитятко, несчастливое, несчастливое, неудачливое, хлебай ты горе-горюшко нерасхлебное, до темной могилушки иди, не оглядывайся...»

Все это какъ-то само собой поется-плачется въ изболѣвшихъ нервахъ, выстонывается всѣмъ тѣломъ...

А за окнами, за крѣпостною стѣною творится что-то необыкновенное. Слышится гулъ какой-то, словно прибой волнъ, и

изъ гула выдѣляются глухіе голоса человѣческіе и воронье карканье. Что-то опять невмѣру раскаркались вороны...

Левинъ прислушивается къ этому гулу, но слухъ его не можетъ уловить ничего опредѣленнаго. Слышно только, въ сосѣдней камерѣ сторожа разговариваютъ о чемъ-то.

— Народу тамъ навалило видимо-невидимо, — говоритъ одинъ голосъ.

— Вѣстимо, всякому хочется взглянуть, какъ это голова съ плечъ скатится,—говоритъ другой голосъ.

— Эка невидаль! Мало что ль видывали этихъ головъ? Вонъ и до сей поры торчатъ головы недоѣденныя, смотри, сколько хочешь... У нашего батюшки-царя эти забавочки частеньки... Казнями этими онъ такъ привадилъ къ гварнизону воронъ, что отбою имъ нѣтъ... Кажинный тебѣ день ждутъ-каркаютъ: вотъ-вотъ новаго мясца человѣчьяго, свѣжинки, поклевать придется.

— Оно такъ, а все, братецъ, всякому съ охотки-то поглядѣть экую красавицу. Я видѣлъ, какъ ее привезли сюда къ намъ въ гварнизонъ на казенные хлѣбы: красавица, братецъ ты мой, такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

— А молода?

— Молодехонька, дите сущее.

«Еще кого-то казнить хотятъ,—думаетъ Левинъ, прислушиваясь къ говору сторожей:—Господи! Когда жъ конецъ этому?..

И дѣйствительно, передъ крѣпостью, на площади, противъ Троицы словно всенародное торжество. Народъ навалилъ со всего Петербурга, барабаномъ сзывали; да оно и занятно посмотрѣть, какъ на боярышнѣ головку отрубятъ... Точно масляница на площади... Столбы съ торчащими головами, колеса... А тутъ новый высокій эшафотъ съ перилами... Торжество знатное... Да, это всенародное торжество, торжество правосудія... Охъ, ужъ это правосудіе. Безъ него бы бѣда!

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!—раздались голоса въ народѣ, и площадь заволновалась.

Солдаты, сплошною цѣпью окружавшіе эшафотъ, сдѣлали на-караулъ. Палачи съ блестящими широкими топорами, до того времени спокойно разглаживавшіе бороды, ходя по эшафоту какъ актеры, сняли свои мѣховыя шапки и приготовились къ пріему гостей. Вся толпа также сняла шапки. Но все молчало,

словно вымерло; только карканье воронъ стало еще отчетливѣе, назойливѣе, нахальнѣе.

— Везутъ! Везутъ!—пробѣжалъ по народу шопотъ, но такой шопотъ, отъ котораго многіе вздрогнули.

Изъ крѣпостныхъ воротъ показалась черная телѣга. По бокамъ ея идутъ солдаты съ ружьями. На телѣгѣ, на возвышеніи, словно на тронѣ, что-то бѣлѣется, отливая серебристымъ блескомъ. Виднѣются двѣ человѣческія фигуры, которыя при движеніи телѣги качаются изъ стороны въ сторону; но лицъ не видать. Они посажены задомъ къ передку. Страшная, потрясающая душу предусмотрительность Пусть глаза несчастныхъ жертвъ человѣческаго правосудія не видятъ, что ожидаетъ ихъ впереди. Впереди для нихъ уже ничего не осталось: весь путь ихъ жизни сократился до нѣсколькихъ саженъ; эти нѣсколько саженъ отдѣляютъ ихъ отъ эшафота, отъ топора, отъ могилы, отъ вѣчности... Вотъ что у нихъ впереди! А позади цѣлая жизнь. Хоть и не длинна была эта жизнь, но есть на что оглянуться, что вспомнить, о чемъ поплакать въ душѣ въ послѣдній разъ...

— Кого казнить-то будутъ, матушка?

— Боярышню, мать моя, дворскую дѣвку, Марью Гаментову.

— А за что казнятъ?

— Ребенка, сказываютъ, удушила.

— Охъ, Владычица!

— Спозналась эта дѣвка съ денщикомъ царскимъ и забрюхатѣла отъ ево, пса, да со стыда дѣвичьяго и со страху младенца-то и стеряла.

— Ахъ, она, моя сердешная! Почто жъ она замужъ за своего сгубщика не вышла?

— Царь, слышь, не велѣлъ...

И она шепнула своей сосѣдкѣ что-то на ухо...

— Охъ, Владычица! Грѣхи-то какіе! А съ нимъ-то, съ погубителемъ ейнымъ, что сдѣлали?

— Что ему, псу! Цѣлехонекъ. Еще не одну такую горемычную сгубитъ..

— А-а-хти-хти! Горе наше женское..

Но вотъ телѣга поворачивается у эшафота. Блѣдное, пре-

красное личико преступницы ярко выдѣляется надъ чернымъ сидѣньемъ. Въ рукѣ ея горитъ большая восковая свѣчка. Блѣдно мерцаетъ ея свѣтъ. Скоро, скоро она потухнетъ, какъ и жизнь той, которая ее держитъ лѣвою дрожащею рукою, а правою крестится, сама себя отпѣваетъ, сама по себѣ отходную читаетъ...

Словно вздохъ пронесся надъ онѣмѣвшею толпою — вздохъ сдержанный, но могучій...

— Охъ, Мати Божія! Владычица!—слышатся сдержанныя восклицанія.—Да какая жъ она красоточка! Охъ, голубушка бѣдная (плачутся сердобольныя бабы).

А она ни на кого не смотритъ: она заглядываетъ въ свою могилу и въ свое прошлое...

Передъ нею родимый тихій Донъ разстилается... Изъ-подъ горы заунывная пѣсня доносится.

Совыканье-то наше было тайное,
Разставанье-то наше вышло явное

Встаютъ дѣтскія воспоминанья, дѣтскія грезы... Стонетъ дятелъ: «охъ, головушка болитъ...» Въ густой зелени вербъ высвистываетъ иволга... Слышится незабываемый голосъ матери: «Марьюшка моя, дитятко милое...» И рѣжетъ сердце другой голосъ: «Выростешь ты холеная-доленая, золотомъ золоченая, въ царскихъ палатахъ нѣженая...»

А на эшафотѣ уже вырисовывается гигантская фигура Петра. Лицо его задумчиво; но нервныя подергиванья не оставляютъ ни на минуту этого энергическаго лица. Палачи стушевываются передъ этою колоссальною фигурою.

Преступница сходитъ съ телѣги, поддерживаемая приставникомъ и своею мамушкою. У послѣдней по лицу текутъ слезы... Въ толпѣ слышатся сдержанныя хныканья...

— Матушка! Заступница!

Свѣча тухнетъ въ дрожащей рукѣ осужденной... Конецъ, погасла!

Дѣвушка сама входитъ на эшафотъ, шатаясь и путаясь въ платьѣ... Шубка сваливается съ плечъ... Она всходитъ на помостъ эшафота въ одномъ шелковомъ бѣломъ платьѣ съ черными лентами, такая нѣжная, хрупкая, поблеклая, но прекрасная...

— Здравствуй, Марья! Я пришелъ проститься съ тобой,— говоритъ царь громко, отчетливо, рѣзко.

Дѣвушка падаетъ къ его ногамъ. Петръ поднимаетъ ее.

— Царь государь! Прости, помилуй!—отчаянно молитъ несчастная.

Толпа какъ будто замерла, перестала дышать...

— Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти..

Голосъ царя звучалъ какъ что-то металлическое, но надтреснувшее. Отъ этого голоса толпа вздрогнула.

— Прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяніемъ и вѣрою...

— Помилуй! Помилуй!

— Рука палача не коснется тебя... Прощай, Марьюшка!— Царь поцѣловалъ ее.

Она упала на колѣни и стала молиться... «Рука палача не коснется... Матушка! Матушка! Не ты ли замолила за меня...»

Царь что-то шепнулъ палачу... «Помиловалъ! Помиловалъ!»—затеплилось у всѣхъ въ душѣ...

Царь отвернулся отъ наклоненной молящейся головки и прекрасной согбенной шеи... Что-то блеснуло въ воздухѣ: это топоръ. Что-то взвизгнуло и что-то стукнуло объ помостъ, то была отрубленная голова... Палачъ не коснулся тѣла красавицы, коснулось только холодное желѣзо...

Крикъ ужаса замеръ въ воздухѣ, заледенѣлъ...

Царь нагнулся, поднялъ за волосы мертвую голову, медленно и пристально вглядѣлся въ ея черты, все еще прекрасныя, какъ бы стараясь запомнить ихъ, и снова поцѣловалъ покойницу. Потомъ, обратившись къ тѣмъ, которые стояли ближе къ эшафоту, и, показывая пальцемъ на мертвую голову, сказалъ:

— Вотъ сіи жилы именуются венами, и въ нихъ течетъ кровь венная, а сіи—артеріи, и въ нихъ течетъ кровь артеріальная, которая нарочито отъ первой разнствуетъ... Здѣсь—шейные мускулы, сирѣчь мышцы, тако именуемыя того ради, что оныя сжимаются и разжимаются, аки малая мышка, мышенокъ...

И онъ снова, въ третій разъ, поцѣловалъ мертвую головку.

Затѣмъ, передавая голову доктору Блюментросту, который приблизился къ эшафоту, сказалъ:

— Возьми сію голову и, сочинивъ подобающій спиртъ, положи ее въ оный для сохраненія въ нашей кунсткамерѣ, вмѣстѣ съ прочими раритетами, на вѣчныя времена, въ назиданіе нашимъ подданнымъ и ихъ потомству: да вѣдаютъ всѣ, яко въ нашемъ царствѣ порокъ всегда наказывается, добродѣтель же торжествуетъ.

И онъ величественно удалился.

Въ толпѣ хоть бы звукъ. Слишкомъ ужъ подавляющимъ чѣмъ-то легло на массу такое хладнокровіе царя и его правосудіе... Всѣ ждали чего-то другого... У всѣхъ что-то оторвалось отъ сердца, точно что украли у каждаго изъ души, изъ ея теплаго тайника, и стало всѣмъ холодно и какъ-то пусто кругомъ... Человѣкомъ стало меньше!..

Вдругъ изъ-подъ эшафота, изъ-за досокъ, которыми онъ былъ обшитъ съ трехъ сторонъ, выскакиваетъ растрепанная, съ всклокоченными сѣдыми волосами, оборванная и босая человѣческая фигура... Съ нею вмѣстѣ выскочила большая бѣлая собака, вся обрызганная кровью...

Въ толпѣ раздался крикъ испуга, крикъ ужаса...

— Пойдемъ, Орелка, пойдемъ, песъ смердящій, ты теперь налакался невинной кровушки... Тебя бы надо повѣсить, да я милостивъ: блаженъ, иже и скоты милуетъ...

Толпа узнала своего любимца.

— Ѳомушка святой! Ѳомушка!

Но Ѳомушка и его собака исчезли, словно въ воду канули...

XVI. Катанье на Невѣ.

Снова надъ Петербургомъ глазастая, бѣлобрысая лѣтняя ночь: ни ночь, ни день, ни заря, ни сумерки, что-то неопредѣленное, какъ будто незаконченное, тревожащее непривычнаго человѣка, разстраивающее нервы, насылающее безсонницу. Такъ и кажется, что солнце вотъ-вотъ выглянетъ изъ-за горизонта, но не тамъ, гдѣ ему Богъ положилъ выглядывать, а въ не указанномъ мѣстѣ, на сѣверѣ, гдѣ-нибудь изъ-за гварнизона петропавловскаго или изъ-за Самсонія.

Но тѣ, на которыхъ, три года тому назадъ, въ 1716 году, глядѣла эта ночь своими бѣлыми очами, и царевичъ Алексѣй

Петровичъ, и дѣвушка Афросиньюшка, такая же, какъ и эта ночь, большеглазая и свѣтлоокая, и Кикинъ съ своими упрямыми, стоячими глазами, они уже не видѣли этой ночи: они спали крѣпкимъ, вѣчнымъ сномъ, и никакой свѣтъ, никакой мракъ не могли больше дѣйствовать на ихъ навѣки успокоившіеся нервы.

Но этотъ свѣтъ—не свѣтъ, день—не день, повидимому, продолжалъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на нервы вонъ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые на легкомъ катерѣ плывутъ по Большой Невкѣ, за Каменнымъ островомъ. Всѣхъ ихъ человѣкъ пятнадцать. Они сами гребутъ и ведутъ оживленный разговоръ. Звонкій смѣхъ, веселые возгласы, шутки гулко раздаются по водѣ и оживляютъ эти, въ то время пустынныя мѣста, покрытыя сплошнымъ, дремучимъ лѣсомъ.

— Эхъ, господа, затянуть бы теперь нашу питерскую пѣсню, благо тутъ никто кромѣ лѣшаго да водяного не услышитъ и доносу учинить будетъ некому,—сказалъ одинъ офицерикъ, высокій и худенькій съ черными курчавыми волосами.

— Ханыковъ дѣло говоритъ, затянемъ панихидку-то нашу,—подхватилъ другой, полный и краснощекій.

— Такъ-то такъ, господа: лѣшій въ доносъ не пойдетъ, а водяной ему-то братецъ родной... Оба воду любятъ... Такъ водяной-то, чего добраго и шепнетъ Ванькѣ Орлову, а тотъ либо самому, либо Андрею Иванычу... На то онъ и Ушаковъ, чтобъ ему на ушко шептали,—замѣтилъ третій офицеръ.

— Такъ что-жъ! Не сидѣть же намъ, повѣся носъ, какъ вонъ господинъ капитанъ Левинъ... На то онъ Левинъ: его вонъ и желѣзомъ жгли, такъ не запѣлъ... А вправду, братъ Левинъ, ты вытерпѣлъ, не кричалъ, какъ тебѣ руку жгли въ гарнизонѣ?—спросилъ Ханыковъ.

— Нѣтъ, въ первый разъ не стерпѣлъ, оморокъ на меня напалъ, а какъ жгли вдруторядь, не пикнулъ... Самъ нѣмецъ диву дался,—отвѣчалъ Левинъ.

— И долго еще послѣ того держали тебя тамъ?

— Не долго ужъ: съ небольшимъ двѣ недѣли. Да пуще, я думаю, потому выпустили, что я на нихъ страху нагналъ.

— Какъ это?

— Да такъ, нашло на меня... Память потерялъ... А было

это почью. Я какъ упалъ въ безчувствіи на постелю, а свѣча-то горѣла у меня, такъ пожаръ въ каморѣ и сдѣлался, насилу потушили... Чуть и самъ я не сгорѣлъ... Ну и выписали меня послѣ того, чистую дали.

— Иди, молъ съ Богомъ?

— Да.

— И я бы то же сдѣлалъ, да у меня характеру не хватитъ, какъ у Левина, огненной пытки не выдержу,—сказалъ капитанъ Кропотовъ, ражій мужчина, съ плечами Геркулеса;—опостылѣла эта царская служба. То ли дѣло дома съ собаками въ отъѣзжемъ полѣ! А то здѣсь, въ этой проклятой чухонской землѣ... Эхъ, тощища какая!

— Ну, Барановъ, подтягивай,—сказалъ Ханыковъ краснощекому офицеру. И онъ запѣлъ:

Что за рѣчушкой было за Невою,
За Невою было съ переправою,
Не ковыль-трава во полѣ шаталася,
Што шаталъ-качалъ удалъ добрый молодецъ..

Барановъ подтянулъ, другіе подхватили, что называется вынесли грудью, и пѣсня заплакала такою русскою глубоко-народною мелодіею, какая могла только создаться степью раздольною, воспитаться столѣтіями народнаго горя, народной тоски, выстонаться народною грудью.

Поэтическая натура Левина не вытерпѣла. Богатый голосъ его потокомъ влился въ общій хоръ, и пѣсня заныла новыми тоскующими нотами:

Что шаталъ-качалъ добрый молодецъ,
Онъ не самъ зашолъ, не своей охотою,
Завела его, молодца, неволюшка
Еще нужда крайняя,
Нужда крайняя—жизнь боярская,
Еще служба царская—
Служба царская—царя бѣлаго,
Царя бѣлаго—Петра Перваго..

— Ай да, Левушка,—сказалъ краснощекій Барановъ,—да у тебя голосина и до неба высокаго и до дна моря глубокаго. Съ такимъ голосомъ не токмо желѣзную пытку, ты и дыбу вынесешь.

— Да, братецъ, на что у меня грудь такая, что на ней хоть

рожь молоти цѣпами, а и въ ней голосу меньше, чѣмъ въ твоей... Вотъ бы въ протодьяконы къ Ѳеофану Прокоповичу,—говорилъ Кропотовъ.

Левинъ задумчиво улыбался.

— А вотъ, господа, вы вѣрно не знаете новенькой пѣсни,—сказалъ онъ.—Слыхалъ я ее въ Харьковѣ, отъ каликъ перехожихъ. Есть у меня такіе калики. Проходили они изъ Кіева и зашли ко мнѣ. Разговорился я съ ними тогда о смерти царевича. Такъ они и спѣли мнѣ пѣсенку объ этомъ. Ну, пѣсенка, я вамъ скажу!

— А что?—спрашивали товарищи.

— Да ужъ такая пѣсня, что изойдешь, кажется, слезами, износишься ноемъ сердешнымъ, пока прослушаешь ее.

— Такъ спой ее, Левушка, голубчикъ, потѣшь насъ,—умолялъ курчавый Ханыковъ.—Вонъ и дядя Барановъ послушаетъ.

— Ее немножко опасно пѣть, господа,—упрямился Левинъ.

— Что опасно! Кой чортъ насъ услышитъ?

Офицеры бросили весла и всѣ стали упрашивать Левина. Лодка двигалась все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ какъ бы стала. Левинъ запѣлъ:

Вы не каркайте, вороны, да надъ яснымъ надъ соколомъ,
Вы не смѣйтеся, люди, да надъ удалымъ молодцомъ.
Надъ удалымъ молодцомъ да надъ Алексѣемъ Петровичемъ
Ужъ и гусли вы, гуслицы!
Не выигрывайте, гусельцы, молодцу на досадушку:
Какъ было мнѣ, молодцу, пора-времячко хорошее,
Любилъ меня сударь-батюшка, взлелеяла родная матушка,
А теперь да отказался!
Царскіе роды помѣшалися.
Что ударили въ колоколъ, въ колоколъ нерадостенъ.
У плахи бѣлодубовой палачи всѣ испужалися,
По сенату всѣ разбѣжалися.
Одинъ Ванька Игнашенокъ воръ
Не боялся онъ, варваръ, не опасался.
Онъ стаетъ на запяточки ко глухой да ко повозочкѣ,
Во глухой-то повозочкѣ удалой доброй молодецъ
Алексѣй Петровичъ-свѣтъ.
Безъ креста онъ сидитъ да безъ пояса,
Голова платкомъ завязана...

Чѣмъ дальше пѣлъ Левинъ, тѣмъ больше проникался лиризмомъ пѣсни и своимъ собственнымъ, и пѣвучее горло его буквально плакало. Вся молодая компанія, и безъ того лирически

настроенная, всецѣло отдалась обаянію пѣсни и забыла все окружающее, а массивный Кропотовъ не чувствовалъ даже, что по его богатырской груди скользнула слеза и какъ бы со стыда спряталась гдѣ-то.

Одинъ Барановъ, который былъ старше своихъ товарищей и котораго они называли дядей, былъ насторожѣ.

— А вонъ, господа,—сказалъ онъ,—за островомъ маячитъ лодочка. Ужъ не Орловъ ли Ванька пробирается послушать нашей пѣсенки?

Левинъ опомнился и замолчалъ.

— Да, и вправду лодка,—заговорили офицеры.—Кому бы охота такъ рано плыть!

— А можетъ такіе же, какъ и мы туляки,—замѣтилъ Кропотовъ.

— Нѣтъ, мы домой ѣдемъ, а они какъ видно изъ дому.

Встрѣчная лодка приближалась, дѣлаясь все явственнѣе.

— А никакъ это царскій ботикъ,—замѣтилъ Барановъ нѣсколько тревожнымъ голосомъ.

— Ай, батюшки! Вотъ бѣда!—засуетилась молодежь.

— Смирно, господа, отъ него не спрячешься,—сказалъ Барановъ,—онъ ужъ насъ навѣрно замѣтилъ.

— Вотъ непосѣда! — проворчалъ неповоротливый Кропотовъ.—И куда это его спозаранку носитъ?

— Затѣваетъ что-нибудь новенькое, ужъ и чадушко же неугомонное!—ворчалъ Ханыковъ.

— Только вотъ что, господа,—предупреждалъ Барановъ,—коли спроситъ, говори правду, не виляй; онъ этого вилянья не любитъ. Скажемъ: катались, молъ, ваше императорское величество, на взморье ѣздили.

— Такъ-то такъ, а все страшно,—замѣтилъ юный Ханыковъ.

— Ничего; я его знаю повадку,—успокаивалъ Барановъ;—онъ на водѣ добрѣе, чѣмъ на землѣ, это вѣрно.

При сближеніи съ царскимъ ботикомъ, офицерскій катеръ сдѣлалъ движеніе, какое подобало дѣлать при встрѣчѣ съ царемъ на водѣ: морскіе артикулы были соблюдены. Царь это замѣтилъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ царь.

— Катались, ваше императорское величество, на взморье ѣздили,—отвѣчалъ Барановъ.

— Хорошо. Пріучайтесь къ водѣ. Вода—школа, — быстро проговорилъ царь.

— Рады стараться, ваше императорское величество,—гряну нули офицеры.

Царскій ботикъ быстро пронесся. Только тутъ офицеры замѣтили, что Петръ былъ не одинъ: около него сидѣлъ старикъ Апраксинъ, адмиралъ.

— Уфъ! Гора съ плечъ!..—тихо проговорилъ Барановъ. — Я вамъ говорилъ, господа, что онъ на водѣ добрѣе.

— А все страшноватъ,—пояснилъ развеселившійся Ханыковъ.

— Затѣваетъ, непремѣнно затѣваетъ что-то... Самъ не спитъ и старику спать не даетъ: точно у него ртуть въ жилахъ вмѣсто крови,—говорилъ Барановъ.

Левинъ угрюмо молчалъ. Въ немъ закипало что-то: какой-то внутренній демонъ нашептывалъ ему нѣчто неподобное, неясное, но острое, подмывающее... Шопотъ демона переходилъ въ далекіе звуки, ноющіе, неизгладимые изъ памяти:

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю

«Когда же, когда же замолчитъ во мнѣ этотъ голосъ?—думалось ему.—Когда успокоится смятенный духъ мой, перестанетъ ныть сердце?.. Когда черною ризою его покрою? Свѣтъ когда завяжу себѣ?..»

— Что, Левушка, опять задумался? Али у тебя зазнобушка есть?—шутилъ здоровякъ Кропотовъ.—А вотъ у меня одна зазнобушка: собачки это на зорькѣ потявкиваютъ, отъ деревни дымкомъ потягиваетъ, а изъ-за лѣсочка лисушка-матушка вырыскиваетъ... Ухъ, и бестія же! Далеко видитъ, далеко чуетъ... А тамъ зайчикъ-свертышекъ, свернулся косой дьяволъ въ клубочекъ и моргаетъ на тебя... Ату-ату его! И какъ ульнутъ это за нимъ собаченьки голосистыя, какъ взмоется это подъ тобой лошадушка, какъ понесется это по полю,—ну, такъ и кажется, что на крыльяхъ въ рай летишь... Вотъ гдѣ зазноба молодецкая, потѣха удалецкая...

— Правда! Правда!—хоромъ подтвердила компанія.

— А то на медвѣдя съ рогатиной, на волка съ поросенкомъ...

Эхъ, ты охота, охотушка, охота дворянская! Извели тебя люди службой царскою... Заростаютъ въ полѣ тропочки, по которымъ мы рыскивали, сиротѣютъ наши собаченьки голосистыя, овдовѣла мать сыра земля безъ охотничковъ.

— Ишь распѣлся, словно мать родную хоронитъ,—шутя замѣтилъ Ханыковъ.

— Не мать, а полюбовницу, любушку-голубушку! Вотъ какова охота-то,—кричалъ Кропотовъ...—А то здѣсь—какая наша жизнь? Холопская! Не смѣй и потѣшиться по своему, по-русски, а изволь нѣмецкую канитель тянуть, дьяволы!

— Да,—замѣтилъ одинъ угрюмый и молчаливый офицеръ, по фамиліи Суромиловъ,—при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сказываютъ, не то было. Онъ самъ любилъ охотою тѣшиться, а особливо соколиною... Мнѣ дѣдъ разсказывалъ. Тогда дворянамъ хорошо было жить: хочешь—служи, не хочешь—дома охотою забавляйся. Хорошо было, тихо.

— Да и самого царя тишайшимъ звали, — вставилъ Ханыковъ.

— Ну, сынокъ не въ батюшку,—замѣтилъ Кропотовъ.—И въ кого онъ уродился, толчея эдакая?

— Самъ въ себя, а обликомъ, говорятъ, въ князей Прозоровскихъ,—отвѣчалъ Барановъ.

— Ну, не всѣ и Прозоровскіе такіе,—сказалъ Кропотовъ;—я знаю одного Прозоровскаго, такъ это тихоня. Онъ теперь монахъ, въ лаврѣ здѣсь.

Левинъ вспомнилъ, что онъ слышалъ о молодомъ Прозоровскомъ отъ старца Варсонофія, который видѣлъ его въ Неаполѣ съ другими русскими навигаторами и слышалъ, что тотъ хочетъ уйти на Аѳонъ. «А что добраго, это онъ и есть,—подумалъ Левинъ;—вотъ бы и мнѣ въ лавру... А то къ себѣ въ Пензу, въ глушь, тамъ тише, къ Богу ближе».

Катеръ, между тѣмъ, пройдя Аптекарскій островъ и Карповку, приближался къ Невѣ. Солнце взошло. Городъ просыпался.

— Теперь, господа, ко мнѣ на утреннюю закуску,—сказалъ Барановъ,—все равно ужъ, спать не будете, а то и днемъ выспитесь.

— Идетъ,—отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Катеръ приставъ къ берегу. Тамъ пріѣхавшіе наткнулись на оригинальное зрѣлище. Массы голубей и воробьевъ буквально покрывали землю, воркуя, чирикая и на перебой хватая зерна ржи, пшена и крупы, которыя Ѳомушка, стоя въ позѣ сѣятеля, бросалъ въ разныя стороны изъ висѣвшаго у него на шеѣ мѣшка. По временамъ онъ выкрикивалъ:

— Эй ты, чубарый! Не смѣй трогать волохатаго!

— Гуленьки-гулю! Чего, дурашка, боишься? Ѣшь не сѣянное, не жатое...

— Постой, воръ-воробей! Я до тебя доберусь, драчунъ экій!

И старикъ бѣжалъ за провинившимся воробьемъ. Но особенно онъ строго относился къ воронамъ, которыя, тоже изъ любопытства, подходили къ трапезующей птицѣ.

— Эй вы, нѣмцы! Куда лѣзете? Это не для васъ, для васъ царь-батюшка человѣчье доставляетъ... Кшъ-кшъ! Нѣмецкое отродье!

Офицеры съ любопытствомъ смотрѣли на этого суетящагося старика, воевавшаго съ воронами и покровительствовавшаго голубямъ и воробьямъ.

— Здравствуй, дѣдушка,—сказалъ Кропотовъ,—что подѣлываешь?

— Сиротокъ кормлю: богатыми у бѣдныхъ краденое, у богатыхъ перекраденое, бѣднымъ даденое,—отвѣчалъ Ѳомушка, по обыкновенію загадочно.

И вслѣдъ затѣмъ, поднявъ полы своего ветхаго кафтанишка, онъ бросился бѣжать вдоль берега, торопливо приговаривая:

У боярушекъ бѣда—
Оголена борода.
Носъ вытащилъ—хвостъ увязъ.
Хвостъ вытащилъ—носъ увязъ.

Офицеры захохотали. «Вотъ чудакъ!»

— Это Ѳомушка юродивый,—замѣтилъ Левинъ.

— Однако, онъ загнулъ насчетъ бородъ, разбойникъ,—засмѣялся Кропотовъ.

— Это еще ничего. А въ Москвѣ такъ онъ почище колѣнце выкинулъ,—говорилъ Барановъ,—когда вышелъ указъ о бритіи бородъ и выбита была пошлинная на бороды деньга, онъ при-

вѣсилъ эту деньгу козлу на шею и пустилъ его по Москвѣ... Вотъ хохоту-то было! Хорошо, что его потомъ раскольники спрятали гдѣ-то, Ѳомушку-то, а то бы быть бычку на веревочкѣ.

Квартира Баранова была недалеко отъ пристани, и вся компанія черезъ полчаса утощалась уже радушнымъ хозяиномъ.

Общество оживлялось все болѣе и болѣе. Кропотовъ доказывалъ, что прежде люди были лучше, потому что любили охоту. Суромиловъ приводилъ примѣры изъ русской исторіи вообще и изъ исторіи своего дѣда, въ особенности о томъ, что соколиная охота лучше собачьей. Ханыковъ бренчалъ на гусляхъ, найденныхъ у хозяина, запѣвалъ разныя пѣсни и не кончалъ ихъ. Одинъ Левинъ попрежнему былъ задумчивъ.

— Ну, Левушка, спой лучше свою новенькую,—пристали къ нему Кропотовъ.

— Спой! Спой!—настаивали другіе.

Левинъ отказывался. Видно было, что онъ тяготился своимъ положеніемъ, мѣста, что называется, не находилъ. Даже веселое общество товарищей было ему въ тягость. Но его все-таки заставили пѣть пѣсню о смерти царевича.

Попрежнему онъ пѣлъ задушевно, страстно. По мѣрѣ продолженія пѣсни, онъ становился все возбужденнѣе, а лицо его все болѣе и болѣе блѣднѣло. Пропѣвъ до того мѣста, гдѣ говорится:

Ужъ и гусли вы, гуслицы!
Не выигрывайте, гусельцы, молодцу на досадушку:
Какъ было мнѣ, молодцу, пора-времячко хорошее,—

онъ вдругъ бросился въ кресла и зарыдалъ.

Всѣ были ошеломлены. Думали, что онъ пьянъ. Стали уговаривать, утѣшать, разспрашивать его. Онъ продолжалъ рыдать, приговаривая: «Охъ, батюшки вы мои, голубчики! Убейте вы меня окаяннаго! Нѣту моченьки моей такъ жить дольше, нѣту, родимые вы мои! Не жилецъ я на этомъ свѣтѣ, батюшки! Тошно мнѣ до-нельзя, тошнехонько до смерти»...

XVII. Левинъ у Стефана Яворскаго.

Прошло еще два года. Левинъ продолжалъ оставаться въ Петербургѣ. Нервная возбужденность попрежнему обнаруживалась въ немъ иногда болѣзненными, даже, повидимому, безум-

ными проявленіями, но зато въ немъ окрѣпла воля, разбросанныя нравственныя силы сосредоточивались на одной поглотившей его идеѣ, идеѣ борьбы противъ грозившаго міру духа зла и погибели. Идея борьбы, неизбѣжно реализуясь, принимала и реальныя формы, вызвавъ въ немъ законченное, страстное, безповоротное стремленіе, стремленіе агитаціи. То, что онъ потерялъ въ жизни, и потерялъ безвозвратно—личное счастье, на которое онъ, въ порывѣ глубокаго отчаянья махнулъ рукой, замѣнялось для него теперь другимъ идеаломъ: идеалъ этотъ былъ подвигъ. Чтобы не ожидало его, онъ рѣшился на подвигъ; какими бы муками и не грозило ему будущее, онъ не поступится ничѣмъ, ни передъ этими муками, ни передъ истязаніями, пытками, лишеніями, ни передъ неумолимымъ образомъ смерти.

Рѣшеніе это, какъ протоколъ своей совѣсти, онъ записываетъ даже въ свой дневникъ, въ святцы: «положилъ себѣ это намѣреніе», и баста; что называется хоть «колъ на головѣ теши», и это буквально, это не фраза, не похвальба, не рисовка.

И на какое же дѣло долженъ быть направленъ задуманный подвигъ? На борьбу противъ антихриста!

Уже не разъ слышалъ Левинъ, что антихристъ явился на землю, и явился въ той именно обстановкѣ, въ какой его долженъ ожидать міръ. Онъ явился во всеоружіи власти и силы: онъ явился въ образѣ земного владыки, въ образѣ царя. Ужъ книгописецъ Талицкій, представитель церковно-обрядовой книжности, научно доказывалъ, что Петръ и есть этотъ антихристъ. Талицкаго сжегъ антихристъ, но въ ученіе сожженнаго изувѣра увѣровали многіе, и не одинъ простой народъ, а и архіереи. Потомъ Левинъ самъ видѣлъ шедшихъ изъ Іерусалима странниковъ, которые направлялись въ Петербургъ, чтобы лично видѣть антихриста. Духовникъ самого Меньшикова, друга царя, протопопъ Лебедка, положительно утверждалъ, что духовный сынъ его, свѣтлѣйшій князь, служитъ антихристу, и что антихристъ этотъ—Петръ. Чего же еще доказательнѣе? Мало того, въ войскѣ самого царя ходятъ зловѣщіе толки. Не только солдаты, но и офицеры хотятъ спасаться бѣгствомъ отъ страшнаго «десяторожнаго звѣря» и «седьмиглаваго змія». Двоюродные братья Левина, Петръ и Иванъ Разстригины, служившіе въ преображенскомъ полку, разсказываютъ ужасныя вещи объ антихри-

стѣ. Разъ какъ-то Иванъ Разстригинъ приходитъ къ Левину и зоветъ его къ себѣ въ гости. Дорогой рѣчь заходитъ о службѣ, о царѣ.

— Я не знаю, что дѣлать,—говоритъ Разстригинъ,—хочу бѣжать изъ полка... Я не признаю, что онъ у насъ государь. Онъ—антихристъ.

Осторожный Левинъ замѣчаетъ ему на это:

— Какъ ты смѣло говоришь, не опасно...

— Нѣтъ, ничего! У насъ изъ офицеровъ многіе такъ говорятъ о немъ... Они сказываютъ, что онъ въ одно время училъ три роты, на водѣ лѣтомъ, словно на льду... Его вода подымаетъ, а онъ и воду въ кровь превращаетъ,—возражалъ Разстригинъ.

— И солдаты по водѣ ходили?

— Ходили.

На это Левинъ сказалъ рѣшительно:

— Я давно знаю, что онъ не прямой царь, а антихристъ, и для того хочу постричься.

Тогда Разстригинъ сообщилъ своему брату ужасную тайну, ходившую между солдатами.

— А вѣдаешь ты,—спросилъ онъ,—что нынѣ привезли на трехъ корабляхъ знаки, чѣмъ людей клеймить, и самъ государь по нихъ ѣздилъ, и привезены на Котлинъ островъ, токмо никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержатъ и солдаты стоятъ безсмѣнно...

Въ гостяхъ у Разстригиныхъ было нѣсколько военныхъ. Разговоръ шелъ о томъ же. Старшій Разстригинъ не хотѣлъ вѣрить дикимъ разсказамъ и закричалъ на брата:

— Полно тебѣ врать!

— Что жъ! Будто это тайна?—возражалъ младшій.—Многіе говорятъ то же въ полку, не я одинъ... И всѣ тоже признаютъ... Да и подобное ли дѣло, если бы онъ прямой царь былъ, такъ развѣ онъ сына своего убилъ бы и постригъ бы царицу? А эту царицу онъ держитъ только подъ видомъ, а съ нею не живетъ...

Сталкивается Левинъ съ солдатами и тѣ прямо утверждаютъ какъ очевидцы:

— Привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймитъ антихристовымъ клеймомъ, и у тѣхъ клеймъ стоимъ мы на ка-

раулѣ мѣсяца по два и больше безпремѣнно для того, чтобъ о тѣхъ клеймахъ никто не вѣдалъ.

Чего же больше?

Левинъ вспоминаетъ, что еще въ Нѣжинѣ, пять лѣтъ тому назадъ, митрополитъ Стефанъ Яворскій звалъ его къ себѣ. Онъ отправился къ митрополиту.

При видѣ Левина, старому блюстителю патріаршаго престола вспомнилось блѣдное, симпатичное лицо офицера, горько плачущаго въ церкви. Вспомнилось и многое другое, далекое, невозвратное, молодое... Нѣжинъ... зеленая левада съ вороньимъ гнѣздомъ на деревѣ... тихая украинская ночь... запахъ любистка... далекая пѣсня...

Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ головоньку клонитъ...

А тамъ—монастыри, саккосы, омофоры, рипиды, блескъ архіерейскаго облаченія, митры, благоговѣйная толпа молящихся, куреніе кадилъ, патріаршій престолъ, и тоска, тоска, тоска о прошломъ, о невозвратномъ, о бѣдной обстановкѣ, о дорогой Украинѣ, о запахѣ любистка...

И Левину при видѣ стараго митрополита вспомнилась также далекая, дорогая Украина, гдѣ онъ нашелъ было свое счастье... Въ милліонный разъ вспомнился тихій вечеръ надъ Днѣпромъ, милый голосъ, неожиданное, громадное, невмѣстимое счастье, и тутъ же злая, зловѣщая нота далекой пѣсни, ставшей похороннымъ пѣніемъ...

— Въ правдѣ ты устоялъ, что ко мнѣ пришелъ,—ласково сказалъ митрополитъ, вглядываясь въ выраженіе лица Левина.—А въ сенатѣ являлся?

— Являлся,—отвѣчалъ Левинъ.

— А въ синодѣ былъ?

— Не былъ, владыко.

— Синодъ за сенатомъ. Спроси, тамъ скажутъ. И если ты хочешь постричься, подай тамъ челобитную. Гдѣ же ты хочешь постричься?

— Хоть здѣсь, въ Невскомъ монастырѣ... Я истомился... Либо клобукъ, либо гробъ, либо плаха!

— Такъ ты поди прежде, посмотри, понравится ли тебѣ. А сыщи тамъ старца Прозоровскаго и скажи ему, что отъ меня ты пришелъ. Онъ тебѣ все скажетъ.

Левинъ слушалъ и о чемъ-то задумался. Митрополитъ не могъ не видѣть, какую страшную печать разрушенія наложили годы на этого человѣка еще не стараго: время провело на немъ какія-то борозды; что-то старческое, дряхлое виднѣлось въ его внѣшности, и въ тоже время всѣ движенія, молодой огонь глазъ, страстность рѣчи и подвижность выдавали кипучую, не растраченную живучесть и силу. Митрополитъ понималъ, что человѣкъ этотъ самъ перегораетъ отъ избытка огня...

— А какъ тебя осунули годы, сынъ мой, — тихо сказалъ старикъ, грустно качая головой.—Все скорбишь?

— Велика моя скорбь, ухъ какъ велика, отче!.. Вотъ...— И онъ показалъ митрополиту прожженную руку.

— Что это?—спросилъ тотъ.

— Жгли меня желѣзомъ, пытали, я вынесъ, не крикнулъ, пальцемъ не шевельнулъ... А какъ тутъ (онъ приложилъ руку къ сердцу) душу желѣзомъ жжетъ, я не выношу... кричу...

— Что жъ тамъ у тебя, сынъ мой?

— Огонь, пекельный огонь... Не залью его, ничѣмъ его не залить, развѣ кровью, христовой кровью...

— Это ты правду сказалъ, другъ мой. Та кровь пожары всего міра зальетъ, зло потопитъ, только не скоро... А ты смирись: могучая сила въ смиреніи—оно горы переставляетъ, волны морскія усмиряетъ, великія рѣки останавливаетъ.

Левинъ сталъ прощаться. Митрополитъ благословилъ его. Умный старикъ видѣлъ, что онъ еще не все вывѣдалъ отъ странпаго воина.

— Заходи ко мнѣ послѣ,—сказалъ онъ.

— Зайду, не забуду.

Левинъ торопился въ невскій монастырь. Тамъ ему сказали, что Прозоровскій въ церкви. Въ церкви издали указали ему Прозоровскаго; и онъ, къ неописанному изумленію, узналъ въ немъ одного изъ тѣхъ странниковъ, которыхъ онъ принималъ у себя въ Харьковѣ и которые сказали ему, что идутъ изъ Іерусалима въ Петербургъ, чтобы видѣть антихриста. Левинъ видѣлъ въ этомъ знаменіе, распаленное воображеніе его заметалось, какъ спугнутая птица. «Это онъ, это тотъ князь Прозоровскій-навигаторъ, котораго старецъ Варсонофій видѣлъ въ Неаполѣ»...

Послѣ обѣдни, когда Прозоровскій шелъ въ свою келью, Ле-

винъ догналъ его и объявилъ, что присланъ къ нему отъ Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго.

— Дай мнѣ разобраться,—сказалъ Прозоровскій;—а ты зайди по переходамъ къ моей кельѣ, я къ тебѣ выду.

Левинъ повиновался. Скоро вышелъ и Прозоровскій. Левинъ подошелъ къ нему подъ благословеніе, не спуская глазъ съ его лица.

— Что, не признаешь меня, святой отецъ?—спросилъ онъ.

Князь, долго вглядываясь въ лицо пришедшаго, отвѣчалъ въ раздумьѣ:

— Не признаю... не припомню...

А я тебя узналъ... Помнишь, въ Харьковѣ офицера, капитана Левина? Васъ было трое, вы изъ Ерусалима шли и обѣдали у меня.

Глаза Прозоровскаго, доселѣ тусклые, спокойные, блеснули.

— Теперь признаю,—сказалъ онъ.—А какъ ты измѣнился! Совсѣмъ старикомъ сталъ

— Да... переѣхало меня колесомъ... огненное это колесо, Божье, раздавило меня и спалило...

Прозоровскій покачалъ головой.

— Страшна колесница Бога живого,—сказалъ онъ,—и по моей душѣ она проѣхала...

— Не ты ли тотъ князь Прозоровской Михайло, что въ навигаторахъ былъ въ Неаполѣ, въ италійской землѣ? — спросилъ Левинъ.

— Я тотъ самый.

— Какъ же ты попалъ сюда?

— Божіимъ попущеніемъ, самъ того не хотя... Въ 716 году меня, яко княжича и боярскаго сына, царь послалъ для навигаторской науки вмѣстѣ съ прочими въ италійскую землю. И учился я. Но была то всѣмъ намъ не наука, а сущая мука; и голодали-то мы и по-міру побирались, понѣже Сава Рагузинскій, туторъ нашъ, жалованья намъ не выдавалъ. И въ прошломъ 718 году случилися въ Италіи быть монахи изъ области султана турскаго, изъ горы Аѳонскія. И я съ тѣми монахами поѣхалъ въ Аѳонскую гору и тамъ постригся. И нареченъ я былъ во иноцѣхъ Сергіемъ и учиненъ тамъ іеромонахомъ. И изъ Аѳонской горы поѣхалъ къ Москвѣ съ тамошнимъ іеромонахомъ

Филипомъ сербинепомъ и другимъ, Стояномъ болгарипомъ.. коп и въ Ерусалимѣ бывали. И ѣхали мы въ Москву для прошенія милостыни, тогда-то были и у тебя въ Харьковѣ...

— Такъ, такъ, живо это помню... Еще меня мощами святыми удостоили, такъ ихъ на себѣ вотъ тутъ на груди и ношу съ той поры, въ крестѣ задѣланы,—говорилъ Левинъ торопливо.— Помню, помню, и тебя, и ихъ...

— И по письму изъ Питербурха ближняго стольника князя Ивана Ѳедоровича Ромодоновскаго велѣно было меня выслать въ Питербурхъ,—продолжалъ Прозоровскій,—и явиться у него въ домѣ, а когда его въ Питербурхѣ не застану, то чтобъ явился во дворецъ. А какъ я въ Питербурхъ прибылъ, а его, князя Ромадановскаго, не засталъ, а братъ мой князь Ѳедоръ Прозоровскій донесъ обо мнѣ царицѣ, а царица указала мнѣ явиться къ ней и я явился, и она указала мнѣ явиться Невскаго монастыря архимандриту Ѳеодосію, и, явясь, я жилъ въ домѣ князя Ивана Алексѣича Голицына, а потомъ по царскому указу опредѣленъ въ сей монастырь.

Онъ на минуту замолчалъ и тихо перебиралъ четки.

— И вотъ я здѣсь... Вспоминаю объ Аѳонѣ... А ты какъ?— спросилъ онъ Левина.—Все служишь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—я уже отъ службы отставленъ, и есть у меня билетъ. Я человѣкъ свободный, только пришелъ просить твоего совѣта: хочу я постричься.

— Хорошее дѣло. Гдѣ же ты хочешь постричься?

— Мое обѣщаніе есть, чтобъ здѣсь въ Невскомъ постричься. И имѣю я позволеніе отъ рязанскаго архіерея о постриженіи. и платье черное уже у меня готово... Больше хотѣлось бы въ Соловкахъ постричься... А здѣсь можно?

Прозоровскій горячо возсталъ противъ этой мысли.

— Для Бога! Не сгуби себя!—заговорилъ онъ быстро. — Меня сюда царь поневолѣ взялъ, а я не хотѣлъ. Буде-же ты хочешь мясо ѣсть, такъ постригись здѣсь. Здѣсь монахи мясо ѣдятъ и меня принуждаютъ, только я еще не ѣдалъ. Не одного закона здѣсь монахи, но разныхъ законовъ. Буде не вѣришь, поди на кухню и посмотри, все мясо готовятъ ѣсть.

Левинъ отправился на кухню и самъ увидѣлъ, что тамъ дѣйствительно готовятъ мясную пищу. Это поразило его, разбива-

лась послѣдняя вѣра въ святость отшельничества. Гдѣ же правда? Гдѣ конецъ этой міровой, вселенской лжи? Міръ долженъ погибнуть! Онъ погибаетъ! У Левина изъ-подъ ногъ исчезала почва... Міръ шатается... земля пошатнулась на оси... Былъ одинъ идеалъ, и тотъ поглотили звѣри-люди...

Мясо ѣдятъ монахи! Да это бездна, въ которую валится міръ!.. Для тогдашняго русскаго человѣка за предѣлами этого міровоззрѣнія начинался уже хаосъ, мракъ, отчаяніе!

Пораженный, уничтоженный, Левинъ воротился къ Прозоровскому.

— Здѣсь бѣсы живутъ, а не иноки,—говорилъ онъ съ ужасомъ.—А ты?

— Я и самъ не хочу здѣсь жить, хочу бѣжать, скрыться,—отвѣчалъ Прозоровскій,—скроюсь не въ знатный монастырь, а въ пустыню.

— И я уйду въ Соловки, дальше, дальше отъ смрада людского.

— Что Соловки! И туда послано отсюда три монаха, чтобъ они тамъ приводили монаховъ мясо ѣсть и учили бы, что де грѣха дальняго въ томъ нѣтъ. Царь указалъ, а синодъ на себя перенялъ этотъ грѣхъ, тягости-де въ томъ нѣтъ, что старцамъ мясо ѣсть; если-де блудъ дѣлать, то и горче-де того... Видѣлъ ли ты здѣсь прядильный дворъ, на которомъ живутъ такія, что если вдова или дѣвка родитъ, то ихъ на тотъ дворъ ссылаютъ? Въ день онѣ прядутъ, а къ ночи старцы емлютъ ихъ къ себѣ въ монастырь и спятъ съ ними...

Левину казалось, что онъ стоитъ на оскверненной землѣ, на проклятомъ мѣстѣ; что земля должна разступиться и поглотить осквернителей... Монастырь... святое убѣжище... Да вѣдь въ монастырѣ и она, та, имя которой онъ произнести не смѣлъ, она, чистая и непорочная!

Простившись съ Прозоровскимъ, онъ тотчасъ же снова отправился къ Стефану Яворскому. Онъ чувствовалъ какое-то глубокое оскорбленіе, нанесенное ему невѣдомо кѣмъ. Чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ вступалъ онъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ лавру, тѣмъ съ болѣе жгучимъ чувствомъ стыда возвращался онъ оттуда...

Когда онъ стоялъ въ лаврской церкви во время службы, то

напоенное его собственнымъ идеализмомъ сердце его готово было растопиться въ умиленіи. Тихая и величавая торжественность службы и подавляетъ, и возвышаетъ его: это стройное пѣніе клировъ звучитъ голосами ангеловъ... Невидимыя крылья ихъ тихо волнуютъ и несутъ къ небу дымъ кадильницъ... Не свѣчи горятъ это въ сотняхъ теплящихся огнистыхъ струекъ, а это теплятся души человѣческія въ присутствіи невидимаго Бога... А эти строгія лица старцевъ, созерцающихъ имъ однимъ видимый ликъ Всемогущаго Бога... Это не они поютъ, а поютъ тысячи умиленныхъ сердецъ предстоящаго народа... Вотъ ктиторъ обходитъ молящихся... Звякаютъ на его массивное серебряное блюдо тяжеловѣсные рубли, алтыны, гривны, копѣйки и полушки, это капаютъ мірскія слезы, капъ! капъ! Какъ звонки передъ Господомъ эти слезы! Звонче колокола гремятъ онѣ, оглашая людское горе, донося его до самаго неба... Такъ бы и изнылъ, кажется, въ молитвѣ, такъ бы и изошелъ кровью сердца за эти мірскіе алтыны—слезы!..

И вдругъ, эти мірскія слезы идутъ на мясо монахамъ, на наряды прядильницамъ!.. Господи! Да гдѣ же правда? Люди слѣпые, кого вы питаете вашими слезами, вашею кровью.

О! О-о! Плачьте, старыя очи мои! О-о-о! Разорвися ты, сердце горькое! О-о-о!

Кто это плачетъ такъ горько, разливается?

— О-о-о! Плачьте вы, мои очушки, плачьте, плачьте! Не наплакаться вамъ до вѣку! Лейтеся, слезы мои горючія, лейтеся, лейтеся, не вылиться вамъ досуха! О-о-о!

Это плачетъ Ѳомушка юродивый, сидя на землѣ у воротъ лавры.

Левинъ остановился въ изумленіи. Слышалось, что въ этихъ слезахъ страшное горе, что за ними чуялось, какъ сердце плачущаго бьется въ судорогахъ. Левину стало невыразимо жаль старика. Онъ нагнулся къ плачущему.

— Дѣдушка! О чемъ ты плачешь?—спросилъ онъ участно.

Юродивый поднялъ на него глаза съ выраженіемъ совсѣмъ дѣтскимъ и снова захныкалъ какъ ребенокъ.

— О-о-о! Больно мнѣ, больно Ѳомушкѣ, больно!

— Что же болитъ у тебя, дѣдушка?

— О-о-о! Болитъ душенька у Ѳомушки... О-о-о! Никого нѣту

у Ѳомушки, никого, никого!.. Была у Ѳомушки птичина малая, горлица чистая, а теперь нѣту ее, нѣту-ти... Нѣту у Ѳомушки ясноочушки мнученьки Вѣрушки, нѣту! О-о-о!

— Гдѣ жъ она, внучка твоя, дѣдушка?

— Повадилась она, горлица чистая, въ этотъ вертепъ летати, и поймали ее вороны черные, ощипали ея перушки сизыя, выпили кровушку ея молодую, и теперь она на прядильномъ дворѣ... О-о-о! Нѣту у Ѳомушки Вѣрушки, нѣту, нѣту!

Левинъ понялъ, на какую дыбу подняли душу юродиваго «черные вороны»... Онъ безнадежно махнулъ рукой, и уже больше не оглядывался на лавру.

XVIII. Въ лѣсъ! Въ пустыню!

Стефанъ Яворскій, увидѣвъ пришедшаго къ нему Левина, не могъ не замѣтить, что онъ глубоко потрясенъ чѣмъ-то. Блѣдныя, худыя щеки его горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Та же лихорадка свѣтилась и въ его глазахъ съ расширенными, какъ у кошки, зрачками.

Старикъ митрополитъ тоже казался нѣсколько разстроеннымъ. Передъ приходомъ Левина онъ разсматривалъ оставшіяся послѣ смерти его друга, митрополита Димитрія Ростовскаго, сочиненія этого послѣдняго. Вспомнилось при этомъ далекое прошлое, молодость, незабываемая Украина, бесѣды о судьбахъ своей злополучной родины... Какъ разъ раскрылось то мѣсто «Рождественской комедіи» Димитрія Ростовскаго, гдѣ пастухи обращаются къ младенцу Іисусу, лежащему въ ясляхъ:

И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебѣ нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе палатъ много,—
А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого?.

Почему-то это мѣсто напомнило ему убогую родину... «И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту!..»

— Что, сынъ мой, былъ въ лаврѣ?—спросилъ онъ кротко.

— Былъ, владыко.

— Видѣлъ Прозоровскаго?

— Видѣлъ.

— И что жъ?

Левинъ упалъ на колѣни. Руки его поднялись какъ на молитву.

— Спаси меня, владыко! Спаси душу мою!—говорилъ онъ страстно.—Я нашелъ тамъ вертепъ разбойниковъ...

— Не говори такъ, сынъ мой, — остановилъ его митрополитъ,—не осуждай брата своего... Помни смиреніе, велика сила его... Смирись, и громы послушаютъ гласа твоего, въ камнѣ сердце взыграетъ и скименъ рыкаяй слезами оточится... Я зналъ, что ты здѣсь не останешься: здѣсь для братіи соблазна море великое и пространное... Встань, подумаемъ вмѣстѣ, помолимся вмѣстѣ.

Левинъ всталъ съ колѣнъ.

— Благослови меня, владыко, въ Соловецкій монастырь,— сказалъ онъ.

— Хорошо. Я вотъ уже и письмо приказалъ написать къ архимандриту Варсонофію, а тебѣ дамъ копію съ онаго. Вотъ, что я пишу отцу архимандриту.

И старикъ, надѣвъ очки, сталъ читать:

«Пречестныя и великія лавры святыя обители Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ пречестнѣйшему отцу архимандриту Варсонофію, мнѣ же о Христѣ брату и сослужителю и благодѣтелю: благословеніе отъ Господа Бога, миръ, тишина, здравіе души и тѣлу долгоденствіе, безпечальное и безмятежное пребываніе и многолѣтнее безболѣзненное да будетъ, всеусердно желаю, а паче спасенія вѣчнаго».

Левинъ слушалъ внимательно, а при имени Варсонофія ему вспомнился старецъ Варсонофій, его разсказъ о странствованіи въ Неаполь, вспомнился царевичъ, Евфросинья-дѣвушка, Марья Гаментова, подробности казни которой ему передавалъ тотъ же Варсонофій... Въ спирту голова Гаментовой Марьюшки... «А можетъ и моей головѣ на роду написано въ спирту быть»... Онъ невольно вздрогнулъ...

«За симъ вашему преподобію въ обнадѣяніе дерзнулъ писать,—продолжалъ митрополитъ,—просилъ насъ о предстательствѣ къ вашему преподобію гренадерскаго коннаго полка, капитанъ, Василій, Савинъ сынъ, Левинъ, который въ прошеніи своемъ объявилъ мнѣ, что онъ, будучи въ службѣ великаго государя многіе годы, пришелъ къ старости и въ скорбь и поло-

жилъ себѣ обѣщаніе, чтобъ ему принять монашескій чинъ и постричься въ обители соловецкихъ чудотворцевъ, которое обѣщаніе оной капитанъ объявилъ прошеніемъ въ правительствующемъ духовномъ синодѣ и по указу царскаго величества онъ, Василій, за скорбью отъ службы отставленъ, и велѣно изъ правительствующаго духовнаго синода въ святой вашей обители постричь его не отмѣнно.

«Прошу вашея святыни, для нашего прошенія яви къ нему, Василью, свою милость и прими его въ святую обитель и прикажите по обѣщанію его исполнить и постричь въ монашескій чинъ безъ всякаго отриновенія и содержать его при своей святыни за его царскому величеству службу неотриновенно, за что вашему преподобію воздатель всемогущій Господь Богъ, и наше смиреніе долженствуетъ о вашей святыни Бога молить и всякими образы отслуживать. Вашему преподобію, мнѣ о Христѣ любимому брату, всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ всеусердный желатель богомолецъ и слуга нижайшій, смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій».

— Возьми же это,—сказалъ митрополитъ, свернувъ письмо и подавая его Левину.

Левинъ горячо поцѣловалъ руку старику, а потомъ приложился губами къ полѣ его рясы.

— Съ этимъ письмомъ,—продолжалъ Стефанъ,—хотя въ Соловецкомъ или въ другомъ монастырѣ тебя постригутъ. А лучше бы постригся ты гдѣ не въ знатномъ монастырѣ...

— Чего ради не въ знатномъ, владыко?

Онъ вспомнилъ, что и Прозоровскій говорилъ ему то же.

— Ради избѣгновенія соблазна,—отвѣчалъ митрополитъ.

— Соловецкая обитель — старая, святая обитель, — возражалъ Левинъ.

— Такъ, сынъ мой... Только...

Митрополитъ помолчалъ. Онъ разсматривалъ своего собесѣдника. На лицѣ его онъ прочелъ беззавѣтную искренность и глубину чувства. Это было такое лицо, которому можно было вѣрить и передъ которымъ можно было высказаться въ самой сокровенной тайнѣ.

— Ты говорилъ мнѣ въ Нѣжинѣ, сынъ мой, что у тебя была

невѣста,—продолжалъ митрополитъ,—и что она пошла въ монастырь. Эта была Ксенія, дочь сотника Хмары?

— Ксенія,—отвѣчалъ Левинъ упавшимъ голосомъ.

— И съ той поры о ней ничего не зналъ?

— Ничего... Слыхалъ только, что царь велѣлъ увезти ее изъ кіевскаго монастыря въ какой-то дальній монастырь, а въ какой, то не сказали.

— И ты не забылъ ее?

— Нѣтъ... не даетъ Богъ забвенья...

— Хорошее, хорошее было дитя... книжное дитя,—говорилъ старикъ задумчиво,—я видѣлъ ее, когда она еще училась въ монастырѣ... Такъ-то щебетала мнѣ наизусть изъ книги архимандрита Лазаря Барановича, изъ «Трубы» какъ птичка щебетала... Хорошее было дитя, Божье... Ее Богъ взыскалъ.

Левинъ сидѣлъ молча. Письмо, которое ему передалъ митрополитъ, видимо дрожало въ рукѣ. Стефанъ замѣтилъ его.

— Ты, сынъ мой, не питаешь ли въ сердцѣ своемъ злобы противъ царя ради того, что, по невѣдѣнію, отнялъ у тебя невѣсту?—спросилъ онъ.

Левинъ молчалъ, только письмо еще больше задрожало.

— Не таи отъ меня сердца твоего, сынъ мой,—продолжалъ Стефанъ,—откройся мнѣ какъ на духу.—Имѣешь злобу?

— Грѣшенъ, владыко... Не могу, видитъ Богъ, не могу не думать о немъ... Всю-то мою жизнь, всего меня онъ въ скорлупу яичную извелъ, выпилъ все изъ меня, высушилъ все во мнѣ огнемъ выжегъ и бросилъ.

— Великій это грѣхъ думать такъ, сынъ мой. Не хотѣлъ онъ тебѣ зла, онъ и не вѣдалъ, что есть такой-то на бѣломъ свѣтѣ.

— Вѣрю, а все жъ не могу вырвать терніе изъ сердца.

— Вырви... И у меня, сынъ мой, великое терніе въ сердцѣ вонжено, имъ же вонжено... Вѣнцомъ терновымъ увѣнчалъ онъ сердце мое... душу мою прободе копіемъ, и прискорбна оттого душа моя даже до смерти... А я молюсь за него.

— А я не могу.

— Молись. И я когда-то думалъ, что не сумѣю молиться за него, а теперь молюсь... Не меня обидѣлъ онъ, не невѣсту отнялъ онъ у меня, а обидѣлъ церковь Божію, обидѣлъ народъ свой многотерпѣливый, обидѣлъ кровно, надругался надъ нимъ,

тростію своею по главѣ билъ онъ народъ свой, по ланитамъ билъ онъ его дланію своею, оплеваніемъ оплевалъ онъ образъ его смиренный... И я все-таки молюсь за него, не вѣдаетъ бо что творитъ... Подъ самое сердце ударилъ онъ родину мою, матерь мою, вдовицу убогую, Малороссію, и кровію подтекло великое сердце матери моея... Не встать ей съ одра болѣзни: изсушилъ онъ сосцы великіе матери моея, въ отцъ и желчь превратилъ млеко сосцовъ ея, чахнуть ей вѣки многіе... А я все молюсь за него...

Митрополитъ помолчалъ, ускоренно перебирая четки, а потомъ продолжалъ какъ-бы про себя:

— Невѣсту отняли... Нѣтъ, землю родную онъ отнялъ у меня, небо голубое, солнце яркое, душу мою отнялъ... На колѣняхъ я стоялъ передъ нимъ, я, старецъ ветхій деньми и святитель, и молилъ отпустить меня на покой... Нѣтъ, не отпустилъ... Онъ повелѣлъ мнѣ блюсти патріаршій престолъ... Разумѣешь ли ты, сынъ мой, всю глубину позора моего?—спросилъ старикъ, теребя четки.—Разумѣешь?

— Нѣтъ, отецъ святой, не разумѣю.

— Я—блюститель престола патріарховъ всероссійскихъ... Я песъ, прикованный къ подножію патріаршаго престола... Я повиненъ лаять на всякаго, кто бы дерзнулъ помыслить о семъ престолѣ, возсѣсть на оный... Я—песъ, лежащій на сѣнѣ. Разумѣешь теперь?

— Разумѣю.

— И я молюсь за него. Онъ великій государь. Великій умъ обитаетъ во главѣ царя. Славы и величія хочетъ онъ царству своему и народу своему. Свѣтомъ просвѣщенія озаряетъ онъ землю свою. Аки волъ гнетъ онъ выю свою царскую надъ черною работою. Далеко провидитъ око его. Но онъ—человѣкъ, плоть отъ плоти народа своего и кость отъ костей его. Какъ человѣкъ, онъ ошибается, слѣпотствуетъ, дѣлаетъ зло тамъ, гдѣ хощетъ добра, хощетъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ, и рыбу ловить хощетъ не сплетши мрежей. Какъ человѣкъ, онъ грѣшитъ грѣхами многими, льетъ кровь тамъ, гдѣ потребно слово ласковое, поздри рветъ у того, кому кусокъ хлѣба дать повиненъ, кнутомъ полосуетъ спину у того, кому онъ повиненъ пріодѣть эту спину

нагую, всѣмъ непогодамъ открытую... И я молюсь за него, человѣкъ бо есть...

Съ благоговѣніемъ слушалъ Левинъ эти тихія, скорбныя, но теплыя рѣчи стараго святителя, и засохшее сердце его размягчалось, таяло, къ горлу подступали слезы.

— Научи меня, святой отецъ,—шепталъ онъ.

— Смирись, смирись, смирись... И я не умѣлъ прежде смиряться, сынъ мой... Сквозь душу мою прошелъ мечъ, когда я всенародно долженъ былъ предать анаѳемѣ друга моего, гетмана Мазепу... Вѣдалъ я, что не хотѣлъ онъ зла царю—за край родной поднялъ онъ свою старую десницу, за землю дорогую боялся, за народъ украинскій, за пещеры кіевскія... Онъ боялся, что осквернятъ ихъ... Я плакалъ, когда возглашалъ анаѳему, но я смирился, возгласилъ, и не онѣмѣлъ языкъ мой, не ссохлась гортань моя. Я молился за царя; въ десницѣ его милліоны душъ человѣческихъ, и въ этой же десницѣ мечъ, которымъ онъ властенъ пронзить сердце милліонамъ, воду превратить въ кровь, землю въ пустыню... И я трепетно молюсь за царя, чтобы Богъ снялъ покровъ съ очей его.

Въ это время на полу кабинета, въ которомъ митрополитъ бесѣдовалъ съ Левинымъ, послышалась возня и какой-то писк. Левинъ оглянулся по направленію шума и съ испугомъ вскочилъ, а митрополитъ кротко улыбнулся.

Въ дверяхъ, ведущихъ въ слѣдующую комнату, на полу ежился и фыркалъ какой-то звѣрекъ, величиною съ кошку, только круглѣе, а на него нападала сорока.

Левинъ смотрѣлъ изумленными глазами и ничего не понималъ.

— Что, бѣдный бабась, обижаютъ тебя?—сказалъ митрополитъ ласково.

Звѣрокъ завозился, силясь пробраться впередъ, а сорока еще съ большей запальчивостью наскакивала на него, распустивъ крылья.

— Ахъ ты, разбойница! Московка эдакая! Что ты его поѣдомъ ѣшь?—продолжалъ Стефанъ.

И старикъ всталъ, подошелъ къ сорокѣ, которая и противъ него ощетинилась, поймалъ ее за носъ и отвелъ въ сторону.

— Ну иди, бѣдненькій бабасю, не бойся, я не дамъ

И звѣрекъ сталъ тереться около ногъ старика, а сорока, по-видимому, обиженная, усѣлась на ручку кресла и стала разсматривать Левина.

— Вотъ, — сказалъ митрополитъ, — мои друзья, земляки: это—бабакъ, сурокъ по-московски; мнѣ привезли его изъ Малороссіи маленькимъ; онъ выросъ у меня и напоминаетъ мнѣ собой наши милыя украинскія степи... Какъ свиснетъ, такъ мнѣ и представится степь, а по ней скрипятъ возы чумацкіе... Такъ-то тепло на душѣ станетъ... А вотъ эта разбойница (старикъ указалъ на сороку) напоминаетъ мнѣ Нѣжинъ, дѣтство... А здѣсь, самъ знаешь, и сорокъ-то нѣтъ, однѣ галки да вороны.

И у Левина защемило сердце: онъ тоже вспомнилъ родную сторону, весну съ ея грачами и жаворонками, крикъ потатуйки у сухого пня, добрые глаза дьячка Турвона...

— Вотъ на сей токмо обидѣ я плачусь на царя, сынъ мой,— продолжалъ старый митрополитъ, гладя сурка:—зачѣмъ онъ отнялъ меня у Малороссіи и Малороссію у меня отнялъ?.. Я бы радъ уйти за Днѣпръ, въ польскую Украину, только бы поближе къ солицу, къ Богу. Такъ нѣтъ, не пускаетъ.

Задушевная бесѣда старика окончательно размягчила сердце Левина. Онъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ и любовью на этого маститаго святителя русской земли, который и на высотѣ своего государственнаго положенія сохранилъ молодую свѣжесть сердца и нѣжную отзывчивость на все доброе и благое. Лаская «бабася», дѣлая внушенія «сорокѣ-московкѣ», старый сановникъ становился еще симпатичнѣе въ глазахъ извѣрившагося въ людей Левина.

Дверь кабинета отворилась, и на порогѣ показался келейникъ митрополита.

— Что, Машкаринъ?—спросилъ митрополитъ.

— Епископъ Ѳеофанъ,—отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

— А!.. Епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ... проси...

Келейникъ скрылся.

— Прокопенко... златоустіе царево и усерязь многоцѣнна, на ушкѣ царевомъ висяща,—бормоталъ старикъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

Левинъ всталъ и началъ откланиваться, прося благословенія.

— Заходи ко мнѣ, будутъ старцы изъ Соловецкаго, отъ нихъ

ты узнаешь нѣчто,—сказалъ митрополитъ, благословляя Левина.

. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней Левинъ снова явился къ митрополиту. Послѣдній казался возбужденнымъ. Стоя у аналоя, на которомъ лежала толстая ветхая книга, онъ, скатывая между пальцами маленькіе восковые катышки, прикленвалъ ихъ то тамъ, то здѣсь на поляхъ книги и раздраженно бормоталъ: «Ишь онъ умникъ... Извѣся языкъ, аки песъ въ спожинки, на свой хвостъ червивый ластъ... Мы-де сами по себѣ, а вселенскіе патріархи сами по себѣ... Ишь Прокопенко! Попура свинья, а глыбоко землю рое... Подъ корень древо великое ростъ Прокопенко... Я ему докажу изъ писанія, испятнаю всю книгу...»

Замѣтивъ Левина, старикъ ласково обратился къ нему.

— Ну, что, сынъ мой? Какія мысли Господь на душу положилъ тебѣ?

— Не быть въ Соловкахъ мнѣ, владыко.

— Не быть? Что жъ такъ?

— Душу свою боюсь погубить тамъ.

— А.. Такъ видалъ соловецкихъ старцевъ.

— Видалъ, владыко.

— И трепетъ нападе на тя? И кости твоя смятошася?

— Смятеся душа моя, владыко святый... Старецъ Аксентьевъ Богомъ живымъ заклиналъ меня бѣжати соблазна соловецкаго. «Для Бога, говоритъ: не для чего туда идти! Монастырь весь разбѣжался-де по лѣсамъ и по пустынямъ, а остались-де только монахи моты и пьяницы, потому-де что прислано отсюда монаховъ три человѣка, и стали-де приводить, чтобъ мясо ѣли, а попы бы-де подбривали усы, чтобъ-де святыя тайны принимать не помѣшательно; а дьяконы-де бороды и усы вкружало держали бы, а дьячки-бъ-де бороды и усы брили, а съ иконъ-де со всѣхъ оклады и приклады собирали и запечатали и отдали подъ сохраненіе».

Левинъ говорилъ дрожащимъ голосомъ. Еще одна вѣра разбивалась въ немъ, а на обломкахъ ея становился тотъ страшный образъ, изъ устъ котораго вылетѣли грозныя слова: «О, бородачи! Бородачи! Доберусь я до васъ!»

— Такъ, такъ,—говорилъ митрополитъ, выслушавъ Левина,—я зналъ это... Прокопенко и не до того доведетъ... Вѣрно

ему въ Римѣ папежи хвостъ прищемили, и онъ теперь на иконы ластъ.. Что жъ ты думаешь дѣлать?—спросилъ онъ, силясь успокоиться.

— Поищу незнатнаго монастыря, бѣднаго. Въ пустынѣ, можетъ, скроюсь: можетъ звѣри лучше людей.

— Не говори, не говори такъ, сынъ мой, не гнѣви Бога: есть у него хорошіе люди... Много на землѣ хорошихъ людей, добрыхъ, ангеламъ подобныхъ... Забуду ли друга моего и искренняго моего Димитрія, митрополита ростовскаго? Съ той поры, какъ я зналъ его еще маленькимъ Данилкою, Данькомъ Туталою, когда мы съ нимъ бывало отыскивали, подъ Кіевомъ, гнѣзда сизоворонокъ, и когда уже потомъ писалъ онъ свои Четьи-Минеи,—съ юныхъ ногтей и до немощной старости былъ онъ святымъ человѣкомъ. Нѣтъ, много хорошихъ людей зналъ я на своемъ вѣку. Найдешь и ты ихъ, сынъ мой. А въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь не хочешь?—спросилъ старикъ, помолчавъ.

— Боюсь, отецъ святой,—отвѣчалъ Левинъ.

— Чего боишься?

— Смущенъ буду духомъ... Думать стану, не утерплю, къ старикамъ ея зайду... Слѣды ногъ ея буду отыскивать на берегу Днѣпра... Нѣтъ, владыко...

— Воистину, воистину...

И старикъ задумался. На краю гроба живучая память воскрешала передъ нимъ и зеленую леваду, и тихую ночь, и запахъ любистка... Память молодости вѣдь и въ гробовую крышку стучится...

— Такъ иди въ пустыню... Жаль мнѣ тебя—полюбился ты мнѣ какъ сынъ родной, котораго у меня не было,—говорилъ старикъ со слезами на глазахъ.

И онъ не замѣчалъ даже, отдавшись своимъ далекимъ воспоминаніямъ, какъ скромный сурокъ, стащивъ гдѣ-то старыя митрополичьи четки, волокъ ихъ по полу, а серока напрасно силилась отнять ихъ отъ него.

— Жаль, жаль... прискорбна душа моя...

А на дворѣ такой яркій день, такое жаркое весеннее солнце, хоть бы и не въ Петербургѣ.

«Въ лѣсъ, въ пустыню безлюдную, подъ солнышко божье»,— заговорило въ душѣ Левина страстное желанье при видѣ свѣта и солнца.

XIX. Въ Муромскихъ лѣсахъ.

Величественную, внушительную, строго настраивающую воображеніе картину представляютъ Муромскіе лѣса. Не стой за историческими плечами этого великаго бора столько народныхъ, историческихъ и легендарныхъ представленій; не будь на его прошломъ столько яркихъ красокъ, не стирающихся тысячи лѣтъ; не рисуйся въ его тысячелѣтнемъ синодикѣ такіе покойники, какъ Илья Муромецъ, безсмертный пестунъ всего русскаго народа, какъ Кудеяръ, тоже не умирающій доселѣ народный герой; не будь, наконецъ, имя этого бора пронесено по лицу всей русской земли вмѣстѣ съ памятью о какихъ-то безыменныхъ, почти миѳическихъ образахъ «разбойниковъ Муромскихъ лѣсовъ», Муромскіе лѣса и безъ этого предрасполагающаго къ себѣ прошедшаго однимъ видомъ своимъ побѣждаютъ васъ, подавляютъ чѣмъ-то массивнымъ, необъятнымъ. Какъ передъ всѣмъ, что грандіозно и могуче, вы невольно останавливаетесь передъ этимъ богатыремъ-боромъ и чувствуете съ одной стороны его силу и ваше безсиліе, съ другой—желаніе противопоставить ваше безсиліе его силѣ, помѣряться съ нимъ...

Вонъ по этому грозному бору между гигантскими елями, раскинувшими свои многочисленныя мохнатыя руки, по извилистой дорожкѣ, то красно-песчанной и чистой, то темной, усѣянной черными чешуйчатыми шишками и колючими иглами, пробираются двое прохожихъ.

Лѣтнее утро такъ ярко; но, посыпая золотомъ зеленыя верхушки бора, дѣлая бирюзу неба еще гуще и глубже, солнце не доходитъ до самой глубины лѣса, до ногъ этого великана, упирающихся въ красно-песчаную землю. Въ глубинѣ бора прохладно и сыро. Птицы радуются лѣтнему, яркому утру только въ вершинахъ лѣса, а внизу изрѣдка простучитъ желна или дятелъ въ сухую кору стараго, умирающаго медленно, великана-дуба, да шлаква, спугнутая трескомъ ломающагося валежника, иногда шарахнется въ сторону, болтая своими неуклюжими крыльями и снова падаетъ въ гущину бора.

Торжественная, подмывающая тишина, вызывающая думы и грезы...

Думается столѣтіями назадъ, глубью временъ, когда лѣсъ этотъ все такъ-же былъ тихъ и безмолвенъ...

Проносятся вѣка надъ этими борами, почти не задѣвая ихъ, и мысль проносится надъ ними, возсоздавая ихъ прошлое, богатое образами...

Странники идутъ молча, задумчиво, съ длинными палками въ рукахъ и котомками за спинами, словно этими палками они мѣряютъ свой далекій путь, а въ котомкахъ несутъ свое прошлое съ его легковѣсными радостями и тяжеловѣсными горями...

Старшій изъ нихъ кажется очень ветхимъ, очень потертымъ жизнью, но потертость его напоминаетъ гладкую потертость валуна, крѣпкаго, неподатливаго, изъ котораго другой кремень или желѣзо легко могутъ выбить яркую, воспламеняющую искру. Искра эта сама выбивается изъ маленькихъ, задумчиво-спокойныхъ глазъ, зорко выглядывающихъ изъ-подъ навѣса сѣдыхъ бровей.

Видно, что передъ этими глазами прошло многое такое, что заставило бы другіе глаза закрыться отъ жалости или ужаса. И надъ сѣдою головою пронеслось не мало событій, какъ надъ темнымъ боромъ, который никому не расказываетъ своихъ тайнъ... Старикъ одѣтъ въ длинное черное полукафтанье, напоминающее затрапезную одежду рясофорнаго чернеца. Сѣдая борода ярко вырисовывается на этомъ черномъ фонѣ.

Младшій—высокій, плечистый, но исхудалый мужчина лѣтъ за сорокъ или больше. На блѣдномъ лицѣ его лежитъ какая-то внутренняя тревога, сказывающаяся въ большихъ, черныхъ съ расширенными зрачками глазахъ. На немъ—полувоенное одѣяніе. На задкахъ сапогъ блестятъ заржавѣвшія мѣстами шпоры. Бритая, но покрывшаяся щетиной, борода придастъ болѣзненность и безъ того не цвѣтному лицу путника.

Они идутъ въ чащу. Боръ становится все мрачнѣе и мрачнѣе, но за то тѣмъ болѣе червоннымъ золотомъ брызжетъ солнце на вершины лѣса и тѣмъ глубже и бирюзовѣе становится небо въ просвѣтахъ темной зелени.

— Хорошо здѣсь,—сказалъ, наконецъ, младшій путникъ,

отъ глубины лѣса перенося глаза къ голубому просвѣту.—Такова ли и пустыня?

— Пустыня прекраснѣе будетъ не въ примѣръ,—отвѣчалъ старикъ.—Это дебри, храмъ тихаго безмолвія, владычествіе грознаго Бога. А тамотка райское пріятство: сами ангелы по травушкѣ-муравушкѣ да надъ кудрявыми кусточками аки метыли крылышками повѣваютъ... Цвѣтики алые и лазоревые растутъ, лелѣются, крины-то сельные, евангельскіе. Птица всякая это щебечетъ, голосъ подаетъ, говоръ свой въ пустынюшкѣ распущаетъ.

— А далеко еще?

— Нѣтъ ужъ, недалече. Али притомился?

— Ноги-то хотя и подшибаются, а душу впередъ тянетъ.

— Истинно, истинно: поженьки-то подшибаются, за душенькой не угоняются... Такъ-то и мои старыя ноги: имъ бы и угомонъ пора, да душа-то угомону не знаетъ. Семъ-ка отдохнемъ.

— Пожалуй.

Они присѣли подъ развѣсистою елью, на выдавшіеся изъ земли, покрытые мохомъ, коренья.

Тишина казалась еще торжественнѣе. Перемежающійся стукъ дятла въ кору дерева гулко отдавался по лѣсу. Отщепленные имъ кусочки коры упали на колѣни старика. Онъ поднялъ голову, и лицо его освѣтилось улыбкой.

— Ишь ты, пичуга малая, тоже хлѣбецъ себѣ добываетъ,—сказалъ онъ любовно.—Ахъ ты пустынникъ этакій, птичина божья... И не скучаетъ вѣдь тутъ. Дѣтки у него, поди, малыя, ѣсть просятъ... Тоже вѣдь своя семья, свои заботы... О-о-хо-хо! Да за то воля, ни подушнаго окладу, ни гривны за бороду да за неуказное платье не платятъ.

Слушая добродушное бормотанье старика, младшій путникъ грустно улыбался.

Вдругъ, въ сторонѣ, въ гущѣ лѣса послышался трескъ валежника, какъ будто бы шло что-то очень тяжелое. Путники стали прислушиваться. Трескъ повторился, ясно, что это хрустѣло подъ чьими-то ногами.

— Не люди ли?—тихо, шопотомъ произнесъ младшій путникъ.

— Нѣтъ... не человѣкъ-то,—такъ же тихо отвѣчалъ старикъ.

— Нешто звѣрь?

— Да. Знакомъ мнѣ этотъ хрястъ. Это медвѣдь идетъ.

Они начали приглядываться по направленію треска.

— Что-то черное метлешитъ,—сказалъ младшій.

— Онъ и есть. А куда идетъ?

— Да прямо будто бы на насъ.

На лицѣ младшаго путника написанъ былъ испугъ. Старикъ былъ спокойнѣе.

— Не пужайся,—сказалъ онъ,—Богъ милостивъ. Я знаю, какъ прогнать звѣря, набилъ руку, мыкаючись по дебрямъ и пустынямъ. Только станемъ такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ насъ.

Они стали между стволами елей, густо переплетенныхъ хмѣлемъ.

Трескъ приближался. Безстрашный дятелъ продолжалъ долбить своимъ долотомъ, какъ бы исполняя заданный урокъ. Откуда-то выскочилъ заяцъ, поковылялъ впередъ, но вдругъ шарахнулся вбокъ и исчезъ въ одно мгновеніе.

Трескъ все ближе и ближе. Слышно, кажется, чье-то тяжелое дыханіе. Пересталъ и дятелъ долбить, точно ждетъ, что будетъ.

— Не пугайся,—шепнулъ старикъ,—я завою.

И вдругъ раздался странный, протяжный, словно жалобный волчій вой. Трескъ валежника сразу оборвался. Изъ-за листвы хмѣля можно было видѣть, какъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, между двумя стволами деревьевъ, темнѣла массивная голова, поводя ушами.

Вой повторился еще жалобнѣе, потомъ другимъ тономъ, третьимъ...

Грузное туловище медвѣдя быстро перевернулось, и послышался усиленный хрустъ сухого валежника.

— Бѣжалъ дурачекъ,—сказалъ старикъ, улыбаясь.

Младшій широко перекрестился и вздохнулъ самой глубью груди.

— Здоровешенекъ, да глупешенекъ, — продолжалъ старикъ,—сразу испужался малый; думаетъ, стая голодныхъ волковъ. А онъ парень не изъ ловкихъ.

— Да, Богъ спасъ. Теперь бы скорѣй и къ жилью, а то не ровенъ часъ.

— Добре. Идемъ.

И путники снова пошли по тропѣ вглубь бора. Боръ становился все мрачнѣе, угрюмѣе, тѣснѣе. Не слышно было ни дятла, ни желны. Стволы деревьевъ туще и гуще прижимались другъ къ другу.

— Эхъ, вертепа ты, вертепушка божья! Дебря ты безпросвѣтная!—бормоталъ старикъ какъ бы самъ съ собою.—Вспоминалъ я о тебѣ, великой темной деберушкѣ, во пещерахъ кіевскихъ.

И снова умолкалъ. Поэтическое чутье могучести и красоты природы, какъ видно, будило въ старикѣ какія-то воспоминанія.

— Мощи тамъ въ пещерахъ лежатъ угодничка Божія преподобнаго Ильи Муромца... Чай, видѣлъ?—спросилъ старикъ.

— Какъ же, прикладывался къ нимъ.

— Вспомнились они мнѣ вотъ тутъ, въ этой дебри муромской... Должно, угодничекъ святой Илья здѣсь хаживалъ, маливался, може, во вертепѣ этой.

Что-то ударило его по головѣ и скатилось наземь.

— Что это? А! Еловая шишечка, хоть и не Макаръ я, кажись.

Еловая шишка снова упала. Старикъ поднялъ голову. На нижнихъ вѣтвяхъ ели скакала бѣлка.

— А! Это ты, вострука, мечешь въ меня шишками... Ишь скачетъ дурашка, и веселехонька, поди ты... О-о-хо-хо! Какъ-то все Господь премудро устроилъ... Вотъ она себѣ скачетъ тутъ по вѣточкамъ, и нуждушки ей нѣтъ до того, что люди дѣлаютъ, что-то творится въ Москвѣ-матушкѣ, что въ Питерѣ подѣлывается, какіе тамъ батюшка царь Петръ Алексѣевичъ новые вавилоны затѣваетъ... Скачетъ она, звѣрина малая, и довольна коли орѣшекъ найдетъ, и завидушки-то у ней нѣту, жадности этой, что у человѣка, окомъ бы несытымъ и несытымъ сердцемъ все пожралъ и у друга-недруга кусокъ бы изъ горла отнялъ, да не съ голоду, а съ того, что у самого лари и клѣти отъ богачества ломятся... Э-э-хе-хе! Житіе ты человѣческое, житіе плачевное... А бѣлочкѣ божьей и горюшка нѣту.

Но вотъ лѣсъ началъ рѣдѣть. Чаще и чаще становились прогалины, свѣтлѣе становилось кругомъ, голубые просвѣты надъ

боромъ расширились, солнце заглядывало глубже и глубже въ разрѣдѣвшую чащу.

Вонъ и поляна вырисовалась изъ-за чащи. Одна половина поляны и окаймляющій ее слѣва лѣсъ облиты были яркими лучами солнца.

На полянѣ, изъ-за деревьевъ, видѣлись строенія. Вился бѣлый дымокъ къ небу.

Присутствіе жизни сказалось сразу, во всемъ: то затявкаетъ собака, то прокричитъ пѣтухъ. И лѣсныя птицы стали какъ будто говорливѣе, когда выбрались изъ мрачнаго дремучаго бора.

Гдѣ-то глухо, гнусливо прокуковала кукушка. Кобчикъ, маленькій хищникъ ястребиной породы, задорно и звонко кикикаетъ, гоняясь за каркающей вороной.

Золотистая иволга назойливо преслѣдуетъ неповоротливую сороку и сама же свиститъ и трещитъ, словно бы ее обижали, а не она.

Звуки жизни такъ и хлынули отовсюду, точно выростали изъ земли, зарождались въ воздухѣ.

— Вотъ и скиты, тихое пристанище,—сказалъ старикъ, отирая потный лобъ.

— Слава Богу, пустыня,—отозвался младшій его спутникъ.

— Давно я тутъ не былъ,—продолжалъ старшій.—Поди, многое измѣнилось.

— А признаютъ тебя, дѣдушка?

— Собаки не признаютъ, чай, новенькія теперь; а люди, надо полагать такъ, признаютъ.

— А какъ меня-то примутъ?

— Вѣстимо какъ: спервоначалу съ опаской съ искусомъ, а потомъ въ свой законъ введутъ, безъ этого нельзя. Да законъ у нихъ русскій, старый истовый законъ и живутъ истово, не то что въ проклятомъ Вавилонѣ-Питерѣ.

Они вышли, наконецъ, на поляну. Широкая ровная поляна обнаруживала присутствіе прочнаго и постояннаго жилья человѣческаго. Деревянныя избы, большія и малыя, обнесенныя заборами, и крытые навѣсы раскинулись по полянѣ, а нѣкоторыя хоронились однимъ бокомъ въ лѣсу.

Около одного двора звонко, торопливо залаяла собака.

— А! Увидалъ песъ чужого,—замѣтилъ старикъ,—теперь подымутъ лай.

И лай дѣйствительно поднялся.

Въ одномъ окнѣ ближайшей избы показалось человѣческое лицо и скрылось тотчасъ.

Подвигаясь далѣе, путники увидали, что на завалинкѣ одной избы, стоящей влѣво отъ главной тропы, сидитъ мужикъ и креститъ лѣвой рукой гусятъ, которые паслись передъ нимъ на зеленой лужайкѣ. Около него стояла желтая собака съ острою мордою и острыми ушами и лаяла словно по заказу, не двигаясь съ мѣста.

Путники приблизились къ мужику.

— Господи Исусе Христе сыне Божій, помилуй насъ,—сказалъ нараспѣвъ старшій путникъ.

— Аминь,—отвѣчалъ мужикъ, немного подумавъ.

Путники подошли еще ближе. Собака перестала лаять.

— Январій Антипычъ въ скитѣ будетъ?—спросилъ старшій путникъ.

— А вы что за люди?—въ свою очередь спросилъ мужикъ, привставъ съ завалинки.

Тутъ только можно было увидѣть, что правая рука у него была сухая, сведенная; она изгибалась назадъ.

— Странники мы,—отвѣчалъ старшій путникъ.

— А какъ вы сюда-тко попали?—допрашивалъ мужикъ, сѣрые, слюдистые глаза котораго съ особеннымъ недовѣріемъ останавливались на младшемъ путникѣ.—Кто вамъ дорогу указалъ?

— Господь указалъ, ему убо всѣ пути вѣдоми.

Мужикъ видимо начиналъ подаваться.

— А какимъ крестомъ ты крестишься, не истовымъ?—продолжалъ онъ допрашивать.

Старикъ сложилъ большой палецъ съ безымяннымъ и мизинцемъ и перекрестился, снявъ свою черную скуфейку.

— Истово, точно, по нашему,—сказалъ мужикъ весело.

И собака дружелюбно замахала хвостомъ, точно и она одобряла истовое сложеніе перстовъ.

— А сотвори-тко молитву Исусову,—экзаменовалъ мужикъ.

Старикъ сотворилъ.

— Таперь вѣрю, — обрадовался мужикъ. — Видишь вотъ мою правую-то руку?

— Вижу. Что она у тебя, родимый, усохла?

— Усохла, суху руку имамъ. А ты слушъ-ка. Былъ я это еще махонькимъ, глупымъ дитей, невѣдникомъ. Изъ Мурома я, значитъ, муромецъ, и Ильей зовутъ. Вотъ, сказываютъ, приходятъ это въ избу къ намъ странники, а въ избѣ только я одинъ, малый ребенокъ. «Какъ, говорятъ, зовутъ тебя, малецъ?»— «Ильей», говорю.—«А, Илья Муромецъ, богатырь, здравствуйде», говорятъ. «Нѣтъ ли, говорятъ, Илюша, у васъ кваску или бражки, испить бы».—«Есть», говорю.—«Сбѣтай, наточи, говорятъ, ковшикъ: мы-де за тебя Богу въ Ерусалимѣ помолимся».—Побегъ я, глупый, наточилъ, приношу... Перекрестились они это по-нашему, истово, выпили... А мнѣ, глупышу, и невдомекъ, что они, калики-то перехожіе, истово крестятся, какъ слѣдъ. А я-то самъ былъ отъ моихъ родителевъ никоніянецъ, поповникъ, церковникъ, значитъ, истового креста не зналъ.— вышейка-ка, говорятъ калики, Илюша, самъ ты, да перекрести какъ слѣдъ». Я перекрестился неистовымъ крестомъ, никоніянскимъ, щепотью, у меня руку-то и свело... Я такъ и взревѣлъ...— «Ну, говорятъ, Илюша, покаралъ тебя Богъ за твоихъ родителевъ: будешь ты теперь весь вѣкъ сухоручка». — Такъ и остался я сухоручкой. Вотъ каковъ онъ, неистовый крестъ-отъ, касатикъ!

— Ну, такъ какъ жѣ, Илюша, милый ты человѣкъ, Януарій-то Антипычъ въ скитѣ обрѣтается? — снова спросилъ старшій путникъ, видя, что Илья Муромецъ, кажись, маленько тово, глуповатъ отъ природы.—Можно его повидать?

Илья Муромецъ опять опѣшилъ, онъ вспомнилъ, что по скитскимъ правиламъ онъ долженъ быть дипломатиченъ съ незнакомыми, остороженъ.

— Да вы чьихъ будете?—спросилъ онъ растерянно.

— Мы странники, пришли въ вашу обитель на поклонъ къ Януарій Антипычу,—отвѣчалъ старикъ, которому начиналъ уже надоѣдать безтолковый Илья Муромецъ.

— А сйная милость, чьихъ?—опять спрашивалъ онъ, косясь на младшаго путника.

— И онъ божій. А ты вотъ что, Илюша, милый ты человѣкъ, проведи насъ къ Януарій Антипычу, а то поди и доложись ему, пришелъ-де старецъ Варсонофій само-другъ и принесъ-де отъ Кузьмы Оедотыча, съ Мурома, поклонъ и грамотку.

— Отъ Кузьмы Ѳедотыча? Знаемъ, нашъ муромскій человѣкъ именитый, — осклабился Илья Муромецъ.

— То-то же, такъ поди и доложись.

Илья Муромецъ опять замялся.

— Мы ничего не знаемъ... Можетъ, ейная милость изъ приказу.

Его, видимо, смущали шпоры младшаго путника.

Между тѣмъ, черезъ поляну, съ правой стороны, шла женщина, которая вышла изъ калитки забора, окружавшаго другую избу, полуспрятанную въ лѣсу. Женщина была вся въ черномъ.

Когда она подошла къ бесѣдовавшимъ, то изъ-подъ чернаго платочка, накинутаго на голову, выглянуло молодое свѣженькое личико. Черные съ синеватыми большими бѣлками глаза казались еще черньѣе по контрасту съ волосами, выбившимися изъ-подъ платка на лобъ и на виски: волоса эти были буквально красные, съ такимъ нѣжнымъ оттѣнкомъ, что цвѣтъ ихъ впадалъ въ червонное золото.

Дѣвушка поклонилась прохожимъ.

— Какъ-бы намъ повидать Януарій Антипыча, милая?— сказалъ старикъ. — Мы изъ Мурома, отъ Козьмы Ѳедотыча съ грамоткой.

— А грамотка съ вами, дѣдушка? — спросила она.

— При насъ, милая.

И старикъ, снявъ съ головы скуфейку, вынулъ изъ-за подкладки ея вчетверо сложенную бумажку и подалъ дѣвушкѣ. Та взяла письмо и побѣжала къ центральной большой избѣ съ высокимъ заборомъ и навѣсами. Калитка щелкнула щеколдой, и дѣвушка скрылась внутри двора. Калитка снова захлопнулась.

— Евдокѣюшка мигомъ смастеритъ, бой дѣвка, — заговорилъ Илья Муромецъ, снова повеселѣвшій; — ужъ и дѣвка-же, внезапная! Поискать такой, не найдешь. А начетчица, ужъ и Господи! Всего семнадцатый годокъ пошелъ, либо восемнадцатый, а вычитывать по книгамъ такая мастерица, что зажмури глаза видитъ, что въ книгѣ написано. И ужъ какъ начнетъ вычитывать, начнетъ, инда волосы дыбомъ станутъ, особливо объ антихристѣ о десяторожномъ звѣрѣ, а то о бѣсѣ, какъ бѣсъ въ рукомойникъ попалъ и креста испужался... А еще о трясавицахъ, дѣвки, значитъ, эдакія простоволосыя, либо про алилуеву

жену, какъ алилуева жена милосерда дите свое въ печи сожгла... А то про страшный судъ начнетъ, какъ это рыба, котора рыба съѣла руку человѣчью, и та руку несетъ, которая ногу съѣла, ногу тащитъ, либо звѣрь—медвѣдь, примѣромъ—который медвѣдь человѣка задралъ и съѣлъ, тотъ человѣка несетъ, а котора птица—ворона, сказать ненарокомъ кость человѣчью затащила въ лѣсъ, и та птица кость несетъ на судъ... Ужъ и Господи ты Боже мой! Какихъ она страховъ, эта Евдокѣюшка, не вычитаетъ, все дочиста выложитъ... Ужъ такая дѣвка скоропостижная, и сказать нельзя.

Простодушный Илья Муромецъ до того увлекся слышаннымъ имъ отъ Евдокѣюшки чудесами и страхами, что, кажется, никогда бы не кончилъ, еслибъ калитка не отворилась и Евдокѣюшка не позвала путниковъ въ горницу.

Читатель, конечно, давно догадался, что путники, явившіеся въ муромскіе скита, были старецъ Варсонофій или Никитушка Паломникъ, Агасферій тожъ, и Левинъ.

XX. Муромскіе скиты. Евдокѣюшка.

Главная изба муромскаго скита, въ которую вступили старецъ Варсонофій и Левинъ, построена была изъ бревенчатаго сосноваго лѣсу, съ подклѣтью. Всѣ окна ея выходили на дворъ, и только одно, маленькое, какъ крѣпостная зорница, выглядывало на поляну, по направленію къ Мурому. Оно было прорублено выше остальныхъ оконъ и служило для раскольниковъ наблюдательнымъ постомъ.

Въ избу вела невысокая лѣстница, упиравшаяся въ широкое крыльцо съ навѣсомъ. На крыльцѣ висѣлъ мѣдный рукомойникъ, а около него полотенце, съ вышитымъ на немъ краснымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Съ крыльца ходъ былъ прямо въ сѣни, широкія, во всю ширину сруба, и свѣтлыя, раздѣлявшія избу на двѣ половины: съ правой стороны была молельня, съ лѣвой жилыя горницы.

Евдокѣюшка ввела путниковъ прямо въ молельню.

Это была большая квадратная комната, съ четырьмя небольшими окнами, по два въ соприкасающихся, выходящихъ на дворъ, стѣнахъ. Вдоль всѣхъ стѣнъ, исключая того мѣста, гдѣ

находилась русская печь, тянулись деревянныя лавки. Всѣ стѣны молельни увѣшаны были старинными, разныхъ величинъ образами, иконописно мазанными на деревѣ: на нихъ лежала печать ветхой, самой почтенной для раскольниковъ старины, почернѣлость, закоптѣлость, мрачность; нечеловѣческіе и непремѣнно суровые, отталкивающіе, но не привлекающіе лики, съ квадратными или узкими, какъ у ацтековъ лбами, со страшными неестественными большими глазами, которые якобы все видятъ и за всѣмъ подсматриваютъ, съ кривыми или неестественно прямыми и длинными носами, все это не человѣчье, божественное, карающее, грубо пугающее. Это лики тѣхъ, которые должны быть страшны даже для трясавицъ, дѣвокъ простоволосыхъ, для бѣсовъ, для аллилуевыхъ женъ, не то что для человѣка. Они только караютъ и наказываютъ, и ихъ надо молить только о помилованіи: помилуй, помилуй, помилуй!

Въ одномъ углу иконостасъ, такой же закоптѣлый, мрачный, грубый. Изъ него, изъ-за серебряныхъ окладовъ выглядываютъ такіе же суровые и еще болѣе закоптѣлые святостью лики, гдѣ уже не различишь ни носовъ, ни глазъ, ни лбовъ, все черно, старо, потрескалось, отдаетъ могильностью, склепомъ.

И отъ всей избы вѣетъ склепомъ, мертвечиной... Мигаютъ лампадки, теплятся, отекаютъ и плачутъ, слезятся желтыя восковыя свѣчечки передъ этими мертвыми ,изъ могилъ выглядывающими ликами.

По избѣ ходитъ запахъ ладана, опять-таки какъ надъ мертвецомъ... Аналой въ плисовой покрышкѣ, въ траурѣ... Грубый крестъ, словно изъ гроба выкопанный археологомъ. Евангеліе въ мѣдной, грубой оправѣ. Какіе-то могильные лоскуты... Все это словно выкопанное, отнятое у могилъ, украденное у времени, у смерти какъ въ музеѣ Прохорова... Все могильное... Гдѣ же мертвецъ? Что онъ не лежитъ тутъ?

Нѣтъ, это не мертвецъ поправляетъ лампадку у образа... Соскочилъ съ головы черный платочекъ, золотомъ блеснули рыжіе волосы и длинная коса... Повернулась головка—блеснуло молодое, свѣжее, полное жизни личико, съ живыми глазками: это Евдокѣюшка. Какой страшный контрастъ со смертью!

Поправивъ лампадку, Евдокѣюшка повернулась, поклонилась

низко, низко какому-то старику, накинула платочекъ на голову и вышла.

Все это мгновенно, какъ видѣніе, промелькнуло по сознанію Левина, когда онъ очутился въ молельнѣ рядомъ съ своимъ спутникомъ, Варсонофіемъ.

Передъ ними стоялъ высокій, бѣлый какъ кипень, но прямой и бодрый старикъ.

— А! Варсонофьюшка! Здравствуй, здравствуй, о Христѣ братецъ! — заговорилъ старикъ. — Сколько лѣтъ! Откуда и куда Богъ несетъ?

— Изъ Питера къ вамъ въ святую обитель, а отъ васъ въ Ерусалимъ градъ забреду, по пути...

— По пути! Охъ, ты божій скороходъ, боговы у тебя ноги, неустанныя,—говорилъ старикъ, улыбаясь.

— А я къ вамъ новичка привелъ, — сказалъ Варсонофій, показывая на Левина.

— Что-жъ, милости просимъ, всегда рады, — говорилъ старикъ, привѣтствуя гостя. — Побудь у насъ въ обители, тихо у насъ, чисто. Завсегда рады. Поживешь съ нами, не соскучишься: здѣсь вашей братьи много всякихъ чиновъ людей. По нынѣшнему времю, только въ нашей вѣрѣ, здѣсь, въ лѣсу, и спасенье обрящешь. Нынѣ царство антихристово, и вы, невѣдышки, погибаете, аки мухи на медъ во геенскую смолу летите. А пожи вешь у насъ, я тебѣ всю тайну открою. А самъ-то ты кто?

— Былъ гренадерскаго полку капитанъ Левинъ, а теперь просто Василій, — отвѣчалъ Левинъ.

Его давила обстановка. Онъ нашелъ больше чѣмъ ожидалъ. Изъ офицерской столичной обстановки и вдругъ въ склепъ могильный, въ мрачную, мужичью избу.

— Антихристу, значитъ, служилъ, за антихристову вѣру плоть свою на побіеніе отдавалъ, — замѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, дѣдушка, зачѣмъ такъ нехорошо говорить?—возражалъ Левинъ, у котораго разомъ пробудился духъ отрицанія, дворянскій духъ въ мужичьей избѣ. — Не говори такъ: за таковыхъ человѣкъ, которые побіены на службѣ за вѣру христову да за царя законнаго, за тѣхъ соборная апостольская церковь умоляетъ.

— Оно такъ. Да нынѣ царь не законный, нынѣ антихристово царствіе, — оспаривалъ старый расколоучитель.

— Ты говоришь, антихристово царствіе; а я читалъ въ книгѣ, что антихристъ родится отъ колѣна Гданова, отъ сущія дѣвицы жидовки, — возражалъ Левинъ, тоже хлебнувшій раскольничьей беллетристики и философіи.

— Такъ да не такъ, — горячился раскольникъ. — Гданъ родился отъ Якова, и отъ Гданова колѣна родился антихристъ, отъ дѣвицы жидовки сущія.

— Кто-жъ антихристъ? — не поддавался Левинъ.—Я чолъ книгу Ефрема Сирина о послѣднемъ времени. Написано въ ней: «въ послѣднее-де время будутъ многіе антихристы и лжепророцы», а того, кто именно, не написано.

— Такъ да не такъ. Чолъ ты да не дочелъ. Анъ написано: у Григорья Талицкаго въ тетрадкахъ написано, вотъ въ этихъ.

И раскольникъ показалъ ему засаленныя, пожелтѣвшія тетрадки.

— Слыхалъ и о Григорьѣ Талицкомъ, — упрямился Левинъ, — можетъ, онъ не отъ божественнаго писанья вывелъ, а изъ своей головы.

— Такъ да не такъ,—повторялъ свою любимую пріпѣвку въ преніяхъ старый раскольникъ, съ которымъ никто не могъ соспорить,—это Никонъ, б.....нъ сынъ, изъ своей головы, изъ своего поганаго рта наблевалъ, а Григорій Талицкій бисеру многоцѣннаго предъ нами свиніями насыпалъ, а мы его ногами попираемъ, — горячился изувѣръ.

— Что-жъ, и Талицкій говоритъ, что который царь будетъ в о с ь м ы м ъ по порядку, тотъ и есть антихристъ. А царей было много, не восемь.

— Такъ да не такъ. Восемь и есть: царь Иванъ Грозный— это разъ, царь Ѳедоръ — это два, царь Борисъ — это три, царь Шуйскій — это четыре, царь Михаилъ Ѳедоровичъ — это пять, царь Алексѣй Михайлычъ—это шесть, царь Ѳедоръ Алексѣичъ—это семь, и за нимъ Петръ—восьмой: онъ и есть антихристъ.

Глаза стараго раскольника блистали. Онъ торжествовалъ побѣду, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что ученый диспутъ его

кончился торжествомъ, что противникъ его пораженъ, посрамленъ и убѣжденъ.

— Что, не такъ ли, старина? — обратился онъ къ Варсонофію, который молчалъ во время диспута и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Левина.—Вѣрно?

— Что и говорить! Ты, Япуарій Антипычъ, лихъ на божественномъ письмѣ, тебя съ этого коня не ссадишь, — отвѣчалъ Варсонофій.

— Такъ да не такъ, вѣрно: самъ Никонъ-еретикъ не ссадилъ бы.

— Какъ же ты говоришь, что онъ отъ колѣна Гданова родился?—продолжалъ критиковать Левинъ, котораго возбуждала борьба. — А Петръ, подлинно вѣдомо, родился отъ царя Алексѣя Михайловича и отъ царицы матери его, Натальи Кирилловны.

— Такъ да не такъ, бабьи это враки. Онъ и высокъ, и персокою черенъ, и кудреватъ, аки жидовинъ, сынъ дѣвицы жидовки сущія, на царя Алексѣя Михайлыча и не смахивалъ.

— А развѣ ты видалъ царя Алексѣя Михайлыча? Онъ давно помре.

— Такъ да не такъ. Въ прошлыхъ годѣхъ, въ послѣднія лѣта царствованія его, была на меня съ братомъ причина за вѣру. Не мы одни въ причинѣ были, а и многіе премудрые въ вѣрѣ учители. Такъ тогда я видалъ царя Алексѣя Михайлыча... Какъ были это мы съ премудрыми учители, всего двѣнадцать человѣкъ, на Москву въ патріаршъ приказъ взяты за вѣру, какъ вѣруемъ мы, и за вѣру сожжено десять человѣкъ, а братъ мой не сожженъ для того, что принесъ вину: а я хотя и былъ въ оговорѣ и по тому оговору сысканъ и пытанъ, да послѣ съ пытки божіею помощью ушелъ. А до того оговору я торговалъ въ Москвѣ въ котельномъ ряду въ лавкѣ, и былъ на Москвѣ пожаръ, и послѣ того пожару, какъ я бѣжалъ съ пытки, братъ мой и другіе такіе же сказали, будто я въ тотъ пожаръ сгорѣлъ, а я не сгорѣлъ, а отъ розыску ушелъ съ Москвы, и жилъ въ Великомъ-Новѣгородѣ, и въ томъ Новѣгородѣ былъ поймапъ и сидѣлъ въ архіерейскомъ приказѣ въ той-же вѣрѣ, и съ приказу паки ушелъ въ Муромъ сюда, а съ Мурома въ лѣсъ, гдѣ и построилъ сію обитель... Такъ мнѣ ли не знать, что онъ—не сынъ царевъ,

а жидовинъ, жидовки дѣвки сынъ, антихристъ и персоною юдоподобенъ, какъ этого Юду пишутъ на «тайной вечери», какъ онъ прямо въ солоницу хлѣбомъ мокаетъ.

Неутомимъ былъ старый изувѣръ. Неутомимымъ оказался и Левинъ.

— Я много разъ видалъ Петра близко какъ тебя вотъ, — говорилъ онъ. — Персоною онъ пошелъ, сказываютъ, въ нарышкинскую породу, на Ѳедора Кирилыча походитъ, да такая же крупная порода и Прозоровскихъ князей. А что онъ въ церковь ходитъ и святую литургію слушаетъ, это мнѣ подлинно вѣдомо.

— Эка важность! Въ церковь! А какова церковь то у нихъ, у церковниковъ, у никоніянцевъ? Не чистая! Съ Никона пошла церковная нечисть. Вотъ что! — горячился раскольникъ.

— Такъ, ладно. А что ты на это скажешь? Въ прошлыхъ годахъ, какъ мать его царица Наталья Кириловна немоществовала, и изъ Новодѣвичья монастыря во дворецъ принесенъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы, и онъ, царь, тому образу молился со слезами.

Старый раскольникъ ехидно улыбался.

— Куда, какую притчу сказываешь ты про Петра!—началъ онъ насмѣшливо. — Въ книгахъ, чай, писано, что онъ, антихристъ, лукавъ и къ церкви прибѣженъ будетъ и ко всѣмъ милостивъ будетъ. А что онъ въ церковь ходитъ, и въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ ни на маковую росинку, для того ему и не возбраняется. А чолъ ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева, изъ Керженскихъ лѣсовъ? Лихо на него, Петра, въ тетрадкѣ показано!

— Нѣтъ, не чолъ, — отвѣчалъ Левинъ.

— Да что тетрадки! Во-очію видно. Намедни былъ у насъ съ Мурома человѣкъ, былъ въ Питербурхѣ онъ, такъ сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ Петръ бѣглыхъ солдатъ человѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки... Это стало понѣ христіанамъ ругательство! Да что, полно! Говорить страшно...

— Ну, этого мы не видывали, — вмѣшался Варсонофій, — чтобъ въ солдатъ стрѣляли изъ пушки, а что лютъ на казни, это подлинно: сына своего родного царевичъ Алексѣй Петровича стерялъ, нарсченную жену его Афросинью Ѳедоровну, должно

полагать, утопилъ, Кикина, Аѳонасьева-Большого, Абрама Лопухина и другихъ сказнилъ, Марьи Гаментовой голову въ спиртъ положилъ, это точно!

— Да что мотаться-то! — воскликнулъ Януарій. — Антихристъ онъ, да и все тутъ! Пріѣзжій человѣкъ изъ Питербурха сказывалъ, что онъ, Петръ, у образа Господа Саваоѳа отъ вѣнца отнялъ два рога, да и положилъ копю подъ чрево.

— Какъ отнялъ и положилъ подъ чрево? — удивился Левинъ.

— Ну, какъ тебѣ растолковать? Ну, говоритъ, взялъ да и положилъ рога подъ чрево лошади... ну, и знай, какъ знаешь!

Левина начинало утомлять все это. Притомъ онъ усталъ отъ дороги, дурѣлъ отъ этого тяжелаго воздуха наглухо закрытой избы, отъ этого промозглаго дыму ладоннаго, отъ спора. Внѣшнимъ образомъ, апатично, онъ началъ какъ бы сдаваться. Онъ ждалъ чего-то болѣе чистаго, идеальнаго.

— Да, тяжкое время настало,—сказалъ онъ въ раздумьи,— я самъ ушелъ отъ него, службу бросилъ, ищу тихаго пристанища.

— Ну и добре. Оставайся у насъ,—обрадовался Януарій, видя, что стадо его увеличивается.

— Спасибо, Януарій Антипычъ, за пріемъ. Поосмотрюсь у васъ, можетъ, душа и прилѣпится къ тихому пристанищу.

— Прильпнетъ, аки языкъ къ гортани, — скаламбурилъ Варсонофій.

— Вопстину, прильпнетъ... Только твои хожалыя ноги нигдѣ, кажись, не прилипнутъ, — отвѣчалъ раскольникъ.

— Прилипнутъ и онѣ когда-нибудь... къ гробовой доскѣ,— задумчиво сказалъ Варсоновій.

— Это точно что къ гробовой досточкѣ, липка она, ухъ, какъ липка.

И раскольникъ истово перекрестился, взглянувъ на одинъ изъ суровыхъ ликовъ.

— А хотѣлось бы — продолжалъ Варсонофій, — чтобъ святая земличка, пыль земли той, гдѣ ходили ножки Христовы, пристала къ моимъ грѣшнымъ ногамъ. Легче бы въ гробъ было ложиться съ пылью-то этой.

— Можетъ, Господь и приведетъ... Принеси-ка ины ты и

мнѣ щепоть землицы той, Варсонофьюшка, Бога-для принеси,— говорилъ Януарій.—А самъ ужъ я не дойду туда.

— Да у тебя стадо здѣсь; ты пастырь. А я, что я? Я овца паршивая.

— Не говори, Варсонофьюшка, ты, може, больше Богу угодилъ, чѣмъ я моимъ глупымъ ученьемъ.

— Да что! Овца я, овца и есть, овца безъ стада. Бобыль я на бѣломъ свѣтѣ. Было и мнѣ прежде за кого молиться, а теперь не за кого: за всѣхъ православныхъ христіанъ. А тяжко это. Птица къ гнѣзду своему летитъ, звѣри пещеръ своихъ ищутъ, лисы язвины имутъ, а въ язвинахъ дѣтокъ своихъ обрящутъ. А я, аки прахъ въ полѣ, вѣтромъ возмущаемый. Были у меня родичи по душѣ, царевичъ батюшка, что ласково таково звалъ меня Никитушкой Паломничкомъ, либо Агасферіемъ, Афросиньюшка была, млада горлинка, Кикинъ благодѣтель, и все это водою мертвою, кровавою водою сплыло... Ну, и молись теперь за всѣхъ православныхъ христіанъ.

— Что-же, дѣло хорошее, божье.

— Охъ, божье, божье! А божье-то бываетъ и самому Богу не вмоготу. И онъ, батюшка, въ саду-то Геѳсиманскомъ восплакался: «Да мимо идетъ чаша сія». Тяжка, горька эта чаша.

— За то слаще будетъ на томъ свѣтѣ, — возражалъ раскольникъ.

— Будетъ, коли Богъ сподобитъ. А все хотѣлось бы пожить на этомъ горькомъ свѣту... Хоть и бобылемъ ты остался, и душенька твоя обобылѣла, а какъ поглядишь на солнышко ранее, на рѣчушку ясную, на травушку зеленую, ну, и не бобылемъ себя видишь, и не хочется крышкою гробовою прикрываться... Ужъ такъ я, старая птица, бродить по свѣту обыкла.

Левинъ слушалъ и не слушалъ ихъ. И его мысль бродила по свѣту. Изъ-за мрачныхъ ликовъ выглядывали другіе лики, свѣтлые, а эти мрачные гнали ихъ, заслоняли собою, ладономъ дули въ лицо имъ...

— Батюшка! Януаръ Антипычъ!—прозвучалъ вдругъ гдѣ-то серебристый голосокъ.

Левинъ вздрогнулъ.

— Пришли наши скитскіе послушать тебя, — продолжалъ звенѣть серебро.

Левинъ понялъ: это серебро катилось изъ горлышка рыженькой Евдокѣюшки, катилось и пѣло.

Евдокѣюшка стояла у порога. Бѣлая рожица ея стыдливо выглядывала изъ-подъ чернаго платочка. Золотая заплетенная жгутомъ коса нерѣшительно переминалась въ рукахъ, голыхъ по локти и бѣлыхъ, какъ только можетъ быть бѣло тѣло у рыжихъ.

Старый учитель съ любовью посмотрѣлъ на свою хорошенькую ученицу. Сухое лицо его, напоминавшее стѣнные лики, прояснилось, приняло человѣческое выраженіе.

— Много пришло, Евдокѣюшка?—спросилъ онъ.

— Много, батюшка Януаръ Антипычъ.

— Свои?

— Всѣ свои, Илюша всѣхъ перечолъ.

При имени Илюша она улыбнулась.

— Впусти ихъ. Я сичасъ выду

Евдокѣюшка юркнула въ дверь, словно воробей.

— Пришла паства божественнаго писанья послушать. млека словеснаго отъ сосцовъ книжныхъ напиться, — сказалъ раскольникъ важно.

— Дѣло доброе, божье, — сказалъ въ свою очередь Варсонофій.

— Не хотите ли послушать и вы бухъ словесъ моихъ?— спросилъ Януарій полускромно, полугордо.

— Какъ не послушать трубы звенящей? У тебя не сквернитъ изъ устъ, — отпустилъ комплиментъ Варсонофій.

Раскольникъ захватилъ нѣсколько книгъ и вышелъ на крыльцо. Вышли Левинъ и Варсонофій.

У крыльца толпились мужики и бабы. Послѣднихъ было больше, отчасти потому, что онѣ больше падки на всякое ученье, особенно если въ немъ есть что-то таинственное, загадочное, увлекательное, а отчасти и потому, что, болѣе впечатлительныя и воспріимчивыя, чѣмъ мужчины, женщины, какъ и дѣти, тѣмъ съ большею жадностью слушаютъ разсказы, проповѣди, сказки и всякія бредни, чѣмъ страшнѣе эти разсказы, чѣмъ невѣроятнѣе сказки. Жажда чуднаго, жажда эффекта, какъ и жажда красоты это болѣе потребность женской природы, чѣмъ мужской. А ужъ кто-же наскажетъ больше ужасовъ, какъ не дѣдушка Януаръ Антипычъ?

И бабы жадно ждали выхода проповѣдника. Въ толпѣ ихъ суетился добродушный Илья Муромецъ и разсказывалъ ужасы о трясавицахъ, дѣвкахъ простоволосыхъ, о бѣсѣ въ рукомойникѣ, объ аллилуевой женѣ, любимые его разсказы.

Всѣ замерли на мѣстахъ, когда на крыльцѣ показался Януарій Антипычъ. Лицо его было торжественно. Сѣдая голова и такая же раздвоенная борода просились на икону.

— Миръ вамъ, православные!—произнесъ проповѣдникъ.

— Аминь!—отвѣчала куча.

— Пришли послушать божественнаго писанія?

— Послушать, батюшка!

Януарій Антипычъ перекрестился истовымъ крестомъ. И толпа подняла руки со сложенными сорочьимъ хвостомъ перстами и стала творить крестное знаменіе.

— Во имя Отца и Сына, и святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—возгласилъ учитель.

— Аминь!—отвѣчала толпа.

— Слушайте! Внемлите! Вотъ книги божественныя «Кирилла Іерусалимскаго», «Апокалипсисъ», «Маргаретъ»!

И онъ показывалъ книги, обращая къ слушателямъ корешки и крышки.

— Я шлюся на божественное писаніе,—продолжалъ онъ.— Слушайте! Въ мірѣ антихристъ народился, звѣрь десяторожный, съ хоботомъ презѣльнымъ. Рыкаетъ оный звѣрь, аки левъ, искій кого поглотити.

— Охъ, Мати Божія! Богородушка, не выдай, — слышится въ толпѣ.

— Нынѣче никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ. А которые нынѣче живутъ въ мірѣ и помрутъ, и намъ тѣхъ поминать не надо и не довлѣетъ. А которые щепотью крестятся, неистово, никоніянскимъ буекрестіемъ, и у тѣхъ на томъ свѣтѣ черти будутъ на вѣчномъ огнѣ пальцы перековывать въ истовый крестъ.

И онъ высоко поднималъ свою костлявую руку, показывая, какъ надо слагать персты.

— Вотъ истовый крестъ, смотрите!—кричалъ онъ.—А тѣ, которые будутъ ходить въ никоніянскія капища, въ поповскія церкви, сирѣчь, и тѣхъ черти будутъ водить по горячимъ уголь-

ямъ. А которые табакъ проклятый нюхаютъ и у тѣхъ черти ноздри рвать горящими щипцами. А которые мужики, либо купцы брады брѣютъ, и у таковыхъ вмѣсто волосъ, вырастутъ змѣи-аспиды. А которые въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, и на тѣхъ черти надѣнутъ мѣдные горящіе самовары, аки срачицу и порты. А которыя бабы прядутъ въ воскресенье, и тѣхъ черти заставятъ изъ песку веревки вить.

— Батюшка! Микола! Заступи! Не буду прясть, — слышится трусливое покаянье бабы.

— Слышали?—спрашиваетъ проповѣдникъ.

— Слышали, батюшка.

— Теперь ступайте съ Богомъ.

Толпа стала расходиться, низко кланяясь учителю.

Левинъ стоялъ на крыльцѣ хмурый, задумчивый. Поднявъ глаза, онъ уловилъ взглядъ Евдокѣюшки, которая стояла на противоположной сторонѣ крыльца, смущенно перебирая въ рукахъ лѣстовку.

Левину показалось, что на лицѣ ея освѣщенномъ солнцемъ, играетъ загадочная, лукавая улыбка.

«Надъ кѣмъ? Надъ чѣмъ?.. Неужели жъ это то, чего я искалъ?»...

Онъ снова взглянулъ на Евдокѣюшку. Въ глазахъ ея свѣтилась уже такая доброта, что-то такое жалостливое, участное, что по душѣ его какъ бы разомъ прошли свѣтомъ и тепломъ, и глаза его давно умершей матери, такіе ласковые, жалостливые, и глаза Оксаны, такіе-такіе... для нихъ у него не нашлось точнаго эпитета.

XXI. Фанатики-раскольники.

Прошло нѣсколько дней со времени прибытія Левина и старца Варсонофія въ муромскій скитъ. Первая проповѣдь Январія Антипыча произвела на Левина смутное, подавляющее впечатлѣніе: что въ ней не удовлетворяло его, на какіе вопросы его духа и сердца не отвѣчала она, во что долженъ былъ вылиться идеалъ, котораго, повидимому, искалъ онъ, онъ самъ не могъ уяснить себѣ этого. Чувствовалось только, что все это какъ-то узко, не то, не такъ...

Когда онъ сообщилъ свои недоразумѣнія Варсонофію, тотъ отвѣчалъ:

— И тебѣ, другъ мой, и мнѣ этого наперстка воды мало: ковшомъ воду живу пить хощемъ мы, изъ самаго кладезя, изъ озера, изъ океана, може, цѣлаго, а воробью и изъ наперстка много... Воробьи они, другъ мой, которые сюда летаютъ воду живу пити.

Въ это время въ скитъ пришли новые странники, изъ олонецкихъ и вологодскихъ лѣсовъ. Это были два старика и одинъ молодой парень, худой, блѣдный, но съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ: зеленые глаза его отдавали какимъ-то фанатическимъ блескомъ. Въ муромскомъ скиту, какъ видно, ихъ уже прежде знали и встрѣтили какъ дорогихъ гостей. Всѣ скитники какъ изъ мужскихъ, такъ и изъ женскихъ келій собрались на майданѣ, родъ небольшой площади передъ домомъ учителя Январія Антипыча. Кто сидѣлъ на завалинѣ, кто на землѣ, на травѣ; иные ходили, разговаривали.

На толстомъ, гладко обтесанномъ, обрубкѣ сидѣла ветхая, слѣпая старуха, которую вывела изъ кельи Евдокѣюшка и усадила бережно на этомъ обрубкѣ, вытесанномъ изъ столѣтняго дуба спеціально для сидѣнья. О старухѣ, которую всѣ, не исключая и Январія Антипыча, называли «баушкой Касьяновной», говорили, что ей больше 125-ти лѣтъ отъ роду. Сама она разсказывала, можетъ быть, и припутывая лишнее отъ старости, будто бы она своими собственными глазыньками, тогда еще молодыми и зрячими, видала вора Гришку Отрепьева, что у вора Гришки Отрепьева была бородавка съ ядрекую горошину и жралъ онъ, воръ, по пятницамъ телятину, а Маришку его, безбожницу, она видѣла, какъ она, Маришка-безбожница, сорокою сидѣла на крестѣ церкви Василія Блаженнаго и какъ тотъ крестъ отъ того Маришкина сидѣнья пламенемъ воспламенился, и у той у сороки тѣмъ огнемъ ноги пожгло. И видала она, бабушка Касьяновна, какъ еретикъ Никонишко божественную литургію литургисалъ у Ефимья, и, литургисаючи божественную литургію, тотъ еретикъ Никонишко проклятый табачище у престола нюхалъ, и которою ноздрею онъ, еретикъ Никонишко, потянетъ табакъ, и изъ той ноздри огнь исхождаше, и въ томъ огнѣ бѣси малые летаютъ, аки комары, а образомъ люти и сви-

рѣши, плещущи руками и поюще: «Восплещемъ, восплещемъ! Никонъ проклятое зелье нюхаетъ, что изъ утробы блудницы выросло»...

Около баушки Касьяновны стояла Евдокѣюшка съ дебелой, круглолицей и курносоватой Агафьей, стряпкой Януаръ Антипыча, о которой разсказывали злыя скитницы, что Януаръ Антипычъ очень ее жалуетъ, за то, что если-де Богъ пошлетъ гладъ на обитель святую, то всю-де святую обитель можно будетъ напитать млекомъ доброродныхъ сосцовъ матери Агапіи, аки манною.

— Ужъ и постникъ какой великій, дѣвынка, сказываютъ,— говорила мать Агапія, положивъ свои мясистыя руки на животъ велій свой, словно на аналой;—ужъ такой постникъ Азарьюшка-младъ, что великимъ постомъ, сказываютъ, по одной просвирочкѣ ѣстъ въ день, въ чемъ только и душа его держится.

— Да и худъ же онъ, бѣдненькій, — соглашалась Евдокѣюшка.

— Что-жъ мудренаго, что, баютъ, въ соніяхъ видитъ? На голодное-то брюхо чего, чего не приверзится, знамо дѣло — разсуждала мать Агапія.

— Что ты, матушка! Онъ святое видитъ въ тонцѣ снѣ, а не грѣховное,—возражала Евдокѣюшка.

— Ты что о толокнѣ-то, Евдокѣюшка, баишь?—вмѣшалась глухая баушка Касьяновна.

— Что вы, баушка? О какомъ толокнѣ? — засмѣялась Евдокѣюшка.—Я говорю, баушка, о тонцѣ снѣ, коли въ соніяхъ видѣнія бываютъ.

— То-то, то-то... А я ужъ думала, что толокна у насъ не хватитъ до новаго.

И старуха закашлялась.

— А какіе страхи вологодски-то странники нонѣ разсказывали, — продолжала мать Агапія.—Волосушки дыбомъ становятся.

— Объ антихристѣ-то? — спросила Евдокѣюшка.

— Ну, это само собой. А то баютъ, что скитники тамъ жгутся.

— Какъ?

— Тѣлеса свои жгутъ, дѣвынька. Запрутся это въ кельяхъ,

обложатся паклею да стружками, да и подожгутъ это сами себя: полымя-то ихъ охватитъ, келья горитъ свѣчечкой, а они-то все поютъ, все поютъ божественно, покуль душенькьи съ полымемъ не вылетятъ. Такъ на божественномъ и помираютъ, и старъ и младъ.

— Охъ, страхи Господни! — вскрикнула Евдокѣюшка, поблѣднѣвъ.

Дѣйствительно, пришедшіе изъ вологодскихъ и олонецкихъ скитовъ три странника, два старика и Азарьюшка-младъ, тотъ худой парень съ зелеными глазами, котораго мать Агапія называла постникомъ великимъ, разсказывали ужасы неисповѣдные: яко-бы де изъ Питера, отъ самого Сатаны Луцыперыча, присланы аггелы въ образѣхъ гарнодеръ, съ гарнодерскимъ капитаномъ, и у тѣхъ-то гарнодерушекъ указы все печатные, за печатью самого Сатаны Луцыперыча, сѣрою горючею тѣ указы припечатаны, кровію Іуды христопродавца подписаны, жупеломъ присыпаны; и въ тѣхъ-де указахъ прописано-пропечатано, что Сатана-де Луцыперычъ указалъ христіанамъ бороды брить, нѣмецкое платье носить, табакъ богомерзкій курить и щепотью, мать моя, креститься. И какъ пришли-де тѣ аггелы въ гарнодерскомъ образѣ, команда большущая, а съ ними доказчикъ подъячій Микишка Стромиловъ, и подступила та команда ко святой обители съ гласомъ велімъ: «выползайте-де, паршивые, тараканы запечные! Выходи-де, плесень огурешная!» Такъ, мать моя, и обозвали этими словами старцевъ святыхъ. «Изъ-за васъ-де, сволочь, начальство насъ по болотамъ да по трясинамъ день и ночь гоняетъ». А святые-де скитнички, старцы говорятъ: «не хотимъ-де слушать указовъ проклятыихъ самого Сатаны Луцыперыча: лучше-де хотимъ смерть мученическую принять, чѣмъ бороды отдать на поруганіе». И, запершись эти скитнички въ обители, затеплили всѣ лампадушки у святыхъ иконушекъ, взяли зажженыя свѣчки во свои рученьки лѣвыя, а правыми крестное знаменіе творятъ, запѣли это стихъ божественскій, да зажгомши, матынька моя, обитель святую, такъ и погорѣли всѣ, золою святою стали...

— И золу эту самую, дѣвынька, Азарушка-младъ на крестѣ нонѣ носитъ съ собой и всѣмъ показываетъ, — говорила Агафья Евдокѣюшкѣ, которая вся дрожала.

И, дѣйствительно, молодой парень съ зелеными фанатическими глазами, говорившій въ это время съ Левинымъ, сильно жестикулировалъ и, разстегнувъ воротъ своей рубахи, вынулъ изъ-за пазухи гайтанъ и показалъ что-то завернутое въ тряпочкѣ.

Левинъ съ ужасомъ отшатнулся.

— Что это?—спросилъ онъ, указывая на какіе-то обуглившіе кусочки.

— Это зола отъ угодничковъ, а это—персты нетлѣнные,— отвѣчалъ парень.

— Чьи персты?

— Скитничковъ-угодничковъ, что погорѣли.

— Гдѣ-жъ ты ихъ досталъ?

— На пожарищѣ. Когда скитъ-то жгли угодники, я въ ту кору отлучился изъ скита. Прихожу назадъ, подхожу это трясобинкой, лѣсомъ дремучимъ, съ задовъ, и слышу шумъ у скита-то. Я и подползъ близко, притаился, гляжу, что будетъ. Вотъ и вижу я, бѣсы во образѣ гарнодеръ, аггелы бѣсовскіе, повелѣваютъ чтобы скитъ отворили. Наши не отворяютъ. Бѣсы ломются, грозятъ. Вотъ и вижу я: загорѣлось внутри скита, полыхнуло полымемъ, а въ скиту-то самомъ слышу пѣніе ангельское

— Кто-жъ это пѣлъ?

— Наши, скитскіе... Да такъ съ пѣньемъ-то божественскимъ и погорѣли. А бѣсы стоятъ да главами помаваютъ: боятся вить они крестнаго знаменья, а паче стиха божественнаго. Какъ сгинули это бѣсы, провалились скрозь землю, я и ну заливать остаточки-то скита, ничего не осталось, угольки одни, да зола святая отъ тѣлесъ братіи моей. И началъ я эту золу раскапывать съ молитвою, коли гляжу: лежитъ рука правая, вся обгорѣлая, однѣ косточки. И оле дива ужаса исполненна! Рученька-то лежитъ такъ, что персты, косточки-то черныя, сложены истово: большой перстъ съ двумя меньшими — такъ и сгорѣлъ, значитъ, угодничекъ, не хотѣлъ щепотью душу погубить... Вотъ, вотъ эти персты...

И парень совалъ Левину обуглившіяся кости. Левина била лихорадка.

— Покажи, Азарьюшка, покажъ, родной, каки таки святыя косточки? — лѣзъ къ нему неугомонный Илья Муромецъ.

— Вотъ они, на, прикладывайся.

Илья Муромецъ перекрестился лѣвой рукой и приложился губами къ золѣ и къ обуглившимся костямъ.

— Ишь, Господь сподобилъ, — осклабился онъ, — отродясь мощей не видывалъ.

— Какъ не видывалъ? — спросилъ Януарій, стоявшій тутъ же.

— Вѣстимо, не видалъ заправскихъ, — отвѣчалъ Илья, не смущаясь.

— А у насъ въ молельнѣ, въ крестѣ? Али то не мощи?

— То, батюшка Януаръ Антипычъ, мощи нетлѣнны, для виду, значитъ, одного, а это заправскія мощи отъ самаго, сказать бы, отъ тѣла.

— Дуракъ ты, дуракъ и есть, — оборвалъ его старикъ.

А въ сторонѣ, у заваленки, бабы обступили олонецкаго странничка Пафнутія и слушаютъ его монотонное пѣніе, не то тягучій речитативъ, наводящій тоску однимъ своимъ безжизненнымъ унисономъ.

«Какъ родился Христосъ въ Виѳлеемѣ, какъ крестился нашъ Спасъ въ Іорданѣ, антихристы — жиды его замѣчали, злой смерти придать его возжелали. И кидался Христосъ во келейку, къ аллилуевой женѣ милосердой. Аллилуева жена печку топитъ, на рукахъ-то ребеночка держитъ. Какъ возговоритъ къ ней Христосъ Владыка: «Охъ ты гой еси, аллилуева жена милосерда! Кидай ты свое дѣтище во печь, во пламя, примай меня, царя небеснаго на бѣлы руки». Аллилуева жена милосерда свое чадо во огонь, во пламя кидала, Христа на руки примала. Прибѣжали тутъ жиды-архиреи, антихристы злые фарисеи, говорили аллилуевой женѣ пристрастно: «Охъ ты гой еси, аллилуева жена молодая, ты куда Христа схоронила? Возговоритъ имъ аллилуева жена молодая: «кинула-де я Христа во пещь, во пламя». Жидове, книжницы, архиреи, антихристы злые фарисеи, подходили къ печкѣ, заглянули, аллилуева младенца въ печкѣ увидали, заскакали они, заплясали, печку заслонкою закрывали...

— Ахъ, они, окаянные!—не выдержала одна баба сердобольная.

— Дите-то малое въ печкѣ жечь, матыньки!

— А ты-ка, Оринушка, слушай, что дальше-то будетъ.

Странничекъ, не перемѣняя голоса, продолжалъ:

«Въ ту пору пѣтухи запѣли-закричали, жиды антихристы стинули-пропали. Аллилуева жена заслонъ отворяла, слезно плакала-причитала: «Ужъ какъ и грѣшница я согрѣшила! Чадо свое въ огнѣ погубила!» Какъ возговоритъ ей Христосъ царь небесный: «Охъ ты гой еси, аллилуева жена милосерда! Загляни-ка ты во печь, во пламя». И увидала она въ печи вертоградъ прекрасный, въ вертоградѣ травынька-муравынька, во травынькѣ ея чадо гуляетъ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, золотую книгу евангельскую читаетъ, за отца за мать Бога молитъ»...

— Вотъ я тебѣ говорила, Оринушка.

— Что-жъ ты мнѣ, мать моя говорила?

— Что дите не сгоритъ, вотъ и не сгорѣло...

А унисонъ все тянетъ за душу, становясь безотраднѣе и безотраднѣе:

«Какъ возговоритъ Христосъ царь небесный:
«Охъ ты гой еси, аллилуева жена милосердна,
«Ты скажи мою волю всѣмъ людямъ,
«Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
«Чтобы ради меня они въ огонь кидалися,
«И кидали-бъ въ огонь младенцевъ безгрѣшныхъ»...

— Матушка! Богородушка! Укрой!

— Охъ, матыньки!

— Ой, послѣдни денечки!

А страшный унисонъ все тянетъ:

«Погорите-пострадайте за имя Христово,
«Не давайтесь вы во прелесть звѣрину,
«Во прелесть звѣрину, во антихристову.
«Что антихристъ взялъ силу большую,
«Погубитъ онъ вѣру Христову,
«Что поставитъ свою вѣру злую,
«Онъ брады брить повелѣваетъ,
«Креститься щепотью завѣщаетъ»...

— И приходитъ это онъ, мать моя, антихристъ-отъ, къ ей, къ Варварѣ, въ образѣ, вьюноши, и говоритъ это вьюношъ младъ ей, Варварѣ-то: «Варварушка, говоритъ, дай водицы испить». Вотъ какъ это она дала ему водицы, а онъ, мать моя, возьми да и выпей безъ крестнаго знаменья, да какъ засмѣется, и говоритъ: «Будешь ты теперь, Варварушка, помнить меня». И съ тѣхъ поръ, мать моя, стало у Варвары животъ пучить, разнесло

во какъ! — слышится въ сосѣдней кучкѣ бабье соболѣзнованье.

— А онъ что, антихристъ-отъ, дѣвынька?

— Ему что псу эдакому подѣлается? Взялъ да и провалился сквозь землю... О-о-охо-хо!

— А Варварѣ, поди, придется рожать?

— Знамо... Да каково отъ бѣса-то рожать?

И вездѣ только и слышно: бѣсъ да антихристъ, да во образѣ змія, да во образѣ звѣря, послѣдніе дни да страшный судъ... Жизнь полна ужасовъ, да и на томъ свѣтѣ огонь, смола, горячія сковороды, черти...

Одинъ унисонъ умолкаетъ, а вмѣсто него слышится другой голосъ, не старческій, а молодой, страстный. Это поетъ Азарьюшка, спрятавшій уже за пазуху золу и обгорѣлые пальцы фанатиковъ:

«Не сдавайтесь, мои свѣты,
«Тому змію седмиглавому,
«Вы бѣгите во пустыни,
«Во темны лѣса дремучи,
«Вы костры въ лѣсу поставьте,
«Горючой насыпьте сѣры,
«Тѣлеса свои сожгите»...

— Что-жъ, и сожгемъ, коли время придетъ, — говоритъ мрачно старый Януарій.

— Не сдадимся! — слышатся мужскіе голоса. — Горѣть такъ горѣть за вѣру, за бороду.

— Не сдавайся, братцы!—раздается скрипучій голосъ Ильи Муромца.

— Охъ, свѣты мои! Охъ, дѣтушки!

Истуканомъ стоитъ хорошенькая Евдокѣюшка, блѣдная, неподвижная. Золотые волосы ея кажутся горящими отъ лучей солнца, которое, скрываясь за муромскій лѣсъ, брызнуло на скитъ цѣлымъ снопомъ свѣта. Отъ послѣднихъ возгласовъ мужиковъ и бабъ дѣвушка вздрагиваетъ и хватается рукою за сердце.

— Евдокѣюшка, гдѣ ты? Что это кричатъ мужики? — спрашиваетъ испуганно слѣпая баушка Касьяновна.

Дѣвушка не слышитъ.

— Что за крикъ? Ужъ не Стеньку ли Разина привезли на

(Кн. 48)

Москву казнить? Евдокѣюшка! — взывастъ обезумѣвшая отъ старости старуха.

Дѣвушка нагибается надъ ней.

— Я здѣсь, баушка, — говоритъ она.

— Что это? Дождикъ идетъ? Вона на меня капнуло... Что это?... Да теплый какой, — бормочетъ старуха.

Не дождикъ это былъ: то были слезы Евдокѣюшки. Когда она нагнулась надъ старухой, брызнули слезы, да такія теплыя, горячія... Ихъ-то слѣпая и приняла за дождь...

Старое, онѣмѣвшее сердце ничего не чуяло. Чуяло сердце молодое, и чуялось ему что-то недоброе.

Левинъ также вздрогнулъ при послѣднихъ дикихъ возгласахъ скитниковъ. Взглянувъ на Евдокѣюшку, онъ увидѣлъ, что она плачетъ, и сердце его сдавилось страхомъ и болью. Вчера еще она была такая веселая, долго говорила съ нимъ, сидя на завалинкѣ, съ любопытствомъ разспрашивала его о Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, говорила, что когда состарѣется, то пойдетъ странствовать по бѣлу свѣту... Ее, видимо, тяготила скитская жизнь, хоть на нее и смотрѣли въ скиту какъ на будущую «богородицу». Она была круглою сиротой, взята въ скитъ десятилѣтнею дѣвочкой и теперь считалась любимѣйшею и начитаннѣйшею ученицей Януарія Антипыча...

А теперь она плачетъ...

Да и какъ было не плакать? Вонъ слышится глухой, дикій хоръ скитниковъ:

Уходите, мои свѣты,
Во лѣса вы, во пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожолтыми песками.
Вы песками, пепелами,
Умирайте, мои свѣты,
Что за правую за вѣру,
За свою браду честную...

XXII. Самосожженіе скитниковъ.

Старецъ Варсонофій не долго оставался въ муромскомъ скиту. Инстинкты бродяги, воспитанные въ немъ русскою историческою традиціею о святости подвига паломничества и выросшіе

на почвѣ его личныхъ инстинктовъ, не сознаваемыхъ имъ, но жившихъ въ глубинѣ его души, инстинкты поэта, пробивавшіеся изъ-за его грубой духовной коры, когда рядомъ съ любовью къ мертвечинѣ старины, къ ея безсмысленной обрядности и рядомъ съ грубѣйшею вѣрою въ бѣсовъ во образѣ ляховъ, въ душѣ его сталкивались и эти бѣсы, и перстное сложеніе, и глубокая, самая чуткая отзывчивость къ природѣ, къ этой травушкѣ-муравушкѣ, къ этимъ цвѣтикамъ лазоревымъ, крикамъ сельнымъ къ этимъ кусточкамъ и ручеечкамъ, эти инстинкты, положенные въ основу его духа, постоянно влекли его куда-то въ невѣдомыя страны, къ невѣдомымъ людямъ, чтобы на подошвахъ своихъ переносить пыль изъ однихъ святыхъ мѣстъ въ другія и трепать свою душу, какъ костригу, передъ Господомъ, мыкаясь изъ мѣста въ мѣсто, изъ градъ въ градъ, изъ веси въ весь, оправдывая данное ему когда-то царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ прозвище «вѣчнаго жида» Агасферія праведнаго или Никитушки Паломника. Это былъ, какъ и Левинъ, идеалистъ, хотя оба они не знали своихъ идеаловъ, а только чувствовали, что въ душу ихъ что-то постоянно толкалось, постоянно нашептывало: «иди, иди, ищи, обрящешь, увидишь, узнаешь...» А что? Гдѣ? Какъ? Это не вышептывалось, не подсказывалось, не чуялось...

И вотъ Варсонофій, поживъ въ скиту нѣсколько недѣль, снова наладилъ и свою неугомонную душу, и свои неустанныя ноги на далекій путь. Задумалъ онъ пробраться въ Іерусалимъ, куда, какъ ему сказывалъ молодой князь Прозоровскій, монахъ невской лавры и бывшій навигаторъ, можно было пройти народами единовѣрными: «отъ Почаевской Божіей Матери иди ты въ турскую землю на Бѣлъ-градъ, а въ Бѣлѣ-градѣ сербинъ живетъ, вѣру православную держитъ, персоною и языкомъ походитъ на черкашенина, черенъ и высокъ ростомъ, русскаго человѣка братомъ именуетъ и россійскую церковь почитаетъ; а изъ Бѣла-града иди ты на Софьинъ-градъ, а въ Софьинѣ-градѣ болгаринъ живетъ, вѣру православную-жъ держитъ и персоною и языкомъ такожъ на черкашенина походитъ, такожъ и россійскую церковь почитаетъ; а изъ Софьина-града идти тебѣ на Филиповъ-градъ, земли болгарскія-жъ и болгарскія вѣры; а изъ Филипова-града идти тебѣ на Андріановъ-градъ болгарскія же

земли; а изъ Андріанова-града идти тебѣ на Константиновъ-градъ, именуемый Царь-градъ; а изъ Царя-града кораблемъ идти тебѣ къ Святой-Горѣ, а изъ Святой-Горы до Іерусалима града рукой подати...

Развѣ это не заманчиво?

Левинъ тоже задумалъ-было идти вмѣстѣ съ Варсонофіемъ, но его остановило одно неожиданное обстоятельство. Всѣ скитники и скитницы полюбили его за его доброту и обходительность. Всѣ видѣли, что у него на душѣ какое-то горе и всѣ соболѣзновали о немъ, особенно бабы: «хоша и дворянская кровь,—говорили скитницы,—да не смердитъ: святымъ ладономъ прокурена»... Но не это удерживало его въ скиту...

Разъ какъ-то, по старой привычкѣ охотника, бродилъ онъ по лѣсу недалеко отъ скита, выискивая, нельзя ли хоть какихъ-нибудь лѣсныхъ ягодъ поразмыслить. Пробродивъ даромъ, онъ легъ подъ деревомъ отдохнуть. Черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ за кустами голоса. Голоса знакомые. Это Евдокѣюшка болтала съ маленькой Полей, дочкой скотницы Орины.

— Такъ кого ты, Поля, больше всѣхъ любишь? — спрашивала Евдокѣюшка.

— Тетю Евдокѣюшку,—отвѣчалъ ребенокъ.

— А еще кого?

— Маму.

— А еще кого?

— Тятьку.

— А кого еще?

— Дядю Васю.

— Какого дядю Васю?

— Дядя Вася.

— Да какой же дядя?

— Въ сапогахъ съ колесцами,—отвѣчала дѣвочка.

Левинъ понялъ, что рѣчь идетъ о немъ, о его сапогахъ со шпорами.

— За что жъ ты его любишь, Поля?—приставала Евдокѣюшка.

— Онъ Полѣ далъ бумажку играть.

— А дядя Вася уходитъ отъ насъ.

— Куда?—спросила дѣвочка.

— Далеко, совсѣмъ уходитъ, тю-тю, покидаетъ Полю.

Дѣвочка заплакала.

— Объ чемъ ты это? А? О дядѣ Васѣ?

— О дядѣ Васѣ,—продолжалъ плакать ребенокъ.

— Не надо, Поленька, не плачь... не надо...

Левинъ слышалъ, что и въ голосѣ Евдокѣюшки звучали слезы.

— Не плачь... перестань... лучше попроси Бога, чтобъ онъ не уходилъ отъ насъ... Богъ тебя услышитъ, и дядя Вася останется у насъ...

Ребенокъ замолчалъ.

— Останется?

— Да. Только помолись Боженькѣ.

— Какъ?

— Скажи: «Господи»... Ну, говори: «Господи»...

— Господи,—певторялъ ребенокъ.

— Услышь молитву младенца...

— Услышь младенца.

Голоса слышались очень близко. Левинъ чувствовалъ, что его сейчасъ откроютъ, и ему стало стыдно, что онъ невольно подслушалъ то, что, быть можетъ, ему никогда не сказали бы въ глаза. Онъ хотѣлъ было спрятаться за дерево; но было уже поздно.

— Дядя Вася! Дядя Вася!—закричала дѣвочка и тащила за собой Евдокѣюшку.

Дѣвушка вспыхнула такъ, что, кажется, корни ея волосъ покраснѣли. Левинъ тоже былъ смущенъ до крайности. Поля, схвативъ его за руку, а другой рукой держась за Евдокѣюшку, лепетала:

— Дядя, не уходи отъ насъ! — ластилась дѣвочка къ Левину,—а то тетя будетъ плакать... Не уйдешь?

— Не уйду, милая, не уйду,—отвѣчалъ тотъ, самъ не зная, что говоритъ.

— Дядя не уйдетъ, тетя,—успокаивала дѣвочка свою пріятельницу.

Левинъ, наконецъ, побѣдилъ свое смущеніе.

— Вы куда это шли, Дуня?—спросилъ онъ.

— По морошку ягоду. Поля морошки хочетъ,—отвѣчала дѣвушка, не поднимая глазъ.

— А я вамъ помѣшалъ?

— Нѣтъ...

Оба замолчали. Поля продолжала держать ихъ за руки.

— Иди, тетя, по морошку, и ты, дядя,—болтала она.—Ты не уйдешь отъ насъ?

— Не уйду, не уйду... А ты, Дуня, хочешь, чтобъ я остался у васъ въ скиту, да? Нѣтъ?

— Не знаю... Скучно у насъ тому, кто привыкъ къ большимъ городамъ...

Поля настойчиво соединила ихъ руки... Левинъ осязалъ уже руку дѣвушки... Черезъ мгновеніе рука Евдокѣюшки была уже въ его рукѣ... Рука не отнималась...

Куда же дѣвался муромскій лѣсъ, раскольничьи скиты, Петербургъ, ужасы послѣднихъ лѣтъ?..

Тутъ Днѣпръ, Кіевъ, а въ рукѣ—трепетная рука Ксеніи... И знакомая пѣсня плачетъ:

Ой гаю мій, гаю, великій розмаю!
Упустила соколонька, та вже й не піймаю...

— «Дуня... Дунюшка... добрая моя», что-то шептало и пѣло какъ будто.

— Дядя Илюша, дядя Илюша морошку несетъ,—закричала дѣвочка.

Въ самомъ дѣлѣ Илья Муромецъ идетъ съ берестянымъ туязкомъ.

Кіевъ, Днѣпръ, Ксенія, все пропало... Муромскій лѣсъ стоитъ какъ стоялъ...

— Ужъ и морошка же, я вамъ скажу,—говоритъ, осклабивъ бѣлые зубы, Илья Муромецъ, — ужъ така-то ядрена, словно бусы у Богородицы на шеѣ.

Этимъ лѣсная встрѣча Левина съ Евдокѣюшкой и закончилась. Но въ сердцѣ перваго произошло что-то необъяснимое: тамъ, въ глубинѣ, обиталъ неисходно образъ черноголовой Ксеніи; ко всѣмъ мотивамъ духа, въ воспоминаніяхъ, въ тоскѣ, въ страданіяхъ, въ настоящемъ, прошедшемъ и даже будущемъ, ко всякому акту жизни примѣшивался этотъ образъ; вся жизнь, каждое движеніе мысли и каждое біеніе сердца амальгамирова-

лись съ этимъ всепроникающимъ образомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцѣ, въ мысли, во всей жизни чувствовалась пустота... И вдругъ является ощущенье, что пустота эта заполняется другимъ образомъ, который не вытѣсняетъ собою образа Ксеніи, а соединяется съ нимъ, амальгамируется... Это смущенное личико рыжеволосой Евдокѣюшки... Владычество Ксеніи надъ его духомъ, владычество самодержавное, все такъ же могуче, ненарушимо, незыблемо; тоска по ней все такъ же жгуча и удручающа; но эту тоску хочется, хотѣлось бы излить въ слезахъ на этой груди, которая близко, которая такъ тревожно поднималась, когда маленькая Поля соединила ихъ руки...

И Левинъ не пошелъ съ Варсонофіемъ бродить по свѣту. Онъ пошелъ только проводить его до Починокъ.

Иначе смотрѣло все кругомъ, и лѣсъ, и зелень, и небо: и лѣсъ казался менѣе угрюмымъ, менѣе непривѣтливымъ; не мертвецами стояли столѣтнія ели, свѣсивъ свои гигантскія зеленыя руки; эти многорукіе великаны что-то говорили, кого-то напоминали. И зелень стала зеленѣе, привѣтливѣе, и далекое небо голубѣе: зелень говорила, что и по ней ходятъ живые люди, добрые; голубое небо опрокинуто было не надъ пустыней, не надъ мрачнымъ лѣсомъ... Этотъ стукъ дятла, можетъ быть, слышенъ тамъ, на полянѣ... Это солнце золотитъ золотые волосы...

— Эта дѣвочка съ золотыми волосами напоминаетъ мнѣ покойницу Афросиньюшку, дай Богъ ей Царство небесное,—заговорилъ вдругъ Варсонофій, когда муромскій лѣсъ остался уже позади.

Левинъ вздрогнулъ. И онъ о ней думалъ. Но онъ спросилъ:

— Какая дѣвочка?

— Да въ скиту-то, рыженькая.

— А! Дуня.

— Да, Евдокѣюшка. Только у Афросиньюшки были бѣлые волосы, оттого царевичъ и называлъ ее «бѣляночкой»... Эхъ, царевичъ! Царевичъ!

Они замолчали. Всю дорогу Левинъ говорилъ мало, да ему и не приходилось говорить, потому что Варсонофій, предаваясь воспоминаніямъ, вылавливалъ изъ своего, богатаго событіями, прошлаго обрывки картинъ, сцены, давно отошедшія въ вѣчность личности.

— Эхъ, матушка царевна Софья Алексѣевна, соколиный глазокъ, не довелось тебѣ поцарствовать... Да что, такъ, видно, Богу было угодно,—говорилъ онъ какъ бы про себя.—Ишь ты, ишь ты пышные какіе... стрѣльцы, словно макъ въ огородѣ краснѣютъ кафтаны червленые... Эхъ ты, княже, княже Долгорукой!.. Щуку съѣли, зубы остались... То-то, и лежишь ты на гноищѣ, рыбою покрытъ вмѣсто парчи савана... Эхъ Шакловитъ, Шакловитъ, во цари норовитъ... Гдѣ твоя головушка буйная?... Всѣхъ-то ты смела со свѣту, метла божія—и злое и доброе, святое и грѣшное... Сметешь скоро и насъ, аки сметіе непотребное...

Когда, въ Починкахъ, онъ прощался съ Левинымъ, послѣдній сказалъ:

— Поживу я въ муромскомъ скиту, отдохну. Можетъ, смиреніе осѣнитъ мою душу. Митрополитъ Яворскій, Стефанъ, наказывалъ мнѣ смиренія искать. Поищу, можетъ, и обрящу... А ты, поклонившись гробу Господню и облобызавъ землю, по которой босыя ноги его ходили, возвращайся къ намъ въ скитъ.

— Добре,—отвѣчалъ старикъ.—Коли не тѣло мое воротится, такъ душа грѣшная, когда будетъ по мытарствамъ ходить...

Левинъ торопился съ прощаньемъ. Его тянуло теперь въ обратный путь, въ муромскую чащу, на полянку, гдѣ свѣтилась золотистая головка...

Эхъ, ты, сердце человѣческое, море пространное, по коему корабли преплываютъ великіе и малые! Эхъ ты, усыпальница великая, сердце человѣческое! Даешь ты у себя вѣчное успокоеніе и кроткому лику матери родимой, и звѣздѣ падучей, словно по небу по твоей жизни прокатившейся, и рыженькой Евдокѣюшкѣ...

Эхъ, что вы такъ тихо идете, ноженьки рѣзвыя? Что ты тянешься безъ конца, дороженька пыльная?..

Эхъ, вы, лѣса, лѣсочки темные, дремучіе, лѣса муромскіе! Для чего-то вы стоите стѣною непроглядною, не проглядѣть сквозь васъ глазынькамъ быстрымъ...

Эхъ, вы, дни, денечки, дни лѣтніе, безконечные!...

Три длинныхъ дня прошло, какъ Левинъ отлучился изъ скита. Что-то тамъ подѣлывается? Ждутъ ли его? Хотятъ ли его видѣть такъ же нетерпѣливо, какъ онъ этого хочетъ?

Все меньше и меньше остается пути. И дальняя дорога, и

большая часть лѣса назади. Впереди лѣсъ начинаетъ рѣдѣть. Близость поляны ощутительна...

Что-жъ это за говоръ на полянѣ, шумъ, возгласы? По полянѣ расхаживаютъ и суетливо переговариваются незнакомые люди. Это солдаты; команда солдатъ. Зачѣмъ они тутъ, откуда?

— По указу его пресвѣтлаго царскаго величества, отворите скитъ, покоритесь!—раздается возгласъ.

— Не покоримся антихристу!—слышится отвѣтный возгласъ.

Въ послѣднемъ возгласѣ Левинъ узнаетъ голосъ фанатическаго парня, Азарьюшки.

— По указу его величества, выдайте расколоучителя,—снова раздается голосъ съ поляны.

— Не выдадимъ!—отвѣчаютъ изъ-за высокой ограды, сдѣланной изъ толстыхъ брусьевъ и гладко обтесанныхъ.

— Ребята!—кричитъ, повидимому, начальникъ команды.—Прилаживай лѣстницы! Ломай слеги повыше! Приставляй къ оградѣ!

— Въ молельню, православные! Въ молельню! — раздается голосъ Азарьюшки.

— Въ молельню!—повторяетъ голосъ Ильи Муромца.

— Зажигай молельню! Погоримъ, а не покоримся антихристу!—неистово вопитъ Азарьюшка.

Вдругъ за оградой раздается страшный, душу пронизывающій, крикъ.

— Пустите меня! Пустите! Я не хочу горѣть! Охъ, батюшки! Помогите

Огнемъ опалило Левина и холодомъ ожгло!.. Онъ узналъ ея голосъ, голосъ той, о которой думалъ...

Звѣремъ ринулся онъ черезъ поляну, къ скиту...

— Не трогайте ее! Пустите ее!—кричалъ онъ бѣшено.

— Держи его! Держи! Кто это?—кричали солдаты, загораживая ему дорогу.

— Пусти! Убью! Задушу! О!

Его схватили. Вопль за оградой повторился.

— О! Сатанины дѣти! Аспиды!—задыхался Левинъ, отчаянно колотясь головой объ землю (его свалили солдаты).

А изъ-за ограды несся, перерываясь, задыхающійся хрипящій вопль дѣвушки. Ее, повидимому, тащили въ молельню...

Вопль затихъ... Все затихло на дворѣ... Левинъ безсильно бился въ желѣзныхъ рукахъ шести солдатъ... Остальные таскали деревья, но деревья не хватали доверху ограды.

Изъ-за ограды, изъ самой молельни, раздалось глухое, мрачное хоровое пѣніе... Пѣли всѣ обитатели скита... Словъ не было слышно, но что-то ужасное вѣщало это пѣніе.

Раздался трескъ, шипѣнье чего-то... Взрывъ женскихъ воплей въ глубинѣ молельни... Изъ трубы повалилъ дымъ... Пѣніе продолжалось, страшное, могильное пѣніе самосожигателей...

Пожарный трескъ все сильнѣе и сильнѣе... Женскихъ воплей уже не слышно... Дымъ охватываетъ половину крыши, клубами вырывается изъ большого слухового окна на крышѣ, огороженной перилами для сушки грибовъ, травъ лѣкарственныхъ, бѣлья...

— Поздно! Горятъ изувѣры... бросьте, ребята, — говоритъ начальникъ команды.

Левинъ не шевелился, онъ былъ въ обморокѣ.

Выбилось пламя, выше, вся лѣвая половина крыши въ пламени, прогораетъ, падаетъ...

Пѣнія не слышно ужъ... Задохлись пѣвцы ужасные...

Вдругъ въ слуховомъ окнѣ, на правой, не прогорѣвшей еще половинѣ крыши, показывается человѣческая фигура, обликъ миловидной дѣвушки, съ растрепанною, разметавшеюся по плечамъ золотистою косою и съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ... Она хочетъ черезъ перила броситься на землю. Но въ это мгновеніе на нее сзади, выскочивъ изъ слухового же окна, накидывается молодой парень въ пылающей рубашкѣ...

— Га!—рычитъ онъ звѣремъ.

Дѣвушка безсильно вскрикиваетъ. Начинается борьба...

При крикѣ дѣвушки, Левинъ, котораго уже не держали солдаты, вскакиваетъ съ земли и, протягивая къ борющимся на крышѣ руки, кричитъ неистово:

— Пусти! Пусти ее, проклятый! Демонъ!.. Дуня! Дуня!

Несчастная узнала его.

— Вася, Вася!—беззвучно вскрикнула она и замолчала...

Полуобгорѣвшій фанатикъ, обхвативъ ее за талію, вмѣстѣ съ нею ринулся назадъ, въ самую пасть пламени...

Левинъ грохнулся на землю, какъ подкошенный...

Вся команда стояла въ нѣмомъ ужасѣ.

Пламя пожирало все болѣе и болѣе окружающіе предметы... Густой, какой-то сальный и сѣрный дымъ заражаетъ всю поляну. Это жарятся люди, это смердитъ ихъ горящее сало, ихъ растопленный, глупый, о! какой глупый мозгъ!.. Это чадятъ ихъ глупыя, темныя головы, сложенныя на костеръ изъ-за «перстнаго сложенія»... О, бѣдные, глупые, жалкіе люди!.. Бѣдные—глупые, жалкіе, вы же и могучіе, и великіе, безсмертные идеалисты съ вашимъ «перстнымъ сложеніемъ»... У всѣхъ у насъ есть свое «перстное сложеніе» и блаженни умирающіе за него... Бѣдные, бѣдные, глупые, жалкіе люди, коли вамъ приходится умирать за «перстное сложеніе»...

— Какъ шибко и дружно горитъ,—замѣтилъ кто-то.

— Да они, ваша милость, много сѣры этой кладутъ горючей да пакли, чтобъ шибче забирало, намъ это дѣло знакомое,— сказалъ бывшій стрѣлецъ, обращаясь къ командному офицеру.

Всѣ сгорѣли... И Поля маленькая, что такъ любила морошку, и Януарій Антипычъ, и глупый Илья Муромецъ, и Азарьюшка-младъ, и младая Евдокѣюшка съ золотистою косою, и баушка Касьяновна, что своими глазыньками видала, какъ Маришка-безбожница сорокою сидѣла на крестѣ Василія Блаженнаго, всѣ золою стали...

XXIII. Левинъ на родинѣ.

Эхъ ты, степь широкая, раздольная, ты, раздольице сиротское, ты гуляньице бурлатское! Разлеглась ты, степь широкая, разлеглася ты, степинушка, отъ Ардатова до Саратова, отъ Саратова Волгой-матушкой да ровнымъ сыртомъ до Царицына, отъ Царицына до Воронежа, отъ Воронежа да до Кадома. Поросла-то ты, да степинушка, кавылемъ-травой все сиротскою. Много въ тебѣ, степь, простору для волюшки, да только волюшка куда-то запропастилася...

«Ишь ты раскинулась, раздвинулась, ничѣмъ-то ты не огорожена, ни межами не межована, а все жить на тебѣ тѣсно и гулять-то не радостно, степь ты широкая да постылая... Опостылѣла ты, степь проклятая, опостылѣла жизнь бродячая, во бѣгахъ море мычучи, во степи подъ дождемъ ночуючи, на степномъ вѣтру просыхаючи, на солнышко жгучее нарекаючи... Эхъ, ты,

солнце, солнышко! Палишь ты не во-время, печешь буйную голову все не впору... Эхъ вы, вѣтры буйные, разосенніе, разосенніе вы, самые пронзучіе! Пронизали вы всю душеньку бродяженьки, изрѣшетили одеженку бурлацкую..

«Эхъ ты, травынька сухая, что сухое перекати-полюшко! Несетъ тебя, травынька, вѣтромъ по полю, отъ Ардатова до Саратова, какъ и меня бродягу вольнаго, бродягу вольнаго, сироту горькаго...

«Эхъ ты, полоса, полосынька, полоса несжатая! Кто пахалъ боронилъ тебя, зерномъ сдабривалъ? Эхъ ты, рожь высокая, колосистая, колосистая, золотистая! Жналъ я тебя до поту, нажинался до-одури, наѣдался лишь не до-сыта, напивался не допьяна...»

— Охъ, спинушку разломило, матушку! Потомъ глазынькн заливаются...

— Жни, дочушка, жни, дѣло наше крестьянское, невольное

— Охъ, матушка, головушка болитъ, отъ солнышка она разрывается.

— Жни, дочушка, жни, полоса-то велика, несжатая...

— Богъ въ помочь, люди добрые!

— Спасибо, родимый.

— Чье жнете?

— Барское, батюшка.

— А чьихъ господъ?

— Левиныхъ.

— Левиныхъ? Пензенскихъ?

— Саранскихъ-пензенскихъ.

— Герасима да Василья Левиныхъ?

— Ихъ, батюшка.

Дѣвушка, жавшая рядомъ съ матерью, вся загорѣлая, загорѣлая такъ, что не только лицо, руки, шея, но и спина, и молодыя, крѣпкія, «молокомъ набитыя» груди (жала она въ одной сорочкѣ, спустившейся съ плечъ) казались темнокоричневыми, особенно тамъ, гдѣ рядомъ проглядывало бѣлое, не тронутое солнцемъ тѣло, дѣвушка взглянула пристально на прохожаго и вслушавшись въ его голосъ, точно обомлѣла: глаза расширились, серпъ выпалъ изъ загорѣлой руки.

— Али не признаете меня?—спрашиваетъ прохожій

— Нѣту, родненькой, не признаемъ,—отвѣчаетъ мать Прохожій смотритъ въ глаза дѣвушкѣ.

— И ты, Дарьюшка, не признаешь?

— Охъ, матушка!

Дѣвушка стыдливо закрыла рубашкой голыя груди и плечи.

— Не признали Яшку бѣглаго?

— Охъ, Яшенька, родненькій! Откелева Богъ несетъ?

— Отъ Саратова до Ардатова, отъ Ардатова до Горбатова, отъ Горбатова до Воронежа, отъ Воронежа до Царицына, отъ Царицына къ чорту къ дьяволу...

— Охъ, родименькой! Куда-жъ ты теперь?

— На Волгу... души губить...

— Христосъ надъ тобой! Съ нами крестная сила.

— А что, Дарья, замужъ не сдали еще, въ некруты-то?

Дѣвушка молчала, не смѣя поднять глазъ.

— Нѣту, не сдавали еще,—отвѣчала мать.

— А баринъ на барщину, на поночную работу не бралъ?

— Богъ помиловалъ.

— А за меня, Дарьюшка, пойдешь теперь за бродягу, за разбойника, душегуба?

Онъ выпрямился. Широкая волосатая грудь, широкія плечи и все тѣло сквозило чрезъ дырявыя лохмотья, которыми онъ былъ прикрытъ.

— Что? Али не цвѣтно платье на мнѣ? — сказалъ онъ горько.—Али не соболья шапочка, не шелковая подпоясочка? Али сапожки не сафьянные?

— О-о-охо-хо!—вздыхала мать.

Дочь мрачно молчала.

— Али я не соколъ? Али я не ясный? Али перушки у сокола ощипаны, али крылышки подрѣзаны?—продолжалъ бродяга.—Нѣтъ, не поймать тебѣ, ворона, ясна сокола!

И онъ погрозилъ кому-то кулакомъ. Дѣвушка со страхомъ взглянула на него.

— Что, Дарья? Али не любъ я? Али не поваженъ въ этихъ ризахъ? А были и на мнѣ ризы боярскія, да острогъ-тюрьма все повытрясли. Только я не кручинюсь, на Волгѣ все добуду...

Онъ подошелъ къ самой дѣвушкѣ и положилъ руку на плечо ей.

— Ну, Дарья, глянь въ очи.

Дѣвушка глянула прямо, глубоко.

— Теперь пойдешь за меня?

— Пойду!

Мать всплеснула руками.

— Поцѣлуемся же въ первый разъ.

Дѣвушка безъ словъ обвилась загорѣлыми руками вокругъ загорѣлой шеи бродяги:

— Слышишь, Дарья, сердце словно кистень бьетъ, слышишь?

— Слышу,—шептала дѣвушка.

Бродяга повернулся къ матери.

— Благослови насъ, матушка, а не благословишь, такъ и вѣтеръ буйный намъ пойдетъ за батюшку рожоного, а и степь широкая за матушку родную.

Та благословила.

— Спасибо. Теперь полно служить серпомъ да граблями, будемъ служить царю государю Петру Алексѣичу кистенемъ да дубиною. Любо-ли, Дарья?

— Любо.

Вдали по дорогѣ заслышался звонъ колокольчика. Показалась пыль, а за нею вырисовывались конскія головы.

— Тройка. Кого чортъ несетъ? Эхъ, не впору, а то бы ссадилъ гостя.

Онъ сталъ приглядываться.

— Эки дьяволы! Надо хорониться. Жди же меня, Дарья, дома. Ладно?

— Ладно.

— За мной?

— Въ огонь и въ воду.

Бродяга исчезъ во ржи, словно въ землю провалился.

Тройка наѣзжала все ближе и ближе. Колокольчикъ устало позвякивалъ, словно и ему опротивѣла эта тишь да гладь безконечная.

Тройка поравнялась съ жницами, и запыленные кони остановились.

— Богъ помогай вамъ, жницы, — отозвался проѣзжій.

— Спасибо, батюшка.

— Вы изъ Левина?

— Левински, батюшка баринъ.

Проѣзжій вылѣзъ изъ телѣги. Это былъ Левинъ. Онъ подошелъ къ жницамъ. Тѣ поклонились ему.

— Здравствуй, Варварушка... Не узнаешь меня?

Баба изумленно, испуганно кланялась.

— Ты ли это, Варя голосистая?—говорилъ онъ съ грустью.

Баба бросилась цѣловать ему руки.

— Батюшка, баринъ! Голубчикъ, Василь Савичъ! Господи! Вотъ не чаяли.

Баба плакала. Она вспомнила свою молодость и молодость того, который стоялъ теперь передъ нею сѣдымъ старикомъ. А когда-то пѣвали они вмѣстѣ, хороводы важивали...

— Не помолодѣла и ты, Варвара,—говорилъ онъ взволнованно.

Только дѣвушка стояла молча, прикрывая свои груди и плечи.

— Кто же это съ тобой, Варварушка?—спрашивалъ Левинъ.

— Дочушка моя, Даша, баринъ. Безъ тебя родилась она.

— А мужъ то твой кто?

— Максимъ плотникъ былъ.

— Былъ, говоришь? А теперь?

— Десятый годокъ въ бѣгахъ, безъ вѣсти пропалъ.

— А еще дѣти есть?

— Былъ сынокъ, батюшка.

— Что-жъ померъ?

— Нѣтъ, баринушка, не померъ, а по міру ходитъ: въ поводыряхъ состоитъ у слѣпого Захара Захребетника.

— А, помню. Они были у меня въ Харьковѣ. Я и въ Кіевѣ видалъ Захара лѣтъ десять тому назадъ.

И при упоминаніи Кіева въ сердцѣ словно засаднѣло... Вся жизнь постылая развернулась, какъ на ладони... Годы, десятки лѣтъ — какъ одинъ день... Кіевъ, Петербургъ, муромскій лѣсъ... О, мимо! Мимо, горя нерасхлебныя, боли незаживныя! Мимо!

— Къ домамъ теперь, баринъ, ѣдешь?

— Домой... на покой...

Онъ огляпулся кругомъ. Скучная, непривѣтливая степь. Гос-

поди! И это родина золотая, гдѣ прошло золотое дѣтство! Время все съѣло, все полиняло: и краски этой степи полиняли, и полиняло родное небо, и даль голубая полиняла... Все выцвѣло, вывѣтрилось, какъ въ душѣ у него.

Эхъ таланъ-ли мой, таланъ таковъ,
Эхъ, ты участь моя горькая!
На роду-ли мнѣ написано, али отъ Бога заказано?..

Это затянулъ кто-то далеко за полосою. У Дарьи сердце заныло отъ этой пѣсни. У Левина тоже защемило сердце, хоть онъ не зналъ, кто поетъ, какъ знала эта дѣвушка.

— Что-жъ вы однѣ жнете?—спросилъ онъ, желая прервать тягостное молчаніе.

— Да намъ эта полоса заурочена. Другіе тамотка жнутъ.

— Бросьте все это! Бросайте серпы... Пора и вамъ отдохнуть, немного осталось...

Тѣ посмотрѣли на него съ изумленіемъ. Они не понимали, что говоритъ онъ.

— Вонъ и птицы летятъ изъ этой проклятой земли,—указалъ онъ на небо: — скоро солнце помрачится, звѣзды померкнутъ.

Тройка все ждала его. Коренная, отбиваясь отъ мухъ и оводовъ, встряхивала дугой, и колокольчикъ жалобно взвизгивалъ.

— Мухи песьи и оводы львиные напали на землю, сосутъ кровь христіанскую—говорилъ онъ какъ бы въ самозабвеніи, — звени, звени, колоколецъ по душѣ звонишь, по усопшей землѣ благовѣстишь...

Вдали слышалось глухо:

Эхъ, таланъ-ли мой, таланъ таковъ...

Онъ опомнился.

— Братъ дома?

— Дома, въ Чирчимѣ, батюшка.

— Прощай, Варварушка, прощайте.

— Прощайте, баринъ.

Левинъ сѣлъ въ телѣгу, и тройка тронулась. Ямщикъ лѣниво затянулъ:

Ужъ какъ пошла-ль моя буйная головушка,
Пила она, пила—погуляла,

Что за батюшкиной, что за матушкиной
За легкою за работой...

Левинъ молча слушалъ. И эта степь, и эта пѣсня переносили его въ годы далекой молодости. Только все это не то. Тогда у него не было двойного зрѣнія, а теперь въ душѣ все раздвоилось: и жизнь и смерть стоятъ рядомъ... Колыбель и гробъ рядомъ... Вонъ растетъ деревцо, несчастное! Это не оно растетъ, а его смерть... Подымается деревцо, приближается смерть безребрая... Не ямщикъ поетъ, его смерть поетъ: что пропѣлъ онъ, за батюшкиной, за матушкиной за легкою за работой, это ужъ умерло, и слова умерли, и голосъ умеръ въ воздухѣ... Прежде земля висѣла какъ кадило передъ иконою... а теперь земля сорвалась съ крючка, сорвалось кадило вѣчное, летитъ въ пропасть...

«Какъ берутъ меня, берутъ добра молодца,
Берутъ во солдатушки»...

— Тебя берутъ?—очнувшись, спрашиваетъ Левинъ.

Ямщикъ удивленно смотритъ на него.

— Кого берутъ въ солдаты?

— Это въ пѣснѣ, баринъ: изъ пѣсни слова не выкинешь.

Не выкинешь!.. А какъ-же душу изъ тѣла выкидываютъ?.. «Утопи меня, самъ утопи въ Днѣпрѣ, своими руками утопи... Ты меня изъ воды вынулъ, ты и утопи»... И ее вынули изъ души, и выкинули, и душу выкинули... Охъ ты, Петръ, Петръ! Много тобою душъ съѣдено, много... Да не доѣдены душеньки святыя... Вонъ перекати-поле катится, это ея душенька... Сгорѣла, золою стала, и волоски золотые озолились, опепелились... Дуня! Дуня!

Потатуйка кричитъ — уту-ту-ту... уту-ту-ту... Это она кричитъ у сухого дуплястаго пня, какъ и тридцать лѣтъ назадъ кричала... Тридцать лѣтъ... И потатуйка жива, да это не та, та давно умерла, какъ и я давно умеръ... нѣтъ, не умеръ; какъ и дуплястый пень не умеръ. Мы живемъ съ нимъ. И у меня въ сердцѣ—уту-ту-ту—уту-ту-ту. Это смерть тамъ, червоточина.

Сгорѣла золотая головка. А черная гдѣ? Ксенія? Оксана! Оксанко! Гдѣ ты? И Докійка не откликается. Ахъ, ты песъ мой вѣрный Ермакъ—и тебя не стало. Да и я съ того свѣта вернулся домой, домой, на ту землю, гдѣ бѣгали мои ножки маленькія. О,

мои ноженьки! Устали вы теперь, износились. Износилась вся душенька моя.

Смиреніе горами ворочастъ. Эхъ ты, Степанъ, Степанъ Яворскій! Сверни-ко ты гору, что у мейя на сердцѣ лежитъ. Бѣдный Ѳомушка юродивый, и у тебя горлинку вороны заклевали, Вѣрушку твою чистую. А у меня двухъ горлинокъ заклевали. О! Бѣсы, бѣсы!

— Деревню Левину, баринъ, видно. Чирчимъ тожъ.

— А! Чирчимъ, гдѣ я родился. Хорошо.

— На водку дашь, баринъ? Хорошо везъ.

— Дамъ.

Вонъ тамъ за тѣми осокорями, могила матери. Матушка! Матушка! Погляди-ка, что изъ твоего сына сдѣлали, изъ твоего Васеньки. Охъ, матушка моя! Матушка родимая! Почто на горе родила? Видишь сѣдые волосы у твоего сына? Небо родное! Погляди на меня: такимъ ли я бѣгалъ подъ собою, родное мое, такую ли ты головку грѣло солнышкомъ, какую я привезъ теперь тебѣ? Увезъ русую, кудрявую, привезъ сѣдую, безволосую. Такое ли сердце я вывезъ отсюда, и какое привезъ? Змѣи, гады расплодились въ немъ, и распустилъ я этихъ гадовъ по всей землѣ, къ чему не прикоснусь, змѣя тамъ, къ цвѣтку подойду, и въ цвѣткѣ гадина.

Добрый мой, бѣдный Турвонъ, учитель мой? И твоя могила тамъ, за осокорями. Приподымись изъ своего гроба сосноваго. Э! Да и гробъ твой давно сгнилъ, только горькая память моя не сгнила. Гноили ее двадцать лѣтъ на службѣ каторжной, но сгноили. Живуча она, не податлива, какъ дерево опаленое. И тебя, Турвонъ, помню, и грачей помню, ухъ! какъ весну-то зовутъ, выкаркиваютъ! И Нарву помню, буммъ-буммъ-буммъ! А мы бѣжимъ, и Шереметевъ бѣжитъ. И Полтаву помню, и Карла въ качалкѣ помню. Эхъ, ты горемычный! И Кіевъ помню, царевича помню, худой и вдумчивый... О, дьяволы, аспиды! Съѣли мою душеньку...

— Эхъ вы, лошадушки! Съ горки на горку, дастъ баринъ на водку.

И Левинъ вспомнилъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, съ такими

же возгласами, везъ его ямщикъ по этой же дорогѣ въ Москву, въ Петербургъ. Не тотъ и ямщикъ теперь.

— Ты давно ямщикомъ?

— Лѣтъ десять, баринъ, ѣзжу здѣсь.

— А прежде кто возилъ?

— Батька, теперь на печи лежитъ, старо стало.

Какъ постарѣла, сузилась, сморщилась вся родная деревенька. Ветхая часовенка разрушается. Избенки стоятъ оголеныя...

— Все больше въ бѣгахъ мужики,—указываетъ ямщикъ кнутовищемъ на оголеныя избы.

— Съ чего бѣгаютъ?

— Отъ указовъ больше. Указы эти, да некрутство, больно нашего брата донимаютъ.

И ихъ донимаютъ. До живыхъ печенокъ, видно, дошло.

Вонъ и сухой оврагъ. И старый дуплистый пень все тотъ же. Даже скворешня старая осталась на скотномъ дворѣ. Все мертвое осталось, такимъ, какимъ и было: все живое состарѣлось, искалѣчено, перемерло. Пусто въ деревнѣ, всѣ въ полѣ.

— Къ усадьбѣ, баринъ?

— Къ усадьбѣ.

Лошади рванули, пронеслись по улицѣ и стали у крыльца усадьбы.

— Привезли на родное кладбище,—подумалъ Левинъ.

XXIV. Постриженіе Левина. Проповѣдь объ антихристѣ.

Непріютнымъ показалось Левину родное гнѣздо послѣ двадцатилѣтняго отсутствія изъ него. Да и самъ онъ былъ не тотъ уже. Въ душѣ порваны всѣ живыя, привязывающія къ жизни и примиряющія съ нею струны; зато грубо, болѣзненно, задѣты были непорванныя струны, которыя глухо, но могуче, безумно-страстнымъ разладомъ звучали въ немъ, отравляя его мысль, каждый часъ его жизни. Глухой, ему одному слышимый звукъ этихъ страшныхъ струнъ будилъ его на борьбу, на всенародную проповѣдь, на мученическій подвигъ.

«Иди на муку, ищи муки и обрящешь: тебя замучатъ, но ты спасешь милліоны, спасешь Россію отъ того, кто поглотилъ твое счастье, вонзилъ мечъ въ душу твою и довелъ тебя до муки».

Непривѣтливо такому человѣку смотрѣлъ въ глаза родной домъ. Это была пустыня, но не та, которую онъ извѣдалъ, а пустыня тюрьмы, могильнаго склепа.

Ни отца, ни матери онъ не засталъ уже въ живыхъ. И могилы ихъ давно бурьяномъ заросли, какъ и всѣ тѣ дорожки, по которымъ бѣгали когда-то его рѣзвыя ноги.

Вмѣсто матери онъ нашелъ дома мачиху. И ему была чужа Агафья Ивановна, и онъ былъ чужой для Агафьи Ивановны. Что она ему и что онъ ей?

И братъ Гарася одичалъ для него. И его годы перемололи, да только не въ ту муку, въ какую жизнь смолола нашего героя.

И грачи не тѣ, и весна не та: и тѣ грачи улетѣли, и та весна водою уплыла.

А тамъ больной дядя, Петръ Андреевичъ, и онъ сталъ чужимъ человѣкомъ.

Дядя жалуется на болѣзнь, на то, что старъ сталъ, не можетъ въ отъѣзжемъ полѣ за волками гоняться. Братъ жалуется на мужиковъ, мужики разбѣжались, работать не хотятъ, хлѣбъ въ полѣ стоитъ не сжатый, зерно высыпается. Мачиха плачется на прислугу, холопки лѣнятся, дѣвки мало прядутъ, ребятишки мало грибовъ собираютъ. А ему что до этого?

Что ему хлѣбъ не сжатый, высыпающееся зерно? Пускай оно высыпается, его будетъ клевать голодная птица, подбирать робкій мышонокъ.

Что ему дѣвки, холопки лѣнивыя? Пускай лѣнятся, пускай не прядутъ. На кого имъ прясть? На что? На саванъ? О! На что людямъ саванъ, когда всю землю въ саванъ скоро одѣнутъ?

О, какая тоска! Какая смертная тоска! Такой тоски не бывало даже тогда, когда изъ него душу вынули. Тогда хоть боль чувствовалась, острая, живая боль. А теперь, боль мертвая, тупая. Тогда кричать хотѣлось. Теперь молчать, молчать, молчать!

Дни идутъ за днями, чередуясь съ ночью. И день, и ночь, это мертвецы, поочередно ложащіеся въ гробъ. То бѣлый гробъ и саванъ бѣлый, то черный гробъ и саванъ черный.

Прошло и лѣто. Подъ снѣгомъ укрылась земля...

И поляну снѣгомъ присыпало, и золу присыпало, и золотую косу и черныя очи.

А! Это онъ, великанъ, онъ вылущилъ изъ меня душу, какъ ядро изъ орѣховой скорлупы, и сердце вылущилъ. Великанъ, саженная душа, саженное сердце, злоба саженная! А! Да и у меня не воробьиное сердце было, а ты вылущилъ его. Только вотъ изъ-подъ этого черепка не все вылущилъ, изъ-подъ черепа. Не высохъ тамъ мозгъ, не вылился изъ глазъ вмѣстѣ съ слезами, выходилъ онъ изъ-подъ черепа сѣдыми нитями, серебряными волосами, да не вышелъ.

Одно, что осталось у него, жажда борьбы противъ этого саженнаго человѣка съ саженнымъ сердцемъ. Но какъ съ нимъ бороться? Надо народъ поднимать.

Идетъ церковная служба въ Конопати. Левинъ стоитъ на клиросѣ рядомъ съ капитаномъ Саловымъ. Тихо поютъ дьячки. Тихо народъ молится. А Левина что-то подмываетъ крикнуть, да такъ крикнуть, чтобъ тамъ, въ Петербургѣ, было слышно, чтобъ великанъ услыхалъ.

— Послушайте, православные христіане! Слушайте! Слушайте!—кричитъ онъ на всю церковь.

Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ.

— Послушайте!—кричитъ онъ еще громче.—Скоро будетъ преставленіе свѣта!.. Царь загналъ весь народъ въ Москву и Петербургъ и весь его погубитъ... Погубитъ! Погубитъ!

Онъ поднимаетъ руку, чтобъ видно было народу.

— Смотрите, православные! Вотъ тутъ, межъ этими пальцами, царь будетъ пятнать народъ, и всѣ въ него увѣруютъ... Бойтесь, православные! Онъ—антихристъ! Онъ всѣхъ печатать хочетъ.

Оторопѣлый священникъ кричитъ на него:

— Зачѣмъ ты такія слова говоришь! Я велю твоимъ же крестьянамъ взять тебя.

— Молчи, рабъ лѣнивый! Молчи, пастухъ! Гдѣ твои овцы? По лѣсамъ разбѣжались... Скоро и вамъ будутъ бороды брить, и станете вы табакъ тянуть, и будетъ у васъ по двѣ жены и по три... Спасайтесь, православные, бѣгите! Антихристъ идетъ!

Какъ безумный, онъ выбѣжалъ изъ церкви. Народъ со страхомъ разступался передъ нимъ.

— Охъ, матушки! Послѣдніе деньки пришли.

— Ой, смертушка наша!

— Печатать всѣхъ, батюшки свѣты! Запятнаютъ насъ.

— А кто пятнать будетъ?

— Не вѣдаю, родимые.

Такъ стонали бабы. Мужики недовѣрчиво переглядывались. Левинъ исчезъ изъ деревни—словно въ воду канулъ.

. . . . . .

Прошелъ мѣсяцъ, другой.

Въ Пензѣ, въ Предтеченскомъ монастырѣ обѣдня. По случаю праздника церковь полна народу.

Церковные колокола звонятъ что-то очень всѣмъ знакомое—но тяжело всѣмъ становится отъ этого знакомаго звона: это—похоронный перезвонъ. Кого-то хоронятъ, кого-то несутъ отпѣвать.

Всѣ ждутъ покойника. Глаза всѣхъ обращаются къ входнымъ дверямъ. Вотъ, вотъ внесутъ... А перезвонъ колоколовъ все унылѣе, унылѣе. Этотъ перебой, этотъ разладъ звуковъ глубоко западаетъ въ душу: словно звонятъ разбитые колокола, и мелодія ихъ какая-то разбитая, разбита жизнь того, по чьей душѣ они звонятъ такъ уныло.

Близко, близко покойникъ. Слышится напутственная, глубоко проникающая въ душу мелодія погребальнаго канона: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!»

Всѣ крестятся... да, притекъ къ тихому пристанищу... Тихо тамъ, охъ, какъ тихо...

Но вотъ и покойникъ... Кто же это? Его не несутъ: а ведутъ, ведутъ мертвеца! Что же это такое?.. Ведутъ кого-то подъ руки, покрытаго чернымъ покровомъ, какъ покрываютъ гробъ...

А хоръ не то торжествуетъ, не то разрывается—плачетъ: «житейское море»...

Покрытаго мертвеца подводятъ къ амвону. Всѣ напряженно слѣдятъ за нимъ. Снимаютъ покровъ. Шопотъ и стонъ испуга пробѣгаетъ по церкви... Охъ! Это живой мертвецъ въ саванѣ: блѣдное, худое лицо, посѣдѣвшіе волосы, низко-низко наклоненная голова.

«Господи! Кто это?»—проносится въ толпѣ.

А онъ стоитъ неподвижно, голова глубоко опущена

— Откуда пришелъ еси къ намъ?—спрашиваетъ настоятель монастыря, облеченный въ черныя ризы, какъ на похоронахъ:— откуда пришелъ еси?

— Изъ міра,—тихо едва слышно отвѣчаетъ живой мертвецъ въ саванѣ.

— Почто пришелъ еси?—снова спрашиваетъ тотъ

— Хочу принять ангельскій чинъ,—отвѣчаетъ мертвецъ.

Зрители не выносятъ этого потрясающаго допроса. Женщины рыдаютъ.

— Не изъ нужды ли мірскія пришелъ еси къ намъ?—продолжается страшный допросъ

— Ни, отче.

— Не страха ли ради?

— Ни, отче.

— Не корысти ли ради?

— Ни, отче.

— Не принужденіемъ ли?

— Ни, отче.

— Ни отчаянія ли ради?

— Ни, ни отче!

Мертвецъ зарыдалъ, и онъ не выдержалъ! Вся церковь стонала.

И начинается еще болѣе ужасный допросъ, это хуже пытки, хуже дыбы!

— Отрицаешися ли ты отца и матери?

— Ей, отче, Богу споспѣшествующу (рыдаетъ, захлебывается).

— Отрицаешься-ли дѣтей своихъ?

— Ей, отче, Богу споспѣшествующу.

— Отрицаешься ли братьевъ и сестеръ, отрицаешься ли всѣхъ сродниковъ твоихъ?

— Ей, отче, отрицаюсь.

— Отрицаешься ли друзей твоихъ и всѣхъ знаемыхъ твоихъ?

— Охъ, отрицаюсь, отрицаюсь, отрицаюсь!

Дрожь пробѣгаетъ по церкви. Стѣны стонутъ... Не выдер-

живаетъ и тотъ, кто допрашиваетъ—и онъ плачетъ—и изъ его стараго сердца выдавились слезы...

Будетъ ужъ! Довольно пытать его! Нѣтъ, пытаютъ...

Настоятелю подаютъ ножницы. Всѣ смотрятъ, что дальше будетъ... Взявъ ножницы, старикъ бросаетъ ихъ на полъ. Рѣзко звякнули ножницы о каменный церковный полъ, вздрогнули всѣ, перекрестились... Ждутъ... «Господи! Мука какая! За что?»

— Подаждь ми ножницы сіи!—повелительно говоритъ старикъ.

Посвящаемый нагибается и подаетъ ножницы.

Опять ножницы съ силою ударяются объ полъ. И опять тотъ же повелительный голосъ:

— Подаждь ми ножницы сіи!

Подаетъ... Въ третій разъ ножницы летятъ на полъ. Въ третій разъ раздается голосъ:

— Подаждь ми ножницы сіи!

Кто-то истерически рыдаетъ... «Унесите ее, бѣдную, унесите»...

Кого-то уносятъ.

И снова начинается какая-то пытка... Присутствующіе истомлены, подавлены...

— Да кого жъ это мучатъ, скажите, кого посвящаютъ?— плачетъ женскій голосъ.

— Левина, капитана... помѣщикъ здѣшній.

— Бѣдный, бѣдный.

— Ухъ, инда потъ прошибъ меня, глядючи на экую муку... Ну ужъ, ни за какіе, кажись, коврижки не пошелъ бы,—бормоталъ толстый купчина, обливаясь потомъ...

. . . . . .

Левинъ — монахъ. Черный клобукъ прикрылъ его сѣдую голову... Все, кажется, кончено...

Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Въ Пензѣ праздникъ и базарный день. Базарная площадь запружена народомъ.

На телѣжкѣ самокаткѣ сидитъ нищій, покрытый лохмотьями. Около него собралась кучка парней городскихъ, и кто даетъ нищему кусокъ бѣлаго калача, кто бубликъ, кто пряникъ.

«Демка-чернецъ, Демка-чернецъ!» слышится въ толпѣ.

Это и есть Демка-чернецъ, что сидитъ въ телѣжкѣ. Руки и ноги у него дергаются, онъ весь какъ на пружинахъ.

— Отчего это тебя дергаетъ, Демушка? — спрашиваютъ парни.

— По дьявольскому навожденію, отъ винопитія необычнаго, водку жралъ шибко въ монастырѣ, за что и ангельскаго чина обнаженъ, разстригли.

Парни смѣются.

— А съ руками, что у тебя подѣлалось, Демушка?

— Трясеніе веліе, отъ велія дерзновенія ручного, дѣвокъ щупалъ.

Общій взрывъ хохота.

— А ноги что, Демушка?

— Все отъ бѣса... Отъ ногамъ-скаканія, отъ хребтомъ-вихлянія, отъ очамъ-намизанія: съ бабами плясалъ, дѣвкамъ подмигивалъ.

Веселая молодежь смѣется. Цинизмъ ничаго не смущаетъ молодую совѣсть.

— А какъ же ты сказывалъ, что тебя подъ Полтавой ранили.

— Подъ Полтавой, братцы, точно.

— А самого Карла короля видалъ?

— Видалъ. Это и телѣжка его. У него отнялъ.

Опять хохотъ. Молодежи и этого довольно: ея на все хватитъ, и на доброе, и на злое.

— А царя видалъ?

— Видалъ, и съ нимъ за море ѣзжалъ: нѣмецкую водку пивалъ, по-россейски пьянъ бывалъ.

И это смѣшно тому, кому смѣяться хочется.

— Калики перехожіе! Калики перехожіе!—кричатъ задніе.

По площади идутъ слѣпцы съ поводыремъ. Это они, тѣ, которые пѣли въ Кіевѣ у воротъ лавры, когда оттуда выходилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Калики не старѣются, не во что старѣться. Только маленькій поводырь выросъ въ большого парня.

— Это саратовскіе калики, изъ Саратова,—кричатъ ребятишки.

Голосъ младшаго калики, Бурсака, баситъ на это:

Мы съ Саратова,
Изъ богатова,
Изъ Саранскова
Побиранскова,
А пачпортъ у насъ изъ града Ерусалима—
Бѣжали мы на волю отъ злова господина.
Отпустилъ насъ другой господинъ—
Богъ вышній единъ.
Мы корочку грызёмъ—
Волюшку блюдемъ;
Пусты шти хлебаемъ—
Податей не знаемъ.

И вслѣдъ затѣмъ калики затянули хоромъ что-то строгое, мрачное, безпадежное. Шумливая молодежь затихла. И старые, и малые прислушивались къ этому народному гимну, безконечно-тоскливому, зловѣщему, безпросвѣтному, какъ самая жизнь, которая ихъ окутывала...

Внушительно звучалъ голосъ Захара Захребетника, покрывая голоса товарищей:

Ужъ жизнь сія скончивается
И день судный приближается.
Ужаснись, душе, суда страшнаго
И пришествія преужаснаго,
Окрылись, душе, крилы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести...

— Смотрите! Смотрите! Монахъ на крышѣ!—кричатъ въ толпѣ.

— Что это такое? Что онъ дѣлаетъ?

И толпа бросплась къ мяснымъ рядамъ, гдѣ на плоской крышѣ одной лавки, стоялъ высокій мужчина въ монашеской рясѣ, въ черномъ клобукѣ и съ клюкою въ рукѣ.

Онъ простираетъ къ небу руки, какъ бы молится, небо призываетъ въ свидѣтели...

— Что онъ, летѣть что ли хочетъ?—раздается голосъ.

— Молчи, щенокъ!

Монахъ снимаетъ съ головы клобукъ и высоко поднимаетъ его на длинной клюкѣ.

— Тсъ! Тсъ! Онъ говоритъ.

Монахъ дѣйствительно говорилъ.

— Послушайте, христіане, послушайте!—кричитъ онъ рѣзко, отчетливо.—Много лѣтъ служилъ я въ арміи, у генералъ-маіора

Гаврилы Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... Живъ я въ Петербургѣ. Тамъ монахи ѣдятъ въ посты мясо и съ блудницами живутъ. И въ Петербургъ изъ-за моря царь привезъ печати, три корабля, чѣмъ людей печатать... И запечатаютъ всѣхъ антихристовою печатью, запятнаютъ... И тотъ, кто зоветъ себя царемъ Петромъ, и онъ не царь, не Петръ... Онъ антихристъ, антихристъ! Слышите? Антихристъ! И въ Москвѣ, и по всей землѣ люди мясо будутъ ѣсть въ сырную землю и въ великій постъ... И весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать своими печатьми, а у помѣщиковъ всякой хлѣбъ отписывать, и помѣщикамъ хлѣба будутъ давать самое малое число, а изъ остального отписного хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, и тѣмъ хлѣба давать не станутъ... Бойтесь этихъ печатей, православные! Бѣгите отъ нихъ, бѣгите въ лѣса, укройтесь въ пустыняхъ! Солнце сошло съ своего пути... Земля сорвалась... колышется... Послѣднее время... антихристъ пришелъ... антихристъ... антихристъ...

Страшенъ видъ фанатика. Сѣдые волосы словно иглы длинныя, бѣлыя... рвутся отъ головы.

Народъ въ страхѣ разбѣжался. Площадь опустѣла.

— Ой! Ой! Ой!—кричалъ Демушка калѣка.—Помогите! Помогите! Ой! Ой!

XXV. Левинъ въ тайной канцеляріи.

Въ толпѣ, наэлектризованной безумною проповѣдью Левина на крышѣ и въ ужасѣ разбѣжавшейся, нашелся одинъ реалистъ, который не испугался, не принялъ словъ фанатика на вѣру, и если вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ съ базарной площади, то не отъ призрака грядущаго антихриста, бѣжалъ не прятаться, не спасаться, а съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ этого происшествія выгоду—поживиться, выслужиться передъ властями: онъ бѣжалъ прямо въ пензенскую земскую контору съ доносомъ, объявить государево «слово и дѣло».

Этотъ съ реальнымъ мозгомъ человѣкъ былъ—пензенскій мѣщанинъ или обыватель Ѳедоръ Каменьщиковъ.

Немедленно въ монастырь явилась воинская команда искать бунтовщика.

Левинъ не прятался, не отпирался. Это былъ человѣкъ съ желѣзною волею, которая только теперь сказалась въ немъ. Прежде, какъ человѣкъ нервный, какъ идеалистъ, онъ изливался въ лирическихъ порывахъ; когда порывъ переходилъ предѣлы нравственной упругости, предѣлы упругости нервовъ, нервы эти лопались, какъ стальная пружина, и воля его ломалась, разбивалась въ порывахъ. Теперь эта воля словно окаменѣла въ немъ, окаменѣли и нервы.

— Кто здѣсь Левинъ?—спросилъ офицеръ, явившійся съ командою арестовать в е с ь предтеченскій монастырь вмѣстѣ съ игуменомъ, Левинымъ и братіею.—Кто Левинъ?

— Се азъ!—отвѣчалъ тотъ.—Я тотъ, котораго вы ищете.

Онъ чувствовалъ, что только теперь начинается его д ѣ л о, его борьба.

Игуменъ Ѳеодосій, который еще такъ недавно посвящалъ его, плачущаго, смиреннаго, которому этотъ робкій неофитъ покорно подавалъ ножницы для постриженія, Ѳеодосій не узнавалъ его. Арестуемый, падая на скамью въ изнеможеніи, старый игуменъ шепталъ съ ужасомъ: «Сатано! Сатано! Сатано!.. Аминь-аминь, разсыпися»...

Только у старца Іоны, съ которымъ Левинъ успѣлъ подружиться въ монастырѣ и влить въ этого старика каплю своей энергіи, дико блеснули глаза при арестованіи и онъ проговорилъ, глядя на Левина:

— Пускай прежде повѣсятъ насъ подъ образами, а тамъ и обдираютъ съ нихъ ризы.

Когда потомъ Левина, въ губернской канцеляріи, заковывали въ желѣза, онъ протягивая руки и ноги, сказалъ:

— И нозѣ мои, и руцѣ мои, и главу мою закуйте... Закуете и языкъ мой, да души не закуете...

На него закричали, чтобъ онъ замолчалъ.

— Что кричишь? Бей тростію по главѣ, рукою по ланитамъ... Сподоби мя оплеванія.

Вмѣстѣ съ нимъ заковали и доносчика—реалиста Каменьщикова.

— О, Варрава! Варрава! Ты не умеръ еще,—проговорилъ какъ бы про себя Левинъ, садясь съ своимъ доносчикомъ въ те-

лѣгу, которая должна была везти ихъ въ Москву, какъ важныхъ государственныхъ преступниковъ.

Съ ними отправленъ былъ сержантъ Арцыбашевъ.

Дорогой Левинъ ласково заговаривалъ съ своимъ доносчикомъ, разспрашивалъ его о семьѣ, о дѣтяхъ; но тотъ всю дорогу упорно молчалъ, разъ навсегда заявивши: «Мнѣ съ тобой разговарить не-слѣдъ, да и не о чемъ: мое дѣло сторона»

Левина везли изъ Пензы на Муромъ. Когда проѣзжали муромскимъ лѣсомъ, Левинъ просилъ Арцыбашева остановиться на минуту.

— Для чего?—спросилъ Арцыбашевъ.

— Богу помолиться... Тутъ недалече покоится прахъ сестры моей, персть ея, пыль, зола.

Арцыбашевъ позволилъ. Левинъ, выйдя изъ телѣги, упалъ на колѣни и поцѣловалъ землю. При этомъ кандалы зазвенѣли на немъ.

— Слышишь, сестра моя слышишь?—сказалъ онъ восторженно.—Это не оковы звенятъ, не желѣзо, а золото... Изъ него куютъ мнѣ золотой вѣнецъ вмѣсто терноваго.

И онъ снова поцѣловалъ землю.

— Прощай, прощай, прощай! Скоро увидимся.

Вставъ съ земли и поднявъ руки къ небу, онъ радостно воскликнулъ:

— Вонъ она, надъ лѣсомъ летитъ! Это душа ея... золотой вѣнецъ, золотые волосы!

Потомъ, оборотясь лицомъ къ западу, съ горестью произнесъ:

— А ты гдѣ? Ты гдѣ, добрая моя? Увижу ли тебя когда-нибудь?

17-го апрѣля Левина привезли въ Москву и сдали въ тайную канцелярію. Все, что онъ имѣлъ—отобрали у него. Когда въ Муромѣ отказались дать почтовыхъ лошадей подъ колодниковъ, то Левинъ самъ купилъ, для дальнѣйшаго своего слѣдованія, вмѣстѣ со своимъ доносчикомъ и сержантомъ, на свой счетъ телѣгу, сбрую и пару лошадей, одну каурую, а другую гнѣдо-пѣгую... Таковыми названы эти историческія лошади въ слѣдственномъ архивномъ дѣлѣ о Левинѣ... У Марка-королевича, югославянскаго героя, былъ «кудрявый» конь, «шарацъ», съ барашковой шерстью; у Александра Македонскаго былъ бу-

пефалъ-конь; у Левина—каурый и гнѣдо-пѣгій... За все это онъ заплатилъ 14 рублей! Таковы были тогда цѣны на все, въ томъ числѣ и на жизнь человѣческую... Отобрали у Левина дорожный пуховикъ, двѣ подушки, лошаковое одѣяло, серебряную печать, кошелекъ съ замкомъ, все это, вмѣстѣ съ 10-ю оставшимися у него алтынами становилось государственнымъ достояніемъ.

— Раздѣлиша ризы моя по себѣ,—шепталъ онъ, когда его раздѣвали передъ допросомъ.

Жаль только ему было разставаться съ святцами, подаренными ему Ксенією и служившими для него дневникомъ и памятною книжкою. Тамъ, противъ 24-го генваря, подъ именемъ К с е н і я подписано было: «Тобою, свѣтлая, просвѣтися душа моя. Съ тобою, чистая, убѣлюся паче снѣга».

Наконецъ, онъ предсталъ передъ грознаго Андрея Ивановича Ушакова, который, собственно по наружности, былъ совсѣмъ не грозенъ. Полненькій, жирненькій, гладенькій, съ вздернутымъ носикомъ, съ ожирѣвшими сѣрыми глазками, онъ напоминалъ парскую ключницу, которой недоставало только тѣлогрѣи и бабьей кики. Онъ ходилъ съ развалочкой, говорилъ медленно и ласково и когда подписывалъ смертные приговоры, то всегда старался, чтобъ росчеркъ пера вышелъ покрасивѣе. Даже выраженіе «смертная казнь» онъ всегда старался смягчить тѣмъ, что слово «казнь» писалъ съ «еремъ» въ серединѣ: «казнь», и когда ему говорили, что слѣдуетъ писать безъ «еря», онъ отвѣчалъ: «съ еремъ, другъ мой, помягче». Когда въ его присутствіи пытали подсудимыхъ, то лицо его выражало полнѣйшее добродушіе, и когда пытаемый, не вынося мукъ, кричалъ: «скажу, все скажу!» и часто лишнее, чтобъ только избавиться на секунду отъ адскихъ мукъ, вздохнуть, не задохнуться, не умереть подъ пыткой, Андрей Ивановичъ обыкновенно говаривалъ съ улыбочкой: «Хорошее это дѣло пыточка: не мучишь по крайности долго человѣка, сразу скажетъ». Зато кучеру своему никогда не позволялъ стегать лошадей, даже слегка. «Что ты живодерничаешь? Блаженъ, иже и скоты милуетъ», обыкновенно замѣчалъ онъ.

— Что, другъ мой, скажешь хорошенькаго?—ласково спросилъ онъ Левина, когда того ввели въ канцелярію.

Левинъ молчалъ, озадаченный такими словами.

— Благополучно ли доѣхать изволилъ изъ Пензы? — продолжалъ Ушаковъ все тѣмъ же тономъ.

Левинъ опять молчитъ.

— Сказываютъ, у васъ въ Пензѣ антихристъ появился? А?

Молчаніе.

— Жаль, жаль... такъ какъ же, другъ мой? Экой ты не разговорчивый какой... А мнѣ бы любопытно было узнать объ антихристѣ-то... И насчетъ печатей любопытно, любопытно...

Потомъ, обратясь къ подъячимъ, сказалъ:

— Допросите его по пунктамъ. Меня онъ не хочетъ огорчать.

Начался допросъ. Такъ какъ вопросные пункты вертѣлись исключительно на антихристѣ, то есть съ кѣмъ именно говорилъ подсудимый объ антихристѣ, связывая его имя съ именемъ царя, то Левинъ ничего не скрылъ, смѣло отвѣчая на каждый вопросъ.

Допрашивающіе смотрѣли на него съ удивленіемъ, а въ масляныхъ глазкахъ Ушакова свѣтилось какое-то сладострастное удовольствіе, точно они хотѣли сказать: «Вотъ лакомый кусочекъ, просто находка»...

Никакого запирательства, никакой робости, но и ничего лишняго, словно дѣльный студентъ сдаетъ экзаменъ на кандидата.

Говорилъ онъ объ антихристѣ съ протопопомъ Лебедкой, съ духовнымъ отцомъ князя Меншикова.

Допрашивающіе переглянулись. Ушаковъ ласково кивнулъ головкой.

Говорилъ съ княземъ Прозоровскимъ, монахомъ Невской лавры.

Говорилъ съ келейникомъ митрополита Стефана Яворскаго, Машкаринымъ.

При имени Стефана Яворскаго у Андрея Ивановича разлилось по лицу умиленіе и ангельская доброта.

Говорилъ съ дьякомъ дома Стефана Яворскаго, съ Кублицкимъ.

Въ селѣ Конопати, въ церкви, и въ Пензѣ, на площади, громко возвѣщалъ народу пришествіе антихриста въ лицѣ царя.

Говорилъ о немъ съ попомъ села Конопати, Глѣбомъ Никитинымъ, который и грозилъ связать его за это въ церкви.

Говорилъ съ попомъ своей деревни, Левиной, Чирчимъ тожъ, съ Иваномъ Григорьевымъ.

Съ двоюродными братьями своими, Разстригиными, служившими въ Преображенскомъ полку: говорили объ антихристовыхъ печатяхъ, привезенныхъ царемъ изъ-за моря въ трехъ корабляхъ.

Говорилъ со всѣми своими родными Левиными, въ деревнѣ.

Съ драгунскимъ капитаномъ Саловымъ, съ саранскимъ комиссаромъ Языковымъ, съ игуменомъ Ѳеодосіемъ, съ монахомъ Іоною, глубоко увѣровавшимъ въ проповѣдь объ антихристѣ и кончинѣ свѣта.

Антихристъ, антихристова печать, три корабля съ печатями, антихристовы клейма, печатать людей будутъ, пятнать между большимъ и указательнымъ пальцами, обдирать образа, монахи ѣдятъ мясо, спятъ съ блудницами, у помѣщиковъ будутъ хлѣбъ отбирать...

— Любопытно, любопытно, другъ мой, много любопытнаго ты мнѣ разсказалъ, спасибо, спасибо, мой другъ,—говорилъ Андрей Ивановичъ, ходя, или вѣрнѣе, катаясь шарикомъ по канцеляріи, съ наслажденіемъ потирая свои пухленькія ручки. А я этого, признаюсь, и не зналъ, сидючи въ своей тайной канцеляріи... А оно вонъ-что, на поди! Три корабля печатей... Ахъ ты Господи! Вотъ и угадай его, антихриста-то. Спасибо, мой другъ, что предостерегъ. А я-то, старый дуракъ, думаю себѣ: царь Петръ Алексѣевичъ. Служу ему вѣрой и правдой. А тутъ вонъ что оказывается, онъ насъ всѣхъ морочилъ. Ну, спасибо, спасибо, другъ мой, какъ бишь тебя зовутъ-то? Василій, а по отчеству?

Левинъ опять молчалъ.

— Савинъ,—подсказалъ одинъ подъячій.

— Да-да, Василій Савичъ, спасибо дружокъ Василій Савичъ, что глаза мнѣ открылъ... Ну такъ какъ-же на счетъ печатей-то? Гдѣ эти корабли съ ними стоятъ? У Котлина острова, говоришь? Вотъ бы мнѣ изловить ихъ, печатальщиковъ-то этихъ, да въ тайную. А? Какъ ты думаешь, дружокъ?

Молчаніе.

— Такъ и митрополитъ Стефанъ, говоришь, зналъ объ этомъ? А? Какъ же ему, святителю, не стыдно было отъ меня таить? А мы съ нимъ други-пріятели. Ну-ну! Вотъ истинно: не

знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Ну, а насчетъ самого антихриста-то? Такъ ты, дружокъ, заподлинно вѣдаешь, что онъ во мѣсто царя къ намъ явился? А? Каковъ молодецъ! Какъ подвелъ-то насъ всѣхъ! Каково! Ну, еслибъ не ты, Василій Савичъ, если-бъ ты не вывелъ его на чистую воду, быть бы намъ всѣмъ съ печатями.

Потомъ, подойдя къ подсудимому и ласково глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Какое твое иноческое имя?

— Варлаамъ.

— Такъ ты, чернецъ Варлаамъ, стоишь на томъ, что показалъ нынѣ на допросѣ?

— Стою.

— Ну, такъ теперь, другъ мой, мы съ тобой объ этомъ въ застѣнкѣ поговоримъ. Безъ этого нельзя: такъ, пустая форма, какъ нынѣ модники говорятъ, одна пустая форма этотъ застѣнокъ, и больше ничего. Разговаривать въ застѣнкѣ, все одно, что послѣ бани блины ѣсть: весело, и на душѣ легко становится.

А потомъ, обратясь къ секретарю, Ушаковъ сказалъ:

— Напиши синоду, чтобы онъ незамедлительно обнажилъ инока Варлаама отъ монашескаго чина. А также послать нарочныхъ за всѣми, которые значатся въ его оговорѣ.

Онъ махнулъ рукой. Левина увели.

— До свиданья, мой другъ,—сказалъ ему вслѣдъ Андрей Ивановичъ.—Вотъ оно что значитъ книгъ-то зачитываться: отъ нихъ и мысли пойдутъ, а мысли никогда до добра не доводятъ,—замѣтилъ Ушаковъ по уходѣ Левина.—Нѣтъ ничего хуже мыслей. А жили бы тихо, по нашему, держали бы синицу въ рукахъ, ну, и лучше было бы.

Андрей Ивановичъ былъ реалистъ до мозга костей: онъ твердо помнилъ, что обухомъ не всякую плеть перешибешь. Но зачѣмъ ее перешибать, когда можно расплести? И онъ расплеталъ.

Въ тотъ же день нарочные поскакали въ Петербургъ, въ Пензу, въ Симбирскъ, въ Саранскъ, въ Жадовскую пустынь, въ Левино, въ Конопати, въ Рязань. Со всѣхъ сторонъ везли оговоренныхъ, которые должны были помочь развязать страшный узелъ, завязанный Левинымъ.

Начались допросы, передопросы, очныя ставки — и пытки, пытки безъ конца. Андрей Ивановичъ, какъ сыръ въ маслѣ катался. Въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли онъ успѣлъ стянуть къ узлу всѣ нитки, концы которыхъ были разбросаны по всей Россіи, начиная отъ Петербурга и кончая Конопатями и деревней Левиной.

Въ десятыхъ числахъ мая дѣло казалось ему до того яснымъ и такимъ интереснымъ, что, когда 13-го мая Петръ выѣхалъ изъ Москвы въ Астрахань, то Ушаковъ послалъ свой докладъ по этому дѣлу вдогонку за царемъ, спрашивая его:

«Старцу Левину по окончаніи розысковъ какую казнь учинить и гдѣ, въ Москвѣ или на Пензѣ?

Онъ же, Левинъ, показалъ на родственниковъ своихъ, четырехъ человѣкъ, что при нихъ злыя слова въ домѣ говорилъ, да вышеписанныя же слова говорилъ онъ въ церкви всенародно при капитанѣ, при коммисарѣ

«По его же, Левина, разспросу касается нѣчто до рязанскаго архіерея, токмо нынѣ безъ разспросу старца Прозоровскаго нельзя того явственно признать, и ежели по разспросу онаго покажется до него, архіерея, важность, и его допрашивать-ли и гдѣ, въ синодѣ ли или въ тайной канцеляріи, и какъ его содержать?»

Докладъ этотъ засталъ Петра уже въ Коломнѣ, куда онъ, отправляясь въ персидскій доходъ, приплылъ изъ Москвы водою.

Докладъ подали ему въ тотъ моментъ, когда онъ собирался выходить на берегъ. Прочитавъ бумагу, онъ сказалъ съ сердцемъ:

— Опять попы да монахи! Они точно кроты роются подъ мой тронъ. О! Долгогривые и долгоязычные! Если я не укорочу имъ эти языки, то дѣти, внуки и правнуки ихъ, рано-ли, поздно ли перевернутъ вверхъ дномъ россійское царство... Кроты выйдутъ изъ земли, попомните меня!—сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.—Теперь они безъ глазъ, воюютъ, яко слѣпые, изъ-за перстнаго сложенія и изъ-за трегубой аллилуіи. А тогда у нихъ глаза будутъ и они объявятъ войну царямъ и Богу, и еще невѣдомо, на чьей сторонѣ останется викторія.

И онъ тутъ же положилъ резолюціи по каждому пункту доклада. Противъ перваго пункта, гдѣ Ушаковъ спрашивалъ—«въ Москвѣ или на Пензѣ учинить Левину казнь», царь собственноручно написалъ: на П е н з ѣ. По второму пункту Петръ положилъ: «Слѣдовать и смотрѣть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже и временемъ мѣшается и завирается« (т. е. Левинъ и путается, и завирается). Относительно Стефана Яворскаго царь написалъ: «Когда важность касаться будетъ, тогда сенату придти въ синодъ и тамъ допрашивать, и слѣдовать чему подлежитъ».

Потомъ, обращаясь къ приближеннымъ, Петръ сказалъ:

— Сей малороссійскій народъ и зѣло уменъ, и зѣло лукавъ: онъ, яко пчела любодѣльна, даетъ россійскому государству и лучшій медъ умственный, и лучшій воскъ для свѣщи россійскаго просвѣщенія, но у него есть и жало. Доколѣ россіяне будутъ любить и уважать его, не посягая на свободу и языкъ, дотолѣ онъ будетъ воломъ подъяремнымъ и свѣточью россійскаго царства; но коль скоро посягнутъ на его свободу и языкъ, то изъ него вырастутъ драконовы зубы, и россійское царство останется не въ авантажѣ.

XXVI. Левинъ въ застѣнкѣ.

Ярко блестятъ золотыя маковки и кресты московскихъ церквей подъ жаркими лучами лѣтняго солнца. Дня еще немного прошло, но желѣзныя крыши и каменные заборы успѣли накалиться до того, что воробьи и голуби ищутъ зелени, а люди прячутся въ тѣнь, неохотно показываясь на солнце.

Только одна сѣдая голова жарится на солнцѣ. Старикъ, обвѣшанный сумками, опираясь на клюку, бродитъ у генеральнаго двора передъ сенатомъ и что-то бормочетъ. Онъ чѣмъ-то серьезно занятъ. Вынимаетъ поочередно то изъ той, то изъ другой сумки разныя зерна, пшено, крупу, рисъ, и, изображая изъ себя сѣятеля, сѣетъ все прямо на мостовую. Всякое его движеніе сопутствуется голубями и воробьями, которые, разставаясь съ тѣнью крышъ и зеленью палисадниковъ, кучами слетаются на мостовую и клюютъ разсѣваемыя сѣдымъ старикомъ зерна.

— Ахъ вы, Божьи нахлѣбнички!—обращается старикъ къ воробьямъ.—Проголодались, поди... А ни сѣять, ни жать, ни въ

житницы собирать не умѣете? Да куда вамъ? Люди бы все у васъ отняли.

Завидѣвъ кошку, которая пробиралась къ воробьямъ, онъ бросился на нее съ клюкой.

— Ахъ ты, Андрюшка Ушаковъ!—крикнулъ онъ на нее.— Ишь подбирается къ глупымъ воробушкамъ. У тебя, чай, въ тайной, и безъ того мышей довольно.

На одной изъ церквей пробило восемь часовъ. Старикъ перекрестился.

— Однимъ часомъ меньше стало,—сказалъ онъ про себя,— и имъ однимъ часомъ меньше мучиться осталось.

Одинъ голубь сѣлъ ему на плечо. Умные глазки старика засвѣтились молодою радостью.

— Что, гуля умница, догадался? — ласково сказалъ старикъ.—А онъ не догадывается доселѣ: еслибъ и я, какъ онъ, вздумалъ учить гулю дубинкой, то гуля давно бы въ лѣсъ улетѣлъ.

— Богъ въ помощь, Ѳомушка (это и былъ Ѳомушка-юродивый): ты все съ своими дѣтками?

Это говорилъ благообразный старичокъ, повидимому, купецъ.

— Съ дѣтками,—отвѣчалъ Ѳомушка.—А ты все съ своимъ сынкомъ, съ аршиномъ?

И при этомъ пояснилъ говоркомъ:

Аршинъ,—аршинъ,
Купецкій сынъ,
Не сѣетъ, не жнетъ
А все хлѣбъ жуетъ
И рубли куетъ...

— Вѣрно, вѣрно, Ѳомушка,—согласился купецъ.

Звяканье кандаловъ заставило ихъ оглянуться.

Къ воротамъ генеральнаго двора подходилъ арестантъ, закованный въ ручныя и ножныя желѣза и сопровождаемый солдатами.

Ѳомушка, вглядываясь въ него, тихо проговорилъ: Бѣдный, бѣдный воробушекъ! Года два назадъ ты прыгалъ въ Питерѣ, на Троицкой площади, съ отцомъ Варсонофіемъ... Видалъ я тебя и съ господами офицерами у Малой Невы... Видалъ я, какъ ты вылеталъ потомъ изъ Невской лавры, а Ѳомушка въ тѣ поры

плакалъ о своей внучушкѣ, горлинкѣ, Вѣрушѣ, что монастырскіе вороны заклевали...

Звяканье кандаловъ смолкло. Арестанта ввели во дворъ.

Ѳомушка, поднявъ кверху клюку, закричалъ:

— Эй вы, вороны, вороны сизые! Нахлѣбнички царскіе-боярскіе! Солетайтеся-собирайтеся: скоро вамъ будетъ праздничекъ-пированьице, столованье царское: угощать васъ будутъ мясцомъ-говядинкой боярскою, а запивать вы будете кровушкой горячею.

Стукъ кареты заставилъ замолчать юродиваго. Карета остановилась передъ сенатомъ, гдѣ уже собралось нѣсколько любопытныхъ, въ томъ числѣ и нищіе. Ѳомушка тоже подошелъ къ зрителямъ.

— Отецъ нашъ! Кормилецъ!—запѣли нищіе, увидавъ юродиваго.

— Генералъ-прокуроръ Ягужинскій въ сенатъ прибылъ,—пояснилъ купецъ.

— Волкодавъ,—пробормоталъ юродивый.

Еще подъѣхала карета. Изъ нея вышелъ угрюмый, но бодрый старикъ. Купецъ почтительно снялъ шапку и низко поклонился.

— Князь Дмитрій Михайлычъ Голицынъ, ума палата,—пояснилъ онъ.—Это не щелкоперъ, не чета другимъ, а премудръ, аки Соломонъ, и старину любитъ.

— Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ,—пояснилъ юродивый для себя.

Карета за каретой стали подъѣзжать къ сенату. Пріѣхалъ Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ, Долгоруковъ князь, Григорій Ѳедоровичъ, Матвѣевъ графъ, Андрей Артамонычъ.

Послѣдними явились Шафировъ и графъ Гаврило Головкинъ. Они пріѣхали въ одной каретѣ.

— Ишь ты, диво какое,—замѣтилъ юродивый,—одна берлога привезла двухъ медвѣдей.

— Должно, кого-нибудь судить собрались,—пояснилъ купецъ.

— Кого жъ больше, праваго,—замѣтилъ юродивый.

— Какъ праваго, Ѳомушка?

— Вѣстимо, праваго. Виновныхъ никогда не судятъ.

— Для чего такъ?

— Для того, что виноватые сами судятъ.

— Ужъ ты, Ѳомушка, всегда загадками говоришь.

— Ну, такъ отгадывай. А я тебѣ вотъ что скажу, купецъ, слушай: коли нищій укралъ у тебя кусокъ пестряди на порты, не ты его тащи въ судъ, а онъ тебя за шиворотъ тащить долженъ, и судить тебя за то, что ты его до воровства довелъ.

Купецъ засмѣялся.

— Такъ по твоему, воры должны судить неворовъ.

— Должны: «Зачѣмъ-де насъ до воровства довели»...

— Чудеса, чудеса!

Послѣдуемъ, однако, за сенаторами.

Въ сенатской залѣ собрался верховный судъ въ полномъ составѣ. За большимъ столомъ, на которомъ лежатъ крестъ и евангеліе, сидятъ судьи въ порядкѣ старшинства. Въ головѣ суда—старый графъ Головкинъ, съ тѣми же старческо-лисьими глазками, съ какими онъ присутствовалъ и на ассамблеѣ у свѣтлѣйшаго Меншикова. Только нижняя губа еще больше отвисла. Далѣе князь Григорій Долгоруковъ. У этого на лицѣ—холодное равнодушіе и скука, какъ будто бы ему все надоѣло. Нѣсколько поодаль Яковъ Брюсъ и Шафировъ. Послѣдній, съ еврейскими ужимками, разсматриваетъ массивную золотую табакерку сосѣда и какъ бы мысленно взвѣшиваетъ ея цѣнность.

Князь Голицынъ смотритъ угрюмо: словно бульдогъ, онъ поглядываетъ на своихъ товарищей и особенно косится на Ягужинскаго, который что-то объясняетъ графу Матвѣеву.

Передъ ними стоитъ Левинъ въ кандалахъ. Онъ точно помолодѣлъ. Лицо его оживлено. Только между бровями, при стыкѣ ихъ, встала новая вертикальная складка.

— Такъ ты стоишь на томъ, что показалъ на рязанскаго архіерея?—спрашиваетъ Ягужинскій.

— Стою,—твердо отвѣчаетъ Левинъ.

— И что былъ у него многажды?

— Былъ.

— И наединѣ сиживалъ?

— Сиживалъ.

— И утверждаешься на томъ, якобы онъ, архіерей, гово-

рилъ тебѣ, что-де государь царь Петръ Алексѣевичъ—иконоборецъ.

— Утверждаюсь.

Судьи переглянулись. Злая улыбка скользнула не на губахъ, а въ глазахъ Шафирова.

— И сказывалъ тебѣ архіерей, будто бы-де государь принуждалъ его быть синодомъ?—продолжалъ Ягужинскій.

— Сказывалъ.

— И сказывалъ онъ, архіерей, что онъ-де якобы стоялъ передъ государемъ на колѣняхъ и просилъ-де не быть синодомъ?

— Ей, сказывалъ.

— Говори сущую правду передъ святымъ крестомъ и евангеліемъ,—возвышаетъ голосъ Голицынъ.

Левинъ вскидываетъ на него глаза и съ силой отвѣчаетъ:

— Всемогущему Богу отвѣчаю, не тебѣ!

— Стоишь на своемъ словѣ?

— Стою и на немъ въ гробъ лягу.

— И предъ лицомъ архіерея повторишь то слово?

, — Не предъ лицемъ архіерея токмо, но предъ лицемъ Бога Всемогущаго.

Какъ электрическая искра пробѣгаетъ этотъ отвѣтъ по собранію. Даже Долгоруковъ откидывается на креслахъ и изумленно смотритъ въ глаза подсудимаго.

— Все сказалъ?—продолжаетъ Ягужинскій.

— Не все.

— Сказывай все.

— Говорилъ мнѣ еще архіерей: желаю-де въ Польшу отъѣхать.

— Для чего?

— Дабы не быть псомъ патріарша престола.

— Замолчи! Не кощунствуй!—крикнулъ на него Ягужинскій.

— Ты что кричишь, холопъ царевъ! (И подсудимый зазвенѣлъ цѣпями).—Я и на страшномъ судѣ не замолчу.

Всѣ сенаторы встали съ мѣстъ.

— Въ застѣнокъ его,—проговорилъ Головкинъ.

Подсудимаго увели въ застѣнокъ. За нимъ послѣдовали всѣ сенаторы.

— Утверждаешься на словѣ?—еще разъ спрашиваетъ Ягужинскій.

— Утверждаюсь.

— Палачи! Дѣлайте свое дѣло.

На подсудимаго надѣваютъ пыточный хомутъ, къ одной ногѣ привязываютъ веревку и тянутъ на дыбу. Отъ тяжести тѣла и еще болѣе оттого, что одинъ изъ палачей всѣми силами натягиваетъ веревку, привязанную къ ногѣ подсудимаго, руки несчастнаго выскакиваютъ изъ суставовъ.

— Бей!—говоритъ Ягужинскій одному палачу.

Удары палача не измѣняютъ рѣшимости фанатика. Онъ упорно молчитъ.

Сенаторы ждутъ, думая, что невыносимыя муки заставятъ несчастнаго кричать, молить о пощадѣ, измѣнить показанія...

Ждутъ десять минутъ...двадцать... двадцать пять... Можно задохнуться на вискѣ, обезумѣть отъ боли... Нѣтъ!

Палачъ отъ времени до времени повторяетъ свои удары, отъ которыхъ волъ заревѣлъ бы...

Нѣтъ! Не реветъ...

Еще ждутъ... Становится скучно и досадно.

— Утверждаешься на послѣднемъ показаніи? — нетерпѣливо спрашиваетъ генералъ-прокуроръ.

Молчитъ.

— Стоишь на словѣ? (къ палачу). Ударь сильнѣе! Стоишь?

Молчаніе.

Ждутъ... Тридцать минутъ... сорокъ...

— Вѣдомости пришли изъ Астрахани, что государь въ море отплываетъ,—говоритъ Головкинъ.

— Не сдобровать Миръ-Махмуду,—замѣчаетъ Брюсъ.

Опять ждутъ.

— Пишутъ мнѣ изъ вотчины, засухи стоятъ, урожаи плохи, чай, выдутъ,—заводитъ Голицынъ.

— Арбузы, сказываютъ, государю полюбились въ Царицынѣ, быковскіе,—поясняетъ Шафировъ.

— Да, въ сухой годъ арбузы хороши бываютъ, и ягодъ прорва,—добавляетъ Ягужинскій.

Ждутъ. Молчитъ Левинъ.

Еще ударь!

Ни звука... Ждутъ, слушаютъ... Никакъ говоритъ? Да, говоритъ.

— Матушка! Матушка! Погляди на меня съ небесъ, на сына твоего, на Васю,—шепчетъ несчастный;—посмотри, матушка! Какой я славы дождался...

— Заговаривается, — замѣчаетъ Голицынъ, — пора бы снять.

— Дуня! Евдокѣюшка... ты видишь меня... порадуйся...

— Да, бредитъ.

— А ты, Оксаночка, гдѣ ты?

— Снимите!—приказываетъ Головкинъ.—Сорокъ пять минутъ висѣлъ.

Снимаютъ. Ждутъ слова, мольбы, напрасно!

Подсудимый поднимаетъ руки къ небу и говоритъ восторженно:

— Благодарю тебя, Всемогущій Боже, яко сподобилъ мя мученической славы! Славлю имя твое святое нынѣ и присно!

— Не снимаешь свой оговоръ съ архіерея Стефана?—снова спрашиваетъ Ягужинскій.

— Не снимаю! Суще на архіерея право тѣ слова показалъ... А се нынѣ добавлю: онъ-же, архіерей, говорилъ мнѣ, что будутъ писать токмо три иконы да распятіе, а достальныя-де станутъ на воду пускать и жечь. И онъ же говорилъ мнѣ: «ѣдучи до Новгорода, въ дорогѣ помолчи. а отъ Новгорода сказывай, чтобъ иконы убирали»...

Сенаторы съ недоумѣніемъ, а иные и съ тайною радостью посмотрѣли другъ на друга: приходилось допрашивать великаго старца, блюстителя патріаршаго престола, митрополита Стефана Яворскаго.

Когда Левина увели, графъ Головкинъ обратился къ сенаторамъ:

— Будемъ допрашивать архіерея, господа сенатъ?

— Повинны въ силу указа царева,—замѣчаетъ Ягужинскій.

— Да будетъ такъ! Воля царева, мать закона: она его рождаетъ,—пояснилъ, не безъ задней мысли, Долгоруковъ.

Когда Левина вывели изъ воротъ генеральнаго двора, чтобъ снова отвести въ тюрьму тайной канцеляріи, народъ съ боязнью

разступился передъ нимъ: лицо его выражало что-то такое всепрощающее, необычайное между людьми, что становилось страшно чего-то.

Одинъ Ѳомушка не испугался. Напротивъ, онъ быстро подошелъ къ арестанту и поклонился ему до земли. Затѣмъ, сѣвъ верхомъ на клюку, какъ это дѣлаютъ ребятишки, когда играютъ въ лошадки, сталъ прыгать впереди Левина, показывая видъ, что скачетъ.

— Пошелъ прочь, дуракъ!—закричалъ на него одинъ солдатъ, повидимому, не русскій.—Что ты дѣлаешь?

— Ѣду къ Марьѣ Акимовнѣ и къ Иванъ Захарычу,—отвѣчалъ юродивый загадочно.

— Зачѣмъ?—спросилъ купецъ, знавшій уже, кто разумѣлся у юродиваго подъ именемъ «Марьи Акимовны», и кто былъ «Иванъ Захарычъ».

— Чтобъ Марья Акимовна сынка своего попросила отворить райскія двери.

— Для кого?

— Вонъ для него.

И юродивый, указавъ на Левина, поскакалъ верхомъ на палочкѣ среди изумленныхъ москвичей.

— Ишь, Божій человѣкъ, Христа ради юродствуетъ,—ра[illegible] замѣтила баба, несшая хлѣбъ съ базара.—Господь, дол[illegible] радость намъ пошлетъ, хлѣбушка подешевѣетъ.

— Держи, баба, карманъ!—обрѣзалъ ее купецъ.—Юродивый [illegible]—къ худу, а плачетъ—къ добру.

Левина уже не видно было. Слышалось только издали мѣрное позвякиванье кандаловъ.

— Слышите! Слышите!—говорилъ вновь откуда-то взявшійся Ѳомушка, прислушиваясь къ звяканью желѣза,—это Петруша апостолъ звенитъ райскими ключами... Отпираетъ, отпираетъ... Ай да Петруша!

XXVII. Очная ставка съ Стефаномъ Яворскимъ. Левинъ на спицахъ.

Идетъ допросъ Стефана Яворскаго. Митрополита допрашиваютъ не въ синодѣ, а на дому, «ради болѣзни»

И духовный и свѣтскій верховные суды, въ полномъ составѣ. собрались вмѣстѣ.

Но кто кого судитъ? Этотъ ли ветхій, маститый, съ кроткими глазами старецъ, въ митрополичьемъ одѣяніи, сидящій особо, поодаль отъ другихъ, и задумчиво перебирающій свои четки, къ концу которыхъ подвѣшено маленькое золотое распятіе, утвержденное на перламутровой, искусно выточенной мертвой головѣ? Онъ ли судитъ это сонмище вельможъ свѣтскаго и духовнаго чина, сидящихъ противъ него за особымъ столомъ? Или эти вельможи, не смѣющіе прямо взглянуть въ кроткіе глаза подсудимаго и точно слышащіе надъ собою приговоръ юродиваго, что судятъ всегда виноватые праваго, а не правый виноватыхъ, судятъ этого кроткаго старика?

Въ числѣ судей—врагъ Стефана Яворскаго, пронырливый и завистливый соотечественникъ Стефана, воспитанникъ іезуитовъ, украинецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Жесткое, хитрое лицо его выражаетъ скрытое торжество подъ личиной смиренія. Рядомъ съ нимъ—другіе члены синода: архимандриты чудовскій, новоспасскій и симоновскій. Это—высшій духовный судъ.

Отдѣльно отъ нихъ сидятъ члены свѣтскаго верховнаго суда—«господинъ сенатъ»: графъ Головкинъ, лукавые глаза котораго словно мыши попрятались въ норы, князь Григорій Долгоруковъ, Яковъ Брюсъ, Шафировъ, князь Димитрій Голицынъ, графъ Матвѣевъ и Ягужинскій.

Ягужинскій протяжно, внятно и съ разстановками читаетъ безконечныя показанія, данныя Левинымъ въ тайной канцеляріи, въ сенатѣ и въ застѣнкахъ подъ пытками 28 апрѣля, 8, 11, 15 и 26 іюня и послѣднее, 5 іюля.

Утомительно это чтеніе и мучительно для Стефана Яворскаго: имя старика попадается на каждой страницѣ; рядомъ съ этимъ именемъ звучатъ слова—антихристъ, царь, антихристовы печати, блудники-монахи...

При подобныхъ словахъ то въ глазахъ Ѳеофана Прокоповича блеснетъ зловѣщій огонекъ, то глазки Головкина засвѣтятся словно гнилушка ночью. Но задумчивые глаза подсудимаго старика смотрятъ куда-то далеко-далеко, не то на далекую, милую, въ туманѣ старческой памяти выступающую Украину, на родной Нѣжинъ, на старое дерево въ левадѣ съ вороньимъ гнѣздомъ, не то въ близкую могилу, у которой уже лежитъ готовая лопата, чтобы засыпать землей кроткіе, отглядѣвшіе свой вѣкъ глаза,

чтобы ужъ не глядѣть имъ въ невозвратное прошлое, на невозвратную Украину.

Ни Прокоповичъ, ни Головкинъ, ни Ягужинскій ничего не могутъ прочитать въ этихъ глазахъ, потому что ихъ реальный умъ незнакомъ съ тою рѣчью, которою говорятъ задумчивые глаза подсудимаго.

Наконецъ, чтеніе показаній Левина кончено.

Подсудимый глубоко вздохнулъ, но не измѣнилъ ни своего положенія, ни задумчиваго выраженія глазъ.

Помолчавъ немного, Головкинъ медленно произнесъ:

— Что будетъ угодно отвѣтствовать на сіе?

Стефанъ Яворскій перенесъ на него свои глаза, потомъ, медленно перенося ихъ на недоумѣвающія лица всего собора, началъ говорить тихо, плавно, спокойно, совершенно дѣловымъ языкомъ:

— Оный Левинъ въ Нѣжинѣ у меня былъ ли и такія слова, которыя въ разспросѣ его показаны, говорилъ ли, того за многопрошедшими годами сказать не упомню. А въ Петербургѣ, въ прошломъ 1721 году, онъ, Левинъ, ко мнѣ прихаживалъ не однажды и просилъ прилежно меня, чтобъ ему дать грамоту о постриженіи, и я говорилъ ему, чтобъ онъ просилъ въ военной коллегіи объ отставкѣ отъ службы, и когда-де свободный отъ службы указъ за руками генераловъ и за печатью ему дадутъ, тогда-де я и о постриженіи его грамоту дамъ. И потомъ онъ сказалъ мнѣ, что оный указъ взялъ и просилъ меня, чтобъ я о постриженіи его далъ письмо въ Соловецкій монастырь къ архимандриту. И я такое письмо ему далъ.

Ягужинскій усердно записывалъ каждое слово митрополита. Привычное перо скрипѣло при общей тишинѣ, какъ бы торопясь уловить не то, что говорилъ подсудимый, а то, что онъ думалъ и чувствовалъ.

Помолчавъ немного, митрополитъ продолжалъ:

— Да, все это было такъ, какъ онъ сказывалъ. А такихъ словъ, что будто бы онъ при мнѣ называлъ государя антихристомъ и будто я молвилъ, что-де онъ, государь, не антихристъ, а иконоборецъ, и будто я посылалъ его, съ келейникомъ своимъ въ сенатъ смотрѣть образовъ и къ соловецкимъ старцамъ будто для провѣдыванія, каково въ оной обители жить, также и въ

Невскій монастырь къ Прозоровскому, а также о неподписаніи подъ пунктами о синодѣ и о царевичѣ и что будто въ Польшу я хотѣлъ отъѣхать, и такихъ словъ я отъ Левина не слыхалъ и самъ ему не говаривалъ, и ничего того не бывало.

Перо Ягужинскаго такъ рѣзко скрипнуло на послѣднемъ словѣ, точно крикнуло: «Неправда! Неправда!»

И подъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ затрещало старое кресло. Глаза его свѣтились словно у борзой собаки, несущейся за лисою... «Охъ, уйдетъ, охъ, уйдетъ старая лиса!»...

А митрополитъ продолжалъ:

— Да и на единѣ со мною Левинъ никогда не бывалъ, и въ спальнѣ у меня не бывалъ также, а бывалъ только въ передней палатѣ или въ крестовой, и то при другихъ людяхъ, а не на единѣ, и многажды дожидался меня на крыльцѣ и прашивалъ дорогою о постриженіи же. А къ попу Никифору Лебедкѣ, можетъ быть, что я его просить о вспомоществованіи у свѣтлѣйшаго князя объ отставкѣ отъ службы и посылалъ, понеже Лебедка, отецъ духовный свѣтлѣйшему князю и всему дому его былъ и могъ бы ему помощь учинить.

Митрополитъ замолчалъ. Молчало и все собраніе сановниковъ.

— И о всемъ сказанномъ ваша святыня неотступно, подтверждаешь?—спросилъ, наконецъ, Головкинъ.

— Ей, ей— отвѣчалъ митрополитъ.—О всемъ сказанномъ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ приношу я самую истину такъ, какъ явиться мнѣ предъ Богомъ. А ежели я въ семъ отвѣтствованіи сказалъ, что не истинно и хотя мыслію къ тѣмъ Левина злымъ словамъ коснулся, то дабы мнѣ во адѣ со Іудою вѣчно мучиться.

Ягужинскій всталъ и поднесъ ему то, что записалъ съ его словъ. Митрополитъ внимательно прочелъ, и, подойдя къ аналою, на которомъ стояла чернильница, взялся за перо.

Ѳеофанъ Прокоповичъ попрежнему не спускалъ съ него глазъ... «Охъ, уходитъ старая лиса»...

— Ой!—вдругъ вскрикнулъ Ѳеофанъ въ испугѣ.—«Что это! Что это! Съ нами Богъ!»

Митрополитъ оглянулся, и кроткое, задумчивое лицо его освѣтилось улыбкой.

— Ахъ ты, бабась дурный! Що ты робишь? Якъ злякавъ пресвященнаго владыку,—сказалъ онъ и поспѣшно подошелъ къ испуганному Ѳеофану.

Оказалось, что ручной сурокъ, вывезенный изъ Малороссіи и выкормленный Яворскимъ, принявъ полу рясы Ѳеофана Прокоповича за полу своего хозяина, Яворскаго, уцѣпился за нее зубами и тянулъ для какихъ-то своихъ сурковыхъ соображеній. Почувствовавъ это и увидавъ, что его тащитъ за полу какой-то звѣрь, Ѳеофанъ Прокоповичъ испугался этой неожиданности и закричалъ.

— Ахъ, ты дурный бабась!—продолжалъ добродушно митрополитъ, грозясь на звѣрька пальцемъ.—Выбачайте его, дурного, ваше преосвященство... Простить великодушно... Это у нихъ, должно быть, ссора вышла съ сорокою, такъ онъ меня и зоветъ на судъ.

Въ это время изъ другой комнаты вышла и сорока, скача по полу и держа во рту апельсинную корку.

— Вотъ она злодѣйка,—сказалъ добродушно старикъ.

Все грозное судилище разсмѣялось. Смѣялся и Ѳеофанъ Прокоповичъ, но съ досадой.

— Геть видсиля, дурни!—затопалъ на своихъ друзей старикъ, и выгналъ ихъ въ другую комнату.

Потомъ, снова подойдя къ аналою и взявъ перо, онъ задумался. Вѣроятно, ему вспомнилась Малороссія, потому что, подумавъ немного, митрополитъ сказалъ:

— Такъ, такъ, припамятовалъ... Дай Богъ память, старъ становлюсь, забываю... Да, такъ. Былъ у меня Левинъ въ Нѣжинѣ и просилъ о заступленіи къ генералу Ренну, понеже онъ, Левинъ, въ то время, не вѣдаю въ какомъ дѣлѣ былъ арестованъ и шпага у него снята, и по моей просьбѣ шпага ему отдана была попрежнему.

И взявъ перо, онъ дрожащею рукою вписалъ все это въ свое показаніе и подписался.

Головкинъ взялъ подписанное, повертѣлъ въ рукахъ и, метнувъ своими свѣтящимися гнилушками въ Ѳеофана Прокоповича, потомъ въ Ягужинскаго, обратился къ Яворскому съ такою медовою рѣчью:

— Ваше высокопреосвященство! Мы радуемся радостію ве-

ликою, что Богу угодно было, въ лицѣ твоей святыни, оправить своего служителя предъ лицомъ его императорскаго величества о взведенномъ на твою святыню недостойномъ поклепѣ. Но дабы убѣлить паче снѣга вѣрность твою предъ его величествомъ, подобаетъ уличить предъ твоею святынею богомерзкаго клеветника и хульныхъ словъ огласителя, онаго Левина. Поставимъ его предъ тобою, и да поразитъ его божій гнѣвъ, аки Ананія и Сапфиру.

Митрополитъ понялъ, къ чему клонилась эта сладкая рѣчь.

— Вы хотите поставить меня съ нимъ на очную ставку?— сказалъ онъ.—Да будетъ воля Божія.

— Нѣтъ не на очную ставку, ваше высокопреосвященство, а ради улики мерзкихъ дѣлъ онаго Левина.

— Дѣлайте, что вамъ велитъ совѣсть,—сказалъ старый святитель и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Дали знакъ, чтобы ввели Левина. Онъ былъ приведенъ раньше на митрополичій дворъ.

Ввели и Левина. Судьи, которые еще недавно пытали его и дивились необычайной силѣ воли, свѣтившейся въ каждой чертѣ лица, теперь не узнавали его. Онъ вошелъ въ глубокомъ смущеніи. Никому не кланяясь и не глядя ни на кого, онъ подошелъ прямо къ Стефану Яворскому, звеня кандалами, и, ставъ на колѣни, поцѣловалъ край его одежды съ такимъ благоговѣніемъ, какъ бы прикладывался къ образу.

Митрополитъ молча благословилъ его.

Поднимаясь съ полу, Левинъ робко взглянулъ на старика. Старикъ плакалъ.

Левинъ не выдержалъ. Все тѣло его затряслось такъ, что зазвенѣли желѣза, и онъ, припавъ лицомъ къ ногамъ митрополита, въ изступленіи заговорилъ:

— Лобзаніи мои да будутъ гвоздьми, ими же пригвождены имутъ нози твои святыя ко кресту страданія. Слова мои да будутъ вѣнцомъ терновымъ на главу твою честную, отче! Слезы мои да будутъ отцемъ, имъ же напою я уста твои кроткія! Сердце и ребра твои я, окаянный, копіемъ неправды прободу и голени твои хулою на тя преломлю, старче божій!

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на фанатика. Онъ продолжалъ валяться у ногъ митрополита, звеня кандалами въ судорожныхъ движеніяхъ.

— Встань, сынъ мой,—кротко говорилъ старикъ;—обличай меня.

Левинъ всталъ.

— Слушай отвѣты архіерея,—громко сказалъ Ягужинскій.

И началъ читать показанія митрополита. Левинъ слушалъ, не поднимая глазъ.

— Архіерей утверждаетъ, что ты показалъ на него ложно,—сказалъ Головкинъ по окончаніи чтенія.

— Не ложно показалъ я, а сущую правду,—отвѣчалъ Левинъ съ прежнею энергіею.

— И утверждаешься на первомъ показаніи?

— Утверждаюсь!

— И на томъ стоишь, будто архіерей называлъ царя Петра Алексѣевича антихристомъ?

— Стою и стоять буду!

— Ни отъ одного слова не отрекаешься?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Ѳеофанъ Прокоповичъ видимо пряталъ свои торжествующіе глаза... «А попалася старая лиса!..»

— А вѣдаешь ли ты, какими муками ты мученъ будешь за твои хулы?—спросилъ Ягужинскій.

Левинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я ищу мукъ, а ты мнѣ грозишь ими! Молю о чашѣ меда, и ты сулишь мнѣ ее. Давай же скорѣй! Вотъ мои руки (и Левинъ вытянулъ ихъ) вылущивай кости изъ кожи, отдѣляй суставъ отъ сустава, вытягивай жилы мои, аки струны, и струны сіи будутъ гремѣть хвалу Богу Вседержителю! Га! А они стращаютъ меня муками, мучьте же меня больше! Мучьте святое тѣло архіерея божья, вы не достойны ступать вашими ногами по той землѣ, идѣ же его честныя нозѣ ходятъ! Зовите мучителей, слуги антихристовы!

Онъ пришелъ въ такое изступленіе, что его тотчасъ же вывели.

. . . . . .

Ночь. Казематъ тускло освѣщенъ ночникомъ. За рѣшеткою казематнаго окна слышны мѣрные шаги часового.

Левинъ сидитъ у стола, опустивъ сѣдую голову на руки.

— Матушка! Матушка! Видишь ты славу мою?—говоритъ

онъ тихо.—Тѣло мое болитъ, кости ломятъ во мнѣ, а я радуюсь духомъ... Дожилъ... Доживу ли до послѣдней славы.

Онъ вспоминаетъ послѣднюю очную ставку съ старымъ митрополитомъ.

— Отче святый—прости, прости меня! Мукамъ отдаю я тѣло твое ветхое... Я хочу вмѣстѣ съ тобою стоять одесную Бога Вседержителя...

Онъ помолчалъ и, взглянувъ въ оконце, увидалъ, что ночь уже на исходѣ, востокъ алѣетъ, воробьи за окномъ чирикаютъ, ласточки проснулись.

Жаль ему чего-то стало.

— Али мнѣ прошлаго жаль, по младости встосковалась душа? Нѣтъ, не жаль мнѣ младости—не воротишь ее. Не почернѣть моей головушкѣ сѣдой, не потечи быстрой рѣчушкѣ вспять... Али мнѣ Ксенюшку жаль неповинную? Да и ее не воротишь, и къ ней дороженька заросла, а можетъ она и гробовой доской прикрылася... Али объ Евдокѣюшкѣ душенька моя восплакала? Нѣту, разсыпалася она золою по лѣсу, въ дыму ея тѣло дѣвичье развѣялося... А все онъ, лиходѣй мой, заѣлъ жизнь мою... Одного жаль мнѣ, старца божія, архіерея кроткаго... Плакалъ онъ сегодня, глядючи на мое окаянство. Тяжко мнѣ было видѣть персону его благую, благолѣпную... А какъ и его поведутъ на плаху, на поруганіе? Нѣтъ, сниму съ него оговоръ, завтра же пойду въ тайную и сниму...

Все алѣе и алѣе становится востокъ... Утро заглядываетъ въ тюремное оконце... Скоро день заглянетъ...

А ему что до этого? День, ночь, жизнь, смерть, все это для него чужое... все пропало... наступаетъ вѣчность...

. . . . . .

Жаркій лѣтній день заглядываетъ въ казематное оконце. Желѣзныя рѣшетки не мѣшаютъ солнцу, не мѣшаютъ жизни врываться въ тюрьму...

А для него нѣтъ ужъ жизни и солнца нѣтъ, не надо ничего.

Онъ былъ въ тайной. Снялъ оговоръ съ митрополита...

Чего ему это стоило! Онъ снялъ оговоръ на дыбѣ... подъ 25-ю ударами палача, все вынесъ за добраго старичка, и ему теперь легче... Всѣ кости переломаны, вся спина сплошною раною стала—а легче!

— Непостижима ты, душа человѣческая!—думается ему.— Легче мнѣ... мама! Мама! Я къ тебѣ хочу... я плакать хочу, такъ, какъ маленькимъ плакалъ... Нѣтъ, не сумѣю ужъ такъ плакать...

— Господи Исусе Христе сыне божій, помилуй насъ!—слышится голосъ за дверью.

— Аминь.

Входитъ монахъ.

— А! Это ты, Рѣшиловъ... Опять пришелъ увѣщевать меня?

— Да, ищу твоего спасенія.

— О! Іуда! Вотще трудишися... Поди къ моимъ мучителямъ и скажи имъ послѣднюю волю мою... Коли меня выпустятъ отсюда, я пойду по лицу земли россійской и во всѣхъ градахъ и на путяхъ кричать и порицать царя злыми словами буду и новую вѣру осуждать на всѣхъ стогнахъ и распутіяхъ, дабы народъ ужасался... И нынѣ, при тебѣ, въ очи твои лукавыя взирая, вашего антихриста злыми словами стократы порицаю и новую вашу неправую вѣру охуждаю, и тѣло, и кровь Христову, что неправые попы даютъ, за истинное тѣло и кровь его, Спасителеву, не пріемлю, а иконы ваши на генеральномъ дворѣ идолами называю, потому что у образа Спасителя не написана рука благословляющая, а у образа Пресвятыя Богородицы младенца не написано, а у образа Іоанна Предтечи благословляющей руки не написано... И то—знаменіе антихристово... Онъ пришелъ, знай это... Вѣдай и сіе: у графа Гаврилы Головкина, что судитъ меня, у сына его красная щека, да у Ѳедора Чемоданова у сына жъ его пятно черное на щекѣ, и на томъ пятнѣ волосы черные жъ, а они, Головкина сынъ и Чемоданова сынъ же, братья двоюродные, а такіе люди будутъ всѣ во время антихристово, такъ и въ писаніи сказано! Поди и скажи это всѣмъ, а меня оставь, мнѣ смерть въ очи смотритъ.

Онъ замолчалъ и упалъ головою на столъ...

— Уйди! Уйди отъ меня!—говорилъ онъ судорожно.—Не мѣшай мнѣ глядѣть въ очи смерти... Тамъ я вижу мать мою и ихъ вижу, ты... Ты не долженъ знать именъ ихъ... Уйди! Я съ ними хочу говорить...

Рѣшиловъ ушелъ.

. . . . . .

Сенаторы на генеральномъ дворѣ. Опять полный соборъ судей.

Левинъ стоитъ «на спицахъ»... Острыя зубья впились въ его голыя ноги...

Велика изобрѣтательность человѣка. Великъ умъ его творческій и разрушительный. Велика, страшно велика и воля человѣческая...

Стоя на спицахъ, Левинъ говоритъ свое послѣднее слово:

— Все, что я говорилъ прежде, и то я говорилъ съ умысломъ, чтобъ время продолжить, дабы народъ рѣчей моихъ наслушался... И нынѣ я стою на прежнемъ: небо видитъ меня... небо слышитъ мои рѣчи, и оно повѣдаетъ ихъ людямъ... Я самъ искалъ смерти, я самъ, волею моею, пострадать хотѣлъ, и кричу мои слова къ Богу, къ небу...

На рѣшетку двора сѣла ворона.

— Вонъ, птица сія слышитъ мои слова, она повѣдаетъ ихъ людямъ, она выклюетъ мои глаза и мозгъ мой и разскажетъ людямъ мысли мои, каркать будетъ, и люди будутъ думать моею мыслію и видѣть зло міра сего моими очами, какъ я его вижу... Аминь.

Больше онъ не сказалъ ни слова.

А сенаторы ждутъ... Да и нервы же были у сенаторовъ!

XXVIII. Казнь. Возвращеніе на родину головы Левина въ банкѣ со спиртомъ. Идеалисты!..

Неувядаемою славою гремитъ во всемъ мірѣ, въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, римская Тарпейская скала. Со школьной скамьи имя этой скалы врѣзывается въ память современныхъ учащихся поколѣній. А сколько генерацій отжившихъ поколѣній унесли съ собою въ могилу память этого славнаго имени. И не умретъ это имя до тѣхъ поръ, пока людей будетъ интересовать прошедшая жизнь человѣчества, пока исторія человѣка и его заблужденій не перестанетъ напоминать людямъ, что медленно, слишкомъ медленно, постыдно медленно превращаются они изъ историческихъ звѣрей въ историческаго человѣка, въ того че-

ловѣка, который бы имѣлъ право не презирать себя и сожалѣть лишь о томъ, что люди слишкомъ долго, дольше чѣмъ опредѣлила сама природа, оставались звѣрями.

Неувядаемую славу въ лѣтописяхъ человѣческаго звѣрства и человѣческой глупости Тарпейская скала заслужила тѣмъ, что съ нея римляне сбрасывали римлянъ же за то, что первые были глупѣе послѣднихъ, а послѣдніе глупѣе первыхъ. Тарпейская скала была для классически глупаго Рима мѣстомъ публичной казни государственныхъ преступниковъ.

Такою Тарпейскою скалою въ старой Москвѣ было Болото.

Неувядаемую славу въ исторію русскаго народа стяжало Болото въ особенности въ XVII и XVIII вѣкахъ. Какія стада раскольниковъ пережгли тамъ на кострахъ, сколько головъ было тамъ отрублено, все въ силу той же неувядаемой человѣческой глупости, какіе звѣри не перебывали на этомъ Болотѣ и въ качествѣ казнимыхъ и въ качествѣ казнящихъ!

Вонъ и теперь Болото запружено народомъ. Должно быть зрѣлище ожидается—казнить кого-нибудь будутъ...

Какъ любопытно!

А еще такъ рано. Утреннее солнце, смотрѣвшее на глупую, жалкую землю въ этотъ день, 26-го іюля 1722 года, еще не успѣло высушить огромный костеръ, поставленный на Болотѣ для сожженія кого-то и ночью смоченный дождемъ. Капли дожля, какъ будто слезы человѣка, капаютъ съ бревенъ и брилліантами блестятъ на солнцѣ. А скоро эти мокрыя бревна окрасятся человѣческой кровью, тогда зрѣлище будетъ еще величественнѣе. Недаромъ такъ валитъ народъ къ этому костру. А потомъ его будутъ сушить, да не просто сушить, а вмѣстѣ съ сожженіемъ человѣческаго тѣла. Вотъ зрѣлище-то будетъ величественное и поучительное! Еслибъ оно не было поучительно, еслибъ оно не было заманчиво и не привлекало толпы любопытствующихъ, то подобныя зрѣлища никогда не устраивались бы—не для кого. А благо есть охотники посмотрѣть, какъ мучатъ человѣка, какъ жгутъ его люди же, ну, и давай побольше такихъ развлеченій...

Старая Русь и новая Русь сошлась у костра. Старая Русь—брадатая, въ неуказномъ платьѣ; Новая Русь—бритая, въ указномъ платьѣ.

Бородачи робко трутся межъ небородачами, того и гляди,

потащутъ, хотя они и оградили себя закономъ: вонъ какіе на нихъ зипуны съ стоячими клееными козырями да однорядки съ лежащими ожерельями. Мнутся между ними и старовѣры, у тѣхъ указный красный козырь. За право носить то, что имъ природа дала, бороды—они заплатили по пятидесяти рублевъ. Сумма не маленькая въ тѣ времена. На эту сумму можно было купить цѣлую кучу рекрутскихъ квитанцій...

Сбитенщики выкрикиваютъ сбитень горячій. Пирожники—пироги горячіе. Грушевики зовутъ — по грушу по варену по сладку...

А вонъ и хохолъ, черкашенинъ изъ Украйны. Какъ тебя сюда занесла нелегкая? Шапка-смушка въ полъ-аршина вышины, такъ и гнетъ голову. Шаблюка звенитъ словно возъ съ желѣзомъ ѣдетъ. Усища—на диво, по двѣ пяди длиною на грудь свисли. Чоботы жолтые на высокихъ подборахъ. А шаровары, Боже мой! Широки, какъ замыслы покойнаго, нехай легенько згадается, Ивана Степановича...

И чернички съ кружками, тутъ же. Да какія миловидныя!—молодыя еще, только загорѣлыя: должно быть, издалека пришли и случайно сюда попали...

— Охъ, панночко! Та се-жъ мабудь нашъ козакъ. дивиться онъ иде...

— Та козакъ-же-жъ, запорожецъ...

И глаза у чернички затуманились... А глаза такіе большущіе, сѣрые, ядовитые да ласковые...

— Пресвята Богородиця! Та се-жъ винъ, панночко.

— Хто, Докійко?

— Та Омелько-же, Пивторагоробця...

Омелько проходитъ мимо и бросаетъ въ кружки по карбованцу. Звонко крикнули казацкіе карбованцы! Порадовалась душа козацкая.

— За душу раба божого Охрима козака, Пивторагоробця...

— Дядинька! Та се-жъ вы? — робко спрашиваетъ черничка съ чорными глазами и съ икрами невообразимыхъ размѣровъ.

Запорожецъ останавливается.

— Та я-жъ,—отвѣчаетъ онъ лаконически

— А вы насъ и не пизнали?

Запорожецъ всматривается, вспоминаетъ.

— Ни, не знаю, — отвѣчаетъ онъ.

— Та я та Докійка, що у Хмары жила, и вы мени ще мо-писто привезли, якъ козаки Синопъ зруйновали... А то—моя панночка, Оксенія, теперь черничка.

Запорожецъ шибко обрадовался своимъ землячкамъ.

Толпа затерла ихъ, бросившись къ костру, гдѣ стоялъ какой-то высокій старикъ и громко читалъ то, что было написано на большой жестяной доскѣ, прибитой къ столбу.

«Въ нынѣшнемъ 1722 году, іюля въ 26 числѣ,—читалъ старикъ,—по указу его императорскаго величества и по приговору правительствующаго сената, старецъ Варлаамъ, а по обнаженіи монашества Василій, Савинъ сынъ, Левинъ, который напредь сего былъ капитаномъ»...

— А! Капитанъ, не нашъ братъ, — замѣтилъ зипунъ однорядкѣ съ клеенымъ козыремъ.

— Нашему брату много чести... эки палаты сосновыя, — процѣдила однорядка.

...«казненъ будетъ смертію для того (продолжалъ старикъ): марта въ 19 числѣ сего же году, пришедъ онъ, Левинъ, въ городъ Пензу на торгъ, кричалъ всенародно злыя слова, касающіяся къ превысокой персонѣ его императорскаго величества и возмутительныя къ бунту. А въ тайной канцеляріи по распросамъ его, Левина, и по розыскамъ явилось, что не токмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ духовнымъ на исповѣди и на Пензѣ, въ Предтеченскомъ да въ Симбирску въ Жадовскомъ монастырѣ игуменомъ и начальному своему отцу старцу Іонѣ, въ Саранскомъ уѣздѣ, въ церкви всенародно, также ѣдучи изъ Санктъ-Питербурха въ пензинскій уѣздъ, дорогою всѣмъ тѣ бунтовныя слова, онъ, Левинъ, разглашалъ явно, къ тому-же показалъ онъ разспросомъ что и въ предь-де ежели ему означенную вину отпустятъ и отъ смерти его освободятъ, то-де имѣлъ онъ намѣреніе, чтобъ во всѣхъ городѣхъ и на путѣхъ народъ къ бунт возмущать»...

— Это, значитъ, за Докукинымъ подъячимъ пошолъ, — замѣтила однорядка.

— Какой такой Докукинъ? — любопытствуетъ зипунъ.

— А что колесовали года три тому будетъ.

— За что?

— А народъ смущалъ.

— Ишь ты, не смущай.

— А ты инъ слушай! — вмѣшался красный козырь.—Что мелешь, не смущай!..

«Да онъ же, Левинъ (продолжалось чтеніе), при разспросѣхъ своихъ показалъ, что-де вѣру христіанскую православную онъ хулитъ, и тѣло и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь его не пріемлетъ, и святыя иконы называетъ онъ идолами, и ежели-де его допустятъ, то онъ ихъ исколетъ»...

— Вонъ оно что! Исколетъ... А то не смущай! Кто смущаетъ? — ворчалъ красный козырь, старовѣръ.

— Ну, и искололъ бы,—огрызнулся зипунъ.

— Что-жъ! Каковы иконы... Можетъ, персты не такъ написаны...

— Не такъ! А ему на-что? Такъ и колоть Бога-то?

Красный козырь отвернулся отъ зипуна.

...«И тѣмъ онъ, Левинъ (читалось дальше), показалъ себя не токмо злымъ порицателемъ его императорскаго величества высокія персоны и возмутителемъ народа, но и богохульникомъ и иконоборцемъ...

— Ишь куда, братъ, хватилъ! Конобоецъ, слышь... Ну, за это и у насъ не похвалили-бы: у насъ конокрадовъ тоже сами мужики жгутъ, философствовалъ зипунъ.

— Иконоборецъ, а не конокрадъ, — внушала однорядка.

— Все едино, воръ! — настаивалъ зипунъ.

Старикъ читалъ: «Да онъ-же нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ оклеветалъ и напрасно, а потомъ въ повинной своей написалъ, что онъ оклеветалъ ихъ напрасно. Да онъ-же, богохульникъ, и по объявленіи ему смертной казни исповѣдаться и святыхъ тайнъ причаститься не хотѣлъ, принося на тѣло и кровь Христа Спасителя нашего хулу; токмо уже предъ самою казнею сущую свою вышеписанную злобу объявилъ явственно, и предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ и предъ всѣмъ народомъ принесъ вину и чистое покаяніе, написавъ о всемъ своеручно, исповѣдался и святыхъ тайнъ причастился. И хотя за вышеписанныя его злыя вины достоинъ онъ былъ по указомъ мучительной казни, однако-же для вышеписаннаго его покаянія учинена ему будетъ казнь, отсѣчена будетъ голова, а туловище

сожжено быть имѣетъ, и тое голову послать на Пензу, гдѣ онъ то возмущеніе чинилъ, и поставить на столбъ для страха прочимъ злодѣемъ».

Статная фигура запорожца съ густо-смуглымъ лицомъ и миловидныя, полузакрытыя чорными клобуками лица черничекъ снова выглянули изъ-за толпы, которая больше кучилась у костра и эшафота, гдѣ происходило чтеніе.

— И давно вже вы, Оксенія Остаповна, черницею? — спрашиваетъ запорожецъ, такъ нѣжно и ласково, какъ, повидимому, трудно было ожидать отъ этого богатыря.

— Десятый вже годъ минае, — отвѣчаетъ Ксенія (это была она).

— А въ якому монастыри?

— На Бѣлоозери...

— О! Далеко-жъ видъ ридного Кіева.

— Та такъ далеко, такъ далеко, що здается мени, та золота Украина на тимъ свити стоить, що ни птиця зъ милои Украины не долетить сюда, ни мовы ридноі витромъ не донесе...

Изъ прекрасныхъ глазъ ея выкатились двѣ крупныя слезы и звонко ударились въ жестяную кружку. И Докійка плакала.

— Чомъ-же вы, Оксинія Остаповна, у кіевской монастырь не пишли? — участно спрашиваетъ запорожецъ.

— Я й постриглась у Кіеви, та царь звеливъ заслать мене на Билоозеро.

— За що?

— За те що не хотѣла выйти за его деньщика, москаля, за якого-сь Орлова... А вы-жъ якъ попали у Москву.

— Та мы були тутъ зъ паномъ гетьманомъ, зъ Скоропадською, пріиздили царя прохать, щобъ не рушивъ козацькихъ вольностей. Такъ Скоропадько, хворый поихавъ до дому, а мы ще зостались, насъ Москва не пускае... Та й очортила-жъ бисова Москва? Яка-то вона погана та бридка, такъ бы й полинувъ на Вкраину, нанизъ, у Запороги.

Ксенія вздохнула.

— И мы зъ Докійкою нагадали ити до ридnаго краю, хочь разъ глянуть, та и вмерти,—сказала она тихо, оглядываясь.

— А ты, Докійко, сама пишла въ черници?—спросилъ запорожецъ.

— Та сама-жъ. Яко ото узято було панночку до Москвы, я вызнала видъ москаля — коммиссара, що бравъ мою панночку изъ монастыря у Кіеви, що ій наказано везти у якесь Биле Озеро, я взяла та й помандровала... Йду, та тильки й знаю два слова помосковьски, Москва та Било Озеро, роспитую добрыхъ людей... Такъ и дойшла до самаго Билого Озера.

— Отъ-такъ козырь-дивка! — засмѣялся запорожецъ.—Ты и въ рай дорогу знайдешь.

— За панночкою хочъ и у пекло, — отвѣчала она смѣло.

— А якъ-же вы зъ Билого Озера утикли?

— Насъ одпущено милостыню на монастырь прохати.

Толпа заколыхалась. Показался взводъ солдатъ и телѣга, на которой виднѣлось что-то чорное. Это былъ Левинъ, который сидѣлъ задомъ напередъ и держалъ въ рукахъ горящую восковую свѣчу... Страшная картина! Только человѣческій геній способенъ такъ унизить себя...

— Охъ, бидный! Бидный! — тихо проговорила Ксенія. — Мати Божа! Помилуй его... Хто винъ, вы не знаете?

— Казали люди, та забувъ. Копитанъ якій-съ.

— А за вищо?

— Богородицю кажуть, лаявъ. Та брешутъ москали.

Телѣга остановилась. Взводъ раздвинулся и, пропустивъ осужденнаго на костеръ, снова сомкнулся.

Начался процессъ чтенія обвинительнаго акта. Послѣднее прощанье съ людьми, съ солнцемъ, съ свѣтомъ, со всѣмъ міромъ, съ жизнью.

Ксеніи не видно лица осужденнаго. Онъ стоитъ оборотясь къ востоку, туда, гдѣ когда-то люди прибивали къ кресту того, кто желалъ имъ добра больше, чѣмъ они того стоили... Идеалистъ!..

Вотъ онъ кланяется востоку... сѣверу... югу...

Лицо его повернулось къ Ксеніи...

— Охъ, матинко! Панкочка! Се винъ! — вскрикиваетъ Докійка. — Мати Божа!

Молнія прорѣзываетъ душу несчастной... Она узнаетъ его, своего спасителя, того кто возвратилъ ей жизнь... на великое счастье... и потомъ — на величайшую муку...

Раздирающій душу вопль въ толпѣ... Это черничка...

Осужденный вздрагиваетъ. Глаза его ищутъ кого-то... нашли... нашли е е...

Невыразимое блаженство разливается по лицу его...

— Ксенія! Ксенія! — кричитъ онъ, протягивая руки съ высоты костра и намѣреваясь ринуться оттуда.

Но палачи схватываютъ его и бросаютъ на помостъ эшафота... «Оксапо! Боже! Я жить хочу»...

Слышится лязгъ топора и хрипѣнье...

. . . . . .

Костеръ, облитый горючими веществами, горитъ, ярко, жарко, красиво... Только тамъ, гдѣ лежитъ туловище, дымится: это еще не затлѣлось тѣло, не разгорѣлось сало человѣческое...

Около костра палачъ держа голову Левина за сѣдые волосы, опускаетъ ее въ банку, которую бережно держитъ аптекарь-нѣмецъ... Реалистъ держитъ голову идеалиста... Глупая, глупая голова!..

А вонъ казакъ Омелько Пивторагоробця, взваливъ на свои могучія плечи черничку, выноситъ ее изъ толпы...

Другая черничка плачетъ, такъ реально плачетъ, что не только плечи, но даже толстыя икры вздрагиваютъ...

Изъ толпы выскакиваетъ идеалистъ Ѳомушка на палочкѣ верхомъ и радостно кричитъ:

— Пустите! Пустите! Къ Марьѣ Акимовнѣ радость везу!

Бѣдные идеалисты!

Пенза. Базарная площадь, та площадь, гдѣ Левинъ возглашалъ свою проповѣдь на крышѣ... «Проповѣдь на горѣ» и проповѣдь на крышѣ... Жалкій контрастъ!

На площади высокій, новый каменный столбъ со шпицомъ.

На шпицѣ голова Левина. И здѣсь она обращена на востокъ, туда гдѣ... эхъ, идеалисты!

Вокругъ этого столба четыре другихъ, деревянные, поменьше. На нихъ взоткнуты головы попа Глѣба, попа Ивана, игумена Михаила и старца Іоны, тѣхъ, которымъ говорилъ Левинъ, что свѣтъ кончается, что жить такъ нельзя

Тутъ-же стоитъ старикъ Варсонофій. Возвращаясь изъ Іерусалима, онъ зашелъ въ Пензу провѣдать старыя мѣста и нашелъ голову своего друга. Старикъ не плачетъ, онъ вспоминаетъ царевича Алексѣя Петровича и Афросиньюшку.

Черезъ площадь проходятъ старые калики перехожіе и поютъ: «Ой у Бога велика сила». Идеалисты!

А вонъ въ окошко того домика видно: кто-то считаетъ деньги: «двѣсти-девяносто-восемь, двѣсти-девяносто-девять, триста.. всѣ». Это—посадскій человѣкъ Ѳедоръ Каменьщикъ, реалистъ, будущій россійскій буржуа, получившій триста рублей за глупую голову идеалиста.

Бѣдные, глупые идеалисты Когда-же вы поумнѣете?

BINDING LIST JUN 15 1950

PG 3467 M8 1914 kn.43-48

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY